Нил Стивенсон

Анафем

Анафем

Нил Стивенсон

Аннотация
Нил Стивенсон. Анафем
Предисловие
ЧАСТЬ 1. Провенер
ЧАСТЬ 2. Аперт
ЧАСТЬ 3. Элигер
ЧАСТЬ 4. Анафем
ЧАСТЬ 5. Воко
ЧАСТЬ 6. Странник
ЧАСТЬ 7. Дикарь
ЧАСТЬ 8. Орифена
ЧАСТЬ 9. Инбрас
Часть 10. Мессал
ЧАСТЬ 11. Пришествие
ЧАСТЬ 12. Реквием
ЧАСТЬ 13. Реконструкция
СЛОВАРЬ
Кальк 1: Разрезание коврижки
Кальк 2. Гемново (конфигурационное) пространство
Кальк 3. Сложный протесизм
Благодарности

Из послесловия, размещённого автором в интернете

Аннотация

Новый шедевр интеллектуальной прозы от автора «Криптономикона» и «Барочного цикла».

Роман, который «Таймс» назвала великолепной, масштабной работой, дающей пищу и уму, и воображению.

Мир, в котором что-то случилось — и Земля, которую теперь называют Арбом, вернулась к средневековью.

Теперь ученые, однажды уже принесшие человечеству ужасное зло, становятся монахами, а сама наука полностью отделяется от повседневной жизни.

Фраа Эразмас — молодой монах-инак из обители (теперь их называют концентами) светителя Эдхара — прибежища математиков, философов и ученых, защищенного от соблазнов и злодейств внешнего, светского мира — экстрамуроса — толстыми монастырскими стенами.

Но раз в десять лет наступает аперт — день, когда монахам-ученым разрешается выйти за ворота обители, а любопытствующим миря-

нам — войти внутрь. И однажды в день аперт приходит беда. Беда, ставящая мир на грань катастрофы. Беда, которую возможно будет предотвратить лишь совместными усилиями инаков и экстов...

Нил Стивенсон
Анафем

Моим родителям

Анафем. 1. *(протоорт.) Поэтический либо музыкальный гимн Нашей Матери Гилее, со времён Адрахонеса составляющий главную часть ежедневной литургии (отсюда флукское слово «антем»: песнопение, вызывающее сильный эмоциональный отклик, напр. желание подпевать). Прим.: это значение устарело и употребляется только в ритуальном контексте, где его трудно спутать с более распространённым 2 значением.* ***2.*** *(новоорт.) Актал, при котором неисправимого фраа или сууру выгоняют из матика, а их труды изымают (отсюда флукское «анафема», означающее брань, проклятия). См. отбросить.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Предисловие

Если вы привыкли читать фантастику и любите во всём разбираться сами, то пропустите это вступление. Если нет, то знайте, что действие книги происходит не на Земле, а на планете Арб, во многом напоминающей Землю.

«Арб» произносится с коротким призвуком в конце, как француз прочёл бы последние две буквы в слове «Arbre», но можно говорить и просто «Арб». Все гласные в именах и названиях следует читать в соответствии с написанием, без редукции, как в словах, заимствованных из греческого языка.

Арбские единицы измерений переведены в земные. Действие книги происходит примерно через тысячу лет после принятия на Арбе общей системы мер и весов, которая теперь воспринимается как очень старая. Соответственно, в книге использованы традиционные земные меры (футы, мили и так далее) вместо современных метрических.

Ортоговорящая культура Арба в книге пользуется лексикой, основанной на арбских прецедентах

многовековой давности; в этих случаях я придумывал слова, исходя из древних земных языков. Первый и самый яркий пример — «анафем», составленное из латинского «антем» (гимн, антифон) и греческого «анафема». Орт, классический язык Арба, имеет совершенно другой словарь, и слова для «антем», «анафема» и «анафем» в нём совсем иные, однако составляют такой же ассоциативный ряд. Чтобы не употреблять ортские слова, лишённые для земного читателя всякого смысла и коннотаций, я постарался сочинить приблизительные земные эквиваленты, сохраняя некий аромат ортской терминологии. То же — или примерно то же — проделано и в других местах книги.

Названия некоторых арбских растений и животных переведены земными аналогами. Поэтому герои упоминают морковь, картошку, кошек, собак и тому подобное. Это не значит, что животный и растительный мир Арба идентичен земному. Разумеется, на Арбе свои растения и животные. Грубые земные соответствия подставлены, чтобы избежать длинных отступлений, в которых подробно объяснялось бы, например, чем фенотип арбского аналога моркови отличается от земного.

Далее приведена очень краткая хронология Арба. До прочтения хотя бы части книги она будет совершенно непонятна, но затем может пригодиться как справочный материал.

С –3400 по –3300: Приблизительное время жизни Кноуса и его дочерей, Деаты и Гилеи.

— 2850: Адрахонес, отец геометрии, основывает Орифенский храм.

— 2700: Диакс изгоняет фанатов, закладывает аксиоматические принципы теорики и даёт ей теперешнее название.

— 2621: Орифена разрушена извержением вулкана. Начало Периода странствий. Многие уцелевшие теоры стягиваются в город-государство Эфраду.

С –2600 по –2300: Золотой век Эфрады.

— 2396: Казнь Фелена.

С –2415 по –2335: Жизнь Протеса.

— 2272: Эфрада насильственно включена в состав Базской империи.

— 2204: Основание базской скинии.

— 2037: Базская скиния становится государственной религией империи.

— 1800: Расцвет Базской империи.

— 1500-е: В результате военных поражений Базская империя резко сокращается в размерах.

Теоры отходят от общественной жизни. Светительница Картазия пишет «Секулюм» и кладёт начало Древней матической эпохе.

— 1472: Падение База, сожжение библиотеки. Уцелевшие грамотные люди укрываются в базских монастырях или картазианских матиках.

— 1150: Возвышение мистагогов.

— 600: Эпоха Пробуждения. Изгнание мистагогов. Возвращение книг.

— 500: Рассеяние матической системы. Эпоха исследований, открытие законов динамики, создание современной прикладной теорики. Начало эпохи Праксиса.

— 74: Первое предвестие.

— 52: Второе предвестие.

— 43: Проц основывает Круг.

— 38: Халикаарн отвергает труды Проца.

— 12: Третье предвестие.

— 5: Ужасные события.

0: Реконструкция. Первый конвокс. Основание новой матической системы. Вступление в силу «Книги канона» и первое издание «Словаря».

+121: Инаки концента светителя Мункостера делятся на две группы: «синтактики» и «семантики» — и основывают процианский и халикаарнийский ордена соответственно. Впоследствии оба

ордена расширяются.

С +190 по +210: Инаки концента светительницы Барито, используя синтаксические методы, достигают успехов в управлении ядерным синтезом. Создание новоматерии.

С +211 по +213: Первое разорение.

+214: Последовавший за разорением конвокс запрещает значительную часть форм новоматерии. Вступает в силу «Пересмотренная книга канона». От процианского ордена отделяется фаанитский. От халикаарнийского — эвенедриканский.

+297: Светитель Эдхар учреждает из эвенедриканцев свой собственный орден.

+300: На столетнем аперте выясняется, что за период с 200 г. некоторые центенарские матики слетели с катушек («остолетились»).

+308: Светитель Эдхар основывает одноименный концент.

С +320 по +360: Во многих концентах достигнуты успехи в праксисе генетических цепочек, преимущественно благодаря сотрудничеству фаанитов и халикаарнийцев.

С +360 по +366: Второе разорение.

+367: Последовавший за разорением конвокс запрещает манипуляции с генетическими цепочками. Усиливается раскол между синтаксиче-

скими и семантическими орденами. Фаанитский орден распускается. Вступает в силу «Заново пересмотренная книга канона». Синтаксические устройства изымаются из матического мира. Учреждаются ита: многие бывшие фааниты вступают в их ряды. Для контроля за соблюдением новых правил вводится инквизиция. Во все матики назначают инспекторов; создаётся система иерархов в том виде, в каком она просуществует ещё по меньшей мере три тысячелетия.

+ 1000: Первый тысячелетний конвокс.

С +1107 по +1115: Обнаружение опасного астероида («Большой ком») вынуждает мирскую власть созвать чрезвычайный конвокс.

+2000: Второй тысячелетний конвокс.

+2700: Растущее соперничество между процианским и халикаарнийским орденами порождает мирские легенды об инкантерах и риторах.

+2780: Во время десятилетнего аперта мирская власть узнаёт о необычных праксисах, разработанных инкантерами и риторами.

С +2787 по +2856: В результате Третьего разорения, все конценты, за исключением Трёх нерушимых, пустеют.

+2857: Последовавший за разорением конвокс реорганизует конценты. Владения объявлены

вне закона. Принимаются различные меры для ограничения «роскоши» матической жизни. Число орденов сокращается. Оставшиеся ордена перераспределяются для достижения большего «равновесия» между процианской и халикаарнийской тенденциями. Вступает в силу «Вторая заново пересмотренная книга канона».

+3000: Третий тысячелетний конвокс.

+3689: Начинается наш рассказ.

ЧАСТЬ 1. Провенер

Экстрамурос. 1. *(староорт.) «Вне стен». Чаще всего подразумевались стены городов-государств того времени.* ***2.*** *(среднеорт.) Нематический мир; беспорядки и нестроения после падения База.* ***3.*** *(орт. эпохи Праксиса) Географические области либо социальные классы, ещё не охваченные возрождающейся мудростью матического мира.* ***4.*** *(новоорт.) Близко ко 2-му значению, но часто используется по отношению к населённым пунктам, лежащим сразу за стенами матика, и подразумевает относительное процветание, стабильность и проч.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— Сжигают ли ваши соседи друг друга заживо? — так фраа Ороло начал беседу с мастером Флеком.

Мне захотелось провалиться сквозь землю. Стыд ощущался физически, как будто на темя шмякнули пригоршню тёплой от солнца грязи.

— Ходят ли ваши шаманы на ходулях? — прочёл фраа Ороло по бурому листу, которому я бы навскидку дал столетий пять, если не больше. Затем поднял глаза и пояснил: — Возможно, вы называете их пасторами или знахарями.

Стыд расползался по голове, мучительно щекоча кожу.

— Когда заболевает ребёнок, вы молитесь? Приносите жертву раскрашенной палке? Или считаете, что во всём виновата старая женщина?

Горячий стыд стекал по лицу, забивал уши, щипал глаза. Я едва слышал вопросы фраа Ороло:

— Считаете ли вы, что встретите своих умерших собак и кошек в некой посмертной жизни?

Ороло попросил меня выступить его скриптором. Слово звучало важно, и я согласился.

Он узнал, что мастера из экстрамуроса пустили в Новую библиотеку чинить подгнившую балку, до которой не доставали наши стремянки; её только что заметили, а мы не успевали до аперта выстроить леса. Ороло хотел задать мастеру вопросы, а меня попросил записывать разговор.

Я сквозь морось слёз смотрел на лист перед собой. Он был так же пуст, как моя башка. Я не справился с порученным делом.

Впрочем, главное было записывать, что ска-

жет мастер, а тот пока не произнёс и слова. В начале разговора он водил недостаточно острым предметом по плоскому камню. Теперь просто таращился на Ороло.

— Случалось ли, что кого-то, тебе известного, ритуально увечили, потому что застали за чтением книги?

Мастер Флек впервые за долгое время закрыл рот. Я чувствовал, что когда он снова его откроет, то что-нибудь скажет. Я черкнул пером по краю листа, проверяя, не высохли ли чернила. Фраа Ороло молча смотрел на мастера, словно на только что открытую туманность по другую сторону телескопа.

Мастер Флек спросил:

— А чего бы просто не проспилить?

— «Проспилить», — несколько раз повторил фраа Ороло мне, пока я записывал.

Я пояснил — отрывисто, потому что пытался писать и говорить одновременно:

— Когда я сюда пришёл... то есть когда меня собрали... у нас... я хочу сказать, у них... было устройство под названием «спиль»... Мы не говорили «проспилить», мы говорили «катать спиль». — Ради мастера я перешёл на флукский, и моя пьяно спотыкающаяся фраза прозвучала и впо-

ловину не так ужасно, как если бы я говорил на орте. — Это была разновидность...

— Движущихся картин, — догадался Ороло. Он взглянул на мастера и перешёл на флукский: — Мы поняли, что «проспилить» означает прибегнуть к некоему существующему у вас праксису (ты бы сказал технологии) движущихся картин.

— Забавно вы говорите, «движущиеся картины». — Мастер смотрел на окно, как будто там идёт исторический документальный спиль, и трясся от беззвучного хохота.

— Это ортский эпохи Праксиса, и для твоего слуха он непривычен, — признал фраа Ороло.

— А почему не говорить как все?

— Проспилить?

— Да.

— Потому что, когда фраа Эразмас, который нас записывает, пришёл сюда десять лет назад, это называлось «катать спиль», а когда почти тридцать лет назад пришёл я, мы называли то же самое устройство «фарспарк». Инаки, живущие по другую сторону вон той стены и отмечающие аперт лишь раз в столетие, знают его под каким-то другим названием. Я не мог бы с ними объясниться.

Мастер Флек возмутился:

— Фарспарк — совершенно другое дело! Фарспарковский материал нельзя смотреть на спиле, его надо апконвертить и перетолкнуть в формат...

Фраа Ороло про это было так же неинтересно, как мастеру Флеку — про столетников, поэтому разговор на какое-то время заглох, и я успел всё записать. Стыд прошёл, как икота — я и не заметил когда. Мастер Флек, решив, что беседа окончена, повернулся к лесам, которые его помощники воздвигли под гнилой балкой.

— Отвечая на твой вопрос, — сказал фраа Ороло.

— Какой вопрос?

— Тот, который ты задал минуту назад — если я хочу узнать, что творится в экстрамуросе, почему просто не проспилить.

Мастер тихонько ойкнул, дивясь, как долго фраа Ороло удерживает в памяти всё сказанное. «Я страдаю синдромом избыточного внимания», — часто говорил фраа Ороло, как будто это смешно.

— Во-первых, у нас нет спиль-агрегата.

— Спиль-агрегата?

Фраа Ороло взмахнул рукой, как будто разгоняя туман лингвистической путаницы.

— Предмета, посредством которого вы проспиливаете.

— Если у вас есть старый фарспарковский резонатор, я могу принести деконвертер, у меня валяется в мусоре...

— Фарспарковского резонатора у нас тоже нет, — сказал фраа Ороло.

— А почему вы не купите новый?

Ороло надолго замолчал. Я чувствовал, что в голове у него копятся новые неловкие вопросы: «Считаете ли вы, что у нас есть деньги? Что мирская власть нас охраняет, потому что мы сидим на груде сокровищ? Что наши милленарии знают, как превращать низшие металлы в золото?» Однако фраа Ороло совладал со своим порывом.

— Мы живём по картазианскому канону, и нам дозволены только мел, чернила и камень, — начал он. — Но есть и другая причина.

— Ну и какая же? — Мастера Флека явно раздражала чудная привычка Ороло объявлять, что он скажет, вместо того, чтобы просто сказать.

— Трудно объяснить, но для меня навести на что-либо воспринимающее устройство спиля, или фарспарковскую камору, или как вы это называете...

— Спилекаптор.

— ...не есть способ извлечь существенное. Мне нужно, чтобы другие люди вытащили суть посредством всех своих чувств, обработали в голове и перевели в слова.

— В слова, — повторил мастер и пристально оглядел библиотеку. — Завтра вместо меня придёт Кин, — объявил он и добавил, как будто оправдываясь: — Мне надо поставить новые кланексные компенсаторы, а то, на мой взгляд, дерево ветвлений немного зашумлено.

— Я понятия не имею, что это значит, — заметил Ороло.

— Не важно. Ему вы и зададите свои вопросы. У Кина язык хорошо подвешен. — Мастер в третий раз за три минуты посмотрел на экран своей жужулы. Мы велели ему отключить все коммуникативные функции, но жужула по-прежнему могла служить карманными часами. Мастеру, видимо, было невдомёк, что за окном — часы пятьсот футов высотой, смотрят прямо на него.

Я поставил точку в конце предложения и отвернулся к книжному шкафу, боясь, что по моему лицу расплывается улыбка. «Завтра вместо меня придёт Кин» прозвучало так, будто мастер придумал это прямо сейчас. Фраа Ороло наверняка тоже почувствовал враньё. Если бы я неосто-

рожно взглянул сейчас на него, то рассмеялся, а он — нет.

Часы начали отбивать провенер.

— Мне пора, — сказал я и пояснил мастеру: — Простите, я должен идти заводить часы.

— Я хотел спросить. — Мастер порылся в ящике, извлёк полипак, сдул опилки, открыл застёжку (я таких раньше не видел) и вытащил серебристую трубочку размером с палец. Потом с надеждой взглянул на фраа Ороло.

— Я не знаю, что это такое, и не понимаю, чего вы хотите, — сказал фраа Ороло.

— Спилекаптор!

— А. Ты слышал о провенере и, раз уж попал сюда, хотел бы его увидеть и сделать движущуюся картину?

Мастер кивнул.

— Это допустимо, при условии, что ты встанешь там, где тебе скажут. Не включай! — Фраа Ороло поднял руки и приготовился отвести взгляд. — Мать-инспектриса узнает и наложит на меня епитимью! Я направлю тебя к ита. Они покажут тебе, куда идти.

И так далее в том же духе, поскольку канон включает много правил, и мы, на взгляд мастера Флека, нарушили их уже тем, что впустили его в

деценарский матик.

****

Клуатр. 1. *(староорт.) Всякое ограниченное, замкнутое пространство. (Фелена перед казнью держали в К., но тогда это слово не несло матических коннотаций значений 2 и др. (см. ниже), что часто сбивает с толку младших фидов.)* ***2.*** *(раннесреднеорт.) Матик в целом.* ***3.*** *(позднесреднеорт.) Сад или дом, окружённый строениями и считающийся центром или сердцем матика. 4. (новоорт.) Всякое тихое, пригодное для раздумий место, ограждённое от лишних впечатлений и помех.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Я поднял сферу, на время разговора с мастером заменявшую мне табурет, и движением пальцев против часовой стрелки уменьшил её так, чтобы помещалась в ладони. Пока я сидел, стла сбилась; лавируя к входу в скрипторий между столами, стульями, глобусами и неспешно ступающими фраа, я подтянул её и расправил складки. В скриптории, сразу за аркой, сильно пахло чернилами. Возможно, потому что престарелый фраа и двое

его фидов переписывали сейчас книги. Но я гадал, за какое время выветрился бы чернильный дух, даже если бы здесь не писали вовсе; в этом помещении израсходовали столько чернил, что всё пропиталось их влажным запахом.

Маленькая дверь в дальнем конце вела в Старую библиотеку, одну из самых ранних построек концента. Каменный пол, на две тысячи триста лет старше, чем в Новой библиотеке, был такой гладкий, что я почти не чувствовал его ступнями. Я мог бы идти с закрытыми глазами, позволяя ногам читать память, втёртую в плиты теми, кто проходил здесь раньше.

Старая библиотека непосредственно примыкала к клуатру: крытой аркаде по периметру прямоугольного сада. С внутренней стороны ничто не защищало его от ветра, кроме колонн, поддерживающих свод. С внешней стороны аркаду загораживала стена с дверями в Старую библиотеку, трапезную и калькории.

Всё, что я видел: резные книжные шкафы, каменный пол, оконные переплёты, кованые дверные петли и ручной работы гвозди, на которых они держались, капители колонн, дорожки и клумбы сада — обрело форму стараниями древних умельцев. На некоторые вещи (например,

двери Старой библиотеки) ушла целая жизнь. Другие выглядели так, будто их играючи смастерили за вечер, но по такому снизарению, что они продолжали радовать глаз сотни и тысячи лет спустя. Одни были основаны на простых и чистых геометрических формах. Другие восхищали своей сложностью, заставляя ломать голову, подчиняется ли их конфигурация хоть какому-нибудь закону. Третьи являли собой изображения реальных людей, живших и думавших интересные вещи в ту или иную эпоху, либо общих типов: богопоклонник, физиолог, бюргер, пен. Если бы меня спросили, я сумел бы объяснить четверть того, что вижу. Когда-нибудь смогу объяснить всё.

Солнце било в сад клуатра, где трава и дорожки перемежались клумбами, грядами, кустами и редкими деревьями. Я потянулся через плечо, поймал кромочный край стлы и накрыл голову. Потом оттянул нижнюю часть, болтающуюся под хордой, чтобы бахромчатый край мёл по земле и закрывал ноги. Руки я спрятал в складки на груди, над хордой, и ступил на траву. Она была желтоватая и колкая, потому что дни стояли жаркие. Выйдя на открытое место, я взглянул на южный циферблат часов. Ещё десять минут.

— Фраа Лио, — сказал я. — Не думаю, что буряника входит в число ста шестидесяти четырёх.

Я имел в виду перечень растений, дозволенных к выращиванию «Второй заново пересмотренной книгой канона».

Лио был плечистее меня. Из пухлого мальчика он за последние годы превратился в крепкого юношу. Сейчас он сидел в тени яблони на сфере, уменьшенной до размеров человеческой головы, и, покачиваясь взад-вперёд, завороженно смотрел на разрытую землю. Кромочный край стлы Лио обмотал вокруг пояса и пропустил между ног, более или менее прикрыв срам, остальное свернул в тугой цилиндр, стянул по краям хордой и закинул за плечо наискосок, как скатку. Эту обмотку Лио изобрёл сам; желающих следовать его примеру не нашлось. Я должен был признать, что в жаркий день она удобна, хоть и выглядит по-дурацки.

— Фраа Лио! — позвал я снова. Но Лио немного чудной и не всегда воспринимает слова. Плеть буряники перегораживала мне путь. Я отыскал отрезок без колючек длиной в несколько дюймов, ухватился, выдернул плеть с корнем и махнул ею так, чтобы цветки задели ершистую голову Лио.

— Башка репейная! — крикнул я.

Лио опрокинулся назад, как будто я ударил его палкой. Его ноги взлетели вверх, опустились и упёрлись в яблоневые корни. Он вскочил: колени напружинены, подбородок прижат к шее. С потной спины посыпались комья грязи. Сфера откатилась и застряла в куче выполотых сорняков.

— Ты меня слышишь?

— Буряника не входит в число ста шестидесяти четырёх, верно. Но она и не включена в одиннадцать. То есть я не обязан сжечь её, как увижу, и внести это в хронику. Она подождёт.

— Чего? Чем ты занят?

Он указал на землю.

Я нагнулся и посмотрел. Не каждый рискнул бы так поступить. За краем стлы я не видел фраа Лио периферическим зрением. Считалось, что за фраа Лио всегда надо приглядывать краешком глаза, потому что никто не знает, когда ему придёт желание побороться. Мне больше, чем кому-либо, досталось от Лио бросков через спину, захватов, подсечек и подножек, а также ссадин от столкновения с его головой. Однако я знал, что он на меня не нападёт, поскольку я проявил уважение к тому, что его заинтересовало.

Нас с Лио новособрали восьмилетними, десять лет назад, как и весь наш подрост из тридцати

двух мальчиков и девочек. Первые года два мы наблюдали, как четвёрка фраа постарше заводит часы. Команда из восьми суур звонила в колокола. Потом нас с Лио и ещё двумя сильными мальчиками отобрали в команду, которой отныне поручалось заводить часы. Точно так же восемь девочек из нашего подроста начали обучать колокольному искусству, для которого нужно меньше сил, но больше прилежания, поскольку некоторые звоны длятся часами и требуют неослабной сосредоточенности. Уже больше семи лет моя команда заводила часы каждый день, если не считать дни, когда Лио забывал прийти и нам приходилось справляться втроём. Последний раз такое случилось две недели назад, и суура Трестана, мать-инспектриса, назначила ему епитимью: полоть грядки в самое жаркое время года.

Оставалось восемь минут, но без толку было напоминать Лио о времени, пока мы не обсудим то, о чём он хотел поговорить.

— Муравьи, — сказал я, потом, зная Лио, добавил: — Муравьиное искводо?

Он хмыкнул.

— Два цвета муравьёв, фраа Раз. У них война. Как ни печально, вызвал её я.

Он поворошил ногой груду выдернутых плетей буряники.

— Война или бессмысленная беготня?

— Вот это я и пытаюсь выяснить, — ответил он. — На войне есть стратегия и тактика. Например, атака с фланга. Могут ли муравьи атаковать с фланга?

Я еле-еле сообразил, что он имеет в виду «нападать сбоку». Лио выдёргивал такие словечки из старых книг по искводо — искусству долины, — как зубы из окаменелой драконьей челюсти.

— Наверное, муравьи могут атаковать с фланга, — сказал я, хоть и понимал, что вопрос содержит в себе ловушку и Лио атакует меня с фланга посредством слов. — А что?

— Да, могут! Ты смотришь на них сверху и говоришь: «похоже на атаку с фланга». Но как они совершают скоординированные манёвры, если на поле боя нет командира, направляющего их действия?

— Немного похоже на вопрос светителя Таунги, — заметил я. («Может ли достаточно большое поле клеточных автоматов мыслить?»)

— Так что?

— Я видел, как муравьи сообща уносят часть моего обеда, и знаю отсюда, что они могут коор-

динировать свои действия.

— Если я — один из ста муравьёв, толкающих изюмину, я чувствую, как она движется, верно? То есть они обмениваются информацией через изюмину. Но если я — одинокий муравей на поле боя...

— Репей, провенер сейчас начнётся.

— Ладно.

Лио повернулся ко мне спиной и зашагал прочь. Именно эта привычка обрывать разговор на полуслове, как и некоторые другие странности, создали ему репутацию слегка тронутого. Сферу свою он опять забыл. Я поднял её и бросил в Лио. Она отскочила от его затылка и подлетела вертикально вверх. Лио, почти не глядя, поймал её в падении. Я обошёл поле боя, не желая набрать на ноги бойцов, живых или мёртвых, и припустил за Лио.

Он гораздо раньше меня добрался до угла клуатра и юркнул наперерез толпе степенных пожилых суур: очень грубо, но так комично, что сууры только рассмеялись. Тут они влились в арку, загородив мне путь. Я позвал фраа Лио, чтобы тот не опоздал, а в итоге сам опаздывал с риском схлопотать нагоняй.

****

Актал. 1. *(прото- и древнеорт.) Действие, сознательно предпринимаемое кем-либо, чаще индивидуумом.* ***2.*** *(средн. и более поздн. орт.) Церемония, обычно проводимая коллективом инаков, в ходе которой матик или концент как целое совершает некое торжественное общее действо, сопровождаемое исполнением гимнов, кодифицированными движениями и другим ритуальным поведением.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

В определённом смысле часы — и весь собор, и его фундамент. Однако, говоря «часы», обычно подразумевают четыре циферблата, укреплённые высоко на стенах президия — центральной башни собора. Циферблаты были созданы в разные эпохи, и каждый показывал время по-своему, однако все четыре были связаны с одним и тем же внутренним механизмом. Каждый сообщал время, день недели, месяц, фазу луны, год и (для тех, кто умеет их читать) много других космографических сведений.

Президий стоял на четырёх колоннах и почти по всей своей высоте имел квадратное сече-

ние. Впрочем, чуть выше циферблатов углы квадрата были срезаны, так что получился восьмиугольник, ещё чуть выше восьмиугольник превращался в шестнадцатиугольник, а затем — в круг. Крыша президия представляла собой диск, точнее, сплюснутую полусферу, поскольку середина у неё была слегка приподнята для стока дождевой воды. На крыше размещались мензиры, купола и башенки звездокруга, который управлял часовым механизмом и в свою очередь управлялся им.

За ажурной каменной резьбой под циферблатами прятались звонницы. Ниже от башни отходили аркбутаны; они упирались в верхушки четырёх башен, более приземистых, чем президий, но выстроенных по тому же общему плану. Система арок и ажурной каменной резьбы, соединяющая башни между собой, скрывала нижнюю часть президия и образовывала широкий внешний контур собора.

Над высоким каменным сводом было настелено плоское перекрытие. На нем стояла горняя дефендора. Её внутренний двор, окружающий президий, был закрыт сверху, обнесён стеной и поделен на кладовые и административные помещения; вдоль внешней стороны тянулся

карниз, по которому часовые дефендората могли за несколько минут обойти собор и обозреть всю местность до самого горизонта (кроме тех участков, где её закрывали аркбутаны, колонны и башенки). Карниз опирался на десятки близко расположенных дугообразных опор, отходящих от стены внизу. На конце каждой опоры несли вечный дозор горгульи. Половина их (горгульи дефендора) смотрели наружу, половина (горгульи инспектора), выгнув чешуйчатые шеи, направляли острые уши и глаза-щёлочки на концент внизу. Между опорами, в низких матических арках под карнизом располагались окна инспектората. Редкий уголок в конценте не просматривался хотя бы из одного. Разумеется, все эти уголки мы знали назубок.

****

Светитель. *(новоорт.) Почётное звание, присваиваемое великим мыслителям, как правило, посмертно. Прим.: этот термин был принят только на тысячелетнем конвоксе 3000 г. от РК, а до тех пор считался искаженной формой слова «****просветитель****». На камне, где буквы выбивать трудно, О часто*

заменялось точкой. Так появилась форма ПР.СВЕТИТЕЛЬ, либо, если резчику не хватало места, ПР.СВЕТ или даже ПР.СВ («проблема ленивого резчика»). В десятилетия после Третьего разорения, когда грамотность упала, «пр.» стало восприниматься как сокращение от «праведный», «профессор» или «преподобный», что привело к появлению формы «светитель» (теперь общепринятой) и даже «светой» (по-прежнему рассматриваемой как нежелательная). На письме во всех случаях используется сокращение «св». В некоторых наиболее традиционалистских орденах сохраняется форма «просветитель»; вероятно, также говорят милленарии.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Собор был выстроен на выровненном останце горного отрога. В тумане на востоке угадывался утёс милленарского матика. На юге и на западе лежали остальные матики и связанные с ними постройки. Тот, в котором жил я вместе с другими десятилетниками, отстоял от собора на четверть мили. К нашему входу в собор вела

крытая галерея, состоящая из семи соединённых площадками лестниц. Этим путём и шли почти все деценарии.

Чтобы не дожидаться, пока толпа пожилых суур пройдёт через арку, я бегом вернулся в зал капитула, который на самом деле представлял собой просто расширение окружающей клуатр галереи, а оттуда через заднюю дверь попал в коридор между калькориями и мастерскими. Вдоль стен тянулись ниши, куда мы складывали текущую работу. Края и углы неоконченных рукописей торчали наружу, желтея и скручиваясь. Из-за этого проход казался ещё уже.

Добежав до его конца и нырнув в узкую арку, я оказался на лугу перед основанием собора — буфером между нами и матиком центенариев. Шестнадцатифутовая каменная стена делила луг пополам. Столетники разводили по свою сторону всякую домашнюю живность.

Когда меня собрали, по нашу сторону стены хранилось сено. Несколько лет назад, под осень, фраа Лио и фраа Джезри по поручению старших отправились туда с тяпками, посмотреть, не выросло ли там что-нибудь из одиннадцати. И впрямь, они нашли нечто, похожее на раданицу, выпололи, сложили в кучу посреди луга и

подожгли.

К вечеру весь луг с нашей стороны являл собой дымящееся гарево, а звуки, долетающие из-за стены, наводили на мысль, что ветер занёс искры к столетникам. По границе между лугом и клустами, на которых мы выращивали почти всю свою еду, до самой реки выстроилась боевая шеренга фраа и суур. Передавая полные вёдра по цепочке и пустые обратно, мы заливали те клусты, которые были ближе всего к огню. Если вы видели ухоженный клуст в конце лета, то поймёте почему: количество биомассы огромно, а в это время года она уже довольно сухая и легко вспыхивает.

Дежурный заминспектора провёл расследование и сообщил, что из-за дыма не смог точно установить, что же сделали Лио и Джезри. Происшествие занесли в хронику как несчастный случай, и ребята избежали епитимьи. Однако я знал (потому что Джезри мне потом рассказал), что когда огонь от раданицы перекинулся на траву, Лио, вместо того, чтобы его затоптать, предложил противопоставить огню огонь и победить его посредством огненного исквадо. Попытки пустить встречный пал только ухудшили дело. Джезри оттащил Лио в безопасное место, когда

тот намеревался противо-противопалами сдержать систему противопалов, которые должны были остановить первоначальный пожар, но вышли из-под контроля. Джезри тащил Лио двумя руками, поэтому вынужден был бросить сферу; после того дня она стала с одной стороны жёсткой и не прозрачнела до конца. Зато пожар дал повод осуществить дело, о котором мы говорили целую вечность: засадить луг клевером и завести пчёл. Расчёт был простой: когда в экстрамуросе есть экономика, мёд можно продавать на торговых лотках у дневных ворот, а на вырученные деньги покупать то, что трудно изготовить в конценте. А если снаружи постапокалипсис, мёдом можно питаться.

Когда я трусил к собору, каменная стена была от меня справа. Клусты — теперь такие же спелые, как перед пожаром — сзади и слева. Передо мной уходили вверх семь лестниц, запруженных инаками. По сравнению с другими фраа в их длинных стлах, полуголый Лио, движущийся в два раза быстрее, казался муравьем не того цвета.

Алтарь, сердце собора, был восьмиугольным в плане (или, как выражались теоры, обладал симметрией корней восьмой степени из единицы). Его восемь стен образовывала плотная ажурная

резьба, частью каменная, частью деревянная. Мы называли их экранами, что могло бы сбить с толку жителей экстрамуроса, для которых экран — то, на чём смотришь спиль или играешь в игру. Для нас экран — стена с множеством отверстий, преграда, через которую можно видеть, слышать и обонять.

От основания собора отходили четыре нефа, ориентированные по странам света. Если вы когда-нибудь бывали на свадьбе или на похоронах в скинии богопоклонников, то представляете себе неф: широкое место, где посетители сидят, стоят, преклоняют колени, бичуют себя, катаются по полу или чем уж они там занимаются. Алтарь в таком случае соответствует месту, где стоит священник. Когда вы смотрите на собор издали и видите его широкое основание, это как раз и есть нефы.

Посетителям из экстрамуроса, таким, как мастер Флек, если они были не очень заразные и в целом прилично себя вели, разрешали входить в дневные ворота и смотреть акталы из северного нефа. Такой порядок более или менее соблюдался в последние полтора столетия. Если вы попадали в концент через дневные ворота, то проходили в портал северного фасада в неф и по его цен-

тральному проходу к экрану в дальнем конце. Вы вполне естественно могли вообразить, что весь собор состоит из одного нефа и восьмиугольного пространства за экраном. Однако находящиеся в восточном, южном и западном нефах легко могли впасть в ту же ошибку. Экраны были тёмные со стороны нефов и светлые со стороны алтаря, так что легко было заглянуть через них в алтарь, но невозможно — за них. Это порождало иллюзию, будто каждый неф — один-единственный и алтарь принадлежит ему.

Восточный неф практически всегда пустовал. Мы спрашивали старых фраа и суур почему, а те отмахивались и «объясняли», что это парадный вход. Видимо, такой парадный, что им никто не пользовался. Когда-то там стоял духовой орган, но во время Второго разорения его уничтожили, а затем, по новым поправкам в каноне, музыкальные инструменты и вовсе попали под запрет. Когда мой подрост был младше, Ороло пудрил нам мозги, будто здесь планируется место для десятитысячелетних фраа, если концент светителя Эдхара когда-нибудь сподобится построить для таких матик. «Предложение было подано милленариям шестьсот восемьдесят девять лет назад, — говорил он, — и ответ ожидается через

триста одиннадцать лет».

Южный неф занимали центенарии, которые попадали туда через свой луг. Для них помещение было чересчур просторным. Мы, десяти летники, вынужденные жаться в тесном закутке сразу за стеной от центенарского нефа, злились на это вот уже больше трёх тысяч лет.

Западный неф украшали витражные окна и тончайшая каменная резьба, поскольку он принадлежал унарскому, самому процветающему из всех матиков. В этом нефе места тоже было много, но он почти всегда заполнялся целиком, и тут мы несправедливости не видели.

Оставались ещё четыре экрана — северо-восточный, юго-восточный, юго-западный и северо-западный. Они были такого же размера и формы, как ориентированные по странам света, но не сообщались с нефами. За тёмными сторонами этих экранов лежали четыре угла собора, загромождённые конструктивными элементами, неудобными для людей, однако необходимыми для устойчивости здания. Наш угол, юго-западный, был самым из них запруженным, поскольку десятилетников насчитывалось около трёхсот. Его дополнительно расширили за счёт двух башен, выступающих из стены собора и придающих

ему асимметрию.

Северо-западный угол прилегал к территории примаса и служил для самого примаса, его гостей, дефендора, инспектора и прочих иерархов, так что там было свободно. В юго-восточном углу размещались тысячелетники — сюда вела их выбитая в отвесной скале головокружительная лестница.

Северо-западный угол был отведён ита. Они попадали сюда из своего крытого гетто, занимавшего пространство между собором и естественным скальным обрывом, который с этой стороны служил внешней стеной концента. Считалось, что там есть туннель к подземному механизму часов, доверенному их заботам. Но эти сведения, как почти всё, что мы знали об ита, относились скорее к области фольклора.

Таким образом, если считать официальные порталы, у собора было восемь входов. Однако уж в чём, в чём, а в сложности матической архитектуре не откажешь, так что имелось ещё много входов поменьше, редко используемых и неизвестных почти никому, кроме любознательных фидов.

Я шёл через клевер, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступать на пчёл, но всё равно дви-

гался куда быстрее толпы на лестницах и скоро оказался у двери, закрывавшей выбитую в скале арку, и по каменной лестнице выбрался на основной уровень собора. Я пробежал через несколько кладовок, где хранились не используемые в это время года облачения и церемониальная утварь, и очутился в той архитектурной каше, которая заменяла нам, десятилетникам, неф. Входящие фраа и сууры загораживали мне путь, но там, где вид заслоняли колонны, оставались свободные коридоры. В одном из них, прямо под колонной, была наша раздевалка. Почти всё её содержимое валялось на полу. Фраа Джезри и фраа Арсибальт стояли рядом, уже облачённые в алое и сердитые. Фраа Лио рылся в шелках, ища свою любимую мантию. Я плюхнулся на одно колено, нашёл мантию подходящего размера среди тех, что отверг Лио, быстро накинул её, подвязал, проверил, что она не путается в ногах, и пристроился за Джезри и Арсибальтом. Через мгновение Лио вскочил и встал впритирку ко мне. Мы вышли из-за колонны и через толпу двинулись к экрану, предводительствуемые Джезри, который не стеснялся работать локтями. Однако народу было не так и много. Пришла лишь примерно половина десятилетников; остальные готовились к аперту.

Наши фраа и сууры сидели перед экраном ярусами. Ближайшие к нему — на полу. Следующий ряд — на сферах размером с голову. Те, кто за ними, увеличили свои сферы сильнее. В последнем ряду сферы, раздутые, как огромные воздушные шары, были больше тех, кто на них сидел, и не раскатывались, роняя людей на каменный пол, только потому, что были зажаты между стенами, как яйца в коробке.

Прафраа Ментаксенес открыл дверь в нашем экране. Прафраа был очень старенький, и мы чувствовали, что только эта ежедневная обязанность и поддерживает в нём жизнь. Мы наступили в лоток с растёртой канифолью, чтобы ноги плотнее упирались в пол.

Затем мы вступили в алтарь и, словно крупинки сахара в кружке с чаем, растворились в его огромности. Что-то в конструкции алтаря делало его цистерной, которая хранила весь свет, когда-либо попадавший в концент.

Глядя вверх с места сразу за экраном, можно было увидеть примерно двумястами футами выше сводчатый потолок собора, озарённый светом из сплошного ряда витражных окон — клерестория. Тысячелетники, спустившиеся на провенер по своей крытой лестнице, видели через экран нас,

но не видели мастера Флека в его жёлтой футболке и со спилекаптором в руках. Равным образом мастер Флек не видел из северного нефа тысячелетников. Однако и он, и они могли наблюдать провенер, который происходил в алтаре точно так же, как одну, две, три тысячи лет назад.

Президий поддерживали четыре ребристые колонны, уходящие в каменную середину алтаря и, как я подозревал, дальше в подземелье, где ита присматривали за своим хозяйством. Мы миновали одну из них. Опоры были не круглые в сечении, а вытянутые, почти как стабилизаторы древней ракеты, хоть и куда более толстые, чем подразумевает это сравнение.

Итак, мы оказались в центральном колодце собора. Отсюда, глядя вверх, мы видели на вдвое большую высоту, до самой крыши президия, на которой располагался звездокруг. Мы заняли свои места, угадываемые по ямкам со следами канифоли.

Открылась дверь в экране примаса и вышел человек в мантии более сложного покроя, чем наши, и пурпурного цвета — знак, что он иерарх. Видимо, примас был сегодня занят — тоже, наверное, готовился к аперту — и прислал вместо себя заместителя. Другие иерархи выступили

следом за ним. Фраа Делрахонес, дефендор, сел по левую руку от кресла примаса, суура Трестана, инспектриса, по правую.

Пятнадцать фраа и суур в зелёных мантиях — три сопрано, три альта, три тенора, три баритона и три баса — вышли из-за унарского экрана. Сегодня был их черёд петь. Это значило, что нам скорее всего предстоит выслушать довольно слабое исполнение, хотя они и упражнялись в нём уже почти год.

Иерарх произнёс первые слова актала и перевёл рычаг в режим провенера.

Как сказали бы вам часы, если вы умеете их читать, сегодняшний день, как и два последующих, были ординарными. Не отмечалось никаких особых праздников, и литургия не посвящалась какой-то отдельной теме, а состояла из медленного, фрагментарного изложения истории того, как мы получили свои знания. В первую половину года рассказывалось о событиях до Реконструкции, во вторую — после. Сегодняшняя литургия повествовала о возникновении теорики конечных групп: как её родоначальника, светителя Блая, отбросили из матика, и как он до конца дней жил на холме в окружении пенов, почитавших его, как бога. Он даже убедил их отказаться от

раданицы, в итоге они впали в угнетённое психическое состояние, убили светителя Блая и съели его печень из ложного убеждения, будто ею-то он и думал. Если вы живёте в конценте, то можете подробнее прочитать в хронике. Если нет, то знайте, что у нас таких историй ещё много, так что можно участвовать в провенере каждый день до конца жизни, и ни одну не услышать дважды.

Четыре колонны президия я уже упомянул. Точно посередине, по центральной оси собора, висела цепь с гирей. Цепь уходила так далеко ввысь, что таяла в пыльной дымке.

Гиря представляла собой металлическую глыбу, губчатую, как будто источенную червями: четырёхмиллиардолетний железоникелевый метеорит, состоящий из того же вещества, что и сердце Арба. За без малого двадцать четыре часа с прошлого провенера гиря опустилась совсем низко: мы почти могли достать до неё рукой. Она равномерно снижалась почти всё время, поскольку служила двигателем для часов, но на рассвете и на закате, когда должна была обеспечить энергией дневные ворота, падала так стремительно, что случайные наблюдатели, бывало, разбегались прочь.

На четырёх других цепях висели ещё четыре

гири. Они были не так заметны, поскольку располагались не посередине, и почти не двигались. Они перемещались вдоль направляющих, закреплённых на четырёх колоннах президия. Каждая гиря имела правильную геометрическую форму: куб, октаэдр, додекаэдр и икосаэдр. Все были вытесаны из чёрного вулканического камня, добытого на склонах Экбы, и доставлены санными поездами через Северный полюс. Каждая немного поднималась всякий раз, как заводили часы. Куб падал раз в год, открывая годовые ворота, октаэдр — раз в десять лет, открывая десятилетние, так что оба сейчас были близки к своей наивысшей точке. Додекаэдр и икосаэдр открывали вековые и тысячелетние ворота соответственно. Первый был примерно на девяти десятых пути к вершине, второй примерно на семи десятых. Так что, просто глядя на них, можно было догадаться, что сейчас примерно 3689 год.

Гораздо выше, в верхней части хронобездны — огромного пространства между циферблатами, где сходились все часовые механизмы, — в герметически запечатанной каменной камере помещалась шестая гиря: серый металлический шар, который мог подниматься и опускаться по вертикальному винту. Благодаря этой гире

часы продолжали тикать, пока мы их заводили. В остальное время она могла двинуться, только если метеорит коснётся пола — то есть если мы не справим ежедневный актал провенера. Тогда часы отключат почти всю свою машинерию, чтобы сберечь энергию, и продолжат работать в ждущем режиме за счёт медленного спуска шара, пока их не заведут снова. Такое случалось лишь во время разорений либо когда все инаки настолько тяжело болели, что некому было завести часы. Никто не знал, сколько они могут пробыть в ждущем режиме, но считалось, что порядка ста лет. Мы знали, что они продолжали работать после Третьего разорения, когда тысячелетники укрылись на своём утёсе, а остальной концент на семь десятилетий совершенно обезлюдел.

Все цепи уходили в хронобездну, где были намотаны на шестерни валов, находящихся в сцеплении с зубчатыми передачами и регуляторами, которые периодически осматривали и смазывали ита. Главная приводная цепь, на которой висел метеорит, соединялась с передаточным механизмом, искусно спрятанным в колоннах президия и уходящим в сводчатый подвал у нас под ногами. Единственным, что видели из него не-ита, была приземистая ступица в центре алта-

ря, похожая на круглый жертвенник. На высоте плеча от неё, как спицы, отходили восьмифутовые рукояти. В положенный момент службы Джезри, Арсибальт, Лио и я подошли и взялись за рукояти. На определённом такте анафема мы налегли каждый на свою, как матросы, выбирающие якорную цепь с помощью шпиля. Однако ничто не сдвинулось, кроме моей правой ноги, которая заскользила по полу и проехала несколько дюймов. Не в наших силах было преодолеть трение покоя множества шестерён между нами и валом сотнями футов выше. Когда они начнут крутиться, наших общих усилий хватит, чтобы поддерживать их ход, но, чтобы система стронулась, нужен был сильный толчок (если бы мы выбрали грубую силу) либо (если действовать с умом) лёгкая встряска — незначительная вибрация. Разные праксисы позволяют решить задачу по-разному. Мы в конценте светителя Эдхара делали это с помощью голоса.

В древности, когда на чёрных камнях Экбы ещё стояли мраморные колонны Орифенского храма, все теоры мира перед полуднем собирались под огромным куполом. Их предводитель (сперва сам Адрахонес, затем Диакс или другой фид первосветителя) вставал на аналемму и ждал, пока его

коснётся луч света из окулюса — окна в вершине купола. Это главное событие дня отмечалось исполнением анафема Нашей Матери Гилее, принесшей нам свет своего отца Кноуса. Когда Орифена погибла, а уцелевшие теоры пустились в странствия, актал пришёл в забвение. Много позже светительница Картазия положила его в основу литургии, совершавшейся на протяжении всей Древней матической эпохи. Во время от Рассеяния и Нового периклиния до последовавшей эпохи Праксиса он был вновь забыт, а после Ужасных событий и Реконструкции возрождён в новой форме, связанной с заводкой часов.

Анафем Гилее теперь существовал в тысячах версий, поскольку каждый инак-композитор хоть раз попробовал в нём свои силы. У всех были одни слова и одна структура, однако они различались, как облака на небе. В самых древних —монофонических — каждый голос длил только одну ноту. Мы в Эдхаре исполняли полифоническую версию: каждый голос выводил свою тему, и все они сплетались гармонически. Однолетки в зелёных мантиях вели свои партии: остальные голоса звучали из-за экранов. По традиции самые низкие ноты тянули тысячелетники. Поговаривали, будто у них есть особые упражнения для

голосовых связок, и я в это верил; во всяком случае, никто в нашем матике не мог брать ноты, которые доносились из нефа милленариев.

Анафем начался просто, затем достиг сложности, практически выходящей за грань восприятия. Когда у нас был орган, для исполнения анафема требовались четыре органиста, каждый играл обеими руками и обеими ногами. В древнем актале эта часть изображала хаос несистематической мысли до Кноуса. Композитор передал его почти слишком хорошо: ухо едва вычленяло отдельные голоса. Потом, примерно как если смотришь на непонятную геометрическую фигуру, и вдруг чуть-чуть повернёшь и грани, ребра и вершины разом обретут смысл, все голоса постепенно слились в одну чистую ноту, которая отдавалась в световом колодце наших часов и заставляла всё вибрировать в резонанс. То ли по счастливой случайности, то ли благодаря хитростям праксиса, вибрации как раз хватило, чтобы привести ось в движение. Лио, Арсибальт, Джезри и я знали, что это произойдёт, и всё равно чуть не упали, когда ступица повернулась. Миг спустя, когда кончился холостой ход передаточного механизма, метеорит у нас над головами пополз вверх. Через двенадцать тактов нам на

головы с высоты сотен футов должны были посыпаться скопившиеся за сутки пыль и помёт летучих мышей.

В древней литургии этот момент символизировал свет, озаривший сознание Кноуса. Единая мелодия разделилась на две соперничающие: одна изображала Гилею, другая Деату, дочерей Кноуса. Мы в ритме анафема двигались ровным шагом, вращая втулку против часовой стрелки. Метеорит поднимался со скоростью два дюйма в секунду; до того мига, когда он достигнет наивысшей точки, оставалось минут двадцать. В то же время барабаны, на которые были намотаны четыре другие цепи, тоже начали поворачиваться, только гораздо медленнее. Куб за время актала поднимался примерно на фут, октаэдр — примерно на дюйм и так далее. А высоко под потолком шар медленно опускался, чтобы часы шли, пока мы их заводим.

Я должен оговорить, что часам — даже огромным — на двадцать четыре часа не нужно столько энергии, сколько мы в них вкладывали! Почти вся она предназначалась для дополнительных устройств — звонниц, ворот, Большого планетария у дневных ворот, малых планетариев и телескопов звездокруга.

Ничего этого не было у меня в голове, когда я круг за кругом толкал свою рукоять. Да, в первые несколько минут я припомнил основные сведения о часах, пытаясь представить, как бы объяснил это всё мастеру Флеку, если бы тот стоял рядом и задал мне вопрос. Но к тому времени, как мы вошли в ритм, сердце начало тяжело стучать, а по носу потёк пот, я забыл о мастере Флеке. Однолетки пели вполне сносно — не так плохо, чтобы это обращало на себя внимание. Минуты две я размышлял о светителе Блае, потом всё больше о своем месте в жизни. Эгоистично думать о себе во время актала, однако непрошеные мысли труднее всего прогнать. Возможно, вы сочтёте, что я зря про такое рассказываю. Что я подаю дурной пример другим фидам, которые могут когда-нибудь вытащить из ниши мою рукопись. И всё же мои тогдашние мысли — часть этой истории.

Заводя часы в тот день, я воображал, что будет, если забраться на карниз дефендората и прыгнуть вниз.

Если вам непонятно, как можно такое думать, вы, наверное, не инак. Гены растений, которые вы употребляете в пищу, содержат цепочки хорошина или чего посильнее. Вас никогда не

посещает уныние, а если и посещает, вы легко можете его прогнать.

Я не мог. И я устал жить с такими мыслями. Было два способа избавиться от них навсегда. Первый: выйти через неделю из десятилетних ворот, вернуться в биологическую семью (если она меня примет) и есть то же, что мои родственники. Для второго надо было подняться по лестнице, уходящей вверх от нашего угла собора.

****

Мистагог. ***1.*** *(раннесреднеорт.) Теор, сосредоточивший своё внимание на нерешённых задачах, особенно приобщающий к ним фидов.* ***2.*** *(позднесреднеорт.) Представитель сувины, доминировавшей в матиках с минус двадцатого века до эпохи Пробуждения. Эта сувина утверждала, что больше никаких теорических задач нельзя разрешить, препятствовала теорическим исследованиям, закрывала библиотеки, возвела в ранг культа загадки и парадоксы.* ***3.*** *(орт. эпохи Праксиса и позже) Бранное слово для лица, напоминающего М. во 2-м значении.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— Умирают ли люди от голода? Или болеют от ожирения?

Мастер Кин почесал бороду и задумался.

— Вы о пенах, да?

Фраа Ороло пожал плечами.

Мастеру Кину стало смешно. В отличие от мастера Флека он не стеснялся смеяться в голос.

— Да вроде как и то, и то, — признал он после недолгой паузы.

— Отлично, — произнёс фраа Ороло тоном, означавшим: «ну наконец-то мы стронулись с места», и посмотрел на меня, записываю ли я.

После беседы с Флеком я спросил фраа Ороло:

— Па, чего ради ты вытащил пятивековой давности опросник? Ведь бред же!

— Это восьмивековой давности копия одиннадцативекового опросника, — поправил он.

— Ладно бы ты был столетник! Но разве может всё так измениться за какие-то десять лет?

Фраа Ороло ответил, что с Реконструкции было сорок восемь случаев, когда за десять лет происходили кардинальные перемены. Два из них закончились разорениями. Однако десять лет — довольно большой срок; люди в экстрамуросе,

занятые повседневными делами, могут и не заметить перемен. Поэтому деценарий, читающий мастеру одиннадцативековой опросник, может оказать услугу экстрамуросу (если там кто-нибудь прислушается). Это отчасти объясняет, почему мирская власть нас не только терпит, но и защищает (когда защищает).

— Человек, который каждый вечер, бреясь, видит родинку у себя на лбу, может и не заметить, что она изменилась. Врач, осматривающий его раз в год, легко диагностирует рак.

— Прекрасно, — сказал я. — Но тебя никогда прежде не заботила мирская власть. Так в чём истинная причина?

Ороло сделал удивленное лицо, потом, поняв, что я не отстану, пожал плечами.

— Это рутинная проверка на предмет РПСО.

— РПСО?

— Разрыв причинно-следственных областей.

Стало ясно, что Ороло меня дразнит. Но иногда он делает это не просто так.

Поправка: он ничего не делает просто так. Бывает, что я даже понимаю, куда он клонит. Поэтому я подпёр голову руками и сказал:

— Ладно. Открывай шлюзы.

— Причинно-следственная область — это

просто набор вещей, объединённых причинно-следственными связями.

— Но разве не все вещи во вселенной так связаны?

— Зависит от расположения их световых конусов. Мы не можем влиять на своё прошлое. Некоторые предметы так далеко, что просто не могут сколько-нибудь существенно нас затрагивать.

— И всё же нельзя провести чёткие границы между причинно-следственными областями.

— В общем случае нельзя. Но ты куда теснее причинно связан со мной, чем с инопланетянином в далёкой галактике. С определённой степенью точности можно сказать, что мы принадлежим к одной области, а инопланетянин — к другой.

— Ладно, — сказал я. — А какая степень точности устраивает тебя, па Ороло?

— Весь смысл замкнутого матика в том, чтобы свести причинные отношения с экстрамуросом к минимуму, верно?

— Социальные, да. Культурные, да. И даже экологические. Однако мы дышим с ними одним воздухом, у нас за стеной грохочут их мобы — на чисто теорическом уровне никакого причинного

разделения нет!

Ороло как будто меня не слышал.

— Если существует вселенная, совершенно изолированная от нашей — никаких причинных связей между вселенными А и Б, — одинаково ли течёт в них время?

Я задумался, потом ответил:

— Вопрос бессмысленный.

— Забавно. А на мой взгляд, вполне осмысленный, — сказал Ороло немного сердито.

— Ладно. Это зависит от того, как измерять время.

Он ждал.

— Зависит от того, что такое время! — Несколько минут я перебирал возможные пути к объяснению, но все они заводили в тупик.

— Ладно, — сдался я наконец. — Догадываюсь, что надо применить весы. Если у меня нет серьезных доводов в пользу какого-либо из ответов, я должен выбрать более простой. И самый простой ответ: во вселенных А и Б время течёт независимо.

— Потому что это разные причинно-следственные области.

— Да.

Ороло сказал:

— Что, если две вселенные — каждая такая же большая, сложная и древняя, как наша, полностью обособлены, но из А в Б как-то попал один протон. Довольно ли этого, чтобы на веки вечные обеспечить полное сцепление времени А с временем Б?

Я вздохнул, как всегда, когда попадался в расставленный Ороло капкан.

— Или, — продолжал он, — возможна пробуксовка времени — разрыв между причинно-следственными областями?

— Итак, возвращаясь к твоей беседе с мастером Флеком. Ты хочешь меня убедить, будто проверял, не прошла ли по ту сторону тысяча лет за наши десять?!

— А почему бы и не проверить? — Тут у него стало такое лицо, будто он хочет что-то сказать. Хитроватое. Я не стал дожидаться и спросил сам:

— О. Это как-то связанно с твоими россказнями про бродячий десятитысячелетний матик?

Когда мы были совсем юными фидами, Ороло как-то поведал, будто прочёл в хронике такую историю: однажды где-то в земле открылись ворота, вышел инак и объявил себя десятитысячелетником, отмечающим аперт. Это было смешно, потому что иначество в нынешней форме суще-

ствовало (на тот момент) три тысячи шестьсот восемьдесят два года. Мы решили, что Ороло рассказал свою байку с единственной целью: проверить, слушаем ли мы урок. Однако, возможно, он подводил нас к чему-то более глубокому.

— За десять тысяч лет, если взяться, можно многое успеть, — заметил Ороло. — Что, если ты нашёл способ разорвать всякую причинную связь с экстрамуросом?

— Но это, прости, полная чушь! Ты их чуть ли не в инкантеры записал.

— И всё же, в таком случае матик становится обособленной вселенной и время в нём больше не синхронизировано с остальным миром. И тогда возможен разрыв причинно-следственных областей...

— Отличный мысленный эксперимент. Я понял. Спасибо за кальк. Только скажи: ты ведь на самом деле не ждёшь увидеть признаки РПСО, когда ворота откроются?

— К тому, чего не ждёшь, — отвечал он, — надо быть особенно внимательным.

— Есть ли в ваших вигвамах, шатрах, небоскрёбах или в чём там вы живёте...

— По большей части в трейлерах без колёс, — сказал мастер Кин.

— Отлично. Есть ли в них вещи, которые умеют думать, хоть и не люди?

— Когда-то были, потом они перестали работать и мы их выкинули.

— Умеешь ли ты читать? Именно читать, а не просто разбирать логотипы.

— Ими больше не пользуются, — сказал Кин. — Вы ведь про значки? Не стирать в отбеливателе и всё такое? Ну, на трусах.

— У нас нет трусов. И отбеливателей. Только стла, хорда и сфера. — Фраа Ороло похлопал рукой по ткани у себя на голове, верёвке у себя на поясе и шару у себя под задом. Убогая шутка на наш счет, призванная успокоить мастера Кина.

Кин встал и тряхнул плечами, сбрасывая куртку. Тело у него было худощавое, но жилистое от работы. Он развернул куртку изнанкой к Ороло и показал пришитые под воротом ярлыки. Я узнал фирменную эмблему, которую последний раз видел десять лет назад, только её с тех пор упростили. Под ней шла полоска из движущихся картинок.

— Кинаграммы. Они вытеснили логотипы.

Я почувствовал себя старым. Новое для меня чувство.

Ороло встрепенулся было, но при виде кина-

грамм сразу потерял интерес.

— А, — вежливо произнёс он. — Ты говоришь прехню.

Я смутился. Кин опешил. Затем лицо его побагровело. Он явно себя накручивал, считая, что должен разозлиться.

— Фраа Ороло сказал не то, что ты подумал! — Я постарался хохотнуть, но вышел скорее всхлип. — Это древнее ортское слово.

— А похоже на...

— Знаю! Но фраа Ороло совершенно забыл про то слово, о котором ты подумал. Он совсем другое имел в виду.

— И что же?

Фраа Ороло увлечённо наблюдал, как мы с Кином обсуждаем его, словно отсутствующего.

— Он хотел сказать, что настоящей разницы между кинаграммами и логотипами нет.

— Как же так! Они несовместимы! — Лицо Кина уже приобрело обычный оттенок. Он глубоко вздохнул, задумался на минуту, потом пожал плечами. — Но я понял, о чём ты. Мы вполне могли бы и дальше пользоваться логотипами.

— Тогда зачем, по-твоему, от них отказались?

— Чтобы люди, которые сделали для нас кинаграммы, увеличили свою рыночную долю.

Ороло нахмурился и обдумывал услышанное.

— Это тоже похоже на прехню.

— Чтобы они заработали деньги.

— Хорошо. И как эти люди добились своей цели?

— Они старались, чтобы пользоваться логотипами было всё труднее и труднее, а кинаграммами — всё легче и легче.

— Как неприятно. Почему вы не подняли восстание?

— Со временем мы поверили, что кинаграммы и впрямь лучше. Так что, думаю, вы правы. Всё правда пре... — Он осекся.

— Можешь говорить. Это не плохое слово.

— Мне кажется неправильным произносить его здесь.

— Как пожелаешь, мастер Кин.

— Так о чём мы? — спросил Кин и сам ответил на свой вопрос: — Ты хотел знать, умею ли я читать, не это, а неподвижные буквы, которыми пишут по-ортски.

Он кивнул на мой лист, быстро покрывавшийся как раз такими письменами.

— Да.

— Мог бы, потому что родители заставляли меня их учить, но не читаю, потому что незачем,

— сказал Кин. — Вот мой сын — другое дело.

— Отец заставил его выучиться? — спросил Ороло.

Кин улыбнулся.

— Да.

— Он читает книги?

— Постоянно.

— Сколько ему? — Слова были явно не из опросника.

— Одиннадцать. И его ещё не сожгли на костре. — Кин сказал это самым серьёзным тоном. Я так и не понял, догадался ли фраа Ороло, что мастер над ним подтрунивает.

— У вас есть преступники?

— Конечно.

Однако само то, как Кин ответил, заставило Ороло схватить новый лист опросника.

— Откуда ты знаешь?

— Что?!

— Ты говоришь, «конечно», но как ты узнаёшь, преступник перед тобой или нет? Их клеймят? Татуируют? Сажают под замок? Кто определяет, что такой-то — преступник? Женщина со сбритыми бровями говорит: «Ты преступник» и звонит в серебряный колокольчик? Или мужчина в парике ударяет молотком по деревяшке? Про-

таскиваете ли вы обвиняемого через магнит в форме бублика? Или у вас есть раздвоенная палка, которая дрожит, если её подносят к злодею? Протягивает ли император с трона свой вердикт, написанный алыми чернилами и запечатанный чёрным воском, или обвиняемый должен пройти босиком по раскалённому железу? Может, есть вездесущий праксис движущихся картин — то, что вы называете спилекапторами, — видящих всё, но их тайны известны только совету евнухов, каждый из которых заучил наизусть длинное число? Или толпа сбегается и забрасывает подозреваемого камнями?

— Я не могу поверить, что вы всерьёз, — сказал Кин. — Вы пробыли в конценте всего, наверное, лет тридцать?

Фраа Ороло вздохнул и посмотрел на меня.

— Двадцать девять лет одиннадцать месяцев три недели шесть дней.

— И понятно, что вы готовитесь к аперту. Но не можете же вы думать, что всё так сильно изменилось!

Ещё один взгляд в мою сторону.

— Мастер Кин, — сказал фраа Ороло, выдержав паузу, чтобы слова его подействовали сильнее, — сейчас три тысячи шестьсот восемьдесят девя-

тый год от Реконструкции.

— Мой календарь тоже так говорит, — подтвердил Кин.

— Завтра наступит три тысячи шестьсот девяностый. Не только унарский матик, но и мы, деценарии, будем отмечать аперт. Согласно древним установлениям, наши ворота распахнутся. В течение десяти дней мы сможем выходить наружу, а гости, такие, как вы, посещать наш матик. Так вот, через десять лет в первый и, вероятно, в последний раз за мою жизнь распахнутся вековые ворота.

— А когда они закроются, по какую сторону будете вы? — спросил Кин.

Я опять смутился, потому что не смел задать этот вопрос. Однако я втайне порадовался, что Кин его задал.

— Если меня сочтут достойным, я бы очень хотел оказаться внутри. — Фраа Ороло весело посмотрел на меня, как будто угадал мои мысли. — Суть же в том, что примерно через девять лет меня могут вызвать в верхний лабиринт, отделяющий мой матик от матика центенариев. Я войду в тёмную комнату, разделённую решёткой, а по другую сторону будет столетник (если к этому времени они не вымрут, не исчезнут и не превра-

тятся во что-нибудь иное). И вопросы, которые он задаст, покажутся мне такими же странными, как тебе — мои. Столетники будут готовиться к своему аперту. В их книгах записаны все юридические практики, о которых они или другие инаки в других концентах слышали за последние тридцать семь с лишним веков. Список, которым я тряс перед тобой минуту назад, — лишь один абзац из книги толщиною в мою руку. Поэтому, даже если беседа кажется тебе нелепой, я бы очень просил тебя просто рассказать мне, как вы выбираете преступников.

— А мой ответ запишут в эту книгу?

— Если он будет новым, да.

— Ну, у нас по-прежнему есть окружные санаторы, которые прибывают на новолуние в запечатанных фиолетовых ящиках...

— Да, их я помню.

— Но они появлялись не так часто, как надо. Власти плохо их защищали и некоторых пустили под откос. Тогда власти поставили ещё спилекапторы.

Фраа Ороло взял другой лист.

— Кто имеет к ним доступ?

— Мы не знаем.

Ороло принялся искать другой лист, но, прежде

чем он нашёл, Кин продолжил:

— Если кто-нибудь совершает серьёзное преступление, власти шлёпают ему на хребет такую штуку, что он на какое-то время становится вроде калеки. Потом она отваливается и всё проходит.

— Это больно?

— Нет.

Новая страница.

— Когда вы видите человека с таким устройством, вам ясно, какое преступление он совершил?

— Да, там прямо так и написано, кинаграммами.

— Воровство, насилие, вымогательство?

— Само собой.

— Крамола?

Кин долго молчал, прежде чем ответить:

— Такого никогда не видел.

— Ересь?

— Это, наверное, по части небесного эмиссара.

Фраа Ороло воздел руки с такой силой, что стла упала с его головы и даже одна подмышка оголилась, потом резко закрыл лицо. Этот иронический жест он частенько проделывал в калькории, когда кто-нибудь из фидов демонстрировал непроходимую тупость. Кин явно правильно всё

понял и засмущался. Он поёрзал на стуле, задрал подбородок, снова опустил его и посмотрел на окно, которое пришёл чинить. Однако был в выспреннем жесте Ороло какой-то комизм, и Кин чувствовал, что ничего плохого не произошло.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я никогда так об этом не думал, но на самом деле у нас есть три системы.

— Ящики, нашлёпки на хребет и что-то новенькое, ни мне, ни фраа Эразмасу незнакомое. Некто, называемый небесным эмиссаром. — Фраа Ороло принялся искать что-то в стопке листьев, в самом её низу.

— Я о нём не упомянул, потому что думал, вы знаете!

— Потому что... — фраа Ороло отыскал нужный лист и теперь скользил по нему глазами, — он утверждает, что пришёл из концента, чтобы принести немногим избранным свет матического мира.

— Да. А что, неправда?

— Неправда. — Видя, как растерялся Кин, Ороло продолжил: — Такое случается каждые несколько веков. Некий шарлатан претендует на светскую власть, ссылаясь на мнимую связь с матическим миром.

Я знал ответ на свой следующий вопрос раньше, чем выпалил:

— Мастер Флек — он что, его последователь?

Кин и Ороло разом посмотрели на меня, одинаково взволнованные, но по разным причинам.

— Да, — отвечал Кин. — Он слушает за работой их передачи.

— Потому-то он и снял провенер на спилекаптор, — сказал я. — Небесный эмиссар выдаёт себя за одного из нас. Если в матике есть что-то таинственное или... ну, величественное, это прибавит небесному эмиссару значимости. И мастер Флек, как его последователь, считает это в какой-то мере и своим достоянием.

Ороло молчал. Я сперва смутился и лишь много позже задним числом понял, что ему и не надо было ничего говорить: так очевидна была правильность моих слов.

У Кина лицо стало немного растерянное.

— Флек ничего не заспилил.

— То есть как? — удивился я.

Фраа Ороло по-прежнему думал о небесном эмиссаре и слушал вполуха.

— Ему не разрешили. Его спилекаптор слишком хорош, — объявил Кин.

Старый и мудрый Ороло напрягся и закусил

губу. Я, молодой и глупый, пёр напролом:

— И как это понимать?

Фраа Ороло положил руку мне на запястье, чтобы я дальше не записывал. Сильно подозреваю, что ему хотелось другой зажать Кину рот.

Мастер ответил:

— Глазалмаз, антидрожь и диназум — со всем этим он мог заглянуть в другие части вашего собора, даже за экраны. По крайней мере, так сказали ему...

— Мастер Кин! — провозгласил фраа Ороло столь зычно, что все в библиотеке подняли головы. Затем он понизил голос почти до шёпота: — Боюсь, ты хочешь пересказать нам что-то, что твой друг Флек услышал от ита. Должен напомнить, что нашим каноном это запрещено.

— Простите, — сказал Кин. — Тут так легко запутаться.

— Да, знаю.

— Ясно. Не будем о спилекапторе. Простите ещё раз. Так о чём мы?

— Мы говорили о небесном эмиссаре. — Фраа Ороло немного успокоился и выпустил наконец мою руку. — Меня, собственно, интересует одно: отброс он, подавшийся в мистагоги, или бутылкотряс, поскольку первые бывают опасны.

****

Кефедокл. 1. *Фид Орифенского храма, переживший извержение Экбы и ставший одним из сорока малых странников. В старости он будто бы объявился на периклинии, хотя некоторые исследователи считают, что это был сын или тёзка орифенянина. Фигурирует в качестве второстепенного участника в нескольких великих диалогах, особенно в «Уралоабе», где его своевременное вмешательство дало Фелену время оправиться от ехидных выпадов оппонента, сменить тему и приступить к последовательному уничтожению сфенической мысли, которое составило заключительную треть диалога и привело к публичному самоубийству заглавного участника. От странноприимческого периода жизни К. сохранились три диалога, от периклинического — восемь. Человек безусловно одарённый, он тем не менее производил впечатление педанта и резонёра, отсюда 2-е значение.* ***2.*** *Педант и резонёр; зануда.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— «Отброс, подавшийся в мистагоги» — более или менее понятно, — сказал я фраа Ороло позже. Мы были в кухне трапезной: я резал морковку, Ороло её ел. — И я догадываюсь, что они опасны, поскольку озлоблены, хотят вернуться туда, где их предали анафему, и отомстить.

— Да. Потому-то мы с мастером Кином провели всю вторую половину дня у дефендора...

— А что значит «бутылкотряс»?

— Вообрази знахаря в обществе, не знающем стекла. Море выносит на берег бутылку — вещь с поразительными свойствами. Он надевает её на палку, трясёт ею и убеждает всех, будто сам приобрёл часть этих поразительных свойств.

— Так они не опасны?

— Да. Они слишком внушаемы и потому быстро пугаются.

— А как насчёт пенов, которые съели печень светителя Блая? Не сказать, чтобы они так уж его боялись.

Чтобы спрятать улыбку, фраа Ороло сделал вид, будто разглядывает картофелину.

— Верно подмечено. Но вспомни: светитель Блай жил один на холме. Самый факт, что его отбросили, разлучил светителя с артефактами и акталами, которые на общество, способное

порождать бутылкотрясов, воздействуют сильнее всего.

— Так что вы с дефендором решили?

Фраа Ороло огляделся, давая понять, что о таком не следует вопить во всю глотку.

— Ожидать б**о**льших предосторожностей во время аперта.

Я понизил голос:

— Так мирская власть пришлёт... ну, не знаю...

— Роботов с парализаторами? Эшелоны конных лучников? Баллоны с усыпляющим газом?

— Ну да, в таком духе.

— Зависит от того, насколько небесный эмиссар стакнулся с бонзами, — сказал фраа Ороло. (Он всегда называл так мирскую власть.) — И это нам очень трудно установить. Мне так точно. Для того и учреждена должность дефендора. Не сомневаюсь, что фраа Делрахонес уже этим вопросом занимается.

— Может ли это привести к... ну, знаешь...

— Разорению? Локальному или всеобщему? Насчёт всеобщего — думаю, вряд ли. Фраа Делрахонес уже что-нибудь бы услышал от других дефендоров. Я не исключаю безобразий в Десятую ночь, но потому-то мы накануне аперта и перенесли всё по-настоящему для нас ценное в

лабиринт.

— Ты сказал Кину, что кардинальные перемены в экстрамуросе дважды приводили к разорениям, — напомнил я.

— Неужели? — И раньше, чем я успел ответить, Ороло скорчил этакую гримасу весёлого фраа, будто собирался насмешить полный калькорий замученных теорикой фидов. — Ты что, четвёртого разорения боишься?

Я предал смерти морковину и трижды вполголоса помянул грабли Диакса.

— Три глобальных разорения за три тысячи семьсот лет — не так уж и страшно, — заметил Ороло. — У мирян статистика куда более мрачная.

— Немножко боюсь, — отвечал я, — но совсем другое хотел спросить, пока ты не начал кефедоклить.

Ороло не ответил, возможно, потому что в руке у меня был большой нож. Я устал и злился. Чуть раньше я вмял сферу внутрь, чтобы получилась корзина, и пошёл к ближайшим клустам. Оказалось, их обобрали; пришлось тащиться на другой берег реки и добывать овощи для рагу там.

Я схватил доставшуюся таким трудом морковку и указал ею вверх.

— Ты меня учил больше насчёт звёзд. Историю мне преподавали другие — в основном фраа Корландин.

— Он, наверное, говорил, что в разорениях виноваты мы сами, — сказал Ороло. Я отметил, что он употребил слово «мы» очень растяжимо, в смысле «каждый инак начиная с ма Картазии».

У Репья была милая привычка — за разговором ни с того ни с сего легонько ткнуть меня в ключицу. Я машинально вскидывал руки, понимая, что от второго тычка полечу на землю. Таким образом Лио давал понять, что я стою не так, как советуют его книги по искусству долины. Я считал, что это чушь, но мое тело, видимо, соглашалось с Лио, потому что реагировало чересчур сильно. Раз, пытаясь восстановить равновесие, я потянул какую-то мышцу в спине, и она потом три недели болела.

Так же подействовала на меня фраза Ороло. Я отреагировал чересчур сильно. Лицо вспыхнуло, сердце застучало. Я почувствовал себя собеседником Фелена, которого тот спровоцировал на глупость и сейчас начнёт шинковать, как морковку на доске.

— За каждым разорением и впрямь следовали реформы, ведь так? — выпалил я.

— Давай пройдёмся по твоей фразе граблями и скажем, что каждое разорение вело к переменам в матиках, наблюдаемым по сей день.

То, что Ороло заговорил в такой манере, подтверждало: мы с ним в диалоге. Другие фраа бросили чистить картошку или резать зелень и собрались вокруг смотреть, как меня площат.

— Хорошо, называй как хочешь, — сказал я и тут же засопел, понимая, что подставляюсь. Как будто фраа Лио меня ткнул, а я с размаху плюхнулся на пятую точку. Не надо было мне вспоминать Кефедокла.

Я невольно покосился на окно. Кухня смотрела на юг, на грядки с зеленью, тянувшиеся до ближайших клустов (их обрабатывали самые старые фраа и сууры, которым трудно далеко ходить). Чтобы солнце не грело стену и в кухне не получалась совсем уж духовка, кровля с этой стороны здания сильно выдавалась вперёд, образуя навес. В его тени, сразу под окном, суура Тулия и суура Ала резали мобные покрышки на сандалии. Я не хотел, чтобы Тулия слышала, как меня площат, потому что она мне нравилась, и не хотел, чтобы слышала Ала, потому что ей бы это доставило слишком много удовольствия. На счастье, они, как всегда, что-то друг дружке втолковывали и

не обращали на нас внимания.

— Называй как хочешь? Странные вещи ты говоришь, фраа Эразмас, — сказал Ороло. — А могу ли я назвать их морковками или плитками?

Смешки порскнули разом, как воробьи со звонницы.

— Нет, па Ороло, неправильно говорить, что за каждым разорением следовала морковка.

— Почему, фид Эразмас?

— Потому что слово «морковка» не означает «реформы» или «перемены в матиках».

— То есть из-за того, что слова обладают занятным свойством нести конкретный смысл, мы должны употреблять их по делу? Это верное изложение того, что ты сказал, или я ошибаюсь?

— Верное, па Ороло.

— Может быть, другие, столькому научившиеся у Нового круга и реформированных старофаанитов, приметили ошибку и хотели бы нас поправить? — Фраа Ороло обвёл слушателей безмятежным взглядом гадюки, пробующей языком воздух.

Никто не шелохнулся.

— Никто не хочет поддержать оригинальные гипотезы светителя Проца. Прекрасно. Мы можем продолжать, исходя из допущения, что слова

что-то означают. В чём разница между высказываниями: «разорения привели к реформам» и «разорения привели к переменам в матиках»?

— Полагаю, это связано с коннотациями слова «реформа». — Я уже сдался и хотел, чтобы меня уплощили. Не потому, что мне это нравилось, просто уж очень редко фраа Ороло излагал свои взгляды на что-нибудь, кроме звёзд и планет.

— Может быть, ты объяснишь подробнее? Я не так чуток к словам, как ты, фраа Эразмас, и будет жаль, если я неверно пойму твой довод.

— Хорошо. Сказать «перемены» значит выразиться более диаксиански — выгрести граблями всё субъективно-оценочное. Говоря «реформы», мы создаём впечатление, будто в прежнем устройстве матиков что-то было не так и...

— ...мы заслуживали разорения? Бонзы должны были прийти и нас выправить?

— Когда ты так говоришь, па Ороло, таким тоном, ты как будто намекаешь, что перемены были не нужны... что мирская власть их нам навязала. — Я запинался от волнения, потому что увидел, как загнать Ороло в угол. Эти реформы (или перемены) были также фундаментальны для устройства матиков, как ежедневный провенер. Против них Ороло возразить не мог.

Однако он только грустно покачал головой, словно дивясь, что нас в калькориях пичкают такой ерундой.

— Тебе надо перечитать «Секулюм» светительницы Картазии.

У инаков, подолгу смотрящих в телескоп, иногда развиваются очень странные взгляды на историю, поэтому я не хмыкнул. Кое-кто весело переглянулся.

— Па Ороло, я читал его в прошлом году.

— Ты скорее всего читал выдержки из перевода на среднеортский. Многие тогдашние переводы окрашены своего рода протопроцианством, возобладавшим в Древнюю матическую эпоху незадолго перед возвышением мистагогов. Ты хихикаешь, но когда-нибудь ты начнёшь это замечать. Некоторые куски переведены плохо, потому что переводчики были не согласны с их смыслом. Настолько плохо, что при выборе отрывков их просто выкинули. Не пожалей сил: прочти Картазию в оригинале. Староортский совсем не так труден, как некоторые думают.

— И что я должен оттуда узнать?

— Это документ, заложивший основы матического мира. Светительница Картазия подчёркивала — мы должны не приспосабливаться

к секулюму, а противостоять ему. Создать ему противовес.

— «Мой матик — моя крепость»? — поддразнил кто-то из слушателей.

— Мне такое определение не по душе, — заметил Ороло, — но если я буду говорить дальше, рагу не приготовится никогда, и скоро двести девяносто пять голодных инаков захотят оторвать нам голову. Довольно сказать, фраа Эразмас, что светительница Картазия никогда не согласилась бы с утверждением, будто светские власти могут или должны реформировать матики. Однако она бы признала, что у них есть средства производить в нашей жизни перемены.

****

***Проц**, метатеорик поздней эпохи Праксиса, вероятно, убитый во время Ужасных событий. Во время короткого окошка стабильности между Вторым и Третьим предвестием Проц был ведущей фигурой в группе единомышленников, называемой Круг и утверждавшей, что символы вообще не имеют смысла, а всякое языковое общение — не более чем игра с синтаксисом, то есть пра-*

вилами нанизывания символов. После Реконструкции был объявлен патроном синтаксической группы концента св. Мункостера. В таковом качестве считается родоначальником всех орденов, восходящих к этой группе, в противоположность орденам, берущим начало от семантической группы, чей патрон — св. Халикаарн.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— Мне сказали, кого-то сегодня площили на кухне?

— Поверь, дело не стоило чернил или даже мела.

Фраа Корландин, пе-эр (первый среди равных) Нового круга, сидел напротив меня за столом.

Предыдущие девять с половиной лет моей жизни в матике он не обращал на меня внимания, кроме как в калькории, по обязанности, а в последнее время вёл себя так, будто мы друзья. Впрочем, ничего удивительного. Ожидалось, что во время аперта к нам присоединятся тридцать—сорок новых инаков. Их незримое присутствие уже ощущалось вокруг, и по контрасту я казался более взрослым.

Вскоре после аперта, если всё пойдёт положенным чередом, колокола призовут нас на элигер, и все десятилетники соберутся смотреть, как я принесу обет тому или иному ордену.

Одиннадцать из моего подроста пришли в матик из экстрамуроса. Остальные двадцать один прежде вступили в унарский матик и прожили по тамошнему канону как минимум год, прежде чем перевестись к десятилетникам; они в основном были старше собранных. Весь сбор и почти все переводы происходили в аперт. Правда, если однолетка выказывал исключительные способности, он мог пройти через лабиринт, соединяющий унарский и деценарский матики. За то время, что я здесь прожил, такое случалось всего трижды. Полная схема, как инаки приходят из экстрамуроса или из мелких вспомогательных матиков в округе и как они перемещаются из матика в матик, слишком сложна и не стоит того, чтобы её подробно излагать. Довольно сказать, что для поддержания численности в триста инаков нам, десятилетникам, нужно было принять в аперт примерно сорок новичков. Сколько-то (точного числа мы не знали) придёт из унарского матика. Недостающее число должны были восполнить сбор и брошенные младенцы, которых

мы выискивали по больницам и приютам.

Когда с этим будет покончено, я окажусь перед выбором. Фраа Корландин прощупывал меня и даже, возможно, вербовал в Новый круг.

Я всегда считался фидом Ороло и немногих других эдхарианцев, помогавших ему в теорике. Они целые дни проводили в крохотных калькориях; потом я пробирался туда и рассматривал их записи на грифельных досках, спутанные клубки уравнений, в которых понимал от силы один символ из двадцати. Сейчас я должен был работать над заданием, которое дал мне Ороло: фотомнемонической табулой с изображением туманности светителя Танкреда. Мне предстояло ответить на некоторые вопросы об образовании тяжёлых атомных ядер в недрах звёзд. Задачка явно не для Нового круга. Так с какой стати Новый круг вообразил, будто я во время элигера его выберу?

— Ороло — крайне интересный теор, — продолжал фраа Корландин. — Жаль, что я мало у него сувинился.

Нелогичность его слов была видна невооружённым глазом. Скорее всего Корландину предстояло провести с Ороло в одном матике лет шестьдесят—семьдесят. Если он говорил искренне,

почему бы не взять свою миску и не пройти через трапезную к столу Ороло?

По счастью, рот у меня был набит хлебом, и я не подверг фраа Корландина сокрушительному феленическому анализу. Пока я жевал, до меня дошло, что он просто поддерживает вежливый разговор. Эдхарианцы так не говорят. Я проводил всё время с эдхарианцами и разучился это делать.

Я постарался расшевелить те части мозга, которые отвечают за вежливую болтовню: перед апертом так и так стоило освежить социальные навыки.

— Если хочешь, чтобы Ороло тебя посувинил, нет ничего проще: сядь рядом и скажи что-нибудь неправильное.

Фраа Корландин хохотнул.

— Боюсь, я слишком мало знаю о звёздах, и даже неправильного о них ничего сказать не могу.

— Ну, сегодня он говорил не о звёздах.

— Да, мне сказали. Кто бы мог подумать, что наш космограф — такой фанат мёртвых языков?

Фраза скользнула мимо моего сознания, как иногда случайно проскакивает в горло непрожёванный ломтик груши или яблока из компота. Я наконец-то свободно почувствовал себя в свет-

ской беседе, поэтому тоже хохотнул. Не успел я обдумать слова Корландина, как Лио и Джезри вскочили и понесли свои миски в кухню. Ещё двое фидов торопливо последовали их примеру.

Проследив взгляды других фидов, я увидел, что прасуура Тамура стоит в дверях, сложив руки на груди.

Она резко повернула голову, словно я через полный калькорий запулил в неё шариком из жёваной бумаги, и сверкнула глазами. По-прежнему не понимая, что происходит, я встал и пошёл на кухню. Семеро фидов торопливо мыли свои миски, но и они понимали не больше моего.

****

***Инкантер**, легендарная фигура, ассоциирующаяся в мирском сознании с матическим миром и якобы способная изменять физическую реальность произнесением кодовых слов или фраз. Представление восходит к исследованиям, проводившимся в матическом мире накануне Третьего разорения, и было чудовищно раздуто массовой культурой, в которой вымышленные И. (предположительно связанные с халикаарний-*

ской традицией) эффектно сражались со своими непримиримыми врагами риторами (процианами). Влиятельная историческая сувина утверждает, что именно неспособность многих мирян отличать подобные развлекательные выдумки от реальности в значительной степени стала причиной Третьего разорения.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Через несколько минут все тридцать два фида и прасуура Тамура были в калькории светителя Грода, рассчитанном на восемнадцать человек. «Не перейти ли нам в светителя Венстера, там места больше?» — спросила суура Ала, самоназначенная староста звонщиц и вообще всех, кто оказывался в поле зрения её глаз-прожекторов. За спиной у Алы поговаривали, что из нашего подроста у неё больше всего шансов стать следующей инспектрисой.

Прасуура Тамура сделала вид, будто не услышала. Она прожила здесь семьдесят два года и отлично знала вместимость всех калькориев. Раз она выбрала этот, значит, так захотела, возможно, потому что в тесном помещении труднее скрыть

незнание или отсутствие интереса. Места, чтобы сидеть на сферах, не было, так что мы держали их уменьшенными под стлами.

Я заметил, что некоторые сууры сбились чересчур тесно и всхлипывают, уткнувшись друг дружке в плечо, в том числе Тулия, которая мне очень нравилась. Мне было восемнадцать, Тулии — меньше. Последнее время я мечтал завести с ней отношения, когда она достигнет совершеннолетия. В общем, я смотрел на Тулию куда чаще, чем надо. Иногда она тоже на меня поглядывала. Однако сейчас, когда я на неё посмотрел, она демонстративно отвела покрасневшие глаза и уставилась на витраж над доской. Поскольку: а) снаружи было темно, б) витраж изображал, как светителя Грода и его ассистентов избивают резиновыми шлангами в застенках какого-то контрразведывательного управления эпохи Праксиса, в) Тулия так и так провела в этом калькории примерно четверть жизни, я решил, что дело не в витраже.

При всей своей тупости я наконец сообразил, что наш подрост из тридцати двух фидов последний раз собрался вместе. Девочки с их невероятной чуткостью к таким вещам отреагировали слезами, мы по нашей столь же феноменальной

толстокожести понимали только, что девчонки, которые нам нравятся, плачут.

Прасуура Тамура собрала нас явно не из сентиментальных соображений.

— Наша тема: сущность и происхождение иконографий, — объявила она. — Если я увижу, что вы достаточно знаете и понимаете материал, вам разрешат во время аперта свободно посещать экстрамурос. В противном случае вы должны будете ради собственной безопасности оставаться в клуатре. Фид Эразмас, что такое иконографии и чем они для нас важны?

Почему прасуура Тамура начала с меня? Возможно, потому что я записывал беседы фраа Ороло с мастерами и был подготовлен лучше других. Я решил сформулировать ответ соответственно:

— Эксы...

— Миряне, — поправила Тамура.

— Миряне знают, что мы есть, но не знают, как нас понимать. Истина слишком сложна и не укладывается в их сознании. Вместо истины у них есть упрощённые понятия — карикатуры на нас. Эти понятия рождаются и умирают со времён Фелена. Однако, если сравнить их все, обнаружатся устойчивые шаблоны вроде... вроде

аттракторов в хаотической системе.

Прасуура Тамура закатила глаза.

— Пожалуйста, без поэзии, — сказала она.

Послышались смешки. Я заставил себя не смотреть на Тулию.

— Инаки, изучающие экстрамурос, давным-давно систематизировали эти шаблоны. Они называются иконографиями. Они важны, потому что если мы знаем, какая иконография у конкретного экса... простите, у конкретного мирянина в голове, мы примерно представляем, что он о нас думает и чего от него ждать.

Прасуура Тамура никак не показала, устроил ли её мой ответ. Во всяком случае, она отвела от меня взгляд — максимум, на что я мог надеяться.

— Фид Остабон. — Теперь она смотрела на двадцатиоднолетнего фраа с жидкой бородёнкой. — Что такое темнестрова иконография?

— Она самая старая, — начал он.

— Я не спрашивала, сколько ей лет.

— Она из древней комедии...

— Я не спрашивала, откуда она.

— Темнестрова иконография... — сделал он третий заход.

— Я знаю, как она называется. В чем она состоит?

— Она изображает нас клоунами, — сказал фраа Остабон немного резким тоном. — Но... клоунами жутковатыми. Это двухфазная иконография. Вначале мы, скажем, ловим сачками бабочек, высматриваем формы в облаках...

— Разговариваем с пауками, — вставил кто-то. Поскольку прасуура Тамура его не одёрнула, со всех концов посыпалось: — Держим книжку вверх ногами... Собираем свою мочу в пробирки...

— Поначалу это вроде бы смешно, — продолжал фраа Остабон уже уверенней. — Во второй фазе проявляется тёмная сторона. Впечатлительный юноша попадает в сети хитрецов, достойная мать теряет рассудок, политика толкают к безумным и безответственным действиям...

— Таким образом, в пороках общества оказываемся виновны мы, — сказала прасуура Тамура. — Происхождение этой иконографии? Фид Дульен?

— «Ткач облаков», сатира эфрадского комедиографа Темнестра, которая высмеивала Фелена и фигурировала в качестве свидетельства на его суде.

— Как вы определите, что ваш собеседник привержен этой иконографии? Фид Ольф?

— Вероятно, он будет вежлив, пока разговор идёт о вещах ему понятных, но выкажет странную враждебность, как только мы коснёмся абстракций...

— Абстракций?

— Ну... чего-нибудь, что мы получили от Нашей Матери Гилеи.

— Уровень опасности по десятибалльной шкале?

— Учитывая, что сталось с Феленом, я бы сказал, десять.

Прасууру Тамуру ответ не устроил.

— Я не осуждаю, когда вы переоцениваете опасность, и всё же...

— Фелена казнила мирская власть по приговору суда. Это не было спонтанное возмущение толпы, — подал голос Лио. — Толпа менее предсказуема и от неё труднее уберечься.

— Отлично, — сказала прасуура Тамура, явно удивлённая столь логичным ответом из уст Лио. — Итак, оценим уровень опасности в восемь баллов. Фид Халак, каково происхождение доксовой иконографии?

— Многосерийная движущаяся картина эпохи Праксиса. Приключенческая драма о военном космическом корабле, отправленном в далёкие

части галактики для борьбы с враждебными инопланетянами и потерявшем управление в результате повреждения гипердвигателя. Капитан корабля — человек страстный и порывистый. Его помощник — Доке, теорик, гениальный, но холодный и начисто лишённый эмоций.

— Фид Джезри, что говорит о нас доксова иконография?

— Что мы полезны мирской власти. Что наши таланты достойны всяческих похвал. Но что мы слепы или ущербны в силу… э…

— Тех же качеств, которые делают нас ценными, — подсказала фид Тулия. Вот почему я никак не мог выкинуть её из головы: только что она распускала нюни, а тут раз и оказалась умнее всех.

— Как отличить человека, находящегося под влиянием доксовой иконографии? Фид Тулия, продолжай.

— Он будет относиться к нам с интересом, уважая наши знания, но слегка покровительственно, поскольку считает, что нами должны руководить люди, прочнее стоящие на земле и слушающие голос своего сердца.

— Уровень опасности? Фид Бранш?

— Я бы оценил как очень низкий. По сути эта иконография довольно точно отражает истинное

положение дел.

Все захихикали. Прасуура Тамура явно не одобрила наш смех.

— Фид Ала. Что общего у йорровой иконографии с доксовой?

Суура Ала на минуту задумалась.

— Тоже из развлекательного сериала эпохи Праксиса? Только это, кажется, была иллюстрированная книжка?

— Позже по ней сделали движущуюся картину, — вставил фраа Лио.

Кто-то шепнул Але подсказку, и она всё вспомнила.

— Да. Йорр выведен как теорик, но если посмотреть на его занятия, он больше праксист. Из-за работы с химикатами он позеленел, и на затылке у него выросло щупальце. Всегда ходит в белом лабораторном халате. Опасный безумец. Вечно вынашивает планы захватить мир.

— Фраа Арсибальт, какая иконография связана с риторами?

Он ответил без запинки, как по писаному.

— Риторы исключительно ловко выворачивают слова наизнанку, злокозненно сбивая с толку мирян или, что хуже, влияя на них внешне незаметным образом. Используют унарские матики,

чтобы вербовать и воспитывать сторонников, которых засылают в секулярный мир, где те пробиваются на влиятельные должности под видом бюргеров, хотя на самом деле они — марионетки всемирного заговора риторов.

— Что ж, по крайней мере придумано не на пустом месте! — воскликнул фид Ольф.

Все повернулись к нему, надеясь, что это шутка.

— Кажется, мы знаем, в какой орден ты метишь! — с досадой произнесла одна из суур. Все знали, что она собирается в Новый круг.

— Потому что он ненавидит процианы? Или просто потому, что не умеет себя вести? — спросила её подружка негромко, но так, что слышали все.

— Довольно! — оборвала прасуура Тамура. — Миряне не видят разницы между нашими орденами, так что иконография, которую изложил фраа Арсибальт, опасна для всех нас, не только для процианы. Продолжим.

И мы продолжили. Мункостерова иконография: чудаковатый, встрёпанный, рассеянный теорик, хочет как лучше. Пендартова: дёрганые всезнайки-фраа, бесконечно далёкие от реальности, но постоянно лезущие не в своё дело; они трусоваты, поэтому всегда проигрывают более мужествен-

ным мирянам. Клевова иконография: теор как старый и невероятно мудрый государственный деятель, способный разрешить все проблемы секулярного мира. Баудова иконография: мы — циничные жулики, купающиеся в роскоши за счёт простых людей. Пентаброва: мы — хранители древних мистических тайн мироздания, переданных нам самим Кноусом, а все разговоры о теорике — дымовая завеса, чтобы скрыть от невежественной черни нашу истинную мощь.

Всего прасуура Тамура обсудила с нами двенадцать иконографий. Я слышал обо всех, но не осознавал, как их много, пока она не заставила нас разобрать каждую. Особенно интересно было ранжировать их по степени опасности. После долгой сортировки мы пришли к выводу, что самая опасная не йоррова, как может показаться вначале, а мошианская — гибрид клевовой и пентабровой. Она утверждает, что мы когда-нибудь выйдем из ворот, чтобы принести миру свет и положить начало новой эпохе. Её вспышки случаются на исходе каждого века и особенно тысячелетия, перед открытием центенальных и милленальных ворот. Она опасна, потому что доводит чаяния мирян до истерического безумия, собирает толпы паломников и привлекает лиш-

нее внимание.

Из разговора Ороло с мастером Кином я вынес, что мошианская иконография сейчас на подъёме и представлена так называемым небесным эмиссаром. Наши иерархи об этом узнали. Видимо, потому-то отец-дефендор и попросил прасууру Тамуру провести с нами обсуждение.

Наконец она дала всем разрешение выходить в экстрамурос во время аперта, чему никто не удивился. Мы понимали, что, обещая запереть кого-то в клуатре, нас просто припугнули, чтобы не расслаблялись.

Дискуссия вышла очень интересная и закончилась только к отбою. Канон запрещает нам две ночи подряд спать в одной келье. Кто куда отправится, писали каждый вечер на доске в трапезной. Надо было идти смотреть списки. Мы всей толпой двинулись в клуатр, смеясь и болтая о Йорре, Доксе и других нелепых персонажах, которых эксы выдумали в попытках нас понять. Старшие фраа и сууры сидели на скамейках в галерее и мастерили сандалии, недовольно поглядывая на нас, потому что обычно это была наша работа.

Я старался не встретиться ни с кем из них глазами, поэтому смотрел в другую сторону и увидел,

как фраа Ороло выходит из калькория со стопкой исписанных листьев под мышкой. Он двинулся было вперёд, потом, заметив нашу компанию, свернул в сад и зашагал по направлению к собору. Мне стало чуточку не по себе, потому что некая табула с туманностью светителя Танкреда собирала пыль на столе в рабочей комнате звездокруга. Табулой были придавлены два листа с моими исчерканными писульками. Фраа Ороло заметит, что я не работал несколько дней.

Через несколько минут мы с двумя другими фраа были в келье, которую нам предстояло делить этой ночью. Я завернулся в стлу и сделал из сферы подушку. Казалось бы, засыпая, я должен был думать про иконографии и близкий аперт. Однако встреча с фраа Ороло в клуатре заставила меня вспомнить двусмысленную фразу Корландина. В первый момент я её проглотил, не расчувствовав. Теперь она превратилась в одну из тех непрошеных мыслей, от которых я не умею избавляться.

«Мне сказали» — с этих слов фраа Корландин начал разговор. Но наш с Ороло диалог состоялся всего за час до обеда. Кто из слушателей побежал докладывать о нём в капитул Нового круга? И зачем?

До прошлого года у фраа Корландина были отношения с суурой Трестаной, тоже из Нового круга. Затем однажды колокола начали вызванивать регред. Это значило, что кто-то уходит на покой. Мы собрались в соборе, и примас назвал имя нашего отца-инспектора. Несмотря на все епитимьи, которые он на нас за эти годы накладывал, мы выводили песнопения актала с искренней грустью, потому что он был человек мудрый и справедливый.

Затем Стато — примас — провозгласил сууру Трестану нашей новой матерью-инспектрисой. Это было несколько неожиданно из-за её молодости; впрочем, все знали, насколько она умна, так что удивление скоро прошло. Суура Трестана перебралась на территорию примаса, где у неё теперь была своя келья. Столовалась она тоже с другими иерархами. Однако слух гласил, что её отношения с фраа Корландином продолжаются. Некоторые инаки считали, что у иерархов по всему конценту расставлены устройства, позволяющие им слушать наши разговоры. Мода на подозрительность усиливалась и слабела в зависимости от степени нелюбви к иерархам. Она заметно укрепилась с назначением сууры Трестаны. Сейчас я не мог про это не подумать.

Может, инспектриса услышала наш с Ороло диалог и передала Корландину.

С другой стороны (спорила часть моего мозга, хотевшая прогнать эти мысли), меня самого удивило, что Ороло вдруг заинтересовался ошибками в переводах со староортского.

«Кто бы мог подумать, что наш космограф — такой фанат мёртвых языков?» «Фанат» — одно из тех неистребимых слов, которые почти без изменений перешли из протоортского в новый и даже попали во флукский. По-флукски оно означает просто человека, который что-то очень любит; сперва я подумал, что Корландин употребил его именно в этом смысле. А вот в староортском оно весьма нелестно по отношению к фраа, особенно к теору вроде Ороло. «Мёртвые языки» — тоже интересный выбор слов. Мёртвый ли язык, если Ороло на нём читает? А если Ороло прав насчёт ошибок, то, говоря «мёртвые», не намекает ли на что-то Корландин, причём исподтишка, не предпринимая усилий к тому, чтобы привести доказательства?

Я пролежал в мучительных раздумьях, как мне показалось, несколько часов, и наконец у меня случилось снизарение. Я понял: что бы ни говорил фраа Ороло, даже если слова его меня

смущали или ранили, они никогда не заставляли меня ворочаться ночами, как слова фраа Корландина. Отсюда я сделал вывод, что лучше мне всё-таки идти к эдхарианцам.

Если они меня примут, в чём я совсем не был уверен. Я схватывал чистую теорику куда хуже некоторых других фидов. Наверняка это заметили. Почему прасуура Тамура задала мне первый, самый лёгкий вопрос? Может, считала, что с более трудными мне не справиться? Почему Ороло посадил меня записывать разговоры вместо того, чтобы заниматься теорикой? Почему Корландин заманивает меня в Новый круг? Сложив одно с другим, я решил: все знают, что я не гожусь для эдхарианского ордена, и кое-кто старается подстелить мне соломки.

ЧАСТЬ 2. Аперт

Ита. 1. *(орт. поздн. эпохи Праксиса) Акроним (в древних текстах встречается написание «ИТА»); точная этимология утрачена вместе с прочей скверно заархивированной информацией во время Предвестий и Ужасных событий. По мнению большинства, первые две буквы происходят от выражения «информационная технология», коммерческой прехни эпохи Праксиса, служащей для обозначения синтаксических устройств. Значение третьей буквы спорно и в различных гипотезах расшифровывается как авторитет, ассоциация, администрация, архив, агрегатор, альянс, аналитик, агентство и ассистент. Каждая из гипотез подразумевает разные роли, отводимые И. до Реконструкции, и продвигается различными сувинами.* ***2.*** *(ранненовоорт. (вплоть до Второго разорения) Группа внутри концента, занимающаяся*

праксисом синтаксических устройств. ***3.*** *(поздненовоорт.) Табуированная каста мастеров, присутствие которой допущено в тридцати семи концентах, построенных вокруг Великих часов. Само существование часов противоречит букве реформ Второго разорения, поскольку в их подсистемах используются синтаксические устройства. И. должны управлять этими подсистемами и поддерживать их в рабочем состоянии, избегая всяких контактов с инаками.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

В последнюю ночь 3689 года мне приснилось, что фраа Ороло чем-то озабочен, и все это видят, но ни он, ни остальные не хотят говорить открыто. Хранят тайну. Впрочем, тайна известна всем: планеты отклоняются от орбит, и часы идут неправильно. Ведь в часах есть планетарий, механическая модель Солнечной системы, где отображается теперешнее положение планет и большей части спутников. Планетарий находится в притворе — помещении между дневными воротами и северным нефом. Тридцать четыре

века система работала точно, а теперь разладилась. Мраморные, хрустальные, стальные и лазуритовые шары, символизирующие планеты, сдвинулись совсем не так, как на небе, и фраа Ороло ясно видел разницу даже в самый слабый телескоп. Во сне этого не говорилось, но я как будто знал, что проблема связана с ита, потому что планетарий — одна из подсистем, которые управляются их устройствами из сводчатого подвала под собором.

Ходили слухи, будто та же самая система незаметно подправляет ход самих часов. Если ошибку в подвале не исправить, возникнут огрехи, очевидные для всех: например, полуденные колокола зазвонят, когда солнце ещё не в зените, или дневные ворота откроются не точно с рассветом.

Во вселенной, управляемой нормальной логикой, эти ошибки проявились бы позже, чем мелкие расхождения между движением планет в планетарии и на небе, но по логике сна всё случилось одновременно: фраа Ороло был расстроен, планетарий неправильно показывал фазу луны, бюргеры заходили в дневные ворота среди ночи. И всё же больше всего меня беспокоила колокольня: колокола отбивали неправильную мелодию...

Я открыл глаза под звон аперта — по крайней

мере другие фраа в келье вслух обсуждали, что это аперт. Точно сказать можно было, только если несколько минут внимательно вслушиваться. Механизм колокольни играл заготовленные мелодии, например, для обозначения часов; для объявления акталов и других событий наши звонщицы отключали механизм и играли другой звон. Мелодия представляла собой код, который нас научили разбирать. Видимо, его придумали для передачи сигналов всему конценту так, чтобы в экстрамуросе никто ничего не понял.

Правда, аперт — не такая уж тайна. Наступил первый день три тысячи шестьсот девяностого года, значит, на восходе солнца откроются не только дневные ворота, но и годовые, и десятилетние. Любой экс, заглянувший в календарь, понимал это не хуже нас. И всё равно нам троим не хотелось начинать день, не услышав правильную последовательность звуков: мелодию, особым образом обращённую вспять, перевёрнутую вверх ногами и отражённую зеркально.

Мы сидели нагишом в холодной келье, а наши стлы, хорды и сферы в беспорядке валялись на лежанках. В торжественный день полагалась формальная обмотка, которую трудно сделать самому. Фраа Хольбейн первым ступил на пол, я

наклонился и нашарил в его тёплой скомканной стле бахромчатый край. Фраа Арсибальт, наш третий, продрал глаза последним. После нескольких крепких словечек от меня и Хольбейна он наконец взялся за другой край. Мы вышли в коридор и растянули стлу, которую фраа Хольбейн вечером укоротил, сделал для тепла толстой и пушистой.

Мы с Арсибальтом собрали стлу гармошкой, а потом разошлись, чтобы Хольбейн сделал её раза в три длиннее и гораздо тоньше. Зажав в руке сложенную хорду, он подполз под стлу и подставил левое плечо. Потом он начал крутиться туда-сюда, иногда опуская и поднимая руки, пока мы с Арсибальтом двигались вокруг, словно планеты в планетарии, то расправляя ткань, то собирая в складки. Мы знали, как легко вся конструкция может рассыпаться, и с минуту придерживали её, пока Хольбейн обматывался шнуром и завязывал основные узлы. Потом он встал в пару с Арсибальтом, чтобы обмотать меня, и, наконец, мы с Хольбейном помогли Арсибальту. Арсибальт любил заворачиваться последним, когда мы уже натренировались. И не из тщеславия: из всего нашего подроста он был лучше всех приспособлен к жизни в матике. Крупный, даже грузный, он

старался отрастить бороду, чтобы хоть немножко напоминать почтенного фраа, которым рано или поздно станет. Однако, в отличие от того же фраа Лио, который постоянно изобретал новые способы заматывать стлу, Арсибальт чтил традицию.

Одевшись, мы какое-то время обвязывались хордами и складывали ткань вокруг лица — в этой обмотке показать индивидуальность можно было разве что формой капюшона.

Перед выходом из келий лежала куча готовых сандалий. Я разгрёб их ногой в поисках достаточно большой пары. Канон создали люди, жившие в тёплом климате. Каждому инаку позволялось владеть стлой, хордой и сферой, а вот обувь предусмотрена не была. Летом нас это не слишком беспокоило, чего не скажешь о более холодных временах года. К тому же во время аперта мы выходили на городские улицы, где полно битого стекла и других опасностей. Инаки конценты светителя Эдхара позволили себе некоторое послабление: во время аперта носили сандалии из покрышек, а зимой — бахилы на мягкой подошве. Мы делали так довольно долго, и, поскольку инквизиция на нас до сих пор не ополчилась, вольность вроде бы сошла нам с рук. Я присвоил себе пару сандалий и завязал тесемки.

Наконец мы взяли свои сферы и сжали до размеров кулака. По дороге к собору мы обвязали их хордами, как сеткой, надули и увеличили, чтобы сетка натянулась. Потом приказали сферам засиять приглушенным малиновым светом. Свет помогал смотреть под ноги, а цвет отличал нас как десятилетников, ведь вскоре мы окажемся вместе с однолетками.

Теперь у каждого из двухсот инаков, сходившихся к собору, на правом боку болталась сфера. В темноте это выглядело завораживающе. Если хочешь притвориться памятником светителю, можно взять сферу в одну руку и поглаживать другой, устремив взор вдаль, к Свету Кноуса.

Сорок инаков встали раньше других и уже собрались в алтаре. Они встретили нас гимном деценального аперта. Эту мелодию я не слышал десять лет, с тех пор как оказался на восходе за десятилетними воротами и увидел, как створки из стали и камня съезжаются и отрезают меня от всего, что я когда-либо знал. Сейчас песня проникла в мой мозг настолько глубоко, что в буквальном смысле сшибла с ног, и я оперся о другого фраа — Лио. Тот даже не стал бросать меня через бедро на землю, просто тычком возвратил в прямостоящее положение, словно накренившу-

юся статую, и вернулся к акталу.

Пение синхронизировалось с часами, которые выступали одновременно метрономом и дирижером. Так продолжалось четверть часа: никаких слов и поучений, только музыка.

Небо было ясным, и в момент восхода из кварцевой призмы на вершине звездокруга хлынул свет. Пение смолкло, и мы потушили сферы. Мне показалось, что свет сначала был изумрудным, но это мог быть обман зрения. Когда я сморгнул, луч стал цвета ладони, если в темной келье поднести её к пламени свечи. Настал мучительный миг тишины: все боялись, что (как в моем сне) часы идут неправильно и ничего не будет.

Начала опускаться центральная гиря. Это случалось каждый день, на рассвете, когда открывали дневные ворота. Но сегодня это было знаком, чтобы все задрали головы и посмотрели туда, где колонны президия касались свода собора. Сначала мы услышали звук, потом увидели движение. Работает! Две гири спускались, съезжали вниз по направляющим, чтобы открыть годовые и десятилетние ворота.

Мы радостно заахали и закричали; у некоторых по лицам текли слёзы. Даже тысячники зашевелились за своим экраном. Куб и октаэдр

опустились совсем низко. Зрители взревели и зааплодировали им, будто знаменитостям на церемонии награждения. Когда гири приблизились к алтарному полу, мы притихли, словно боялись, что они врежутся в каменные плиты. Постепенно гири замедлили ход и, наконец, встали всего в ладони от пола. Все облегчённо рассмеялись.

Казалось бы, абсурд. Ведь часы — всего лишь механизм. Гири должны были упасть. И всё-таки тем, кто этого не пережил, не понять наши чувства. Хористы, вместо того чтобы разразиться ликующей полифонией, едва взяли ноты. Зато в их нестройных голосах слышалась своя музыка.

Сквозь пение мы различали, как журчит за стеной вода.

****

> ***Инак**, лицо, давшее обет блюсти картазианский канон в течение года или более; фраа или суура.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

«Нет идеального способа построить часы», — часто повторял фраа Корландин, учивший нас новейшей (то бишь постреконструкционной) истории. Этакий вежливый намек, что древние праксисты концента светителя Эдхара были

немножко с приветом.

Наш концент гнездился в излучине реки у гряды скал — самого краешка горной цепи, которая тянулась на сотни миль к северо-востоку и питала ледниковой водой нашу реку. Чуть выше по течению были водопады, мы слышали их ночью, если пены не слишком шумно буянили. После водопадов река, словно переводя дух, текла спокойно и тихо через травянистую равнину. Часть равнины вместе с полутора милями реки принадлежала концент.

У водопада через реку было легко перебросить мост, поэтому поселение обычно оставалось там. В одни эпохи оно подступало вплотную к концент, и офисные работники смотрели из небоскребов на наши бастионы, в другие — съёживалось до крошечной автозаправки или огневой позиции на переправе. Из реки торчали изъеденные ржавчиной балки и замшелые глыбы искусственного камня — обломки мостов, которые когда-то стояли над рекой, а потом рушились в воду.

Почти все наши постройки находились с внутренней стороны излучины, но мы застолбили узкую полоску земли на противоположном берегу и выстроили на ней укрепления: стены вдоль

реки, где она текла прямо, бастионы — где изгибалась. В трёх бастионах были ворота: унарские, деценарские, центенарские (ворота тысячников стояли на горе и были устроены по-другому). Каждые представляли собой пару створок, которые должны были открываться и закрываться в определённое время. Отсюда возникла проблема для первых строителей: ворота оказались не просто далеко от часового механизма, а ещё и через реку.

Праксисты применили силу самой воды. Далеко за пределами концента, над водопадом — то есть заведомо выше наших голов — в каменном русле выдолбили бассейн, вроде открытой цистерны, и провели от него акведук в обход водопада, моста и излучины. Местность тут была пересечённая, поэтому на части пути пришлось пробить короткий туннель, на части — возвести каменные опоры. Преодолев таким образом полмили, вода ныряла под землю и проходила по трубе под теперешним поселением бюргеров. Перед дневными воротами она под напором била из двух отверстий, наполняя пруд. Через середину пруда, точно между фонтанами, шла дамба, соединяющая центральную площадь бюргерского поселения на севере с нашими дневными

воротами на юге.

Пруд находился выше уровня реки. В его дне были устроены стоки с огромными шаровыми клапанами из полированного гранита. Один сток снабжал водой пруды, каналы и фонтаны на территории примаса, а ниже по течению разграничивал унарский и деценарский матики. Ещё три переходили в целую систему труб, сифонов и акведуков, ведущих к годовым, десятилетним и вековым воротам. Воду в них пускали только на аперт, как теперь, когда гири часов открыли два клапана и направили её в годичную и десятилетнюю системы.

Метод, возможно, и впрямь несколько чудной, к тому же не очень надёжный. Зато у него было одно преимущество, которое я обнаружил только сегодня. Система заполнялась медленно, поэтому, когда церемония закончилась, мы высыпали из собора и быстрым шагом двинулись вслед за водой, которая хлынула в акведук, идущий вдоль семи лестниц, мимо клуатра и дальше к реке.

Здесь через неё был перекинут каменный мост. На ближнем к нам берегу он кончался круглой башенкой, на дальнем — бастионом внешней стены концента. В башне была цистерна, которая сейчас наполнялась водой из акведука. Над

лопастями водяного колеса завис её изогнутый край, похожий на носик кувшина. Почти все мы успели как раз к тому моменту, когда цистерна переполнилась и колесо начало проворачиваться под давлением струи. При помощи нержавеющих шестерён колесо приводило в движение вал толщиной с мою ногу (если не знать, для чего эта штука, можно было принять её за очень толстый поручень моста). На том берегу, в бастионе, вал соединялся через ещё одну передачу с шарнирами ворот.

Услышав скрип петель, мы поспешили к воротам, но потом невольно притормозили, потому что не знали, чего ждать дальше.

Ну... не совсем так. Мы вполне представляли, что увидим. Правда, я по молодости ещё иногда позволял себе забыть о граблях Диакса, если увлекусь какой-нибудь идеей. История Ороло о матике, который дрейфует во времени по разрыву причинно-следственных областей, запала мне в душу. Так что на несколько секунд я дал волю воображению и притворился, будто живу в таком матике и действительно не знаю, что окажется за воротами: нажевавшиеся дурнопли пены с вилами или бутылками зажигательной смеси; голодные, обессиленные пены, приползшие, что-

бы выковырять из земли последнюю картошку. Паломники-мошианцы, которые хотят взглянуть в лицо очередному богу. Горы трупов до горизонта. Девственный лес. Самое интересное будет, думал я, когда ворота приоткроются настолько, чтобы в них прошёл один человек. Кто это будет — мужчина или женщина, старик или юноша, с автоматом, младенцем, сундуком золота или бомбой в ранце?

Двери продолжали открываться. Вскоре мы увидели десятка три мирян, пришедших посмотреть аперт. Некоторые замерли перед воротами в одной и той же странной позе. До меня не сразу дошло, что они снимают нас спилекапторами или жужулами, а потом пересылают картинки тем, кто далеко. На плечах у одного мужчины сидела маленькая девочка. Она скучала и ёрзала, но отец не опускал её, а крутился и шипел сквозь зубы, чтобы она ещё минуту подождала. Под присмотром одной женщины рядком стояли восемь одинаково одетых детей — наверное, из бюргерской сувины. К воротам медленно двинулась очень печальная женщина: она выглядела так, словно пережила стихийное бедствие, которое коснулось только её. В руках у женщины был сверток — скорее всего младенец. С полдюжины

людей столпились вокруг какого-то дымящегося артефакта, окруженного большими, ярко окрашенными коробками. Часть людей сидела на них, чтобы было удобнее поедать огромные, истекающие соком бутерброды. Мне пришли на ум полузабытые флукские слова: барбекю, лимонад, чизбург.

Один тип занял пятачок свободного пространства — или просто остальные его избегали? — и размахивал куском ткани на шесте — флагом мирской власти. Вид у него был вызывающий и довольный одновременно. Другой что-то кричал в устройство, усиливающее его голос. Наверное, какой-то богопоклонник, который хотел залучить нас в свою скинию.

Первыми в ворота вошли мужчина и женщина, одетые так, как обычно одеваются в экстрамуросе, если идут на свадьбу или важную деловую встречу, и трое детей в миниатюрных версиях таких же нарядов. Мужчина тянул за собой красную тележку с горшком, из которого росло маленькое деревце. Дети рукой придерживали горшок, чтобы тот не опрокинулся, когда колёса тележки подпрыгивали на камнях мостовой. Женщина, которая ничего за собой не тянула, шла быстрее, но какой-то очень странной походкой — вер-

нее, казавшейся мне очень странной, пока я не вспомнил, что женщины за стеной носят такую особую обувь, из-за которой меняется походка. Улыбаясь и утирая слезы, она направилась к прасууре Ильме, которую явно узнала, и начала объяснять, что её отец, умерший три года назад, активно выступал за концент и ходил в дневные ворота на лекции и за книгами. Когда он умер, его внуки посадили дерево и теперь надеются, что его пересадят в подходящее место на нашей территории. Прасуура Ильма сказала, что это возможно, если дерево входит в Сто шестьдесят четыре. Бюргерша заверила Ильму, что, зная наши правила, они постарались всё проверить. Тем временем её муж рыскал кругом и снимал разговор на жужулу.

Видя, что мы не растерзали семью бюргеров и не воткнули им зонды во все отверстия, в ворота вошел юный помощник человека со звукоусиливающим устройством и принялся раздавать нам листочки с письменами. К сожалению, это были кинаграммы, которые мы читать не умели. Нас предупредили, что в таких случаях лучше всего вежливо брать листки и говорить, что прочитаем позже, а не вступать с подобными лицами в феленический диалог.

Молодой человек заметил печальную женщину, догадался, что она хочет оставить ребёнка нам, и принялся её отговаривать, пересыпая свой флукский уличными словечками. Она отпрянула; потом, сообразив, что ей вряд ли что-нибудь угрожает, начала обзываться. Полдюжины суур вышли вперёд и окружили её. Богопоклонник разозлился так, что казалось, вот-вот кого-нибудь ударит. Я только сейчас заметил фраа Делрахонеса, который пристально наблюдал за богопоклонником и поглядывал на нескольких мускулистых фраа, незаметно подходивших ближе. Тут человек со звуковым устройством прочирикал какое-то слово, видимо, имя молодого. Когда ему удалось привлечь внимание помощника, он поднял глаза к небу («Власти предержащие на нас смотрят, придурок!»), потом перевёл сердитый взгляд на него («Успокойся и раздавай душеспасительную литературу!»).

Ко мне двинулся высокий мужчина — мастер Кин — в сопровождении собственной копии, только ниже и без бороды.

— Доброго аперта, фраа Эразмас, — сказал Кин.

— Доброго аперта, мастер Кин, — отозвался я и повернулся к его сыну. Тот смотрел на мою левую ногу. Его взгляд быстро поднялся до капюшона,

однако на лице не задержался, словно оно было не примечательнее, чем складка на моей стле.

— Доброго... — начал я, но он меня оборвал:

— Этот мост построен по принципу арки.

— Барб, фраа желает тебе доброго аперта. — Кин протянул руку в моём направлении. Барб как ни в чём не бывало опустил его руку, чтобы не загораживала мост.

— У моста катенарный изгиб из-за векторов, — продолжал он.

— Да, катенарный. Это от ортского слова... — начал я.

— От ортского слова «цепь», — заявил Барб. — Та же кривая, какую образует висящая цепь, только перевёрнутая. Но вал, открывающий ворота, должен быть прямой. Если он не из новоматерии. — Мальчик отыскал глазами мою сферу и несколько секунд её разглядывал. — Только это невозможно, потому что концент светителя Эдхара построили после Первого разорения. Значит, вал из староматерии. — Он перевёл взгляд на вал, который на равных расстояниях проходил через резные каменные блоки, как бы повторяя изгиб моста.

— В этих каменных штуках должны быть шарнирные муфты, — заключил он.

— Так и есть, — ответил я. — Вал...

— Вал состоит из восьми прямых кусков, соединённых шарнирными муфтами в основании этих статуй. Основание статуи называется «постамент».

И Барб быстро двинулся дальше — первый экс, который перешёл мост в матик. Кин бросил в мою сторону не очень понятный взгляд и поспешил за сыном.

Между печальной женщиной и суурами возникла перепалка. Судя по всему, какой-то невежественный человек сказал ей, что мы заплатим за ребёнка деньги. Сууры очень вежливо объяснили, что она заблуждается.

Тем временем в ворота прошли ещё человек пять эксов: в основном мужчины, в одежде нарядной, но недорогой. Они завязали разговор с группой пожилых инаков. Тот, кто выступал первым, был обмотан толстым ярким канатом с шаром на конце. Я решил, что это священник какой-нибудь новоиспеченной контрбазианской секты. Священник обратился к фраа Халигастрему — крупному, лысому и бородатому инаку, будто только с периклиния после оживленной онтологической дискуссии с Феленом. Он был теорическим геологом и пе-эром эдхарианско-

го ордена. Халигастрем вежливо слушал, а сам бросал многозначительные взгляды на двух иерархов в пурпурных стлах, которые стояли чуть в сторонке: Делрахонеса, дефендора, и Стато, примаса.

Обходя их, я невольно подслушал другой разговор, посетительницы и фраа Джезри. Я решил, что ей около тридцати, хотя определить возраст экстрамуросских женщин сложнее из-за того, что они делают со своими волосами и лицами. Поразмыслив, я решил, что ей все-таки не больше двадцати пяти. Она очень внимательно слушала Джезри и задавала вопросы о жизни в матике.

Когда мне наконец удалось привлечь внимание Джезри, тот вежливо сказал женщине, что обещал сопровождать меня в экстрамурос. Она смерила меня взглядом, что мне даже понравилось. Тут её жужула запищала, женщина извинилась и поднесла трубку к уху.

****

Пен. 1. *(флук. позд. эпохи Праксиса — начала Реконструкции) Разговорное слово, образованное усечением термина, обозначающего «деклассированный элемент».* ***2.*** *Житель экстрамуроса без*

образования, особых навыков, устремлений или желания ими обзавестись. ***3.*** *Уничижительное обозначение недалёкого или неотёсанного человека, особенно гордящегося этими качествами. Прим.: не рекомендуется употреблять в значении 3, так как оно подразумевает, что П. таковы в силу врождённых недостатков либо собственных неправильных решений. Предпочтительно значение 2, не несущее подобных коннотаций.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Мы с Джезри вышли наружу впервые за десять лет.

Первым делом я заметил, что с внешней стороны к нашим стенам наприслоняли всякого хлама. К воротам наверняка тоже, но накануне аперта кто-то расчистил подход. В настоящую эпоху у деценальных ворот располагались преимущественно мастерские, поэтому у стены скопились доски, трубы, куски кабеля и проводов, инструменты с длинными ручками. Сначала мы просто шли и смотрели по сторонам, однако неожиданно быстро освоились и забыли, что мы фраа.

— Как ты думаешь, эта женщина хотела вступить с тобой в отношения? — спросил я.

— Эти... как их...

— Атланические.

Название произошло от имени деценария, жившего в семнадцатом веке от РК. Он виделся со своей возлюбленной по десять дней раз в десять лет, всё остальное время писал ей стихи и тайком переправлял в экстрамурос. Стихи были неплохие, кое-где их даже выбили на камне.

— С чего ей такого хотеть? — задумчиво спросил Джезри.

— Ну, если твой партнер — фраа, нет риска забеременеть, — заметил я.

— Иногда это важно, но, по-моему, в настоящую эпоху контрацепция вполне доступна.

— Я вроде как шутил.

— А-а. Прости. Ну... может, ее интересует мой интеллект.

— Или духовные качества.

— Чего? Думаешь, она богопоклонница?

— Ты разве не видел, с кем она пришла?

— С какой-то... делегацией или как это называется.

— Спорим, это люди небесного эмиссара. Их главарь намотал на себя какую-то имитацию хорды.

Десятилетние ворота скрылись за поворотом. Я поднял взгляд на президий и по менгирам звездокруга определил север и юг. Перед нами, более или менее параллельно реке, тянулась широкая дорога. Если бы мы пересекли её и пошли вперёд, то скоро оказались бы среди больших бюргерских домов. Справа начинался деловой квартал; направившись туда, мы описали бы дугу и в конечном счете пришли к дневным воротам. Слева лежали предместья, где я провёл первые восемь лет жизни.

— Чем раньше отделаемся, тем лучше, — сказал я и повернул налево.

Не прошли мы и десяти шагов, как Джезри спросил:

— Ещё раз? — Он всегда так говорил, когда хотел уточнить услышанное, и меня это страшно бесило. — Небесный эмиссар?

— Мошианство. — И я рассказал о беседах фраа Ороло с Флеком и Кином.

Мы шли, и город менялся: мастерских становилось меньше, складов — больше. Здесь по реке могли ходить баржи, поэтому склады устраивали ближе к воде. Транспортных средств тоже стало больше: много грузотонов, в том числе десяти- и даже двенадцатиколёсных. Они были

такие же, как в моем детстве. Мимо пронеслось несколько кузовилей с более лёгкими грузами. Обычно такие машины заводят себе мастера, и было заметно, что они много времени тратят на то, чтобы изменить форму и цвет машин — по всей видимости, просто для собственного развлечения. Или это было что-то вроде соревнования, как яркое оперение у птиц. В любом случае мода очень изменилась, и мы с Джезри замолкали и пялились на каждый особенно странный или яркий проезжающий кузовиль. А водители пялились на нас.

— В общем, я понятия не имел обо всей этой истории с небесным эмиссаром, — заключил Джезри. — Я последнее время сижу над расчетами для группы Ороло.

— А что ты подумал, когда Тамура нас вчера вечером натаскивала? — спросил я.

— Ничего, — ответил Джезри. — Могу только сказать, хорошо, что ты на такое обращаешь внимание. Ты не задумывался о том, чтобы...

— Вступить в Новый круг? Пробиться в иерархи?

— Угу.

— Нет. Зачем мне задумываться, если остальные всё решили за меня?

— Прости, Раз! — сказал Джезри без тени раскаяния — скорее его злило, что я злюсь. С ним вообще нелегко, и я раньше месяцами его избегал, пока не понял, что ради дружбы с Джезри можно многое стерпеть.

— Проехали, — сказал я. — Так чем занимается группа Ороло?

— Понятия не имею. Я просто делаю расчёты. Орбитальная механика.

— Теорическая или...

— Абсолютно праксическая.

— Думаешь, космографы нашли планету ещё у какой-нибудь звезды?

— Каким образом? Для этого нужно сравнивать данные от других телескопов. А к нам за десять лет, понятно, ничего не пришло.

— Значит, что-то поближе, — сказал я. — Что можно рассмотреть в наши телескопы.

— Это астероид. — Джезри надоело ждать, пока я догадаюсь.

— Большой ком?

— Тогда Ороло бы куда больше взволновался.

Шутка была бородатая. Бонзы в нас почти не нуждались, и чуть ли ни единственное, что могло изменить ситуацию — открытие большого астероида, который вот-вот врежется в Арб. Та-

кое чуть не случилось в 1107-м. Тысячи инаков собрали на конвокс, те построили космический корабль, чтобы сбить астероид с орбиты. Однако к моменту запуска корабля в 1115 году космографы рассчитали, что астероид все-таки в нас не врежется, и полёт превратился в исследовательскую миссию. Лаборатория, в которой построили корабль, стала концентом светителя Реба в честь космографа, открывшего астероид.

Справа холм, на котором жили бюргеры, переходил в понижение. Оттуда вытекала речка — приток основной реки. Через неё был перекинут древний стальной мост: построенный, брошенный, пришедший в полную негодность и, наконец, залатанный новоматерией. Пунктирная линия, стёртая почти до невидимости, намекала водителям, что, может быть, стоит проявить немного вежливости к пешеходам, идущим между крайней правой полосой и перилами. Разворачиваться было поздно, да и по мосту толкал тележку, нагруженную полипакетами, другой пешеход. Мы юркнули за ним, надеясь, что грузотоны, кузовили и мобы не задавят нас насмерть. Слева приток вился по своей пойме, а в миле от нас впадал в реку. В моем детстве здесь были болотце и лес, но теперь берега укрепили, а

участок застроили. Самым заметным сооружением был большой открытый стадион на несколько тысяч мест.

— Может, сходим на матч? — спросил фраа Джезри. Я не мог понять, в шутку он или всерьёз. Из нас четверых Джезри был самый азартный. В атлетические игры играл нечасто, но если уж играл, то с решимостью и злостью, и, несмотря на отсутствие опыта, часто побеждал.

— Думаю, туда без денег не пустят.

— Можем продать мёд.

— Мёда у нас тоже нет. Давай в другой раз.

Джезри мой ответ не очень понравился.

— И вообще, так рано матчей не устраивают, — добавил я.

Через минуту он загорелся новой идеей:

— А давай подерёмся с пенами!

Мы добрались почти до конца моста. Только что мы увернулись от кузовиля: водитель, парень приблизительно наших лет, одной рукой переключал кнопки управления, другой прижимал к щеке жужулу и вообще вёл машину так, словно нажевался дурнопли. Мы были возбуждены и часто дышали, потому в идее завязать драку мне почудился даже некоторый резон. Я улыбнулся и прикинул. Мы с Джезри были крепкими, потому

что заводили часы, а многие эксы — в отвратительной форме. Мне вспомнилось, как Кин сказал, что они одновременно умирают от голода и страдают от ожирения.

Но когда я посмотрел на Джезри, тот нахмурился и отвернулся. На самом деле он не хотел ввязываться в драку с пенами.

К этому времени мы уже вошли в моё родное предместье. Целый квартал занимало здание, похожее на гипермаркет, но явно принадлежащее некой контрбазианской скинии. На газоне перед ним стояла пятидесятифутовая белая статуя какого-то бородатого пророка: в одной руке он держал лопату, в другой — фонарь.

В придорожных канавах из-под наслоений выброшенных обёрток росли дурнопля и бурьяника; под серой плёнкой сконденсированных выхлопных газов ворошились, словно черви в мусорном пакете, выцветшие кинаграммы. Сами кинаграммы, логотипы, названия товаров были мне незнакомы, но по сути оставались теми же.

Теперь я понял, почему Джезри так по-свински себя ведёт.

— Сплошное разочарование, — сказал я.

— Угу, — отозвался Джезри.

— Столько лет читать хронику, каждый день

на провенере слушать удивительные истории... Всё это как-то...

— Заставило ожидать большего.

— Ага. — Мне пришла в голову новая мысль. — Ороло когда-нибудь говорил с тобой о десятитысячниках?

— Разрыв причинно-следственных областей и все такое? — Джезри странно посмотрел на меня. Удивился, что Ороло удостоил меня такой беседы.

Я кивнул.

— Классический пример дерьма, которым нас кормят, чтобы всё это казалось интереснее, чем на самом деле.

Однако я чувствовал, что Джезри пришел к такому выводу только сейчас. Если Ороло говорит про РПСО *всем* фидам, что тут особенного?

— Нас не кормят дерьмом, Джезри. Просто мы живём в скучное время.

Он сделал новый заход:

— Это стратегия привлечения. Точнее, удержания.

— То есть?

— У нас одна радость — ждать очередного аперта. Посмотреть, что там снаружи, когда ворота откроются. Когда там оказывается то же дерьмо,

только гаже, что нам делать? Только записаться ещё на десять лет и посмотреть, не изменится ли что-нибудь к следующему разу?

— Или пойти дальше.

— Стать столетником? А ты не думал, что нам это бесполезно?

— Потому что их следующий аперт совпадает с нашим, — сказал я.

— А до послеследующего мы не протянем.

— Ну, многие доживают до ста тридцати, — возразил я. Лучше бы промолчал: сразу стало ясно, что я прикинул в уме то же самое и пришел к тем же выводам, что и Джезри.

Он фыркнул.

— Мы с тобой родились слишком рано, чтобы стать столетниками, и слишком поздно, чтобы стать тысячниками. Родись мы на пару лет раньше, мы могли бы оказаться подкидышами и попасть прямиком на утёс.

— И тогда мы бы оба умерли, не увидев ни одного аперта, сказал я. — К тому же меня, может, ещё и могли подкинуть, но тебя, судя по тому, что ты говорил о своей биологической семье, вряд ли.

— Скоро увидим, — сказал он.

С милю мы шли в молчании. Хоть мы ничего и не говорили, мы были в диалоге: странническом,

когда два равных на прогулке пытаются что-то понять, в противоположность сувиническому, в котором наставник учит фида, или периклиническому, по сути, состязанию. Дорога влилась в более широкую. Магазины ширпотреба для пенов чередовались здесь с казино — промышленного вида кубами без окон, подсвеченными разноцветными огнями. Раньше, когда машин было больше, всю ширину улицы занимала расчерченная на полосы проезжая часть. Теперь было много пешеходов, людей на самокатах, досках с колёсиками и педальных устройствах. Однако вместо того, чтобы двигаться по прямой, они (и мы тоже) лавировали по бетонным плитам, окружавшим магазины, словно море — цепочку островов. Дурнопля, пробивающаяся в узкие, извилистые трещины, как сито, собирала из ветра грязь и обёртки. Вскоре после рассвета солнце затянулось тучами, но теперь выглянуло снова. Мы зашли под навес, где продавали разноцветные шины для молодых мужчин, желающих украсить свои кузовили и оттюнингованные мобы, и за минуту растянули стлы так, чтобы прикрыть головы.

— Ты чего-то хочешь, — сказал я. — И у тебя плохое настроение, потому что ты ещё не по-

лучил желаемого. Думаю, хочешь ты не вещь, потому что не обращаешь внимания на всю эту ерунду. — Я кивнул на флуоресцентные шины из новоматерии. На колёсах возникали и пропадали изображения голых женщин с надутыми грудями.

Джезри какое-то время смотрел на одну из движущихся картин. Потом пожал плечами.

— Я бы, пожалуй, мог уйти в мир и научиться такое воспринимать. Если честно, пока я вижу один идиотизм. Наверное, чтобы втянуться, надо есть то же, что они.

Мы двинулись дальше.

— Слушай, — сказал я, — ещё в эпоху Праксиса поняли, что если в крови достаточно хорошина, мозг будет сотней разных способов уверять тебя, что всё замечательно...

— А если хорошина недостаточно, будешь, как мы с тобой, — ответил Джезри.

Я хотел было разозлиться, но не выдержал и хохотнул.

— Ладно, пусть так. Минуту назад мы видели куст раданицы на разделительной полосе...

— Ага. И ещё один у магазина бэушной порнопродукции.

— Тот выглядел посвежее. Можем нарвать

листьев и пожевать. Уровень хорошина у нас в крови поднимется, и мы сможем жить здесь или где угодно и чувствовать себя счастливыми. А можем вернуться в концент и попытаться достичь счастья честным путем.

— Ты веришь всему, что тебе скажут, — заявил он.

— Это ты надежда эдхарианцев, — возразил я, — значит, ты и должен верить в такое без вопросов. Честно говоря, я удивлен.

— А сам ты теперь кто, Раз? Циничный процианин?

— Так все решили.

— Слушай. Я вижу, как трудятся старшие инаки. Те, кого озарил Свет Кноуса... — последние слова Джезри произнёс с издёвкой. От досады он то замедлял, то ускорял шаг, сообразно тому, как развивалась его мысль, — ...занимаются теорикой. Менее одарённые отпадают, становятся каменотёсами или пасечниками. Самые несчастные уходят или бросаются вниз с собора. Остальные выглядят счастливыми, что бы это ни значило.

— Уж точно счастливее, чем здешний народец.

— Не согласен. Они не менее счастливы, чем тот же фраа Ороло. У них есть то, что им нужно — колёса с голыми дамочками. У него есть то, что

нужно ему — снизарения о тайнах вселенной.

— Тогда давай конкретнее: чего хочешь ты?

— Чтобы что-нибудь случилось. Мне почти всё равно что.

— Если ты сделаешь большой прорыв в теорике, это сгодится?

— Конечно. Но каковы мои шансы?

— Зависит от данных, которые приходят из обсерваторий.

— Точно. То есть от меня ничего не зависит. И что мне делать, пока я жду?

— Изучать теорику, которая тебе так хорошо дается. Пить пиво. Заводить тивические отношения со всеми суурами, каких сумеешь уговорить. Чем плохо?

Джезри с подозрительной сосредоточенностью пинал камешек и смотрел, как тот прыгает по тротуару.

— Я вот всё рассматриваю околенцев на витражах.

— Кого-кого?

— Ну, сам знаешь. Есть витражи в честь светителей. Самих светителей всегда изображают большими. Почти на всё окно. Но если приглядеться, можно увидеть крошечные фигурки в стлах и хордах...

— Которые жмутся на уровне их коленей.

— Ага. И смотрят на светителя с обожанием. Помощники. Фиды. Второй сорт. Те, кто доказал лемму или на каком-то этапе прочёл черновик. Никто не помнит их имён, кроме разве что ворчливого старого фраа, который протирает витраж.

— Ты не хочешь быть околенцем.

— Верно. Как так выходит? Почему у одних получается, у других — нет?

— То есть ты хочешь персональный витраж?

— Это бы значило, что со мной случилось что-то интересное, — ответил Джезри, — что-то интереснее, чем сейчас.

— А если выбирать между этим и высоким уровнем хорошина в крови?

Мы подождали, пока большой составной грузотон задом выедет с нашего пути. Джезри все это время молча думал.

— Наконец-то ты задал интересный вопрос, — сказал он.

После чего стал вполне приятным собеседником.

Через полчаса я объявил, что мы заблудились. Джезри воспринял новость с воодушевлением, будто потеряться лучше, чем найтись.

Мимо прокатило транспортное средство, похо-

жее на коробку.

— Уже третий автобус с детьми, — заметил Джезри. — В твоём районе есть сувина?

— В таких районах нет сувин, — напомнил ему я. — Тут стабили.

— Ах да. Это от старого флукского... э-э... культурные...

— Стабилизационные центры. Но так лучше не говорить, потому что их никто так не называет уже три тысячи лет.

— Понял. Стабили так стабили.

Мы повернули следом за автобусом. Что-то между нами как будто хрустнуло и надломилось. В матике не имело значения, что Джезри по рождению бюргер, а я — пен. Однако стоило нам выйти из десятилетних ворот, этот факт вспух пузырём болотного газа в тёмной воде. Пока мы шли по городу, пузырь рос и минуту назад взорвался пламенем и вонью.

Мой старый стабиль показался мне неряшливым макетом в половину прежней величины. Некоторые классы были заколочены досками — а в моё время там было некуда ступить. Значит, численность населения действительно снижается. Возможно, к тому времени, как я стану прафраа, здесь вырастет молодой лесок.

От здания отъехал пустой автобус. Прежде чем ему на смену подкатил следующий, я успел заметить, как толпа детей, шатаясь под весом огромных рюкзаков, входит в каньон ядовито-яркого света: крытый проход с орущими автоматами для продажи сластей и напитков. Оттуда они понесут свой завтрак в классы, которые мы с Джезри видели через окна: в некоторых все дети смотрели одну и ту же программу на большом экране, в других у каждого была своя панель. В дальнем конце бухала низкочастотными ритмами спортивной программы глухая стена физкультурного зала. Ритм я узнал. Он ничуть не изменился с моих времён.

Мы с Джезри не видели движущихся картин десять лет и несколько минут стояли, как загипнотизированные. Но теперь я сориентировался и, как только сумел растолкать Джезри, повёл его по улицам, где ходил в детстве. Здешние люди любили модернизировать свои дома не меньше, чем кузовили: даже если я узнавал какую-нибудь постройку, над старой крышей оказывалась новая, на подпорках, или к модулям, которые мне иногда снились, были прилеплены новые. Зато теперь квартал был вдвое меньше, чем я его помнил.

Мы нашли место, где я жил до того, как меня собрали: два жилых модуля, соединённые в форме буквы L, и ещё одна L из металлической сетки образовывали клуатр вокруг заросшего бурьяном участка, где стоял сломанный моб и два сломанных кузовиля: самый старый ещё я помогал ставить на кирпичи. На воротах красовались четыре разновозрастные таблички с обещанием убить любого, кто войдёт. Мне подумалось, что одна такая табличка выглядели бы более устрашающе. Из забитого водостока росло деревце высотою в мой локоть. Видимо, семечко занёс ветер. Или птица. Интересно, подумал я, сколько лет ему понадобится, чтобы вырасти и разорвать водосток. В доме по спилю шла громкая движущаяся картина, поэтому нам пришлось долго кричать и трясти ворота, пока на пороге не появилась молодая женщина. Я прикинул, что ей лет двадцать. Если так, в моём детстве она была из «больших девочек». Я попытался вспомнить, как их звали.

— Лийя?

— Она переехала вместе с *теми*, — объяснила женщина таким тоном, словно люди в капюшонах каждый день приходят к ней и спрашивают давно забытых родственников. Она оглянулась

через плечо на экран, где показывали огненный взрыв. Когда звук взрыва утих, до нас донёсся требовательный мужской голос. Женщина объяснила, что делает. Мужчина не совсем понял, и тогда она повторила то же самое, но громче.

— Я предполагаю, что за время твоего отсутствия в твоей семье произошёл какого-то рода фракционный раскол, — сказал Джезри.

Мне захотелось его стукнуть, но, всмотревшись в лицо, я понял, что он вовсе не пытается острить.

Женщина повернулась к нам. Я смотрел на неё через просвет между табличками, угрожающими мне убийством, и не был уверен, что она видит моё лицо.

— Меня раньше звали Вит, — сказал я.

— Мальчик, который ушёл к часам. Я тебя помню. Как дела?

— Хорошо. А у тебя?

— Живём, не паримся. Твоей мамы тут нет. Она переехала.

— Далеко?

Она закатила глаза от досады, что я вынуждаю её делать столь сложные умозаключения.

— Дальше, чем можно дойти пешком.

Мужчина в доме снова что-то крикнул. Женщи-

на должна была опять повернуться к нам спиной и отчитаться о своих действиях.

— Что ж, она явно не исповедует дравикулийскую иконографию, — заметил Джезри.

— Почему?

— Она сказала, что ты ушёл к часам. Добровольно. Не то, что тебя заманили или похитили инаки.

Женщина снова повернулась к нам.

— У меня была старшая сестра по имени Корд. — Я кивнул на самый старый из разбитых кузовилей. — Это её. Я помогал его туда затащить.

У женщины было неоднозначное мнение о Корд, о чём она сообщила нам быстрой сменой лицевых выражений. В конце она резко выдохнула, опустила плечи, выпятила подбородок и улыбнулась нарочито фальшиво.

— Корд работает с какими-то штуками.

— С какими штуками?

Этот вопрос вызвал у женщины ещё большее раздражение, чем «Далеко?». Она подчёркнуто уставилась на движущуюся картину.

— Где её искать? — попробовал я другую тактику.

Она пожала плечами.

— Ты наверняка проходил мимо. — Она назвала

место недалеко от десятилетних ворот — мы действительно мимо него шли. Тут мужчина в доме потребовал отчёта о её последних действиях.

— Не парьтесь. — Она помахала рукой и ушла в дом.

— Теперь мне не терпится увидеть Корд, — сказал Джезри.

— Мне тоже. Пошли отсюда, — и я повернулся к дому спиной — в последний раз, потому что не думал, что вернусь сюда на следующий аперт. Ну, может, когда мне будет семьдесят восемь. Лес вырастает удивительно быстро.

Теперь мы шли быстрее и разговаривали меньше, так что до моста добрались очень быстро. Поскольку Корд работала так близко к конценту, мы сначала поднялись в бюргерский район и нашли дом Джезри.

Когда мы ещё только вышли из десятилетних ворот, Джезри не сразу начал возмущаться, а пару минут как-то рассеянно молчал. На меня сошло снизарение: он ждал, что за воротами его встретят родные. Поэтому на подходе к его старому дому я волновался даже больше, чем перед своим. Привратник пустил нас в ворота, и мы сняли сандалии, чтобы пройтись босиком по влажной траве. Зайдя в тенистый лесок, окайм-

лявший главное здание, мы откинули капюшоны и пошли медленнее, с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

Дома никого не оказалось, кроме служанки. Она говорила на каком-то странном флукском, который мы с трудом разбирали. Служанка нас, похоже, ждала: вручила нам лист бумаги — не со страничного дерева, какие мы выращиваем в конценте, а машинный. Он был похож на официальный документ, который оттиснули на печатном станке или сгенерировали на синтаксическом аппарате. В начале стояла вчерашняя дата. Оказалось, что это мать Джезри написала ему записку на какой-то машине, генерирующей ровные ряды букв. Записка была на ортском, всего с несколькими ошибками (мать Джезри не умела использовать сослагательное наклонение). Там были термины, нам незнакомые, но смысл мы вроде бы разобрали: отец Джезри выполнял много работы на какую-то труднообъяснимую сущность. Судя по части света, в которой она находилась, мы поняли, что это некий орган мирской власти. Вчера мать Джезри с большой неохотой и даже со слезами вынуждена была уехать к нему, потому что для его карьеры совершенно необходимо её присутствие на каком-то

мероприятии, суть которого мы тоже не поняли. Они намеревались всенепременно вернуться к банкету в Десятую ночь и прилагали усилия, чтобы туда пришли три старших брата и две старшие сестры Джезри. А пока она испекла ему печенье (об этом мы уже знали, потому что служанка принесла нам его на блюде).

Джезри провёл меня по дому, который по ощущениям напоминал матик, только безлюдный. Там даже были интересные часы, которые мы долго исследовали. Потом мы взяли с полок книги и на какое-то время увлеклись чтением. Потом в базском соборе через улицу зазвонили колокола, которым начали вторить интересные часы. До нас дошло, что книги можно читать в любой другой день, и мы смущённо поставили их на место. Мы ещё походили по дому и остановились на веранде, где доели остатки печенья, разглядывая собор. Базская архитектура в двоюродном сродстве с матической: широкая и закругленная там, где наша — узкая и заостренная. Но этот город в секулюме был далеко не так важен, как концент светителя Эдхара — в матическом мире, поэтому их собор не шёл ни в какое сравнение с нашим.

— Ну как, ты стал счастливым? — пошутил Джезри, кивая на печенье.

— На это нужно две недели, — ответил я. — Поэтому аперт только десять дней.

Мы вышли на газон, миновали ворота и направились вниз с холма.

Корд работала в таком месте, где всё было из металла, то есть очень старое. Не такое старое, как постройки из камня, но скорее всего середины эпохи Праксиса, когда сталь подешевела и по рельсам пустили тепловые машины. Комплекс находился в четверти мили от столетних ворот, в конце канала, по которому баржи с реки могли подходить и к обычным, и железным дорогам. Вид у здания был неухоженный, но из-за своей огромности и тишины оно казалось даже величественным. Его огородили забором в два моих роста, из листов гофрированной стали, врытых в землю или вмурованных в бетон. Листы были сварены между собой и закреплены раскосами из старых рельсов. Для ветровой стяжки очень уж солидно. Солидно — не то слово; мы с Джезри наперебой высказали это наблюдение и заспорили, для чего нужна такая конструкция. Другие части ограды были из стальных ящиков, в каких под конец эпохи Праксиса возили товары на кораблях и поездах. Часть из них была заполнена землей, часть — металлоломом, настолько спутанным и

покорежённым, что он больше походил на органику. Кое-где и вправду была органика, потому что всё это дело колонизировала буряника. Вдоль забора росло много всякой зелени, но за ним земля была утоптана плотно, как в овечьем загоне.

Главное здание по сути представляло собой крышу на сваях над последними двумястами футами канала. По исполинским потолочным фермам ездил мостовой кран: огромный крюк на ржавой цепи. Каждое из звеньев цепи было размером с мою голову. Из собора мы видели это сооружение, но никогда о нём особо не задумывались. Сбоку располагался цех с высоким потолком и настоящими стенами из кирпича (внизу) и гофрированной стали (вверху). К цеху в нижней части был приращен жилой модуль со всякими мелочами для создания уюта: дверью «под дерево» и флюгером в деревенском стиле — все они смотрелись здесь исключительно нелепо. Мы постучали, подождали и вошли. Мы очень шумели на случай, если здесь тоже убивают каждого входящего. Однако никто не появился.

Модуль проектировался как жилой, но почти всё в нём переделали. В душевой кабинке стоял высокий шкаф с документами. В стене просверлили дырки для трубок автомата, который готовит

горячие напитки. В спальне установили писсуар. Кроме мелких псевдодеревенских украшений, поставленных вместе с модулем, примечательного здесь было немного, разве что куски металла — видимо, части какой-то машины, поломанные и покорёженные в катастрофе, о природе которой мы могли только гадать.

Жирные отпечатки подошв вывели нас к задней двери. Она открывалась в огромный цех. Мы с Джезри втянули голову в плечи и замерли, не решаясь переступить порог.

Помещение было слишком огромное, чтобы освещать его лампами, так что почти весь свет был естественный: он попадал внутрь через прозрачные панели высоко под потолком; каждую панель окружал туманный ореол. Стены и потолок потемнели от времени и жирной копоти. Сверху здесь тоже свисали цепи и крюки. На солидном расстоянии друг от друга располагались приземистые махины: иные в человеческий рост, иные — размером с библиотеку. В основе каждой лежала металлическая глыба, издали ровная, вблизи — шероховатая. Я так понял, что они изготовлены древним способом, когда в песке выкапывают форму и в неё льют жидкий чугун. Там, где это было нужно, металл срезали или

высверлили, оставив гладкие поблескивающие плоскости, отверстия и прямые углы, например, толстые ножки, которыми отливки были привинчены к полу, или V-образные направляющие, по которым ездили другие отливки, приводимые в движение огромными маховиками. Сбоку и снизу от махин громоздились архитектурные ансамбли витой медной проволоки, исполненные симметрий разного рода и порядка; когда они двигались, на них вспыхивали голубоватые молнии. Побеги проводов и сложно изогнутых трубок взбирались по отливкам, как плющ — по валуну; прослеживая их взглядом до места наибольшей концентрации, я временами неожиданно натыкался на человеческое существо в тёмном комбинезоне. Некоторые из этих людей определённо работали, другие просто думали. Иногда машины издавали звуки, но по большей части тишину нарушало лишь мягкое жужжание расставленных повсюду металлических ящиков, от которых в разные стороны отходили кабели толщиной в мою щиколотку.

В цехе было от силы человек пять или шесть, но все они выглядели занятыми, и мы не решались к ним обратиться. Один рабочий шёл в нашу сторону, катя перед собой ржавую тачку,

переполненную фантастическими волютами металлической стружки.

— Простите, — сказал я. — Корд здесь?

Рабочий повернулся и махнул рукой на что-то большое и сложное посреди цеха. Над ним рациональная адрахонесова геометрия потолочных ферм и бесконечно более сложные многообразия клубящегося тумана обретали сверхреальность за счёт дрожащей электрической подсветки. Увидь я звезду такого цвета в телескоп, я бы сразу понял, что это голубой карлик, и мог бы примерно оценить его температуру: гораздо горячее нашего солнца, настолько, что часть энергии излучается в ультрафиолетовом и рентгеновском диапазоне. Однако лучащийся комплекс размером с дом был оранжево-красным, а губительный свет пробивался лишь по его округлым краям или отражался от гладких участков пола. Подойдя ближе, мы с Джезри увидели прозрачный куб алого янтаря с двумя чёрными фигурками внутри, только это были не насекомые, а люди. Когда они двигались, их силуэты изгибались и шли рябью.

Мы поняли, что машина окружена завесой из какого-то красного желеобразного вещества. Голубой свет бил прямо вверх, убивая вредные организмы на балках, но не мог ослепить людей,

стоящих на полу. Нам с Джезри было очевидно, что занавес красный потому, что его назначение — пропускать только низкоэнергетический свет, который мы воспринимаем как красный. Для высокоэнергетического света — который мы видим как голубой, если вообще видим, — он непрозрачен, словно стальная пластина.

Мы обошли комплекс по периметру: он был размером с два составленных рядом жилых модуля. Через прозрачную желеобразную завесу подробностей было не разобрать. Мы видели стол, на который могли бы лечь рядом десять человек, ездящий туда-сюда, как куб льда по сковородке. Посередине был установлен другой стол, поменьше, круглый: он быстро, но размеренно наклонялся и поворачивался. Над всем этим с чугунного моста свисала мощная конструкция, которая двигалась вверх и вниз, — из отверстия в ней и шёл голубой свет.

От верхней части моста к платформе, на которой стояли два человека, отходил трубчатый стальной кронштейн. На его конце висел металлический ящик, выглядящий здесь совершенно не к месту: он принадлежал к иному порядку вещей, чем чугунные станины. По всему ящику горели цифры. Видимо, внутри у него был

синтаксический процессор — измеряющее или управляющее устройство машины. Или то и другое вместе: настоящий синтаксический процессор вполне может принимать решения на основе измерений. Моей первой мыслью было развернуться и выйти из цеха, но Джезри машина зачаровала.

— Брось, сейчас аперт! — воскликнул он и за руку потянул меня обратно.

Один из людей внутри что-то сказал про абсциссу. Мы Джезри изумлённо переглянулись, проверяя, не ослышались ли. Это было как если бы старуха-кухарка заговорила на среднеортском.

Из-за алой завесы доносились и другие обрывки разговора: «кубический сплайн», «эволюта», «пиланическая интерполяция».

Мы не могли оторвать глаза от чисел на передней панели синтаксического процессора. Они постоянно менялись. Одна строчка представляла собой часы: в ней шёл обратный отсчёт сотых долей секунды. Другие (как я постепенно сообразил) показывали положение стола: его абсциссу и ординату, угол поворота и угол наклона маленького столика, высоту разрядника. Иногда замирали все строчки, кроме одной, — это означало простое

линейное движение. Иногда менялись все разом, выдавая очередное решение системы параметрических уравнений.

Целых полчаса мы с Джезри смотрели в полном молчании. По большей части я старался понять, как меняются цифры. А ещё я думал, как это место похоже на наш собор со священными часами посередине, в колодце света.

Тут часы, так сказать, пробили: обратный отсчёт замер на нуле, свет погас.

Корд отдёрнула занавес, сняла чёрные очки и рукавом вытерла со лба пот.

Человек рядом с ней — как я понял, заказчик — был одет в свободные чёрные штаны и чёрную фуфайку. Голову его покрывала маленькая чёрная шапочка. Мы с Джезри одновременно поняли, кто это, и разом остолбенели.

Ита тоже понял, кто мы, и отступил на полшага. Рот его открылся, так что длинная чёрная борода лавиной скользнула по груди. И тут он совершил нечто примечательное: пересилил вбитый с детства рефлекс втянуть голову в плечи и юркнуть прочь. Он сделал полшага вперёд и — трудно поверить, но мы с Джезри, обсуждая это позже, согласились, что так оно и было — глянул на нас с вызовом.

Не зная, как себя вести, мы с Джезри отошли подальше и стояли там, пока Корд выполняла череду маленьких быстрых действий, совершая актал отключения машины и подготовки её к дальнейшему использованию.

Ита снял шапочку — в таких они ходят среди своих — и растянул её в высокий, чуть грибообразный цилиндр — отличительный знак, по которому мы можем издали их заметить. Цилиндр он водрузил себе на голову и снова зыркнул на нас.

Как мы никогда не пустили бы ита в алтарь, так и он оскорбился, что мы пришли *сюда*. Словно мы осквернили это место своим присутствием.

Видимо, повинуясь тому же рефлексу, мы с Джезри опустили на лицо капюшоны.

Казалось, ита не только не переживает, что мы видим в нём представителя подлого, коварного племени, но, наоборот, гордится своей кастовой принадлежностью и всем своим видом это показывает.

Пока мы ждали, когда ита и Корд закончат свои дела, я продолжал думать о том, чем это место похоже на наш собор: например, тем, как я опешил, вступив в цех, такой тёмный и такой светлый одновременно. Голос у меня в голове

— голос педанта-процианина — упрекал меня за халикаарнийский образ мыслей. Он говорил, что на самом деле я вижу собрание древних механизмов, лишённых всякого смысла: голый синтаксис, никакой семантики. Я утверждаю, что вижу в них смысл. Однако этот смысл есть только у меня в голове. Я принёс его сюда в своей черепной коробке и теперь играю с семантикой, приписывая смысл чугунным памятникам старины.

Однако чем дольше я об этом думал, тем больше убеждался, что у меня вполне законное снизарение.

Протес, величайший из фидов Фелена, как-то поднялся на гору рядом с Эфрадой. Оттуда он посмотрел на равнину внизу, увидел тени облаков и сравнил их очертания. Тогда-то он пережил своё знаменитое снизарение: хотя форма теней безусловно отвечает форме облаков, сами облака бесконечно сложнее и совершеннее своих теней, не только лишённых пространственного измерения, но ещё и спроецированных на неровную поверхность. По дороге вниз Протес развил своё снизарение, отметив, что всякий раз, как он оборачивается на гору, её форма предстаёт ему иной, хоть он и знает, что гора имеет одну абсолютную форму, а мнимые перемены порождены тем, что

смещается его точка зрения. Отсюда он перешёл к самому великому снизарению: оба его открытия — касательно облаков и касательно горы — лишь тени, отбрасываемые на его сознание некой большей, всеобъемлющей идеей. Вернувшись на периклиний, он провозгласил своё учение, что всё, якобы нам ведомое — тени более совершенных объектов вышнего мира, учение, ставшее основой протесизма. Если Протеса чтут за его снизарения, почему мне нельзя думать, что и наш собор, и этот машинный цех — тени чего-то, существующего в ином мире: священного места, тени от которого ложатся и на другие места, например, на базские скинии или рощи вековых деревьев.

Джезри тем временем направился прямиком к машине. Корд нажала какие-то кнопки, отчего разрядник втянулся наверх, а стол выехал вперёд. Она запрыгнула на стальную пластину и короткими рассчитанными шажками двинулась к круглому столу (тоже самостоятельной машине внушительных размеров). Прежде чем поставить ногу, Корд аккуратно поводила ею вправо-влево, смахивая обрезки серебристого металла. Они с мелодичным звоном падали на пол, некоторые оставляли за собой тонкие витушки дымков. По-

дошёл рабочий с пустой тачкой, метлой и совком. Он начал сметать мусор в кучу.

— Эта штука вырезает форму из металлического бруска, — сказал Джезри. — Не лезвием, а электрическим разрядом, который плавит материал...

— Не просто плавит. Ты же видел, какой был свет? Он превращает металл в...

— Плазму, — хором сказали мы, и Джезри продолжил: — Он просто удаляет всё лишнее.

Сразу возник вопрос: а что не лишнее? Ответ стоял перед нами на вращающемся столике: скульптура из серебристого металла, изгибающаяся плавно, как рог, с раздувами, внутри которых проходили идеальные цилиндрические отверстия. Корд вытащила гаечный ключ из того, что было на неё надето, — это трудно было назвать одеждой, скорее сбруей, поскольку служило оно главным образом для крепления различных инструментов к её телу, — открутила три держателя, убрала гаечный ключ в его особый кармашек, расправила плечи, напрягла колени, вытянула спину, двумя руками взялась за выступы готовой детали и оторвала её от стола. Она спустила деталь с машины, словно спасённую с дерева кошку, и поставила на стальную тачку

— по виду древнее гор. Ита провёл по детали руками. Его высокая шапка наклонилась вправо, потом влево — очевидно, ита проверял какие-то элементы детали. Потом он кивнул, обменялся несколькими словами с Корд и покатил тележку во мглу и тишь.

— Это деталь часов! — воскликнул Джезри. — Что-то сломалось или износилось в подвале!

Я тоже видел, что по стилю эта штука напоминает некоторые детали наших часов, но шикнул на Джезри, потому что сейчас меня больше интересовала Корд. Она шла к нам, аккуратно ставя ноги между обрезками металла и на ходу вытирая руки тряпкой. Волосы у неё были коротко острижены. Сначала мне показалось, что она высокая, может быть, потому, что такой я её помнил. На самом деле она была не выше меня. Из-за множества карманов с инструментами она выглядела пухлой, но шея и руки были крепкие, жилистые. В двух шагах от нас Корд остановилась, лязгнув снаряжением. Стояла она как-то особенно решительно и прочно. Впечатление было такое, будто она и спать может стоя, как лошадь.

— Кажется, я знаю, кто ты, — сказала Корд. — Но как тебя зовут?

— Теперь Эразмас.

— В честь какого-нибудь древнего светителя?

— Ага.

— А я так и не починила тот кузовиль.

— Знаю. Я только что его видел.

— Я притащила некоторые его детали сюда, чтобы починить, да так тут и осталась.

Корд взглянула на свою правую ладонь, словно говоря: «Если хочешь, можем пожать друг другу руки, только моя — грязная».

Мы обменялись рукопожатиями.

Снаружи зазвонили колокола.

— Спасибо, что разрешила нам посмотреть на свою машину, — сказал я. — Хочешь увидеть нашу? Скоро провенер. Мы с Джезри должны идти заводить часы.

— Я как-то раз была на провенере.

— Сегодня его можно посмотреть оттуда же, откуда смотрим мы. Доброго аперта.

— Доброго аперта, — ответила Корд. — Ладно, чего уж там, пойду гляну.

Нам пришлось бежать через луг. Под сбруей, которую Корд сняла в машинном цехе, у неё оказалась другая, поменьше, вроде жилета — как я понял, для вещей, которые должны быть у неё под рукой постоянно. Когда мы побежали, инструмент в карманах залязгал и зазвенел, так

что Корд должна была остановиться и подтянуть несколько ремешков, после чего уже легко бежала наравне с нами. Наш луг заполонили миряне, выбравшиеся сюда на пикник. Некоторые даже жарили мясо. Они смотрели, как мы бежим, словно это такой специальный аттракцион для их развлечения. Детей выталкивали вперёд, чтобы им было лучше видно.

Взрослые направляли на нас спилекапторы и смеялись над нашей озабоченностью.

Мы вбежали в дверь, ведущую с луга, взлетели по лестнице в помещение, где у стен были свалены старые скамьи и аналои, и едва не споткнулись о Лио с Арсибальтом. Лио сидел на полу, подобрав под себя ноги, Арсибальт — на низкой скамье. Он раздвинул ноги и нагнулся вперёд, чтобы кровь из носа капала не на одежду, а на пол.

У Лио губа вспухла и кровоточила. Кожа у него под глазом была цвета охры — первая стадия синяка. Он смотрел в тёмный угол помещения. Арсибальт испустил прерывистый вздох, словно перед этим рыдал, а теперь наконец-то с собой справился.

— Подрались? — спросил я.

Лио кивнул.

— Между собой или...

Лио мотнул головой.

— На нас напали! — громко объявил Арсибальт, обращаясь к лужице крови на полу.

— В интра или в экстра? — спросил Джезри.

— В экстрамуросе. Мы направлялись в базилику моего батюшки. Я хотел всего лишь узнать, станет ли он со мной разговаривать. Мимо проехала машина: раз, другой, третий. Она кружила, как снижающийся коршун. Из неё вылезли четверо. У одного была подвязана рука: он смотрел и подбадривал остальных.

Мы Джезри разом посмотрели на Лио.

— Без толку! Без толку! — сказал тот.

— Что без толку? — спросила Корд. Звук её голоса заставил Арсибальта поднять глаза.

Лио было плевать, что у нас гостья, но на её вопрос он ответил:

— Моё искводо. Всё искусство долины, которое я изучал.

— Не может быть, чтобы настолько! — возмутился Джезри, хотя вот уж кто упорнее всех год за годом убеждал Лио, что от его искводо нет никакого проку.

Вместо ответа Лио вскочил, в два прыжка оказался перед Джезри и нахлобучил ему капюшон

на лицо. Джезри не просто ослеп: теперь стла не давала ему поднять руки и откинуть капюшон. Лио ткнул Джезри в грудь — легонько, но тот качнулся так, что мне пришлось его подхватить.

— Вот это они с вами и проделали? — спросил я.

Лио кивнул.

— Запрокинь голову, — сказала Корд Арсибальту. — Тут есть сосуд. — Она указала себе на переносицу. — Зажми его. Вот так. Меня зовут Корд. Я сестра... Эразмаса.

— Чрезвычайно рад знакомству, — глухо ответил Арсибальт из-под руки (он последовал совету Корд). — Я Арсибальт, незаконный сын местного базского архипрелата, если ты можешь в такое поверить.

— Кровь вроде бы останавливается, — сказала Корд. Она вытащила из кармана два лиловых комка и развернула их в перчатки из тончайшего эластичного материала. Перчатки она натянула на себя. Я в первый момент ничего не понял, потом сообразил, что это защита от инфекции — предосторожность, до которой я бы в жизни не додумался.

— Хорошо, что благодаря комплекции крови у меня много, — заметил Арсибальт, — не то я мог

бы умереть от кровопотери.

Некоторые кармашки у Корд были длинные, узкие и шли ровными рядами. Из двух она вытянула белые цилиндрики размером со свой мизинец. У каждого на конце болталась нитка.

— Это ещё что? — спросил Арсибальт.

— Можно назвать их промокашками, по одной для каждой ноздри. — Корд вложила белые цилиндрики в окровавленные руки Арсибальта и стала наблюдать, с легким беспокойством и интересом, как Арсибальт осторожно вставляет их в нос. Лио, Джезри и я молча смотрели.

Пришла суура Ала с охапкой тряпок, большую часть которых она бросила на пол, чтобы впитать кровавую лужу. Остатками они с Корд утерли кровь с губ и подбородка Арсибальта. Всё это время они изучали друг друга, словно соревновались, кто из них ученый, а кто — опытный экземпляр. К тому времени, как я сообразил, что надо их представить, они узнали друг о дружке столько, что имена почти не имели значения.

Из очередного кармана Корд достала хитрое металлическое устройство, сложенное во много раз, и развернула его в миниатюрные ножнички, которыми откусила нитки, торчащие из ноздрей Арсибальта.

Суура Ала всегда была ужасно строгой и авторитарной, и я думал, сейчас они с Корд передерутся, как кошки в наволочке. Но когда она увидела носовые промокашки, то одарила Корд радостным взглядом, на который Корд ответила тем же.

Мы под руки вывели Арсибальта из комнаты, надели на него огромную малиновую мантию, скрывшую следы побоев, и опоздали на провенер всего на пару минут. Нас встретило хихиканье: некоторые решили, что мы пили в экстрамуросе. Хихикали всё больше гости, но я услышал смешки даже из-за экрана тысячелетников. Я думал, что нам с Джезри придется работать за четверых, но Лио и Арсибальт, наоборот, налегали куда сильнее обычного.

После провенера отец-дефендор пересёк алтарь и прошёл за наш экран, чтобы задать вопросы Лио и Арсибальту. Мы с Джезри отошли в сторонку. Корд внимательно слушала. Поэтому Лио старался говорить по-флукски, к раздражению фраа Делрахонеса. Арсибальт, с другой стороны, употреблял слова вроде «разбойники и негодяи».

По его описанию транспортного средства и одежды громил Корд их узнала.

— Это местная... — сказала она и запнулась.

— Банда? — спросил Делрахонес.

Корд пожала плечами.

— Банда, которая развешивает у себя дома плакаты с придуманными бандами из старых спилей.

— Как интересно! — воскликнул Арсибальт, пока фраа Делрахонес обдумывал услышанное. — Значит, это нечто вроде метабанды...

— Но ведут они себя как настоящие бандиты, — сказала Корд, — и ты сам в этом убедился.

Из природы вопросов, которые задавал Делрахонес, стало ясно, что он пытается выяснить, какую иконографию исповедует банда. Он не уяснил того, что было понятно мне и Корд: есть эксы, которые готовы избить инаков просто потому, что это веселее, чем их не бить. А не потому, что они исповедуют какую-то абсурдную теорию. Он исходил из того, что разбойники и негодяи утруждают себя теориями.

В общем, сперва мы с Корд разозлились, потом нам стало скучно (как любил говаривать Ороло, скука — маска, в которую рядится бессилие). Мы переглянулись и отошли в сторонку, а когда никто не стал нас удерживать, потихоньку слиняли.

Я уже говорил, что у десятилетников вместо настоящего нефа — скопление башенок. В самой

узкой из них располагалась винтовая лестница, ведущая на трифорий — галерею, которая тянется вдоль всей внутренней стены алтаря над экранами, под клересторием. Из дальнего конца нашего трифория ещё одна лесенка вела на хоры звонщиц. Корд заинтересовалась: я видел, как её взгляд скользит по верёвкам, уходящим в высоту президия. Понятно было, что она не успокоится, пока не увидит другой конец этих верёвок. Так что мы прошли по трифорию и начали взбираться по лесенке в башне, образующей юго-западный угол собора.

Когда дело доходило до стен, матические архитекторы оказывались совершенно беспомощны. Колонны — всегда пожалуйста. Арки — за милую душу. Своды (по сути, те же арки, только трёхмерные) — нет ничего проще. Зато там, где любой другой поставил бы стену, они городили арки и каменное кружево. Когда поступали рекламации на холод, комаров и всё остальное, от чего в нормальном здании защищали бы стены, матические архитекторы иногда снисходили до того, чтобы закрыть дырки витражами. К сожалению, у нас так и не дошли руки сделать достаточно витражей. В ветреную или дождливую погоду здесь было ужасно, зато в хороший день, как

сегодня, преимущество матической архитектуры — её прозрачность — сказывалось в полной мере. Поднимаясь по юго-западной башенке, мы видели и внутреннюю часть собора, и концент внизу.

Та часть башни, где начинались площадки и пинакли, — другими словами, самое высокое её место, куда можно было попасть без приставных лестниц и скалолазного снаряжения, — располагалась примерно на уровне инспектората. Здесь можно было полюбоваться на один за самых искусных образцов каменной резьбы в конценте: купол-башенку, фактически целую скульптуру с изображениями планет, лун и древних космографов, которые их изучали. В середину всего этого великолепия была встроена решётка, которая поднималась и опускалась при помощи ворота. Сейчас решётка была поднята, так что мы могли попасть на следующую лестницу, идущую по гребню аркбутана внутрь президия. Будь решётка опущена, нам бы пришлось вернуться — по мостику в инспекторат меня почему-то не тянуло.

Мы прошли через купол. Я нарочно не торопился, давая Корд возможность рассмотреть резьбу и механизм. На лестнице я пропустил сестру вперед: так я не загораживал вид и мог поддержать её, если она почувствует головокружение.

Потому что мы были уже высоко и взбирались по каменному аркбутану, который снизу казался не толще птичьей кости. Корд обеими руками держалась за чугунные перила, шла очень медленно и явно получала массу удовольствия.

Лестница заканчивалась амбразурой (невероятно сложной матической аркой) в углу президия примерно на уровне звонницы. Отсюда был только один путь наверх — лестница, вьющаяся вдоль ажурных стен президия. Туристам обычно не хватало сил взобраться так высоко, многие инаки ушли в экстрамурос, и весь президий был в полном нашем распоряжении. Я дал Корд время полюбоваться алтарём. Инспекторат и дефендорат, прямо под нами, имели форму клуатра, то есть и у того, и у другого в середине располагалась большая квадратная дыра, через которую проходил президий. Дыру обрамляли переходные галереи, с которых просматривалось всё — от алтарного пола до звездокруга.

Корд проследила верёвки от балкончика и убедилась, что они действительно привязаны к колоколам. Впрочем, отсюда было видно, что к ним ведут не только верёвки: из хронобездны спускались валы и цепи — механизм автоматического часового боя. Разумеется, Корд захотела

его увидеть. Мы поползли вверх, как муравьи по стенке колодца, останавливаясь на каждом витке, чтобы Корд могла осмотреть механизм или разобраться, как пригнаны камни (а заодно и перевести дух). Эта часть здания была значительно проще: у архитекторов отпала нужда бороться со сводами и контрфорсами. И уж тут они отвели душу. Стены представляли собой белую фрактальную пену каменной резьбы. Корд ахала и восхищалась. Я не мог спокойно на это смотреть. Сколько часов я провёл здесь, счищая птичий помёт с камня и механизма!

— Значит, тебе сюда можно ходить только в аперт, — в какой-то момент предположила Корд.

— С чего ты взяла?

— Вам же нельзя встречаться с людьми из других матиков? Но если все станут ходить по лестнице, когда вздумают, вы будете друг с другом сталкиваться.

— Посмотри, как устроена лестница, — сказал я. — Она почти вся видна. Так что мы просто держим дистанцию.

— А если темно? Или если ты поднимешься на звездокруг и там кто-нибудь будет?

— Помнишь решётку, под которой мы проходили?

— На верху башни?

— Да. Так вот, вспомни, что таких башен ещё три. И в каждой такая же решётка.

— По одной для каждого матика?

— Верно. На ночь ключник закрывает все, кроме одной. Ключник — это такой иерарх, подчинённый матери-инспектрисе. В одну ночь на звездокруг могут подниматься только десятилетники. В следующую, например, столетники. И так далее.

Мы поднялись на высоту вековой гири и остановились, чтобы Корд могла её рассмотреть. Ещё мы поглядели через каменное кружево южной стены на машинный цех за столетними воротами. Я проследил свой утренний маршрут и отыскал дом Джезри на холме.

Корд по-прежнему выискивала изъяны в нашем каноне.

— Эти инспектора или как их там...

— Иерархи, — сказал я.

— Они, я так понимаю, общаются со всеми матиками?

— Да, а также с ита, секулюмом и другими концентами.

— Значит, когда ты с кем-нибудь из них говоришь...

— Послушай, — сказал я. — Одно из распространённых заблуждений — будто матики должны быть запечатаны герметически. Однако замысел совсем не в том. На случаи вроде тех, о которых ты говорила, у нас есть правила поведения. Мы держимся на расстоянии от тех, кто не из нашего матика. Молчим и опускаем капюшоны, чтобы не сказать и не увидеть лишнего. Если нам совершенно необходимо связаться с кем-то из другого матика, мы делаем это через иерархов. А их специально учат, как говорить, например, с тысячником, чтобы тому в мозг не проникла мирская информация. Вот почему иерархи носят такие одежды, такие причёски — они буквально не изменились за три тысячи семьсот лет. Они говорят на очень консервативной версии орта. И у нас есть способы общаться без слов. Например, если фраа Ороло хочет наблюдать какую-то звезду пять ночей кряду, он излагает свою просьбу примасу. Если примас находит её разумной, он даёт ключнику указание в эти ночи держать нашу решётку открытой, а другие — опустить. Все решётки видны из всех матиков, так что космограф-милленарий смотрит вниз и понимает, что сегодня он на звездокруг не пойдёт. И ещё у нас есть лабиринты между матиками, через которые

можно проходить или передавать вещи. Но мы не в силах запретить воздухолётам пролетать у нас над головой или пенам — включать громкую музыку под нашим стенами. В древности на нас целых два века смотрели из небоскрёбов!

Корд заинтересовалась.

— Видел в машинном цехе старые двутавровые балки?

— Думаешь, это были каркасы небоскребов?

— Скорее всего. Не представляю, зачем ещё они могли понадобиться. У нас есть коробка со старыми фототипиями, на которых снято, как рабы тащили сюда эти балки.

— А дата на них есть?

— Да. Фототипии сделаны примерно семьсот лет назад.

— И что там на заднем плане? Разрушенный город или...

Корд мотнула головой.

— Лес с огромными деревьями. На некоторых фототипиях балки волокут, подложив под них брёвна.

— Что ж, около две тысячи восьмисотого года был крах цивилизации, так что всё сходится.

Хронобездну пронизывали многочисленные валы и цепи, связанные с часовым механизмом.

Сейчас мы находились на уровне зубчатых передач и валов, приводимых в движение гирями.

На лице Корд всё яснее проступало раздражение. Теперь она не выдержала:

— Ну нельзя же так!

— Что нельзя?

— Нельзя так строить часы, которые должны идти тысячи лет!

— А почему?

— Взять хоть цепи! Звенья, шарниры, втулки — всё это места, где что-нибудь может сломаться, износиться, испачкаться, заржаветь... о чём думали те, кто это проектировал?

— Они думали, что здесь всегда будет много инаков, способных поддерживать механизм, — ответил я. — Но я понял, о чём ты. Некоторые другие миллениумные часы больше похожи на то, что тебе представилось: могут идти тысячелетиями без всякого ремонта. Всё зависит от того, что хотели сказать их создатели.

Это дало ей обильную пищу для размышлений, и некоторое время мы поднимались молча. Теперь я шёл первым и показывал дорогу: мы петляли по площадкам и лесенкам, устроенным, чтобы подлезть к разным частям механизма. Корд готова была бесконечно разбираться в устройстве

часов. Я заскучал и подумал, что в трапезной уже начал и раздавать еду. Потом я сообразил, что в аперт всегда могу выйти в экстрамурос и попросить у добрых людей чизбург. Корд, привыкшая, что есть можно в любое время, ничуть не боялась пропустить обед.

Она смотрела, как толкают друг друга причудливо выточенные рычажки.

— Похоже на ту деталь, которую я сегодня делала для Самманна.

Я поднял руки и взмолился:

— Не говори мне, как его зовут... и вообще ничего о нём не говори.

— Почему вам нельзя говорить с ита? — с внезапной досадой спросила она. — Глупость какая-то. Среди них попадаются очень умные.

Вчера я бы рассмеялся, услышав из уст экса такое уверенное суждение об уме кого-нибудь из обитателей матика — пусть даже ита. Но Корд — не просто экс. Она — моя сестра. У нас с ней куча общих генетических цепочек, и врождённого ума у неё столько же, сколько у меня. У фраа не может быть детей: нам добавляют в пищу особое вещество, вызывающее мужское бесплодие, чтобы наши сууры не беременели и в матиках не вывелся более умный биологический вид.

Генетически мы все из одной кастрюли.

— Это что-то вроде гигиены, — сказал я.

— Вы считаете, что ита грязные?

— Гигиена борется не с грязью, а с вредными микроорганизмами. Её цель — препятствовать распространению опасных генетических цепочек. Мы не считаем ита грязными в том смысле, что они не моются. Однако они по сути своих занятий имеют дело с информацией из самых разных источников, в которых можно подцепить что угодно.

— А зачем это всё? В чём смысл? Кто придумал эти дурацкие правила? Чего вы боитесь?

Корд говорила в полный голос. Будь мы в трапезной, я бы сейчас втянул голову в плечи, но здесь, среди глухонемых механизмов, наш разговор был мне даже приятен. Пока мы лезли дальше, я подбирал объяснение, которое она сможет воспринять. Самая интересная часть механизма — та, которая управляла циферблатами, — осталась внизу. Выше были только двенадцать вертикальных валов, уходящих через дыры в своде к тому, что находилось на звездокруге: полярным осям телескопов и зенитному синхронизатору, который каждый день (по крайней мере каждый погожий день) в полдень немного

поправлял ход часов. Остаток пути нам предстояло проделать по винтовой лестнице, вьющейся вокруг самого большого вала — того, что поворачивал огромный телескоп светителей Митры и Милакса.

— Та большая машина, которой ты режешь металл...

— Она называется «пятикоординатная электроразрядная установка».

— Я заметил, что у неё есть рукоятки. Закончив работу, ты ими поворачивала столик. Наверняка ты можешь с их помощью вырезать детали?

Корд пожала плечами.

— Да, очень простые.

— Но когда ты отпускаешь рукоятки и передаёшь управление синтаксическому аппарату, машина обретает большие возможности?

— Не то слово! Машина, управляемая синапом, может вырезать практически любую форму.

Корд вытащила из бокового кармана часы и помахала цепочкой из серебристых бесшовных звеньев.

— Это моя работа на звание мастера. Я вырезала её из цельного титанового стержня.

Я потрогал цепочку. На ощупь она была как струйка ледяной воды.

— Так вот, синапы точно так же увеличивают возможности других инструментов. Например, инструментов для чтения и писания генетических цепочек. Для видоизменения протеинов. Для программирования нуклеосинтеза.

— Я не знаю, что это такое.

— Потому что никто таким больше не занимается.

— А ты тогда откуда знаешь?

— Мы всё это изучаем — абстрактно, — когда нам рассказывают историю Первого и Второго разорений.

— Ну, про них я тоже впервые слышу, так что давай переходи к сути.

Мы как раз добрались до верхней площадки. Я толкнул дверь, и мы, щурясь от яркого света, вышли на звездокруг. В последней фразе Корд я уловил лёгкое недовольство, а по разговорам Ороло с мастерами помнил, как раздражала их наша манера подводить к ответу исподволь, а не отвечать в лоб. Поэтому я на время придержал язык и дал Корд оглядеться.

Мы стояли на крыше президия — огромном каменном диске, опирающемся на свод. Середина его была слегка приподнята для стока дождевой воды. Пол украшали резные и мозаичные

космографические символы и кривые. Менгиры по периметру отмечали места восхода и захода некоторых небесных тел в разное время годового цикла. Внутри круга располагалось несколько сооружений. Точно посередине стоял пинакль, обвитый двойной спиралью внешних лестниц. Его вершина была наивысшей точкой собора.

Самыми массивными были парные купола большого телескопа. Рядом располагались купола поменьше, лаборатория без окон, где мы работали с фотомнемоническими табулами, и отапливаемый придел, где Ороло занимался теорикой и учил фидов. Туда я и повёл Корд. Мы прошли через две окованные железом двери (здесь, на высоте, часто дули сильные ветры) и оказались в маленькой тихой комнатке. Арки, круглые витражи — такое впечатление, что мы попали в Древнюю матическую эпоху. На столе, там, где я её и оставил, лежала фотомнемоническая табула, которую мне дал Ороло, — диск размером в две моих ладони и в три пальца толщиной, сделанный из тёмного стеклянистого вещества. В его глубине пряталось изображение туманности светителя Танкреда, почти неразличимое в ярком свете из окна. Я отодвинул диск в тень, и туманность проступила чётче.

— Первый раз вижу такую толстую фототипию, — сказала Корд. — Это какая-то древняя технология?

— Гораздо лучше. Фототипия запечатлевает одно мгновение — в ней нет временного измерения. Видишь: кажется, что изображение почти на поверхности.

— Ага.

Я приложил палец к ободу табулы и повёл им вниз. Изображение ушло в стекло вслед за моим пальцем. Туманность при этом уменьшалась, а неподвижные звёзды оставались на своих местах. Когда мой палец дошёл до самого низа, туманность сжалась в одну очень яркую звезду.

— В нижнем слое табулы мы видим звезду Танкреда в ту самую ночь, когда она взорвалась, в четыреста девяностом году. Практически в то мгновение, когда свет проник в нашу атмосферу, светитель Танкред поднял глаза к небу и увидел сверхновую. Он побежал к большому телескопу своего концента, вложил в него точно такую же фотомнемоническую табулу и навёл трубу на звезду. С тех пор табула лежала там, записывая взрыв каждую ясную ночь, пока в две тысячи девятьсот девяносто девятом году её не вынули, чтобы снять копии для тысячелетников.

— Я всё время вижу такие в фантастических спилях, — сказала Корд, — но не знала, что это взрывы. — Она несколько раз провела пальцем по краю табулы, двигая изображение на тысячу лет в секунду. — Но тут это видно яснее ясного.

— У табулы есть множество других возможностей. — Я показал, как увеличить картинку до пределов разрешения.

До Корд наконец дошло, к чему я клоню.

— В этой штуке, — сказала она, указывая на табулу, — должен быть какой-то синап.

— Да. Поэтому она гораздо лучше фототипии — как твоя пятикоординатная установка становится лучше благодаря своим мозгам.

— Разве это не против вашего канона?

— Некоторые праксисы нам разрешили оставить. Скажем, новоматерию в наших стлах и хордах или вот такие табулы.

— Когда? Когда были приняты эти решения?

— На конвоксах после Первого и Второго разорения, — сказал я. — Понимаешь, хоть эпоха Праксиса и закончилась, концепты дважды набирали большую силу, соединив изобретённые их синтаксическими группами процессоры с другими инструментами — в одном случае для создания новоматерии, в другом — для манипу-

ляций с цепочками. Это напомнило людям об Ужасных событиях и привело к Первому и Второму разорению. Наши правила насчёт ита и того, какие праксисы можно использовать, а какие — нет, составлены в те времена.

Для Корд всё услышанное было слишком абстрактно, но внезапно она ухватила суть, и её глаза расширились.

— Ты об инкантерах?

По идиотскому, бессознательному рефлексу я взглянул в окно на милленарский матик — он стоял на утёсе вровень с башней, но его закрывала древняя крепостная стена. Корд правильно истолковала мой взгляд. Хуже того — она этого и ждала.

— Миф об инкантерах восходит к эпохе, предшествовавшей *Третьему* разорению, — сказал я.

— И о тех, с кем они воевали... забыла, как называются...

— Риторы.

— Ах да. Так в чём, собственно, разница?

Корд смотрела на меня с наивным любопытством, накручивая на палец часовую цепочку. Я не мог отплатить ей той же монетой: показать, какие глупые вопросы она задаёт.

— Ну, если ты смотришь такого рода спили, то

знаешь про них больше меня, — сказал я. — Мне как-то попалась такая бойкая формулировка: мол, риторы умели менять прошлое и делали это с удовольствием; инкантеры могли изменять будущее, но прибегали к своему умению крайне неохотно.

Корд кивнула, как будто это и впрямь объяснение, а не чушь собачья.

— Им приходилось менять будущее в ответ на действия риторов.

Я пожал плечами.

— Опять-таки всё зависит от того, какая фантастика тебе нравится.

— Но те, кто там, инкантеры? — сказала Корд, глядя на утёс.

Мне стало совсем кисло, поэтому я снова вывел её на площадку, но там Корд опять повернулась к милленарскому матику. Я наконец понял, что она просто хочет себя успокоить. Увериться, что странные люди, живущие на утёсе над её городом, не опасны. И здесь я был рад ей помочь, тем более что потом она может успокоить других. В том-то и цель аперта — рассеивать предрассудки и сглаживать острые углы.

Однако врать Корд я тоже не мог.

— Наши тысячники — особая история, — сказал

я. — В других матиках, например, в том, где живу я, смешаны разные ордена. Там, на утёсе, все принадлежат к одному ордену — эдхарианскому. То есть все они — последователи светителя Халикаарна. В тех сказках, о которых ты говоришь, они были бы инкантерами.

Видимо, мне удалось полностью удовлетворить её любопытство насчёт инкантеров и риторов. Мы продолжили экскурсию по звездокругу, хоть мне и пришлось сделать крюк, чтобы не пройти близко от ита, который вышел из подсобки, неся на плече моток красного провода. Корд это заметила.

— А зачем вообще держать здесь ита, если вы их избегаете? Не проще ли отправить их куда подальше?

— Они обслуживают некоторые части часового механизма...

— Невелика хитрость! Тут бы и я справилась.

— Ну... сказать по правде, мы сами задаём себе этот вопрос.

— Воображаю! И наверняка у вас есть на него двенадцать разных ответов.

— Есть устойчивое мнение, что они шпионят за нами по указке мирских властей.

— И поэтому вы их не любите.

— Да.

— А почему вы думаете, что они за вами шпионят?

— Из-за воко. Это актал, когда фраа или сууру вызывают из матика, чтобы сделать что-то праксическое для бонз. Больше мы их не видим.

— Они просто исчезают?

— Мы поём некий анафем — песнь прощания и скорби, — потом смотрим, как этот человек выходит из собора и садится на лошадь или в геликоптер. Да, «исчезают» — правильное слово.

— И при чём здесь ита?

— Скажем, мирской власти нужно победить какую-нибудь болезнь. Откуда известно, какой инак в каком конценте этой болезнью занимается?

Корд обдумывала мои слова, пока мы поднимались по винтовой лестнице на пинакль. Каждая ступенька представляла собой каменную плиту, выступающую из стены: смелая конструкция, требующая определённой смелости оттого, кто по ней взбирается, потому что перил не было.

— Выходит, властям это очень выгодно, — заметила Корд. — А вы не думаете, что страшилки про Ужасные события и про инкантеров — просто палка, которую власти держат наготове, чтобы вы их слушались?

— Это допущение светительницы Патагар. Оно восходит к двадцать девятому веку, — сказал я.

Корд фыркнула.

— Ладно, рассказывай. Что сталось со светительницей Патагар?

— Ничего особенного. Она жила себе и жила, потом основала свой орден. Его капитулы и сейчас где-то есть.

— С тобой невозможно говорить. Всякая идея, которую способны измыслить мои слабенькие мозги, оказывается затасканным утверждением какого-нибудь великого светителя, жившего две тысячи лет назад.

— Я не хочу умничать, но вообще-то это утверждение светительницы Лоры и восходит к шестнадцатому веку.

Она засмеялась.

— Правда?

— Правда.

— Буквально две тысячи лет назад какая-то светительница высказала мысль...

— Что все мысли, какие может выдумать человеческий ум, уже выдуманы. Это очень важная мысль.

— Погоди, а разве мысль светительницы Лоры не была новой?

— Согласно ортодоксальным палеолоритам это была Последняя мысль.

— А. Ладно, тогда я должна спросить...

— Что мы все делаем здесь все эти две тысячи сто лет?

— Ну, если совсем грубо, то да.

— Не все согласны с утверждением светительницы Лоры. Лоритов вообще принято ненавидеть. Лору называют вытащенным из нафталина мистагогом, а то и похлеще. Но хорошо, что лориты есть.

— Почему?

— Как только кто-нибудь придумывает мысль, которую считает новой, лориты пикируют, как коршуны, и пытаются доказать, что ей на самом деле пять тысяч лет. И, как правило, доказывают. Это досадно и унизительно, но по крайней мере люди не тратят времени на то, чтобы повторять уже пройденный путь. И чтобы справляться со своей задачей, лориты должны невероятно много знать.

— Значит, как я понимаю, ты не лорит.

— Да. Может быть, ты повеселишься, если я скажу, что после смерти Лоры её собственный фид пришёл к выводу: все её мысли предвосхитил философ-странник четырьмя тысячами лет

раньше.

— Да, смешно, но разве это не доказывает, что Лора права? Я пытаюсь понять, раз так, что вас здесь держит?

— Идеи — вещь хорошая, даже если они не новые. Просто для того, чтобы освоить сложную теорику, надо учиться всю жизнь. Чтобы существующий запас идей жил, нужно... — я махнул рукой на концент внизу, — ...всё это.

— То есть вы вроде садовника, который разводит редкие цветы. Здесь ваша теплица. Она должна существовать вечно, иначе цветы вымрут. Но вы никогда...

— ...Мы очень редко выводим новый цветок, — признал я. — Впрочем, бывает, на кого-нибудь упадёт космический луч. Кстати, это напомнило мне, зачем я тебя сюда привёл.

— Ага. Что это? Я всю жизнь смотрю на эту пимпочку и думаю, что там наверху телескоп, в который смотрит старенький сморщенный фраа.

Мы выбрались на вершину «пимпочки» — пинакля. На крыше — каменной плите шириною в два моих роста — стояли два диковинных устройства и ни одного телескопа.

— Телескопы внизу, в тех куполах, — сказал я, — но ты могла и не узнать в них телескопы.

Я приготовился объяснить, как зеркала из новоматерии при помощи лазерных маяков прощупывают атмосферу на предмет флуктуаций плотности и меняют свою форму, чтобы скомпенсировать соответствующие искажения, и как они собирают свет и отбрасывают его на фотомнемоническую табулу. Однако Корд интереснее было разобраться в том, что перед ней. Одно из устройств представляло собой кварцевую призму, побольше моей головы, в руках у мраморного светителя. Призма была развёрнута к югу. Без моих объяснений Корд поняла, что свет входит в призму через одну грань, отражается от другой и через отверстие в полу попадает на металлическую конструкцию внизу.

— Я про такое слышала, — сказала Корд. — Эта штука каждый день в полдень синхронизирует часы, верно?

— Если нет облаков, — поправил я. — Но даже во время ядерной зимы, когда солнце может не проглядывать столетиями, часы сбиваются не сильно.

— А это что? — Корд указала на стеклянный купол размером с мой кулак. Он стоял на постаменте из резного камня, на той же высоте, что призма в руках у светителя. — Очевидно,

какой-то телескоп, потому что я вижу щель для фотомнемонической табулы. — Она ткнула пальцем в отверстие под стеклом. — Но не похоже, что эту штуку можно поворачивать. Как вы её направляете?

— Она не поворачивается, и её не надо направлять, потому что это линза «рыбий глаз». Она видит всё небо. Мы называем её «Око Клесфиры».

— Клесфира — чудище из древней мифологии, которое могло смотреть во все стороны сразу.

— Ага.

— А зачем она нужна? Я думала, телескоп — чтобы рассмотреть что-то, а не видеть всё разом.

— Их расставили по всем звездокругам мира примерно во времена Большого кома, когда люди очень интересовались астероидами. Ты права, чтобы что-нибудь рассмотреть, такая линза не годится. Зато она отлично позволяет записывать траектории быстро движущихся предметов. Например, длинные полоски света от метеоритного роя. Изучая их, мы можем понять, какие камни падают с неба: откуда они, из чего состоят и насколько велики.

Впрочем, Око Клесфиры не слишком заинтересовало Корд, ведь в нём не было движущихся

частей. Дальше подниматься было некуда, глубже вникать в космографию Корд явно не хотела. Она вытащила часы на струящейся цепочке и посмотрела время. Мне это показалось смешным, поскольку она стояла на вершине часов, о чём я и сказал. Корд не поняла юмора. Я предложил объяснить, как определять время по положению солнца относительно менгиров, но Корд ответила: «Давай только не сейчас».

Мы спустились. Она торопилась, нервничала из-за работы и каких-то других дел — всего того, чем постоянно забита голова у мирян. Только на лугу, когда впереди уже показались дневные ворота, она немножко успокоилась и начала мысленно перебирать наш разговор.

— Так что ты думаешь о допущении светительницы, как её там?

— Патагар? Что легенду об инкантерах придумали бонзы, чтобы нас шантажировать?

— Да, Патагар.

— Ну, загвоздка в том, что мирская власть меняется от эпохи к эпохе.

— В последнее время — каждый год, — заметила Корд, но я не понял, всерьёз она говорит или шутит.

— Трудно поверить, что она способна придер-

живаться одной и той же стратегии на протяжении четырёх тысячелетий, — сказал я. — С нашей точки зрения, она меняется так часто, что мы даже и не следим за ней, кроме как во время аперта. Считай это место зверинцем для людей, которым противно следить за мирской властью.

Наверное, это было сказано немного заносчиво. С каким-то вызовом, как будто Корд нападает, а я оправдываюсь. Мы простились в десятилетних воротах, и она пообещала на неделе заглянуть ещё.

По пути назад я думал о людях, с которыми разговаривал сегодня. Казалось бы, я меньше всех доволен своим положением, но стоило Джезри или Корд усомниться в правильности нашей системы, я тут же вставал на её защиту и начинал объяснять, чем она хороша. Нелепость, если так посмотреть.

****

***Новоматерия**, твёрдое, жидкое либо газообразное вещество, обладающее физическими свойствами, не наблюдаемыми в естественных простых веществах или их соединениях. Эти свойства обусловлены строением атомных ядер.*

Процесс возникновения ядер из более лёгких частиц называется нуклеосинтезом и происходит обычно в старых звёздах. Он подчиняется законам, которые, если можно так выразиться, застыли в своём нынешнем виде вскоре после возникновения космоса. За два десятилетия после Реконструкции были достигнуты значительные успехи в понимании этих законов, что позволило инакам в лабораторных условиях осуществить нуклеосинтез по законам, слегка отличающимся от естественных для данного космоса. Большая часть полученной Н. не имела практического значения, однако на основе некоторых образцов удалось разработать материалы, обладающие исключительной прочностью либо эластичностью, либо позволяющие легко регулировать их свойства при помощи синтаксических устройств. Реформы, принятые после Первого разорения, запретили инакам продолжать исследования в области Н. В матическом мире Н. по-прежнему производится в неболь-

шом количестве и идёт на стлы, хорды и сферы. В экстрамуросе используется во многих промышленных товарах.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Фраа Лио придумал новую обмотку, в которой походил на свёрток, выпавший из почтового вагона, зато теперь ему ни при каких обстоятельствах не могли нахлобучить капюшон на лицо. Мы проверяли это в течение четверти часа, и Лио всё больше гордился собой, пока Джезри не обломал ему удовольствие, спросив, защищает ли такая обмотка от пуль.

Снова пришла Корд, на сей раз вместе с Роском — молодым человеком, с которым состояла в отношениях. Они поужинали у нас в трапезной. Сегодня на Корд было меньше гаечных ключей и больше цепочек, серёжек и колец — все их она сама сделала из титана.

Арсибальт сумел-таки добраться до базилики непобитым, но отец сказал, что разговор между ними возможен в одном случае: если Арсибальт пришёл покаяться и вступить в лоно базской ортодоксии.

Лио бродил по предместьям в надежде наткнуться на банду хулиганов, а вместо этого эксы

угощали его выпивкой или предлагали подбросить на мобе.

Родители Джезри вернулись в город, и он время от времени ходил к ним в гости. Один раз он взял меня с собой. Я был поражён, какие они умные, воспитанные и (как всегда в экстрамуросе) сколько у них вещей. Однако их образованность была страшно поверхностная: они знали кучу всего, но без настоящего понимания. И, удивительное дело, это укрепляло, а не ослабляло их уверенность в собственной правоте.

Лио не забыл подначку Джезри насчёт пуль. Он уговорил своих новых друзей отвезти его в заброшенный карьер за городом, где местные забавлялись стрельбой по неподвижным предметам. Стла и сфера стали мишенями. Лио повёл против них боевые действия с использованием разных видов оружия. Пули проходили сквозь плетение стлы: волокна из новоматерии растягивались, пропуская пулю; оставалась дырочка, которую можно было убрать, если хорошенько помять стлу пальцами. А вот острые как бритва плоские наконечники стрел рвали волокна, оставляя прорехи, которые уже нельзя было заделать. Сфера в отличие от стлы растягивалась бесконечно, как конфета-тянучка. Пуля

практически выворачивала её наизнанку и отбрасывала, словно мяч. Лио объявил, что сферой можно защищаться от огнестрельного оружия: пуля всё равно войдёт в тело, но утащит за собой длинный чехол из сферы, который помешает ей рыскать или разлететься на осколки и за который её потом можно вытащить из раны. Слов нет, как нас это успокоило.

Корд пришла ещё раз, теперь без Роска. Мы замечательно погуляли по матику и даже заглянули в верхний лабиринт. Говорили о том, что сталось с нашими родственниками, затем о том, где она рассчитывает оказаться на следующий аперт.

К восьмому дню аперта я был сыт им по горло. И совершенно растерян. Я влюбился в свою сестру. Это могло значить, что я извращенец и всё такое. Впрочем, чем больше я анализировал свои чувства, тем яснее видел, что это не такая влюбленность, когда хочется отношений.

Я думал о ней весь день, слишком сильно переживал из-за того, что она обо мне думает, мечтал, чтобы она приходила чаще и обращала на меня больше внимания. Потом я вспомнил, что через несколько дней ворота закроются и я на десять лет потеряю её из виду. Корд, по всей

вероятности, помнила об этом постоянно и держала некоторую дистанцию. Кроме того, как я понимал, в конценте её больше интересовали практические стороны, а с ними она в какой-то мере была связана постоянно, потому что делала для ита детали.

В каждый день аперта я мог бы написать о своих мыслях и чувствах целую книгу, и в каждый день это была бы не та книга, что в предыдущий. Однако к концу восьмого дня сложилась определённая картина, которую я могу изложить тут более кратко.

****

Отношения. 1. *(древнеорт. и более поздн. орт.) Близость (обычно физиологическая) между несколькими (обычно двумя) лицами, соблюдающими картазианский канон. В наиболее частом случае О. заключаются между фраа и суурой примерно одного возраста. Существуют разные типы О. Ма Картазия в «Каноне» перечислила четыре типа и запретила их все. В Древнюю матическую эпоху широкую известность получили О. светителя Пера и светительницы*

Элиты благодаря обнаруженной после их смерти груде любовных писем. В первые годы Пробуждения некоторые матики пошли на беспрецедентное изменение в каноне, разрешив перелифические О., то есть постоянный союз между одним фраа и одной суурой. «Пересмотренная книга канона», принятая во время Реконструкции, описывает восемь типов О. и разрешает два. «Вторая заново пересмотренная книга канона» описывает семнадцать, разрешает четыре и смотрит сквозь пальцы ещё на два. Все разрешённые О. регламентированы определёнными правилами, и вступление в них отмечается акталом, на котором участники в присутствии трёх свидетелей обязуются эти правила соблюдать. Ордена и конценты, в нарушение канона допускающие иные типы О., подвергаются дисциплинарным мерам со стороны инквизиции. Впрочем, концент или матик может допускать меньшее число типов; нулевое число разрешённых типов, разумеется, означает полный целибат.

2. (поздн. эпоха Праксиса) Брендятина, по сути своей не поддающаяся чёткому определению, но, видимо, как-то связанная с контактами между разноплеменными сообществами.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Ороло заметил моё состояние и сказал мне прийти на звездокруг вскоре после захода солнца. Он зарезервировал на ночь телескоп светителей Митры и Милакса. Погода была пасмурная, но Ороло всё равно пошёл туда нацелить телескоп и приготовить фотомнемоническую табулу в надежде, что позже развиднеется. Когда я отыскал его за панелью телескопа, он уже заканчивал приготовления. Мы пошли прогуляться вдоль кольца менгиров. Поначалу я стеснялся говорить о том, что меня тревожит, но в конце концов выложил свои чувства и мысли насчёт Корд. Ороло задал кучу вопросов, до которых я бы сам в жизни не додумался. Как я понял, они полностью подтвердили его уверенность, что я не испытываю к сестре ничего недолжного.

Ороло напомнил, что Корд — моя биологическая семья и вообще единственный человек, которого я знаю в экстрамуросе. Он заверил, что

думать о ней много — вполне естественно и ничего дурного тут нет.

Я рассказал про разговоры, в которых ставились под сомнение канон и Реконструкция. Ороло ответил, что это неписаная традиция аперта. Тягостные мысли надо проговорить вслух, чтобы не мучиться ими следующие десять лет.

На северо-восточном краю звездокруга он остановился и сказал:

— Знаешь ли ты, что мы живём в очень красивом месте?

— Ещё бы! — воскликнул я. — Каждый день я вхожу в собор, вижу алтарь, мы поём анафем...

— Твои слова говорят «да», твой тон — как будто ты себя выгораживаешь — что-то другое. И ты ещё не видел этого.

Ороло махнул рукой на северо-восток.

Горный кряж, уходящий в том направлении, зимой скрывали облака, летом — пыльное марево. Однако сейчас была осень. Несколько недель стояла жара, но на второй день аперта резко похолодало, так что мы уплотнили стлы до зимней толщины. Два часа назад, когда я входил в президий, бушевала буря, но пока я поднимался по лестницам, шум дождя и града постепенно стихал. К тому времени, как я разыскал Ороло

наверху, от бури остались только редкие капли, несущиеся в потоке воздуха, словно космическая пыль, да белая пена градин на каменных плитах. Мы были почти в облачном слое. Небо обрушилось на горы, как море на скалистый мыс, и в полчаса растратило свою холодную энергию. Облака рассеивались, но небо не светлело, потому что солнце уже садилось. Ороло зорким взглядом космографа приметил на склоне горы светлую полоску. Когда он на неё указал, я подумал сперва, что в какой-то высокогорной долине град посеребрил ветки деревьев. Но пока мы смотрели, свет приобрёл более тёплый оттенок. Полоска становилась шире и взбиралась по склону. Деревья, ранее изменившие цвет, теперь вспыхнули огнём. Это был луч солнца, пробившийся в разрыв туч далеко на западе.

— Вот красота, которую я хочу тебе показать, — сказал Ороло. — Главное, чтобы ты видел и любил красоту прямо перед собой, иначе у тебя не будет защиты от уродства, подступающего со всех сторон.

Такие поэтически-сентиментальные высказывания были совершенно не в духе фраа Ороло, и я от удивления даже не задумался, что он имел в виду, говоря об уродстве.

По крайней мере я понял, что он хотел мне показать. Свет наливался оттенками алого, золотого, жёлтого и оранжево-розового. За несколько секунд он зажёг стены и башни милленарского матика таким сиянием, что, будь я богопоклонником, я бы назвал его священным и увидел в нём доказательство существования бога.

— Красота пробивается, как луч сквозь облака, — продолжал Ороло. — Твой глаз её различает, когда она касается чего-то, способного её отразить. Однако умом ты знаешь, что свет исходит не от башен и гор. Разум говорит тебе, что нечто светит из иного мира. Не слушай тех, кто говорит, будто красота в глазах смотрящего. — Ороло подразумевал фраа из Нового круга и реформированных старофаанитов, но теми же словами Фелен мог бы предостерегать юного фида, чтобы тот не поддавался на демагогию сфеников.

Свет ещё минуту озарял самый высокий парапет, затем погас. Внезапно всё вокруг стало тёмно-зелёным, синим и фиолетовым.

— Сегодня будет хорошая видимость, — сказал Ороло.

— Мы останемся?

— Нет, надо спускаться. Ключник уже и так будет нас ругать. Я схожу за своими записями.

Ороло торопливо ушёл прочь, и я на какое-то время остался один. Неожиданно я увидел над горами маленький рассвет: луч, невидимо бьющий через пустое небо, наткнулся на тончайшие перистые облачка, и они вспыхнули, как брошенные в огонь комки шерсти. Я посмотрел на тёмный концент и не почувствовал желания спрыгнуть. Красота даст мне силы жить. Я подумал о Корд, о её красоте, о вещах, которые она делает своими руками, о том, как она держится, о чувствах, пробегающих по её лицу, когда она думает. В конценте красота чаще всего заключена в теорических построениях — это та красота, которой добиваются упорным трудом. Красота есть в нашей музыке и зданиях всегда, даже если я её не вижу. Ороло нащупал нечто очень важное: видя красоту, я ощущал себя живым, и не только в том смысле, в каком вспоминаешь, что ты живой, ударив себя по пальцу молотком. Скорее я чувствовал себя частью чего-то. Что-то пронизывало меня такое, к чему я по самой своей природе принадлежу. Это разом прогоняло желание умереть и намекало, что смерть — ещё не всё. Я понимал, что до опасного близко подошёл к территории богопоклонников. Однако если люди могут быть так прекрасны, трудно удержаться от мысли, что

в них живёт отблеск мира, увиденного Кноусом в разрыве туч.

Ороло ждал меня на верхней площадке лестницы. Прежде чем начать спуск, он ещё раз оглядел начавшие проступать звёзды и планеты, словно дворецкий, пересчитывающий ложки. Мы спустились в молчании, светя себе под ноги сферами.

Как и предсказал Ороло, ключник, фраа Гредрик, ждал нас возле решётки. Рядом с ним стоял кто-то поменьше ростом и постройнее. Спускаясь по аркбутану, мы увидели, что это начальница Гредрика, суура Трестана.

— Кажется, нас ждёт епитимья, — сказал я. — Что доказывает твою правоту.

— В чём?

— В том, что ты говорил про подступающее со всех сторон уродство.

— Думаю, тут нечто иное, — сказал Ороло. — Нечто экстраординарное.

Мы вошли в каменный купол, и Гредрик с грохотом опустил за нами решётку. Я глянул ему в лицо. Я думал, он сердится, что мы заставили его ждать, но дело было в чём-то другом. Ключник явно нервничал и хотел поскорее отсюда убраться. Мы смотрели, как он возится с ключами. Пока он

запирал замок, я глянул на унарский купол, потом на центенарский. Обе решётки были опущены. Получалось, что звездокруг вообще закрыли. Лишняя предосторожность на время аперта?

Я ждал, что Гредрик уйдёт, чтобы суура Трестана нас распекла. Однако он посмотрел мне в глаза и сказал:

— Идём со мной, фид Эразмас.

— Куда? — спросил я. Ключник обычно не обращался к нам с такими просьбами. Это была не его работа.

— Куда угодно, — ответил он и кивнул на ведущую вниз лестницу.

Я покосился на Ороло. Тот пожал плечами и тоже кивнул. Тогда я взглянул на сууру Трестану, но она лишь с преувеличенным терпением посмотрела мне в глаза. Ей не так давно исполнилось сорок, и выглядела она скорее привлекательно. В миру такая энергичная женщина пошла бы в коммерцию и пробилась в иерархию фирмы. В первые месяцы на новой должности она раздала множество епитимий за мелкие проступки, на которые её предшественник закрыл бы глаза. Старшие инаки уверяли меня, что все новые инспектора так себя ведут. Я был уверен, что она назначит нам с Ороло епитимью за опоздание,

и не смел уйти, пока она это не сделала. Однако теперь стало ясно, что она пришла за чем-то другим. Поэтому я, кивнув ей и Ороло, начал спускаться по лестнице. Фраа Гредрик двинулся следом за мной.

Когда Трестана решила, что мы с Гредриком отошли достаточно далеко, она принялась что-то тихо говорить Ороло — уверенно и без пауз, как заготовленную речь.

Ороло ответил не сразу, и по голосу было слышно, что он на взводе. Он что-то отстаивал, и не спокойным тоном, как в диалоге. Что-то его расстроило. Из этого я понял, что суура Трестана не назначила ему епитимьи. Наказание надо принимать смиренно, если не хочешь получить вдвое и вчетверо. Ороло говорил о чём-то более важном. И суура Трестана явно велела Гредрику меня увести, чтобы поговорить с ним без свидетелей.

Вот так неприятно закончился наш разговор на звездокруге! Впрочем, это очередной раз доказывало, что Ороло прав. Если я хотел претворить его идеи в жизнь, то можно было начинать прямо сейчас.

«Найди и удержи, иначе умрёшь». Проснувшись на следующее утро, я уже не помнил, Ороло ли так сказал или я сам во сне сформулировал. В

любом случае проснулся я с ощущением решимости и душевного подъёма.

Ороло сидел в трапезной один. Заметив меня, он натянуто улыбнулся и тут же отвёл взгляд. Он не хотел рассказывать мне о своём споре с Трестаной. Быстро закончив есть, Ороло встал и направился к десятилетним воротам, чтобы снова провести день в городе.

Гораздо важнее спора с Трестаной был наш предшествующий разговор на звездокруге. Я не мог говорить о своих выводах в трапезной: они не выдержали бы проверки граблями Диакса. Никто не принял бы их всерьёз. Более проциански мыслящие инаки сказали бы, что я впал в богопоклонство. Я не смог бы защищаться, не ссылаясь на идеи, которые покажутся им до смешного расплывчатыми. И всё же я знал, что именно так бывало у светителей. Они оценивали теоретические построения не логически, а эстетически.

Не у меня одного много чего скопилось на душе. Арсибальт сидел один, ничего не ел, потом тихо вышел. Затем Тулия подсела ко мне с пустой миской. Я страшно обрадовался, пока не понял, что она просто хочет поговорить со мной об Арсибальте. Последнее время он подолгу сидел с мрачной миной, явно напрашиваясь на вопрос, в

чём дело. Меня такая тактика бесила, и я решил на неё не поддаваться, а вот Тулия всячески старалась его ободрить. Она сказала, что я должен с ним побеседовать. Я согласился только потому, что просьба исходила от неё.

После Реконструкции первые фраа и сууры из ордена светителя Эдхара пришли на то место, где река огибала горный отрог. Взрывчаткой и водомётами они расчистили щебень и выветрелую породу, из которых по периметру воздвигли стены. После этого они принялись за скальное основание: отколотые плиты и призмы скатывались вниз, иногда до самой стены. Отрог превратился в ступень — площадку под утёсом. В утёсе первые тысячелетники прорубили узкую, вьющуюся серпантином лестницу. Однажды они поднялись по ней и не вернулись: разбили наверху лагерь и стали возводить собственные стены и башни. На несколько столетий долина осталась засыпана каменными глыбами. Они пошли на постройку собора, так что теперь почти все глыбы повыбрали и земля стала ровной и тучной. Однако несколько исполинских валунов по-прежнему лежали на лугу, отчасти для украшения, отчасти как материал для архитекторов, по-прежнему добавлявших к собору горгульи,

флероны и тому подобное.

Арсибальт сидел на валуне среди разбросанных пенами ёмкостей из-под алкогольных напитков. Сами потребители напитков спали рядом в густой траве. На другом конце луга Лио скакал вокруг статуи светителя Фроги, захлёстывал ей голову стлой и резко дёргал. В обычный день я бы не обратил на него внимания, но сейчас был аперт и на лугу толпились посетители. Они указывали на него пальцами, смеялись, снимали на спилекапторы. Ещё одна полезная функция аперта: напомнить, какие мы чудные и как хорошо, что мы живём в таком месте, где это сходит с рук.

Наглядная демонстрация: фраа Арсибальт. Законченными абзацами, по пунктам, на превосходном среднеортском с примечанием на старо- и протоортском он объяснил, как расстроен отказом отца с ним разговаривать: ведь на самом деле он не столько отринул отцовскую веру, сколько пытается навести мосты между нею и матическим миром.

Мне показалось, что чересчур смело девятнадцатилетнему фиду браться за такой проект через семь тысяч лет после того, как дочери Кноуса отказались друг с другом разговаривать. Тем не менее я внимательно его выслушал. От-

части — чтобы потом рассказать Тулии, какой я хороший; отчасти — потому что слова Арсибальта были почти такие же чудные, как мой вчерашний разговор с Ороло. Я рассчитывал, когда Арсибальт выговорится, поделиться с ним своими мыслями. Однако по ходу беседы (если это можно назвать беседой, потому что говорил Арсибальт, а я слушал) мои надежды таяли. Ему и в голову не приходило, что мне тоже хочется высказаться: может быть, не по таким глубоким и умным вопросам, но для меня они не менее важны. А как раз когда я углядел лазейку, чтобы встрять, он резко сменил тему и огорошил меня пеаном «обворожительной Корд». Вместо того чтобы говорить о занимавших меня вещах, я вынужден был мысленно примирять образ Корд и слово «обворожительная». Арсибальт хотел знать, не заинтересуют ли её атланические отношения. Я думал, что нет, но что я в этом смыслю? От бойфренда, который а) стерилен, б) выходит за ворота лишь раз в десять лет, явно не может быть никакого вреда. Поэтому я пожал плечами и ответил, что предложить, наверное, можно.

Затем назад к Тулии с отчётом.

Семнадцать лет назад Тулию нашли у дневных ворот, обёрнутую в газету и уложенную

в сумку-холодильник для пива с оторванной крышкой. Пуповина у неё уже отвалилась, то есть для милленарского матика девочка не годилась: слишком большая, слишком затронута мирским влиянием. В любом случае она поначалу была очень слабенькой, так что её оставили в унарском матике, поближе к врачебной слободе. Здесь (как я предполагаю) её воспитывали заботливые бюргерские жёны и дочери, пока в шесть лет она не перешла в наш матик по лабиринту. Тулия появилась с нашей стороны одна и важно представилась первой же увиденной сууре. В общем, семьи в экстрамуросе у неё не было. Глядя на наши мучения с роднёй, она поняла, как ей повезло. Тулия, конечно, вежливо держала свои соображения при себе, но, очевидно, не переставала на нас дивиться. Она видела, как я гуляю с сестрой, и решила, что у меня всё хорошо. Я чувствовал, что ничего не выиграю, если стану излагать ей свои мысли по поводу разговора с Ороло.

Так что я пошёл и поговорил с совершенно чужими людьми из экстрамуроса, которые пришли поглазеть на унарский матик.

Мой матик был маленький, простой и тихий. Унарский, напротив, построили, чтобы производить впечатление на входящих извне: каждый

год в течение десяти дней — на туристов из экстрамуроса, в остальное время — на тех, кто дал обет провести там по меньшей мере год. Лишь немногие из них переходили потом к деценариям. «Бюргерши, мечтающие что-то почувствовать», — желчно определил унариев один старый фраа. Чаще всего это были холостые юноши и незамужние девушки, выпускники престижных сувин, — в определённых кругах унарский матик считался необходимой ступенькой для вступления во взрослую жизнь и поисков брачного партнёра. Некоторые учились у халикаарнийцев и становились праксистами или мастерами. Другие — у процианов и шли в юриспруденцию, средства массовой информации, политику. Мать Джезри поступила в унарский матик вскоре после своего двадцатилетия и провела там два года, а потом почти сразу вышла за отца Джезри. Он был чуть старше, в унарском матике провёл три года и вынес оттуда знания, послужившие началом для успешной карьеры в той области, какую уж он выбрал.

****

Плоскость. 1. *В теорике Диакса — двумерное многообразие в трёхмерном*

пространстве, обладающее плоской метрикой. ***2.*** *Аналогичное многообразие в пространстве с б****о****льшим числом измерений.* ***3.*** *Ровный участок на периклинии древней Эфрады, где теоры сперва чертили на земле геометрические построения, а позже стали проводить диалоги всех типов; отсюда глагол* ***уплощить****: полностью сокрушить в диалоге доводы оппонента.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

На заре десятого дня аперта суура Ранда, одна из пасечниц, обнаружила, что ночью какие-то негодяи залезли в сарайчик, разбили часть горшков и унесли два контейнера с мёдом. Событие было эпохальное. Когда я пришёл в трапезную завтракать, все его обсуждали, и продолжали обсуждать, когда я уходил оттуда около семи. Мне надо было в девять стоять у годовых ворот. Самый быстрый путь лежал через экстрамурос, однако вчерашние раздумья о Тулии навели меня на мысль пройти нижним лабиринтом, как она в шесть лет. Предполагалось, что Тулия одолела его за полдня. Я рассчитывал в свои восемнадцать успеть за час, но для верности вышел за два и в

итоге управился за час с половиной.

Когда пробило девять, я, прикрыв голову краем стлы и расправив складки, стоял у основания моста, ведущего к годовым воротам. Передо мной высился их зубчатый бастион. И ворота, и мост были той же конструкции, что в деценарском матике, но вдвое больше и куда богаче украшены. За воротами я видел площадь, где в первый день аперта унариев встречали четыре сотни стосковавшихся друзей и родственников.

В моей сегодняшней группе было двадцать с небольшим экскурсантов. Треть составляли детишки лет десяти из базско-ортодоксальной сувины (во всяком случае, так я предположил по монашескому облачению их учительницы) в форменных костюмчиках, две трети — бюргеры, мастера и пены. Последних можно было издали узнать по габаритам. Среди бюргеров и мастеров тоже встречаются нехуденькие, но они хотя бы носят одежду, призванную это скрыть. Сейчас у пенов в моде было что-то типа футболок (яркое, с цифрами на спине), но огромного размера, так что плечи болтались в районе локтя, а нижний край доходил до колен. Штаны (нечто среднее между шортами и брюками) выступали из-под футболок примерно на ладонь, оставляя откры-

тыми волосатые ноги над громадными дутыми кроссовками. На головах у пенов были свисающие на спину бурнусы с эмблемами компаний — производителей пива и надеваемые поверх чёрные очки-консервы, которые не снимались даже в помещении.

Впрочем, выделялись пены не только одеждой, но и тем, как они ходили (вразвалку, нарочито неторопливо) и стояли (всей позой выражая свою крутизну и, как мне казалось, некоторую враждебность). Так что я издали увидел, что сегодня в моей группе четыре пена. Я ничуть не испугался, поскольку в первые девять дней аперта экскурсии обошлись без серьёзных инцидентов. Фраа Делрахонес заключил, что нынешние пены придерживаются безобидной иконографии. Они были и вполовину не такие агрессивные, как старались выглядеть.

Я поднялся на середину моста, чтобы быть чуть повыше. Подошла группа. Я поздоровался и представился. Дети из сувины аккуратным рядком встали впереди. Пены, наоборот, держались подальше, чтобы подчеркнуть свою исключительную крутизну, и жали кнопки на жужулах или тянули сладкую воду из ведёрных бутылей. Через площадь спешили двое опоздавших, и я

сперва двинулся медленно, чтобы они успели нас нагнать.

Мне советовали не рассчитывать, что внимания экскурсантов хватит надолго, поэтому, показав рощу страничных деревьев и клусты по эту сторону реки, я повёл группу по мосту в центр унарского матика, мимо клиновидной плиты красного камня с именами похороненных здесь фраа и суур. Мы старались не говорить о ней, если не спрашивают. Сегодня никто не спросил, так что удалось избежать значительной неловкости.

Третье разорение началось с недельной осады концента. Малочисленные инаки не могли оборонять такую длинную стену, так что на третий день десятилетники и столетники, нарушив канон, перешли в унарский матик, который было легче защищать из-за меньшего периметра и водяных преград. Тысячелетники, разумеется, оставались в безопасности на своём утёсе.

К концу второй недели осаждённые поняли, что помощи от мирской власти не будет. Как-то на рассвете почти все инаки собрались перед годовыми воротами, распахнули их и боевым клином пробились через толпу. Вылазка была неожиданной, и потому толпа почти не оказала сопротивления. В течение часа инаки грабили

город и полевые склады осаждавших, добывая медикаменты, витамины, боеприпасы и некоторые химические вещества, которые неоткуда взять в конценте. После этого они ещё больше изумили нападавших: не разбежались, а вновь составили клин (теперь куда меньший) и прорвались через площадь к воротам. Преодолев мост, они немедленно взорвали его за собой, бросили добытое на землю и рухнули сами. За ворота вырвались пятьсот человек, обратно вернулись триста. Из этих трёхсот двести умерли на месте от ран. Гранитный клин был их надгробным памятником. То, что они собрали, уцелевшие переправили тысячелетникам. Остальной концент пал на следующий день. Тысячелетники благополучно пережили семьдесят лет на утёсе. Кроме нашего, выстояли лишь два милленарских матика в мире. Правда, кое-где инаков предупредили заранее; они забрали, сколько могли, книг и спрятались в укромных местах.

Клин-памятник был направлен не к городу, а к часам, в знак того, что похороненные под ним вернулись. В пятидесяти шагах от острого угла плиты начинался «Гилеин путь» — самое примечательное, после собора, архитектурное сооружение концента. Стиль его был скорее баз-

ский, чем матический — менее устремлённый ввысь, более приземистый, наводящий на мысль о скиниях, которые обычно строились широкими, чтобы вместить всех прихожан.

Я подержал дверь, дожидаясь двух опоздавших и радуясь (быть может, даже чересчур), что с нами нет Барба. В первые два дня аперта сын Кина побывал чуть ли не на всех экскурсиях. Довольно быстро он выучил всё, что говорят гиды, и принялся заваливать их вопросами, а затем и поправлять, если те ошибались, либо дополнять недостаточно длинные, на его вкус, объяснения. Некоторые сууры ухитрялись направить его энергию на что-нибудь другое, но ему всё быстро надоедало, и он снова цеплялся к экскурсоводам. Кин и его бывшая жена отпускали Барба в матик на весь день, прозрачно намекая, что будут рады, если его соберут.

Архитекторы, строившие «Гилеин путь», придумали остроумное решение: роскошный вход вёл в узкое тёмное помещение, похожее на лабиринт, правда, гораздо менее сложное. Пол и стены тут были из зеленовато-бурого сланца, издавна привлекавшего натуралистов обилием ископаемой живности. Я объяснил это группе, пока мы ждали, чтобы наши глаза привыкли к

темноте, потом предложил экскурсантам походить и поразглядывать окаменелости. Те, кто предусмотрительно запасся источниками света (дети из сувины и пожилые бюргеры на покое), разбрелись по углам. Монахиня принесла с собой план, где были отмечены самые необычные отпечатки. Я обошёл остальных, предлагая фонарики из корзины. Некоторые брали, другие отмахивались. Наверное, это были контрбазские фундаменталисты, которые верят, что Арб был создан сразу в нынешнем виде незадолго до времён Кноуса. Они демонстративно игнорировали эту стадию экскурсии. Ещё несколько человек были с вкладышами в ушах и слушали экскурсию в записи с жужул. Пены только вытаращились на меня и никак не отреагировали. У одного из них была подвязана рука. Мне потребовалось несколько минут на очевидное умозаключение: эта та самая компания, которая напала на Лио и Арсибальта. Я сразу почувствовал себя неуютно в стле, замотанной так, что её легко нахлобучить на лицо, и пожалел, что не помню, как теперь заматывается Лио.

Отойдя подальше от пенов, я объявил:

— Помещение, в котором мы находимся, имеет двоякий смысл. С одной стороны, здесь можно

посмотреть на ископаемые организмы — по большей части нелепые и забавные, не развившиеся в известных нам животных. Тупиковые ветви эволюции. С другой стороны, оно символизирует мир мысли до Кноуса. Тогда существовал зоопарк воззрений, которые нам по большей части показались бы дикими. Это тоже эволюционные тупики. Они практически исчезли с лица Арба, а если и сохранились, то лишь у примитивных племён. — Говоря, я вёл экскурсантов извилистым коридором к более просторному и светлому залу. — Они исчезли из-за того, что произошло с этим человеком на берегу реки семь тысячелетий назад.

Я вошёл в ротонду, ускорив шаг, чтобы экскурсанты тоже поторопились.

Теперь длинная пауза, чтобы не испортить впечатление. Центральной скульптуре было больше шести тысяч лет, и она чуть ли не со дня своего создания считалась признанным шедевром мирового искусства. Как она попала на этот континент и в нашу ротонду — история длинная и увлекательная сама по себе. Белая мраморная статуя в два человеческих роста, казавшаяся ещё выше из-за громадного постамента, изображала Кноуса, жилистого старца с длинными

волнистыми волосами и бородой, полулежащего на корнях могучего дерева. Он в благоговейном ужасе обратил взор к небу и как будто хотел заслониться рукой от представшего ему видения, но всё же не утерпел и взглянул. Другая его рука сжимала стиль. У ног валялись линейка, циркуль и табличка с вычерченными на ней кругами и многоугольниками.

Барб, когда впервые сюда вошёл, не смотрел на потолок. Барбовы мозги так устроены, что выражения лиц ничего ему не говорят. Остальные — даже я, хоть и был здесь не первый раз, — подняли глаза, силясь понять, что так подействовало на беднягу Кноуса. Разгадка (по крайней мере с тех пор, как статую поставили сюда) заключалась в том, что Кноус смотрит на окулюс — треугольное окно в куполе ротонды, из которого льётся свет.

— Кноус был старший каменщик, — начал я. — Сохранилась древняя табличка, написанная до того, как ему было видение. Там он характеризуется прилагательным, буквально означающим «возвышенный». Это можно понимать двояко: либо он был особо искусным каменщиком, либо почитался за праведника. По приказу царя он строил храм местному богу. Камень добывали двумя милями выше по реке и доставляли к месту

строительства на плотах.

Тут один из пенов задал вопрос, и мне пришлось объяснить, что дело происходило далеко, поэтому речь не о наших реках и каменоломнях. Чья-то жужула заорала весёленький мотивчик; я дождался, пока владелец её приглушит, и продолжил:

— Кноус записывал результаты измерений на восковой табличке и шёл к каменоломне, чтобы дать задание рабочим. Однажды он бился над особенно трудной задачей по геометрии блока, который предстояло вытесать. Он сел решать её под сенью дерева на берегу реки, и здесь ему было видение, изменившее его сознание и жизнь. До этого места всё сходится. А вот само видение мы знаем опосредованно, в пересказе этих женщин. — Я указал на две фигуры поменьше, образующие со статуей Кноуса равнобедренный треугольник. — Его дочерей, Деаты и Гилеи, о которых говорится как о неидентичных близнецах.

Контрбазиане меня опередили. Они уже подошли к подножию Деаты и плюхнулись на колени. Некоторые искали в сумках свечи. Другие щёлкали жужулами, делая фототипии, поэтому не видели друг друга и поминутно сталкивались. Деата была изображена в виде закутанной коле-

нопреклонённой фигуры. Она глядела на Кноуса; одеяние закрывало её лицо от света из окулюса.

Наша Матерь Гилея, напротив, стояла прямо, сорвав с головы покров, чтобы смотреть на свет. Свободной рукой она указывала вверх. Рот её был приоткрыт, как будто она начинает излагать свои наблюдения.

Я изложил легенду о статуях. Их заказал в –2270 году базский император Тантус в дополнение к более древней статуе Кноуса, добытой при разграблении того, что осталось от Эфрады. Тогда же он захватил каменоломню, откуда брали мрамор для первой статуи. По его повелению там вырубили ещё две глыбы и доставили в Баз на специально выстроенных баржах.

Лучший скульптор того времени ваял статуи пять лет.

На церемонии открытия Тантус был потрясён выражением Гилеиного лица. Он призвал скульптора и спросил, что она собирается изречь. Скульптор отказался дать ответ. Император настаивал. Тогда скульптор объяснил, что весь смысл и вся красота статуи — в недоговорённости. Тантус восхищённо слушал. Он задал ещё много вопросов, потом обнажил императорский меч и пронзил скульптору сердце, чтобы тот не

раскрыл загадку и не испортил творение своих рук. Позднейшие исследователи ставили под сомнение эту историю, как вообще все хорошие истории, но на данном этапе экскурсии мы её всегда рассказывали, и пенам она нравилась.

На мой взгляд, композиция так явно превозносила Гилею и принижала Деату, что мне стало почти стыдно за статуи. Богопоклонники, впрочем, держались противоположного мнения. За время аперта пьедестал Деаты оброс свечами, сувенирами, цветами, мягкими игрушками, фототипиями усопших и записками. После закрытия ворот однолеткам предстояло не одну неделю выгребать этот сор.

— Деата и Гилея отправились на поиски отца и нашли его в глубоком раздумье под деревом. Обе видели табличку, на которой он записал свои впечатления, обе слышали его рассказ. Вскоре после того Кноус чем-то оскорбил царя, и его отправили в изгнание, где он недолгое время спустя умер. Его дочери начали рассказывать две разные истории. Деата говорила, что её отец смотрел в небо, когда облака внезапно разошлись и ему предстала пирамида света, обычно скрытого от людских взоров. Он заглянул в иной мир: небесное царство, где всё исполнено совершенства.

По Деатиной версии, Кноус пришёл к выводу, что идолы, которых он высекал из камня, лишь грубые подобия истинных богов, живущих в иной сфере, и надо поклоняться самим богам, а не изделиям своих рук.

Гилея утверждала, что у Кноуса было снизарение о геометрии. То, что её сестра Деата ошибочно приняла за пирамиду света, было на самом деле равносторонним треугольником: не грубым его подобием, вроде тех, что Кноус рисовал на табличке с помощью циркуля и линейки, но чисто теорическим объектом, о котором можно делать абсолютные утверждения. Треугольники, которые мы видим и измеряем в физическом мире, — всего лишь более или менее верное изображение совершенных треугольников, существующих в высшем мире. Мы должны не смешивать одно с другим, а изучать чисто теорические объекты.

— Вы заметите, что из этого помещения есть два выхода, — продолжал я, — один слева от Деаты, другой справа от Гилеи. Они символизируют раскол между последователями Деаты, которых мы называем богопоклонниками, и последователями Гилеи, которых в древности называли физиологами. Если вы пройдёте в Деатину дверь, то скоро окажетесь снаружи и без труда отыщете

унарские ворота. Многие посетители так и делают, думая, что уже посмотрели всё интересное. Но если вы пройдёте за мной в другую дверь, значит, вы избрали Гилеин путь.

Я дал им несколько минут, чтобы походить и пощёлкать, затем повёл всех, кроме паломников, оставшихся у Деаты, в галерею с экспозицией, посвящённой послекноусовым временам.

Галерея заканчивалась диорамой: прямоугольным помещением со сводчатым потолком и клересторием — рядом окон, ярко освещавших фрески. Центральное место в композиции занимал макет Орифенского храма. Я объяснил, что его основал Адрахонес, открыватель теоремы Адрахонеса, утверждающей, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. В память об этом событии пол украшали многочисленные графические доказательства теоремы, каждое из которых можно было понять, если просто долго на него смотреть.

— Сейчас мы в периоде примерно с две тысячи девятисотого года до Реконструкции по минус две тысячи шестисотый, — сказал я. — Адрахонес превратил Орифену в храм, посвящённый изучению ГТМ, то есть Гилеина теорического мира

— уровня бытия, представшего Кноусу в видении. Вы заметите, что сюда есть ещё один вход, снаружи. Он сделан в память о том, что многие, примкнувшие к богопоклонникам, входили сюда, так сказать, с улицы и пытались примирить свои воззрения с воззрениями орифенян. Одним это удавалось лучше, другим — хуже.

Я взглянул на пенов. В ротонде они довольно долго прикидывали размеры некоторых анатомических деталей Кноуса, скрытых под складками одеяния, потом заспорили, кто аппетитнее: Деата в коленной позиции или начавшая раздеваться Гилея. Здесь они собрались у самой большой фрески. На ней разгневанный чернобородый мужчина с граблями сбегал по ступеням храма к игрокам в кости, чьи лица, помимо ужаса перед атакующим, несли в себе черты явного душевного нездоровья. Пены разглядывали фреску с удовольствием. Они вели себя вполне мирно, поэтому я подошёл и объяснил:

— Это Диакс. Он знаменит дисциплиной мысли. Его всё больше и больше огорчало засилье фанатов. Эти люди не понимали, что для орифенян математика, и придумывали всякие бредовые культы чисел. Как-то Диакс вышел из храма после пения анафема и увидел, как они гадают

на игральных костях. Он так разъярился, что выхватил у садовника грабли и прогнал гадальщиков из храма. После этого Диакс завёл там свои порядки. Он придумал термин «теорика», и его последователи стали именовать себя теорами в отличие от фанатов. Диакс сказал очень важную для нас вещь: нельзя верить во что-то только потому, что нам так хочется. Мы называем этот принцип «грабли Диакса» и повторяем его про себя как напоминание, что субъективные эмоции не должны затуманивать наш взгляд.

Объяснение оказалось чересчур длинным для пенов — они повернулись ко мне спиной, как только я закончил про драку граблями. Я заметил, что у одного из них — с подвязанной рукой — по хребту идет странный костный вырост, на несколько дюймов выступающий за ворот футболки. Вообще-то его закрывали края бурнуса, но когда пен поворачивался, они разошлись. Вырост походил на второй, внешний хребет, прикреплённый к природному. Сверху располагалась прямоугольная табличка, меньше моей ладони, с кинаграммой: большой схематичный человечек бьёт маленького кулаком. Это была та самая нашлёпка, о которой нам с Ороло рассказал Кин; видимо, из-за неё-то и не действовала рука.

Потолочная роспись в дальнем конце представляла извержение Экбы и гибель храма. В следующих галереях экспозиция рассказывала о периоде странствий; семи великим и сорока малым странникам было отведено по отдельной нише.

Отсюда мы вышли в огромный овальный зал. Здесь статуи и фрески были посвящены золотому веку теорики, связанному с городом-государством Эфрадой. В одном конце зала Протес вперил взгляд в нарисованные на потолке облака. В другом его учитель Фелен шагал по Плоскости, сопровождаемый собеседниками, чьи лица выражали разные степени пиетета, обожания, стыда или обиды. Двое, замыкавшие шествие, перешёптывались — намёк на то, что Фелена осудят и ритуально казнят. Большая фреска на стене изображала город: я показал храмы богопоклонников на самом высоком холме, где Фелена предали смерти, рынок у подножия — периклиний, открытое место в центре периклиния, называемое «плоскостью» (здесь геометры чертили на земле фигуры и вели публичные диспуты), а также увитые виноградом беседки, в которых теоры учили фидов (отсюда наше слово «сувина», означающее «под виноградом»). С точки зрения монахини

уже ради этой одной фрески стоило прийти на экскурсию.

Мы переместились в дальний конец зала и стали разглядывать теоров, стоящих по правую руку от императоров и военачальников. Отсюда был естественный переход к последнему большому залу «Гилеиного пути», посвященному величию База, его храмов, капитолия, библиотеки, стен, дорог, армий и (чем дальше к концу зала, тем больше) его скинии. С какого-то момента в роли советников при императорах и военачальниках фигурировали уже не теоры, а служители религии. Теоры переместились на задний план — там они сидели на ступенях библиотеки или шли в капитолий, чтобы безуспешно взывать к сильным мира сего.

Фрески, изображавшие разорение База и сожжение библиотеки, обрамляли выход — несоразмерно узкую и простую арку, которую легко было бы не заметить, если бы не статуя Картазии; держа в руке несколько обгорелых, истрёпанных книг, светительница оглядывалась через плечо, словно приглашала следовать за собой. Помещение за аркой — совершенно пустое, с голыми стенами и высоким сводчатым потолком — символизировало возникновение матиков и начало

Древней матической эпохи, обычно датируемое минус тысяча пятьсот двенадцатым годом.

Дальше «Гилеин путь» огибал унарский клуатр и заканчивался. В дальних галереях предполагалось когда-нибудь сделать экспозицию, посвящённую возвышению мистагогов, Пробуждению, эпохе Праксиса, даже, возможно, Предвестиям и Ужасным событиям. Однако всё стоящее мы посмотрели, и здесь экскурсии обычно заканчивались.

Я поблагодарил гостей, сказал, что они могут на обратном пути получше осмотреть любые заинтересовавшие их залы, напомнил, что мы ждём их сегодня на ужин в честь Десятой ночи, и предложил задавать вопросы.

Пены увлечённо разглядывали фрески с боями и сожжением библиотеки в имперской галерее. Пожилой бюргер вышел вперёд и поблагодарил меня за интересную экскурсию. Дети из сувины спросили, что я сейчас изучаю. Двое, подошедшие последними, терпеливо ждали, пока я пытался объяснить детям теорические предметы, о которых те слыхом не слыхивали. Через минуту монахиня пожалела меня (или детей) и увела их.

Опоздавшие были мужчина и женщина лет пятидесяти с лишним. Мне не показалось, что у

них между собой отношения. Деловые костюмы позволяли предположить в них коллег по бизнесу. У обоих на шее висели карточки, какие в экстрамуросе служат удостоверениями личности и пропусками. Здесь они были не нужны, поэтому и мужчина, и женщина убрали свои в нагрудный карман — на виду остался только шнурок. Экскурсию они слушали внимательно, ходили с группой и тихонько обменивались наблюдениями.

— Меня удивили твои замечания о дочерях Кноуса, — сказал мужчина. Он говорил как жители той части материка, где города крупнее и расположены чаще и где в конценте может быть по десятку-полтора капитулов, а не три, как у нас.

Он продолжил:

— Я бы ожидал, что инак скорее подчеркнёт разницу между ними. Однако мне показалось, что ты намекаешь чуть ли не на...

Он замолчал, как будто подбирая слово, которого нет во флукском.

— Общность? — подсказала женщина. — Параллель между ними?

Судя по выговору, а также по оттенку кожи и типу лица, она была с материка, на котором сейчас территориально базировалась мирская власть. К этому времени я составил для себя

довольно правдоподобное объяснение, кто они такие. Они живут далеко отсюда в больших городах, работают в одной компании глобального масштаба, зачем-то приехали в её местное отделение, услышали про последний день аперта и решили посвятить часа два экскурсии. Оба, как я догадывался, в молодости провели в унарском матике по меньшей мере несколько лет. Может быть, мужчина подзабыл орт и ему легче говорить на флукском.

— Думаю, многие исследователи согласились бы, что и Деата, и Гилея учат не путать символ с символизируемым, — сказал я.

Мужчина вскинулся, как будто я ткнул ему пальцем в лицо.

— Что за способ начинать фразу? «Думаю, многие исследователи согласились бы...» Почему не сказать прямо?

— Хорошо. И Деата, и Гилея учат не путать символ с символизируемым.

— Уже лучше.

— Для Деаты символ — идол. Для Гилеи — треугольник на табличке. Символизируемое для Деаты — бог на небесах. Для Гилеи — чисто теоретический треугольник в ГТМ. Вы согласны, что тут я вправе говорить об общности?

— Да, — нехотя кивнул мужчина. — Однако инаки редко бросают аргументы на полпути. Я всё ждал, когда ты разовьёшь их дальше, как в диалоге.

— Я понял. Но *тогда* я был не в диалоге.

— Зато ты в диалоге сейчас!

Я счёл это шуткой и вежливо хохотнул. Мужчина сухо улыбнулся, но в целом его лицо осталось серьёзным. Женщина, похоже, немного смутилась.

— Но тогда я был не в диалоге. Тогда я рассказывал историю и хотел, чтобы она выглядела логичной. Если Деата и Гилея взяли одну идею и отобразили на разные области, то логика есть. Если бы в моём изложении они утверждали прямо противоположные вещи, логика бы пропала.

— Логика бы осталась, если бы ты представил Деату сумасшедшей, — возразил он.

— Да, возможно. Наверное, из-за того, что в группе было много богопоклонников, я постарался не задевать их чувства.

— То есть ты говорил то, во что не веришь, просто из вежливости?

— Это скорее вопрос акцентов. Я и впрямь верю в то, что говорил про общность. И вы тоже, потому что тогда со мной согласились.

— Насколько такие умонастроения модны в вашем конценте?

При этих словах женщина скривилась, как будто от нехорошего запаха, и, повернувшись к мужчине, сказала тихо:

— «Мода» — уничижительный термин, не так ли?

Тот продолжал, не спуская с меня глаз:

— Хорошо. Многие ли у вас думают так же, как ты?

— Это типичный процианско-халикаарний-ский спор, — сказал я. — Инаки, следующие путём Халикаарна, Эвенедрика и Эдхара, ищут истину в чистой теорике. Процианe-фааниты с недоверием относятся к самой идее абсолютной истины и более склонны считать историю Кноуса сказкой. Они на словах признают Гилею ради того, что она символизирует, и потому что она не так плоха, как её сестра. Однако они верят в ГТМ не больше, чем в небеса.

— А эдхарианцы верят?

Женщина стрельнула в него глазами, и он уточнил:

— Я назвал эдхарианцев только потому, что здесь, как-никак, концент светителя Эдхара.

Будь этот человек моим фраа, я бы говорил

свободнее. Однако он был мирянин, причем чересчур осведомленный, и держался как большая шишка. Даже и так, в первый день аперта я мог бы что-нибудь брякнуть. Однако наши ворота стояли открытыми десять дней, и я успел восстановить некоторые зачаточные социальные навыки, поэтому ответил не за себя, а за свой концент. Точнее, за эдхарианский орден, поскольку все эдхарианские капитулы мира считают наш концент своей колыбелью, и у них на стенах висят изображения нашего собора.

— Если бы вы спросили эдхарианца напрямик, он бы не спешил в этом признаваться, — сказал я.

— Почему? Ведь здесь концент светителя Эдхара.

— Он был расформирован, — сказал я. — После Третьего разорения две трети эдхарианцев перевели в другие концепты, чтобы освободить место для капитулов Нового круга и реформированных старофаанитов.

— А, так власти внедрили сюда процианцев, чтобы за вами приглядывать?

Тут уж женщина не выдержала и предостерегающе взяла его за локоть.

— Вы, похоже, считаете меня эдхарианцем, —

сказал я. — Но я ещё не прошёл элигер и не знаю даже, примет ли меня орден светителя Эдхара.

— Что ж, желаю тебе в него вступить. Ради твоего блага.

Разговор становился всё более странным, и теперь я уже не понимал, как отвечать. По счастью, на помощь пришла женщина:

— Просто из-за того, что происходит вокруг небесного эмиссара, мы по пути сюда обсуждали, не оказывается ли на инаков давление. И хотели понять, не отражают ли твои взгляды на Деату и Гилею некое мирское влияние.

— Занятно, — отвечал я. — Кстати, о небесном эмиссаре я услышал всего несколько дней назад. Если мои взгляды на Деату и Гилею что-нибудь и отражают, то лишь мои последние размышления.

— Очень рад.

Мужчина повернулся ко мне спиной. Женщина через плечо бросила: «Спасибо», и они оба зашагали к клуатру.

Довольно скоро часы начали вызванивать провенер. Я прошёл через унарский кампус. Там всё было вверх дном. Инаки и нанятые экстрамуросские рабочие убирали дормитории, куда предстояло заселиться следующему подросту.

В кои-то веки я добрался до собора с большим запасом времени. Здесь я отыскал Арсибальта и сообщил ему о четырёх пенах. Лио подошёл к концу разговора, и, пока мы облачались, мне пришлось ещё раз всё повторить. Джезри заявился последним, сильно выпивши. Родные закатили ему семейную встречу.

Когда перед самым началом службы примас вошёл в алтарь, с ним были двое в пурпурных облачениях. Нас довольно часто посещали иерархи из других концентов, так что я не удивился. Шапки на них были не совсем обычной формы. Арсибальт первым сообразил, что это означает.

— Кажется, у нас два почётных гостя из инквизиции, — сказал он.

Я взглянул через алтарь и узнал мужчину и женщину, с которыми говорил раньше.

Следующие полдня я расставлял на лугу столы. По счастью, в паре со мной работал Арсибальт. С ним не всегда просто, но мышцы у него под жирком, от ежедневного заведения часов, как у быка.

На протяжении трёх тысяч лет концент принимал все складные столы и стулья, которые ему жертвовали, и ни разу ни одного не выкинул. Лишь однажды такая политика оправдалась: на

милленальный аперт 3000 года, когда двадцать семь тысяч пятьсот паломников прошли в ворота, чтобы за сытной трапезой встретить конец света. У нас были стулья из бамбука, алюминиевого профиля, авиакосмических композитов, прессованного полипласта, старой арматуры, резного дерева, лозы, новоматерии последнего поколения, чурбаков, сваренного металлолома и плетёной травы. Столешницы могли быть из горбыля, ДСП, экструдированного титана, бумажных отходов, листового стекла, ротанга или других материалов, об истинной природе которых мне даже думать не хотелось. Длина варьировала от двух до двадцати четырёх футов, вес — от былинки до бычьей туши.

— Казалось, за такой срок кто-нибудь мог бы изобрести... ну, скажем... колесо, — заметил Арсибальт, когда мы ворочали двенадцатифутовую махину, которая, судя по виду, в Древнюю матическую эпоху служила щитом от вражеских копий.

Вытаскивать из подвалов и с чердаков всё это старьё казалось неимоверной глупостью. Отсюда уже несложно было перевести разговор на инквизицию.

Суть Арсибальтовых объяснений сводилась к тому, что приезд инквизиторов ничего серьёз-

ного не означает, если только это не что-нибудь серьёзное, и тогда это уже действительно очень серьёзно. Инквизиция давным-давно превратилась в «относительно не шизофренический, даже забюрократизированный процесс». И впрямь, мы видели мать-инспектрису и её сотрудников постоянно, даже когда ничего плохого не происходило. Они числились по ведомству примаса, но формально были подразделением инквизиции и даже имели власть в некоторых случаях отстранять примаса (Арсибальт, разговорившись, упомянул несколько давних прецедентов с сумасшедшими или преступными примасами). Во всех концентах мира следовало поддерживать единый стандарт, иначе Реконструкция пошла бы прахом. Как бы это осуществлялось без элитной группы иерархов (чаще всего инспекторов, которые наложили на своих многострадальных фраа и суур столько епитимий, что начальство их заметило и повысило), разъезжающих по концентам и за всем присматривающих? Странно, что я их только сейчас заметил.

— У меня тут перед самым провенером случился один чудной разговор, — сказал я.

Мы расставляли уже второй акр столов. Сууры и младшие фраа суетились за нами, застилали

столы бумагой и придвигали стулья. Старые и мудрые фраа тянули верёвки, поднимая над нами почти невесомый каркас для тента. Посреди луга, в кухне под открытым небом, старые сууры пытались свести нас в могилу ароматом блюд, предназначенных для вечерней трапезы. Мы с Арсибальтом уже десять минут кряду воевали с механическими зажимами особенно головоломного стола из списанных армейских запасов мировой войны пятого столетия. Чтобы ножки не складывались, надо было в строго определённой последовательности нажать несколько кнопок и рычажков. Под столешницу был подсунут многократно сложенный бурый лист с указаниями, составленными в 940 году неким фраа Боло, сумевшим разложить стол и желавшим похвалиться своим достижением перед будущими поколениями инаков. Однако он использовал невероятно мудрёную терминологию, и к тому же листок погрызли мыши. Когда мы уже готовы были утратить терпение, сбросить стол с президия, предать кодекс фраа Боло адскому пламени и рвануть в экстрамурос за выпивкой, Арсибальт предложил сесть и передохнуть. Тогда-то я и рассказал ему про свой разговор с Вараксом и Онали — разведка донесла, что так зовут инквизитора с

инквизиторшей.

— Переодетые инквизиторы. Хм. Впервые слышу. — Арсибальт увидел моё испуганное лицо и добавил: — Впрочем, это ничего не значит. Систематическая ошибка наблюдения. Инквизиторы, которых нельзя отличить от простых людей, естественно остаются незамеченными.

Почему-то его слова не очень меня успокоили.

— Им надо как-то ездить, — сказал Арсибальт. — Я никогда не задумывался как. Вряд ли у них собственные воздухолёты или поезда, верно? Куда разумней одеться как все и просто купить билет. Наверняка они приехали с аэродрома, как раз когда начиналась твоя экскурсия, и решили посмотреть на статуи в ротонде. Не вижу тут ничего странного. Они бы всё равно туда пошли, раньше или позже.

— Звучит правдоподобно. И всё равно я чувствую, что... влип.

— Влип?

— Ага. Варакс хитростью вытянул из меня такие вещи, какие я ни за что не сказал бы инквизитору.

— Тогда зачем ты сказал их человеку, которого видел первый раз?

Я ждал совершенно другого дружеского уча-

стия, что и постарался выразить взглядом.

— И что ты такого ужасного выболтал? — спросил Арсибальт.

— Ничего, — отвечал я. — То есть я говорил очень по-гэтээмовски, очень по-эдхариански. Если Варакс — процианин, он теперь меня ненавидит.

— И всё-таки я не вижу тут ничего из ряда вон выходящего. Целые ордена прекрасно существовали тысячи лет, утверждая куда большие нелепости, и никто их не трогал.

— Знаю.

Я посмотрел на дальнюю сторону луга и заметил фраа Корландина — он вместе с несколькими другими членами Нового круга готовился репетировать песню, которую им предстояло исполнить во время застолья. Даже за сто футов было видно, как они улыбаются и пожимают друг другу руки. От них так и разило самоуверенностью. Мне хотелось походить на них, а не на замшелых эдхарианских теоров, до хрипоты спорящих о сумме векторов в узлах тентового каркаса.

— Когда я сказал «влип», я, наверное, имел в виду и другое. Варакс передаст мои слова сууре Трестане, а та — своему окружению.

— Боишься, что тебя не возьмут в Новый круг?

— Да.

— Тебе же лучше. Меньше будет хая.

— Какого хая?

— Который поднимется, когда почти весь наш подрост уйдёт к эдхарианцам. Новому кругу и реформированным старофаанитам достанутся объедки.

Я словно невзначай огляделся, проверяя, не слышит ли нас кто-нибудь из тех, кого Арсибальт назвал «объедками». Однако поблизости никого не было, кроме дряхлого прафраа Ментаксенеса, который очень хотел приложить себя к делу, но из гордости не мог об этом сказать. Я сунул ему в руки поеденное мышами творение фраа Боло и попросил перевести. Старичок несказанно обрадовался. Мы с Арсибальтом оставили его разбирать документ, а сами отправились в собор за следующим столом.

— Почему ты думаешь, что так будет?

— Ороло говорил со многими — не только с тобой, — ответил Арсибальт.

— Вербовал?

— Вербует Корландин, вот почему мы ему не верим. Ороло просто разговаривает и предоставляет нам делать собственные выводы.

****

Прехня. 1. *(флук. конца эпохи Праксиса — начала Реконструкции) Всякое искажение истины, особенно намеренная ложь либо умышленное запутывание вопроса.* ***2.*** *(орт.) Более технический и клинический термин, означающий речь (обычно, но не обязательно, политическую либо коммерческую), в которой используются эвфемизмы, сознательная расплывчатость, отупляющие повторы и другие риторические уловки, создающие впечатление, будто что-то и впрямь сказано.* ***3.*** *Согласно воинам св. Халикаарна, радикального ордена во втором тысячелетии от РК, всякое устное либо письменное высказывание древних сфеников, мистагогов Древней матической эпохи, коммерческих и политических институтов эпохи Праксиса и, после Реконструкции, всякого, кто, на их взгляд, был заражён процианским менталитетом. Привычка воинов св. Халикаарна прерывать этим словом лекции, диалоги, частные беседы и т.п. углубила раскол между процианскими и халикаарнийскими орденами, харак-*

терный для матического мира накануне Третьего разорения. Вскоре после разорения все воины св. Халикаарна были отброшены, и других сведений о них не сохранилось. (Частое изображение членов ордена в мирской развлекательной продукции объясняется тем, что их путают с инкантерами.)

Прим.: в матическом мире это слово, выкрикнутое в калькории или трапезной, вызывает в памяти события, связанные с 3-м значением, и потому крайне нежелательно. Произнесённое спокойным тоном, воспринимается во 2-м значении, давно утратившем всякие грубые коннотации. В секулюме может быть воспринято в 1-м значении и сочтено вульгарным или даже оскорбительным. По своей природе обитатели экстрамуроса, склонные нести П., чаще других обижаются (либо делают вид, что обижаются), когда им на это указывают. Таким образом, обитатель матика оказывается практически в безвыходном положении. Он вынужден либо употребить «непри-

личное» слово, прослыть грубияном и оказаться исключённым из цивилизованного речевого общения, либо сказать то же самое иначе, то есть включиться в распространение П. и поддержать явление, с которым собрался бороться. Последнее, возможно, объясняет исключительную стойкость и неистребимость П. Разрешить дилемму данному словарю не под силу, так что вопрос следует предоставить иерархам, занятым взаимодействием с секулюмом. Син.: брендятина.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Тент кое-как подняли. Каркас — ровесник концента — был сделан из новоматерии; с наступлением темноты он начал излучать мягкий свет, который лился со всех сторон и придавал цветущий вид даже прафраа Ментаксенесу. Под навесом справляли Десятую ночь тысяча двести гостей, триста деценариев и пятьсот унариев.

Аперт восходит к празднику урожая, совпадавшему с концом календарного года. Благодаря цепочкописи, успешно практиковавшейся до Второго разорения, овощи у нас созревали почти

круглый год. Более нежные культуры мы зимой выращивали в теплицах. Но еда только что с клуста в самый сезон — совершенно другое дело!

Клусты изобрели задолго до времён Кноуса жители материка, лежащего по другую сторону арбского шара от Эфрады и База. Попкорница росла прямо из земли и достигала высоты человеческого роста. К концу лета на ней поспевали увесистые початки из разноцветных зёрен. Тем временем её стебли служили подпорками для стручковых бобов, которые обеспечивали нас белками и обогащали почву азотом, необходимым для попкорницы. В переплетении бобовых стеблей зрели ещё три вида овощей: дальше всего от почвы, чтобы до них не добирались жуки, жёлтые, красные и оранжевые поматы, источник витаминов, придающие вкус нашим салатам и рагу. Внизу — стелющиеся горлянки. Посередине — полые внутри перечницы. Два вида клубней росли под землёй, а листовые овощи ловили оставшийся свет. Древние клусты включали восемь растений; за тысячи лет аборигены добились от них такой урожайности, какую только можно выжать, не залезая в цепочки. Мы ещё повысили урожайность и добавили четыре типа растений, из которых два были нужны исключи-

тельно для обогащения почвы. В это время года наши клусты, высаженные с первым весенним теплом, радовали изобилием цветов и запахов, неведомых экстрамуросу. В аперт мы угощали мирян своим богатством, а заодно избавляли их от младенцев, у которых было мало шансов пережить зиму.

Я занял место для Корд и её парня. Ещё Корд привела нашего двоюродного брата, пятнадцатилетнего паренька по имени Дат. Я смутно его помнил. Он был из тех малышей, которых вечно возят во врачебную слободу с самыми невероятными травмами. Дат каким-то образом выжил и даже явился на аперт одетый вполне прилично. Его многочисленные шрамы скрывала курчавая шевелюра.

Арсибальт постарался сесть напротив «обворожительной» Корд; насчёт Роска он, кажется, ничего не понял. Джезри усадил свою семью за соседний стол, так что мы с ним оказались спина к спине. Потом Джезри отыскал Ороло и уговорил сесть с нашей компанией. Лио и ещё несколько неприкаянных одиночек потянулись вслед за Ороло, после чего свободных стульев рядом с нами не осталось.

Дат был из тех, кто в простоте душевной без

стеснения задаёт самые что ни на есть фундаментальные вопросы. Я старался отвечать в том же духе:

— Ты знаешь, что я пен, братец. Так что разница между нами и пенами не в том, что мы умнее. Причина, очевидно, в другом.

К тому времени мы уже так давно ели, пили, болтали и пели старые песни, что понятно было: разницы никакой нет. Дат, несмотря на все свои детские травмы, сумел сохранить мозги: он смотрел вокруг, всё примечал, а потом спросил, зачем нужно возводить стены, делиться на интрамурос и экстрамурос?

Ороло повернулся и внимательно поглядел на Дата.

— Ты бы лучше понял, если бы увидел точечный матик, — сказал он.

— Точечный матик?

— Иногда это просто однокомнатная квартирка с электрическими часами на стене и вместительным книжным шкафом. Инак живёт в полном одиночестве, без спиля, без жужулы. Может быть, раз в несколько лет к нему заглядывает инквизитор — убедиться, что всё в порядке.

— А смысл?

— Этот самый вопрос я предлагаю тебе обду-

мать. — И Ороло вернулся к разговору с отцом Джезри.

Дат поднял руки, словно сдаваясь. Мы с Арсибальтом рассмеялись, но не над ним.

— Вот так па Ороло и делает своё грязное дело, — заметил я.

— Сегодня ночью ты не заснёшь — будешь размышлять над его словами, — добавил Арсибальт.

— Ну помогите же мне! Я ведь не фраа! — взмолился Дат.

— Что заставляет человека сидеть в однокомнатной квартирке, читать и думать? — спросил Арсибальт. — Чем он должен отличаться от других, чтобы ему нравилась такая жизнь?

— Не знаю. Может, он просто на улицу не любит выходить? Боится открытого пространства?

— Агорафобия — неверный ответ, — произнёс Арсибальт с лёгким раздражением.

— Что, если места, куда он попадает, и вещи, которые он встречает по ходу работы, интереснее материального мира вокруг? — подсказал я.

— Ну-у-у... — протянул Дат.

— Можно сказать, разница между вами и нами в том, что мы заражены видением... другого мира. — Я чуть было не сказал «высшего», но ограничился прилагательным «другой».

— Мне не нравится твоя метафора с заражением, — начал Арсибальт на ортском. Я пнул его под столом коленкой.

— Что-то вроде другой планеты? — спросил Дат.

— Интересный взгляд, — сказал я. — Большинство из нас не думает о нём как о другой планете в духе фантастических спилей. Может, это будущее нашего мира. Может — альтернативная вселенная, куда нам не попасть. Или вообще чистая фантазия. Но так или иначе он живёт в наших душах, и мы, вольно или невольно, к нему стремимся.

— И какой он, этот мир? — спросил Дат.

У меня за спиной заиграла чья-то жужула. Мелодия была негромкая, но почему-то от неё у меня напрочь заклинило мозги.

— Например, в нём нет *этого*, — сказал я.

Жужула не умолкала, и я оглянулся. Все в радиусе двадцати футов смотрели на старшего брата Джезри, который охлопывал себя по бокам, ища, в каком кармане звонит. Наконец он нашёл жужулу и заглушил. Потом встал (как будто привлёк к себе ещё недостаточно внимания) и громко выкрикнул своё имя. «Да, доктор Грейн, — продолжал он, глядя в пространство, словно

медитирующий подвижник. — Ясно. Ясно. А люди им тоже заражаются? Неужели?! Я пошутил. И как мы будем это объяснять?..»

Люди вернулись к еде, но разговоры возобновлялись со скрипом, потому что брат Джезри продолжал что-то энергично вещать.

Арсибальт прочистил горло, как умел только Арсибальт: звук был такой, словно наступил конец света.

— Сейчас будет говорить примас.

Я обернулся и взглянул на Джезри, который тоже увидел, что примас встал, и теперь махал брату руками, но тот смотрел сквозь него, как сквозь стекло. Он выбивал тариф на оптовую партию биопсий и не собирался сдавать позиции. Женщинам — сёстрам и невесткам Джезри — стало стыдно за родственника, и они принялись тянуть его за одежду. Тот повернулся и пошёл прочь от стола. «Простите, доктор, я не расслышал последнюю фразу. Что-то насчёт личинок?» Впрочем, в его оправдание надо сказать, что многие другие тоже говорили по жужулам или чего-нибудь ещё с ними делали.

Примас уже обращался к нам дважды. Первый раз якобы с целью всех приветствовать, а на самом деле — чтобы мы быстрее расселись. Второй

раз — чтобы зачитать воззвание, написанное самим Диаксом, когда у того на руках ещё не зажили мозоли от граблей. Если бы вы понимали протоортский и были при этом ярым фанатом, ищущим в числах загадочный мистический смысл, вам бы стало не по себе. Все остальные просто почувствовали, что торжественные слова придают празднику особую атмосферу.

Теперь он объявил, что перед нами выступит группа эдхарианцев. Флукским Стато владел плохо, и получилось, как будто он *приказывает* нам получать удовольствие. Грянул смех. Стато растерялся и принялся спрашивать инквизиторов (сидевших по обе стороны от него), что он не так сказал.

Трое фраа и две сууры исполняли пятиголосный хорал, а ещё двенадцать топтались перед ними. На самом деле они не топтались, просто так это выглядело с того места, где мы сидели. Каждый из них изображал верхний или нижний индекс в теорическом уравнении с несколькими тензорами и метрикой. Двигаясь туда-сюда наперерез друг другу и меняясь местами перед столом иерархов, они разыгрывали вычисление кривизны четырёхмерного многообразия, включающее различные шаги: симметризацию, альтерни-

рование, поднятие и опускание индексов. Для человека, не знающего теорики и смотрящего сверху, это должно было напоминать контрданс. Инаки пели чудесно, хоть их и прерывало каждые несколько секунд треньканье жужул.

Потом мы снова ели и пили. Затем фраа из Нового круга исполнили свою песню, которую публика приняла много лучше, чем тензорный танец. После этого снова ели и пили. Стато рулил процессом виртуозно, как Корд — своей пятикоординатной машиной. На нашей памяти он, как правило, не перетруждался, но сегодня явно отработал свой ужин. Для гостей аперт был просто дармовым угощением с чудной развлекательной программой, но на самом деле он представлял собой ритуал не менее древний и значительный, чем провенер. Чтобы не навлечь на себя упрёки инквизиторов, надо было поставить целый ряд галочек, а Стато, по складу характера, всё бы делал досконально, даже не сиди Варакс и Онали по обе стороны от него.

Фраа Халигастрема попросили сказать несколько слов от имени эдхарианского капитула. Он попытался говорить о том же, что я объяснял Дату, и получилось ещё хуже. Если просто подойти к фраа Халигастрему и задать вопрос, то можно за-

слушаться, но с подготовкой он говорил ужасно, а раздающиеся то и дело звонки жужул сбивали его с мысли, так что вместо речи получился ворох обрывков. В памяти у меня остался только последний: «Если в моих словах вам послышалась некая неопределённость, так это потому, что она в них есть; если вас это коробит, значит, вам у нас не понравится, а если вы ощутили радость, то, возможно, нашли своё место в жизни».

Следующим выступил фраа Корландин от Нового круга.

— Последние десять дней я пробыл с родными, — объявил он, с улыбкой глядя на бюргеров за своим столом. (Те тоже заулыбались.) — Они любезно собрали на аперт всю семью. У каждого из них, как и у меня здесь, своя напряжённая жизнь, но на эти дни мы отложили всю работу, все дела и обязанности, чтобы побыть вместе.

— А я так спили смотрел, — заметил Ороло негромко, так что кроме меня его услышали, наверное, человека четыре. — С большим количеством взрывов. Некоторые очень даже ничего.

Корландин продолжал:

— Приготовление обеда — будничное дело, которым мы вынуждены заниматься, чтобы не умереть с голода, — превратилось в нечто совер-

шенно иное. Когда моя тетя Прин накалывает верхнюю корочку пирога, она не просто делает отверстия для выпуска избыточного давления, а творит обряд, уходящий в глубь поколений, можно сказать, обращается к предкам, наносившим на пирог тот же узор. Когда мы обсуждали, как дедушка Мирт, прочищая водосток, упал с навеса над крыльцом, мы не просто делились информацией об опасностях ремонтных работ, а со смехом и слезами выражали взаимную любовь. Так что, можно сказать, всё на самом деле не таково, каким представляется на первый взгляд. В другом контексте это показалось бы зловещим, но мы-то все поняли. И вы поняли. Вот примерно так же обстоит дело и с тем, чем мы, фраа и сууры, занимаемся в конценте. Спасибо.

И Корландин сел.

Ропот инаков, не уверенных, что они согласны с Корландином, заглушили аплодисменты большинства гостей. Затем бедная суура Франдлинга должна была встать и произнести несколько слов от имени реформированных старофаанитов, но с тем же успехом она могла бы читать экономическую сводку — никто её не слушал. Большинству инаков не понравилось лицемерное красноречие Корландина, в том числе Ороло, но даже он

признал, что Корландин сгладил неловкость и, возможно, завоевал нам кое-какие симпатии в экстрамуросе.

— Знаешь, как отличить настоящего демагога?

— Не знаю. Ну?

— Ты ничего не замечаешь, пока кто-нибудь, старший и мудрый, не скажет: да это демагог. И тогда тебе хочется провалиться сквозь землю.

Затем последовало ещё пение, потом все мы, инаки, встали, чтобы принести чистые тарелки и сладкое.

Выступления, пугающе торжественные в начале, теперь стали проще и понятнее. Многие народные песни, звучащие в это время года из репродукторов в магазинах, вели происхождение от литургической музыки, созданной в матиках и просочившейся наружу в аперт. Гости удивлялись и радовались, слыша знакомые мелодии из уст закутанных в стлы сумашаев.

На сладкое были бисквитные коврижки, испечённые и поданные на больших противнях. Одна из них, естественно, оказалась перед Арсибальтом — не без его стараний. Он взял лопаточку — плоскую, металлическую, размером примерно с детскую ладонь, — и уже собирался воткнуть её в коврижку, когда мне пришла в голову мысль.

— Пусть Дат нарежет, — сказал я.

— Мы хозяева и должны ухаживать за гостями, — напомнил Арсибальт.

— Ты можешь раскладывать по тарелкам, а режет пусть Дат. — Я отнял лопаточку у Арсибальта и протянул Дату, который взял её с некоторым сомнением.

Дальше я убедил его нарезать коврижку, но не просто, а весьма специфическим образом, повторяющим старинное геометрическое построение[1], которое показал мне Ороло, когда я только поступил в концент и всё время плакал от разлуки со старой жизнью. Получилось не сразу, но когда до парнишки всё-таки дошло, я смог сказать:

— Поздравляю! Ты только что решил геометрическую задачу многотысячелетней давности.

— Тогда уже были коврижки?

— Нет, но была земля, которую приходилось измерять, и с ней этот фокус тоже работает.

— Хм, — промычал Дат, откусывая уголок от своей порции.

— Ты хмыкаешь, но для нас это очень важно, — сказал я. — Почему решение, пригодное для

---

[1] Примечания: 1

См. кальк 1 [broken link: #calc_01].

коврижки, годится и для участка земли? Коврижка и земля — разные вещи.

Для Дата, которому больше всего хотелось коврижки, разговор стал чересчур сложным, но Корд поняла, к чему я клоню.

— Наверное, у меня тут нечестное преимущество, потому что я по работе много думаю о геометрии. Но ответ в том, что геометрия, она... ну, геометрия. Чистая. Не важно, к чему её прикладывать.

— И оказывается, что то же самое верно и для других теорик, — сказал я. — Ты что-то доказываешь. Потом это доказывают совершенно другим способом. Но ответ всегда один. Кто бы ни обсуждал эти построения, в какую эпоху, что бы они ни делили — коврижку или пастбище, — все получали один и тот же ответ. Истины как будто приходят из другого мира или из другого плана бытия. Как тут не поверить, что этот мир в каком-то смысле существует на самом деле, а не только в нашем воображении! И мы бы хотели в него попасть.

— Желательно не после смерти, — вставил Арсибальт.

— Когда я вытачиваю деталь, я иногда на ней зацикливаюсь, — сказала Корд. — Ночами не

сплю, думаю о её форме. Это приблизительно то, что вы испытываете к своей работе?

— В общем, да. У тебя в голове геометрия, и она тебя зачаровывает. Некоторые говорят, что это просто возбуждение нейронов в твоём мозгу. Однако она имеет собственную реальность. И для тебя думать об этой реальности — достойный способ провести жизнь.

Роск (парень Корд) был мануальный терапевт — лечил людей руками.

— У меня был пациент, у которого от неправильной осанки случилось защемление нерва, — сказал он. — Я советовался с учителем по жужуле, без картинок, чисто голосом. Мы долго говорили про нерв, про соседние мышцы и связки, и что надо делать, чтоб устранить проблему, и тут меня стукнуло, как же это странно: мы оба обращаемся к образу — к модели — чужого тела, которая есть у меня в мозгу и в мозгу моего учителя, но...

— Как будто бы в третьем месте, общем для вас обоих? — подсказал я.

— Такое у меня было чувство. Некоторое время оно меня мучило, потом я выкинул его из головы, решив, что у меня просто крыша едет.

— Так вот, оно мучает людей со времён Кноуса,

и у нас тут вроде как заповедник для тех, кто не может выкинуть его из головы, — сказал я. — Не для всех, но безобидный.

— По крайней мере после Третьего разорения.

От того, что Роск брякнул это просто так, вышло ещё в сто раз грубее. Корд вспыхнула, и я подумал, что после ужина она скажет ему пару ласковых. Можно только гадать, понял ли сам Роск, почему всех так задели его слова.

На нас зашикали, потому что наступил тот момент актала, когда новенькие должны предстать перед столом иерархов.

В сбор попали восемь брошенных матерями младенцев. Судьба всех была уже решена: девочку, нуждающуюся в интенсивном лечении, оставят в унарном матике, где врачам будет легче за ней присматривать. У двух ещё не отпала пуповина: они отправятся в милленарский матик с короткой остановкой у столетников. Их предстояло передать через верхний лабиринт. Остальные пятеро были чуть старше и отправлялись к центенариям.

Из тридцати шести новых ребят и девчонок семнадцать (включая Барба) поступали в наш матик, девятнадцать — в унарский (по крайней мере для начала). Со временем, если всё будет

хорошо, некоторые из них переведутся к нам.

Двенадцать однолеток решили перейти в наш матик. Ещё девять пришли из маленького дочернего концента в горах.

Всех их подвели к столу иерархов, поздравили и поприветствовали аплодисментами. Завтра, после закрытия ворот, им предстояла куда более нудная церемония вступления в матик. Сегодня право внести долю своего специфического занудства предоставлялось мирским властям. По традиции самый высокопоставленный из присутствующих бонз должен был встать и официально передать нам новичков. С этой минуты они переходили под матическую юрисдикцию. Мы брали на себя обязательство предоставить им кров и пищу, лечить их в случае болезни, хоронить в случае смерти и наказывать за недолжное поведение. Это было почти как если бы они меняли гражданство, то есть, с юридической точки зрения, жутко важное событие, отмечавшееся принесением неких обетов и колокольным звоном. Уже практически вошло в традицию, что выступавший чиновник не упускал повода «сделать несколько замечаний».

Главным чиновником оказался обмотанный верёвками чудик, явившийся со своей свитой к

десятилетним воротам в первый день аперта. Как выяснилось, это был мэр.

Поблагодарив всех, начиная с Бога, потом ещё раз тех же в обратном порядке (то есть заканчивая Богом), а затем, для подстраховки, всех людей и все сверхъестественные сущности, которые не упомянул поименно, мэр начал:

— Даже вы, живущие в конценте светителя Эдхара, наверняка уже знаете, что кардинальная реформа префектур, осуществлённая по указанию Одиннадцатого круга архимагистратов, буквально преобразила политический ландшафт. Решение пленарного совета возрождённых сатрапий стало переломным моментом, открывшим пять из восьми тетрархий для лидеров нового поколения, которые, могу вас смело уверить, будут куда более чуткими к надеждам и чаяниями новоконтрбазианского электората, а также наших соотечественников, принадлежащих к другим скиниям либо не входящих ни в одну скинию, но разделяющих нашу озабоченность и наши приоритеты...

— Если их восемь, то почему они тетрархи? — спросил Ороло. Отец Джезри, который внимательно слушал — и даже что-то записывал! — наградил его недовольным взглядом.

— Сначала было четыре, и название сохранилось, — пояснил Арсибальт.

Отец Джезри немного успокоился, думая, что теперь ему дадут послушать, но мы только начали.

— Кто такие новоконтрбазиане? — спросил Лио. Брат Джезри на него зашипел. К моему удивлению, Джезри вступился за Лио:

— Когда ты орал про свою заразу, мы тебе рот не затыкали.

— Ага, не затыкали!

— Спорю, что это психи небесного эмиссара, — сказал я.

Теперь зашикали на меня. Отец Джезри вздохнул, как будто отмежёвываясь от всех нас, и приложил ладонь к уху, но было поздно: мы породили ветвящееся древо взаимных попрёков. Мэр продолжал говорить о красоте наших часов, величии нашего собора, трогающем душу пении фраа и суур. Речь его была до тошноты приторна, и всё же у меня нарастало нехорошее чувство, словно он призывает весь свой электорат собраться у наших ворот с канистрами бензина. Перепалка между Джезри и его братом превратилась в редкий снайперский огонь, сдерживаемый женщинами, которые, как по команде, сплотились в миротворческий батальон и пустили в ход всю

силу взглядов и прикосновений. Брат Джезри заявил, что мы своими мелочными придирками по поводу числа тетрархов полностью расписались в педантстве и никчёмности. Джезри проинформировал его, что эта иконография много старше города-государства Эфрады.

Лио исчез, никто и не заметил как. Наверное, он научился этому по своим искводошным книжкам. Для человека, подвинутого на единоборствах, он исключительно плохо переносил ссоры.

Я дождался, когда отзвучит торжественный колокольный звон в честь приёма новичков, и, пока все стоя хлопали, отправился размять ноги. По традиции теперь веселье должно было пойти на убыль и начаться уборка посуды, чтобы к рассвету мы могли проводить гостей, а значит, я вряд ли рисковал пропустить что-нибудь особенно интересное.

Луг озаряла частично полная луна, частично — огромный тент, похожий отсюда на бледно-жёлтое ночное светило, наполовину погрузившееся в тёмное море. На его фоне чёрным силуэтом выделялся Лио. Он двигался как в танце, что для него было крайне необычно. Один край стлы оставался подобием набедренной повязки, другой

мелькал в воздухе: выплескивался, как мыльная вода из ведра, и через мгновение вновь оказывался у Лио в кулаке. То самое упражнение, которое он отрабатывал на статуе светителя Фроги. Зрелище странным образом затягивало. Я был не единственным зрителем. Вокруг Лио собрались несколько гостей. Вернее, четверо. Все крупные. В одежде одного цвета. С номерами на спине.

Стла Лио накрыла 86-й номер, сделав его похожим на привидение. Тот вскинул руки, чтобы её сбросить; при этом вся нижняя половина его тела заходила ходуном. Голова являла собой идеальную неподвижную мишень, и Лио в прыжке нанёс по ней образцовый удар пяткой.

Я побежал к ним.

86-й рухнул навзничь. Лио по инерции упал на него, смягчив этим своё падение, ловко перекатился и, раскорячившись, как паук, выдернул край стлы. 79-й размахнулся сверху. Лио ушёл из-под удара вбок и одновременно захлестнул колени 79-го стлой, потом выпрямился, потянув её следом. 79-й полетел мордой вниз и не успел подставить руки, так что наглотался земли. Лио рванул стлу на себя; ещё целое мгновение ноги 79-го болтались в воздухе. Лио выставил вперёд согнутый локоть и обернулся поглядеть, кто на

очереди.

Ответ: 23-й. Он бежал прямо на Лио. Тот припустил прочь. 23-й нагонял. Край стлы тянулся за Лио по траве. 23-й наступил на неё, и его походка, и без того не слишком изящная, стала ещё нелепей. Лио почувствовал, что на стлу наступили, — ещё бы не почувствовать, если другой конец был пропущен через его пах! — развернулся и дёрнул. 23-й каким-то образом устоял, но потерял равновесие и вынужден был нагнуться вперёд. Лио выставил ногу и, ухватив 23-го за шкирку, бросил через колено. Падать 23-й не умел. Он с размаху грохнулся сначала плечом, потом спиной. Я знал, что будет дальше: Лио нанесёт «смертельный удар» по открытому горлу. Так и произошло, но, как в наших потасовках, Лио задержал руку и не раздавил 23-му трахею.

Остался один. Именно «один», потому что на спине у него красовалась огромная единица. Это был тот самый тип с рукой на перевязи. Здоровой левой он шарил в карманах лежащего 86-го. Когда он выпрямился, рука его что-то сжимала — почти наверняка пистолет.

Нашлёпка на хребте яростно замигала красным и голубым. Тип грязно ругнулся, выронил пистолет и упал. Все его мышцы разом обмякли,

вырубленные сигналами с нашлёпки. Теперь все четверо нападавших лежали. На лугу воцарилась полная тишина, которую нарушало лишь жалобное треньканье их жужул.

Кто-то захлопал в ладоши. Я думал, что это ещё какой-то пьяный пен, и очень удивился, увидев человека, с головой закутанного в стлу. Он выкрикивал древнеортское слово, означающее: «Ура, виват, слава победителю!»

Я зашагал к нему, крича:

— Надеюсь, ты пьян вдребезги, потому что иначе ты полный кретин. Его могли убить! А даже если ты и вправду такой придурок, ты разве не знаешь, что здесь бродят два инквизитора?

— Ничего страшного, один из них убрёл от столов, чтобы не слушать идиотскую речь, — отвечал фраа.

Он откинул с головы капюшон, и я узнал инквизитора Варакса.

Не знаю, какая у меня стала физиономия, но, как я понял, ничего смешнее Варакс давно не видел. Он постарался не выказать этого слишком явно.

— Я не перестаю удивляться тому, что думают о нас и о цели нашего приезда. Не волнуйся, пожалуйста, ничего страшного не случилось.

— Инквизитор посмотрел на верхушку президия. — Решаются куда более серьёзные вещи, чем то, что юный фраа в затерянной обители решил поупражняться в искводо на местных бандюках. Бога ради, — продолжал он, чем сильно меня удивил, поскольку мало кто из нас верил в Бога, и уж Варакс точно на такого не походил. Впрочем, возможно, в тех краях, из которых наш концент представляется «затерянной обителью», принято употреблять это слово качестве эмоционального восклицания. — Бога ради, подними глаза. Думай шире. Как сегодня утром. Как твой друг, когда вступил в бой с четырьмя более сильными противниками.

С этими словами Варакс накинул капюшон на голову и зашагал к тенту.

Навстречу ему быстро шли отец-дефендор и мать-инспектриса. Они расступились, пропуская инквизитора, кивнули и пробормотали какие-то почтительные выражения, которым меня никто не удосужился научить.

И Делрахонес, и Трестана были слегка взвинчены. В обычное время зоны их ответственности чётко разграничивались: рубеж проходил по стене концента. Во время аперта, когда стена на десять дней исчезла, всё значительно ослож-

нилось.

Суура Трестана считала, что Лио надо посадить за Книгу. С точки зрения фраа Делрахонеса ничего дурного не произошло, за исключением одной мелочи: заметив четырёх подозрительных пенов, Лио должен был кого-нибудь предупредить, а не лезть в драку самостоятельно.

— Это нарушение, верно? — настаивала суура Трестана.

— В той мере, в какой это меня касается, вполне простительное, — отвечал Делрахонес. — Впрочем, я не инспектор.

— А я — инспектор, — без всякой надобности напомнила Трестана. — И на мой взгляд, когда один из наших фраа дерётся во время аперта вместо того, чтобы приветствовать новичков и угождать гостям, он допускает тяжкую провинность, за которую можно и отбросить.

Это настолько не лезло ни в какие ворота, что я вмешался: как будто искра от горячности Лио попала мне в голову:

— На вашем месте я бы посоветовался с инквизитором Вараксом, прежде чем принимать меры.

Трестана оглядела меня с головы до пят, словно никогда прежде не видела. (А может, и правда не видела.)

— Поразительно, сколько времени ты проводишь с нашими уважаемыми гостями.

— Чисто случайно, уверяю вас. — Однако я запоздало понял, что суура Трестана *ревнует* инквизиторов ко мне. Как будто она нацелилась на отношения с Вараксом и Онали, а им больше приглянулся я. И она в жизни не поверит, что я говорил с ними неумышленно. Тех, кто может в такое поверить, не берут в инспектора.

— Очевидно, ты представления не имеешь, какой властью обладает над нами инквизиция.

— Почему же, имею. Они могут назначить нам пробацию сроком до ста лет. Всё это время наше питание будет ограничиваться необходимым минимумом — всё нужное для поддержания жизни, но никаких разносолов. Если мы за сто лет не исправимся, могут разогнать нас совсем. Могут уволить любого иерарха и заменить его... или её... новым по собственному выбору.

Я осекся, потому что до меня (с большим опозданием) дошло, что это подразумевает. Я всего лишь пересказывал услышанное от Арсибальта, но Трестана наверняка восприняла мои слова как насмешку.

— Возможно, ты считаешь, что нынешние иерархи концента светителя Эдхара плохо испол-

няют свои обязанности, — с ледяным спокойствием произнесла она. — Может быть, Делрахонеса, или Стато, или меня следует заменить?

— У меня и в мыслях такого не было! — крикнул я и прикусил язык, чтобы не добавить: «до последней минуты».

— Тогда зачем все эти тайные сношения с инквизиторами? Ты единственный из не-иерархов, кто вообще с ними говорил, и теперь уже дважды — оба раза в исключительно приватной обстановке.

— Это бред, — сказал я. — Это бред.

— Решаются куда более серьёзные вещи, чем можно понять в твоём возрасте. Твоя наивность — вкупе с нежеланием её признать — ставит под удар нас всех. Я сажаю тебя за Книгу.

— Что?!

Я не верил своим ушам.

— Главы с первой по... э... пятую.

— Вы шутите.

— Думаю, ты знаешь, что делать. — Она посмотрела на собор.

— Отлично. Отлично. Главы с первой по пятую. — Я повернулся к навесу.

— Стой, — сказала Трестана.

Я замер.

— Собор там, — произнесла она с ноткой иронии. — Ты идёшь не в ту сторону.

— Моя сестра и двоюродный брат за столом. Я должен сказать им, что ухожу.

— Собор, — напомнила она, — в той стороне.

— Я не выучу до рассвета пять глав. Когда я выйду из кельи, ворота уже закроются. Я должен попрощаться с родными.

— Должен? Странный выбор слов. Позволь немного рассказать тебе о семантике, раз уж вы, почитатели Гилеи, так внимательны к подобным вещам. Ты *должен* идти в собор. Ты *хочешь* попрощаться с родными. Инаками для того и становятся, чтобы обрести свободу от хотений. Ради твоего же блага я требую сделать выбор прямо сейчас. Если ты так сильно *хочешь* попрощаться с родными, иди к ним и не останавливайся, пока не окажешься за воротами. Навсегда. А если ты намерен остаться, ты *должен* идти к собору без промедления.

Я глянул на Лио, думая попросить, чтобы он передал несколько слов Дату и Корд, но Лио стоял чуть поодаль — рассказывал Делрахонесу про драку. Кроме того, я чувствовал, что Трестана этого тоже не позволит, и не хотел доставлять ей ещё и такое удовольствие.

Я повернулся спиной к моему немногочисленному семейству и зашагал в направлении собора.

ЧАСТЬ 3. Элигер

«Скука — маска, в которую рядится бессилие». Где лучше всего чувствуешь правдивость этого высказывания Ороло, если не в штрафной келье инспектората? Какой-то ловкач-архитектор выстроил своего рода увеличительное стекло, только не для света, а для бессилия. В моей келье не было двери. От свободы меня отделяла лишь стрельчатая древнематическая арка, на которой многие поколения узников оставили свои изречения и рисунки. Она открывалась в переход, идущий по внутреннему периметру инспектората. С утра до вечера по нему сновали низшие иерархи. За переходом я видел кусок алтарного свода на высоте двухсот футов от пола, но парапет мешал мне заглянуть вниз, туда, где отмечали провенер. Я слышал пение. Видел, как ползёт цепь, когда моя команда заводит часы, как дёргаются верёвки, когда команда Тулии звонит в колокола. Но я не мог видеть людей.

Из матического окна в противоположной стене открывался великолепный вид на луг. Это, разумеется, был ещё один способ увеличить чувство

бессилия и, следовательно, скуку. При желании я мог хоть весь день смотреть, как мои братья свободно гуляют по конценту, беседуя (как мне думалось) об интересных вещах или хотя бы рассказывая друг другу забавные истории. Нависающий карниз дефендората закрывал почти всё небо, но градусов двадцать над горизонтом оставались в моём поле зрения. Окно смотрело на вековые ворота; прижавшись лицом к стеклу, я мог разглядеть справа десятилетние. Когда наутро после Десятой ночи взошло солнце, я услышал закрытие аперта и, глядя в арку, увидел, как движется цепь, открывая водяные заслонки. Я перешёл к окну: серебристая струйка воды добежала по акведуку до ворот, и они затворились. Со стороны экстрамуроса собрались лишь несколько посетителей. Какое-то время я мучился, что Корд там, одиноко дожидается, чтобы я выбежал и обнял её на прощание. Однако с закрытием ворот испарилась и эта фантазия. Я посмотрел, как инаки убирают навес и складывают столы, потом съел хлеб и выпил молоко, оставленные у входа кем-то из подчинённых инспектрисы.

Затем я взялся за Книгу.

Поскольку единственное её назначение — мучить читателей, чем меньше я о ней расскажу,

тем лучше. Изучать, переписывать и зубрить Книгу было худшей формой епитимьи.

В конценте, как любом человеческом общежитии, хватало скучных и неприятных обязанностей: полоть сорняки, поддерживать в порядке канализацию, чистить картошку и забивать скот. В идеальном обществе мы бы делали это по очереди. Однако, поскольку существовали правила поведения и они время от времени нарушалась, инспектора следили, чтобы самую неприятную работу выполняли провинившиеся. Система была не так уж плоха. Прочищать засорившуюся уборную из-за того, что вчера слишком много выпил в трапезной, занятие не из приятных, но ты хотя бы знаешь, что уборные нужны, они иногда засоряются, и кому-то из инаков так и так пришлось бы это делать, поскольку не всегда можно вызвать сантехника-мирянина. Утешало уже то, что в работе есть смысл.

В Книге смысла не было, что превращало её в самую ненавистную из епитимий. Она содержала двенадцать глав. Как в шкале землетрясений, их убойная сила росла экспоненциально, то есть шестая глава была в десять раз хуже пятой, и так далее. Первая глава была так, ознакомлением, для проштрафившихся детишек. С нею

обычно справлялись за час. Вторая, как правило, означала по меньшей мере одну ночёвку в штрафной келье, хотя любой уважающий себя правонарушитель мог осилить её за день. На пятую уходило несколько недель. Приговор к шестой главе можно было обжаловать примасу и далее в инквизицию. Двенадцатая глава равнялась пожизненному осуждению на каторжные работы в одиночном заключении: за три тысячи шестьсот девяносто лет её превозмогли только трое инаков, и все они были не в себе.

Примерно за шестой главой епитимья растягивалась на годы. Многие предпочитали уйти из концента. Те, кто оставался, выходили изменившимися: присмиревшими и как будто пониже ростом. Это может показаться странным, поскольку требовалось вроде бы всего ничего: переписать указанные главы, выучить и ответить на вопросы по ним комиссии иерархов. Однако содержание Книги на протяжении столетий оттачивалось до полного, идиотического, вынимающего душу безумия: вопиюще очевидного в начале, затем, с каждой главой, всё более тонкого. Это был лабиринт без выхода, уравнение, которое после недель труда сводилось к 2 = 3. Первая глава состояла из страницы бессмысленных детских стишков с

нарочито неточными рифмами. Четвёртая представляла собой несколько страниц знаков числа пи. Дальше, впрочем, в кодексе не было ничего случайного, поскольку чисто рандомные вещи запомнить не так сложно: достаточно освоить несколько приёмов, а все, одолевшие четвёртую главу, эти приёмы знали. Куда труднее зубрить и отвечать материал почти, но не совсем осмысленный; материал, в котором есть внутренняя логика, но только до некоего предела. Такие вещи время от времени возникают в матическом мире естественным путём: в конце концов, не каждому дано стать светителем. После того как авторов унизили и отбросили, их сочинения передавали инквизиции; если она находила текст достаточно чудовищным, то его, дополнительно ухудшив, включали в следующие, ещё более гадостные издания кодекса. Чтобы выйти на свободу, надо было освоить материал так, как, скажем, теорию групп для изучения квантовой механики. Ужас заключался в сознании, что ты прикладываешь столько усилий, чтобы отравить свой мозг интеллектуальным ядом. Вы и представить себе не можете, насколько это унизительно. Промучившись над пятой главой недели две, я вполне понимал, почему осилившие, например, девя-

тую, остаются искалеченными на всю жизнь.

Довольно о Книге. Куда более интересный вопрос: почему я здесь оказался? По всему выходило, что суура Трестана хотела устранить меня на весь срок пребывания инквизиторов. С третьей главой я бы справился чересчур быстро. Чётвертой могло бы хватить, но она добавила пятую на случай, если я легко запоминаю числа.

Каждое утро меня будил рассветный актал, на который собирались лишь самые страстные любители церемоний. Я сдёргивал стлу с деревянной лежанки — единственного предмета мебели в штрафной келье, заворачивался, мочился в дыру в полу, споласкивал лицо холодной водой из каменной чаши, съедал хлеб, выпивал молоко, ставил пустую посуду у выхода и садился на пол перед лежанкой, предварительно разместив на ней Книгу, перо, чернильницу и несколько листьев. Сфера служила упором для локтя. Я работал три часа, потом, до провенера, занимался чем-нибудь ещё, чтобы проветрить голову. Всё то время, что Лио, Джезри и Арсибальт заводили часы, я отжимался, приседал и делал выпады. Из-за моего отсутствия ребята напрягались больше и становились сильнее, и я не хотел выйти на свободу ослабевшим.

Товарищи как-то выяснили, в какой келье я нахожусь, и после провенера завтракали на лугу прямо под моим окном. Они не поднимали глаза и не махали мне — суура Трестана наверняка смотрела на них сверху, дожидаясь чего-нибудь в таком роде, — но каждый раз для начала поднимали кружки с пивом, как будто за чьё-то здоровье, и отпивали по большому глотку. Я понимал, что они мысленно со мной.

Чернил и листьев было много, и я начал писать отчёт, который вы сейчас читаете. По ходу у меня возникло странное ощущение, что в событиях последних недель имелась некая закономерность, которую я упустил. Я списал его на изменённое состояние ума, в которое впадает узник, оставшись наедине с Книгой.

Как-то на второй неделе епитимьи мои утренние занятия прервал незнакомый колокольный звон. Через арку мне были видны верёвки, идущие от балкончика звонщиц к колоколам. Я перебрался на другую сторону лежанки, спиной к окну, чтобы удобнее было за ними наблюдать. По идее, все инаки должны разбирать звоны. Я так толком этому и не научился: ноты смешивались у меня в голове, и я не мог вычленить мелодический рисунок. Выяснилось, что, глядя на верёвки,

я делаю это куда легче: моё зрение было лучше приспособлено для такой работы, чем слух. Я понимал, как движение конкретной верёвки обусловлено движением соседних на прошлых тактах, и через минуту-две без посторонней помощи разобрался, что звонят к элигеру. Кто-то из моего подроста должен был вступить в орден.

От окончания колокольного звона до начала актала прошло полчаса, затем ещё полчаса все пели. Наконец, Стато назвал имя Джезри и грянул кондак инбраса. Пели с воодушевлением, но не очень искусно, из чего я заключил, что Джезри приветствуют в своих рядах эдхарианцы. Всё это время мне было трудно сосредоточиться на Книге, и потом тоже: по-настоящему я заставил себя заниматься только после провенера.

На следующий день звон повторился. Ещё двое вступили в эдхарианский орден и одна — Ала — в Новый круг. Я ничуть не удивился. Мы все считали, что ей прямая дорога в иерархи. Тем не менее почему-то событие потрясло меня так, что я полночи не мог уснуть. Как будто Ала перенеслась в какой-то другой концент, где я никогда её больше не увижу, не смогу с нею спорить или состязаться, кто быстрее решит теорическую задачку. Глупость несусветная: Ала оставалась

в Эдхаре, и нам предстояло каждый день вместе обедать в трапезной. Однако какая-то часть мозга упорно считала решение Алы моей личной потерей и, словно в отместку, не давала мне уснуть.

В том, как я узнал звон элигера по движению верёвок, заключался небольшой урок. Я по-прежнему записывал события прошедших недель, и грызущее чувство, будто я что-то прохлопал, не отпускало. Наконец я дошёл до разговора с фраа Ороло на звездокруге и их с Трестаной тихому спору чуть позже. Излагая эти события на листе, я взглянул в окно туда, где они происходили, и увидел, что решётка, несмотря на дневное время, по-прежнему опушена. Мне была видна и решётка центенарского матика — тоже закрытая. Обе они ни разу не открывались за то время, что я здесь. С каждым днём я всё больше укреплялся в мысли, что звездокруг заперт с тех самых пор, как на восьмой день аперта ключник опустил решётку за мною и Ороло. Закрытие звездокруга — почти наверняка первое и единственное за всю историю концента светителя Эдхара, — вероятно, и стало причиной жаркого спора между Ороло и Трестаной.

Большая ли натяжка предположить, что приезд инквизиторов двумя днями позже — не случай-

ность? Наш звездокруг смотрит на то же небо, что и все остальные в мире. Если закрыли наш — если нам чего-то не положено видеть, — значит, закрыли и другие. Скорее всего приказ пришёл по авосети на восьмой день аперта, и тогда же ита передали его сууре Трестане; тогда же, надо думать, Варакс и Онали тронулись в нашу «затерянную обитель».

Всё складывалось в более или менее правдоподобную картину, но не отвечало на главный вопрос: чего ради закрывать звездокруг? Вроде бы уж он-то должен занимать иерархов меньше всего. Их дело — следить за соблюдением канона, не допуская мирскую информацию в мозги инаков. Информация, поступающая со звездокруга, по своей природе вне времени. Большей её части — миллиарды лет. Текущие события — пыльная буря на каменистой планете или вихревая флуктуация на газовом гиганте. Что из увиденного со звездокруга попадает в разряд мирского?

Как фраа, который проснулся задолго до рассвета от запаха дыма и понимает, что огонь тлел и разгорался много часов, пока он дрых, ни о чём не ведая, так и я не только испугался, но и досадовал на свою тупость.

Моему душевному равновесию не способство-

вало и то, что элигер теперь справляли почти каждый день. За последний год я заметно отстал от других в теорике и космографии и уже почти смирился с тем, что вступлю в неэдхарианский орден и стану иерархом. Потом, ровно перед тем, как Трестана посадила меня за Книгу, я решил-таки попроситься к эдхарианцам и посвятить жизнь изучению Гилеиного теорического мира. А теперь я сидел в этой каморке и читал белиберду, пока заполняются места в эдхарианском капитуле. Формально не было никаких ограничений, никакой квоты, но если бы эдхарианцы получили больше десяти—двенадцати новых инаков за счёт других орденов, грянул бы скандал. Тридцать лет назад, когда Ороло пришёл в концент, они набрали четырнадцать человек, и разговоры об этом не утихли до сих пор.

Как-то днём, сразу после провенера, опять зазвонили колокола. Сперва я подумал, что вновь отмечают элигер. К тому времени пятеро присоединились к эдхарианцам, трое — к Новому кругу и один — к реформированным старофаанитам. Однако где-то в глубине сознания скреблось чувство, что такой звон я слышу впервые в жизни.

Я в очередной раз отложил перо, злясь, что моя епитимья пришлась на такое интересное время,

и сел так, чтобы лучше видеть верёвки. Через несколько минут я точно знал, что это не элигер. На миг у меня перехватило дыхание — я подумал, что звонят к анафему. Впрочем, звон умолк раньше, чем я сумел его определить. Полчаса я сидел без движения, слушая, как заполняются нефы. Толпа собиралась огромная — все инаки из всех матиков бросили свои дела и пришли на актал. Они оживлённо переговаривались. Я не разбирал слов, но по тону чувствовал, что предстоит нечто очень значительное. Несмотря на страхи, мне удалось убедить себя, что это не анафем. Люди бы столько не разговаривали, если бы шли смотреть, как отбросят их брата или сестру.

Началась служба. Пения не было. Я слышал, как примас произносит знакомые фразы на древнеортском: формальный призыв к сбору всего концента. Затем он перешёл на новоортский и зачитал некий текст, написанный, судя по стилю, примерно в период Реконструкции. В самом конце Стато возгласил отчётливо:

— Воко фраа Пафлагон из центенарского капитула ордена светителя Эдхара!

Итак, это был актал воко. Всего лишь третий на моей памяти. Первые два произошли, когда мне было лет десять.

Покуда я переваривал услышанное, снизу донёсся общий вздох и глухой стон: выдохнули, надо полагать, почти все инаки, стенали центенарии, теряющие брата навсегда.

И тут я совершил нечто ужасное, но я знал, что мне это сойдёт с рук: вышел из кельи. Я пересёк коридор и заглянул через парапет.

В алтаре находились всего трое: Стато в своём пурпурном одеянии и Онали с Вараксом, узнаваемые по инквизиторским шапкам. Инаки за экранами шумели так, что актал временно приостановился.

Я собирался только заглянуть через парапет, понять, что происходит, и сразу назад. Однако меня не поразило молнией. Никто не забил тревогу. *Здесь вообще никого не было*. И не могло быть, потому что прозвонили к воко и все собрались внизу. Обязаны были собраться, ведь никто заранее не знал, чьё имя назовут.

Если подумать, то и мне, наверное, следовало быть внизу! Воко — почти наверняка тот редкий случай, когда требование к таким, как я, оставаться в келье не действует.

Тогда почему служители инспектората меня не позвали? Наверное, допустили оплошность. У них нет инструкции на сей счёт. Вполне может

быть, что они, как и я, не узнали мелодию. Не понимали, что это воко, пока не начался сам актал, а тогда уже поздно было бежать за мной. Они не могут уйти, пока всё не кончится.

Они не могут уйти, пока всё не кончится.

Я могу идти куда захочу, лишь бы успеть в келью к тому времени, как вернутся инспектриса и её помощники. В любом случае мне влетит за то, что я пропустил воко! Так почему не сделать то, о чём будут говорить в трапезной пятьдесят лет спустя?

Не зря я каждый день занимался зарядкой! Я пробежал по переходу, через три ступеньки взлетел по лестнице и, миновав двор дефендората, оказался в нижней части хронобездны. Здесь я сбавил темп, чтобы не греметь металлическими ступенями. Зато я хорошо видел, что творится внизу. На вид ничего не изменилось, но теперь из колодца доносился новый звук: скорбный гимн, которым столетники прощались с уходящим братом. Никто не помнил мелодии и слов, так что им пришлось листать редко используемые гимнодии в поисках нужной страницы. Ещё минута потребовалась на то, чтобы спеться, поскольку это было пятиголосие. К тому времени, как гимн зазвучал в полную мощь, я был на пол-

пути к звездокругу — карабкался по лестнице за циферблатами, пытаясь двигаться собранно, как Лио, и не зацепить краем стлы за шестерёнки. Прощальный плач и впрямь пробирал до нутра, даже сильнее, чем тот, который мы исполняли на похоронах. Конечно, я знать не знал, кто такой фраа Пафлагон, что он за человек и чем занимался. Однако столетники знали, и сила пения заставляла меня разделить их чувства.

И — поскольку мы оба в одиночку шли навстречу неведомому — я, возможно, в какой-то мере разделял и чувства фраа Пафлагона.

До цели было уже рукой подать: я добрался до того места, где свод президия загибался внутрь. Через отверстия в потолке проходили валы, вращающие полярные оси телескопов. Лестница вилась вокруг самого большого вала. Я добежал до верха, взялся за дверную задвижку и, прежде чем её повернуть, глянул вниз: на какой стадии актал. Дверь в экране центенариев была открыта. Фраа Пафлагон вышел на пустую середину алтаря и остановился. Дверь за ним затворили.

В тот же миг я открыл дверь звездокруга. Из неё хлынул солнечный свет. Я втянул голову в плечи. Наверняка меня заметят!

Успокойся, сказал я себе, потолок президия

виден только из алтаря, а там всего четверо. И вообще все смотрят на фраа Пафлагона.

Последний раз заглянув вниз, а нашёл ошибку в своей логике. Все смотрели на фраа Пафлагона — *кроме фраа Пафлагона*! Он как раз запрокинул голову и смотрел прямо вверх. Ничего удивительного: это был его последний шанс увидеть своды собора. Я бы на его месте поступил так же.

Выражения лица с такой высоты было не прочесть, но Пафлагон наверняка увидел свет, льющийся в открытую дверь.

На мгновение он застыл, что-то соображая, потом медленно перевёл взгляд на Стато.

— Я, фраа Пафлагон, явился на твой зов, — произнёс он первую строчку литании, которая должна была продолжаться ещё минуту-две.

Я вошёл в звездокруг и тихо притворил за собой дверь.

Мне думалось, что там всё будет в пыли и птичьем помёте — фиды Ороло тратили кучу времени на поддержание чистоты. Однако всё было не так плохо. Кто-то явно сюда приходил и убирался.

Я вошёл в блокгауз без окон, служивший нам лабораторией, миновал тройные двери, не пропускающие свет, и взял фотомнемоническую

табулу в защитном чехле.

Что на ней записать? Я понятия не имел, что иерархи хотят от нас скрыть, поэтому не знал, куда навести телескоп.

Вообще-то у меня была догадка, в которой я почти не сомневался: к нам летит крупный астероид. Другой причины для закрытия звездокруга я придумать не мог. Однако мою задачу это не облегчало. Чтобы заснять астероид, надо навести на него Митру и Милакса, а для этого необходимо с большой точностью знать параметры орбиты. Уж не говоря о том, что если бы я начал поворачивать большой телескоп, это бы все заметили.

Однако был инструмент, который не требовалось наводить: Око Клесфиры. Я бросился к пинаклю.

Взбираясь по винтовой лестнице, я успел придумать множество причин, почему из моей затеи ничего не выйдет. Око Клесфиры видит всё от горизонта до горизонта, верно. Неподвижные звёзды предстают в виде дуг из-за вращения Арба, быстро движущиеся объекты — в виде чёрточек. Однако след даже очень большого астероида будет исчезающе слабым и коротким.

В конце концов я выбросил сомнения из головы. Другого инструмента у меня нет. Надо попробо-

вать, что можно, и посмотреть, что получится.

Под «рыбьим глазом» был паз в точности по размеру табулы, которую я держал в руке. Я сломал печать и вытащил содержимое. Ветер вырвал чехол у меня из рук и пришлёпнул к стене там, где мне его было не достать. Табула представляла собой гладкий диск, похожий на те, которыми шлифуют телескопные зеркала, только темнее, как будто обсидиановый. Как только я активировал её запоминающие функции, нижний слой стал того же цвета, что солнце, потому что таким был свет, попадающий на поверхность табулы. Без фокусирующих линз или зеркал она не могла ничего отобразить: ни бледного солнца, зависшего в южной части неба, ни морозных облаков на севере, ни моего лица.

Однако теперь мне предстояло убрать её под линзу, поэтому я для начала накрыл голову стлой, чтобы смотреть как будто сквозь длинный тёмный туннель. Я понимал, что если предосторожность и впрямь окажется не лишней — то есть если табула попадёт к инспектрисе, — меня всё равно вычислят, но уж если делаешь что-то тайком, надо хотя бы постараться.

Я задвинул табулу в щель. Теперь она будет записывать всё, начиная с моей поспешно уда-

ляющейся спины, пока не заполнится целиком, что при её теперешней настройке должно было произойти месяца через два.

Тогда надо будет за ней вернуться — как именно, я пока даже не задумывался.

Покуда я спускался из пинакля, обо всём этом размышляя, что-то огромное, громкое и быстрое пронеслось в пустом пространстве между мною и утёсом милленариев. Я чуть не умер от страха. До штуковины была тысяча футов, но она затрагивала меня непосредственно, как пощёчина. Следя за ней глазами, я потерял равновесие и вынужден был сесть на ступеньку, чтобы не навернуться с лишённой перил лестницы. Это был летательный аппарат того типа, у которого крылья поворачиваются, превращая его в двухвинтовой вертолёт. Он пронёсся по снижающейся дуге, как если бы собор служил ему ориентирной вышкой, и взял курс на площадь перед дневными воротами. Её отсюда было не видно, поэтому я сбежал с пинакля и припустил через звездокруг. Поняв, что сейчас сигану с президия (чего мне уже больше совсем не хотелось), я выставил руки и затормозил о менгир. Выглянув из-за него, я увидел, как летательный аппарат (теперь его винты были обращены вверх) садится на площадь. Струя воз-

духа оставляла заметный след на поверхности пруда и разбрызгивала парные фонтаны.

Через несколько мгновений из дневных ворот вышли двое в пурпурных одеждах. Шапки Варакс и Онали несли в руках, чтобы их не сорвало ветром от винтов. В двух шагах за ними шёл фраа Пафлагон; он наклонился вперёд и обнял себя руками, удерживая норовящую улететь стлу. Варакс и Онали остановились по бокам от дверцы и, дождавшись Пафлагона, помогли ему залезть. Затем они вскарабкались следом. Автоматический механизм захлопнул дверцу, когда винты уже раскручивались и аппарат отрывался от площадки. Тут пилот дал полный газ, и машина в мгновение ока поднялась на пятьдесят футов. Крылья опустились. Аппарат набрал горизонтальную скорость, пронёсся над прудом и бюргерским поселением, увеличивая высоту, и повернул к западу.

Ничего круче я в жизни не видел и уже предвкушал, как буду рассказывать об этом друзьям в трапезной.

Тут я вспомнил, что нахожусь в бегах.

К тому времени, как я спустился в хронобездну, воко уже давно закончился. Колодец по-прежнему гудел от голосов, но уже затихающих, поскольк-

ку нефы пустели. Большинство инаков покидало собор, но некоторым предстояло подняться по лестницам в башнях, чтобы возобновить работу в инспекторате и дефендорате. Я припустил вниз, громыхая по железным ступенькам, потом из осторожности всё-таки сбавил шаг, несмотря на страх, что кто-нибудь поднимется быстрее, чем я спущусь.

Первыми я увидел двух молодых иерархов из дефендората, которые торопливо взбирались по лестнице в надежде добраться до балкона и увидеть летательный аппарат, пока он не совсем скрылся. Я был уже в дефендорском дворе и принялся высматривать место, где можно спрятаться. Весь этаж был загромождён тем, что только дефендор может считать достойным украшением — бюстами и статуями павших героев. Ужаснее всех был бронзовый Амнектрус, дефендор в пору Третьего разорения. Он пребывал в той позе, в какой провёл последние двадцать часов жизни: стоял на одном колене у парапета и смотрел в прицел оптической винтовки длинною с него самого. Амнектруса отлили из бронзы, а вот винтовка и груда отстрелянных гильз были подлинные. Пьедесталом служил его саркофаг. Я юркнул за него. Двое быстроногих иерархов про-

неслись мимо меня к западной стороне балкона. Я вскочил и обходным путём, чтобы ни на кого больше не напороться, припустил к лестнице. Переход инспекторского этажа я преодолел на четвереньках, чтобы меня не увидели за парапетом, и, наконец, оказался в келье. Вот уж не думал, что так ей обрадуюсь.

Оставалась одна маленькая незадача: я взмок от пота, грудь вздымалась, сердце работало, как винты летательного аппарата, на коленях и на ладонях остались ссадины, и всего меня трясло от перенапряжения и страха. Я чистыми листьями вытер с лица пот, плотно закутался в стлу, спрятав всё, что можно, и сел на сферу перед окном, как будто смотрю на луг. Теперь оставалось только восстановить дыхание, прежде чем ко мне заглянет кто-нибудь из служителей инспектората.

— Фраа Эразмас?

Я обернулся и увидел сууру Трестану, тоже немного раскрасневшуюся от подъёма.

Она вошла в келью. Это был наш первый разговор после Десятой ночи. Сейчас Трестана казалась на удивление нормальной и человечной — как будто мы с ней заправские друзья и просто вздумали поболтать.

— М-мм, — промычал я, не решаясь отвечать

словами, чтобы голос меня не выдал.

— Ты хоть знаешь, что сейчас произошло?

— Отсюда трудно разобрать. Но похоже чуть ли не на воко.

— Это был воко, — отвечала она. — И тебе следовало на нём присутствовать.

Я, как мог, изобразил ужас, что в моём нынешнем состоянии было совсем не трудно. А может, Трестана так хотела меня напугать, что легко поверила, будто ей это удалось. Так или иначе, она выдержала паузу, чтобы меня помучить, и сказала:

— На сей раз я не стану сажать тебя за Книгу, хотя формально ты допустил серьёзное нарушение.

«Ещё бы, — подумал я. — Тебе пришлось бы дать мне шестую главу, я бы подал апелляцию, и неизвестно, кто бы победил».

Вслух я сказал:

— Спасибо, суура Трестана. В том маловероятном случае, если, пока я здесь, у нас будет ещё воко, должен ли я спуститься вниз?

— Да, — отвечала она, — и смотреть его через экран примаса, а затем немедленно вернуться сюда.

— Если не меня вызовут, — сказал я.

Трестана была не склонна искать в ситуации юмористическую сторону, поэтому в первый миг опешила, а потом разозлилась на себя за то, что опешила.

— Как продвигается пятая глава? — спросил она.

— Надеюсь быть готовым к экзамену через неделю-две, — ответил я и тут же задумался, как за это время забрать табулу из-под Ока Клесфиры.

Перед уходом суура Трестана даже вознаградила меня чем-то вроде улыбки. Может, потому что инквизиторы отбыли, а с ними исчезла и причина, по которой меня надо было держать за Книгой. Так или иначе, я сделал вывод, что цель моего наказания достигнута, остались только формальности. Мне сразу остро захотелось быстрее со всем покончить. До конца дня я продвинулся в пятой главе дальше, чем за всю прошлую неделю.

На следующий день снова звонили к элигеру. Ещё двое вступили в эдхарианский орден и двое в Новый круг. Реформированным старофаанитам снова никого не досталось.

Из двоих, присоединившихся к Новому кругу, одним был Лио. Я страшно удивился, даже подумал, что ослышался. Не знаю, что меня

так смутило. Лио был очевидным кандидатом в команду дефендора. Его драка с пенами явно произвела на фраа Делрахонеса неизгладимое впечатление. Работать в дефендорате значило стать иерархом, а это по какой-то причине подразумевало вхождение в Новый круг. Так почему я удивился? Наверное (решил я, ворочаясь на лежанке в ту ночь), мы столько были в одной команде, что я привык думать, будто мы с Лио, Джезри и Арсибальтом навсегда останемся вместе. И мне казалось, что они чувствуют то же самое. Однако чувства меняются, идо меня постепенно начало доходить, что за время моего пребывания в штрафной келье они менялись быстрее обычного.

Через два дня Арсибальт присоединился к реформированным старофаанитам. Счастье, что никто внизу не услышал моего дикого вопля: «Зачем?!» Я мог бы лежать без сна хоть всю ночь и никакое снизарение мне бы этого не объяснило. Реформированный старофаанитский орден тихо умирал с самого своего основания.

Надо было скорее отсюда выбираться. Я перестал делать зарядку и вести записи, только учил пятую главу. К тому времени, как я сообщил, что готов к экзамену, одиннадцать фидов вступили в

эдхарианский орден, девять — в Новый круг и шестеро — в реформированный старофаанитский. Мои шансы (если они у меня вообще остались) таяли с каждым днём. В самые чёрные минуты я думал, что суура Трестана нарочно усадила меня за Книгу, чтобы принудить к вступлению в не-эдхарианский орден и обречь на службу младшим иерархом, чьим-нибудь мальчиком на побегушках. Обычные фраа и сууры подвластны только канону, над иерархами всегда куча начальства: плата за ту власть, которую они получают.

Экзамен состоялся на следующий день, после элигера, на котором ещё один фид вступил в Новый круг и трое — в реформированный старофаанитский орден. Из них двое были те, кого Арсибальт назвал «объедками», один — редкий умница. Из моего подроста, кроме меня, остался только один фид; я бы уже, наверное, и не сообразил, кто, не будь это Тулия.

Экзаменационная комиссия состояла из трёх человек. Суура Трестана не пришла. Сперва я обрадовался, потом разозлился. Епитимья стоила мне месяца жизни и надежды попасть в орден светителя Эдхара. Трестана могла бы хоть заглянуть.

Для начала мне задали несколько каверзных

вопросов по второй главе в расчёте, что я пробежал её глазами в первый день и забыл. Однако я специально на этот случай накануне отдал два часа повторению трёх первых глав.

После того как я отбарабанил знаки числа пи со сто двадцать седьмого по двести восемьдесят третий, у экзаменаторов кончился запал. Мы посвятили пятой главе всего два часа — неслыханное попустительство. Однако элигер сдвинул мероприятие на конец дня. Близилось солнцестояние, темнело рано, отчего казалось, будто час уже поздний. Я буквально слышал, как у экзаменаторов бурчит в животе. Комиссию возглавлял фраа Спеликон, семидесятипятилетний иерарх, отказавшийся от инспекторской должности в пользу сууры Трестаны. В последнюю минуту он решил, что меня недостаточно помучили, и собрался поправить дело. Однако я без запинки ответил на его первый вопрос, и два других экзаменатора тоном и позой дали понять, что все окончено. Спеликон взял очки и, держа их перед глазами, прочёл по древнему листу некий текст, означавший, что епитимья исполнена и я могу идти.

Хотя казалось, что уже вечер, до обеда оставался целый час. Я спросил разрешения зайти в штраф-

ную келью за моими записками. Фраа Спеликон выписал мне пропуск, по которому я мог оставаться в инспекторате до обеденного времени.

Я поблагодарил, взял лист и пошёл в келью, демонстрируя пропуск всем встречным иерархам. К тому времени, как я добрался до места и вытащил дневник из-под лежанки, мысль — которой тридцать секунд назад, когда я прощался с экзаменаторами, не было в зародыше — распустилась пышным цветом и полностью завладела сознанием. Почему бы не проскользнуть на звездокруг и не забрать табулу прямо сейчас?

Конечно, разум возобладал. Я завернул дневник в свободный край стлы и вышел из кельи в надежде никогда больше сюда не вернуться. Через пятьдесят шагов по переходу я был уже в юго-западном углу, у лестницы, ведущей в деценарский матик. Несколько фраа и суур расхаживали взад-вперёд, готовясь к смене караула во дворе дефендората. Я остановился, пропуская одного фраа. Он был в капюшоне и не смотрел, куда идёт. Тут он увидел мои ноги и откинул капюшон, обнажив бритую голову. Это был Лио.

У нас столько всего накопилось, что несколько мгновений мы только мычали, не зная, с чего начать. Наверное, оно было и к лучшему, потому

что во дворе инспектората я вообще ничего говорить не хотел.

— Я тебя провожу, — предложил я.

— Тебе надо поговорить с Тулией, — пробормотал Лио, пока мы поднимались в дефендорат. — И с Ороло. Со всеми.

— На новую работу идёшь?

— Делрахонес велел мне пройти стажировку. Эй, Раз, куда ты направляешься?

— На звездокруг.

— Но это... — Он схватил меня за руку. — Эй, кретин, тебя могут отбросить!

— То, что я должен сделать, куда важнее... — Я сам понимал, что поступаю неумно, но во мне взыграл бунтарский дух. — Объясню чуть позже.

Я повёл Лио из внутреннего перехода (где было слишком людно, чтобы разговаривать) к периферии дефендората, как если бы мы шли на балкон. Нам предстояло пройти через узкую арку. Лио жестом пропустил меня вперёд. Я шагнул и в тот же миг сообразил, что повернулся к нему спиной. К тому времени, как мысль эта окончательно проникла в мой мозг, рука у меня уже была заломлена назад. Я мог либо двинуться и следующие два месяца ходить с подвязанной рукой, либо не двигаться. Я выбрал второе.

Зато язык у меня остался свободен.

— Рад снова тебя видеть, Репей. Сперва ты втравил меня в неприятности, теперь вот.

— Ты сам вляпался в неприятности. И я позабочусь, чтобы это не повторилось.

— У вас в Новом круге такие порядки?

— Даже и не заговаривай про то, как прошёл элигер, пока не узнаешь, что происходит.

— Ладно, если ты меня выпустишь, чтобы я мог подняться на звездокруг, обещаю сразу пойти в трапезную и выслушать все новости.

— Смотри.

Лио развернул меня лицом туда, откуда мы пришли. Вокруг стояла полная тишина. Я почти испугался, что нас заметили, но тут увидел, что вверх движется процессия людей в чёрной одежде и высоких шапках. Они перешли на винтовую лестницу и, гремя железными ступенями, начали подниматься в хронобездну.

— Хм, — пробормотал я. — Так вот почему там чисто.

— Ты там был?! — Лио от изумления так придавил мне вывернутую руку, что стало больно.

— Пусти! Обещаю дальше не идти, — сказал я.

Лио отпустил мою руку. Я медленно и осторожно вернул её в человеческое положение и только

потом выпрямился.

— Что ты там видел? — требовательно спросил Лио.

— Пока ничего, но там лежит табула, которую я должен забрать. Может быть... *может быть,* она что-нибудь подскажет.

Он задумался.

— Дело непростое.

— Это обещание, Лио?

— Просто констатация.

— Ита ходят туда по какому-то известному расписанию?

Лио уже открыл рот, чтобы ответить, но тут же сделал строгое лицо.

— Я тебе не скажу. — Тут он кое-что вспомнил. — Слушай, я опаздываю.

— С каких пор тебя это волнует?

— Многое изменилось. Мне надо идти. Прямо сейчас. Другой раз поговорим, ладно?

— Лио!

Он обернулся.

— Что?!

— Кто такой фраа Пафлагон?

— Он научил фраа Ороло половине того, что тот знает.

— А другой половине кто его научил? — спро-

сил я, но Лио уже исчез. Минуту я стоял, слушая, как поднимаются ита, и гадая, не проверят ли они, есть ли в инструментах табулы. И не смогу ли я добыть такое же чёрное одеяние.

Тут в животе забурчало, и ноги, как будто ими управлял непосредственно желудок, сами понесли меня к трапезной.

Последний раз я видел движущуюся картину десять лет и почти два месяца назад, но по-прежнему помнил сцены, когда звездолётчик входит в бар космодрома или степной наездник — в пыльный салун, и там воцаряется тишина. Так было, когда я вошёл в трапезную.

Я заявился слишком рано: ошибка, потому что так я не мог выбирать, с кем мне сесть. Несколько эдхарианцев уже застолбили столы, но все они старательно избегали встречаться со мной глазами. Я встал в очередь за двумя эдхарианскими космографами, которые сразу повернулись ко мне спиной и принялись с преувеличенным жаром обсуждать какое-то доказательство из вороха книг и журналов, нанесённых к дверям нашей библиотеки за время аперта.

Сегодня дежурили реформированные старофааниты. Арсибальт положил мне лишний половник супа и пожал руку — первое тёплое приветствие

с моего освобождения. Мы договорились поболтать позже. Он выглядел вполне довольным.

Я решил сесть за пустой стол и посмотреть, что будет. Довольно скоро ко мне начали подсаживаться фраа и сууры из Нового круга. У каждого находились какие-нибудь шутливые слова по поводу моего заточения.

Через полчаса появился фраа Корландин. Он нёс в руках что-то старое и тёмное, похожее на мумифицированного младенца. Поставив свою ношу на стол, Корландин снял обёртку. Это оказался древний бочонок с вином.

— Тебе от нашего капитула, фраа Эразмас, — сказал Корландин вместо приветствия. — Выдержавший беспримерную епитимью достоин беспримерной выпивки. Она не вернёт тебе прошлых недель, но хотя бы поможет забыть Книгу!

Корландин придумал ловкий ход, и я этому радовался. Учитывая его отношения с суурой Трестаной (которые, как я подозревал, были по-прежнему в силе), встреча могла получиться неловкой. Вино было разом щедрым жестом и способом сгладить эту неловкость. Хотя, пока Корландин возился с затычкой, мне стало немного не по себе. Может, мы отмечаем моё вступление в их орден?

Фраа Корландин словно прочёл мои мысли.

— Мы хотим только отпраздновать твою новообретённую свободу — не покуситься на неё!

Кто-то принёс деревянный ларчик. Внутри оказались серебряные стопочки с эмблемой Нового круга. Фраа и суура вынимали их из бархатных отделений и протирали стлами. Корландин тем временем возился с затычкой из хрупкой смеси глины и воска, которую трудно было снять, не сломав и не насыпав в вино крошек. Просто смотреть сейчас на фраа Корландина значило ощутить связь со временем, когда конценты были богаче, шикарнее, обеспеченней и — как ни глупо это звучит — в каком-то смысле *старше*, чем теперь.

Бочонок явно был из вронского дуба, а значит, вино сделали в каком-то другом конценте из сока библиотечного винограда, а к нам привезли выдерживаться.

Библиотечный виноград вывели методом цепочечной инженерии инаки концента Нижней Вроны перед Вторым разорением. Каждая клетка несла в своём ядре генетические цепочки не одного, а всех сортов винограда, о которых знали вронские инаки, а уж если они о каком не слышали, значит, он того и не стоил. И вдобавок

— фрагменты генетических цепочек различных ягод, плодов, цветов и ароматических трав: фрагменты, которые под воздействием биохимической сигнальной системы клетки-хозяина производят молекулы вкуса. Каждое ядро было архивом более обширным, чем Великая базская библиотека: оно хранило коды почти всех природных молекул, когда-либо стимулировавших обонятельные клетки человека.

Конкретное растение не могло проявить все гены сразу — не могло быть сотней разных сортов винограда одновременно, — поэтому «решало», какие из них проявить — каким виноградом встать и какие вкусы извлечь из архива, — исходя из чрезвычайно сложной системы сбора данных и принятия решений, которую вронские монахи вручную прописали в его протеинах. Библиотечный виноград отзывался на малейшие нюансы света, почвы, ветра и климата. Все усилия и промахи виноградаря влияли на вкус вина. Библиотечный виноград обманывал любые уловки виноделов, вообразивших, будто могут вырастить из него один сорт два лета подряд. Тех, кто по-настоящему знал, как это делать, поставили к стенке во время Второго разорения. Многие современные виноделы предпочитали не рисковать

и выращивали старые сорта. С библиотечным виноградом возились одержимые, вроде фраа Ороло, для которых это становилось призванием. Разумеется, библиотечный виноград решительно невзлюбил условия в конценте светителя Эдхара и до сих пор помнил ошибку, которую предшественник Ороло допустил пятьдесят лет назад. Он неправильно обрезал лозу, и память об обиде, закодированная в феромонах, навсегда отравила почву. Виноград рос мелким, бледным и горьким, вино получалось соответствующим, и мы даже не пытались его продавать.

В том, что касается дерева и бочек, мы преуспели больше. Покуда вронские инаки создавали библиотечный виноград, в нескольких милях выше по течению реки их фраа и сууры из сельского матика Верхневронского леса проделали не меньшую работу над дубом для бочек. Клетки древесины вронского дуба (по-прежнему наполовину живые после того, как дерево спилили, разрезали на доски и согнули) анализировали молекулы, плавающие в вине: одни отпускали, а другие заставляли просачиваться наружу, где те отлагались в виде ароматных налётов и корочек. Дерево было так же привередливо к условиям хранения, как библиотечный виноград — к пого-

де и почве. Винодел, который плохо заботился о бочках и не стимулировал их должным образом, бывал жестоко наказан: он обнаруживал все самые ценные сахара, дубильные и смолистые вещества снаружи, а внутри — технический растворитель. Дерево предпочитало тот же интервал температур и влажности, что человек, а его клеточная структура откликалась на вибрацию. Бочки резонировали от человеческого голоса, как музыкальные инструменты, поэтому вино, хранящееся в обеденном помещении и в подвале, где репетирует хор, имело разный вкус. Климат Эдхара хорошо подходил для выращивания вронского дуба. Что ещё лучше, мы славились своим умением выдерживать вино. Бочки хорошо себя чувствовали и в нашем соборе, и в нашей трапезной, с благодарностью отзывались на пение и разговоры. Менее удачливые конценты присылали в Эдхар вино на выдержку. Кое-что перепадало и нам. Вообще-то не предполагалась, что мы будем его пить, но мы иногда немножечко подворовывали.

Корландин благополучно справился с затычкой, нацедил вина в лабораторную колбу и разлил из неё по стопочкам. Первую вручили мне, но я знал, что нельзя пить сразу. Когда все

за столом получили по стопочке (Корландин — последним), он поднял свою, поглядел мне в глаза и сказал:

— За фраа Эразмаса, по случаю его выхода на свободу, чтобы она была долгой и радостной и чтобы он воспользовался ею с умом.

Зазвенели сдвигаемые стопки. Меня несколько смутили слова «чтобы он воспользовался ею с умом», но я всё равно выпил.

Ощущение было волшебное, как будто пьёшь любимую книгу. Остальные выпили стоя. Теперь они сели, и я увидел другие столы. Некоторые инаки повернулись ко мне и подняли кружки с тем, что уж они там пили, другие увлеченно беседовали о своём. В дальних концах трапезной, в основном поодиночке, стояли те, с кем я больше всего хотел поговорить: Ороло, Джезри, Тулия и Халигастрем.

Ужин оказался длинным и не слишком аскетичным. Мне подливали и подливали. Я чувствовал себя в центре внимания и заботы.

— Отведите его кто-нибудь к лежанке, — сказал какой-то фраа. — Ему достаточно.

Меня взяли под руки и помогли встать. Я дал проводить себя до клуатра и сказал, что дальше не надо.

За время в соборе я хорошо изучил, какие части клуатра не просматриваются из окон инспектората, поэтому сделал несколько кругов по саду, чтобы прочистить голову, и сел на скамейку, которая была оттуда не видна.

— Ты сейчас в сознании, или мне до утра подождать? — спросил голос. Я поднял глаза и увидел Тулию. Кажется, она меня разбудила.

— Садись.

Я похлопал по скамейке рядом с собой. Тулия села, но на некотором расстоянии, чтобы можно было устроиться поглубже, и повернула ко мне голову.

— Я рада, что ты вышел, — сказала она. — Здесь столько всего произошло.

— Это я понял. А вкратце рассказать можешь?

— Что-то... что-то не так с Ороло. Никто не понимает что.

— Брось! Звездокруг закрыли. Чего тут ещё понимать?

Видимо, мой тон задел Тулию, потому что она ответила обиженно:

— Да, но никто не знает почему. Нам кажется, что Ороло знает и не говорит.

— Ладно. Прости.

— Потому и элигер так прошёл. Некоторые

фиды, про которых все думали, что они пойдут к эдхарианцам, выбрали другие ордена.

— Я заметил. А почему? В чём логика?

— Я не уверена, что тут есть логика. До аперта все фиды точно знали, чего хотят. Потом всё случилось разом. Инквизиторы. Твоя епитимья. Закрытие звездокруга. Призвание фраа Пафлагона. Наших это встряхнуло. Многие задумались.

— О чём?

— Например, стоит ли идти к эдхарианцам.

— Потому что они не в фаворе?

— Они всегда не в фаворе. Но увидев, что произошло с тобой, ребята поняли, что неразумно отворачиваться от этой стороны концента.

— Кажется, до меня начало доходить, — сказал я. — То есть, например, Арсибальт, пойдя к реформированным старофаанитам, которые и не мечтали его заполучить...

— Может приобрести большой вес прямо сейчас.

— Я заметил, что за ужином он клал главное блюдо.

(Обычно эта честь предоставлялась старшим фраа.)

— Он может стать пе-эром. Или иерархом. Может быть, даже примасом. И бороться с тем

идиотизмом, что творится тут в последнее время.

— Так что те, кто всё-таки пошёл к эдхарианцам...

— Лучшие из лучших.

— Как Джезри.

— Совершенно точно.

— Мы заслоним вас, эдхарианцев, защитим на политическом фронте, чтобы вы могли заниматься своим делом, — сказал я.

— Всё точно, но кто «вы» и кто «мы»?

— Очевидно, что завтра ты пойдёшь к эдхарианцам, а я — в Новый круг.

— Этого все ждут. Но будет наоборот, Раз.

— Ты *держала для меня место* у эдхарианцев?

— Ты мог бы выразиться и поделикатнее.

— Неужели я так сильно нужен эдхарианцам?

— Нет.

— Что?!

— Если бы они устроили тайное голосование, ты мог бы и не победить. Прости, Раз, но я должна быть честной. Очень многие сууры хотят, чтобы я пошла к ним.

— Я почему нам не пойти к ним вместе?

— Это невозможно. Я не знаю подробностей, но Корландин с Халигастремом о чём-то договори-

лись. Решение принято.

— Если я эдхарианцам не нужен, так что вообще обсуждать? — спросил я. — Ты видела, какой бочонок выставил мне Новый круг? Они давно меня к себе заманивают. Почему бы мне не пойти к ним, а тебе — в любящие объятия суур эдхарианского капитула?

— Потому что Ороло хочет другого. Он сказал, что ты нужен ему в команде.

Я чуть не расплакался.

— Вот что, — сказал я после долгого молчания. — Ороло знает не всё.

— О чём ты?

Я огляделся. Клуатр показался мне слишком маленьким и тихим.

— Давай пройдёмся, — предложил я.

Снова я заговорил только на другом берегу реки, когда мы шли в лунной тени под стеной. Тут-то я и рассказал, что делал во время воко.

Тулия долго молчала.

— Отлично! — сказала она наконец. — Это всё решает.

— Что всё?

— Тебе надо идти к эдхарианцам.

— Тулия, во-первых, никто не знает, кроме тебя и Лио. Во-вторых, я скорее всего не смогу забрать

табулу. В-третьих, на ней, вероятно, не будет ничего полезного.

— Частности, — фыркнула Тулия. — Ты вообще меня не понял. Твой поступок доказывает, что Ороло прав. Твоё место — в его команде!

— А твоё, Тулия? Где твоё место?

Она не ответила, и мне пришлось повторить вопрос.

— То, что случилось в Десятую ночь, случилось. Все мы приняли решения, каждый — своё. Возможно, потом мы о них пожалеем.

— В какой мере это моя вина?

— А кого это волнует?

— Меня. Я жалею, что не мог выйти из штрафной кельи и всех вас остановить.

— Мне не нравится то, что ты говоришь. Как будто все повзрослели, пока ты там сидел. Кроме тебя.

Я остановился и часто задышал. Тулия прошла ещё несколько шагов, потом вернулась ко мне.

— «В какой мере это моя вина?» — передразнила она. — Да не всё ли равно? Дело сделано.

— Мне не всё равно. Я переживаю, потому что от этого зависит мнение большинства эдхарианцев.

— Брось переживать! — сказала она. — Или

хотя бы помолчи.

— Ладно, извини. Просто мне казалось, что ты — тот человек, которому можно рассказать о своих чувствах.

— Ты думаешь, я хочу быть таким человеком до конца жизни? Для всего концента?

— Вижу, что нет.

— Вот и отлично. Поговорили и хватит. Иди к Халигастрему. Я пойду к Корландину. Скажем им, что вступаем в их ордена.

— Хорошо. — Я с деланным безразличием пожал плечами и пошёл к мосту. Тулия меня догнала. Я молчал, думая о том, что вступаю в орден, где многие не желают меня видеть и будут винить за то, что я занял место Тулии.

Мне хотелось злиться на неё за то, как резко она со мной обошлась. Впрочем, рад сообщить, что к тому времени, как мы миновали мост, голос обиды умолк — пусть не навсегда, но я уже знал, что не должен обращать на него внимания. Мне безумно страшно было вступать в эдхарианский орден при нынешних обстоятельствах. Однако я чувствовал, что правильно — сжать зубы и действовать, не цепляясь в поисках моральной поддержки за Тулию или за кого-то ещё. Как с теорической задачкой, когда понимаешь, что на

верном пути, а всё остальное — частности. Отблеск красоты, о которой говорил Ороло, лежал передо мною, как путеводная лунная дорожка.

— Ты хочешь поговорить с Ороло? — спросил фраа Халигастрем после того, как я сообщил ему новость. Он не удивился и не выказал радости, вообще никаких чувств, кроме безграничного утомления. В старом зале капитула горели свечи; глядя в озарённое их светом лицо фраа Халигастрема, я впервые понял, как его вымотали последние недели.

Я задумался. Казалось бы, что может быть естественней, чем поговорить с Ороло, а я даже не попытался его найти. Учитывая, как прошёл разговор с Тулией, мне не хотелось ещё полночи рассказывать другим о своих чувствах.

— Где он?

— Кажется, на лугу. Они с Джезри проводят наблюдения невооружённым глазом.

— Тогда не буду им мешать, — сказал я.

Мои слова как будто прибавили Халигастрему сил. *Фид начинает вести себя по-взрослому*.

— Тулия вроде бы считает, что он хочет видеть меня здесь.

Я обвёл глазами старый зал капитула: просто расширение в галерее клуатра, служащее почти

исключительно для церемониальных целей, но остающееся сердцем всемирного ордена; место, которое сам светитель Эдхар когда-то мерил шагами, размышляя о теорике.

— Тулия права, — ответил Халигастрем.

— Тогда и я хочу здесь быть, пусть даже меня примут без радости.

— Если и так, лишь из опасений за твоё благополучие, — сказал он.

— Что-то мне плохо верится.

— Ладно, — отвечал он чуть досадливо. — Может быть, причина в другом. Ты сказал «без радости», а не «враждебно». Сейчас я говорю только о тех, кто не выкажет радости.

— Вы — в их числе?

— Да. Нас, безрадостных, волнует только...

— Потяну ли я?

— Именно так.

— Ну, если дело в этом, вы всегда сможете обращаться ко мне, когда вам понадобится число пи с большим количеством знаков после запятой.

Халигастрем был так добр, что удостоил меня смешком.

— Послушайте. Я вижу, что вы беспокоитесь. Я справлюсь. Это мой долг перед Лио, Арсибальтом и Тулией.

— Как так?

— Они принесли жертву, чтобы концент в будущем стал другим. Может быть, в итоге следующее поколение иерархов будет лучше нынешнего и даст эдхарианцам спокойно работать.

— Если только сами они не изменятся, сделавшись иерархами, — ответил фраа Халигастрем.

ЧАСТЬ 4. Анафем

Через шесть недель после вступления в эдхарианский орден я безнадежно увяз в задаче, которую кто-то из околенцев Ороло поставил мне с целью доказать, что я ничего не смыслю в касательных гиперповерхностях. Я вышел прогуляться и, не то чтобы по-настоящему думая о задачке, пересёк замерзшую реку и забрёл в рощу страничных деревьев на холме между десятилетними и вековыми воротами.

Несмотря на все усилия цепочкописцев, создавших эти деревья, лишь один лист из десяти годился для книги ин-кварто. Самыми распространёнными дефектами были маленький размер и неправильная форма, когда из листа, помещённого в рамку для обрезания, не получался прямоугольник. Ими страдали четыре листа из десяти — больше в холодное или сухое лето, меньше, если погода стояла благоприятная. Лист, источенный насекомыми или с толстыми жилками, не позволявшими писать на обратной стороне, годился только в компост. Эти дефекты были особенно часты у листьев, растущих

близко к земле. Лучшие листья созревали на средних ветвях, не очень далеко от ствола. Арботекторы сделали ветви страничного дерева толстыми, чтобы на них удобно было взбираться. Фидом я каждый год по неделе проводил на ветках, обрывая качественные листья и сбрасывая их старшим инакам, складывавшим урожай в корзины. Собранные листья мы в тот же день подвешивали за черешки к верёвкам, протянутым от дерева к дереву, и оставляли до первых морозцев, а затем уносили в дом, складывали в стопки и придавливали тонной плоских камней. Чтобы дойти до кондиции, листу нужно около ста лет. Уложив урожай этого года под гнёт, мы проверяли стопки, заложенные примерно сто лет назад; если они оказывались годными, мы снимали камни и разлепляли листья. Хорошие укладывали в рамки для обрезания, а получившиеся страницы раздавали инакам для письма или переплетали в книги.

Я редко заходил в рощу после сбора урожая. В это время года она всегда напоминала мне, как мало листьев мы сняли. Остальные скручивались и опадали. Сейчас все эти чистые страницы хрустели у меня под ногами, пока я искал одно особенно большое дерево, на которое любил за-

бираться. Память подвела меня, и я на несколько минут заблудился, а когда всё-таки нашёл дерево, не удержался и залез на него. Мальчиком, сидя здесь, я всегда воображал себя в огромном лесу — это было куда романтичнее, чем жить в матике, окружённом казино и шиномонтажными мастерскими. Однако сейчас деревья стояли голые, и я отчётливо видел, что чуть дальше на восток роща заканчивается. Заплетённое плющом владение Шуфа было как на ладони, и Арсибальт мог заметить меня в окно. Я устыдился своей ребячливости, слез с дерева и пошёл к полуразвалившемуся зданию. Арсибальт проводил там почти всё время и давно зазывал меня в гости, а я всё отговаривался. Теперь не зайти было бы неудобно.

Путь преграждала невысокая живая изгородь. Смахивая с неё скрученные листья, я почувствовал рукою холодный камень и в следующее мгновение — боль. Стена оказалась камённая, сплошь заросшая зеленью. Я перемахнул через неё, а потом ещё некоторое время выпутывал из растений края стлы и хорду. Я стоял на чьём-то клусте, сейчас пожухлом и съёжившемся. Чёрная земля, из которой выкопали последнюю в этом году картошку, лежала комьями. Из-за того,

что пришлось лезть через ограду, я чувствовал себя нарушителем на чужой территории. Надо думать, для того Шуфово преемство и поставило здесь стену. И потому-то те, кто оказался по другую её сторону, в конце концов обозлились и покончили с преемством. Стену ломать они поленились и предоставили эту работу плюшу и муравьям. Реформированные старофааниты в последнее время взяли привычку уходить во владение Шуфа для занятий, а когда никто не высказал возражений, принялись его обживать.

****

***Гардана весы**, логический принцип, приписываемый светителю Гардану (–1110 — –1063) и гласящий, что при сравнении двух гипотез их следует положить на чаши метафорических весов и отдать предпочтение той, которая «поднимется выше», поскольку «меньше весит». Суть заключается в том, что более простые, «легковесные» гипотезы предпочтительнее «тяжеловесных», то есть сложных. Также «весы св. Гардана» или просто «весы».*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Что обжились они тут всерьёз, я понял, когда поднялся по ступеням и толкнул дверь (вновь перебарывая чувство, будто вторгаюсь на чужую территорию). РСФские плотники настелили в каменном доме полы и обшили стены деревянными панелями. Вообще-то инаков, избравших своим самодельем работу по дереву, правильнее называть не плотниками, а столярами или даже краснодеревцами; точности их работы позавидовала бы даже Корд. По сути это была одна большая кубическая комната со стороной шагов в десять, под потолок заставленная книгами. Справа от меня пылал в камине огонь, слева (на северной стороне) располагался эркер, такой же большой, округлый и уютный, как Арсибальт, который сидел за столом у окна и читал книгу столь древнюю, что её страницы приходилось переворачивать щипцами. Значит, он всё-таки не видел меня на дереве, и я мог бы спокойно уйти. Однако теперь я не жалел, что заглянул: очень приятно было смотреть на него в такой обстановке.

— Ну ты прямо сам Шуф! — сказал я.

— Тсс! — Арсибальт огляделся. — Не стоит так говорить — кому-то может не понравиться. У каждого ордена есть такие укромные места, ост-

ровки роскоши, узнав о которых светительница Картазия перевернулась бы в своём халцедоновом гробу.

— Тоже довольно роскошном, если подумать.

— Брось, там темно и холодно.

— Отсюда выражение: темно, как у Картазии в...

— Тсс! — снова зашипел он.

— Знаешь, если у эдхарианского капитула и есть островки роскоши, мне их ещё не показали.

— У вас всё не как у людей. — Арсибальт закатил глаза, потом оглядел меня с головы до пят. — Может, с возрастом, когда ты займёшь более высокое положение...

— А ты уже занял? Кто ты в свои девятнадцать? Пе-эр реформированных старофаанитов?

— Мы с капитулом очень быстро поладили, это правда. Они поддержали мой проект.

— Какой? Примирить нас с богопоклонниками?

— Некоторые реформированные старофааниты даже верят в Бога.

— А ты, Арсибальт? Ладно, ладно, — торопливо добавил я, видя, что он готов зашикать на меня в третий раз. Арсибальт наконец встал и провёл для меня небольшую экскурсию. Он показал

остатки былого великолепия, сохранившиеся от дней, когда владение процветало: золотые кубки и украшенные драгоценными камнями книжные переплёты. Теперь они хранились в стеклянных витринах. Я сказал, что у ордена наверняка припрятаны ещё золотые кубки, для питья. Арсибальт покраснел.

Потом, словно разговоры о кухонной утвари напомнили ему о еде, он убрал книгу на полку. Мы вышли из владения Шуфа и двинулись к трапезной. Провенер мы сегодня оба пропустили — роскошь, ставшая возможной, потому что теперь нас несколько раз в неделю подменяли младшие фраа.

Когда нас окончательно освободят от этой обязанности, то есть года через три, мы сможем завести себе серьёзное самоделье — что-нибудь практическое для нужд концента, а пока имели счастливую возможность перепробовать разные занятия и решить, что нам по душе.

Взять хоть фраа Ороло и его старания поладить с библиотечным виноградом. Наш концент располагался слишком далеко на севере, и лозу это не устраивало. Однако у нас был южный склон, между страничной рощей и внешней стеной концента, где виноград соглашался расти.

— Пасека, — отвечал Арсибальт на мой вопрос, чем он интересуется.

Я представил Арсибальта в облаке пчёл и хохотнул.

— Я думал, ты предпочтёшь работу в помещении с чем-нибудь неживым. Мне всегда казалось, что ты станешь переплётчиком.

— В это время года пчеловодство и есть работа в помещении с неживым. Может, когда пчёлы проснутся, мне разонравится. А ты, фраа Эразмас?

Арсибальт, сам того не зная, затронул щекотливую тему. Самоделье нужно ещё по одной причине: если ты ни на что лучшее не способен, всегда можно бросить книги, калькории, диалоги и до конца жизни работать руками. Это называлось «отпасть». Многие инаки так жили: готовили еду, варили пиво, резали по камню, и ни для кого не было секретом, кто они такие.

— Ты можешь выбрать что-нибудь смешное, вроде пчеловодства, — заметил я, — и это будет просто оригинальное хобби, потому что ты не отпадёшь, разве что РСФ вдруг наберёт целую толпу гениев. У меня шансы отпасть куда больше, так что мне нужно дело, которым я смогу заниматься восемьдесят лет и не сойти с ума.

Сейчас Арсибальт мог бы заверить меня, что я на самом деле очень умный и мне такое не грозит, однако не стал. Я не обиделся. После неприятного разговора с Тулией полтора месяца назад я меньше изводился и больше старался чего-нибудь достичь.

— Например, я мог бы отлаживать инструменты на звездокруге.

— Особенно если тебя туда пустят, — заметил Арсибальт. Он мог говорить без опаски, поскольку мы шли по шуршащим листьям и рядом никого не было, если только суура Трестана не пряталась в куче листвы, приложив ладонь к уху.

Я остановился и поднял голову.

— Что такое? Ждёшь, что с дерева свалится инквизитор? — спросил Арсибальт.

— Нет, просто смотрю на него, — отвечал я, имея в виду звездокруг. Отсюда, с холмика, мы хорошо его видели, однако роща закрывала нас от окон инспектората, и я не боялся смотреть долго. Телескоп светителей Митры и Милакса по-прежнему был направлен на север, как и три месяца назад.

— Я подумал: если Ороло смотрел в МиМ на что-то, чего ему не следовало видеть, мы можем найти зацепку в том, куда он направил телескоп

в последнюю ночь. Может, он и картинки тогда снял, только их никто пока не видел.

— Ты можешь сделать какие-нибудь выводы из того, куда сейчас направлен МиМ?

— Один: Ороло хотел разглядеть что-то над полюсом.

— А что у нас над полюсом? Кроме Полярной звезды.

— В том-то и дело, — сказал я. — Ничего.

— То есть? Должно быть что-нибудь.

— Но это опровергает мою гипотезу.

— А ты можешь объяснить, в чём она состоит? Желательно по пути туда, где тепло и кормят.

Я снова зашагал и, обращаясь к спине Арсибальта, который прокладывал путь среди палой листвы, сказал:

— Я предполагал, что это камень.

— В смысле астероид, — расшифровал он.

— Да. Но камни не подлетают с полюса.

— Откуда ты знаешь? Разве они не со всех сторон летят?

— Да, но чаще с малым углом наклонения — орбиты астероидов лежат в той же плоскости, что у планет. Их надо искать вблизи эклиптики, как мы называем эту плоскость, на случай, если ты забыл.

— Твой аргумент — статистический, — заметил Арсибальт. — Может, мы имеем дело с необычным камнем.

— Такая гипотеза не выдерживает проверки взвешиванием.

— Весы светителя Гардана — полезный методологический принцип. В жизни ему многое не подчиняется, — напомнил Арсибальт. — В том числе ты и я.

Я не говорил с Ороло уже лет сто, но сегодня он сел с нами, лицом к окну, выходящему на горы. Ороло смотрел на них примерно с тем же чувством, что я — на звездокруг несколько минут назад. День был ясный, пики вырисовывались чётко, и казалось, что до них можно докинуть камнем.

— Интересно, хорошая ли сегодня видимость на Блаевом холме. — Ороло вздохнул. — Уж точно лучше, чем здесь.

— Это тот, на котором пены съели печень светителя Блая? — спросил я.

— Он самый.

— А он разве где-то близко? Я думал — на другом континенте или вроде того.

— Нет. Блай был наш, эдхарец. Можешь посмотреть в хронике. У нас и реликвии его где-то

хранятся — священные рукописи и всё такое.

— А что, на его холме правда есть обсерватория? Или ты меня разыгрываешь?

Ороло пожал плечами.

— Понятия не имею. Эстемард построил там телескоп после того, как отрёкся от обетов и выбежал в дневные ворота.

— А Эстемард был?..

— Одним из двух моих учителей.

— Второй — Пафлагон?

— Им обоим стало тошно здесь примерно в одно время. Эстемард ушёл за ворота. Пафлагон как-то после ужина направился к верхнему лабиринту, и больше я его не видел, пока... ну сам знаешь. — Тут Ороло вспомнил, что я был тогда в другом месте. — А ты что делал во время призвания Пафлагона? Когда ещё гостил у Аутипеты?

Аутипета, согласно древнему мифу, подкралась к спящему отцу и выколола ему глаза. Я не слышал, чтобы сууру Трестану так называли, поэтому только закусил губу и затряс головой. Арсибальт фыркнул так, что суп брызнул у него из носа.

— Это нечестно, — сказал я. — Она просто исполняла приказы.

Ороло твёрдо решил меня уплощить.

— Знаешь, во время Третьего предвестия люди,

совершавшие чудовищные преступления, часто говорили...

— Что просто исполняют приказы. Это мы все знаем.

— Фраа Эразмас страдает синдромом светителя Альвара, — вставил Арсибальт.

— Эти люди сгребали детей в печи бульдозерами, — сказал я. — Что до светителя Альвара, он в Третье разорение уцелел единственный из всего концента и тридцать лет провёл в плену.

Закрыть на несколько недель доступ к телескопам — несколько другой масштаб, а?

Ороло обдумал мои слова, затем подмигнул.

— Тем не менее вопрос в силе: что ты делал во время воко?

Разумеется, мне очень хотелось всё ему рассказать. Я и рассказал — но в форме шутки:

— Пока никто не видел, я сбегал на звездокруг провести наблюдения. К несчастью, светило солнце.

— Ах этот треклятый огненный шар! — воскликнул Ороло. Тут ему в голову пришла новая мысль. — Но ты знаешь, какие инструменты видят яркие предметы даже днём.

Ороло подыграл моей шутке, и не ответить было бы неспортивно.

— Увы, МиМ был направлен в неподходящую сторону, — сказал я, — а развернуть его у меня не было времени.

— В неподходящую для чего? — спросил Ороло.

— Чтобы смотреть на что-нибудь яркое: планету или... — Я не договорил.

Джезри сел за пустой стол по соседству, лицом к нам, и замер, словно забыл про еду. Если бы он был волком, то развернул бы уши.

Ороло сказал:

— Надеюсь, ты не перетрудишься, если доведёшь фразу до конца?

Я взглянул на Арсибальта. Вид у него был растерянный, почти испуганный. Думаю, у меня тоже. Всё началось с шутки. Теперь Ороло пытался подвести нас к чему-то серьёзному, а мы не понимали к чему.

— За исключением сверхновых, все яркие объекты близко — в Солнечной системе. А здесь почти всё сосредоточено в плоскости эклиптики. Итак, фраа Ороло, в нелепой фантазии, в которой я забежал на звездокруг, чтобы посмотреть на небо средь бела дня, мне, дабы увидеть что-нибудь стоящее, пришлось бы развернуть МиМ с полюса в плоскость эклиптики.

— Я просто хотел, чтобы твоя нелепая фантазия

была внутренне непротиворечива, — пояснил фраа Ороло.

— Ну, теперь она тебя устраивает?

Он пожал плечами.

— Твои доводы убедительны. Но не отмахивайся так запросто от полюсов. На них много что сходится.

— Например? Меридианы? — фыркнул я.

Арсибальт, в том же тоне: — Перелётные птицы?

Джезри: — Стрелки компасов?

И тут более высокий голос вставил: — Полярные орбиты.

Мы повернулись и увидели, что к нам с подносом направляется Барб. Наверное, он слушал вполуха, пока стоял в очереди, и теперь выдал ответ на задачку мальчишеским дискантом, который можно было услышать с Блаева холма. Слова были столь неожиданными, что все в трапезной подняли головы.

— По определению, — продолжал Барб нараспев, как всегда, когда излагал что-нибудь выученное по книге, — спутник на полярной орбите должен при обращении вокруг Арба пройти над каждым из полюсов.

Ороло, чтобы не рассмеяться, затолкал в рот

кусок хлеба, которым вылизывал подливку. Барб теперь стоял рядом со мной, держа поднос в нескольких дюймах от моего уха, но не садился.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд и, повернувшись, увидел фраа Корландина несколькими столами дальше. Он как раз отводил глаза, но по-прежнему слышал, как Барб вешает:

— Телескоп, направленный на север, может с большой вероятностью обнаружить...

Я дёрнул его за край стлы. Рука у Барба пошла вниз, еда съехала на край подноса, Барб не удержал его и всё лавиной посыпалось на пол.

Все повернулись к нам. Барб стоял в изумлении.

— На мою руку подействовала неведомая сила! — объявил он.

— Прости, это я виноват, — сказал я.

Барб зачарованно смотрел на пролитую еду. Зная, как работает его сознание, я встал прямо перед ним и положил руки ему на плечи.

— Барб, посмотри на меня.

Он послушался.

— Это я виноват. Запутался в твоей стле.

— Если ты виноват, значит, ты и должен это убирать, — спокойно проговорил он.

— Согласен. Сейчас уберу.

Я пошёл за ведром. У меня за спиной Джезри задал Барбу вопрос про конические сечения.

****

> ***Кальк.*** ***1.*** *(прото- и староорт.) Мел либо другой подобный материал, используемый для нанесения пометок на твёрдые поверхности.* ***2.*** *(средне- и позднеорт.) Расчёт, особенно требующий большого количества мела из-за своей нудности и громоздкости; финансовая калькуляция.* ***3.*** *(орт. эпохи Праксиса и позже) Объяснение, определение либо урок, нужные для развития более общей темы, но чересчур длинные, специальные или мудрёные, и потому вынесенные из основного текста диалога в примечание либо приложение, чтобы не отвлекать от основной линии доказательства.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Одна грязная работа плавно перешла в другую: суура Ала любезно напомнила, что сегодня моя очередь убираться на кухне. Довольно скоро я заметил, что Барб увязался за мной: просто ходит хвостиком, а помочь не предлагает. Сперва

очередное проявление его асоциальное меня раздражало, однако, переборов досаду, я решил, что так даже лучше. С некоторыми вещами проще справлять одному. Объяснять и показывать — больше мороки. Многие стараются помочь только из вежливости или чтоб завязать контакт. Сознание Барба подобные соображения не замутняли. Вместо этого он со мной разговаривал, что было, на мой взгляд, предпочтительнее «помощи».

— Орбиты — ещё противнее того, что ты сейчас делаешь, — серьёзно заметил Барб, наблюдая, как я встал на колени и по локоть запустил руку в засорившееся сливное отверстие.

— Я так понимаю, что прасуура Ильма сейчас тебе их объясняет, — буркнул я. Работа позволяла мне скрыть обиду, почти зависть. Мне про орбиты рассказали только на втором году. Барб был у нас второй месяц.

— Много иксов, игреков и зетов! — воскликнул Барб, так что я невольно рассмеялся.

— Да, немало.

— И хочешь знать, в чём дурость?

— Конечно, Барб. Выкладывай, — сказал я, вытаскивая пригоршню очистков, прижатых к решётке давлением двадцати галлонов грязной воды. Отверстие громко рыгнуло и принялось

засасывать воду.

— Любой пен может встать ночью на лугу, увидеть одни спутники на полярных орбитах, другие на экваториальных, и понять, что это разные орбиты! — обиженно проговорил Барб. — А когда смотришь на иксы, игреки и зеты, то знаешь что?

— Что?

— Видишь просто кучу иксов, игреков и зетов, по которым совсем не ясно, что одни орбиты полярные, другие экваториальные, хотя любой тупой пен видит это, глядя на небо!

— Хуже того, — заметил я. — Глядя на иксы, игреки и зеты, ты даже не поймёшь, что это орбиты.

— В смысле?

— Орбита — траектория стационарная, стабильная, — сказал я. — Спутник, конечно, всё время движется, но всё время одинаково. И вот эту стабильность иксы, игреки и зеты никак не показывают.

— Да! Как будто, изучая теорику, мы только тупеем! — Барб возбуждённо рассмеялся и театрально глянул через плечо, словно мы затеваем какую-то шалость.

— Ильма заставляет тебя работать самым мерз-

ким способом, в лесперовых координатах, чтобы, когда она начнёт объяснять, как всё делается на самом деле, это показалось тебе более лёгким.

Барб онемел от изумления. Я продолжал:

— Как бить себя по голове молотком: перестанешь — и сразу получшает.

Шутка была с во-о-от такой бородой, но Барб слышал её впервые. Он так развеселился, что пришёл в сильное возбуждение и должен был несколько раз пробежать по кухне, чтобы выпустить лишнюю энергию. Несколько недель назад я бы испугался и стал его успокаивать. Теперь я привык и знал, что если усадить его силой, будет только хуже.

— А что правильно?

— Параметры орбиты, — сказал я. — Шесть чисел, дающие тебе всё, что надо знать о движении спутника.

— У меня уже есть эти шесть чисел, — ответил он.

— И какие же они? — спросил я, чтобы его проверить.

— Лесперовы координаты спутника: *x*, *y* и *z*. Это три. И скорость вдоль каждой из осей. Ещё три. Всего шесть.

— Ты сам сказал, что смотришь на шесть чисел

и не можешь представить орбиту зрительно. Я объясняю, что с помощью теорики их можно превратить в другие шесть чисел, параметры орбиты, с которым работать куда проще, и с первого взгляда понятно, проходит орбита над полюсами или над экватором.

— А почему прасуура Ильма сразу мне так не сказала?

Я не мог ответить «потому что ты чересчур быстро учишься», однако если бы я начал юлить, Барб бы меня раскусил и уплощил.

И тут меня снизарило: не только Ильмино, но и моё дело учить фидов нужным вещам в нужное время.

— Ты уже готов перейти из лесперовых координат в другие пространства — те, в которых работают настоящие, взрослые теоры, — объявил я.

— Вроде параллельных измерений? — спросил Барб. Очевидно, он смотрел те же спили, что и я до прихода сюда.

— Нет. Я не о физических пространствах, которые можно измерить линейкой и в которых можно перемещаться. Это абстрактные теорические пространства, они подчиняются совсем другим законам, называемым принципами дей-

ствия. Космографы предпочитают шестимерное пространство: по одному измерению для каждого параметра орбиты. Но это специальный инструмент, он используется только в одной дисциплине. Более общий инструмент разработал в начале эпохи Праксиса светитель Гемн...

И я дал Барбу кальк[2] про Гемновы, или конфигурационные пространства, которые Гемн изобрёл, когда, как и Барб, устал от иксов, игреков и зетов.

****

Остолетиться *(бран., жарг.). Потерять рассудок, стать невменяемым, безвозвратно свернуть с пути теорики. Выражение восходит к Третьему столетнему аперту, когда ворота нескольких центенарских матиков открылись и пришедшие обнаружили неожиданные результаты. Например, в конценте св. Рамбальфа — тела его обитателей, покончивших с собой всего несколькими секундами ранее. В конценте св. Террамора — ничего, даже человеческих останков. В конценте св.*

[2] Примечания: 2
См. кальк 2 [broken link: #calc_02].

Бьяндина — неведомую прежде религиозную секту матарритов (существующую по сей день). В конценте св. Леспера — неизвестный науке вид обитающих на деревьях высших приматов, и никаких следов человека. В конценте св. Фендры — примитивный ядерный реактор в системе катакомб. Эти и другие неприятные случаи привели к созданию инквизиции и учреждению системы иерархов в её нынешней форме, включая инспекторов, которые имеют право проверять матики и принимать к ним меры дисциплинарного характера.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Ближе к вечеру я нагнал фраа Ороло, когда тот шёл из калькория. Мы постояли около личных ячеек со страницами и поболтали. Я знал, что бессмысленно спрашивать, к чему он нас подводил странным разговором про дневную космографию. Коли уж Ороло взялся учить нас таким методом, ответа из него не вытянуть. В любом случае меня больше волновало то, что он сказал раньше.

— Послушай, ты ведь не собираешься уходить?

Он улыбнулся и поднял брови, но ничего не

сказал.

— Я всегда волновался, что ты уйдёшь в лабиринт и станешь столетником. Мне бы и этого не хотелось. А теперь мне кажется, что ты намерен податься в дикари, как Эстемард.

У Ороло были свои взгляды на то, что такое ответ на вопрос.

Он сказал:

— Что означает твое высказывание «я волнуюсь»?

Я вздохнул.

— Опиши волнение, — продолжал он.

— Что?!

— Представь, что я никогда не волновался. Я заинтригован и растерян. Объясни мне, как волнуются.

— Ну... наверное, первый шаг — представить последовательность событий, которые могут произойти в будущем.

— Я постоянно это делаю и не волнуюсь.

— Последовательность событий с нехорошим исходом.

— Так ты волнуешься, что над концентом пролетит розовый дракон и пукнет нервно-паралитическим газом?

— Нет. — Я нервно хихикнул.

— Не понимаю, — с каменной физиономией проговорил Ороло. — Это последовательность событий с нехорошим исходом.

— Но это же чушь! Не бывает розовых драконов, пукающих нервно-паралитическим газом!

— Ладно, — сказал Ороло. — Не розовый. Синий.

Мимо проходил Джезри. Увидев, что мы с Ороло в диалоге, он подошёл, но не слишком близко, и встал в позе зрителя: руки под стлой, голова опущена, глаза не смотрят в лицо ни мне, ни Ороло.

— Дело не в цвете, — возмутился я. — Не бывает драконов, которые пукают нервно-паралитическим газом.

— Откуда ты знаешь?

— Никто такого не видел.

— Но никто не видел, чтобы я уходил из концента — и всё-таки ты из-за этого волнуешься.

— Ладно. Поправка: сама идея такого дракона несуразна. Нет эволюционных прецедентов. Вероятно, нет способов метаболизма, при котором в природе может вырабатываться нервно-паралитический газ. Такие крупные животные не могут летать, потому что с увеличением размеров масса растет быстрее, чем сила мышц. И так далее.

— Хм. Доводы из биологии, химии, теорики.

Значит ли это, что пены, не сведущие в подобных вопросах, постоянно волнуются из-за розовых драконов, пукающих нервно-паралитическим газом?

— Наверное, их можно убедить, чтобы заволновались. Хотя нет, есть... есть своего рода фильтр, который отсеивает... — Я на мгновение задумался, потом посмотрел на Джезри, приглашая его вступить в разговор. Тот поколебался, потом вынул руки из-под стлы и шагнул к нам.

— Если волноваться из-за розовых, — заметил он, — то не меньшую озабоченность должны внушать синие, зелёные, чёрные, пятнистые и полосатые. И не только нервногазопукающие, но бомбокакающие и огнерыгающие.

— И не только драконы, но и змеи, исполинские черепахи, ящерицы, — добавил я.

— И не только материальные существа, но и боги, духи и так далее, — подхватил Джезри. — Как только вы допустили существование розовых нервногазопукающих драконов, вы должны допустить и все остальные возможности.

— Так почему бы не волноваться из-за них всех? — спросил фраа Ороло.

— А я так и волнуюсь! — объявил Арсибальт. Он увидел, что мы разговариваем, и подошёл

выяснить, в чём дело.

— Фраа Эразмас, — обратился ко мне Ороло. — Минуту назад ты утверждал, что можешь убедить пенов волноваться из-за розовых нервногазопукающих драконов. Как бы ты это сделал?

— Ну, я не процианин. А был бы процианином, наверное, рассказал бы убедительную историю, откуда такие драконы берутся. Под конец пены всерьёз бы разволновались. Но когда Джезри прибежал бы и начал кричать о полосатых огнерыгающих черепахах, его бы отправили в психушку!

Все рассмеялись, даже Джезри, который обычно не одобрял шуток на свой счёт.

— Что придало бы твоей истории убедительность?

— Она должна быть внутренне непротиворечивой. И согласовываться со всем, что пены знают о реальном мире.

— Это как?

Лио с Тулией шли на кухню — сейчас была их очередь готовить. Лио, услышав последние несколько фраз, встрял:

— Ты можешь сказать, что падучие звёзды — вспыхнувшие драконьи газы!

— Отлично! — сказал Ороло. — Тогда всякий раз,

видя падучую звезду, пен будет думать, что получил подтверждение мифа о розовом драконе.

— А Джезри он срежет, сказав: «Болван! Какое отношение огнерыгающие черепахи имеют к падучим звёздам?» — добавил Лио.

Все снова рассмеялись.

— Это прямиком из последних записей светителя Эвенедрика, — сказал Арсибальт.

Наступило молчание. До последней минуты мы думали, что просто забавляемся.

— Фраа Арсибальт забежал вперёд, — с мягкой укоризной проговорил фраа Ороло.

— Эвенедрик был теор, — напомнил Джезри. — Вот уж про что он бы писать не стал.

— Напротив, — возразил Арсибальт, набычиваясь. — В конце жизни, после Реконструкции...

— С твоего позволения, — начал Ороло.

— Конечно, — ответил Арсибальт.

— Если ограничиться нервногазопукающими драконами, сколько цветов, по-вашему, мы способны различить?

Прозвучали числа от восьми до ста. Тулия считала, что может различить больше, Лио — что меньше.

— Сойдёмся на десяти, — предложил Ороло. — Допустим, существуют двуцветные полосатые

драконы.

— Тогда их будет сто разновидностей, — сказал я.

— Девяносто, — поправил Джезри. — Надо исключить сочетания красный-красный и так далее.

— Допуская различную ширину полос, можем ли мы получить тысячу различимых комбинаций? — спросил Ороло. Мы согласились, что можем. — Теперь перейдём к пятнам. Клетке. Сочетаниям пятен, полос и клетки.

— Сотни тысяч! Миллионы! — послышалось с разных сторон.

— И мы учли пока только нервногазопукающих драконов! — напомнил Ороло. — А как насчёт ящериц, черепах, богов...

— Эй! — Джезри покосился на Арсибальта. — Вот это уже куда больше похоже на то, что мог написать теор.

— Почему, фраа Джезри? Что тут такого теорического?

— Числа, — отвечал Джезри. — Обилие различных сценариев.

— Объясни, пожалуйста.

— Как только ты впустил в мир гипотетические существа, которые не обязаны иметь смысл,

ты сразу оказался перед целым диапазоном возможностей, — сказал Джезри. — Число их практически бесконечно. Разум отбрасывает все как одинаково негодные и не волнуется из-за них.

— Это справедливо и для пенов, и для светителя Эвенедрика? — спросил Арсибальт.

— Думаю, что да, — отвечал Джезри.

— Выходит, что фильтрующая способность — неотъемлемое свойство человеческого сознания, — сказал Арсибальт.

Чем увереннее говорил Арсибальт, тем настороженней становился Джезри — он чувствовал, что его заманивают в ловушку.

— Фильтрующая способность? — переспросил он.

— Не прикидывайся дурачком, Джезри! — крикнула суура Ала, которая тоже шла на кухню готовить. — Ты только что сказал, что разум отбрасывает подавляющее большинство гипотетических сценариев и не волнуется из-за них. И что это, если не «фильтрующая способность»?

— Ну уж извини! — Джезри обвёл взглядом меня, Лио и Арсибальта, словно приглашая нас полюбоваться, как Ала творит разбой среди бела дня.

— В таком случае, каким критерием пользуется мозг, выбирая для волнений исчезающе малую долю возможных исходов? — спросил Ороло.

Послышался шёпот: «Правдоподобие». «Вероятность». Однако никому не хватило уверенности произнести свой ответ громко.

— Раньше фраа Эразмас упомянул способность рассказать складную историю.

— Это доказывается через Гемново… через конфигурационное пространство, — выпалил я, не задумываясь. — Тут и связь с теором Эвенедриком.

— Объясни, пожалуйста.

Я не сумел бы объяснить, если бы не мой недавний урок Барбу.

— Нет нормального принципа действия, позволяющего попасть из точки Гемнова пространства, где мы сейчас, в точку, где присутствуют розовые нервногазопукающие драконы. Собственно, это просто технический термин для складной истории, соединяющей один момент со следующим. Если просто выкинуть принципы действия в окошко, вы получаете мир, где можно свободно перемещаться в Гемновом пространстве, к любому исходу, без ограничений. Выходит полная ерунда. Разум — даже разум пена — знает, что

есть принцип действия, определяющий, как мир развивается от одного момента к другому. Что этот принцип действия ограничивает путь нашего мира точками, составляющими внутренне непротиворечивую историю. Поэтому разум и сосредотачивается на более вероятных сценариях, таких, как твой уход.

— Что?! — вскрикнула Тулия. Те, кто присоединился к диалогу позже, отреагировали сходным образом. Ороло рассмеялся, и я объяснил, с чего начался диалог — торопливо, пока никто не убежал и не разнёс слухи.

— Я не считаю, что ты неправ, фраа Эразмас, — сказал Джезри, когда все успокоились, — но, на мой взгляд, здесь проблема весов. Гемново пространство и принципы действия — слишком тяжёлый инструментарий для объяснения того факта, что у разума есть инстинктивный нюх на более правдоподобные исходы, из-за которых стоит волноваться.

— Замечание принято, — сказал я.

Однако Арсибальт расстроился, что я уступил без боя.

— Вспомните, что всё началось со светителя Эвенедрика, — сказал он. — Теора, посвятившего первую половину жизни строгим расчётам,

связанным с принципами действия в различных типах конфигурационных пространств. Не думаю, что он просто выражался поэтически, когда предположил, что человеческое сознание способно...

— Так. Арсибальт остолетился, — произнёс Джезри.

Арсибальт замер с открытым ртом и побагровел.

— Мы достаточно обсудили проблему, — подвёл итог Ороло. — Сейчас мы её не решим, — во всяком случае, на голодный желудок!

Лио, Ала и Тулия, поняв намёк, направились в кухню. Ала через плечо бросила убийственный взгляд на Джезри и что-то зашептала Тулии. Я точно знал, что она говорит: жалуется на Джезри, который первым поднял тему множественности исходов, а потом, когда Арсибальт попытался её развить, струсил и отступил, да ещё и поднял Арсибальта на смех. Я попытался улыбнуться Але, но она не заметила. Я остался стоять, лыбясь в пространство, как идиот.

Арсибальт двинулся за Джезри, чтобы доспорить.

— Возвращаясь к тому, с чего мы начали, — продолжил Ороло. — Из-за чего ты так волнуешься,

фраа Эразмас? У тебя нет занятий продуктивнее, чем воображать розовых нервногазопукающих драконов? Или ты обладаешь особым даром прослеживать возможные будущие в Гемновом пространстве — прослеживать их к особо неприятным финалам?

— Ты мог бы ответить на этот вопрос, — заметил я, — если бы сказал, действительно ли ты подумываешь об уходе.

— Я провёл почти весь аперт в экстрамуросе, — ответил Ороло со вздохом, как будто я наконец припёр его к стенке. — Я ожидал увидеть пустыню. Интеллектуальное и культурное кладбище. Ничего подобного! Я ходил на спили — с большим удовольствием! Я посещал бары и вёл вполне интересные разговоры с людьми. С пенами. Они мне понравились. Среди них были занятные личности — и не как букашки под микроскопом. Некоторые меня зацепили — я их запомню на всю жизнь. Какое-то время я был совершенно очарован. Потом, как-то вечером, у меня случился особенно живой разговор с одним пеном, который не глупее никого в нашем конценте. И между делом выяснилось, что он думает, будто солнце вращается вокруг Арба.

Я обалдел. Попытался его разубедить. Он посме-

ялся над моими доводами. Я и вспомнил, сколько точных наблюдений и теорической работы нужно для доказательства того простого факта, что Арб вращается вокруг солнца. В каком долгу мы перед теми, кто был до нас. И это убедило меня, что я всё-таки живу по правильную сторону стены.

Ороло помолчал, щурясь на горы, словно решая, говорить ли мне остальное. Наконец он поймал мой вопросительный взгляд и развёл руками, как будто сдаваясь.

— Когда я вернулся, то обнаружил пачку старых писем от Эстемарда.

— Правда?

— Он писал с Блаева холма каждый год, хотя знал, что я получу письма только в аперт. Он рассказывал мне о своих наблюдениях в телескоп, который выстроил своими руками, вручную отшлифовав зеркало и так далее. Неплохие идеи. Интересное чтение. Но безусловно куда слабее того, что он писал здесь.

— Однако его пускали *туда*. — Я показал на звездокруг.

Ороло рассмеялся.

— Конечно. И, думаю, нас тоже скоро пустят.

— Почему? Откуда ты знаешь? На чём основано

твоё убеждение? — спросил я, хоть и знал, что ответа не получу.

— Скажем так: я, как и ты, одарён способностью строить предположения о дальнейшем развитии событий.

— Спасибочки!

— И та же способность позволяет мне вообразить, каково быть дикарём, — продолжал Ороло. — Письма Эстемарда не оставляют сомнений, что жизнь у него нелёгкая.

— Ты думаешь, он сделал правильный выбор?

— Не знаю, — без колебаний отвечал Ороло. — Здесь большой вопрос. Чего ищет человеческий организм? Помимо еды, питья, крова и размножения.

— Счастья, наверное.

— Плохонькое счастье можно получить, если просто есть, что едят там. — Ороло указал на стену. — И всё же люди в экстрамуросе к чему-то стремятся. Они вступают в разные скинии. Зачем?

Я подумал про семью Джезри и мою.

— Наверное, людям хочется думать, что они не просто живут, но и передают другим свой уклад.

— Верно. Людям нужно чувствовать, что они — часть некоего существенного проекта. Чего-то,

что будет жить и после них. Это придаёт им чувство стабильности. Я считаю, что нужда в такого рода стабильности не менее сильна, чем другие, более очевидные потребности. Однако есть разные способы её достичь. Мы можем презирать субкультуру пенов, но в стабильности ей не откажешь! А у бюргеров стабильность совсем иная.

— И у нас.

— И у нас. А вот в случае Эстемарда это не сработало. Возможно, он чувствовал, что одинокая жизнь на холме лучше удовлетворит его нужду в стабильности.

— Или просто не нуждался в ней так, как другие, — предположил я.

Часы пробили один раз.

— Ты пропустишь увлекательнейшее выступление сууры Фретты, — сказал Ороло.

— Мне кажется, ты нарочно сменил тему, — заметил я.

Ороло пожал плечами, словно говоря: «Темы меняются. Привыкай».

— Ладно, — сказал я. — Я пойду на её выступление. Но если ты всё-таки решишь уйти, пожалуйста, не уходи, не предупредив меня, хорошо?

— Обещаю, если такое случится, сообщить тебе столько предварительной информации, сколько

будет в моих силах, — произнёс Ороло тоном, каким разговаривают с нервнобольными.

— Спасибо, — ответил я.

Затем я пошёл в калькорий светителя Грода и сел внутри большого свободного пространства, которое, как всегда, образовалось вокруг Барба.

Формально мы должны были называть его «фраа Тавенер», ибо это имя он получил, приняв обеты. Но некоторые люди дольше вживаются в свои иначеские имена. Арсибальт был Арсибальтом с первого дня; никто и не помнил, как его звали в экстрамуросе. Однако я чувствовал, что к Барбу ещё долго будут обращаться «Барб».

Тавенер или Барб, в любом случае мальчик стал для меня спасением. Он многого не знал, но не стеснялся спрашивать, спрашивать и спрашивать, пока полностью не разберётся. Я решил сделать его своим фидом. Кто-то мог подумать, что я жалею Барба или даже готовлюсь отпасть и выбрал заботу о Барбе в качестве самоделья. Ну и пусть думают! На самом деле мои мотивы были скорее эгоистичными. За шесть недель, просто сидя с Барбом, я выучил больше теорики, чем за шесть месяцев перед апертом. Теперь я видел, что в желании поскорей освоить теорику часто выискивал короткие пути, которые, как и

на местности, в итоге оказывались длинными. Стараясь не отстать от Джезри, я прочитывал уравнение так, что тогда оно казалось проще, а потом обнаруживал, что затруднил — и даже сделал невозможным — дальнейшее продвижение. Барб не боялся, что другие его опередят — он не мог прочесть презрения на чужих лицах. Не было у него и тяги к далёкой цели. Он был замкнут в себе и не видел дальше своего носа. Он хотел понять задачку или уравнение, написанные на доске, сейчас, сегодня, вне зависимости от того, есть ли у других время с ним заниматься. И готов был стоять над душой, задавая вопросы, весь ужин и после отбоя.

Кстати, если подумать, Ала с Тулией открыли этот метод учёбы давным-давно. «Двуспинное существо» — окрестил их Джезри, потому что они вечно стояли перед калькорием, обсуждая — бесконечно — только что услышанное. Их не устраивало, что поняла одна или что обе поняли по-разному. Им надо было понять одинаково. От того, что они постоянно что-то друг дружке объясняли, у всех начинала болеть голова. В детстве мы, завидев двуспинное существо, затыкали уши и бежали куда подальше. Но для них метод работал.

Готовность Барба идти трудным путём делала его движение к далёкой цели (которую он сам не видел и не ставил) более быстрым и надёжным. И теперь я двигался вместе с ним.

В качестве возможного самоделья я обучал новый подрост пению. В экстрамуросе все слушают музыку, но мало кто умеет петь. Новых фидов надо было учить всему. Это страшно выматывало нервы. Я уже понял, что такое самоделье не для меня.

Мы собирались три раза в неделю в большой нише того, что заменяло нам неф. Как-то, возвращаясь после очередной спевки, я столкнулся с фраа Лио, шедшим в дефендорат.

— Пошли со мной, — предложил он. — Я тебе кое-что покажу.

— Новый болевой приём?

— Да нет, совсем не то.

— Ты же знаешь, мне не положено смотреть с высоких уровней.

— Я ещё не выучился на иерарха, так что и мне не положено, — сказал он. — Я хочу показать тебе совсем другое.

Мы двинулись по лестнице. В какой-то момент я испугался, что Лио затевает набег на звездокруг, потом вспомнил слова Ороло о лишних волнени-

ях и выбросил тревогу из головы.

— За стену тебе смотреть нельзя, — напомнил Лио, когда мы приближались к вершине юго-западной башни, — но никто не запрещает тебе помнить, что ты видел во время аперта. Ведь так?

— Наверное, да.

— Ты что-нибудь заметил?

— Чего-чего?

— Ты заметил что-нибудь в экстрамуросе?

— Ничего себе вопрос! Я кучу всего заметил!

Лио обернулся и одарил меня сияющей улыбкой, давая понять, что это был приём. Юмор как разновидность искводо.

— Ладно, — сказал я. — Что я должен был заметить?

— По-твоему город стал больше или меньше?

— Меньше. Без вопросов.

— Почему ты так уверен? Данные переписи смотрел? — Снова улыбка.

— Конечно, нет. Я не знаю, просто у меня было такое чувство. От того, каким оно всё выглядело.

— И каким же?

— Ну... заросшим.

Лио повернулся и выставил указательный палец, как статуя Фелена, произносящего речь на

периклинии.

— Держи эту мысль в голове, — сказал он, — пока мы пересекаем вражескую территорию.

Мы молча взглянули на опущенную и запертую решётку, затем прошли по мостику во двор инспектората и двинулись к лестнице наверх. Только когда мы достигли безопасного места — статуи Амнектруса, — Лио продолжил:

— Я думаю в качестве самоделья заняться садоводством.

— Если вспомнить, сколько сорняков ты выполол в качестве епитимьи за то, что меня бил, подготовка у тебя уже есть, — сказал я. — Только чего это тебя к земле потянуло?

— Давай я тебе покажу, что творится на лугу, — сказал Лио и повёл меня к карнизу дефендората. Двое часовых в огромных зимних стлах совершали обход, ноги их утопали в пушистых бахилах. Мы с Лио разгорячились на подъёме и холода почти не чувствовали, тем не менее накинули стлы на голову и выдвинули их края вперёд — не для тепла, а потому, что так требует канон. Таким образом мы смотрели как будто через туннель и, подойдя к парапету, увидели внизу концент, но ничего выше или дальше.

Лио указал на дальний край луга. Сразу за ре-

кой вставало владение Шуфа. Если не считать нескольких вечнозелёных кустов, всё внизу было мёртвое и пожухлое. У реки клевер перемежался пятнами более тёмных, жёстких сорняков, которым, видимо, нравилась песчаная почва у берега, а ближе к воде и вовсе уступал место растительным агрессорам: бурянике и тому подобному. Здесь отчётливо выделялись зелёные пятна и полосы: некоторые сорняки были такие стойкие, что их не брал даже мороз.

— Я догадываюсь, что тема твоей сегодняшней лекции — сорняки, но не понимаю, к чему ты клонишь.

— Там, внизу, с наступлением весны я намерен реконструировать битву при Трантеях.

— Минус тысяча четыреста семьдесят второй год, — произнёс я роботоподобным голосом; это одна из тех дат, которую вбивают в голову фидам. — Думаю, мне ты отвёл роль гоплита, получившего в ухо сарфянскую стрелу? Ну уж нет, спасибо.

Лио терпеливо покачал головой.

— Не с людьми. С растениями.

— Что?!

— Мысль пришла мне во время аперта, когда я увидел, как сорная трава и даже деревья захватывают город. Отнимают его у людей настолько

постепенно, что те и не замечают. Луг будет плодородной Франийской равниной, житницей Базской империи. Река — рекой Хонт, отделяющей её от северных провинций. К минус тысяча четыреста семьдесят четвёртому они были полностью завоёваны конными лучниками. Лишь несколько укреплённых пунктов ещё сдерживали натиск варварских орд.

— Можем ли мы считать владение Шуфа одним из них?

— Как хочешь. Это не важно. Главное, что холодной зимой минус тысяча четыреста семьдесят третьего степняки, предводительствуемые племенем сарфян, переходят замёрзшую реку и закрепляются на Франийском берегу. К весне, когда можно начинать боевые действия, у них здесь уже три армии. Базский полководец Оксас устраивает военный переворот, низлагает императора и выступает из города. Он клянётся утопить сарфян в реке, как крыс. После многонедельных манёвров легионы Оксаса встречаются наконец с сарфянами на равнинном месте неподалёку от Трантей. Сарфяне предпринимают ложное отступление, Оксас, как последний болван, поддаётся на их уловку и попадает в клещи. Его окружают...

— А через три месяца Баз был сожжён дотла. И как ты хочешь проделать всё это с сорняками?

— Мы позволим видам-агрессорам с реки пробиться в клевер. Плети звездоцвета распространяются по земле с поразительной скоростью, как лёгкая кавалерия. Буряника медленнее, но закрепляется надёжнее — как пехота. Последними приходят деревья и остаются на века. Если аккуратно полоть и подрезать, можно сделать так, чтобы всё развивалось, как при Трантеях, только на битву понадобится месяцев шесть.

— Ничего бредовей я в жизни не слышал. Всё-таки ты чокнутый.

— Тебе что больше по душе — помогать мне или учить салаг держать ноту?

— Это такая хитрость, чтобы заставить меня полоть сорняки?

— Нет. Мы же, наоборот, позволим им разрастись.

— И что будет, когда они победят? Мы не можем поджечь клуатр. Разве что разграбить пасеку и выпить весь мёд.

— Кто-то это уже сделал во время аперта, — мрачно напомнил Лио. — Нет, наверное, потом нам придётся всё выполоть. Хотя если остальным понравится, можно оставить как есть и

позволить деревьям вырасти на завоёванной территории.

— Я вижу в твоём плане один плюс: летом я смогу смотреть, как за Арсибальтом гоняются разъярённые пчёлы.

Лио рассмеялся. Про себя я подумал, что у его затеи есть и другое достоинство: полнейший идиотизм. До сих пор, присматривая за Барбом или уча новичков пению, я пробовал разумные, полезные дела — типичное поведение инака, который готовится отпасть. Провести всё лето за нелепейшим занятием — всё равно что громко объявить об отсутствии у меня такого намерения. Пусть мои недоброжелатели смотрят и злятся!

— Ладно, — сказал я. — Только нам придётся подождать ещё недели три, пока что-нибудь пойдёт в рост.

— Ты ведь хорошо рисуешь? — спросил Лио.

— Лучше тебя, но это ничего не значит. Технические иллюстрации делать могу. Барб потрясающе рисует. А что?

— Я думаю, нам надо будет документировать процесс. Зарисовывать разные стадии битвы. Отсюда как раз удобно.

— Спросить Барба, не захочет ли он?

Лио скривился — толи потому, что Барб бывает

таким несносным, то ли потому, что младшим фидам не положено самоделья.

— Ладно, я сам, — сказал я.

— Отлично! — воскликнул Лио. — Когда начинаем?

В следующие недели мы с Лио читали описания битвы при Трантеях и вбивали колышки, отмечая места основных событий, например, то, где Оксас, пронзённый восемью стрелами, бросился на меч. Я соорудил прямоугольную рамку размером с поднос и натянул на неё куски бечёвки, чтобы получилась квадратная сетка. Рамку я установил на парапет и, рисуя, смотрел в неё, как в окно, чтобы последовательные рисунки можно было сопоставить. Мы мечтали, что развесим их в ряд, и люди, идя вдоль стены, будут наблюдать войну сорняков, как в спиле.

Лио подолгу рыскал в зарослях у реки, выискивая особо агрессивные разновидности различных сорняков. Жёлтый звездоцвет должен был стать сарфянской конницей, белый и красный — их союзниками.

Мы оба ждали, когда нам устроят головомойку.

Недели через две после начала проекта я за ужином поднял голову и увидел, что в трапезную входит фраа Спеликон с иерархиней из

инспектората. Разговоры на мгновение стихли, как когда электрическое напряжение падает и в комнате воцаряется полумрак. Спеликон оглядел трапезную и нашёл меня, потом взял поднос и потребовал еды. Иерархи могут есть с нами, но редко этим правом пользуются. Они вынуждены так сосредотачиваться на том, чтобы не выболтать никакой мирской информации, что еда становится не в радость.

Все заметили, как Спеликон на меня смотрел, так что, когда затемнение прошло, некоторое время раздавался весёлый гул — очевидно, шутили на мой счёт. Я, вопреки обыкновению, ничуть не волновался. В чём меня можно обвинить? В тайном сговоре с целью позволить сорнякам разрастись? Может, нас с Лио вообще неправильно поняли. Я видел одну сложность: как объяснить наш замысел человеку вроде Спеликона.

Иерархиня — Рота — быстро поела и вышла из трапезной, обнимая толстую папку с листами, которая колыхалась при движениях её бедёр. Спеликон кушал основательно, однако от пива и вина отказался. Через несколько минут он отодвинулся от стола, вытер губы, встал и подошёл ко мне.

— Ты мог бы зайти для короткого разговора в

калькорий светительницы Зенлы?

— Конечно. — Я взглянул на Лио, который ужинал за другим столом. — Фраа Лио тоже пригласить или...

— В этом нет надобности, — ответил Спеликон. Я удивился и даже ощутил первые симптомы тревоги — по пути через клуатр в калькорий светительницы Зенлы сердце у меня колотилось, а ладони стали липкими от пота.

Это был один из самых маленьких и древних калькориев — обычно лишь самые чтимые эдхарианские теоры собирались в нём для бесед между собой или со старшими учениками. Я бывал здесь раз или два в жизни, и уж точно не посмел бы так запросто сюда припереться. В калькории был один маленький стол, за которым еле-еле поместились бы четыре инака на сферах. Рота уже разложила на нём созвездие светоносов: голубоватые отблески падали на стопку чистых листьев и какие-то рукописи. Рядом с открытой чернильницей аккуратным рядком лежали несколько перьев.

— Беседа с фраа Эразмасом из эдхарианского капитула деценарского матика концента светителя Эдхара, — произнёс Спеликон. Рота вывела на чистом листе цепочку значков — это были не

обычные базские буквы, а скоропись, к которой иерархи прибегают для ведения протоколов. Спеликон продиктовал дату и время. Я, как зачарованный, следил за Ротой — её рука в мгновение ока пробегала через весь лист, оставляя ряд примитивных закорючек, которые, как мне казалось, никак не могли вместить весь смысл произносимых нами слов.

Я перевёл взгляд на другие рукописи, которые Рота разложила на столе. По большей части они были написаны той же самой скорописью, по крайней мере одна — обычным почерком. Моим почерком. Нагнувшись, я разобрал несколько слов. Это был дневник, который я начал писать в штрафной келье собора. Я увидел имена Флека, Ороло и Кина.

Все мои мышцы разом напряглись. Включился какой-то примитивный механизм реакции на угрозу.

— Это моё!

Спеликон проследил, чтобы мои слова записали.

— Опрашиваемый признаёт, что документ номер одиннадцать принадлежит ему.

— Где вы его взяли? — выкрикнул я голосом детским, как у Барба. Рота молниеносным

движением руки запечатлела мой вопрос для вечности.

— Там, где он лежал, — с улыбкой ответил Спеликон. — Ты ведь знаешь, где твой дневник?

— Думал, что знаю.

Дневник лежал в одной из ниш рядом с калькорием светителя Грода, на такой высоте, где немногие могли до него дотянуться. Однако вынуть чужие листы из ниши считалось верхом неприличия. Так делали, только если кто-нибудь умер или его отбросили.

— Но вы не должны были...

— Предоставь нам самим судить, что мы должны и чего не должны делать. — Произнося эти слова, Спеликон сделал лёгкое движение рукой, и Рота перестала писать, потом другим движением отменил заклятие, и её перо вновь заскользило по листу. — Наше расследование не касается тебя лично и много времени не займёт. Все нужные нам сведения содержатся в твоём дневнике, от тебя требуется только подтвердить их и уточнить. Перед апертом ты выступил в роли скриптора при беседе между фраа Ороло и экстрамуросским мастером по имени Кин в Новой библиотеке?

— Да.

— Документ номер три, пожалуйста.

Рота вытащила ещё лист, тоже написанный моей рукой: запись беседы Ороло с Кином. Я не стал спрашивать, откуда его взяли. Очевидно, в нишах фраа Ороло тоже порылись. Возмутительно. Тем не менее я немного успокоился. В разговорах Ороло с мастерами не было ничего предосудительного. Даже если инспектора не поверят мне на слово, в библиотеке было ещё много людей — все подтвердят, что разговор был совершенно безобидный. Это какое-то мелочное копание под фраа Ороло, которое (по крайней мере, так я надеялся) закончится ничем, а фраа Спеликон только выставит себя идиотом.

Спеликон спросил, моей ли рукой написан этот документ, и лишь затем продолжил:

— Есть расхождения между записью беседы, сделанной тобою по её ходу, и версией, которую ты позже изложил в дневнике.

— Да. Я же так не умею. — Я кивнул на Роту. — Я не знаю скорописи, поэтому записывал только существенное для исследования, которое проводил Ороло.

— Какого исследования? — спросил Спеликон.

Мне казалось, что это очевидно, но я всё равно объяснил:

— Исследования политического климата в

экстрамуросе — часть рутинной подготовки к аперту.

— Спасибо. Таких расхождений несколько, но я хотел бы привлечь твоё внимание к одному, в конце беседы с Кином, касательно технических характеристик спилекапторов.

От неожиданности у меня отшибло всякую способность соображать.

— Э... я смутно помню, что о чём-то таком говорили.

— Твоя память была куда лучше, когда ты писал вот это. — Спеликон перегнулся через Ротино плечо и взял мой дневник. — Согласно твоей записи, мастер Кин сказал, цитирую: «Флек ничего не заспилил». Теперь твои воспоминания прояснились?

— Да. Днём раньше, перед провенером, мы отправили мастера Флека к ита, чтобы те проводили его в северный неф. Флек хотел снять спиль. Потом Кин сказал, что ита не разрешили Флеку снимать на спилекаптор в соборе.

— Почему?

— Качество изображения слишком хорошее.

— В каком смысле?

— Кин нёс какую-то коммерческую прехню, которую я попытался воспроизвести в дневнике.

— Когда ты говоришь «попытался воспроизвести», означает ли это, что изложенное в дневнике — твои домыслы? Здесь говорится (снова цитирую): «Глазалмаз, антидрожь и диназум — со всем этим он мог заглянуть в другие части вашего собора, даже за экраны». Действительно ли Кин употребил эти слова?

— Не знаю. Я писал частью по памяти, частью — из общих соображений.

— Объясни, что ты в данном случае подразумеваешь под общими соображениями?

— Ну, основная техническая причина, по которой ита не разрешили Флеку включать спилекаптор, в том, что он мог из северного нефа через алтарь заснять столетников и тысячелетников. Невооружённым глазом мы их не видим из-за контраста между светлоокрашенным экраном (космографы бы сказали, что у него высокое альбедо) и тёмным пространством нефа. А также из-за расстояния и других факторов. В общем, ита посмотрели характеристики Флекова спилекаптора и сообразили, что в сумме они дают возможность видеть то, чего не различает глаз. Без толку разбираться в коммерческой прехне, которую пишут производители, но по своему знакомству с космографией я легко сообразил,

что там должно быть: зум, позволяющий увеличивать изображение, способность воспринимать слаборазличимые объекты на фоне шумов и стабилизатор, чтобы скомпенсировать дрожание рук.

— И это ты подразумеваешь под общими соображениями, — сказал Спеликон. — Общими в том смысле, что всякий, знакомый с космографическими инструментами, пришёл бы к тем же выводам касательно возможностей данного спилекаптора.

— Да.

— В твоем дневнике говорится, — продолжал Спеликон, — что после этого фраа Ороло положил руку тебе на запястье, чтобы ты не записывал. Почему?

— Ороло старше и мудрее. Он видел, к чему идёт дело. Кин собирался сказать что-то мирское, передать нам разговор между ита и Флеком, а это явно не та информация, которую нам следует получать.

— Но, коли так, почему Ороло остановил твою руку? Почему не заткнул тебе уши?

— Не знаю. Может быть, просто повёл себя нелогично. В такие минуты люди не всегда чётко соображают.

— Или наоборот, — сказал Спеликон. — Так или иначе, это всё, что я хотел у тебя спросить про беседу Ороло с Кином. Остался один вопрос.

— Да?

— Что ты делал в девятую ночь аперта?

Я на мгновение задумался, потом наморщил лоб.

— Вот на такие простые с виду вопросы нормальному человеку отвечать труднее всего.

Спеликон как-то очень легко со мной согласился.

— Если под «нормальным человеком» ты подразумеваешь не-иерарха, то позволь тебя заверить: я тоже не помню в подробностях, что делал в тот вечер.

— На следующее утро я должен был вести экскурсию, поэтому не стал засиживаться допоздна. Я поужинал, потом, кажется, сразу пошёл спать. Я много думал.

— Надо же! — удивился Спеликон. — О чём?

Наверное, у меня стало очень удивлённое лицо. Во всяком случае, Спеликон хохотнул и сказал:

— Праздное любопытство. Не думаю, что это важно. — Он взял следующий лист. — Хроника сообщает, что на ту ночь тебе была назначена келья с фраа Остабоном и фраа Браншем. Если бы

я их спросил, подтвердили бы они, что ты провёл всю ночь вместе с ними?

— Не могу представить, зачем бы им утверждать иное.

— Отлично, — сказал Спеликон. — Тогда всё. Спасибо, что уделил нам время, фраа Эразмас.

Спеликон открыл мне дверь. Я вышел и увидел, что в галерее ждут фраа Бранш и фраа Остабон.

В тот вечер моя способность строить в голове истории взяла выходной. Я не мог понять, чего Спеликон от меня добивался и как это всё понимать, поэтому счёл весь разговор лишним доказательством, что суура Трестана сходит с ума и скоро её увезут во врачебную слободу для лечения (желательно на долгий срок).

На следующий день я встал рано, чтобы помочь раскладывать завтрак. Потом разбирал с Барбом основы внешнего дифференцирования, которые должен был усвоить давным-давно, но только сейчас начал понимать по-настоящему. Я дошёл до той точки, когда голова отказывается ещё что-нибудь воспринимать, и начал ловить себя на глупых ошибках, но тут, по счастью, зазвонили к провенеру.

В тот день часы заводила моя старая команда, поэтому я отправился в собор. Народу было со-

всем мало, из иерархов явились всего несколько. Я не видел ни Ороло, ни его старших учеников. Джезри тоже сачканул — пришлось нам с Лио и Арсибальтом отдуваться за него.

После долгого утра в калькории и физической нагрузки в соборе я здорово проголодался и в трапезной наворачивал за обе щёки. Я уже доедал, когда вошёл Ороло, взял себе лёгкий перекус и сел один на то место, которое облюбовал в последние недели: за стол, откуда в ясную погоду можно было смотреть на горы. Сегодня небо затянули облака, но чувствовалось, что холодный ветер с реки скоро их разгонит. Доев, я подсел к Ороло. Я почти не сомневался, что Спеликон и его одолевал вопросами, но не хотел заговаривать о том, от чего Ороло наверняка и так тошно.

Он улыбнулся.

— Благодаря иерархам, я скоро вновь смогу проводить наблюдения.

— Звездокруг откроют? Ура! — воскликнул я. Ороло снова улыбнулся. Картина начинала проясняться. Иерархам что-то померещилось: они усмотрели в действиях Ороло перед апертом что-то, чего я по-прежнему не понимал. Теперь они наконец увидели свою ошибку, и скоро всё будет по-старому.

— Должен признать, у меня в МиМ лежит табула, которую мне до смерти охота заполучить, — сказал Ороло.

— Когда его откроют?

— Не знаю.

— И на что ты будешь смотреть в первую очередь?

— Позволь мне пока не отвечать. Во всяком случае, мощи МиМ для этого не нужно. Хватит и небольшого телескопа или даже коммерческого спилекаптора.

— Спеликон задал мне кучу вопрос про...

Ороло поднёс палец к губам.

— Знаю. И хорошо, что ты ответил так, как ответил.

Я ненадолго отвлёкся, обдумывая услышанное. Новость хорошая. Однако если звездокруг откроют и кто-нибудь найдёт табулу, которую я оставил в Оке Клесфиры, то плохи мои дела. И дёрнуло же меня её туда засунуть! Как её теперь забирать?

Ороло посмотрел в другое окно — на часы.

— Я видел Тулию несколько минут назад. Они с Алой собирают звонщиц. Она просила кое-что тебе передать.

— Что?

— Она не придёт обедать, так что вы увидитесь только за ужином.

— И всё?

— Да. Им предстоит вызванивать редкую мелодию, которая потребует всего их внимания. Начнут примерно через полчаса. Она почему-то решила, что именно тебе важно это знать. Почему — понятия не имею.

Воко.

Снова воко. У меня есть шанс проскользнуть на звездокруг — вот что на самом деле хотела передать мне Тулия.

Понял ли Ороло? Знает ли он, что происходит?

Однако, когда зазвонят колокола, я не смогу взбежать по лестницам собора навстречу потоку служителей инспектората и дефендората. Значит, надо подняться заранее и спрятаться.

А благодаря Лио у меня есть для этого великолепный предлог.

Я встал.

— Увидимся в соборе.

— Да, — сказал Ороло, потом подмигнул. — Или нет.

Я на миг застыл, снова гадая, сколько ему известно. Ороло, глядя на мою физиономию, расплылся в улыбке.

— Я всего лишь хотел сказать, что неизвестно, кто после такого актала останется в соборе, а кто — нет.

— Думаешь, на воко могут призвать тебя?

— Крайне маловероятно! — ответил Ороло. — Но вдруг призовут тебя?

Я фыркнул. Ну вот, теперь он просто надо мной потешается.

— На случай, если тебя призовут, — сказал Ороло, — знай, что я видел твой прогресс в последние месяцы. Я тобой горжусь. Горжусь, но нисколько не удивлён. Продолжай в том же духе.

— Хорошо, — сказал я. — Буду продолжать. Вообще-то у меня к тебе ещё несколько вопросов, но сейчас я побежал.

— Беги, — сказал он. — Осторожнее на лестницах.

Я заставил себя выйти, а не выбежать из трапезной, забрал из ниши рисовальные принадлежности и зашагал к собору, старясь не подавать виду, что спешу. Довольно скоро я был на трифории и оттуда заглянул на балкон звонщиц. Ала и Тулия со своей командой водили руками в воздухе, не касаясь верёвок — репетировали звон. Тулия меня увидела. Я отвёл глаза, чтобы мы с ней не выглядели заговорщиками, и начал

торопливо подниматься по лестнице в юго-восточной башне.

Во дворе инспектората было людно, но тихо, как будто все сосредоточены на чём-то чрезвычайно важном. Ничего удивительного, перед воко. Я даже заметил сууру Трестану, когда та шла из одного помещения в другое. Мать-инспектриса посмотрела на меня несколько удивлённо, потом перевела взгляд на рамку, что-то, видимо, вспомнила и поспешила дальше по своим делам.

Лио ждал меня возле статуи Амнектруса, тоже немного раскрасневшийся от быстрого подъёма.

— На карниз не выходи, — шепнул он. — Пошли за мной.

Я надвинул стлу на голову и зашагал вслед за Лио. Мы молчали, потому что рядом всё время кто-нибудь был. Наконец Лио юркнул в помещение с множеством тяжёлых деревянных дверей.

— Ты всё заранее спланировал, да? — прошептал я.

— Я создал возможности на случай, если они понадобятся. — Лио открыл одну из дверей. За ней оказались аккуратные штабеля металлических ящиков. Лио схватил меня за стлу и втолкнул в чулан. К тому времени, как я восстановил равновесие, дверь уже закрылась. Я остался в темноте,

спрятанный.

Меньше чем через минуту колокола начали вызванивать незнакомую мелодию.

Глаза понемногу привыкли к темноте, и я отважился легонько засветить сферу. На ящиках были написаны непонятные слова и числа, но я почти не сомневался, что внутри боеприпасы. Мне о них рассказывали. Срок хранения боеприпасов — несколько десятилетий, потом их приходится увозить на уничтожение. Дальше все инаки выстраиваются на лестнице и по цепочке передают ящики со свежими боеприпасами наверх. Последний раз такое происходило задолго до моего прихода в концент, но старшие инаки отчётливо это помнили.

По крайней мере мне было чем занять мысли, пока звонили колокола и тянулись полчаса, отведённые на общий сбор. Иерархам до своего нефа было рукой подать — они могли ещё минут пятнадцать—двадцать заниматься своими делами. Я ждал. Наконец фраа Делрахонес лично обошёл этаж, крича, чтобы все шли вниз. Он хотел спуститься последним и не имел намерения бежать сломя голову.

После этого я решился открыть дверь чулана. Я дал глазам привыкнуть к свету, затем шагнул

в коридор, присел на корточки и вслушался. Ниоткуда не доносилось ни звука, даже нефы как будто вымерли.

Я боялся, что Делрахонес ещё выискивает опоздавших, да и спешить было некуда. Поэтому я дождался, когда в колодце зазвучит голос Стато. Тогда я вышел из укрытия, добежал до лестницы и помчался наверх. Стато говорил довольно долго, с паузами, как будто перекладывает наспех составленные листки или собирается с духом.

Я был уже на середине подъёма, когда снизу впервые донеслось слово «анафем».

Колени у меня подогнулись, как у зверя, которого неожиданно схватили за спину. Я застыл на месте, чтобы не упасть.

Такого просто не могло быть. В нашем конценте актал анафема не отмечали более двухсот лет. Однако колокола и впрямь звучали непривычно — это был не воко. Перед акталом в соборе стояла мёртвая тишина, которая теперь сменилась зловещим гулом.

Всё, случившееся перед апертом, обрело новый смысл, как будто груду осколков подбросили в воздух и она сложилась в зеркало.

Какая-то часть сознания призывала меня двигаться дальше и забрать табулу. Не ради того, что

на ней записано — это теперь было совершенно не важно. Однако Ороло меньше часа назад сказал мне, что хочет получить табулу из МиМ. Я должен извлечь обе. Если я что-нибудь сделаю не так, будет плохо. Возможно, меня отбросят. Хуже того, я подведу Ороло.

Сколько я простоял неподвижно? Потерянное время! Потерянное время! Я побежал дальше.

Чьё имя назовут? Может быть, моё? Что будет, если я не выступлю вперёд? В ситуации был свой мрачный юмор. Он стал ещё мрачнее, когда я вообразил единственный способ откликнуться на зов: спрыгнуть в колодец. Если повезёт, я приземлюсь на сууру Трестану. Вот уж точно будет история, которую наш концент и весь матический мир запомнит навсегда! Может быть, она даже попадёт в местные газеты.

Но она не поможет мне вытащить табулы из Ока Клесфиры и МиМ. Ради них стоило рискнуть.

Стато читал какую-то древнюю дребедень про канон и необходимость его блюсти. Наверное, я мог бы взбираться быстрее, но мне хотелось услышать, кого отбросят. У самой двери звездокруга я остановился и целую минуту просто тянул время.

Наконец Стато произнёс: «Ороло». Не «фраа Ороло», поскольку с этой минуты Ороло перестал быть фраа.

Удивился ли я? С того мига, как прозвучало слово «анафем», я знал, что это будет Ороло. И всё равно выкрикнул: «Нет!» Никто меня не услышал, потому что все остальные кричали то же самое: возглас прокатился по колодцу, как барабанный бой. А на смену ему пришли ещё более странные звуки. Я таких никогда прежде не слышал. Внизу *вопили*.

Почему же я крикнул «нет!», если всё понимал заранее? Не потому, что не верил своим ушам. Это был возглас возмущения. Гнева. Объявление войны.

Ороло был готов. Он вышел из двери в нашем экране и плотно закрыл её за собой, не дав бывшим братьям и сёстрам времени на прощание, которое заняло бы годы. Лучше уж сразу, как будто его задавило упавшим деревом. Ороло вышел в алтарь и бросил сферу на пол, затем принялся развязывать хорду. Она упала ему на щиколотки. Он перешагнул через неё, взялся за нижний край стлы и потянул её через голову. Мгновение он стоял голый, держа скомканную стлу, и смотрел прямо вверх, как фраа Пафлагон во время воко.

Я открыл дверь звездокруга, из неё хлынул свет. Ороло увидел это и склонил голову, как богопоклонник, молящийся своему божеству. Я шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. Жуткая сцена в соборе осталась позади. Передо мною был безлюдный, заброшенный звездокруг.

И тут я заплакал. Лицо набрякло, как от приступа рвоты, слёзы хлынули из глаз, словно кровь из раны. Я горевал, а не удивлялся. Я понял, что Ороло отбросят, в тот миг, когда фраа Спеликон заговорил про спилекапторы, но не признавался в этом себе до последнего. До нынешней минуты. Поэтому я мог не тратить времени на изумление, как сууры и фраа внизу, а сразу перейти к сильнейшему горю, какое испытал в жизни.

На пинакль я взобрался скорее ощупью, потому что не видел ничего, кроме тёмных и светлых пятен. К концу подъёма плач перешёл в истерические рыдания, но я вытер лицо стлой и сделал несколько глубоких вдохов. Меня хватило на то, чтобы вытащить табулу из Ока Клесфиры. Заворачивая её в край стлы, я вспомнил, как раздевался Ороло.

Он будет стоять голый, пока инаки анафемствуют его гневным песнопением. Наверное, оно уже началось. Петь полагалось искренне. Может,

столетникам и тысячникам, не знавшим Ороло, это было легко, но из-за нашего экрана вряд ли доносилось что-нибудь вразумительное.

Я спустился к МиМ, но табулы, которую Ороло положил под объектив перед закрытием звездокруга, на месте не оказалось. Кто-то её изъял. Точно так же, как из наших ниш забрали всё, написанное его рукой.

И тут я, возможно, сделал глупость, но иначе было нельзя. Я выбежал на край звездокруга, откуда смотрел, как инквизиторы с фраа Пафлагоном садятся в летательный аппарат, и пригнулся за тем же самым менгиром. Чуть погодя из дневных ворот вышел Ороло. Ему дали что-то вроде джутового мешка, чтобы прикрыть наготу, и спасательное покрывало из оранжевой металлизированной ткани, которое он накинул на плечи от холодного ветра. Бледные худые ноги утопали в ветхих, спадающих на ходу башмаках. Ороло зашагал прочь от концента, ни разу не обернувшись. Когда через несколько минут он исчез за струей фонтана, я решил, что пора спускаться.

По пути через хронобездну я слышал, как заканчивается актал анафема, и думал, как мне повезло. Для тех, кто в соборе, Ороло просто шагнул в пугающую неизвестность. Я хотя бы видел,

как он выходит живой, своими ногами. Это не отменяло всего ужаса происшедшего, но по крайней мере вселяло надежду, что, может быть, ещё до темноты он, одетый с чужого плеча, будет сидеть в каком-нибудь баре перед кружкой пива и спрашивать, куда бы устроиться на работу.

Конец службы состоял из подтверждения верности канону. Я радовался, что меня там нет. Табулу я завернул в лист для рисования и спрятал за ящиком с боеприпасами: Лио сможет забрать её позже.

Оставался вопрос: засёк ли кто-нибудь из десятилетников моё отсутствие? Впрочем, в толпе из трёхсот человек оно вполне могло остаться незамеченным.

На всякий случай я сочинил историю, будто Ороло заранее намекнул, что произойдёт (кстати, он и намекнул, а я по своей тупости не понял), и я пропустил актал, боясь, что не смогу его выдержать. Это всё равно грозило неприятностями, но мне было уже всё равно. Пусть меня отбросят: я выясню, куда пошёл Ороло (скорее всего на Блаев холм), и отправлюсь к нему.

Однако врать не пришлось: никто меня не хватился, а если и хватился, всем было не до того.

За что Ороло отбросили, пришлось реконстру-

ировать по фрагментам, как археологическую находку по разрозненным черепкам. На это ушло несколько недель. Порою слух или убедительные неверные сведения уводили нас на путь, который после двух-трёх потраченных дней заканчивался логическим тупиком. Не способствовало делу и то, что все мы страдали от психического эквивалента ожогов третьей степени.

Ороло как-то узнал, ещё до аперта, нечто связанное со звездокругом. Он поручил Джезри сделать какие-то расчёты, не показывая ему фотомнемонические табулы, с которых взяты данные. Более того, Ороло приложил все усилия, чтобы Джезри и другие ученики не поняли суть работы — вероятно, хотел вывести их из-под удара.

Когда мастер Кин заговорил о технических характеристиках Флекова спилекаптора, Ороло пришла мысль использовать такого рода аппарат для космографических наблюдений. В Девятую ночь аперта, после закрытия звездокруга, Ороло проник на пасеку и украл несколько контейнеров с медом. Он переоделся в мирское платье и вышел через дневные ворота, катя перед собой сумку-холодильник для пива, куда спрятал свою добычу. Затем Ороло встретился с каким-то нехорошим субъектом, с которым, надо полагать,

познакомился в экстрамуросском баре. Более того, он и по барам-то в аперт ходил, вероятно, с целью найти такого человека. За мёд Ороло получил спилекаптор.

Маленький виноградник, в котором он предавался своему самоделью, был из собора почти не виден. Зимою Ороло иногда приходил туда чинить подпорки и подрезать лозы. После аперта он устроил там примитивную обсерваторию: свободно вращающийся вертикальный шест, выше человеческого роста, с наклоняемой перекладиной на уровне глаз. На перекладине Ороло выстругал ложбинку для спилекаптора. Система позволяла надолго удерживать спилекаптор в нужном положении, пока Ороло следил за объектом в небе. Стабилизатор изображения, зум и усиление слабого сигнала давали возможность рассмотреть, что уж он там хотел.

Мысль, что Ороло ограбил концент, стакнулся с преступником и вёл запретные наблюдения, ужасала, однако история выглядела логичной, а сам план был вполне в духе Ороло. Рано или поздно нам предстояло свыкнуться с тем, что мы узнали.

Многие эдхарианцы теперь смотрели на меня как на предателя: человека, заложившего Ороло

инспектората. Перед апертом я бы мучился из-за такой несправедливости ночь за ночью: по чётным числам от стыда, что наговорил Спеликону лишнего, по нечётным — от злости, что выбрал капитул, который меня не понимает. Однако на фоне последних событий переживать из-за таких мелочей было всё равно что высматривать далёкие звёзды на дневном небе. Хотя Ороло был мне не отец и по-прежнему жив, я знал, что фраа Спеликон у меня на глазах убил моего отца. А мои чувства к сууре Трестане были ещё чернее: я не сомневался, что всё это её козни.

Что увидел Ороло? Мы могли бы извлечь какую-нибудь информацию из расчётов, которые Джезри делал для него накануне аперта. Однако все записи изъяли, и нам оставалось полагаться на память Джезри. Он был практически уверен, что Ороло хотел рассчитать орбитальные параметры для объекта либо объектов в Солнечной системе. Первым на ум приходил астероид, движущийся по гелиоцентрической орбите, близкой к орбите Арба («сценарий Большого кома»). Однако Джезри, основываясь на некоторых числах, уверял, что искомый объект вращался вокруг Арба, а не вокруг солнца. Очень странно. За все тысячелетия, что человечество смотрит в небо,

у Арба нашли только одну луну. Астероид на гелиоцентрической орбите может попасть в точку либрации и перескочить на арбоцентрическую, но такие орбиты нестабильны: в конце концов астероид либо упадёт на Арб или на луну, либо улетит из системы Арб-луна.

Возможно, Ороло смотрел на треугольные точки либрации в системе Арб-луна, где находятся разреженные скопления камней и пыли: одно как будто убегает от луны, второе её преследует. Однако непонятно, чем такие исследования могли разозлить инспекторат. И как заметил Барб, ориентация МиМ предполагала, что Ороло изучал объект на полярной орбите, то есть скорее всего не природный.

Джезри первый отважился произнести вслух очевидный вывод:

— Это не природный объект. Его сделали и запустили люди.

Весна ещё не совсем наступила. Зима закончилась, но по-прежнему подмораживало, зелёные стрелки луковиц пробивались сквозь заиндевевшую грязь. В тот день мы убирали с наших клустов сухие стебли и плети — их оставляли на зиму, чтобы предотвратить эрозию и дать кров мелким зверькам. Теперь надо было всё срезать,

сжечь и удобрить почву золой. После ужина мы вышли в темноту и подпалили сложенную раньше кучу сухой травы. Она горела быстро, взметая к небу высокое дрожащее пламя. Джезри раздобыл бутылку странного вина, какое делал Ороло, и мы пустили её по кругу.

— Его могли запустить другие праксические цивилизации, — объявил Барб. Формально он был прав, но все разозлились. Высказывая своё предположение, Джезри подставлялся — делал себя потенциальной мишенью для насмешек, и мы, поддерживая его, пусть даже молча, тоже. Не хватало тут только Барба с его жукоглазыми космическими монстрами.

И ещё про Барба: его отец, Кин, косвенно всё это спровоцировал неосторожными словами о достоинствах современных спилекапторов. Барб тут был решительно ни при чём, однако неприятная ассоциация всплывала в памяти, как только наступал неловкий момент — а уж Барб был мастер создавать неловкие моменты.

— Это объясняло бы закрытие звездокруга, — сказал Арсибальт. — Допустим, чисто для разговора, что мирская власть расколота на две или более фракций и между ними назревает война. Одна из фракций запустила разведывательный

спутник.

— Или несколько, — добавил Джезри. — У меня такое впечатление, что я делал расчёты не для одного объекта.

— Мог это быть один объект, время от времени меняющий плоскость орбиты? — спросила Тулия.

— Вряд ли. Поворот орбитальной плоскости требует много энергии — почти столько же, сколько первоначальный запуск спутника, — сказал Лио.

Все повернулись к нему.

— Искводо спутников-шпионов, — смущённо пояснил он. — Из книги эпохи Праксиса о методах войны в космосе. Манёвры поворота плоскости наиболее энергоёмки!

— Спутнику на полярной орбите не нужно поворачивать плоскость! — фыркнул Барб. — Он так и так рано или поздно увидит все части Арба.

— Есть одна важная причина, по которой мне нравится гипотеза Джезри.

Все повернулись ко мне. Как-то так получилось, что после анафема на меня стали смотреть как на эксперта по Ороло и всему, с ним связанному.

— Ороло явно знал о будущих неприятностях ещё до аперта. Он понимал, что увиденное относится к мирским делам и наблюдения запретят,

как только иерархи о них узнают. В случае астероида он бы такого не опасался.

Я лишь поддержал общее мнение. Почти все согласно закивали, только Арсибальт почему-то принял мои слова в штыки. Он прочистил горло и обрушился на меня, как будто мы в диалоге.

— Фраа Эразмас, то, что ты сказал, логично, но только до некого предела. Теперь, когда по Ороло отзвонили анафем, легко впасть в привычку видеть в нём нарушителя правил. Но думал ли ты так о нём до аперта?

— Я понял тебя, фраа Арсибальт. Не будем тратить время на опрос всех собравшихся у костра. Ороло был образцовым инаком.

— Однако запуск нового разведывательного спутника, очевидно, мирское событие, ведь так?

— Да.

— И более того, раз такой праксис существует тысячелетия — так давно, что Лио читал про него в древних книгах, значит, Ороло, следя за спутником, не мог выяснить ничего нового?

— Да, наверное. Разве что в спутнике использован недавно разработанный праксис.

— Но такой праксис тоже мирское дело, верно? — вставила Тулия.

— Да, суура Тулия. И потому инаков не каса-

ется.

— Итак, — сказал Арсибальт, — если мы согласны, что Ороло честно соблюдал канон, мы не можем одновременно верить, что увиденное им в небе было спутником, недавно запущенным с поверхности Арба.

— Потому что, — закончил его мысль Лио, — он бы отнёс это к классу явлений, для нас неинтересных.

Спорить было не о чем. Все молчали, не видя выхода из тупика, — во всяком случае, такого выхода, который мы готовы были принять.

Все, кроме Барба.

— Значит, это инопланетный корабль, — сказал он.

Джезри набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул.

— Фраа Тавенер. — (Он назвал Барба иначеским именем.) — Когда мы вернёмся в библиотеку, напомни мне показать тебе исследования, в которых говорится, как это маловероятно.

— Маловероятно или невозможно? — не унимался Барб. Джезри снова вздохнул.

— Фраа Джезри, — сказал я и, перехватив его взгляд, иронически сощурился — именно к такого рода мимическим сигналам Барб был

совершенно глух. — Фраа Тавенер живо интересуется затронутой темой. Огонь догорает. Нам всё равно скоро расходиться. Может, вы пойдёте вперёд и ты покажешь ему это исследование, а мы потушим костёр и приберёмся.

Наступило молчание. Все (и я в том числе) поняли, что произошло неслыханное: я командую Джезри! Впрочем, мне некогда было изумляться своему нахальству — хватало переживаний посерьёзнее.

— Ладно! — Джезри ринулся в темноту, уводя за собой Барба. Некоторое время мы слышали детский голос, задающий вопросы, потом его заглушил треск костра и журчание реки на обледеневших отмелях.

— Ты хочешь поговорить о табуле, — сказал Лио.

— Пора её достать и посмотреть, что там, — ответил я.

— Не понимаю, как вы не сделали этого раньше, — заметила Тулия. — Я так умираю от желания на неё взглянуть.

— Вспомни, что сталось с Ороло, — сказал я. — Он был неосторожен. Или его уже не волновали последствия.

— А тебя? — спросила Тулия. Прямота вопроса

смутила всех, но никто не попытался его замять. Все ждали ответа. Горе, навалившееся на меня, когда примас назвал имя Ороло, не слабело со временем, но порою преображалось во вспышки ярости — не такой, когда рвёшь и мечешь, а холодной, нутряной, рождавшей в душе самые нехорошие помыслы. От неё искажалось лицо. Я знал это по тому, что младшие фиды, которые раньше при встрече в галерее или на лугу приветливо со мной здоровались, теперь отводили глаза.

— Если честно, и меня тоже. — Я врал, но, как тогда в разговоре с Тулией, у меня было ощущение, что так правильней. — Я не боюсь, что меня отбросят. Но в это дело впутаны вы все, поэтому я буду осторожен. Не забывайте, табула может не содержать ничего ценного. А если там что-нибудь и есть, неизвестно, сколько мы будем искать разгадку — месяцы, годы. У нас впереди долгая тайная кампании.

— Мне кажется, мы должны это сделать ради Ороло, — сказала Тулия.

— Я могу принести её в любой момент, — сказал Лио.

— Я знаю подвал под владением Шуфа, где мы сможем её смотреть, — сказал Арсибальт.

— Отлично, — сказал я. — От вас мне потребуется только минимальная помощь. Остальное я сделаю сам. Если меня застукают, я всё возьму на себя. Мне назначат шестую главу или хуже. Тогда я уйду отсюда и постараюсь найти Ороло.

Мои слова подействовали на Тулию и Лио сильно, но по-разному. Тулия готова была расплакаться, Лио весь подобрался, как будто сейчас бросится в драку. И только Арсибальт просто досадовал на мою тупость.

— Речь о вещах куда более серьёзных, чем возможные неприятности, — сказал он. — Ты — инак, фраа Эразмас. Ты принёс обеты. Это самое важное в твоей жизни. Вот чем ты рискуешь. А уж накажут ли тебя — дело десятое.

Слова Арсибальта сильно на меня подействовали, потому что он говорил правду. У меня было возражение, которое я не мог произнести вслух: я больше не чтил обеты. Или по крайней мере утратил веру в тех, кто поставлен следить за соблюдением канона. Однако я не мог сказать это в присутствии друзей, для которых обеты по-прежнему важны. Я соображал, что ответить Арсибальту. Остальные терпеливо ждали, ворошa палками догорающий костёр.

— Я верю в Ороло, — сказал я наконец. — Верю,

что он не нарушал канон. Что его наказали недалёкие люди, не понимающие, что происходит на самом деле. Думаю, что он... что он будет...

— Говори! — потребовала Тулия.

— Светителем, — сказал я. — Я сделаю это ради светителя Ороло.

ЧАСТЬ 5. Воко

> ***Преемство. 1.*** *(в экстрамуросе) линия наследования* ***2.*** *(в интрамуросе) хронологическая последовательность инаков, до Третьего разорения владевших собственностью помимо стлы, хорды и сферы и на смертном одре передававших её избранному наследнику. Богатства (см. владения), накопленные некоторыми П. (по крайней мере слухи о них), породили Баудову иконографию. П. были упразднены в ходе реформ, последовавших за Третьим разорением.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Что бы ни говорили о богатых наследниках фраа Шуфа, у него самого не было ни средств, ни плана. Это становилось ясно, как только вы спускались в погреб под зданием, строительство которого он начал, а наследники завершили. Я сказал «погреб», но правильнее было бы употребить множественное число. Погреба (сосчитать их мне так и не удалось) составляли никому не понятный граф. Своего рода достижение — наго-

родить такую путаницу под таким маленьким зданием. У Арсибальта, разумеется, было наготове объяснение. Шуф избрал своим самодельем работу каменщика. Примерно в 1200 году он задумал выстроить башенку, в которой один инак мог бы предаваться раздумьям. Фид, которому он на склоне лет передал своё дело, заметил, что башня кренится набок, и посвятил большую часть жизни замене фундамента — муторному занятию, требовавшему выкапывать новые пустоты под уже существующими и закладывать в них большие каменные плиты. Фундамент получился излишне основательным. Следующий преемник возвёл на нём новые стены, заодно продолжив расширение фундамента. Так продолжалось несколько поколений, пока у преемства не начали скапливаться богатства помимо собственно здания. Для них требовалось место. Старый фундамент нашли, расчистили, расширили, соорудили полы, стены и своды. В рабочих руках недостатка, видимо, не было: преемство тем и гадко, что заставляет бедных инаков работать на богатых за лучшую еду, лучшее питьё, лучшую крышу над головой.

Так или иначе, к тому времени, когда через несколько столетий после Третьего разорения ре-

формированные старофааниты начали обживать владение Шуфа, почти все погреба оказались заполнены землёй. Не знаю, как она туда попала, — некоторые процессы для человека непостижимы, потому что идут очень медленно. РСФ восстановили надземную часть, но до погребов у них руки не дошли. Если спуститься по лестнице, справа оказывалось помещение, где РСФ хранили запасы вина и столовое серебро для особых случаев. Остальные погреба оставались неизведанной территорией.

Арсибальт, вопреки своей репутации, показал себя бестрепетным первопроходцем. Его картами были найденные в библиотеке планы, орудиями — кирка и лопата, заветной целью — некий расположенный ниже погребов склеп, где, по легенде, Шуфово преемство хранило золото. Если такая сокровищница и существовала, её разграбили во время Третьего разорения. Однако найти её заново было бы интересно. Заодно Арсибальт оказал бы своему ордену заметную услугу. Последнее время многие инаки полушутя-полусерьёзно поговаривали, будто РСФ нашли склеп с сокровищами (либо пустой, но сейчас его заполняют). Арсибальт положил бы конец слухам, если бы отыскал склеп и пригласил всех

желающих его осмотреть.

Однако торопиться было некуда, а поскольку Арсибальт по складу характера вообще, как правило, не спешил, результатов следовало ожидать лет так через пятьдесят. Время от времени он возвращался перепачканный, и в бане после него оставался слой грязи. Тогда мы понимали, что Арсибальт предпринял очередную вылазку.

Поэтому я удивился, когда он, спустившись по лестнице, свернул не вправо, а влево, миновал несколько поворотов, в которые непонятно как втиснулся, и продемонстрировал мне ржавую плиту в полу грязного, затхлого помещения. В яме под плитой стояла алюминиевая стремянка, раздобытая Арсибальтом в какой-то другой части концента.

— Мне пришлось немного подпилить ножки, — виновато сообщил он. — Уж больно потолок низкий. Прошу.

Легендарный склеп оказался крохотным — примерно в размах рук шириной и такой же высоты. Арсибальт расстелил на полу полипласт, чтобы нежные предметы («такие, как твоя, Раз, тощая задница») не отсырели от влажной земли. Сокровищами, разумеется, не пахло. Надписи, оставленные на стенах разочарованными пена-

ми, свидетельствовали, что те тоже ничего тут не нашли.

Трудно было бы придумать более гадкое место для работы, но выбирать не приходилось. Не мог же я ночью сидеть на лежанке, накрывшись стлой, как палаткой, и разглядывать запретную табулу.

Мы прибегли к самому древнему трюку, какой знает мир. Тулия отыскала в Старой библиотеке огромный фолиант, одиннадцать веков простоявший на полке без движения: компендиум статей по теорике элементарных частиц, крайне популярной с 2300-х по 2600-е (когда светитель Фенабраст доказал её несостоятельность). Мы вырезали в страницах круги, так что получилось углубление для фотомнемонической табулы. Лио отнёс книгу в дефендорат, спрятав её в стопку других томов, и за ужином вернул мне сильно потяжелевшей. На следующий день после завтрака я передал её Арсибальту. За обедом он сказал мне, что табула на месте.

— Я немножко её посмотрел, — сказал он.

— И что выяснил?

— Что ита исправно протирают Око Клесфиры. Один из них приходит для этого каждый день. Иногда он там же и перекусывает.

— Очень подходящее место, — заметил я. — Но меня больше интересуют ночные наблюдения.

— Это я оставил тебе, фраа Эразмас.

Теперь мне нужен был только предлог, чтобы подолгу работать во владении Шуфа. И тут в кои-то веки политическая обстановка оказалась мне на руку. Те, кому не нравилось, что РСФ восстанавливают владение Шуфа, утверждали, что орден таким хитрым образом хочет поживиться на дармовщину. РСФ отвечали, что стараются для всех: каждый желающий может приходить туда и работать. Однако инаки из Нового круга и эдхарианцы (последние — особенно) крайне редко пользовались приглашением, частью из-за всегдашней вражды между орденами, частью из-за последних событий.

— Как к тебе сейчас относятся твои братья и сёстры? — спросила меня Тулия как-то раз, когда мы вместе возвращались после провенера. В голосе её звучала не забота, а скорее аналитическое любопытство. Я пошёл задом наперёд, чтобы видеть её лицо. Тулия недовольно подняла брови. Через месяц она должна была достичь совершеннолетия, после чего могла, не нарушая канона, вступить в отношения. Между нами ощущалась постоянная неловкость.

— Чего это ты вдруг, если не секрет?

— Брось валять дурака, и я отвечу.

Я не знал, что валяю дурака, но послушно развернулся и пошёл рядом с ней.

— Возникло новое направление мысли, — сказала Тулия. — Ороло отбросили в наказание за интриги накануне и во время элигера.

Я мог только присвистнуть — ни на что большее меня не хватило. Ничего нелепее я в жизни не слышал. Если за кражу мёда и продажу его на чёрном рынке с целью купить запретные потребительские товары не отбрасывают, то чем вообще можно навлечь на себя анафем? И всё же...

— Такие идеи вредны, — сказал я наконец, — потому что какая-то гадско-ползучая часть мозга хочет в них верить, даже если логический ум разносит их в пух и прах.

— Ну, некоторые теоры позволили гадско-ползучим отделам мозга взять верх над логикой. Они не хотят верить в мёд и спилекаптор. У них выходит, что Ороло нарушил трёхстороннее соглашение, по которому Арсибальт достался РСФ в обмен на...

— Прекрати. Слышать не желаю.

— Ты знаешь, что сделал Ороло, и тебе легче, —

сказала она. — Другие не хотят в это верить. Они сводят всё к интригам и считают, что история с мёдом — выдуманная.

— Даже я не думаю о сууре Трестане так плохо.

Краем глаза я видел, что Тулия повернула ко мне голову.

— Ладно, сформулирую иначе. Я не считаю её интриганкой. Я думаю, что она просто гадина.

Мои слова, кажется, удовлетворили Тулию.

— Послушай, — продолжал я. — Фраа Ороло говорил, что концент — тот же внешний мир, только с меньшим количеством цацек. Знания не делают нас лучше или мудрее. Мы можем быть такими же сволочами, как пены, которые ради забавы побили Арсибальта и Лио.

— Ороло знал ответ?

— Думаю, да. Во время аперта он пытался мне это объяснить. Ищи то, в чём есть красота — оно покажет тебе, что луч пробивается из...

— Истинного мира? ГТМ?

И снова я не понял, что выражает её лицо. Тулии хотелось знать, верю ли я в такие вещи, мне — верит ли она. Я подумал, что для неё риск выше. Мне как эдхарианцу такое скорее сойдёт с рук.

— Ну, — сказал я, — не знаю, употребил бы Ороло эти слова, но он явно подводил к чему-то

такому.

Она немного помолчала:

— Что ж, всё лучше, чем до конца жизни плодить теории заговора.

Не слишком-то определённый ответ, подумал я, но вслух этого не сказал. Решение Тулии вступить в Новый круг было настоящим решением с вполне реальными последствиями. В частности, она теперь должна была крайне осторожно высказываться об идеях вроде ГТМ, которые Новый круг считает суевериями. Верить она в них может сколько угодно, но обязана держать свои мысли при себе; вытягивать их из неё просто невежливо.

Так что теперь у меня был предлог, чтобы подолгу торчать во владении Шуфа: якобы я навожу мосты между орденами, потому и принял приглашение РСФ.

Каждое утро после завтрака я шёл на лекцию (обычно вместе с Барбом), потом до провенера разбирал с ним задачки и теоремы. После полуденной трапезы я отправлялся на луг, где мы с Лио готовили войну сорняков, и некоторое время работал (или притворялся, будто работаю). Оттуда я мог смотреть через реку на владение Шуфа. Арсибальт обычно работал в эркере: на подокон-

нике рядом с его креслом всегда лежала стопка книг. Если во владении были посторонние, он поворачивал книги корешками к окну, и я с луга видел их бурые переплёты. Если Арсибальт оказывался один, он поворачивал их белыми обрезами. Приметив это, я бросал работу, забирал из галереи свои теорические записки и шёл — по мосту, через страничную рощу — во владение Шуфа, как будто хочу позаниматься. Несколькими минутами позже я уже сидел, скрестив ноги, на полипласте и работал с табулой. Закончив, я выбирался в большой подвал и, прежде чем подняться по мощёной лестнице, смотрел на дверь: если в здании кто-нибудь был, Арсибальт её закрывал, если всё было чисто — оставлял приоткрытой.

Одно из многих преимуществ фотомнемонической табулы перед обычными фототипиями состоит в том, что она испускает собственный свет, так что можно работать в темноте. Табула начиналась и заканчивалась днём. Если прокрутить её к самому началу, она превращалась в лужицу голубовато-белёсого света: несфокусированное солнце и небо, записавшиеся, когда я активировал табулу на вершине пинакля во время воко фраа Пафлагона. Запустив просмотр,

я мог наблюдать неопределённое мелькание (момент, когда я убирал табулу в щель) и затем изображение: очень чёткое, но геометрически искажённое.

Почти всю площадь диска занимало небо с аккуратным белым кружком солнца чуть в стороне от центра. По краю шла тёмная неряшливая кайма, вроде плесени на круге сыра: горизонт, весь, во всех направлениях. В геометрии «рыбьего глаза» нашему «низу» соответствует край диска, «выше» значит ближе к центру. Если бы несколько человек встали вокруг Ока Клесфиры, на табуле их головы были бы направлены к центру, как спицы в колесе, а туловища составляли обод.

Чтобы разобраться с изображением по краю диска, я прибег к функциям выбора и увеличения фрагмента. В одном месте на светлом небе была как будто тёмная риска. При ближайшем рассмотрении это оказался пьедестал зенитной призмы рядом с Оком Клесфиры. Как стрелка, указывающая север на карте, он позволял мне сориентироваться. Примерно на четверть окружности от него располагалась вторая риска, пошире и покороче. Только повернув её к себе и дав глазам привыкнуть к искажению, я узнал человеческую фигуру, с головой закутанную в стлу:

открытой была только одна рука до локтя. Фигура гротескно расплывалась к краю диска. Это был я, только что вставивший табулу в Око Клесфиры и теперь тянущийся за чехлом. Глядя на раздутое «книзу», то есть к краю диска, страшилище, я расхохотался: мой локоть получился размером с луну, я мог различить родинку, сосчитать все волоски и веснушки. А я-то, наивный, накрыл голову стлой и думал, что спрятался! Попади табула к Трестане, отыскать виновного не составило бы труда: достаточно было потребовать, чтобы каждый в конценте показал правый локоть.

Я запустил изображение вперёд, и риска-Эразмас исчезла за ободом-горизонтом. Через несколько мгновений вдоль края табулы пронеслось по дуге чёрное пятнышко: воздухолёт, уносящий фраа Пафлагона к бонзам. Остановив и увеличив картинку, я мог отчётливо разглядеть машину: застывшие винты и струи выхлопных газов, лицо пилота, наполовину скрытое лицевым щитком шлема, губы приоткрыты — видимо, он что-то говорил в закреплённый на щеке микрофон. Я сдвинул время на несколько секунд вперёд и увидел тот же воздухолёт, завершающий круг. В боковом окне мелькнуло лицо фраа Пафлагона: он смотрел на концент так, будто

видит его впервые.

Затем, проведя пальцем по ребру диска, я заставил солнце пробежать по дуге и закатиться за горизонт. Табула потемнела. Звёзды должны были записаться, но мои глаза их не видели, потому что ещё не привыкли к темноте. По небу проносились редкие красные кометы — огни воздухолётов. Потом диск вновь посветлел: солнце показалось на краю и выстрелило себя в небо следующего утра.

Если быстро вести пальцем вдоль ребра диска, он начинал мигать, как стробоскоп: семьдесят восемь вспышек, по одной на каждый день, проведенный табулой под Оком Клесфиры. Замедлив изображение на последних секундах, я видел себя идущим к Оку Клесфиры во время анафема фраа Ороло. Вглядываться в эти кадры не хотелось из-за моего лица. Я только раз прокрутил их, чтобы убедиться: табула записывала, пока я её не вынул.

Я удалил первые и последние секунды записи, чтобы, если табулу конфискуют, на ней не было меня. Потом стал просматривать её внимательнее. Арсибальт упомянул, что видел ита. И впрямь, на второй день, вскоре после полудня, с краю изображения выдвинулось тёмное пятно.

На минуту оно заслонило почти всё небо. Я отмотал назад и пустил запись с обычной скоростью. Это был ита. Он показался со стороны лестницы, держа бутылочку с разбрызгивателем и тряпку, протёр зенитное зеркало, шагнул к Оку Клесфиры — тут-то его изображение и заняло почти весь диск — и брызнул на него чистящую жидкость. Я невольно отпрянул — ощущение было такое, словно мне брызнули в лицо. Ита тщательно протёр объектив. Я мог заглянуть ему в ноздри и сосчитать волоски; видел сосуды на белках глаз и рисунок радужки. Это, вне всяких сомнений, был Самманн — ита, которого мы с Джезри видели у Корд. Через мгновение он уменьшился — то есть отступил от Ока, но совсем не ушёл, а простоял несколько секунд, исчез из виду, снова появился и ещё какое-то время пробыл перед Оком, прежде чем уйти.

Я увеличил изображение и посмотрел ещё раз. Закончив протирать объектив, ита обернулся, как будто что-то уронил. Он нагнулся, почти исчезнув с диска, а когда выпрямился, в руке у него был прямоугольный предмет размером с книгу. Я и без увеличения знал, что это: чехол, который я днём раньше снял с табулы. Ветер вырвал его у меня из рук, и я, торопясь, не стал его забирать.

Вот дурак!

Самманн секунду вертел в руках чехол, прежде чем сообразил, что к чему. Потом резко повернулся ко мне — вернее, к Оку Клесфиры, — заглянул в объектив, нагнулся, протянул руку и (этого я не видел, но мог угадать) проверил крышку на щели для табулы. При желании я мог бы увеличить картинку и прочесть отражение в зрачках ита. Но в этом не было надобности: выражение его лица сказало мне всё.

Менее чем через двадцать четыре часа после того, как я вставил табулу в Око Клесфиры, об этом стало известно другому человеку.

Самманн ещё минуту стоял в задумчивости, потом сложил чехол, спрятал в нагрудный карман, повернулся ко мне спиной и удалился.

Я прокрутил табулу на облачную ночь и некоторое время сидел в почти полной темноте, пытаясь осмыслить увиденное.

Мне вспомнилось, как двумя днями раньше, у костра, я обвинил Ороло в неосторожности и пообещал друзьям быть осмотрительнее. Балда!

Когда на табуле Самманн поднял чехол, у меня кровь прихлынула к лицу и сердце заколотилось, как будто я тоже на вершине пинакля. Однако это была лишь запись событий, случившихся месяцы

назад. И ничего не произошло. Правда, Самманн мог рассказать о своей находке в любую минуту. Например, прямо сейчас.

Это нервировало, но я ничего изменить не мог. Мучиться из-за ошибки, допущенной месяцы назад, — только попусту тратить время. Лучше подумать, что я буду делать дальше. Сидеть в темноте и переживать? Или исследовать табулу? В такой формулировке вопрос оказался совсем простым. Ярость, поселившаяся у меня в животе, требовала действий. Не обязательно резких. Выбери я другой орден, на этой ярости можно было бы выстроить своего рода карьеру. Следующие десять или двадцать лет я бы карабкался по иерархической лестнице, ища способы испортить жизнь тем, кто несправедливо поступил с Ороло. Став эдхарианцем, я лишил себя возможности влиять на внутреннюю политику концента, поэтому мыслил скорее в терминах убийства фраа Спеликона. Временами я и впрямь раздумывал, как это осуществить. На кухне у нас много больших ножей.

Табула меня спасла. Я обрёл цель — помимо Спеликонова горла. Должное упорство плюс чуточка везения — и у меня будут результаты, которые посрамят Спеликона, Трестану и Стато. Я

встану посреди трапезной, объявлю, что узнал, и выбегу из концента сам, не дав им удовольствия меня отбросить.

А пока изучение табулы стало тем делом, которого мне не хватало. Я должен был что-то предпринять в ответ на изгнание Ороло. Оказалось, что работа — единственный способ превратить ярость обратно в горе. Когда я горевал, а не ярился, младшие фиды не шарахались от меня в сторону, а сознание не рисовало фонтаны крови, хлещущей из перерезанных артерий фраа Спеликона.

Итак, я выбросил Самманна из головы и сосредоточился на том, что Око Клесфиры видело ночами. Всего их было семьдесят семь, больше половины — пасмурные и только семнадцать — по-настоящему ясные.

Я дождался, когда глаза привыкнут к темноте, и без труда отыскал на табуле север — то, вокруг чего вращаются звёзды. В обычном режиме они выглядели точками, при ускоренной перемотке все, кроме Полярной, прочерчивали дугу вокруг полюса. Экваториальные монтировки более сложных телескопов компенсируют вращение Арба, и звёзды в них остаются неподвижными. У Ока Клесфиры такого устройства нет.

Табула могла показывать запись в разных режимах. До сих пор я использовал её как спилекаптор с его кнопками «пуск», «пауза», «ускоренная перемотка». Однако у табулы были и другие функции, например суммарное изображение за определённый промежуток времени. Раньше у космографов были пластины, покрытые светочувствительным веществом. Чтобы разглядеть объекты малой яркости, снимки делали с большой выдержкой, иногда по нескольку часов. Табула могла работать и так, и так. Если в режиме спилекаптора вы видели только редкие звёзды и дымку, то на снимке с большой выдержкой внезапно проступали спиральная галактика или туманность.

Для начала я сконфигурировал табулу так, что она показала суммарное изображение за первую ясную ночь. Сперва ничего не вышло: я выбрал слишком большой интервал, и все заглушило небо после заката и перед рассветом. Однако, внеся некоторые поправки, я наконец получил то, что хотел.

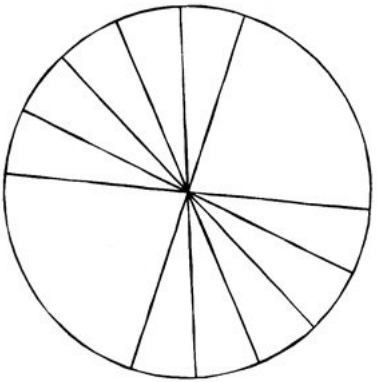
Передо мной был чёрный диск, расчерченный тонкими концентрическими дугами — видимыми траекториями звёзд и планет. Их пересекали белые сплошные и красные пунктирные линии воздухолётов. Чем выше летел аппарат, тем

ближе к центру и прямее была его траектория. С одного края звёздное поле почти закрывал сноп толстых белых линий: там был местный аэродром, и все воздухолёты заходили на посадку почти по одной глиссаде.

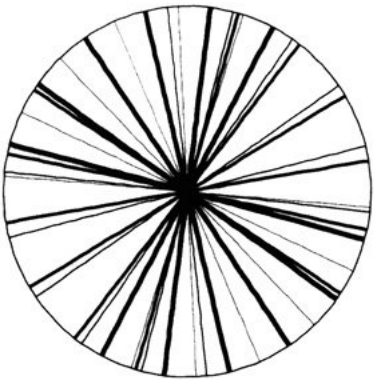
Не двигалась только Полярная звезда. Если Ороло действительно искал что-то на полярной орбите, то объект (допуская, что его яркость достаточна для табулы) должен был отобразиться в виде линии, проходящей близ Полярной звезды: прямой или почти прямой, перпендикулярной к мириадам звёздных дуг; объект двигался бы в направлении север-юг, они — в направлении восток-запад.

Более того, такой спутник должен был оставить за ночь не одну линию. Мы с Джезри проделали следующий расчёт. Спутник на низкой орбите полностью облетает Арб примерно за полтора часа. Если он прошёл через полюс, скажем, в полночь, то должен оставить другую линию примерно в час тридцать, затем в три и четыре тридцать. Относительно неподвижных звёзд он всегда в одной плоскости. Однако за девяносто минут Арб поворачивается на двадцать два с половиной градуса, поэтому линии не накладываются друг на друга, а разделены углом

примерно в двадцать два с половиной градуса (или пи/8, как измеряют углы теоры). Получается разрезанный торт.



В первый день работы над табулой я взял суммарное изображение за первую ясную ночь, увеличил приполярную область и начал искать что-нибудь похожее на разрезанный торт. Это оказалось почти до обидного легко. Поскольку спутник был не один, картинка получилась чуть более сложной.



Впрочем, глядя на неё достаточно долго, я смог увидеть несколько схем нарезания торта одновременно.

— Незадача, — сказал я Джезри за ужином. Мы как-то сумели отвязаться от Барба и сесть вдвоём в уголке трапезной.

— Снова?

— Мне казалось, если я найду что-нибудь на полярной орбите, то загадка решена, дело закрыто. Ничего подобного. На полярных орбитах несколько спутников. Наверняка летают ещё с эпохи Праксиса. Когда старые изнашиваются и падают, бонзы запускают новые.

— Тоже мне открытие, — заметил Джезри. — Выйди ночью, встань лицом к северу и нево-

оружённым глазом увидишь, как они пролетают над полюсом.

Я старательно пережевал то, что было у меня во рту, сдерживая порыв двинуть Джезри по физиономии. Но в теорике всегда так. Не только лориты говорят: «Результат не нов». Кто-то всё время заново изобретает колесо. Ничего стыдного в этом нет. Если бы все из жалости к изобретателю ахали и восклицали: «Надо же, колесо, никто прежде до такого не додумался!» — ничего бы хорошего не вышло. И всё равно обидно, когда слышишь, что работал зазря.

— Я и не говорю, будто получил новый результат, — терпеливо ответил я. — Просто рассказываю, что получилось за первые часа два. И, кажется, мне удалось сформулировать вопрос.

— Какой?

— Фраа Ороло наверняка знал, что есть несколько спутников на полярных орбитах. Для космографа они ничем не примечательнее воздухолётов.

— Помеха для наблюдений, — кивнул Джезри.

— Так ради чего Ороло рисковал анафемом? Что он хотел увидеть?

— Не просто рисковал... Он...

Я отмахнулся.

— Ты знаешь, о чём я. Сейчас не время кефе-

доклить.

Джезри бесстрастно смотрел в пространство за моим левым плечом. Почти любой другой на его месте смутился бы или обиделся, но только не Джезри. Как я завидовал его спокойствию!

— Мы знаем, что Ороло понадобился спилекаптор, — сказал Джезри. — Невооружённым глазом он этого не видел.

— Ему приходилось смотреть иначе. Он не мог получить изображение с большой выдержкой, — напомнил я.

— После закрытия звездокруга максимум, что он мог — стоять в винограднике, смотреть в спилекаптор на Полярную звезду и ждать, когда рядом с ней что-нибудь пролетит.

— И на несколько мгновений промелькнёт в видоискателе. — Теперь мы оба заканчивали друг за другом фразы. — И чего ради? Что он таким образом узнавал?

— Время. — Джезри упёрся взглядом в стол, как будто там показывали спиль про Ороло. — Он отмечает время. Через девяносто минут видит, что та же птичка снова пролетела над полюсом.

(Птичками называл спутники Лио — этого армейского жаргона он набрался из книжек, — и теперь мы все пользовались его словцом.)

— Увлекательнейшее занятие — всё равно что за часовой стрелкой наблюдать!

— Не забывай, что птичка не одна, — напомнил Джезри.

— Забудешь тут! Я полдня на них пялился!

Но Джезри начал развивать мысль и ему было не до моих жалоб:

— Вряд ли все они летают на одной высоте. У тех, чья орбита выше, период обращения больше. Не девяносто минут, а девяносто одна или девяносто три. Засекая время, фраа Ороло мог после достаточно длительных наблюдений составить своего рода...

— Перепись, — сказал я. — Каталог всех птичек.

— И тогда, в случае какой-то аномалии, он мог сразу её отметить. Но до того, как составлена такая, как ты говоришь, перепись...

— Он работал в полном мраке, в прямом и переносном смысле, — сказал я. — Он видел птичку над полюсом, но не знал, что это за птичка и есть ли в ней что-нибудь необычное.

— Значит, мы должны повторить его путь, — сказал Джезри. — Твоя первая задача — составить перепись.

— Мне это куда проще, чем Ороло, — сказал я.

— На табуле видно, что некоторые сектора шире. Это следы спутников на более высоких орбитах.

— Когда ты как следует присмотришься к картинкам, ты научишься вычленять аномалии по внешнему виду, — заметил Джезри.

Легко ему было говорить — делать-то предстояло мне!

В последние минуты разговора Джезри явно заскучал. Он скользил взглядом по трапезной, словно надеялся отыскать там что-нибудь поинтереснее фраа Эразмаса. Теперь он вновь перенёс внимание на меня и объявил:

— Новая тема.

— Разрешаю. Назови тему, — отвечал я.

Если Джезри и понял, что я над ним прикалываюсь, то не подал виду.

— Фраа Пафлагон.

— Столетник, которого призвали.

— Да.

— Наставник Ороло.

— Да. Весы говорят, что его призвание и неприятности, в которые угодил Ороло, связаны.

— Звучит разумно, — признал я. — Я вроде как принимал это за допущение.

— Обычно мы не можем узнать, чем занимается центенарий, — по крайней мере до следующего

столетнего аперта. Однако перед тем, как уйти в верхний лабиринт, двадцать два года назад, Пафлагон написал труд, который попал в мир во время десятилетнего аперта 3670 года. Десять лет спустя и потом еще раз, несколько месяцев назад, наша библиотека получила обычные децензальные поступления. Я прочесал их в поисках ссылок на работу Пафлагона.

— Какой-то уж очень окольный путь, — заметил я. — При том, что все труды Пафлагона у нас тут, под рукой.

— Да. Но я искал другое, — сказал Джезри. — Меня больше интересует, кто обратил внимание на Пафлагона. Кто прочёл его труды, написанные до 3670-го, и заинтересовался им как мыслителем. Потому что...

— Потому что кто-то в секулярном мире, — подхватил я, — очевидно, сказал: «Пафлагон-то нам и нужен! Давайте-ка его сюда!»

— Вот именно.

— И что ты нарыл?

— Сейчас объясню, — сказал Джезри. — Получается, что у Пафлагона было в каком-то смысле два основных дела.

— Как работа и самоделье?

— Можно сказать, что его самоделье была

философия. Метатеорика. Процианне, вероятно, сочли бы это своего рода религией. С одной стороны, он — серьёзный космограф, занимается примерно тем же, чем Ороло. А в свободное время обдумывает и записывает глубокие идеи. И снаружи это заметили.

— Что за идеи?

— Я не хотел бы пока в это углубляться, — сказал Джезри.

— Ну, знаешь!..

Джезри успокаивающе поднял руку.

— Сам прочти! Я сейчас о другом. Я пытаюсь вычислить, кто его выбрал и почему. Космографов много, верно?

— Да.

— И если его призвали из-за космографии, возникает вопрос...

— Почему именно его?

— Да. А вот метатеорическими вопросами, которые он разбирает, почти никто не занимался.

— Я вижу, к чему ты клонишь. Весы говорят, что его призвали из-за них — не из-за космографии.

— Да, — сказал Джезри. — В любом случае, судя по тому, что мы получали в 3680-м и 3690-м, мало кто обращал внимание на метатеорические труды Пафлагона. Однако есть одна суура в Барито,

большая поклонница Пафлагона. Её зовут Акулоа. Она написала две книги о его работах.

— Десятилетница или...

— Нет. Унарианка. Тридцать четыре года кряду.

Значит, она преподаёт. Других причин оставаться столько в унарском матике нет.

— Новоэвенедриканка. — Джезри угадал мой следующий вопрос раньше, чем я успел его задать.

— Я почти ничего не знаю про этот орден.

— Ну, помнишь, Ороло нам рассказывал, что светитель Эвенедрик на склоне лет работал в двух направлениях?

— Вообще-то про него упомянул Арсибальт, но...

Джезри пожал плечами, отметая мою поправку как несущественную.

— Новоэвенедриканцы интересуются как раз этими темами.

— Думаешь, суура Акулоа и ткнула пальцем в Пафлагона?

— Ни в коем разе. Она преподаватель философии, однолетка...

— Да, но в одном из концентов Большой тройки!

— Вот и я о том, — проговорил Джезри с лёгким раздражением. — Многие влиятельные миряне перед началом карьеры провели несколько лет в матиках Большой тройки.

— Ты думаешь, что лет десять—пятнадцать назад у этой сууры был фид, который потом заделался бонзой. Акулоа рассказывала ему, как велик и мудр фраа Пафлагон. А затем произошло некое событие...

Джезри кивнул и закончил:

— Заставившее экс-фида воскликнуть: «Сию минуту подать сюда фраа Пафлагона!»

— Но что за событие?

Джезри пожал плечами.

— В том-то и вопрос.

— Может быть, мы найдём ответ, если покопаемся в трудах фраа Пафлагона?

— Мысль верная, — отвечал Джезри, — но её трудно осуществить, пока Арсибальт использует их в качестве семафора.

Я целую минуту соображал, прежде чем до меня дошло.

— Стопка книг у него на окне...

Джезри кивнул.

— Арсибальт перетащил во владение Шуфа всё когда-либо написанное фраа Пафлагоном.

Я рассмеялся.

— А как насчёт сууры Акулой?

— Тулия читает её работы, — ответил Джезри. — Пытается выяснить, учился ли у неё кто-нибудь из нынешних бонз.

****

Звонкая долина. 1. *Горная долина, знаменитая множеством ручьёв, чьи музыкальные звуки сравнивают с перезвоном колокольчиков. Также (поэтично) Дол тысячи ручьёв.* ***2.*** *Матик, основанный здесь в XVII в. от РК, специализирующийся на изучении и развитии боевых искусств и сопутствующих тематик (см. искусство долины).*

Искусство долины *(новоорт.), широкий термин, охватывающий искусство боя (как рукопашного, так и с применением оружия), военную историю, стратегию и тактику. В матическом мире все перечисленное тесно ассоциируется с инаками Звонкой долины, изучающими данные вопросы с основания в 17 в. от РК одноименного матика. Прим.: в разговорной речи и на флукском часто*

используется сокращение «искводо». Следует иметь в виду, что эта форма подчёркивает боевую сторону И.д. в ущерб научной и организационной. В экстрамуросе «искводо» — жанр развлекательной продукции, а также (для тех мирян, которые находят в себе силы не только смотреть на такие вещи, а и заниматься ими) вид спорта.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Сидя под землёй, я и не подозревал, что происходит наверху. Теперь, узнав от Джезри, как упорно трудятся мои фраа и сууры, я взялся за табулу с удвоенной силой. На ней были записаны семнадцать ясных ночей. Я уже более или менее навострился, и на то, чтобы получить суммарное изображение за конкретную ночь, у меня уходило примерно полчаса. Еще полчаса требовалось, чтобы транспортиром измерить углы между линиями. Как и предсказывал Джезри, у некоторых птичек углы были чуть больше, что соответствовало более высоким орбитам, но для конкретного спутника угол оставался постоянным на каждом витке, каждую ночь. В принципе для переписи хватило бы и одной ночи, но я сделал измерения

по всем семнадцати, просто для порядка и потому что, честно говоря, не знал, куда двигаться дальше. За один раз я мог обработать ночь или две, но возможность попасть в склеп выдавалась не каждый день.

Закончил я через три недели после начала работы. На страничных деревьях проклюнулись почки. Птицы летели на север. Фраа и сууры окучивали клусты, споря, пришло ли время сажать. Варварские орды сорняков готовились к вторжению на Франийскую равнину. Арсибальт одолел две трети Пафлагоновой стопки. До весеннего равноденствия оставалось несколько дней. Аперт начался утром осеннего равноденствия — полгода назад! Я не понимал, куда ушло время.

Туда же, куда уходило в предыдущие тысячелетия. Я провёл его за работой. Не важно, что работа была незаконной и за неё меня могли отбросить. Конценту не было до неё никакого дела. Если бы о ней узнали, мне бы не поздоровилось. И всё же концент для того и существовал, чтобы инаки могли посвятить жизнь подобным проектам. И теперь, когда у меня появилось настоящее дело, я чувствовал себя частью концента в неизведанном прежде смысле. Я был на своём месте.

Поскольку Арсибальт, Джезри и Тулия зани-

мались своими проектами, я не говорил им про Самманна. Эта тема приберегалась для встреч с Лио, когда мы на лугу убеждали звездоцвет расти в нужном направлении. Или (поскольку это был Лио) занимались тем, что в данную минуту взбрело ему в голову.

Мы по-разному переживали утрату Ороло. Я лелеял кровавые мечты о мести, в которые никого не посвящал. Лио ударился в ещё более экзотические формы искводо. Две недели назад он (по-видимому, вдохновлённый историей Диакса) пытался заинтересовать меня искводо на граблях. Я отклонил предложение, сославшись на нежелание заработать гангрену: бои на граблях чреваты множественными колотыми ранами. В последнее время он увлёкся идеей искводо на лопатах, и мы много времени проводили на берегу, сидя на корточках и остря лопаты камнями.

Когда он в тот день снова позвал меня к реке, я думал, у него на уме что-нибудь в таком роде. Однако Лио вёл меня всё дальше, время от времени оглядываясь через плечо. По детским тайным экспедициям я знал, что он проверяет: видно ли нас из окон инспектората. Я привычно замолчал и тоже начал пробираться по тени, пока мы не дошли до места, где река на повороте подмыла берег,

образовав нависающий уступ. По счастью, никто там сейчас не вступал в отношения. Впрочем, место всё равно для этого не подходило: мокрая земля, куча насекомых и высокая вероятность, что инаки, проплывающие по реке на лодках, помешают в самый ответственный момент.

Лио повернулся ко мне. Я почти испугался, что сейчас услышу неприличное предложение.

Но, разумеется, нет. Это же был Лио!

— Пожалуйста, врежь мне по зубам, — сказал он. Как будто спину попросил почесать!

— Не буду врать, будто никогда не испытывал такого желания, — ответил я. — Но тебе-то это зачем?

— Обучение рукопашному бою входило в военную подготовку практически всегда, — объявил Лио, как будто наставлял фида. — Давным-давно замечено, что новобранцы — сколько бы они ни тренировались — склонны забывать всё выученное после первого удара в лицо.

— Первого в жизни?

— Да. В благополучном обществе, не одобряющем драк, это обычная проблема.

— Проблема, что тебе не бьют морду?

— Да, — отвечал Лио, — если ты вступаешь в рукопашный бой с человеком, который и впрямь

хочет тебя убить.

— Но, Лио, — сказал я. — Тебя ведь били в лицо. Во время аперта. Помнишь?

— Да. Я и пытался извлечь из этого урок.

— Так зачем мне снова тебя бить?

— Я хочу понять, извлёк ли.

— Почему я? Почему не Джезри? Он сильнее.

— В том-то и беда.

— Ясно. Тогда почему не Арсибальт?

— Он не сможет по-настоящему. А потом ещё будет ныть, что повредил руку.

— А как ты будешь объяснять за обедом, почему у тебя разбита физиономия?

— Скажу, что сражался с негодяями.

— Придумай что-нибудь получше.

— Что тренировался падать и неудачно приземлился.

— А если мне руку жалко?

Лио с улыбкой протянул кожаные рабочие рукавицы.

— Если боишься за руку, набей в них тряпья, — сказал он.

На реке показалась лодка с прасуурами Ильмой и Тамурой.

Мы сделали вид, будто выпалываем сорняки.

— Итак, — сказал Лио, когда лодка скрылась за

поворотом. — Моя задача — провести захват...

— Об этом мы не договаривались!

— Ничего такого, чего бы я не проделывал с тобою сто раз, — заверил Лио, видимо, полагая, что успокаивает меня. — Потому-то мы и здесь. — Он топнул по сырому песку. — Мягкая почва.

— Зачем?..

— Если я подниму руки, защищая лицо, у меня ничего не выйдет.

— Ясно.

Тут Лио без предупреждения повалил меня на землю.

— Ты проиграл, — объявил он, вставая.

— Ладно. — Я вздохнул и тоже поднялся на ноги. Лио тут же развернулся и снова меня повалил. Я легонько ударил его в голову, но с опозданием. На сей раз он бросил меня сильнее. Впечатление было такое, что я потянул все мышцы головы. Вставая, Лио оттолкнулся грязной пятерней от моей физиономии. Намёк был вполне ясный.

Теперь я попытался ударить всерьёз, но встал неустойчиво, и удар получился вялым. К тому же Лио нападал, сильно пригнувшись.

В следующий раз я согнулся, опуская центр тяжести, упёрся ногами в землю и всем корпусом, от бедра, двинул его в скулу.

— Классно! — простонал Лио, поднимаясь с меня. — Атеперь попробуй замедлить меня хоть на секунду. Ради этого всё и затевалось, помнишь?

Кажется, мы повторили ещё раз десять. Поскольку мне приходилось хуже, чем Лио, я в какой-то момент потерял счёт. В самый удачный заход мне удалось чуть-чуть сбить его с темпа, но он всё равно меня повалил.

— И долго мы так будем? — спросил я, лежа на дне Эразма-сообразного кратера. Пока я не встану, он меня не тронет.

Лио зачерпнул речной воды и плеснул себе в лицо, смывая кровь из-под носа и с бровей.

— Пока хватит, — сказал он. — Я выяснил, что хотел.

— И что же?

— Я понял, что после аперта внёс в свою технику нужные коррективы.

— Что?! Это всё было ради *отрицательного результата*?— завопил я, поднимаясь на колени.

— Можешь считать и так. — Лио снова зачерпнул горстями воду.

Я знал, что второй такой случай может не представиться, поэтому вскочил и пинком столкнул Лио в реку.

Позже, когда он занялся относительно нор-

мальным и мирным делом — принялся точить лопату, я заговорил о том, что видел на табуле: а именно о поведении Самманна во время полуденных визитов.

Устав мучиться мыслью, что меня разоблачили, я задумался над другими вопросами. Совпадение ли, что чехол нашёл тот самый ита, который встречался с Корд? Я решил, что либо совпадение, либо Самманн — высокопоставленный ита, ответственный за звездокруг. Так или иначе, нового направления мысли это не подсказало.

— Выдался ли эдод ида усдановить с добой связь? — спросил Лио, с трудом ворочая разбитыми губами.

— В смысле, проскользнуть ночью в матик и передать мне записку?

Мой ответ озадачил Лио, который проявил это своим обычным способом: расправив плечи. На некоторое время скрежет лопаты о камень умолк. Наконец Лио понял.

— Я имел в виду не «в реальном времени», а на табуле. Ну, ты понимаешь.

— Нет, Репей, должен сознаться, что решительно не понимаю.

— Никто не разбирается в слежке лучше этих ребят, — заметил Лио.

— То есть ты веришь в гипотезу светительницы Патагар?

Лио заметно огорчился моей наивности и вновь принялся точить лопату. От скрежета у меня сводило зубы, но я подумал, что тем, кто нас подслушивает, ещё хуже.

Видимо, это была моя новая роль в конценте светителя Эдхара: простодушный малый.

— Ладно, — сказал я. — Ответь мне на один вопрос. Если мы все у них под колпаком, значит, они знают про меня и про табулу?

— Надо полагать.

— Так почему ничего не происходит? — спросил я. — Трудно поверить, что Спеликон и Трестана не трогают меня из жалости.

— А на мой взгляд, удивляться нечему.

— Это как же?

Лио молчал долго — мне подумалось, что он сочиняет ответ на месте. Наконец он окунул точильный камень в реку и сказал:

— Ита не рассказывают инспектрисе всё, что знают. Трестане пришлось бы сидеть у них сутками, чтобы выслушать столько информации. Значит, ита решают, что сообщать ей, а что нет.

Слова Лио открывали простор для целой кучи интересных сценариев, и чтобы их обдумать,

требовалось время. Я не хотел и дальше стоять с открытым ртом, поэтому нагнулся за лопатой. Всё равно бы острее она уже не стала. Я огляделся, высматривая куст звездоцвета, который можно порубить. Потенциальная жертва сыскалась довольно скоро. Я шагнул к ней, Лио — за мной.

— Это очень большая ответственность для ита. — Я поднял лопату и обрушил её на корни звездоцвета. Несколько побегов упали на землю. Мне даже полегчало.

— Положим, они не глупее тебя, — сказал Лио. — Да сам подумай! Они кормятся тем, что управляют сложными синтаксическими аппаратами. Они создали авосеть. Уж им-то известно, что знание — сила. Применяя стратегию и тактику в отношении того, что говорить, они могут добиться чего хотят.

Я вырубил квадратный ярд звездоцвета, пока обдумывал его слова.

— Ты хочешь сказать, что существует целый неизвестный нам мир отношений между ита и иерархами.

— Должен существовать. Иначе они не были бы людьми, — ответил Лио.

И тут он применил гипотрохийную трансквестиацию: сменил тему — неявно подразумевая,

что обсуждение закрыто: он выиграл, а я проиграл.

— Итак, возвращаясь к моему вопросу: подаёт ли тебе Самманн какие-нибудь знаки? Или хотя бы он знает, что его изображение записывается. Он как-нибудь это показывает?

Лио бросил камень, которым точил лопату, в реку.

Правильный ответ на гипотрохийную трансквестиацию: «Эй, погоди! Мы ещё не договорили!», но вопрос Лио был таким интересным, что я не стал возмущаться.

— Не знаю, — сказал я и потом целую минуту с наслаждением рубил звездоцвет. — Но мне надоело мерить транспортиром куски торта, а на что смотреть дальше, я не знаю. Так что попробую проверить.

После этого я неделю не мог попасть в подвал. Концент готовился праздновать равноденствие, и я репетировал песнопения. Война сорняков достигла той стадии, когда требовалось сделать хотя бы одну зарисовку. Мне надо было засаживать свой клуст. Если я оказывался свободен, во владении Шуфа кто-нибудь был. Оно явно входило в моду!

— Бойся своих желаний, — посетовал как-то

Арсибальт. Я помогал ему нести рамки для ульев в столярную мастерскую. — Я приглашал всех во владение — теперь люди приходят, и я не могу там работать!

— Я тоже.

— А теперь вот! — Он взял шпатель (на мой взгляд, совершенно для этой работы непригодный) и принялся рассеянно ковырять подгнившее дерево в углу рамки. — Катастрофа!

— Ты что-нибудь знаешь про работу с деревом? — спросил я.

— Нет, — признался он.

— А про метатеорические труды фраа Пафлагона?

— Про них кое-что знаю, — сказал Арсибальт. — Более того, я уверен, что Ороло старался нас к ним направить.

— Как?

— Помнишь последний диалог с ним?

— Про розовых нервногазопукающих драконов. Конечно.

Арсибальт скривился:

— Надо будет придумать более достойное название, прежде чем мы увековечим его в чернилах. Так или иначе, я уверен, что Ороло убеждал нас задуматься над некоторыми идеями, важными

для его наставника.

— Если так, странно, что он не упомянул Пафлагона, — заметил я. — Разговор про последние труды светителя Эвенедрика заходил, а вот...

— Одно из другого вытекает. Со временем мы неизбежно должны были набрести на Пафлагона.

— Ты — наверное, — сказал я. — А о чём он пишет?

Вопрос был совершенно естественный, однако Арсибальт мялся.

— О том, за что процианe нас ненавидят.

— Типа Гилеина теорического мира? — спросил я.

— Так бы они это назвали, чтобы уличить нас в наивности. Однако со времён Протеса концепция ГТМ развилась в более сложную метатеорику. Взгляды Пафлагона по сравнению с классическим протесизмом — всё равно что современная теория групп по сравнению со счётом на пальцах.

— Но по-прежнему с ним связаны?

— Разумеется.

— Мне просто вспомнился мой разговор с инквизитором.

— Вараксом?

— Его интерес к теме... — начал я.

— Поправка: его интерес к тому, интересует ли нас эта тема.

— Да, верно. Не лишнее ли это свидетельство в пользу существования гипотетического влиятельного фида сууры Акулой?

— Думаю, нам следует осторожнее строить догадки насчет ГВФСА, пока суура Тулия не подтвердила, что такое лицо есть, — сказал Арсибальт. — Иначе мы нагородим гипотез, которые не выдержат проверку весами.

— Можешь ли ты, не вываливая на меня все свои знания, объяснить, что в трудах Пафлагона могло показаться для мирянина практически применимым?

— Да, — сказал он. — Если ты починишь мне рамки.

— Ты слышал про ускорители?

— Конечно, — отвечал я. — Установки эпохи Праксиса. Гигантские и дорогущие. На них проверяли теории об элементарных частицах и силах.

— Да, — сказал Арсибальт. — То, что нельзя проверить, не теорика, а метатеорика. Область философии. Так что, если принять этот взгляд, границу между теорикой и философией определяет наше экспериментальное оборудование.

— Хм. Держу пари, философ бы тебе за такие

слова в глотку вцепился. У тебя получается, что философия — просто плохая теорика.

— Некоторые так и считают, — согласился Арсибальт. — Но они говорят не о философии, *как определили бы её философы*, а о том, что делают теоры, когда заканчиваются возможности их оборудования. Они доводят философов до белого каления, называя это философией или метатеорикой.

— О чём ты?

— Ну, они пускаются в рассуждения о том, какой будет следующая теория. Развивают её и пытаются вывести проверяемые следствия. В конце эпохи Праксиса такая проверка подразумевала строительство всё более гигантских и дорогих ускорителей.

— А потом случились Ужасные события.

— Да, и теоры лишились своих дорогостоящих игрушек, — сказал Арсибальт. — Но не ясно, вправду ли это что-нибудь изменило. Ещё раньше самые большие установки были на грани того, что можно построить на Арбе за вообразимые деньги.

— Я и не знал. Мне всегда казалось, что количество денег не ограничено.

— Может быть, — сказал Арсибальт, — но почти

все они идут на порнографию, сладкую воду и войну. На ускорители остаётся самая малость.

— Значит, поворот к космографии мог бы произойти и без Реконструкции.

— Он начался в самом конце эпохи Праксиса, — сказал Арсибальт, — когда теоры смирились с мыслью, что необходимые установки на их веку уже не построят.

— Так что им осталось только обратить взгляды в космос.

— Да, — сказал Арсибальт. — И со временем мы получаем таких, как фраа Пафлагон.

— Каких? Совмещающих теорику с философией?

Арсибальт задумался.

— Я пытаюсь уважить твою просьбу не заваливать тебя Пафлагоном, — объяснил он и, поймав мой взгляд, добавил: — Но это усложняет мне задачу.

— Услуга за услугу, — заметил я, показывая пилу, которой как раз орудовал.

— Пафлагон — и, видимо, Ороло — наследники таких, как Эвенедрик.

— Теоров, обратившихся к философии, когда теорика остановилась.

— Замедлилась, — поправил меня Арсибальт,

— в ожидании результатов из мест вроде Бунжо.

Концент светителя Бунжо выстроили рядом с заброшенной соляной шахтой, уходящей на две мили в глубину. Тамошние милленарии посменно сидят в полной тьме перед кристаллическими детекторами элементарных частиц, дожидаясь вспышек. Каждую тысячу лет они публикуют свои результаты. После первого тысячелетия они с уверенностью сообщили о трёх вспышках, но с тех пор не зафиксировали ни одной.

— А тем временем теоры забавлялись с идеями, которые люди вроде Эвенедрика придумали, дойдя до границ теорики?

— Да, — сказал Арсибальт. — Таких идей к Реконструкции была целая куча, всё сплошь вариации на тему поликосмизма.

— Идеи, что наш космос не единственный.

— Да. Об этом-то Пафлагон и писал, когда не был занят изучением нашего космоса.

— Кажется, я запутался. Вроде бы минуту назад ты говорил, что он занимался ГТМ.

— Да. Но протесизм — веру в то, что существует иной уровень бытия, царство чисто теорических форм, — можно считать самой ранней и простой из поликосмических теорий, — пояснил Арсибальт.

— Поскольку он постулирует существование двух космосов, — проговорил я, стараясь уловить его мысль. — Одного для нас и другого для равносторонних треугольников.

— Да.

— Но поликосмические гипотезы, о которых я слышал — те, что возникли перед Реконструкцией, — совсем другая история. В них существуют космосы, похожие на наш, хоть и отделенные от него. С материей, энергией и полями. Изменяющиеся. Никаких вечных треугольников.

— Не всегда такие похожие, как ты думаешь, — сказал Арсибальт. — Пафлагон вслед за своими предшественниками считает, что классический протесизм — просто одна из поликосмических теорий.

— Да как же...

— Этого я не могу объяснить, не рассказав всё. — Арсибальт поднял пухлые руки. — А подвожу, собственно, к тому, что он верит в некую форму Гилеина теорического мира. А также в другие космосы. Этими темами и увлечена суура Акулоа.

— Так что, если ГВФСА действительно существует...

— Он призвал Пафлагона, потому что поликосмизм внезапно сделался актуален, — закончил

Арсибальт.

— И мы предполагаем, что события, сделавшие его актуальным, также спровоцировали закрытие звездокруга.

Арсибальт пожал плечами.

— И что же это может быть?

Он снова пожал плечами.

— Тут уж вы с Джезри думайте. Только не забывайте, что бонзы могут и просто ошибаться.

Наконец однажды я спустился в склеп под владением Шуфа и три часа подряд смотрел, как Самманн ест. Он приходил каждый день, но не всегда в одно время. Если позволяла погода, он садился на парапет, клал рядом салфетку, доставал еду и перекусывал, любуясь окрестностями. Иногда он читал книгу. Я не мог определить, что там у него, но выглядело это куда аппетитнее наших обедов. Иногда северо-восточный ветер доносит до нас запахи итовской кухни. Нам всегда казалось, что ита нарочно нас дразнят.

— Результаты! — объявил я Лио, когда следующий раз оказался с ним на лугу. — Или типа того.

— Ну?

— Кажется, ты был прав.

— В чём?

Прошло уже столько времени, что Лио забыл наш разговор про Самманна. Когда я ему напомнил, он обалдел.

— Ну, класс!

— Может быть. Я пока ещё не знаю, как всё это понимать.

— А что он делает? Держит перед Оком Клесфиры табличку? Разговаривает на языке жестов?

— Нет, для такого Самманн слишком умён, — сказал я.

— Что? Ты говоришь, будто о старом друге.

— Я уже примерно так к нему отношусь. Мы столько раз перекусывали вместе.

— И как же он с тобой говорит? В смысле, говорил.

— Первые шестьдесят восемь дней он молчит, как рыба, — сказал я. — На шестьдесят девятый день кое-что происходит.

— На шестьдесят девятый? Это по обычному календарю когда?

— Примерно через две недели после солнцестояния. Девять дней до того, как отбросили Ороло.

— Ясно. И что делает Самманн на шестьдесят девятый день?

— Ну, обычно он поднимается по лестнице, снимает с плеча сумку и вешает на выступ парапета.

Протирает оптику. Потом садится на парапет — он там плоский, шириной примерно в фут, — вынимает из сумки еду и перекусывает.

— Ага. Так в шестьдесят девятый день что?

— Кроме сумки у него что-то вроде книги. В руке. Первым делом он кладёт эту штуку на парапет. Потом принимается за обычные дела.

— То есть она лежит напротив Ока Клесфиры?

— Вот именно.

— И ты можешь её увеличить?

— Конечно.

— И прочесть название?

— Это вовсе не книга, Лио. Это чехол. Как тот, который Самманн поднял в первый день. Только больше и тяжелее, потому что в нём...

— Другая табула! — воскликнул Лио и задумался. — Понять бы ещё, что это значит.

— Надо полагать, он только что забрал её в другом месте.

— И он ведь не оставляет её на парапете?

— Нет, заканчивает есть и уносит её с собой.

— Интересно, почему он забирает табулу именно в этот день.

— Думаю, примерно тогда расследование фраа Спеликона начало по-настоящему набирать обороты. Теперь вспомни: когда я во время анафема,

в семьдесят восьмой день, пробрался на звездокруг, я проверил МиМ...

— И не нашёл табулы, — кивнул Лио. — Итак. На шестьдесят девятый день Спеликон, вероятно, велел Самманну забрать табулу, которую Ороло оставил в МиМ. Самманн послушался. Но Спеликон не знал про ту, которую ты положил в Око Клесфиры, поэтому её не потребовал.

— Но Самманн знал, — напомнил я. — Он заметил её на второй день.

— И решил не говорить Спеликону. Но в шестьдесят девятый день он не стал скрывать, что вытащил табулу Ороло. — Лио замотал головой. — Не понимаю. Чего ради он шёл на риск, чтобы тебе это показать?

Я развёл руками.

— Может, для него это не такой и риск. Он и без того ита. Что ему могут сделать?

— Верно. Вряд ли они так дрожат перед инспектрисой, как мы.

Меня задело напоминание, что мы дрожим, но, учитывая, как я таился в последнее время, спорить было трудно.

Я понял, что пришёл в себя. Пережил утрату Ороло. Забыл свои горе и гнев. А сейчас, упомянув инспектрису, Лио мне всё напомнил.

Так или иначе, воцарилась долгая пауза, пока Лио переваривал услышанное. Мы даже немного продвинулись в работе. В смысле, над сорняками.

— Ладно, — сказал он наконец. — И что потом?

— Семидесятый день, пасмурно. Семьдесят первый, снег. Семьдесят второй, снег. Ничего не видно, потому что линзу запорошило. Семьдесят третий день — ясно. Почти весь снег растаял до того, как пришёл Самманн. Он протирает оптику и перекусывает. На нём защитные очки.

— Типа солнечных?

— Больше и темнее.

— Как у горнолыжников?

— Сперва я так и подумал. Мне пришлось посмотреть семьдесят третий день трижды, прежде чем я сообразил.

— Что тут соображать? — спросил Лио. — Яркое солнце, снег, он в чёрных очках.

— Очень чёрных, — сказал я. — Не просто для отдыха на природе. Я видел такие, Лио. Во время аперта, когда смотрел на Самманна и Корд в цехе. Они их надели, чтобы защитить глаза от электрической дуги. Она была яркая, как солнце.

— Но с чего Самманну надевать такие очки, чтобы протирать объективы?

— Пока он протирает объективы, очки висят у него на шее, — сказал я. — Потом он надевает их и перекусывает, как обычно. Но во всё время еды он смотрит прямо на солнце. *Самманн наблюдает за солнцем*.

— А до семьдесят девятого дня он этого не делал?

— Нет. Никогда.

— Так ты думаешь, он что-то узнал?..

— Возможно, из табулы Ороло? — сказал я. — Или от Спеликона? Или от других ита по авосети? Птичка напела?

— Зачем смотреть на солнце? Это абсолютно в стороне от того, чем ты занимался.

— Абсолютно. Но это что-то. Большой толстый намёк. Подарок Самманна.

— И что, ты тоже начал смотреть на солнце?

— У меня нет защитных очков, — напомнил я. — Но у меня есть двадцать с лишним ясных дней, записанных на табулу. Так что с завтрашнего дня я могу хотя бы посмотреть, что солнце делало три и четыре месяца назад.

****

***Большая тройка**, конценты св. Мункостера, св. Тредегара и св. Барито,*

расположенные близко один от другого и обладающие рядом сходным черт: все три основаны в нулевом году, относительно многолюдны и славятся прошлыми достижениями.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

На следующее утро, после теорической лекции, мы с Джезри и Тулией разговаривали на лугу. Был первый по-настоящему погожий весенний день, все вышли прогуляться, и мы считали, что не привлекаем к себе внимания.

— Кажется, я нашла ВФСА, — объявила Тулия.

— ГВФСА, — поправил Джезри.

— Нет, — сказал я. — Если Тулия его нашла, он уже не гипотетический.

— Поправка принята, — сказал Джезри. — Кто этот влиятельный фид?

— Игнета Фораль, — ответила Тулия.

— Фамилия смутно знакомая, — заметил Джезри.

— Форали разбогатели несколько столетий назад, то есть, по мирским меркам, это древнее и солидное семейство. Они тесно связаны с матическим миром — особенно с Барито.

Концент светительницы Барито стоит в устье

большой реки. Когда она не пересыхает и не меняет русло, а уровень моря ведёт себя прилично и оно не забито паковым льдом, здешние формы рельефа образуют большую удобную гавань. Примерно треть времени, прошедшего от Реконструкции, вокруг стен Барито существовал большой город, не всегда один и тот же, конечно. Концент процветал в том числе за счёт поддержки таких людей, как Форали. Многие будущие политики, юристы и бизнесмены учились в унарском матике Барито у тамошних процианн.

— Что нам позволено о ней знать? — спросил Джезри.

Он очень точно сформулировал вопрос. Раз в год, на свой аперт, унарии получают сводку мирских новостей за прошедший год. Перед каждым деценальным апертом они просматривают предыдущие ежегодные сводки и составляют десятилетнюю, которая и поступает в нашу библиотеку. Критерий отбора один: событие должно по-прежнему представлять интерес. Это исключало почти все новости, заполнявшие мирские ежедневные газеты и передачи. Джезри спрашивал Тулию, совершила ли Игнета Фораль что-нибудь достойное итоговой сводки.

— Она занимала важный пост в правительстве

— входила в число самых высокопоставленных людей — и выступала против небесного эмиссара. Он её убрал.

— Казнил?

— Нет.

— Бросил в темницу?

— Нет. Просто уволил. Думаю, теперь она на какой-то другой работе и по-прежнему обладает достаточным влиянием, чтобы призвать столетника.

— Так она была фидом сууры Акулой?

— Игнета Фораль провела шесть лет в унарском матике Барито и написала работу по сравнению трудов Пафлагона с трудами некоторых... э...

— Людей вроде Пафлагона, — нетерпеливо закончил Джезри.

— Да, прошедших столетий.

— Ты её прочла?

— У нас нет экземпляра. Может быть, через десять лет. Я сходила в нижний лабиринт и просунула через решётку запрос.

Кому-то в Барито — скорее всего фиду-унарию — придётся переписать работу Фораль от руки и прислать нам. Когда книга очень популярна, фиды делают это по собственному почину, и книги расходятся по другим матикам.

— Богатая семья могла бы и машинным способом напечатать, — заметил Джезри.

— Слишком вульгарно, — сказала Тулия. — Однако я знаю название. «Множественность миров. Сравнительный анализ халикаарнийских поликосмических воззрений».

— Хм. Чувствуешь себя букашкой под процианской лупой, — заметил я.

— В Барито процианe очень сильны, — напомнила Тулия. — Фораль недалеко бы уехала, если бы назвала работу «Почему халикаарнийцы настолько умнее нас».

Я с опозданием вспомнил, что Тулия теперь принадлежит к процианскому ордену.

— Итак, она изучала поликосмизм, — сказал Джезри, пока мы не переругались. — Какое событие доступно наблюдениям со звездокруга и одновременно делает актуальным поликосмический взгляд? — Он никогда не задавал такого рода вопросов, если не знал ответа заранее. — Держу пари, что-то не так с солнцем.

Я было фыркнул, но сдержался, вспомнив, что Самманн и впрямь смотрел на солнце.

— Что-то видимое невооружённым глазом?

— Солнечные пятна. Вспышки на солнце. Они могут влиять на нашу погоду и всё такое. А с эпо-

хи Праксиса атмосфера нас от них не защищает.

— Если так, то почему Ороло смотрел на полюс?

— Полярное сияние, — безапелляционно заявил Джезри. — Оно отзывается на солнечные вспышки.

— За всё это время у нас не было ни одного приличного северного сияния, — заметила Тулия, улыбаясь, как довольная кошка.

— Видимых невооружённым глазом —да, — сказал Джезри. — А вот на нашей табуле можно будет прекрасно изучить не только полярное сияние, но и само солнце.

— Занятно, что когда на ней есть что-нибудь хорошее, она становится «нашей» табулой, — проговорил я задумчиво.

— Если суура Трестана проведает, табула снова станет «твоей», — сказала Тулия. Мы с ней рассмеялись, Джезри — нет.

— Говоря серьёзно, — продолжила Тулия, — эта гипотеза не объясняет, почему призвали Пафлагона. Вспышки на солнце может изучать любой космограф.

— Ты спрашиваешь, в чём связь с поликосмизмом? — уточнил Джезри.

— Да.

— Может, её и нет, — предположил я. — Может, Игнете Фораль понадобился космограф, и она случайно вспомнила Пафлагона.

— Может, её осудили за ересь, а Пафлагона выдернули, чтобы сжечь вместе с ней, — добавил Джезри.

За несколько минут мы придумали ещё с пяток подобных гипотез, потом отбросили их все и согласились, что Пафлагона призвали по какой-то существенной причине.

Джезри сказал:

— Древние теоры начали говорить о поликосме в связи со звёздами: как они рождаются и что в них происходит.

— Нуклеосинтез и всё такое, — подхватила Тулия.

— А ещё — как при взрыве звёзд образуются планеты...

— И мы, — закончил я.

— Да, — сказал Джезри. — Отсюда вопрос: почему все эти процессы в точности таковы, чтобы вести к возникновению жизни? Вопрос скользкий. Богопоклонники говорят: «Бог создал космос специально для нас». Но поликосмический ответ таков: «Нет, космосов много, одни годятся для жизни, другие нет — мы видим лишь тот, в

котором можем существовать». Вот истоки той философии, которую нравится изучать сууре Акулое.

— Теперь я, кажется, понимаю, почему ты заговорил про солнце, — сказал я. — Может, с ним и правда что-то не так. Например, получены новые данные, и они противоречат теорике того, что должно происходить в недрах звёзд. И следствия затрагивают поликосмические теории, которыми занимается Пафлагон.

— Или — более вероятно — так ошибочно полагает Игнета Фораль, поэтому она отправила Пафлагона ловить чёрную кошку в тёмной комнате, — сказал Джезри.

— У меня сложилось впечатление, что она очень умна, — возразила Тулия, но Джезри уже не слушал. Он повернулся ко мне: — Я хочу посмотреть табулу вместе с тобой. Или без тебя, если тебе некогда.

Его предложение не понравилось мне по двенадцати разным причинам, но я не мог этого сказать, не выставив себя свиньёй и не создав впечатление, будто хочу монополизировать табулу.

— Хорошо, — сказал я.

— А ты уверен, что это стоит делать? — спроси-

ла Тулия, ясно давая понять, что, по её мнению, не стоит. Назревала ссора, но тут мы увидели, что к нам решительно направляется суура Ала.

— Ох-хо, — проговорил Джезри.

Я никогда не мог сформулировать, в чём Алина необычность. Порой во время лекций или провенера я ловил себя на том, что с любопытством её разглядываю. Лицо у неё было круглое, а шея — тонкая, что ещё подчёркивалось короткой стрижкой. (Ала подстриглась в аперт и с тех пор кто-то из суур подравнивал ей прическу.) Глаза и рот большие, носик — маленький, острый, да и вся она была маленькая и худая, особенно рядом с округлой Тулией. Почему-то чувствовалось, что облик очень подходит к её характеру.

— Восьмисотый раз за последние три месяца фраа Эразмас в центре оживлённого разговора. Вдали от чужих ушей. Выразительно поглядывает на небо и на владение Шуфа, — начала она, не теряя времени на приветствия. — Не трудитесь оправдываться, я знаю, вы что-то задумали. Много недель назад.

Мы довольно долго стояли в молчании. Сердце у меня колотилось. Ала обводила наши лица глазами-прожекторами.

— Ладно, не будем трудиться, — сказал Джезри,

но на большее его не хватило. Вновь наступила долгая тишина. Я ждал, что сейчас Ала вспыхнет и пригрозит нам инквизицией. Но нет — лицо её как будто осунулось, и мне показалось, что сейчас на нём проступят другие чувства — я не знал какие. Однако Ала только решительно сдвинула брови, повернулась к нам спиной и зашагала прочь. Когда она отошла на несколько шагов, Тулия припустила следом. Мы с Джезри остались вдвоем.

— Жуть, — сказал он.

— Думаешь, она нас заложит? — Я постарался произнести это иронически, в смысле: «ты правда такой дурак, что думаешь, будто она нас заложит?», но Джезри принял мои слова за чистую монету.

— Для неё это отличный способ выслужиться перед инспектрисой.

— Однако она специально подошла к нам, когда никого рядом не было, — напомнил я.

— Может, она хочет потребовать от нас плату за молчание?

— Что мы можем ей предложить? — фыркнул я.

Джезри задумался и пожал плечами.

— Себя?

— А вот теперь ты пошлишь. Почему не сказать хотя бы «свою любовь»?

— Потому что я не питаю любви к Але, — буркнул Джезри, — да и она ко мне.

— Брось, не такая уж она гадкая.

— Как ты можешь так говорить после того, что она нам устроила?

— Может, она просто хотела предупредить, что мы слишком заметно себя ведём.

— Ну, тут она права, — согласился Джезри. — Хватит нам говорить на виду у всего матика.

— Ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Да. Нижний подвал Шуфова владения, следующий раз, как Арсибальт подаст знак.

Случай представился меньше чем через четыре часа. Внешне всё шло гладко. Арсибальт подал знак. Мы с Джезри заметили это из разных мест и пришли во владение Шуфа независимо. Никого, кроме Арсибальта, там не было. Мы с Джезри спустились в склеп и приступили к работе.

С другой стороны, всё с самого начала было не так. Я ходил во владение Шуфа окольной дорогой, через страничную рощу, каждый раз немного другим путём, Джезри же отправился от моста прямым курсом. Впрочем, нельзя сказать, что

я больше преуспел в конспирации, поскольку встретил не менее четырёх гуляющих инаков, а перед самым владением Шуфа чуть не споткнулся о сууру Тари и фраа Бранша, которые тесно общались, глубоко забравшись друг дружке в стлы.

Я вошёл в здание с намерением отменить всю затею, но Джезри уговорил меня спуститься. Арсибальт, уже порядком напуганный, остался нести дозор. Итак, мы втиснулись в крохотный склеп, где я столько времени провёл в одиночестве. Но с Джезри всё было иначе. Я привык к геометрическому искажению от «рыбьего глаза», он — нет, и долго увеличивал разные предметы просто чтобы посмотреть, как они выглядят. Я в первые разы проделывал то же самое, но сейчас мне хотелось на него заорать. Джезри как будто не понимал, что у нас нет времени. Заинтересовавшись чем-то, он говорил слишком громко. Обоим нам пришлось выходить в сортир; я объяснил Джезри, что приоткрытая дверь означает: «в здании никого нет».

Прошло, наверное, часа два-три, прежде чем мы занялись, наконец, солнцем. Табула позволяла изучать его не хуже, чем далёкие звёзды. Её яркость была ограничена, поэтому солнце представало не слепящим термоядерным шаром,

а чётко очерченным диском — ярким, разумеется, но не таким, чтобы на него нельзя было смотреть. Если увеличить изображение и уменьшить яркость, можно было увидеть пятна. Я не мог сказать, слишком ли их много. Джезри тоже. Ещё приглушив солнечный диск, мы поискали на лимбе вспышки, но тоже ничего особенного не нашли. Ни я, ни он в этом толком не разбирались. Мы никогда прежде не обращали особого внимания на солнце, считая его противной и непредсказуемой звездой, помехой в изучении других звёзд.

Отчаявшись и убедив себя, что гипотеза про Самманна и очки неверна, а мы зазря убили полдня, мы пошли наверх, но дверь оказалась закрыта. В здании кто-то был.

Мы прождали полчаса. Возможно, Арсибальт закрыл дверь по ошибке: я тихонько поднялся и приложил к ней ухо. Арсибальт с кем-то разговаривал, и чем дольше я вслушивался в приглушённые голоса, тем больше убеждался, что с ним суура Ала. Она нас выследила!

На моё сообщение о том, что происходит, Джезри ответил очередной гадостью про Алу. Получасом позже она всё ещё была там. Нам с Джезри отчаянно хотелось есть. Арсибальт на-

верняка впал в животную панику.

Очевидно, по меньшей мере один человек раскрыл (или вот-вот должен был раскрыть) нашу тайну. Мы сидели в темноте на корточках, запертые, как крысы, и обдумывали последствия. Вести себя так, будто ничего не произошло, было бы глупо. Поэтому мы вынули из-под себя полипласт, завернули в него табулу и затолкали её так далеко, как только смогли, — в самое дальнее место, которое Арсибальт успел раскопать. Потом мы взяли лопату и накидали сверху четыре фута земли, основательно при этом перемазавшись. Затем я снова поднялся по лестнице и приложил ухо к двери. На сей раз я ничего не услышал. Однако дверь была по-прежнему закрыта.

— Видимо, Арсибальт променял нас на ужин, — сказал я, спустившись в склеп. — Но держу пари, Ала ещё там.

— Не в её характере бросать неоконченное дело, — заметил Джезри.

— Впервые слышу, как ты говоришь о ней что-то хорошее.

— Так что, по-твоему, нам делать, Раз?

Никогда прежде Джезри не интересовался моим мнением по какому бы то ни было поводу. С минуту я смаковал новое ощущение, потом

сказал:

— Если она намерена нас заложить, то мне в любом случае крышка. Но ты ещё можешь выкрутиться. Так что выйдем вместе. Накройся стлой и дуй прямиком к чёрному ходу. Я заговорю с Алой — ты за это время успеешь скрыться.

— Договорились, — сказал Джезри. — Спасибо, Раз. И учти: если она тебя домогается...

— Заткнись.

— Ладно, пошли. — Джезри натянул стлу на лицо, но я заметил, что одновременно он трясёт головой. — И вот такое у нас тут считается захватывающими приключениями!

— Может быть, твое желание сбудется, и с миром что-нибудь произойдёт.

— Я думал, что уже, — сказал Джезри, кивая на то место, где мы спрятали табулу. — Но пока ничего нет, кроме солнечных пятен.

Дверь открылась, и на нас упал свет.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала суура Ала. — Выход потеряли?

Джезри был закутан с головой — его лица она не видела. Он взбежал по лестнице, почти что оттолкнув Алу, и ринулся к чёрному ходу. Я рванул за ним и оказался лицом к лицу с Алой в тот самый миг, как сверху раздался ужасающий

грохот. Джезри растянулся на пороге, укрытый задравшейся стлой от пояса и выше.

— Без толку прятаться, Джезри. Я твою улыбку везде узнаю! — крикнула Ала.

Джезри встал на четвереньки, натянул стлу на зад, вскочил и был таков. Теперь, когда мои глаза привыкли к свету, я увидел, что Ала натянула поперёк выхода свою хорду, примерно на уровне щиколоток, привязав её к двум стульям. Неподвязанную стлу она придерживала рукой.

— Арсибальт ушёл час назад. — Ала наклонилась, чтобы отвязать хорду. — Думаю, из него половина жира с п**о**том вытекла.

Я даже не улыбнулся, прекрасно понимая, что при желании она может сказать что-нибудь не менее смешное про меня или про Джезри.

— Никак, язык проглотил? — спросила Ала после довольно долгого молчания.

— Многие ли ещё знают?

— Ты хочешь знать, многим ли я сказала? Или многие ли догадались сами?

— Э... наверное, и то, и то.

— Я никому не говорила. Что до второго вопроса, догадаться мог каждый, кто смотрит на тебя столько же, сколько я. То есть, думаю... никто.

— А почему ты столько на меня смотришь?

Она закатила глаза.

— Отличный вопрос!

— Послушай, Ала, чего ты добиваешься?

— По правилам игры я не должна тебе говорить.

— Если ты хочешь стать кем-то вроде младшей инспектрисы — Трестаниной добровольной помощницы, — то вперёд! Иди и скажи ей. На рассвете я выйду в дневные ворота и отправлюсь искать Ороло.

Ала как раз завязывала хорду. При моих словах её стла как будто стала в два раза больше — так сжалась сама Ала. Из неё словно выпустили весь воздух. Большие глаза на мгновение закрылись. Другая девушка на её месте разрыдалась бы.

Не могу описать, каким чудовищем я себя почувствовал. Я прислонился к стене и с размаху саданул о неё затылком, как будто хотел вырваться из своей омерзительной оболочки. Никакого результата.

Ала открыла глаза. Они блестели от слёз, но видели всё. *Догадаться мог каждый, кто смотрит на тебя столько же, сколько я. То есть, думаю... никто.*

Голосом тихим почти до неразличимости она проговорила:

— Тебе помыться надо.

Первый раз в жизни до меня дошёл второй смысл сказанного. Но Ала уже исчезла.

****

***Одиннадцать**, список растений, запрещённых в интрамуросе, обычно из-за их нежелательных фармакологических свойств. Канон требует, чтобы всякое такое растение, обнаруженное в матике, незамедлительно вырвали и сожгли, а само событие занесли в хронику. В изначальном перечне, составленном св. Картазией, приведены лишь три растения, но их число увеличивалось по мере изучения Арба и открытия новых видов.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Я стал бы богопоклонником и отправился в паломничество хоть на край света, чтобы найти чудесный источник и смыть ощущение собственной мерзости. Тяготы пути стали бы удовольствием по сравнению с тем, что мне пришлось вытерпеть за следующую неделю. Нет, Ала никому ничего не сказала — гордость не позволила. Но все остальные сууры, начиная с Тулии,

видели, что ей плохо. К завтраку следующего дня они сошлись во мнении, что виноват я. Интересно, как такое происходит. Моя первая гипотеза (неверная) состояла в том, что Ала прибежала домой и передала наш разговор полному калькорию возмущённых суур. Вторая: она пропустила ужин и вернулась несчастная, а я пришёл чуть позже, стараясь никому не попадаться на глаза: эрго, я как-то дурно с ней поступил. Только позже я понял куда более простую истину: они видели, что Ала в меня влюбилась, и раз она страдает, значит, я сделал что-то — не важно что — нехорошее.

В одночасье меня отбросило всё младшее женское население матика. Все девушки были возмущены — это читалось на каждом обращённом ко мне девичьем лице.

Со временем дело только усугубилось. Лучше бы Ала написала отчёт о случившемся и пришпилила мне на грудь. Поскольку информация была нулевая, в ход пошли домыслы. Молодые сууры от меня шарахались. Старшие смотрели осуждающе. Не важно, что ты сделал, молодой человек... мы знаем, что ты чего-то натворил.

Я не видел Алу четыре дня, что было статистически невозможно. Следовательно, другие сууры

отслеживали мои перемещения и предупреждали Алу, куда не ходить.

Арсибальт так перепугался, что два дня вообще ни с кем не говорил. На третий день он явился к ужину весь грязный и шёпотом сообщил мне, что выкопал табулу оттуда, куда спрятали её мы с Джезри («там любой дурак найдёт») и переложил в более удачное место («действительно надёжное»).

Мы с Джезри понимали, что бессмысленно искать вещь, которую Арсибальт считал надёжно спрятанной. Оставалось только ждать, когда он успокоится.

Я понял, почему не вижу Алу: они с Тулией торчали в соборе, что-то делали с колоколами, репетировали какие-то особенные звоны и передавали свои знания младшим девушкам, которые со временем должны были их сменить.

Солнечных дней было все больше. Глядя наверх, я иногда видел, как Самманн перекусывает и упорно смотрит на солнце через очки. Мыс Джезри обсуждали, не закоптить ли стекло и не сделать то же самое, но знали, что если закоптим недостаточно, то ослепнем. Я даже подумывал о том, чтобы перелезть через стену, сбегать в машинный цех и одолжить маску у Корд, но на

самом деле я просто искал способ отвлечься от мыслей про Алу. Сначала мне казалось, что речь только о спасении моей репутации. Потом я задумался серьёзнее и понял, что проблема куда глубже: я обидел человека в тот момент, когда он открыл мне душу. Теперь Алина душа закрылась. Загладить обиду мог только я, но для этого надо было заключить перемирие, а я не знал как, особенно учитывая крутую Алину натуру.

И вот однажды, когда я выстраивал боевые порядки сорняков, мне пришло в голову, что в случае Алы может сработать одностороннее разоружение. Наши с Лио труды на берегу обеспечили мне близкий контакт с множеством полевых цветов. Девушки были на звоннице. Внезапно всё стало самоочевидно. Я начал осуществлять план ещё до того, как окончательно его сформулировал, и через десять минут походкой лунатика уже поднимался по ступеням собора. В руке я держал букет, прикрывая стлой, поскольку один цветок принадлежал к одиннадцати, а мне надо было пронести его через двор инспектората.

Решётка была по-прежнему закрыта, лестница на аркбутане недоступна, верхняя часть президия — недосягаема. К колоколам вела лестница из

дефендората. Дальше служебной будки под колокольным механизмом по ней было не подняться, и я мог идти без страха, что меня заподозрят в попытке глянуть на запретное небо.

В будке размещался механизм часового боя. Из люка долетали голоса Алы и Тулии. Сердце у меня стучало, как колокол; я изо всех сил цеплялся за перекладины, чтобы не упасть. Букет я сунул за пазуху, чтобы освободить руки, и теперь потел прямо на цветы. Тулия что-то сказала — наверное, остроумное, потому что следом прозвучал Алин смех. Я обрадовался, что она может смеяться, потом почему-то расстроился, что она уже из-за меня не страдает.

Не было никаких способов сгладить внезапность своего появления. Я толкнул люк. Девушки замолчали. Я просунул в дыру букет и бросил его вбок, надеясь, что он произведёт более благоприятное впечатление, чем моё лицо, от которого в последнее время молодые особы женского пола разбегались с визгом. Но я лишь оттягивал неизбежное. Я никак не мог оставить своё лицо позади: мы с ним должны были появиться одновременно. Я просунул свою жалкую физиономию в дыру и огляделся, но ничего не увидел: окна будки были занавешены. Однако девушки при-

выкли к темноте и сразу меня узнали. Тишина стала ещё более тихой, если такое возможно. Я втянул остального себя в люк.

Тулия засветила сферу. Девушки сидели бок о бок на полу у самой стены. Мне стало интересно зачем, но я не смел открыть рот и спросить. Поэтому я встал на колени у края люка, лицом к букету, и только тогда сообразил, что у меня нет плана и я не знаю, что говорить. Однако я рос вместе с суурой Алой, знал её характер и решил, что самый безопасный путь — спросить разрешения.

— Ала, я хотел бы подарить тебе вот это, если ты не против.

По крайней мере одна из девушек ахнула. Возражений ни та, ни другая не высказала. Будка оказалась больше, чем я думал, но так заполнена балками и трубами, что я не знал, смогу ли выпрямиться, и пополз вперёд на коленях. Что-то скользнуло мимо меня — летучая мышь? Однако, когда я в следующий раз — то есть заметное время спустя — пересчитал присутствующих, нас оказалось только двое. Оставалось предположить, что Тулия телепортировалась из будки, как капитан звездолёта в спиле.

— Спасибо, — осторожно проговорила Ала. — Ты цветы через инспекторат нёс? Вроде другого

пути нет.

— Нёс. А что? — сказал я, хотя уже знал ответ.

— Это саван светительницы Чандеры, так ведь?

— Саван светительницы Чандеры в это время года цветёт так, что меня аж дрожь пробирает. — Я планировал сравнение с Алиной внешностью, но замялся, не зная, как сказать, что от неё пробирает дрожь.

— Но это растение из одиннадцати!

— Знаю, — отвечал я, начиная сердиться, потому что Ала перебила моё сравнение. — Я принёс его, потому что оно запретное. А то, что случилось между нами... те глупости, которые я наговорил... они тоже из-за одного запретного дела.

— Поверить не могу, что ты нёс его прямо под носом у инквизиции!

— Ладно. Теперь я сам вижу, что вёл себя глупо.

— Я вообще-то другое слово хотела сказать, — заметила Ала. — Спасибо за букет.

— Пожалуйста.

— Сядь рядом со мной, и я покажу тебе то, чего ты, могу поспорить, не ждёшь, — сказала она. И вот в этих словах, я был уверен, второго смысла не было. Пока я пробирался на место Тулии, Ала

поднялась на ноги — для её роста тут высоты хватало — подошла к люку, который Тулия оставила открытым, и опустила крышку. Потом села рядом со мной и погасила сферу. Теперь в будке была полная темнота. Полная, если не считать пятна белого света, размером с Алину ладошку. Оно как будто висело перед нами в воздухе. Это явно было не совпадение: девушки сидели здесь из-за пятна света. Я потрогал его правой рукой (левая загадочным образом оказалась у Алы на плечах) и нащупал чистый лист — он был приколот к дощечке, прислонённой к стене. Свет проецировался на лист. Теперь, когда глаза привыкли, я видел, что пятно круглое. Идеально круглое.

— Помнишь полное затмение три тысячи шестьсот восьмидесятого года, когда мы сделали камеру-обскуру, чтобы смотреть на него без вреда для зрения?

— Ящик, — вспомнил я, — с дырочкой и листом белой бумаги.

— Мы с Тулией здесь убирались, — сказала Ала, — и заметили, как светлые пятнышки бегают по стенам и полу. Солнце светит через отверстия высоко в стене, вон там. — Она заёрзала, показывая что-то в темноте, и каким-то образом оказалась ближе ко мне. — Мы думаем, их проделали для

вентиляции, а потом забили, потому что через них залетали летучие мыши. Свет пробивался в щели между досками. Мы их заткнули — почти.

— «Почти» значит, что вы оставили аккуратную маленькую дырочку?

— Да, и поставили здесь экран. Ясное дело, нам приходилось двигать его вслед за солнцем.

Ала вставляла «ясное дело» чуть не в каждую вторую фразу, а я полжизни из-за этого злился. Сейчас впервые нисколечки не обиделся — слишком занят был тем, что восхищался умом Алы и Тулии. Ну почему я сам до такого не додумался? Не нужно ни линз, ни зеркала, достаточно простой дырочки. Изображение, конечно, получается слабое, поэтому смотреть надо в тёмной комнате — камере-обскуре.

Видимо, Тулия рассказала Але про табулу, про Самманна и про мои наблюдения. Но теперь мне казалось, будто я последний раз думал о них, а не о том, как помириться с Алой, годы назад. Я не мог вызвать у себя никакого интереса к солнцу. Светит себе и светит. Фотосинтезу ничто не угрожает. Крупных вспышек нет, пятен — немного. Чего о нём думать?

Через несколько минут думать стало ещё труднее. Целоваться в калькориях не учат. Нам

приходилось действовать методом проб и ошибок. Даже ошибки были по-своему неплохи.

— Искра, — сказала Ала (не очень внятно) какое-то время спустя.

— Ещё бы!

— Нет, я вроде бы увидела искру.

— Мне говорили, что в таких случаях естественно видеть звёзды...

— Не воображай! — сказала она, отпихивая меня. — Я только что видела ещё одну.

— Где?

— На экране.

Я слегка ошалело повернулся к листу. На нём не было ничего, кроме бледного диска.

И...

...маленькой искорки. Точечки света, ярче, чем солнце. Она исчезла раньше, чем я уверился, что точно её видел.

— Кажется...

— Вот снова! — воскликнула Ала. — Она чуть-чуть сместилась.

Мы дождались ещё нескольких вспышек. Ала не ошиблась. Все вспышки были ниже и правее солнечного диска, но каждая следующая появлялась чуть выше и левее предыдущей. Если отметить их на листе, получилась бы линия,

целящая в солнце.

Что бы сделал Ороло?

— Нам нужно перо, — сказал я.

— Пера у меня нет, — ответила Ала. — Они вспыхивают примерно раз в секунду. Может, чаще.

— А что-нибудь острое есть?

— Булавки!

Ала и Тулия прикололи лист к доске четырьмя булавками. Я вытащил одну и положил Але в тёплую ладонь.

— Я буду держать доску. А ты протыкай лист, как увидишь вспышку, — сказал я.

Мы пропустили ещё несколько искорок, пока устраивались. Я расположился так, чтобы рукой прижимать доску к стене и придерживать внизу коленом. Ала легла на живот и приподнялась на локтях. Её лицо было так близко к листу, что я видел глаза и изгиб щеки в отсвете от бумаги. Второй такой красивой девушки у нас в конценте не было.

Следующая искра отразилась в её зрачке. Рука метнулась к листу. Тюк.

— Хорошо бы нам узнать точное время, — сказал я.

Тюк.

— Ясное дело, (тюк) через несколько минут

(тюк) оно выйдет за пределы листа. (Тюк.) Тогда мы сбегаем и посмотрим (тюк) на часы. (Тюк.)

— Заметила странность?

Тюк.

— Они гаснут не враз. (Тюк.) Вспыхивают быстро (тюк), а гаснут медленно. (Тюк.)

— Я про цвет.

Тюк.

— Голубоватый такой? (Тюк.)

От внезапного скрежета меня чуть инфаркт не хватил. Это заработал автоматический механизм боя. Часы били два. В таких случаях полагается затыкать уши, но я не отважился — Ала бы всадила в меня булавку. Тюк... тюк... тюк...

— Зато время узнали, — сказал я, когда, по моим прикидкам, она снова обрела слух.

— Я отметила тройной дырочкой искру, которая была ближе всего ко второму удару.

— Отлично.

— Мне кажется, она поворачивает, — заметила Ала.

— Поворачивает?

— Как будто источник вспышек движется не по прямой. Меняет курс. Летит, ясное дело, между нами и солнцем — сейчас прямо через солнечный диск. Но линия вроде не прямая.

— Странно выходит. Если допустить, что это орбита, она должна быть прямой.

— Только если источник вспышек не меняет курс, — настаивала Ала. — Может, они как-то связаны с ракетными двигателями.

— Я вспомнил, где видел такой оттенок голубого.

— Где?

— У Корд в цехе. Там есть машина, которая режет металл с помощью плазмы. Свет такой же голубоватый. Как у звезды класса B.

— Источник вышел за край солнечного диска, — сказала Ала. И тут же воскликнула: — Ой!

— Что такое?

— Прекратилось.

— Больше вспышек нет?

— Нет. Я уверена.

— Пока я не сдвинул доску, наколи несколько дырочек по краю солнечного диска. Тогда, зная время, мы эту штуку найдём!

— Как?

— Мы можем узнать, где было солнце в два часа сегодняшнего дня. В смысле, перед какими так называемыми неподвижными звёздами оно проходило. Источник плазменных вспышек, за которым мы следили, был там же. Значит, когда

он не меняет орбиту, он проходит перед теми же неподвижными звёздами на каждом витке. Мы можем найти его в небе.

— Но он только что у нас на глазах поменял орбиту, — напомнила Ала, тщательно отмечая положение солнечного диска близко расположенными булавочными уколами.

— Часть загадки, которой мы до сих пор не понимали, возможно, состоит в том, что он меняет орбиту, только когда проходит близко к солнцу. Пока у нас есть камера-обскура, мы можем наблюдать его повороты.

— А при чём здесь положение солнца?

— Думаю, оно служит прикрытием, — сказал я. — Если бы он поворачивал ночью, манёвр видели бы невооружённым глазом.

— Однако мы смогли увидеть его с помощью дырочки в потолке и листа бумаги! — заметила Ала. — Не больно-то надёжное прикрытие.

— А Самманн, очевидно, видит его в очки сварщика, — сказал я. — Вся разница в том, что такие, как ты, я и Самманн — люди...

— Знающие? — спросила она.

— Да. И этой штуке или тем, кто ею управляет, не важно, что знающие люди её заметят. Они сообщают о себе нам...

— А мирской власти это не по вкусу...

— Потому-то Ороло и отбросили за то, что он на неё смотрел.

Мы начали собираться, на что ушло некоторое время. Я скатал лист и сунул за пазуху. Ала взяла букет. Глядя на него, я вспомнил, зачем сюда пришёл и что было до вспышек. Я сразу почувствовал себя последним гадом, что мог такое забыть. Однако к этому времени Ала вспомнила про саван светительницы Чандеры и теперь не знала, куда его деть. Поэтому мы поменялись: я отдал ей свиток, а она мне — цветы, чтобы я их отсюда вынес.

— И что дальше? — спросил я вслух.

— Насчёт?..

Мы уже открыли люк, и в будке стало светло. Я чуть не ляпнул: «Насчёт увиденного», когда увидел выражение Алиного лица.

Она заранее напряглась в ожидании новой обиды. Кажется, я всё-таки успел остановиться вовремя.

— Как ты думаешь... должны ли мы... — начал я, потом закрыл глаза и просто сказал, что следовало: — Думаю, нам не стоит ничего скрывать.

— Я не против.

— Попробую договориться на завтра. На после

провенера.

— Я скажу Тулии. — Что-то в том, как Ала произнесла имя, подсказало мне, что она всё знает: знает, что когда-то я был влюблён в её лучшую подругу. — А ты кого хочешь позвать в свидетели?

Я чуть не ответил: «Лио», но вспомнил свинское поведение Джезри и решил остановиться на нём.

— А независимым свидетелем может быть Халигастрем или кто там окажется свободен, — сказал я.

— О каких отношениях мы объявим? — спросила она.

Вопрос был сложный. Об отношениях полагалось объявлять при их заключении и разрыве. Это сдерживало интриги и сплетни, которые так легко разносятся по матику. Концент светителя Эдхара допускал несколько типов отношений. Самыми ни к чему не обязывающими были тивические. Самые серьёзные — перелифические — равнялись браку. Для парня и девушки наших лет, которые сорок пять минут назад друг друга ненавидели, это исключалось. Я знал, что если назову тивические, Ала столкнет меня в люк, и я проведу последние несколько секунд жизни в полёте, жалея, что не сказал «этреванические».

— Тебе не будет стыдно, если люди узнают, что ты состоишь в этреванических отношениях с придурочным фраа Эразмасом?

Она улыбнулась.

— Не будет.

Неловкая пауза. Вроде бы теперь уместно было снова её поцеловать. С этим я кое-как справился.

— А мы будем сообщать, что заметили инопланетный корабль, скрытно летающий вокруг Арба? — спросила Ала тихоньким, робким голоском, какого я никогда от неё не слышал. Однако она, в отличие от меня, не привыкла влипать в крупные переделки и, видимо, считала, что надёжнее посоветоваться с матёрым преступником.

— Мы сообщим, но немногим. Лио наверняка в дефендорате. Я загляну к нему...

— Годится. Нам всё равно лучше держаться порознь, пока мы не объявили об отношениях.

От того, с какой лёгкостью она перескакивает с инопланетного корабля на чувства, у меня закружилась голова.

— Увидимся внизу. Остальным расскажем новости, когда получится.

— Счастливо, — сказала Ала. — Не забудь свой запретный цветок.

И полезла вниз по лестнице.

— Не забуду.

Я спустился двумя минутами позже и нашел Лио в читальне дефендората за книгой. Он изучал битву эпохи Праксиса, которая происходила в заброшенном метро огромного города, причем у обеих армий закончились боеприпасы, и они вынуждены были драться заточенными лопатами. Некоторое время Лио тупо таращился на меня, а я — на него, надо думать, ещё тупее. Наконец я сообразил, что последние события не написаны у меня на лице и придётся говорить словами.

— В последний час произошли невероятные события, — объявил я.

— И какие же?

Я не знал, с чего начать, потом решил, что для читальни дефендората больше подходит новость про инопланетный корабль. Лио слушал со слегка обалделым видом, пока я не дошёл до изгиба траектории и не упомянул плазму.

Тут его лицо сразу просветлело.

— Я знаю, что это, — сказал он.

Лио говорил так уверенно, что мне и в голову не пришло усомниться в его словах. Я только удивился, откуда он знает.

— Откуда?..

— Я знаю, что это.

— Ладно. Так что?

Он наконец оторвал взгляд от меня и задумчиво оглядел читальню.

— Это может быть здесь... или в Старой библиотеке. Я найду и покажу тебе позже.

— А почему просто не сказать?

— Потому что ты не поверишь, пока увидишь в книге. Настолько это странно.

— Ладно, — сказал я, потом добавил: «Поздравляю!», поскольку это вроде как надо было сказать.

Лио захлопнул книгу, встал, повернулся спиной ко мне и двинулся к стеллажам.

Вернувшись в клуатр, я понял, что дело будет двигаться медленнее, чем хотелось бы. Я участвовал в приготовлении ужина, поэтому всю вторую половину дня проторчал на кухне. Ала и Тулия не готовили, но им пришлось раздавать. Кладя мне в миску горячую картофелину, Ала глянула так, что у меня внутри всё растаяло. Заливая картофелину подливкой, Тулия глянула так, что я понял: Ала ей все рассказала. «Дырочка в потолке — класс!» — сказал я ей. Фраа Ментаксенес, толкавший меня миской в почки, чтобы не задерживался, не понял, к чему это сказано, и только больше

разозлился.

Лио на ужин не пришёл. Джезри был в трапезной, но я не мог с ним говорить, потому что за нашим столом сидели ещё несколько человек, включая Барба. Арсибальт в последнее время садился как можно дальше от нас. После ужина он отправился мыть посуду (было его дежурство). Джезри ушёл в калькорий, где с другими эдхарианцами работал над какой-то гипотезой. Они могли засидеться и до рассвета. Но я всё равно не мог бы с ним поговорить, потому что мне предстояло поймать фраа Халигастрема и договориться о скромном актале, на котором мы с Алой объявим о своих отношениях, чтобы их занесли в хронику.

Правда, я успел вычислить, где было солнце в два часа дня. После отбоя, когда фиды ушли спать, я отправился на луг, сел на скамейку и стал смотреть в ту точку на небе, надеясь увидеть, как спутник через неё проходит. Глупость, конечно: если бы его можно было разглядеть невооружённым глазом, события бы развивались совсем иначе. Однако мне надо было просто посидеть, глядя в темноту, чтобы привести мысли в порядок. Целый час рассудок метался зигзагами от одной главной темы дня к другой. Окончательно

устав, я прокрался в свободную келью и заснул крепким сном.

На завтрак Лио пришёл с толстенной книжкой под названием: «Внеатмосферные системы вооружения эпохи Праксиса».

Ободряюще.

Джезри на завтрак не явился. Значительная часть послеобеденного времени у нас с Алой ушла на подготовку к намеченному событию. Тивические отношения можно объявить когда вздумается, а вот этреванические следует прежде обсудить с кем-нибудь из старших фраа или суур. С этим я покончил только к провенеру. Был один из тех редких дней, когда наша старая команда по-прежнему заводила часы. Я нашёл келью, где спал Джезри, и стащил его с лежанки. К собору нам пришлось мчаться бегом. И всё равно было здорово снова оказаться вместе, и простые физические усилия радовали меня больше обычного.

Потом мы вчетвером отправились в трапезную, но поговорить про космический корабль снова не удалось. Все обсуждали наш с Алой предстоящий актал. Я первым из четвёрки вступал в отношения, и в итоге вышло что-то вроде репетиции мальчишника. Мы так раздухарились, что нас дважды под угрозой епитимьи призывали к

порядку, отчего мы раздухарились ещё сильнее.

В какой-то момент я мысленно отступил в сторону и оглядел лица друзей, припоминая всё, что произошло в последнее время. Мне сразу вспомнилось, что Ороло отброшен, что он где-то в экстрамуросе, перебивается неизвестно как. Однако ни печаль, ни даже искорка прежней ярости не помешали мне веселиться с друзьями. Отчасти — из-за Алы и того, что между нами произошло. Но больше из-за чувства, что мы с Алой и Тулией победили Спеликона и Трестану, которые заперли от нас звездокруг и пытались диктовать, на что нам смотреть и о чём думать. Нужно было только сообразить, как об этом рассказать, чтобы меня не отбросили. Я больше не хотел уйти из концента. По крайней мере, пока здесь Ала.

Они с Тулией куда-то запропастились, и скоро мы поняли куда: в собор. Колокола зазвонили сразу после обеда. Минуты две мы вслушивались, пытаясь узнать мелодию. Барб, запоминавший такие вещи с первого раза, догадался первым.

— Воко, — объявил он. — Мирские власти призывают кого-то из нас.

— Видимо, фраа Пафлагон не справился, — хохотнул Джезри, потягивая пиво.

— Или ему нужно подкрепление, — предполо-

жил Лио.

— Или у него инфаркт, — добавил Арсибальт (его в последнее время всё наводило на такого рода мрачные мысли). Впрочем, под нашими укоризненными взглядами он сдался и поднял руки.

Мы побежали к собору через луг, но всё равно успели с большим запасом и оказались в первом ряду перед экраном. Колокола звонили ещё минут пять. Потом восемь звонщиц спустились с балкона и встали в заднем ряду. Хор столетников вышел в алтарь и затянул монодический распев. Я сперва думал пойти к Але, но канон не разрешает демонстрировать отношения, пока они не объявлены, так что с этим предстояло подождать до вечера.

На сей раз Стато вышел один, без инквизиторов. Как и на воко фраа Пафлагона, он произнёс вступительные слова актала. Только сейчас я по-настоящему осознал, что всё происходит на самом деле. Меня охватило волнение. С кем из инаков нам предстоит расстаться? Будет это десятилетник или кто-нибудь вроде фраа Пафлагона, неведомый нам обитатель другого матика?

К тому времени, когда должно было прозвучать имя, я уже весь извёлся. В соборе было тихо, как в склепе Шуфова владения. Меня так и подмывало

что-нибудь выкрикнуть. Спеликон замолчал и начал рыться в складках своего одеяния. Наконец он извлёк лист, сложенный и запечатанный воском. Прошла вечность, прежде чем Стато сломал печать. Он развернул лист, поднёс его к глазам и обомлел.

Момент был настолько неловкий, что даже Стато счёл своим долгом внести пояснение.

— Здесь шесть имён! — объявил он.

Когда несколько сотен инаков стоят на месте и перешёптываются, это трудно назвать светопреставлением, но ощущение было именно такое. И одного-то человека призывали крайне редко. Чтобы сразу шестерых — такого ещё не было. Или всё-таки было? Я взглянул на Арсибальта. Тот угадал мои мысли.

— Не было, — шепнул он. — Со времени Большого кома.

Я покосился на Джезри.

— Вот оно! — сказал он, имея в виду то необычное событие, о котором мечтал.

Стато прочистил горло и выждал, пока уляжется гул.

— Шесть имён, — повторил он. Собор затих, только слышно было, как у дневных ворот рокочут моторы и воют полицейские сирены.

— Одного из этих людей с нами уже нет.

— Ороло, — сказал я. Не меньше ста голосов произнесли это имя одновременно со мной.

Стато побагровел.

— Воко! — крикнул он, поперхнулся и вынужден был начать снова: — Воко фраа Джезри из эдхарианского капитуладеценарского матика.

Джезри повернулся и двинул меня в плечо так, чтобы синячище напоминал о нём ещё дня три, если не больше. Затем повернулся спиной к нам и вышел из нашей жизни.

— Суура Бетула из эдхарианского капитула центенарского матика... Фраа Атафракс оттуда же... Фраа Корадон из эдхарианского капитула деценарского матика... и суура Ала из Нового круга, деценарии.

Когда ко мне вернулось сознание, Ала уже стояла у двери в экране. Она замерла на пороге и обернулась ко мне. Из глаз её бежали слёзы.

Месяцы назад, когда фраа Пафлагон выступил в алтарь, я отчётливо понимал, что никто его здесь больше не увидит. Теперь то же самое происходило с Алой, но поверить я не мог. Единственное, что меня убедило, — выражение её лица.

Потом мне рассказали, что, прорываясь к ней, я сбил с ног двоих.

Она закинула руку мне за шею и поцеловала меня в губы, затем на мгновение прижалась к моей щеке мокрой щекой.

Когда фраа Ментаксенес закрыл между нами дверь, я опустил глаза и увидел у себя за пазухой свиток, истыканный мелкими дырочками. К тому времени, как я понял, что это, и шагнул к экрану, Джезри, Бетула, Атафракс, Корадон и Ала уже вышли, как до них — Пафлагон и Ороло. Все пели, кроме меня.

****

> ***Ужасные события**, плохо задокументированная всемирная катастрофа, начавшаяся, как принято считать, в –5 году. У.с. положили конец эпохе Праксиса и завершились Реконструкцией.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

— Теперь ты понимаешь, о чём я говорил, — сказал Лио. — Это так невероятно, что ты бы не поверил, если бы не увидел в книге.

Дело происходило за большим столом во владении Шуфа. Мы с Лио, Арсибальтом, Тулией и Барбом склонились над «Внеатмосферными системами вооружения эпохи Праксиса», как патологоанатомы над трупом, и глядели на вкладку.

Старинная бумага — настоящая, фабричного производства — была такая хрупкая, что вкладку пришлось бережно разворачивать минут пятнадцать, чтобы не повредить. На ней был приведён детальнейший чертёж космического корабля. Спереди, как и положено у ракеты, располагался головной обтекатель. Всё остальное выглядело невероятно чудным. Двигателей как таковых не было. В кормовой части, где у нормальной ракеты были бы сопла, помещался большой плоский диск, похожий на постамент. От него к круглым герметичным контейнерам сразу под обтекателем (по моим догадкам, они и были собственно кораблём) отходил пяток мощных колонн.

— Амортизаторы. — Лио ткнул пальцем в колонны. — Только очень большие. — Затем он показал на крохотное отверстие в центре диска. — Отсюда выбрасываются атомные бомбы, одна за другой.

— Вот это мой ум по-прежнему отказывается принять.

— Слышал о богопоклонниках, которые ходят по горящим углям, чтобы показать свои сверхъестественные способности?

Он оглянулся на камин. Мы разожгли огонь, и не потому, что было холодно. Наоборот, мы даже

открыли окна, и в них вместе с запахом молодого клевера долетало грустное пение. Почти все инаки были так потрясены шестикратным воко, что могли либо плакать, либо изливать скорбь в песнях. У нас, собравшихся в этой комнате, был другой способ пережить утрату, но лишь потому, что мы больше знали. Мы затопили камин, как только пришли, не ради тепла, а ради первобытного уюта. Задолго до Кноуса, даже до языка, люди зажигали огонь, чтобы выгородить себе место в тёмном и непонятном мире, — мире который мог забрать их друзей и близких внезапно и навсегда. Лио несколько раз ударил по горящему полену кочергой, так что отскочило несколько красных угольев. Один — размером примерно с орех — Лио выгреб с золы на каменный пол.

Мне сделалось не по себе.

— Ну, Раз, ты можешь положить его себе в карман? — спросил Лио.

— У меня нет карманов, — пошутил я.

Никто не рассмеялся.

— Прости, — сказал я. — Нет, если бы у меня был карман, я не стал бы класть в него раскалённый уголь.

Лио плюнул себе на ладонь левой руки, окунул пальцы правой в слюну и взял ими уголёк.

Послышалось шипение. Мы втянули головы в плечи. Лио спокойно бросил уголёк в камин и потёр пальцы о ногу.

— Немного горячо. Никаких ожогов, — объявил он. — Шипела испаряющаяся слюна. Теперь вообразите, что плита на корме корабля покрыта веществом, выполняющим ту же функцию.

— Функцию слюны? — уточнил Барб.

— Да. Оно испаряется под действием плазмы от атомных бомб и, улетучиваясь в пространство, толкает плиту. Амортизаторы смягчают толчки, превращая их в равномерную тягу, так что люди в носовой части чувствуют только плавное ускорение.

— В голове не укладывается! Так близко к атомным взрывам! — воскликнула Тулия. — И не к одному, а к целой серии.

Голос у неё был осипший, как у нас всех, кроме Барба. Он весь последний час изучал книгу про космические вооружения.

— Это были особенные бомбы. Очень маленькие. — Барб свёл руки в кольцо, чтобы показать размер. — Сконструированные так, чтобы не разлетаться во все стороны, а выбрасывать плазму в одном направлении — к кораблю.

— Я тоже затрудняюсь в это поверить, — сказал

Арсибальт, — но предлагаю отложить сомнения и двигаться дальше. Доказательства перед нами, вот, — он указал на книгу, — и вот.

Он положил руку на лист, в котором Ала вчера натыкала дырочек, и тут же отдёрнул, увидев наши с Тулией лица. Для нас этот лист был священен, как те писания усопших светителей, которые инаки хранят в реликвариях.

— Может быть, — сказал Арсибальт, — мы слишком рано затеяли этот разговор...

— А может быть, слишком поздно! — воскликнул я. Тулия взглянула на меня с благодарностью.

— Я удивлён — приятно удивлён, — что ты вообще сюда пришёл, — продолжал я.

— Ты о моей... э... осторожности в последнее время?

— Заметь, это ты сказал, а не я. — Мне с трудом удалось сдержать улыбку.

Арсибальт поднял брови.

— Я не припомню — а ты? — чтобы нам запрещали протыкать дырочки в листе или подставлять бумагу солнечному свету. Наша позиция неуязвима.

— С такой стороны я об этом не думал, — сказал я. — Мне почти обидно, что мы больше не нару-

шаем правил.

— Знаю, для тебя это необычное чувство, фраа Эразмас, но, может быть, со временем ты привыкнешь.

Барб не понял шутки. Пришлось объяснить. Он всё равно не понял.

— Узнать бы, пропадал ли какой-нибудь из этих кораблей, — сказала Тулия.

— В каком смысле? — спросил Лио.

— Ну, например... команда взбунтовалась и направила корабль в неизведанные глубины космоса. Теперь, тысячелетия спустя, потомки бунтовщиков вернулись.

— Может, даже не потомки, а они сами, — заметил Арсибальт.

— Из-за относительности! — воскликнул Барб.

— Верно, — сказал я. — Если подумать, корабль мог двигаться на релятивистской скорости и совершить круговой рейс, который для команды занял несколько десятилетий, хотя у нас прошли тысячи лет.

Всем моя гипотеза понравилась, и мы дружно готовы были её принять. Была только одна загвоздка.

— Ни один из этих кораблей не был построен, — сказал Лио.

— Что?!

У Лио стало такое лицо, будто мы его сейчас начнём упрекать, что таких кораблей не строили.

— Это проект. Принципиальная схема, предложенная в самом конце эпохи Праксиса.

— Накануне Ужасных событий! — прокомментировал Барб.

Некоторое время мы все молчали. Трудно оторвать от сердца и выбросить на помойку идею, которая тебе так нравится.

— Кроме того, — продолжал Лио, — корабль предназначался для военных операций внутри солнечной системы. Задумывались и другие, которые двигались бы с релятивистскими скоростями, но они были куда больше и выглядели иначе.

— Им обтекатель не нужен! — заявил Барб. Это была его манера шутить.

— Значит, если мы согласны, что увиденный мною и Алой источник голубых искр — космический корабль с какими-то двигателями... — начал я, кивая на чертёж.

— То его построили инопланетяне, — закончил Арсибальт.

— Фраа Джезри считает, что высокоразвитая жизнь во вселенной очень редка, — сообщил

Барб.

— Он принимал утверждение светителя Мендраста, — кивнул Арсибальт. — Миллиарды планет с первичным бульоном. Почти ни одной с многоклеточными организмами — не говоря уж о цивилизации.

— Давайте говорить о нём в настоящем времени, а не как о покойнике! — потребовала Тулия.

— Виноват, — признал Арсибальт без особого энтузиазма.

— Барб, когда ты говорил об этом с Джезри, он не предложил какую-нибудь альтернативную теорию? — спросила Тулия.

— Предложил. Альтернативную теорию про альтернативную вселенную! — звонко выкрикнул Барб. Тулия взъерошила ему волосы, что было ошибкой, потому что Барбу тут же захотелось возиться. Нам пришлось под угрозой анафема выставить его наружу с приказом не возвращаться, пока он не обежит пять кругов вокруг владения Шуфа.

— Разговоры о том, откуда корабль, уводят нас от основной темы, — заметил Лио.

— Согласны, — отвечал Арсибальт так веско, что мы и впрямь согласились.

— Он появился откуда-то. Не важно. Некоторое

время двигался по полярной орбите — зачем? — сказал я.

— Проводил разведку, — ответил Лио. — Для того полярные орбиты и нужны.

— Значит, они нас изучали. Картировали Арб. Перехватывали наши разговоры.

— Учили наш язык, — вставила Тулия.

Я продолжил:

— Ороло как-то об этом узнал. Например, увидел вспышки двигателя, когда корабль выходил на полярную орбиту. Может быть, их видели и другие. Бонзы узнали про корабль и сказали иерархам: «Извещаем вас, что это сугубо мирское дело. Вас оно не касается, и не суйте в него свой нос». Иерархи послушно заперли все звездокруги.

— Инквизиторы отправились проследить за исполнением, — сказал Лио.

— Пафлагона призвали куда-то изучать эту штуку, — добавила Тулия.

— Его, — сказал Арсибальт, — и, возможно, других инаков из других концентов.

— Корабль оставался на орбите. Возможно, иногда он включал двигатели, чтобы немного изменить траекторию, но делал это, только проходя между Арбом и солнцем — чтобы скрыть следы.

— Как беглец, который идёт по ручью, чтобы не оставить следов, — вставил Барб.

— Но вчера что-то изменилось. Очевидно, произошло что-то важное.

— Весы Гардана говорят, что смена курса, которую наблюдали вы с Алой, и беспрецедентный шестикратный воко менее чем день спустя связаны, — объявил Арсибальт.

Я не смел даже смотреть на священную реликвию, но теперь надо было взять себя в руки. Ала не зря дала мне этот лист. Мы развернули его на столе и придавили по углам книгами.

— Мы не поймём, что делал корабль, пока не узнаем геометрии этой фигни! — посетовал Барб.

— Ты хочешь сказать, положение дырки и экрана в президии. Где верх. Где север, — сказал я. — Согласен. Надо провести все эти измерения.

Барб попятился кдверям, готовый проводить измерения прямо сейчас.

Однако я остался на месте. Мне не меньше его хотелось бежать в президий. Но Ороло предложил бы что-нибудь гениально простое. Такое, что я почувствовал бы себя идиотом из-за того, что пытаюсь нагородить столько сложностей. Однако ничего простого в голову не приходило.

— Давайте хотя бы угол измерим, — предложил

я. — Корабль летел по одной траектории. Это его исходная орбита. Выпустив бомбы, он поменял направление. Это финальная орбита. Можно хотя бы измерить угол.

Так мы сделали. Получилась примерно четверть пи — сорок пять градусов.

— Если мы считаем, что исходная орбита была полярной, значит, орбита после манёвра промежуточная между полярной и экваториальной, — сказал Лио.

— И какой, по-твоему, в этом смысл? — спросил я, поскольку Лио знал о космических вооружениях много больше нас всех.

— Если отметить трассу такой орбиты на глобусе или на карте мира, она нигде не поднимется выше сорока пяти градусов широты. Получится синусоида, ограниченная с севера и с юга сорок пятыми параллелями.

— То есть областью, в которой живёт сорок пять процентов населения, — заметила Тулия.

— О чём пришельцы уже знают, поскольку успели закартировать каждый квадратный дюйм Арба, — напомнил Арсибальт.

— Они закончили первый этап: разведку, — подытожил Лио. — И перешли ко второму.

— К действиям, — сказал Барб.

— И бонзы об этом знают, — сказал я. — Они напуганы. У них был план чрезвычайных мер, составленный месяцы назад, — это ясно из того, что в списке значился Ороло! Значит, список составили и запечатали до анафема.

— Наверняка Варакс и Онали отдали его Стато в аперт, — сказала Тулия. — И Стато ждал сигнала, чтобы сломать печать и прочесть имена. — В её глазах появилось рассеянное выражение. — Меня тревожит, что они выбрали Алу.

— Я только в последнюю неделю понял, как вы близки, — сказал я.

Тулия отмахнулась.

— И не только это, — сказала она. — То есть да. Мне без неё ужасно. Но почему вызвали её? Пафлагон, Ороло, Джезри — понятно. Но зачем Ала? Зачем может понадобиться такой человек?

— Чтобы организовать большое количество людей, — без колебаний ответил Арсибальт.

— Вот это, — сказал Тулия, — меня и беспокоит.

Бога ради, подними глаза.

Упоминание инквизиторов напомнило мне про разговор с Вараксом в Десятую ночь. Спор с суурой Трестаной и епитимья вытеснили его у меня из головы. Однако я помнил, что Варакс

смотрел на звездокруг. А может быть, чуть выше, в космос. И кстати, стоял тогда лицом к северу. *Решаются куда более серьёзные вещи, чем то, что юный фраа в затерянной обители решил поупражняться в искводо на местных бандюках... думай шире... как твой друг, когда вступил в бой с четырьмя более сильными противниками.*

Что, прах побери, он имел в виду? Что инопланетный корабль опасен? Что скоро нам придётся вступить с ним в бой, несмотря на неравенство сил? Или я слишком много домысливаю? И почему после экскурсии Варакс пытал меня насчёт моего отношения к Гилеину теорическому миру? С чего бы такому человеку в такое время переживать из-за метатеорики?

А может, я и впрямь слишком много домыслил, а Варакс — просто из тех, кто думает вслух.

Впрочем, указание «подними глаза» представлялось вполне чётким.

Меня не надо было подталкивать к работе. После анафема Ороло я не сошёл с ума только потому, что занимался фотомнемонической табулой. Расставание с Алой было не столь чудовищным — по крайней мере её не отбросили, — но полностью неожиданным. Мне по-прежнему стыдно было вспоминать, что я стоял, как

оглушённый зверь, пока она уходила из моей жизни. Потерять её, как раз когда у нас что-то начиналось... в общем, довольно сказать, что я серьёзно нуждался в работе.

Наша команда нагрянула в будку над звонницей со всеми измерительными инструментами, какие мы смогли наскрести. Арсибальт нашёл архитектурные планы собора, составленные в четвёртом веке. Мы рассчитали геометрию камеры-обскуры тремя разными способами и добились, чтобы результаты сошлись. Теперь можно было уточнить грубое измерение, сделанное во владении Шуфа: новая орбита корабля была наклонена к экватору под углом примерно пятьдесят один градус, так что охватывала практически все населённые области. Когда в столетия после Ужасных событий климат стал жарким и засушливым, люди начали мигрировать к полюсу. В последнее время содержание углекислого газа в атмосфере уменьшилось, климат несколько смягчился, и пошёл обратный отток к экватору, от солнечной радиации у полюсов. Теперь, чтобы держать под наблюдением большую часть жителей Арба, не надо было подниматься до пятьдесят первой параллели.

Мы ломали голову над загадкой, пока Арси-

бальт не заметил, что если взглянуть на главные мировые конценты — с миллениумными часами и сотнями либо тысячами инаков, — то самый дальний от экватора окажется на пятьдесят одном градусе трёх минутах северной широты.

И это была как раз наша «затерянная обитель» — концент светителя Эдхара.

Слухи просочились наружу. Через месяц после большого воко все в деценарском матике знали про корабль то же, что и мы. Иерархи ничего не могли поделать, однако звездокруг не открывали. Меня стали зазывать вечерами в калькории. Мы изучали чертёж, который Лио нашёл в книге, разрабатывали теорику того, как такой корабль может функционировать и насколько больше он должен быть для межзвёздных перелётов. Праксические расчёты касательно амортизаторов оказались довольно просты. Зато чрезвычайные сложности возникли при попытке предсказать, как плазма будет взаимодействовать с буферной плитой. Для меня это вообще были сплошные дебри. Кажется, мы доказали неправоту лоритов: один инак, чуть старше меня, получил уравнения, которые, насколько мы знали, никто раньше не выводил — по крайней мере на Арбе.

— Невольно задумываешься про Гилеин теори-

ческий мир, — сказал Арсибальт как-то летним вечером, примерно через восемь недель после большого воко. Он притворялся, что занимается пчёлами, а я — что выпалываю сорняки. К тому времени сарфянская конница уже вторглась далеко на Франийскую равнину и вгоняла клин между четвёртым и тридцать третьим легионами Оксаса. Поэтому неудивительно, что мы с Арсибальтом наткнулись друг на друга. На нашей широте дни в это время года длинные, так что до темноты ещё оставалось время, хотя ужин закончился давным-давно.

— О чём ты? — спросил я.

— Ты вместе с другими эдхарианцами пытаешься выстроить теорику инопланетного корабля, — сказал он. — Теорику, которую пришельцы освоили давным-давно, раз они построили корабль и прилетели на нём со звёзд. Мой вопрос: одна ли это теорика?

— В смысле, инопланетная и наша?

— Да. Я вижу мел на твоей стле, фраа Эразмас, от уравнений, которые ты писал после ужина. Писал ли двухголовый восьмирукий инопланетянин то же уравнение на своём эквиваленте грифельной доски на другой планете тысячу лет назад?

— Я уверен, что у инопланетян другая форма

записи... — начал я.

— Ясное дело!

— Ты говоришь, как Ала.

— Может быть, они обозначают умножение квадратиком, а деление — кружочком, или как-то ещё, — продолжал Арсибальт, с досадой закатывая глаза, потом нетерпеливо взмахнул рукой, призывая меня думать быстрее.

— А может, они не пишут уравнений, — сказал я. — Может, они доказывают теоремы музыкой.

Предположение было не такое уж дикое, ведь и мы в своих песнопениях делали что-то подобное; целые ордена инаков именно так и занимаются теорикой.

— Вот теперь мы уже к чему-то подбираемся! — Арсибальта так взволновали мои слова, что я о них пожалел. — Положим, теорический метод пришельцев и впрямь, как ты говоришь, основан на музыке. И, может быть, доказательство заключается в том, что получился гармонический аккорд или приятная для слуха мелодия.

— Слушай, Арсибальт, тебя куда-то несёт...

— Будь снисходителен к другу и фраа. Думаешь ли ты, что каждому уравнению, которое ты и другие эдхарианцы вывели на доске, у инопланетян в их системе имеется соответствие? Утверждаю-

щее то же самое — ту же истину?

— Если бы мы так не думали, то не могли бы заниматься теорикой. Но послушай, Арсибальт, мы говорим о давно известном. Кноус это увидел. Гилея поняла. Протес формализовал. Пафлагон об этом думал — потому его и призвали. Чего сейчас обсуждать? Я устал. Ещё чуть-чуть стемнеет, и я пойду спать.

— Как мы будем общаться с инопланетянами?

— Не знаю. Предполагалось, что они учат наш язык, — напомнил я.

— А если они не могут говорить?

— Минуту назад они у тебя пели!

— Не занудствуй, фраа Эразмас. Ты понимаешь, о чём я говорю.

— Может, и понимаю. Но уже поздно. Я до трёх часов ночи говорил о плазме. И вообще, кажется, уже достаточно стемнело. Я иду спать.

— Выслушай меня. Я хочу сказать, что мы можем общаться с ними через протесовы формы. Через теорические истины. То есть в Гилеином теорическом мире.

— Как я понимаю, тебе нужен предлог, чтобы забаррикадироваться во владении Шуфа за стопкой старых книг и уйти в это дело с головой. Чего тебе от меня надо? Разрешения? Благословения?

Он пожал плечами.

— Ты у нас местный эксперт по инопланетному кораблю.

— Ладно. Отлично. Валяй. Я тебя поддержу. Скажу всем, что ты не псих...

— Спасибо!

— ...если ты поможешь разрешить загадку, которая меня сейчас мучает.

— Какая же загадка тебя мучает, фраа Эразмас?

— Почему милленарский матик как будто светится?

— Что?

— Посмотри, — сказал я.

Арсибальт повернулся и задрал голову. Утёс тысячелетников светился малиново-алым. Раньше за ним такого не водилось.

Конечно, мы часто видели тамошние огни, а в ясную погоду стены матика иногда вспыхивали в свете заката, как тогда, когда мы с Ороло смотрели на них во время аперта. В последние несколько минут, пока сгущались сумерки, я приметил алое свечение и думал, что сейчас происходит то же самое. Но теперь солнце село окончательно. Да и свет был каким-то дробным, искристым. Совсем не того оттенка, как от солнца.

И шёл он с неправильный стороны. Закат оза-

рил бы матик и гору с запада: светились бы стены и склон. Непонятный алый свет заливал крыши, парапеты, башни. Всё остальное лежало во тьме. Как будто какой-то летательный аппарат завис над матиком и направил на него прожекторы. Но в таком случае аппарат висел так высоко, что мы его не видели и не слышали.

Из клуатра на луг высыпали фраа и сууры. Почти все молчали, как богопоклонники, узревшие небесное знамение. Однако в группе теоров нарастал спор. Слышались слова «лазер», «цвет», «длина волны». И тогда я вспомнил, где видел такой же искристый свет: в лазерных маяках МиМ.

Загадка разрешилась. Лазерный луч бьёт на большое расстояние. То, что освещало милленарский матик, не обязательно находилось близко. До него могли быть тысячи миль. Это мог быть... это мог быть только инопланетный корабль!

Зазвучали возгласы и даже редкие аплодисменты. Присмотревшись к милленарскому матику, я увидел, что из-за его стен поднимается столб дыма. В первый миг у меня перехватило дыхание: я подумал, что лазер поджёг матик! Что это луч смерти! Потом я всё-таки пришёл в себя и сообразил, что такого быть не может. Чтобы что-нибудь сжечь, нужен инфракрасный лазер,

излучающий тепло. Этот лазер по определению был не инфракрасный, раз мы видели его свет. Дым шёл не от горящих зданий. Тысячелетники разложили костры и бросали в них траву или что-то другое, наполнявшее пространство над матиком дымом и паром.

Нельзя увидеть лазерный луч в вакууме или в чистом воздухе, но частички дыма или пыли рассеивают часть света во всех направлениях, так что луч проступает в виде светящейся прямой линии.

Сработало. Мы не могли видеть большую часть многотысячемильного луча, однако дым от костров позволил различить его на последних сотнях футов и сообразить, откуда идёт свет.

И конечно, у меня было нечестное преимущество, поскольку я знал плоскость орбиты инопланетного корабля — перед какими неподвижными звёздами он должен проходить. Я поднял стлу, закрываясь от света из матика. Глаза привыкли к темноте, и я вновь различил звёзды.

И тут я увидел — как и ожидал — алую движущуюся точку в искристом ореоле от прохождения света через атмосферу. Я указал вверх. Все рядом со мной проследили мой жест и тоже нашли алый метеор. Луг затих, как собор во время анафема.

Метеор мигнул и погас. Алое свечение исчезло. Послышались редкие нервные хлопки, которые смолкли, так и не перейдя в овацию.

— Я чувствую себя идиотом, вспоминая, из-за чего тревожился и чего боялся всю жизнь, — сказал Арсибальт, глядя мне в лицо. — Теперь я понимаю, что бояться надо было другого.

Воко прозвонили в три часа ночи.

Никто не ворчал, что его разбудили. Никто всё равно не спал. Собирались медленно, с опозданием, потому что почти все несли книги и другие вещи на случай, если призовут их.

Стато назвал семнадцать имён.

— Лио.

— Тулия.

— Эразмас.

— Арсибальт.

— Тавенер.

И ещё несколько десятилетников.

Я вступил в алтарь, как тысячи раз, когда заводил часы. Но тогда я знал, что скоро фраа Ментаксенес снова откроет дверь. Сейчас я поворачивался спиной к тремстам людям, которых больше не увижу — если только их не призовут и не отправят туда же, в то неведомое место, что и меня.

Рядом со мною было несколько хорошо знакомых лиц и несколько чужих — столетники.

Стато умолк. Имён прозвучало так много, что я сбился со счёта и думал, что список закончился. Я взглянул на Стато, ожидая, что он перейдёт к следующему этапу актала. Примас словно окаменел. Потом он медленно заморгал и поднёс лист к ближайшей свече, как будто не мог разобрать написанное. Казалось, он вновь и вновь перечитывает одну строчку. Наконец, Стато с усилием поднял голову и посмотрел через алтарь на милленарский экран.

— Воко, — произнес он так хрипло, так что вынужден был прочистить горло и повторить: — Воко фраа Джад, милленарии.

Всё смолкло; а может быть, я ничего не слышал за шумом крови в ушах.

Ждать пришлось долго. Затем дверь в милленарском экране отворилась и в ней возник силуэт старого фраа. Мгновение тот стоял, ожидая, пока осядет пыль — дверь не открывали очень давно. Затем он выступил в алтарь. Кто-то притворил за ним дверь.

Стато произнёс несколько слов: официальное обращение к нам. Мы ответили, что явились на его зов. Инаки за экранами начали скорбный

анафем прощания. Все пели от самого сердца. Тысячелетники сотрясали собор мощной басовой партией, такой низкой, что она не столько слышалась, сколько ощущалась. И от этого, больше чем от пения моих близких, деценариев, у меня зашевелились волосы на голове, защипало в глазах, а под носом стало мокро. Тысячники скорбели о разлуке с фраа Джадом и старались, чтобы он почувствовал это нутром.

Я поглядел прямо вверх, как Пафлагон и Ороло. Свечи озаряли лишь нижнюю часть колодца. Однако я и не пытался что-нибудь увидеть. Я хотел лишь остановить влагу, готовую хлынуть из носа и глаз.

Рядом происходило какое-то движение. Я опустил голову и увидел, что к нам направляется младший иерарх.

— Есть гипотеза, что сейчас нас выведут в газовую камеру, — прошептал Арсибальт.

— Заткнись, — сказал я и, чтобы не слушать нытья, пропустил его вперёд. Ему потребовалось время, чтобы обогнуть меня, поскольку он превратил полстлы в мешок и нёс в ней небольшую библиотеку.

Иерархи, в парадных пурпурных облачениях, провели нас по центральному проходу пусто-

го северного нефа и дальше в притвор перед дневными воротами. Мы собрались у Большого планетария — механической модели Солнечной системы. Дневные ворота стояли распахнутыми, но площадь за ними была пуста. Ни летательных аппаратов. Ни автобусов. Ни даже пары роликов.

Младшие иерархи обходили призванных, раздавая вещи. Мне сунули в руки пакет из местного универмага. Там оказались рабочие брюки, рубашка, трусы, носки и, на самом дне, пара кроссовок. Через минуту мне вручили рюкзак с бутылкой воды, туалетными принадлежностями и денежной картой.

Там же лежали наручные часы. Я не сразу понял зачем, потом сообразил: как только мы отойдём на пару миль от концента светителя Эдхара, у нас не будет способов узнавать время.

К нам обратилась суура Трестана.

— Ваша цель — концент светителя Тредегара, — объявила она.

— Это конвокс? — спросил кто-то.

— Теперь да, — ответила Трестана. На минуту все разговоры стихли.

— Как мы туда попадём? — спросила Тулия.

— Как сможете.

— Что?! — послышалось со всех сторон. Часть

романтики воко — небольшое утешение для человека, отрываемого от всех, кого он знает, — в том, что тебя на чём-нибудь увозят, как фраа Пафлагона. Вместо этого нам раздали кроссовки.

— Вы не должны появляться в стле и хорде под открытым небом ни днём, ни ночью, — продолжала Трестана. — Сферы следует сжать до размера кулака либо меньше и не использовать для освещения. Из ворот выходить не всем сразу, а группами из двух-трёх человек. Если хотите, потом можете встретиться. Подальше от концента и желательно под крышей.

— Какое разрешение у их приборов? — спросил Лио.

— Мы не знаем.

— До концента светителя Тредегара две тысячи миль, — сообщил Барб на случай, если кому-нибудь интересно. Это и впрямь было интересно.

— Есть местная организация, связанная со скиниями. Её члены постараются найти машины и водителей, чтобы доставить вас на место.

— Люди небесного эмиссара? — опередил меня Арсибальт.

— В том числе они.

— О нет! — воскликнул кто-то. — Меня одна во время аперта пыталась обратить. Ну и жалкие же

у неё были доводы!

— Хо-хо-хо-хо! — раздалось совсем близко от меня.

Я обернулся. У меня за спиной стоял фраа Джад с пакетом и рюкзаком. Он смеялся негромко, и больше никто не обратил на него внимания. От него пахло дымом, и пакета он даже не раскрыл. Заметив, что я обернулся, фраа Джад весело поглядел мне в глаза.

— Сдаётся, власти предержащие обмочили штаны, — сказал он. — Или что там сейчас носят.

Все остальные были так ошарашены, что по большей части молчали. Тут у меня было преимущество — я привык к этому чувству. Как Лио привык, что его бьют по лицу.

Я влез на каменную гостевую скамейку перед планетарием.

— К югу от концента, недалеко от вековых ворот, на западном берегу реки есть большая крыша на сваях, перекинутая через воду. Рядом с ней — цех. Не заметить его нельзя — это самое большое здание в округе. Там можно будет встретиться. Пойдём группами, как сказала суура Трестана. Соберёмся в цехе и составим какой-нибудь план.

— Во сколько встречаемся? — спросил кто-то из столетников.

Я задумался.

— Давайте встретимся, когда у нас... когда у них прозвонят к провенеру.

ЧАСТЬ 6. Странник

> ***Странник. 1.*** *Теор, переживший гибель Орифены и скитавшийся по древнему миру в одиночку или в обществе себе подобных.* ***2.*** *В современном языке, инак, в силу исключительных причин покинувший матик и путешествующий по секулярному миру, стараясь по возможности соблюдать дух, если не букву канона.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Мы по очереди переоделись в уборных. Кроссовки сразу довели меня до исступления. Я их сбросил и сунул под скамью, потом отыскал на полу притвора чистое место, чтобы расстелить и сложить стлу. Для этого пришлось нагибаться и садиться на корточки — непростое дело, когда на тебе штаны. С трудом верилось, что люди носят их постоянно!

Превратив стлу в свёрток размером с книгу, я обвязал её хордой и убрал в пакет вместе со сжатой сферой, а пакет затолкал в рюкзак. На другой стороне притвора Лио пытался в новой

одежде проделать искводошные упражнения — выглядело это так, будто у него церебральный паралич. На Тулию ничего не налезло, и сейчас она договаривалась поменяться одеждой с одной из столетниц.

Это конвокс?

Теперь да.

Конвоксов было всего восемь. Первый совпал с Реконструкцией. После этого их проводили в начале каждого тысячелетия, чтобы подготовить издание «Словаря» на следующую тысячу лет и позаботиться о других делах, затрагивающих милленариев. Один конвокс собрали в связи с Большим комом и ещё по одному в конце каждого Разорения.

Барб сделался беспокоен, потом непоседлив, потом и вовсе разошёлся. Никто из иерархов не знал, как его унять.

— Ему не нравятся перемены, — напомнила мне Тулия. Подразумевалось: он твой друг, ты с ним и разбирайся.

Большого скопления людей Барб тоже не любил, поэтому мы с Лио оттеснили его в угол, где расположился лагерем Арсибальт со стопками книг.

— Призванный на воко выходит один и по-

гружается в секулюм, — объявил Арсибальт. — Вот почему он не может вернуться. Иное дело — конвокс. Мы будем путешествовать вместе и соблюдать канон в нашей страннической группе.

— Странники идут из одного матика в другой, — сразу успокоился Барб.

— Да, фраа Тавенер.

— Когда мы доберёмся до светителя Тредегара...

— Мы пройдём актал инбраса, — подсказал Арсибальт, — и...

— И будем с другими инаками на конвоксе, — догадался Барб.

— А потом...

— А потом мы сделаем то, для чего нас вызвали, и вернёмся в концент светителя Эдхара, — закончил Барб.

— Да, фраа Тавенер, — сказал Арсибальт. Я чувствовал, что он перебарывает искушение добавить: «Если нас не испепелят лучами смерти пришельцы и не отправит в газовую камеру небесный эмиссар».

Барб угомонился. Не надолго. За дневными воротами нам предстояло всё время по мелочи преступать канон. Барб, конечно, будет замечать эти нарушения и тыкать ими нам в лицо. И зачем

только его вызвали? Он всего лишь новоиспечённый фид! Мне весь конвокс придётся с ним нянчиться!

Впрочем, по мере того, как близилось утро и лазуритовый шар, изображавший в планетарии Арб, медленно скользил по орбите, я немного остыл и напомнил себе, что обязан Барбу половиной своих нынешних теорических знаний. Кем я буду, если его брошу?

Снаружи светало. Половина вызванных уже ушла. Столетники не знали современного флукского и совсем не ориентировались в мирской жизни, поэтому иерархи приставляли к ним деценариев. Лио ушёл вместе с двумя столетниками. Арсибальту и Тулии велели готовиться к выходу.

Я не мог идти босиком. Кроссовки стояли под скамьёй рядом с планетарием. На скамье расположился фраа Джад. Он сложил руки на коленях, опустил голову и, видимо, погрузился в глубокие милленарские раздумья. Я не смел его тревожить из страха, что он превратит меня в тритона или кого-нибудь в таком роде.

Остальные тоже не решались беспокоить тысячелетника. Тулия, затем Арсибальт ушли вместе со своими центенариями. Из вызванных остались всего трое: Барб, Джад и я. Джад по-прежнему был

в стле и хорде.

Барб решительно направился к фраа Джаду. Я припустил следом и догнал его уже у скамьи.

— Фраа Джад должен переодеться. — Барб так старательно выговаривал недавно выученные ортские слова, что под конец дал петуха.

Фраа Джад поднял голову. До сего момента я думал, что его руки сложены на коленях. Теперь я увидел, что он держит одноразовый бритвенный станок, по-прежнему в яркой упаковке. У меня в пакете был точно такой же. Распространённая марка. Фраа Джад изучал этикетку. Под кинаграммами шла мелкая надпись тем же алфавитом, которым пользовались мы, — её-то фраа Джад и читал.

— Какой принцип объясняет действие, приписываемое этим документом смазывающей полоске «Идеальное скольжение»? — спросил тысячелетник. — Оно вечное или преходящее?

— Преходящее, — ответил я.

— Нельзя этого читать! Канон не разрешает! — возмутился Барб.

— Помолчи, — сказал фраа Джад.

— Я не хотел бы показаться навязчивым, — осторожно начал я после долгой неловкой паузы, но...

— Пора уходить? — Фраа Джад глянул на планетарий, как будто это его наручные часы.

— Да.

Фраа Джад встал и сдёрнул через голову стлу. Некоторые иерархи ахнули и отвернулись. Какое-то время ничего не происходило. Я порылся в пакете, вытащил трусы и протянул Джаду.

— Это объяснять надо? — спросил я, указывая на ширинку.

Фраа Джад взял трусы и проверил, как работает ширинка.

— От топологии не уйдёшь, — сообщил он, просовывая в трусы сначала одну ногу, потом другую. Я затруднился бы сказать, сколько ему лет. Кожа была дряблая и в пигментных пятнах, но на одной ноге он балансировал ловко.

Окончательное приведение фраа Джада в смотрибельный вид обошлось без заметных происшествий. Я вытащил из-под скамьи кроссовки и снова попытался вспомнить, как завязывать шнурки. Барб послушно и, как мне показалось, даже с удовольствием выполнял приказ молчать. Странно, что мне никогда не приходило в голову опробовать на нём такую простую тактику.

Оступаясь и шаркая кроссовками, поминутно подтягивая штаны, мы вышли в дневные ворота.

Площадь была пуста. Мы прошли по дамбе между фонтанами и оказались в поселении бюргеров. Прежде здесь стоял старый рынок, потом, когда мне было лет шесть, городские власти переименовали его в «Старый рынокъ» и снесли, а на освободившемся месте построили новый, где продавали футболки и сувениры с надписью «Старый рынокъ». Те, кто торговал на старом рынке, перебрались на окраину — там возник «Новый рынок» (на самом деле старый). Вокруг «Старого рынка» понастроили казино в надежде на тех, кто приедет его смотреть или остановится тут по делам, связанным с концентом. Однако никто не хотел любоваться на старый рынок, со всех сторон обстроенный казино, да и концент никого особо не привлекал, поэтому казино выглядели грязными и заброшёнными. Иногда по ночам мы слышали музыку из тамошних подвальных танцзалов, но сегодня утром они были пугающе тихи.

— Здесь можно позавтракать, — сказал Барб.

— В казино рестораны дорогие, — возразил я.

— Там есть буфеты с бесплатными завтраками. Мы с отцом иногда в них ели.

Я расстроился, но предложение было логичное, поэтому я пошёл за Барбом, а фраа Джад — за мной. Владельцы казино экономили на осве-

щении и чистке ковров: от запаха плесени мы все трое начали чихать. Поплутав в лабиринте неотличимых коридоров, мы наконец отыскали подвальное помещение без окон. За столами в одиночку и попарно сидели толстые люди, пахнущие мылом. Почитать ничего не было. На стене висел большой спиль-экран. Показывали новости, погоду, спорт. Фраа Джад впервые в жизни видел движущиеся картины и сразу прилип взглядом к экрану. Мы с Барбом сходили за едой, поставили подносы на стол, и я вернулся к фраа Джаду. Он смотрел, как на экране игроки отнимают друг у друга мяч. Человек за соседним столиком пытался завести с ним разговор об одной из команд. По случайности футболку фраа Джада украшала эмблема этой самой команды, что привело человека за столиком к совершенно неверным умозаключениям. Я встал между фраа Джадом и экраном. Тысячелетник наконец вернулся к реальности, и я повёл его к буфету. Милленарии едят мало мяса, потому что у них на скале негде держать скот. Фраа Джад явно вознамерился наверстать упущенное. Я пытался направить его к крупяным гарнирам, но он твёрдо знал, чего хочет.

Пока мы ели, начались новости. На экране

возникла каменная матическая башня, издали, ночью, озарённая красным светом, как вчера матик тысячелетников. Однако здание было мне незнакомо.

— Милленарский шпиль концента светителя Рамбальфа, — объявил фраа Джад. — Я видел его на рисунках.

Концент светителя Рамбальфа находился на другом материке. Мы почти ничего о нём не знали, потому что у нас не было общих орденов. Недавно мне это название попадалось, но я решительно не мог вспомнить, где и в какой связи...

— Один из Трёх нерушимых, — сказал Барб.

— Вы так нас называете? — спросил Джад.

Барб вспомнил правильно. На монументе перед годовыми воротами была табличка с историей Третьего разорения. Там упоминались три тысячелетних матика, выдержавших осаду: Эдхар, Рамбальф и...

— Третий — в конценте светителя Тредегара, — закончил Барб.

Спиль как будто послушался его голоса: на экране появился матик, словно выбитый в отвесном скальном обрыве. И тоже залитый красным светом.

— Странно, — сказал я. — Зачем пришельцам

освещать Три нерушимых? Это древняя история.

— Они что-то хотят нам сказать, — ответил фраа Джад.

— Что именно? Что им интересна история Третьего разорения?

— Нет. Вероятный смысл послания в другом: они знают, что в Эдхаре, Рамбальфе и Тредегаре мирская власть захоронила все ядерные отходы.

Я порадовался, что мы говорим на орте.

Мы дошли до заправки на выезде из города и я купил картаблу. Они были разного вида и размера. Я купил довольно большую, с книжку. По углам и с краёв у неё были выпуклые нашлёпки, похожие на шины внедорожников. Это значило, что картабла для любителей путешествовать. Я выбрал её из-за топокарт. Обычные картаблы были украшены по-другому и показывали только дороги и торговые центры.

На улице я её включил. Через несколько секунд она выдала сообщение об ошибке и показала карту всего материка. Наше положение отмечено не было.

— Эй, — сказал я продавцу, входя назад в магазин. — Она сломана.

— Нет.

— Да. Она не показывает наше положение.

— Сегодня они все не показывают. Поверь мне. Твоя картабла исправна. Она ведь карту показала?

— Да, но...

— Он прав, — вмешался покупатель — шофёр-дальнобойщик, только что подъехавший к заправке на своём грузотоне. — Спутники сегодня молчат. Моя картабла их не берёт. Другие тоже. — Он хохотнул. — Ты просто неудачно выбрал день для покупки картаблы!

— Так это началось ночью?

— Ага. Примерно в три. Но ты не волнуйся. Власти без этих штук никуда! Особенно военные. Починят их, оглянуться не успеешь.

— Интересно, не связано ли это с красным светом, которым вчера осветили... осветили часы, — сказал я, просто чтобы проверить, много ли эти люди знают. — Я в спиле видел.

— У них такой праздник, — объяснил продавец. — Или ритуал, или что там у них бывает. Я так слышал.

Для водителя это оказалось новостью, поэтому я спросил продавца, откуда сведения. Он постучал пальцем по жужуле, болтающейся у него на шее.

— Утренняя передача моей скинии.

Напрашивался естественный вопрос: «Небес-

ный эмиссар?», но чрезмерное любопытство могло выдать во мне беглеца из концента. Поэтому я просто кивнул и вышел с заправки. Оттуда я повёл Барба и Джада к машинному цеху.

— Пришельцы глушат навигационные спутники, — объявил я.

— Или вообще их сбили! — воскликнул Барб.

— Тогда купим секстан, — предложил фраа Джад.

— Их не делают четыре тысячи лет, — ответил я.

— Так давайте сделаем.

— Я понятия не имею, где продаются запчасти для секстанов.

Мои слова показались ему забавными.

— Я тоже. Я полагал, что мы сделаем секстан, исходя из общего принципа.

— Да! — фыркнул Барб. — Это всего лишь геометрия, Раз!

— В настоящую эпоху этот материк покрыт густой сетью дорог с твёрдым покрытием, снабженных многочисленными указателями и другими средствами навигации, — объявил я.

— Хм, — сказал фраа Джад.

— С помощью этой штуки, — я помахал картаблой, — мы отыщем дорогу в концент светителя

Тредегара, не собирая секстан из общего принципа.

Фраа Джад несколько огорчился. Впрочем, через минуту нам попался канцелярский магазин. Я заскочил туда, купил транспортир и вручил фраа Джаду в качестве первой детали его самодельного секстана. На Джада это произвело сильнейшее впечатление. Я заключил, что он впервые увидел в экстрамуросе что-то для себя понятное.

— Это храм Адрахонеса? — спросил он, глядя на магазин.

— Нет. — Я решительно зашагал прочь. — Это праксис. Им нужна простейшая тригонометрия, чтобы делать пандусы для инвалидных колясок и дверные ограничители.

— И всё равно, — заметил фраа Джад, с сожалением оглядываясь на магазин, — у них должны быть какие-то представления о...

— Фраа Джад, — сказал я, — они ничего не знают о Гилеином теорическом мире.

— Вот как. Совсем ничего?

— Совсем. Всякий, кто видит отблеск Гилеина мира, давит его в себе, сходит с ума или оказывается в конценте светителя Эдхара. — Я обернулся и поглядел на него. — Как ты думаешь, откуда взялись мы с Барбом?

После того как этот вопрос окончательно разрешился, Барб и Джад без принуждения двинулись за мной. Всю дорогу вдоль западной стены концента к машинному цеху они говорили о секстанах.

— Умеешь ты исчезать и появляться в самый неожиданный момент, — приветствовала меня сестра.

Когда мы вошли, у них происходил какой-то общий консилиум. Все на нас вытаращились. Особенно один человек постарше.

— Кто он и за что так на меня зол? — спросил я, в свою очередь, разглядывая его.

— Это мой начальник, — ответила Корд. Я заметил, что лицо у неё мокрое.

— А. Хм. Ясно. Я понятия не имел, что у тебя есть начальник.

— Здесь почти у всех есть начальники, Раз, — сказала она. — А когда начальник так на тебя смотрит, невежливо пялиться в ответ, как ты сейчас.

— Это какой-то жест социального доминирования?

— Да. А врываться на чужое производственное собрание — вообще ни в какие ворота.

— Ладно, раз уж твой начальник на меня смот-

рит, может, я сообщу ему, что...

— Ты назначил тут своим встречу в полдень?

— Да.

— И как ему должно понравиться, что ты — совершенно посторонний человек — не спросясь его, пригласил толпу совершенно посторонних людей на действующее производство с кучей опасного оборудования?

— Понимаешь, Корд, это действительно важно. И ненадолго. Потому-то у тебя и твоих коллег сейчас встреча?

— Это первый пункт повестки дня.

— Как по-твоему, он на меня набросится? Я немножко владею искводо. Не как Лио, но всё-таки...

— Вообще-то это делается иначе. Здесь было бы юридическое разбирательство. Но поскольку у вас свои законы, он не может тебя тронуть. И по всему сдаётся, что власти просят его разрешить вашу встречу. Сейчас он договаривается с ними о компенсации. И параллельно ведёт переговоры со страховой компанией, чтобы это не повлияло на его страховку.

— Надо же, как у вас тут всё сложно.

Корд взглянула в сторону президия и шмыгнула носом.

— А у вас... просто?

Я задумался.

— Наверное, моё исчезновение в Десятую ночь выглядело для тебя так же чудно, как для меня — страховка твоего начальника.

— Да уж.

— Ну, это вышло не по моей воле. И я ужасно расстроился. Наверное, не меньше, чем ты сейчас.

— Вряд ли, — сказала Корд. — Потому что за десять секунд до твоего прихода меня уволили.

— Совершенно иррациональный поступок! Даже по экстрамуросским меркам! — возмутился я.

— И да, и нет. Да, бред, что меня уволили за решение, которое ты принял без моего ведома. Нет, потому что я здесь — белая ворона. Я девушка. Я работаю на станке, делаю украшения. И детали для ита, которые платят за них мёдом.

— Послушай, мне ужасно жаль.

— Не надо, ладно?

— Если я чем-нибудь могу... если ты захочешь вступить в матик...

— В тот матик, из которого тебя только что выпнули?

— Я просто хотел сказать, если я могу чем-то тебе возместить...

— Подари мне приключение.

В следующий миг Корд поняла, как дико это прозвучало, и смутилась. Она подняла руки.

— Я не про серьёзное приключение. Что-нибудь такое, чтобы остальное показалось мелочью. Чтобы мне было о чём вспоминать в старости.

Я впервые мысленно перебрал события последних двенадцати часов. У меня немножко поплыло в голове.

— Раз? — спросила Корд, потому что я долго не отвечал.

— Я не умею предсказывать будущее, но, судя по тому немногому, что мне известно, приключение будет серьёзное.

— Класс!

— Возможно, из тех, что заканчиваются массовыми захоронениями.

Корд немного притихла. Помолчав, она уже совершенно другим голосом спросила:

— Вам нужен транспорт? Инструменты? Что-нибудь ещё?

— Нам угрожает инопланетный корабль, начинённый атомными бомбами, — сказал я. — У нас есть транспортир.

— Ладно, я сбегаю домой за линейкой и куском бечёвки.

— Отлично!

— Встретимся здесь в полдень. Если, конечно, меня сюда пустят.

— Я прослежу, чтоб пустили. Да, Корд...

— Что?

— Сейчас, наверное, неподходящее время просить... но не могла бы ты сделать мне одолжение?

Я ушёл в тень большого навеса над каналом, сел на штабель деревянных поддонов, вытащил картаблу и стал разбирать её интерфейс. Времени потребовалось больше, чем я ожидал, потому что она была сделана не для грамотных. Я никак не мог освоить поисковые функции из-за того, что криворукие разработчики постарались упростить мне поиск.

— И где этот треклятый Блаев холм? — спросил я Арсибальта, когда тот подошёл. Близился полдень. Собралась уже примерно половина вызванных. Перед цехом начал выстраиваться небольшой караван мобов и кузовилей — украденных, одолженных или пожертвованных, я понятия не имел.

— Я это предусмотрел, — сообщил Арсибальт.

— Реликвии Блая — в Эдхаре, — напомнил я.

— Были, — поправил он.

— Отлично! Что ты стянул?

— Изображение холма, как он выглядел примерно тысячу триста лет назад.

— И космографические записки? — с надеждой спросил я.

— Увы, — Арсибальт страшно удивился.

— Зачем тебе космографические записки светителя Блая?

— В них должны быть отмечены широта и долгота места, с которого он вёл наблюдения.

Тут я вспомнил, что мы всё равно не можем определять широту и долготу. Но, может быть, они запрятаны где-нибудь в пользовательском интерфейсе картаблы.

— Возможно, оно и к лучшему, — вздохнул Арсибальт.

— Чего?!

— Мы должны ехать прямиком в концент светителя Тредегара. Блаев холм — не по дороге.

— Думаю, это не такой уж большой крюк.

— Ты же сказал, что не знаешь, где он.

— У меня есть догадки.

— Мы даже не знаем наверняка, что Ороло ушёл именно туда. Как ты убедишь семнадцать инаков отклониться от маршрута в поисках человека, которого предали анафему несколько

месяцев назад?

— Арсибальт, я тебе не понимаю. Зачем ты крал реликвии Блая, если не собирался искать Ороло?

— Когда я их крал, — ответил Арсибальт, — я ещё не знал, что это будет конвокс.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы восстановить его логику.

— Ты не знал, что мы вернёмся.

— Верно.

— Ты решил, что мы, сделав то, что от нас требуется...

— Найдём Ороло и будем жить дикарями.

Это было занятно и по-своему даже трогательно, но никак не помогало разрешить насущную задачу.

— Арсибальт, ты отметил закономерность в жизни светителей?

— И даже не одну. Какая именно закономерность тебя интересует?

— Очень многих отбросили до того, как в них распознали светителей.

— Допустим, ты прав, — сказал Арсибальт. — Но Ороло канонизируют ещё не скоро; пока он не светитель.

— Простите, — сказал коренастый человек, который недавно подошёл к нам и теперь стоял,

засунув руки в карманы. — Ты тут главный?

Он смотрел на меня. Я огляделся, пытаясь понять, что ещё натворили Барб с Джадом. Барб стоял неподалёку, рассматривал птиц, устроивших гнёзда под стальными потолочными балками. Он рассматривал их уже час. Джад сидел на корточках и обрезком стальной трубки рисовал на пыльной дорожке какую-то схему. Вскоре после нашего прихода он забрёл в цех и сообразил, как включить токарный станок. Тут-то бывший начальник Корд и впрямь чуть не набросился на меня с кулаками. После этого и Барб, и Джад вели себя относительно прилично. Так почему этот экс спрашивает, кто тут главный? На лице его не было злобы или испуга. Скорее... растерянность.

Я подумал, что мне есть смысл прикинуться главным. Так я смогу немного направлять события туда, куда мне хочется их направить, — по крайней мере, пока меня не разоблачат.

— Да, — ответил я. — Меня зовут фраа Эразмас.

— Рад познакомиться. Ферман Беллер. — Он протянул руку — неуверенно, потому что не знал, так ли надо с нами здороваться. Я ответил крепким рукопожатием, и он успокоился. На вид ему было лет пятьдесят с лишним.

— Хорошая у тебя картабла, — продолжал Ферман.

Я страшно удивился, потом сообразил, что эксам можно иметь больше, чем три предмета, и они часто используют их как предлог, чтобы завести разговор.

— Спасибо, — ответил я. — Жалко только, не работает.

Ферман хохотнул.

— Ничего, до места доберёмся!

Я понял, что он из тех местных, которые вызвались нас везти.

— Послушай, — продолжал он, — тут один малый хочет с тобой поговорить. Не знаю, можно ли ему подойти.

Я обернулся и увидел человека с чёрным цилиндром на голове, смотрящего в мою сторону.

— Скажи Самманну, пусть идёт сюда, — ответил я.

— Ты спятил! — зашипел Арсибальт, когда Ферман отошёл настолько, что уже не мог слышать его шёпота.

— Я за ним послал.

— Как ты мог послать за ита?

— Я попросил Корд.

— Она здесь? — уже совсем другим тоном спро-

сил он.

— Она *со своим парнем* должна подойти с минуты на минуту. — Я спрыгнул со штабеля. — Давай разберись, где Блаев холм.

И я вручил ему картаблу.

Колокола провенера повернули какой-то тумблер у меня в мозгу, как у тех несчастных собак, на которых древние светители изучали принципы нервной деятельности. Сперва я испугался, что снова опоздал. Следом руки и ноги заныли от тоски по физическому усилию. Затем проснулся голод. И наконец, я расстроился, что часы заводят без меня.

— Мы будем в основном говорить на орте, потому что многие из нас не понимают флукского, — объявил я со штабеля всем собравшимся: семнадцати инакам, одному ита и переменному числу мирян (оно варьировало в зависимости от способности конкретного индивидуума отлипнуть от своей жужулы и вообще не отвлекаться, но в среднем составляло двенадцать). — Суура Тулия будет переводить часть того, что мы говорим, но в основном разговор пойдёт о вещах, интересных только инакам. Если хотите, можете пока обсудить логистику — например, где мы будем обедать.

Арсибальт с жаром закивал.

Я немножко тянул время: ждал, когда кто-нибудь напомнит, что никто меня главным не назначал. Однако я объявил собрание и стоял на штабеле.

И ещё. Возглавить нас должен был десятилетник, который знает флукский и ориентируется в экстрамуросе. Не то чтобы я тут был спец, однако столетник справился бы ещё хуже. Фраа Джад и центенарии не могли выбирать из десятилетников, потому что пробыли рядом с нами совсем недолго. Однако они годами видели, как мы четверо заводим часы. То, что наши с Лио и Арсибальтом лица всем знакомы, давало нам преимущество. Идеальным вожаком был бы Джезри, но его вызвали раньше. Арсибальта я привлёк на свою сторону, заговорив об обеде. Лио был слишком чудной. Так что без всякой логики вожаком оказывался я. И я решительно не знал, что сказать.

— Нам придётся распределиться по нескольким машинам, — начал я на орте. — На первое время сохранятся группы из десятилетников и столетников, составленные в притворе. Потому что так проще, — добавил я, видя, что фраа Виберт — десятилетник, старше меня — готов заявить

протест. — Позже, если захотите, можно будет поменяться. Но каждый десятилетник должен следить, чтобы его столетник не оказался в машине, где никто не говорит по-ортски. Думаю, мы все охотно возьмём на себя такую обязанность, — продолжал я, глядя Виберту в глаза. Тот уже открыл рот, чтобы меня уплощить, но почему-то сдержался. — Как группы разделятся по машинам? Моя сестра, Корд, девушка в жилете с инструментами, согласилась подвезти кого-нибудь на своём кузовиле. Это флукское слово. Оно означает колёсное транспортное средство, похожее на ящик. Корд хочет, чтобы я и её партнер по отношениям Роск — высокий молодой человек с длинными волосами — ехали с ней. Фраа Джада и Барба я беру к себе. Я пригласил с нами ита — его зовут Самманн. Знаю, многие из вас возразят, — (они уже возражали), — поэтому он поедет в кузовиле вместе со мной.

— Недопустимо сажать тысячелетника вместе с ита! — воскликнула суура Ретлетта — тоже десятилетница.

— Фраа Джад, — сказал я. — Простите, что обсуждаем вас как отсутствующего. Разумеется, вы сами решите, с кем ехать.

— В странствии положено соблюдать канон!

— влез со своим напоминанием Барб.

— Ребята, вы пугаете эксов, — пошутил я. Глядя через головы моих фраа и суур, я видел, что миряне смущены нашим спором. Тулия перевела мою последнюю реплику. Эксы засмеялись, инаки — нет. Но они по крайней мере немного умерили пыл.

— Фраа Эразмас, позволь мне? — спросил Арсибальт. Я кивнул. Арсибальт повернулся к Барбу и заговорил громко, чтобы слышали остальные:

— Мы получили два взаимоисключающих указания. Первое — древнее требование соблюдать в странствиях канон. Второе — приказ добраться до Тредегара любым способом. Нам не предоставили пломбированный вагон или другое транспортное средство, способное служить передвижным клуатром. Мы поедем на частных машинах или не поедем вовсе. И никто из нас не умеет водить машину. Я напомню, что из двух приказов выполняется последний по времени и придётся нам ехать в обществе эксов. А уж ехать с ита ничуть не хуже. Я бы даже сказал, лучше, потому что ита знают канон.

В продолжение этой речи Барб явно набивал свой колчан контрдоводами. Я заговорил быстро, не дожидаясь, пока он спустит тетиву.

— Самманн едет в кузовиле Корд со мной. Фраа Джад — с кем захочет.

— Я поеду, как ты предложил, а если меня это не устроит, пересяду, — сказал фраа Джад. Остальные инаки на мгновение умолкли просто потому, что многие впервые услышали его голос.

— Возможно, это придётся сделать прямо сейчас, — ответил я. — Потому что первый пункт назначения нашего кузовиля — Блаев холм, где я намерен отыскать фраа Ороло.

Теперь эксам и впрямь было чего испугаться, такой шум подняли возмущённые инаки. Моё самозваное лидерство чуть на этом не кончилось, но прежде, чем меня стащили вниз и подвергли анафему, я кивнул Самманну. Тот выступил вперёд. Я протянул руку и помог ему взобраться на штабель. Инак коснулся ита! Это было настолько неожиданно, что зрители растерялись. Самманн заговорил. После первых же слов все умолкли и дальше слушали, как зачарованные. Правда, две центенарские сууры в знак протеста заткнули себе уши и закрыли глаза. Ещё трое повернулись к нему спиной.

— Фраа Спеликон поручил мне достать из телескопа светителей Митры и Милакса фотомнемоническую табулу, оставленную там фраа

Ороло за несколько часов до того, как мать-инспектриса закрыла звездокруг. — Самманн говорил на правильном орте, но с необычным акцентом. — Я подчинился. Однако он не дал никаких указаний касательно режима защиты данных. Поэтому, прежде чем отдать табулу, я её скопировал. — Самманн вытащил из висевшей на плече сумки фотомнемоническую табулу. — На ней изображение, которое фраа Ороло снял, но так и не смог увидеть, — продолжал он, включая табулу. — Фраа Эразмас посмотрел её несколько секунд назад. Вы, если хотите, можете взглянуть сейчас.

Он протянул табулу ближайшему инаку. Остальные столпились вокруг, хотя некоторые по-прежнему в упор не замечали Самманна.

— Нужно быть осторожным и не показывать это эксам, — сказал я. — Вряд ли они догадываются, с чем мы столкнулись.

«Мы» означало «все жители Арба».

Однако никто меня не слышал — все смотрели на табулу.

Она не убедила инаков, что я прав, но хотя бы отвлекла их от спора. Мои потенциальные сторонники почерпнули в ней новую уверенность. Остальные просто испугались.

На то, чтобы разобраться по машинам, ушёл час. Я бы в жизни не подумал, что это такое долгое дело. Заключались союзы, в которых тут же происходил раскол. Коалиции возникали и распадались, как виртуальные частицы. В большом кузовиле Корд было три ряда сидений. В нём должны были ехать она сама, Роск, я, Барб, Джад и Самманн. У Фермана Беллера оказался большой моб для езды по неровным поверхностям. Туда как раз помешались Лио, Арсибальт и трое столетников, решивших поехать с нами. Мы считали, что удачно распределились по двум большим машинам, но в последний миг ещё один экс (до последней минуты он безостановочно говорил по жужуле), объявил, что присоединяется к нам. Экса звали Ганелиал Крейд, и он явно был богопоклонник из какой-то контрбазианской скинии — последователь небесного эмиссара или нет, мы не знали. У него был кузовиль с открытой грузовой платформой. Всю её занимал трёхколёсник на толстых рифлёных шинах. В кабине, кроме водителя, помещались только двое. Никто не хотел ехать с Ганелиалом Крейдом. Мне стало его жалко, но не настолько, чтобы к нему сесть. Наконец какой-то молодой знакомый Крейда выступил вперёд, забросил в кузов вещмешок и влез

на сиденье рядом с водительским. Таким образом, компания, едущая на Блаев холм, определилась.

Те, кто ехал прямиком в Тредегар, уместились в четырёх мобах. В каждом был хозяин-водитель и один десятилетник: Тулия, Остабон, Ретлетта и Виберт. Остальные сиденья заняли столетники и миряне, вызвавшиеся сопровождать их в пути. Кроме Корд и Роска, все эксы, как мы поняли, принадлежали к религиозным группам, что в большей или меньшей степени смущало всех инаков. Наверное, будь поблизости военная база, мирская власть поручила бы солдатам переодеться в штатское и доставить нас в Тредегар. Но базы рядом не было, и власти обратились к организациям, которым привычнее всего собирать добровольцев, то есть к скиниям. Когда я так это объяснил, инаки немного успокоились. Десятилетники вроде всё поняли. Столетники никак не могли взять в толк саму идею и требовали ответить, какую деологию исповедуют их будущие водители, что отнюдь не ускоряло процесс рассаживания по машинам.

Ганелиалу Крейду было, наверное, за сорок, но он выглядел моложе из-за щуплого телосложения и отсутствия усов. Он объявил, что знает, где Блаев холм, и поедет вперёд, а мы за ним. Потом

он сел в свой кузовиль и завёл мотор. Ферман Беллер подошёл к дверце и улыбался, пока Крейд не опустил боковое стекло. Они заговорили. Скоро стало понятно, что они спорят. Пассажир Крейда смотрел на Беллера с растущей неприязнью.

Я вновь ощутил жаркий, расползающийся от темени стыд. Ганелиал Крейд говорил так уверенно, что я вообразил, будто они с Ферманом Беллером всё заранее согласовали. Теперь было очевидно, что это не так. А я-то приготовился ехать за Крейдом, куда тот скажет!

Теперь я понял, что, вылезши в лидеры, заработал себе нескончаемую головную боль: меня постоянно будут склонять к неправильным поступкам или оттеснять от принятия решений.

— Вожак сыскался! — сказал я, имея в виду себя.

— А? — спросил Лио.

— Не позволяй мне больше делать глупости, — приказал я Лио (он, кажется, ничего толком не понял) и двинулся к кузовилю Крейда. Лио и Арсибальт пошли следом на некотором отдалении. Крейд и Беллер явно ругались. Мне не хотелось в это дело встревать, но надо было как-то выправить ситуацию.

Беда заключалась в том, что Крейд, по его сло-

вам, знал, где Блаев холм, а мы — нет. Это была моя оплошность. Я открыто сказал, что не знаю, куда ехать. В конценте нормально признаться в своём невежестве, потому что это — первый шаг на пути к истине. Здесь такое признание даёт людям вроде Крейда повод перехватить инициативу.

— Простите! — крикнул я. Беллер и Крейд перестали спорить и посмотрели на меня. — Один из моих братьев захватил из концента древний документ, где сказано, куда нам ехать. Кроме того, с нами ита, и у нас есть топокарты в картабле. Мы и сами найдём дорогу.

— Я точно знаю, куда отправился ваш друг, — начал Крейд.

— Мы не знаем, — ответил я, — но, как я уже говорил, довольно скоро выясним.

— Просто следуйте за мной и...

— Это очень ненадёжный план. Мы можем потерять вас в потоке машин.

— Тогда вы просто позвоните мне по жужуле.

Я расстроился, потому что Крейд оказался разумней меня, но отступать было поздно.

— Мистер Крейд, — сказал я. — Можете ехать вперёд и получить моральное удовлетворение от того, что доберётесь до места раньше. Однако

если вы посмотрите в зеркало заднего вида и не увидите нас, то знайте, что мы решили положиться на собственное мнение.

Теперь Крейд и его пассажир возненавидели меня на всю жизнь, но по крайней мере с этим было покончено.

План, впрочем, потребовал новых перестановок. Я и Самманн пересели к Ферману, чтобы вместе с Арсибальтом показывать ему дорогу. Лио и один столетник заняли наши места в кузовиле Корд. Ганелиал Крейд рывком тронулся с места, обдав нас фадом щебня из-под колёс.

— Он так похож на литературного злодея, что даже смешно, — заметил Арсибальт.

— Да, — сказал один из столетников. — Как будто он никогда не слышал о сюжетных намёках!

— Скорее всего не слышал, — ответил я. — Но не забывайте, пожалуйста, что наш водитель — единственный экс в машине. Давайте из уважения к нему хотя бы часть времени говорить на флукском.

— Говорите, — отозвался столетник. — А я проверю, удастся ли мне выделить в предложениях подлежащие и сказуемые.

Фраа Кармолату, как звали этого столетника, был немножко зануда, но его готовность ехать с

нами внушала надежду, что всё не так плохо. Он был лет на пять—десять старше Ороло и, возможно, друг Пафлагона.

— Много ли дорог идёт на северо-восток параллельно горам? — спросил я Беллера, надеясь услышать: «Только одна».

— Несколько, — ответил он. — Как поедем, командир?

— Холм, по определению, отдельно стоящая форма рельефа, а не часть горной цепи, — сказал Арсибальт на орте.

— Он расположен на возвышенности к югу от хребта, — объявил я на флукском. — Горной дорогой ехать не надо.

Беллер дал газ. Я помахал Тулии. Вид у неё был несколько потрясённый. Мы и впрямь отъехали чересчур быстро, но я боялся, что, если мы задержимся ещё на минуту, разразится очередной кризис. Тулия решила отправиться прямиком в Тредегар, надеясь отыскать там Алу. Возможно, мне следовало поступить так же. Однако выбор был не из лёгких, и я считал, что принял правильное решение. Если всё пойдёт хорошо, мы прибудем в Тредегар лишь на два дня позже Тулии. Она и без нас прекрасно довезёт туда свою группу.

На выезде из города мы остановились, вернее, притормозили в таком месте, где можно быстро купить еду. В моём детстве такие рестораны уже были, а вот для центенариев это оказалось новшеством. Я невольно видел всё глазами столетников: странный разговор с невидимой подавальщицей, швыряемые в окошко пакеты, порционные соль и перец, попытки есть в несущемся по шоссе мобе, груды бумажного мусора, заполнившие всё свободное пространство, запах горячего жира, аппетитный лишь в первые мгновения.

****

***Базская ортодоксия**, государственная религия Базской империи, пережившая падение База и создавшая матическую систему, параллельную картазианской и независимую от неё. Сохранилась как одна из главных религий База.*

***Контрбазианизм**, религия, основанная на тех же писаниях и чтящая тех же пророков, что базская ортодоксия, но категорически отвергающая иерархию и некоторые догматы базско-ортодоксальной веры.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

К тому времени, как мы закончили есть, президий уже скрылся из виду. Район, где живут пены, в основном остался позади. Мы ехали как бы по приливной полосе между городом и деревней. Как море в отлив оставляет за собой коряги и груды водорослей, так сельская местность, отступая, оставляла за собой чахлые деревца и заросли дурнопли. Дохлым рыбинам соответствовали трупы сбитых машинами животных, пустым бутылкам и поломанным лодкам — пустые бутылки и ржавые кузовили. Промышленно значимое предприятие здесь было одно — комплекс по переработке топливного дерева. Возле него мы ненадолго застряли в пробке из наливных грузотонов. По счастью, они по большей части ехали в другую сторону. Выбравшись из пробки, мы довольно скоро оказались среди огородов и плодовых садов.

В первой машине, кроме меня и Фермана Беллера, ехали Арсибальт, Самманн и два столетних фраа — Кармолату и Гарбрет. Во второй — Корд, Роск, Лио, Барб, Джад и ещё один эдхарианец из столетнего матика — фраа Крискан. Я заметил статистическое отклонение: среди нас была всего одна женщина, моя сестра, не очень-то похожая на других женщин. В интрамуросе такой пере-

кос увидишь довольно редко. В экстрамуросе всё зависит от преобладающих религиозных и общественных порядков эпохи. Естественно, я задумался, как так вышло, и некоторое время вспоминал наше часовое рассаживание по машинам. Главным фактором, разумеется, было отношение к Ороло и намерению его отыскать: что-то в нашей затее привлекало мужчин и отталкивало женщин.

Без Ганелиала Крейда нас было двенадцать. Обычная численность спортивной команды или небольшого воинского подразделения. Многие исследователи считают, что таким был естественный размер охотничьего отряда в Каменном веке. Так или иначе, сработал тут примитивный поведенческий механизм, закодированный в наших цепочках, или просто случайность, вышло то, что вышло. Несколько минут я гадал, не обиделись ли на меня Тулия и другие сууры, едущие прямиком в Тредегар, потом бросил, потому что надо было выбирать дорогу.

По рисунку, который захватил из концента Арсибальт (там на заднем плане был силуэт горной цепи), некоторым намёкам в истории светителя Блая, как излагает её хроника, и сведениям, которые Самманн посмотрел в своей супержужуле,

мы нашли на карте три отдельно стоящих холма, один из которых мог оказаться Блаевым. Они образовывали треугольник со стороною миль двадцать примерно в двухстах милях от того места, где мы находились сейчас. Вроде бы совсем близко, но Беллер, посмотрев на карту, сказал, что сегодня мы туда не попадём. Дороги, объяснил он, тут «из нового гравия», по ним быстро не поедешь. Если даже и успеем сегодня, то уже в темноте, когда ничего сделать не сможем. Лучше переночевать где-нибудь неподалёку в подходящем месте, а тронуться с утра пораньше.

Я не понимал, что значит «новый гравий», пока несколько часов спустя мы не свернули с трассы на дорогу, которая когда-то давно была замощена плитами. Наверное, ехать совсем без дороги вышло бы ненамного дольше, чем вилять по мозаике растресканных блоков.

По преувеличенной вежливости, с которой Арсибальт обращался к Самманну, было видно, что соседство ита его смущает.

Он пересел вперёд под предлогом, что его укачало, и заговорил с Ферманом на флукском. Я занял место Арсибальта и попытался уснуть. Время от времени моб подпрыгивал на выбоине, я невольно приоткрывал глаза и в полусне видел

болтающийся на приборной панели религиозный фетиш. Я не эксперт по скиниям, но был почти уверен, что Ферман — базский ортодокс. По большому счёту это такая же дичь, как то, во что верит Ганелиал Крейд, но куда более традиционная и предсказуемая.

Тем не менее, если бы группа религиозных фанатиков захотела похитить десяток инаков, она не смогла бы измыслить лучшего способа. Вот почему я резко проснулся, когда Ферман Беллер произнёс слово «Бог».

До сих пор он избегал этой темы, что было мне совершенно непонятно. Если ты искренне веришь в Бога, как ты можешь сформулировать хоть одну мысль, произнести хоть одну фразу, не упоминая Его? Однако богопоклонники вроде Беллера могли часами говорить, не затрагивая Бога даже вскользь. Может, его Бог далеко от наших дел. Или — более вероятно — присутствие Бога настолько для него очевидно, что он не чувствует потребности об этом говорить, как я не говорю через слово, что дышу воздухом.

В голосе Беллера звучала растерянность. Не злость, не обида, а искренняя растерянность дядюшки, неспособного втолковать племяннику что-то совсем простое. Мы вроде такие умные.

Почему мы не верим в Бога?

— Мы придерживаемся булкианского канона, — с готовностью ответил Арсибальт, радуясь случаю рассеять непонимание. Не знаю, почему он вообразил, будто легко убедит Беллера взглянуть на вещи нашими глазами. — Это не то же самое, что не верить в Бога. Хотя, — поспешно добавил он, — я понимаю, почему так представляется тем, кто не знаком с булкианской системой.

— Я думал, ваш канон идёт от светительницы Картазии, — сказал Беллер.

— Да. Многие наши практики восходят непосредственно к картазианским принципам Древней матической эпохи. Однако многое было добавлено, а кое-что осталось в прошлом.

— И Булк — светитель, который что-то добавил?

— Нет, булка — это маленький хлебец.

Беллер натужно хохотнул — так эксы смеются, когда при них отпускают несмешную шутку.

— Я серьёзно, — сказал Арсибальт. — Булкианство получило название от булочек к чаю. Это система мышления, открытая примерно в середине периода между Пробуждением и Ужасными событиями. На пике цивилизации эпохи Праксиса, так сказать. Двумя столетиями раньше

ворота матиков распахнулись, инаки вышли и смешались с мирянами — по большей части с богатыми и влиятельными. Арбский шар был к тому времени исследован и закартирован, законы динамики — открыты. Начиналось их праксическое использование.

— Эра механики? — Беллер с трудом выудил из памяти словцо, которое его заставили выучить в сувине много лет назад.

— Да. В те времена умные люди могли прокормиться тем, что просто болтались в салонах, обсуждали метатеорику, писали книги, давали уроки подрастающим аристократам и детям промышленных воротил. То были самые гармоничные отношения между... э...

— Нами и вами? — подсказал Беллер.

— Да. Со времён золотого века Эфрады. Так вот, жила тогда знатная дама, леди Барито. Её муж был безмозглый повеса, но это не важно, а важно, что она, пользуясь его отсутствием, завела у себя дома салон. Все лучшие метатеорики старались попасть туда в тот час, когда из печи доставали горячие булочки. Посетители сменялись, неизменной участницей собраний была одна леди Барито. Она писала книги, но сама тщательно оговаривала, что изложенные в них мысли не

принадлежат конкретному человеку. Кто-то пустил выражение «булкианское мышление», и оно прижилось.

— И ещё через двести лет это мышление вошло в ваш канон?

— Да, хоть и не как официальное правило, скорее как набор привычек. Мыслительных привычек, которые многие новые инаки разделяют ещё до того, как вступить в ворота.

— Например, не верить в Бога?

И тут, хоть мы ехали по ровной местности, я почувствовал себя на горной дороге над тысячефутовым обрывом, куда Беллер может нас отправить одним движением рычага. Арсибальт, напротив, был совершено спокоен, что меня удивило: он нередко психовал в разговорах на куда менее опасные темы.

— Чтобы в этом разобраться, надо сгрызть тонну сухарей, — начал он.

Этим флукским выражением мы с Лио, Джезри и Арсибальтом называли долгое и неблагодарное копание в книгах, но Беллера оно совершенно сбило с толку: он решил, что речь снова о булочках, и Арсибальту пришлось минуту-две распутывать кулинарные ассоциации.

— Я попытаюсь обрисовать коротко, — про-

должил он, когда с этим наконец разобрались. — Булкианское мышление — третий путь между неприемлемыми альтернативами. К тому времени уже поняли, что думаем мы мозгами. — Он постучал себя по голове. — И что люди получают информацию от глаз, ушей и других органов чувств. Наивное представление состоит в том, что мозг воспринимает непосредственно реальный мир. Я вижу кнопку на твоей приборной панели, касаюсь её пальцем...

— Не трогай! — предупредил Беллер.

— Я вижу, что ты её видишь и думаешь о ней, из чего делаю вывод, что она и впрямь здесь, как уверяют меня глаза и пальцы, и что, думая о ней, я думаю о реальном мире.

— Это вроде как очевидно, — заметил Беллер.

Наступила неловкая пауза, которую нарушил Беллер, сказав добродушно:

— Наверное, поэтому вы и называете это наивным.

— Противоположная крайность — когда утверждают, будто всё, что мы думаем и знаем о мире вне нас, — иллюзия.

Беллер довольно долго обдумывал услышанное, потом сказал:

— Ну это уже какая-то наглость, так о себе во-

ображать.

— Булкианцев не устраивало ни то ни другое. И как я уже говорил, они выработали третий подход. «Когда мы думаем о мире — или практически о чём бы то ни было, — объявили они, — мы на самом деле думаем о наборе данных, поступающих в мозг от глаз, ушей и так далее». Если вернуться к нашему примеру: мне даны зрительный образ кнопки и воспоминания о том, какой она была на ощупь. Но это всё, что у меня есть. Мозг не может вступить в прямой контакт с кнопкой — у него просто нет к ней доступа. Мозг работает со зрительными и осязательными впечатлениями — данными, поступающими в наши нервы.

— Кажется, я понял. Это не такая наглость, как другой взгляд, о котором ты говорил. Но я не вижу, чтобы такой подход что-то менял.

— Он меняет, и очень многое, — ответил Арсибальт. — Но чтобы понять, что именно, как раз и надо сгрызть тонну сухарей. Поскольку, начиная с этой идеи, булкианцы разработали целую метатеорическую систему. Она была настолько влиятельна, что с тех пор никто не мог заниматься метатеорикой, пока не освоит булкианство. Все последующие метатеорики — его опровержение, исправление либо развитие. И один из главных

выводов, к которому ты приходишь, когда сгрызешь тонну сухарей, что...

— Бога нет?

— Нет, вывод другой и формулируется не так просто. Суть в том, что некоторые вещи просто вне разрешённой зоны. Существование Бога — одна из них.

— Что значит «вне разрешённой зоны»?

— Если проследить логические доводы булкианской системы, то придёшь к выводу, что наш разум не способен продуктивно думать о Боге — если под Богом подразумевать базско-ортодоксального Бога, внепространственно-временного, то есть не существующего в пространстве и времени.

— Но Бог всегда и везде, — возразил Беллер.

— Однако что ты на самом деле имеешь в виду, когда так говоришь? Твой Бог больше, чем эта дорога, чем та гора и все остальные материальные объекты во вселенной, вместе взятые, так ведь?

— Конечно. Само собой. Иначе мы были бы природоверами или вроде того.

— Так что для твоего определения Бога крайне существенно, что Он — больше, чем просто большая груда вещества.

— Разумеется.

— Так вот, «больше», по определению, вне пространства и времени. А булкианцы доказали, что мы просто не можем продуктивно мыслить о том, что не воспринимаем органами чувств. И я уже вижу по твоему лицу, что ты не согласен.

— Я не согласен! — подтвердил Беллер.

— Но это не суть. Суть в том, что после булкианцев люди, которые занимаются метатеорикой, перестали говорить о Боге и о некоторых других вещах, таких как свободная воля или что было до вселенной. Вот что я подразумеваю под булкианским каноном. Ко времени Реконструкции он вошёл в наш. Не по чьему-либо сознательному решению — над этим просто не задумывались.

— Да, но за четыре тысячи лет, при такой-то куче свободного времени, кто-нибудь мог задуматься?

— У нас меньше свободного времени, чем ты полагаешь, — мягко ответил Арсибальт. — И всё равно, многие люди об этом думали, создавали ордена, посвящённые отрицанию Бога или вере в Него. Волны прокатывались по матикам в ту и другую сторону. Но ни одна из них не сдвинула нас с основополагающих принципов булкианства.

— Ты веришь в Бога? — напрямик спросил

Беллер.

Я завороженно подался вперёд.

— Последнее время я много читаю о том, что не принадлежит пространству-времени, однако, как полагают, существует.

Я понял, что Арсибальт говорит про объекты Гилеина теорического мира.

— Разве это не против булкианского канона? — спросил Беллер.

— Против, — ответил Арсибальт, — но тут нет ничего страшного, если не скатываться к наивному подходу — как будто леди Барито не написала ни слова. Булкианцев часто упрекают в том, что они почти не знали чистую теорику. Многие теоры, глядя на труды Барито, говорят: «Минуточку, здесь чего-то недостаёт. Мы можем напрямую оперировать внепространственно-временными объектами, когда доказываем теоремы и так далее». Вот о таком я и читал в последнее время.

— То есть ты можешь увидеть Бога через занятия теорикой?

— Не Бога, — ответил Арсибальт. — Во всяком случае, не того Бога, которого признает хоть одна скиния.

После этого ему удалось перевести разговор на другую тему. Наверное, Арсибальт, как и я, гадал,

что власти предержащие сказали Ферману Беллеру и другим, когда объявили сбор добровольцев.

Напрашивался ответ: немногое. Мирской власти надо решить головоломку — дело как раз для инаков. Промежуточный шаг: требуется переместить из точки А в точку Б несколько фраа и суур, чтобы они поработали над задачкой. Люди вроде Беллера испытывают к нам вполне понятное любопытство. Все они в сувинах слышали про Реконструкцию, все знают, что мы играем в поддержании их цивилизации какую-то важную, пусть и эпизодическую роль. Разумеется, они в восторге, что механизм включили хотя бы раз за их жизнь, и гордятся своим участием, но понятия не имеют, из-за чего всё завертелось.

Стало совсем жарко, и мы остановились передохнуть в лесополосе рядом с заброшенной фермой. Крейда мы не видели много часов, но кузовиль Корд ехал прямо за нами. Мы вылезли из машин; некоторые пошли размять ноги, другие легли подремать. На северо-западе темнели горы, хотя если не знать, что это они, их можно было принять за штормовой фронт. Морские ветры дуют с севера, влага из них выпадает дождями на дальних склонах хребта, питая реку, текущую к нашему конценту. Южные склоны, соответ-

ственно, засушливые: без полива здесь растут лишь редкие пучки травы и низкий жестколистный кустарник с сильным смолистым запахом. В разные эпохи мирская власть вновь и вновь проводила орошение, и тогда здесь выращивали овощи и зерно, но сейчас был очередной период упадка: это явствовало из состояния дорог, ферм и пунктов, обозначенных на картабле как населённые. Старые ирригационные канавы заселило то, что только и может прижиться в таком месте: колючее, остистое, жалящее. Мы с Лио прогулялись вдоль одной канавы, но почти не разговаривали, потому что всё время смотрели под ноги, опасаясь змей.

У Самманна давно был такой вид, будто он что-то хочет сказать. Мы решили поменяться — пересели вместе с ним в кузовиль Корд, а Лио с Барбом отправили к Ферману. Барб не хотел отрываться от Джада, но мы настояли, понимая, что тысячелетника наверняка утомило его общество. Корд устала вести машину, и её сменил Роск.

— Ферман Беллер ведёт переговоры с базским учреждением на одной из этих гор, — сообщил мне Самманн.

Утверждение прозвучало странно, поскольку Баз сожгли пятьдесят два века назад.

— «Базским» как в «базская ортодоксия»?

Самманн закатил глаза.

— Да.

— Религиозным учреждением?

— Вроде того.

— Откуда ты знаешь?

— Не важно. Я просто подумал, тебе интересно будет знать, что собственный интерес есть не только у Ганелиала Крейда.

Я подумал, не спросить ли Самманна, в чём его собственный интерес, но решил, что не стоит. Он, наверное, гадал, как обойдутся с ита базские священнослужители.

У меня тоже был свой интерес: посмотреть фотомнемоническую табулу, которую все в кузовиле (за исключением Корд, сидевшей на водительском месте) наверняка уже внимательно изучили. Перед отъездом я глянул на неё только мельком. Мы с Корд сели на заднее сиденье. Солнце светило ярко, поэтому мы накрылись одеялом и прижались друг к другу, как дети, играющие, что они в палатке.

То, что Ороло так хотел заснять: будет ли это космический корабль, как мы его себе представляем? До того, как несколько часов назад Самманн показал мне табулу, я знал лишь, что

это нечто, меняющее скорость за счёт выбросов плазмы и способное светить красным лазером. Например, полый астероид. Или инопланетная форма жизни, которая приспособилась к вакууму и выбрасывает атомные бомбы из заднего прохода. Или вообще сгусток энергии. Или оно наполовину в нашей вселенной, наполовину в другой. Так что я пообещал себе мыслить как можно более непредвзято. Я вполне приготовился к тому, что не сразу пойму увиденное. И это действительно оказалась головоломка. Но не такая, как я ожидал. Раньше у меня не было времени всматриваться и гадать. Теперь я мог наконец разглядеть всё хорошенько.

Снимок был размазан в направлении движения корабля. Видимо, фраа Ороло настроил телескоп так, чтобы следить за объектом, но скорость и направление мог задать только приблизительно, отсюда и смазанность. Я предполагал, что в недели перед апертом Ороло сделал целую серию снимков, каждый следующий чуть лучше предыдущего, пока учился следить за целью и подбирать выдержку. Самманн уже применил к картинке какой-то синтаксический процесс, чтобы уменьшить смазанность и выявить подробности, которых мы бы иначе не разглядели.

На снимке был икосаэдр. Двадцать граней, каждая — равносторонний треугольник. Это я увидел ещё в первый раз. И здесь пряталась головоломка, потому что форма могла быть как искусственная, так и естественная. Геометры любят икосаэдры, но любит их и природа. Известны икосаэдрические вирусы, споры, пыльца. Так что это вполне могла быть инопланетная форма жизни. Или гигантский кристалл, выросший из газового облака.

— Эта штука не может быть под давлением, — заметил я.

— Потому что все поверхности плоские? — произнесла Корд скорее утвердительно, чем вопросительно. Она по работе имела дела со сжатыми газами и нутром чуяла, что любая вмещающая их ёмкость должна быть округлой: сфера, цилиндр или тор.

— Смотрите внимательнее, — посоветовал Самманн.

— Углы! — воскликнула Корд. — Или как вы их там называете.

— Вершины, — сказал я. Двадцать треугольных граней сходились к двенадцати вершинам, причём вершины как будто немного выпирали. Сперва я думал, это из-за смазанности, но,

вглядевшись получше, различил на каждой маленькую сферу. Я внимательнее присмотрелся к рёбрам. Двенадцать вершин соединялись тридцатью прямыми рёбрами. И каждое из них тоже выглядело немного выпуклым, скруглённым.

— Вот они! — сказала Корд.

Я прекрасно понял, что она имеет в виду.

— Амортизаторы, — сказал я.

Теперь стало очевидно, что каждое из тридцати рёбер — длинный тонкий амортизатор, как в подвеске кузовиля, только гораздо больше. Тридцать амортизаторов сходились к двенадцати сферическим вершинам, образуя один распределённый амортизатор.

— Чтобы это дело работало, в углах должны быть шарниры, — заметила Корд.

— Ага, иначе конструкция будет жёсткой, — сказал я. — Но мне одно совершенно непонятно.

— Из чего плоские стороны? Треугольники? — спросила Корд.

— Ага. Без толку делать стороны треугольника способными к деформации, если то, что внутри, будет жёстким.

Некоторое время мы вглядывались в двадцать плоских треугольных граней, составляющих внешнюю поверхность корабля. Они выглядели

неровными, не как металл, а скорее как брусчатка.

— Я почти готов поклясться, что это цемент.

— Я собиралась сказать «бетон».

— Гравий, — подсказал Самманн.

— Хорошо, — проговорила Корд. — Гравий и впрямь поддастся деформации, а бетон — нет. Но как он не рассыпается?

— В космосе полно мелких камушков, — заметил я. — Так что щебёнка там — самый легкодоступный твёрдый материал.

— Да, но...

— Но это не отвечает на твой вопрос, — признал я. — Кто знает? Может, там какая-нибудь сетка.

— Защита от эрозии, — кивнула Корд.

— Что?

— Такое бывает по берегам рек, где их хотят защитить от эрозии. Камни закладывают в кубы из проволочной сетки, кубы ставят друг на друга и закрепляют проволокой.

— Хорошая аналогия, — сказал я. — В космосе тоже нужна защита от эрозии.

— Зачем?

— Микрометеороиды и космические лучи. Если ты заключила корабль в оболочку из дешёвого материала — то есть гравия, — это решает замет-

ную часть твоих проблем.

— Погоди-ка, — сказала Корд. — А вот эта другая.

Она указывала на грань с нарисованной посреди окружностью. Мы не сразу её заметили: грань была сбоку, сжатая перспективой и почти неразличимая. Окружность явно была из чего-то другого: гладкого и твёрдого на вид.

— Да, а ещё...

Корд заметила одновременно со мной:

— Здесь нет амортизаторов!

Все три ребра были не выступающие.

— Понял! — воскликнул я. — Буферная плита!

— Что?

Я рассказал про атомные бомбы и буферную плиту. Корд приняла объяснения гораздо легче, чем мы все. Корабль, который Лио показал нам в книжке, был составлен из последовательных частей: буферная плита, амортизаторы, жилой отсек. У этого внешняя оболочка служила одновременно распределённым амортизатором и броней. А заодно скрывала от глаз всё, что внутри.

Как только мы нашли буферную плиту — корму корабля, — наши взгляды естественно устремились к противоположной грани — носу. От него

был виден только один амортизатор. И по этому амортизатору шла ровная линия значков. Это могла быть только надпись на каком-то языке. Некоторые знаки, например, кружки и простые комбинации черт, легко было принять за базские буквы. Другие принадлежали незнакомому алфавиту, но даже они так походили на наши, что казалось, этот алфавит — двоюродный брат ортского. Отдельные знаки выглядели как базские буквы, перевёрнутые или отражённые в зеркале.

Я сбросил одеяло.

— Эй! — возмутилась Корд и зажмурила глаза.

Фраа Джад обернулся и посмотрел мне в лицо. Кажется, мой вид его позабавил.

— Эти люди... — я не назвал их «инопланетянами», — с нами в родстве.

— Мы уже называем их «Двоюродными», — объявил фраа Крискан, столетник, сидящий рядом с фраа Джадом.

— Чем это можно объяснить? — вопросил я, как будто кто-то мог мне ответить.

— Тут уже гадали, — сказал фраа Джад. — Пустая трата времени, потому что родство — только гипотеза.

— А какого эта штука размера? Кто-нибудь прикинул? — спросил я.

— Я знаю по настройкам телескопа и табулы, — ответил Самманн. — Примерно три мили в поперечнике.

— Давай я избавлю тебя от расчётов, — сказал фраа Крискан, явно забавляясь выражением моего лица. — Если ты хочешь создать искусственную силу тяжести, вращая часть этого корабля...

— Как на старых космических станциях — вроде бубликов — в фантастических спилях?

Крискан поднял брови.

— Я никогда не видел спиля, но да, думаю, мы говорим об одном и том же.

— Простите.

— Пустяки. Если играть в эту игру, тебе нужна примерно такая же сила тяжести, как на Арбе. И если внутри икосаэдра есть что-то такое...

— Примерно так я себе вообразил, — вставил я.

— Скажем, две мили диаметром. Радиус — миля. Чтобы создать силу тяжести, как на Арбе, оно должно совершать примерно один оборот в восемьдесят секунд.

— Звучит правдоподобно. Исполнимо, — сказал я.

— О чём вы? — спросила Корд.

— Можно жить на карусели, которая вертится со скоростью один оборот в полторы минуты?

Она пожала плечами.

— Конечно.

— Вы про то, откуда Двоюродные? — крикнул через плечо Роск. Он не понимал орта, но разбирал некоторые слова и улавливал общий тон разговора.

— Мы решаем, продуктивно ли вообще это обсуждать, — ответил я. Наверное, не стоило выкрикивать такую сложную мысль с заднего сиденья кузовиля, перекрывая голосом дорожный шум.

— В книжках и спилях часто изображаются вселенные, где древняя раса основала в разных звёздных системах колонии, которые потом потеряли друг с другом связь.

Мне показалось, что другие инаки в кузовиле с трудом сдерживают желание заткнуть ему рот.

— Видишь ли, Роск, у нас есть палеонтологическая летопись...

— Которая охватывает миллиарды лет и не согласуется с этой идеей, — признал Роск. Я догадался, что мои соседи по кузовилю уже разбили его гипотезу в пух и прах, но Роску по-прежнему жаль с ней расставаться — его не приучили к граблям Диакса.

Корд подала голос из-под одеяла:

— Мы тут раньше ещё одну идею обсуждали, знаешь, насчёт параллельных вселенных. Но фраа Джад указал, что корабль со всей определённостью в нашей вселенной.

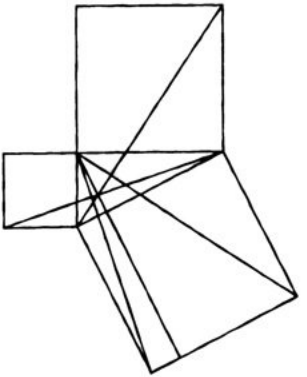
— Вот зануда, — сказал я (на флукском, само собой).

— Ага, — сказала она. — Ваш брат кого угодно достанет своей логичностью. Кстати. Ты видел чертёж?

— Чего?

— Тут его кучу времени обсуждали.

Я нырнул к ней под одеяло. Корд уже научилась увеличивать фрагменты. Она выбрала одну из граней, потом растянула её так, что весь экран заняло примерно такое изображение, только более смазанное и зернистое:



— Ничего себе! — Я снова уменьшил изображение, чтобы понять, где находится чертёж. Он располагался на грани икосаэдра, прилегающей к той, которую мы определили как носовую.

Если корпус корабля состоял из гравия, укреплённого какой-то сеткой, то чертёж был, наподобие мозаики, выложен более тёмными камнями. Можно представить, сколько на него ушло времени и труда!

— Это их эмблема. — Я всего лишь высказал догадку, но никто не возразил. Я снова увеличил изображение и всмотрелся в линии. Передо мной, несомненно, был чертёж — почти наверняка доказательство теоремы Адрахонеса. Такие задачи дают фидам. Я принялся вычленять треугольни-

ки, отыскивать прямые углы и другие элементы, на которых можно выстроить доказательство, почти как если бы сидел в калькории и старался найти ответ быстрее Джезри. Любой фид Орифенского храма наверняка бы уже справился, но я изрядно подзабыл планиметрию...

«Минуточку!» — постоянно твердил какой-то внутренний голос.

Я вынырнул из-под одеяла — на этот раз осторожно, чтобы не ослепить Корд.

— Просто жуть, — выговорил я.

— Вот и Лио так же сказал! — крикнул Роск.

— Почему вам кажется, что это жуть? — спросила Корд.

— Пожалуйста, дайте определение часто употребляемому флукскому слову «жуть», — сказал фраа Джад.

Я попытался объяснить тысячелетнику, когда мы говорим «жуть», но орт не очень годится для описания примитивных эмоциональных состояний.

— Интуитивное ощущение сверхъестественного, — предположил фраа Джад, — соединённое с чувством ужаса.

— «Ужас» тут немножко слишком сильное слово, но вообще да.

Теперь надо было ответить на вопрос Корд. Я сделал несколько заходов, и все неудачные. Наконец, поймав на себе взгляд Самманна, я сообразил:

— Самманн — специалист по информации. Общение для него — передача серии знаков.

— Таких, как буквы на амортизаторе? — спросила Корд.

— Вот именно, — сказал я. — Но поскольку у Двоюродных другие буквы и другой язык, любое их сообщение покажется нам шифром. Нам придётся его расшифровать и перевести на свой язык. Двоюродные решили...

— Обойтись без языка, — подсказал Самманн, уставший слушать, как я барахтаюсь.

— Точно! И перешли прямиком к этой картинке.

— Ты думаешь, её поместили туда для нас? — спросила Корд.

— А зачем ещё наносить что-то на *внешнюю* сторону корабля? Они хотели отметить себя чем-то для нас понятным. И вот тут-то и жуть: они заранее знали, что это мы поймём.

— Я вот не понимаю, — сказала Корд.

— *Пока* не понимаешь. Но ты знаешь, что это. И мы можем объяснить тебе, что тут изображено,

гораздо быстрее, чем расшифровать инопланетный язык. Мне кажется, фраа Джад уже во всём разобрался.

Чуть раньше я заметил у него на коленях листок с чертежом и выкладками, которые он сделал, разбирая логику доказательства.

Логика. Доказательство. У Двоюродных они есть — такие же, как у нас.

В смысле — у нас, живущих в концентах.

Инаки с атомными бомбами!

Бороздящие космос в конценте на атомной тяге, чтобы вступить в контакт со своими собратьями на других планетах...

— Завязывай с этим, Раз! — сказал я себе.

— Да, — сказал фраа Джад, наблюдавший за мои лицом. — Пожалуйста.

— Появились они, — сказал я. — В смысле, Двоюродные. Мирские власти засекли их радарами. Встревожились. Сделали снимки. Увидели это, — я указал на чертёж фраа Джада, — поняли, что тут иначеские дела. Встревожились ещё больше. Узнали, что о корабле известно по меньшей мере одному инаку — фраа Ороло.

— Это я ему сообщил, — произнёс Самманн.

— Что?!

Самманн явно предпочёл бы не входить в

подробности, но я настолько неправильно его понял, что деваться было некуда.

— К нам обратилась мирская власть.

— К нам — то есть к ита?

— Сетке третьего порядка.

— Чего-чего?

— Не важно. Нам поручили тайно — в обход иерархов — сообщить о корабле лучшему космографу концента.

— А потом?

— В инструкциях больше ничего не содержалось.

— И вы обратились к Ороло?

Самманн пожал плечами.

— Как-то ночью я разыскал его в винограднике. Он был там один и ругал свой виноград. Я сказал, что наткнулся на сведения о корабле, просматривая журналы текущего почтового трафика.

Я не понял ни слова из его итовской ахинеи, но общую суть уловил.

— То есть мирская власть потребовала обставить всё так, будто ты действуешь по собственному почину?

— Чтобы, когда придёт время закручивать гайки, от всего откреститься, — сказал Самманн.

— Вряд ли всё было настолько продумано, —

вмешался фраа Джад умиротворяющим тоном, потому что мы с Самманном здорово распалились, выискивая подлый умысел в действиях мирской власти. — Давайте применим грабли, — продолжал Джад. — У мирской власти были радары, но не было снимков. Чтобы получить снимки, ей нужны были телескопы и люди, умеющие с ними обращаться. Иерархов она подключать не хотела, оттого и придумала стратегию, которую только что изложил Самманн. Цель была одна: как можно быстрее и тише получить снимки. Однако, получив их, власти увидели это. — Он похлопал ладонью по чертежу.

— И поняли, что допустили большую ошибку, — подхватил я уже более спокойным тоном. — Разболтали о Двоюродных тем, кому про них в первую очередь знать не следовало.

— Отсюда закрытие звездокруга и то, что случилось с Ороло, — сказал Самманн. — И вот почему я в этом кузовиле: потому что понятия не имею, как поступят со мной.

До сей минуты я не сомневался, что Самманн получил официальное разрешение отправиться с нами. Теперь стало понятно, что всё куда сложнее. Странно был слышать, что ита опасается неприятностей: обычно наоборот, мы боялись

их подлых трюков, вроде того, каким подловили Ороло. Но сейчас моя точка зрения сместилась, и я увидел ситуацию его глазами. Именно из-за общего отношения к ита никто не поверит Самманну, если история всплывёт, и уж тем более не станет его защищать.

— Поэтому ты оставил себе копию табулы...

— Чтобы у меня был предмет для торга, — закончил Самманн.

— И поэтому ты садился перед Оком Клесфиры, показывая — неявно, — что о чём-то знаешь. Что у тебя есть информация.

— Самореклама, — ответил Самманн, топорща усы — его намёк на улыбку.

— Она сработала, — сказал я. — В итоге ты здесь, в кузовиле, и богопоклонники везут тебя неизвестно куда.

Корд надоело слушать, как мы говорим по-орт-ски, и она пересела вперёд, к Роску. Я чувствовал себя немного виноватым, но некоторые вещи почти невозможно обсуждать на флукском.

Мне ужасно хотелось расспросить фраа Джада про ядерные отходы, но я не решался завести этот разговор при Самманне. Поэтому я тоже срисовал чертёж с корабля Двоюродных и стал разбирать доказательство. Довольно скоро я в нём увяз. Корд

и Роск включили музыку на акустической системе кузовиля, сперва тихо, потом, когда никто не возразил, громче. Фраа Джад впервые в жизни слышал популярную музыку. Я так сжался, что думал, что-нибудь себе внутри поврежу. Однако тысячелетник принял мирские звуки так же безмятежно, как полоску «Идеальное скольжение». Я бросил разбирать доказательство, просто смотрел в окно и слушал музыку. Несмотря на моё предубеждение против мирской культуры, меня вновь и вновь поражали элементы красоты в этих песнях. Девять из девяти были совершенно незапоминаемые, но иногда возникал поворот мелодии, явственно говорящий о своего рода снизарении. Я гадал, представительная ли выборка, или Корд умеет выискивать песни, в которых есть красота, и других себе на жужулу не записывает.

Музыка, жара, тряска, смятение оттого, что пришлось покинуть концент, — всё действовало на меня разом. Немудрено, что я запутался в доказательстве. Однако по мере того, как солнце светило всё более горизонтально, а умирающие посёлки и высохшие оросительные каналы уступали место пустынной возвышенности с редкими каменными развалинами, я задумался, что ещё на меня действует.

Я свыкся с тем, что Ороло умер. Не буквально умер и похоронен, но умер для меня. В этом-то суть анафема: он убивает инака, не трогая тело. Теперь у меня было всего несколько часов, чтобы освоиться с мыслью о будущей встрече. В любую минуту Ороло мог показаться на скале — да хоть вон на той ближайшей — с приборами для ночных наблюдений. А может, его растерзанные останки ждут нас под курганом из камней, который сложили пены — потомки съевших печень светителя Блая. Так или иначе, ни о чём другом я думать сейчас не мог.

На меня смотрела Корд. Она потянулась к панели, выключила музыку и что-то повторила. Я впал в некое подобие транса; первое же моё движение его разрушило.

— Звонит Ферман, — сообщила Корд. — Предлагает остановиться. В кустики и поговорить.

Оба предложения показались мне вполне своевременными. Мы остановились на широком повороте дороги, которая сейчас шла вниз. Треть спуска мы уже одолели. Впереди — примерно в получасе езды от нас — начиналась широкая долина, уходящая к самому горизонту: каменистая впадина, где находят смерть обессиленные ручьи и теряют мощь ливневые потоки. Базальтовые

шпили и частоколы отбрасывали тени в два раза длиннее себя. Милях в двадцати—тридцати впереди высились две одинокие горы. Мы сгрудились вокруг картаблы и убедили себя, что это два из трёх намеченных холмов. Третий мы, по всей видимости, только что обогнули и сейчас были у его подножия.

Ферман хотел поговорить со мной как со старшим в группе. Я стряхнул последние остатки транса и постарался расправить плечи.

— Я знаю, что вы не верите в Бога, — начал он, — но, учитывая ваш образ жизни, я подумал, может, вам лучше остановиться у...

— Базских монахов? — предположил я.

— Да. — Ферман немного опешил от того, что моя догадка попала в цель. Когда Самманн сказал, что Ферман связывается с «базским учреждением», мне представился кафедральный собор или что-нибудь не менее величественное. Однако это было до того, как я увидел здешнюю местность.

— Монастырь, — продолжал я, — на одной из этих гор?

— На ближайшей. Его отсюда видно — он на северном склоне. Примерно посередине.

С подсказками Фермана я нашел на склоне нечто вроде естественной террасы, окаймлённой

полумесяцем тёмной зелени — видимо, деревьями.

— Я туда ездил спасаться от суеты, — заметил Ферман. — И детей отправлял в лагерь каждое лето.

Я задумался, что значит «спасаться от суеты», потом сообразил, что живу так всю жизнь.

Ферман неправильно истолковал моё молчание. Он повернулся ко мне и выставил руки ладонями вперёд.

— Если ты против, давай я сразу скажу, что у нас достаточно воды, еды и спальных мешков, чтобы остановиться где угодно. Но я подумал...

— Мысль разумная, — ответил я. — Если туда пускают женщин.

— У монахов свой клуатр, отдельно от лагеря. А в лагере живут и мальчики, и девочки — там есть женский персонал.

День был утомительный. Солнце садилось. Мы все здорово устали.

Я пожал плечами.

— По крайней мере нам будет что рассказать, когда мы доберёмся до концента светителя Тредегара.

Как только Ферман зашагал прочь, ко мне ринулись Лио и Арсибальт. Вид у обоих был слегка

задёрганный — как у всякого, кто провёл несколько часов с Барбом.

— Фраа Эразмас, — начал Арсибальт. — Будем реалистами. Посмотри вокруг! Никто здесь жить не может. Тут негде взять еду, воду, медицинскую помощь!

— На склоне вон той горы растут деревья, — сказал я. — Значит, вода там есть. Люди вроде Фермана отправляют туда детишек в летний лагерь. Наверное, не всё так плохо.

— Это оазис! — с удовольствием вспомнил Лио экзотическое словцо.

— Ага. И если на ближайшей горе есть оазис, годный для монастыря и летнего лагеря, почему бы на следующей не оказаться месту, где дикари вроде Блая, Эстемарда и Ороло нашли родниковую воду и защиту от зноя?

— Это не решает проблему еды, — заметил Арсибальт.

— В любом случае здесь лучше, чем мне представлялось раньше, — сказал я. Что именно мне представлялось, можно было не объяснять, поскольку у них в головах была та же картина: жалкие изгои живут на голой вершине и питаются лишайником.

— Должен быть способ прокормиться, — про-

должал я. — Базские монахи тут как-то живут.

— Их больше, и они существуют на пожертвования.

— Ороло сказал, что Эстемард писал ему с Блаева холма много лет. Да и светитель Блай жил там довольно долго.

— Только потому, что пены ему поклонялись, — напомнил Лио.

— Ну, может, мы увидим пенов, которые поклоняются Ороло. Не знаю, как это работает. Может, тут есть туристическая индустрия.

— Ты шутишь? — спросил Арсибальт.

— Посмотри на расширение дороги, где мы остановились, — сказал я.

— И что?

— Зачем оно здесь?

— Понятия не имею. Я не праксист, — ответил Арсибальт.

— Чтобы машинам удобнее было разъехаться? — предположил Лио.

Я махнул рукой, предлагая обозреть виды.

— Оно здесь из-за этого.

— Из-за чего? Из-за красот природы?

— Ага.

Я обернулся и увидел, что Лио зашагал прочь. Я догнал его. Арсибальт остался изучать виды, как

будто надеялся при более тщательном рассмотрении отыскать изъян в моей логике.

— Успел взглянуть на икосаэдр? — спросил Лио.

— Ага. И увидел чертёж — геометрию.

— Ты думаешь, что они — как мы. Что мы, последователи Нашей Матери Гилеи, будем им близки, — сказал он, словно предлагая мне примерить фразы на себя.

Я почувствовал, что он обходит меня с фланга, и занял оборонительную позицию.

— Не просто же так они выбрали своей эмблемой теорему Адрахонеса...

— Корабль тяжело вооружён.

— Ещё бы!

Лио замотал головой.

— Я не про импульсную тягу. В качестве оружия эти бомбы практически бесполезны. Я про другое — то, что можно разглядеть, если всмотреться хорошенько.

— Я не видел ничего, хотя бы отдалённо напоминающего оружие.

— В амортизаторе такой длины много чего можно спрятать. И под гравием тоже.

— Например?

— На гранях есть элементы, расположенные

через равные расстояния. Думаю, это антенны.

— И что? Разумеется, там должны быть антенны.

— Это фазированные системы, — ответил Лио. — Военные. Средство нацелить рентгеновский лазер или аппарат жёсткой посадки. Больше пока не скажу, надо смотреть в книжках. И ещё мне не понравились планеты спереди.

— Чего-чего?

— На переднем амортизаторе нарисованы четыре диска в ряд. Я думаю, это изображения планет. Как на военных воздухолётах эпохи Праксиса.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять смысл.

— Погоди! Ты думаешь, это жертвы?!

Лио пожал плечами.

— Нет, погоди всё-таки! — воскликнул я. — А вдруг это что-нибудь более мирное? Например, родные планеты Двоюродных?

— Мне кажется, все слишком спешат найти приятные объяснения...

— И ты, как будущий дефендор, решил проявить бдительность, — сказал я. — У тебя отлично получается.

— Спасибо.

Минут пять мы молча прохаживались взад-вперёд по широкому участку шоссе. Некоторые наши спутники тоже воспользовались случаем размять ноги. Фраа Джад прогуливался в одиночестве. Я решил, что сейчас самое время задать интересующие меня вопросы.

— Фраа Лио, — сказал я. — Фраа Джад сообщил мне, что милленарский матик концента светителя Эдхара — одно из трёх мест, где мирская власть примерно во времена Реконструкции захоронила все ядерные отходы. Два другие — Рамбальф и Тредегар. В прошлую ночь их тоже осветил лазерный луч с корабля Двоюродных.

Лио удивился гораздо меньше, чем я рассчитывал.

— Среди дефендоров давно бытует подозрение, что Трём нерушимым дали устоять не без причины. Одна из гипотез — что это свалки Всеобщих уничтожителей и другого опасного мусора эпохи Праксиса.

— Пожалуйста, не называй мой дом свалкой, — сказал фраа Джад. Однако голос у него был весёлый, а не обиженный. Если прилично так сказать о тысячелетнике, фраа Джад дурачился.

— А сами отходы вы видели? — спросил Лио.

— Конечно. Они в цилиндрах, в пещере. Мы

смотрим на них каждый день.

— Зачем?

— По разным причинам. Например, моё самоделье — кровельщик.

— Это что-то связанное с черепицей? — спросил я.

— С соломой: я делаю кровли из сухой травы.

— И какое отношение имеет солома к сва... к хранилищу ядерных отходов?

— Влага конденсируется на стенах пещеры и капает на цилиндры. За тысячи лет она может их проесть, либо вырастут сталагмиты и продавят контейнеры. Чтобы такого не произошло, мы накрываем контейнеры соломенной кровлей.

Это было настолько дико, что я не придумал ничего умнее, чем поддержать светский разговор:

— Ясно. И где же вы берёте солому? У вас там вроде нет места, чтобы выращивать много травы?

— А много и не надо. Хорошо сделанная кровля живёт долго. Правда, мне всё-таки надо будет заменить солому, уложенную моей фидой, суурой Авраделль, сто лет назад.

Мы с Лио прошли несколько шагов, прежде чем нас шарахнул смысл последней фразы. Мы переглянулись и безмолвно приняли решение

не отвечать.

— Он нас просто разыгрывал! — сказал я, когда у нас с Лио снова выдалась минутка наедине. (Мы закидывали рюкзаки в отведенную нам келью монастырского пансионата.) — В отместку за то, что его матик обозвали свалкой.

Лио молчал.

— Лио! Не настолько же он старый!

Лио снял рюкзак, расправил плечи (я бы так не смог) и повёл ими назад и вниз, чтобы восстановить равновесие. Как будто мог разбить оппонентов исключительно превосходством своей стойки.

— Давай не волноваться из-за того, сколько ему лет.

— Ты хочешь сказать, он нас не разыгрывал?

— Я сказал, давай не будем из-за этого волноваться.

— Я не говорю, что стоит волноваться, но знать было бы интересно.

— Интересно? — Лио снова проделал тот же трюк с плечами. — Мы оба говорим прехню. Ты не согласен?

— Согласен, — тут же отозвался я.

— Вот и хватит. Надо говорить прямо — и тогда придётся сразу же закрыть рот, если мы не хотим,

чтобы нас сожгли на костре.

— Ладно. Ты смотришь с дефендорской точки зрения. Я готов её принять.

— Отлично. Значит, мы оба поняли, о чём на самом деле говорим.

— Что нельзя прожить так долго, не ремонтируя цепочки в ядрах своих клеток, — сказал я.

— Особенно в условиях радиации.

— Об этом я не подумал. — Я помолчал, мысленно прокручивая в голове разговор с фраа Джадом. — И как же у него такое сорвалось? Уж наверняка он понимает, насколько опасен даже намёк на то, что он... э... из тех, кто может ремонтировать свои клетки.

— Ты шутишь? Ничего у него не сорвалось. Он нарочно нам сказал, Раз.

— Он дал понять...

— Он доверил нам свою жизнь, — сказал Лио. — Ты разве не заметил, как он ко всем приглядывался? И выбрал нас, мой фраа.

— Ух ты! Если это правда, то я горжусь и ужасно рад.

— Радуйся, пока можно, — ответил Лио. — Поскольку обычно такое доверие связано с некоторыми обязательствами.

— Какими именно?

— Почем я знаю? Я просто хочу сказать, что его призвали не просто так. От него чего-то ждут. Он вырабатывает стратегию. И мы теперь часть этой стратегии. Солдаты. Пешки.

Я на какое-то время заткнулся: у меня напрочь отшибло способность мыслить.

Потом я вспомнил одну вещь и сразу почувствовал себя лучше.

— Мы так и так пешки, — сказал я.

— Ага. И будь у меня выбор, я бы предпочёл быть пешкой у того, кого вижу. — Впервые со вчерашнего вечера Лио улыбнулся своей прежней улыбкой. Всё это время он был непривычно серьёзен. Впрочем, будешь серьёзным, если думаешь, что круги на корабле пришельцев — и впрямь уничтоженные планеты.

Мы, инаки, любим говорить, что живём куда скромнее базских прелатов, которые ходят в алых шёлковых облачениях, окружённые облаком фимиама. Но у нас дома хотя бы каменные и не требуют особой заботы. Здесь всё было из дерева: выше по склону маленькая скиния и братские корпуса, образующие своего рода клуатр вокруг источника, ниже у дороги — два ряда домиков с двухъярусными кроватями и большое здание, где разместились столовая и несколько конференц-

залов. Все строения выглядели ухоженными, но видно было, что дерево гниёт, и если люди отсюда уйдут, через несколько десятилетий на месте монастыря останется груда дров.

Мы не видели, как живут монахи. Наши кельи были чистые, но сплошь исписаны и разрисованы детьми, которых сюда привозят отдыхать. Нам просто повезло, что детей сейчас не было: предыдущая смена закончилась два дня назад, новая ещё не началась. Из шести молодых сотрудников четверо на пересменок вернулись в город. Оставшиеся два и базский священник — руководитель лагеря — приготовили нам немудрёный ужин. Мы занесли в кельи рюкзаки, быстренько сполоснулись в общей бане и собрались в столовой за складными столами — примерно такими же, какие ставили у себя в аперт. Здесь пахло красками — видимо, в том же помещении у детей проходил рисовальный кружок.

Нам сказали, что монахов сорок три — много меньше, чем в одном только нашем капитуле. Четверо пришли поужинать с нами. Мы не поняли, это какие-то местные иерархи или просто остальным тридцати девяти неинтересно на нас смотреть. Все четверо были старые, седобородые, и все хотели видеть фраа Джада. Базско-ортодок-

сальный орт примерно на семьдесят процентов совпадал с нашим.

Казалось бы, мы с Лио после нашего разговора должны сесть рядом с фраа Джадом, но мы, соблюдая конспирацию, словно тайные агенты в спиле, сели как можно дальше. Арсибальт и несколько столетников чуть не опоздали на ужин: они проводили кальк. Вид у Арсибальта был совершенно очумелый: он только что увидел табулу с чертежом на корабле Двоюродных и теперь умирал от желания поговорить. Сейчас, войдя в столовую, он должен был выбрать: сесть со мною и с Лио или с фраа Джадом и базскими монахами. Мне даже стало его жалко. Ферман Беллер тоже приметил неуверенность Арсибальта, встал и поманил его к себе. Арсибальту неловко было отклонить приглашение, и он сел рядом с Ферманом.

Умственной пищей мы обязаны мыслителям, начиная с Кноуса, телесной — общему труду согласно канону, данному нам Картазией, поэтому, прежде чем приступить к еде, возносим краткую благодарность светительнице. У богопоклонников застольные ритуалы иные. Базская ортодоксия — постаграрная религия, и буквальные жертвоприношения в ней заменены символическими. Монахи начали трапезу

с такого символического жертвоприношения, потом вознесли хвалу Богу и закончили просьбой о ниспослании им различных благ. Руководитель летнего центра машинально забубнил привычные слова, но тут же занервничал, видя, что инаки не склонили голову и смотрят на него с любопытством. Вряд ли он смутился, что мы не разделяем его веру — к такому священники наверняка привыкли. Скорее он переживал, что поступил невежливо, поэтому, закончив молитву, попросил и нас совершить то, что принято в нашем матике. По уже упомянутой причине нам недоставало сопрано и альтов, но теноров, баритонов и басов хватило, чтобы исполнить очень древний и простой гимн Картазии. Фраа Джад тянул самые низкие басовые ноты, и, клянусь, от его голоса звенело серебро на столе.

Монахам очень понравился гимн, и, когда мы закончили, они встали и тоже спели какую-то древнюю молитву. Она наверняка возникла в первые века монашества, сразу после падения База, потому что староортский ничем не отличался от нашего, а мелодия явно была написана до того, как монастырская и матическая музыка разошлись. Если не слишком вслушиваться в слова, можно было подумать, что это один из

наших гимнов.

Разговор — в резком контрасте с событиями последних суток — шёл о пустяках, поскольку мы должны были говорить по-флукски и не упоминать при хозяевах о космическом корабле. Сначала я тихо злился, потом заскучал, а под конец и вовсе стал клевать носом. Корд и Роск говорили между собой. Они были нерелигиозны, и я видел, что им тут не по себе. Молодая сотрудница центра всячески старалась их разговорить — по большей части безуспешно. Самманн с головой ушёл в свою жужулу, которую как-то сумел подключить к коммуникационному центру лагеря. Барб нашёл лагерные правила и теперь учил их наизусть. Трое столетников сидели кучкой и говорили между собой: они не знали флукского, а вниманием базских монахов полностью завладел фраа Джад. Я заметил, что Арсибальт и Ферман о чём-то увлечённо беседуют, а Корд и Роск придвинулись к ним поближе, поэтому встал и подошёл послушать. Видимо, Ферман продолжал думать о булкианцах и хотел узнать больше. Арсибальт, в отсутствие других развлечений, начал кальк под названием «Муха, летучая мышь и червяк». Его всегда приводят фидам, когда объясняют им булкианскую теорию пространства и времени.

— Вот на столе муха, — сказал Арсибальт. — Нет, не прогоняй её. Просто посмотри. Обрати внимание на размер глаз.

Беллер быстро глянул на муху и вновь перевёл взгляд на свою тарелку.

— Да, полтела — одни глаза.

— На самом деле это тысячи отдельных глаз. Кажется, что такое не должно работать. — Арсибальт отвёл руку за голову и замахал, едва не угодив мне по физиономии. — Однако, когда моя рука там, далеко, муха не взлетает — она знает, что угрозы нет. Но если я подведу руку ближе...

Он так и сделал. Муха взлетела.

— ...что-то в её микроскопическом мозгу принимает сигналы от тысяч единичных примитивных глаз и выстраивает правильную картину не только пространства, но и пространства-времени. Муха знает, где моя рука, знает, что если моя рука будет двигаться так и дальше, то прихлопнет её, и, значит, лучше изменить положение.

— Ты думаешь, у Двоюродных такие же глаза? — спросил Беллер.

Арсибальт попробовал новый заход.

— А может, они больше похожи на летучих мышей. Летучая мышь определила бы положение моей руки, слушая эхо.

Беллер пожал плечами.

— Ладно. Может, Двоюродные пищат на ультразвуке, как летучие мыши.

— С другой стороны, когда я прихлопываю муху, стол дрожит. Даже слепое и глухое существо — например, червяк — способно ощутить эти вибрации.

— К чему ты клонишь? — спросил Беллер.

— Давай поставим мысленный эксперимент, — сказал Арсибальт. — Представь себе Протесову муху. Я имею в виду чистую, идеальную муху.

— Это как?

— Одни глаза. Никаких других органов чувств.

— Ладно. Представил, — улыбнулся Беллер.

— Теперь Протесову летучую мышь.

— Одни уши?

— Да. Теперь Протесова червяка.

— Одно осязание?

— Да. Ни глаз, ни ушей, ни носа — только кожа.

— И так для каждого из пяти чувств?

— Это уже будет нудно, так что ограничимся тремя, — сказал Арсибальт. — Мы помещаем муху, летучую мышь и червя в комнату, где находится один предмет — например, свеча. Муха видит свет. Летучая мышь издаёт писк и слышит,

как звук отражается от свечи. Червь чувствует тепло; он может подползти к свече и на ощупь определить её форму.

— Похоже на старую басню о шести слепцах и...

— Нет! — сказал Арсибальт. — Здесь смысл противоположный. Почти противоположный. У шести слепцов один и тот же сенсорный инструментарий...

Беллер понял свою ошибку и кивнул.

— Да, а у мухи, летучей мыши и червяка — разные.

— И шестеро слепцов расходятся касательно того, что они ощупывают...

— А муха, летучая мышь и червяк между собой согласны? — Беллер поднял бровь.

— Ты сомневаешься. И правильно. Но они ведь воспринимают один предмет?

— Конечно, — сказал Беллер. — Но я не понимаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что они между собой согласны.

— Вопрос чрезвычайно интересный, рассмотрим его подробнее. Давай немного изменим правила, — сказал Арсибальт, — чтобы ставки были выше и чтобы мухе, летучей мыши и червяку *пришлось* согласиться. Теперь у нас посредине

комнаты не свеча, а ловушка.

— Ловушка? — хмыкнул Беллер.

Арсибальт сделал важное лицо.

— И в чём смысл? — спросил Беллер.

— Появилась угроза. Они должны понять, что это ловушка, чтоб в неё не попасться.

— Почему не рука, которая собирается их прихлопнуть?

— Я об этом думал, — признал Арсибальт. — Но мы должны помнить о бедном червяке, который воспринимает всё куда медленнее, чем муха или летучая мышь.

— Хорошо, — сказал Беллер. — Думаю, они все рано или поздно попадутся в ловушку.

— Они очень умные, — вставил Арсибальт.

— И всё равно...

— Ладно. Пусть у нас есть целая пещера с миллионами мух, летучих мышей и червяков. В пещере тысячи ловушек. Когда кто-нибудь в них попадается, остальные делают из трагедии выводы.

Беллер, раздумывая над ответом, потянулся за добавкой овощей. Наконец он сказал:

— Наверное, ты клонишь к тому, что со временем, после большого числа жертв, мухи узнают, как ловушка выглядит, летучие мыши научатся

отличать её эхо, а червяки запомнят, какая она на ощупь.

— Люди, которые ставят ловушки, намерены истребить всё живое в пещере. Они постоянно придумывают ловушки новых видов и форм.

— Ладно, — сказал Беллер. — Значит, мухи, летучие мыши и червяки должны быть настолько умны, чтобы опознавать ловушки любого образца.

— Ловушки могут выглядеть как угодно, — сказал Арсибальт. — Как только в пещере появляется что-то новое, мухи, мыши и червяки должны определить, ловушка ли это.

— Хорошо.

— Некоторые ловушки подвешены на веревочках. Черви не могут до них дотянуться и не чувствуют их вибрацию.

— Бедные червяки! — сказал Беллер.

— Мухи не видят в темноте.

— Плохо их дело!

— В некоторых частях пещеры так шумно, что летучие мыши ничего не слышат.

— Ну, выходит, что мухам, летучим мышам и червякам надо скооперироваться.

— Как? — с этим звуком Арсибальтова ловушка захлопнулась на ноге Беллера.

— Ну, они должны как-то передавать друг другу сведения о ловушках.

— И что именно червяк скажет летучей мыши?

— Какое отношение всё это имеет к Двоюродным? — спросил Беллер.

— Самое прямое!

— Ты думаешь, Двоюродные — гибрид мухи, летучей мыши и червяка?

— Нет, — сказал Арсибальт. — Я думаю, мы такой гибрид.

— А-а-а-а-а! — взвыл Беллер.

Все рассмеялись.

Арсибальт развёл руками, словно говоря: «Ну как можно растолковать ещё проще?»

— Объясни, пожалуйста! — взмолился Беллер. — Я к такому не привык, у меня мозги плавятся!

— Нет, ты объясни. Что червяк скажет мухе?

— Червяк вообще не умеет говорить!

— Это несущественно. Червяки могут извиваться, принимая разную форму. Допустим, со временем они поняли, что мухи и летучие мыши способны эти формы воспринимать.

— Ясно. А... сейчас-сейчас... муха может сесть на червяка и лапками передать ему сигнал. Аналогично с сигналами муха-летучая мышь и так

далее.

— С этим разобрались. Так что они друг другу скажут?

— Погоди, Арсибальт. Ты перескочил целую кучу всего. Одно дело червяку изогнуться в понятные мухе С или О. Но это алфавит. Не язык.

Арсибальт пожал плечами.

— Язык развивается со временем. Из обезьяньего визга возникает примитивная речь: «там под камнем змея» и тому подобное.

— Всё хорошо, пока говорить надо только о камнях и змеях.

— Мир в нашем мысленном эксперименте представляет собой огромную пещеру неправильной формы с множеством ловушек, — сказал Арсибальт. — Только что поставленные опасны; на те, что уже захлопнулись, можно не обращать внимания.

— Ты всячески стараешься показать, что ловушки механические. Значит ли это, что они предсказуемы?

— Мы с тобой можем осмотреть ловушку и понять, как она работает.

— То есть всё сводится к тому, что «эту шестерёнку цепляет та, вращающаяся на оси, которая соединена с пружиной» и так далее.

Арсибальт кивнул.

— Да. Такого рода сведения мухи, летучие мыши и червяки должны друг другу передавать, чтобы отличить ловушку от не-ловушки.

— Ладно. Значит, тут как у обезьян со словами для камня и змеи. Нужны символы — слова, означающие «ось», «шестерёнка» и всё такое.

— А этого хватит? — спросил Арсибальт.

— Для сложного механизма — нет. Скажем, две шестерёнки могут быть близко, но не цеплять друг друга, потому что их зубья не соприкасаются.

— Близость. Расстояние. Измерение. Как червяк измерит расстояние между осями?

— Протянется от одной до другой.

— А если они далеко?

— Переползет от оси к оси, считая по пути расстояние.

— Летучая мышь?

— По разнице во времени между эхом от одной оси и от другой.

— Муха?

— Ей проще всех: на глаз.

— Отлично. Допустим, червяк, летучая мышь и муха определили расстояние между двумя осями теми способами, которые ты назвал. Как они

сравнят результаты?

— Например, червяк переведёт свои наблюдения в алфавит, о котором ты говорил.

— И что скажет одна муха другой, глядя на извивающегося червяка?

— Не знаю.

— Она скажет: червяк что-то рассказывает о своих червяковых делах, но поскольку я не ползаю по земле и не знаю, каково это — быть слепой, я понятия не имею, что он пытается мне сообщить!

— Именно это я пытался сказать раньше, — посетовал Беллер. — Алфавита мало — нужен язык.

Арсибальт спросил:

— И какой язык им подойдёт?

Беллер на минуту задумался.

— Что они пытаются друг другу описать? — подсказал Арсибальт.

— Трёхмерную геометрию, — сказал Беллер. — А поскольку детали механизма движутся, нужно ещё и время.

— Всё, что червяк может сказать мухе, или муха летучей мыши, или мышь — червяку, будет абракадаброй, — начал Арсибальт, подводя Беллера к выводу.

— Всё равно что сказать «синий» слепому.

— Да. Кроме понятий времени и геометрии. Это единственный язык, который они все смогут понять.

— Мне вспомнился чертёж на корабле Двоюродных. Ты хочешь сказать, что мы — червяки, а Двоюродные — летучие мыши? Что геометрия — наш единственный способ общения?

— Нет-нет, — сказал Арсибальт. — Я совсем к другому подвожу.

— К чему же? — спросил Беллер.

— Ты знаешь, как возникла многоклеточная жизнь?

— В смысле, одноклеточные организмы стали жить колониями, потому что вместе — лучше?

— Да. Иногда одни включали других в себя.

— Я слышал про эту концепцию.

— Вот и наш мозг такой.

— Что?!

— Наш мозг — мухи, летучие мыши и червяки, объединившиеся, потому что вместе им лучше. Эти части мозга постоянно разговаривают между собой. Беспрерывно переводят то, что воспринимают, на общий язык геометрии. Вот что такое наш мозг. Вот что такое осознание.

Несколько секунд Беллер перебарывал желание с воплем выбежать на улицу, потом ещё

несколько минут обдумывал услышанное. Арсибальт пристально смотрел ему в глаза.

— Ты же не хочешь сказать, что наш мозг *буквально* так эволюционировал! — начал Беллер.

— Конечно, не хочу.

— Фу-ух. Ты меня успокоил.

— Но я утверждаю, Ферман, что функционально наш мозг неотличим от органа, который эволюционировал бы таким способом.

— Потому что наш мозг должен постоянно делать такую работу, просто...

— Просто чтобы мы что-нибудь осознали, он должен интегрировать чувственные восприятия в связную модель мира и нас самих.

— Так это и есть булкианство, о котором ты говорил раньше?

Арсибальт кивнул.

— В первом приближении — да. А вообще это постбулкианство. Такие доводы выдвинули накануне Первого предвестия некоторые метатеорики, испытавшие сильное влияние булкианства.

Для Фермана подробности были явно лишние, но Арсибальт глянул на меня, подтверждая мою догадку: всё это он вычитал в поздних трудах Эвенедрика. Я дослушал угасающий диалог и вышел

из столовой с твёрдым намерением завалиться спать. Однако Арсибальт догнал меня на пути к домику.

— Ну, выкладывай, в чём дело, — сказал я.

— Перед ужином столетники провели кальк.

— Я заметил.

— Числа не сходятся.

— Какие числа?

— Корабль слишком мал, чтобы совершить межзвёздный перелёт за разумное время. В него не поместится столько атомных бомб, чтобы разогнать такую массу до релятивистской скорости.

— Может, он отделился от большого корабля-базы, которого мы не видим.

— На отделяемый аппарат он тоже не похож, — сказал Арсибальт. — Там места — на десятки тысяч людей.

— Для челнока слишком велик, для межзвёздного корабля слишком мал.

— Да.

— Сдаётся мне, ты делаешь слишком много допущений.

— Упрёк принят. — Арсибальт пожал плечами, но я чувствовал, что у него есть какая-то гипотеза.

— Ладно, так что ты думаешь? — спросил я.

— Думаю, что корабль — из другого космоса, — ответил Арсибальт. — Потому-то и призвали именно Пафлагона.

Мы были уже у входа в мой домик.

— Я и в этом космосе толком разобраться не могу, — сказал я. — И не уверен, что готов думать о других в такой час.

— В таком случае, спокойной ночи, фраа Эразмас.

— Спокойной ночи, фраа Арсибальт.

Я проснулся от колокольного звона и ничего не мог в нём понять, пока не вспомнил, где я, и не сообразил, что колокола не наши, а монастырские — собирают монахов на измывательски ранний обряд.

Мысли мои наполовину пришли в порядок. Множество новых идей, событий, людей и образов, навалившихся за вчерашний день, рассортировалось, как скрученные в трубочку листы по ячейкам. Не то чтобы всё по-настоящему улеглось. Вопросы, мучившие меня перед сном, остались без ответа. Однако за несколько часов мозг изменился под новую форму моего мира. Наверное, потому-то мы и не можем делать во сне ничего другого — это время самой напряжённой работы.

Звон постепенно затих, и я уже не понимал, что слышу: сами колокола или гул в ушах. Это была очень низкая нота, непрерывная, но слабая, откуда-то издалека. Теперь я понял, что полночи, переворачиваясь на другой бок или поправляя сползшее одеяло, в полудрёме отмечал странный звук и гадал о его природе. Первой напрашивалась мысль о ночной птице, однако нота была слишком низкая: будто кто-то дует в восьмифутовую флейту, наполовину заполненную камнями и водой. К тому же птицы редко сидят на одном месте и поют полночи кряду. Какая-то большая амфибия у ручья тщетно зовёт партнера, пропуская воздух через кожистый мешок-резонатор? Однако звук был слишком равномерный. Возможно, гудел какой-то генератор. Ирригационный насос. Пневмотормоза грузовиков на серпантине.

Любопытство и полный мочевой пузырь не давали заснуть снова. Я встал — тихо, чтобы не разбудить Лио, — и по привычке сдёрнул с койки покрывало, чтобы завернуться в него, как в стлу. Тут я вспомнил, что надо ходить в экстрамуросской одежде. В предрассветных сумерках штаны и трусы на полу было не найти, поэтому я вернулся к исходному плану: завернулся в покрывало и

вышел из домика.

Казалось, звук доносится со всех сторон, но к тому времени, как я вышел из туалета на холодный утренний воздух, мне удалось примерно понять, откуда он идёт: от каменной противооползневой стены, возведённой монахами под дорогой. Пока я шёл к ней, восприятие внезапно встало на место, и я затряс головой, дивясь собственной тупости. Какие амфибии, какие грузовики? Голос был явно человеческий. И он пел. Вернее, гудел на одной и той же ноте с самого моего пробуждения.

Нота слегка изменилась. Значит, это всё-таки пение.

Не желая беспокоить фраа Джада, я прошёл по мягкой мокрой траве через площадку для стрельбы из лука и теперь мог смотреть на него с расстояния футов двести. Прямые отрезки стен соединялись круглыми плоскими башенками примерно четырёхфутового диаметра. На одной из них, завернувшись в стлу, умятую до зимней толщины, восседал фраа Джад. С этого места пустыня внизу была как на ладони. Джад сидел лицом к югу, подобрав под себя ноги и вытянув руки. Слева малиновое сияние уже смыло ночные звёзды, справа несколько звёздочек и планета ещё противились наступающему дню, но и они

гасли одна за другой.

Я мог бы стоять так часами, смотреть и слушать. Мне подумалось — а может, я просто вообразил, — что фраа Джад поёт космографическую песнь. Реквием по звёздам, поглощенным зарёй. Во всяком случае, неторопливость была явно космографическая. Некоторые ноты тянулись дольше, чем я могу задержать дыхание. Видимо, Джад знал этот приём, когда поёшь и дышишь одновременно.

За спиной у меня прозвучал одинокий удар колокола. Священник пропел фразу на староортском — призыв к утреннему акталу или что-то вроде того. Ему ответил хор. Меня убивало, что монахи мешают фраа Джаду. Впрочем, я вынужден был признать: проснись сейчас Корд, она бы не отличила одно пение от другого. За гудением фраа Джада стояли тысячелетия теорических изысканий и не менее древняя музыкальная традиция. Но зачем вообще излагать теорику музыкой? И зачем ночь напролёт тянуть ноты в красивом месте? Есть более простые способы сложить два и два.

Последние шесть лет — с тех пор, как за считанные месяцы кубарем скатился с дисканта — я пел басом. Там, где я живу, это означало подолгу

тянуть низкие ноты. Когда занимаешься этим по три часа кряду, что-то происходит с головой. Особенно когда вошёл в колебательную систему с другими людьми и вы вместе настроили свои голосовые связки на собственные гармоники собора (не говоря уже о тысячах бочек по его стенам). Я совершенно искренне верю, что от вибраций, вызванных звуковыми волнами, мозги начинают работать как-то иначе. Будь я древний седой тысячник, а не девятнадцатилетний деценарий, я бы, наверное, сказал, что в таком состоянии можно додуматься до того, до чего иначе не додумаешься. Вряд ли фраа Джад гудел ночь напролёт из любви к вокалу. Он что-то делал.

Я оставил его одного и пошёл прогуляться. Солнце встало. Судя по звукам из столовой, персонал лагеря готовил завтрак.

Я сбегал в келью, надел эксовский костюм и отправился на кухню помогать. Может быть, в экстрамуросской жизни я дурак дураком, но готовить по крайней мере умею. Фраа Джад и остальные наши один за другим подтянулись на кухню и тоже старались помогать, пока нас всех не прогнали есть.

Кроме четырёх монахов, ужинавших с нами вчера, на завтрак пришли ещё трое, в том числе

один глубокий старик. Он хотел побеседовать с фраа Джадом, хоть и был сильно туг на ухо. Остальные инаки в разговор не лезли. Если монахи считают для себя честью поговорить с тысячелетником, зачем им мешать? Другого случая у них не будет.

После еды они подарили нам несколько книг. Я уступил Арсибальту право взять подарок и произнести благодарственную речь. Она так понравилась монахам, что меня всего перекосило. Арсибальт словно нарочно подчёркивал сходство между ими и нами. Впрочем, ничего дурного не произошло. Эти люди были к нам добры, причём от чистого сердца, без всякой надежды на вознаграждение. Вряд ли мирская власть собиралась возместить им издёржки! Вот почему меня смутила речь Арсибальта. Он как будто обещал монахам что-то взамен — а именно дальнейшие контакты. Я наступил ему на ногу. Кажется, он понял намёк. Через несколько минут мы уже сидели в машинах, а передвижная библиотека Арсибальта стала больше на полдюжины книг.

****

***Эразмас**, фраа концента св. Барито в XIV веке от РК, вместе с Утентиной*

основавший ветвь метатеорики, называемую сложным протесизмом.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Между монастырём и Блаевым холмом текла в очень глубоком каньоне очень узкая речка. Через неё был только один исправный мост. Пока мы до него не добрались и не оказались перед развилкой, нам не приходилось особенно сильно думать, куда ехать. От развилки одна дорога вела вправо и вниз, другая — влево, вдоль притока, к посёлку, который на картабле назывался Пробл. Туда мы и отправились и меньше чем через полчаса после выезда из монастыря уже приближались к чему-то, похожему на зелёную мочалку. Это были низкорослые деревца на южном, пологом склоне Блаева холма. Подъехав ещё ближе, мы различили между ними стены, ограды и крыши. Центр поселения составлял прямоугольник травы, обсаженный необычно высокими для этой местности деревьями — видимо, их холили и лелеяли несколько поколений, ценя за тень или за красоту. На краю сквера высился остроконечный деревянный треугольник контрбазианской скинии. Мы, не сговариваясь, подъехали к ней и вышли из машин. Из скинии доносилось пение,

но улочки вокруг словно вымерли. Весь посёлок — включая Ганелиала Крейда, чей кузовиль стоял позади скинии — был внутри.

Очевидно, Ороло и Эстемарда (если тот ещё жив) следовало искать не здесь. Однако мы хотя бы поняли, как два дикаря могут выжить в таком месте: еда и лекарства есть в Пробле. Другой вопрос, на что их покупать. Впрочем, как заметил фраа Кармолату, непонятно было, чем живёт сам Пробл. Человеческих поселений рядом не было, земли, пригодной для сельского хозяйства, тоже, промышленных предприятий мы не видели. Кармолату выдвинул гипотезу, что это такая же религиозная община, как монастырь, где мы ночевали. Если так, возможно, Эстемард и Ороло рассчитываются с местными жителями не деньгами, а чем-то иным.

— Или они живут подаянием, — предположил фраа Джад. — Как инаки древних нищенствующих орденов.

Гипотеза фраа Джада понравилась большинству инаков больше допущения, что Эстемард или Ороло оказывают какие-то услуги такой публике. Разгорелся спор. Наши попытки друг друга уплощить могли бы помешать богослужению, будь оно тихим и медитативным. Однако люди

в скинии были куда голосистей нас, а их пение временами смахивало на выкрики. Я и ещё двое или трое наших отошли от спорщиков и с минуту смотрели то на картаблу, то на вершину. От Пробла (фраа Кармолату предположил, что это древнее сокращение от «Просветитель Блай») туда вела грунтовая дорога, несколько раз опоясывающая холм. Довольно скоро мы нашли её на местности: она начиналась от стоянки за скинией. Сейчас там было не проехать из-за машин. Несколько блестящих мобов, видимо, принадлежали тем, кто в Пробле считался бюргерами, но больше всего было пыльных кузовилей на толстых шинах. Посреди стоянки оставался проезд, но дорогу наглухо перегородил кузовиль Ганелиала Крейда.

По картабле до вершины было всего четыре мили. Мне надоело просто так стоять и ждать, поэтому я набрал воды в колонке посреди сквера и двинулся к дороге. Лио пошёл со мной. Фраа Крискан, самый молодой из столетников, тоже. Было немножко странно идти между машинами местных прихожан, но как только мы выбрались на дорогу и миновали первый поворот, стоянка и весь посёлок скрылись из глаз. Через минуту мы уже не слышали выкриков из скинии, только шуршание ветра, наполненного смолистыми

запахами пустынных растений. Мы разгорячились от быстрой ходьбы, однако чувствовали, что с подъёмом воздух становится всё прохладнее. Со стороны холма, противоположной Проблу, открывался вид на вершину. Нам предстали несколько домов, покорёженные каркасы башенных антенн и многоугольные купола. Видимо, это были военные сооружения, ничем не примечательные — за те тысячелетия, что люди живут в здешних краях, такого рода руины стали привычной частью пейзажа.

Через некоторое время мы оказались над Проблом и помахали друзьям внизу. Служба в скинии ещё не закончилась. Мы думали, что машины нас скоро догонят, и вышли просто, чтобы не стоять. Теперь получалось, что мы можем добраться до верха быстрее машин. Почему-то это разбудило в нас дух соревнования, и мы ускорили шаг. Вверх по склону вела тропа, позволявшая срезать целый виток дороги и сразу подняться футов на двести.

— Ты знал фраа Пафлагона? — спросил я Крискана, когда мы снова выбрались на дорогу и сделали передышку: выпить воды и поглядеть, сколько прошли. Вид стоил того, чтобы на него оглянуться.

— Я был его фидом, — сказал Крискан. — А ты

был фидом Ороло?

Я кивнул и задал следующий вопрос:

— Ты знаешь, что Ороло был фидом Пафлагона до того, как тот ушёл к вам через лабиринт?

Крискан промолчал. Для Пафлагона заговорить с Крисканом об Ороло — да и вообще о чём-либо из своей жизни у десятилетников — было бы нарушением канона. Однако такие вещи легко срываются с языка, когда говоришь о работе. Я продолжал:

— Пафлагон и другой десятилетник по имени Эстемард работали вместе. Оба они учили Ороло. Оба покинули наш матик в один день: Пафлагон через лабиринт, Эстемард — через дневные ворота. Эстемард пришёл сюда.

Крискан спросил:

— На каком счету был Ороло? Я имею в виду, до анафема?

— Он считался лучшим нашим теором. — Честно говоря, вопрос меня удивил. — А Пафлагон?

— Тоже.

— Но? — Я чувствовал, что там подразумевалось «но».

— У него было довольно странное самоделье. Вместо того, чтобы в свободное время работать руками, как все, он изучал...

— Мы знаем, — сказал я. — Поликосм. Или ГТМ.

— Вы смотрели его труды, — сказал Крискан.

— Двадцатилетней давности, — напомнил я. — Мы понятия не имеем, чем он занимался в последнее время.

Крискан помолчал, затем пожал плечами:

— Судя по всему, для конвокса это важно, так что не будет беды, если я вам расскажу.

— Мы вас не заложим, — пообещал Лио.

Крискан не уловил шутки.

— Вы замечали, что когда говорят про Гилеин теорический мир, всегда рисуют одну и ту же схему? — спросил он.

— Да... и впрямь, — подумав, согласился я.

— Два круга или квадрата, — сказал Лио. — И стрелка от одного к другому.

— Один круг или квадрат обозначает Гилеин теорический мир, — сказал я. — Стрелка от него идёт к другому квадрату или кружку, изображающему наш мир.

— Наш космос, — поправил меня Крискан. — Или причинно-следственную область, если тебе так больше нравится. А стрелка означает?..

— Поток информации, — ответил Лио. — Знания о треугольниках, изливающиеся в наши мозги.

— Причинную связь, — предположил я, вспомнив наш с Ороло разговор о разрыве причинно-следственных областей.

— Что в данном случае одно и то же, — напомнил Крискан. — Такого рода схемы подразумевают, что информация о теорических формах из ГТМ может попадать в наш космос и производить в нём измеримое действие.

— Погодите, что значит «измеримое»? О каких измерениях речь? — спросил Лио. — Нельзя взвесить треугольник. Нельзя забить гвоздь теоремой Адрахонеса.

— Но ты можешь о ней *думать*, — ответил Крискан. — А мышление — физический процесс в твоих нервных тканях.

— Можно вставить в мозг датчики и сделать замеры, — сказал я.

— Верно, — сказал Крискан. — И главная посылка протесизма состоит в том, что если бы потока информации из Гилеина теорического мира не было, датчики показали бы другой результат.

— Да, наверное, так, — признал Лио, — но в таком изложении получается не очень определённо.

— Пока не важно, — ответил Крискан. Мы поднимались по крутому участку дороги, солнце

палило, и он старался говорить кратко, чтобы не тратить силы: — Давайте вернёмся к схеме с двумя квадратами. Пафлагон — последователь традиции, восходящей к некой сууре Утентине, которая жила в конценте светительницы Барито в четырнадцатом веке от Реконструкции и спросила: «Почему два?» По легенде всё началось с того, что Утентина вошла в калькорий и случайно увидела обычную схему с двумя квадратами, начерченную на доске неким фраа Эразмасом.

Лио повернулся и поглядел на меня.

— Да, — сказал я. — Меня назвали в его честь.

Крискан продолжил:

— Утентина сказала Эразмасу: «Я вижу, ты объясняешь своим фидам орграфы. Когда ты перейдёшь к более интересным и сложным?» На это Эразмас ответил: «Прости, но это не орграф, а нечто совершенно иное». Суура Утентина обиделась: она была теор и всю жизнь посвятила именно этим вопросам. «Уж мне ли не узнать орграф», — сказала она. Эразмас сперва рассердился, потом решил, что снизарение его сууры стоит развить. Так Утентина и Эразмас создали сложный протесизм.

— В противоположность простому? — спросил я.

— Да, — ответил Крискан. — В простом протесизме два квадрата. В сложном квадратов и стрелок может быть сколько угодно, лишь бы стрелки не составляли замкнутый контур.

Мы шли по теневой стороне холма, и дорогу здесь покрывала намытая сезонными дождями тонкая грязь: идеальное место для рисования схем. Пока мы отдыхали и пили воду, Крискан прочёл нам кальк[3] про сложный протесизм. Суть сводилась к тому, что наш космос — не единственная причинно-следственная область, куда попадает информация из единственного и неповторимого Гилеина теорического мира, а скорее узел в целой сети космосов, по которой движется информация — всегда в одну сторону, как масло в лампе по фитилю. Другие космосы (возможно, очень похожие на наш) расположены выше по течению и питают нас информаций, а мы, в свою очередь, питаем космосы, лежащие ниже по течению. Всё это было довольно нетрадиционно, но по крайней мере я понял, из-за чего призвали Пафлагона.

— Теперь у меня вопрос к вам, десятилетникам, — сказал Крискан, когда мы снова двинулись в

---

[3] Примечания: 3
См. кальк 3 [broken link: #calc_03].

путь. — Каким был Эстемард?

— Он ушёл до того, как нас собрали. Нам ничего о нём не известно.

— Ладно, — сказал Крискан. — Скоро мы все с ним познакомимся.

Мы прошли ещё несколько шагов, потом Лио, с опаской глянув на вершину холма, теперь уже недалёкую, сказал:

— Я кое-что посмотрел по Эстемарду. Наверное, стоит это рассказать, пока мы не ворвались в его дом.

— Молодец. Так что ты узнал? — спросил я.

— Судя по всему, это был тот случай, когда человек уходит сам, не дожидаясь, чтобы его не отбросили.

— Вот как? И что он натворил?

— Его самодельем были плитки, — сказал Лио. — Пол в Новой прачечной — работа Эстемарда.

— Геометрическая мозаика, — вспомнил я.

— Да. Но, видимо, он под прикрытием самоделья занимался древней геометрической задачей — теглоном. Теглон известен со времён Орифенского храма. Это задача о замощении.

— Я правильно помню, что из-за неё куча народа сошла с ума? — спросил я.

— Когда на Метекоранеса катилось раскалён-

ное облако, он стоял на десятиугольнике перед Орифенским храмом и размышлял о теглоне, — напомнил Крискан.

Я сказал:

— Об этой задаче думал на берегу моря Рабемекес, перед тем как базский воин пронзил его копьём.

Лио сказал:

— Суура Шарла из ордена Дщерей Гилеи считала, что нашла ответ. Он был начертан на дороге к Верхнему Колбону, и войско короля Роды на пути к месту своей гибели затоптало чертёж. Суура Шарла сошла с ума. Из попыток разрешить теглон родились целые подразделы теорики. И всегда есть — всегда были — люди, которые уделяли теглону чрезмерное внимание. Одержимость переходила от поколения к поколению.

— Ты о Преемстве, — сказал Крискан.

— Да, — отвечал Лио и снова нервно глянул наверх.

— О каком вы преемстве? — спросил я.

— О Преемстве с большой буквы, — ответил Крискан. — Иногда его ещё называют старым.

— Никак не вспомню, — сказал я. — Подскажите, это в каких концентах?

Крискан помотал головой.

— Ты думаешь, что Преемство — нечто вроде ордена. Однако оно возникло до Реконструкции и даже до светительницы Картазии. Считается, что его основали в Период странствий теоры, работавшие вместе с Метекоранесом.

— Но в отличие от него не похороненные под трёхсотфутовой толщей вулканического пепла, — добавил Лио.

— Тогда это совсем другое дело, — сказал я. — Если так, оно не относится к матическому миру.

— В том-то и затруднение, — ответил Лио. — Преемство на столетия древнее самой идеи матиков, фраа и суур. Соответственно и правила его иные — не те, которые мы привыкли связывать с нашими орденами.

— Ты употребил настоящее время, — заметил я.

Крискан молчал, но было видно, что ему не по себе. Лио снова глянул на вершину и замедлил шаг.

— В чём дело? Из-за чего вы так нервничаете? — спросил я.

— Подозревали, что Эстемард входит в Преемство, — сказал Лио.

— Но Эстемард был эдхарианец! — возмутился я.

— Это часть проблемы, — сказал Лио.

— Проблемы? — переспросил я.

— Да, — ответил Крискан. — Во всяком случае, для меня и для тебя.

— Почему? Потому что мы — эдхарианцы?

— Да. — Крискан украдкой покосился на Лио.

— Я доверяю Лио больше, чем себе, — произнёс я. — Можешь говорить при нём всё, что сказал бы мне как собрату-эдхарианцу.

— Ладно, — ответил Крискан. — Меня не удивляет, что ты никогда об этом не слышал. Ведь ты в ордене светителя Эдхара несколько месяцев и всего лишь... э...

— Десятилетник? Продолжай, я не обиделся. — Это была не совсем правда. Если бы Лио не скорчил у Крискана за спиной рожу и не насмешил меня, я, наверное, мог бы обидеться всерьёз.

— Иначе до тебя доходили бы слухи. Намёки.

— На что?

— Во-первых, что эдхарианцы в целом немного чокнутые. Склонны к мистике.

— Разумеется, я слышал такие высказывания.

— Тогда ты знаешь, что эдхарианцам не доверяют, потому что для нас приверженность ГТМ якобы важнее канона и принципов Реконструкции.

— Ясно, — сказал я. — Это несправедливо, но я понимаю, почему некоторые так думают.

— Или притворяются, будто думают, потому что это даёт им оружие против эдхарианцев, — добавил Лио.

— А теперь, — сказал Крискан, — вообрази, что существовало преемство, так сказать, ультраэдхарианцев. Или, по крайней мере, что некоторые в него верят.

— Ты хочешь сказать, что, по мнению некоторых, наш орден как-то связан с Преемством?

Крискан кивнул.

— Доходит до обвинений, что эдхарианский орден — ширма, за которой скрывается тайный рассадник теглонопочитателей.

Учитывая вклад эдхарианцев в теорику, я легко разбил бы это нелепое утверждение, но моё внимание зацепилось за одно слово.

— Почитателей? — повторил я.

Крискан вздохнул.

— Такого рода слухи обычно распространяют те же люди...

— Которые считают, что наша вера в ГТМ равносильна религии, — закончил я. — Им выгодно уверить всех, будто внутри эдхарианского ордена есть тайный культ.

Крискан кивнул.

— А он есть? — спросил Лио.

Я бы его треснул, если бы не боялся получить сдачи. Крискан не знал, что это у Лио такое чувство юмора, поэтому обиженно замолчал.

— И что, собственно, Эстемард делал? — спросил я у Лио. — Читал книги? Пытался решить теглон? Жёг свечи и произносил заклинания?

— В основном читал книги. Очень старые, — ответил Лио. — Очень старые книги, написанные теми, кого в своё время тоже подозревали в принадлежности к Преемству.

— Занятно. Только я не вижу, что тут дурного.

— Ещё он проявлял чрезмерный интерес к пению тысячелетников. Делал заметки, когда они пели.

— А как иначе понять, что они поют?

— И часто ходил в верхний лабиринт.

— Да, — признал я. — Это уже немного странно... Не входит ли в миф о Преемстве утверждение, будто его члены нарушают канон и общаются через границы матиков?

— Входит, — ответил Крискан. — Это вполне вписывается в теорию заговора. Одно из обвинений против эдхарианцев — что они якобы считают свою работу более глубокой и значитель-

ной, чем у остальных орденов. Что поиск истин в Гилеином теорическом мире для них важнее канона. Если поиск истины требует связаться с инаками в других матиках — или с эксами, — они пойдут и на такой шаг.

Каждое следующее утверждение Крискана звучало всё более нелепо, и я заподозрил, что просто у этого ненормального столетника такой пунктик. Однако я промолчал, вспомнив, что Ороло говорил с Самманном в винограднике и вёл незаконные наблюдения.

Лио фыркнул.

— С эксами? Каким эксам есть дело до мистической задачи шеститысячелетней давности?

— Таким, с какими мы общаемся последние два дня, — ответил Крискан.

Мы совсем остановились. Я сделал шаг вперёд.

— Что ж, если сказанное тобою правда, мы поездкой сюда здорово себе навредили.

Крискан сразу меня понял, а вот Лио — нет. Я объяснил:

— В концент светителя Тредегара собираются инаки со всего мира. Иерархи наверняка следят, кто прибыл и откуда. И мы — по большей части эдхарианцы из концента светителя Эдхара — опаздываем...

Теперь и до Лио дошло.

— Потому что отправились в поездку с богопоклонниками.

— ...на поиски двух блудных фраа, в точности подходящих под описанный Крисканом стереотип, — закончил я.

Через минуту мы с Лио были на вершине. Крискан пыхтел и отдувался позади. Мы так возбудились от странного разговора, что остаток пути пробежали почти бегом — не потому, что спешили, а просто чтобы выпустить лишний пар.

Во времена светителя Блая вершина, наверное, выглядела очень живописно. Линза плотной породы сохранила от размыва рыхлые подстилающие слои, и получился одиноко стоящий холм. Места на нём хватило бы для большого дома, вроде того, в котором живёт семья Джезри. За тысячелетия люди нагромоздили здесь множество разных конструкций. Нижний слой составляли кирпич и камни, уложенные прямо на скальную породу. Следующие поколения возвели на этом основании литые постройки из синтетического камня: бункеры, караульные будки, гнёзда под оборудование, фундаменты башенных антенн и «тарелок». Всё это не раз перестаивалось, руши-

лось, сносилось и отстраивалось заново. Камень — синтетический и природный — побурел от потёков ржавчины. Такое место дети могли бы исследовать часами. Мы с Лио не так давно вышли из детского возраста, и в нас бы тоже проснулся исследовательский инстинкт, не будь наши мысли заняты другим. Мы искали следы нынешней человеческой деятельности. Самым из них заметным был отражательный телескоп на высоком цоколе от башенной антенны. Туда мы и отправились первым делом. Телескоп походил на абстрактную скульптуру — такую могли бы сварить из металлолома Корд и её друзья. Однако, заглянув внутрь, мы увидели отшлифованное вручную зеркало двенадцати дюймов в диаметре (очень хорошее) и без труда сообразили, что у него есть экваториальная монтировка, собранная из моторов, коробок передач и шестерён. От телескопа уже нетрудно было проследить путь через платформу к внутренней лесенке. Она вела на юго-восточный край комплекса. Здесь в неком подобии дворика нам предстали большая решётка для жарки мяса, полипластовые стулья и стол, а также большой зонтик. Детские игрушки были с недетской аккуратностью уложены в полипластовый ящик, как будто малыши тут бы-

вают, но не каждый день. Из дворика мы попали в лабиринт тесных комнатушек — каморок для оборудования, превращённых в жилые помещения. Тут явно жил не Ороло. Фототипии на стене представляли пожилого мужчину, женщину чуть помоложе — видимо, его жену, и по крайней мере два поколения их потомков. Религиозных изображений было не меньше, чем семейных снимков; очевидно, жилище принадлежало богопоклонникам. Мы успели все это разглядеть, прежде чем сообразили, что вторглись в чужой дом. Тут нам стало неловко, поскольку ошибка была типично иначеская. Мы так дружно попятились к двери, что чуть не сбили друг друга с ног.

Дворик представлял собой гладкую плиту синтетического камня. Учитывая любовь Эстемарда к плиткам, странно было, что он её не замостил. Впрочем, мы довольно скоро приметили лесенку, ведущую на уступ с кирпичной печью для обжига. Всё здесь указывало на многолетние труды: глина, формы, склянки с глазурью, тысячи плиток — целых и расколотых — тех же геометрических форм, что на полу Новой прачечной в Эдхаре. Эстемард не выложил дворик плиткой, потому что ещё не нашёл идеальную конфигурацию. Он не решил теглон.

— Законченный псих? — спросил я у Лио. — Или только к этому идёт?

Крискан подошёл с другой стороны. Он сообщил, что нашёл другое жилище, поменьше. Мы вслед за столетником двинулись в обход южной части комплекса.

Мы сразу поняли, что это. Все признаки точечного матика были налицо. Он располагался на углу комплекса, куда можно было попасть только по длинной крутой тропе. В конце тропы недавно соорудили забор — по большей части символический, из фанеры и полипласта — с калиткой. Пройдя в неё, мы сразу почувствовали себя как дома. Дворик (такую же каменную плиту, как перед жилищем Эстемарда) агент по продаже недвижимости назвал бы «патио», но мы увидели миниатюрный клуатр. Всё мирское было тщательно вычищено, остался только древний потемневший камень и самые необходимые вещи, все сделанные руками — стол, стулья и полотняный навес на каркасе из связанных жердей. В углу стояло ржавое ведёрко из-под краски. Лио поднял придавленную камнем крышку, наморщил нос и объявил, что нашёл ночной горшок Ороло. Сухой и чистый. Зола в жаровне давно остыла, кувшин для воды был пуст, в деревянном

ящике для продуктов остались только соль, ложки и спички.

Обшарпанная дощатая дверь вела в келью Ороло, обставленную примерно так же. Часы, правда, были современные, с цифровым дисплеем, показывающим время до сотых долей секунды. На книжных полках, сооружённых из разобранной стремянки и кирпичей, стояли несколько машинноотпечатанных книг и лежали исписанные листы. Одну стену занимали чертежи и заметки, которые Ороло прилеплял клеем, другую — фототипии. Как мы поняли, это были снимки инопланетного корабля, сделанные, наверное, самодельным телескопом наверху. Типичный снимок представлял собой жирную белую черту на фоне белых чёрточек поменьше — размазанных звёзд. В углу композиции Ороло прилепил несколько фототипий, вырванных из книг или отпечатанных на синапе. На всех была просто большая яма, возможно — открытая горная выработка.

Остальные листы составляли перекрывающуюся мозаику со стрелками: какая-то древовидная схема. Верхний лист был подписан «ОРИФЕНА». Сверху на нём стояло имя Адрахонеса. От него шла стрелка вниз к имени «Диакс». На этом вет-

ка обрывалась. Другая стрелка, ведущая вниз и вбок, указывала на имя «Метекоранес». От него расходилось дерево с именами людей, живших в разное время и в разных странах.

— Ох-хо, — сказал Лио.

— Не нравится мне это, — признал я.

— Преемство, — заключил Крискан.

Открылась дверь и произошла драка. Не долгая — она закончилась через минуту. Никто не пострадал, но мы сразу напрочь забыли о листах на стене.

Проще говоря, случилось вот что: в комнату ворвался человек, и Лио повалил его на пол. В следующее мгновение Лио уже сидел на поверженном незнакомце, зачарованно разглядывая стрелковое оружие, которое вытащил у того из кобуры.

— Ножи или что-нибудь в таком роде есть? — спросил Лио и поглядел на дверь. В неё входили ещё люди, впереди всех — Барб.

— Пусти меня! — крикнул человек, на котором сидел Лио. Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать — он говорит на орте. — И верни пистолет!

Сейчас мы видели, что незнакомец — почти старик, хотя по резвости, с которой он вбежал в

комнату, его легко было принять за юношу.

— Эстемард всегда ходит с пистолетом, — объявил Барб. — Тут так принято. Это никого не смущает.

— В таком случае Эстемарда не смутит, если с пистолетом пока побуду я, — сказал Лио. Он скатился с Эстемарда и вскочил на ноги, держа пистолет дулом вверх.

— Вам тут делать нечего, — сказал Эстемард. — Что до пистолета, пристрели меня или верни его.

Лио и не думал возвращать пистолет.

Поначалу я так опешил, а потом так смутился, что стоял, как пень. Больше всего я боялся сделать что-нибудь неправильно. Однако лица товарищей придали мне смелости: я не хотел показаться нерешительным или растерянным.

— Поскольку ты утверждаешь, что нам тут делать нечего, — сказал я, — с каковым утверждением мы, между прочим, не согласны, то не в наших интересах давать тебе оружие.

К этому времени во дворик набились остальные члены нашей странствующей группы. Фраа Джад отодвинул Эстемарда плечом, быстро оглядел келью и принялся рассматривать листы и фототипии на стене. Именно это — не то, что Лио

сбил его с ног, и не мой феленический анализ — заставило Эстемарда признать своё поражение. Он отвёл глаза и как будто стал меньше ростом. В отличие от нас у него было всего несколько минут, чтобы привыкнуть к обществу тысячелетника.

— Лио, здесь многие ходят с пистолетами, — послышался голос Корд. — Я понимаю, чт**о** ты подумал, но поверь мне, он не собирался тебе угрожать.

Все молчали, и Корд заговорила снова:

— Да бросьте вы, зануды несчастные, идёмте лучше на пикник!

— Пикник? — переспросил я.

— После службы, если погода хорошая, мы завтракаем на лугу, — сказал Эстемард. Вмешательство Корд явно его ободрило.

Я глянул через дверь во дворик и поймал взгляд Арсибальта. Тот поднял брови. *Да. Эстемард стал богопоклонником*.

В конценте мы всегда представляли дикарей заросшими оборванцами, но Эстемард больше напоминал аптекаря на пенсии, одетого для загородной прогулки.

Он ещё раз внимательно поглядел на меня и сказал:

— Ты, должно быть, Эразмас. — Видимо, это в какой-то мере его успокоило. Он глубоко вдохнул, прогоняя последние следы шока, пережитого, когда Лио уложил его на пол. — Да. Приглашаем всех на пикник, если вы пообещаете ни на кого не нападать.

Возражение, зародившееся у меня в мозгу, видимо, начало проступать на лице, потому что Эстемард снова улыбнулся и добавил:

— Я имею в виду, без повода. А поводов у вас не будет: здешние люди терпимее к инакам, чем вы к ним.

— Где Ороло?

Фраа Джад по-прежнему разглядывал фототипии открытой горной выработки. Его инфразвуковой голос огорошил нас всех:

— Ороло ушёл на север.

Эстемард опешил не меньше других, но довольно скоро вновь улыбнулся: он понял, как тысячелетник пришёл к своему выводу.

— Фраа Джад прав.

— Мы примем участие в *пикнике*, — объявил фраа Джад. Он произнёс незнакомое слово так, словно держал его пинцетом. — Мы с Эразмасом и Лио поедем сзади в машине Ганелиала Крейда.

Указания просочились во двор. Все разверну-

лись и пошли к машинам. Лио вытащил обойму, затем по отдельности вручил её и пистолет Эстемарду. Тот нехотя вышел вместе с Крисканом. Как только они скрылись за самодельными воротами, фраа Джад начал сдирать со стены листы. Мы с Лио присоединились и отдали весь собранный урожай Джаду. Тот сложил почти все фототипии в стопку, а те, на которых была яма, протянул мне.

Тысячелетник вышел из клуатра Ороло и затолкал все листы в жаровню. Потом вытащил из продуктового ящика коробку спичек.

— По этикетке я заключаю, что это некий праксис получения огня, — сказал он.

Мы показали ему, как пользоваться спичками. Он поджёг листы. Мы стояли и смотрели, пока они не обратились в золу. Фраа Джад поворошил её палкой.

— Пора на *пикник*, — объявил он.

На спуске с холма, подпрыгивая в открытом кузове, словно бутылки в ящике, мы смотрели, как на лужайке перед скинией идут приготовления к пикнику. Судя по всему, здешние жители относились к пикникам так же серьёзно, как к религиозным службам.

Фраа Джад, видимо, думал о чём-то другом и молчал почти до самого Пробла. Перед въездом

в посёлок он постучал по кабине кузовиля и на орте спросил Крейда, можно ли тут остановиться. На совершенно чудовищном орте Крейд ответил, что, конечно, можно.

Мне и в голову не приходило, что человек вроде Крейда может знать наш язык. Впрочем, логика тут была. Контрбазиане отвергают священников и других посредников. Они уверены, что всё вычитают в писаниях сами. Большинство читает переводы на флукский. Однако легко представить, что особенно ревностные сектанты вроде жителей Пробла выучили классический орт, чтобы не доверять свои бессмертные души переводчикам.

Фраа Джад дал понять, что мы с ним должны выйти. Я спрыгнул на землю и протянул ему руку — больше из уважения, потому что на самом деле он в помощи не нуждался. Мы прошли шагов сто до поворота дороги, откуда открывался особенно красивый вид через пустыню на горы. На вершинах кое-где лежал снег, по склонам плыли пятна облаков.

— Мы почти как Протес над Эфрадой, — заметил фраа Джад.

Я улыбнулся, но не рассмеялся. Многие считают труды Протеса неприлично наивными. Если их и

упоминают, то в шутку либо с иронией. Однако такая тенденция рождалась и умирала сотни раз. Я не знал, как отнесётся к ней тысячник, чей матик последние шестьсот девяносто лет был полностью отрезан от мира. Чем дольше я глядел на фраа Джада и на тени облаков, тем больше радовался, что не хмыкнул.

— Что, по-твоему, думал Ороло, когда на это смотрел? — спросил фраа Джад.

— Он был большим ценителем красоты и любил смотреть на горы со звездокруга, — ответил я.

— Ты думаешь, он видел красоту? С таким ответом не промахнёшься, поскольку здесь и впрямь красиво. Но о чём он думал? Какие связи подсказывала ему красота?

— На этот вопрос я не могу ответить.

— Отвечать не надо. Задай его.

— Чего именно вы от меня хотите?

— Отправляйся на север и найди Ороло.

— Тредегар на юго-востоке.

— Тредегар, — задумчиво проговорил фраа Джад, будто только что видел его во сне. — Туда я вместе со всеми остальными отправлюсь после *пикника*.

— Мы и так слишком много себе позволили, — сказал я. — Потратили целый день...

— День. *День!*— Фраа Джада, тысячелетника, насмешило, что я придаю значение одному дню.

— На поиски Ороло может уйти не один месяц, — продолжал я. — За такое опоздание меня отбросят. Или по меньшей мере назначат мне ещё главы.

— Какая у тебя последняя?

— Пятая.

— Девятая, — сказал фраа Джад. В первый миг я подумал, что он меня поправляет. Потом испугался, что это приговор к главам с шестой по девятую. Наконец, я сообразил, что он сам дошёл до девятой.

Он должен был убить на неё годы.

За что? Чего он такого натворил?

И не подвинулся ли в итоге умом?

Но если Джад безумец или неисправимый ослушник, почему из всех тысячелетников призвали именно его? Почему фраа и сууры за милленарским экраном пели так, будто у них вырвали сердце?

— У меня много вопросов, — сказал я.

— Лучший способ их разрешить — отправиться на север.

Я открыл рот, собираясь повторить свои возражения, но фраа Джад поднял руку:

— Я приложу все силы, чтобы тебя не наказали.

Я сильно сомневался, что на конвоксе кто-нибудь станет слушать фраа Джада, но не посмел сказать ему это в лицо. А коли так, ответ мог быть только один:

— Отлично. Сразу после пикника я отправлюсь на север. Хотя и не понимаю, что это значит.

— Тогда иди на север, пока не поймёшь, — сказал фраа Джад.

ЧАСТЬ 7. Дикарь

Сетка. 1. *(прото-, старо- и среднеорт.) Всякое вязанное ячейками полотно, в том числе плетёная сумка. 2. (орт. начала эпохи Праксиса) Прямоугольная решётка из тонкой проволоки в окулярной части оптического прибора. 3. (орт. конца эпохи Праксиса — новоорт.) Совокупность двух или более синтаксических аппаратов, способных обмениваться информацией. Совокупность двух или более С. носит название* ***сеть****.*

Авосеть*, сокращение от Арбская всеобщая сеть. А. объединяет почти все сети мира. Разг.* ***авоська****.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Корд объявила, что повезёт меня, и решительно отмела все мои возражения. Мы проехали миль тридцать назад, прежде чем отыскали дорогу в горы. В первом же посёлке на этой дороге я потратил все деньги со своей карточки на топливо для машины, еду и тёплую одежду. Затем я потратил

деньги с карточки фраа Джада.

Пока мы грузили покупки в кузовиль, нас нагнал Ганелиал Крейд. Рядом с ним в кабине сидел Самманн. Оба улыбались во весь рот — зрелище совершенно непривычное. Без объяснений было понятно, что они едут с нами и что этот вопрос не обсуждается. Оба принялись закупать то же, что и мы. У Крейда был полный патронный ящик монет, у Самманна — информация в жужуле, заменявшая деньги. Напрашивалась мысль, что оба получили помощь от своих собратьев. Присутствие Крейда меня решительно не обрадовало. Если деньги ему и впрямь собрали жители Пробла, то возникала целая куча вопросов по поводу его истинных целей.

Почти всё место в кузове у Крейда занимал трёхколёсник, поэтому объёмистые вещи мы загрузили в машину Корд. Никто не знал, куда ехать и чего ждать, но у всех сложилась в голове похожая картина: Ороло зачем-то ушёл в горы. Поскольку там холодно и почти нет жилья, мы купили зимние спальные мешки, палатку, плитку и всё такое. Самманн считал, что сможет разыскать Ороло, а Крейд намеревался по дороге расспрашивать единоверцев.

Мы снова сели в машины и двинулись на север.

Крейд сказал, что в двух часах езды отсюда, у подножия гор, есть место для лагеря. Он поехал впереди — видимо, у него была такая потребность, и я устал с нею бороться. Корд тоже не возражала. Мы видели в лобовое стекло их спины: Крейд сидел перед панелью управления очень прямо, Самманн сгорбился над своей супержужулой. У нас с Корд было чувство, что они обо всём позаботятся. Я не стал бы доверять Крейду или Самманну по отдельности, но поскольку ясно было, что они ни в чём между собой не сойдутся, я решил, что мы ничем не рискуем.

Мне не хватало Арсибальта и Лио — не хватало возможности поговорить. Однако постепенно это чувство прошло и сменилось облегчением. За последние двадцать четыре часа я слишком много всего узнал: не только про корабль Двоюродных, но и про мир, в котором прожил десять с половиной лет. Взять хоть соломенные крыши над контейнерами с ядерным топливом: услышь я про них раньше, мне пришлось бы долго к этой мысли привыкать. И сейчас мне было легче просто сидеть рядом с сестрой, смотреть на дорогу и знать, что у меня одна-единственная обязанность: отыскать бездомного фраа. Прошлой ночью в базском монастыре сон помог мне уложить в

голове новые удивительные факты. Сейчас могло сработать нечто похожее: я чувствовал, что переключение действеннее коленопреклоненных раздумий в келье или многословных обсуждений в калькории.

А даже если не так, не важно — я просто нуждался в отдыхе.

Корд много говорила по жужуле с Роском. Они расстались на лужайке перед скинией — ему надо было возвращаться на работу. Теперь им надо было решить какие-то общие вопросы. Вместо того, чтобы изложить всё в одном длинном разговоре, они звонили друг другу раз десять. Это действовало мне на нервы, и я мечтал, чтобы мы наконец заехали в такое место, где её жужула перестанет ловить. Однако постепенно я привык и задумался вот о чём. Если Корд и Роск столько объясняются из-за разлуки в несколько дней, то как насчёт меня и Алы? Из головы не шло потрясённое лицо Тулии. Думаю, она обиделась не столько за себя, сколько за Алу.

— Есть ли сейчас способ отправлять письма? — спросил я у Корд в перерыве между её микроразговорами с Роском.

— Отсюда это сделать не совсем просто, но вообще да, — ответила Корд. Потом широко улыб-

нулась: — Ты хочешь написать девушке?

Я не упоминал при ней Алу и вопрос задал самым нейтральным тоном, поэтому растерялся и даже обозлился, что Корд так быстро меня раскусила. Она всё ещё с удовольствием наблюдала за моей обескураженной физиономией, когда жужула вновь запищала, дав мне несколько секунд передышки.

— Расскажи мне о ней, — попросила Корд, как только дала отбой.

— Ала. Ты её видела. Та девушка, которая...

— Я помню Алу. Она мне понравилась.

— Правда? Я не заметил.

— Как и многое другое. — Корд сказала это таким невинным тоном, что я чуть не упустил смысл. Когда до меня дошло, я надулся и некоторое время молчал.

— Мы с ней почти всю жизнь враждовали. Особенно в последнее время, — сказал я наконец. — Потом у нас что-то началось. Довольно неожиданно. И это было по-настоящему здорово.

Корд благодарно улыбнулась и едва не съехала в кювет.

— На следующий день её призвали. Никто ещё не знал, что будет конвокс. То есть для меня она практически умерла. Мне было довольно парши-

во. Я вроде как задавил эти мысли работой. Вчера — ощущение такое, что десять лет назад, — после воко у меня появился шанс снова увидеть Алу. Однако всего через несколько часов я принял решение сделать по дороге маленький крюк — который сегодня превратился в большой. Кстати, теперь я формально дикарь и могу никогда больше не увидеть Алу из-за того, что поддался фраа Джаду. Так что всё очень непросто. Не представляю, сколько бы нам пришлось говорить по жужуле, чтобы объясниться.

Тут снова позвонил Роск. К тому времени, как Корд дала отбой, у меня было готово продолжение:

— Учти, я не просто плачусь, как мне плохо. Всё здорово запутано. Это самая большая встряска со времён Третьего разорения. Происходит не пойми что — просто какое-то издевательство над каноном.

— Но у вас ведь не просто набор правил, — сказала Корд. — Вы так живёте ради чего-то более важного. Если ты сбережёшь главное, то остальное со временем распутается.

Такой ответ меня бы вполне устроил, если бы не одна загвоздка: уж очень это смахивало на то, в чём, по словам Крискана, обвиняют мифиче-

ское эдхарианское преемство. Поэтому я ничего не ответил.

И тут Корд расставила мне ловушку:

— Точно так же ты изводишься, разбираясь в своих отношениях с Алой, но если ты напишешь ей письмо — отличная, кстати, мысль, — ничего такого в нём обсуждать не надо. Пропусти это, и всё.

— То есть как «пропусти»?

— А вот так. Напиши, что чувствуешь.

— Я чувствую себя болваном. Ты это советуешь написать?

— Нет, нет, нет. Напиши про свои чувства к ней.

Я невольно покосился на жужулу, которая лежала между нами и как-то непривычно долго молчала.

— А тебе точно Тулия не звонила? У меня такое ощущение, что у вашей сестры своя тайная сеть. Как у...

— Ита?

Из моих уст это прозвучало бы оскорблением, но Корд нашла аналогию ужасно смешной. Мы разом посмотрели вперёд на затылок Самманна.

— Верно, — сказала Корд. — У нас девичья итовская сеть, и если ты не будешь нас слушаться, мы

наложим на тебя страшные епитимьи!

У Корд был блокнот; я нашёл в нём чистую страницу и стал писать Але. Получилось хуже некуда. Я вырвал лист и стал писать снова. Мне всё не удавалось привыкнуть к тому, как одноразовая ручка давит на скользкую машинную бумагу чернильную какашку. Я скомкал второй лист и принялся за третий.

Работу над четвёртым вариантом пришлось прервать, потому что Ганелиал Крейд свернул с мощёной дороги на грунтовую, к которой его кузовиль был приспособлен куда лучше нашего. Южные предгорья были засажены топливным лесом. Здесь по просёлкам грохотали огромные пыльные лесовозы — Корд и Крейд только успевали от них уворачиваться. Мы провели крайне неприятные полчаса, прежде чем зона топливных лесов осталась позади. Здесь, на большей высоте, невозможна была никакая экономическая деятельность, кроме индустрии отдыха.

Крейд привёз нас к очень красивому озеру у подножия гор. Он сказал, что осенью сюда приезжают охотиться, но сегодня стоянка пустовала. Довольно долго мы распаковывали снаряжение: избавлялись от коробок, обёрток, бирок и памяток по использованию. Из всего этого мы

сложили костёр и дальше поддерживали его хворостом, а когда он прогорел, поджарили на углях чизбурги. Корд расстелила спальный мешок в кузовиле, мы свои — в палатке. Я засиделся допоздна и закончил письмо при свете костра. Так было даже лучше: седьмой вариант получился простым и коротким. Я просто спросил себя: что хочу сказать Але на случай, если нам больше не суждено встретиться?

Утро приятно удивило отсутствием переломных событий, новых людей и сногсшибательных откровений. Мы, дрожа, выползли из спальников, разогрели на плитке готовые завтраки и тронулись в путь. Крейд был счастлив. Я догадывался, что это не в его характере, но он был счастлив здесь и сейчас, когда учил нас правильно сворачивать спальники или заправлял походную плитку с таким скрупулёзным тщанием, словно это ядерный реактор. Его энергия явно нуждалась в выходе. Я подумал, что Крейд слишком умён для своей среды. Родись он пеном, ему была бы прямая дорога в концент. Секта ценила его мозги, но не находила им стоящего применения. Крейд привык быть единственным умным человеком в радиусе ста миль; впервые очутившись среди других умных людей, он растерялся.

Самманн выглядел потерянным; его жужула тут почти не брала. Однако он держался мужественно, как будто долготерпение входит в стандартный инструментарий ита. У Самманна был при себе рюкзак, из которого он, как Корд из своей жилетки, постоянно извлекал разные полезные приспособления. По крайней мере мне так казалось — я не привык, что у людей столько вещей.

Корд молчала, если только я на неё не смотрел, а если смотрел, сразу принималась ворчать. Я чувствовал себя не у дел и потому весь извёлся. Когда мы наконец тронулись в путь, я думал, уже полдень. Однако по часам в кузовиле Корд было только девять.

Мы поднимались выше и выше в гору. Для меня это было в новинку. Любое путешествие было бы для меня в новинку. В детстве, до того, как меня собрали, я несколько раз выезжал из города со старшими, в гости к родным и знакомым. Живя в конценте, я, разумеется, никуда не ездил и не считал это потерей. Я просто не знал, какие бывают места. Сейчас, глядя на открывающиеся между деревьями пролески, зелёные луга, старые дороги, заброшенные крепости, гниющие бревенчатые дома и развалины замков, я воображал,

что мог бы туда пойти, будь у нас время остановиться. В этом смысле горы совсем не походили на концент, где каждая тропка исхожена поколениями инаков, а спуститься в подвал Шуфова владения кажется верхом смелости. Я гадал, что ещё увижу и куда события меня заведут, раз уж волею обстоятельств я оказался вне концента и странствую по таким местам.

Корд сменила музыку. Популярные мелодии, которые она слушала в прошлые дни, не вязались с горами. Красивые пассажи казались примитивными, а некрасивые и вовсе царапали слух. У неё была запись музыки из концента: мы продаём такие перед дневными воротами вместе с мёдом и медовой брагой. Корд поставила случайный выбор отрывков начиная с «Плача о Третьем разорении». Для неё это был просто «Отрывок № 37», для меня — самая пронзительная наша музыка. Мы поём «Плач» только раз в год, после того, как неделю постимся и читаем вслух имена погибших собратьев и названия сожжённых книг. Сейчас он был удивительно к месту: если Двоюродные к нам враждебны, всю планету может постичь разорение.

Дорога повернула, и мы увидели отвесную лиловую стену — она уходила на мили ввысь и те-

рялась в облаках. Ей мог быть миллион лет. Глядя на неё, слушая «Плач», я испытывал чувство, для которого нахожу только одно слово: патриотизм. Любовь к своей планете и готовность её отстаивать. Раньше такое чувство возникнуть не могло: вне Арба не было ничего, кроме светящихся точек в небе. Теперь всё изменилось. Я ощущал себя не деценарием или эдхарианцем, а гражданином Арба и гордился, что в меру слабых сил помогаю его защищать.

Казино и спили — ещё не весь экстрамурос. Даже если ты путешествуешь в одиночку по безлюдным краям, не видишь торговых аркад и не слышишь ни слова на флукском — ты получаешь знание. Не о секулюме, но о прамире, откуда выходят и куда рушатся культуры и цивилизации. Об источнике, из которого семь тысячелетий назад вышли и светский, и матический мир.

****

***Море морей**, относительно небольшое, причудливо очерченное водное пространство, соединённое проливами с тремя океанами Арба; обычно считается колыбелью классической цивилизации.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Мы преодолели перевал и спустились в небольшой городок, Норслов. Для меня это стало полной неожиданностью. Я видел картаблу, однако на воображаемой карте у меня в голове горы простирались куда дальше. Мы не нашли Ороло, но по крайней мере первый раз пересекли область поисков и отметили места, куда он мог пойти. Мне наибольшие надежды внушал убогий матик на бывшей пожарной вышке в лесу. В настоящий крупный концент Ороло бы не впустили, но заштатный матик вполне мог приютить ортоговорящего скитальца, несущего новые идеи.

Мы остановились поесть и воспользоваться уборными на заправке грузотонов неподалёку от деловой части Норслова. Здесь сдавали номера и разрешалось ночевать в машине. Я думал использовать заправку как базу, чтобы ездить в горы на поиски Ороло. Что затея негодная, стало ясно, как только мы вошли в столовую. Здесь было жарко и пахло тушёнкой. Водители разом повернули к нам головы. Видимо, таких, как мы, здесь не видели и видеть не желали. Отчасти потому что мы были вчетвером, а все остальные — сами по себе. Впрочем, мы бы и поодиночке привлекали внимание. Самманн даже в экстра-

муросской одежде выглядел экзотически из-за длинных волос и бороды, а черты лица выдавали его принадлежность к иному этническому типу. Водители не могли узнать в нём ита — если вообще знали, кто это такие, — но сразу видели чужака. Корд одевалась и двигалась не так, как их женщины. Казалось бы, Ганелиал Крейд должен растворяться среди других эксов. Однако он принадлежал к изолированной секте, тщательно хранящей свою особость, и это явственно читалось в его манере держаться. А я... представления не имею, как я выглядел. Почти всё время вне концента я пробыл с эксами, знавшими, что я — странствующий инак. Здесь я пытался выдать себя за кого-то другого, и трудно предположить, что мне это удалось.

На нас бы пялились ещё больше, если бы не развешанные повсюду спили. Они были закреплены под потолком, наклонно, и все показывали одно и то же. Когда мы вошли, на всех экранах был горящий дом. Пламя взметалось в ночное небо, вокруг суетились спасатели. Крупным планом показали верхний этаж и женщину в окне, из которого валил густой чёрный дым. Лицо у женщины было замотано полотенцем. Она бросила вниз младенца. Я ждал, что будет дальше, но вме-

сто этого ещё дважды замедленно повторили, как она бросает ребёнка. Потом горящий дом исчез и появился игрок с мячом, но вместо матча мы увидели, как тот же самый игрок позже ломает ногу. Эту сцену тоже несколько раз повторили в замедленном темпе, и было видно, как нога сгибается в месте перелома. К тому времени, когда мы добрались до столика, все спили показывали, как исключительно красивого мужчину в дорогом костюме задерживает полиция. Мои спутники время от времени бросали взгляд на экраны и тут же отводили глаза — видимо, у них выработался своего рода иммунитет. Я неотрывно смотрел на спиль, поэтому сел так, чтобы прямо передо мной не было ни одного экрана. И всё равно каждый раз, как на спиле менялась картинка, я невольно в него влипал. Как обезьяна на дереве, я следил за самым быстро движущимся объектом в моём окружении.

Мы сели в уголке, заказали еду и начали тихонько беседовать. Тишина, воцарившаяся с нашим появлением, сменилась обычным гулом разговоров. Я подумал, что зря мы сели в углу — если что, отсюда быстро не выберешься.

Мне ужасно не хватало Лио. Он бы оценил, есть ли опасность, и подумал, какие меры принять. Он

мог бы по неведению наломать дров, как в случае Эстемарда и его пистолета, но по крайней мере он избавил бы меня от этих забот, освободив мои мысли для другого.

Вот, например, Самманн. Я обрадовался, когда он решил ехать с нами, потому что он умеет много того, чего не умею я. На стоянке у озера это было отлично. Но сейчас мы снова были в секулюме, и я вспомнил древний запрет на контакты между ита и нами, который мы сейчас нарушали самым вопиющим образом. Знают ли здешние люди об этом запрете? И если да, понимают ли, из-за чего он введён? Другими словами, пробуждаем ли мы древние страхи? Станет ли полиция защищать нас от толпы или присоединится к ней?

Ганелиал Крейд принялся обзванивать местных собратьев, а когда заметил, что мы на него смотрим, отсел за свободный столик. Я спросил Самманна, не может ли он найти информацию по матику на пожарной вышке. Он начал перебирать в своей жужуле карты — там они были подробнее, чем в моей картабле, — и спутниковые снимки. Я засмотрелся на непривычные картинки. Наверное, так видели Арб Двоюродные со своего корабля. И тут я разгадал загадку, крутившуюся в голове со вчерашнего утра.

— Кажется, Ороло изучал такие снимки, — сказал я. — Даже повесил несколько у себя в келье.

— Зря ты мне сразу не сказал, — коротко ответил Самманн. Не в первый раз я почувствовал, что мы, инаки — малые дети, а ита поставлены за нами присматривать. Я хотел извиниться, но понял, что, раз начав, уже не остановлюсь. Каким-то образом мне удалось побороть стыд до того, как он достиг стадии горячей грязи на макушке.

(по спилю: взрывают старое здание; общее ликование)

— Ладно, раз ты об этом заговорил, вот что насильно вручил мне фраа Джад. — Я вытащил из кармана сложенные фототипии и развернул их на столе. Три головы тут же склонились над ними. Даже Ганелиал Крейд — который перед этим расхаживал взад-вперёд и разговаривал по жужуле — замедлил шаг, чтобы глянуть на фототипии. Однако изображение явно ничего ему не говорило.

— Похоже на карьер. Наверное, в тундре, — сказал он, просто чтобы вставить реплику.

— Солнце светит в яму почти отвесно, — заметил я.

— И что?

— Значит, это не может быть в высоких ши-

ротах.

Теперь смутился Крейд. Он отвёл взгляд и сделал вид, будто очень занят разговором по жужуле.

(по спилю: фототипии похищенного ребёнка; размытые кадры, на которых его выводит из казино мужчина в большой шляпе)

— Послушай, — сказал я Самманну, — а нельзя ли на твоей жужуле просмотреть карты планеты и найти схожие места? Понимаю, что это искать иголку в стоге сена. Но если работать посменно в течение долгого времени...

Самманн отреагировал на моё предложение, как я — на слова Крейда про тундру. Он поднёс жужулу к листу и сделал фототипию с фототипии. С минуту Самманн жал на кнопки, потом развернул ко мне экран: там был другой снимок того же котлована. Только в живой трансляция из авосети.

— Ты его нашёл, — сказал я. Мне надо было продвигаться медленно, по шажочку, чтобы точно понимать, что происходит.

— Нашла доступная в авосети синтаксическая программа, — поправил меня Самманн. — Это очень далеко отсюда. На острове в Море морей.

— А ты можешь сказать, как называется ост-

ров?

— Экба.

— Экба?! — воскликнул я.

— Можно как-нибудь выяснить, что там за яма? — спросила Корд.

Самманн увеличил изображение, но в этом уже практически не было нужды. Теперь, когда прозвучало слово «Экба», я уже видел не карьер, а раскоп. Его окружали валы вынутой земли. Вниз, к плоскому дну, по спирали спускалась дорога. Для карьера всё выглядело слишком аккуратно, слишком упорядоченно. Дно было аккуратно расчерчено на квадраты.

— Археологический раскоп, — сказал я. — Очень большой.

— И что там на Экбе раскапывать? — спросила Корд.

— Я могу поискать, — сказал Самманн и приготовился это сделать.

— Погоди! Уменьши изображение, — попросил я. — Ещё... ещё...

Теперь раскоп превратился в бурую оспинку на юго-юго-восточном склоне одинокой горы в наморщенном ветром море. Ближе к вершине лежал снег, но на самом верху явственно различалось углубление — кальдера.

— Это Орифена, — сказал я.

— Гора? — уточнила Корд.

— Нет, яма, — уточнил я. — Кто-то раскапывает Орифенский храм! Его засыпало вулканическим пеплом в минус две тысячи шестьсот двадцать первом году.

— Кому и зачем надо его раскапывать? — спросила Корд.

Самманн снова увеличил изображение. Теперь я знал, что искать, и без труда нашёл стену с воротами. Вокруг прямоугольного двора — клуатра — стояло несколько зданий. Над одним поднималась башня.

— Это матик, — сказал я. — И теперь я вспомнил, что когда-то про него слышал. Кажется, от Арсибальта. Некий орден отправился на Экбу и начал раскопки на месте Орифенского храма. Правда, я представлял себе нескольких фраа с тачками и лопатами...

— Я не вижу тут тяжёлой землеройной техники, — заметил Крейд. — Такую яму можно выкопать и лопатами, если работать достаточно долго.

Я немножко разозлился, потому что мог бы сообразить и сам: в конце концов, так возводились наши соборы. Однако Крейд был прав, и мне оставалось только согласиться со всем жаром,

пока он не пустился в дальнейшие объяснения.

— Очень занятно, — сказал Самманн. — Но для нас это, похоже, тупик.

— Согласен, — объявил я. — Экба на другом континенте, точнее, в Море морей, разделяющем четыре континента на другой стороне планеты.

— Ороло в горах нет, — объявил Ганелиал Крейд, пряча жужулу в карман. — Он миновал Норслов и отправился дальше.

(по спилю: очень красивые мужчина и женщина в свадебных нарядах)

— Откуда ты знаешь? — спросил Самманн. Я обрадовался. Крейд был до невозможности самоуверен. Спросить у него что-нибудь — даже пустяк — было для меня мукой. Самманн, напротив, находил удовольствие в том, чтобы лишний раз поддеть Крейда.

— Сюда его подбросили люди из Пробла, ехавшие в ту же сторону. Позавчерашнюю ночь он провёл в кузовиле моего двоюродного брата довольно близко отсюда.

— В кузовиле? У твоего двоюродного брата не нашлось лишней кровати? — спросил Самманн.

— Юлассетар много путешествует, — ответил Крейд. — Кузовиль у него обустроеннее, чем дом.

— Ты сказал «позавчерашнюю ночь»? — спро-

сил я. — Неужели мы так мало от него отстали?

— Разрыв с каждой минутой увеличивается. Вчера Юлассетар помог ему купить снаряжение, после чего Ороло договорился с водителем едущего на север грузотона, что тот его подбросит.

— Какое снаряжение? — спросила Корд.

— Тёплую одежду, — сказал Крейд. — Самую тёплую. Это то, в чём Юл разбирается. Думаю, потому-то Ороло и разыскал его в Норслове.

— Зачем Ороло ехать дальше на север? — удивился я. — Там вроде ничего нет.

Самманн взял картаблу — у неё экран был больше, чем у его жужулы, — уменьшил изображение и сдвинул его на северо-восток.

— Практически ничего, кроме тайги, тундры и льдов отсюда до самого Северного полюса. Первые миль двести — плантации топливных деревьев. Дальше — только редкие минеральные разработки.

Карта как будто опровергала его слова. Здесь было много дорог — все они сходились к городам, в том числе окружённым кольцевыми автодорогами. Однако все города были показаны бледно-коричневым цветом, которым обозначались руины.

(по спилю: запуск ракеты из экваториальных

болот)

— Ороло отправился на Экбу! — воскликнула Корд.

— О чём ты? — не понял Крейд.

— Экба на другом континенте, туда надо лететь! — сказал я.

— Он едет через полюс, — объяснила Корд. — Его цель — санная станция на Восемьдесят третьей параллели.

Мы обычно говорим о мирской власти так, будто она одна и та же на протяжении эпох. Некоторым эксам это кажется наивным и даже оскорбительным, хотя сами они говорят просто «власти», что по сути то же самое. Конечно, мы сознаём, что прибегаем к упрощению, но нам так удобнее. Что бы ни было в данный момент за стенами концента: империя, республика, деспотия, теократия, анархия или обезлюдевший край, — мы всегда можем сказать «мирская власть» и в общих чертах спрогнозировать её поступки.

Моё повествование не ставит целью рассказать об организации мирской власти во время описываемых событий. Такие сведения можно почерпнуть где угодно. Они даже будут интересны, если вы ничего не знаете об истории мира до Ужасных событий, — но если вы её изучили, всё

остальное покажется вам повтором, и частности устройства мирской власти в мои дни напомнят институты былых эпох, только без прежнего величия, поскольку первопроходцы хотя бы верили в свою цель.

Впрочем, одну подробность я всё же должен упомянуть. Мирская власть в моё время представляла собой федерацию. Она делилась на политические единицы, более или менее соответствующие Арбским материкам. Внутри каждой из них можно было перемещаться свободно, а вот при пересечении границ требовались документы. Получить их не составляло труда — если вы не инак.

С Реконструкции мы существуем совершенно отдельно от правовой системы мирской власти. Мы не входим в её юрисдикцию, она не несёт за нас ответственности, не учитывает нас, не призывает в армию, не облагает налогами и вообще не может вступить на нашу территорию, кроме как в аперт. Точно так же она не оказывает нам никакой помощи, кроме защиты от толпы или вражеской армии, да и то если сочтёт нужным. Мы не получаем от мирской власти пенсий и медицинского обслуживания. И у нас нет удостоверений личности.

Пока писался мой рассказ, стало ясно, что его могут прочесть уроженцы других планет. Поэтому я скажу, что мы по традиции знаем десять материков, но Двоюродные (и вообще любые гости извне) заметили бы, что их всего семь, и не ошиблись. Число десять идёт от первых исследователей: они продвигались в глубь суши от Моря морей и могли только гадать, что лежит в нескольких днях пути от его изрезанного побережья. Не раз и не два они присваивали новые имена землям, разделённым проливами, а много позже другие путешественники доказывали, что это части одного материка. Однако к тому времени названия успевали войти в классические мифы и хроники; мы не могли изъять их из культуры, как не могли бы вытащить исполинские камни из фундамента нашего собора.

Точно так же в эпоху Пробуждения открытую по другую сторону Арба сушу объявили материком. Столетия спустя выяснилось, что новый материк продолжается через Северный полюс и доходит до самого Моря морей. То есть это вовсе не новый континент, а часть самого старого и наиболее изученного, о чём никто не догадывался, потому что аборигены, живущие в ледяных домах, не поднимаются выше восьмидесятой параллели.

Чтобы доказать единство «старого» и «нового» континентов, надо было пройти до девяноста градусов северной широты — то есть до полюса — и оттуда до восьмидесятой параллели в другом полушарии. Такая экспедиция была предпринята только в последнее столетие перед Ужасными событиями и не отменила привычку считать часть света, где сейчас находились Самманн, Корд, Ганелиал Крейд и я, одним материком, а сушу к северу от Моря морей — другим. Ледяной щит разделял их надёжнее всякого океана, и никто в здравом уме не путешествовал через полюс. Чтобы попасть с материка на материк, существовали воздухолёты и корабли.

Однако если летишь на воздухолёте или плывешь на корабле, в порту прибытия у тебя спросят документы. Документов у Ороло не было, как не было и надежды их получить. Поэтому он принял логичное решение: воспользовался тем, что материк на самом деле один. Корд первая сложила в голове всю картинку.

Поправка. Корд была вторая. Первым сложил картинку фраа Джад.

— Санные поезда! Для меня это что-то из детских книжек, — сказал Самманн. — Они ещё ходят?

— На какое-то время их отменили, затем пустили вновь, — подтвердил Крейд. — Металл поднялся в цене, и люди снова потянулись за добычей в далёкие развалины.

— У нас в цеху изготавливали детали для санных локомотивов, — сказала Корд. — Наш цех — самый большой так далеко на севере, и эти заказы кормили нас последнюю тысячу лет. Детали приходилось делать из особых морозоустойчивых сплавов... — И так далее в том же духе. Корд говорила о сплавах, как другие девушки говорят о туфлях. Крейд и Самманн, оживившиеся, когда речь зашла о санных поездах, по мере её рассказа заметно теряли интерес.

Я мысленно прокручивал перед глазами вчерашнюю сцену в келье Ороло. Фраа Джаду потребовалось не больше полминуты, чтобы всё понять. Очень странно — даже если верить в сверхъестественные способности милленариев. Он явно что-то знал заранее.

— Раскоп. — Я постучал пальцем по фототипии.

Все удивлённо повернулись ко мне. Я понял, что перебил рассказ Корд о сплавах.

(по спилю: жертвы придорожной резни; жёны убитых рвут на себе одежду и катаются по земле)

Я продолжил:

— Спорю на мой последний энергетический батончик, что если проверить, то выяснится, что раскопкам шестьсот девяносто лет.

— Ты хочешь сказать, что их начали в трёхтысячном году, — сказал Ганелиал Крейд. — Почему? Тебе нравятся круглые числа?

Это была его исключительно редкая попытка пошутить, так что я из вежливости хмыкнул и только потом ответил:

— Я почти уверен, что фраа Джад знал о раскопках. Он с первого взгляда понял, что изображено на фототипии. Получается, что решение их начать было принято на последнем милленальном конвоксе. Тысячелетний матик концента светителя Эдхара наверняка отправлял туда свою делегацию; вернувшись, инаки сообщили о раскопках своим собратьям. Отсюда фраа Джад и знает.

Самманн, как всегда, готов был отыскать уязвимость в чужих доводах.

— Я не утверждаю, что ты неправ, но мне странно, что фраа Джад взглянул на фототипию и узнал раскопки Орифенского храма. Это мог быть просто карьер. Ничто не указывало на Экбу.

До сих пор мы рассматривали в основном ту

фототипию, на которой был раскоп целиком: увеличенные фрагменты вообще ничего нам не говорили. Теперь, проглядывая их, я легко отыскал контуры фундамента, обломки колонн и прямоугольники мощёных полов. На одном из них была такая фигура:

Я указал на неё.

— Это аналемма. Орифенский храм представлял собой камеру-обскуру. В потолке у него было маленькое отверстие, через которое солнце проецировалось на пол. Положение солнечного пятна во время полуденного актала — мы теперь

отмечаем его как провенер — менялось день ото дня и за год описывало такую фигуру.

— Ты считаешь, фраа Джад увидел на фототипии аналемму и сказал себе: «Ага, это Орифенский храм»? Как-то уж очень быстро он смекнул, — сказала Корд.

— Он вообще довольно смекалистый, — ответил я. Ответ был не слишком вежливый. Джезри бы меня за него в два счёта уплощил. Корд с полным правом усомнилась в моих словах. Однако я не хотел углубляться в этот вопрос. То, как быстро фраа Джад узнал раскопки на фототипии, подразумевало, что он много о них знал. И другие милленарии, возможно, тоже. Я боялся, что развитие темы выльется в очередной мутный разговор о Преемстве.

— О, как интересно, — сказал Самманн, глядя в свою жужулу. — Эразмас выиграл пари. Раскопки и впрямь начаты в трёхтысячном году от Реконструкции. — Он снова посмотрел на экран, затем поднял глаза и улыбнулся мне. — И начали их эдхарианцы!

— Здорово! — ответил я, чувствуя сильнейшее желание спустить его жужулу в унитаз.

— Основная часть инаков была из концента светителя Эдхара. Однако многие другие матики

со всего мира отправили туда фраа и суур.

— Сколько там инаков? — спросила Корд. Я видел, что она считает в уме: «Если каждый инак вынимает в день двадцать тачек земли, какую яму они выкопают за шестьсот девяносто лет?»

— Пока не скажу, — ответил Самманн, морщась. — Почти вся информация на эту тему — мусор.

— В каком смысле «мусор»? — резко спросил Крейд. Он весь как будто ощетинился.

Самманн оторвал взгляд от жужулы и с минуту заинтересованно смотрел на Крейда, потом ответил спокойно:

— Кто угодно может разместить информацию по какому угодно поводу. Поэтому подавляющая часть авосети — свалка мусора. Её надо фильтровать. Системы фильтрования очень древние. Мы совершенствуем их со времён Реконструкции. Для нас они тоже, что собор для фраа Эразмаса и его братии. Когда я что-нибудь ищу, я не вижу информации по этой теме. Я вижу метаинформацию — то, что фильтрующая система нашла, проведя поиск. Если я ввожу запрос «аналемма», фильтрующая система сообщает, что информацию по теме разместили всего несколько отправителей, почти все с высоким рейтингом надёжности — инаки. Если я введу фамилию поп-звезды, кото-

рая только что рассталась со своим бойфрендом, — Самманн кивнул на спиль, где показывали заплаканную женщину, — фильтрующая система сообщит, что на эту тему в последнее время размещено очень много информации, в основном крайне сомнительными отправителями. Когда я ищу раскопки Орифенского храма на острове Экба, фильтрующая система показывает, что очень надёжные и очень сомнительные источники размещают информацию на эту тему медленно, но постоянно, на протяжении семи веков.

Если Самманн хотел успокоить Крейда, то ему это не удалось.

— Пример надёжного отправителя? Фраа в конценте?

— Да, — ответил Самманн.

— А кто тогда сомнительный отправитель?

— Конспиролог. Человек, который размещает много длинных бессвязных постов, читаемых только его единомышленниками.

— Богопоклонник?

— Смотря о чём этот богопоклонник пишет.

— Что, если он пишет об Экбе? Орифене? Теглоне? — спросил Крейд, тыча пальцем в фототипию с изображением десятиугольной площади перед древним храмом.

— Фильтры говорят мне, что на эту тему постится очень много информации, — сказал Самманн, — о чём тебе, похоже, хорошо известно. Когда я вижу нечто подобное в интерфейсе фильтра, инстинкт подсказывает мне, что большая часть сообщений — мусор. Это быстрый и неточный анализ. Я могу ошибаться. Прошу извинить, если я тебя задел.

— Извинения приняты, — буркнул Крейд.

— Отлично! — воскликнул я после неловкой паузы. — Хорошо, что мы всё это узнали до того, как убили уйму времени на поиск в горах. Очевидно, теперь всё изменилось. Никто из вас не предполагал, что я отправлюсь за Ороло на другую сторону Арбского шара. Теперь вам осталось только развернуться и ехать на юг.

Все посмотрели на меня как-то странно.

— Ничего не изменилось, — объявил Самманн.

— Я не оставлю своего брата в этой помойке, — добавила Корд.

— Вам понадобятся две машины на случай, если одна сломается от мороза, — сказал Ганелиал Крейд.

Я не мог спорить с его логикой, хоть и на минуту не усомнился, что он намерен ехать с нами по другой причине. Особенно после того, как

прозвучало слово «теглон».

— Отсюда до восемьдесят третьей параллели две тысячи миль по ортодромии, — сказал Самманн, глядя в свою жужулу. — По трассе — чуть больше двух с половиной.

— Раз, если вы с Самманном научитесь водить, чтобы мы могли меняться, то дня в три-четыре уложимся, — сказал Крейд.

— Дорога к северу станет хуже, — заметила Корд. — Я бы положила неделю.

Крейд полез было в спор, но Корд его перебила:

— И надо переоснастить машины.

Итак, мы остались на заправке и принялись за работу. Как только хозяева поняли, что мы едем дальше на север, напряжение спало и дело пошло легче. Они решили, что мы — очередная старательская артель, просто побогаче других и с лучшим снаряжением.

С утра мы на кузовиле Корд съездили в город за зимними шинами для Крейда, потом на его кузовиле — за шинами для неё. Новые шины были с глубоким рельефом протектора и утыканы шипами. Корд и Гнель (как теперь Ганелиал Крейд просил его называть) занимались каким-то инструментоёмким проектом по замене охлаждающей жидкости и смазки на незамерзающие. Ни

Самманн, ни я помочь толком не могли, поэтому стояли на подхвате. Самманн по своей жужуле изучал дорогу на север, читал записи недавно проехавших тут путешественников.

— Слушай, — сказал я ему в какой-то момент, — я всё вспоминаю вчерашнюю картинку по спилю.

— Горящего библиотекаря?

— Нет.

— Оползень, накрывший школу?

— Нет.

— Умственно-неполноценного мальчика, который играл со щенками?

— Нет.

— Ладно, сдаюсь.

— Запуск ракеты.

Самманн взглянул на меня.

— И что? Она взорвалась? Упала на детский дом?

— Нет. То-то и оно. Просто взлетела.

— На борту были знаменитости или...

— Не знаю. Были бы — их бы показали, верно?

— Тогда я вообще не понимаю, зачем показали запуск. Ракеты взлетают каждый день.

— Ну, я в этом не силён, но у меня сложилось впечатление, что она очень большая.

Только сейчас Самманн понял, к чему я клоню.

— Попробую что-нибудь найти, — ответил он.

Пожилая, но очень хлопотливая дама из Гнелевой секты принесла нам пирог собственной выпечки и тут же затеяла с Гнелем бесконечный разговор. Пока они говорили, на заправку с грохотом вкатил огромный, заляпанный грязью кузовиль. Позади кабины у него был деревянный дом. Кузовиль несколько раз объехал вокруг нас и встал, заняв четыре парковочных места. Хлопотливая дама удалилась, поджав губы. Из кабины вылез рослый бородач, сунул руки в карманы и, с любопытством глядя по сторонам, пошёл к Гнелю. На последнем шаге он расплылся в улыбке и протянул руку. Гнель ответил тем же, правда, без улыбки и после некоторого колебания. Бородач энергично встряхнул его руку. Они обменялись несколькими словами, после чего новоприбывший заходил по лагерю, примечая, что у нас есть, и мысленно реконструируя, что мы сделали. Затем вытащил из своего дома на колёсах что-то вроде складного кухонного стола, раскочегарил плитку и начал готовить нам горячее питьё.

— Юлассетар Крейд, мой двоюродный брат, — сказал мне Гнель, пока мы смотрели, как бородач сдувает пыль с чашек и протирает ложки

вынутой из кармана тряпкой.

— А что случилось? — спросил я.

— О чём ты? — удивился Гнель.

— По тому, как вели себя с ним ты и та женщина, видно, что у вас какие-то трения.

— Юл — ере... — Гнель оборвал себя на середине слова. — Вероотступник.

Мне хотелось спросить: «А в остальном-то он нормальный?», но я сдержался.

Юл никому из нас не представился, но, когда я подошёл, с улыбкой пожал мне руку и только потом снова занялся своей кухней.

— Подставляй руки, — скомандовал он и, когда я выполнил указание, водрузил на них поднос, а сверху — чашки с горячим питьём. — Для твоих друзей.

Я настоял, чтобы он пошёл со мной. Мы отнесли чашку Гнелю, затем подошли к Самманну, и я познакомил его с Юлом. Потом я уговорил Корд вылезти из-под кузовиля. Она встала, отряхнулась и пожала Юлу руку. Они как-то странно друг на друга посмотрели, я даже подумал, уж не встречались ли они раньше. Однако ни Юл, ни Корд ничего по этому поводу не сказали. Корд взяла чашку, и оба сразу отвернулись, как будто между ними произошла какая-то неловкость.

Юлассетар Крейд свозил меня в город, чтобы я сделал кое-какие дела. Во-первых, я отправил в концент светителя Тредегара письмо для Алы. Женщина на почте меня издёргала, потому что я не мог толком написать адрес. У концентов нет адресов потому же, почему у меня нет паспорта. Я ругал себя, что не послал записку с Лио и Арсибальтом. Теперь надо было отправлять письмо в концент, где его перехватят иерархи. Если они будут строго держаться канона, то отдадут Але письмо только в следующий аперт. Я мог лишь гадать, что она подумает обо мне девять с лишним лет спустя, читая пожелтелое послание от мальчика, которому не исполнилось и двадцати.

Следующим пунктом программы была покупка термокостюмов — огромных оранжевых комбинезонов, у которых ноги состёгивались, так что получался спальный мешок. Их шили для тех, кто охотится или промышляет в развалинах на дальнем севере. Каталитический элемент, заправляемый топливом, вырабатывал энергию, которая по штанинам и рукавам поступала в согревающие подушки башмаков и перчаток. Новые костюмы стоили очень дорого, но Юл позавчера помог Ороло найти дешёвый. Юл знал, где продаются чинёные подержанные костюмы

и что с ними сделать, чтобы они стали лучше.

Купив термокостюмы, мы отправились на поиски остального снаряжения и припасов. Всякий раз, как я хотел зайти в магазин с товарами для туризма, Юл морщился и объяснял, что в хозяйственных и бакалейных лавках куда лучшая вещь обойдётся в пять раз дешевле. И, разумеется, оказывался прав. Он зарабатывал на жизнь тем, что водил экскурсии в горы. Сейчас Юл, видимо, был без работы, потому что весь день колесил по Норслову, помогая мне собрать всё необходимое. То, чего мы не нашли в магазинах, он пообещал прибавить из своих личных запасов.

Езда занимала невероятно много времени. Движение было постоянно затруднено — по крайней мере, мне так казалось. Но я не привык к городской жизни. Когда мы застревали в пробке, люди из мобов смотрели на Юлов драндулет. Взрослые сразу отводили взгляд, дети показывали пальцами и смеялись. У них были для этого все основания. Мы с Юлом выглядели чудн**о**, совсем не так, как те, кто ехал на работу или вёз детей в школу.

Сперва Юл считал, что как хороший хозяин обязан меня развлекать. «Музыку?» — спросил он отрешенно, как будто когда-то слышал, что быва-

ет такая штука — музыка. Я не стал возражать. Юл принялся крутить ручки настройки, словно они сами по себе, а система — сама по себе. Наконец он оставил проигрываться какую-то случайную запись. Позже, когда мы разговорились, я выключил музыку — Юл даже не заметил.

Как я понял, ему по работе часто приходилось иметь дело с незнакомыми людьми — клиентами. Чтобы сразу создать непринуждённую атмосферу, он рассказывал им байки. Получалось здорово. Я пытался навести его на разговор об Ороло, но ничего толком не узнал. Это для меня Ороло значил очень много, а для Юла он был просто очередной новичок, нуждавшийся в советах. Так или иначе, от Ороло мы перешли к путешествиям по дальнему северу — теме, в которой Юл действительно разбирался хорошо.

Позже я спросил, только ли на север он путешествовал. Юл фыркнул и сказал, что нет, он долго был инструктором по рафтингу в краях к югу от Пробла — сплавлялся с туристами на плотах по глубоким каньонам в живописной песчаниковой толще. Он рассказал несколько занятных историй из тех времён, потом как-то помрачнел и умолк. Видимо, рассказы были для Юла хорошим способом скоротать время, но нуждался он в

другом. Ему нужен было проект — что-то, к чему можно приложить знания и энергию.

На каком-то этапе поездки он перестал говорить «вам» («Вам надо взять запас топлива на случай, если не будет питьевой воды и придётся топить снег») и начал говорить «нам» («Нам нужны по меньшей мере четыре запаски»).

Дом Юла служил свалкой для всего, что не влезало в его кузовиль: походного снаряжения, запчастей, пустых бутылок, оружия и книг. Книги громоздились стопками в половину человеческого роста — за неимением полок Юл складывал их прямо на полу. По большей части это было развлекательное чтение, но несколько стопок составляли книги по геологии. На стенах висели увеличенные изображения пестроцветной осадочной толщи, прорезанной водой и ветрами. В подвале, куда мы спустились за снаряжением, лежали плоские камни — куски песчаника с окаменелостями.

Когда мы забрали всё необходимое и снова стояли в пробке на пути к заправочной станции, я спросил:

— Ты понял, что наша планета очень древняя, да?

— Угу, — тут же отозвался Юл. — Я сплавлялся

на плотах по рекам. Много лет. Там по берегам лежат камни. Глыбищи размером с дом. Они падают со склонов. Смотришь на них и понимаешь, что это происходит всё время.

— В смысле, камни падают всё время?

— Ага. Если ты едешь по дороге и видишь чёрные следы от шин — ну, как вон те, — ежу понятно, что тут кто-то резко затормозил. Если таких следов много, значит, водители сплошь и рядом так тормозят. Если ты в каньоне видишь много упавших камней, значит, камни падают сплошь и рядом. Ну, и я всё ждал, когда это произойдёт при мне. Сплавляюсь на плоту с клиентами, они спят или разговаривают о своём, а я смотрю на склоны и жду, что оттуда сорвётся камень.

— Но этого не произошло.

— Ни разу.

— И ты понял, что каньоны очень древние.

— Ага. Я даже пробовал подсчитать. Теорики я не знаю, но на реку смотрел пять лет, и за это время при мне ни один камень не упал. Если Арбу всего пять тысяч лет — если все камни упали за такой срок, — я бы видел, как они падают.

— А людям в твоей скинии эти выводы не понравились, — предположил я.

— Потому-то я ушёл из Пробла.

На этом разговор закончился. Был вечерний час пик, и мы довольно долго ехали в молчании. Мне было страшно интересно заглядывать через окна мобов в чужую жизнь. И вдруг я понял, насколько у Юла она другая.

Его решение присоединиться к нам — вернее то, как Юл пришёл к такому решению, — было мне непонятно. Он не выстраивал доводы, не взвешивал аргументы за и против. Но Юл вообще так жил. Из разговоров стало понятно, что Гнель не приглашал его заглянуть к нам на стоянку. Юл просто взял и заехал. Каждый день он делал что-то новое для новой партии людей. И в этом он не меньше меня отличался от тех, с кем мы стояли в пробке.

Так что я зачарованно смотрел на людей за стёклами и гадал: каково им живётся? Тысячелетия назад человеческий труд разделился на операции, которые надо день за днём выполнять на заводах или в конторах, где люди — взаимозаменяемые детали. Из их жизни ушла фабула. Так и должно было произойти, так диктовала экономика. Однако очень легко увидеть за этим чью-то волю — даже не злую, а просто эгоистичную. Люди, создавшие систему, ревниво берегут свою монополию: не на деньги, не на власть, а

на осмысленный сюжет. Если подчинённым есть что рассказать после рабочего дня, значит, случилось что-то неправильное: авария, забастовка, серия убийств. Начальство не хочет, чтобы у людей была собственная история кроме лжи, придуманной, чтобы их мотивировать. Тех, кто не может жить без фабулы, загоняют в конценты или на такую работу, как у Юла. Остальные должны искать ощущения, что они — часть истории, где-нибудь вне работы. Думаю, поэтому миряне так одержимы спортом и религией. У них нет других способов почувствовать, что они играют важную роль в приключенческой истории с началом, серединой и концом. Мы, инаки, получаем свой сюжет готовым. Наша история — познание нового. И она движется, пусть и не так быстро, как хотелось бы людям вроде Джезри. Ты всегда можешь сказать, на каком её этапе находишься и что в ней делаешь. Юл жил в своих занимательных историях каждый день, одна беда — мир не считал их важными. Возможно, поэтому он испытывал такую потребность рассказывать туристические байки — и не только о собственных подвигах, но и о подвигах своих наставников.

Мы наконец добрались до заправочной станции. Юл развернул походную кухню и начал

готовить ужин. Он не объявил официально, что едет с нами, но это явствовало из его поведения. Чуть позже они с Гнелем пошли к владельцам заправки и договорились, что кузовиль Корд останется тут недели на две. Корд начала перетаскивать свои вещи в передвижной дом Юла. Юл, готовя, пристально наблюдал за ней и вскоре принялся шутливо возмущаться, сколько у неё барахла. Корд отвечала в том же духе. Через шестьдесят секунд они уже осыпали друг друга чудовищными оскорблениями. Встревать в их перепалку было всё равно что лезть между людьми, которые дерутся или целуются, поэтому я отошёл к Самманну.

— Я нашёл спиль с твоей ракетой, — сказал он. — Ты был прав. Это одна из самых больших ракет в наши дни.

— Что-нибудь ещё?

— Полезный груз, — сказал Самманн. — Размер и форма как у тех аппаратов, на которых раньше отправляли людей.

— Сколько?

— До восьми.

— А есть информация, сколько людей на борту и какова цель полёта?

Самманн мотнул головой.

— Нет, если не считать информацией отсутствие информации.

— Как это понимать?

— Согласно властям, экипажа на борту нет. Испытание новой ракеты. Полётом управляет синап.

Я взглянул недоверчиво. Самманн ухмыльнулся и развёл руками.

— Знаю, знаю! Я наведу справки в известных мне сетях. Через несколько дней, может, чего-нибудь откопаю.

— Через несколько дней мы будем на Северном полюсе.

— Через несколько дней, — сказал он, — многие могут пожалеть, что они не там.

На следующее утро после сытного завтрака, приготовленного Юлом и Корд, мы двинулись на север. Кузовиль Корд остался в Норслове. Мы ехали на машинах Крейдов: почти всё снаряжение загрузили к Юлассетару, Ганелиал по-прежнему тащил свой трёхколёсник.

Сперва мы ехали на север и вниз, к морю, потом повернули вправо, а дальше двинулись влево по длинной дуге, огибая залив северного океана. В первом тысячелетии от Реконструкции века два подряд, до похолодания, на берегу этого

залива располагался крупнейший порт Арба. Из-за географического положения его развалины оказались в числе наиболее доступных для разработки. Старатели разбили мосты, дамбы и виадуки, извлекли из синтетического камня железную арматуру и продали металл туда, где на него был спрос. С тех пор на отвалах уже выросли высоченные деревья. Из древних сооружений остался только огромный подвесной мост через реку, впадающую в залив. Мост был так высоко над уровнем моря, что его не раздавило торосами. В это время года льда не было, но мы видели следы, оставленные им на отвалах. Теперь на месте порта была стоянка грузотонов и рыбачья деревушка с населением в несколько сотен человек (по крайней мере летом). Отсюда мы двинулись в глубь континента, почти точно на север. Здесь селения попадались всё реже, особенно когда мы въехали в заросшие лесом холмы. За холмами местность разительно изменилась: началась лесотундра. Из-за сухости и морозов деревья тут были не выше человеческого роста. Трасса практически опустела; мы по нескольку часов кряду не встречали других машин. Наконец мы остановились в каменистом месте у реки, съехали вниз, чтобы нас не увидели с дороги, и легли спать в

термокостюмах.

На следующее утро новёхонькая плитка, которую мы купили сразу после отъезда из Пробла, сломалась. Если бы не Юл, мы бы до конца путешествия питались холодными энергетическими батончиками. Юл с видом тихого торжества приготовил на своей батарее ревущих промышленных горелок шикарный завтрак. Гнель смотрел на двоюродного брата со смесью гордости и досады, словно говоря: «Поглядите, на что способны наши люди, когда отказываются от нашей религии».

Других машин на дороге не было, поэтому я брал у Юла уроки вождения. Корд разбирала плитку. Она диагностировала неполадку: топливо от ночного холода загустело, и сопло засорилось.

— Ты злишься, — заметила она некоторое время спустя. Я понял, что уже давно выпал из разговора. Корд с Юлом говорили, но я не слышал ни слова. — В чём дело?

— Поверить не могу, что на нынешнем этапе развития цивилизации возможны проблемы с химическим топливом, — сказал я.

— Прости. Надо было купить более дорогую марку.

— Нет, я о другом. Тебе не за что просить проще-

ния. Я всего лишь хотел сказать, что твоя плитка — праксис четырёхтысячелетней давности.

Корд даже опешила.

— Этот кузовиль и всё что в нём — тоже, — сказала она.

— Эй! — притворно обиделся Юл.

Корд фыркнула, закатила глаза и снова переключилась на меня.

— В смысле, всё, кроме твоей сферы. И что?

— Я вырос в месте с почти нулевым праксисом и, как правило, не замечаю таких странностей. Но иногда они просто бросаются в глаза. Ну посмотри сама на эту железяку. Плитка на опасном химическом топливе. Сопла, которые засоряются. За четыре тысячи лет мы могли бы придумать что-нибудь получше.

— И смогла бы я разобрать такую плитку?

— Тебе не пришлось бы её разбирать, потому что она бы не ломалась.

— Но я хочу понимать, как она работает.

— Мне кажется, ты что угодно сможешь понять, если всерьёз захочешь.

— Спасибо за комплимент, Раз, но ты уходишь от ответа.

— Ладно. Я понял. Ты спрашиваешь, будет ли средний человек понимать, как она работает.

— Я не знаю, кто такой средний человек, но погляди на Юла. Свою плитку он собрал сам. Я угадала?

Юл смутился, что Корд заговорила о нём, но отнекиваться не стал. Он отвёл взгляд и кивнул.

— Угу. Купил горелки у старателей. Сварил корпус.

— И ведь работает! — сказала Корд.

— Знаю. — Я похлопал себя по животу.

— Нет, я хотела сказать, система работает!

— Какая система?

— Ну... ну... — Корд судорожно искала слова.

— Система наоборот, — подсказал Юл. — Отсутствие системы.

— Юл знает, что плитки ломаются! — Корд глянула на разобранную плитку. — Он выяснил это на своём опыте.

— О да, на горьком опыте, девонька! — объявил Юл.

— Он увидел у старателей более надёжные горелки, добытые в северных развалинах. Долго торговался. Купил. Думал, как их приладить. До сих пор, небось, с ними возится.

— У меня два года ушло, чтобы плитка заработала как следует, — признал Юл.

— А с технологией, которую понимают только

инаки, такое было бы невозможно, — закончила Корд.

— Ладно, ладно, — сказал я. Убеждать их не имело смысла. Мы, инаки, ушедшие в матики (или, если хотите, загнанные туда мирской властью) после Реконструкции, можем изменять мир с помощью праксиса. До определённых пор людям это нравилось. Но чем сложнее становился праксис, тем хуже люди его понимали и тем больше становились от нас зависимы. А это им уже совсем не нравилось.

Корд рассказала Юлу про Двоюродных и про то, что случилось по пути из Эдхара в Норслов. Юл принял услышанное довольно спокойно. Мне хотелось схватить его за плечи и заорать: «Да пойми ты, это событие космического значения! Ничего важнее ещё не было!» Однако он слушал так, будто Корд описывает, как по дороге на работу проткнула шину и ставила запаску. А может, это была привычка инструктора изображать невозмутимость, когда к нему прибегают с пугающими известиями.

Так или иначе, мне представился случай продолжить спор о плитке, не зля Корд. Когда разговор иссяк, я сказал:

— Я понимаю, почему тебе и многим другим по

душе вещи, которые можно разобрать и понять. И в общем-то я ничего не имею против. Но сейчас не обычное время. Если Двоюродные на нас нападут, чем мы будем защищаться? Судя по всему, на их планете Реконструкции не было.

— Диктатура теоров, — сказал Юл.

— Не обязательно диктатура! Если бы ты видел теоров, ты бы знал, что они не могут создать организацию.

Однако Корд поддержала Юла.

— Раз строят такие корабли, значит, диктатура, — сказала она. — Ты сам говоришь, для такого нужны ресурсы целой планеты. Кто бы им столько дал?

По большей части мы с Корд смотрели на вещи одинаково, и я не чувствовал, что она — экс, поэтому, когда она начинала говорить так, я ужасно расстраивался. Мне не хотелось ей этого показывать, поэтому я надолго замолчал. В наших бесконечных поездках ничего не стоило выдержать часовую или даже двухчасовую паузу.

Дело было не только в нашем споре: с появлением Юла Корд совершенно переменилась. Они вели себя так, будто знакомы сто лет. Уж не знаю, что там между ними происходило, но мне в этом места не было, и я ревновал.

Мы проехали ещё один разрушенный город, почти такой же доступный для разработки, как вчерашний. На его месте тоже остались практически одни отвалы.

— В праксисе Двоюродных нет ничего такого уж обалденного, — сказал я. — То, что мы видели, могли бы построить у нас в эпоху Праксиса. Думаю, мы в силах создать оружие, чтобы вывести их корабль из строя.

Корд улыбнулась и напряжение спало.

— Ты говоришь в точности как фраа Джад! — воскликнула она с нескрываемой нежностью — ко мне. Мою обиду как рукой сняло.

— Правда? И что же говорил старикан?

Корд довольно правдоподобно изобразила его рокочущий бас: «Их электрическую систему можно вывезти из строя импульсом трам-пам-пам-поля». Тогда Лио сказал: «Простите, фраа Джад, но мы этого не умеем». — «Очень просто, надо построить фазированную систему трам-пам-пам-излучателей». — «Простите, фраа Джад, но никто уже не знает их теорики; на то, чтобы освоить её в общих чертах, уйдёт тридцать лет» и так далее.

Я рассмеялся, потом мысленно сосчитал дни.

— Скорее всего они уже в Тредегаре и обсужда-

ют, как построить трам-пам-пам-излучатели.

— Надеюсь!

— У мирской власти наверняка тонны информации о Двоюродных, которую от нас скрывают. Может, кто-нибудь уже слетал и *поговорил* с ними. Как пить дать, на конвоксе эту информацию сообщат. Меня бесит, что я не там! Я устал не понимать! А вместо этого я помогаю фраа Джаду выяснить, зачем изгою вздумалось посетить археологический объект семитысячелетней давности!

Я с досадой хлопнул рукой по приборной доске.

— Эй! — притворно возмутился Юл и сделал вид, будто хочет двинуть меня в плечо.

— Думаю, такова участь пешки, — продолжал я.

— По-моему, ты сильно переоцениваешь конвокс, — заметила Корд. — Помнишь первый день в машинном цехе? Когда мы пытались рассадить семнадцать человек по шести машинам?

— Ещё бы!

— На конвоксе наверняка происходит то же самое, только в тысячу раз хуже.

— Меня бы туда, — вставил Юл. — Видели бы вы, как я рассаживаю семнадцать туристов по

четырём плотам.

— Ну, Юла в Тредегаре нет, — сказала Корд, — так что ты ничего не теряешь. Сиди спокойно и не переживай.

— Ладно. — Я хохотнул. — Ты лучше моего разбираешься в людях.

— Тогда почему она меня не ценит? — спросил Юл.

Мы все по нескольку раз на дню пересаживались из машины в машину, кроме Гнеля, который всегда ехал в своей, правда, иногда пускал Самманна за панель управления.

На следующий день, когда мы с Корд часа на два остались вдвоём, она сказала мне, что теперь Юл — её парень.

— Хм, — заметил я. — Теперь понятно, почему вы столько времени «собираете хворост». — Я не пытался острить, просто хотел сымитировать их с Юлом шутливый тон. Однако Корд ужасно смутилась, и я понял, что нечаянно попал в цель. Я судорожно придумывал, как бы сгладить неловкость. — Ну, теперь, когда ты сказала, мне кажется, что это должно было произойти. Наверное, я бы раньше догадался, если бы не думал, что у тебя есть Роск.

Корд нашла мой ответ довольно глупым.

— Помнишь, как мы с ним всё время говорили по жужуле?

— Да.

— Ну так вот, мы на самом деле рвали отношения.

— Знаешь, Корд, не хочу быть педантичным инаком, но я слышал половину ваших разговоров и не припомню ни единого слова о разрыве.

Она посмотрела на меня, как на больного.

Я понял руки, сдаваясь.

— Ладно, значит, я представления не имел, что происходит.

— Я тоже, — ответила Корд.

— А как по-твоему... — Я чуть было не сказал: «А как по-твоему, Роск тоже понял?», но вовремя сообразил, что это будет самоубийство. Я подумал, что в таком серьёзном деле, как отношения, можно было бы вести себя порациональней, потом вспомнил себя и Алу и решил, что не мне упрекать сестру.

Мы с Корд на удивление мало говорили о семье, в которой жили, пока я не «ушёл к часам». Но даже то немногое, что я услышал, навело меня на грустные раздумья: как же умные люди умеют портить жизнь окружающим, будь то родственники или инаки в конценте. Можно было

подумать, что Корд лет восемьдесят — столько она повидала и так спокойно, даже цинично об этом говорила. Я подумал, что на каком-то этапе жизни она просто отчаялась и решила впредь заниматься лишь тем, что можно понять и починить, например машинами. Немудрено, что ей не по душе была мысль о механизмах, которые выше её разумения. И немудрено, что Корд старалась поменьше думать о том, в чём разобраться не может — например, почему она теперь девушка Юла.

Когда климат был теплее, цивилизации два тысячелетия болтались взад-вперёд по ледниковой равнине, словно песок по старательскому лотку, оставляя после себя сооружения, которые надолго пережили людей. В каждый конкретный момент этих двух тысячелетий на территории с нынешним населением в десятки тысяч обитал примерно миллиард человек. Сколько тел похоронено здесь, прах скольких развеян по ветру? Десяти, двадцати, пятидесяти миллиардов? Учитывая, что все эти люди пользовались электричеством, сколько миль медной проволоки было протянуто в их домах и под мостовыми? Сколько человеко-лет ушло на то, чтобы её проложить и закрепить? Если на тысячу горожан прихо-

дился один электрик, то на прокладку проводов ушёл примерно миллиард человеко-лет. Когда вновь похолодало и граница цивилизации вместе с фронтом оледенения отползла к югу, сюда пришли старатели. Они уничтожали миллиард человеко-лет работы кропотливо, человеко-час за человеко-часом, по ярду вытаскивая из-под развалин мили медной проволоки. Девяносто процентов быстро извлекли профессионалы, работавшие в промышленных масштабах. Я видел изображения гусеничных фабрик, которые поглощали за раз целые кварталы, вгрызаясь в город, как горнорудный комбайн в богатый пласт, превращая здания в щебень и тут же сепарируя обломки по удельному весу. Первые развалины, которые мы видели, были экскрементами таких машин.

Разбирать руины вручную куда дороже. Когда в других краях начался подъём, металлы подорожали, и старатели хлынули в дальние развалины — городки, до которых не добрались гусеничные фабрики. Они извлекали медную проволоку, стальные балки, канализационные трубы и другое ценное сырьё. Затем добытое судорожными рывками, от одного анархического торгового городка в тундре к другому, перемещалось к

трассе, по которой мы сейчас ехали. Снежные бури и арктические пираты замедляли движение лома, но рано или поздно он достигал трассы и сваливался в раздолбанные грузотоны. По виду они на семьдесят пять процентов состояли из ржавчины и держались лишь за счёт корки льда и грязного снега. Для безопасности машины шли караванами, такими длинными, что не было никакой надежды их обогнать. Впрочем, ехали они относительно быстро, и с колонной, как в стаде, было спокойнее, во всяком случае после того, как водители поняли, что мы не пираты, а странники. Мы держались на почтительном расстоянии от последней машины, чтобы вовремя свернуть, если на дорогу вывалится чёрная закорючка канализационной трубы или волосяной комок проволоки. Из-под колёс на нас летела мёрзлая грязь. Мы держали боковые окна открытыми, чтобы время от времени протирать лобовое тряпками на палках. На третий день тряпки замёрзли. После этого мы постоянно жгли плитку и кипятили воду в кастрюльке, чтобы их оттаивать. Скоро мы научились угадывать возраст развалин по типу оборонительных сооружений: шахтным пусковым установкам ракет, трёхмильным взлётно-посадочным полосам, кре-

постным стенам, акрам скрученной в спирали колючей проволоки, посадкам цепочечно-модифицированного терновника. Всё это в большей или меньшей степени раскурочили старатели.

Дальше на север развалины покрывал лёд: сперва корка, затем наледи, потом — сплошная масса, которая раздавила, смела, погребла и уничтожила всё. Севернее из антропогенных объектов мы видели только бывшие санные станции: колебания климата или рынка обрекли их на медленную смерть. В миле от дороги всё было белым и чистым, сама же трасса превратилась в кошмар. Снежные валы по её бокам становились всё выше и грязнее; какое-то время спустя мы уже ехали в чёрной двадцатифутовой траншее за грузотонами, движущимися со скоростью бодрого пешего шага. Отсюда было не выбраться; если бы мы заглушили моторы, задние грузотоны просто толкали бы нас перед собой. У них были шноркели, через которые в кабины поступал свежий воздух. Мы не догадались таким запастись и весь день дышали синеватой дымкой выхлопных газов. Когда делалось совсем невмоготу, мы оставляли кого-нибудь за панелью управления, вылезали из траншеи (в снежных стенах иногда попадались пандусы) и шли вдоль неё пешком

(в одном из торговых городков мы купили снегоступы из старых строительных материалов) или ехали на Гнелевом трёхколёснике.

Во время одной из таких прогулок — под самый конец путешествия — Юл спросил меня про динозавра на многоэтажной парковке.

С первого дня в Норслове было заметно, что он о чём-то хочет поговорить. После того как они с Корд сошлись, Юл несколько дней избегал оставаться со мной наедине, а когда понял, что я не выкину чего-нибудь неадекватного, стал искать случая поговорить с глазу на глаз. Я думал, речь пойдёт о Корд. Однако Юл очередной раз меня огорошил.

— Одни утверждают, что там был динозавр, другие — что дракон, — ответил я. — Первое, что нам говорят в связи с этой историей: про неё ничего нельзя знать наверняка.

— Потому что инкантеры уничтожили все свидетельства?

— Это одна сторона. Кстати, второе, чему нас учат: никогда не обсуждать эту историю с мирянами.

У Юла вытянулось лицо.

— Прости. Я просто не мог не упомянуть, — сказал я. — Большинство отчётов сходится в том,

что одна группа, назовём её группой А, затеяла дело, а группа Б положила ему конец. В популярном фольклоре группе А соответствуют так называемые риторы, группе Б — так называемые инкантеры. Всё произошло за три года до начала Третьего разорения.

— Но динозавр, или дракон, или кто там ещё действительно был?

Мы с Юлом шли по утрамбованному снегу футах в трёхстах от траншеи. Ближе идти было нельзя, потому что там зигзагами носились на снегомобах люди, в том числе находящиеся под воздействием психотропных средств. След, по которому мы шли, оставил пару дней назад как раз такой снегомоб. Мы знали, где наши кузовили, потому что научились отличать самодельные шноркели соседних грузотонов. Поток двигался чуть быстрее, и мы должны были прибавить шаг. Возможно, машины ускорились из-за того, что до санной станции оставалось всего мили две. Мы уже видели её антенны, огни и дым. Такое расстояние можно было преодолеть и пешком, поэтому отстать от кузовилей мы не боялись.

— Это произошло всего в двух тысячах футов от Мункостера, — сказал я. — Тогда там был город — как и сейчас. Средний уровень благосостояния

и праксического развития, скажем, девять по десятибалльной школе.

— А у нас сейчас сколько? — спросил Юл.

— Скажем, восемь. Короче, общество вокруг Мункостера было на пике развития, но не сознавало этого. Влияние богопоклонников усиливалось...

— Какой скинии?

— Не знаю. Из тех, что агрессивно рвутся к власти. У них была иконография...

— Что?

— Ну, довольно сказать, что их пугали некоторые вещи, в которые склонны верить инаки.

— Например, что мир древний? — предположил Юл.

— Да. Раза два на годовые аперты случались небольшие беспорядки, потом на деценальный аперт 2780-го более серьёзные: миряне немного погромили десятилетний матик накануне закрытия. Дальше всё вроде улеглось. Аперт закончился. Жизнь вошла в колею. Так вот, в виду матика строилась многоэтажная парковка — часть торгового центра. Инаки видели строительство из своих башен — в Мункостере много башен. Через несколько месяцев парковку достроили. Миряне каждый день оставляли на

ней машины. Всё было отлично. Прошло шесть лет. Торговый центр расширялся. В конструкции парковки предстояло что-то переделать, чтобы достроить новое крыло. На четвёртом этаже рабочий долбил перфоратором пол и вдруг увидел в синтетическом камне что-то вроде когтя. Стали разбираться, вскрыли ешё часть пола. Речь шла о безопасности: когти и кости в несущих элементах — это конструктивный дефект. Пришлось подпирать стены. Здание оседало на глазах — чем дальше, тем хуже. Наконец пол разобрали совсем и нашли скелет стофутовой рептилии в синтетическом камне, залитом четыре года назад. Богопоклонники не знали, что и думать. Под стенами концента начались серьёзные беспорядки. Потом однажды ночью из башни тысячелетников донеслось пение. Оно звучало всю ночь. К утру парковка стояла целая и без скелета. Так рассказывают.

— Ты в это веришь? — спросил Юл.

— *Что-то* произошло. Остались... следы.

— В смысле, фототипии скелета или вроде того?

— Нет. Воспоминания в головах свидетелей. Доски, которыми подпирали здание. Накладные на эти доски. Дополнительный износ шин у гру-

зотонов, которыми их привезли.

— Типа кругов на воде, — сказал Юл.

— Да. То есть если скелет внезапно исчезает и материальных свидетельств нет, что остаётся?

— Следы. — Юл энергично закивал, как будто понял лучше меня. — Круги без всплеска.

— Шины не стали как новенькие. Накладные не исчезли из папок. Возник конфликт. Мир внезапно утратил цельность — в нём появились логические неувязки.

— Штабеля крепёжных досок рядом с парковкой, которую не надо было подпирать, — сказал Юл.

— Да. И дело даже не в том, что это физически невозможно. Вполне могут быть штабеля досок рядом с парковкой и бумажки в шкафу. Но загвоздка в том, что общая картина больше не сходится.

Я вспомнил диалог про розовых драконов и только сейчас, месяцы спустя, сообразил, что Ороло выбрал пример с драконами не случайно. Он хотел напомнить нам ту самую историю, про которую заговорил Юл.

Сзади взревел двигатель: нас нагонял Гнель на трёхколёснике. Мы с Юлом обменялись взглядами, означавшими: «Не будем обсуждать это

при нём». Юл нагнулся и сгрёб две пригоршни снега, чтобы запустить в брата снежком. Снег не лепился — было слишком холодно.

Мы добрались до восемьдесят третьей параллели в два часа ночи, то есть солнце висело в небе чуть ниже обычного. Станция располагалась в котловине, и впечатление было такое, будто мы на дне метеоритного кратера мили в полторы шириной. Кое-где стояли жилые модули на сваях, которые можно переставлять, потому что лёд всё время течёт. Скопления грузотонов тяготели к этим модулям: там размещались конторы по скупке лома, и водители ездили от скупщика к скупщику, выбирая, кто больше заплатит. В остальных модулях размещались гостиницы, столовые или бордели.

Самым заметным сооружением на станции был сам поезд. Первый раз, когда я его увидел на фоне низкого солнца, я подумал, что это фабрика. Локомотив походил на комбайн по переработке городов: силовая установка и целый посёлок жилых модулей на поперечной опоре между исполинскими гусеницами. Поезд состоял из полудюжины саней — их полозья двигались по колеям, оставленным гусеницами локомотива. Первый вагон предназначался для контейнеров.

Он уже был загружен в четыре яруса, и сейчас уродливый кран на колёсах укладывал пятый. Следующие несколько вагонов представляли собой открытые короба. Другой кран, с клещами, который запросто ухватил бы обе наши машины сразу, цеплял из груды на снегу металлолом и с душераздирающим лязгом бросал его в короба. Последней была прицеплена платформа, наполовину заставленная грузотонами.

Мы немного потыркались туда-сюда, но из разговоров с водителями грузотонов на стоянках нам было примерно известно, куда идти и что делать (а чего *не* делать). Самманн заранее выяснил по авосети, что предыдущий поезд ушёл два дня назад, а этот простоит под погрузкой ещё несколько суток.

Ходить тут было опасно, поскольку отсутствовало деление на проезжую и пешеходную часть. Грузотоны и кузовили просто шпарили напрямик туда, куда вздумалось их нажевавшимся дурнопли водителям. Даже на короткие расстояния лучше было перемещаться на колёсах. Мы купили билеты на платформу и загрузили на неё оба наши кузовиля. Однако мы немножко приплатили, чтобы кузовиль Гнеля поставили с краю; приставляя к нему наклонные доски, мож-

но было скатывать и закатывать трёхколёсник. На нём мы ездили по станции. Пассажирское место у трёхколёсника было только одно, и пока двое ездили, трое маялись бездельем. Мы сняли жилой модуль на локомотиве и маялись бездельем там. Условия в модуле были самые простые. Туалет состоял из дыры в полу; крышка придавливалась металлоломом, чтобы её не сдуло арктическими ветрами. Мы несколько раз прокатились вдоль поезда на трёхколёснике и перетащили из кузовилей припасы, снаряжение, а также внушительный арсенал стрелкового и холодного оружия. Юлассетар и Ганелиал Крейды расходились во взглядах на религию, но не на средства самозащиты. Даже чехлы для ружей и ящики для патронов у них были одинаковые. На станции многие ходили с оружием, а на краю «города» располагалось стрельбище, где можно было для забавы палить по ледяным стенам. Однако у меня сложилось впечатление, что порядка здесь больше, чем на территории, по которой мы ехали последнюю неделю, — как я понял, благодаря коммерции.

Когда все вещи были перетащены, мы с Самманном для очистки совести объехали на трёхколёснике местные бары и притоны и убедились,

что Ороло там нет. Корд облазила локомотив, восхищаясь его устройством. Юл не отставал от неё ни на шаг. Он уверял, что ему тоже интересно, но я видел: он считает, что если Корд пойдёт гулять одна, её немедленно изнасилуют.

Нам предстояло убить несколько дней. Я пытался читать взятые с собой теорические книжки, но не мог сосредоточиться, поэтому спал значительно больше, чем нужно. Самманн нашёл возле офисного модуля место, где кое-как ловилась авосеть. Он ходил туда раз в день, затем просматривал добытую информацию. Юл и Корд, когда не «собирали хворост», смотрели спили на крохотном жужульном экране. Ганелиал Крейд читал писание на старобазском и начал выказывать интерес к тому, о чём до сих пор из вежливости молчал и чего я страшно боялся: религии.

От стычки с Гнелем меня спас Самманн: он внезапно оторвал взгляд от жужулы, отыскал глазами меня и снова воткнулся в экран. На усах у Самманна болтались льдинки: он только что совершил очередную вылазку за данными. Я подошёл и присел на корточки рядом с его стулом.

— После отъезда из Пробла я запросил доступ в некоторые сети, — объяснил Самманн. — Вообще-то они для меня закрыты, но я подумал,

возможно, меня туда пустят, если объяснить, в чём дело. Мой запрос рассматривали довольно долго. Видимо, те, кто их контролирует, искали в авосети подтверждения моей истории.

— Как это? — спросил я.

Моё любопытство не понравилось Самманну — то ли он устал объяснять мне такие вещи, то ли хотел сберечь хоть каплю уважению к канону, который мы столь грубо нарушали.

— Допустим, в столовке той собачьей дыры, где мы покупали зимние шины...

— Норслова.

— Не важно. Допустим, там установлен спилекаптор наблюдения. Он видел, как мы подходим к кассе платить за ту дрянь, которой нас травили. Информация со спилекаптора попадает в некую сеть. Тот, кто за ней следит, видит, что я был там такого-то числа вместе с тремя людьми. Есть способ выяснить, кто они. Один оказывается фраа Эразмасом из концента светителя Эдхара. В этом мой рассказ подтверждён.

— Ладно, но как...

— Не важно. — Тут, словно устав от этого слова, Самманн на мгновение прикрыл глаза и сделал новый заход: — Если тебе так уж интересно, скорее всего по мне провели асамору.

— Асамору?

— Асинхронный, симметрично анонимизированный, модерируемый открытый репутационный аукцион. Даже не пробуй разобрать. Сокращение до-Реконструкционных времён. Настоящей асаморы не проводили три тысячи шестьсот лет. У нас есть другие процедуры для той же цели, и мы называем их старым словом. Обычно проходит несколько дней, прежде чем в репутоновой колбе... не важно... произойдёт доказуемо необратимый фазовый переход, и ещё день нужен, дабы убедиться, что тебя не ввела в заблуждение эфемерная стохастическая нуклеация. Суть в том, что доступ мне дали совсем недавно. — Он улыбнулся, и льдинка с усов упала на кнопки жужулы. — Я бы сказал, что «только сегодня», но этот дурацкий день тянется не пойми сколько.

— Отлично. Я ни слова не понял, но, может, объяснения можно отложить на потом.

— Вот и славно. Суть в том, что я хотел получить информацию по запуску той ракеты.

— А. И удалось?

— Я бы сказал, да. Ты, возможно, скажешь «нет», потому что для тебя информация — это то, что аккуратно записано в книге и проверено другим

инаком. Информация, с которой имеем дело мы, зашумлена и неоднозначна. Часто это не слова, а графика или звук.

— Упрёк принят. Так что ты узнал?

— В ракете поднялись восемь человек.

— То есть власти и впрямь солгали.

— Да.

— Кто эти люди?

— Не знаю. Вот тут начинается зашумленность и неоднозначность. Всё проходило в обстановке секретности. Военная тайна и тому подобное. Нет списка пассажиров, тем более — их досье. Есть десять секунд поганого материала, снятого спилекаптором на лобовом стекле коммунального кузовиля, когда тот парковался в четверти мили от места событий. Артефакты, связанные с движением, конечно, убраны.

Самманн запустил обрывок, как и было обещано, очень плохого спиля. Я увидел военный автобус перед большим зданием.

Из здания вышли восемь человек в белых комбинезонах и сели в автобус. За ними последовали ещё несколько, с виду — врачи и механики. От здания до автобуса было футов двадцать. Самманн закольцевал фрагмент. Первые раз тридцать мы разглядывали в основном ту четвёрку, которая

шла впереди. Лиц было не разобрать, но просто удивительно, сколько говорит о людях их манера двигаться. Один — самый высокий, с густыми, тщательно уложенными волосами — выступал решительно, ни на кого не оглядываясь, трое других — по бокам и сзади — суетливо подстраивались под его шаг. Комбинезон на высоком был не совсем такой, как на других — весь перехвачен крест-накрест какими-то полосами, словно его снизу доверху обвивала длинная...

— Верёвка, — сказал я, останавливая изображение и тыча пальцем в центральную фигуру. — Я видел похожее в аперт. К нам приходил экс в чём-то похожем. Последователь небесного эмиссара, что-то типа священника. Это их церемониальное облачение.

Корд некоторое время назад подошла к нам и теперь смотрела Самманну через плечо.

— Четверо сзади — инаки, — сказала она.

До сих пор мы смотрели только на главного и его служек. Остальные просто шли гуськом от здания к автобусу.

— С чего ты взяла? — спросил я. — Я не вижу, почему они должны быть инаками. Потому что не обращают внимания на того, который с верёвкой?

— Да нет же! — сказала Корд. — Посмотри, как они идут.

— Ну, знаешь! — возмутился я. — Мы двуногие! Мы ходим, как все!

Однако Самманн с улыбкой повернулся к моей сестре и энергично закивал.

— Вы психи, — сказал я.

— Корд права, — настаивал Самманн.

— В аперт разница была здорово видна, — сказала Корд. — Эксы ходят вразвалку. Как хозяева. — Она выступила из-за стула и свободной, развинченной походкой прошла по комнате. — Инаки собранней. Ита, кстати, тоже. — Она расправила плечи и целеустремлённым шагом вернулась к нам.

Как ни дико это звучало, я вынужден был признать, что в аперт издалека отличал эксов от фраа и суур — в том числе по характеру движений. Я снова взглянул на экран.

— Ладно, согласен. Чем больше я на них смотрю, тем более знакомой мне кажется их походка. Особенно у высокого сзади. Он вылитый...

Я онемел. Все посмотрели на меня — в чём дело. Я ещё четыре раза прокрутил запись. Сомнений не оставалось.

— Джезри, — сказал я.

— О боже! — воскликнула Корд.

— Да осенит тебя Его благость, — прошипел Ганелиал Крейд, как всегда, когда кто-нибудь употреблял это слово в качестве междометия.

— Там точно твой друг, — сказала Корд. — Я его тоже узнала.

— Фраа Джезри в космосе с небесным эмиссаром! — заорал я, просто чтобы себя услышать.

— Представляю, какие увлекательные дискуссии они там ведут, — заметил Самманн.

Часа через два, когда мы закрыли ставни и попытались уснуть, всё вокруг загудело и заурчало. Модуль дёрнулся так, что половина наших припасов упала на пол. Мы с Гнелем расстегнули штанины термокостюмов, выскочили на боковой мостик и увидели, как корка льда под гусеницами взрывается искристыми облачками. Мы добежали до конца мостика, где была лестница, спрыгнули на снег, завели трёхколёсник и погнали к платформе. По всему составу отдавались глухие удары: локомотив тронулся и вагоны приходили в движение один за другим. За платформой по льду тащился пандус на случай, если что-то придётся грузить в последний момент: до того, как поезд наберёт ход, оставалось как минимум полчаса. Мы с разгону въехали на платформу,

увернулись от грузотона, мотавшегося туда-сюда в узком пространстве, закатили трёхколёсник в кузовиль Гнеля, а доски убрали вниз. Ещё некоторое время ушло на то, чтобы слить хладагент из всех трёх машин в полипластовые канистры. Когда с этим было покончено, поезд уже двигался быстрее, чем мы могли идти в снегоступах, и нам пришлось добираться до локомотива по боковым мостикам. Корд и Юл распахнули ставни, впустив солнце, и готовили праздничный завтрак в честь отправления. Сердце у меня прыгало от радости. Потом я вспомнил, где сейчас фраа Джезри и где я, и мне стало тошно.

— Гад! — сказал я. — Сволочь!

Все поглядели на меня. Мы готовились встать из-за стола после того, что по здешним меркам считалось роскошным завтраком.

Юлассетар Крейд глянул на Корд, словно говоря: «Твой брат, ты с ним и разбирайся».

— Кто? Что? — спросила Корд.

— Джезри!

— Несколько часов назад ты чуть не плакал из-за своего Джезри, теперь он у тебя гад.

— Всегда он так!

— Его часто запускают в космос? — полюбопытствовал Самманн.

— Нет. Трудно объяснить... но из нас из всех именно его должны были выбрать.

— Кто? — спросила Корд. — Явно ракету запустил не конвокс.

— Конечно. Скорее всего мирские власти пришли к иерархам Тредегара и сказали: «Дайте нам четверых лучших ребят». И теперь Джезри там.

Я затряс головой.

— Ты должен гордиться... немножко, — осторожно сказала Корд.

Я закрыл лицо руками и вздохнул.

— Джезри выпало лететь к инопланетянам. Мне — ехать на поезде с металлическим ломом. — Тут я отнял руки от лица и посмотрел на Гнеля. — Что ты знаешь о небесном эмиссаре?

Гнель заморгал. Я так долго уходил от разговоров о религии, а теперь задаю прямой вопрос! Его брат с шумом выдохнул и отвёл глаза, как будто сейчас перед ним лоб в лоб столкнутся два кузовиля.

— Это ересь, — тихо ответил Гнель.

— Да, но для вас ведь почти все еретики, да? — сказал я. — Нельзя ли поконкретнее?

— Ты не понял, — сказал Гнель. — Они не просто еретики. Они откололись от моей скинии. От *нашей* скинии.

Он глянул на Юла.

Корд ткнула того локтем на случай, если он не расслышал.

— Вот как? — удивился я. — От проблитов?

Для остальных это тоже было новостью.

— Нашу религию основал светитель Блай, — объявил Гнель.

— До или после того, как вы съели его пе...

— Это ложь! — возмутился Гнель. — Её сочинили, чтобы выставить нас первобытными варварами!

— Человеческую печень очень трудно поджарить, не повредив, — вставил Юл.

— Ты хочешь меня уверить, что светитель Блай стал богопоклонником? Как Эстемард?

Гнель помотал головой.

— Жаль, что ты не успел толком поговорить с Эстемардом. Он не богопоклонник в твоём понимании или в моём. И светитель Блай тоже. И вот тут мы расходимся с небесным эмиссаром и его людьми.

— Они считают, что Блай был богопоклонник?

— Да. Для них он вроде пророка. Якобы он открыл доказательство бытия Божьего, и за это его отбросили.

— Смешно. Если бы кто-нибудь и впрямь до-

казал бытие Божье, мы бы сказали: «Отличное доказательство, фраа Блай» — и начали верить в Бога.

Гнель посмотрел на меня холодно, давая понять, что не верит ни единому моему слову.

— Так или иначе, — сказал он, — небесный эмиссар придерживается иной версии.

Мне вспомнился вечер накануне аперта и обсуждение иконографий.

— Типичная брумазианская иконография, — сказал я.

— Что?

— Небесный эмиссар утверждает, что в матическом мире действует тайный сговор.

— Да, — ответил Гнель.

— Сделано некое великое открытие — в данном случае доказано бытие Божье. Простые честные инаки хотели бы сообщить об этом всем, но их жестоко подавляет верхушка, которая пойдёт на всё, чтобы сохранить тайну.

Гнель хотел сказать что-то осторожное, но Юл его опередил:

— В точку.

— Плохо дело, — сказал я. — Иконографии, построенные на теории заговора, самые неистребимые.

— Не говори, — произнёс Самманн, глядя мне в глаза.

Я смутился и замолчал.

Корд сказала:

— Существование Двоюродных по-прежнему держат в секрете, поэтому мы не знаем, что думает о них эмиссар. Но угадать можем. Для него это...

— Чудо, — сказал Юл.

— Посланцы из иного мира, не такого испорченного, как наш, — предположил я.

— И где нет гнусного заговора, — подхватила Корд. — Они пришли сообщить нам истину.

— А зачем в таком случае они светили лазером на Три нерушимых? — спросил Самманн.

— Объяснение будет зависеть от того, известно ли эмиссару, что в Трёх нерушимых захоронены все ядерные отходы, — сказал я.

— Что?! — воскликнули оба Крейда.

— Даже если люди небесного эмиссара об этом знают, — сказала Корд, — они наверняка придумали более духовное объяснение.

Гнель ещё не вполне оправился от услышанного, тем не менее счёл нужным сообщить:

— Небесный эмиссар убеждён, что милленарии хорошие.

— Конечно, — сказал я. — Они знают истину, но не могут её сообщить, потому что плохие столетники и десятилетники их не выпускают. Правильно?

— Да, — ответил Гнель. — Значит, он истолкует лазерный свет как...

— Благословение, — сказала Корд.

— Добрый знак, — сказал я.

— Приглашение, — сказал Юл.

— Н-да, ну и сюрприз его ждёт! — с удовольствием воскликнул Самманн.

— Возможно. Наверное. Надеюсь только, это не будет неприятным сюрпризом для Джезри, — сказал я.

— Для Джезри, который сволочь? — уточнила Корд.

— Да. — Я хмыкнул. — Для Джезри, который сволочь.

Я страшно радовался, что избежал проповеди со стороны Ганелиала Крейда, но тут у меня оборвалось сердце, потому что Корд спросила: «И в чём же небесный эмиссар разошёлся с твоей верой, Гнель?» Конец предложения прозвучал малость приглушённо, потому что Юл шутливо заткнул ей рот, и моя сестра говорила, отогнув его пальцы.

— Мы читаем писание на древнебазском, — сказал Гнель, — и ты думаешь, что мы — примитивные фундаменталисты. Может, в этом смысле мы и впрямь такие. Но мы не слепы к тому, что происходило в матическом мире — старом и новом — последние пятьдесят веков. Слово Божье неизменно. Писание, которое мы читаем, не испорчено редактурой и переводом. Однако людские знания меняются. Вы, инаки, хотите постичь Божье творение, не прибегая к тому, что сам Бог открыл человечеству шесть тысяч лет назад. На наш взгляд, вы подобны людям, которые выкололи себе глаза и теперь пытаются исследовать новый континент. Ваша слепота очень вам мешает, но благодаря ей вы, возможно, развили в себе чувства и способности, которых нет у нас.

После непродолжительного молчания я сказал:

— Сейчас я заткнусь и не стану перечислять, в чём ты не прав. Суть, если я понял, в том, что мы не дурные и не заблудшие. Ты уверен, что в конце концов мы согласимся с писанием.

— Конечно, — сказал Гнель. — К этому всё должно прийти. Однако мы не думаем, что существует тайный заговор с целью скрыть истину.

— Он считает, что вы честно ошибаетесь! — пе-

ревёл Юл. Гнель кивнул.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал я.

— Мы сохранили записные книжки светителя Блая, — продолжал Гнель. — Я их читал. Очевидно, что он не стал богопоклонником.

— Прости, — начал Самманн (он всегда так говорил, когда собирался сказать кому-нибудь гадость), — но разве не бред, что кучка богопоклонников основывает свою религию на текстах заведомого атеиста?

— Мы солидарны с его целями, — нисколько не обиделся Гнель. — С его стремлением к истине.

— Так вы же и без того знаете истину!

— Мы знаем истины, изложенные в писании. Те истины, которых в нём нет, мы ощущаем, но не знаем.

— Это похоже на... — Я прикусил язык.

— На то, что сказал бы инак? Вроде Эстемарда? Или Ороло?

— Только его не надо, пожалуйста, приплетать.

— Ладно. — Гнель пожал плечами. — Ороло держался особняком. Соблюдал канон, насколько мне известно. Я с ним ни разу не говорил.

И тут я должен был сдать назад. Сосчитать до десяти. Применить грабли. Эти люди стремятся к

вечным истинам. Считают, что некоторые — но не все — истины изложены в писании. Что их писание правильное, а все остальные — нет. И здесь они мало чем отличаются от остального человечества. Прекрасно — лишь бы меня не трогали. Теперь выяснилось, что их вдохновил наш светитель. И не важно, в силах ли я это понять.

— Вы чувствуете истину, но не знаете её, — повторила Корд. — Мы слышали в Пробле, как вы поёте. Очень проникновенно!

Гнель кивнул.

— Потому-то Эстемард и ходит на службы, хоть и не верит в Бога.

— Умом он не соглашается с вашими доводами, — перевела Корд, — но сердцем отчасти чувствует то же, что и вы.

— Совершенно верно! — воскликнул Гнель. Странное дело: он радовался так, будто уже обратил её в свою веру.

— В общем-то я могу его понять, — сказала Корд.

Я глянул на неё укоризненно. Юл закрыл лицо руками. Корд ощетинилась.

— Я не говорю, что хочу вступить в эту скинию. Просто здорово, когда едешь много часов по пустой дороге и вдруг оказываешься перед зданием,

где люди собрались вместе. Ты слышишь их пение, чувствуешь их единство и понимаешь, что всё это живёт не одну сотню лет.

— Наша скиния, наши города, такие как Пробл, умирают, — сказал Гнель. — Потому-то и службы у нас так эмоциональны.

В первый раз он произнёс что-то, от чего не разило самоуверенностью. Мы все опешили. Юл отнял руки от лица и заморгал.

— Умирают из-за небесного эмиссара? — догадался Самманн.

— Он проповедует простую веру. Она распространяется со скоростью эпидемии. Те, кто её принял, отвращаются от нас как от еретиков. Она нас уничтожает. — Гнель недружески покосился на Юла.

Всё это было очень занятно, но меня волновало другое. *Значит, Эстемард рехнулся. А Ороло?*

Я вспомнил свой разговор с Ороло перед закрытием звездокруга. Разговор о красоте, который спас мне жизнь. Задним числом можно было предположить, что тогда-то Ороло и начал сходить с ума. Как будто в один миг я исцелился, а он заболел.

Я заставил себя прогнать эти мысли. Ороло отбросили. Кроме Блаева холма, идти ему было

некуда. Там он соблюдал канон. В скинии песен не распевал. И ушёл из Пробла, как только смог.

Минуточку.

Не «как только смог». Он ушёл на север всего за два дня до нас — наутро после того, как лазеры осветили Три нерушимых. Что побудило Ороло взять стлу, хорду, сферу и отправиться не куда-нибудь, а на Экбу?

Может быть, через несколько дней я смогу спросить его самого.

****

***Хорошин**, природное химическое соединение, которое при определённой концентрации в мозгу вызывает чувство, что всё в целом неплохо. Выделено в чистом виде теорами вскоре после Реконструкции и применялось как лекарственный препарат. Получило широкое распространение после того, как методами цепочечной инженерии из повсеместно встречающегося сорняка была выведена раданица — растение, производящее Х. в качестве побочного продукта метаболизма. Раданица причислена к одиннадцати.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Поездка длилась примерно двое суток — точнее, два цикла сон-бодрствование. Внезапно я понял, что снова готов действовать. Путь до санной станции был долгожданным отдыхом от чтения и мыслей, но вид Джезри, готовящегося лететь в космос, пробудил меня от спячки. Пока я дрых по двенадцать часов кряду и смотрел спили, мои друзья работали и отравлялись в опасные миссии. Однако мою проснувшуюся энергию некуда было приложить. Если есть на свете полная противоположность клуатру как месту сосредоточенных занятий, то это — санный поезд. Тряска и периодический лязг не давали читать или писать; даже спили смотреть было не в удовольствие. Выйти пройтись я, разумеется, не мог и всё лучше понимал, почему здесь многие употребляют наркотики.

Ещё до отправки поезда Самманн изучил вопрос, как пересечь границу без документов. Экономические мигранты делали это постоянно, и некоторые помещали свои рассказы в авосеть, так что я примерно представлял, как надо действовать. Главное было — не ехать на санном поезде до конца. Очевидно, по другую сторону полюса порядки были куда строже. В двух граду-

сах к северу от станции находилась застава. Там в поезд входили проверяющие; за последние два часа пути они тщательно досматривали вагоны и локомотив. Мигранты советовали не прятаться (что было возможно, но рискованно), а спрыгнуть с поезда до пограничной заставы и договориться с местными санщиками. Они делились на две категории. Более солидные контрабандисты, работавшие здесь давно, водили большие санные поезда на две тысячи миль к скованному льдом побережью. В последнее время появились и другие, на маленьких шустрых машинках. Они просто объезжали заставу. Мы надеялись найти такого. Однако маленькие машины не ездили в буран. Конечно, мирская власть могла бы положить конец контрабанде, если бы взялась за дело всерьёз, но при нынешнем положении от нелегалов требовалась самая малость: не переть прямо через заставу.

Поскольку Двоюродные по-прежнему глушили навигационные спутники, мы не знали своих координат, но могли прикинуть широту по скорости поезда и времени в пути. Когда, по нашим расчётам, до заставы осталось совсем немного, я надел на себя всё, что было тёплого, и до отказа заполнил топливную ёмкость термокостюма.

Рюкзак, который мне выдали после воко, был слишком маленький, слишком новый и слишком пижонский, но Юл сказал, что у него в кузовиле есть побольше, с металлическим каркасом. Мы по переходным мостикам добрались до платформы. Ветер дул нам в спину, но идти было трудно — поезд то и дело подпрыгивал на неровностях ледника. На кузовиль намело целый сугроб — пришлось разгребать его лопатами. Пока мы этим занимались, снова пошёл снег; какое-то время казалось, что он падает быстрее, чем мы его расчищаем. Наконец нам удалось попасть в Юлов кузовиль и найти армейский ранец, подходящий для того общества, в котором мне предстояло оказаться. Я переложил туда содержимое своего рюкзачка. Остальное место мы забили энергетическими батончиками, запасной одеждой и другими нужными вещами, а по бокам на всякий случай приторочили снегоступы.

В модуле Гнель дал мне денег: достаточно, чтобы заплатить за проезд, если поторговаться, но не столько, чтобы я производил впечатление богатея. Самманн распечатал карту местности вокруг станции. Корд обняла меня и поцеловала в щёку. Я вышел на переходный мостик, надвинул искусственный мех капюшона на лицо и посмотрел

влево. К поезду, как детёныши к самке, жались три состава поменьше. Они возникли из бурана в последнюю четверть часа. Каждый состоял из гусеничного снегохода и нескольких саней. Часть саней — короба и платформы — предназначалась для грузов. В один такой короб из третьего вагона сейчас перекидывали ящики и туго набитые мешки. Над другими были установлены брезентовые тенты. У меня на глазах двое в оранжевых термокостюмах спрыгнули с нашего поезда в такие сани.

Самманн дал мне одно указание и два правила. Указание: найди поезд, где много других пассажиров; вместе безопаснее. Правило первое: ни при каких обстоятельствах не слезай на лёд, тебя бросят и ты погибнешь. Ко второму правилу я скоро перейду.

Мы с Гнелем минут пятнадцать ходили по мостикам, высматривая что-нибудь поменьше. Эти три поезда, хоть и казались маленькими рядом с исполинским санным составом, были куда больше машин, которые ездят по обычным дорогам. Наверняка они направлялись на запад через горы. Шустрых машинок, которые просто объезжают заставу, было не видать — скорее всего их хозяева остались дома из-за бурана.

Один зоркий санщик меня приметил. Он прибавил газу, выпустив клуб чёрного дыма, и подъехал к нам. Его снегоход тянул только одни сани. Высунув бородатую физиономию в окошко, санщик назвал цену. Я отступил назад, просто чтобы заглянуть под тент. Сани были пусты. Я и рта открыть не успел, как санщик предложил новую цену, меньше.

Мне показалось несолидным прыгать в первые же сани, поэтому я мотнул головой и пошёл туда, где набирал пассажиров другой поезд. Он был длиннее и внушал больше доверия — если здесь допустимо такое слово. Однако я опоздал: мигранты (как я понял, организованные группы) уже заняли все места и взглядами давали понять, что в попутчиках не нуждаются. Да и цена была высокая. Третий, маленький поезд из грузовых и пассажирских саней, выглядел заманчивее первого: там уже набралось много народа, и я мог не бояться, что меня выбросят по дороге.

Увидев, что я и ещё несколько одиночек ведём переговоры с машинистом третьего поезда, первый санщик снова подкатил к нам. Он проехал чуть вперёд, чтобы я заглянул под тент: там уже сидели два пассажира. Дверь снегохода была открыта, чтобы я видел панель управления. Над

ней по светящемуся экрану ползла горизонтальная ломаная линия. Эхолокатор. Правило номер два гласило, что на поезд без эхолокатора садиться нельзя. Этот прибор звуковыми волнами прощупывает лёд на предмет скрытых трещин. Маленькую трещину гусеницы проезжают спокойно, но в большую трактор может провалиться и утащить за собой сани.

Я спросил машиниста, куда он едет, и получил ответ: «Колья». Длинный грузопассажирский поезд направлялся в другое место — Имнаш. Мы знали, что следующий ледокол выходил из Кольи через тридцать один час. Поэтому, сговорившись о цене, я забросил рюкзак в поезд с единственными санями и стал его третьим пассажиром. По обычаю я отдал машинисту половину суммы вперёд, а вторую половину оставил у себя, чтобы расплатиться по приезде. Следующую четверть часа водитель сновал вдоль поезда и в итоге сумел взять ещё одного пассажира. К тому времени на переходных мостиках больше никого не осталось. Внезапно все три поезда, как по сигналу, двинулись прочь от большого. Я заключил, что мы приблизились к заставе.

С пятидесяти футов мы уже еле-еле видели исполинский поезд; со ста он сделался неразличим.

Ещё через минуту в буране затих и рёв его двигателя; теперь мы слышали только собственный мотор.

Не такое я воображал, выходя из притвора две недели назад! И даже принимая решение отправиться за Ороло через северный полюс, я понятия не имел, каким будет последний отрезок пути. Объясни кто-нибудь в Пробле, что мне предстоит, я бы нашёл предлог отправиться прямиком в Тредегар. Чего я тогда не знал, так это что пересечь границу таким способом — дело самое заурядное. Не я первый, не я последний. Надо лишь выдержать двадцать четыре часа — и я у моря.

Места в санях хватило бы на восьмерых. Мы сидели на боковых скамьях, неотличимые в своих оранжевых термокостюмах. Мой был самый новый, хоть я и прожил в нём неделю, и даже Юлов старенький рюкзак казался чересчур шикарным рядом с багажом первых двух пассажиров: полипластовыми пакетами, перетянутыми шнуром и обклеенными для прочности полилентой. У третьего попутчика был старый чемодан, аккуратно обвязанный жёлтой верёвкой.

Первые двое представились Ларо и Дагом, последний — Бражжем. Довольно распространённые экстрамуросские имена. Я сказал, что

меня зовут Вит. Дальнейшему разговору мешал рёв мотора, да и вообще спутники мне попались неразговорчивые. Ларо и Даг прижались друг к другу под одним одеялом — я так понял, что они братья. Бражж вошёл последним и сел ближе всех к выходу. Он был крупный (повыше и поплотнее меня), так что вместе со своим чемоданом занял кучу места. Мы, впрочем, на это место и не претендовали: туда залетал вьющийся из-под полозьев снег.

Книги я оставил у Корд. Спиля никто не взял. Смотреть было не на что, разве что на кружение снега. Я установил нагрев термокостюма на минимум, позволявший не отморозить пальцы, сложил руки на груди, упёрся ногами в рюкзак, осел на деревянной скамье и постарался не думать, как медленно течёт время.

Казалось, я вышел из родного концента годы назад, но сейчас в полусонном забытьи представил его так отчётливо, что почти видел перед собой фраа и суур, слышал их голоса. От Арсибальта, Лио и Джезри я перешёл к куда более волнующему образу Алы. Я воображал её в Тредегаре, о котором знал только, что он старше и гораздо больше Эдхара, климат там теплее, сады — пышнее и благоуханнее. Мне надо было ин-

терполировать фантазию, в которой я не погиб в снегах, нашёл Ороло, добрался до Тредегара и меня туда впустили, а не отбросили и не усадили на пять лет за Книгу. Покончив с этими формальностями, я сотворил грёзу о богатом ужине в роскошной трапезной Тредегара, где фраа и сууры со всего мира поднимают бокалы отличного вина за меня и за Алу, восторгаясь нашими наблюдениями в камере-обскуре. Потом мечтания приняли более личный оборот, включавший долгую прогулку по уединённому саду... и меня окончательно сморило. Такого я решительно не ожидал. Часть сознания, отвечающая за грёзы наяву, явно выстраивала их так, чтобы меня убаюкать, а не возбудить страсть.

Пол в санях накренился, и я вынырнул из сна, только теперь осознав, что спал.

Маршрут нашего путешествия через полюс пролегал по широкому перешейку. Две тектонические плиты столкнулись на самом севере планеты, образовав горную систему, которую трудно было бы пересечь, не будь она погребена под двумя милями льда. В последние два дня континент под нами расширялся; но мы по-прежнему ехали вдоль правого, или (поскольку двигались теперь на юг) западного его края. Не

совсем по кромке: побережье представляло собой хребет над активной зоной субдукции; узкую полоску суши между горами и замёрзшим океаном покрывали сползающие со склонов ледники, опасные из-за множества трещин. Санный поезд шёл по ледяному плато в нескольких милях восточнее хребта; на том же плато располагалась и станция. От неё через лёд, тундру и тайгу тянулись дороги, по которым в конечном счёте можно было добраться до самого Моря морей. Однако до ближайшего населённого пункта в том направлении были сотни миль. Контрабандисты вроде нашего санщика не могли возить людей так далеко. Они поворачивали вправо, то есть на запад, переваливали через хребет и высаживали пассажиров в порту, куда заходили ледоколы.

Мы рассчитывали, что я обогну станцию на маленькой машине, Корд, Самманн и Крейды подберут меня на дороге и дальше мы продолжим путь вместе. Буран всё спутал. Теперь получалось, что мои спутники поедут на юг, а дня через два свернут к западу, перевалят через хребет и будут ждать меня в Махще — порту базирования ледоколов. Я тем временем куплю билет на ледокол или корабль конвоя. В Махще мы встретимся, а дальше до Моря морей всего несколько дней

езды. Итак, я действовал согласно плану Б (план А предполагал встречу к югу от станции). Мы, если честно, мало его обсуждали, поскольку не думали, что до такого дойдёт. У меня было сосущее чувство, что я действовал впопыхах и наверняка забыл что-нибудь важное. Впрочем, за два часа в санях я ещё раз хорошенько обдумал ситуацию и убедил себя, что всё получится.

Из того, что сани накренились, я сделал вывод, что мы взбираемся на перевал. Их здесь было три. Самманн прочёл, что один гораздо лучше других, но его иногда перекрывают лавины. Санщики никогда не знают, каким перевалом поедут сегодня: это решается на ходу, в зависимости от того, что сообщают по рации другие контрабандисты. Санщик сидел отдельно от нас, в наглухо закрытой отапливаемой кабине, и я не знал, о чём он там говорит по рации.

Внезапно поезд сбавил ход и остановился. Минуту или две мы заново учились двигаться. Я посмотрел время и с удивлением понял, что прошло шестнадцать часов. Видимо, я проспал из них восемь или десять — немудрено, что спина одеревенела. Бражж откинул брезент, и сани наполнил рассеянный серый свет. Ветер улёгся, снег перестал, но небо по-прежнему скрывали

тучи. Мы стояли на склоне горы, на относительно ровном участке. Видимо, это была санная дорога через перевал — через какой именно, знал только наш водитель.

Бражж не выказывал намерения вылезти из саней. Я встал и собрался шагнуть через его ноги, но Бражж поднял руку. Через мгновение со стороны кабины донеслась серия глухих ударов и хруст открываемой обледенелой дверцы, потом лязг металлических ступеней и, наконец, скрип снега. Бражж опустил руку и убрал ноги: я мог выйти. Только теперь я вспомнил предупреждение Самманна не вылезать из саней, чтобы меня не бросили. Бражж, очевидно, не в первый раз пересекал границу и знал, что нельзя выходить, пока санщик в кабине.

На восемьдесят третьей параллели мы купили горнолыжные очки; сейчас я их надел и вылез из саней. Рядом с трактором мочился, стоя лицом к склону, незнакомый человек. Я рассудил, что водителей двое: тот, с которым я договаривался, и сменщик. Действительно, другой водитель высунул из кабины заспанную физиономию, надел чёрные очки и вылез наружу. Дверцу он оставил открытой, чтобы слышать рацию. Из неё доносились редкие хрипящие фразы. Я разобрал

не все слова, но понял, что санщики сообщают, кто из них где и как там с проходимостью. Однако по большей части рация молчала. Когда из динамика доносились звуки, оба водителя умолкали, поворачивались к дверце и напрягали слух.

Ларо и Даг вылезли из саней и встали с другой стороны — ниже по склону. Оба разом вскрикнули, потом возбуждённо заговорили. Водителей это явно раздражало: Ларо и Даг мешали им слушать рацию.

Я тоже обошёл сани. Отсюда был отлично виден заснеженный склон с торчащими кое-где чёрными камнями. Мы стояли на северном борту долины. Вправо она расширялась и переходила в прибрежную полосу, влево сужалась и круто шла вверх. Итак, мы перевалили через хребет.

Но не это вызвало удивлённые возгласы Ларо и Дага. Братья смотрели на десятимильную, окутанную паром чёрную змею, вьющуюся по долине к горам: плотную колонну тяжёлых машин. Все они были одного цвета.

— Вояки, — объявил Бражж, вылезая из саней. Он удивлённо тряхнул головой. — Война, что ли?

— Учения? — предположил Ларо.

— Очень крупные, — скептически произнёс Бражж. — Снаряжение не то.

Он говорил с такой смесью опыта и презрения, что я подумал: он, наверное, отставник. Или дезертир.

Бражж снова тряхнул головой.

— Горные дивизии в авангарде. — Он указал на несколько десятков белых гусеничных машин в голове колонны. — Дальше пехота.

Бражж рубанул воздух, словно отсекая часть машин, начиная с чёрных грузотонов, и повёл рукой вниз, вдоль колонны, растянувшейся до самого моря — неровного белого плато, разбитого тёмно-синими трещинами. На берегу различалось желтовато-бурое пятнышко порта, куда нам надо было попасть. От него тянулся след ледокола: чёрная полоса воды, которую уже начало затягивать льдом.

Я не праксист и не ита, но в детстве пересмотрел достаточно спилей, да и от Самманна кое-что слышал, так что примерно представляю, как работает беспроводная связь. Существует определённый диапазон частот. В обычной жизни его с избытком хватает даже для крупных городов. Однако военные используют много частот и нередко глушат остальные. Санщики привыкли иметь в своём распоряжении практически неограниченное количество частот и разучились

обходиться без связи: они постоянно сообщали друг другу, как там дороги и погода. Какое-то время назад наши водители заметили, что сообщения проходят редко и с помехами. Возможно, они думали, что у них неполадки в рации, пока не перевалили через хребет и не увидели сотни, если не тысячи армейских машин. Теперь было понятно, кто занял эфир.

Всё это было так примечательно, что мы могли бы ещё несколько часов смотреть на колонну, если бы Бражж не обратил внимание на водителей. Они лазили по трактору, сбивали лёд, осматривали гусеницы, брякали сцепкой между трактором и санями, проверяли уровень топлива. Бражж обычно держался с угрюмой невозмутимостью, но сейчас мигом встрепенулся. Через минуту стало видно, что он просто не может спокойно стоять на снегу, когда оба водителя на тракторе. Он залез в сани, я последовал его примеру. Не успел я сесть, как хлопнула дверца кабины. Мы окликнули Ларо и Дага, зачарованно глядевших на колонну. Даг наконец повернулся к нам, но всё равно не понял, что происходит, пока не зарычал двигатель и не лязгнуло сцепление. Даг хлопнул Ларо по плечу, схватил его за шиворот и припустил к саням, волоча брата за собой. Бражж

высунулся из саней и протянул руку. Я встал, чтобы ему помочь, если придётся втаскивать наших спутников на ходу. Мотор ревел всё громче; залязгали, приходя в движение, гусеницы. Ларо и Даг одновременно добежали до саней, и мы с Бражжем за руки втащили их внутрь. Братья по инерции пролетели в дальний конец. Лязг гусениц постепенно набирал темп.

Сани не двигались.

И я, и Бражж разом посмотрели на снег. Затем переглянулись.

В следующую секунду мы уже бежали вдоль саней. Трактор был в пятидесяти футах от нас и набирал скорость. Сцепка, прежде соединявшая его с санями, волочилась по снегу.

Мы с Бражжем припустили за трактором. Гусеницы примяли снег, но всё равно мы через каждые несколько шагов проваливались по колено. Так или иначе, я бежал быстрее и успел покрыть, наверное, футов сто, прежде чем открылась дверца кабины. Второй санщик вылез на подножку над правой гусеницей и повернулся так, чтобы я увидел длинное огнестрельное орудие у него за спиной.

— Что вы делаете? — заорал я.

Водитель сунул руку в кабину, вытянул что-то

объёмистое и бросил на снег. Это была упаковка энергетических батончиков.

— Придётся ехать через другой перевал, — крикнул водитель. — Это дальше. Дорога крутая. Нам не хватит горючки.

— Вы нас бросаете?!

Водитель мотнул головой и швырнул на снег канистру с топливом для термокостюмов.

— Попробуем выпросить горючку у военных, — крикнул он (расстояние между нами всё увеличивалось). — Потом вернёмся за вами.

Он нырнул в кабину и захлопнул дверцу.

Логика была понятна: они не могли ехать дальше без дополнительного горючего. Взять нас с собой значило практически сказать военным: «Мы тут нелегалов везём» — со всеми вытекающими последствиями. Водители понимали, что мы не захотим оставаться одни на снегу, и поставили нас перед фактом.

Меня догнал Бражж. Он извлёк откуда-то маленькое огнестрельное орудие. Однако мы оба понимали, что бесполезно палить по трактору. Только он и двое людей в кабине могли нас спасти.

Когда мы с Бражжем втащили в сани канистру и упаковку батончиков, Ларо и Даг стояли на

коленях, держась за руки, и что-то быстро-быстро бормотали — я не разобрал ни слова. Ничего похожего мне прежде видеть не доводилось, и я не сразу сообразил, что они молятся. Тут я смутился и сделал шаг в сторону, пропуская Бражжа — вдруг он хочет к ним присоединиться. Однако тот наградил богопоклонников презрительным взглядом и кивнул на полог. Мы вылезли из саней. На нас обоих были горнолыжные очки. Капюшоны мы надвинули пониже для защиты от холода. Дыхание оседало на масках и мгновенно превращалось в кристаллики льда.

Бражж то и дело поглядывал на часы.

— Прошло пятнадцать минут, — сказал он. — Если они не обернутся за два часа, надо идти самим.

— Ты думаешь, они бросят нас замерзать?

Бражж не ответил на вопрос, а сказал только:

— У них может не остаться выбора. Горючего не дадут. Или трактор сломается. Или его реквизируют. Не суть. Главное, нам надо составить план.

— У меня есть снегоступы, — сказал я.

— Знаю. Нужно сделать ещё три пары. Заполни ёмкость для воды.

У термокостюма спереди есть нечто вроде кармана: снег, если его туда набить, постепенно тает.

На это уходит энергия, что не страшно, пока у организма есть пища, а у костюма — топливо. Пока у нас хватало и того, и другого. Мы до отказа наполнили ёмкости снегом и залили в костюмы топливо из канистры. Бражж, прервав молитву Ларо и Дага, велел им тоже заправиться водой и горючим. Потом мы съели по два энергетических батончика и только после этого взялись за работу.

Тент саней был натянут на каркас из гибких металлических трубок. Мы повалили его и вытащили трубки. Помимо прочего, это привело Ларо и Дага в чувство — укрытие исчезло, и теперь они волей-неволей должны были присоединиться к нашему плану.

У Бражжа был карманный инструмент с маленькой ножовкой. Он принялся пилить трубки на куски. Увидев, что есть работа, Ларо и Даг бодро в неё включились. Даг, более сильный, забрал у Бражжа ножовку, и тот вместе с Ларо принялся выискивать все верёвки, какие у нас были. Потом, видимо, подавая пример, Бражж размотал жёлтый шнур, которым был завязан его чемодан. Получилось футов тридцать. Бражж открыл защёлки и высыпал на снег содержимое чемодана: сотни крохотных стеклянных флакончиков, пере-

ложенных лёгкими полипластовыми шариками. Я никогда такого не видел, но догадался, что это какое-то лекарство. «Жизнь заставила», — пояснил Бражж, поймав мой ошарашенный взгляд.

Боковины чемодана были из плотного кожистого материала; они пошли на подошвы для снегоступов. Трубки мы согнули и пришнуровали к подошвам, пустив в дело верёвки, которыми раньше были перевязаны пакеты Ларо и Дага. Работа заняла довольно много времени — приходилось снимать перчатки, и пальцы мгновенно коченели. В пакетах у Ларо и Дага оказались памятные семейные вещицы и старая одежда. С одеждой они готовы были расстаться, с вещицами — нет. Я вытащил из саней скамью, перевернул её и отломал хлипкие ножки. Получились салазки. Мы сложили на них припасы и замотали брезентом. Из моего рюкзака вытащили каркас и всё, что могло заменить верёвки. Я добавил свои энергетические батончики и плитку к общим припасам, а стлу, хорду и уменьшенную до размеров кулака сферу затолкал в карман термокостюма. Сперва я думал присоединить хорду к другим верёвкам, но их уже и так было достаточно: Ларо отыскал пятидесятифутовый моток под скамьёй в санях и ещё футов пятьдесят

мы получили, связав шнуровку тента и тому подобное. Добавив тридцать футов жёлтой верёвки Бражжа, мы смогли сделать связку, как у скалолазов: Бражж сказал, она нужна на случай, если кто-нибудь из нас оступится на крутом склоне или сорвётся в трещину.

Приготовления заняли часа четыре, так что мы заметно отстали от намеченного Бражжем времени выхода. Колонна внизу, казалось, не сдвинулась и на дюйм. Бражж прикинул, что до неё примерно две тысячи футов. Он сказал, что в крайнем случае мы «катапультируемся»: съедем по льду в долину и сдадимся военным. Возможно, они нас арестуют, но уж вряд ли бросят замерзать. Впрочем, это и впрямь был крайний вариант: съезжая по льду, мы сильно рисковали провалиться в трещину.

Бражж пошёл первым. Он вооружился куском трубки от тента, чтобы прощупывать снег, а сбоку нацепил «штык» — большой нож, сказав, что воткнёт его в снег, чтобы закрепиться, если кто-нибудь из нас упадёт в трещину. Меня Бражж поставил последним и велел мне взять металлическую Г-образную трубку от рюкзака, чтобы, если что, воткнуть её в снег. Он даже заставил меня попрактиковаться: падать на живот и втыкать

крюк. Ларо и Даг были привязаны между нами, салазки тащились за мной.

В начале пути самодельные снегоступы то и дело отвязывались или ломались, доводя нас до исступления. Затея казалась обречённой. Потом я вдруг заметил, что мы уже час идём без остановки. Я через трубку попил талой воды из ёмкости и медленно сжевал энергетический батончик. Затем глянул по сторонам и залюбовался.

Хорошин! Мысль ударила меня, как снежок в лицо. Я вышел из концента две недели назад и всё это время ел экстрамуросские продукты. Лио, Арсибальт и другие наверняка добрались до Тредегара меньше чем за неделю — на них мирская еда сказаться не успела. Но я так долго поглощал хорошин с пищей, что он скопился у меня в мозгу и слегка изменил моё восприятие.

Что сказали бы фраа и сууры о моих последних решениях? Уж явно что-нибудь нелестное. Достаточно вспомнить, куда меня эти решения завели! И тем не менее в смертельной опасности я думаю только о красоте пейзажа!

Я попытался настроить себя на более суровый лад: представить возможные повороты событий и свои действия в этих случаях. Бражж обещал, если кто-нибудь из нас упадёт, закрепиться ножом

за снег — но тем же ножом можно перерезать верёвку. Что тогда делать?

Однако гадать было бесполезно. Бражж назначил себя вожаком, и все ответственные решения тоже принимал он. Чем прокручивать в голове фантастические сценарии, лучше сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас.

Или так убеждал меня хорошин?

Первые несколько часов мы шли по следам от трактора, потом они свернули вниз, в цирк — полукруглую долину, образованную ледником второго порядка. Мы не хотели спускаться к конвою и двинулись дальше по целине. Сперва дело шло медленно, потому что пришлось выбираться из цирка. К концу подъёма я был готов, по выражению Бражжа, «катапультироваться». Что мне сделает армейский водитель? Законов я не нарушал. Это у моих спутников есть основания бояться властей. Однако я был с ними в одной связке и не мог уйти, не поставив в опасность их жизнь и мою. Оставалось ждать, когда «катапультируются» они.

Наконец мы выбрались из кресловины и увидели побережье. Я изумился, как оно близко. Нам предстояло спуститься с довольно большой высоты, но по горизонтали расстояние было не

так уж велико. Мы могли различить отдельные здания в порту и сосчитать военные транспорты у причалов. Вдоль посадочной полосы, зажатой между побережьем и горами, стояли армейские воздухолёты. Один из них оторвался от земли и полетел на юг.

В порту стояли два гражданских судна. Нам оставалось только добраться до них живыми. По нашим прикидкам выходило, что дорога займёт меньше дня. Мы отдохнули перед долгим и тяжёлым финальным рывком. Я через силу затолкал в себя ещё два энергетических батончика. Меня от них уже мутило, а может, я просто слишком тревожился, что ем хорошин. Запив батончики водой, я снова наполнил ёмкость снегом и добавил топлива в элемент. Припасов пока хватало. Санщики не поскупились: возможно, предполагали, что вернутся не скоро. Я порадовался, что мы решили действовать — пошли вперёд вместо того, чтобы сидеть в санях, не зная, выживем ли.

После часового привала тронулись в путь. Теперь мы спускались в широкую ложбину — ещё один цирк, который, как мы надеялись, выведет нас к порту. Бражж решил идти им несмотря на риск, что дальше спуск станет слишком крутым и надо будет возвращаться. В следующие два часа

я несколько раз пугался, что так и будет, но затем мы огибали поворот или переваливали через седловину и видели, что следующие миля-две вполне проходимы. На самых крутых участках салазки норовили меня обогнать; какое-то время я с ними боролся, потом понял, что легче отпустить их вперёд и притормаживать верёвкой. На таких участках я отставал, и верёвка, связывающая меня с Ларо, натягивалась. Мне хотелось подтянуть его к себе и треснуть по башке. Впрочем, Бражж не давал нам идти слишком быстро: даже на ровных и безопасных с виду участках он через каждые два шага прощупывал трубкой снег.

Я довольно скоро научился отличать следы его снегоступов и сейчас к своей досаде обнаружил, что другие следы то и дело с ними расходятся: там, где Бражж по какой-то причине взял правее, Даг брал левее, а Ларо следовал за ним, вынуждая меня ступать на снег, который Бражж не прощупал. Мы преодолели примерно три четверти спуска, дальше дорога обещала стать легче. Ларо и Даг были рабочие. Они устали меньше нас с Бражжем. Их злило, что он так медленно прощупывает снег. Они хотели ускорить шаг, чтобы скорее добраться до горячей воды и скинуть ненавистные термокостюмы.

На одном из крутых участков, когда салазки снова уехали вперёд и обе верёвки тянули меня вниз, я вдруг почувствовал рывок. Верёвка, связывавшая меня с Ларо, натянулась сильнее обычного. Я упёрся левым снегоступом, но мышцы за несколько часов спуска превратились в кисель. Я рухнул на одно колено. Обвязанная вокруг пояса верёвка тянула вперёд. До того как упасть лицом в снег, я увидел Бражжа: он стоял в сотне футов впереди лицом ко мне; в руке у него был нож. Ларо катился по склону, Дага — привязанного между Бражжем и Ларо — видно не было.

Этот зрительный образ — всё, что осталось мне на следующие мгновения, когда меня волокли, лицом по снегу, салазки и Ларо. И, как я сообразил, Даг. Очевидно, он провалился в трещину! Почему Бражж его не удержал? Связывающая их жёлтая полипластовая верёвка лопнула. Или Бражж её перерезал. Только я мог спасти Дага, Ларо и себя: зацепиться крюком. Мне следовало держать его наготове — предвидеть опасность. Но я сунул крюк в петлю на термокостюме, чтобы освободить руки для борьбы с салазками. Там ли он ещё? Я кое-как перекатился на спину. Рассекаемый головой снег засыпал лицо. Я вы-

дохнул через нос и, переборов желание вдохнуть, охлопал себя руками. Наткнулся на что-то твёрдое, ухватил его — из-за перчаток трудно было понять, удалось ли мне это — и потянул. Затем, отведя крюк в сторону, перекатился на живот. Ларо кричал — видимо, теперь и он провалился в трещину. Я всем телом налёг на крюк и вогнал его в снег. Меня тут же крутануло вокруг него. Крюк вырывался из рук, но не очень сильно. Он не держал.

Вернее, он зацепился за снежный пласт, скользивший теперь вместе со мной.

Это было невезение в чистом виде: иди мы по плотному снегу, крюк бы зацепился, но после вчерашнего бурана поверх ледника образовался рыхлый, непрочный слой.

Меня снова сильно дёрнуло, и я понял, что в трещину провалились салазки. Я приподнял лицо, и мне почудилось, будто я не двигаюсь: ещё бы, ведь снег скользил с той же скоростью. Опора ушла из-под ступней. Из-под колен. Из-под пояса. Кажется, я сделал сальто назад. Однако жуткое ощущение свободного падения длилось меньше секунды: потом что-то нехорошее произошло с моей спиной и я остановился. Верёвка тянула меня вниз, придавливая к чему-то твёрдому и

неподвижному. Довольно долго на лицо продолжал сыпаться снег. Я вспомнил путаную Юлову байку про человека, попавшего в снежную лавину. Юл сказал, что главное плыть и сохранять перед собой воздух. Плыть я не мог, но поднёс руку к лицу и выставил локоть. Снег давил сверху всё сильнее, верёвка тянула вниз всё слабее. Видимо, большая часть лавины ссыпалась по бокам от меня.

Почему-то я услышал в голове голос Джезри: «Тебя лишь самую малость похоронило заживо!» Вот скотина!

И тут всё прекратилось. Я слышал только, как бьётся моё сердце, и больше ничего.

Я двинул локтем вверх. Перед лицом образовалось немного свободного пространства. Главное, это позволило мне перебороть панику и открыть глаза. Я увидел серо-голубоватый свет. Явственно представилось, как Арсибальт говорит: «Как раз хватит, чтобы читать», а Лио отвечает: «Да, если бы ты догадался захватить книгу».

Почему-то я не проваливался дальше. Пока. И провалился, судя по всему, неглубоко. Что-то остановило моё падение: видимо, салазки застряли между стенками трещины, и я упал на них. Я пошевелил ступнями, убеждаясь, что не сломал

хребет. Хотелось ощупать стенки, но одна рука была прижата к боку, а другая — та, которой я закрыл лицо, — придавлена снегом. Впрочем, её можно было двинуть вниз. Я нащупал застёжку переднего кармана. Затем поднёс руку к лицу и зубами стянул перчатку. Теперь можно было вынуть из кармана сферу.

У сфер нет кнопок или чего-нибудь в таком роде. Они понимают жесты. С ними разговаривают руками. У меня уже занемели пальцы, но я сумел сделать винтообразное движение, и сфера увеличилась. Мне стало страшно, поскольку она заполнила пустое пространство надо мной и давила на грудь. Однако я понимал, что слой снега на мне не такой уж толстый, поэтому продолжал увеличивать сферу. Как раз когда начало казаться, что меня задушит собственная сфера, зашуршал снег — сошла миниатюрная лавина. Я крутанул пальцами в обратную сторону. Давление исчезло. Я увидел небо между двумя стенами голубого льда. На краю трещины, футах в двадцати надо мной, стоял Бражж.

— Ты инак, — были его первые слова.

— Да.

— У тебя ещё что-нибудь в твоём волшебном мешке есть? Потому что моя верёвка там, с этими

двумя гытосами. — Он похлопал по петле на поясе — с неё свешивался обрывок длиною примерно в фут. Как раз на таком расстоянии можно обрезать верёвку в минуту паники... или по расчёту.

— Я подумал, возможно, ты её обрезал. — Не знаю, почему я это сказал. Наверное, по дурацкой иначеской привычке констатировать факты.

— Возможно.

Некоторое время мы глядели друг на друга. Мне подумалось, что Бражж удивительно рационален — рациональнее многих инаков. Подобно Крейду, Корд или мастеру Кину, он мог бы стать инаком, но не стал. Чувство собственной исключительности сделало его крайне расчётливым и безжалостным.

— Допустим, тебе плевать, погибну я или нет, — сказал я. — Допустим, ты действуешь из чистого эгоизма. Ты не дал нам погибнуть, взял нас с собой, привязал к себе верёвкой, зная, что если ты упадёшь в трещину, мы попытаемся тебя спасти. Когда упал один из нас, ты в ту же секунду перерезал верёвку, чтобы спастись самому. В трещину ты заглянул из чистого любопытства. Увидел мою сферу. Теперь ты знаешь, что я инак. Твоё решение?

Бражжа мои слова слегка позабавили. Он редко

слышал, как умные люди связно излагают ситуацию, и теперь смаковал новое ощущение. С минуту он глядел вниз по склону, обдумывая мой вопрос. Потом снова повернулся ко мне.

— Шевельни ногами, — сказал он.

Я шевельнул.

— Руками.

Я шевельнул руками.

— От этих гытосов больше мороки, чем пользы, — сказал Бражж.

— «Гытосы» — это какая-то негативная этнозависимая характеристика Ларо и Дага?

— Этнозависимая характеристика? О да, этнозависимая характеристика, — с издёвкой повторил Бражж. — Гытосы хороши в земле ковыряться. Здесь от них один вред. А вот ты можешь помочь мне добраться до порта. Как ты отсюда вылезешь?

На протяжении трёх тысяч семисот лет нам запрещалось владеть чем-либо кроме стлы, хорды и сферы. Полки книг исписаны историями о том, как инаки, попав в трудную ситуацию, нашли им неординарное применение. У некоторых приёмов есть названия. Храповик светителя Аблавана. Снасть Рамгада. Ленивый фраа. Я по ним не спец, но в детстве мы с Джезри листали такие

книжки и практиковались в некоторых приёмах просто из интереса.

Стлы и хорды сделаны из одного материала: волокон, которые могут сворачиваться в тугую спираль, становясь короткими, плотными и упругими, либо распрямляться в тонкую неэластичную нить. Зимой мы приказываем волокнам стлы сжаться: она становится короче, зато теплее за счёт воздуха в спиралях. Летом мы носим стлы длинными и тонкими. Точно так же хорда может превращаться в короткий канат или длинный шнурок.

Я раздул сферу до размеров головы, обмотал её стлой и обвязал хордой, затем вновь увеличил сферу, позволив стле расширяться вместе с ней. Сфера заняла всю ширину трещины: она могла двигаться вверх, но не могла упасть. Я немного протолкнул сферу вверх и снова раздул. Так я раздувал и проталкивал, раздувал и проталкивал по несколько дюймов за раз. Стенки были неровные, так что на самом деле это было сложнее, чем получается в рассказе. Однако постепенно я приноровился.

— Держу! — крикнул Бражж. Сфера, скребя по стенкам трещины, двинулась от меня. Мгновение я в панике ловил болтающийся конец хорды.

Дальше я пропускал его через кулак, пока Бражж вытаскивал сферу из трещины. Теперь нас с ним соединяла хорда. Бражж вогнал нож в лёд и привязал хорду к рукояти — по крайней мере, так он мне сказал.

Мне не хотелось отвязываться от салазок, Ларо и Дага, но другого выхода не было. Я прикрепил хорду к шнуру у себя на поясе, потом освободился от него. Теперь я был избавлен от веса, тянувшего меня вниз; салазки вместе с Ларо и Дагом держались только на хорде. Бражж по моим объяснениям уменьшил сферу и кинул её мне. Я снова заклинил сферу между стенками и залез на неё верхом. Впервые с момента падения я не опирался на предмет, спасший мне жизнь. Я подглядел вниз и удостоверился, что это впрямь салазки, застрявшие в трещине, как палка в пасти чудовища. Перебираясь на сферу, я нечаянно сдвинул их, и через мгновение они ухнули вниз ещё футов на десять, где и застряли снова. Хорда была привязана к рукояти ножа, поэтому не соскользнула за ними. Я для страховки пропустил её через руку и выбрался из трещины, раздувая сферу, чтобы она выталкивала меня вверх. Как только я выбрался, мы вбили рядом с ножом мой импровизированный ледоруб и для страховки

закрепили хорду за него тоже.

Сперва мы вытаскивали салазки, заставляя хорду сокращаться (упрощённый вариант храповика светителя Аблавана), но через несколько минут энергия в ней закончилась. На солнце она бы подзарядилась, но мы не могли ждать, да и в любом случае много энергии она запасать не умеет. Дальше мы тянули верёвку руками. После того как салазки поравнялись с краем трещины, дело пошло легче. Ещё через несколько мгновений мы увидели Ларо в голубом свете от насыпавшегося в трещину снега. Тело висело в воздухе; под ним болтался обрывок верёвки длиной не больше десяти футов с развязанным узлом на конце. Его хватило на то, чтобы увлечь меня, Ларо и салазки в щель, но рывка, когда салазки застряли, он не выдержал. После этого Даг упал на самое дно трещины и его засыпало снегом. Надеюсь, смерть была быстрее, чем предшествующее мучительное падение.

Бражж нехорошо поглядывал на меня, словно спрашивал: «Зачем мы это делаем?», но я продолжал тянуть, пока не вытащил тело Ларо из трещины.

Когда мы выкатили его на поверхность, он дёрнулся, застонал и произнёс имя своего божества.

Теперь я понял Бражжа. Он был рациональнее, быстрее соображал и наверняка задал себе вопрос: «Что мы будем делать, если Ларо жив?»

Несколько минут я просто лежал на спине, полумёртвый. Ушибы, заработанные в падении, внезапно разом дали о себе знать.

Ничего не оставалось, кроме как идти вперёд. Бражж не хотел тащить с собой раненого и в злобе нарезал вокруг нас круги, поглядывая вниз и прикидывая, доберётся ли в одиночку. Через несколько минут он решил остаться с нами — пока.

У Ларо было сломано бедро, голова в нескольких местах кровоточила. Кроме того, он долго пролежал под снегом и сейчас был в полубессознательном состоянии.

На одной его ноге болтался снегоступ. Я сделал из трубки лубок, затем раздул и расплющил на снегу сферу.

Сфера представляет собой пористую мембрану. Каждая пора — маленький насос, способный закачивать и откачивать воздух. Коэффициент эластичности сферы можно менять. Если сделать сферу жёсткой и накачать воздухом, она превращается в твёрдый шарик. Сейчас я, напротив, сделал её растяжимой и убрал почти весь воздух,

потом разложил стлу и втянул на неё сдутую сферу. Дальше я окликнул Бражжа и мы вдвоём закатили на сферу Ларо. Тот вскрикивал, звал мать Когда мы выкатили его на поверхность, он дёрнулся, застонал и произнёс имя своего божества.

Теперь я понял Бражжа. Он был рациональнее, быстрее соображал и наверняка задал себе вопрос: «Что мы будем делать, если Ларо жив?»

Несколько минут я просто лежал на спине, полумёртвый. Ушибы, заработанные в падении, внезапно разом дали о себе знать.

Ничего не оставалось, кроме как идти вперёд. Бражж не хотел тащить с собой раненого и в злобе нарезал вокруг нас круги, поглядывая вниз и прикидывая, доберётся ли в одиночку. Через несколько минут он решил остаться с нами — пока.

У Ларо было сломано бедро, голова в нескольких местах кровоточила. Кроме того, он долго пролежал под снегом и сейчас был в полубессознательном состоянии.

На одной его ноге болтался снегоступ. Я сделал из трубки лубок, затем раздул и расплющил на снегу сферу.

Сфера представляет собой пористую мембрану.

Каждая пора — маленький насос, способный закачивать и откачивать воздух. Коэффициент эластичности сферы можно менять. Если сделать сферу жёсткой и накачать воздухом, она превращается в твёрдый шарик. Сейчас я, напротив, сделал её растяжимой и убрал почти весь воздух, потом разложил стлу и втянул на неё сдутую сферу. Дальше я окликнул Бражжа и мы вдвоём закатили на сферу Ларо. Тот вскрикивал, звал мать и своё божество. Мне это показалось обнадёживающим: по крайней мере он выглядел более живым. Я закутал его краями стлы, оставив снаружи голову, и перетянул всё хордой. Наконец я немножко раздул сферу, приказав стле не растягиваться. Теперь Ларо лежал, как в коконе. Вся конструкция получилась фута два-три в диаметре и довольно сносно скользила, потому что я сделал стлу гладкой и ровной. Вверх по склону я бы её не втащил, но, по счастью, нам предстоял спуск.

Я тянул Ларо, а Бражж — салазки. Мы связались той верёвкой, которая прежде соединяла меня с Ларо. Бражж по-прежнему шёл впереди, прощупывая снег.

Я старался не думать о том, что Даг на дне трещины, возможно, ещё жив.

Потом я стал гнать от себя мысль о том, сколь-

ких ещё нелегальных мигрантов найдут, если снег когда-нибудь стает.

Очень скоро мне пришлось гнать мысль, не в их ли числе Ороло.

Наконец я сосредоточился на том, чтобы самому не оказаться в их числе. Я внимательно смотрел на следы Бражжа. Если Бражж провалится в трещину, я попытаюсь его спасти — из-за того он меня и взял. Если упаду я, мы с Ларо обречены. Поэтому я старался идти за Бражжем след в след.

Через несколько часов я перестал соображать, что происходит: все мои силы уходили на то, чтобы переставлять ноги. Невозможно описать эту пустоту, эти моральные и физические муки. Иногда в голове слегка прояснялось, и я напоминал себе, что в Третье разорение и другие подобные времена люди переживали много худшее.

В полузабытьи я не заметил, когда ушёл Бражж. К действительности меня вернул голос Ларо, который кричал и боролся со сферой, пытаясь из неё выбраться. Я сказал Бражжу, что надо остановиться, и, не услышав ответа, посмотрел вперёд. Связывавшая нас верёвка была перерезана ножом. И немудрено: мы спустились в долину; до порта оставались мили две. Снег здесь был чёрный и накатанный после гусениц и ко-

лёс армейской колонны. Трещин можно было больше не опасаться, и Бражж ушёл. Больше я его не видел.

Ларо бился изо всех сил — возможно, уже довольно долго. Я подумал, что так он себя изувечит, поэтому раздул сферу посильнее, чтобы он не мог двигаться, встал рядом на колени, заглянул ему в глаза и стал уговаривать. Это оказалось чудовищно трудно. Тулия успокоила бы его без всякий усилий — по крайней мере, так казалось бы со стороны. Юл бы просто наорал на Ларо и задавил его силой своей личности. Я не умел ни того, ни другого.

Ларо хотел знать, что с Дагом. Я ответил, что Даг погиб. Это отнюдь не успокоило Ларо, но врать ему я не мог и сейчас был не в состоянии выдумать лучший план.

Холодный недвижный воздух прорезало рычание двигателей. К нам приближались несколько армейских кузовилей — их зачем-то отрядили в порт.

К тому времени, как они подъехали на расстояние окрика, Ларо совладал с собой — если безудержные рыдания можно определить этими словами. Я сдул сферу, развязал хорду, стащил Ларо на снег и распихал своё имущество по кар-

манам.

Ребята в армейских машинах оказались настоящие профи. Они тут же выскочили на снег, подобрали нас и отвезли в город. Вопросов они не задавали — во всяком случае таких, которые я бы запомнил. Я был настроен отнюдь не юмористически, тем не менее нашёл это смешным. При своём упрощенном взгляде на секулюм я думал, что раз военные так похожи на полицейских — ходят в форме и вооружённые, — они поведут себя как полицейские. Как выяснилось, им было глубоко плевать на защиту правопорядка, и после десятисекундного раздумья я понял, что это вполне естественно. Ларо они отвезли в благотворительную больницу келкской скинии — религии, широко распространённой в этих краях. Меня высадили на пристани. Я довольно прилично поел в столовой и тут же заснул, уронив голову на руки. Через какое-то время меня разбудили и выставили на улицу. Я стоял, чувствуя себя истончившимся, прозрачным, словно бледный арктический свет пробивает меня насквозь и может оставить на сердце солнечные ожоги. Однако я мог идти, и у меня были деньги — санщик так и не забрал вторую половину условленной суммы. Я купил билет на ближай-

ший рейс до Махща, поднялся на борт, как только меня впустили, повалился на койку в каюте и заснул всё в том же ненавистном термокостюме.

****

Келкс. 1. *Религиозное верование, возникшее в XVI или XVII веке от РК. Название происходит от ортского «Ганакелюкс», составленного из слов «место» и «треугольник», и отражает символическое значение треугольников в иконографии данного верования.* ***2.*** *Скиния келкской веры. Кедепт, адепт келкской или треугольной веры.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

К середине четвёртого дня я настолько оклемался, что смог взглянуть на себя со стороны и задуматься. Я подолгу почти без движения сидел в корабельной столовой и ел. Без движения — потому что при ударе о салазки повредил рёбра, и больно было даже дышать. Еда после энергетических батончиков казалась вкусной. А может, я ел так много, чтобы поднять уровень хорошина в крови и прогнать мрачные мысли.

Фраа Джад явно не специально отправил меня на гибель. Из-за чего всё разладилось? Из-за

моих глупых решений? Раз фраа Джад знал о существовании нелегальной дороги через полюс — догадался, что Ороло её выберет, — значит, она существует давным-давно. То есть это древняя, установленная практика. Мы недооценили её опасность именно потому, что она такая древняя. Нам казалось, долго может существовать только нечто надёжное — как если бы миром руководили инаки и всё в нём было разумно.

Но не мы руководим миром, и разумно в нём далеко не всё.

А может, система по большей части надёжна, но военная колонна всё спутала.

Или нам просто не повезло.

— Ты выглядишь оторванным от почвы.

Я очнулся от раздумий и повёл зрачками в сторону. (Голову я не поворачивал, потому что шея ужасно болела). Передо мною стоял человек лет тридцати пяти. Он ещё вчера на меня поглядывал, а сейчас подошёл и начал разговор с фразы о почве.

Стыдно признаться, но меня разобрал смех.

Мы в конценте каждую весну пропалываем клусты — ползаем на четвереньках, находим сорняки, выковыриваем их тяпками, складываем в кучу и сжигаем, а потом руками разминаем

комки почвы, чтобы корневая система клустов росла свободно. Так что когда незнакомец со мной заговорил, я подумал, что выгляжу так, будто ползал по земле. Именно так я и выглядел. Или что я похож на кучу выполотых сорняков. Что тоже было верно. Наконец я сообразил, что в экстрамуросе это выражение тысячелетия назад утратило буквальный смысл и превратилось в клише.

Ничего этого нельзя было объяснить незнакомцу, поэтому я только беспомощно хихикал (от этого очень болели рёбра) в надежде, что он не оскорбится и не двинет меня в морду. Однако он смотрел терпеливо, даже с жалостью. И хорошо, потому что при таком росте и сложении он мог бы двинуть основательно.

Тут мне пришла в голову мысль. Я даже хихикать перестал.

— Послушай, — сказал я, — у тебя нет запасной одежды? Я бы купил.

— Ты и впрямь нуждаешься в чистой одежде, — объявил он. Я снова прыснул. В последнее время я периодически замечал, что от меня воняет. Но не в стлу же мне было переодеваться!

— У меня больше одежды, чем мне необходимо, и я охотно уделю тебе часть, — продолжал

незнакомец.

Он говорил странно. Псевдограмотные миряне покупают в магазинах готовые письма с красивыми картинками, отпечатанные машинами на плотной бумаге, и отправляют их друг другу в качестве эмоционального жеста. Эти письма пишутся ходульным языком, на котором в жизни никто не говорит. Кроме человека, который сейчас стоял передо мной.

Он продолжил:

— Я ничего не прошу взамен, но буду очень рад, если ты пойдёшь со мной на служение — после того, как переоденешься.

Всё стало ясно. Незнакомец обращал меня в свою веру. Он посмотрел на меня и решил, что я окончательно сломлен — готов к тому, чтобы обратиться.

Делать мне было нечего, и к тому же явно не мешало ближе познакомиться с мирскими порядками. Поэтому я выбросил вонючую одежду и термокостюм, помылся как мог, стоя перед раковиной, надел странно пахнущую одежду незнакомца и пошёл туда, где собиралась его скиния. Там было жарко и тесно: в каюту набились человек двадцать верующих и магистр — сухощавый дядька по имени Сарк, который, видимо,

всю жизнь проводил на кораблях, проповедуя рыбакам и матросам.

Это были кедепты — члены келкской, или треугольной скинии. Их религия очень не походила на ту, которую исповедовал Ганелиал Крейд. Её создал примерно две тысячи лет назад некий талантливый пророк — видимо, человек редкой скромности, потому что о нём самом ничего не известно и культа его нет. Подобно многим скиниям, келкс бесконечно дробилась, как те льдины, по которым я недавно шёл. Однако все её секты и направления сходились в том, что есть другой мир — больше и даже в какой-то мере реальней нашего. В том мире грабитель напал на семью: убил отца, изнасиловал и убил мать, а дочь взял в заложницы. Позже, уходя от преследователей, он её задушил, но всё равно был схвачен и долгое время («половину жизни») провёл в тюрьме, ожидая очереди предстать перед магистратом. На суде разбойник признал свою вину. Магистрат спросил, может ли тот назвать хоть одну причину, по которой его следует пощадить. Осуждённый сказал, что такая причина есть — он додумался до неё за годы в тюрьме. Размышляя о своих злодеяниях, он постоянно вспоминал невинно убиенную девушку, которая

столько всего могла совершить, а теперь не совершит. Ибо любая душа, сказал Осуждённый, способна породить целый мир, такой же большой и многообразный, как тот, в котором живут они с Магистратом. Но если утверждение справедливо для Невинной, то оно справедливо и для Осуждённого, а значит, его — и вообще любого человека — нельзя казнить.

Магистрат не поверил, что Осуждённый и впрямь может создать целый мир. Тогда Осуждённый начал рассказывать о мире, который он придумал, о деяниях вымышленных богов, царей и героев. Рассказ продолжался до вечера, поэтому Магистрат продлил заседание суда ещё на день. Однако он предупредил Осуждённого, что участь его по-прежнему не решена, потому что войн, жестокости и преступлений в выдуманном мире не меньше, чем в настоящем. Осуждённый избежит казни, только если вымысел окажется этого достоин. Если на завтрашнем заседании нестроения в его мире не разрешатся к всеобщему удовольствию, на закате Осуждённого казнят.

На следующем заседании Осуждённый постарался выправить положение в своём мире и отчасти преуспел, но по ходу дела породил новые горести и ввёл персонажей столь же нравственно

неоднозначных, что и в первый день. Магистр не нашёл достаточных оснований для его казни, поэтому суд продолжился на третий день, на четвёртый и так далее.

Мир, в котором живём я, Джезри, Лио, Арсибальт, Ороло и Джад, Ала, Тулия, Корд и все остальные, — тот самый мир, что день за днём создаётся в голове Осужденного. Рано или поздно всё завершится окончательным вердиктом Магистрата. Если вымышленный мир — наш мир — в целом окажется достойным, Магистрат помилует Осуждённого и наш мир будет по-прежнему существовать у того в голове. Если мир в целом отражает лишь гнусность Осуждённого, Магистрат прикажет его казнить, и нашего мира не станет. Мы поможем Осуждённому остаться в живых и сохраним себя и свой мир, если будем всеми силами делать его лучше.

Вот почему Олвош — рослый незнакомец — отдал мне одежду. Он старался предотвратить конец света.

Келкс — сокращение от ортского слова, означающего «обитель треугольника». Треугольник играет важную роль в иконографии этой веры. В только что рассказанной истории три главных персонажа: Осуждённый, Магистрат и Невинная.

Осуждённый символизирует собой творческий, хоть и несовершенный принцип. Магистрат — правосудие и благо. Невинная — вдохновение, спасающее Осуждённого. Каждому из них по отдельности чего-нибудь недостаёт, но как триада они создали нас и наш мир. Спор о природе этой триады породил сотни войн, но все их участники верили в то или иное толкование рассказанной истории. Сейчас келкская вера переживала тяжёлые времена и стала очень мрачной и апокалиптичной. Суть её сводилась к тому, что Магистрат рано или поздно вынесет окончательный вердикт, поэтому магистры — так назывались келкские священнослужители — накручивали паству уверениями, что приговор близок.

Сегодняшняя проповедь была выдержана как раз в таком духе. У кедептов нет длинных сложных служб, как у базиан. Сперва магистр Сарк долго вещал, потом говорили собравшиеся, потом он снова долго вещал. Сарк требовал ответа, что каждый из сидящих в кающе (здесь были только мужчины) сделал за последнее время для улучшения мира. Мы несовершенны (естественно, ведь нас породил мозг насильника и убийцы), но благодаря чистому вдохновению, которое переда-

лось Осуждённому от Невинной в миг её смерти, мы можем делать мир лучше к удовлетворению всевидящего и всезнающего Магистра.

Бред, конечно, но мне в моём теперешнем состоянии он чем-то импонировал, и я решил для эксперимента поиграть, будто в него верю. Может показаться, что для инака это очень странно, однако в концентах то и дело рождаются самые дикие космографические гипотезы, и тогда мы поступаем именно так: временно допускаем, что гипотеза верна, и смотрим, куда она нас приведёт.

Я знал историю Осуждённого почти сколько себя помню, но в тот день узнал о келкской вере — во всяком случае, о данной секте — нечто для себя новое. Во-первых, что события нашего мира, которые происходят параллельно (разные люди что-то делают одновременно), излагаются Осуждённым последовательно. Невозможно рассказать миллиарды историй враз, поэтому он разбивает их на отдельные повествования. Например, моё путешествие по леднику с Бражжем, Ларо и Даго — одна серия, затем Осуждённый возвращается назад и сообщает, что в это день делала, скажем, Ала. Или если Ала не сделала ничего выдающегося — перед ней не встал судь-

боносный выбор, — Осуждённый может вообще о ней не упомянуть, и она в этот раз избежит оценки Магистрата.

Всё внимание Магистрата в конкретный момент сосредоточено на одной истории. Когда рассказывают твою историю, ты находишься под безжалостным взором Магистрата, знающего все твои поступки и даже мысли — и тогда очень важно сделать правильный выбор! Если часто ходить на собрания кедептов, у тебя развивается шестое чувство: ты знаешь, когда Магистрат слушает твою историю, и чаще поступаешь правильно.

Во-вторых, вдохновение, передавшееся Осуждённому от Невинной в миг её смерти, заразно. Оно переходит от него к каждому из нас. Мы обладаем той же способностью творить миры. Кедепты верят, что однажды придёт Избранный, который создаст совершенный мир. Тогда не только он и его мир, но и все другие миры с их творцами, вплоть до Осуждённого, спасутся рекурсивно.

Когда Сарк обратил на меня пламенный взгляд и спросил: «Что ты в последнее время сделал для спасения мира?» — я, в духе своей игры, начал излагать сильно отредактированную версию истории о спуске с ледника. Упоминания о стле,

хорде и сфере я выпустил. О том, как погиб Даг — или как мы бросили его умирать, — я тоже говорить не собирался. Однако без этого эпизода история потеряла бы связность. В итоге она вывалилась из меня, как кишки из раненого зверя. Я не управлял тем, что говорю. Я думал, что играю в салонную игру, но чувства взяли верх. Видимо, вся обстановка скинии, как я (с опозданием) сообразил, давила на эмоции. Не я первый вывернул душу на таком собрании. Они этого ждали. Они на это рассчитывали. Потому-то келкс и просуществовала две тысячи лет.

Закончив рассказ, я взглянул на Олвоша, ожидая увидеть торжество. Да, он заполучил меня с потрохами. Но Олвош смотрел серьёзно и чуть печально. Он знал, что так будет. Он сам через это прошёл.

Последовало молчание — долгое, но не тягостное. Затем магистр сказал, что с учётом обстоятельств трудно определить, совершил ли я хоть что-нибудь предосудительное. Как я понял, это значило, что Магистрат, выслушав историю Бражжа, «Вита», Ларо и Дага, не сочтёт, что Осуждённого следует казнить. В худшем случае это нейтральное свидетельство. У меня словно камень с души упал. В следующий миг я разозлился

на себя, что позволил шаману манипулировать мною эмоционально.

Если меня всё-таки по-прежнему мучает совесть, продолжал Сарк, я должен задуматься и в следующий раз, когда моя история будет звучать в небесном суде, проявить себя лучше.

Другие рассказывали ещё более чудовищные случаи. В некоторые я просто не поверил. Я был не единственным новичком в кающе и по ухмылкам на лицах части собравшихся догадывался, что их сюда затащили. Возможно, они нарочно приукрашивали свои рассказы, чтобы проверить, смогут ли шокировать магистра.

Видимо, по келкским правилам ему полагалось внести завершающий аккорд.

— С древних времён мы говорим, что день последнего суда грядёт. Однако сегодня я говорю вам, что он настал! Знамения очевидны. Магистрата или его приставов видели в небесах! Он обратил алое око на инаков в концентах и вынес им приговор. Теперь он обращает взор на нас! Так называемый небесный эмиссар приступил к Магистрату с мольбой и был извержен во гневе сообразно своим заслугам! Что скажет Магистрат о вас, собравшихся в этой кающе? О ком будет говорить Осуждённый на последнем заседании?

О тебе, Вит, и о твоих делах? Чтобы оправдать себя и свои создания, расскажет ли он о тебе, Трайд, или о тебе, Террас, или о тебе, Эверделл? На какую чашу весов лягут в последний день ваши поступки?

Вопросы были намеренно суровые, и магистр Сарк не собирался на них отвечать. Он только поглядел в глаза каждому из нас.

Кроме меня. Я смотрел в переборку, пытаясь понять, что он имел в виду. Магистрата видели в небесах? Небесный эмиссар извержен во гневе? Надо ли понимать это буквально?

Если что-то случилось с небесным эмиссаром, то какова судьба Джезри?

Я отчаянно хотел знать и не решался спросить.

Служба закончилась, но у меня не было сил встать. Я сидел, привалившись к переборке, так что вибрация двигателей отдавалась у меня в голове.

Один из кедептов разговаривал с Олвошем. Когда каюта почти опустела, они подошли ко мне. Я сел прямее и попробовал найти в себе силы, чтобы выдержать ещё одну проповедь.

Кедепта звали Мальтер.

— Я хотел спросить, — начал он, — ты не инак?

Я не двинулся и не ответил, судорожно пытаясь

вспомнить, что думает о нас келкс.

— Я потому спрашиваю, — продолжал Мальтер, — что перед нашим отплытием в городе ходили слухи, будто с ледника спустился переодетый инак. Вроде бы с ним произошло то же, что с тобой.

Я удивился, но не надолго. Легко было вообразить, как Ларо рассказывает каждому встречному и поперечному о трагическом походе с участием инака по имени Вит.

Наверное, что-то отразилось у меня на лице.

— Я всегда хотел увидеть инака, — сказал Мальтер. — Для меня это была бы честь.

— Ну, — ответил я, — сейчас ты его видишь.

****

> ***Нак**, инак. Уничижительный экстрамуросский термин. Ассоциируется с мирянами, придерживающимися иконографии, которая изображает инаков в исключительно чёрных красках.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Махщ вчетверо больше города, окружающего концент светителя Эдхара. То есть это самый крупный город, в котором я побывал за свои странствия — да и за всю жизнь, если на то пошло.

К огорчению бывалых пассажиров — тех, кто постоянно путешествует по Арктике на таких судах, — нам не разрешили подойти к причалу и велели оставаться на рейде. С мостика просочились слухи, что весь порт занят военными транспортами, и места для гражданских судов изыскивают по мере возможности.

Почти весь тот день я провёл на палубе, глядя на город и радуясь, что попал в климатическую зону, где погода не пытается меня убить. Махщ хоть и севернее Эдхара (он лежит на пятьдесят седьмой параллели), климат здесь умереннее благодаря тёплому океанскому течению. Не жара, конечно, но и не холод. Если надеть куртку и оставаться сухим, не замёрзнешь. Оставаться сухим, впрочем, довольно проблематично.

Махщ возник на берегах фьорда, разделяющегося на три рукава. У каждого своя специализация. Один военный — там сейчас происходила какая-то активная деятельность. Другой коммерческий. Эту часть порта выстроили в эпоху Праксиса, чтобы принимать и отправлять грузы в стальных ящиках; с тех пор она очень мало изменилась. В обычных обстоятельствах мы подошли бы к какому-нибудь из её пассажирских причалов. Третью часть порта, самую старую, возвели из камня и

кирпича за тысячи лет до Реконструкции, когда корабли двигались силой ветра и разгружались вручную. Очевидно, тамошние каменные доки по-прежнему пользовались спросом: туда то и дело заходили судёнышки поменьше.

Старый город и порт стоят на искусственной суше, прорезанной сетью каналов: узкой и неправильной в древней части, прямоугольной в коммерческой и военной. Скалы, разделяющие рукава фьорда, увенчаны древними замками, радарными станциями и шикарными казино. Сразу за городом начинается ещё более крутой горный отрог: мглистая серо-зелёная стена с непонятными сооружениями, под дикими углами уходящими на мили в небо. Олвош объяснил, что там люди за деньги скатываются по заснеженным склонам. Сейчас этот вид отдыха не показался мне привлекательным.

На следующий день подошёл буксир и оттащил нас к причалу в Старом Махще. Раньше такого не случалось: корабли всегда приставали в «новой» коммерческой части города. Как ни интересно было наблюдать за работой буксира, разглядывать склады, скинии, соборы и городской центр Старого Махща, я задумался, как мне теперь отыскать Корд, Самманна, Гнеля и Юла — или помочь

им себя отыскать. Идти в коммерческий порт, рассчитывая, что они ждут меня там? А вдруг они уже знают про изменения и будут искать меня в Старом Махще?

Как только я спустился по сходням, я понял: мои друзья наверняка в старом городе. Поскольку военные не терпят беспорядка, а коммерсантам он невыгоден, хаос вытеснили в старый город, превратив его в царство разбитых планов и надежд. Всё пристойное жильё заняли подрядчики с юга, так или иначе зарабатывающие на переброске войск к северу, так что остальные спали в мобах, кузовилях или прямо на улице. Из-за наплыва бездомных все двери были на запоре, а многие даже под охраной, и мигрантам приходилось отыскивать себе место на пристанях, незастроенных участках искусственной суши или там, где древние склады снесли, расчищая площадки для так и не осуществлённых проектов.

В этот-то хаос я и ступил, сойдя с корабля. Я спускался по пандусу, высматривая своих друзей, и чем дольше я всматривался, тем дальше увлекала меня толпа и тем меньше я видел. Наконец я оказался в самом низу, откуда уже не видел ничего. Планов у меня не было, поэтому я просто отдался людскому потоку. Всякий раз, заметив в

нём просвет, я сбавлял шаг и оглядывался. Из моих прошлых слов могло возникнуть впечатление, что меня окружала крайняя нищета, но, присмотревшись получше, я понял, что здесь есть работа, что сюда за ней едут, и место в целом скорее благополучное. Парни и девушки стояли в очередях к солидным людям, надо думать — наёмщикам. Многие предлагали товары и услуги тем, кто нашёл работу: одни готовили еду на передвижных жаровнях или на открытом огне, другие извлекали из карманов загадочные предметы, третьи вели себя очень странно — как до меня медленно дошло, они выказывали готовность продать себя. Старые побитые автобусы продвигались сквозь толпу со скоростью неторопливого пешехода, высаживая и забирая пассажиров. Сколько-нибудь эффективно перемещаться можно было только на бициклетах — педальных или моторизованных. Проповедники различных скиний, стоя там, где их труднее всего обойти, выкрикивали в хрипящие мегафоны слова писаний и пророчеств. Бездомные испражнялись прямо на улице; глядя на мусор и экскременты, я порадовался, что сейчас не лето.

Благодатный климат издавна привлекал иммигрантов. Они прибывали со всего света,

расселялись по фьордам или горным долинам и заводили там свои обыкновения и порядки. Со временем у них сформировалась особая манера одеваться и даже отличимые расовые признаки. Я купил с тележки еду — возможно, лучшую с тех пор, как покинул концент, — остановился и стал жевать, разглядывая людское многообразие. Здесь встречались занятные человеческие типы. Длинноволосые горцы, всегда поодиночке. Огромная семья, плотным строем: мужчины в широкополых шляпах, женщины в покрывалах. Полиэтническая группа в одинаковых красных футболках, у всех — у мужчин и у женщин — головы гладко выбриты. Племя (если тут применимо это слово) высоких людей с острыми носами и преждевременной сединой, продающее свежих моллюсков из набитых водорослями полипластовых ящиков.

Через час я понял, что могу не найти друзей до конца дня, и задумался, где провести ночь, — я наконец-то достиг широты, где солнце в это время года заходит на несколько часов в сутки. Больших концентов на севере нет, но мне подумалось, что в таком старом городе должен быть хотя бы один матик — возможно, даже основанный в Древнюю матическую эпоху. Может, стоит его разыскать

и напроситься на ночлег, если, конечно, меня впустят? Я пошёл по широкой улице, которая дальше утыкалась в базский собор, и принялся высматривать среди старинных фасадов что-нибудь похожее на матическую архитектуру или клуатр.

Прямо на меня с чугунного фонарного столба смотрел спилекаптор. Я вспомнил, что Самманн умеет получать данные от этих устройств. Может, я всё делаю не так? Может, Самманн ищет меня по спилекапторам, и друзья просто не поспевают за моими перемещениями? Тогда стоит посидеть в заметном месте и посмотреть, что получится. Незадолго до того я встретился с Мальтером и Олвошем; они дали мне адрес местной келкской миссии, при которой имелась благотворительная ночлежка. Теперь, когда у меня был запасной вариант, я отыскал место на соборной площади, прямо перед спилекаптором на фасаде Махщской ратуши, сел и стал ждать.

Тут-то меня и ограбили.

Вернее, я сперва подумал, что меня грабят. Я как раз засмотрелся на уличного акробата, когда справа и чуть сзади кто-то позвал: «Эй, Вит!» Я обернулся — и получил кулаком по физиономии.

Пока я лежал, чьи-то руки выдернули мой

свитер из штанов, заголив живот. Почему-то я вспомнил, как Лио в аперт раскидал пенов, в предыдущей драке нахлобучивших ему капюшон на лицо. Так что я не стал защищать голову, а сделал неловкую попытку одёрнуть свитер. Чужие руки копались там, вытаскивая стлу, хорду и сферу — перед выходом я туго их свернул, запихал под ремень и прикрыл свитером.

С земли обзор плохой, особенно если лежишь на боку в позе эмбриона и смотришь краешком глаза. Однако мне показалось, что два человека тащат, каждый к себе, украденный у меня свёрток. Хорда скользнула на землю, стла, которую я придал конфигурацию, называемую «восьмисложный конверт», развернулась. Уменьшенная сфера упала и запрыгала, как мячик. На втором прыжке я её поймал, и сразу же чей-то башмак наступил мне на руку. «У него там колдовской шар!» — заорал голос. Один из нападавших прыгнул на меня верхом. И тут включился рефлекс. Лио как-то объяснил, что если тебя уложили на лопатки, ты можешь уже не встать. Поняв, что сейчас будет, я перекатился и подобрал под себя колени, так что, когда нападавший придавил меня своим весом, я подставил ему не живот, а зад. Рука была по-прежнему прижата башмаком,

но сфера оставалась под ней. Я увеличил сферу, и башмак соскользнул вниз. Я подобрал освободившуюся руку под себя и со всех сил толкнулся руками и ногами. Человек, который сидел на мне, обхватил меня за пояс, но я поймал его мизинец и вывернул. Противник взвыл и разжал хватку. Я, не оглядываясь, припустил вперёд.

— Он колдует! — крикнул кто-то. — Нак пустил в ход колдовство!

Какая-то (не самая разумная) часть моего существа хотела объяснить этому малому, что он идиот, но желание как можно скорей увеличить расстояние между собой и противниками было сильнее. Откуда они узнали, что я — «Вит»? Я обернулся. За мной в толпе был широкий коридор. И по нему бежали несколько человек. Ни одного я прежде не видел, однако в их лицах угадывалось что-то знакомое. Они принадлежали к той же этнической группе, что Ларо и Даг. Гытосы, как называл их Бражж.

Догнать меня гытосы не могли, но от их голосов было не убежать. «Держи его! Держи нака!» Никто не реагировал. Тогда преследователи сменили тактику. «Убийца! Убийца! Держи его!» Этим они лишь облегчили мне бегство: никто не хотел оказаться на пути у рослого, бегущего напролом

убийцы. Тогда они закричали: «Вор! Вор! Он украл у старушки кошелёк!» Теперь толпа сомкнулась. Мне начали ставить подножки.

Пока я успешно перепрыгивал через выставленные ноги, однако ясно было, что с людной площади надо выбираться. Я юркнул в первую же улицу и оттуда в проулок, такой узкий, что я мог бы коснуться руками стен. И всё равно здесь было не так страшно, как в плотной враждебной толпе.

Я услышал треск моторов. Местные парни на бициклетах, знающие каждую улочку, готовились отрезать мне путь.

Я подергал несколько дверей, но все они были заперты. Потом я имел глупость сделать это на глазах у вооруженного охранника перед деньгоменяльной конторой несколькими домами дальше. Охранник снял с плеча оружие и что-то сказал в воротник. Я отступил, юркнул в другой проулок и пробежал ярдов сто до моста через узкий канал. Туда же из боковой улочки вылетели двое ребят на бициклетах. Путь был отрезан. Я глянул вниз, увидел обнажившееся дно (видимо, шёл отлив) и, не задумываясь, спрыгнул на мягкий ил. Было больно, но, кажется, я ничего не сломал. В одну сторону канал, изгибаясь, уходил

к городскому центру, с другой было чистое небо: набережная. Я побежал туда. Лишь бы добраться до берега! Там можно будет украсть или выпросить лодку. В крайнем случае я просто поплыву — даже море не так опасно, как эта толпа.

Однако по илу невозможно бежать быстро, к тому же я выдохся. Через каждые футов двести над каналом были переброшены мосты. На них уже собиралась толпа. Люди кричали и указывали на меня руками.

Я обернулся и увидел, что на мосту за моей спиной толпа ещё больше. Многие держали наготове бутылки и камни. Бежать под мостами значило обречь себя на верную смерть. Стены у канала были отвесные, но старые, из грубого камня. Я полез вверх. Взревел, приближаясь, бициклетный мотор, и что-то ударило меня по голове.

Очнулся я уже в неглубокой воде посреди канала и не успел вскинуть голову и глотнуть воздуха, как в меня полетели камни и бутылки.

— Хватит! Хватит! Нак уже никуда не денется! Просто не дайте ему уйти! — крикнул самозваный главарь — коренастый гытос с копной всклокоченных волос. — Наш свидетель будет с минуты на минуту!

И мы стали ждать «свидетеля». Толпа рассор-

тировалась. По большей части она состояла из случайных людей, которых привело на берег канала любопытство или желание поучаствовать в ловле вора. Эти частью ушли сами, частью их оттеснили новоприбывшие: гытосы с жужулами. Когда через минуту или чуть позже подкатил на педальном такси свидетель, толпа передо мной на сто процентов состояла из гытосов. И ни один из них не думал, что я вор. А что они про меня думали? Сильно подозреваю, что им было вообще плевать.

Свидетелем оказался Ларо. Нога у него была в гипсе.

— Это он! Я его никогда не забуду! Он спас себя колдовством, но бросил нашего родича Дага!

Я смотрел на него, не веря своим ушам, но лицо Ларо дышало такой искренностью, что я усомнился в собственной версии событий.

— Полиция! — выкрикнул голос в толпе. Вообще-то такие предупреждения слышались уже давно. Я надеялся, что полицейские поспешат, хотя и не знал, лучше ли они со мной обойдутся.

— Кончай с ним! — крикнул молодой парень и посмотрел на главаря. Тот шагнул к краю канала. Рядом стоял рослый гытос, подняв над головой большой кусок дорожного покрытия.

Главарь указал на меня.

— Он — инак! Ларо подтвердил. Эти двое нашли в его одежде улики!

Двух молодых гытосов — тех, что меня ограбили, — вытолкнули вперёд так сильно, что они чуть не упали в канал. У них были мои стла, хорда и сфера. Главарь велел парням поднять «улики» и показать всем. Толпа ахнула так, будто ей демонстрируют начинку атомной бомбы.

— Нак нарушил древний закон, запрещающий им выходить к людям. Он явился сюда как лазутчик. Мы все знаем, как он поступил с Дагом. Можно только гадать, что ждало бы Ларо, если б тот отважно не вырвался из силков нака. Станем ли мы это терпеть?

— Нет! — взревела толпа.

— Ждём ли мы правосудия от полиции?

— Нет!

— Но мы наведём порядок?

— Да!

Главарь кивнул верзиле с булыжником. Тот бросил его в меня, но так неловко, что я легко увернулся. Однако вслед за булыжником полетели камни поменьше. Бегая взад-вперёд по каналу, просто чтобы не быть неподвижной мишенью, я приметил футах в ста дальше каменную лестни-

цу. По ней можно было выбраться на улицу — всё лучше, чем в узком канале под толпой. Я припустил к лестнице. Пока я бежал, ещё несколько камней и бутылок угодили мне в спину. Но голову я закрывал руками.

До лестницы я добежал, однако там уже ждала толпа. Не успел я преодолеть последнюю ступеньку, как меня повалили на мостовую. Один из гытосов упал сверху — возможно, чтобы не дать мне уйти. Я схватил его за отвороты куртки и прижал к себе, как щит. Гытосы отталкивали друг друга, чтобы меня пнуть, но по большей части останавливались, увидев собрата. Его схватили и поставили на ноги; в руках у меня осталась пустая куртка. Я попытался вскочить, меня повалили снова. Я свернулся клубком и закрыл руками голову.

Несколько мгновений спустя раздался Крик.

Я должен писать это слово с большой буквы. Кричал явно человек, но ничего похожего я в жизни не слышал. Чтобы передать, каким был Крик, я могу сказать только, что он полностью выразил моё тогдашнее состояние. Мне даже на какое-то безумное мгновение показалось, будто кричу я. Все застыли. Никто меня не бил, никто не проталкивался ко мне. Все стояли, пытаясь по-

нять, откуда доносится Крик и что он означает.

Я перекатился на спину. Вокруг меня было пустое пространство. Вернее, вокруг меня и человека в красной футболке.

Он шагнул ко мне и вытащил из кармана предмет, который мгновенно увеличился: сферу. Через секунду человек в футболке раздул её примерно до пяти футов, оставив слегка дряблой, и опустил на меня. Мои ноги и голова остались снаружи, но тело было защищено от ударов — по крайней мере, пока человек в футболке держит надо мной сферу. Её могло бы сдуть ветром. Тут он запрыгнул на неё и остался стоять. Это очень трудно, даже если опираешься двумя ногами, но человек в красной футболке стоял на одной ноге, поджав другую. В детстве мы иногда пробовали стоять на сферах. Некоторые взрослые делают это в качестве упражнения, чтобы натренировать чувство равновесия и реакцию. Однако уж очень странные здесь были место и время для эквилибристики.

На толпу упражнения со сферой подействовали чуть ли не сильнее, чем Крик. Впрочем, через несколько мгновений какой-то парень заметил мою голову — явную и заманчивую цель. Он выскочил вперёд, отвёл ногу... Я зажмурился. Сверху

раздался резкий звук. Я открыл глаза и увидел, что нападавший заваливается назад. Мне в лицо брызнуло что-то жидкое: кровь. На мостовую со стуком посыпались мелкие камешки. Стерев с лица кровь, я понял, что это не камешки, а зубы.

Новый вопль донёсся с края толпы — теперь с противоположного. Вопил человек, испытывающий невероятную боль. В самом буквальном смысле, почти как если бы он кричал словами: «Я не могу поверить, что бывает так больно!» Вопль привлёк внимание всех, за исключением гытоса, который бежал ко мне и моему защитнику, на ходу раскрывая складной нож. На этот раз я лучше видел, что происходит. Человек на сфере сделал отвлекающий выпад, и гытос ударил ножом туда, где, он думал, будет нацеленная в него ступня. Он ещё не успел понять, как сильно промахнулся, а мой защитник уже поймал его руку с ножом и крутанул назад: не просто вывернул гытосу запястье, а проделал кувырок в воздухе под хруст суставов и треск ломающихся костей. Сфера скатилась с меня, нож упал на мостовую. Я попытался накрыть его рукой, но поздно; защитник ударом ноги столкнул нож в канал.

Я остался без щита, но это уже было не важно: толпа бежала на жуткий, изумлённый крик. Я

встал на четвереньки, потом на колени.

Кричал взрослый гытос, которого держала в сложном захвате бритоголовая женщина в красной футболке. Юноша лет восемнадцати, тоже бритый и в такой же футболке, успешно отбивался от всех, кто пытался к ней приблизиться. К тому времени, как я увидел этих двоих, толпа уже начала кидать в них камни. Мой защитник бросил меня и побежал к своим. Все трое начали отступать. Толпа устремилась за ними. Правда, далеко не вся. Многие незаметно отходили в сторонку: они были не прочь покидать камнями в одинокого инака, но не имели охоты принимать участие в том, что творилось сейчас.

Я повернулся, думая, что для меня всё позади, и увидел пистолетное дуло.

— Нет, мы про тебя не забыли, — сказал главарь гытосов. — Вперёд! — Он указал пистолетом в сторону толпы, которая гналась за красными футболками в направлении небольшой площади ста футами дальше. — Кругом марш!

Я повернулся и пошёл к площади. Мы оказались в задних рядах толпы примерно из ста гытосов; у многих были ножи, у остальных — камни. Все они бежали за красными футболками, которые, торопясь убраться от многократно превосходя-

щего противника, доволокли свою жертву до самой площади.

Мы с моим конвоиром вышли на площадь. Канал был от меня слева, основная часть площади — справа. Оттуда донеслись боевые возгласы. Я использую термин «боевые возгласы», чтобы обозначить тот нечеловеческий крик, который издал при своём появлении мой защитник. Теперь так кричали сразу человек десять. Первый боевой возглас, как я описывал, просто парализовал всех. Потом мы узнали, что их издают мастера искводо — те самые, что крушат суставы и зубы. На нашем правом фланге материализовался боевой строй красных футболок: они стояли на площади, дожидаясь, пока первые трое заманят сюда толпу. Все головы разом повернулись к ним; все ноги в то же мгновение устремились от них. Каждый искводист уложил на мостовую одного или двух противников раньше, чем мы вообще поняли, что происходит. Строй красных футболок двинулся к первым трём, которые уже выпустили заложника. Толпа, поняв, что её обходят с правого фланга и что площадь в целом — вражеская территория, повернула назад. Но тут из её арьергарда донёсся новый залп боевых возгласов: красные футболки выпрыгивали из

канала. Они ждали там, уцепившись за камни, как скалолазы, и мы, ничего не подозревая, оставили их у себя в тылу. Путь к отступлению был отрезан. Толпе оставалось протискиваться между каналом и красными футболками справа либо прыгать в канал. За первыми, догадавшимися это сделать, последовали десятки желающих. Началась паника. Красные футболки не мешали гытосам разбегаться. В несколько мгновений почти все мои преследователи рассеялись. Два строя красных футболок сошлись и образовали кольцо примерно двадцать футов в диаметре. Лица всех в кольце были обращены наружу, головы постоянно поворачивались. В середине кольца остались трое: главарь гытосов, я и человек в красной майке, который постоянно двигался так, чтобы заслонять меня от дула.

Женщина из оцепления крикнула: «Фузея!» Это жутко архаичное ортское слово означает длинноствольное огнестрельное оружие. Товарищи по обе стороны от женщины разом повернулись к ней спиной и принялись оглядывать противоположные концы площади. Остальные, впрочем, поступили более естественно, то есть посмотрели туда же, куда и женщина. Взобравшийся на грузотон гытос целил в нас из длинноствольного

ружья. Женщина, крикнувшая: «Фузея!», прыгнула вперёд, подняла руки и колесом вкатилась на крышку мусорного бака. Оттуда она прыгнула в сторону, сделала кувырок, оттолкнулась ногой от питьевого фонтанчика — и вот она уже возле чахлого деревца. Ухватившись за ствол, женщина крутанулась вокруг него, вскочила на скамью и на мгновение исчезла в кучке пешеходов. Когда я увидел её снова, она со всех ног бежала к стрелку. В следующий миг она вновь сменила курс и юркнула за киоск. Таким образом, она быстро приближалась к человеку на грузотоне. Тот никак не мог в неё прицелиться. Я бы на его месте не спустил курок даже для спасения собственной жизни, настолько захватывающей была эта акробатика.

Кто-то выстрелил, но не гытос на грузотоне и не главарь рядом со мной. Трудно было сказать, откуда долетел звук: его эхо отразилось от всех домов на площади. У меня подкосились ноги.

Что-то нехорошее происходило с главарём гытосов: человек в красной майке воспользовался секундой замешательства, чтобы его обезоружить.

Женщина, выделывавшая акробатические трюки, приблизилась к гытосу на грузотоне, который

растерянно вертел головой, пытаясь понять, откуда стреляли.

Грянул второй выстрел. Ружьё выпало из рук неудавшегося снайпера и со звоном ударило о мостовую. Женщина перестала выделывать трюки, перешла на бег и прямой наводкой ринулась к ружью.

— Фузея! — крикнул юноша в красной майке, указывая на канал. И вновь стоящие по бокам от него повернулись в противоположные стороны. Через мгновение я увидел то, на что указывал юноша.

За каналом стояла брошенная продуктовая тележка — её владелец благоразумно сбежал. Тележка с её цветными флажками служила укрытием для трёхколёсника. Один человек был за пультом управления: Ганелиал Крейд. Второй на пассажирской платформе: Юлассетар Крейд. Он держал ружьё. Юлассетар заорал, обращаясь к стрелку на грузотоне:

— Первый выстрел был нужен, чтобы ты замер. Второй — чтобы тебя обезоружить. Про третий объяснять будет некому. Руки! Руки!

Гытос поднял руки: одна из них была изуродована и в крови.

— Проваливай! — заорал Юл и поднёс ружьё

к плечу.

Гытос ссыпался с грузотона, несколько раз перекатился по мостовой, вскочил и побежал.

— Эй, Раз, надо линять! — крикнул Юл. — Вы, в красных майках, не знаю, как к вам обращаться, если хотите, давайте с нами. Подозреваю, что вам не меньше нашего хочется отсюда убраться.

С площади через канал был перекинут мост. Гнель направил трёхколёсник туда. Кольцо красных футболок расступилось. Гнель, опасливо поглядывая на них, подъехал ко мне и затормозил. Я не очень-то мог двигаться. Юл наклонился, ухватил меня за ремень и втащил в трёхколёсник, как бесчувственного туриста на плот. Теперь в крохотной машинке стало совсем тесно. Гнель осторожно свернул в улицу. На нём были подключённые к жужуле наушники. Видимо, Самманн передавал ему указания, куда ехать.

Красные футболки рысью двинулись по бокам и сзади от нас. Видимо, они сочли разумным предложение Юла как можно скорее покинуть город. Как только стало ясно, куда мы едем, искводисты ускорили бег, вынуждая Гнеля прибавить газ. Скоро они уже неслись со спринтерской скоростью. Мы в несколько минут покрыли милю и оказались в районе складов и железнодорожных

путей, менее оживлённом, чем центр Старого Махща. Здесь почти свободно могли продвигаться мобы и даже кузовили. Два как раз вынырнули из ниоткуда и чуть нас не переехали: машины Юла и Гнеля. Ими управляли Корд и Самманн.

Красных футболок (как мы узнали позже) было двадцать пять. Мы как-то запихнули их в два кузовиля и трёхколёсник. Я никогда не видел, чтобы люди сидели так тесно. Несколько человек ехали на крыше Юлова кузовиля, сцепившись локтями, чтобы не упасть.

Корд держалась молодцом, хотя явно не ожидала, что ей придётся везти таких пассажиров. По дороге она то и дело испуганно поглядывала на меня.

— Всё в порядке, — сказал я. — Это инаки; их, наверное, призвали. Не знаю, из какого матика. Очевидно, он специализируется на искводо, может, даже отпочковался от Звонкой долины...

За спиной искводист со смехом перевёл мои слова на орт. Грянул хохот.

Я смутился. Ужасно. До ощущения горячей грязи на макушке.

Они были именно что из Звонкой долины. Я хотел обернуться к ним, но что-то мешало. Ощупью я определил, что сидящие сзади долисты в три

руки прижимают мне к щекам и затылку комья окровавленной марли. Порезы! Я совершенно про них забыл. Корд напугали не чужаки, набившиеся в её кузовиль, а мой вид.

Почти всё это время я испытывал не те чувства, какие следовало. В начале, когда на меня напали два гытоса, я испугался. Правильно испугался. Оттого и побежал. Затем я убедил себя, что как-нибудь вывернусь. Убегу по улицам или по каналу. Уговорю Ларо, докажу свою правоту. Полиция успеет вовремя. Как раз когда я потерял всякую надежду, появились долисты. Дальше всё было страшно увлекательно, почти пьяняще. Я пролетел этот отрезок времени на каком-то химическом кайфе: реакции тела на травмы и стресс. Минуту назад я преспокойно заключил Корд в объятия, почти не заметив, что пачкаю её кровью.

Однако через несколько минут в машине я распался. Все травмы начали посылать сигналы в мозг, как солдаты на перекличке. То полезное наркотическое вещество, которое железы вбросили в кровь, больше не действовало. Наступила ломка, как будто подо мною открыли люк. Я превратился в дрожащий, хнычущий, корчащийся от боли комок нервов.

Через двадцать минут Самманн вывез нас левый берег реки; она текла с гор и впадала в Старо-Махщский рукав фьорда. Когда-то здесь была широкая песчаная полоса, потом её застроили чередой промышленных предприятий, которые теперь лежал и в развалинах. В одном её конце располагалась лодочная станция и лужайка для пикников с парой вонючих уборных. Мы подъехали к лужайке, распугав отдыхающих. Меня вынесли из кузовиля и уложили на стол для пикника, застелив его спальниками для мягкости, а сверху брезентом, чтобы не испачкать спальники тем, что из меня вытекало. Юл открыл аптечку; как всё у него, она была не купленная, а собранная из подручных материалов. В большой плотный полипак он насыпал порошка из полипластовой трубочки: соль и бактерицид, и залил их двумя галлонами водопроводной воды. Получился стерильный физиологический раствор. Юл сунул пакет под мышку и надавил, так что в меня ударила струя раствора. Выбрав рану, он полосовал её струёй, пока я не начинал орать, и ещё секунд тридцать потом. Гнель двигался вслед за Юлом. В руках у него было что-то сильно пахнущее; когда он принялся за мою рассечённую бровь, я понял, что это тюбик обычного клея, каким при-

клеивают к чашке отбитую ручку. Раны, которые нельзя было заклеить, он залеплял фибергласовой упаковочной лентой. В какой-то момент суура из Звонкой долины принялась тыкать в меня иголкой, за которой тянулась леска из Гнелевой коробки с рыболовными снастями. После того как рану заклеивали, залепляли или зашивали, кто-нибудь в красной футболке замазывал её вазелином и накрывал чем-то белым. Потом некий фраа, очевидно, массажист, промял меня всего руками, не сказав даже: «С твоего позволения». Он искал сломанные кости и внутренние кровоизлияния. Если моя селезёнка не порвалась раньше, она точно была порвана к тому времени, как долист переключился на печень. Его вердикт: лёгкое сотрясение мозга, три сломанных ребра, винтообразный перелом плечевой кости, два сломанных пальца и я, вероятно, некоторое время буду мочиться кровью.

К тому времени я успел устыдиться, что так позорно вёл себя в машине, поэтому старался не орать громче необходимого. Почему-то я думал о Лио. Он с первых дней в конценте боготворил Звонкую долину. Прочёл в библиотеке Эдхара все книжки, написанные долистами, а также людьми, утверждавшими, будто побывали в

Долине или были побиты тамошними инаками. Лио бы умер со стыда, если бы узнал, что я не продемонстрировал этим людям полное безразличие к боли.

В нескольких шагах от меня происходили разговоры, в которых мне до смерти хотелось принять участие. Как только мне склеили голову, я смог её повернуть и увидел, что Самманн беседует с пожилым фраа из Звонкой долины, а одна из суур утешает Корд, начинавшую плакать при каждом взгляде на меня. Через какое-то время, когда постановили, что я буду жить и, значит, со мной есть смысл разговаривать, ко мне подошёл пе-эр долистов — фраа Оза. Латальщики ран, за исключением швеи, которая трудилась над длинным порезом на голени, забрали свои причиндалы и отошли в сторону. Юл сгрёб Корд в охапку и практически отнёс к реке, чтоб она выплакалась.

— Позавчера нас призвали, — сказал фраа Оза. Это его я увидел первым: он закрыл меня сферой и стоял на ней на одной ноге. Ему было, наверное, за пятьдесят. — Нам велели ехать в Тредегар. Мы сверились с глобусом и решили, что самый короткий путь — через Махщ.

От Звонкой долины до Махща миль сто, и крат-

чайший путь оттуда до Тредегара действительно лежит через океан, так что всё звучало вполне логично.

— Местные жители доставили нас в Махщ. Мы увидели то же, что и ты. Те из нас, кто говорит на флукском, пошли узнавать, как погрузиться на корабль. И тут к нам обратился твой магистр.

— Мой магистр?! — воскликнул я и только потом увидел на лице Озы чуть заметное ироническое выражение. Он наполовину шутил.

Но только наполовину.

— Сарк. Мы его хорошо знаем. Он приходит к нам в аперты излагать свои взгляды. — Оза пожал плечами и качнул в воздухе ладонями — жест, видимо, означал, что они стараются взвешивать учение Сарка непредвзято. — Так или иначе, он узнал нас на улице и сообщил, что за одиноким инаком гонится толпа. Мы сочли, что это коллизия.

Я не сразу понял, что он говорит, даже подумал, может, Оза перешёл на флукский. Потом вспомнил те начатки искводо, которые Лио годами пытался в меня вбить.

Во времена Реконструкции, буквально в нулевом году, когда на участках будущих матиков проводили геодезическую съёмку, чтобы зало-

жить соборы и часы, группа новоиспечённых инаков подверглась нападению со стороны местных жителей. Дело происходило в пустынной местности. Участок, выделенный для концента, занимали плантации дурнопли; отряд наткнулся на сарай, где из неё варили более сильный, запрещённый наркотик. Все инаки были безоружны. Они прибыли с разных концов света и не успели толком познакомиться. Некоторые даже не говорили на орте. Но так вышло, что многие из них принадлежали к древней школе боевых искусств, которая тогда не имела отношения к матическому миру, хоть и развивалась в монастырях. Так или иначе, никто из них не применял свои навыки за пределами спортзала. Теперь им пришлось действовать. Кто-то погиб. Кто-то дрался умело. Кто-то от растерянности проявил себя не лучше необученных новичков. Такие ситуации стали называться коллизиями. Несколько выживших инаков основали концент в Звонкой долине. По словам Лио, они уделяли размышлениям о коллизиях почти столько же времени, сколько тренировкам: основная мысль состояла в том, что любые навыки бесполезны, если не знаешь, когда их применить. А это много труднее, чем может показаться, потому что иногда всё губит

промедление, иногда — спешка.

— Самой заметной чертой противника была его безрассудная агрессия. — Фраа Оза выставил руку и сжал кулак, словно перехватывая нацеленный в себя удар. Жест был очень красноречив, и хорошо, что так, потому что фраа Оза, похоже, не собирался ничего больше говорить про свою стратегию.

— И вы решили, раз уж они так настроены, дать им реальный повод для агрессии, — сказал я в надежде вытянуть из него ещё хоть что-нибудь. — Поэтому вы схватили того человека и начали... э...

Здесь я осёкся, потому что не мог сказать правду. А именно, что они пытали того гытоса. Мне не хотелось критиковать людей, которые полчаса назад спасли меня с риском для своей жизни. Фраа Оза только улыбался и кивал.

— Нервный зажим, — объяснил он. — Впечатление очень сильной боли, но никакого вреда.

Здесь возникала куча интересных вопросов. Есть ли разница между болью и впечатлением боли? Допустимо ли пытать человека, если физически его это не травмирует? Но опять-таки по самым разным причинам я не мог задать свои вопросы сейчас.

— В любом случае тактика сработала, — сказал я. — Толпа обратилась против вас, вы ложным отступлением заманили её в ловушку и там обратили в панику.

Снова улыбки и кивки. Фраа Оза явно не хотел мусолить подробности.

— И много времени вам потребовалось, чтобы составить план? — спросил я.

— Немного.

— Простите?

— Во время коллизии некогда составлять планы. Я сказал, что мы будем действовать как кавалерия лорда Фрода во второй битве на Камышовых равнинах, когда тот заманил в ловушку эскадрон принца Теразина, только вместо Высоких тростников у нас канал, а вместо Кровавой бреши — площадь.

Я кивнул, как будто понимал, о чём речь, хотя представления не имел, о какой это войне, в каком тысячелетии.

— А почему красные футболки? — спросил я. Впрочем, у меня уже были догадки.

Фраа Оза скорбно кивнул.

— Их нам выдали на воко. Благотворительная помощь от местной скинии. Скорее бы добраться до Тредегара и надеть стлу с хордой.

— Кстати о...

Оза покачал головой.

— Твои стла, хорда и сфера остались у гытосов. Наверное, можно было бы их отбить, но мы отступали в некоторой спешке.

— Конечно! — сказал я. — Пустяки!

В каком-то смысле это и впрямь была невелика беда. Стлы, хорды и сферы время от времени теряются, вместо них инакам выдают новые. Но я очень горевал. Я прожил с этими вещами больше десяти лет, и каждая из них успела обрасти воспоминаниями. Они были последней живой ниточкой, связывающей меня с матическим миром. Без них я стал как будто мирянин. Может, так и безопасней — никто не сможет их у меня вырвать и показать озверевшей толпе. Однако без них мне было одиноко.

Самманн подошёл к Юлу и что-то ему сказал, после чего тот вскочил, сбегал за ружьём, схватил его за дуло и с разгона зашвырнул в реку. Ружьё, вращаясь, долетело до середины течения, воткнулось дулом в воду и пошло ко дну. Примерно через минуту появились два моба с мигалками и сиренами. Из них высыпали полицейские. К тому времени все долисты, кроме фраа Озы и зашивавшей меня сууры, уже сиде-

ли с отрешённым видом, поджав под себя ноги. Полицейские в основном таращились на них. Сколько спилей снято о вымышленных подвигах долистов? Для полицейских эти люди были кем угодно — цирковыми зверями, кинозвёздами, туристическим аттракционом — но только не подозреваемыми. Более того, долисты это знали и умело использовали. Они делали вид, будто погружены в медитацию. Уловка сработала. Покуда полицейские глазели на долистов, их главный начал длинный и (поначалу) резкий разговор с Юлом и фраа Озой. Суура из Звонкой долины продолжала класть стежок за стежком. Я стиснул зубы так, что слышал, как они хрустят. Наконец она завязала последний узел и ушла не попрощавшись — даже не глянув в мою сторону. И тут меня снизарило. Я испытываю к этим людям тёплые чувства, потому что они мне помогли и потому что до прихода в концент видел о них множество спилей. Однако долистов призвали на конвокс не за доброту и мягкосердечие.

Корд подошла, встала, руки в карманы, и принялась оглядывать мои повязки.

— Видишь, на самом деле не такой уж большой процент тела под бинтами, — заметил я.

Корд молчала.

— Наш план оказался не вполне удачным, — попробовал я новый заход.

Корд отвернулась и шмыгнула носом — видимо, она так и не смогла успокоиться до конца.

— Ты не виноват. Откуда тебе было знать?

— Прости, что я тебя в это втянул. Я понятия не имел, что всё окажется так сложно.

Она взглянула на меня пристально и, полагаю, не увидела ничего, кроме глупого выражения моего лица.

— Ты представления не имеешь, что происходит, да?

— Наверное. Я знаю только, что военные перемещаются к полюсам. — Тут в голове всплыло воспоминание. — А ещё магистр на корабле сказал что-то странное, будто небесного эмиссара извергли во гневе.

Я ещё не закончил фразу, когда с дороги к нам съехал старенький дребезжащий автобус. За панелью управления сидел магистр Сарк. Вот из-за таких-то дурацких совпадений некоторые начинают верить в духов или телепатию. Я предположил, что сигнал, полученный краешком моего глаза, поступил в мозг раньше, чем произошло сознательное узнавание.

— Ау, — сказала Корд. — Ты здесь?

— Да. Слушай, что с Джезри? Он жив?

— Мы думаем, что да. Мы тебе всё расскажем.

Я взглянул на Юла, который сумел чем-то рассмешить капитана полиции. Они пришли к какой-то договорённости. Деловая часть разговора закончилась.

Капитан подошёл и отпустил несколько замечаний по поводу того, как меня отделали и какой я крепкий парень, потом спросил, хочу ли я возбудить дело. Я, сильно покривив душой, ответил, что не хочу. Очевидно, на том же сошлись Юл с капитаном, и недоставало только моего согласия. Частностей мне не объяснили, но суть сводилась к тому, что мы можем ехать куда хотим. Зачинщики отделаются уже полученными травмами и унижениями. А полицейские будут избавлены от лишней писанины, которая была бы в десять раз муторнее обычной, поскольку часть фигурантов — инаки, то есть лица со щекотливым юридическим статусом.

Магистр Сарк, как выяснилось, не терял времени даром. Автобус принадлежал местной келкской скинии; он был весь разрисован келкской иконографией и довольно вместителен. Другой кедепт вызвался отвезти на нём долистов в более крупный город на юге, где сейчас не такой

хаос, как в Махще, — оттуда будет легче добраться до Тредегара. Водитель, объяснил Сарк, уже выехал, но из-за того, что происходит в городе, нам придётся ещё немного подождать.

Объясняя всё это, магистр поглядывал на меня, и я вдруг почувствовал острую обиду. Мне не хотелось быть обязанным этому человеку, не хотелось с благодарностью слушать, как он впаривает свою религию. Однако Сарк, видимо, просто интересовался моим состоянием, а вовсе не думал меня охмурять. Как только он перестал поглядывать в мою сторону, я устыдился. Так ли велика разница между верой кедептов в то, что твою историю рассказывают Магистрату, и долистской идеей коллизии? И то, и другое даёт примерно одинаковый результат. Я обязан жизнью тому, что сегодня Сарк и Оза сочли правильной одну и ту же линию поведения.

Я встал, проковылял к ним, поблагодарил Сарка и протянул ему руку. Он крепко её пожал, но ничего не ответил.

— Сегодня Осуждённый рассказал Магистрату хорошую историю, — добавил я. Наверное, хотел его ободрить.

Лицо магистра омрачилось.

— Однако он не сможет рассказать её, не упо-

мянув о тех, кто вёл себя дурно. Да, в данном случае — благодарение Невинной — совершено доброе дело. Но я не думаю, что суждение Магистра о нашем мире существенно изменилось в ту или другую сторону из-за того, что он сегодня услышал.

В который раз Сарк изумил меня сочетанием мудрости с доисторической чушью.

— Но вы сами, — сказал я, — сделали выбор, который хорошо говорит о вас и вашем мире.

— Мною руководила Невинная, — возразил Сарк. — Ей и надлежат хвалы.

— Я благодарю тебя, — сказал я, — а ты передай моё «спасибо» Невинной при следующей встрече.

Магистр Сарк в отчаянии затряс головой, потом не выдержал и хохотнул. Его угрюмый характер проявлялся даже в смехе, похожем не то на кашель, не то на сдавленный хрип.

— Ты ничего не понял.

— В общем-то да, — ответил я. — Сейчас я не в форме для диалога, но, может быть, когда-нибудь в другой раз я попробую объяснить, как мне всё это видится.

Сарк ответил нейтрально, но он понял, что разговор окончен, и пошёл прочь. Я отыскал у Юла

в кузовиле чистую бумагу и сел писать записки друзьям на конвокс. Магистр Сарк затеял длинный разговор с Юлом и Корд. Ганелиал Крейд, который, разумеется, принадлежал совсем к другой вере, яростно расхаживал неподалёку и время от времени подскакивал к Сарку, чтобы оспорить какую-нибудь деологическую тонкость.

Подъехал моб, высадил обещанного водителя и забрал Сарка. Долисты начали грузиться в автобус. Оза шёл последним. Я вручил ему стопку писем.

— Для моих друзей в Тредегаре, если ты не против, — объяснил я.

Он поклонился.

— Ты и так оказал мне большую услугу, поэтому вполне можешь отказаться, — заметил я.

— Это ты оказал нам услугу, — возразил Оза, — создав коллизию внутри более крупной коллизии и дав нам случай попрактиковаться.

Я промолчал, гадая, что он подразумевает под «более крупной коллизией». Потом решил, что, наверное, Двоюродных.

Оза перебирал стопку писем.

— У тебя много друзей на конвоксе!

Он вопросительно посмотрел на меня. Видимо, это был окольный способ спросить: «А ты-то

какого хрена здесь?», но я сделал вид, будто не уловил подтекста.

— Вот это длинное — для девушки по имени Ала. Остальные — ещё нескольким моим фраа и суурам.

— Ты знаешь прославленного Джезри! — воскликнул фраа Оза, приподнимая одну записку.

Я даже думать не хотел, что означает в данном контексте слово «прославленный», поэтому оставил замечание без ответа и указал на последнее письмо в стопке.

— Фраа Лио занимается искводо, — пояснил я.

— А! — произнёс фраа Оза. Как будто Лио такой один. Как будто миллионы людей по всему миру не занимаются искводо вот уже несколько тысячелетий.

— По большей части самоучкой. Но для него это очень важно. Если письмо ему передаст даже самый младший член матика в Звонкой долине, для Лио это будет величайшая честь в жизни. Только не говорите ему, что я так сказал!

Фраа Оза поклонился.

— Я выполню все твои поручения. — Он поставил ногу на ступеньку. — А теперь я прощаюсь... если только?..

Оза глянул сперва на меня, потом на автобус.

Как мне хотелось согласиться! Я вообразил долгую поездку на автобусе с настоящими долистами, может быть, ночёвку-другую в казино по дороге на юг, путешествие — безопасное и хорошо организованное — в Тредегар, встречу с друзьями. А если долисты сумеют попасть на воздухолёт, то встреча может произойти меньше чем через сутки. Я позволил себе так глубоко погрузиться в мечту, что уже в подробностях предвкушал, как это будет.

Однако я понимал, что надо вернуться к реальности, и чем дольше я буду грезить, тем болезненней окажется пробуждение.

— Я жажду подняться с тобой и ехать в Тредегар, как эта вода жаждет отыскать океан, — сказал я, указывая на реку. — Но свернуть на полпути, — *(потому что я избит, напуган и стосковался по привычному укладу)*, — было бы неправильно. Фраа Джад — милленарий, который меня послал, — не одобрил бы.

Впервые за сегодняшний день фраа Оза удивился.

— Милленарий? — переспросил он.

— Да.

— Тогда тебе следует выполнить поручение.

— Вот и мне так кажется.

Фраа Оза снова поклонился (ниже, чем в прошлые разы), затем повернулся ко мне спиной и влез в автобус. Я сходил в уборную, пописал кровью и сел в Юлов кузовиль. Там же был Самманн. Мы выехали на основную дорогу и повернули к югу. Я уснул.

Говорят, я проспал всего полчаса, но у меня было ощущение, что много больше. Проснувшись, я перелез на заднее сиденье, где было темнее, и Самманн показал мне на жужуле спиль.

Самманн единственный из четверых не отпускал замечаний и не задавал вопросов про мои травмы и эмоциональное состояние. Может показаться, что это свидетельствует о его чёрствости, но, если честно, к тому времени чужое участие меня уже порядком утомило.

— Поясняющего контента к этим данным практически нет из-за того способа, которым они получены, — предупредил Самманн, запуская спиль.

Изображение было, как всегда, ужасного качества. Я даже не сразу понял, что оно цветное. Всё было либо непроницаемо чёрное (космос и тени), либо слепяще белое (то, что освещалось солнцем). Как до меня постепенно дошло, снимали с рук спилекаптором, прижатым к грязному

иллюминатору.

— Конденсат, — заметил Самманн и в ответ на мой недоуменный взгляд пояснил, что в вакууме из ракетной обшивки выходят газообразные побочные продукты и оседают на иллюминаторах.

— Эту проблему можно было бы решить заранее, — пробурчал я.

— Ракету строили в спешке, — ответил Самманн.

Почти всё поле зрения занимал равносторонний треугольник с идеально правильным кругом посередине.

— Корма инопланетного корабля, — объяснил Самманн. — Буферная плита. Она постоянно была развёрнута к ракете. Понятно зачем?

После короткого раздумья я сказал:

— Они... Двоюродные... не могли знать наверняка, что ракета не несёт ядерной боеголовки. И потому развернулись к нам гранью, неуязвимой для бомб.

— Это только часть ответа. — Самманн ехидно улыбнулся, предлагая мне подумать ещё.

— Они в любой момент могли выпустить бомбу и уничтожить нашу ракету.

— Верно. И ещё. Так мы не видели остальной корабль. Не могли получить разведданные.

— А где отверстие, из которого выбрасывают бомбы?

— Не ищи. Оно очень маленькое по сравнению с плитой и, кроме того, закрыто. Откроется — увидишь.

— Оно откроется?!

— Давай лучше посмотрим. — Самманн включил звук. Послышались треск, свист и гудение разных тембров. Иногда сквозь них прорывалось отдельное слово или фраза, но люди говорили мало и в основном на военном жаргоне.

— Объект, — сказал кто-то. — Пеленг шестьдесят.

Треугольник стал больше. Его край превратился в границу белой и чёрной зон. В чёрной возникло серое пятнышко: несколько пикселей чуть ярче окружающей черноты. Однако оно светлело и увеличивалось.

— Приближается, — подтвердил кто-то.

Мешанина звуков приобрела новые обертоны: в неё включился гул голосов. Я вроде бы различил интонации ортской фразы.

— Приготовиться к выходу! — скомандовал кто-то. Впервые спилекаптор оторвался от иллюминатора и показал капсулу. После ровной белизны буферной плиты всё поражало чётко-

стью и обилием цветов. В тесном пространстве парили несколько человек. Ещё несколько были пристёгнуты ремнями к креслам перед панелями управления. Некоторые держались за ручки, чтобы плотнее прижаться лицами к иллюминаторам. Один из них определённо был Джезри. Посреди капсулы висел в невесомости человек с пышной шевелюрой. Выглядел он плохо. Невесомость превратила благообразную прическу в нечто несуразное. Лицо было зелёное и набрякшее, как при морской болезни, вид — осоловелый, возможно, из-за средств от укачивания. Великолепное одеяние исчезло, обнажив подробности телосложения, которых никому, кроме личных врачей, лучше было бы не знать. Двое помощников натягивали на него костюм, состоящий из эластичной основы, пронизанной сетью трубок. Видимо, это продолжалось уже довольно долго, но сейчас они приналегли и ещё один человек оторвался от иллюминатора, чтобы включиться в работу. Небесный эмиссар (я не сомневался, что это он, хоть и не мог знать наверняка) очнулся настолько, чтобы сделать возмущённое лицо и, повернувшись к объективу, поднять палец. Один из помощников тут же заслонил его от камеры и сказал:

— Дайте же его благолепию хоть немного...

— Хоть немного благолепия? — хохотнул за кадром Джезри.

Произошла короткая перепалка. Властный голос приказал всем заткнуться. Перепалку сменил какой-то технический спор касательно костюма, который натягивали на небесного эмиссара. Один из людей перед панелями продолжал сообщать данные о приближении объекта.

Джезри сказал:

— Вам первому из людей предстоит вступить в контакт с пришельцами. Ваш план?

Небесный эмиссар ответил коротко и неразборчиво. Он был далеко от микрофона, плохо себя чувствовал и, видимо, уже достаточно наобщался с Джезри, чтобы понимать: ничего хорошего этот разговор не сулит.

Спилекаптор снова развернулся к эмиссару, которого уже облачили в трубчатый костюм и теперь прямо на нём собирали по частям скафандр.

За кадром Джезри произнёс:

— С чего вы взяли, что Геометры вообще узнают этот концепт?

Новый невнятный ответ небесного эмиссара (который, надо честно сказать, и не мог говорить

разборчиво, потому что на его голове монтировали наушники с микрофоном).

— Геометры? — спросил я.

— Видимо, так называют пришельцев на конвоксе, — сказал Самманн.

— Я попытался бы составить мысленный список наблюдений, которые хочу сделать, — продолжал Джезри. — Например, принимают ли они меры предосторожности против инфекций? Может оказаться важным, что они боятся наших микробов — или, наоборот, не боятся.

Небесный эмиссар ответил каким-то юмористическим замечанием, которое его референтам показалось смешным.

— Вы когда-нибудь разглядывали жуков под лупой? — настаивал Джезри. — Это было бы хорошей подготовкой. Они так непохожи на всё нам привычное, что в первый миг недолго опешить. Однако, преодолев первую эмоциональную реакцию, вы понимаете, что и зачем нужно. На чём они стоят? Как передвигаются? Сосчитайте отверстия. Ищите симметрии. Отмечайте периодичность. Под этим я разумею: как часто они дышат? Отсюда мы сможем сделать выводы об их метаболизме.

Один из помощников эмиссара оборвал Джезри,

сказав, что пришло время молитвы. Скафандр был уже собран, оставалось надеть шлем. Эмиссар — неузнаваемый из-за наушников, микрофона и очков с индикаторами — выглянул из своего панциря и, насколько позволяли неуклюжие перчатки, взял референтов за руки. Все четверо закрыли глаза и что-то произнесли хором.

Их прервал металлический хлопок.

— Контакт! — громко сообщил кто-то. — К нам прицепился дистанционно управляемый манипулятор.

Спилекаптор скользнул по технику, смотрящему на часы, снова показал грязный иллюминатор и сфокусировался на объекте. Это была ажурная конструкция без герметичной кабины, в которой могли бы находиться Геометры: просто каркас с торчащими во все стороны механическими руками, соплами, прожекторами и антеннами. Одна рука цеплялась за стойку антенны на внешней стороне капсулы.

Дальше всё происходило очень быстро. Шлем на небесного эмиссара уже надели, техники отогнали референтов и что-то делали со скафандром. Сквозь щиток было видно, как небесный эмиссар непроизвольно поводит глазами, реагируя на щелчки и треск включающихся систем жизне-

обеспечения. Губы его шевелились. Он кивал, показывая, что проверка связи идёт успешно.

Наконец его втиснули в шлюзовую камеру, закрыли внешний люк и повернули маховик, выпуская воздух.

— Почему он идёт один? — спросил я.

— Допустим, так потребовали Двоюродные... прости, Геометры, — сказал Самманн. — Пришлите, мол, кого-нибудь одного.

— И мы послали его?! — ошарашенно спросил я.

Самманн пожал плечами.

— В том-то и была их стратегия, верно? Если бы нам позволили прислать делегацию, мы бы выбрали лучших. Но если вся планета может выставить лишь одного представителя, кем он будет? Это многое о нас скажет.

— Да, но почему он?

Самманн ещё выразительнее пожал плечами.

— Ты всерьёз ждёшь, что я объясню, почему мирская власть приняла то или иное решение? — спросил он.

— Ладно. Прости. Не важно.

Лязг и короткие возгласы команды возвестили, что открылся наружный люк шлюзовой камеры. Робот выдвинул манипулятор. Захват исчез из по-

ля зрения, а когда появился снова, то уже вместе с небесным эмиссаром. Механические пальцы сжимали подъёмную скобу на плече скафандра. Геометры понимали нашу технику — они видели, что скоба это скоба.

Робот отцепился от капсулы и выпустил клуб газа, чтобы придать себе начальное ускорение, затем несколько секунд спустя включил сопла и двинулся к икосаэдру. Небесный эмиссар помахал нам рукой. «Всё в порядке», — раздался по связи его голос, тут же сменившийся шумами и треском. Техник выключил связь.

— Они нас глушат, — объявил он. — Теперь его благолепие отрезан от всех.

— Нет, — произнёс референт. — С ним Господь.

Спилекаптор увеличил изображение небесного эмиссара, которого робот спиной вперёд тянул к икосаэдру. Различить человека в скафандре было трудно даже при увеличении, но, кажется, он жестикулировал, хлопал себя по шлему и разводил руками.

— Ладно, мы поняли: ты нас не слышишь, — сказал Джезри.

— Меня беспокоит пульс его благолепия, — заметил один из членов команды.

— Вы получаете телеметрию? — спросил

Джезри.

— Еле-еле. Голосовой канал заглушили первым. Теперь глушат остальные... Всё. Заглушили. Привет.

— У Геометров типично армейские замашки, — заметил Самманн. Я бы, наверное, и сам так подумал, если б он не сказал раньше.

Робот удалялся под редкие закадровые реплики, пока на его месте не осталось лишь несколько серых пикселей. Затем экран почернел. Самманн поставил жужулу на паузу.

— В оригинале дальше четыре практически пустых часа, — сказал он. — Они сидят и ждут. Твой друг Джезри втягивает референтов небесного эмиссара в философский диспут и разбивает их наголову. После этого у всех пропадает охота говорить. Примечательное событие всего одно: примерно через час Геометры прекратили глушить связь.

— Вот как? И эмиссара вновь стало слышно?

— Я этого не говорил. Помехи исчезли, но никаких сигналов от скафандра не поступило. Скорее всего он был отключён.

— Что-то случилось с эмиссаром или?..

— Большинство считает, что он снял скафандр, и тот отключился, чтобы сберечь энергию.

— То есть...

— То есть в эдре (так они называют икосаэдр) пригодная для нас атмосфера, — ответил Самманн. — Либо небесный эмиссар умер сразу по прибытии.

— Он умер?!

Самманн снова включил спиль. Тайм-код в углу перескочил на несколько часов.

— Новый сигнал с эдра, — объявил усталый техник. — Повторяющиеся импульсы. Микроволны высокой мощности. Я бы сказал, что нас прощупывают радаром.

— Как будто они не знают, где мы! — фыркнул кто-то.

— Отставить разговоры! — скомандовал голос. (Я подумал, что говорит капитан.) — Думаешь, нас захватывают?

— Как в выражении «захватить цель», — перевёл Самманн.

— Луч определённо остронаправленный, — сказал техник, — но постоянный, не наводящийся.

— Активность на буферной плите! — крикнул Джезри. — Точно в центре!

Вновь появилось изображение огромного треугольника с кругом посередине. Он медленно рос. В середине можно было различить чёрную

точку. По мере увеличения стало видно, что это круглое отверстие.

— Отходим! — скомандовал капитан.

— Приготовиться к экстренному ускорению... три, два, один, пуск! — произнёс другой голос, и всё на минуту смешалось. Люди и предметы летали по капсуле. Слышались шипение, лязг, возгласы. Всё, что не было закреплено, прижалось к переборке, обращённой в сторону икосаэдра. Женщина-оператор ахала и чертыхалась не меньше других. Однако в конце концов она вновь смогла прижать объектив к иллюминатору.

— В отверстии что-то появилось! — объявил Джезри.

Снова томительное ожидание, пока дрожащий спилекаптор даёт наплыв. Однако на сей раз отверстие было не чёрное и резко очерченное, как раньше, а розовое, бесформенное. Розовая часть двигалась: она отделилась от основания икосаэдра. Что-то выбросили наружу, и оно дрейфовало в космосе. Отверстие сжалось, как диафрагма.

— На бомбу не похоже, — заметил кто-то.

— Преуменьшение года, — откомментировал Самманн.

— Курс на предмет!

— Приготовиться к ускорению... три, два, один,

пуск!

И снова всё смешалось, пока ракета меняла направление хода. Опять пришлось ждать, пока неутомимая женщина-оператор подберётся к грязному иллюминатору и наведёт спилекаптор.

Она ахнула.

Я тоже.

— Что там? — спросил кто-то.

Члены команды не видели того, что видела оператор — и я — в увеличивающую оптику.

— Это он! Небесный эмиссар! — воскликнула оператор. Она опустила одну существенную деталь: эмиссар был совершенно голый. — Небесного эмиссара выбросили из шлюза!

Самманн остановил спиль.

— На следующие пять минут эта фраза стала крылатой, — сказал он. — Хотя, строго говоря, его выбросили не из шлюза, а из отверстия для запуска бомб.

Эмиссар на экране был маленький и в плохом разрешении, но он приближался, и я уже стиснул зубы, примерно понимая, что предстоит увидеть.

— Могу прокрутить запись дальше, если хочешь, — без особого энтузиазма предложил Самманн.

— Не надо. Хватит мне кровищи на сегодняш-

ний день, — сказал я. — В вакууме человек взрывается, да?

— Вроде того. К тому времени, как тело втащили в капсулу... в общем, эмиссара уже трудно было узнать.

— Так Геометры его... убили?

— Неизвестно. Возможно, он умер от естественных причин на их корабле или даже раньше. При вскрытии нашли лопнувшую аневризму.

— Думаю, там много чего нашли лопнувшего!

— Фу! — подала голос Корд.

— Вот именно. Трудно сказать, лопнула она до или после.

— С тех пор Геометры что-нибудь передавали?

— Мы не знаем. Спиль как-то просочился в сеть, но в остальном власти успешно контролируют информацию.

— Спиль *все* видели? О нём вся планета знает?

— Чтобы остановить его распространение, власти перекрыли практически всю авосеть, — сказал Самманн. — Очень мало кто эту запись видел. Другие если что и знают, то лишь по слухам.

— Которые не веселее фактов. — Я рассказал о магистре Сарке, потом спросил: — Когда это случилось?

— Пока мы перебирались через полюс, — ответил Самманн. — Капсула совершила посадку на следующий день. Все, кроме эмиссара, живы и здоровы. Тем временем военные начали перемещаться к полюсам, как ты и сам заметил.

— Не пойму зачем, — сказал я.

— Эдр сейчас на орбите, проекция которой укладывается в приэкваториальный пояс...

— Да, и двигаясь на север или на юг, можно из-под него выйти.

— И, возможно, из зоны действия его оружия?

— Смотря какое у них оружие. Но я не понимаю смысла передислокаций. Геометры могут легко изменить орбиту. Первые месяцы они были на полярной, ты помнишь?

— Ещё бы не помнить, — сказал Самманн.

— Потом они её сменили, и...

— И что? — спросил Самманн некоторое время спустя, потому что я так и не закончил фразу.

— И я увидел... и мы с Алой увидели вспышки от бомб. «Манёвры поворота плоскости наиболее энергоёмки». Чтобы перейти на полярную орбиту сейчас и обстрелять военных у полюсов, Геометрам надо взорвать ещё много бомб. — Я взглянул на Самманна. — У них кончилось топливо.

— То есть... бомбы?

— Ядерные бомбы — их топливо. Корабль может нести ограниченный запас бомб. Когда топливо на исходе, Геометрам нужно...

— Дозаправиться, — сказал Самманн.

— Да. Найти технически развитую планету и реквизировать её запас радиоактивных материалов. Что в нашем случае означает...

— Эдхар, Рамбальф и Тредегар, — закончил Самманн.

— Вот что они хотели сказать нам в ту ночь, когда светили лазером, — продолжал я. — В ночь моего воко.

— В ночь, когда фраа Ороло ушёл с Блаева холма на Экбу, — добавила Корд.

ЧАСТЬ 8. Орифена

Дорога на юг заняла всего три дня и четыре ночи. Деньги были на исходе, потому мы ночевали в палатках. Юл готовил завтраки и ужины. Тратились мы только на обеды и горючее, мелькая, как тени, на заправках и в столовых конвейерного питания.

В первые день-полтора пейзаж состоял преимущественно из высаженных ровными рядами топливных деревьев. Посадки перемежались фабричными городками, где биомассу перерабатывают в жидкое топливо. Следующие два дня мы ехали через самую густонаселённую местность, какую мне доводилось видеть. Улицы были в точности как на континенте, с которого мы начали путь: те же вывески, те же магазины. Города стояли так близко, что смыкались предместьями: мы не видели просвета в домах, просто попадали из одной пробки в другую. Несколько раз нам встречались конценты: всегда в стороне от основной магистрали, на холме или в историческом центре города. По совпадению среди них был и концент светителя Рамбальфа, выстроенный на вулкани-

ческом плато в несколько миль шириной.

Я вспоминал слова Олвоша. Тогда они показались мне смешными, но после событий в Махще я и впрямь чувствовал себя, будто после прополки. Не как сорняк, который вырвали и сожгли, а как то, что остаётся после: молодой росток, слабый и уязвимый. Ничто не мешает ему расти; ничто не защитит его от бури и града, которые могут налететь завтра.

К середине третьего дня снова потянулась открытая местность, и в воздухе повеяло чем-то более древним, нежели шины и выхлопной газ. Мы разбили палатки под деревьями и убрали тёплые вещи. На четвёртое утро завтрак готовили из того, что Корд с Юлом купили у местных фермеров. Мы ехали по земле, которая возделывалась со времён Базской империи. Разумеется, население здесь то прибывало, то убывало — в последнее время убывало. Предместья и города исчезли, осталось то, что я про себя называл стойкими оплотами цивилизации: виллы богатых людей, матики, монастыри, скинии, дорогие рестораны, сувины, пансионаты, санатории, больницы, государственные учреждения. Их разделяли открытые пространства и на удивление примитивные сельскохозяйственные угодья. На

перекрёстках ещё попадались купки аляповатых магазинчиков и кафешек для отребья вроде нас; остальные дома были каменные либо земляные, крытые черепицей или природным шифером. С каждым часом местность выглядела всё более простой. Число полос убывало, дороги становились уже, ухабистей, и внезапно мы обнаружили, что едем по бесконечному однорядному шоссе, останавливаясь, чтобы пропустить стада коров, таких тощих, что они казались ходячим вяленым мясом.

Под вечер четвёртого дня мы въехали на невысокий перевал и увидели впереди гору. В моём представлении горы всегда были одеты зеленью и увенчаны шапками облаков. Эту как будто облили кислотой, выжегшей всё живое. Склоны были такие же неровные, как у знакомых мне гор, только голые, как голова инака Звонкой долины. В розовато-оранжевом закатном свете гора светилась, словно пальцы перед свечой. Я так изумился, что не сразу заметил: за ней ничего нет. Вдалеке виднелись ещё такие же горы, но они вставали из тёмно-серой геометрической плоскости — океана.

Ночь мы провели на берегу Моря морей, а утром следующего дня въехали на паром, который до-

ставил нас на остров Экба.

****

***Семантическая группа**, фракция внутри матического мира, возникшая в годы после Реконструкции. Семантики считали себя последователями Халикаарна. Название группы отражает убеждение, что символы могут и впрямь нести семантическое содержание. Идея восходит к Протесу и Гилее. Ср. синтаксическая группа.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Свет, пробивавшийся сквозь палатку, будил, шум волн убаюкивал, и, как бревно в прибойной полосе, я то выныривал, то вновь проваливался в путаный тягомотный сон о Геометрах. Манипуляторы робота, высланного за небесным эмиссаром, крепко засели у меня в подкорке, и мозг бросил огромное количество тёмной энергии на то, чтобы приукрасить и дополнить воспоминания, превратить их в гибрид увиденного и додуманного, собравший в закодированном виде все мои жуткие догадки, надежды и страхи, теорику пополам с искусством. Я, как мог, оттягивал пробуждение и лежал в полудрёме, надеясь, что

события сна начнут наконец развиваться и мне откроется что-то важное. Увы, там происходило лишь то, что мог породить мой мозг: всё более детальное изучение шарниров, рычагов и приводов механических рук, которые в воображении стали сложными, как мои собственные, с теми же плавными органическими изгибами, что деталь часов, которую Корд вырезала для Самманна. Новым было то, что под самый конец я перевёл внимание с механических рук на устройства обработки изображений, которыми, как я догадывался, должен обладать робот. Однако линзы — если то были линзы — окружало созвездие прожекторов; когда я попытался в них посмотреть и встретить взгляд Геометров, мне предстали слепящие огни на фоне полного мрака.

Досада сделала то, чего не могли сделать солнечный свет, запах готовки и голоса друзей, — я проснулся окончательно. Чтобы поправить дело, надо было вставать и действовать.

Экба была красива резкой, засушливой красотой. Целый день ушёл на то, чтобы возвести защиту от солнца и зноя. Мы нашли обращённую к востоку бухточку. Скалистый мыс с северной её стороны давал нам тень в середине дня. Под руководством Юла мы вбили в песок колья и

натянули тент, под которым прятались вечером. Припекало нас только рано утром, ещё до настоящей жары. Островок в полумиле от берега разбивал валы, так что волны были маленькие, зато, правда, непредсказуемые. В мелкую каменистую бухту могли заходить только самые маленькие лодки, и, насколько мы поняли, она никак не использовалась. Мы ждали, что заявится кто-нибудь в нашивках и нас прогонит, но ничего такого не произошло. Это не походило на частное владение. Это был не парк. Просто место. Единственный поселок острова (помимо матика в Орифене) располагался у паромной станции в пяти милях от нас по прямой, в пятнадцати — по дороге, вьющейся вдоль берега. Тамошняя дистилляционная установка, работающая от солнца, производила воду, которую тут же на месте и продавали. Юл в первый же день купил два скверно пахнущих армейских эластичных мешка для воды. Продуктов, которыми мы затарились у фермеров на материке, должно было хватить примерно на неделю.

Поставив палатки и натянув тенты, мы, не сговариваясь, решили отдать следующий день отдыху. Со дна рюкзаков появились затрёпанные книжки. Кто-то спал, кто-то купался. Я попросил

у Корд пинцет и снял швы, потом залез в море по горло и сидел, пока шрамы не онемели. О том, как они заживали, я мог бы рассказывать долго, но не буду. Смотреть, как организм собирает силы для регенерации, было временами даже увлекательно. Наверное, потому-то мне и снились сны про механические конечности и стеклянные органы зрения инопланетного робота. Здесь соблазнительно было бы пуститься в философствования о связи между телом и разумом. Однако лорит во мне говорил, что это пустая трата времени. Лучше найти библиотеку и прочесть, что по данному поводу написали более глубокие мыслители.

Накануне вечером Юл, нарушив тишину бухты, завёл кузовиль, и часть нашей компании отправилась на двухчасовую экскурсию в объезд острова. Местоположение вулкана, разумеется, тайны не составляло: его было видно практически с любой точки. Крутизна склонов, как учил меня фраа Халигастрем, означала, что он опасен. У некоторых вулканов магма жидкая, изливается легко, и склоны получаются пологие. Такие вулканы не опасны, если, конечно, бежать быстрее лавы. У других магма вязкая, поэтому склоны крутые; она часто закупоривает жерло, и тогда дело заканчивается взрывом.

Остров был последней остановкой парома к юго-юго-востоку от материка. Паромная станция и городок стояли у единственной сохранившейся гавани, выкушенной с северной стороны круглого острова. Лагерь мы разбили на северо-восточном берегу, в одной из бухточек, разделенных выступами затвердевшей лавы, которая излилась из кратера за много столетий до заселения Экбы. Так что в первые дни мы видели северные склоны вулкана, аккуратные и ровные, хоть голос Халигастрема и нашёптывал мне в ухо, что их крутизна свидетельствует об опасности. Во время вчерашней поездки мы обогнули остров по часовой стрелке, то есть проехали по восточному побережью. Через несколько миль от лагеря мы внезапно увидели южный склон — тот, что взорвался и просел при извержении –2621 года. Тогда палящая туча похоронила Орифенский храм и полностью уничтожила гавань на юго-восточном берегу, куда древние физиологи — последователи Кноуса со всего Моря морей — прибывали на галерах и парусных ладьях. Последствия извержения были видны и сейчас: весь склон, до самой воды, покрывали вулканический пепел и камни. Люди, видимо, не спешили восстанавливать Экбу; шоссе, подойдя к застывшему пирокластическому

потоку, превратилось в узкую грунтовку. Здесь не было ни дорожных знаков, ни строений. Впрочем, доехав до места, откуда взглядам открывался зияющий провал на склоне вулкана, мы увидели ещё одну дорогу, отходящую от нашей. Она шла сперва прямо вверх, а дальше вилась серпантином к тёмной стене высоко на склоне горы. Нам не пришлось просить у Самманна его спутниковые снимки, чтобы узнать матик, строящийся здесь с трёхтысячного года.

На полпути между нами и стеной, там, где дорога начинала петлять, ветер заносил пеплом пару невысоких домишек. Мы подъехали туда и увидели шлагбаум и сувенирную лавочку, в которой торговали инаки. Все они были в стлах и подпоясаны хордами. Мы ничего не стали о себе врать, но держались как туристы. Инаки с удовольствием продали нам самодельное мыло из вулканического пепла, однако сказали, что дальше проезд запрещён.

Позже, когда мы заехали в город за продуктами, я снова увидел инаков, открыто расхаживающих в стлах. На иерархов они не походили. Это было явно против канона — как и торговля в сувенирной лавке. Зато мы поняли, что отношение к инакам здесь куда лучше, чем, скажем, в Махще.

Мне очень хотелось подойти к кому-нибудь из них и спросить про Ороло, но я рассудил, что они будут тут и завтра, а решение лучше принять утром, на свежую голову. В итоге меня всю ночь мучил бесконечный сон про руки-манипуляторы, так что никакого свежего решения не надумалось.

Я чувствовал себя разбитым и в продолжение почти всего завтрака молчал, пока мне не пришло на ум следующее:

— Предположим, нет никаких биологических Геометров — существ вроде нас, управляющих этими машинами. Что, если они давно вымерли, оставив корабли, действующие по автоматическим программам?

Никто не поддержал тему, кроме Самманна, который сразу встрепенулся — так ему понравилась моя мысль.

— Тем лучше для нас, — сказал он.

Я сперва растерялся, потом сообразил, что «для нас» значит «для ита».

— То есть мирская власть вас больше будет ценить?

На миг лицо Самманна окаменело, и я понял, что серьёзно его обидел.

— Может быть, мы думаем не только о своей

ценности. Может быть, ита способны мечтать о чём-то ещё.

— Прости.

— Представь себе, какая увлекательная задача — взаимодействие с такой системой! — воскликнул Самманн. Я легко отделался — он был так увлечён новой мыслью, что забыл про оскорбление. — На самом нижнем уровне это будет полностью детерминистский синап. Однако выражать себя он будет только в неких действиях: перемещениях корабля, передаче сигналов и так далее. Наблюдаемых результатах.

— Мы называем их просто данными, но не важно, продолжай.

— Понять по этим данным, как работает синтаксическая программа, — задача сродни расшифровке. Возможно, нам придётся провести свой конвокс.

— И вы разрешите проблему Смысленности раз и навсегда, — сказал я наполовину всерьёз.

Самманн оторвал экстатический взгляд от неба и уставился на меня.

— Ты изучал ПС?

Я пожал плечами.

— Наверное, меньше твоего. Нам о ней говорили, когда рассказывали про историю раскола.

— Между последователями светителя Проца и приверженцами светителя Халикаарна.

— Да. Только немного нечестно называть одних последователями, а других приверженцами, если ты понимаешь, о чём я. Так или иначе, мы называем это расколом.

— Проциане были благожелательней к синтаксической точке зрения... или я должен сказать «фааниты»...

Самманн сбился, и я ему подсказал:

— Вспомни, мы говорили про Смысленность. Мы с тобой думаем о чём-то. Символы у нас в голове что-то означают. Вопрос в том, может ли синтаксический аппарат думать или просто обрабатывает цифры, лишённые смысла.

— Без всякого семантического наполнения, — сказал Самманн.

— Да. Так вот, Фаана была пе-эр синтаксической группы — сторонников Проца — в конценте светителя Мункостера вскоре после Реконструкции. Она утверждала, что никакой Смысленности нет — что это иллюзия, которую создаёт для себя каждый достаточно развитый синап. Эвенедрик, живший чуть раньше Фааны, вслед за Халикаарном считал, что мозг способен решать задачи, с которыми не справится синап. Что Смысленность

и впрямь существует.

— Что в наших мыслях есть семантическое наполнение помимо нулей и единиц.

— Да. Это связано с убеждением, что наш разум способен воспринимать идеальные формы Гилеина теорического мира.

— Ну знаете, ребята! — не выдержал Юл. — Мы вроде на отдых встали!

— Вот так мы отдыхаем, — отозвался Самманн.

— Да, — подхватил я. — Если бы мы работали, то говорили о вещах *сложных и занудных*.

— Вас слушать скучнее, чем проповедников! — возмутился Юл.

Гнель сделал вид, будто не заметил выпада.

— Давай я объясню в доступных для тебя словах, братец, — сказал он. — Если инопланетяне — просто большая компьютерная программа, то Самманн сможет их отключить, изменив один бит. Программа даже не поймёт, что её портят.

— Только если у неё нет Смысленности, — поправил я. — Если она способна понять значение своих символов, то угадает, что Самманн хочет ей навредить.

— Наверняка в неё встроена всякая жуткая защита, — вставил Юл. — Бомбы и всё такое.

— Если у неё нет Смысленности, то она очень

уязвима, и тогда да, — сказал Самманн. — Однако системы с настоящей Смысленностью обмануть труднее. Во всяком случае, так гласит миф.

— Ерунда, — ответил Юл и снова посмотрел на родственника. — Их просто надо обманывать по-другому.

— Видимо, небесный эмиссар врал не очень убедительно, — сказал Гнель. — А может, проповедовать не так легко, как ты думаешь.

Корд прочистила горло.

— Всё это страшно интересно, но какие у нас на сегодня планы?

Наступила долгая тишина. Корд воспользовалась ею, чтобы сказать:

— Мне здесь нравится, но чем дальше, тем больше не по себе. У кого-нибудь ещё есть такое странное чувство?

— Ты говоришь с мужчинами, — напомнил Юл. — Никто здесь не в состоянии оценить тонкости твоих чувств.

Она бросила в него песком.

— Я провёл небольшое исследование, — сказал Самманн, — что само по себе вызвало у меня странные чувства. Я не понимал, откуда в такой дыре такой хороший доступ в авосеть.

— А теперь понимаешь?

— Кажется, да.

— И что же ты узнал?

— Начиная с Древней матической эпохи весь остров находится в одних руках. Тогда это было мелкое княжество. Оно переходило от империи к империи. Когда императоров и князей упраздняли, оно попадало к частному лицу или коммерческой организации. Когда они возвращались, здесь снова появлялся князь, барон или кто-нибудь в таком роде. Но девятьсот лет назад Экбу приобрёл частный фонд — что-то вроде владения. И члены этого фонда как-то связаны с матическим миром.

— Потому что они спонсируют раскопки Орифены — то, что мы видели вчера?

— Спонсируют и как-то ещё, — сказал Самманн.

— За десять дней аперта такой сложный проект не организуешь, — заметил я. — Владение должно было готовить свой проект долгое время.

— Всё не так сложно, — возразила Корд. — Унарии проводят аперт каждый год. С ними договориться легко. Некоторые унарии переходят к десятилетникам. Те — к столетникам. Если фонд начал работу примерно в 2800-м, то к милленальному аперту 3000-го у них могли быть сторонники

во всех матиках, кроме тысячелетнего.

Мне не понравился сценарий, который предложила Корд, но факты я оспорить не мог. Думаю, меня смущало следующее: мы, инаки, считаем, что одни думаем на века вперёд, а у Корд получалось, что мирское владение нас обскакало.

Возможно, Самманн испытывал сходные чувства.

— Всё могло быть так же, но с другой стороны, — сказал он.

— Что?! — воскликнул я. — Ты хочешь сказать, что кучка инаков создала мирское владение, чтобы купить остров? Бред!

Однако мы знали, что Самманн выиграл спор, поскольку он был спокоен и доволен, а я — зол и растерян. Главным образом из-за того, что гипотеза прекрасно согласовывалась со всем, что я в последние недели слышал о Преемстве.

Тем не менее все ждали моего ответа.

— Если всё так, как говорит Самманн, то они — кто бы они ни были — знают, что мы здесь. Думаю, надо действовать напрямик. Едем туда. Я просто постучу в ворота и скажу зачем пришёл.

Все разом вскочили, кроме Гнеля.

— Наверняка можно узнать что-то ещё о тех, кто купил остров. Многое ли в этом мире суще-

ствует девять столетий?

— Многое, — отвечал Самманн. — Например, вашей скинии куда больше девятисот лет... — Он повернулся и внимательно поглядел на Гнеля. — К этому-то ты и клонишь? По-твоему, фонд — нечто вроде религиозной организации?

Гнель слегка опешил и попытался сдать назад.

— Я всего лишь говорю, что торговые дома столько не существуют.

— Но делать отсюда вывод, что на Экбе заправляет тайная скиния — по меньшей мере смело!

— Когда я вижу, как инаки свободно разгуливают по улицам, — сказал Гнель, — я думаю, что объяснения требуются довольно смелые.

— Мы видели инаков на улицах Махща. Может, здешних тоже призвали или что-то вроде того, — включился в дискуссию Юл.

Вряд ли объяснение кого-нибудь устроило — даже самого Юла, — но оно загнало нас в тупик.

— Многие инаки, — начал я, — особенно процианско-фаанитского толка, считают веру в Гилеин теорический мир по сути религиозной. А у меня есть основания полагать, что орифенские инаки — самые радикальные из всех сторонников ГТМ. Так что религиозная ли это общность — зависит от терминологии. — Последние слова я произнёс

неуверенно, представляя, как бы уплощил меня Ороло за такую сфеническую ересь. Даже Самманн обернулся и взглянул недоверчиво, однако ничего не сказал. Думаю, он понял, что я просто хочу сдвинуть дело с мёртвой точки.

— Послушай, — сказал я Гнелю. — Самманн только начал своё исследование, а мы по прошлому опыту знаем, что доступа к некоторым источникам приходится ждать сутками. Впустят меня в Орифену или нет, у вас в любом случае будет время узнать больше.

— Да, — согласился Гнель. — Но впустят ли тебя, зависит от твоих слов. А они зависят от того, что ты знаешь. Так что, может быть, стоит подождать день-другой.

— Я знаю, что скажу, — отвечал я. — И хочу пойти туда сегодня.

****

***Метекоранес**, древний теор, исключительно одарённый в планиметрии, но, как правило, молчавший в диалогах. Был засыпан вулканическим пеплом при извержении вулкана, сгубившем Орифену. Согласно верящим в старое преемство, его (возможно, невольный)*

основатель.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Через два часа я стоял, один, перед воротами Орифены. Стена в двадцать футов высотой была сложена из одинаковых тонкозернистых серовато-бурых блоков. Жарясь на солнце в ожидании ответа на стук, я внимательно их разглядел и пришёл к выводу, что они изготовлены в форме по какой-то технологии, которая спекает вулканический пепел в подобие бетона. Каждый был размером с небольшую тачку — то есть как раз такой, чтобы два инака могли двигать его с помощью подручных орудий. Блоки немного отличались цветом, но в остальном каждый представлял собой клон соседнего, так что кладка получилась идеально ровной — как будто стена составлена из детского строительного набора. Ворота были из стальных пластин, которые в таком климате должны сохраняться долго. Постучав, я отступил подальше от раскалённых, пышущих жаром ворот (таких больших, что в них могли бы разъехаться два самых больших грузотона) и оглянулся на сувенирные киоски футах в трёхстах ниже по склону. Корд, стоявшая в тени Юлова кузовиля, помахала мне рукой.

Самманн щёлкнул жужулой.

По бокам от ворот высились два цилиндрических бастиона с зарешёченными бойницами. В левом была дверь, тоже стальная. Подождав ещё немного, я подошёл к ней и снова постучал. В верхней части двери было закрытое окошко, размером примерно с мою ладонь. Через десять минут за дверью послышались шаги. Она приоткрылась и тут же с грохотом захлопнулась. Заскрежетала задвижка. Скрипнуло, открываясь, окошко. Помещение за ним было тёмным и наверняка восхитительно прохладным. Однако после полуденного Экбского солнца мои глаза ничего там не различили.

— Знай, что ты стоишь на пороге мира, к которому не принадлежишь и в который не можешь вступить, если торжественно не поклянешься остаться в нём навсегда, — произнёс молодой голос на флукском с местным акцентом. Девушка говорила то, что ей положено. Привратники в матиках говорят эту или похожие фразы со времён Картазии.

— Приветствую тебя, суура, — сказал я. — Давай говорить на ортском. Я — фраа Эразмас из эдхарианского капитула деценарского матика концента светителя Эдхара.

Молчание. Затем окошко затворилось и щёлкнула задвижка. Я ждал. Через некоторое время окошко снова открылось и заговорила другая женщина, постарше.

— Меня зовут Димма, — сказала она.

— Здравствуй, суура Димма. Фраа Эразмас к твоим услугам.

— Что ты мне фраа, а я тебе суура, у меня пока что очень большие сомнения, ибо я вижу твоё платье.

— Я пришёл издалека. Стлу, хорду и сферу у меня украли, пока я странствовал по секулюму.

— Здесь не собирается конвокс. Мы не ждём странников.

— Неужто Орифена, из которой вышли первые странники, нарушит закон гостеприимства и затворит ворота перед скитальцем?

— Мы подчиняемся канону, а не обычаям гостеприимства. В городе есть гостиницы. Привечать путников — их дело.

Окошко скрипнуло, как будто Димма собирается его закрыть.

— Где в каноне сказано, что инаки могут торговать мылом в экстрамуросе? — спросил я. — Какой его раздел дозволяет инакам в стлах разгуливать по городу?

— Твои слова противоречат твоему утверждению, будто ты инак, — сказала Димма. — Ибо фраа должен знать, что разные матики придерживаются разных вариантов канона.

— Многие инаки этого не знают, потому что никогда не покидали свой матик, — возразил я.

— Вот именно!

Мне представилось, что Димма улыбается в темноте, довольная, что так ловко обратила мои слова против меня — ведь я находился снаружи, где инаку быть не положено.

— Я верю, что ваши обычаи отличаются от принятых в остальном матическом мире, — начал я.

Она перебила:

— Не настолько, чтобы мы впустили человека, не принесшего клятву.

— Так Ороло принёс клятву?

Недолгое молчание. Потом она закрыла окошко.

Немного подождав, я обернулся к друзьям и руками изобразил, что крепко их обнимаю. Очень странно было вновь обменяться с ними хотя бы жестом после того, как я заглянул через порог матика. Несколько минут назад я прощался так, будто вернусь к обеду, но теперь понимал, что могу остаться здесь до конца дней.

Снова открылось окошко.

— Называющий себя фраа Эразмасом, скажи, зачем пришёл, — произнёс мужской голос.

— Фраа Джад, милленарий, хочет знать, что думает фраа Ороло по некоторым вопросам, и велел мне его разыскать.

— Ороло, которого отбросили?

— Да.

— Тот, по ком прозвонили анафем, не может снова вступить в матик. А тот, кого призвали на конвокс в Тредегар, не должен являться в другой матик на противоположной стороне планеты.

Подозрение забрезжило у меня ещё до того, как мы достигли Экбы. Некоторые косвенные свидетельства его укрепили. Однако, как ни странно, полную уверенность мне дала только здешняя архитектура. Ничего от матического стиля.

— Твоя загадка непроста, — признал я, — но, по некотором размышлении, ответ вполне ясен.

— Да? И каков же ответ?

— Это не матик, — сказал я.

— Что же это, если не матик?

— Клуатр преемства, возникшего за тысячу лет до Картазии и её канона.

— Ты можешь войти в Орифену, фраа Эразмас.

Загремели тяжёлые засовы, и дверь открылась.

Я вступил в Орифену. И в Преемство.

В конценте светителя Эдхара Ороло немного располнел, хотя и поддерживал форму, работая в винограднике и поднимаясь по лестнице на звездокруг. На Блаевом холме он, если верить фототипиям Эстемарда, исхудал, оброс и отпустил дикарскую бороду. Но сейчас, у ворот Орифены, пять раз кряду прокрутив Ороло на месте, я не почувствовал ни жирка, ни худобы, только крепкие мышцы, а когда наконец его отпустил, то увидел слёзы, бегущие по загорелым, гладковыбритым щекам. Собственно, это всё, что я успел рассмотреть, прежде чем сам ослеп от слёз и вынужден был несколько раз пройтись вдоль стены, чтобы хоть немного успокоить чувства. Канон не подготовил меня к тому, что я буду обнимать покойника. Может быть, это означало, что я тоже умер для матического мира и попал в некую посмертную жизнь. Корд, Юл, Гнель и Самманн проводили меня в последний путь.

Потребовалось усилие воли, чтобы вспомнить: они по-прежнему рядом, гадают, что со мной.

В клуатре был небольшой фонтан. Ороло зачерпнул мне кружку воды. Мы сели в тени часовой башни, и я отпил первый большой глоток. Вода отдавала серой.

С чего начать?

— Когда тебя отбросили, па, я бы столько всего тебе сказал, если б мог. И в следующие недели тоже. А сейчас...

— Всё утекло?

— Прости?

— Всё утекло во времени и по пути изменилось — твой разум изменил эти вещи, и о них уже не надо столько говорить. Прекрасно. Давай побеседуем о новом и интересном.

— Ладно. Ты хорошо выглядишь.

— А ты нет. Надеюсь, шрамы добыты с честью?

— Не совсем. Но я кое-чему научился.

Однако мне не особенно хотелось рассказывать Ороло о своём путешествии. Мы немного поболтали о пустяках, потом разом поняли, как это нелепо, и встали. Молодой фраа (если можно назвать так человека, живущего в нематическом матике) принёс мне стлу с хордой и забрал мою мирскую одежду. Затем Ороло повёл меня от клуатра по широкой дороге, утрамбованной множеством обутых в сандалии ног и колёсами тачек. Через некоторое время мы уже стояли на краю котлована, в котором собор светителя Эдхара поместился бы не один раз. Если мы возводили монументы, громоздя камень на камень, подни-

мая их ввысь, то здешние инаки строили свой, выбирая землю лопатами. Грунт был рыхлый, борта котлована крутые, поэтому их укрепили плитами спечённого пепла. По склонам вниз спиралью уходила дорога. Я двинулся к ней, но Ороло меня удержал.

— Видишь, внизу никого нет? Чем глубже, тем жарче. Мы копаем по ночам. Если хочешь прогуляться, идём вверх.

Он указал на гору.

По Самманновым снимкам и вчерашней экскурсии я знал, что у Орифены две стены, внутренняя и внешняя. Они сливались в одну перед главными воротами, у дороги. Внутренняя двадцатифутовая стена охватывала клуатр, где инаки жили, и раскоп, где они работали. Внешняя, невысокая — футов шесть — была скорее символической. Она взбиралась на тысячи футов и опоясывала кратер на макушке горы. На снимках было видно устье шахты, пробитой, вероятно, чтобы извлекать тепловую энергию вулкана. Я понимал, что там жарко, опасно и дурно пахнет. Однако на склоне, по которому шли мы с Ороло, трудами Преемства возник оазис. Инаки где-то нашли воду и выращивали виноград, пшеницу, всевозможные плодовые и масличные деревья,

бросавшие на гору мягкую кружевную тень. С каждым шагом становилось ветренее и прохладнее. Я вспотел от подъёма, но когда мы наконец остановились отдохнуть, полюбоваться видом и пожевать собранные по дороге фрукты, пот сразу высох на резком морском ветру, и мне пришлось закутаться поплотнее.

Мы вышли за верхнюю границу орифенских садов и, миновав полосу низкорослых искривлённых деревьев, оказались на лугу, который издали казался заиндевевшим. Вблизи стало видно, что это сплошной ковёр маленьких белых цветов, как-то приспособившихся к высокогорью. Над ними кружили пёстрые насекомые, но не в таком количестве, чтобы досаждать. Видимо, их численность сдерживали птицы, которые распевали в невысоких кронах или резко вспархивали из-под ног. Мы сели на обнажившиеся корни дерева, проросшего из семени, возможно, в год после извержения вулкана. Ороло объяснил, что эти деревья, не выше меня ростом, может статься, самые древние живые организмы на Арбе.

Почти весь разговор состоял из таких экскурсоводческих сведений. Было как-то даже приятнее болтать о птицах и деревьях, о том, сколько кубических футов земли вынуто из раскопа и

сколько храмовых построек расчищено, чем думать о Геометрах, конвоксе и Преемстве. Потом мы спустились и поужинали в трапезной вместе примерно с сотней живущих здесь фраа и суур. Их пе-эр, фраа Ландашер, третий из говоривших со мной в воротах, официально приветствовал меня и провозгласил тост за моё здоровье. Я выпил больше своей нормы вина, несравненно лучшего, чем получалось у Ороло из подмёрзшего винограда в Эдхаре, и заснул в отдельной келье.

Проснулся я разбитый, с больной головой, думая, что проспал всё на свете, но нет — час был ранний, ночная смена с пением весёлых маршевых песен поднималась из раскопа, неся лопаты, совки, кисточки и тетрадки. Здесь была баня — несколько кабинок, в которых с потолка хлестала горячая вода из вулканических источников. Через десять секунд ты вылетал оттуда распаренный и чистый. Я стоял под горячими струями, пока хватало дыхания, потом вышел и завернулся в стлу, чтобы новоматерия впитала влагу. Стало чуть лучше. Однако на самом деле худо мне было не столько от похмелья, сколько от шока, что я снова в матическом мире, где взгляд на время так отличается от того, к которому я успел привыкнуть в экстрамуросе. Растерянность

усугублялась тем, что никто не потрудился объяснить мне здешние правила. По виду это был картазианский матик, однако меня не заставили принести клятвы, и я подозревал, что могу выйти, когда вздумаю. Здешние обитатели просто притворялись, что у них матик, когда имели дело с теми, кто может не понять. Они маскировались под инаков и вместе с тем не кривили душой, поскольку были преданы своему делу не меньше насельников Эдхара. Может быть, даже больше — ведь они не хотели соблюдать правила, мешающие работе, и подчиняться инквизиции.

Фраа Ландашер поймал меня на выходе из бани и познакомил с суурой Спрай, девушкой примерно моих лет. Вернее, вторично познакомил, потому что она первая говорила со мною вчера у ворот. Она совершенно определённо напоминала мне Алу. Ландашер объяснил, что в раскоп надо идти прямо сейчас, потом будет слишком жарко. Суура Спрай — ей предстояло быть моим экскурсоводом — собрала корзинку с провизией. Оба явно ждали, что я запрыгаю от радости. Да и что могло быть естественней? Я, конечно, поблагодарил, стараясь, чтобы голос звучал как можно искренне, хотя на самом деле мне хотелось разбудить Ороло и поговорить с ним о насущных

мирских делах.

Не зная, как пойдут дела у ворот, я вчера договорился с Юлом, Корд, Самманном и Гнелем, что они подождут часок, и, если я не выйду, вернутся через три дня, а я постараюсь им передать, что делать дальше. Я чувствовал, что мои три дня пролетают, и меньше всего хотел тащиться на экскурсию с малознакомой девушкой. Так что на дорогу в раскоп, неся корзинку сууры Спрай, я вступил в самом скверном расположении духа.

Совсем в другом настроении я, добравшись до низа, сбросил сандалии и босиком прошёлся по плитам, по которым ступал Адрахонес. По ступеням храма, где Диакс потрясал граблями. По аналемме, где поколения физиологов-жрецов отмечали провенер. По мощёному десятиугольнику, где Метекоранес стоял, погружённый в раздумье, под ливнем вулканического пепла.

— Вы его нашли? — спросил я немного погодя, когда мы ели фрукты из корзины, запивая их водой.

— Кого? Метекоранеса?

— Ага.

— Нашли. Его-то мы — в смысле, наши предшественники — искали в первую очередь. Это был... — Её передёрнуло.

— Скелет?

— Слепок, — отвечала она. — Вернее, полость в форме тела. Можешь посмотреть, если захочешь. Разумеется, нельзя утверждать, что это именно он. Но всё сходится с легендой. У него даже голова наклонена, как будто он смотрит на плитки.

Площадь, где мы перекусывали, — та самая, на которой Метекоранеса засыпало пеплом и превратило в слепок, — являла собой овеществлённый теглон. Это был выложенный мрамором десятиугольник футов двести в поперечнике. В древние времена его щедро снабжали формованными глиняными плитками. Форм было семь, и разновидностей плиток, соответственно, тоже семь. Плитки совмещались бесчисленными способами: в отличие от квадратов или равносторонних треугольников, которые дают повторяющийся узор, не оставляя выбора, теглоновые фигуры можно комбинировать до бесконечности, лишь бы хватило их глиняных копий. По площади были разбросаны сотни плиток, и современные орифеняне в нескольких местах выложили из них небольшие узоры. Я присел на корточки рядом с одним, потом вопросительно взглянул на Спрай.

— Можно, — сказала она. — Это современные.

Мы нашли настоящие древние формы и сделали по их образцу свои!

Я взял плитку в руки, чтобы получше рассмотреть. Это был ромб с плавно изгибающейся бороздкой, идущей от одной стороны к другой. Я отнёс его к ближайшей вершине десятиугольника и положил на мрамор: тупой угол в точности подошёл к борту.

— А, сразу за самую трудную задачу, да? — поддразнила меня суура Спрай, разумеется, имея в виду теглон.

Она подошла к противоположной вершине десятиугольника и положила плитку. Я тем временем набрал ещё плиток разных форм и, взяв одну наугад, приложил к первой. На этой — как и на всех остальных — тоже была бороздка. Я покрутил плитку, чтобы бороздки совпали и получилась непрерывная линия. В угол между первой и второй плиткой я положил третью. Теперь появилась возможность вдвинуть четвёртую, пятую и так далее. Я играл в теглон. Цель игры — начать от угла и замостить весь десятиугольник так, чтобы бороздка сплошной змейкой вилась до противоположной вершины — той, куда положила плитку суура Спрай. Поначалу было легко, но потом две цели — замостить всю пло-

щадь и сохранить целостность бороздки — вошли в противоречие. Пришлось бросить оборванную линию, вернуться и переложить часть плиток, чтобы добиться совпадения. Вроде получилось, и я смог продолжить линию. Однако вскоре у меня было уже три оборванных фрагмента в разных частях узора, и я отчаялся их соединить. На первый взгляд всё развитие происходило на внешней границе, и плитки, оставшиеся в глубине, значения уже не имели. С другой стороны, то, как уложена первая, задавало положение всех остальных плиток во всём десятиугольнике.

Древние орифеняне предполагали, но не могли доказать, что плитки теглона апериодичны, то есть ни одна последовательность ни разу не повторится. Опять-таки для квадратов, треугольников и любой другой периодичной системы задача решается легко — и даже автоматически. В случае апериодичных плиток её невозможно или, по крайней мере, крайне маловероятно решить, если не обладать божественной способностью мысленно видеть весь узор сразу. Метекоранес считал, что окончательный вариант существует в Гилеином теорическом мире и сложить его может лишь тот, кто способен туда заглянуть.

Суура Спрай прочистила горло. Я поднял голо-

ву. Я сидел на корточках перед системой плиток в пятьдесят футов шириной. Припекало.

— Извини, — сказал я.

— Некоторые двигают их палками. Спину потом не так ломит.

— Нам, наверное, пора идти?

— Скоро будет пора.

Впрочем, сперва она показала мне развалины древних строений. Крыш, разумеется, не осталось. Кое-где сохранились колонны и куски стен, до половины засыпанные рухнувшими плитами. Но по большей части мы видели фундаменты, полы, лестницы и площади. Участки, где раскопки велись сейчас, были разделены на квадраты натянутыми бечёвками — геометрический штрих, который бы наверняка пришёлся по душе Адрахонесу. Инаки, проводившие раскопки, на протяжении столетий аккуратно помечали камни цифрами и буквами. Наверху, я знал, есть музей, где выставлены самые интересные находки, включая предполагаемый слепок Метекоранеса. Мне представилось, что в музее темно. Отличная вентиляция. И прохлада.

— Ладно, пошли из этой духовки, — сказал я.

Возражений со стороны моей проводницы не последовало.

Мы пробыли внизу дольше, чем собирались. Отчасти потому что было и впрямь интересно. Но главным образом — и, наверное, это нелестно меня характеризует, — потому что я завидовал Джезри и хотел хоть в чём-нибудь утереть ему нос.

Швы зажили настолько, что уже не напоминали о себе постоянно, и на обратном пути я болтал о теглоне в точности как геометры древности, сдвигавшиеся на его почве умом. Вскоре, правда, боль вернулась и прогнала воодушевление. Последнюю часть подъёма я тащился молча, а потом отправился прямиком в баню и спать. Проснулся я ближе к вечеру. Ороло дежурил на кухне. Я набился ему в помощники, но до серьёзного разговора дело так и не дошло. Я предупредил, что завтра нам нужно будет побеседовать о важных вещах. На следующее утро после завтрака мы вновь поднялись на луг.

****

***Булкианцы**, группа теоров эпохи Праксиса, собиравшаяся в доме леди Барито. Б. изучали следствия того очевидного факта, что мы воспринимаем материальный мир не напрямую, а через*

посредство наших органов чувств.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— На Блаевом холме, — сказал Ороло, — я почувствовал себя космографом эпохи Реконструкции, оставшимся без коллайдера.

— Да, я видел телескоп, — сказал я. — И снимки икосаэдра, которые ты пытался делать.

Ороло покачал головой.

— Я ничего не видел в тот телескоп. Поэтому вынужден был заниматься пришельцами исходя из того, что мог наблюдать.

Я удивился.

— И что же ты мог наблюдать?

Ороло взглянул на меня с кротким недоумением, как будто ответ очевиден.

— Себя.

Я опешил. Отсюда следовало, что я говорю с прежним Ороло.

— И как самонаблюдение помогает изучать Геометров?

(Я уже сказал ему, что так мы назвали пришельцев.)

— Ну... неплохо будет начать с булкианцев. Помнишь муху, летучую мышь и червяка?

Я рассмеялся.

— Недавно Арсибальт рассказывал о них эксу, который спросил, почему мы не верим в Бога.

— Ах, но муха, летучая мышь и червяк говорят совсем другое, — сказал Ороло. — Они говорят, что чистая мысль не позволяет нам делать те или иные умозаключения о том, что вне пространства и времени — например, о Боге.

— Верно.

— Наблюдения булкианцев над собой должны быть верны и для пришельцев. Как бы ни отличался их мозг от нашего, он обязан интегрировать данные, поступающие от органов чувств, в связную модель происходящего — модель, которую можно привязать к пространственно-временным координатам. И отсюда они неизбежно должны были прийти к тем же геометрическим понятиям, что и мы.

— Не только понятиям! У них, судя по всему, есть представления об истине и доказательстве.

Ороло пожал плечами.

— Вполне разумное допущение.

— Не просто допущение! — возразил я. — Они украсили свой корабль теоремой Адрахонеса!

Для него это оказалось новостью.

— Правда? Вот нахалы!

— Ты разве не видел?

— Напомню, что меня отбросили раньше, чем я получил свои последние снимки.

— Конечно. Но я думал, ты ещё до того успел сделать другие — и много!

— Пятна и полосы! — фыркнул Ороло. — Я только учился снимать эту штуковину.

— Так ты не видел геометрического чертежа... и букв... и четырёх планет...

— Не видел, — признал он.

— Тогда тебе ещё столько всего предстоит узнать, если ты хочешь говорить о Геометрах! Кучу новых данных!

— Я вижу, как ты взволнован новыми данными, Эразмас, и желаю тебе всяческих успехов в их изучении, но, боюсь, меня бы они только отвлекли от главного направления исследований.

— Главного направления... не понимаю.

— Эвенедриковой датономии, — сказал Ороло таким тоном, будто другого ответа и быть не может.

— Датономия — исследование данных? — перевёл я.

— Данных в смысле базовых мыслей и впечатлений, с которыми работает наш мозг. Эвенедрик занимался ею в последние годы жизни, когда оказался отлучён от *своего* ускорителя. Непосред-

ственным предтечей Эвенедрика был, разумеется, Халикаарн. Он считал, что булкианский взгляд нужно привести в согласие со всем, открытым после Барито касательно теорики и её удивительной применимости к материальному миру.

— И что же у него получилось?

Ороло скривил лицо.

— Почти все записи Халикаарна погибли, но мы думаем, он был слишком занят войной с Процем и зашитой от Процевых шавок. Основная работа досталась Эвенедрику.

— И она важна для Преемства?

Ороло взглянул на меня как-то странно.

— Не то чтобы очень. То есть в принципе важна. Но как область теорики крайне бесперспективна. Пока на орбите твоей планеты не появляются огромные корабли пришельцев.

— И теперь ты считаешь её перспективной?

— Давай говорить без обиняков, — сказал Ороло. — Ты боишься, что я созерцаю свой пуп. Что на Блаевом холме я занимался этой линией расследования не потому, что она и впрямь того стоит, а просто из-за отсутствия надёжных данных о Геометрах. И что теперь, когда мы знаем, что они подобны нам умственно и физически, её надо отбросить.

— Да, я так считаю.

— А я вот не согласен, — сказал Ороло. — Но мы уже не па и фид, а фраа и фраа. Дружеское несогласие между фраа — в порядке вещей.

— Спасибо, но пока у нас разговор па и фида.

— Главным образом потому, что я начал думать об этом раньше тебя.

Я оставил его вежливую фразу без внимания.

— Разреши всё-таки на минуту оторвать тебя от Эвенедриковой датономии. Нам надо поговорить о мирских делах.

— Конечно, конечно, — сказал Ороло.

— Нас — несколько человек из Эдхара — призвали на конвокс в Тредегар, — начал я, поскольку Ороло до сих пор не спросил, как и зачем я оказался в Орифене. — В том числе фраа Джада, тысячелетника. Он вместе со мной, Лио и Арсибальтом отправился на Блаев холм...

— И увидел листы в моей келье.

— Он быстро — подозрительно быстро — сообразил, что ты ушёл на Экбу и у тебя есть мысли касательно Геометров, которые ему хотелось бы знать.

— Ничего подозрительного, — ответил Ороло. — Всё это тесно взаимосвязано. Фраа Джаду достаточно было войти в мою келью, чтобы понять.

— Как? Вы общаетесь? В нарушение канона?

— Кто «мы»? У тебя в голове какие-то дикие представления о Преемстве, верно?

— Да ты посмотри вокруг! — не выдержал я. — Что происходит?

— Если бы я интересовался метеорологией, — сказал Ороло, — я бы много наблюдал за погодой. У меня появилось бы много общего с другими наблюдателями погоды, которых я никогда не видел. У нас были бы сходные мысли, поскольку мы видим одни и те же явления. Это объясняет девять десятых того, что ты считаешь тайными кознями Преемства.

— Только ты думаешь не о погоде, а об эвенедриковой датономии?

— Примерно так.

— Но в келье не было ничего, связанного с Эвенедриком и датономией. Только карта Экбы и схема Преемства.

— То, что ты назвал схемой Преемства, на самом деле нечто вроде родословного древа людей, думавших про Гилеин теорический мир. Оказывается, если проследить основные его ветви и обрезать те, на которых разместились доктринёры, фанаты, богопоклонники и люди, сами загнавшие себя в тупик, то останется нечто, со-

всем не похожее на дерево. Останется столб. Он начинается с Кноуса, проходит через Метекоранеса, Протеса и ещё нескольких теоров, и где-то на середине мы встречаем Эвенедрика.

— И фраа Джад, увидев твоё дерево, обрезанное до столба, немедленно понял, что ты занимаешься Эвенедриковой датономией.

— И предположил, что я делаю это в надежде на снизарение о том, как устроен разум Геометров.

— А Экба? Про неё он как догадался?

— Этот матик основали люди, жившие в кельях, в которых фраа Джад провёл всю жизнь. Он догадался или предположил, что если я приду сюда, меня впустят, накормят, дадут мне крышу над головой и вообще обеспечат мне лучшее существование, чем на Блаевом холме.

— Хорошо, — сказал я, радуясь, что сбросил с души камень, давивший на неё с самого Пробла. — Значит, нет никакого заговора. Преемство не общается посредством шифрованных посланий.

— Мы постоянно общаемся, — сказал Ороло. — Способом, который я описал.

— Метеорологи, глядящие на одно облако.

— Пока неплохо, — сказал Ороло. — Но я вижу, тебя распирает от желания изложить ту жутко важную миссию, с которой ты сюда пришёл. Так

что фраа Джад тебе поручил?

— Он сказал: «Иди на север, пока не поймёшь». И, кажется, эта часть миссии выполнена.

— Вот как? Я рад, что ты понял. А вот у меня, боюсь, осталась ещё куча неразрещённых вопросов.

— Ты знаешь, о чём я говорю! — возмутился я. — Он подразумевал, что я должен потом идти в Тредегар. Он пообещал там насчёт меня уладить. Думаю, он хотел, чтобы я привёл тебя на конвокс.

— На случай, если я додумался до чего-нибудь полезного касательно Геометров, — предположил Ороло.

— Да, для того-то и конвокс, — напомнил я. — Чтобы мы могли принести пользу.

Ороло пожал плечами.

— Боюсь, у меня недостаточно данных касательно Геометров.

— В Тредегаре будут все полученные на сегодня данные.

— Вероятнее всего, данные-то собирают как раз не те.

— Так идём туда, скажи, что надо собирать! Фраа Джаду нужна твоя помощь.

— Для таких, как я и фраа Джад, попытки сдви-

нуть чудовищную секулярно-матическую махину под названием «конвокс» сильно отдают политикой, в которой я исключительно не силён.

— Так давай я попытаюсь! Расскажи, чем ты занимался, а я пойду на конвокс и поищу способ, как это использовать.

Взгляд, которым наградил меня Ороло, наиболее мягко описывается сочетанием: «любящий, но встревоженный». Ороло ждал, когда я сам осознаю глупость своих слов.

— Ладно. Не я один. С помощью других. — Мне вспомнился разговор с Тулией накануне элигера.

— Я не могу тебе советовать, что делать на конвоксе, — сказал он наконец. — Однако я охотно расскажу, чем занимаюсь.

— Ладно.

— Тебе это на конвоксе не поможет — даже скорее будет во вред. Потому что покажется бредом сумасшедшего.

— Отлично. Я привык, что меня считают сумасшедшим за веру в ГТМ!

Ороло поднял бровь.

— Знаешь, наверное, то, о чём я собираюсь говорить — меньшее сумасшествие. Но ГТМ, — он кивнул в направлении раскопа, — привычная и любимая форма сумасшествия.

Он помолчал, потом вновь взглянул на меня.

— С кем ты говоришь?

Я так растерялся, что мгновение соображал, правильно ли расслышал вопрос.

— С Ороло.

— Что такое Ороло? Если бы Геометр высадился здесь и вступил с тобой в разговор, как бы ты описал ему Ороло?

— Как человека: очень сложную, двуногую, тёплую одушевлённую сущность, стоящую прямо здесь.

— В зависимости от своего восприятия Геометр может ответить, например: «Я не вижу ничего, кроме вакуума с редкой дымкой вероятностных волн».

— Ну, «вакуум с редкой дымкой вероятностных волн» — точное описание почти всего во вселенной, — заметил я. — Так что если Геометр не способен распознавать объекты как-нибудь получше, то вряд ли его можно считать разумным существом. В конце концов, раз он со мной разговаривает, значит, он в силах воспринять меня как...

— Не торопись, — сказал Ороло. — Допустим, ты говоришь с Геометром, нажимая кнопки на жужуле или ещё как-нибудь. Он знает тебя толь-

ко как цепочку цифр. И тебе надо при помощи цифр описать Ороло — или себя — так, чтобы он понял.

— Ладно, я договорюсь с Геометром о способе описывать пространство. Потом скажу: «Рассмотри объём пространства примерно шесть футов высотой, два шириной и два в глубину в пяти футах перед моим местоположением. Внутри этого объёма вероятностные волны, которые мы называем материей, гуще, чем за его пределами». И так далее.

— Гуще, потому что в этом объёме много мяса, — сказал Ороло, похлопывая себя по животу, — а снаружи только воздух.

— Да. Всякое разумное существо должно различать границу мяса и воздуха. То, что внутри неё — Ороло.

— Забавно, что ты так много знаешь о способностях разумных существ, — заметил Ороло. — Ну ладно... а как насчёт этого? — Он приподнял край стлы.

— Точно так же, как я могу описать границу мясо-воздух, я могу описать разницу между стлой, мясом и воздухом, а потом объяснить Геометру, что Ороло замотан в стлу.

— Здесь ты делаешь допущения! — укорил

меня Ороло.

— Какие?

— Предположим, Геометр, с которым ты говоришь, воспитан в том, что у его цивилизации соответствует булкианству. Он скажет: «Погоди, ты не можешь на самом деле знать, ты не вправе делать такие допущения о вещах в себе — только о своём восприятии».

— Верно.

— Так что ты должен переформулировать своё высказывание в терминах данных, которые у тебя и впрямь есть.

— Ладно. Вместо того, чтобы говорить: «Ороло завёрнут в стлу», я скажу: «С того места, где я стою, я вижу по большей части стлу, из которой выступают части Ороло — руки и голова». Но я не вижу, чем это важно.

— Важно тем, что Геометр не может стоять там же, где ты. Он должен стоять где-то ещё и видеть меня под другим углом.

— Да, но стла обёрнута вокруг всего твоего тела!

— Откуда ты знаешь, что я сзади не голый?

— Потому что видел стлы и знаю, как их носят.

— Но будь ты Геометром, ты бы видел её впервые...

— Я всё равно мог бы заключить, что сзади ты не голый, потому что тогда стла висела бы иначе.

— А если я сброшу стлу и останусь голым?

— Что тогда?

— Как ты опишешь меня Геометру? Что предстанет твоим глазам и его?

— Я скажу: «С того места, где я стою, видно только кожу Ороло. Для того места, где стоишь ты, о Геометр, сказанное, вероятно, тоже справедливо».

— Почему это вероятно?

— Потому что без кожи твои кишки выпали бы, а кровь вылилась. Поскольку я не вижу за тобой лужи крови и кучи кишок, я могу заключить, что твоя кожа на месте.

— Так же, как заключил, что стла охватывает меня целиком по тому, как висят её видимые части.

— Да. Наверное, это общий принцип.

— Что ж, сдаётся, процесс, который ты называешь сознанием, сложнее, нежели ты думал вначале, — сказал Ороло. — Надо извлекать данные из редкой мглы вероятностных волн в вакууме...

— То есть видеть предметы.

— Да, и уметь интегрировать полученные

данные в устойчивые объекты, которые можно держать в сознании. Но и это не всё. Ты видишь только одну мою сторону, но постоянно делаешь заключения о другой: что стла продолжается мне за спину, что у меня есть кожа, — заключения, отражающие изначальное понимание теорических законов. Ты не можешь сделать эти заключения без мысленных экспериментов: «Если бы стла не была обёрнута вокруг всего тела, она бы висела иначе», «Если бы у Ороло не было кожи, кишки бы вывалились». В каждом из этих случаев ты с применением известных тебе законов динамики исследуешь маленькую контрфактуальную вселенную у себя в голове, вселенную, где стлы и кожи на месте нет. И ускоренно проматываешь эту вселенную, как спиль, чтобы посмотреть результат.

Ороло отхлебнул воды и продолжил:

— И это не единственный трюк, который ты проворачиваешь в голове, когда описываешь меня Геометрам. Ты постоянно учитываешь тот факт, что вы с Геометром видите меня с разных точек зрения, получаете разные данные. Ты со своего места видишь родинку у меня на носу слева, но тебе хватает ума понять, что Геометр её со своего места не видит. И тут тоже твоё сознание

выстраивает контрфактуальные вселенные: «Если бы я стоял там же, где Геометр, я бы не видел родинку». Твоя способность мысленно встать на место Геометра — вообразить себя кем-то другим — не пустая вежливость. Это изначальное свойство сознания.

— Погоди, — сказал я. — Ты утверждаешь, что я не могу предсказать неспособность Геометра увидеть родинку, пока не выстрою в воображении копию всей вселенной?

— Не совсем копию, — отвечал Ороло. — Почти копию, в которой всё такое же, кроме твоего местоположения.

— Мне кажется, тот же результат можно получить куда проще. Я помню, как ты выглядишь с той стороны. Я вызываю в памяти этот образ и говорю: «Хм, родинки не видать».

— Мысль вполне разумная, — сказал Ороло, — но предупреждаю: она мало что тебе даст, если ты хочешь выстроить простую и понятную модель работы сознания.

— Почему? Я всего лишь говорю о памяти.

Ороло хохотнул, но тут же взял себя в руки.

— Пока мы говорили только о настоящем. О пространстве, не о времени. Теперь ты хочешь приплести к разговору память. Ты предлагаешь

выдернуть воспоминание о том, как ты воспринимал нос Ороло с разных углов в разное время: «Вчера за ужином я сидел справа от него и не видел родинки».

— Вроде ничего сложного, — сказал я.

— Спроси себя, что позволяет твоему мозгу проделывать такие штуки.

— Какие такие?

— Взять данные, полученные как-то за ужином. Взять данные, полученные сейчас... секунду назад... две секунды назад... но всегда сейчас! И сказать, что все они об одном человеке — Ороло.

— Не вижу тут ничего особенного, — сказал я. — Обычное распознавание образов. Синапы с ним справляются.

— Справляются, говоришь? Давай пример.

— Ну... наверное, самый простой пример... — Я огляделся и заметил высоко над головой след воздухолёта. — Радар, следящий в небе за несколькими воздушными судами.

— Расскажи мне, как это происходит.

— Антенна поворачивается. Она посылает импульсы. Они возвращаются. По времени запаздывания эха машина высчитывает расстояние до объекта. И знает направление на него — это то самое направление, в котором была развёрнута

антенна, когда до неё дошло эхо.

— Она видит только одно направление в заданный момент времени.

— Да, у неё исключительно узкий кругозор, который компенсируется вращением.

— Примерно как у нас, — сказал Ороло.

Мы начали спускаться с горы, идя бок о бок. Ороло продолжил:

— Я не могу смотреть во все стороны сразу, но я иногда поглядываю на тебя, проверяя, по-прежнему ли ты здесь.

— У тебя есть модель твоего окружения, в которой я присутствую слева. Ты можешь сохранять её какое-то время, вдавив кнопку быстрой перемотки. Но время от времени ты должен обновлять данные, иначе утратишь контакт с реальностью.

— И как с этим справляется радар?

— За один оборот антенна собирает эхо всего, что есть в небе. Отмечает положение объектов. Поворачивается снова и собирает новую порцию эха. Новая порция похожа на старую, но пятна на экране чуть-чуть сместились, поскольку воздушные суда летят в разные стороны, каждое со своей скоростью.

— И теперь я понимаю, как наблюдатель-человек, глядя на пятна, может собрать мысленную

модель того, где воздухолёты и как они движутся, — сказал Ороло. — Так же, как мы соединяем кадры спиля в непрерывную историю. Но каким образом это делает синтаксический аппарат в радарной системе? У него нет ничего, кроме периодически обновляемых чисел.

— Если объект всего один, задача проста, — сказал я.

— Согласен.

— Или их несколько, но они далеко разнесены и двигаются медленно, так что проекции их траекторий не пересекаются.

— Тоже согласен. Но что в случае многих быстро движущихся объектов, чьи следы пересекаются?

— Наблюдатель-человек справится легко — как если смотрит спиль, — сказал я. — Синапу придётся делать часть того, что делает человеческий мозг.

— И что же?

— У нас есть представление о правдоподобности. Скажем, два воздухолёта с пассажирами летят на скорости чуть ниже звуковой, и в интервале между радарными замерами их следы пересеклись под прямым углом. Машина не отличает пятна на экране. Поэтому она может интерпретировать данные разными способами.

Что оба аппарата одновременно резко повернули под прямым углом и полетели дальше. Или что они отскочили друг от дружки, как резиновые мячи. Третья интерпретация: что они на разной высоте, поэтому не столкнулись, а летят себе дальше по прямой. Эта интерпретация — самая простая, и только она согласуется с законами динамики. Значит, синап надо запрограммировать так, чтобы он оценивал разные интерпретации и выбирал самую приемлемую.

— Итак, мы научили машину части того, что знаем о принципах действия, управляющих движением нашего космоса в Гемновом пространстве, и поручили ей фильтровать возможности, отклоняющиеся от приемлемого пути, — сказал Ороло.

— В очень грубом виде — да, наверно. На самом деле машина не знает, как применять принципы действия в Гемновом пространстве и так далее.

— А мы знаем?

— Некоторые из нас — да.

— Теоры. Однако пен, играющий в волейбол, знает, как поведёт себя мяч — и, что важнее, как он никогда себя не поведёт. Хотя пен ни бельмеса не смыслит в теорике.

— Конечно. Даже животные это могут. Ороло,

куда Эвенедрикова датономия нас ведёт? Я вижу связь с нашим старым диалогом о розовых драконах, но...

У Ороло стало обескураженное лицо. Он забыл.

— Ах да. Про тебя и твои тревоги.

— Ага.

— Вот этого животные не могут, — заметил он. — Они реагируют на конкретные, сиюминутные угрозы, но не тревожатся из-за абстрактных угроз в далёком будущем. Чтобы тревожиться о далёком и абстрактном, нужен разум Эразмаса.

Я рассмеялся.

— Я, кстати, в последнее время почти о таком не тревожусь.

— Вот и отлично! — Ороло дружески хлопнул меня по плечу.

— Может, дело в хорошине.

— Нет, просто у тебя появились реальные тревоги. Но, пожалуйста, напомни, как он развивался — диалог про розовых нервногазопукающих драконов.

— Мы выдвинули теорию, что наш разум предвидит возможные варианты будущего как пути в конфигурационном пространстве и отбрасывает те, которые не подчиняются реалистичному принципу действия. Джезри сказал, что это слиш-

ком тяжеловесно для лёгкой задачи. Я согласился. Арсибальт — нет.

— Это ведь было после того, как призвали фраа Пафлагона?

— Да.

— Арсибальт читал Пафлагона.

— Да.

— Итак, скажи мне, фраа Эразмас, с кем ты теперь солидарен — с Джезри или с Арсибальтом?

— Я по-прежнему считаю искусственным утверждение, будто мы постоянно выстраиваем и рушим у себя в голове контрфактуальные вселенные.

— А я так к этому привык, что мне кажутся искусственными все другие подходы, — сказал Ороло. — Но, может быть, мы завтра ещё погуляем и продолжим нашу беседу.

Мы были уже на краю матика.

— Я бы с радостью.

С кухни доносился запах готовки. Я вспомнил, что завтра должен передать весточку друзьям, но подумал, что сейчас не время об этом говорить, и решил отложить разговор на утро.

Я рассчитывал поторопить Ороло с решением, но тот, выслушав меня, мигом нашёл выход, который, задним числом, показался мне очевидным:

раз срок в три дня всё равно произвольный, самое разумное — забыть его и не вспоминать. Ороло зашёл к фраа Ландашеру, который тут же предложил поселить моих друзей в матике на любое нужное время. Я был потрясён, но вспомнил, что здесь свои порядки и Ландашер никому не подчиняется, кроме, возможно, владения, которому принадлежит Экба. Потом я вообразил, что моим друзьям не захочется здесь жить. Однако через два часа, когда я вышел из ворот, спустился к сувенирным лавочкам и объяснил друзьям, что и как, те согласились сразу и без обсуждений. Я разнервничался ещё больше, поэтому отправился вместе с ними собирать лагерь, попутно разъясняя матический этикет. Особенно я боялся, что Ганелиал Крейд начнёт проповедовать. Очень скоро сперва Юл, а затем и все остальные принялись надо мной потешаться, и я понял, что обижаю их. Поэтому я больше ничего не говорил про матические порядки, пока мы не вернулись в Орифену. Корд, Юла, Гнеля и Самманна пропустили в ворота и поселили в гостевом доме, на отдалении от клуатра, чтобы они могли оставить при себе жужулы и другие мирские вещи. В экстрамуросской одежде (но без жужул) они пришли в трапезную на обед, и фраа Ландашер,

после официального приветствия, провозгласил тост за их здоровье.

На следующее утро я разбудил их рано-рано и повёл в раскоп. У Гнеля было такое лицо, словно с ним приключился богопоклоннический экстаз, хотя, если честно, я при первом спуске наверняка выглядел так же.

Я спросил Самманна, узнал ли он что-нибудь про хозяев Экбы, и тот ответил: «Да» и «Всё очень скучно». Какой-то бюргер, накануне Третьего разорения, сделался фанатом всего орифенского. Он был очень богат, поэтому купил остров и создал управляющий фонд с тысячестраничным уставом: фонд учреждался на вечные времена, и устав должен был предусматривать все возможные повороты событий. Исполнительная власть принадлежит смешанной секулярно-матической коллегии, объяснял Самманн, всё больше воодушевляясь, в то время как я слушал всё рассеяннее...

На то, чтобы разместить друзей в Орифене, у меня ушло два дня. Затем мы с Ороло вновь поднялись на гору.

****

***Диалог**, словесное общение, обычно фор-*

мального характера, между теорами. «Быть в Д.» означает вести дискуссию непосредственно. Термин может также применяться к письменной записи исторического Д.: такие документы составляют фундамент матической литературной традиции; их изучают, разыгрывают и заучивают наизусть фиды. В классическом варианте Д. включает двух главных участников и некоторое количество слушателей, которые вступают спорадически. Ещё один распространённый вариант — трёхсторонний Д. с участием мудреца, обычного человека, стремящегося к познанию, и недоумка. Существуют бесчисленные другие классификации, например сувинический, переклинический и страннический Д.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— Я вижу, что наш последний разговор не вполне тебя удовлетворил, Эразмас. Прости меня. Мысли недодуманы. Я терзаюсь чувством, что почти вижу нечто за гранью моего понимания. Мне снится, что я в море, пытаюсь высмотреть

маяк. Редко-редко я, привстав, ловлю его отблеск, но тут лодка оседает под моим весом, и в лицо бьёт очередная волна.

— Я всегда так себя чувствую, когда пытаюсь понять что-нибудь новое, — сказал я. — И потом вдруг...

— До тебя доходит, — сказал Ороло.

— Ага. Идея вот она, полностью оформленная.

— Конечно, это многие подмечали. Думаю, на глубинном уровне явление связано с тем мыслительным процессом, о котором я говорил вчера. Я не сомневаюсь, что мозг использует квантовые эффекты.

— Я знаю только, что твоё утверждение — предмет давних-предавних споров.

Ороло ничего не ответил и, только когда я заглянул ему в глаза, пожал плечами, словно говоря: «Ну и ладно».

— Самманн тебе не рассказывал про машины светителя Грода?

— Нет. А что это?

— Синтаксический аппарат, построенный на квантовой теорике. До Второго Разорения наши и Самманна предшественники вместе работали над такого рода проектами. Машина светителя Грода исключительно хороша, когда надо од-

новременно перебрать множество возможных решений, например, для задачи о ленивом страннике.

— Это та, где странствующий фраа должен посетить несколько матиков, разбросанных по карте случайным образом?

— Да, и задача в том, чтобы найти кратчайший путь, при котором он посетит все.

— Я, кажется, понял, о чём ты. Можно составить полный список всех возможных маршрутов...

— Но на такое решение уйдёт вечность, — сказал Ороло. — В машине светителя Грода можно создать своего рода генерализованную модель сценария, а затем настроить машину так, чтобы она рассматривала все возможные маршруты одновременно.

— То есть состояние такой машины не определено в любой наперёд заданный момент времени, а представляет собой суперпозицию квантовых состояний.

— Да, как у элементарной частицы спин правый или левый. Она в обоих состояниях одновременно...

— Пока не появится наблюдатель, — сказал я, — и тогда волновая функция коллапсирует. Значит, в случае машины светителя Грода в конце

концов появляется наблюдатель...

— И волновая функция машины коллапсирует. Её конечное состояние и есть ответ. Кажется, ита говорят «выход». — Ороло улыбнулся, произнося чужое жаргонное словцо.

— Я согласен, что мышление часто похоже на этот процесс, — сказал я. — У тебя в голове — каша из смутных соображений. Вдруг щёлк! Всё коллапсирует, остаётся один ясный ответ, и ты чувствуешь, что он правильный. Но нельзя списывать на квантовые эффекты всё, что происходит внезапно.

— Да, — сказал Ороло. — Теперь ты понимаешь, к чему я клоню, говоря о контрфактуальных космосах?

— Не понимал, пока ты не заговорил о квантовой теорике, — сказал я. — Однако уже некоторое время было ясно, что ты разрабатываешь теорию сознания. Ты упомянул несколько разных явлений, знакомых каждому, кто заглядывал в себя — я не буду перечислять, — и пытаешься их объединить...

— Моя единая теория сознания, — пошутил Ороло.

— Да, и ты говоришь, что всё коренится в способности мозга строить внутри себя модели

контрфактуальных космосов, прокручивать их во времени, оценивать правдоподобность и так далее. Полный бред, если считать мозг обычным синапом.

— Согласен, — сказал Ороло. — Только на создание этих моделей потребовались бы огромные вычислительные мощности, не говоря уже о прокрутке. Природа должна была отыскать более эффективные способы.

— И тут ты выложил квантовую карту, полностью изменившую игру. Достаточно постоянно иметь в голове одну генерализованную модель космоса — вроде той карты, с помощью которой машина светителя Грода решает задачу о ленивом страннике. Модель существует в большом количестве возможных состояний, и ты можешь задавать ей самые разные вопросы.

— Я рад, что теперь ты понимаешь это так же, как и я, — сказал Ороло. — У меня только одна мелкая придирка.

— Начинается, — проговорил я.

— Иначеские традиции живучи, — сказал Ороло. — И одна из старейших традиций — учить фидов квантовой теорике так, как открывали её теоры во времена Предвестий. Тебя, Эразмас, учили так же. Даже не будь мы знакомы раньше,

я бы понял это по твоему словарю: «представляет собой суперпозицию квантовых состояний», «наблюдение ведёт к коллапсу волновой функции» и так далее.

— Да. Я вижу, к чему ты клонишь. Целые ордена теоров, существующие не одну тысячу лет, используют совершенно другие модели и терминологию.

— Да, — сказал Ороло. — Угадай, какая модель, какая терминология мне ближе?

— Наверное, чем поликосмичнее, тем лучше.

— Конечно! Поэтому всякий раз, как ты принимаешься обсуждать квантовые явления в старой терминологии...

— В версии для фидов?

— Да. Я вынужден мысленно переводить твои слова на язык поликосмизма. Например, в случае частицы с правым или левым спином...

— Ты сказал бы, что в момент наблюдения — когда спин повлиял на остальной космос — происходит бифуркация, и космос разветвляется на два отдельных, причинно независимых космоса, которые дальше живут сами по себе.

— Ты почти понял. Однако лучше сказать, что до наблюдения оба космоса существуют и между ними есть слабая интерференция. А *после* наблю-

дения начинают жить сами по себе.

— А теперь, — сказал я, — мы можем поговорить о том, какой это по мнению большинства бред.

Ороло пожал плечами.

— И тем не менее очень многие теоры рано или поздно приходят к этому представлению, потому что другие в конечном счете оказываются ещё бредовее.

— Ладно. Кажется, я знаю, что дальше. Ты хочешь, чтобы я переформулировал твою теорию мозга в терминах поликосмической интерпретации квантовой теорики.

— Если тебя не затруднит, — сказал Ороло с лёгким поклоном.

— Ладно. Предполагается, что в мозг загружена довольно точная модель космоса, в котором он находится.

— По крайней мере части этого космоса. Ему не нужна, например, хорошая модель далёких галактик.

— Хорошо. И в терминах старой интерпретации, которой учат фидов, состояние модели представляет собой суперпозицию многих возможных настоящих и будущих состояний нашего космоса — или хотя бы его модели.

Ороло поднял палец.

— Не нашего космоса, а...

— Гипотетических альтернативных космосов, слегка отличающихся от нашего.

— Отлично. И как же работает генерализованная модель космосов, которую каждый из нас носит в голове?

— Понятия не имею! Я ничего не знаю про нервные клетки. Что они там делают, чтобы создать модель, и что меняют, чтобы представить гипотетические сценарии.

— Справедливо. — Ороло поднял обе руки, чтобы остановить мою возмущённую речь. — Давай выведем нервные клетки из рассмотрения. В модели важно что?

— То, что она существует во многих состояниях одновременно и время от времени её волновая функция коллапсирует, давая полезный результат.

— Да. И как это выглядит в поликосмической интерпретации квантовой теорики?

— Суперпозиции больше нет. Волновая функция не коллапсирует. Просто в реальных параллельных космосах существует много разных копий меня — или моего мозга. Модель космоса в каждом из параллельных мозгов находится в одном определённом состоянии. И они взаимо-

действуют друг с другом.

Он дал мне минутку, чтобы это переварить. И до меня дошло. Как то, о чём мы говорили раньше, — хлоп, и всё оказалось у меня в голове.

— Даже и модель больше не нужна, верно?

Ороло только кивнул, улыбнулся и сделал движение рукой, приглашая меня продолжать.

Я продолжил — осознавая по мере того, как говорю:

— Так всё гораздо проще! Моему мозгу больше не надо нести в себе страшно подробную, точную, гибкую модель космоса, поддерживающую квантовые суперпозиции! Достаточно воспринимать свой космос как он есть!

— Вариации — мириады возможных альтернативных сценариев — переносятся из мозга, — Ороло постучал себя костяшками пальцев по голове, — в поликосм, где они так и так существуют! — Он раскрыл руку и поднял её к небу, словно выпуская птицу. — Их надо только воспринять!

— Но варианты меня не изолированы друг от друга, — сказал я, — иначе бы это не работало.

Ороло кивнул.

— Разные версии твоего мозга связывает квантовая интерференция — перекрёстные наводки между сходными квантовыми состояниями.

— Ты говоришь, что моё сознание распространяется на другие космосы, — сказал я. — Смелое заявление!

— Я говорю, что *всё* распространяется на другие космосы. Так следует из поликосмической интерпретации. Единственное отличие мозга — в том, что он научился этим пользоваться.

За четверть часа, пока мы в лиловых сумерках шли с горы, ни он, ни я не произнесли ни слова. У меня было чувство, будто небо, темнея, раздувается, как пузырь, уносится от Арба со скоростью миллион световых лет в час, и когда оно просвистело мимо звёзд, они стали видимыми.

Одна звезда двигалась. Сперва так неприметно, что я должен был остановиться, выбрать устойчивое положение и поглядеть снова. Нет, мне не почудилось. Древняя звериная часть мозга, настроенная на малейшие подозрительные движения, выхватила одну звезду из миллионов. Она была на западном краю неба, ближе к горизонту, поэтому поначалу едва различалась на фоне закатных отблесков, но медленно и упорно ползла в черноту. При этом её цвет и размер менялись. Белая светящаяся точка, такая же, как остальные звёзды, сперва покраснела, затем выросла в оранжевое пятнышко, вспыхнула жёлтым и

выбросила кометный хвост. До сих пор зрение выкидывало со мной разные шутки, и я неверно оценивал её высоту, размеры и скорость. Однако хвост всё поставил на место. Штуковина летела не высоко в безвоздушном пространстве, а в атмосфере, отдавая энергию разреженному воздуху. Ближе к зениту её подъём замедлился, и стало понятно, что она потеряет горизонтальную скорость раньше, чем промчится у нас над головой. Направление оставалось постоянным — прямо на нас. Чем ярче и больше становился метеор, тем сильнее казалось, будто он неподвижно висит в воздухе, словно мяч, когда тот падает точно на тебя. В течение минуты это было маленькое солнце, застывшее в небе, потом оно съёжилось и поблекло до едва различимого тёмно-красного.

Я обнаружил, что до предела запрокинул голову и смотрю прямо вверх.

С риском потерять из виду неизвестный предмет я опустил голову и огляделся.

Ороло был ста футами ниже меня и бежал со всех ног.

Я припустил следом и нагнал его уже почти на краю котлована.

— Они расшифровали мою аналемму! — крикнул Ороло, задыхаясь.

Мы остановились перед вёревкой, натянутой между кольями на уровне груди, чтобы сонные или пьяные инаки не падали в котлован. Я поднял голову и вскрикнул: над нами, как облако, висело что-то невообразимо огромное. Только оно было совсем круглое — исполинский парашют. Стропы сходились к светящемуся алому грузу.

Они задрожали, парашют заколыхался и поплыл вбок. Его срезали. Раскалённая докрасна штуковина падала, как камень. Внезапно она выдвинула ноги голубого пламени и через мгновение зашипела — так громко, что я даже испугался. Она целила в середину котлована. Мыс Ороло добежали вдоль ограждения до спуска в раскоп. Здесь уже собралась быстро растущая толпа фраа и суур, скорее ошеломлённых и зачарованных, чем напуганных. Ороло начал протискиваться сквозь неё, крича на ходу:

— Фраа Ландашер! Скажи, чтобы открыли ворота! Юл, Гнель, бегите за своими машинами! Найдите парашют и привезите сюда! Самманн, жужула при тебе? Корд! Хватай инструменты, встретимся внизу!

И он устремился в темноту на встречу с Геометрами.

Я бежал за ним. Обычная моя роль в жизни.

Спускаемый аппарат — или ракету — я потерял, но внезапно снова увидел, вровень с собой, в какой-то сотне футов по горизонтали. Он опускался на Орифенский храм. Меня так поразили его размеры, его близость, грохот и жар, что я отшатнулся, потерял равновесие и рухнул на колени. В такой позе я наблюдал, как аппарат преодолел последние футов сто. Он двигался строго равномерно, но лишь за счёт того, что его сопла постоянно немного подстраивались: им управляло нечто очень сложное, принимающее миллионы решений в секунду. Аппарат целил в десятиугольник. В последние полсекунды к рёву двигателей добавился адский треск плиток под бьющими со сверхзвуковой скоростью реактивными струями. Паучьи ноги погасили остаток скорости и двигатели потемнели. Однако ещё секунды две они продолжали шипеть: система выпускала какой-то газ, прочищая каналы и окутывая аппарат холодным голубоватым воздухом.

Затем наступила тишина.

Я вскочил и помчался вниз, не разбирая дороги. Смотрел я на аппарат. Основание у него было плоское, вроде блюдца; оно ещё светилось тусклым красновато-бурым жаром. Выше располагалось нечто в форме перевёрнутого ведра с

немного выгнутым донцем. По бокам из пяти высоких узких люков выступали паучьи ножки. Над куполом что-то торчало: то ли механизм выпуска и срезания парашюта, то ли антенны и датчики. Дорога вилась по спирали, поэтому я видел аппарат последовательно со всех сторон и нигде не заметил ничего похожего на иллюминаторы.

Ороло стоял на краю десятиугольника и нюхал воздух.

— Вроде ничего ядовитого не выпускает, — сказал он. — Судя по цвету выхлопа, кислород-водород. Чистая работа.

Ландашер спустился один. Видимо, он велел остальным ждать наверху. Вид у него был совершенно ошалелый. Ландашер открыл рот, собираясь что-то сказать, но Ороло перебил:

— Ворота открыты?

Ландашер не знал. Однако сверху доносилось знакомое рычание двигателей. То были машины, на которых мы проехали через полюс. По дороге скользил свет фар.

— Кто-то отпер, — сказал Ороло. — Но их надо закрыть и запереть, как только машины и парашют будут внутри. Готовьтесь к вторжению.

— Ты думаешь, Геометры...

— Нет. Я про вторжение бонз. Системы обнару-

жения должны были засечь аппарат. Неизвестно, как быстро отреагирует мирская власть. Думаю, у нас примерно час.

— Если мирские власти потребуют их впустить, мы вынуждены будем подчиниться, — сказал Ландашер.

— Постарайтесь выиграть время. Сколько удастся. Больше я ни о чём не прошу, — сказал Ороло.

По дороге катил трёхколёсник. Когда он приблизился, я увидел за пультом управления Корд. Самманн стоял сзади, держась за её плечи, чтобы не упасть.

— Что ты намерен делать? — спросил Ландашер. До сегодняшнего дня он производил на меня впечатление человека мудрого и рассудительного, но, видимо, сейчас нагрузка оказалась чрезмерной.

— Изучать, — сказал Ороло. — Изучать Геометров, пока мирская власть не отняла у нас такую возможность.

Подкатил трёхколёсник. Самманн спрыгнул на землю, выхватил жужулу и навёл её на аппарат. Корд газанула, развернула машину фарами к аппарату, тоже спрыгнула и начала вынимать из багажной корзины инструменты.

— А что, если... Ты уверен, что это безопасно?

Как насчёт инфекций? Ороло? *Ороло!* — кричал Ландашер, ибо в свете фар аппарат вырисовывался куда отчётливее, и Ороло шёл к нему, как зачарованный.

— Если бы они боялись наших инфекций, то не высадились бы, — сказал он. — Если мы рискуем от них заразиться, значит, мы на их милости.

— По-твоему, запоры на воротах остановят людей, у которых есть геликоптеры? — крикнул Ландашер.

— Я уже всё придумал, — отвечал Ороло. — Этим займётся фраа Эразмас.

Пока я выбирался из котлована, Юл и Гнель привезли парашют. Вместе с небольшой командой предприимчивых инаков они затолкали большую его часть в Гнелев кузовиль, пристегнув багажными ремнями и привязав стропами. Однако когда машина подъехала к краю котлована, за ней по-прежнему тянулся акр парашюта и миля строп.

На этом этапе мы должны были бы надеть белые комбинезоны, перчатки, респираторы, запаковать инопланетный парашют в стерильный полипак и отправить в лабораторию, где его изучат на всех уровнях вплоть до молекулярного. Однако у меня был приказ. Поэтому я схватил

край купола (впервые коснувшись вещи, изготовленной в другой звёздной системе) и ощупал. Я в тканях не специалист; во всяком случае, мне она показалась вполне обычной — такой же, из какой шьют парашюты на Арбе. Стропы на ощупь тоже были обычные. У меня не создалось впечатления, что они из новоматерии.

Вокруг кузовиля собралась заметная толпа. Ландашер запретил инакам спускаться в котлован, и они честно исполняли приказ, но он не сказал, чтоб они не разглядывали или не трогали парашют. Я залез на кузовиль и объявил:

— Возьмите каждый по стропе. Как только мы сгрузим парашют, начинайте расходиться, попутно разматывая стропы. Через десять минут всё население Орифены должно стоять вокруг парашюта, держа в руках по стропе.

На словах план был очень прост. Осуществить его оказалось куда сложнее. Впрочем, здешние инаки были сообразительными, и чем меньше я им мешал, тем быстрее находили решения. Тем временем я поручил Юлу измерить длину одной стропы в размахах рук.

Гнель вывел кузовиль из-под растянутого парашюта и съехал на дно котлована. Меня всегда смешило, что он оборудовал машину батареей

мощных прожекторов. Сейчас ему наконец нашлось, на что их навести. Я улучил минутку и заглянул вниз. Ороло и Корд были уже в двадцати футах от аппарата.

Парашют растягивали довольно долго. Над головой с рёвом пронёсся геликоптер, заставив нас всех вздрогнуть.

Юл подтвердил мою догадку, что длина стропы примерно равна радиусу котлована. Как только я объяснил орифенянам задачу, они двинулись вперёд: те, кто держал левые стропы — по левому борту раскопа, правые — по правому. Парашют двигался рывками: нескольким инакам пришлось залезть под него, чтобы отцеплять ткань от камней и сучьев. Наконец фронт купола перевесился через край котлована, и нам на помощь пришла сила тяжести. Я надеялся, что инаки, держащие стропы, сообразят разжать руки, если их начнёт затягивать через край, но парашют оказался не настолько тяжёл. Как только он повис над котлованом и орифеняне распределились вокруг него равномерно, управляться с ним стало проще. Он закрыл примерно полкотлована. Орифеняне сообразили, что мы хотим натянуть его над площадью теглона, как тент, и теперь двигались уже без моих указаний. Как только

парашют оказался в нужной позиции, я обежал всех инаков, говоря, чтобы они расходились, натягивая стропы, насколько можно, а потом закрепили их за что удастся. Примерно треть привязала стропы к внешней стене концента, остальные — к колоннам клуатра, деревьям, камням или вбитым в землю колышкам.

Взревел мотор. Я взглянул на дорогу и увидел, что Юл направил свой дом на колёсах в котлован — наверное, чтоб приготовить Геометрам завтрак. Я догнал его и запрыгнул в кабину. Это породило цепную реакцию неповиновения среди орифенян, которые, пренебрегая приказом Ландашера, толпой ринулись за нами.

Мы ехали молча. Лицо у Юла было такое, словно он сейчас разразится истерическим хохотом. Доехав до дна, он поставил фургон в развалинах храма, рядом с аналеммой, и выключил двигатель. Потом повернулся ко мне и сказал:

— Не знаю, чем всё это кончится, но я рад, что поехал с тобой.

И раньше чем я успел ответить, что тоже ужасно рад, Юл вылез из машины и зашагал в сторону Корд.

От нижней части аппарата по-прежнему шёл такой жар, что к нему трудно было приблизиться.

Юл сбегал к машине и принёс спасательные покрывала, покрытые отражающей фольгой. Корд, Ороло и я закутались в них, как в стлы. Большая часть аппарата была куда выше нас, и мы крикнули, чтобы принесли лестницы.

Раньше было трудно оценить размеры аппарата, но сейчас я нашёл на раскопе мерную рейку и примерно определил его диаметр. Получилось около двадцати футов. Писать мне было не на чем, но Самманн снимал всё на жужулу в режиме спилекаптора, поэтому я просто выкрикнул число.

Над головой нарастал рёв двигателей. Геликоптер совершил несколько кругов, ветер от винтов гнал по навесу волны. Затем воздухолёт поднялся чуть повыше и завис. Сесть он не мог из-за парашюта. Вся земля внутри ограды была застроена или засажена деревьями. Представителям власти оставалось садиться перед воротами и стучать в них либо штурмовать стены.

Мы выгадали сколько-то минут, но ясно было, что время поджимает. Разом появились несколько лестниц — все разного размера, деревянные, сколоченные вручную. Орифеняне принялись связывать их, чтобы получилось нечто вроде лесов с той стороны аппарата, где располагалось

подобие люка. Корд взобралась наверх и теперь стояла на шаткой горизонтальной лестнице. Я смотрел на неё и гордился. От таких событий недолго потерять голову; Корд, возможно, тоже несколько растерялась. Однако аппарат был в конечном счёте механизмом, и она могла понять, как он работает. И пока она об этом думала, все остальное не имело значения.

— Что там? — крикнул Самманн, глядя в экран своей жужулы.

— Здесь, очевидно, есть съёмный люк, — сказала Корд. — Трапеция со скруглёнными углами. Нижнее основание два фута. Верхнее — полтора. Высота — четыре. Изгиб — как у корпуса.

Она выплясывала на месте, потому что леса под ней по-прежнему устанавливали; Корд стояла на двух перекладинах, а лестница двигалась. По аппарату скользило несколько её теней от разных фар. Корд вытащила из кармана налобный фонарик, включила и направила луч на обгорелый корпус.

— Давай назовём это дверью, — предложил Самманн.

— Хорошо. На двери надпись по трафарету. Буквы примерно в дюйм высотой.

— По трафарету? — переспросил Самманн.

— Да. — Корд надела фонарь на голову, освободив руки. — То есть они взяли лист бумаги с дырками в форме букв и по ней нанесли на металл краску. — Раздалось позвякивание: Корд прикладывала магнит к корпусу возле двери. — Ничего железного. — Затем скрежет. — Перочинным ножом не царапается. Видимо, жаропрочный антикоррозионный сплав.

— Очень интересно! — крикнул Ороло. — А можно её открыть?

— Думаю, надписи — инструкции, как открывать. Один и тот же текст — по одному трафарету — в четырёх местах. От каждого идёт линия...

— Стрелка? — спросил кто-то. Другие, стоявшие ближе и лучше видевшие, уверенно закричали: — Стрелка!

— На стрелки не похоже, но, может быть, Геометры рисуют их иначе, — сказала Корд. — Каждая указывает на панель размером примерно с мою ладонь. Панели удерживает крепёж... болты с утопленными головками... у меня нет отвёртки такой формы, но я могу фигурной...

Она принялась шарить по карманам.

— Откуда ты знаешь, что это крепёж? — выкрикнул кто-то. — Нам ничего не известно об инопланетном праксисе!

— Это очевидно! — ответила Корд. — Я вижу царапины, где какой-то инопланетянин их перетянул! Головки рифлёные, чтобы инопланетяне могли выкручивать их своими инопланетными пальцами после того, как немного ослабят. Вопрос один: слева направо или справа налево?

Она приставила отвёртку к болту, пристукнула основанием ладони и засопела, поворачивая.

— Справа налево!

Инаки почему-то страшно обрадовались.

— Геометры — правши! — крикнул кто-то, и все засмеялись.

Корд один за другим вынула болты и убрала в карман. Панель отскочила и с лязгом скатилась по лестнице на каменные плиты. Кто-то поднял её и принялся изучать, будто страницу священной книги.

— За панелью углубление с Т-образной рукояткой, — объявила Корд. — Но я не буду её трогать, пока не сниму остальные панели.

— Почему? — спросил кто-то — видимо, типичный инак-спорщик.

Корд, откручивая следующую панель, ответила спокойно:

— Когда ставишь колесо на моб, гайки затягиваешь в несколько приёмов, чтобы не перекосило.

— А что, если давление разное? — спросил Ороло.

— Ещё одна причина не торопиться, — заметила Корд. — Чтобы никого не пришибло отлетевшей дверцей. Кстати... — Она обернулась на толпу инаков.

Юл её понял. Он сложил руки рупором и заорал: «РАЗОЙДИСЬ! Все на сто футов от люка! РАЗОЙДИСЬ!» Голос был на удивление командирский. Люди подались в стороны, образовав коридор до Гнелева кузовиля.

Пока Корд снимала панели, над нами пролетели ещё два-три воздухолёта. Мы слышали, как они садятся по другую сторону стены. Сверху кто-то крикнул, что на дорогу возле сувенирной лавки выгружаются солдаты.

Мне пришла в голову мысль.

— Самманн, — спросил я, — ты передаёшь всё в авосеть?

— Улыбнись, — сказал он. — Ты насмешил сейчас миллиард жителей Арба.

Я постарался не думать про солдат и миллиард жителей Арба.

Аппарат зашипел. Корд отпрыгнула и едва не свалилась с лесов. Несколько секунд шипение асимптотически затихало. Корд нервно рассме-

ялась.

— Вот что бывает, когда поворачиваешь Т-образную ручку, — сказала она. — Открывается уравнительный вентиль.

— Воздух входит или выходит? — спросил Ороло.

— Входит. — Корд повернула остальные три ручки. — Ой!

Дверца отпала. Юл поймал её и опустил на землю. Мы все смотрели на него, а когда подняли головы, то увидели, что Корд, подбоченясь, светит фонариком в аппарат.

— Что там? — спросил кто-то из толпы.

— Мёртвая девушка, — ответила Корд. — С ящиком на коленях.

— Человек?

— Очень похоже, — сказала Корд. — Но не с Арба.

Она пригнулась, собираясь залезть в капсулу, но замерла, потому что лестница под ней заходила ходуном. Прежде чем пустить свою девушку в инопланетный корабль, Юл должен был лично убедиться, что внутри не затаились чудища. Леса и одного-то человека выдерживали с трудом, теперь на них стояли двое; понятно было, что пока на них горячий парень Юлассетар Крейд, больше

туда никто не залезет. Корд слегка обиделась; она не желала отходить в сторону, поэтому Юл встал на колени и просунул голову в аппарат на уровне её бёдер. Явно с бесценными теоретическими свидетельствами надо было обращаться иначе — бережнее, вдумчивее, без спешки. В других обстоятельствах инаки оттащили бы Юла и не дали ничего трогать, пока всё не измерено, не зафототипировано, не изучено. Однако рёв воздухолётов и другие звуковые эффекты сверху сильно изменили наши ценностные ориентиры. «Юл!» — крикнул Самманн и, как только тот обернулся, бросил ему жужулу. Юл поймал её и сунул в капсулу. Жужула видела в темноте лучше человека, поэтому он стал смотреть на её экран, как в прибор ночного видения. Тут-то он и обнаружил тёмные пятна на одежде мёртвой геометрисы.

— Она ранена! — крикнул Юл. — Она истекает кровью!

Некоторые инаки решили, что речь о Корд. Раздались испуганные возгласы, но вскоре стало понятно, что Юл говорит о геометрисе.

— Ты хочешь сказать, что он... что она жива?! — спросил Самманн.

— Не знаю! — крикнул Юл, оборачиваясь к нам.

Воспользовавшись тем, что он больше не мешает, Корд поставила ногу в капсулу и наклонилась внутрь. Мы услышали приглушённый возглас. Юл повторил его:

— Корд говорит, она ещё тёплая!

У меня в голове теснились теорические вопросы — и у всех остальных наверняка тоже: как определить пол инопланетного существа? Откуда известно, что у инопланетян вообще есть пол? Из чего следует, что у неё кровь, как у нас, и что она вытекает? Но опять-таки спешка помещала такие вопросы в своего рода интеллектуальный карантин.

Ороло крикнул:

— Если есть хоть малейший шанс, что она жива, надо попытаться её спасти!

Других указаний Юлу не требовалось. Одной рукой он бросил Самманну жужулу, а второй протянул Корд нож.

— Она крепко пристёгнута, — объяснил он. Теперь мы видели только ногу Корд, упирающуюся в лестницу. Мы ждали, бессильные помочь Корд, бессильные остановить грохот и металлический лязг, доносящиеся от ворот и стен концента наверху. Наконец Корд резко потянула и наполовину вывалилась из капсулы. Юл просунул туда

голову и плечи. Как инструктор по рафтингу, выдёргивающий из реки тонущего клиента, он со всей силы рванул геометрису и в итоге упал на лестницу, придавленный её телом. Алая жидкость текла по его бокам и капала с лестницы на землю. Двадцать рук поднялось, чтобы принять мёртвую инопланетянку, и Юл скатил её с себя. Три ладони — одна из них Ороло — придерживали голову девушки, чтобы не моталась. Я заглянул в лицо. С пятидесяти футов любой принял бы её за уроженку нашей планеты. Вблизи не оставалось сомнений, что она «не с Арба», как выразилась Корд. И дело было не в какой-то отдельной черте. Просто цвет и фактура кожи и волос, строение черепа, форма ушных раковин и зубов — всё немного отличалось.

Не было и речи о том, чтобы положить её на выжженную площадь, ещё горячую и усеянную битыми плитками. Мы принялись озираться в поисках подходящего места. Ближе всего была койка в Гнелевом кузовиле. Мы пробежали сто футов до машины, семеня, чтобы не уронить тело. Суура Малфа, врач концента, принялась ощупывать шею геометрисы ещё до того, как мы опустили тело на койку. Гнель догадался расстелить спальник. Мы уложили геометрису головой

к заднему откидному борту. На ней был свободный голубой комбинезон, пропитанный на спине липкой алой жидкостью — очевидно, кровью. Суура Малфа разорвала ткань и приложила к телу стетоскоп — в одном месте, в другом, в третьем.

— Конечно, я не знаю, где у неё сердце, но в любом случае я не слышу пульса. Только слабые звуки, которые я назвала бы кишечными шумами. Переверните её.

Мы перевернули геометрису на живот. Суура Малфа разрезала комбинезон. Ткань не только пропиталась кровью, но и была пробита мелкими дырочками. Малфа тряпкой вытерла кровь, и мы увидели созвездие круглых проникающих ран на пояснице, по большей части слева. Все ахнули и затихли. Суура Малфа некоторое время молчала, перебарывая шок, затем подняла голову, собираясь вынести медицинское заключение. Однако Гнель её опередил.

— Помповик, — диагностировал он. — Со среднего расстояния, — и без всякой необходимости подытожил: — Какой-то гад выстрелил бедняжке в спину. Упокой, Господи, её душу.

Одной из помощниц Малфы хватило присутствия духа засунуть градусник в отверстие между ног геометрисы.

— Температура тела примерно как у нас, — сказала она. — Смерть наступила минуты назад.

И тут обрушилось небо. Во всяком случае, так казалось в первые мгновения. Кто-то обрезал стропы, и парашют упал. Неожиданно до жути, но без всякого вреда. Все выбрались из-под него и принялись хватать, тянуть и комкать ткань. Общего плана не было, но довольно скоро посреди площади образовалась толпа инаков, катящая перед собой парашютный ком. Они загнали его на ступени храма, чтоб не мешал. Увидев, что с парашютом справятся без меня, я вернулся к аппарату с намерением сообщить последние новости. Мне хотелось припустить бегом, но по дороге уже спускались солдаты в спецкостюмах, и я поостерёгся будить в них инстинкт погони.

Самманн и Ороло рассматривали предмет, извлечённый из капсулы — ящик, который Корд увидела на коленях у геометрисы. Он был из какого-то волокнистого материала и содержал четыре трубочки с красной жидкостью — образцы крови, решили мы. На трубочках были наклейки с единственным словом на языке Геометров (у каждой трубочки своим) и круглым значком: изображением планеты — не Арба — из космоса.

Солдаты вырвали ящик у нас из рук. В одно

мгновение они оказались повсюду. У каждого был патронташ с чем-то похожим на великанские браслеты. Увидев инака, солдат выхватывал одну такую штуку и защелкивал у него на шее, после чего «браслет» оживал и принимался часто мигать. На каждом была спереди своя последовательность цифр, так что когда ты попадал в поле зрения спилекаптора, он запоминал твоё лицо и номер. Не требовалось большого ума, чтобы сообразить: ошейники нужны для слежки. Несмотря на свой жуткий вид и унизительность, ничего плохого они не делали, по крайней мере сейчас — видимо, военные просто хотели знать, кто где.

Фраа Ландашер держался молодцом, спрашивал — твёрдо, но спокойно, — кто здесь главный, по какому праву военные вторглись в матик («И кстати, в каком законе говорится об инопланетных спускаемых аппаратах?») и так далее. Однако солдаты были в костюмах, предназначенных для химической и бактериологической войны, что не облегчало диалог, а Ландашер плохо знал местные правовые нормы. Он мог бы выстроить блистательную юридическую оборону шесть тысяч четыреста лет назад, но не сейчас.

Четверо военных с особыми знаками различия, наспех приклеенными липкой лентой, подошли

к аппарату и начали распаковывать оборудование. Двое взобрались на леса, выгнали из капсулы осматривавшего её фраа и принялись сами брать образцы и снимать фототипии.

В том, что военные первым делом направились к аппарату, не было ничего странного. Между собой они говорили свободно, потому что в спецкостюмах была беспроводная связь, но нас почти не слышали. Если солдаты и обращались к нам, то лишь с приказаниями, а если слушали, то даже не скептически, а так, будто офицеры всех предупредили заранее, что инаки попытаются их околдовать. Те, что залезли в капсулу, могли бы заметить красную жидкость, но в полумраке, на тёмной обивке амортизационного кресла, занимавшего почти всю кабину, она была не так видна, как, возможно, кажется из моего прежнего описания. Лицевые щитки шлемов постоянно запотевали, руки в перчатках не чувствовали липкую влагу, воздушные фильтры не пропускали запахи. Я стоял рядом с аппаратом, постепенно привыкая к тому, что на мне ошейник, и внезапно подумал: военным невдомёк, что в кузовиле ста футами дальше лежит мёртвая геометриса. Миллиард жителей Арба видели передачу с Самманновой жужулы по авосети. Военные в своей

надёжной, изолированной сетке — нет. Мы с Орело, Самманном и Корд поняли это одновременно и весело переглянулись.

На некоторое время всех отвлёк Юл. Он отпихнул солдата, хотевшего надеть на него ошейник, а когда тот поднял автомат, настоял, что наденет ошейник сам. Однако, едва солдат отошёл, Юл стащил ошейник через голову — шея у него была мощная, а голова — маленькая. Правда, Юл порезал себе уши и поцарапал кожу на затылке, но справился. Получив моральное удовлетворение, он надел ошейник обратно.

Наконец офицер увидел небольшую толпу неокольцованных инаков возле Гнелева кузовиля и отправил туда взвод. Судя по всему, мы могли перемещаться свободно, если не мешаем военным и не пытаемся сбежать, поэтому я двинулся за солдатами на удалении, которое, я надеялся, они сочтут почтительным.

Инаков в ошейниках сгоняли к ступеням храма. Шеренга солдат прочёсывала площадь теглона, подбирая битые плитки и всё остальное, что могло разлететься и кого-нибудь изувечить при посадке воздухолётов. Большой аппарат вертикальной посадки висел над нами, ожидая, когда расчистят площадь. Я решил, что нас хотят за-

толкать в воздухолёты и увезти в какое-то место содержания под стражей, и сказал себе, что постараюсь как можно дольше не попадать на борт.

Командир взвода не выказал ни малейшего интереса к тому, чем полдюжины инаков заняты у кузовиля, просто велел всем отойти от машины и построиться в шеренгу, чтобы надеть на них ошейники. Инаки растерянно подчинились. Солдат обошёл кузовиль, проверяя, не остался ли там кто-нибудь. Он увидел тело, сорвал с плеча автомат — его товарищи разом повернули головы, — затем успокоился и снова закинул автомат за спину. Он медленно подошёл к машине (по его движениям как-то угадывалось, что он говорит со своими по беспроводной связи). Командир взвода обратился к сууре Малфе — очевидно, врачу, поскольку она была вся заляпана кровью:

— У вас есть пострадавший?

— Да.

— Требуется ли вам?..

— Она мертва, — отвечала суура Малфа. — Врач нам не нужен.

Она говорила резко, чуть иронично. До неё, как раньше до меня, дошло, что солдаты ничего не знают. Спроси они нас, мы бы ответили: мы бы рассказали столько, что они бы устали слушать.

Однако они не спросили. Их не интересовали наши знания, наше мнение. И мы — инаки — дружно решили: «Ах так? Ну и катитесь вы все!..»

Солдаты принялись надевать ошейники на Малфу и её помощниц, но вдруг разом замерли. Некоторые поднесли перчатки к шлемам. Я обернулся и увидел, что все военные на площади и вокруг аппарата ведут себя так же. Моя первая догадка была, что игры закончились: какой-то генерал, смотрящий гражданскую авосеть в кабинете за тысячу миль отсюда, орёт по связи, что в кузовиле — мёртвый инопланетянин. Сейчас все солдаты ринутся к нам.

Вместо этого они разом посмотрели на небо.

Что-то происходило.

Зависший над нами воздухолёт тоже получил сообщение: рёв двигателей изменился, машина пошла вбок, одновременно набирая высоту.

Солдаты у кузовиля переглядывались, не забывая посматривать наверх.

— Эй! — крикнул я. — Эй! Посмотри на меня!

Командир взвода наконец повернулся ко мне лицевым щитком.

— Мы ничего не слышим! — заорал я. — Что происходит?

— ...бу-бу-бу-бу... ЭВАКУАЦИЯ! — сказал он.

Ганелиалу Крейду не нужно было повторять дважды. Он запрыгнул в кабину и завёл двигатель. Суура Малфа и одна из её помощниц забрались в кузов к «пострадавшей». Я решил сперва сбегать к аппарату и убедиться, что мои друзья тоже в курсе — и надавить на Ороло, если тот начнёт упираться. По всей площади солдаты размахивали руками, направляя инаков к дороге. Гнелев кузовиль ехал со скоростью неторопливого пешехода, то и дело останавливаясь и подбирая тех инаков, которые не могли бежать. То же самое делал Юл на своём фургоне: я обрадовался, увидев на переднем сиденье Корд. Однако дорога была уже запружена людьми, и машины не могли двигаться быстрее идущих.

Или бегущих. «ЖИВЕЕ! ЖИВЕЕ!» — кричал кто-то. Офицер сорвал шлем — плевать на инопланетную инфекцию! — и принялся орать в мегафон:

— Если можете бежать, бегите! Если не можете, садитесь в машины!

Мы с Ороло и Самманном оказались в самом хвосте толпы. Пока мы бежали к дороге, я вопросительно глянул на ита. Тот передёрнул плечами.

— Авоську они заглушили, а их передачи я не ловлю.

Я посмотрел на Ороло, который не сводил глаз с западного края неба.

— Думаешь, будет что-то ещё? — спросил я.

— С посадки капсулы прошёл примерно один орбитальный период, — заметил он. — Если Геометры хотят при следующей возможности что-нибудь на нас сбросить, это произойдёт сейчас.

— Сбросить? — переспросил я.

— Ты видел, что сделали с бедной девушкой! — воскликнул Ороло. — На икосаэдре бунт. Возможно, гражданская война. Одна партия хочет делиться с нами информацией, другая готова убивать, чтобы этого не случилось.

— Убивать... и нас тоже?

Ороло пожал плечами. Мы добежали до начала подъёма и оказались в пробке. Я оглядел дорогу, вьющуюся по бортам котлована. Наверху инаки и солдаты бежали, но, по таинственным законам транспортных заторов, мы внизу не двигались совсем. Оставалось ждать, пока пробка рассосётся. Мы были последними инаками в очереди; за нами два взвода солдат, сгибаясь под тяжестью снаряжения, терпеливо ждали, демонстрируя

флегматичную покорность извечной солдатской доле. Орифена за их спинами была совершенно пуста, если не считать инопланетного аппарата.

Ороло повернулся лицом ко мне.

— К нашему недавнему разговору, — сказал он с улыбкой, словно приглашая меня к диалогу на кухне трапезной.

— Да? Ты хочешь что-то добавить?

— По существу — нет, — признался он. — Просто события принимают хаотический оборот — возможно, у нас не будет другого случая поговорить.

— Я намерен оставаться рядом с тобой...

— Вряд ли нас спросят. — Он провёл пальцем по ошейнику. — Мой номер нечётный, твой — чётный. Мы можем оказаться в разных палатках или где там ещё.

Очередь перед нами наконец стронулась с места. Самманн, видя, что нам нужно поговорить между собой, протиснулся вперёд. Через две минуты мы уже шли, через пять — бежали трусцой.

Ороло, не переставая поглядывать на запад, сказал:

— Если ты попадёшь в Тредегар и решишь изложить наш сегодняшний разговор, то реакция на твои слова будет сильно зависеть от слушателей

— от того, из какого они матика.

— В смысле, процианe или халикаарнийцы? — спросил я. — Мне к этому не привыкать.

— Не совсем так, — сказал Ороло. — Большинство — и процианe, и халикаарнийцы — сочтут его пустой метатеорической болтовней. Несвоевременной тратой времени. А вот если ты будешь говорить с кем-нибудь вроде фраа Джада...

Он замолчал. Я думал, что он просто переводит дух, поскольку теперь мы бежали. Ещё один воздухолёт заходил на посадку перед воротами, и Ороло вынужден был повысить голос. Однако, глянув вбок, я заметил на его лице неуверенность — выражение, которое я меньше всего привык ассоциировать с па Ороло.

— Думаю, — сказал он наконец. — Думаю, они всё это знают.

— Что?

— То, что я говорил тебе раньше. Знают, что это правда.

— Хм...

— И знают по меньшей мере тысячу лет.

— Гм...

— И они... они экспериментируют.

— Что?!

Ороло пожал плечами и горько улыбнулся.

— Аналогия: когда теоры лишились коллайдеров, они подняли глаза к небу и сделали космографию своей лабораторией. У них не было другого способа превратить философию в теорику. Вот так же, когда людей поселили на скалистом утёсе, у них не осталось иных занятий, кроме как думать о том, о чём мы с тобой говорили раньше. И тогда они... некоторые из них придумали экспериментальный способ проверить, правду они говорят или чушь. И отсюда, методом проб и ошибок, со временем развился праксис.

Он подмигнул мне.

— Так ты думаешь, фраа Джад отправил меня сюда, чтобы выяснить, знаешь ли ты?

— Подозреваю, что да. В нормальных обстоятельствах они бы просто перетащили меня в центенарский или милленарский матик... — Он снова посмотрел на небо. — А вот и он! — Сказано это было так, будто Ороло ждал поезда, и поезд наконец показался.

Белая черта разрезала небо пополам, двигаясь с запада на восток, и, не замедляя скорости, воткнулась в кратер вулкана несколькими тысячами футов выше нас.

За мгновение до того, как до нас долетел звук, Ороло заметил:

— Умно. Они не могут попасть точно в капсулу. Но они достаточно знают геологию...

В следующие полчаса я больше ничего не слышал. Слух был хуже, чем бесполезен — я жалел, что не родился глухим.

Фраа Халигастрем научил меня некоторым геологическим терминам, которыми я здесь воспользуюсь. Могу вообразить, как Корд трясёт головой и ругает меня за сухой теорический язык вместо правды чувств. Однако правда чувств — чёрный хаос ужаса и растерянности, и единственный способ осмысленно передать случившееся — изложить ход событий, как нам удалось восстановить его позже.

Геометры кинули в нас камень. Вернее — длинный стержень из какого-то тяжёлого металла, но по сути — тот же камень. Он пропорол четвертьмильную корку застывшей лавы на вершине вулкана и обратился в пар, породив чудовищный выброс энергии, который мы ощутили как подземный толчок. Напряжение разрыва передалось по каналу, пробитому стержнем в породе, расширяя его и отыскивая системы трещин, которые немедленно раздвинула хлынувшая вверх магма. Растворенные в ней газы начали высвобождаться, как в газировке, когда

её открываешь. «Вскипевшая» лава при выбросе разлетелась в пепел, который по большей части устремился вертикально вверх и со временем осел пылью на тысячу миль по ветру. Но часть образовала гигантское облако, и оно катилось по склону, как лавина, — ярко-оранжевое, легко различимое в темноте. Когда мы вскочили с дороги, на которую нас бросило землетрясением, и обезумевшей толпой ринулись к выходу из котлована, мы ясно увидели, что палящая туча надвигается, и, если не убраться с её пути, она одновременно раздавит нас, как молот, и испепелит, как огнемёт. Убраться можно было только одним способом: на воздухолётах, стоящих между стеной концента и сувенирной лавкой. Они были рассчитаны только на солдат и снаряжение, поэтому военные выбросили всё, что привезли с собой, освобождая место для пассажиров — инаков. Из воздухолётов летели на землю огнетушители и аптечки — лишний груз, вместо которого можно взять людей.

Дальше всё сводилось к простым расчётам, понятным любому теору. Пилоты знали, какой вес они могут поднять и сколько в среднем весит один человек. Разделив одно на другое, они получали количество людей, которое могут принять

на борт. Чтобы не превысить этот лимит, пилоты вытащили пистолеты, а у дверей воздухолётов поставили вооружённых солдат. Военные в основном знали, куда им садиться — они просто возвращались по своим машинам. Орифеняне метались по площадке, спотыкаясь о брошенное снаряжение. Пилоты впускали инаков по одному, указывая на них пальцем, и считали. Время от времени они решали выбросить что-нибудь ещё и взять дополнительного пассажира. Когда мы с Ороло и Самманном добежали до ворот, почти все места были уже заняты. Полные воздухолёты взлетали, иногда — с цепляющимися за шасси людьми. Оставшиеся инаки бегали от одного воздухолёта к другому, и я с радостью видел, что многих всё-таки сажают. Машины Гнеля и Юла стояли с включёнными фарами и двигателями, но самих их видно не было — наверное, они всё-таки попали на борт! А вот Ороло я потерял. Бегущий солдат схватил меня за руку и потянул к воздухолёту, раскручивавшему винты. Комья грязи летели во все стороны. Меня втащили в дверцу, когда полозковые шасси машины уже отрывались от земли. Солдат вскочил на полоз. Я повернулся к дверце, чтобы посмотреть вниз. Самманна и Ороло видно не было — хорошо!

Только бы им нашлось место! На площадке осталось только два воздухолёта. Один взлетел, стряхнув двух инаков, безуспешно цеплявшихся за дверцу. Ещё по меньшей мере десять человек остались внизу. Одни обречённо сидели, другие неподвижно лежали, где упали, третьи бежали к морю. Один припустил к последнему воздухолёту, но я видел, что он не добежит — слишком далеко. В голове пульсировала мысль: «Почему не возьмут этих людей — их же совсем немного!» Однако ответ был очевиден: моторы нашего воздухолёта ревели на полную мощь, но машина поднималась не быстрее, чем лезущий по лестнице человек. Люди вокруг торопливо швыряли в открытую дверь всякую мелочёвку, которую можно выкинуть. Чей-то фонарик ударил меня по затылку и упал на пол; я схватил его и бросил наружу.

Он едва не попал в инака, который торопливо шагал к последнему оставшемуся воздухолёту, согнувшись под чем-то тяжёлым. Фары Гнелева кузовиля светили ему в спину. Я узнал груз — это была мёртвая геометриса, забытая и брошенная в кузове. Из дверцы воздухолёта высунулись руки. Инак со всей силы упёрся ногами в землю и подбросил геометрису в воздух. Руки подхватили

её и втащили на борт. Солдат у двери, оскалив зубы, что-то прокричал в микрофон. Воздухолёт поднялся, оставив на земле человека, который принёс тело. Я заставил себя взглянуть на него и увидел то, чего ждал и боялся: это был Ороло, один перед воротами Орифены.

Мы уже набрали высоту, так что я видел склон горы за стенами и зданиями концента. Облако было такое же, как в старых текстах, которые пересказывал нам фраа Халигастрем: тяжёлое как камень, текучее как вода, горячее как печь и — теперь, когда оно промчалось несколько тысяч футов по склону, — быстрое, как сверхскоростной экспресс.

— Нет! — закричал я. — Мы должны вернуться!

Никто меня не слышал, но солдат, увидев выражение моего лица и то, что я повернулся к кабине пилота, спокойно вытащил пистолет и приставил мне к середине лба.

Следующей моей мыслью было: «Хватит ли мне духу выпрыгнуть, чтобы Ороло взяли вместо меня?» — но я знал, что воздухолёт не станет за ним спускаться — на это не оставалось времени.

Ороло с любопытством огляделся. Лицо у него было почти скучающее. Он шагнул в сторону, что-

бы видеть гору через открытые ворота, и, думаю, оценил, сколько секунд у него в запасе. Потом поднял брошенную кем-то лопату и её ручкой провёл на мягкой земле дугу. Он повернулся раз, другой, третий, соединяя дуги в бесконечный, плавный изгиб аналеммы. На неё он и встал, ровно посередине, лицом к своей смерти.

Здания рушились ещё до того, как их касалась палящая туча — она гнала перед собой невидимую ударную волну. Несколько секунд фронт разрушений катился по конценту, затем достиг стены. Она выгнулась, треснула — несколько блоков отлетели, — но не упала, и лишь когда в неё ударила палящая туча, рассыпалась, как песчаный замок, когда его накроет волной.

— Нет! — снова закричал я. Ударная волна бросила Ороло на землю, как сноп колосьев. Нам миг его окутало дымом — жар двигался впереди палящей тучи, словно её предвестник. Воздухолёт тряхнуло. Туча вырвалась из ворот, прокатилась по развалинам стены и накрыла Ороло. Долю секунды он был цветком жёлтого пламени в реке света, затем слился с нею. Осталась лишь струйка дыма, вьющаяся над потоком огня.

ЧАСТЬ 9. Инбрас

> ***Конвокс**, большое собрание инаков из матиков и концентов по всему миру. Обычно проводится на тысячелетний аперт или после разорения, но может быть созван в исключительных обстоятельствах по просьбе мирских властей.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

На леса и луга пролился млечный свет и застыл липким густым маревом. Это был день без утренней зари. Миллионогранная сетка трещин на иллюминаторе измельчала свет в диковинных цветов пыль. Я смотрел сквозь щиток костюма-аэростата. На сиденье рядом со мной стоял оранжевый саквояж: он дышал, вздымаясь как грудь, и убивал всё, что из меня выходило. Инаки и бонзы, созванные на конвокс со всего Арба, были слишком важны, чтобы подвергать их риску заражения инопланетными микробами, поэтому мне до дальнейших указаний предстояло жить в пузыре.

Я не мог взять в толк, зачем вообще везти меня

в Тредегар, если есть риск. Никакой диалог между разумно мыслящими людьми не привёл бы их к заключению, что меня всё-таки надо туда доставить — но в костюме-аэростате. Однако, как сказал Ороло, конвокс — это политика. Решения там принимались компромиссные. И, как всегда, компромисс между разумными альтернативами оказался полной нелепостью.

Поэтому знаменитую скалу я увидел через несколько слоёв запотевшего, исцарапанного и потресканного полимера и многомильное марево: дым, пар или пыль, я определить не мог. Поэты, воспевавшие скалу, всегда видели её на рассвете или на закате великолепного дня и гадали, чем заняты тысячелетники в своих башнях. Поэты не знали или стеснялись упоминать, что гранитный массив пробит туннелями, в которых хранятся радиоактивные отходы, и что Три нерушимых устояли не благодаря мощи своих стен или отваге защитников, а благодаря соглашению между матическим миром и светской властью. Я попытался вообразить поэму, которую напишет человек, видящий и знающий то же, что я. Лицевой щиток затуманился от моего невольного смешка. Впрочем, когда он очистился и мне вновь предстала мрачная, обесцвеченная дымкой кар-

тина, я подумал, что поэма всё-таки вышла бы классная. Скала выглядела на тысячу лет древнее чего-либо на Экбе, а помехи для взгляда создавали эмоциональную отдалённость, как будто я космограф и смотрю на пылевое облако в телескоп.

Тредегар выстроили дальше от крупных городов поздней эпохи Праксиса, чем Мункостер или Барито. Вместе с угрюмым видом скалы это создало ему репутацию уединённого места. Города, окружавшие Мункостер и Барито, с тех пор не раз исчезали с лица Арба и возникали вновь, такие же пертурбации происходили вокруг Тредегара, но матическое сообщество упорно считало его укромной лесной обителью. Однако мы приземлились на большом аэродроме в получасе ходьбы от дневных ворот, и, глядя из моба на то, что сверху принял за леса, я понял, что на самом деле это арборетарии, а луга — вовсе не луга, а газоны перед домами богатых мирян по краю «леса».

Дневные ворота были очень высокие — я не заметил, как мы их миновали. Вымощенная красным камнем дорога, такая широкая, что по ней могли бы ехать рядом два моба, поворачивала вправо к огромному матическому сооружению, которое я сперва ошибочно принял за собор. Однако это была всего лишь врачебная слобо-

да, а красная дорога служила ориентиром для неграмотных пациентов и тех, кто их навещает. Тащить дыхательный саквояж было бы слишком тяжело, и меня посадили в самоходную тележку. Водитель выехал на красную дорогу и круто взял к обочине, объезжая старого пациента в инвалидном кресле, обвешанном датчиками и капельницами. Сразу за аркой мы свернули с красной дороги в коммуникационный коридор, миновали ряд боксов с металлическими стойками и жутковатой сантехнической арматурой и, преодолев небольшой подъём, оказались во дворе. Он был примерно с наш клуатр, но казался меньше из-за высоких зданий по периметру. В углу был приткнут новёхонький жилой модуль — трубы и воздуховоды из его окон вели к каким-то рычащим машинам и лабораторной будке. Мне сказали войти внутрь и снять костюм. Дверь за мной закрыли; я услышал щелчок замка и пуканье отрываемой от рулона полимерной ленты, которой заклеивали щели. Я выбрался из костюма, отключил саквояж и затолкал их под кровать. В модуле были спальня, санузел и кухонно-обеденный закуток. Окна залепили толстой полимерной плёнкой и (на случай, если я окажусь клаустрофобом и в приступе паники

начну рваться на волю) затянули снаружи металлической сеткой.

Довольно тоскливо. Тем не менее я впервые за несколько недель остался один, и в этом смысле трудно было представить себе большую роскошь. Я почти не знал, что делать наедине с собой. В голове шумело, и я чувствовал, что вот-вот сорвусь. Но за мной наверняка наблюдали. Я отчётливо помнил свою зарёванную физиономию, которую нечаянно запечатлел в Оке Клесфиры после анафема Ороло — *первой* его смерти. Какой-то инстинкт гнал меня забиться в нору. Я пошёл в ванную, потушил свет, включил душ и залез под воду. Как только температура стабилизировалась, я сполз по стенке, сложился в пополам над сливным отверстием и, наконец, дал себе волю. Много чего утекло в тот слив.

Не обратись Ороло в дым на моих глазах, приключение составило бы отличную историю. Наш воздухолёт вместе с несколькими другими долетел до ближайшего острова с наветренной стороны Экбы и сел на пляж, распугав местных, которые собрались на берегу выпить, закусить и полюбоваться извержением. У одного воздухолёта кончилось горючее и он сел на воду. Поскольку спасательные плоты выкинули, освобождая ме-

сто для пассажиров, многие бы утонули, если бы не инаки, превратившие свои сферы в поплавки. Вторая волна воздушных десантников забрала их с воды и доставила на тот же берег, куда раньше высадили нас. Мирская власть поставила вокруг кордон. Нам сбросили палатки, и мы разбили лагерь «Новая Орифена» с брезентовым клуатром посередине и цифровым будильником на палке, перед которым отмечали провенер. Мы справили реквием по Ороло и другим погибшим. Тем временем военные поставили вокруг другие палатки, побольше. Нас прогнали через них голыми, облили какой-то дезинфицирующей жидкостью и снабдили пластиковыми мешками для кала и мочи, а также бумажными комбинезонами, которые предполагалось сжигать по мере того, как они испачкаются. Несколько дней мы жили на военных пайках. Время от времени нас вызывали, чтобы опросить, зафототипировать и биометрически отсканировать.

На второй день около полудня на дорогу, превращённую во временный аэродром, опустился большой воздухолёт с фиксированными крыльями. Через некоторое время караван мобов доставил на пляж гражданских, из которых часть была в стлах и хордах. Назвали моё имя.

Я подошёл к воротам лагеря и через широкую противоинфекционную полосу земли побеседовал с делегацией Тредегара. В ней было человек двадцать пять. Пока они не заговорили со мной на чистейшем орте, я не во всех признал инаков, так их стлы и хорды отличались от наших, эдхарских. Это были представители самых разных концентов. Я узнал только одну сууру — долистку, пришедшую мне на выручку в Махще. Я поймал её взгляд и легонько поклонился, она ответила тем же.

Пе-эр группы сказал что-то очень уважительное и складное про Ороло, потом сообщил, что я буду помогать им готовить «данные» к отправке на конвокс, а завтра полечу с ними в Тредегар. Под «данными» подразумевались ящик с образцами крови и тело геометрисы — их военные конфисковали и хранили на льду в отдельной палатке.

Тем временем Самманн разговаривал со своими собратьями — небольшим отрядом ита, прибывшим в отдельной машине.

После этого я всё время работал, что, наверное, было к лучшему, поскольку не оставляло времени для раздумий. Ороло отдал жизнь за теорические знания, заключённые в мёртвой геометрисе, и,

готовя тело к отправке, я мог выказать ему то уважение, какое выказал бы к Ороло, сумей мы похоронить его как следует. Две жизни — одна арбская, другая инопланетная — были принесены в жертву, чтобы мы получили эти знания.

В свободное время я говорил с Корд. Сперва я рассказывал о своих чувствах, а она слушала. Когда, наконец, Корд поделилась со мной своим взглядом на события, я понял, что она толкует их с келкской точки зрения. По всему выходило, что у магистра Сарка стало на одну последовательницу больше. Его слова в Махще не произвели на Корд сильного впечатления, но то, что случилось в Орифене, каким-то образом изменило её взгляд. Я не чувствовал, что должен разубеждать сестру. Я понимал, что это снова история со сломанной плиткой. Кому нужно более правильное объяснение, если постичь его может лишь инак, посвятивший теорике всю жизнь? Для Корд при её независимом характере жить с такими идеями было всё равно что готовить на плитке, которую она не может разобрать и починить.

Выжатый как лимон, но немного окрепший духом, я бродил по своему новому дому.

Полкухни занимали нераспечатанные блоки бутылей с питьевой водой. В шкафчиках ле-

жали вперемежку экстрамуросские продукты и плоды тредегарских арборетариев. На столе обнаружилась стопка книг: несколько очень древних фантастических романов (оригиналы, машинно отпечатанные на дешёвой бумаге, давно рассыпались в прах; эти были переписаны от руки на настоящих листьях) и жалкие крохи метатеорики, философии, квантовой механики и неврологии: бессмертные творения Протеса рядом с трудами инаков из концентов, про которые я даже не слышал. Складывалось впечатление, что какому-то фиду поручили снабдить меня чтением, и тот пробежал по библиотеке с завязанными глазами, хватая что под руку попадётся.

На кровати лежали стла, хорда и сфера, сложенные и перевязанные по канону. Я распутал узлы, расправил складки, сбросил остатки экбского облачения и оделся. И разом всё с той минуты, когда я вышел из дневных ворот, превратилось в сон — далёкий, как время до моего поступления в Эдхар.

В кухне я затолкал всю мирскую еду подальше в шкафчики, а матическую оставил на виду, чтобы она пахла и радовала глаз. У меня было всё нужное для приготовления хлеба, и я, не задумываясь, поставил тесто. Запах опары прогнал

вонь полипласта, средства для чистки ковров и оргалита.

Пока тесто подходило, я попытался читать метатеорическую книжку и уже задрёмывал (текст оказался страшно мудрёным, а мои внутренние часы не торопились подстраиваться под солнечный ритм), когда кто-то попытался до смерти перепугать меня стуком в стену вагончика. Я узнал Арсибальта по силе ударов. По шагам. По тому, как он методично колотил в каждый участок стены, как будто я с первого раза не услышал.

Я открыл окно и заорал через металлическую сетку и мутный полипласт:

— Дом не каменный, как те, к которым ты привык. Слабый удар разносится очень громко.

Перед окном возник смутный силуэт Арсибальта.

— Фраа Эразмас! Рад слышать твой голос и созерцать твои неясные очертания!

— Взаимно. Так я здесь по-прежнему фраа?

— Расписание такое плотное, что твой анафем в него не втиснуть. Так что не воображай о себе лишнего.

Долгая тишина.

— Мне ужасно жаль, — сказал он.

— Мне тоже.

Голос у Арсибальта был убитый, поэтому я добавил, просто чтобы не молчать:

— Видел бы ты меня час назад! Тряпка, честное слово. Да и сейчас тоже.

— Ты был... там?

— Футах в двухстах.

И тут он зарыдал. Я не мог выйти и обнять его, поэтому мучительно принялся искать нужные слова. Теперь я видел, что ему ещё хуже. Не то чтобы мне легко было смотреть на гибель Ороло. Но раз уж так вышло — лучше, что всё случилось на моих глазах. И что следующие дни я провёл с друзьями на берегу.

Вечером того дня, когда представители Тредегара сообщили мне дальнейшие планы, я сидел у костра с Юлом, Корд, Самманном и Гнелем. Не было надобности говорить, что, возможно, мы больше друг друга не увидим.

— Вряд ли меня везут туда, просто чтобы предать анафему, так что, наверное, меня ждёт прежняя жизнь. — Я обвёл взглядом их лица, озарённые пламенем костра. — Но я уже не буду прежним.

— Ещё бы, — сказал Юл. — После таких головных травм.

Ганелиал Крейд сообщил:

— Я остаюсь с ними.

Мы не сразу поняли, что он имеет в виду орифенян.

— Я поговорил с Ландашером, — сказал Гнель, забавляясь нашей реакцией. — Он пообещал назначить мне испытательный срок и, если я не буду очень назойливым, возможно, позволит остаться.

Юл встал, обошёл круг, обнял двоюродного брата со спины и хлопнул по плечу. Мы подняли за здоровье Гнеля полипластовые стаканчики со сладкой водой.

Все повернулись к Самманну, который развёл руками и объявил:

— Всё случившееся заметно повысило мой рейтинг.

Он замолчал и с довольным видом выслушал наши шутливые упрёки.

— Я лечу на конвокс вместе с фраа Эразмасом, но, вероятно, в другом отсеке.

Это меня так проняло, что я встал и обнял его, пока ещё можно.

Наконец общее внимание переключилось на Юла и Корд, которые сидели в обнимку.

— Мы теперь ведущие арбские эксперты в технологии Геометров, — начал Юл. — Будем

предлагать свои услуги в таком качестве.

— Кроме шуток, — подхватила Корд. — Очень многие хотят задать нам вопросы. А поскольку спускаемый аппарат погиб, то, что мы видели — очень важно. Может, мы тоже окажемся в Тредегаре.

— Юлов фургон тоже погиб, — заметил я. Мне смутно помнился его обгорелый остов, несущийся в потоке огня мимо фраа Ороло.

Юл молча смотрел на море.

Корд напомнила:

— Мой кузовиль в Норслове. Когда всё немного уляжется, мы его заберём. А потом думаем поехать в горы на медовый месяц.

Наступила тишина. Корд длила паузу, сколько могла, потом спросила:

— Я не говорила, что мы обручились?

Накануне вечером Юл с заговорщицким видом подошёл ко мне и достал из кармана что-то блестящее: металлическое кольцо из парашюта Геометров, которое он раскалил на костре, раздуваемом самодельными мехами, и подогнал (как надеялся) под безымянный палец Корд.

— Я хочу предложить Корд... ну... ты понимаешь... Не сейчас, а позже, когда всё устаканится.

Я понял, что Юл спрашивает у меня, как у брата,

разрешения, поэтому обнял его и сказал: «Знаю, ты о ней позаботишься». Юл стиснул меня так, что чуть не сломал хребет — я уже думал, придётся звать долистов, чтобы разжать его хватку.

Немного успокоившись, он заставил меня посмотреть кольцо.

— Конечно, не золото, — признал он, — но... оно ведь с другой планеты и всё такое... так что вроде бы редкая штучка, да?

— Да, — заверил я. — Редчайшая.

Мы оба невольно покосились на мою сестру.

Видимо, накануне он сделал ей предложение и она согласилась. Некоторое время все как сумасшедшие вопили и обнимались. Вскоре вокруг собралась толпа орифенян, привлеченных слухами, что церемония состоится прямо сейчас. За ними подтянулись солдаты, а затем и представители конвокса, хотевшие знать, что происходит. У нас возникла безумная мысль сыграть свадьбу прямо на пляже, но через несколько минут все остыли, и дело ограничилось праздником по случаю помолвки. Орифенские сууры нарвали в придорожной канаве охапки полевых цветов и сплели венки. Солдаты, проникшись общим духом, извлекли ниоткуда выпивку и принялись грубыми голосами поздравлять Юла и Корд. Вер-

толётный механик подарил ей свою любимую фигурную отвёртку.

Через час я уже летел на самолёте в Тредегар.

Арсибальт немного успокоился. Я услышал его тихий, прерывистый вдох.

— Как я понимаю, он принял свою участь хладнокровно?

— Да.

— Ты знаешь, что означает символ, который он начертил на земле? Аналемма?

Меня поразила неожиданная мысль.

— Постой! А ты откуда про неё знаешь? Вам что, разрешают спили смотреть?

Арсибальт обрадовался случаю меня просветить. Даже повеселел сразу.

— Я забыл, ты ведь ничего не знаешь про конвокс. Если всем хотят что-нибудь сообщить — например, когда Джезри вернулся из космоса, — нас собирают в унарском нефе, это единственное место, куда все помещаются. Правила смягчены — нам показывают спили. У нас был пленарий на весь день — страшно выматывающий — сразу после Посещения Орифены.

— Вы так это называете?

Арсибальт кивнул. Через полипласт лицо было толком не разглядеть, но у меня возникло нехо-

рошее чувство, что он снова начал отпускать бороду.

— Ясно, — сказал я. — Так вот, мы провели вместе несколько дней до того... до того, что вам показали. Разумеется, я видел орифенскую аналемму, древнюю, на полу храма.

— Вот, наверное, было зрелище... Повезло тебе!

— Ещё бы! Тем более что теперь её уже никто не увидит. Что до аналеммы, которую начертил Ороло, боюсь, он не говорил мне ничего такого, что бы...

— В чём дело? — спросил Арсибальт, потому что я осекся на полуслове.

— Я только что вспомнил одну вещь. Слова Ороло. Последнее, что он мне сказал до того, как аппарат включил двигатели. «Они расшифровали мою аналемму!»

— Они, надо понимать, Геометры?

— Ага. Тогда я не успел спросить, что это значит...

— А потом было уже поздно, — закончил Арсибальт.

Мы ещё настолько не свыклись с утратой, что замолкали всякий раз, когда разговор касался смерти Ороло. Однако мы продолжали думать.

— Фототипия в его келье. На Блаевом холме,

— сказал я. — Там была аналемма. Древняя.

— Да, — сказал Арсибальт. — Я её помню.

— Такое ощущение, что она была для него подобием религиозного символа. Как треугольник для некоторых скиний.

— Тем не менее это не объясняет его слова о Геометрах, — заметил Арсибальт.

Мы довольно долго размышляли, но так ни до чего и не додумались.

— На том пленарии, — сказал я, — после возвращения Джезри, ты видел, что произошло с небесным эмиссаром?

— А ты?

Мы помолчали, провоцируя друг друга на неуместную шутку, но время для этого, видимо, ещё не пришло.

— Как остальные?

Арсибальт вздохнул.

— Я их почти не вижу. Нас приписали к разным лабораториумам. На переклинии, разумеется, дурдом. И мы выбрали разные лукубы.

Я мог только гадать, что означают эти слова.

— Ты можешь хотя бы рассказать, как у них дела?

— Тебе надо понять: для Джезри и Алы всё было по-другому, — начал он.

— В каком смысле?

— Их призвали на воко. Они умерли, как все, чьи имена прозвучали, и должны были начать новую жизнь. Некоторым она даже понравилась. И все к ней привыкли. Потом, несколько недель спустя, всё превратилось в конвокс.

— Им пришлось воскреснуть.

— Да. Так что, конечно, будет какая-то неловкость.

— Неловкость? Что ж, хоть что-нибудь здесь будет для меня привычным.

Арсибальт не рассмеялся — только прочистил горло.

— Тебя отсюда выпустят, оглянуться не успеешь, — объявил Джезри. Вопреки мрачным пророчествам Арсибальта, он явился ещё до того, как остыл мой хлеб.

Он говорил с такой абсолютной самоуверенностью, что я понимал: ему приходится выдавливать каждое слово через задницу.

— На чем основано твоё предсказание? — спросил я.

— Лазер был не того цвета.

Я повторил его фразу вслух, но всё равно ничего не понял.

— Лазер, которым осветили Три нерушимых,

— сказал Джезри. — В ту ночь, после которой всё это превратилось в конвокс.

— Он был красный. — Я понимал, что не говорю ничего умного, но пытался вышибить хоть какую-нибудь информацию из мозгов Джезри, и для этого в них надо было запустить камнем.

— Тут в Тредегаре некоторые разбираются в лазерах, — сказал Джезри. — Они сразу почуяли что-то странное. Есть известное число газов или их смесей, которые дают красное излучение. У каждого — своя длина волны. Специалист по лазерам может взглянуть на пятно света и сразу определить состав активной среды. Лазеры Геометров были незнакомого цвета.

— Не понимаю, какое...

— По счастью, космограф из Рамбальфа догадался подставить под этот свет фотомнемоническую табулу, — продолжал Джезри. — Так что теперь мы знаем длину волны. Оказалось, что она и впрямь не соответствует никаким известным спектральным линиям.

— Погоди, такого не может быть! Длины волн выводятся из квантово-механических уравнений, базовых для всего!

— Вспомни новоматерию, — сказал Джезри.

Я задумался. Если нахимичить с устройством

ядра, изменятся и орбиты электронов. Лазерное излучение происходит от того, что электрон перескакивает с более энергетически высокой орбиты на более низкую. Разница энергий определяет длину волны, то есть цвет излучения.

— У лазеров из новоматерии цвета, которых нет в природе, — вынужден был признать я.

Джезри молчал, дожидаясь, когда я сделаю следующий шаг.

— Итак, — продолжал я, — у Геометров есть новоматерия — они используют её в лазере.

Джезри сменил позу. Через полипласт я только позу и видел, но всё равно понимал, что он со мной не согласен. И в кои-то веки сообразил почему.

— Но у них нет новоматерии, — продолжал я. — По крайней мере серьёзной. Я держал их парашют. Стропы. Дверцу. Все было обычное — слишком тяжёлое, слишком непрочное.

Джезри кивнул.

— Ты не мог знать — мы сами узнали только несколько часов назад, — что всё это новоматерия. Всё в аппарате — живое и неживое — состоит из того, что мы зовём новоматерией. В том смысле, что ядра вещества организованы неестественным — по крайней мере для нашего

космоса — образом.

— Но ведь почти всё погибло! Или погребено под сотнями футов пепла.

— Орифеняне и твои друзья сохранили кое-какие фрагменты. У нас есть панель, за которой была ручка. Болты, которые положила в карман Корд. Обрывки парашюта и строп. Ящик с образцами крови. И, благодаря светителю Ороло, тело убитой девушки.

Я чуть не пропустил последнюю фразу мимо ушей. До сей минуты Джезри про Ороло не говорил. По опущенным плечам и едва заметным нюансам голоса я понимал, что он горюет, — но лишь потому, что знаю его всю жизнь. И ещё я понимал, что он будет горевать долго — по-своему, втайне от других.

Я прочистил горло.

— Многие его так называют?

— Вообще-то теперь уже меньше. Сразу после того, как нам показали спиль, это слово само у всех вырвалось. Настолько видно было, что он вёл себя как светитель. В последние день-два многие пошли на попятный. Засомневались.

— Да в чём тут сомневаться?

Он развёл руками.

— Успокойся. Сам знаешь, как это бывает. Никто

не хочет, чтобы его назвали фанатом. Проциане в своих лукубах наверняка стряпают совершенно другую интерпретацию того, что сделал Ороло. Забудь. Он принёс жертву. Мы чтим его память, стараясь извлечь из убитой все возможные знания. И я пытаюсь тебе сказать, что каждое ядро каждого атома в ней самой, в дроби, извлечённой из её внутренностей, в одежде — новоматерия. И то же, вероятно, справедливо для всего на икосаэдре.

— Значит, их электроны тоже ведут себя неестественно, — сказал я. — В частности, дают излучение не того цвета.

— Поведение электронов — практически синоним химии, — сказал Джезри. — Для того и придумали новоматерию: игры с ядерным синтезом дали нам новые элементы и новую химию.

— А функционирование живых организмов основано на химии.

Джезри был умнее меня, но редко это показывал. Сколько бы я ни тупил, он по-прежнему верил в мою способность понять то, что понимает он. Трогательная черта — единственная на фоне множества неприятных. Сейчас он снова сменил позу — подался вперёд, словно ему и впрямь интересны мои слова. Это означало, что я

на правильном пути.

— Мы не можем химически взаимодействовать с Геометрами — а равно с их вирусами и бактериями, — потому что лазер был не того цвета!

— Простейшие взаимодействия, несомненно, возможны, — сказал Джезри. — Электрон — всегда электрон. Так что наши атомы могут образовывать с их атомами простые химические связи. Но это не та сложная биохимия, которую используют микробы.

— Значит, Геометры способны производить звуки, которые мы услышим. Видят свет, отражённый от наших тел. Могут двинуть нас в морду...

— Или гвоздануть.

Я впервые услышал это выражение, но догадался, что Джезри говорит о снаряде, уничтожившем Экбу.

— Но не заразить.

— И наоборот. Конечно, со временем микроорганизмы эволюционируют и смогут взаимодействовать с обоими видами материи — свяжут экосистемы между собой. Но это произойдёт не враз, и мы успеем принять меры. Так что скоро тебя отсюда выпустят.

— Есть у них вода? Кислород?

— Водород такой же, как у нас. Кислород — похожий, так что вода есть. Можем ли мы им дышать — неизвестно. Углерод немного другой. Металлы и тому подобное отличаются ещё заметнее.

— Много вы ещё знаете про Геометров?

— Меньше, чем ты. Что Ороло делал в Орифене?

— Занимался линией расследования, которую я плохо понимаю.

— В соответствии с поликосмической интерпретацией?

— Да.

— Расскажи.

— Боюсь об этом говорить.

— Почему?

— Потому что боюсь всё переврать.

Джезри не ответил. У меня было такое чувство, что он через пластик с подозрением меня разглядывает.

На самом деле я не хотел говорить по другой причине: я боялся, что тема выведет прямиком на инкантеров. А нас почти наверняка прослушивали.

— Другой раз, — сказал я. — Когда буду лучше соображать. Может, на прогулке. Как в Эдхаре, когда мы вели теорические диалоги в виноград-

нике Ороло.

Виноградник Ороло, расположенный на южном склоне, не просматривался из окон инспектората, так что мы ходили туда, если собирались покуролесить. Джезри понял намёк и кивнул.

— Как Ала? — спросил я.

— Отлично. Не знаю, когда ты её увидишь, потому что после воко мы с ней вступили в отношения.

Уши у меня вспыхнули огнём, из позвоночника вылезли зазубренные шипы. По крайней мере, так мне казалось. Однако, взглянув в зеркало, я понял, что выгляжу как обычно, разве что чуть более глупо. Некая более высокоразвитая, современная часть мозга — то есть возникшая позже, чем пять миллионов лет назад, — подсказывала, что разговор надо поддержать.

— Хм. Спасибо, что сказал. И что теперь?

— Зная Алу, думаю, что она примет какое-то решение. А до тех пор ни я, ни ты её не увидим.

Я ничего не ответил.

— И вообще, она очень занята, — продолжал Джезри. Видно было, что разговор его утомил, что он хочет одного — поскорее отделаться. Однако даже Джезри понимал, что нельзя так оглоушить человека и уйти, поэтому принялся рассказывать

про структуру конвокса. Я почти не слушал.

Так вот почему он так скоро меня навестил! Чтобы сообщить новость, пока нас разделяет металлическая сетка. Сообразительный!

Потому что (размышлял я после его ухода) Джезри меня знает. Он понял, что я всё обдумаю и стану держать себя в руках. Если разобраться, почему им было не вступить в отношения? Я и сам, после того как Алу призвали на воко, считал себя свободным.

Не то чтобы эти мысли меня сильно утешили!

Я съел ломоть хлеба. В вагончик вошли трое инаков, все в костюмах-аэростатах. Двое отсосали из меня очередную порцию крови. После того как кровососы ушли, третий — вернее, третья — отвинтила от костюма голову и бросила на пол, потом запустила пятерню себе в волосы и пощупала кожу.

— Жарко тут, — объяснила она, поймав мой взгляд. — Суура Мароа. Центенарий. Пятые булкианцы. Я из крохотного матика, о котором ты не слыхал. Не угостишь ли меня хлебом?

— Заразиться не боишься?

Она взглянула на свой шлем, потом снова на меня.

Суура Мароа показалась мне очень хорошень-

кой, но она была лет на пятнадцать меня старше, да и вообще я в ту минуту не слишком себе доверял: может, меня потянуло бы к любой женщине, которая не видит во мне разносчика инопланетной заразы! Я вручил ей кусок хлеба.

— Ну и место! — заметила она, оглядываясь. — Так эксы живут?

— По большей части да.

— Скоро тебя отсюда выпустят. — Суура Мароа глубоко вдохнула через нос. (По выражению лица было видно, что она анализирует запахи.) Потом раздраженно мотнула головой и пробормотала: — Слишком много синтетических материалов.

— О чём ты? — спросил я. — Чем занимаются Пятые булкианцы? Прости, мне следовало бы знать.

— Спасибо. — Забирая хлеб, она случайно коснулась моей руки. Откусила от ломтя и принялась жевать, глядя в пространство.

Последователи булкианского канона начали дробиться и ссориться сразу после Реконструкции. Было множество свар из-за того, кто вправе именоваться булкианцами, реформированными булкианцами, новыми булкианцами и так далее. Со временем сговорились на нумерации. Сейчас число булкианских орденов перевалило за два-

дцать, так что пятый был вполне древним.

— Не думаю, что в данном случае важна разница между пятыми, четвертыми и шестыми, — сказала наконец Мароа и повернулась ко мне. — Я просто хочу знать, как они пахли.

— Серьезно?

— Да. Если бы тебе дали подержать большой старый парашют с арбского военного склада, ты бы почувствовал запах. Например, затхлости, если он долго пробыл в чехле.

— Ах, если бы тогда мне хватило хладнокровия ещё и принюхаться! — сказал я.

— Ничего страшного, — ответила суура Мароа. Как всякий теор, она привыкла к неудачам. — Тебе действительно было не до того. И вообще, вы молодцы.

— Спасибо.

— Когда та смелая девушка...

— Корд.

— Да. Когда она включила уравнительный клапан, воздух двинулся...

— В капсулу, — сказал я.

— То есть ты не обонял их атмосферу до того, как она смешалась с нашей?

— Да.

— Плохо.

— Может быть, нам стоило подождать, — сказал я.

Она взглянула на меня пристально.

— Не советую повторять здесь эти слова!

Я опешил. Она взяла себя в руки и заговорила спокойнее:

— У нас здесь мировая столица всезнаек. Все умирают от зависти. Каждый жалеет, что не оказался там вместо тебя и чокнутых преемственников. Уж он-то наверняка справился бы лучше!

— Ладно, хорошо, — сказал я. — Мы торопились, потому что знали: военные напортят ещё больше.

— Вот так уже лучше, — сказала она. — Теперь вернемся к обонянию: кто-нибудь из вас вообще что-нибудь нюхал?

— Да! Мы об этом говорили!

— Но только не когда ита снимал вас на спилекаптор.

— Это было до того, как появился Самманн. Аппарат только-только сел. Ороло нюхал выбросы из двигателей. Хотел знать, не ядовитые ли они...

— Разумно, — заметила суура Мароа. — Горючее может быть ещё каким токсичным!

— Но мы ничего не почувствовали. Решили, что это пар. Кислород-водород.

— Результат все равно отрицательный.

— Но потом, в капсуле, определённо чем-то пахло, — сказал я. — Теперь я вспомнил. Чем-то, связанным с телом. Я предположил, что это какая-то телесная жидкость.

— Предположил, потому что не узнал запах? — спросила суура Мароа после того, как основательно обдумала мои слова.

— Он был совершенно для меня новый.

— То есть органические молекулы Геометров всё-таки способны взаимодействовать с нашей обонятельной системой, — заключила она. — Интересный результат. Теоры изнывают от нетерпения в ожидании ответа — поскольку некоторые из этих реакций имеют квантово-механический характер.

— Наши носы — квантовые приборы?

— Да! — сказала Мароа с сияющим видом. — Малоизвестный факт. — Она встала и подняла с полу шлем. — Это полезные сведения. Мы сможем получить образец тела и проверить его действие на обонятельную ткань в лаборатории. — Она снова весело посмотрела на меня. — Спасибо! — И в качестве совершенно нелепого прощального ритуала натянула перчатки и опустила шлем на лицо. Мне стало грустно, что я больше его не

увижу.

— Погоди! — сказал я. — Как такое возможно? Как могут быть Геометры настолько похожи на нас и при том из другой материи?

— Вот про это спрашивай космографов, — отвечала она. — Мое дело — изучать вредоносные организмы.

— Ко мне определение тоже относится? — спросил я, но Мароа возилась с застёжками шлема и не уловила шутку. Она шагнула в тамбур, пристроенный к двери. Дверь закрылась, щёлкнул замок, и снова раздались неприличные звуки клейкой ленты.

Темнело. Я думал о противоречии. Геометры похожи на нас, но состоят из материи столь фундаментально отличной, что Мароа допускала невозможность их обонять. Некоторые участники конвокса боятся инопланетной заразы. Мароа — нет.

Меня заперли в этом ящике из-за споров, идущих в калькориях неподалёку, подумал я и сразу пожалел, что не слушал болтовню Джезри об устройстве конвокса.

Лио заявился поздно и заухал у меня под окном по-совиному. Это был наш условный знак в Эдхаре, когда мы убегали гулять после отбоя.

— Я тебя не вижу, — сказал я.

— Вот и хорошо. Синяки да шишки в основном.

— Занимаешься с долистами?

— С ними было бы куда безопасней. Нет, с такими же кривыми новичками, как я. Инаки Звонкой долины смотрят и потешаются.

— Ну, надеюсь, ты раздаёшь столько же синяков, сколько получаешь.

— Это было бы по-своему приятно, — сознался он, — но вряд ли обрадовало бы инструкторов.

Я чувствовал себя глупо, разговаривая с чёрным пластиковым квадратом, поэтому выключил свет и остался в темноте. Довольно долго мы сидели, разделенные окном. Думая, но не разговаривая про Ороло.

— Зачем долисты учат вас драться? — спросил я. — Мне казалось, этот сегмент рынка они сами заняли и никого туда не пускают.

— Ты перешёл прямиком к самому интересному вопросу, Раз, — сипло отозвался Лио. — Ответа я пока не знаю, но кое-какие соображения уже начали появляться.

— Ладно, мои внутренние часы сбились, заснуть я все равно не смогу, а книги, которые мне оставили, читать невозможно. Моя девушка

ушла к Джезри. Я буду рад послушать твои соображения.

— Что за книги тебе оставили?

— Сборная солянка.

— Вряд ли. В них должно быть что-то общее. Тебе надо в этом разобраться перед первым мессалом.

— Я уже слышал это слово от Джезри. Даже попытался найти в нём знакомый корень.

— Оно происходит от уменьшительной формы протоортского слова, означающего плоскую поверхность, на которую ставят еду.

— То есть «столик»...

— Скорее «обедик». Оказывается, здесь это важная традиция. Тут всё не как в Эдхаре, Раз. Для того, как едим мы: все вместе в трапезной, каждый берёт свою миску и садится где хочет, — у них тоже есть слово, не слишком лестное. Им кажется, что это пережиток, дикость. Так едят только фиды и некоторые аскетические ордена. Здесь в обычае мессалы. Максимальное число участников — семь. Считается, что при большем числе людей за столом общий разговор невозможен.

— То есть у них большой обеденный зал со столами на семь человек?

— Нет, так было бы слишком шумно. Каждый мессал проводится в отдельном небольшом помещении — мессалоне.

— И кухня окружена кольцом таких мессалонов?

Лио хохотнул над моей наивностью. Беззлобно — он и сам недавно был здесь таким же новичком.

— Раз, ты ещё не понял, какой богатый здесь концент. У них нет трапезной и нет общей кухни. Готовят и едят во владениях и зданиях капитулов.

— У них есть действующие владения? Мне казалось, они упразднены...

— После Третьего разорения — да, — сказал Лио. — Но ты помнишь, как РСФ восстановили владение Шуфа? Так вообрази концент, в котором таких владений сотня — и каждое больше и роскошнее Шуфова. Это мы ещё о зданиях капитулов не говорили.

— Я уже чувствую себя жалким провинциалом.

— Погоди, то ли ещё будет!

— Значит, есть отдельная кухня... — Я замолчал, не в силах представить нечто настолько невероятное.

— Отдельная кухня для каждого мессалона — и в ней готовят только четырнадцать порций!

— Ты вроде бы говорил о семи.

— Сервенты тоже едят.

— Это ещё кто?

— Мы! — рассмеялся Лио. — Когда тебя выпустят, то прикрепят к старшему фраа или сууре. Их тут называют преподобные, сокращённо препты. Часа за два до обеда ты идешь во владение или здание капитула, где назначен мессал твоего препта, и вместе с другими сервентами готовишь обед. Как только колокола прозвонят вечерню, препты собираются и садятся за стол, а сервенты вносят еду. Когда ты не бегаешь с тарелками, ты стоишь за стулом у своего препта, подпираешь спиной стену.

— Ужас, — сказал я. — А ты точно меня не разыгрываешь?

— Я сам сперва не поверил, — со смехом ответил Лио. — Почувствовал себя деревенщиной. Но система работает. Ты получаешь возможность присутствовать при разговорах, которых бы иначе не услышал. А с годами ты сам становишься препом и получаешь сервента.

— А если препт — идиот? Если мессал скучный и там каждый день нудно твердят об одном и том

же? Ты не можешь встать и перейти за другой стол, как в Эдхаре!

— Я не променял бы их систему на нашу, — сказал Лио. — И проблема такая не стоит, потому что на конвокс собрались люди интересные.

— И кто твой препт?

— Она — дефендор крошечного матика, расположенного на верхнем этаже небоскрёба в большом городе, охваченном войной между религиозными сектами.

— Занятно. И где твой мессалон?

Лио сказал:

— Мы с моим препто́м каждый вечер едим в другом месте. Но вообще так не принято.

— Хм. Интересно, куда меня отправят.

— Вот почему тебе надо прочесть книжки, — сказал Лио. — Если не подготовишься — можешь получить от препта нагоняй.

— К чему не подготовлюсь — салфетки складывать?

— Ты должен понимать, что происходит. Иногда сервенты даже принимают участие в разговоре.

— Надо же, какая честь!

— Бывает, что и большая. Смотря кто твой препт. Скажем, если бы это был Ороло.

— Я понял. Но такого не будет.

Лио некоторое время раздумывал, потом сказал тихо:

— И вот ещё что. Актал анафема в Тредегаре не проводился более тысячи лет.

— Как так? Да у них народу раз в двадцать больше, чем в Эдхаре!

— Капитулов и владений столько, что каждому, даже самому странному и неуживчивому инаку находится место, — объяснил Лио. — В общем, брат, в суровом месте мы с тобой выросли.

— Ладно, ты только сейчас не размякай.

— Вот это вряд ли, — ответил Лио. — Как-никак, я каждый день спарингуюсь с долистами.

Я сообразил, что он наверняка страшно устал.

— Эй, пока ты не ушел — ещё один вопрос.

— Да?

— Почему мы здесь. Разве конвокс — не явная мишень?

— Явная.

— А чего бы его не распределить по разным местам?

— Ала сейчас составляет планы такого распределения, — сказал Лио. — Но приказ пока не отдан. Может быть, власть боится, что Геометры воспримут его как провокацию.

— Так, значит, мы...

— Заложники! — бодро закончил Лио. — Спокойной ночи, Раз.

— Спокойной ночи, Лио.

Несмотря на его совет, я так и не смог взяться за книжки. Мозги барахлили. Я полистал романы. Их читать было легче, но я не мог взять в толк, что должен оттуда извлечь. Я прочел страниц двадцать из третьего, в котором герой прошёл через портал в другую вселенную. Два других тоже были о параллельных вселенных, я сделал вывод, что от меня требуется думать на эту тему и остальные книжки тоже как-то с ней связаны. Однако тело внезапно рассудило, что пора спать, и я еле доковылял до кровати, прежде чем отключиться.

Я проснулся от того, что колокола вызванивали незнакомую мелодию, а Тулия звала меня по имени, причём довольно сердитым голосом. В первый миг мне показалось, что мы снова в Эдхаре. Однако я приоткрыл один глаз — самую чуточку — и увидел внутреннюю часть вагончика.

— Боже мой! — воскликнула Тулия совсем близко. Я проснулся окончательно и обнаружил, что она стоит рядом с моей кроватью. Без костюма-аэростата. Лицо у неё было такое, будто она

нашла меня в канаве рядом с борделем. Я судорожно принялся охлопываться и к своей радости убедился, что почти целиком накрыт стлой.

— Что стряслось? — пробормотал я.

— Беги сейчас же! Немедленно! Из-за тебя задерживают инбрас!

Она шагнула к выходу.

Я скатился с кровати и припустил следом. Тамбур разломали — мы прошли по брошенным кускам пластика. Тулия провела меня через двор, в арку, и дальше по древней матической катакомбе, дальний конец которой загораживала решётка — такие обычно разделяют матики. Дверь в решётке держал испуганный фид, с грохотом захлопнувший её за нашей спиной. Мы пробежали по длинной прямой аллее между двумя рядами исполинских страничных деревьев. Дальше по обе стороны расстилался лес.

Я отвык ходить босиком и постоянно напарывался то на камень, то на сучок, поэтому отстал от Тулии. С дальней стороны лес огораживала каменная стена с аркой. В ней Тулия остановилась перевести дух и дождаться меня.

Когда я подбежал, она вскинула руки. Я обнял её и оторвал от земли. Почему-то мы оба расхохотались. Я смотрел на Тулию и думал, какая же она

славная. Из всех моих друзей она одна выказала по поводу смерти Ороло не только горе. Нет, она тоже горевала. Но и гордилась тем, что он сделал, восхищалась его подвигом и радовалась, что я жив и вернулся к друзьям.

Затем мы снова побежали: через арку на луг с редкими купами больших старых деревьев. Казалось, он тянется на мили. Через каждую сотню футов вставали каменные дома, соединённые сложной сетью дорожек, — наверное, те самые владения и капитулы, о которых говорил Лио. Меня больше всего поразил сам луг: мы в Эдхаре не могли оставлять столько земли незасаженной.

Колокола звучали немного ближе. Мы обогнули большое здание — видимо, клуатр с библиотечным комплексом — и наконец увидели скалу. Тулия повела меня по широкой, обсаженной деревьями аллее. Вот оттуда-то мне и открылся собор — не одно здание, а целый комплекс — у подножия обрыва.

Скала возникла, когда от гранитного массива высотой три тысячи футов откололась западная часть. Инаки расчистили завал, а из гранитных глыб построили стены и дома. Никакая рукотворная башня не сравнилась бы величием с обрывом, поэтому собор возвели у его основания,

а затем пробили в граните туннели, карнизы и галереи, превратив скалу в часы. На протяжении веков добавлялись все новые циферблаты, каждый следующий больше и выше предыдущих. Все они показывали время. И все говорили, что я опаздываю.

— Инбрас, — на бегу выговорил я, — это...

— Твоё официальное вступление на конвокс, — ответила Тулия. — Все должны через него пройти — это формальное окончание твоего странствия. Наш инбрас был несколько недель назад.

— Многовато хлопот из-за одного опоздавшего.

Она хохотнула — коротко, на большее не хватило дыхания.

— Вот ещё! Мы их справляем каждую неделю. Здесь сто других странников из восьми разных матиков — и все дожидаются тебя!

Колокола перестали звонить — дурной знак! Мы прибавили шаг и некоторое время бежали в молчании.

— Я думал, все добрались сюда давным-давно! — крикнул я.

— Только из больших концентов. Ты не поверишь, как изолированно некоторые живут. Прибыла даже делегация матарритов!

— Так я попал в одну компанию с богопоклон-

никами?

Я начал понимать, что сооружения, ближайшие к собору, самые древние: клуатр, галерея, двор. За матическими воротами и арками проглядывали здания до того маленькие, простые, изъеденные временем, что они вполне могли относиться ко временам Реконструкции. Новые башни, не в силах тягаться с величавыми соседями возрастом и славой, пытались компенсировать разрыв за счёт пышности и размеров.

— И ещё, — сказала Тулия. — Чуть не забыла. Сразу после инбраса будет пленарий.

— Я слышал это слово от Арсибальта. Кажется, Джезри на таком выступал?

— Да. Жалко, я не успеваю рассказать, но... просто помни, что это всё театр.

— Мне ждать чего-то плохого?

— Когда в помещении собирается столько людей, диалог невозможен. Всё ходульное. Процеженное.

— Политика?

— Конечно. Просто... просто не пытайся их переиграть.

— Потому что я полный болван, когда дело касается...

— Совершенно верно.

Мы пробежали ещё несколько шагов, и Тулия снизошла до пояснений.

— Помнишь наш разговор? Перед элигером?

— Что ты возьмешь политическую сторону на себя, чтобы я мог запомнить больше знаков числа пи.

— В таком духе. — Она рассмеялась, чтобы меня не обидеть.

— И как план? Работает?

— Просто говори правду. Не пытайся финтить. У тебя всё равно не получится.

Половину видимой вселенной теперь занимал серый гранит. Лестница, по которой мы бежали, служила основанием для лестниц второго порядка, подпиравших следующие ярусы, иерархии и системы лестниц. Но наконец подъём закончился. Вход был прямо перед нами. Однако странникам полагалось вступать со стороны дневных ворот; мы обежали ещё четверть собора и вошли через самый большой портал, на который бы я полчаса пялился, раскрыв рот, если бы Тулия не схватила меня за хорду, как за поводок, и не потянула дальше. Мы пробежали через притвор в неф — такой огромный, что мне сперва показалось, будто мы снова на улице. Преодолев три четверти центрального прохода, я увидел впереди хвост

процессии, медленно движущейся к алтарю. Тулия остановилась, напоследок шлёпнув меня по заду так, что слышно было на вершине скалы, и проговорила свистящим шепотом: «Держись вон за теми, в набедренных повязках! Делай, что они!» По меньшей мере тридцать голов повернулись в нашу сторону — в огромном нефе сидело несколько десятков мирян.

Я перешёл на быстрый шаг (надо было отдышаться) и подгадал так, чтобы пристроиться за полудюжиной людей в набедренниках как раз когда те приблизились к экрану. Вслед за ними я вступил в алтарь и оказался в огромном полукруглом помещении вместе с иерархами, хором и несколькими группами инаков.

Инбрас — один из наших матических акталов: церемония, которая держится на череде предписанных движений, древних фраз и манипуляций с символическими предметами; в промежутках поёт хор, а облачённые в пурпур иерархи произносят речи. Мирянину это должно казаться бессмысленной помпой, если не колдовским обрядом. Я попытался проникнуться общим духом и ощутить то, что должен чувствовать инак. В конце концов для того и проводится инбрас: чтобы странник вернул себе матический настрой.

Поэтому церемония была куда торжественней, чем обычные ежедневные акталы вроде провенера. А может, в Тредегаре всё проводилось так пышно. Иерархи умели держать аудиторию не хуже великих театральных актёров. Облачения у них были потрясные, а число вызывало оторопь: рядом с примасом стояли не только инспектор и дефендор, но целые эшелоны иерархов, причем не младших, а таких, каким положены собственные свиты. Я сообразил, что смотрю на своего рода совет примасов, призванных из своих концентов, надо думать, для руководства конвоксом. По крайней мере с матической стороны. Наверняка за экранами сидела коллегия бонз, занимающих в светском мире такое же высокое положение, как примасы — в матическом.

Я чувствовал себя шелудивым бродягой и утешался лишь тем, что стою за людьми, которые и вовсе прикрыты только драными лоскутами. Правда, вглядевшись, я понял, что это на самом деле стлы, размахрившиеся почти до полного исчезновения. Бахрома свалялась в жгуты, которыми эти фраа (все они были мужчины) завязывали свои переднички на поясе. У нас в Эдхаре была традиция, по которой одному краю стлы позволяли махриться; в итоге самых ста-

рых инаков, когда приходил их срок, хоронили в стлах с бахромой в несколько дюймов. В этом ордене стлы, видимо, переходили от старших к младшим и могли насчитывать тысячи лет. Один из странных полуголых фраа был пузатый, остальные — тощие. Они принадлежали к расе, живущей в экваториальных областях. Волосы у них были всклоченные, но ещё более дикими выглядели глаза, которые смотрели прямо перед собой и как будто ничего не видели. Мне подумалось, что этим людям непривычно находиться в помещении.

Инаки из остальных групп были в настоящих стлах, задрапированных парадным способом. Это единственное, что их объединяло. У каждой группы были совершенно свои тюрбаны, шляпы, колпаки, обувь, поддёвки и наддёвки, даже украшения. Очевидно, Эдхар находился на аскетическом краю спектра. Аскетичнее нас, наверное, были только долисты и фраа в набедренниках.

После того как закончилось торжественное вступление, вышел примас и произнёс короткую речь. Было слышно, как в тёмных нефах за экранами люди вздыхают и ёрзают. Я рискнул взглянуть на себя и увидел грязные босые ноги,

стлу, завязанную самым примитивным способом (фасон «Только что с постели»), красные рубцы и желтовато-зелёные синяки. Просто хрестоматийный дикарь.

Одна из делегаций — самая многочисленная и пышно одетая — выступила вперёд и запела. У них были достаточно мощные голоса, чтобы без усилия вытянуть шестиголосную полифонию. Как мило, подумал я. Потом следующая группа исполнила монодическое песнопение в тональностях, которых я никогда прежде не слышал. Тут третья группа начала вытаскивать из-за пазухи шпаргалки, и до меня наконец дошло. Я пережил то, что бывает только в самых садистских кошмарах: почувствовал себя в западне. Каждая группа должна что-нибудь спеть. Я — группа. Из одного человека! Чего я не мог, так это стыдливо замахать руками и сказать: «Ой нет, увольте». Никто на конценте не счёл бы такое поведение милым и забавным.

Всё не так страшно, убеждал я себя. Ничего исключительного от меня не ждут. Пою я вполне прилично. Если бы мне в руки сунули ноты и сказали: «Давай», я бы спел с листа. Сложность заключалась в выборе. Другие группы наверняка подготовились за несколько недель: выбрали

песнопения, которые что-то расскажут о них самих, о концентах, откуда они прибыли, о музыкальных концепциях, разработанных, чтобы возвеличить наиболее дорогие им идеи. Музыкальное наследие концента светителя Эдхара ничем не уступало традициям более крупных концентов — за него я не боялся. Однако большая делегация эдхарцев уже прошла инбрас. Арсибальт с Тулией наверняка взяли дело в свои руки и организовали выступление, скреплённое сейсмическим рокотом фраа Джада, о котором члены конвокса до сих пор говорят на своих мессалах. Так что мог исполнить я? Гармония и полифония исключались. Замахиваться на что-нибудь очень сложное явно не стоило, чтобы не выставить себя на посмешище. Я совершенно точно не мог поразить всех исключительным мастерством. Вообще солистов, настолько искусных, чтобы их хотелось слушать больше минуты-двух, очень мало. Достаточно спеть что-нибудь короткое и вернуться на место.

Однако мне не хотелось просто отбубнить ученический стишок, хотя и его бы вполне хватило. Потому что — и я прекрасно понимаю, как глупо это прозвучит, — я желал произвести впечатление на Алу. Джезри был прав: я не увижу её, пока

она не примет решения. Однако она наверняка в соборе и поневоле должна меня услышать. Старый урок из тех, что мы разучивали в Эдхаре, мог бы разбудить в её груди ностальгическое чувство, однако меня не устраивал такой надёжный и скучный путь. Джезри побывал в космосе. Но и я пережил приключения, узнал много нового, приобрёл качества, о которых она пока ничего не знает. Есть ли способ выразить это мелодией?

Возможно. Орифеняне разработали систему вычислительного пения, явно восходящую к традиции, которую основатели концента вынесли из Эдхара. В этом смысле она была вполне узнаваема для любого эдхарца. Система позволяла совершать операции над набором данных путём многократного преобразования исходной последовательности нот. Преобразования, основанные на теории клеточных автоматов, осуществлялись непосредственно в процессе пения. Систему эту придумали после Второго разорения инаки, оставшиеся без вычислительных машин. В некоторых концентах она угасла или превратилась во что-то другое, но в Эдхаре всегда практиковалась всерьёз. Мы учили её как своего рода детскую музыкальную игру. А вот в Орифене к ней прибегали для решения задач — вернее, одной задачи,

сути которой я так и не понял. То, что получалось, звучало очень хорошо — результат выходил куда более музыкальный, чем в эдхарской версии, которая годилась для вычислений, но отнюдь не радовала слух. За время, проведённое в Орифене, я более или менее ознакомился с этой системой. Один мотив оказался особенно привязчивым: он крутился у меня в голове во время перелёта в Тредегар и карантина. Я подумал, что если исполнить его вслух, он, возможно, отвяжется.

Едва эта мысль пришла мне в голову, все сомнения отпали сами собой. Наступил мой черёд, я вышел и запел — легко и спокойно, поскольку не задумывался, правильно ли поступаю.

Когда я понял, что, возможно, допустил оплошность, было уже поздно. Ибо после первых же фраз по одному из секторов аудитории прокатился удивлённый гул. Негромкий, но явственно узнаваемый. Я невольно поглядел в ту сторону и едва не сбился, потому что понял: гул идёт из нефа тысячелетников.

И тут я повёл себя, как провинившийся фид, — украдкой покосился на иерархов. Все они смотрели на меня. Большая часть — равнодушно. Однако некоторые наклонились друг к другу и перешёптывались. Среди них я узнал своего

старого приятеля — инквизитора Варакса.

Одно по-своему утешало — что бы я ни наделал, какой бы муравейник ни разворошил, деваться было некуда. Большая часть аудитории не заметила в моём выступлении ничего странного, и я сосредоточился на том, чтобы чисто довести его до конца. Правда, сбоку от меня происходило какое-то движение. Я скосил глаза и увидел, что инаки в набедренных повязках, до сей минуты никак не реагировавшие на актал, смешали ряды и тянут шеи, чтобы лучше меня видеть.

Я допел. Теперь слушатели должны были из вежливости выдержать паузу. Однако тысячелетники по-прежнему гудели. Я вроде бы даже слышал обрывки музыкальных фраз. За другими экранами некоторые фраа и сууры обсуждали моё выступление. Соседи на них шикали.

Фраа в набедренниках, выступив вперёд, тоже исполнили вычислительное песнопение. Оно было построено на ладах, совершенно непохожих на наши, поэтому звучало исключительно странно. Не верилось, что голосовые связки вообще могут производить такие звуки. Однако я чувствовал, что само вычисление очень походит на моё. В заключение пузатый спел коду. Если я правильно понял, в ней утверждалось, что это лишь послед-

няя фаза вычислений, идущих в их конценте беспрерывно последние тридцать шесть веков.

Последними выступили матарриты, представители крайне редкого для матического мира явления — ордена, члены которого верят в Бога. Они вели свою историю от центенариев, остолетившихся в первые века после Реконструкции. Все матарриты были полностью закутаны в стлы, так что оставалась лишь щёлочка для глаз. Они исполнили скорбное песнопение — насколько я понял, плач о том, что их вырвали из родного концента, и предупреждение (если мы ещё нуждались в предупреждениях), что они не задержатся с нами и на минуту сверх необходимого. Пели матарриты хорошо, но мне в их выступлении не понравились заунывность и некоторая грубость.

Выступления делегаций были предпоследней частью инбраса. Хотя я тогда не вполне это понимал, нас ещё раньше, в самом начале актала, вычеркнули из списка странников и официально приняли на конвокс. Мы возобновили свои обеты, и в наши матики отослали чудного вида документы, написанные от руки на телячьей коже, с извещением, что мы прибыли. Песнопения были нашим первым символическим вкладом

в работу конвокса. Теперь оставалось только дождаться, пока остальные — тысячи инаков за экранами — встанут и пением выразят свою радость от встречи. Во время последнего стиха иерархи вереницей двинулись в унарский неф. Мы потянулись за ними в прежней последовательности. Я замыкал шествие. Мы (по крайней мере символически) прошли через дневные ворота и гостевой неф как миряне, а теперь, вновь став инаками, вступали в матик. Когда последний из иерархов прошёл через дверь в экране, пение начало терять стройность, а к тому времени, как я шагнул через порог, оставив позади пустой алтарь, мелодию заглушили шарканье и говор устремившихся к выходу инаков.

****

***Тредегар**, один из концентов Большой Тройки, названный в честь лорда Тредегара, теора середины—конца эпохи Праксиса, основоположника термодинамики.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Я снова был в матическом мире, официально незаразный, и мог делать что захочу — в течение двух секунд. Затем: «Фраа Эразмас!» — выкрикнул

кто-то, как будто взял меня под арест.

Я остановился. Я был в приалтарной части унарского нефа, огромного и невероятно пышного. Здесь уже сидели сотни две инаков. Ещё сотни, а также несколько мирян, входили с дальнего конца, торопясь занять лучшие скамьи.

Пространство между первым рядом и экраном, которое должно оставаться свободным, чтобы не закрывать инакам алтарь, было заставлено всевозможным мирским оборудованием. Перед экраном, обрамляя его, но не загораживая, высились леса из новоматерии. Дюжие фиды сколачивали на них дощатый помост: сцену, которую будет видно из дальних рядов. Другие развернули почти на всю стену над помостом огромный спиль-экран. По нему побежали строчки, затем их сменила живая трансляция со спилекапторов: увеличенное изображение сцены. Начали зажигаться прожекторы, словно говоря: «Ни в коем случае не смотри в ту сторону!» Они были установлены на высоких конструкциях по бокам от сцены. Мимо меня прошла суура в стле и хорде, говоря в прикреплённый к наушникам микрофон.

Моё имя выкрикнул молодой иерарх, единственной задачей которого было препроводить

меня к некоему фраа Лодогиру, инаку лет семидесяти, чьё одеяние ушло в эволюционном развитии от стлы также далеко, как домашняя птица — от доисторической рептилии.

— Фраа Раз, мой дорогой юный друг! — воскликнул тот, не дожидаясь, пока нас официально представят. — У меня нет слов, чтобы выразить, как мне понравилось твоё выступление. Где ты отыскал такую милую песенку? В своих скитаниях?

— Спасибо, — ответил я. — Я услышал её в Орифене и не мог выбросить из головы.

— Потрясающе! Расскажи мне, какие они, тамошние обитатели?

— В целом такие же, как мы. Сперва они показались мне совсем другими, но чем больше я смотрю на разных инаков здесь...

— О да, я тебя понял! — воскликнул фраа Лодогир. — Эти аборигены в набедренных повязках — с какого дерева они слезли?

Я не стал говорить, что сам фраа Лодогир выглядит для меня ещё диковиннее «аборигенов», и просто кивнул.

— Тебе уже объяснили, что ты будешь почётным гостем пленария?

— Сказали, но не объяснили.

Фраа Лодогир немного растерялся от моей манеры отвечать, но после недолгой паузы продолжил:

— Так вот, если совсем коротко, я буду твоим сокурсантом.

— Кем, простите?

— СоДИСкурсантом, — пояснил фраа Лодогир, пряча раздражение за негромким смешком. — А вы, эдхарцы, куда педантичнее в произношении! Молодцы, блюдёте традиции! Скажи, вы по-прежнему говорите «просветитель»? Или «светитель», как мы все?

— «Светитель», — ответил я. Фраа Лодогир говорил за двоих, и я счёл, что вполне могу ограничиться короткими репликами.

— Отлично! Так вот, суть в том, что конвокс пережёвывает цифры, анализирует образцы, смотрит спили Посещения Орифены, но нам небезынтересно, разумеется, послушать очевидца. Вот почему ты здесь. Чтобы тебе не утруждаться и не готовить лекцию, мы прибегнем к формату живого диалога. У меня с собой, — он зашуршал стопкой листов, — вопросы от разных заинтересованных сторон, а также несколько моих собственных, которые я хотел бы задать, если позволит время.

Пока длился этот диалог, вернее, монолог, закончились последние приготовления. К сцене подкатили лестницу, суура в наушниках указала нам на неё, и мы поднялись — я первый, фраа Лодогир следом. К нашим стлам прикрепили микрофоны. Из мебели на сцене был только столик в дальнем конце — на него поставили графин с водой и две кружки. Почему-то я нисколько не волновался и не думал, что буду говорить, а размышлял о странной конструкции, на которой мы стояли. Кусок плоскости, помещённый в трёхмерную пространственную решётку, словно фантазия геометра; осовремененный вариант той Плоскости, на которой вели диалоги эфрадские философы.

— Есть ли у тебя вопросы, фраа Эразмас? — спросил меня сокурсант.

— Да, — ответил я. — Кто вы?

На лице его мелькнуло что-то вроде жалости ко мне, но её тут же сменило выражение, которое (как я понял, покосившись на экран) куда лучше выглядит в трансляции. Солиднее моего, по крайней мере.

— Первый среди равных центенарского капитула ордена светителя Проца в Мункостере.

— Твой микрофон включён. — Молодой фраа

щёлкнул переключателем на устройстве, прикреплённом к моей стле, затем сделал то же самое с микрофоном фраа Лодогира. Тот налил себе воды и отпил глоток, с холодным любопытством глядя поверх кружки, как я отреагирую на известие, что мой сокурсант, вероятно, самый выдающийся процианин в мире. Что уж он увидел, понятия не имею.

— Пленарий начался, — объявил фраа Лодогир голосом, который прозвучал на октаву ниже и разнёсся по всему нефу. Собравшиеся начали затихать. Он дал им минуту, чтобы закончить разговоры и сесть. Я не видел ничего, кроме света. Мы с фраа Лодогиром вполне могли быть одни на всём Арбе.

— Мой сокурсант, — произнёс фраа Лодогир и сделал паузу, дожидаясь тишины. — Мой сокурсант — Эразмас, в прошлом член деценарского капитула некоего «Эдхарианского ордена» в месте, именуемом, если не ошибаюсь, концентом *просветителя* Эдхара.

По нефу пробежали смешки.

— Э, думаю, вы ошибаетесь, — начал я, но микрофон был как-то не так повёрнут или ещё что, и мой голос не усилился.

Тем временем фраа Лодогир продолжил, не дав

мне договорить:

— По слухам, это в горах. Скажи, не холодно ли вам в одних простых стлах?

— Нет, у нас есть обувь и...

— Для тех, кто не слышит моего сокурсанта: он только что с гордостью объявил, что у эдхарианцев есть обувь.

Я наконец сумел развернуть микрофон к себе.

— Да. Обувь... и манеры.

Слушатели одобрительно загудели.

— Я по-прежнему член упомянутого вами капитула и просил бы обращаться ко мне «фраа».

— О, приношу извинения! Я заглянул в соответствующие материалы и нашёл там совершенно другую историю: в первый же день странствий ты стал дикарём и некоторое время скитался по свету, пока не осел в так называемой Орифене, куда, насколько мне известно, пускают кого угодно.

— Они гостеприимнее некоторых. — Я мысленно перебирал услышанное, выискивая, как бы уплощить сокурсанта, но каждое слово было формально верным — и фраа Лодогир отлично это знал.

Он пытался втянуть меня в спор о формулировках, чтобы пришлёпнуть главой и стихом. У него и все нужные документы наверняка были

при себе.

На Блаевом холме фраа Джад пообещал, что всё в Тредегаре уладит — оградит меня от неприятностей.

Значит, ему это не удалось? Нет, судя по тому, что меня допустили к инбрасу, что-то фраа Джад сделать сумел. И, возможно, по ходу нажил себе врагов.

Которые теперь и мои враги.

— Всё верно, — сказал я. — И тем не менее я здесь.

Фраа Лодогир на мгновение растерялся, поняв, что первый его гамбит не удался, но, как у фехтовальщика, у него был наготове следующий выпад.

— Удивительное поведение для человека, столько знающего о манерах. В этом великолепном нефе сидят тысячи инаков. Все, будучи призваны, направились прямиком в Тредегар. И лишь один избрал жизнь дикаря и переметнулся к организации, не входящей в матический мир — Орифенской секте. Что... вернее, кто толкнул тебя на столь пагубный путь?

И тут у меня в голове произошло нечто странное. Фраа Лодогир нападал подло — он это умел и заготовил ответы на всё, что я могу сказать в

своё оправдание. В первый миг я, естественно, растерялся. Но, сам того не зная, он допустил тактическую ошибку: своими разглагольствованиями о моих самовольных и «пагубных» странствиях напомнил мне про Махщ и тамошнее подлое нападение, по сравнению с которым всё, что мог сделать мне фраа Лодогир, казалось просто смешным. Я сразу успокоился, а успокоившись, понял, что последним вопросом он себя выдал. Лодогир хотел, чтобы я свалил вину на фраа Джада. Заложи тысячелетника, говорил он, и тебе всё простится.

Час назад Тулия посоветовала мне не играть в политику, а говорить правду. Однако какая-то комбинация упрямства и расчёта подсказывала мне не уступать фраа Лодогиру.

Я снова вспомнил сцену в Махще. Долисты, не раздумывая, сочли её коллизией. Я не получил их подготовки, но чувствовал: то, что сейчас происходит, — коллизия.

— Решение было моё собственное. Я целиком принимаю на себя ответственность за сделанный выбор. Я понимал, что меня могут подвергнуть анафему, и, понимая это, отправился в Орифену. Я знал, что там смогу жить матической жизнью, даже если меня отбросят. То, что я в Тредегаре

и прошёл инбрас — для меня неожиданность и огромная честь.

Конвокс стал не только невидимым, но и неслышимым. Остались только я и фраа Лодогир, висящие в воздухе на куске плоскости.

Фраа Лодогир бросил попытки подкопаться под Джада и перешёл к следующей задаче:

— Я решительно не понимаю ход твоей мысли! Ты говоришь, что хочешь жить матической жизнью? Но ты ведь и так ею жил! — Он повернулся к сидящим в нефе: — Может быть, он просто искал место потеплее!

Послышался смех, но я различил и глухой ропот в невидимом за прожекторами нефе.

— Фраа Лодогир тратит время конвокса! — выкрикнул мужской голос. — Тема пленария — Посещение Орифены!

— Мой сокурсант попросил обращаться к нему «фраа», полагая, что имеет на это право, — отвечал Лодогир. — И поскольку он явно принимает этот вопрос близко к сердцу, я всего лишь пытался разобраться с фактами.

— Что ж, буду рад вам помочь, — сказал я. — Что вы хотите знать о Посещении?

— Поскольку мы все видели спиль, снятый твоим приятелем-ита, думаю, продуктивнее всего

будет, если ты расскажешь о том, чего в спиле нет. Что происходило в те редкие минуты, когда ты находил в себе силы оторваться от столь любезного тебе ита?

Он поминутно давал мне столько поводов для возражений, что я вынужден был выбирать, какие заслуживают ответа. Я решил, что пока оставлю без внимания выпады насчёт ита, но по крайней мере назову конкретного ита по имени.

— Самманн прибыл на место и начал снимать через несколько минут после посадки аппарата, — начал я. — Какое-то время я видел то же, что и он.

— Не спеши, ты начал с середины! — по-отечески мягко пожурил меня фраа Лодогир.

— Хорошо, — сказал я. — С насколько более ранних событий мне начать?

— Как бы меня ни занимали обряды и церемонии Орифенской секты, — произнёс фраа Лодогир, — мы должны ограничиться собственно Посещением. Начни, пожалуйста, с того момента, когда твоё сознание отметило, что происходит нечто экстраординарное.

— Это было похоже на метеорит, явление редкое, но не экстраординарное, — сказал я. — Поскольку он не сгорел сразу, я решил, что ме-

теорит очень большой. Было трудно определить его траекторию, пока я не понял, что он летит прямо на нас. Не могу сказать, когда я пришёл к выводу, что это не природный объект. Мы побежали с горы. Пока мы бежали, над аппаратом раскрылся парашют.

— Говоря «мы», какого размера группу ты имеешь в виду?

Не дожидаясь, когда фраа Лодогир вытянет из меня остальное, я ответил:

— Нас было двое. Я и Ороло.

— *Светитель* Ороло! Да, мы о нём наслышаны, — сказал фраа Лодогир. — Он постоянно мелькает в спиле, но до сей минуты мы не знали, как он оказался на месте действия. Он ведь первый добежал до дна ямы?

— Если под «ямой» вы подразумеваете раскопки Орифенского храма, то да, — ответил я.

— Но это же у *подножия* вулкана! — воскликнул фраа Лодогир с лёгким укором, словно дивясь, что я не знаю таких элементарных вещей.

— Мне это известно, — сказал я.

— Но теперь мы слышим, что ты и Ороло бежали с *вершины* вулкана, пока аппарат на парашюте спускался в яму.

— Да.

— А что все прочие? Так погрузились в размышления о Гилеином теорическом мире, что не заметили, как им на голову спустилась инопланетная капсула?

— Они оставались на краю раскопа. Ороло спустился на дно один.

— Один?

— Я бежал следом.

— Что, ради всего святого, вы с Ороло делали на вершине вулкана после наступления темноты? — Фраа Лодогир ухитрился задать вопрос таким тоном, что в нефе послышались редкие смешки.

— Мы были не на вершине — вполне очевидно, если вспомнить на минутку, что такое вулкан.

Раздался совсем другой смех. Даже фраа Лодогир слегка улыбнулся.

— Однако вы были высоко на склоне.

— Примерно в двух тысячах футов.

— Выше уровня облаков? — спросил он так, будто это чрезвычайно важно.

— Облаков не было!

— Повторю свой вопрос: зачем? Что вы делали?

И тут я замялся. Казалось бы, чего лучше: меня слушает весь конвокс, я могу донести мысли Ороло до огромного числа людей. Однако я слышал

лишь часть его доводов и те не вполне понял. Тем не менее я знал, что они могут навести на разговор об инкантерах.

— Мы с Ороло пошли на гору поговорить, — сказал я, — и так увлеклись диалогом, что не заметили, как стемнело.

— То, что ты употребил слово «диалог», наводит на мысль, что обсуждалось нечто более важное, чем прелести твоей новой орифенской подружки.

Проклятие, вот ведь мастер! Откуда он знает, чем меня легче всего смутить?

Высоко на скале зазвонили колокола, вероятно, созывая инаков на провенер. Интересно, как здесь заводят часы?

Мне вспомнился Лио, с разбитой физиономией заводящий часы после тех ударов, что я ему по его же просьбе отвесил. Я сказал себе, что должен держаться так же: продолжать, будто удара не было.

— В этом ваше утверждение верно. У нас была серьёзная теорическая дискуссия.

— И какая же мысль настолько не давала Ороло покоя, что он потащил тебя на гору, дабы выговориться?

Я закатил глаза и ошалело затряс головой.

— Это имело какое-то отношение к Геометрам?

— Да.

— Тогда меня удивляет твоё нежелание говорить. Всё, что имеет отношение к Геометрам, интересно конвоксу, не так ли?

— Я не хочу говорить, потому что слышал лишь малую толику его мыслей, и боюсь, что не смогу их достойно изложить.

— Прекрасно! Все слышали, что ты снимаешь с себя ответственность, так что можешь смело делиться информацией.

— После анафема Ороло лишился возможности собирать данные о Геометрах. Он даже не видел единственного хорошего снимка их корабля, который сумел сделать. Думая о них, он основывался лишь на тех данных, что были ему по-прежнему доступны.

— Мне казалось, ты сказал, что у него не было доступа *ни к каким* данным.

— К данным, исходящим от икосаэдра.

— А какие ещё могут быть данные?

— Те, которые вы и я воспринимаем постоянно в силу того, что обладаем сознанием. Данные, которые мы способны получать и обдумывать самостоятельно, не прибегая к научным инструментам.

Фраа Лодогир заморгал, изображая недоумение.

— Ты хочешь сказать, что темой вашего диалога было *сознание*?

— Да.

— Конкретно, сознание Ороло? Поскольку, надо думать, к другим у него доступа не было.

— Его и моё, — поправил я, — поскольку я тоже участвовал в диалоге и было понятно, что наблюдения Ороло над своим сознанием верны и для моих наблюдений над моим.

— Но ты сказал мне всего минуту назад, что диалог был о *Геометрах*!

— Да.

— Теперь ты противоречишь себе, признавая, что речь шла всего лишь об общих особенностях твоего сознания и сознания Ороло.

— *И сознания Геометров*, — сказал я, — поскольку они определённо наделены сознанием.

— О-о-о! — выдохнул Лодогир, глядя куда-то в пространство, словно пытался воспринять умом нечто совершенно абсурдное. — Ты пытаешься сказать, что поскольку ты и Ороло наделены сознанием, и Геометры тоже (для наших рассуждений я готов допустить, что это так), ты можешь узнать нечто о способах их мышления, просто

созерцая свой пуп?

— Примерно так.

— Что ж, полагаю, для лоритов сегодня знаменательный день. Однако мне представляется, что ты говоришь сразу слишком мало и слишком много! — посетовал фраа Лодогир. — Слишком мало, потому что мы на Арбе созерцаем собственный пуп уже шесть тысяч лет, но так и не поняли *себя*. Так какая нам польза быть в таком же неведении касательно Геометров? А слишком много, потому что ты зашёл слишком далеко в допущении, будто Геометры думают, как мы.

— Насчёт последнего пункта: можно привести веские доводы, что мыслительные процессы всех разумных существ должны иметь нечто общее.

— Веские доводы, которые, как я понимаю, ни один последователь Халикаарна не станет проверять слишком тщательно, — сухо произнёс фраа Лодогир, вызвав смех у всех присутствующих процианов.

— Что до первого пункта, — продолжал я, — а именно, что мы за шесть тысяч лет самоизучения так и не поняли *себя*, Ороло, насколько я понимаю, считал, что теперь, когда у нас есть доступ к разумным существам из других звёздных систем, мы, возможно, сумеем разрешить часть вечных

вопросов.

Наступила такая тишина, что я понял: все напряжённо обдумывают услышанное. Мы подошли к самой сути. Сфеническая и протесова системы воевали между собой на протяжении тысячелетий и продолжали сражаться сейчас, в этом нефе, под именами процианов и халикаарнийцев, Лодогира и Эразмаса. И лишь в одном они были согласны: в утверждении, которое я только что приписал Ороло. Что Геометры могут склонить чашу весов в ту или другую сторону. И не обязательно потому, что сами знают ответ — они могут пребывать в таком же неведении, как и мы, — но благодаря новым данным. А это и было главной целью многих прибывших на конвокс, чего бы ни хотела от нас мирская власть.

Даже фраа Лодогир вынужден был отметить мои слова короткой уважительной паузой, прежде чем сделать следующий выпад:

— Будь они разумными роями примитивных насекомых, или системами пульсирующих энергетических полей, или растениями, говорящими друг с другом химическим языком, потуги Ороло вытащить на свет справедливо забытую псевдофилософию Эвенедрика могли бы показаться даже слегка занятными. Однако Геометры похо-

жи на нас. Ороло этого не знал, так что простим ему временное заблуждение.

— Но *почему* они похожи на нас? — спросил я и сразу понял, что допустил тактическую ошибку. Мне не следовало задавать вопросы, пусть даже риторические.

— Давай я тебе подскажу, — сказал фраа Лодогир, великодушно приходя на выручку окончательно запутавшемуся фиду. Огромное лицо на экране излучало благодушие. — Мы знаем, что за много месяцев до того, как кто-либо другой узнал о Геометрах, Ороло что-то затеял. Он следил за икосаэдром, используя космографические приборы вашего концента.

— Мы отлично знаем, что он затеял... — начал я.

— Мы знаем то, что тебе *рассказали*: историю, в которую многие из твоих собственных фраа и суур отказываются верить! И мы знаем, что Ороло отбросили. Что собратья по секте, тёмной организации, называемой «преемством», доставили его через половину Арбского шара на Экбу; в то самое место, куда, *по удивительному совпадению*, совершили первую высадку Геометры, причём в *ту самую ночь*, когда Ороло вздумалось предпринять долгую и утомительную экскурсию на

разреженные высоты действующего вулкана!

— Не долгую, не утомительную, и поднимались мы не ночью... — К середине фразы я понял, что он снова спровоцировал меня на мелочные возражения. Всё, чего я добился — дал ему возможность перевести дух и выпить глоток воды.

— Помоги теперь ты нам, фраа Эразмас, — произнёс фраа Лодогир спокойным деловым тоном. — Помоги разрешить загадку, над которой мы бьёмся.

— Кто в данном случае «мы»? — спросил я.

— Те участники конвокса, которых не покидает чувство, что спиль показал про Ороло далеко не всё.

Я ответил, не в силах скрыть прозвучавшую в голосе усталость:

— О какой загадке вы говорите?

— Как Ороло подавал Геометрам сигналы? К какому трюку он прибег, чтобы отправлять им тайные послания?

Сейчас, если бы у меня во рту была вода, я бы поперхнулся. Сидящие зашумели — волны негодующего ропота и оскорбительного смеха схлёстывались и прокатывались из одного конца нефа в другой. Я начисто утратил дар речи и только смотрел на фраа Лодогира пристально,

ожидая, что тот смутится и возьмёт назад свои обвинения. Но он по-прежнему являл собой воплощение естественности и благодушия. И по мере того как росли спокойствие и уверенность фраа Лодогира, мои стремились к нулю. Как же мне хотелось его уплощить!

Однако я вспомнил слова Ороло: «Они расшифровали мою аналемму!» Как если бы он и впрямь посылал Геометрам сигналы.

А как иначе объяснить их решение высадиться в Орифене — в том самом месте, где нашёл прибежище Ороло? И зачем иначе ему было совершать долгое и опасное путешествие в Орифену?

К насущному: я не отваживался вступать в серьёзный диалог с фраа Лодогиром здесь, перед этой аудиторией, на эту тему. Он уплощил бы меня так, что мои останки отскребали бы от пола пескоструйным автоматом. И заодно не оставил бы от Ороло мокрого места.

Мой диалог с фраа Лодогиром слушали миряне. Влиятельные миряне. Бонзы, как сказал бы Ороло. Возможно, на них такие подлые уловки и впрямь действовали.

Что говорили о риторах? Что они имели власть менять прошлое и делали это при малейшей возможности.

Я не мог тягаться с ритором. Мне оставалось одно: говорить правду в надежде, что меня услышат друзья, которым такое по силам.

— Оригинальное предположение, — сказал я. — Не знаю, какие порядки в ордене светителя Проца, но я, как эдхарианец, стал бы искать *доказательства*.

— А как насчет весов? — спросил фраа Лодогир.

— Весы отдают предпочтение более лёгкой гипотезе. Предположение, что Ороло *не* посылал сигналов инопланетному кораблю, проще того, которое предлагаете вы.

— О нет, фраа Эразмас. — Лодогир снисходительно усмехнулся. — Со мной такое не пройдёт. Постарайся не забывать, что нас слушают умные люди! Если гипотеза, что Ороло посылал сигналы, объясняет неразрешимые загадки, то она наиболее простая.

— Какие загадки, по-вашему, она объясняет?

— Три загадки, если быть точным. Загадка первая: аппарат сел на развалинах Орифены, в совершенно заброшенном и неинтересном месте, единственная примечательная черта которого — аналемма, явственно видимая из космоса!

— Из космоса явственно видно всё, была бы

соответствующая оптика, — заметил я. — Вспомним, что Геометры украсили свой корабль доказательством Адрахонесовой теоремы. Вполне естественно, что они совершили посадку в храме Адрахонеса.

— Они наверняка знали, что мы здесь, — возразил Лодогир. — Если они хотели поговорить с теорами, почему не высадиться в Тредегаре?

— А зачем расстреливать друг друга из ружей? Вы не можете требовать, чтобы я объяснил все поступки Геометров.

— Загадка вторая: самоубийство Ороло.

— Никакой загадки. Он пожертвовал собой, чтобы спасти бесценный образец.

— Он взвесил, что ценнее: его жизнь или образец. — Лодогир изобразил руками чаши весов. — Загадка третья: в последние мгновения он начертил на земле аналемму и встал на неё, чтобы встретить судьбу, которую сам избрал.

Мне нечего было ответить. Для меня самого это оставалось загадкой.

— Ороло принял на себя ответственность, — сказал Лодогир.

— Я решительно вас не понимаю.

— В те месяцы, когда Ороло единственный на всём Арбе знал о существовании Геометров,

он каким-то образом передал им послание. Я предполагаю, что оно имело форму аналеммы и было знаком высадиться на аналемме, которая так явственно видна — или была видна — в Орифене. Как только его отбросили, он отправился туда и стал ждать. И нате-ка! Геометры и впрямь там высадились. Но не так, как Ороло по наивности предполагал. Одна из партий запустила нелегальный аппарат. Инопланетная женщина пожертвовала жизнью. Доминирующая партия в отместку нанесла удар по Экбе с гибельными последствиями для Орифены. Ороло понял, что виноват в случившемся. Во искупление содеянного он забросил мёртвую женщину в воздухолёт и встал на аналемму в знак того, что принимает свою ответственность.

Покуда фраа Лодогир произносил своё обвинительное заключение, тон его менялся. Сперва он говорил, как инквизитор, потом всё мягче и мягче, а под конец почти сочувственно. Проникновенно. Я слушал как зачарованный. Возможно, этот ритор и впрямь имел колдовскую власть что-то сделать у меня в голове — изменить прошлое. Более того, я почти не сомневался, что он прав.

— У вас по-прежнему нет доказательств, только красивая история, — наконец выговорил я. — Да-

же если вы найдёте свидетельства и подтвердите свою правоту, что это на самом деле скажет об Ороло? Как он мог предвидеть гражданскую войну среди Геометров? В том, что погибли люди, повинен Геометр, отдавший приказ нанести удар по Экбе, а вовсе не Ороло. Так что даже если какая-то часть вашей гипотезы будет доказана, останется пространство для диалога о том, что на самом деле думал Ороло, когда его накрыло палящей тучей. Полагаю, он и впрямь взял на себя некую ответственность. Но, встав на аналемму, он сказал совсем не то, что вы пытаетесь ему приписать. Думаю, он сказал: «Я стою на своём, несмотря на всё, что случилось».

— Несколько самонадеянно, как по-твоему? Ты не считаешь, что он должен был обратиться к мирским властям? Чтобы они взвесили свидетельства — рассудили, как лучше вести себя с Геометрами? — Лодогир покосился в сторону, словно напоминая, что там, в нефе, бонзы дожидаются моего ответа.

И тут я, первый и последний раз за весь диалог, сделал то, чем после гордился. Я не сказал: «Небесный эмиссар уже взвесил и рассудил, как лучше, помните?» Но этого и не надо было говорить. Тихий ропот пробежал по нефу, постепенно

перерастая в смех. Мне оставалось только ждать, пока все собравшиеся осознают, какую глупость сморозил мой сокурсант. И ещё — я почувствовал, что это сознательный ход с его стороны.

— Всё зависит, — сказал я, — от того, чем оно в итоге закончится.

Лодогир поднял бровь и отвернулся к спилекаптору.

— В чём, — сказал он, — и заключается цель данного конвокса. Думаю, нам пора вернуться к работе.

Он взмахнул рукой. Прожекторы погасли. Экран потемнел. Все в нефе заговорили разом.

Я стоял один на подмостках, в темноте: фраа Лодогир торопливо сбежал по ступеням — видимо, чтобы я голыми руками не вырвал ему язык. Работники уже разбирали сцену Я отцепил микрофон, выпил большой глоток воды и начал спускаться, чувствуя себя так, будто в течение часа служил боксерской грушей для Лио.

Внизу меня дожидались несколько человек. Один в особенности обратил на себя моё внимание — мирянин, одетый как важная особа. Он явно вознамерился поговорить со мной первым и с этой целью взбежал по лестнице мне навстречу.

— Эмман Белдо, — представился мирянин и назвал какое-то правительственное ведомство. — Не можешь ли ты мне объяснить, что за ерунда тут происходит?

В парадном костюме он казался человеком солидного возраста, но сейчас, вглядевшись в лицо, я понял, что он немногим старше меня.

— Почему бы тебе не спросить фраа Лодогира? — предложил я.

Эмман Белдо предпочёл расценить мои слова как иронию.

— Я прибыл сюда в надежде услышать что-нибудь о Геометрах... — начал он.

— А мы разговариваем о сознании и аналеммах.

— Да. Послушай. Не пойми меня неправильно. Я пять лет был «унарием...

— Ты умный, образованный бюргер, ты читаешь книги и зарабатываешь на жизнь головой, и всё равно не можешь понять, что сейчас произошло...

— При том, что нам следует говорить об *угрозе!* И о том, что в связи с ней предпринять!

Я на мгновение отвлёкся, глядя на желающих со мной побеседовать. Я пытался понять, кто они такие, не встречаясь ни с кем глазами. У меня

было нехорошее чувство, что некоторые из этих фраа и суур считают себя членами Преемства и хотят обменяться со мной секретными рукопожатиями. Другие, вероятно, планировали долго и нудно разъяснять мне неправоту Эвенедрика. Наверняка тут были и бескомпромиссные халикаарнийцы, разъярённые тем, что я не уплощил фраа Лодогира, и люди вроде сууры Марой с конкретными вопросами про спускаемый аппарат. Мне подумалось, что куда проще иметь дело с бюргером вроде Эммана Белдо...

В каком-то смысле меня спас фраа Лодогир. Он протолкался к лестнице после жаркой перепалки с одним из старших иерархов.

— Ну и наворотил ты дел, фраа Эразмас! — воскликнул он.

— Что случилось, фраа Лодогир?

— По твоей милости нас низвергают во тьму кромешную — в самую задницу матического мира!

— Разве это не концент *просветителя* Эдхара?

— Нет, есть место ещё хуже, — объявил Лодогир. — Мессал о Множественности миров во владении Аврахона. И там мы будем вкушать пищу, покуда я не заставлю иерархов одуматься!

— Кто в данном случае «мы»?

— Тебе следует быть внимательней, фраа Эразмас!

— К чему внимательней?

— К своим обязанностям на конвоксе!

— И в чём мои обязанности?

— Стоять у меня за спиной, пока я ем. Держать мою салфетку, когда я выхожу в туалет.

— Что?!

— Ты мой сервент, фраа Эразмас, и я твой препт. Перед обедом мне надо подавать влажное полотенце, тёплое, но не горячее. Запомни хорошенько, если не хочешь до конца конвокса зубрить Книгу.

Эмман Белдо взглянул на меня с интересом.

Страшная новость должна была повергнуть меня в отчаяние, но я всё ещё немного «плыл», и мне стало смешно, что фраа Лодогир так злится.

— Ну вот, — сказал я Эмману Белдо, — теперь у тебя есть выбор. Если хочешь узнать об угрозе, которую представляют Геометры, можешь отправляться куда угодно, только не со мной. Если тебе интересно, почему мы сейчас говорили на такие отвлечённые темы, присоединяйся ко мне и фраа Лодогиру в самой заднице матического мира.

— Непременно! — воскликнул он. — Мой препт

такого не пропустит.

— А кто твой препт?

— Мы с тобой должны обращаться к ней «госпожа секретарь», — предупредил он. — Но зовут её Игнета Фораль.

Часть 10. Мессал

> ***Лориты**, орден, основанный св. Лорой, полагавшей, что все идеи, которые способен измыслить человеческий мозг, уже выдуманы. Л. — историки мысли; они рассказывают инакам о тех, кто уже высказывал в прошлом нечто подобное, и, таким образом, помогают им не изобретать заново колесо.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

— Геометры распластали нас, как подопытное животное, — сказала Игнета Фораль после того, как мы подали суп. — Они могут тыкать в нас скальпелем, сколько захотят, и наблюдать наши реакции. Когда мы впервые заметили их на орбите Арба, то подумали, что в ближайшее время что-нибудь произойдёт. Однако мучительно долго ничего не происходило. Геометры могут получать всю нужную им воду из комет, всё остальное — из астероидов. Чего они (как мы предполагаем) не могут, так это совершать межзвёздные перелёты. Но, возможно, они просто никуда не торопятся.

Она сделала паузу, чтобы промочить горло. На руке блеснул браслет — не броский, но наверняка дорогой. Всё в Игнете Фораль подтверждало то, что Тулия рассказала нам несколько месяцев назад в Эдхаре: она из богатого бюргерского клана, издавна тесно связанного с матическим миром. Не совсем ясно было, что она делает здесь и почему зовётся «госпожа секретарь». Тулия раскопала, что небесный эмиссар отстранил её от мирской власти. Однако это была старая новость. Небесного эмиссара выбросили в шлюз несколько недель назад. Может быть, пока я был на Экбе, мирская власть реорганизовалась, и госпожу Фораль вернули из небытия.

Пригубив вино, госпожа секретарь обвела взглядом шестерых сотрапезников.

— По крайней мере, так я отвечаю моим коллегам на вопрос, зачем я *трачу время* на этом мессале.

Последняя фраза была произнесена весело. Фраа Лодогир рассмеялся в голос. Все остальные хотя бы выдавили смешок, кроме фраа Джада, смотревшего на Игнету Фораль, как на вышеупомянутое подопытное животное. Это не ускользнуло от её внимания.

— Фраа Джад, — сказала она, поворачиваясь к

нему с намёком на поклон, — естественно, видит всё в более глубокой временной перспективе и, возможно, считает, что мои коллеги слишком нетерпеливы. Однако, к добру или к худу, я занимаюсь политическими механизмами того, что вы зовёте мирской властью. И многие её представители считают, что в нашем мессале умные люди растрачивают себя на ерунду. В лучшем случае они скажут, что сюда сослали трудных, никчёмных либо чрезмерно высоколобых людей, чтобы те не мешали работе конвокса. Как вы посоветуете мне ответить на доводы тех, кто требует закрыть этот мессал? Суура Асквина?

Суура Асквина была нынешней преемницей Аврахонова владения и фактической его хозяйкой. Мы все считались её гостями. Игнета Фораль обратилась к ней первой, потому что суура Асквина хотела что-то сказать, и ещё, как мне подумалось, потому что так требовал этикет. Пока я предпочитал думать о сууре Асквине хорошо: она помогала нам готовить обед, хлопоча наравне со своей сервентой, Трис. Сегодня был первый мессал о Множественности миров, и мы не сразу разобрались, где что на кухне, как растопить печь и всё такое.

— Боюсь, тут у меня незаслуженное преимуще-

ство, госпожа секретарь, поскольку я здесь живу. Я могла бы ответить на вопрос, проведя ваших коллег по владению Аврахона, которое, как все вы видели, представляет собой своего рода музей...

Я стоял позади фраа Лодогира, сжимая за спиной верёвку, которая через дыру в стене тянулась до самой кухни. Кто-то за неё дёрнул, бесшумно вызывая меня. Я наклонился, проверяя, не надо ли вытереть моему препту подбородок, и бочком двинулся мимо других сервентов к выходу. Тем временем суура Асквина развивала мысль, согласно которой один взгляд на древние научные приборы, собранные во владении, убедил бы самого скептичного экса в необходимости поддерживать чистую метатеорику. Мне было очевидно, что она прибегла к гипотрохийной трансквестиации: у неё получалось, будто мессал будет заниматься исключительно чистой метатеорикой. Я был в корне не согласен, но мог заговорить, только если ко мне обратятся, и решил, что остальные как-нибудь сами себя в обиду не дадут. Фраа Тавенер (он же Барб) стоял за спиной у фраа Джада и смотрел на сууру Асквину, как птица на букашку, изнывая от желания её уплощить. Я, проходя, подмигнул ему, но он, разумеется, не заметил. Я прошёл через обитую

дверь в коридор, служащий шлюзовой камерой для шумов. В дальнем конце была ещё одна обитая дверь. Я толкнул её — она открывалась в обе стороны — и разом окунулся в жар, звуки и свет.

И в дым, потому что Арсибальт что-то спалил. Я шагнул к ведру с песком, но, не увидев открытого пламени, решил, что ничего страшного не происходит. Голос сууры Асквины доносился из репродуктора: мирская власть прислала ита, и тот оборудовал одностороннюю акустическую систему. Мы в кухне — и, полагаю, все в достаточно большом радиусе — слышали каждое слово, произнесённое в мессалоне.

— Что стряслось? — спросил я.

— Ничего не стряслось. А, ты про дым? Я котлету сжёг. Пустяки, у нас есть ещё.

— Тогда зачем ты меня выдернул?

Арсибальт виновато покосился на прибитую к стене доску, под которой болтались семь верёвок. Над шестью мелом были написаны имена сервентов.

— Потому что мне стало жутко тоскливо! — объявил он. — Разговор просто идиотский!

— Это только начало, — заметил я. — Вступительные формальности.

— Неудивительно, что мессал хотят упразд-

нить! Если так и дальше пойдёт...

— А при чём тут я? Зачем было за верёвку дергать?

— О, это старая здешняя традиция, — сказал Арсибальт. — Я о ней прочёл. Если диалог становится нудным, сервенты голосуют ногами — удаляются в кухню. Прептам полагается это заметить.

— Вероятность, что препты поймут твой намёк, близка к вероятности того, что их не стошнит от нашей стряпни.

— Ладно, надо же с чего-то начать.

Я подошёл к доске, взял кусок мела и написал над последней неподписанной верёвкой «Эмман Белдо».

— Его так зовут?

— Да. Он говорил со мной после пленария.

— А почему он не помогал готовить?

— Помимо всего прочего, он ещё и шофер госпожи секретарь. Он прибыл пять минут назад. И вообще, эксы не умеют готовить.

— Твоя правда! — сказала суура Трис, входя с полным подолом дров. — Даже для вас, ребята, это дело не простое.

Она открыла дверцу печки и критически оглядела уголья.

— Мы ещё покажем, чего стоим, — объявил Арсибальт, хватая огромный нож, словно вождь племени, вызванный на поединок. — Печка, овощи, то, как вы режете мясо, — нам всё кажется странным.

И тут, словно говоря: «Кстати о странностях», мы с Арсибальтом разом покосились на огромную кастрюлю, которую ещё раньше отставили к краю плиты в надежде, что изрыгаемые ею пары будут не так сильно отравлять воздух.

Суура Трис ворошила уголья и подбрасывала щепочки сосредоточенно, будто совершала операцию на мозге. Мы бы посмеялись, если бы наши собственные попытки растопить печь не привели к катастрофическим последствиям, сопровождающим обычно ядерный взрыв. Теперь мы просто смотрели, остро сознавая свою неполноценность.

— Ничего себе госпожа секретарь начала разговор с того, что этот мессал — помойка для неудачников, — сказал я.

— О нет, я не согласна. Она молодец! — воскликнула Трис. Она пытается их мотивировать.

Трис была толстенькая и не особо хорошенькая, но как всякая девушка, выросшая в матике, держалась королевой.

— Интересно, удастся ли ей мотивировать моего препта, сказал я, — который ничего так не хочет, как закрыть этот мессал и впредь обедать со стоящими людьми.

Зазвенел колокольчик. Мы все обернулись. На стене над семью верёвками висели семь колокольчиков. От каждого тянулась длинная лента — через стену, под полом и дальше по мессалону к бархатному шнурку с нижней стороны стола. Каждый препт мог, дёрнув за шнурок, неслышно и незаметно вызвать своего сервента.

Колокольчик прозвенел раз, замолчал на мгновение и тут же затрезвонил без умолку, всё яростнее и яростнее; мне показалось, что сейчас он спрыгнет со стены. Над колокольчиком было написано «фраа Лодогир».

Я вернулся в мессалон, подошёл к своему препту со спины и нагнулся.

— Унеси своё эдхарианское хлёбово, — выдохнул он. — Есть невозможно!

— Вы бы видели, что готовят матарриты! — шепнул я. Лодогир покосился через стол на фраа — или сууру, — чьё лицо полностью закрывала стла. Ткань была перекинута через голову, как капюшон, и надвинута так низко, что оставалось лишь отверстие для всовывания еды — если упо-

требляемое матарритами за обедом заслуживало такого названия.

— Я лучше буду есть то же, что *оно*, — прошипел фраа Лодогир, — чем эту стряпню!

Я выразительно глянул на фраа Джада, упи-сывавшего за обе щёки, потом забрал у фраа Лодогира миску и унёс, радуясь поводу вернуться на кухню.

— «Есть невозможно», — повторил я, выливая содержимое миски в ведро с очистками.

— Может, надо подсыпать ему хорошина, — предположил Арсибальт.

— Или чего покрепче, — ответил я. Однако прежде чем мы успели развить многообещаю-щую тему, распахнулась задняя дверь, и в кухню вошла девушка, закутанная в гектар плотной чёрной стлы и обмотанная десятью милями хорды. Из вмятой сферы выглядывали разнооб-разные овощи. На улице девушка покрывалась стлой, но сейчас откинула её, явив взглядам глад-ко выбритую голову в мелких капельках пота — день был тёплый, а в такой одежде немудрено запариться. С суурой Карваллой мы чувствовали себя не так легко, как с Трис, поэтому трёп сразу прекратился.

— Какие замечательные овощи, начала Трис,

но Карвалла поморщилась и подняла худую, прозрачную руку, призывая к молчанию.

Фраа Лодогир заговорил. Думаю, поэтому он и велел унести «хлёбово».

— Множественность миров, — провозгласил он и выдержал долгую торжественную паузу. — Звучит впечатляюще. Я представления не имею, что это понятие означает для части присутствующих. Самый факт существования Геометров доказывает, что есть по меньшей мере один другой мир, так что на определённом уровне все тривиально. Но как номинальный процианин в этом мессалоне я сыграю мою роль и скажу: у нас нет ничего общего с Геометрами. Никакого совместного опыта, никакой общей культуры. Пока это так, мы не можем с ними общаться. Почему? Потому что язык — лишь поток символов, лишённых всякого смысла, пока мы, у себя в голове, не наделим их смыслом: процесс аккультурации. Пока мы не начнём делиться опытом и, таким образом, развивать общую с Геометрами культуру — то есть соединять наши культуры, — мы не сможем общаться с ними, а их усилия с нами общаться останутся так же непонятны, как те жесты, которые они уже сделали, вышвырнув небесного эмиссара в шлюз, сбросив жертву убийства на

культовый объект и металлический гвоздь — в жерло вулкана.

Как только он замолчал, почти все заговорили разом:

— Чего тут непонятного!

— Но они наверняка смотрели наши спили!

— Множественность миров-то тут при чём?

Последней заговорила суура Асквина:

— Многие другие мессалы занимаются темами, которые вы упомянули, фраа Лодогир. Я повторю вопрос госпожи секретарь: зачем нужен отдельный мессал о множественности миров?

— Спросите лучше иерархов, которые его учредили! — ответил фраа Лодогир несколько свысока. — Но если вас интересует ответ процианина, то он прост: прибытие Геометров — идеальный лабораторный эксперимент для демонстрации теории светителя Проца, а именно, что язык, общение, даже самая мысль суть манипуляции символами, смысл которым присваивает культура — и только культура. Я надеюсь лишь, что они не настолько загрязнили свою культуру просмотром наших спилей, чтобы нарушить чистоту эксперимента.

— И как это относится к нашей теме? — спросила суура Асквина.

— Она прекрасно знает, — заверила нас суура Трис, — и просто хочет, чтобы всё сказали при Игнете Фораль.

— Множественность миров означает множественность культур, до последнего времени полностью изолированных друг от друга и потому неспособных пока к общению.

— Согласно процианам! — произнёс кто-то со странным акцентом. Я не узнал голос и решил, что он принадлежит матарриту (или матарритке — по двум словам было трудно определить пол).

— Таким образом, цель данного мессала — разработать и, я надеюсь, применить стратегию, которая позволит мирской власти при поддержке инаков разрушить множественность, то есть создать общий язык. Мы выполним свою цель и сделаем себя ненужными, превратив множественные миры в единый.

— Он ненавидит этот мессал, — перевёл я, — и убеждает Игнету Фораль превратить его в нечто совершенно иное: политическую опору для процианам.

Сууре Карвалле очень не нравилось, что мы говорим, заглушая прептов, но ей предстояло с этим смириться. Мы все стояли рядом, раскладывая овощи по шести тарелкам — по шести, потому

что матарриты, видимо, не едят салатов.

Готовя обед, мы с несколькими сервентами очень славно подискутировали о том, зачем пригласили матаррита. Одна теория заключалась в том, что мирская власть религиозна и хочет, чтобы в обсуждении участвовал богопоклонник. Матарриты получат на конвоксе вес, непропорциональный их реальному влиянию в магическом мире, — потому что мирской власти с ними проще. Во всяком случае, так утверждала эта теория. Вторая была в русле предположения, высказанного в начале обеда Игнетой Фораль, а именно, что наш мессал — помойная яма.

Звяканье из репродуктора напомнило нам, что другие сервенты по-прежнему в мессалоне и убирают суповые миски. Диалог на время прекратился, но мы услышали старческий женский голос, заговоривший в менее официальном тоне:

— Кажется, я могу успокоить ваши страхи, фраа Лодогир.

— Очень любезно с вашей стороны, прасуура Мойра, но я не помню, чтобы я высказывал какие-либо страхи! — воскликнул фраа Лодогир, изображая (очень неправдоподобно) жизнерадостный тон.

Мойра была препом Карваллы, поэтому из

уважения к Карвалле мы и впрямь ненадолго заткнулись.

Мойра ответила:

— Мне казалось, из ваших уст прозвучали опасения, что Геометры загрязнили свою культуру просмотром наших спилей.

— Конечно, вы правы! А мне урок — не спорь с лоритом! — сказал фраа Лодогир.

Дверь открылась, и вошёл Барб со стопкой из семи мисок.

— Думаю, мне теперь следует именоваться по-другому, — деликатно ответила суура Мойра после недолгого раздумья. — Металоритом. Или, памятуя цель нашего мессала, лоритом множественных миров.

Все загудели — и в мессалоне, и на кухне. Суура Карвалла подошла к репродуктору и вся обратилась в слух. Арсибальт, что-то рубивший, остановился, занеся нож над доской.

— Мы, лориты, изводим всех напоминаниями, что такая-то и такая-то мысль уже высказана кем-то давным-давно. Но теперь, думаю, нам следует расширить сферу своей деятельности, включив в неё множественные миры, и сказать: «Очень сожалею, фраа Лодогир, но ваша мысль уже привиделась во сне жукоглазому чудищу на

планете Зарзакс десять миллионов лет назад!»

Смех за столом.

— Великолепно! — повернулся ко мне Арсибальт.

— Она тайная халикаарнийка, — сказал я.

— Верно!

Фраа Лодогир тоже это осознал и попытался возразить:

— Я отвечу, что вы не можете этого знать, пока не вступите в общение с жукоглазым чудищем или его потомками...

И он повторил то, что говорил раньше. Я схватил салат и бросился в мессалон, надеясь заткнуть своему препту рот. Суура Мойра явно не соглашалась с его возражениями, а у Игнеты Фораль во взгляде появился некоторый холодок.

Тем временем Арсибальтов препт, сидевший рядом с фраа Джадом, нагнулся к тысячелетнику и что-то зашептал. В начале обеда он показался мне смутно знакомым. Только когда Арсибальт назвал имя, я вспомнил, где видел его раньше: в алтаре концента светителя Эдхара, откуда он посмотрел вверх прямо на меня. Это был фраа Пафлагон.

Фраа Джад кивнул. Пафлагон откашлялся и, когда фраа Лодогир начал закругляться, произнёс:

— Возможно, пока мы доказываем, что каждое слово, написанное светителем Процем, безусловно верно, у нас найдётся время и для теорики!

Наступила короткая пауза — даже фраа Лодогир не отважился открыть рот.

Пафлагон продолжал:

— Есть ещё одна причина для мессала о Множественности миров: причина, возможно, не менее увлекательная, чем замечания фраа Лодогира о синтаксисе. Чисто теорическая. Она состоит в том, что Геометры сделаны из иного вещества, нежели мы. Из вещества, не родного для нашего космоса. И более того, мы только что получили результаты из лабораториума касательно четырёх сосудов с жидкостью — предположительно кровью, — доставленных капсулой. Вещество всех образцов — разное, то есть каждое так же отличается от трёх других, как от материи, из которой сделаны мы.

— Фраа Пафлагон, — сказала Игнета Фораль, — я узнала об этом только по пути сюда и всё ещё пытаюсь переварить. Пожалуйста, объясните подробнее, что вы имеете в виду, говоря о разном веществе?

— Ядра совершенно несовместимы, — сказал Пафлагон; потом, видя лица собравшихся, от-

кинулся на стуле, улыбнулся и выставил перед собой ладони, словно говоря: «Вообразите ядро». — Ядра возникают внутри звёзд. Когда звезда умирает, она взрывается, и ядра разлетаются, как зола от потухшего костра. Ядра заряжены положительно, так что когда температура снижается, они притягивают электроны и становятся атомами. При дальнейшем остывании электроны получают возможность взаимодействовать. Возникают комплексы, называемые молекулами, из которых состоит всё. Однако сотворение мира *начинается* в недрах звёзд, где ядра возникают по неким правилам, действующим при сверхвысоких температурах и давлениях. Химия того, из чего сделаны мы, косвенно отражает эти правила. Пока мы не научились получать новоматерию, каждое ядро в нашем космосе было создано по естественным правилам. Однако ядра атомов, из которых состоят Геометры, созданы по четырём другим, довольно сходным, но полностью несовместимым наборам правил.

— То есть, — сказала суура Асквина, — они умеют получать новоматерию...

— Либо прибыли из других космосов, — закончил фраа Пафлагон, — что делает мессал о Множественности миров вполне актуальным в

моих глазах.

— Это нелепость... фантазия! — вмешался пронзительный голос с непривычным акцентом. Ни у кого из тех, чьи лица мы видели, губы не шевелились, поэтому методом исключения все повернулись к закутанной фигуре. На доске в кухне было написано просто «Ж'вэрн», без «фраа» или «суура», указывающих на пол. Ж'вэрн повернулся (по голосу я заключил, что он всё-таки мужчина) на стуле и поднял руку. Колонна чёрной ткани (его сервент или сервента) наклонилась, выпустила псевдоподию и забрала тарелку — к явному облегчению соседей справа и слева. — Мне трудно поверить, что мы обсуждаем столь немыслимую возможность — будто есть иные вселенные и Геометры происходят из них!

Этими словами Ж'вэрн выразил мнение всех сидящих за столом.

Кроме фраа Джада.

— Слова подводят. Вселенная одна, по определению «вселенной». Это не космос, который мы видим глазами и в телескопы — он лишь одно *повествование*, ниточка, вьющаяся через Гемново пространство, в котором помимо нашего повествования есть множество других. Каждое представляется находящемуся в нём разуму

единственным. Геометры были в других повествованиях, пока не прибыли сюда и не оказались частью нашего.

Взорвав свою бомбу, фраа Джад встал и вышел в туалет.

— О чём, скажите на милость, мы говорим? — вопросил фраа Лодогир. — Никак о литературе?

Однако в его голосе не было издёвки, только зачарованный интерес.

— Тогда, возможно, наш мессал и впрямь превратился в то, чем считают его наши враги, — с вызовом произнесла Игнета Фораль и повернулась к тому, о ком писала работу годы назад, в унарском матике.

Пафлагон был на восьмом десятке и выглядел скорее внушительно, чем благообразно. Он смотрел в стол и, судя по иронической усмешке, добродушно смирялся с тем, что ему придётся стать переводчиком фраа Джада.

— Фраа Джад, — сказал он, — говорит о Гемновом пространстве. Наверное, удачно, что он сразу к нему перешёл. Гемново, или конфигурационное пространство — это то, как почти все теоры думают о мире. В эпоху Праксиса стало очевидно, что теорикой в этом пространстве заниматься легче, чем в трёхмерном Адрахонесовом, поэто-

му мы собрали пожитки и переместились туда. Когда вы говорите о параллельных вселенных, ваши слова звучат для фраа Джада так же дико, как его — для вас.

— Может быть, раз Гемново пространство настолько важно, вы немного о нём расскажете? — попросила Игнета Фораль.

Пафлагон снова улыбнулся и вздохнул.

— Госпожа секретарь, я пытаюсь придумать, как коротко изложить основное, не превращая наш мессал в годичную теорическую сувину.

И он отважно начал излагать азы Гемнова пространства, обращаясь к сууре Мойре всякий раз, как не находил способа объяснить какую-нибудь мудрёную концепцию. Почти каждый раз ей удавалось вытащить его из тупика. Она уже выказала себя приятной собеседницей, а огромный запас знаний, который она как лорит держала в голове, позволял ей легко растолковывать сложные понятия — она всегда могла вспомнить удачную аналогию или понятные доводы, изложенные кем-нибудь в более или менее далёком прошлом.

Кто-то меня дёрнул, и, войдя в кухню, я увидел конец своей верёвки в руках у Эммана Белдо. Ж'вэрнов сервент (я решил пока для просто-

ты думать о нём в мужском роде) помешивал загадочную кастрюлю, и мы с Эмманом, не сговариваясь, отошли подальше, к открытой двери в сад.

— О чём мы говорим? — потребовал объяснений Эмман. — О чём-то вроде путешествий в четвёртом измерении?

— Хорошо, что ты спросил, — ответил я, — потому что Гемново пространство — что угодно, только не это. Ты говоришь о старой штуке, когда куча трёхмерных пространств лежат друг на дружке, как листы в книге, и можно перемещаться из одного в другое.

Эмман закивал:

— Если придумать, как двигаться в четвёртом пространственном измерении. Но ваше Гемново пространство — что-то иное?

— В Гемновом пространстве любая точка, то есть любая последовательность из N чисел, где N — число измерений Гемнова пространства, содержит *всю* информацию, описывающую состояние системы в данный момент.

— Какой системы?

— Любой, описываемой Гемновым пространством.

— А, ясно, — сказал он. — Ты можешь задавать

Гемново пространство...

— Всякий раз, как захочешь описать состояние той системы, которую решил изучать. Если ты фид, и наставник задал тебе задачу, первый твой шаг — выбрать подходящее для неё Гемново пространство.

— Так о каком Гемновом пространстве говорит фраа Джад? — спросил Эмман. — Для какой системы задаёт все возможные состояния его Гемново пространство?

— Для космоса, — ответил я.

— Ой!

— Который для него представляет собой лишь один возможный путь в Гемновом пространстве. Однако в том же Гемновом пространстве возможны точки, не лежащие на пути, который представляет собой историю *нашего* космоса.

— Но точки совершенно законные?

— Некоторые да. Вообще же очень немногие, но в таком огромном пространстве «очень немногих» хватит на целые вселенные.

— А как насчёт остальных точек? Незаконных?

— Они описывают невозможные ситуации.

— Кусок льда внутри звезды, — подсказал Арсибальт.

— Да, — сказал я. — Где-то в Гемновом простран-

стве есть точка, описывающая космос, почти такой же, как наш, за одним исключением: в некой звезде находится кусок льда. Ситуация невозможная.

Арсибальт перевёл:

— Нет правдоподобной истории, которая могла бы к этому привести, то есть в эту точку нет допустимого пути в Гемновом пространстве.

— Если ты готов пока сдержать своё любопытство по этому поводу, — сказал я, — то суть моих слов вот в чём: ты можешь соединить череду законных точек — не лежащих на нашем мировом пути, но логичных — в другие мировые пути, такие же логичные, как наш.

— Но они не реальны, — сказал Эмман. — Или реальны?

Я не нашёлся с ответом.

Арсибальт сказал:

— Ты задал довольно глубокий метатеоретический вопрос. Все точки Гемнова пространства одинаково реальны, как одинаково реальны все возможные тройки (*x, y, z*), поскольку это всего лишь цепочка чисел. Что наделяет одну последовательность точек — один мировой путь — тем, что мы называем реальностью?

Последние несколько минут суура Трис всё

настойчивее покашливала, а теперь ещё и принялась бросать в нас различные предметы. Кроме того, зазвонили несколько колокольчиков: пора было подавать второе, и другие сервенты работали за нас с Эмманом. Мы на время занялись делом. Через несколько минут все четырнадцать участников мессала были на своих официальных местах: препты сидели за столом, дожидаясь, пока суура Асквина возьмёт вилку, мы стояли у них за спиной.

Суура Асквина сказала:

— Думаю, мы все согласились — пусть и с некоторыми оговорками — перейти в Гемново пространство вслед за фраа Джадом. И, судя по рассказу фраа Пафлагона и сууры Мойры, места нам там хватит!

Все препты вежливо засмеялись. Барб фыркнул. Мыс Арсибальтом закатили глаза. Барб явно умирал от желания уплощить сууру Асквину, подробнейшим образом объяснив, насколько огромно конфигурационное пространство вселенной — с оценкой, сколько нулей потребуется, чтобы записать число описываемых им состояний, докуда дотянулась бы бумажная лента, если бы на ней записали это число, и так далее. Однако Арсибальт занёс руку над его плечом

— терпи, мол. Суура Асквина начала есть, и все остальные последовали её примеру. После короткой интерлюдии, во время которой некоторые препты (не Лодогир) хвалили еду, суура Асквина продолжила:

— Однако, возвращаясь к нашей дискуссии, я должна сказать, что не вполне поняла реплику фраа Пафлагона о разной материи Геометров, прозвучавшую до того, как возникла тема Гемнова пространства. Фраа Пафлагон, я полагаю, вы привели это в доказательство того, что Геометры прибыли из разных космосов, или, в терминологии фраа Джада, из разных *повествований*...

— Чаще всего говорят «мировой путь», — вставила суура Мойра. — Термин «повествование»... э... несколько отягощён.

— Вы заговорили моим языком! — воскликнул Лодогир, явно очень довольный. — Кто, кроме фраа Джада, пользуется словом «повествование», и что оно для них на самом деле означает?

— Термин редкий, — сказала Мойра, — и для некоторых связан с Преемством.

Фраа Джад как будто ничего не слышал.

— Если оставить в стороне терминологической спор, — продолжала суура Асквина чуть более резким тоном, — то я не понимаю, как всё соот-

носится: в чём вы видите связь между фактом существования разных видов материи и мировыми путями?

Пафлагон сказал:

— Космогонические процессы, ведущие к созданию того, из чего мы состоим: протонов и остальной материи, и рождению звёзд, в которых происходит нуклеосинтез, — зависят от некоторых физических констант. Самый известный пример — скорость света, но есть и другие, общим числом около двадцати. В те времена, когда у нас ещё было нужное оборудование, теоры потратили много времени, чтобы точно определить эти константы. Будь они иными, известный нам космос не возник бы: он остался бы бесконечным облаком тёмного холодного газа, или одной огромной чёрной дырой, или чем-нибудь ещё таким же простым и скучным. Если представить константы рычагами на панели управления машины, то все эти рычаги должны стоять в определённом положении...

И снова Пафлагон посмотрел на Мойру. Та подхватила:

— Суура Демула использовала аналогию с кодовым замком сейфа, комбинация которого состоит примерно из двадцати чисел.

— Если следовать аналогии сууры Демулы, — сказал Ж'вэрн, — каждое из двадцати чисел — какая-нибудь природная константа, например скорость света.

— Верно. Набирая случайные числа, вы никогда не откроете сейф: он останется для вас глухим металлическим ящиком. Даже если вы наберёте правильно девятнадцать чисел и ошибётесь в двадцатом, ничего не произойдёт. Нужно набрать правильно все до одного. Тогда дверца откроётся, и наружу изольётся вся сложность и вся красота космоса.

— Ещё одна аналогия, — продолжала Мойра, отпив глоток воды, — была предложена светителем Кондерлином, сравнившим все наборы из двадцати констант, *не* порождающие сложность, с океаном в тысячу миль глубиной и шириной. Наборы, её порождающие, подобны масляной плёнке в лист толщиной на поверхности этого океана: тончайший слой возможностей, при которых образуется твердое стабильное вещество, пригодное для возникновения вселенных и жизни.

— Мне нравится аналогия Кондерлина, — сказал Пафлагон. — Космосы, в которых возможна жизнь — различные участки этой масляной

плёнки. Изобретатели новоматерии придумали способы перемещаться в соседние точки, где материя имеет немного другие свойства. Большая часть созданной ими новоматерии хоть и отличалась от природной, была ничем не лучше. После долгого кропотливого труда теоры научились попадать на те участки масляной плёнки, где материя лучше, полезнее той, которой снабдила нас природа. И, как я понимаю, у присутствующего здесь фраа Эразмаса уже есть мнение о том, из чего сделаны Геометры.

Я настолько этого не ждал, что застыл под взглядом фраа Пафлагона, как пень. Чтобы вывести меня из ступора, он сказал:

— Твой друг, фраа Джезри, любезно поделился твоими наблюдениями касательно парашюта.

— Да, — сказал я, чувствуя, как горлу подкатывает комок. — Ничего особенного. Не так хорошо, как новоматерия.

— Если бы Геометры научились делать новоматерию, они изготовили бы куда более совершенный парашют, — перевёл фраа Пафлагон.

— Или придумали бы не такой идиотически примитивный способ сажать аппараты! — объявил Барб. Все взгляды обратились к нему. Его имени не называли.

— Фраа Тавенер сделал очень дельное замечание, — проговорил фраа Джад, сглаживая неловкость. — Возможно, он скажет нам ещё что-нибудь интересное позже, когда его попросят.

— Суть, если я правильно понимаю, — сказала Игнета Фораль, — в том, что Геометры — все четыре их группы — используют материю, естественную для своих космосов.

— Им присвоили условные названия, — подал голос Ж'вэрн. — Антарктцы, пангейцы, диаспцы и кваторцы.

Первый и, наверное, последний раз ему удалось вызвать у собравшихся смех.

— Названия отдают географией, — сказала суура Асквина, — но...

— На их корабле изображены четыре планеты, — продолжал Ж'вэрн. — Они отчётливо видны на фототипии светителя Ороло. На каждом из четырёх сосудов с кровью, доставленных аппаратом, также изображено по планете. Им дали неофициальные названия по самым примечательным географическим чертам.

— Так что... попробую угадать... на Пангее один большой континент? — предположила суура Асквина.

— На Диаспе, очевидно, много островов, — вста-

вил Лодогир.

— На Кваторе почти вся суша сосредоточена в низких широтах, — сказал Ж'вэрн, — а самая примечательная черта Антаркта — огромный ледяной континент на Южном полюсе, — и, возможно, предвосхищая очередную поправку со стороны Барба, добавил: — Или какой уж там полюс они изображают снизу.

Барб фыркнул.

Могло показаться странным, что член фанатично замкнутой секты богопоклонников, прибывший на конвокс всего несколько часов назад, проявляет такую осведомлённость, но загадка разрешалась просто: Ж'вэрн был на том же брифинге, что и я. Всех прошедших инбрас отвели в калькорий, где несколько фраа и суур по очереди вводили нас в курс дела. Или (говоря более цинично) скармливали нам то, что сочли нужным иерархи. Я только-только начинал понимать, как на конвоксе распространяется *настоящая* информация.

На какое-то время разговор выродился в пустую болтовню. Я слегка досадовал, пока не увидел, что Пафлагон и Мойра, воспользовавшись передышкой, догоняют остальных едоков. Некоторые сервенты пошли на кухню раскладывать десерт.

Только когда мы начали собирать тарелки, разговор возобновился. Суура Асквина, обменявшись взглядами с Игнетой Фораль, кашлянула в салфетку и сказала:

— Хорошо. Как я поняла из того, что мы слышали несколько минут назад, ни одна из четырёх рас не изобрела новоматерию.

— Либо не хочет, чтобы мы об этом узнали, — вставил фраа Лодогир.

— Да, конечно... но в любом случае каждая раса происходит из космоса, повествования или мирового пути, в котором природные константы немного отличаются от наших.

Никто не возразил.

Игнета Фораль сказала:

— Мне представляется, что это почти невероятное и очень важное открытие, и я не понимаю, почему мы не услышали о нём больше!

— Окончательные результаты были получены только на сегодняшнем лабораториуме, — сказал Ж'вэрн.

— И, надо полагать, сразу после этого создали наш мессал, собственно говоря, во время инбраса, — заметил Лодогир.

— Кое-какие намёки прозвучали ещё день или два назад на лукубе, — сказал Пафлагон.

— Тогда и нас следовало поставить в известность день или два назад, — возмутилась Игнета Фораль.

— Специфика лукубов такова, что об их работе рассказывают не так охотно, как о результатах лабораториума, — заметила суура Асквина, ловко исполняя свою роль сглаживательницы конфликтов и всеобщей примирительницы. Джад посмотрел на неё как на «лежачего полицейского» перед своим мобом.

— Но есть и другая причина, по которой госпожа секретарь могла бы нас извинить, — сказала суура Мойра. — До сегодняшнего утра преобладала гипотеза, что двигатели, используемые Геометрами для межзвёздных перелётов, каким-то образом трансформировали их материю.

— Трансформировали материю?

— Да. Локально изменили константы и законы природы.

— Такое возможно?

— Теоретическая возможность такого двигателя была доказана две тысячи лет назад, здесь, в Тредегаре, — ответила Мойра. — Я рассказала об этом на прошлой неделе. В течение нескольких дней гипотеза пользовалась большой популярностью. Так что, как видите, это моя вина.

— Гипотеза не приобрела бы популярность, — объявил фраа Джад, — если бы многие не боялись разговора о других повествованиях. Эти люди хотят объяснений, которые не заставят их мыслить по-новому, и забывают о граблях.

— Весьма красноречиво, фраа Джад, — сказал мой препт. — Замечательный пример незримых течений, часто управляющих тем, что выдаётся за рациональную теорическую беседу.

Фраа Джад наградил Лодогира взглядом, смысл которого трудно было истолковать, но определённо не ласковым.

Меня выдернули. Я уже научился узнавать, когда это делает Эмман. И впрямь, он ждал у входа в кухню.

— Первое, что скажет мне госпожа секретарь в мобе по пути домой, это чтобы я нашёл правильный лукуб.

— Тогда тебе надо было выдернуть кого-нибудь другого. Я только сегодня утром вышел из карантина.

— Вот потому-то ты и годишься лучше всех: перед тобой открыт выбор.

Насколько я успел понять, утро (до провенера) занимал лабораториум. Мне предстояло отправиться в конкретное место и выполнять

предписанную работу вместе с теми, кого тоже туда назначили. Часть дня от провенера до мессала называлась «периклиний». В это время люди общались кто с кем хочет и делились информацией (например, результатами лабораториума), которая затем распространялась дальше на мессалах. За мессалом следовал лукуб — ночные посиделки. Всё подсказывало, что сегодня лукубы будут особенно активны, поскольку большую часть дня отняли инбрас и пленарий. Вообще, как я понял, на лукубах происходило самое интересное. Все хотели действовать, но многие чувствовали, что структура лабораториума, мессала и тому подобного только мешает. Лукуб был способом проявить инициативу. Ты мог всё утро работать в лабораториуме с полными идиотами, иерархи могли назначить тебя в мессал, от которого клонит в сон, но во время лукуба ты делал, что пожелаешь.

— Буду рад, если ты пойдёшь со мной на лукуб, — сказал я (совершенно искренне). — Но учти, я не могу гарантировать...

Меня заглушило возмущённое шиканье Карваллы и Арсибальта.

Барб повернулся к нам и объяснил:

— Они просят вас помолчать, потому что хотят

слышать, что говорят в...

Я шикнул на Барба. Арсибальт шикнул на меня. Карвалла шикнула на Арсибальта.

Разговор перешёл к самой сути сегодняшней дискуссии: как идея мировых путей и конфигурационного пространства связана с существованием четырёх типов материи на «Пангее», «Диаспе», «Антаркте», «Кваторе» и Арбе.

— Примерно во времена Реконструкции существовал устойчивый мем, — говорила Мойра, — что природные физические константы случайны, а не единственно возможны. То есть что они могли бы быть немного другими, окажись ранняя история вселенной чуть иной. Собственно, благодаря этой идее мы и получили новоматерию.

— Итак, если я вас правильно поняла, — сказала Игнета Фораль, — правильность утверждения, что константы случайны, доказана нашей способностью получать новоматерию.

— Такова обычная интерпретация, — сказала Мойра.

— Говоря «ранняя история вселенной», — вставил Лодогир, — насколько раннюю...

— Мы говорим о бесконечно малом промежутке времени сразу после Большого взрыва, — сказала Мойра, — когда из моря энергии образовались

первые элементарные частицы.

— То есть гипотеза утверждает, что они получились *такими*, а могли бы получиться *иными*, породив космос с другими константами и другой материей, — уточнил Лодогир.

— Совершенно верно, — сказала Мойра.

— Как теперь нам перевести сказанное на язык повествований и конфигурационного пространства, который предпочитает фраа Джад? — спросила Игнета Фораль.

— Я попробую, — сказал фраа Пафлагон. — Если проследить наш мировой путь — серию точек в конфигурационном пространстве, представляющую прошлое, настоящее и будущее нашего космоса, — назад во времени, мы увидели бы конфигурации более горячие, яркие и плотные, как если бы прокручивали в обратную сторону фотомнемоническую табулу с записью взрыва. Мы попали бы в области Гемнова пространства, едва ли узнаваемые как космос: мгновения сразу после Большого взрыва. В какой-то момент, двигаясь назад, мы оказались бы в конфигурационном пространстве, где физические константы, о которых мы говорили...

— Двадцать чисел, — сказала суура Асквина.

— Да. Ещё *не определены*. Место настолько

непохожее на наше, что эти константы в нём не имеют смысла — у них нет значений, потому что они ещё могут принять *любое* значение. Так вот, до того момента истории, о котором я говорю, нет разницы между старой картиной единственной вселенной и картиной мирового пути в Гемновом пространстве.

— Даже если принять во внимание новоматерию? — спросил Лодогир.

— Да. Творцы новоматерии сделали одно: построили машину, способную создать сверхвысокие энергии, и произвели в лаборатории собственный Большой взрыв. Однако сегодняшние утренние результаты дали нам нечто новое: если точно так же проследить назад мировые пути Антаркта, Пангеи, Диаспа и Кватора, вы окажетесь в очень похожей части Гемнова пространства.

— Повествования сходятся, — сказал фраа Джад.

— Если идти назад, вы хотите сказать, — уточнил Ж'вэрн.

— Никакого назад нет, — сказал фраа Джад.

Все на несколько секунд онемели.

— Фраа Джад не верит в существование времени, — сказала Мойра, но, судя по тону, она сама

осознала это тогда же, когда произнесла.

— Ах да! Важная деталь, — заметила суура Трис в кухне и, вопреки обыкновению, никто на неё не зашикал. Последние несколько минут мы стояли над тарелками с десертом, готовые подавать, и ждали подходящего момента.

— Думаю, нам не стоит отклоняться от темы и обсуждать, существует ли время, — сказал фраа Пафлагон к почти слышному облегчению остальных. — Суть в том, что если рассматривать пять космосов — Арбский и четырёх рас Геометров — как траектории в Гемновом пространстве, то в окрестностях Большого взрыва эти траектории окажутся очень близки. И мы можем спросить себя, не *одинаковы ли* они до определённой точки, в которой что-то заставило их разойтись. Возможно, это вопрос для другого мессала. Возможно, только богопоклонники посмеют к нему подступиться. — (Мы в кухне рискнули покоситься на Ж'вэрнова сервента.) — Так или иначе, разные мировые пути ведут к немного различным физическим константам. И даже окажись мы в одной комнате с Геометром, внешне похожим на нас, самые ядра его атомов по-прежнему несли бы некий отпечаток инокосмического происхождения.

— Как в наших генетических цепочках закодированы все мутации, все адаптации, каждый наш предок вплоть до первого живого существа, — сказала суура Мойра, — так вещество Геометров несёт в себе запись того, что фраа Джад назвал повествованием их космосов, вплоть до точки в Гемновом пространстве, где повествования разошлись.

— Дальше, — сказал фраа Джад.

Как всегда после его реплики, наступила тишина, но на сей раз её нарушил смех фраа Лодогира.

— А, я понял! Наконец-то! Какой же я глупец, фраа Джад, что не сразу раскусил вашу игру! Но теперь я вижу, куда вы нас так ловко ведёте: в Гилеин теорический мир!

Несколько часов назад, во время периклиния, фраа Лодогир подошёл ко мне и отпустил какое-то невинное замечание о нашем недавнем диалоге. Я был потрясён. Как он рискнул приблизиться ко мне без доспехов и отряда инквизиторов с электрошоковыми пистолетами? Как не подумал, что я посвящу остаток жизни планам жестокой мести? И тут я понял, что для него здесь нет ничего личного. Все риторические уловки, все искажения, приправленные откровенной ложью, все

попытки давить на чувства — такая же часть его инструментария, как уравнения и силлогизмы — часть моего. Лодогир просто не ждал, что я обижусь, как я не жду, что Джезри обидится, если указать ему на ошибки в теорике.

Я молча смотрел на Лодогира, оценивая расстояние от моего кулака до его зубов. У меня было смутное чувство, что он отдаёт ещё какие-то дурацкие распоряжения касательно вечернего мессала, но я ничего не слышал. Через некоторое время фраа Лодогир, так и не дождавшись ответа, потерял ко мне интерес и отошёл.

— Не знаю, чем для меня всё закончится с ним и с инквизицией! — воскликнул я.

— У тебя *уже* неприятности с инквизицией? — спросил Арсибальт удивлённо и в то же время уважительно.

— Нет. Но Варакс дал понять, что следит за мной, — сказал я.

— Это каким же образом?

— У меня была неприятная встреча с Лодогиром.

— Да. Я видел.

— Нет, я о второй встрече. И угадай, кто подошёл ко мне через несколько секунд?

— Ну, учитывая, с чего ты начал, — сказал Ар-

сибальт, — я полагаю, что Варакс.

— Ага.

— И что он сказал?

— Он сказал: «Если не ошибаюсь, ты дошёл до пятой главы! Надеюсь, ты не потратил на неё всю осень!» Я ответил, что мне потребовалось несколько недель, но я не виню его в том, что произошло.

— И всё?

— Да. Ну, может, ещё немного поболтали о пустяках.

— И как ты понял слова Варакса?

— «Не бей своего препта по морде, молодой человек. Я за тобой слежу».

— Ты болван.

— Что?!

— Ты всё неправильно понял. Это подарок.

— Подарок?!

Арсибальт объяснил:

— Препт может наказать сервента, назначив ему главы из Книги. Но ты, Раз, такой закоренелый преступник, что уже прошёл пять. Лодогир вынужден будет назначить тебе шестую: очень тяжёлое наказание...

— Которое я могу оспорить. — До меня постепенно начало доходить. — Оспорить в инквизиции.

— Арсибальт прав, — сказала Трис. Она слушала наш разговор, и теперь, узнав, что я дошёл до пятой главы включительно, смотрела на меня совершенно по-новому. — Сдаётся, Варакс прозрачно намекнул тебе, что инквизиторы отменят любой приговор Лодогира.

— Им практически некуда будет деться, — сказал Арсибальт.

Я взял Лодогиров десерт и, заметно повеселевший, направился в мессалон. Остальные последовали за мной. Мы вошли и увидели побагровевшие лица и закушенные губы: живая иллюстрация к учебнику языка жестов, подпись: «Выражения неловкости и досады». Лодогир сумел произвести на всех своё обычное действие.

— Как только мне начало казаться, что мы к чему-то подходим, — говорила Игнета Фораль, — я вновь увидела, что мессал скатывается на старый и скучный спор между процианами и халикаарнийцами! *Метатеорика!* Иногда мне думается, что вы в матическом мире не понимаете всей серьёзности происходящего.

Я, очевидно, вошёл не вовремя, но отступать было поздно, и остальные сервенты толпились у меня за спиной, так что я рванул внутрь и поставил перед моим препом тарелку, как раз когда

тот говорил:

— Я принимаю ваш упрёк, госпожа секретарь, и могу заверить...

— Я не принимаю, — сказал фраа Джад.

— И правильно! — подхватил Ж'вэрн.

— Эти вопросы важны вне зависимости от того, возьмёте ли вы на себя труд их понять, — сказал фраа Джад.

— Как мне отличить их от политических дрязг, которые происходят в столице? — спросила Игнета Фораль. Тон фраа Джада многих за столом ужаснул, но её скорее взбодрил, как струя холодного ветра в лицо.

Фраа Джад пропустил вопрос мимо ушей, как не стоящий его внимания, и налёг на десерт. Ж'вэрн, изумивший нас всех своим интересом к теме, ответил за него:

— Изучая качество доводов.

— Я не признаю, что существование Гилеина теорического мира вытекает из того, что зовётся чистой теорикой, — сказал Лодогир. — Это такое же вольное допущение, как вера в Бога.

— Я восхищена тем, как искусно вы одной фразой разделались с фраа Ж'вэрном и фраа Джадом, — сказала Игнета Фораль, — но должна напомнить, что мои коллеги по большей части

верят в Бога и с ними ваш гамбит скорее всего не пройдёт.

— Время позднее, — заметила суура Асквина, хотя никто не выказывал признаков усталости. — Предлагаю перенести тему Гилеина теоретического мира на завтрашний вечерний мессал.

Фраа Джад кивнул, но трудно было сказать, принял ли он вызов или просто одобряет кекс.

****

***Всеобщий уничтожитель**, крайне высокопраксичная система вооружения, применявшаяся, как полагают, во время Ужасных событий и повлекшая огромные разрушения. Широко распространено, но не доказано мнение, что причастность теоров к разработке этого праксиса привела к решению изолировать их от нетеоретического общества: политике, которая после своего осуществления стала называться Реконструкцией.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— Понравились вам книги? — спросила суура Мойра и, схватив большую сковородку, принялась счищать пригоревшие овощи в мусорное

ведро. Никто из нас не заметил, как она вошла. Карвалла ахнула, бросила в раковину недомытую кастрюлю и метнулась к своей препте, чтобы забрать сковородку из немощных старческих рук. Мы с Арсибальтом синхронно повернули головы. Карвалла была замотана в тонну чёрной ткани, но сложное плетение хорды, удерживающей стлу на её фигуре, явно заслуживало более детального изучения. Даже Барб посмотрел. Эмман Белдо вёз Игнету Фораль домой. Что на уме у Ж'вэрнова сервента Орхана (вопрос его пола всё ещё оставался под сомнением), понять было трудно, но по складкам стлы, полностью скрывавшей лицо, угадывалось, что он (или она) тоже следит за Карваллой. Трис воспользовалась моментом, чтобы стянуть самую удобную щётку.

— Кто их подбирал? — спросил я.

— Я поручила Карвалле отнести их в твой вагончик, — сказала Мойра и улыбнулась.

— Так вот они откуда! — воскликнула суура Трис и пояснила: — Я сегодня утром нашла у себя в келье стопку книг.

Судя по тому, как смотрели на Мойру остальные сервенты, с ними произошло то же самое.

— Минуточку, это хронологически невозможно! — заметил Барб и в своём обычном духе

добавил: — Если вы не нарушили законы причинности!

— О, я пыталась затеять этот мессал уже несколько дней, — сказала Мойра. — Спросите сууру Асквину, как я её изводила. Вы же не думаете, что несколько иерархов могут организовать такое, обменявшись записками во время инбраса?

— Прасуура Мойра, — начал Арсибальт, — разве мессал создан не по результатам сегодняшнего лабораториума?

— Если бы вы меньше засматривались на хорошеньких суур и не так шумно валяли дурака на кухне, вы бы услышали, как я назвала себя металоритом.

— Или лоритом множественных миров, — вставил я.

— Ах, так вы всё-таки слушали!

— Я думал, вы просто хотите разрядить обстановку.

— Кто был *их* Эвенедриком, фраа Арсибальт?

— Простите? — Арсибальт зачарованно раскрыл рот, но тут суура Трис сунула ему в руки огромный грязный поднос.

— Фраа Тавенер, кто был светителем Темном на планете Кватор? Трис, кто была леди Барито на Антаркте? Фраа Орхан, верят ли в Бога на Пангее,

и если да, тот же это Бог, что у матарритов, или другой?

— Должен быть тот же, прасуура Мойра! — воскликнул Орхан (я окончательно решил считать его мужчиной) и сделал жест, который я видел раньше. Какое-то богопоклонническое суеверие.

— Фраа Эразмас, кто открыл Халикаарнову диагональ на планете Диасп?

— Вы хотите сказать, что, поскольку они, очевидно, думали о том же...

— Должны были думать, иначе не построили бы этот корабль! — вставил Барб.

— У вас гораздо более свежие головы, более подвижные мозги, чем у некоторых в этом мессалоне, — сказала Мойра. — Я подумала, что у вас могут возникнуть соображения.

Суура Трис повернулась и сказала:

— Вы предполагаете, что светители из разных миров совпадают один в один? Общее сознание во многих мирах?

— Я спрашиваю вас, — сказала Мойра.

Я молчал, охваченный тем беспокойством, которое в последнее время накатывало на меня, как только разговор устремлялся в это русло. В своих последних словах, за минуты до смерти, Ороло предупредил меня, что тысячники знают о

единстве сознания в разных мирах и построили на нём праксис: то есть легенда об инкантерах основана на фактах. Может быть, ко мне вернулась старая привычка слишком много тревожиться, но мне казалось, что разговор, в котором я участвую, опасно близок к теме инкантеров.

Арсибальт, не обременённый моими тревогами, приготовился ответить. Он поставил вымытый поднос в сушку, вытер ладони о стлу и расправил плечи:

— Хорошо. Любая такая гипотеза должна строиться на объяснении, почему разные сознания на разных мировых путях думают одно и то же. Некоторые всегда могут предложить религиозное объяснение, — он покосился на Орхана, — другие...

— Можешь не скрывать свою веру в ГТМ — вспомни, с кем ты говоришь! Я и не такое видела!

— Да, прасуура Мойра, — ответил Арсибальт, склонив голову.

— Как знание распространяется из общего теорического мира — я не буду называть его Гилеиным, поскольку, очевидно, на планете Кватор не было женщины по имени Гилея, — в сознание разных светителей из разных миров? И

происходит ли это сейчас — между ними и нами? — вбрасывая в кухню свои мозговзрывающие гранаты, суура Мойра бочком отступала к дальней двери и едва не столкнулась с Эмманом Белдо, который вернулся, доставив свою препту домой.

— Судя по всему, завтрашний мессал и будет про это говорить, — заметил я.

— Зачем ждать? Не расслабляйтесь! — И Мойра стремительно вышла в темноту. Карвалла, бросив полотенце, рванула за ней, накидывая на голову стлу. Эмман вежливо посторонился, затем уставился вслед Карвалле и смотрел, пока та не исчезла из виду. Когда он повернулся обратно, суура Трис залепила ему в физиономию мокрой губкой.

— Не могут же эти пути просто блуждать в Гемновом пространстве... — сказал Эмман.

— Как мы в темноте? — предложил я. Мы искали подходящий лукуб.

— Без всякого смысла. Или могут?

— Ты про мировые пути? Повествования?

— Наверное. Кстати, что вокруг них за сырбор?

Вопрос был довольно расплывчатым, но я, кажется, понял, что имел в виду Эмман.

— Ты про то, что фраа Джад употребляет слово

«повествования»?

— Да. Трудновато будет скормить это...

— Бонзам?

— Так вы называете коллег моей препты?

— Некоторые из нас — да.

— Так вот, они все довольно приземлённые. Такие возвышенные вещи — не для них.

— Ладно, давай я подберу пример. Помнишь, что сказал Арсибальт? Про кусок льда в звезде?

— Конечно. Существует точка в Гемновом пространстве, соответствующая космосу, где есть даже это.

— Конфигурация космоса, заданная этой точкой, — сказал я, — включает, помимо звёзд и планет, воробьёв и пчёл, спилей, книг и всего остального, одну звезду, в которой находится большой кусок льда. Точка, как ты помнишь, всего лишь длинная последовательность чисел — координат — не более и не менее реальная, чем любая другая.

— Её реальность — или в данном случае нереальность — вытекает из каких-то других соображений.

— Верно. В данном случае — что описываемая ситуация абсолютно нелепа.

— Как такое могло случиться, для начала? —

подхватил Эмман, проникаясь духом аргумента.

— *Случиться.* Вот ключевое слово, — сказал я, жалея, что не могу объяснять так же хорошо, как Ороло. — Как понимать, что нечто случилось? — Вышло довольно убого. — Не просто эта ситуация — изолированная точка в конфигурационном пространстве — возникла и сразу исчезла. Скажем, у тебя есть обычная звезда, и вдруг — бац! — в один космический миг посреди неё материализуется глыба льда, а в следующий — бац! — глыбы нет. Это не называется «случилось».

— А если у тебя есть гемнопространственный телепортатор?

— М-мм... Полезный мысленный эксперимент, — сказал я. — Ты про устройство из книжки, которую подложила нам Мойра. Чудо-кабинка, с помощью которой ты можешь перенестись в любую точку Гемнова пространства, сделать её реальной и перескочить в следующую.

— Да. Невзирая ни на какие законы физики. Тогда мы сможем материализовать глыбу льда в звезде. Но она тут же растает.

— Растает, если с этой точки ты позволишь действовать законам природы, — поправил я. — Но ты можешь сохранить её, прыгнув в следующую точку, описывающую тот же космос, но по-преж-

нему с глыбой льда.

— Ладно, понял. Но в нормальных условиях она растает.

— Итак, Эмман, вопрос в том, что значит «нормальные условия». Или по-другому: возьмём серию точек, которую ты должен пройти в гемнопространственном телепортаторе, чтобы в космосе за окном кабины глыба льда сохранялась внутри звезды. Чем эта серия точек будет отличаться от той, которая составляет правильный мировой путь?

— От той, которая не противоречит законам природы?

— Да.

— Не знаю.

Я рассмеялся.

— Ну вот. Наконец-то я начал понимать, что Ороло говорил мне про светителя Эвенедрика. Эвенедрик изучал датономию — отрасль булкианской философии. То, что нам дано, что мы наблюдаем. В конечном счёте это всё, что у нас есть.

— Ладно, — сказал Эмман. — Так что мы наблюдаем?

— Не просто приемлемые мировые точки, то есть без льда в звёздах, но приемлемую серию

таких точек. Мировой путь, который *мог случиться*.

— В чём разница?

— Глыба льда в звезде не просто невозможна — её нельзя туда доставить и нельзя там сохранить. Нет связной истории, которая бы её включала. Речь не просто о *возможном* — в Гемновом пространстве возможно всё, — но о *согласованном*, в смысле всего того, что должно быть справедливым в отношении вселенной, где в звезде оказалась глыба льда.

— Ну, думаю, такое возможно, — сказал Эмман. В его голове заворочались праксические шестерёнки. Собственно, этим он и зарабатывал на жизнь — его выдернули из ракетного агентства и приставили техническим советником к Игнете Фораль. — Можно спроектировать ракету с боеголовкой из жаропрочного материала и поместить туда глыбу льда. Запустить её в звезду с большой скоростью. Жаропрочный материал сгорит. Но потом, на долю мгновения, у нас будет глыба льда в звезде.

— Отлично, всё это возможно, — сказал я. — Но ты сам ответил на вопрос: «что должно быть справедливым в отношении вселенной, где в звезде оказалась глыба льда?» Если бы ты отправился в

тот космос и остановил время...

— Хорошо, — сказал он. — Пусть гемнопространственный телепортатор может останавливать время, снова и снова возвращаясь в одну точку.

— Замечательно. Ты остановил время и смотришь на область вокруг льда. Ты видишь тяжёлые ядра расплавленного корпуса в звёздном веществе. Ты видишь следы отработанного ракетного топлива, ведущие к выгоревшему месту на стартовой площадке. Стартовая площадка должна быть на планете, способной поддерживать жизнь достаточно разумную, чтобы запускать ракеты. Вокруг площадки ты видишь людей, посвятивших жизнь конструированию и постройке ракеты. В их нейронах закодирована память о работе и о запуске. В их авосети есть спили запуска. И все воспоминания и записи должны по большей части согласовываться друг с другом. Все воспоминания и записи сводятся к положению атомов в пространстве, так что...

— Воспоминания и записи сами входят в ту конфигурацию, которой закодирована точка в Гемновом пространстве, — сказал Эмман громко и твёрдо. Он видел, что понял правильно. — И это ты имел в виду, говоря о совместимости.

— Да.

— Лёд в звезде может быть закодирован *многими* точками Гемнова пространства, — сказал он, — но лишь небольшое их число...

— Исчезающе малое, — сказал я.

— Содержит все записи — последовательные, взаимосогласующиеся — как он туда попал.

— Да. Когда ты в приступе праксиса выдумал ракету для доставки льда, ты на самом деле сообразил, какое повествование создаст условия — следы, оставленные в космосе исполнением твоего проекта, — совместимые со льдом в звезде.

Некоторое время мы шли молча, потом Эмман сказал:

— Или, если взять другой пример, невозможно увидеть наряд сууры Карваллы...

— И не реконструировать мысленно последовательность операций, нужных, чтобы завязать все эти узлы.

— Или развязать.

— Она столетница, — предупредил я, — а конвокс не навсегда.

— Не слишком увлекаться. Понял. Но я всё равно могу условиться с ней о свидании в три тысячи семисотом...

— Или стать фраа.

— Может, ещё и придётся. Эй, ты знаешь, куда мы идём?

— Я иду за тобой.

— А я за тобой.

— Отлично. Значит, мы заблудились.

Некоторое время мы шарахались в темноте, пока не наткнулись на двух гуляющих прасуур и не спросили, где здание эдхарианского капитула.

— Итак, — сказал Эмман, когда мы вышли на правильную дорогу, — суть в том, что в каждом конкретном космосе — прости, на каждом конкретном мировом пути — всё логично. Законы природы выполняются.

— Да, — сказал я. — Это и есть мировой путь — последовательность точек в Гемновом пространстве, соединённых ровно так, чтобы это выглядело, как будто законы природы выполняются.

— Я вернусь к терминологии телепортатора, потому что так я буду объяснять это другим, — сказал он. — Вся суть телепортатора в том, что можно мгновенно перенестись в любую другую точку. Можно произвольным образом прыгать из одного космоса в другой. Но лишь *одна* точка в Гемновом пространстве описывает состояние *твоего* космоса в следующий миг при соблюде-

нии законов природы. Верно?

— Ты на правильном пути, — сказал я. — Но...

— Я вот к чему веду, — продолжал он. — Люди, которым я буду всё это объяснять, слышали о законах природы. Некоторые их даже изучали. Тут появляюсь я и начинаю говорить про Гемново пространство. Концепция для них совершенно нова. Я долго объясняю — говорю про телепортатор, про глыбу льда, про выжженное место на пусковой площадке. Рано или поздно кто-нибудь поднимет руку и спросит: «Господин Белдо, вы потратили несколько часов нашего бесценного времени на кальк о Гемновом пространстве — в чём, скажите на милость, ваш вывод?» Я отвечу: «С вашего позволения, вывод в том, что в нашем космосе выполняются законы природы».

— Он скажет: «Идиот, это мы и так знаем, ты уволен!»

— Вот именно! Тогда-то мне и придётся сбежать и сделаться фраа, желательно в матике Карваллы.

— Так ты спрашиваешь меня...

— Что *существенного* мы выигрываем, приняв модель Гемнова пространства? Ты уже говорил, что она облегчает занятия теорикой, но бонзы теорикой не занимаются.

— Ну, во-первых, неверно, что в каждый конкретный момент есть лишь одна следующая точка, согласующаяся с законами природы.

— А, сейчас ты начнёшь рассказывать про квантовую механику?

— Да. Элементарная частица может распасться. А может не распасться, что тоже совместимо с законами природы. Однако распад и нераспад приводят нас в различные точки Гемнова пространства...

— Мировой путь раздваивается.

— Да. Мировые пути раздваиваются всякий раз, как происходит коллапс волновой функции, то есть очень часто.

— И тем не менее, на каком бы мировом пути мы ни находились, он *по-прежнему всегда подчиняется законам природы,* — сказал Эмман.

— Боюсь, что да.

— Так, возвращаясь к моей исходной проблеме...

— Что даёт нам Гемново пространство? Ну, например, так гораздо легче думать про квантовую механику.

— Бонзы не думают о квантовой механике!

Мне нечего было сказать. Я чувствовал себя беспомощным инаком.

— Так как по-твоему, стоит ли мне вообще упоминать Гемново пространство?

— Давай спросим Джезри, — предложил я. — Вон того красавца.

Мы как раз подошли к эдхарианскому капитулу, и я приметил Джезри: он палкой чертил что-то на песчаной дорожке, а двое инаков — суура и фраа — смотрели и одобрительно хмыкали. В лунном свете все трое казались нарисованными пеплом на дне очага, но выглядели очень по-разному. Рядом с фраа и суурой из менее аскетичных орденов, закутанными в причудливые стлы, Джезри казался юным пророком со страниц древнего писания. Во время инбраса, глядя на других инаков, я чувствовал себя деревенщиной. Но то я. Джезри в таком же облачении смотрелся строго, сурово и, надо признать, мужественно. При взгляде на него я понял, почему фраа Лодогир так старался меня уплощить. Что-то в эдхарианцах производило на всех глубокое впечатление. Орало сделал нас звёздами. Лодогир хотел на глазах у всего пленария поставить одного эдхарианца на место.

— Джезри! — окликнул я.

— Привет, Раз. Я не разделяю мнения, что на пленарии ты сел в лужу.

— Спасибо. Навскидку: что Гемново пространство даёт такого, чего нельзя получить другим способом?

— Время, — ответил Джезри.

— Ах да, — сказал я. — Время.

— Мне казалось, времени не существует, — ехидно заметил Эмман.

Джезри некоторое время смотрел на него, потом на меня.

— Твой друг, что ли, с фраа Джадом говорил?

— Итак, Гемново пространство даёт нам возможность учитывать время, — сказал я, — но Эмман возразит, что бонзы, с которыми ему предстоит разговаривать, и без того верят в существование времени...

— Бедные необразованные глупцы! — провозгласил Джезри. Фраа с суурой вопросительно на него посмотрели. Эмман страдальчески хохотнул.

— Так какая им польза в модели Гемнова пространства? — продолжал я.

— Абсолютно никакой, — ответил Джезри, — пока на голову не посыплются пришельцы из нескольких космосов сразу. Пойдёмте выпьем?

Ещё одна неприятная черта Джезри: он лучше работает, когда захмелеет. Мы, сервенты,

напробовались в кухне и вина, и пива, у меня только-только начало проясняться в голове, и я сказал, что буду пить только воду. Вскорости мы оказались в самом большом калькории здешнего эдхарианского капитула (по крайней мере я решил, что он самый большой). Грифельные стены были исписаны знакомыми уравнениями.

— Тебя тут заставили заниматься космографией? — спросил я.

Джезри повернулся к стене и остановил взгляд на таблице. В одной колонке были долготы, в другой — широты. Увидев пятьдесят один градус с мелочью, я понял, что смотрю на координаты Эдхара.

— На сегодняшнем лабораториуме, — объяснил Джезри, — мы проверяли расчёты, сделанные накануне ита. Все телескопы мира — включая, как ты видишь, МиМ — сегодня ночью повернутся к кораблю Геометров.

— На всю ночь?

— Нет, примерно на полчаса. Кое-что произойдёт, — объявил Джезри обычным уверенным баритоном.

Эмман как-то заметно подобрался.

— И позволит нам увидеть что-нибудь поинтереснее буферной плиты на их заднице,

— продолжал Джезри, — которая мне уже глаза намозолила.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, хотя меня несколько смущала заметная нервозность Эмана.

— Не знаю, — сказал Джезри. — Просто вычислил.

Эмман показал глазами на дверь, и мы вслед за ним вышли в клуатр.

— Я вам расскажу, — произнёс он после того, как мы достаточно отошли от остальных членов лукуба. — Всё равно через полчаса все узнают. Идея созрела на одном очень влиятельном мессале после Посещения Орифены.

— Ты там был? — спросил я.

— Нет, но из-за этого меня и вызвали, — сказал Эмман. У нас есть старая разведывательная «птичка» на синхронной орбите, с топливом на борту, так что она может двигаться, если получит такой приказ. Вряд ли Геометры о ней знают. Мы ничего с неё не передавали, так что им не пришло в голову заглушить её частоты. Вчера утром мы узконаправленным лучом послали ей несколько команд. Она включила двигатели и переместилась на другую орбиту, которая пересечётся с орбитой эдра через полчаса.

Он ботинком нарисовал на дорожке корабль Геометров: грубый многоугольник — корпус, отпечаток каблука — буферная плита.

— Вот эта сторона всегда повёрнута к Арбу, — посетовал Эмман, тыча носком ботинка в плиту, — так что мы не видим остального корабля, — он ногой описал полукруг над передней половиной «икосаэдра», — где у них всё самое интересное. Очевидно, сознательно — она для нас всё равно что тёмная сторона луны, и мы знаем о ней только по фототипии светителя Ороло. — Эмман обошёл свою схему и прочертил длинную дугу, нацеленную на нос корабля. — Наша «птичка» приближается отсюда. Она адски радиоактивна.

— «Птичка»?

— Да, она получает энергию от радиоизотопных термоэлектрических генераторов. Геометры заметят, что она движется к ним, и вынуждены будут совершить манёвр...

— Поместить между «птичкой» и неизвестным объектом щит — буферную плиту, — сказал Джезри.

— То есть повернуть весь корабль, — перевёл я, — так что наши наземные телескопы смогут увидеть «всё самое интересное».

— И телескопы будут готовы.

— Неужели возможно развернуть нечто настолько огромное за разумное время? — спросил я. — Просто интересно, насколько мощными должны быть двигатели...

Эмман пожал плечами.

— Хороший вопрос. Мы многое узнаем, наблюдая за манёвром. Завтра у нас будет куча картинок.

— Если нас в отместку не разбомбят, — брякнул Джезри, пока я гадал, как бы поделикатней это выразить.

— Такая возможность обсуждалась, — признал Эмман.

— Неудивительно! — сказал я.

— Бонзы сегодня спят в пещерах и бункерах.

— Это успокаивает, — сказал Джезри.

Эмман не уловил сарказма.

— А матический мир умеет справляться с последствиями ядерных взрывов.

Мы с Джезри разом повернулись к скале, гадая, как далеко и насколько быстро успеем забраться в туннели.

— Однако вероятность оценивается как крайне низкая, — продолжал Эмман. — Случившееся на Экбе было серьёзной провокацией, если не прямыми военными действиями. Мы должны

дать серьёзный ответ — показать Геометрам, что не будем сидеть сложа руки, пока нас гвоздят.

— А «птичка» и впрямь нанесёт удар по икосаэдру? — спросил я.

— Нет, если они сдуру сами на неё не налетят. Но она пройдёт довольно близко, так что они из осторожности должны будут совершить манёвр.

— Н-да! — сказал Джезри после того, как мы несколько минут переваривали услышанное. — Вот и делай теперь что-нибудь на лукубе.

— Ага, — сказал я. — Знаешь, а я всё-таки выпью вина.

Мы взяли бутылку и пошли на луг между клуатрами эдхарианцев и Одиннадцатых булкианцев. Мы знали, где искать в небе корабль Геометров, поэтому легли на траву и стали ждать конца света.

Я отчаянно тосковал по Але. Последнее время я меньше про неё думал, но с нею рядом мне хотелось быть, когда начнут падать бомбы.

В назначенное время посреди созвездия, в котором, как мы знали, находится эдр, зажглась короткая вспышка. Как будто искорка проскочила между их кораблём и нашей «птичкой».

— Чем-то они в неё шарахнули, — сказал Эман.

— Направленное излучение, — объявил Джезри таким тоном, будто и впрямь что-то в этом смыслил.

— Рентгеновский лазер, если быть совсем точным, — произнёс голос.

Мы сели. К нам приближалась коренастая фигура в архаичной стле.

— Привет, Репей! — крикнул я.

— Хочешь прогуляться в ожидании массированного ответного удара?

— Конечно, — сказал я.

— А я спать пойду, — объявил Джезри. (Мне подумалось, что он врёт.) — Сегодня никаких лукубов.

Он определённо врал.

— Тогда и я пойду, — сказал Эмман Белдо, который умел понять, когда от него хотят отвязаться. — Завтра много работы.

— Если мы завтра ещё будем, — сказал Джезри.

— Мне правда надо связаться с Алой, — сказал я после того, как мы полчаса шли в полном молчании. — Я искал её сегодня на периклинии, но...

— Её там не было, — сказал Лио. — Она готовилась к сегодняшним ночным событиям.

— Ты про телескопы или...

— Про военную сторону.

— Туда-то она как ввязалась?

— Она толковая. Кто-то заметил. Военные получают всё, что захотят.

— Откуда ты знаешь? Ты тоже связан с военной стороной?

Лио не ответил. Ещё несколько минут мы шли молча.

— На этой неделе меня отправили в новый лабораториум, — сказал Лио наконец, и я понял, что всё это время он собирался с духом.

— Да? И чем вы там занимаетесь?

— Вытащили кое-какие старые документы. По-настоящему старые. Мы их разбираем. Ищем в словарях устаревшие слова.

— Что за документы?

— Чертежи. Спецификации. Инструкции. Даже черновые наброски.

— Чего?

— Нам прямо не говорят, и никто не видит картины целиком, — сказал Лио. — Но мы пообщались друг с другом, сравнили выписки, приняли в расчёт даты на документах — перед самыми Ужасными событиями — и теперь практически уверены, что военные ищут Всеобщий уничтожитель.

Я по привычке хохотнул. Всеобщий уничтожи-

тель мы поминали так же, как Бога или адские силы. Но тон и поведение Лио говорили, что речь идёт о Всеобщем уничтожителе в самом буквальном смысле. Мы долго молчали, пока я переваривал новость.

— Но это против всего... против всего, на чём держится мир! — Я имел в виду мир после Реконструкции. — Если они на такое готовы, то всё вообще бессмысленно.

— Многие, конечно, с тобой согласны. И вот почему... — Лио судорожно выдохнул. — Вот почему я приглашаю тебя в наш лукуб.

— И какая у него цель?

— Некоторые думают, что мы должны примкнуть к антарктцам.

— Примкнуть — в смысле объединиться? С Геометрами?!

— С антарктцами, — повторил он. — Теперь установлено, что женщина в капсуле была с Антаркта.

— По образцам крови?

Лио кивнул и добавил:

— Но пули в её теле — из Пангейского космоса.

— Отсюда делается вывод, что антарктцы за нас...

Он снова кивнул.

— И в конфликте с пангейцами.

— Идея в том, чтобы заключить союз между инаками и антарктцами?

— Да, — сказал Лио.

— Ух ты! А как? Как вообще можно с ними связаться? Так, чтобы не узнала мирская власть?

— Легко. Уже придумали. — Понимая, что такой ответ меня не удовлетворит, Лио объяснил: — У больших телескопов есть лазерные маяки. Мы можем нацелить их на икосаэдр. Геометры увидят свет, но перехватить его смогут лишь те, кто находится непосредственно на линии луча.

Мне вспомнился наш давний разговор, когда мы гадали, правда ли ита постоянно за нами следят. Я, как идиот, принялся вертеть головой, будто мог высмотреть скрытые микрофоны.

— А ита?..

— Некоторые из них с нами, — сказал Лио.

— Какое именно соглашение эти люди надеются заключить с антарктцами?

— Много времени уходит на споры. Слишком много. Есть, разумеется, дурачки, которые считают, что мы можем переселиться на икосаэдр и это будет всё равно что попасть в рай. Большинство мыслит разумнее. Мы сами вступим в контакт с Геометрами... и проведём собственные

переговоры.

— Но это полностью вразрез с Реконструкцией!

— Что Реконструкция говорит про инопланетян? Про множественные миры?

Я заткнулся, понимая, что Лио меня уплощил.

— И вообще, — продолжал он.

Я закончил фразу:

— Если мирская власть вытащит Всеобщий уничтожитель, то Реконструкцией можно подтереться.

— Возник термин «постматический», — сказал Лио. — Говорят о Втором Пробуждении.

— И кто в этом... движении?

— Довольно много сервентов, — сказал Лио. — Препов меньше, если ты понимаешь, о чём я.

— Из каких орденов? Из каких матиков?

— Ну... надеюсь, тебе поможет, если я скажу, что инаки Звонкой долины считают Всеобщий уничтожитель подлым оружием.

— И где встречается твой лукуб? Я так понимаю, что он большой?

— Это много лукубов. Сеть ячеек. Мы поддерживаем контакт.

— А что делаешь ты, Лио?

— Стою у стенки с каменной мордой. Слушаю.

— Кого слушаешь?

— Есть психи, — сказал он. — Нет, не психи, но слишком рациональные люди, если ты меня понимаешь. Без представлений о тактике и осмотрительности.

— И что они говорят?

— Что пора умным людям занять место у руля. Забрать власть у таких, как небесный эмиссар.

— Так можно и до Четвёртого разорения договориться! — воскликнул я.

— Они говорят: «Отлично. Пусть. Геометры нам помогут».

— Ужасно глупо, — сказал я.

— Поэтому-то я слушаю, что они говорят, и сообщаю в свою лукубную группу, которая по сравнению с ними выглядит вполне разумной.

— С какой стати Геометры станут нас защищать?

— Как ни грустно, так думают самые рьяные гэтээмщики. Они видели теорему Адрахонеса на фототипии Ороло и верят, что Геометры — наши братья. Высадка в Орифене ещё больше убедила их в собственной правоте.

— Лио, есть вопрос.

— Давай.

— У меня нулевой контакт с Алой. Джезри думает, будто дело в том, что она хочет разобраться

в своих отношениях. Но на неё это не похоже. Она знает про твою группу?

— Она её создала, — ответил Лио.

****

***Сфеники**, представители теоретической школы, процветавшей в древней Эфраде, где богатые семьи нанимали их учителями к своим детям. Во многих классических диалогах выступают оппонентами Фелена, Протеса и других мыслителей того же направления. Наиболее ярым С. был Уралоаб, которого в одноименном диалоге Фелен так уплощил, что тот покончил с собой. С. оспаривали взгляды Протеса и утверждали, что теорика происходит исключительно в голове, вне всякой связи с внешними реалиями, такими, как протесовы формы. Предшественники св. Проца, синтаксической группы и процианн.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Тарелка фраа Пафлагона была пуста. Лодогир даже не взял вилку. Голод наконец произвёл то действие, которого не могли добиться по-

кашливания, взгляды, раздражённые вздохи и демонстративный уход сервентов: Лодогир умолк, взял бокал и смочил вином перетруженные голосовые связки.

Пафлагон был неестественно спокоен — почти весел.

— Всякий взявшийся изучать запись того, что мы сейчас услышали, увидел бы превосходный и довольно длинный каталог всех риторических уловок, когда-либо придуманных сфениками. Мы слышали призывы к массовому сознанию: «Никто больше не верит в ГТМ», «Все считают, что протесизм — бред». Мы слышали ссылки на авторитеты: «...отвергнуто в двадцать девятом веке самим светителем Таким-то». Попытки сыграть на нашей личной незащищённости: «Как человек в здравом уме может принимать такое всерьёз?» И множество других приёмов, названия которых я позабыл, потому что изучал сфенизм очень давно. Так что для начала я должен выразить восхищение риторическим мастерством, которое дало нам возможность насладиться прекрасной трапезой и поберечь дыхание. Однако я пренебрегу своими обязанностями, если не отмечу, что фраа Лодогир не представил ещё ни одного стоящего аргумента против того, что суще-

ствует Гилеин теорический мир, что он населён математическими сущностями — кноонами, как мы их называем, внепространственными и вневременными по природе, и что наше сознание способно получать к ним доступ.

— Я и не мог бы! — воскликнул Лодогир. В последние мгновения он очень быстро работал челюстями, чтобы проглотить хоть что-нибудь. — Вы, протесисты, всегда поворачиваете дискуссию так, чтобы исключить рациональное обсуждение. Я не могу доказать вашу неправоту точно так же, как не могу доказать небытие Божье!

У Пафлагона были свои бойцовские приёмы: он просто оставил реплику Лодогира без внимания.

— Недели две назад, на пленарии, вы и некоторые другие проциане предположили, что чертёж Адрахонесовой теоремы на корабле Геометров — подделка, вставленная в табулу светителя Ороло самим Ороло либо кем-то в Эдхаре. Берёте ли вы назад своё обвинение?

И Пафлагон глянул через плечо на фототипии корабля Геометров, сделанные в поразительно высоком разрешении вчера ночью самым большим оптическим телескопом Арба. На них был явственно виден чертёж. Такие же фототипии висели по стенам мессалона. Ещё стопка лежала

на столе.

— Нет ничего дурного в том, чтобы выдвинуть рабочую гипотезу, — возразил Лодогир. — Ясно, что эта конкретная гипотеза оказалась неверной.

— Я думала, он просто скажет: «Да, я беру назад свои обвинения», — заметила Трис в кухне. Я вернулся туда якобы заниматься своими обязанностями, а на самом деле — чтобы ещё раз порыться в грудах фототипий. Все на конвоксе разглядывали их с утра, но нам пока нисколько не надоело.

— Очень удачно, что гамбит сработал, — задумчиво произнёс Эмман, разглядывая зернистый увеличенный снимок амортизатора.

— Ты про то, что нас не разгвоздили? — спросил Барб. Искренне.

— Нет, что мы получили снимки, — ответил Эмман. — Получили их, сделав что-то умное *здесь*.

— Ты хочешь сказать, что это удачно *политически*? — неуверенно спросила Карвалла.

— Да! Да! — воскликнул Эмман. — Конвокс — дорогостоящее мероприятие! Власти довольны, что он дал ощутимые результаты.

— Почему дорогостоящее? — удивилась Трис. — Мы сами выращиваем свою еду.

Эмман наконец оторвал взгляд от снимка. Он смотрел на Трис, пытаясь понять, неужто она и впрямь говорит всерьёз.

Из репродуктора доносился голос фраа Пафлагона:

— ...теорема Адрахонеса верна *здесь*. Она, очевидно, верна в четырёх космосах, из которых прибыли Геометры. Если бы их корабль оказался в космосе, таком же, как наш, но лишённом разумной жизни, была бы она верна *там*?

— Нет, пока не прибыли бы Геометры и не сказали, что она верна.

В кухне я поспешил вмешаться, пока Эмман не брякнул что-нибудь такое, за что ему придётся просить извинений.

— Наверняка таким, как Эмман и Игнета Фораль, дорого за ним следить, — заметил я.

— И это тоже, — сказал Эмман, — но дело в другом: матический мир тратит огромные *силы*. Тысячи инаков трудятся день и ночь. Миряне не любят, когда усилия расходуются впустую. Особенно миряне, что-нибудь смыслящие в менеджменте.

Менеджмент — флукское слово. На лицах остальных сервентов отразилось недоумение. Я перевёл:

— Из-за того, что бонзы знают, как работает чизбургный ларёк, они думают, будто знают, как должен работать конвокс. Они нервничают, когда много людей трудятся, не давая ощутимого результата.

— А, ясно, — неуверенно проговорила Трис.

— Очень смешно, — бросила Карвалла и вернулась к работе.

Эмман закатил глаза.

— Конечно, я не теор, — говорила в репродукторе Игнета Фораль, — но чем больше я вас слушаю, фраа Лодогир, тем хуже понимаю вашу позицию. Три — простое число. Оно простое сейчас, было простым вчера. Миллиард лет назад, до того, как появился первый мозг, способный о нём думать, оно было простым. Если завтра ни одного мозга не останется, оно всё равно будет простым. Очевидно, его простота ни в чём не связана с нашим мозгом.

— Она во всём связана с нашим мозгом, — настаивал Лодогир, — поскольку мы даём определение простому числу!

— Всякий теор, занимавшийся этими вопросами, рано или поздно приходит к выводу, что кнооны существуют независимо от происходящего в конкретный момент в человеческом мозге,

— сказал Пафлагон. — Для этого достаточно применить весы светителя Гардана. Как проще всего объяснить факт, что люди, работавшие независимо в разные эпохи, в разных субдисциплинах, даже в разных космосах, вновь и вновь получали одни и те же результаты? Результаты, не противоречащие друг другу, хотя и доказанные разными способами. Результаты, часть которых можно развернуть в теории, идеально описывающие поведение материального мира. Самый простой ответ — что кнооны действительно существуют и находятся вне нашей причинно-следственной области.

Зазвенел Арсибальтов колокольчик. Я тоже решил пойти в мессалон. Мы с Арсибальтом сняли со стены большое изображение икосаэдра, пришпиленное к ковру за спиной у фраа Пафлагона. Карвалла и Трис подошли и помогли нам убрать ковёр, за которым оказалась грифельная стена. Тут же стояла корзина с мелом. Диалог переключился на обсуждение сложного протесизма. Арсибальту пришлось чертить схемы вроде тех, которые фраа Крискан рисовал на земле по пути к Блаеву холму, когда объяснял мне и Лио «товарный состав», «расстрельный взвод», «фитиль» и так далее. Игнете Фораль это было, разумеет-

ся, давно знакомо, но для некоторых оказалось новым. В частности, Ж'вэрн задал несколько вопросов. Эмман, вопреки обыкновению, понимал меньше своей препты, так что пока мы украшали сладкое, я вставлял короткие пояснения всякий раз, как его глаза начинали стекленеть.

Я вернулся в мессалон, когда Пафлагон заканчивал объяснять «фитиль»:

— Самый общий случай ациклического орграфа. Здесь нет различия между так называемыми теорическими мирами и обитаемыми: Арбом, Кватором и остальными. Впервые у нас появились стрелки, ведущие от Арбской причинно-следственной области к другим обитаемым мирам.

— Хотите ли вы предположить, — спросил фраа Лодогир, словно не до конца веря своим ушам, — что Арб может быть Гилеиным теорическим миром для какого-то другого населенного людьми мира?

— Для любого числа таких миров, — сказал Пафлагон, — которые, в свою очередь, служат гэтээмами для следующих.

— Но как можно проверить такую гипотезу? — вопросил Лодогир.

— Никак, — сказал фраа Джад. Это были его

первые слова за весь вечер. — Если эти миры не придут к нам.

Лодогир звучно расхохотался.

— Фраа Джад. Мои аплодисменты! Чем был бы наш мессал без ваших блистательных острот? Я не согласен ни с одним словом, прозвучавшим из ваших уст, но вы безусловно создаёте атмосферу крайне занимательной — по причине своей непредсказуемости — застольной беседы!

Начало его реплики я слышал в мессалоне, конец — из репродуктора в кухне, куда ушёл со стопкой пустых тарелок. Эмман стоял у тумбы, на которой мы разложили фототипии, и что-то набирал на жужуле. Он поднял голову, только когда из репродуктора донёсся голос Игнеты Фораль:

— Материал интересный, объяснение превосходное, но я в полной растерянности. Вчера мне рассказали одну историю о том, как следует понимать множественность миров. И она была связана с Гемновым пространством и мировыми путями.

— А я полдня растолковывал её сперва одним бюрократам, потом другим, — посетовал Эмман, театрально зевая. — И теперь нате!

— Теперь, — говорила Игнета Фораль, — мы слышим совершенно другой рассказ о них же,

никак не связанный с первым. Я невольно задаюсь вопросом, не принесёт ли завтрашний мессал третью историю, а послезавтрашний — четвёртую.

Разговор на какое-то время сделался малоинтересным. Сервенты ринулись убирать со стола. Арсибальт вразвалку вошёл на кухню и занялся бочонком.

— Мне надо подкрепить силы, — объявил он, — потому что я обречён до конца вечера рисовать световые пузыри.

— Что такое световой пузырь? — тихо спросил меня Эмман.

— Схема, позволяющая объяснить, как информация — причинно-следственные отношения — распространяется в пространстве и времени.

— Во времени, которого нет? — дежурно пошутил Эмман.

— Ага. Но ты не волнуйся. Пространства тоже нет, — сказал я. Эмман посмотрел на меня пристально и решил, что я всё-таки его подкалываю.

— Кстати, как поживает твой друг Лио? — спросил Эмман. Я удивился, что он запомнил имя, хотя формально их не знакомили и общего разговора почти не было. Впрочем, на конвоксе люди встречаются по тысячам разных поводов

— может быть, они сталкивались раньше. Я бы и внимания не обратил, если бы не наш с Лио разговор. Вчера мне с Эмманом было легко, сегодня — трудно. Близкие мне люди вошли в тайное общество, некоторые (Ала) даже его возглавили. Мне предлагают в него вступить, и одновременно Эмман выражает желание идти со мной на лукуб. Что, если мирская власть о чём-то проведала, и подлинная цель Эммана — выведать через меня подробности? Мысль была неприятная, но я понимал, что отныне мне предстоит сделаться подозрительным.

Всю прошедшую ночь я пролежал без сна из-за смены часовых поясов и страха перед Четвёртым разорением. Хорошо, что большую часть дня занял пленарий, на котором рассказывали про ночной гамбит со спутником, показывали фототипии и спили. На задних скамьях в унарском нефе было темно и просторно: я подремал, навёрстывая упущенный сон. Когда всё закончилось, кто-то меня разбудил. Я встал, протёр глаза и увидел в другом конце нефа Алу — впервые с тех пор, как она шагнула за экран после воко. Она стояла в кружке более высоких инаков, по большей части мужчин старше неё, и, судя по виду, убеждённо отстаивала свою точку зрения в каком-то важном

споре. Среди её собеседников было несколько мирян в военной форме. Я решил, что сейчас не время подбегать и здороваться.

К реальности меня вернул голос Эммана.

— Эй! Раз! *Раз!* Сколько пальцев видишь? — Он держал передо мной растопыренную пятерню.

Карвалла и Трис захихикали.

— Как там Лио? — повторил Эмман.

— В делах, — ответил я. — В делах, как и все мы. Работает с инаками Звонкой долины.

Эмман покачал головой.

— Приятно, что долисты разминаются. Интересно будет посмотреть, как они болевым приёмчиком вырубят Сжигатель планет.

Я покосился на фототипии. Эмман сдвинул несколько верхних и вытащил детальный снимок отделяемого отсека на одном из амортизаторов. Это было гладкое серое яйцо, заключённое в решётчатую конструкцию, на которой крепились антенны, двигатели и сферические баки. Очевидно, эта штука могла отстыковываться и перемещаться самостоятельно. Удерживающие её кронштейны-захваты проходили через решётку и держали непосредственно яйцо. Это обстоятельство привлекло внимание конвокса. Был рассчитан размер кронштейнов. Они

оказались невероятно большими. Это могло потребоваться в одном случае — если яйцо очень тяжёлое. Невероятно тяжёлое — явно не просто герметичный контейнер. Может быть, у него очень толстые стенки? Однако ни один обычный металл не давал массы, для удержания которой нужны были бы настолько мощные кронштейны. Объяснение для такой плотности — количества протонов и нейтронов на единицу объёма — могло быть только одно: яйцо сделано из металла, находящегося так далеко в периодической таблице элементов, что его ядра — в любом космосе — нестабильны. Способны к самопроизвольному распаду.

Это был не герметичный отсек. Это было ядерное оружие, на несколько порядков более мощное, чем что-либо в истории Арба. Объём топливных баков позволял ему занять на орбите положение, диаметрально противоположное тому, в котором находится корабль. В случае взрыва выделившаяся лучистая энергия полностью спалит половину планеты, обращённую к яйцу.

— Вряд ли долисты намерены в скафандрах напасть на Сжигатель планет и задать ему трёпку. Больше всего меня в них поражает как раз то, как хорошо они знают военную историю и тактику.

Эмман поднял руки, сдаваясь.

— Не пойми меня превратно. Я бы не отказался от таких союзников.

И снова в его словах мне почудился второй смысл. Но тут зазвенел колокольчик. Мы, как лабораторные животные, научились отличать их по звуку и, не глядя, знали, кого зовут. Арсибальт последний раз приложился к кувшину с вином и торопливо вышел из кухни.

Из репродуктора доносился голос Мойры:

— Утентина и Эразмас были тысячники, так что их трактат разошёлся по матическому миру лишь после Второго миллениумного конвокса.

Она говорила об инаках, разработавших концепцию сложного протесизма.

— Тем не менее, — продолжала Мойра, — по-настоящему он привлёк к себе внимание только в двадцать седьмом столетии, когда фраа Клатранд, центенарий, впоследствии — милленарий в конценте светителя Эдхара, взглянув на схемы, отметил изоморфизм между причинно-следственными стрелками и течением времени.

— Изоморфизм в данном случае означает?.. — спросил Ж'вэрн.

— Одинаковость формы. Время течёт или представляется текущим в одном направлении,

— сказал Пафлагон. — События прошлого вызывают события в настоящем, но не наоборот, и время никогда не замыкается в кольцо. Фраа Клатранд указал на примечательное обстоятельство, что информация о кноонах — данные, которые текут по стрелкам, — ведёт себя так, *как если бы* кнооны находились в прошлом.

Эмман смотрел в пространство, мысленно сопоставляя полученные сведения.

— Пафлагон — тоже столетник из Эдхара, верно?

— Да, — сказал я. — Потому-то он, вероятно, и заинтересовался этой идеей — наткнулся на записки Клатранда.

— Двадцать седьмой век, — повторил Эмман. — То есть матический мир узнал о работе Клатранда после аперта 2700-го?

Я кивнул.

— Всего за восемь десятилетий до того, как появились... — Он не договорил и нервно покосился на меня.

— До Третьего разорения, — поправил я.

В мессалоне Лодогир требовал объяснений. Наконец Мойра утихомирила его, сказав:

— Главное положение протесизма состоит в том, что кнооны могут изменять нас в том вполне

буквальном и материальном смысле, что заставляют нашу нервную ткань вести себя иначе. Однако обратное неверно. Ничто происходящее в нашей нервной ткани не сделает четвёрку простым числом. Клатранд сказал всего лишь, что подобным же образом прошлое воздействует на нас, но никакие наши поступки в настоящем не могут повлиять на события прошлого. Таким образом, мы получаем вполне будничное объяснение тому свойству этих схем, которое иначе выглядит почти мистическим, а именно чистоте и неизменности кноонов.

И здесь, как предсказывал Арсибальт, наступил черёд световых пузырей — схемы, посредством которой теоры издавна объясняли, как знание и причинно-следственные отношения распространяются в пространстве со временем.

— Прекрасно, — сказал Ж'вэрн. — Я согласен с утверждением Клатранда, что каждый из этих ОАГов — «шагальщик», «фитиль» и так далее — может быть изометричен расположению объектов в пространстве-времени, влияющих друг на друга через распространение информации со скоростью света. Но что утверждение Клатранда нам даёт? Он и впрямь допускал, что кнооны в прошлом? Что мы их просто каким-то образом

вспоминаем?

— Не вспоминаем, а воспринимаем, — поправил его Пафлагон. — Космограф, наблюдающий вспышку сверхновой, воспринимает её как сиюминутную, хотя умом сознаёт, что она случилась тысячи лет назад и данные лишь сейчас достигли его телескопа.

— Замечательно. Но мой вопрос по-прежнему в силе.

Никогда ещё Ж'вэрн не включался в диалог так активно. Мы с Эмманом переглянулись: неужто матаррит намерен что-то сказать?

— После аперта 2700 года многие теоры развивали утверждение Клатранда, исходя из своего понимания времени и общего подхода к метатеорике, — начала Мойра. — Например...

— Сейчас нам некогда выслушивать примеры, — сказала Игнета Фораль.

Все замолчали. Казалось, дискуссия окончена, и тут в полной тишине раздался голос Ж'вэрна:

— Это как-то связано с Третьим разорением?

Наступила ещё более долгая тишина.

Даже когда мы Эмманом обменялись полунамёками в кухне, мне стало жутко неловко. То, что сделал Ж'вэрн, затронув эту тему на мессале, в присутствии (и под наблюдением) мирян,

было куда хуже. Он не просто грубо нарушил приличия. Предположить, что инаки каким-то образом повинны в Третьем разорении, было бы обычной бестактностью. Внушать такие мысли высокопоставленным мирянам — опрометчивость, граничащая с предательством.

Фраа Джад нарушил тишину смешком, таким низким, что акустическая система почти не смогла его воспроизвести.

— Ж'вэрн нарушил табу! — заметил он.

— Я не вижу причин обходить молчанием эту тему, — произнёс Ж'вэрн, нимало не смущённый.

— Как пришлось матарритам в Третье разорение? — спросил Джад.

— Согласно тогдашней иконографии, мы как богопоклонники не имели отношения к инкантерам и риторам и потому считались...

— Невиновными в отличие от нас? — спросила Асквина, которая, видимо, как раз сейчас решила отбросить любезность.

— Тем не менее, — продолжал Ж'вэрн, — мы эвакуировались на остров за Южным Полярным кругом и научились питаться тамошними растениями, птицами и насекомыми. Так возникла наша кухня, которую, я знаю, многие из вас на-

ходят отвратительной. Мы вспоминаем Третье разорение каждым куском пищи, который отправляем в рот.

Впервые с тех пор, как Ж'вэрн взорвал свою бомбу, из мессалона донеслись покашливания, ёрзанья и звон вилок. И тут он всё испортил, бросив обратно Джаду его попрёк:

— А вы? Если я не ошибаюсь, Эдхар входит в число Трёх нерушимых.

Все снова застыли. Клатранд был из Эдхара; Ж'вэрн, по всей видимости, выстроил теорию, согласно которой работы Клатранда послужили фундаментом для инкантеров, и теперь указывал на тот факт, что матик Джада каким-то образом семьдесят лет противостоял разорению.

— Прелесть! — воскликнул Эмман. — Интересно, может ли быть ещё хуже?

— Хорошо, что я не там, — заметила Трис.

— Арсибальт, наверное, концы отдаёт, — сказал я.

Наше внимание привлёк негромкий звук из дальнего конца кухни: Орхан, сервент Ж'вэрна, всё это время стоял там в полном молчании. Когда лицо человека постоянно закрыто, легко позабыть о его присутствии.

— Вы недавно прибыли на конвокс, фраа

Ж’вэрн, — сказала фраа Асквина, — и мы простим вам ваше неведение. Здесь уже ни для кого не секрет, что Три нерушимых — хранилища ядерных отходов, и потому, видимо, мирская власть взяла их под защиту.

Если для Ж’вэрна это и было новостью, он никак не выказал своего удивления.

— Наш разговор никуда не ведёт, — объявила Игнета Фораль. — Пора двигаться дальше. Цель конвокса — и нашего мессала — не вежливые беседы и не дружеские отношения, а практические результаты. На политику того, что вы называете мирской властью, неосторожное высказывание за столом не повлияет. Сжигатель планет сильно изменил систему приоритетов — по крайней мере у моих коллег.

— О чём вы хотите поговорить завтра, госпожа секретарь? — спросила суура Асквина. Мне не нужно было видеть её лицо, чтобы понять, насколько болезненно она восприняла упрёк.

— Я хочу знать, кто такие Геометры и откуда они взялись, — сказала Игнета Фораль. — Как они попали сюда. Если для ответа на эти вопросы надо весь вечер обсуждать метатеорику, что ж, будем её обсуждать! Но давайте оставим в стороне всё, не имеющее отношения к делу.

****

***Пробуждение**, историческое событие, отделяющее Древнюю матическую эпоху от эпохи Праксиса. Обычно датируется примерно –500 годом, когда ворота матиков открылись и инаки рассеялись по секулярному миру. Характеризуется стремительным расцветом культуры, прогрессом в теорике и географическими открытиями.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Я надеялся, что фраа Джад захочет со мной поговорить — как-никак, это он отправил меня в путешествие, чуть не стоившее мне жизни. Однако в отличие от Мойры Джад не имел привычки после мессала заглядывать на кухню, мыть посуду и болтать с сервентами. К тому времени, как мы заканчивали уборку, он уже уходил в то неведомое место, где конвокс складировал не востребованных в данный момент тысячников.

Отчасти и поэтому я хотел разыскать Лио. По дороге к Блаеву холму фраа Джад оказал нам обоим доверие (или по крайней мере мы так это истолковали), обронив намёк на свой сверхъестественный возраст. Продолжать разговор

следовало тоже в присутствии Лио.

Загвоздка была в том, что у меня появился «хвост»: Эмман, Арсибальт и Барб. Если привести их на встречу мятежного кружка, Арсибальт лишится чувств и его придётся нести в келью, Барб раззвонит о заговоре всему конвоксу, а Эмман настучит бонзам.

Заканчивая мыть пол на кухне, я придумал, что отведу их к Джезри, и там, если повезёт, кого-нибудь оставлю — в идеале всех троих.

Пока мы искали Джезри, нас известили (Эммана — сообщением по жужуле, остальных — условным звоном колоколов на скале), что лукуб отменён. Собственно, отменили всё, кроме лабораториума и мессала, да и мессал оставили только потому, что работникам надо есть. Всё остальное время мы должны были анализировать корабль Геометров. У мирян имелись синтаксические системы, чтобы строить и показывать трёхмерные модели сложных объектов. От нас требовалось создать такую модель корабля пришельцев (по крайней мере внешней его оболочки) с точностью до последнего люка, шва и распорки. Эмман отлично знал эту систему, и ему поручили работать с ита. Насколько я понял, сам он ничего не моделировал, только отлаживал

систему. Всех, у кого имелась соответствующая теорическая подготовка, назначили в новый лабораториум. Там мы должны были изучать фототипии, сделанные прошлой ночью, и заносить результаты в сводную модель.

Некоторые задачи оказались особенно трудны. Двигатель, работающий на взаимодействии плазмы от ядерных взрывов с буферной плитой, был слишком сложен даже для Джезри. Ему поручили биться над загадкой лазерных батарей. Моей группе предстояло проанализировать общую динамику корабля. Мы предположили, что некая секция внутри икосаэдра вращается для создания искусственной силы тяжести, то есть представляет собой исполинский гироскоп. Когда корабль совершает манёвр — как, например, вчера, — между внутренней и внешней секциями возникают гироскопические силы, которыми управляет какой-то передаточный механизм. Насколько велики эти силы? И кстати, как он вообще совершил манёвр? Никаких реактивных выбросов не было. Ядерных взрывов, создающих тягу, тоже. И всё же эдр повернулся с завидной лёгкостью. Оставалось предположить, что он содержит несколько маховиков — быстро вращающихся гироскопов, — которые могут запасать

и высвобождать кинетический момент. Вообразите кольцевую железную дорогу, проложенную по внутренней поверхности икосаэдра, и товарный состав, движущийся по бесконечной петле. Если состав затормозит, часть его кинетического момента передастся икосаэдру и заставит его вращаться. Если отпустить тормоза и дать полный ход, вращение остановится. Вчерашний манёвр показал, что у эдра таких систем шесть: по две противоположно направленных для каждой оси. Насколько они велики, как много энергии могут отдавать кораблю? Что это говорит о материале, из которого они сделаны? Более общий вопрос: что мы можем узнать о размере, массе и скорости вращения жилой секции из точных измерений того, как происходил манёвр?

Команда, в которую попал Арсибальт, должна была по спектроскопическим и другим данным выяснить, весь ли корабль изготовлен в одном космосе, и если нет, то какая его часть — из какого космоса. Барбу поручили разобраться в сложной системе балок, выступающих с одного борта корабля. И так далее. В следующие шесть часов я был полностью поглощён работой, которой занимался вместе с пятью другими теорами. У меня не было ни минуты на посторонние мысли, пока

кто-то не заметил, что солнце встало, и нам не сообщили, что завтрак будет на площади перед собором, у подножия скалы.

По пути туда я постарался временно выкинуть из головы проблему гироскопов и взглянуть на картину шире. Вчера вечером Игнета Фораль не скрывала своего нетерпения. Мы вышли с мессала и обнаружили, что конвокс полностью реорганизован на мирской лад. Все мы в одночасье стали праксистами — каждый трудился над крохотным кусочком задачи, которую, возможно, никогда не увидит во всей полноте. Навсегда ли эти перемены? Как они скажутся на движении, о котором говорил Лио? Не сознательная ли это стратегия бонз с целью задавить мятеж? Вчерашние слова Лио очень меня встревожили; я боялся того, что узнаю, если когда-нибудь попаду в Алин лукуб. В какой-то мере мне стало спокойнее от того, что всё отложилось. За прошлую ночь заговорщики не могли придумать ничего нового. И в то же время я боялся, что в ответ на действия бонз они уйдут глубже в подполье.

На площади, прямо под открытым небом, солдаты расставили длинные столы. Это было удобно. И ужасно по-мирски — очередной знак, что иерархи вольно или невольно уступают

власть бонзам.

Получив в руки хлеб, масло и мёд, я отошёл от очереди и увидел миниатюрную девушку, садящуюся за свободный стол. Я стремительно рванул к ней и сел напротив. Нас разделял стол, что избавляло от неловкого выбора — обняться или пожать друг другу руки. Она знала, что я здесь, но довольно долго сидела, сгорбившись над тарелкой — видимо, собиралась с духом. Затем подняла голову и посмотрела мне в глаза.

— Место не занято? — спросил, подходя, молодой фраа в замысловатой стле. По умильно-заискивающему выражению я угадал в нём очередного желающего подлизаться к эдхарианцам.

— Проваливай! — сказал я.

Он послушно ретировался.

— Я отправил тебе пару писем, — сказал я. — Не знаю, получила ли ты их.

— Оза передал мне одно, — ответила она. — Я не вскрывала его до того, что случилось с Ороло.

— Почему? — спросил я как можно мягче. — Про Джезри я знаю.

Большие глаза закрылись от боли — нет, от досады, что я не понимаю. Она мотнула головой.

— Забудь об этом. Просто было слишком много

всего другого. Я не хотела отвлекаться. — Ала откинулась на стуле, вздохнула. — После Посещения Орифены я подумала, что, наверное, надо прочесть твоё письмо. Раздвинуть перспективу, как говорят эксы. Я прочла его. Думаю... — Она наморщила лоб. — Не знаю, что я думаю. Как будто у меня были три разные жизни. До воко. От воко до гибели Ороло. И потом. А твоё письмо — замечательное, не пойми меня превратно — написано Але из позапрошлой жизни.

— Думаю, мы все можем сказать о себе что-то похожее.

Она пожала плечами, кивнула, начала есть.

— Ладно, — сделал я новый заход, — расскажи про твою теперешнюю жизнь.

Она некоторое время смотрела мне в глаза. Мне даже стало немного не по себе.

— Лио сказал, что говорил с тобой.

— Да.

Она перевела взгляд с моего лица на столы, медленно заполняющиеся усталыми инаками, затем — на луг и башни Тредегара.

— Меня вызвали сюда, чтобы организовывать людей. Этим я и занимаюсь.

— Но не так, как хотела власть?

Ала мотнула головой.

— Всё куда сложнее, Эразмас.

От звука моего имени, произнесённого её голосом, у меня оборвалось сердце.

— Оказывается, когда создаёшь организацию, она обретает жизнь... начинает жить по собственной логике. Думаю, если бы я занималась этим раньше, я бы знала, что так будет. Подготовилась бы.

— Не надо себя казнить.

— Я себя не казню. Это ты рядишь меня в эмоции, как куклу в одёжки.

Меня охватило старое чувство: смесь злости, любви и желания испытывать их снова и снова.

— Понимаешь, с самого начала было ясно, что конвокс уязвим. Очевидная мишень, если пакт начнёт военные действия.

— Пакт?

— Мы зовём их ПАКД — Пангея, Антаркт, Кватор, Диасп. Менее антропоморфно, чем «Геометры».

Я подавил желание сказать: «Но они антропоморфны!»

— Знаю, — сказала Ала, глядя на меня. — Они антропоморфны. Не важно. Мы зовём их ПАКД.

— Я тоже удивлялся. Как-то рискованно согнать всех умных людей на одну квадратную милю.

— Да, но за это время меня выдрессировали

понимать: рискованно всё. Вопрос лишь в том, что мы приобретаем, идя на конкретный риск.

На мой вкус это сильно напоминало прехню, которую несут эксы, не потрудившиеся определить свои термины. Однако для Алы явно было жутко важно, чтобы я её выслушал, понял и согласился. Она даже на несколько мгновений накрыла мою руку своей, что подействовало на меня сильнейшим образом. Я старательно изобразил, что обдумываю и принимаю её слова.

— Приобретаем мы в данном случае то полезное, что конвокс, возможно, успеет сделать, прежде чем его разбомбят? — спросил я.

Очевидно, я выдержал проверку, потому что Ала продолжила:

— Мне поручили заниматься снижением риска. Это прехня, означающая, что если ПАКД выкинет что-нибудь по-настоящему плохое, конвокс должен разлететься, как мухи от мухобойки. И не беспорядочно, а систематическим, запланированным образом — ита называют это операция «Рассредоточение», — и мы будем в авосети, чтобы выполнять основные функции конвокса даже после того, как разбежимся в разные стороны.

— И ты занимаешься этим с самого начала? С тех пор, как тебе призвали?

— Да.

— То есть ты сразу знала, что будет конвокс?

Она покачала головой.

— Я знала, что они... что мы готовим конвокс. Я не знала, состоится ли он на самом деле и кого призовут. Когда он замаячил впереди, планы, которые я составляла, обрели чёткость и глубину. И тогда я поняла, что это неизбежно.

— Ты о чём?

— Что фраа Корландин говорил нам о Пробуждении?

Я пожал плечами.

— Ты училась лучше меня. Конец Древней матической эпохи. Ворота древних матиков распахнулись — иногда их просто срывали с петель. Инаки вышли в мир... ладно, кажется, я вижу, к чему ты ведёшь.

— Мирская власть, возможно, сама того не понимая, поручила мне составить планы Второго пробуждения, — сказала Ала. — Потому что, Раз, не только Тредегар распахнёт ворота. Если начнётся война с ПАКДом, все конценты должны будут рассеяться. Инаки сольются с основным населением. Но мы по-прежнему будем общаться по авосети. Что означает...

— Ита, — закончил я.

Ала кивнула и улыбнулась, воодушевляясь перспективой, которую рисовала.

— В каждой ячейке странствующих инаков будет ита. Барьер сохранить не удастся. Рассредоточение будет выполнять некие задачи. Не те, которыми традиционно занимались инаки, а сиюминутную мирскую работу.

— Вторая эпоха Праксиса, — сказал я.

— Вот именно!

Алин энтузиазм заразил и меня, но тут я вспомнил, что так будет, только если начнётся война. Ала, видимо, подумала о том же, и лицо у неё посуровело, как будто она на совещании с высокопоставленными военными.

— Это началось, — сказала она, и я понял, что под «этим» подразумевается движение, о котором говорил Лио, — это началось на встречах с руководителями ячеек. Понимаешь, у ячеек — групп, на которые мы поделимся, если начнётся Рассредоточение, — есть главы. Я встречалась с ними, знакомила их с планами эвакуации и составом ячеек.

— Так всё уже...

— Решено. Да. Каждый на конвоксе приписан к своей ячейке.

— Но я не...

— Тебе не сообщили, — сказала Ала. — И вообще никому, кроме руководителей ячеек.

— Вы не хотите, чтобы люди тревожились и отвлекались от работы, поэтому не ставите их в известность.

— Скоро всё изменится. — Она огляделась, как будто ждала, что изменения начнутся прямо сейчас. Я проследил её взгляд и заметил, что на одном краю открытой трапезной припаркова-лось ещё несколько военных грузотонов. Солдаты монтировали акустическую систему.

— Вот почему мы едим вместе. — Ала издала короткий смешок. — И вот почему я вообще ем. Первая моя человеческая еда за три дня. Наконец-то я могу просто сидеть и смотреть на результат.

— Что должно произойти?

— Каждый получит рюкзак и указания.

— И вы не случайно делаете это под открытым небом, — сказал я.

— Вот, теперь ты думаешь, как Лио, — одобрительно заметила Ала, откусывая хлеб. Она прожевала и продолжила: — Стратегия сдерживания. ПАКД увидит, что мы делаем, и, надо надеяться, поймёт, что мы готовы рассеяться. И тогда у него будет меньше стимулов уничтожать Тредегар.

— Разумно, — сказал я. — Подозреваю, через минуту у меня будет ещё уйма вопросов. Ты что-то говорила про встречи с руководителями ячеек?

— Да. Ты знаешь инаков. Ничто не принимается на веру. Каждое слово надо обсудить с четырёх разных сторон и во всём докопаться до сути. Я встречалась с группами по шесть руководителей за раз. Объясняла им их права и обязанности, проигрывала возможные сценарии. И в каждой группе находились один или два человека, которые хотели идти дальше, чем остальные. Представить события в более яркой исторической перспективе, сравнить их с Пробуждением и так далее. То, о чём рассказал тебе Лио, выросло из этих встреч. Я просто не успевала ответить на все вопросы в отведённое время. Я составила список этих людей и сказала им: «Позже мы встретимся и обсудим ваши соображения. На лукубе, потому что другого времени у меня нет». И так получилось — к добру или к худу, — что начало нашего лукуба совпало с Посещением Орифены.

Заработали репродукторы. Иерархиня попросила, чтобы «называемые лица» подходили к грузовику, где солдаты вскрывали коробки с заранее упакованными армейскими рюкзаками. Иерархиня, вероятно, впервые говорила в мик-

рофон, но довольно быстро освоилась и начала перечислять фраа и суур. Те, чьи имена называли, неуверенно поднимались с мест и по проходам между столами шли к машине. На какое-то время все разговоры смолкли, затем возобновились в другом, более взволнованном тоне. Посыпались восклицания и догадки.

— Ясно, — сказал я. — Значит, ты сидишь на лукубе с самыми упрямыми, самыми решительно настроенными руководителями ячеек...

— Совершенно замечательными людьми, кстати! — вставила Ала.

— Охотно верю, — сказал я. — Но все они хотят глубже вникнуть в суть, и тут вы узнаёте про бедную девушку с Антаркта, которая пожертвовала жизнью...

— И про то, что сделал для неё Ороло, — напомнила Ала. И тут она умолкла, потому что горе застигло её врасплох. Мы смотрели или притворялись, будто смотрим, как инаки возвращаются на свои места. У каждого был на плече рюкзак, на шее — шнурок с биркой.

— Так или иначе, — севшим голосом продолжила Ала и сделала паузу, чтобы откашляться, — я думала, мы будем говорить до рассвета и всё равно не придём к согласию. Ничего подобного. Нам

даже не пришлось ничего обсуждать. Все разом поняли, что надо вступить в контакт с фракцией, отправившей на Арб молодую женщину. И даже если мирская власть будет против, после нашего ухода в Рассредоточение...

— Она не сможет нам помешать?

— Вот именно.

— Лио вроде бы что-то говорил про лазерные маяки больших телескопов?

— Да. Это обсуждалось. И даже, насколько я понимаю, делалось.

— Чья была идея?

Она не ответила.

— Пойми меня правильно. Идея гениальная!

— Её придумал Ороло.

— Но ты не могла с ним говорить!..

— Ороло её осуществил, — нехотя проговорила Ала, пристально следя за выражением моего лица. — В Эдхаре. Год назад. Один из коллег Самманна нашёл подтверждение в МиМ.

— Подтверждение?

— Ороло запрограммировал лазер так, чтобы луч нарисовал в небе аналемму.

Месяц назад я принялся бы с пеной у рта доказывать, что такого не может быть, теперь только вздохнул.

— Значит, Лодогир на пленарии попал в яблочко. Угадал практически всё.

— Или так, — сказала Ала, — или он изменил прошлое.

Я не рассмеялся.

Ала продолжила:

— Тебе следует знать, что Лодогир входит в ту группу, о которой я говорила.

— Фраа Эразмас из Эдхара, — объявил голос.

— Ладно, — сказал я. — Пойду узнаю, в какую ячейку ты меня записала.

Ала мотнула головой.

— Нет. Ты ничего не узнаешь, пока не придёт время.

— Как же мы отыщем свою ячейку, если не будем знать, кто в ней?

— Если это произойдёт — если будет отдан приказ, — бирка включится и покажет тебе, куда идти. Те, кого ты там увидишь, и будут твоей ячейкой.

Я пожал плечами.

— Звучит вполне разумно.

Внезапно Ала помрачнела — я не мог понять отчего. Она подалась вперёд и схватила меня за руку.

— Посмотри на меня, — сказала она. — Посмот-

ри на меня!

Я посмотрел. В глазах у неё стояли слёзы. Такой Алы я ещё не видел. Наверное, похожее лицо было у меня, когда я в открытую дверь воздухолёта увидел Ороло перед воротами Орифены. Ала хотела передать мне что-то, чего не имела сил или права вложить в слова.

— Когда ты вернёшься за стол, меня здесь уже не будет. Если мы не увидимся до того, как всё произойдёт, — по её голосу я понял, что так и будет, — знай, что я приняла ужасное решение.

— Мы все их принимали, Ала! Знала бы ты про мои последние *несколько* ужасных решений!

Ала замотала головой, требуя, чтобы я её понял.

— Нельзя ли всё как-нибудь исправить? Отыграть назад?

— Нет! Я хочу сказать, что приняла ужасное решение в том же смысле, в каком Ороло принял ужасное решение перед воротами Орифены.

Только минуту спустя до меня дошло.

— Ужасное, — сказал я, — но *правильное*.

И тут слёзы хлынули так, что ей пришлось закрыть глаза и отвернуться. Она выпустила мою руку и засеменила прочь, сгорбившись, как будто ей только что всадили в спину кинжал.

Она казалась самой маленькой на конвоксе. Все инстинкты гнали меня бежать за ней, обнять её худенькие плечи. Но я знал, что в таком случае она сломает о мою голову стул.

Я подошёл к грузотону, взял рюкзак и бирку: прямоугольную, похожую на выключенную фотомнемоническую табулу.

Затем я вернулся на рабочее место и в следующие два часа вычислял тензор инерции корабля Геометров.

Я проспал почти всю вторую половину дня и проснулся совсем разбитый. Организм только-только начал приспосабливаться к смене часовых поясов, а я снова сбил его с толку, проработав ночь напролёт.

Во владение Аврахона я пришёл заранее. Для сегодняшнего обеда предстояло почистить и нарубить кучу овощей. Я устроился с ножом и доской на открытой веранде, отчасти чтобы полюбоваться предзакатным светом, отчасти в надежде перехватить фраа Джада на пути в мессалон. Владение Аврахона куда меньше многих знакомых мне матических построек смахивало на крепость. Глядя на большой каменный дом с балконами, эркерами и мезонинами, я всякий раз жалел, что прихожу сюда только в гости. Вот бы

здорово каждый день работать в таком уютном и живописном месте! Как будто архитектор задался целью разжигать в инаках зависть, чтобы они всеми правдами и неправдами старались сюда проникнуть. Мне страшно повезло, что в силу исключительных обстоятельств я мог хотя бы посидеть на здешней веранде за чисткой овощей. Из разговора с Алой я понял, что надо пользоваться возможностью, пока не поздно. По дорожкам сновали инаки — одни оживлённо переговаривались, другие понуро брели, ссутулившись от усталости. На лужайках, завернувшись в стлы и подложив под голову сферы, спали фраа и сууры. Столько инаков, в таких непохожих облачениях! Я вновь задумался о многообразии матического мира, о котором ничего не знал, пока не попал сюда. Слова Алы о Втором пробуждении предстали мне в новом свете. Мысль о том, чтобы сорвать ворота с петель, сулила захватывающие перемены. Но неужто с этим кончится всё, что инаки создавали три тысячи семьсот лет? Неужто следующие поколения будут смотреть на пустые соборы и дивиться: какими безумцами надо быть, чтобы бросить всё это по доброй воле?

Я гадал, кто ещё окажется в моей ячейке и что поручат нам организаторы Рассредоточения.

Напрашивалась мысль, что я буду в том же лабораториуме заниматься тем же, чем сейчас. Жить в каком-нибудь городе, в казино, корпеть над схемами икосаэдра, есть мирскую пищу, которую приносит одетая в форму неграмотная прислуга. В моей группе были два очень способных теора, один из Барито, другой — из концента на Море морей. Остальные вгоняли меня в тоску, я отнюдь не радовался перспективе оказаться с ними в дороге.

Иногда я замечал кого-нибудь из инаков Звонкой долины, и сердце сразу начинало биться быстрее: вот бы попасть в одну ячейку с ними! Пустая фантазия, конечно, — зачем им такая обуза? — но помечтать было приятно. Неизвестно, что поручат такой ячейке. Скорее всего что-нибудь невероятно опасное. По-хорошему надо было радоваться, что меня туда не назначат.

Или — в сходном, хоть и другом ключе — какой будет ячейка фраа Джада, какие задачи она станет решать? Задним числом я понимал, что мне выпала редкая привилегия — провести несколько дней в обществе тысячелетника. Насколько я знал, Джад был единственными милленарием на конвоксе.

Здорово было бы оказаться в одной ячейке с

кем-нибудь из моей старой эдхарской команды, но рассчитывать на такое не приходилось. Алу явно что-то мучило в том, как она распределила нас по ячейкам, и хотя я не понимал, из-за чего она так переживает, ясно было одно: на счастливое путешествие в кругу близких друзей рассчитывать не стоит. Уважение — почти священный трепет, — с которым другие члены конвокса взирали на эдхарианцев, заставляло предположить, что нас не запихнут в одну ячейку, а скорее распределят по возможно большему их числу. Мы будем вожаками, одинокими, как Ала.

Фраа Джад подошёл со стороны скалы. Я подумал, уж не поселили ли его наверху с тысячниками. Если так, он каждый день тратил уйму времени на спуск и подъём по лестнице. Джад издали меня узнал и двинулся прямиком к веранде.

— Я нашёл Ороло, — сказал я, хотя для Джада, конечно, это была не новость.

Он кивнул.

— Очень печально — то, что произошло. Ему следовало вовремя пройти через лабиринт и стать моим фраа на утёсе. Славно было бы работать с ним бок о бок, пить его вино, выслушивать его мысли.

— Вино у него было ужасное.

— Значит, выслушивать его мысли.

— Он, кажется, очень многое понял. — Мне хотелось спросить: как? Расшифровал ли Орола тайное послание в пении тысячелетников? Однако я боялся выставить себя дураком. — Он думает... думал, что вы разработали некий праксис. Невольно напрашивается мысль, что этим объясняется ваше долголетие.

— Разрушительное действие радиации можно свести к взаимодействию между элементарными частицами — протонами, нейтронами — и молекулами облучаемого организма, — заметил Джад.

— Квантовым событиям, — сказал я.

— Да. Клетка, в которой только что произошла мутация, и клетка, в которой этой мутации не произошло, лежат в повествованиях, разделённых лишь одной развилкой в Гемновом пространстве.

— Старение, — сказал я, — следствие ошибок в считывании генетических цепочек, то есть тоже квантовых событий.

— Да. Нетрудно вообразить внутренне непротиворечивую мифологию, согласно которой хранители ядерных отходов изобрели праксис

для устранения пагубных последствий радиации, а затем применили его к старению и так далее.

«И так далее» наводило на самые разные мысли, но я счёл за лучшее не задавать уточняющих вопросов.

— Вы понимаете, насколько опасно распространение такой мифологии в секулюме?

Джад пожал плечами. Секулюм его не заботил. Иное дело — конвокс.

— Некоторые здесь отчаянно хотят, чтобы эта мифология оказалась фактом. Им так было бы куда спокойнее.

— Ж'вэрн задавал довольно чудные вопросы. — Я кивнул на процессию матарритов, бредущую по лугу в некотором отдалении.

Я подыгрывал фраа Джаду — давал ему возможность сказать, что матарриты чудные и неприятные. Однако он ловко обошёл мой гамбит.

— От них можно узнать больше, чем от кого-либо на конвоксе.

— Правда?

— К закутанным следует отнестись со всем возможным вниманием.

Двое матарритов отделились от остальных и взяли курс на владение Аврахона. Я несколько

мгновений смотрел на приближающихся Ж'вэрна и Орхана, гадая, что Джад в них разглядел, а когда обернулся, тысячелетника рядом уже не было — он проскользнул внутрь.

Матарриты молча подошли к веранде, сухо поздоровались со мной и вступили в дом.

Следом показались Арсибальт и Барб.

— Результаты? — спросил я.

— У корабля ПАКДа не хватает куска! — объявил Барб.

— Конструкция, которую ты изучал...

— Там-то и крепилась недостающая часть!

— И что, по-твоему, это было?

— Механизм межкосмических перемещений, ясное дело! — фыркнул Барб. — Они спрятали его где-то в солнечной системе, подальше от нас, потому что он совершенно секретный!

— А что твоя группа, Арсибальт?

— Корабль собран из узлов, созданных во всех четырёх космосах ПАКДа, — объявил Арсибальт. — Это как археологический разрез. Самая старая часть с Пангеи. От неё осталось очень мало. Совсем немного мелких дополнений с Диаспа. Материал большей части корабля — из космосов Антаркта и Кватора, и мы почти уверены, что Кватор корабль посетил последним.

— Молодцы! — воскликнул я.

— А ты — какие результаты у твоей группы, Раз? — спросил Барб.

Я собирал доску, нож, и миски с овощами, чтобы идти в дом. Арсибальт неторопливо подошёл и начал мне помогать.

— В нём что-то плещется, — сказал я.

— Чего-чего?

— Когда вчера вечером эдр повернул, движение было не равномерным, а несколько дёрганым. Мы предположили, что вращающаяся часть содержит большую массу стоячей воды и при резком повороте вода колышется.

Я принялся подробно объяснять про высокие гармоники колебаний и что они означают. Барб заскучал и ушёл в дом.

— О чём вы говорили с фраа Джадом? — спросил Арсибальт. Я не знал, можно ли выбалтывать то, что Джад говорил о праксисе, поэтому ответил (ничуть не покривив душой):

— О матарритах. Мы должны внимательно на них смотреть. Учиться у них.

— Думаешь, он хочет, чтобы мы за ними следили? — заворожённо проговорил Арсибальт. У меня возникло чувство, что он почему-то *хочет* следить за матарритами и ждёт только благосло-

вения Джада.

— Он сказал, что к закутанным следует отнестись со всем возможным вниманием.

— Этими словами?

— Примерно.

— Он сказал «закутанные», а не «матарриты»?

— Да.

— Они вовсе не матарриты! — взволнованно прошептал Арсибальт.

— С твоего позволения я это заберу, — сказал я.

В приступе трудового энтузиазма он схватил мои доску и нож. Нож я конфисковал.

— Ты думаешь, я настолько сбрендил, что мне нельзя доверять острые предметы? — упавшим голосом спросил Арсибальт.

— Арсибальт! Если они не матарриты, то кто? Переодетые бонзы?

Он посмотрел на меня так, словно хотел открыть страшную тайну, но тут вошла суура Трис.

— Я приму твою гипотезу к рассмотрению, — сказал я, — и сравню на весах с другой: что матарриты это матарриты.

****

***Синтаксическая группа**, фракция внутри матического мира, возникшая*

в годы после Реконструкции и возводящая себя к Процу. Название происходит от убеждения синтактиков в том, что язык, теорика и проч. суть игры с символами, лишёнными семантического содержания. Представление восходит к древним сфеникам, часто споривши с Феленом и Протесом на периклинии.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Фраа Лодогир сказал:

— Сегодня уже третий наш мессал. Первый был посвящён мировым путям в Гемновом пространстве как способу понимания материального мира, против чего я нимало не возражал, пока не выяснилось, что это ширма для Гилеина теоретического мира. Во второй вечер нам показали цирк — но не акробатов, жонглёров и фокусников, а интеллектуальные сальто, шпагоглотание и престидижитацию, к которым приверженцы ГТМ вынуждены прибегать, дабы их не отбросили как религиозную секту. Чудесно. Все выговорились. Я благодарен эдхарианскому большинству на этом мессале, что оно открыло свои карты. Ха. Но, возможно, теперь мы выскажем что-нибудь и по более насущным темам? На случай, если

кто-нибудь забыл, я готов повторить: ПАКД, их возможности и намерения.

— В частности, почему они похожи на нас? — спросила суура Асквина. — Вот вопрос, к которому я мысленно возвращаюсь снова и снова.

— Спасибо, суура Асквина! — воскликнул я, посыпая хлебными крошками овощную запеканку. — Я давно удивляюсь, как мало внимания уделяют этой мелкой подробности.

— Никто просто не знает, с какого бока к ней подступиться, — сказала суура Трис. Словно в подтверждение её слов из репродуктора донесся шквал бессвязных возгласов. Я распахнул дверцу печи и втолкнул запеканку на середину кованой железной решётки. Фраа Лодогир вещал о параллельной эволюции: как на разных континентах Арба совершенно разные виды, приспосабливаясь к одинаковым экологическим нишам, приобрели сходный внешний облик.

— Я вас понял, фраа Лодогир, — сказал Ж'вэрн, — но убеждён, что *такое* сходство параллельной эволюцией объяснить нельзя. Почему у Геометров пять пальцев, причем один — отстоящий? Почему не семь, из которых два — большие?

— Вам известно о Геометрах что-то, чего не сообщили остальным? — вопросил Лодогир. —

Ваши слова верны в отношении единственного виденного нами представителя — антарктской женщины. У остальных трёх рас с тем же успехом может быть по семь пальцев.

— Вы, разумеется, правы, — сказал Ж'вэрн, — но даже арбско-антарктское сходство само по себе настолько велико, что его трудно объяснить параллельной эволюцией.

Спор продолжался довольно долго — препты успели съесть суп. Мы вносили и выносили посуду, пробираясь между сваленными на пол рюкзаками. Всем было велено ни на минуту не выпускать их из виду, чтобы найти ощупью, если одновременно с приказом об эвакуации погаснет свет или воздух почему-либо наполнится дымом и пылью. Мы не могли бегать с рюкзаками из кухни в мессалон, поэтому, в нарушение приказа, сложили их вдоль стенки в коридоре. Препты оставили свои за стульями, а бирки на время еды закинули на спину.

Игнета Фораль положила конец спору о пальцах, покосившись на сууру Асквину. Та властно откашлялась и объявила:

— В отсутствие дополнительных данных гипотеза о параллельной эволюции не поддаётся рациональной оценке.

— Согласен, — горестно проговорил Лодогир.

— Альтернативная гипотеза, если я правильно поняла фраа Пафлагона, состоит в утечке информации по фитилю?

Фраа Пафлагон поморщился.

— Слово «утечка» подразумевает некую неисправность. Речь же идёт о вполне естественном движении информации по ОАГу.

— До сих пор мне казалось, «движение» состоит в том, что теорам предстают вечные истины о равнобедренных треугольниках, — сказал Лодогир. — Мне не следовало бы дивиться всё возрастающей грандиозности ваших утверждений, но не предлагаете ли вы нам поверить в нечто совсем уже далеко идущее? Поправьте, если я ошибаюсь: вы пытаетесь увязать движение информации по фитилю с биологической эволюцией?

Неловкая пауза.

— Вы ведь верите в эволюцию? — продолжал Лодогир.

— Да, хотя это удивило бы Протеса, который придерживался вполне мистических полурелигиозных взглядов на ГТМ, — сказал Пафлагон. — Любая современная версия протесизма должна согласовываться с доказанными теориями, не только космографическими, но и эволюционны-

ми. Однако я не соглашусь с *полемической* частью вашего высказывания, фраа Лодогир. Мой новый тезис — куда более умеренный и резонный.

— О, простите! Мне казалось, когда человек заходит в своих утверждениях дальше, его тезисы более далеко идущие?

— Я всего лишь следую логике. Как вы сами заметили во время пленария с фраа Эразмасом, самое резонное утверждение — наиболее экономичное, то есть наименее сложное. Я утверждаю, что информация течёт по фитилю примерно так же, как из прошлого в настоящее. При этом она, *в частности*, производит физически воспринимаемые изменения в нервной ткани...

— Тогда-то, — вставила суура Асквина для ясности, — мы и видим истины о кноонах.

— Да, — сказал Пафлагон. — Здесь мы имеем ГТМ и столь любимый фраа Лодогиром теоретический протесизм. Однако нервная ткань — просто *ткань*, просто *вещество*, подчиняющееся законам природы. Она не волшебная и не духовная, что бы вы ни думали о моих убеждениях по данному поводу.

— Безмерно рад слышать! — воскликнул Лодогир. — Этак мы с вами сплотимся под процианским знаменем раньше, чем фраа Эразмас

принесёт мне десерт!

Пафлагон мгновение молчал, перебарывая смех, затем продолжил:

— Я не могу верить в то, что сейчас высказал, если не предложу материалистический, понятный механизм, посредством которого «более Гилеины» миры производят физические изменения в «менее Гилеиных», лежащих «ниже по течению» фитиля. И я не вижу достаточных оснований утверждать, что эти воздействия ограничиваются равнобедренными треугольниками и затрагивают только нервную ткань. Вот такое утверждение было бы дерзким и довольно странным!

— Хоть в чём-то мы согласны! — объявил Лодогир.

— Куда более экономично, в смысле Гардановых весов, утверждать, что механизм — каким бы он ни был — воздействует на *всякое* вещество, а не только на мозг теора! Просто мы имеем систематическую ошибку наблюдения.

Некоторые закивали.

— Систематическую ошибку? — переспросил Ж'вэрн.

Суура Асквина повернулась к нему и сказала:

— Звёзды светят на Арб постоянно — даже в полдень, но мы бы о них не знали, если бы спали

всё тёмное время суток.

— Да, — сказал Пафлагон. — Как космограф видит звёзды только на тёмном небе, так и мы наблюдаем Гилеин поток, лишь когда он проявляется в восприятии кноонов нашим рассудком. Подобно звёздному свету в полдень, он постоянно есть, постоянно действует, но мы замечаем его и опознаём как нечто значительное только в контексте чистой теорики.

— Э, раз уж вы, эдхарианцы, так любите маскировать свои допущения, позвольте кое-что прояснить, — сказал Лодогир. Утверждаете ли вы, что параллельность эволюции арбцев и Геометров определяется Гилеиным потоком?

— Да, — сказал Пафлагон. — Как вам такое высказывание?

— Куда ёмче, спасибо, — ответил Лодогир. — Но в эволюцию вы всё-таки верите?

— Да.

— В таком случае вы утверждаете, что Гилеин поток каким-то образом действует на выживание — или хотя бы на способность конкретных организмов передавать по наследству свои цепочки, — сказал Лодогир. — И таким образом мы с антарктцами стали обладателями пяти пальцев, двух ноздрей и прочего.

— Фраа Лодогир, вы делаете за меня мою работу!

— Должен же кто-то её делать. Фраа Пафлагон, как вы объясните связь Гилеина потока с выживанием?

— Не знаю.

— Не знаете?!

— С Посещения Орифены прошло всего десять дней. Данные продолжают поступать. Вы, фраа Лодогир, сейчас на переднем крае того, что станет протесизмом следующего поколения.

— Нет уж, увольте от такой чести. Я куда охотнее испробовал бы кушанье, поданное фраа Ж'вэрну. Что это, кстати?

— Наконец-то фраа Лодогир задал хороший вопрос, — заметил Арсибальт. Эмман выдернул нас из мессалона спасать запеканку. Мы все знали, о чём говорит Лодогир. Кастрюля стояла на плите, и мы весь вечер старались обходить её стороной. *Тушёные волосы с кубиками пенопласта и дроблёными экзоскелетами* или что-то в таком роде. Волосы представлялись чем-то овощным. Но больше всего Лодогира и всех остальных в мессалоне смущал оглушительный хруст экзоскелетов (или что уж там это было) у Ж'вэрна на зубах. Мы слышали его даже в репродуктор.

Арсибальт огляделся, убеждаясь, что кроме меня и Эммана в кухне никого нет.

— Я сам принадлежу к аскетическому, замкнутому, созерцательному ордену, — начал он, — и, возможно, не должен осуждать бедных матарритов...

— Ладно, валяй, — сказал Эмман. Он мужественно пытался чинить развалившуюся запеканку.

— Хорошо, раз ты настаиваешь! — Обернув руку краем стлы, Арсибальт поднял крышку с кастрюли, в которой булькало месиво из мёртвых водорослей, унизанных явно опасными для здоровья панцирями. — Думаю, что это уже некоторый перегиб: целое тысячелетие целенаправленно создавать пищевые продукты, омерзительные для всех не-матарритов.

— Готов поспорить, это из разряда тех блюд, которые на вкус совсем не так плохи, как на вид, вкус, запах и ощупь, — сказал я, задерживая дыхание и подходя ближе.

— На что?

— Прости?

— На что споришь?

— Ты предлагаешь нам это попробовать?

— Я предлагаю тебе это попробовать.

— Почему только мне?

— Потому что ты предложил пари. И потому что ты — теор.

— А ты тогда кто?

— Исследователь.

— Будешь изучать мои симптомы? Сделаешь мой посмертный витраж?

— Да. Мы вставим его сюда.

Арсибальт указал на отдушину размером с мою ладонь.

Эмман подошёл ближе. Карвалла и Трис вернулись из мессалона и теперь стояли рядышком, глядя на нас.

Присутствие девушек всё решило.

— На что будем спорить? — спросил я. — У меня, если помнишь, снова только три вещи.

Одно из старейших правил матического мира запрещало нам ставить на кон стлу, хорду и сферу.

— Выигравший не будет сегодня убираться, — предложил Арсибальт.

— Идёт, — сказал я.

Чтобы выиграть пари, достаточно было объявить, что еда вполне сносная, и не сблевать — по крайней мере перед Арсибальтом. И даже проигрыш с лихвой искупило бы детское удовольствие, которое я получил, наблюдая за Трис

и Карваллой: так трогательно они ойкали и жмурились, пока я зачёрпывал месиво и нёс ложку ко рту. Это был кусок чего-то створоженного, облепленный кляклыми волокнами и битой скорлупой. Покуда я счищал осколки языком, волокна скользнули в горло, таща за собой кубик, словно водоросли — тонущего пловца. Довольно долго я кашлял и давился, чтобы вернуть их обратно в рот, где смогу как следует пережевать. Это добавило сцене драматизма, а зрителям — острых ощущений. Я поднял руку, давая понять, что всё хорошо, и минуты две жевал, не желая повредить внутренности осколками. Наконец мне удалось проглотить склизкую, волокнистую, колкую массу. Я оценил шансы, что не сблюю, как шестьдесят к сорока.

— Знаете, — объявил я, — это немногим хуже, чем просто стоять над кастрюлькой и гадать.

— И как на вкус? — спросила Трис.

— Ты когда-нибудь прикладывала язык к контактам батарейки?

— Нет, я даже батарейки никогда не видела.

— М-мм...

— Так насчёт пари... — неуверенно начал Арсибальт.

— Да, — сказал я. — Счастливо тебе убраться.

Уж постарайся, особенно когда запеканку будешь от формы отскребать.

Раньше чем Арсибальт успел возразить, зазвонил его колокольчик. Арсибальт ринулся прочь из кухни с таким лицом, что Карвалла и Трис прыснули со смеху.

В мессалоне препты расспрашивали Ж'вэрна — впрочем, куда более деликатно, — что же такое он ест, но теперь Пафлагон снова начал гнуть свою линию:

— Подобно космографу, который днём спит, а работает по ночам, когда видны звёзды, мы должны будем трудиться в лаборатории сознания, поскольку лишь в ней можем наблюдать действие Гилеиного потока. — Он что-то шепнул Арсибальту и продолжил: — Только теперь следует говорить не об одном ГТМ, а о фитиле: поток движется по сложной сети космосов, «более теорических» или «более ранних», чем наш.

Арсибальт вернулся в кухню.

— Пафлагону нужен не я, а ты.

— Зачем?

— Точно не знаю, — сказал Арсибальт, — но вчера мы с ним разговаривали, и я упомянул твою беседу с Ороло.

— Спасибо, удружил.

— Так что выковыряй осколки из зубов и вперёд!

В итоге всё время, пока препты ели второе, я пересказывал два экбских диалога с Ороло: о том, что мышление состоит из быстрого выстраивания в мозгу контрфактуальных миров, и это не только правдоподобно, но и легко объяснимо, если принять, что сознание распространяется на совокупность слегка отличающихся версий одного мозга, каждая из которых следит за своей слегка отличающейся версией космоса. Пафлагон подвёл итог, сформулировав то же самое куда лучше:

— Если Гемново пространство — ландшафт, и каждый космос — одна его геометрическая точка, то конкретное сознание — пятно света, которое скользит, как луч от прожектора, ярко освещая точки — космосы, расположенные близко, но быстро меркнет по краям. В ярком центре происходит взаимодействие между многими вариантами мозга. Полуосвещенная периферия вносит меньший вклад, а темнота вокруг — никакого.

Я благодарно отступил к стене, мечтая сам слиться с окружающей темнотой.

— Спасибо фраа Эразмасу, давшему нам воз-

можность спокойно поесть, в то время как обычно мы вынуждены прерываться на разговоры, — сказал фраа Лодогир. — Возможно, нам следует поменяться местами: пусть сервенты сидят и едят молча, внимая препам!

Барб хохотнул. В последнее время он все больше восхищался шутками фраа Лодогира, вызывая у меня неприятное подозрение, что фраа Лодогир — просто постаревший Барб. Однако по некотором раздумье я прогнал эту дурацкую мысль.

Лодогир продолжил:

— Должен сказать, что я полностью согласен с мыслью, которую только что высказал фраа Пафлагон: о нашем сознании как лаборатории для изучения так называемого Гилеиного потока. Но неужто услышанное — лучшее, на что мы способны? Ведь это сотое пережёвывание эвенедриковой датономии в самой примитивной её форме!

— Я два года в Барито писала работу по эвенедриковой датономии, — заметила Игнета Фораль скорее весело, чем обиженно.

Я вышел из мессалона, решив, что так будет вежливее, чем рассмеяться вслух. В кухне я налил себе стакан вина, выпил и тяжело упёрся руками в кухонный стол.

— Ты как? — спросила Карвалла.

Кроме нас с ней в кухне никого не было.

— Ничего, устал просто. Они все жилы из меня вытянули.

— Знаешь, я считаю, что ты говорил отлично.

— Спасибо, — сказал я. — Правда, я очень рад, что ты так считаешь.

— Прасуура Мойра говорит, мы наконец что-то делаем.

— Прости, я не понял.

— Она считает, что наш мессалон на пороге того, чтобы выдать нечто действительно новое, а не только обсуждать старое.

— Вот это и впрямь похвала! От такой чтимой лоритки!

— Она говорит, это из-за ПАКДа. Этого бы не было, если бы не они и не новые данные.

— Слышал бы тебя мой друг Джезри! — сказал я. — Он всю жизнь о таком мечтал.

— А ты о чём мечтал всю жизнь? — спросила Карвалла.

— Я? Не знаю. Наверное, быть умным, как Джезри.

— Сегодня ты был не глупее остальных.

— Спасибо! Если и так, то это благодаря Ороло.

— И твоей смелости.

— Некоторые назвали бы её глупостью.

Если бы не утренний разговор с Алой, я, наверное, влюбился бы в Карваллу прямо сейчас. Однако я был уверен, что Карвалла в меня не влюблена, а просто излагает факты, как они ей видятся. Конечно, здорово, когда красивая девушка делает тебе комплименты; я даже почувствовал приятный трепет, но он не шёл ни в какое сравнение с той электрической дрожью — как два пальца в розетку, — которая непрерывно била меня даже при коротком общении с Алой.

Следовало бы отпустить парочку комплиментов в ответ, но хвалёная смелость меня покинула. В присутствии лоритов невольно робеешь. Я понимал, что их необычный облик: выбритые головы, сложные узлы, превращающие одевание в многочасовой процесс, — это способ выказать уважение к предшественникам, напоминать себе каждый день, сколько труда нужно, просто чтобы войти в курс дела и научиться отсеивать старые идеи от новых. Однако моё понимание символизма не делало Карваллу проще и доступнее.

Нас отвлёк голос Ж'вэрна — за три вечера я так и не привык к его странному выговору:

— Поскольку мы, матарриты, ведём очень замкнутый образ жизни, возможно, даже суура

Мойра не слышала о том, кого мы чтим под именем светителя Атаманта.

— Имя мне незнакомо, — признала Мойра.

— Для нас он талантливейший и самый тщательный интроспекционист, когда-либо живший на свете.

— Интроспекционист? Это какой-то пост в вашем ордене? — спросил Лодогир без обычного высокомерия.

— Можно сказать и так, — отвечал Ж'вэрн. — Последние тридцать лет жизни он посвятил тому, что глядел на медную миску.

— И что особенного было в этой миске? — спросила Игнета Фораль.

— Ничего. Однако он написал, вернее, надиктовал десять трактатов о том, что происходило в его сознании, пока он на неё глядел. По большей части в том же духе, что и рассуждения Ороло о контрфактуальностях: каким образом сознание Атаманта реконструирует невидимую сторону миски исходя из допущений, как она должна выглядеть. На этих идеях он выстроил метатеорику контрфактуальностей и совозможностей. Не входя в детали, скажу: она полностью согласуется с тем, что говорилось на нашем первом мессале о Гемновом пространстве и мировых

путях. Он предположил, что *все* возможные миры *действительно существуют* и столь же реальны, как наш. Многие сочли его сумасшедшим.

— Однако именно это утверждает поликосмическая интерпретация, — сказала суура Асквина.

— Да.

— Как насчёт темы второго нашего мессала? Были ли у светителя Атаманта соображения по этому поводу?

— Я очень напряжённо об этом думал. Девять его трактатов посвящены в основном пространству. Лишь десятый, который считается более трудным, чем остальные девять, вместе взятые, посвящён времени! Однако если что-то в его трудах и применимо к Гилеиному потоку, оно должно таиться в десятом трактате. Я перечитал его вчера ночью — это был мой лукуб.

— И что медная миска рассказала Атаманту о времени?

— Прежде я должен сказать, что он был весьма сведущ в теорике. Он знал, что законы теорики обратимы во времени и единственный способ определить, куда течёт время, — измерить количество беспорядка в системе. Космос словно не замечает времени. Оно существенно только для нас. Его привносит наше сознание. Мы строим

время из мгновенных впечатлений, протекающих через наши органы чувств. Затем они уходят в прошлое. Что мы называем прошлым? Систему записей в нашей нервной ткани — записей, излагающих связную историю.

— Мы уже слышали об этих записях, — заметила Игнета Фораль. — Они существенны для модели Гемнова пространства.

— Да, госпожа секретарь, но теперь позвольте мне добавить нечто новое. Оно довольно хорошо формулируется мысленным экспериментом с мухами, летучими мышами и червяками. Мы недостаточно ценим способность нашего сознания получать искажённые, неясные, противоречивые данные чувств и говорить: «Этот набор данных соответствует медной миске, которая стоит передо мной и стояла передо мной мгновение назад», наделять воспринимаемое *«этостью»*. Знаю, вас может смутить религиозный язык, но мне такая способность сознания представляется чудом.

— Однако совершенно необходимым с эволюционной точки зрения, — заметил Лодогир.

— Разумеется! Но тем не менее удивительным. Способность нашего сознания *видеть* — не просто как спилекаптор, воспринимая и записывая

данные, — но опознавать миски, мелодии, лица, красоту, идеи — делать их доступными для осмысления. Эта способность, по утверждению Атаманта, фундамент всякой рациональной мысли. И если сознание способно опознавать медно-мисковость, почему бы ему не опознать равнобедренно-треугольниковость и Адрохонесово-теоремность?

— То, что вы описываете, — всего лишь распознавание образов и присваивание имён, — сказал Лодогир.

— Так утверждают синтактики, — отвечал Ж'вэрн. — Но я бы возразил, что вы всё переворачиваете с ног на голову. У вас, процианин, есть теория — модель сознания, и вы всё ей подчиняете. Ваша теория становится основой для всевозможных допущений, и процессы сознания рассматриваются просто как явления, требующие объяснений в терминах этой теории. Атамант говорит, что вы создали порочный круг. Вы не можете развивать свою основополагающую теорию, не прибегая к способности сознания наделять данные этостью, а значит, не вправе объяснять фундаментальные механизмы сознания в рамках вашей теории.

— Я понимаю точку зрения Атаманта, — ска-

зал Лодогир, — но, сделав такое утверждение, не исключает ли он себя из рационального теорического общения? Сознание приобретает мистический статус — его нельзя исследовать, оно такое, какое есть.

— Напротив, нет ничего более рационального, чем начать с того, что нам дано, что мы наблюдаем, спросить себя, как получилось, что мы это наблюдаем, и разобрать процесс наблюдения самым тщательным и последовательным образом.

— Тогда позвольте спросить: какие результаты Атамант получил, осуществив эту программу?

— Решив ей следовать, он несколько раз заходил в тупики. Но суть такова: сознание работает в материальном мире, на материальном оборудовании.

— Оборудовании? — резко переспросила Игнета Фораль.

— Нервные клетки или, возможно, искусственные устройства с теми же функциями. Суть в том, что они, как сказали бы ита, «железо». Атамант утверждал, что сознание, а не оборудование — первичная реальность. Космос состоит из материи и сознания. Уберите сознание — останется прах; добавьте сознание, и у вас будут предметы, идеи, время. История долгая и непростая, но

в конце концов Атамант нащупал плодотворный подход, основанный на поликосмической интерпретации квантовой механики. Вполне естественно он применил этот подход к своему излюбленному объекту...

— Медной миске?! — изумился Лодогир.

— Комплексу явлений, составляющих его восприятие медной миски, — поправил Ж'вэрн, — и объяснил их следующим образом.

Затем Ж'вэрн (непривычно разговорчивый в этот день) прочёл нам кальк о том, к чему пришёл Атамант, размышляя о миске. Как он и предупреждал, это в основных чертах напоминало диалог, который я пересказал чуть раньше, и вело к тому же основному выводу. Настолько, что я даже поначалу удивился, чего ради Ж'вэрн всё это излагает. Напрашивалась мысль, что он просто хочет показать, какой Атамант был умный, и заработать для матарритов несколько лишних баллов. Как сервент я мог свободно входить и выходить. Наконец Ж'вэрн добрался до предположения, которое мы слышали раньше: что мыслящие системы вовсю используют интерференцию между космосами, чьи мировые пути недавно разошлись.

Лодогир сказал:

— Пожалуйста, объясните мне вот что. Мне казалось, что интерференция, о которой вы говорите, возможна только между двумя космосами, одинаковыми во всём, кроме квантового состояния *одной* частицы.

— Это то, что мы можем проверить и подтвердить, — сказала Мойра, — поскольку именно описанная вами ситуация изучается в лабораторных экспериментах. Относительно несложно построить аппаратуру, воплощающую такой сценарий: «у частицы спин вверх или вниз», «пролетит фотон в левую щель или в правую».

— Как я рад слышать! — воскликнул Лодогир. — Я боялся, что вы объявите, будто эта интерференция и есть Гилеин поток.

— Думаю, да, — сказал Ж'вэрн. — Это должен быть он.

Лодогир возмутился:

— Секунду назад суура Мойра объяснила, что экспериментально подтверждена лишь интерференция между космосами, отличающимися состоянием *одной* частицы! Гилеин поток, согласно тем, кто в него верует, соединяет абсолютно разные космосы!

— Если смотреть на мир в соломинку, вы увидите лишь крохотную его часть, — сказал Пафлагон.

— Эксперименты, о которых говорила Мойра, вполне хороши, более того, по-своему превосходны, но они говорят нам только о системах с одной частицей. Если бы мы придумали более совершенные опыты, мы бы, вероятно, увидели и другие явления.

Фраа Джад бросил салфетку на стол и сказал:

— Сознание усиливает слабые сигналы, которые, как протянутая между деревьями паутина, связывают повествования между собой. Более того, усиливает *избирательно* и таким образом, что возникает положительная обратная связь, направляющая повествования.

В наступившей тишине слышно было только, как Арсибальт записывает это мелом на стене. Я проскользнул в мессалон.

— Не могли бы вы развернуть ваше утверждение? — спросила наконец суура Асквина. Она взглянула на Арсибальтову запись и добавила: — Для начала, что вы подразумеваете под усилением слабых сигналов?

Фраа Джад, судя по выражению лица, не знал, с чего начать, и не хотел утруждаться. Выручила Мойра:

— «Сигналы» — взаимодействие между космосами, отвечающее за квантовые эффекты. Если

вы не согласны с поликосмической интерпретацией, то должны отыскать этим эффектам другое объяснение. Но если вы с ней согласны, то установленные факты квантовой механики требуют принять допущение, что космосы, лежащие на близких мировых путях, взаимодействуют. Если взять один конкретный космос, то это взаимодействие можно интерпретировать как сигнал — довольно слабый, поскольку он затрагивает лишь несколько частиц. Они могут быть внутри безвестного астероида, и тогда ничего существенного не произойдёт. А могут быть в неком критическом участке мозга, и тогда «сигнал» изменит поведение живого организма, которому этот мозг принадлежит. Организм сам по себе неизмеримо больше тех объектов, на которых обычно сказывается квантовая интерференция. Вспомним, что есть сообщества таких организмов и некоторые сообщества создают технологии, способные изменить мир; тогда мы поймём слова фраа Джада о свойстве сознания усиливать слабые сигналы, связывающие между собой космосы.

В продолжение её речи Ж’вэрн усиленно кивал.

— Это согласуется с тем, что я прочёл вчера у

Атаманта. Сознание, писал он, вне пространства и времени. Однако оно вступает в пространственно-временной мир, когда мыслящее существо реагирует на выстроенный им образ этого мира и пытается взаимодействовать с другими мыслящими существами — совершает то, что может осуществить лишь через посредство пространственно-временного тела. Таким образом, мы попадаем из солипсистского мира — реального только для одного субъекта — в общий, где я могу быть уверен, что вы видите ту же медную миску, и этость, которой вы её наделяете, созвучна моей.

— Спасибо, суура Мойра и фраа Ж'вэрн, — сказала Игнета Фораль. — Поскольку фраа Джад, как я вижу, намерен и впредь ограничиваться краткими изречениями, не соблаговолит ли кто-нибудь истолковать вторую часть его сентенции?

— Охотно, — сказал фраа Лодогир, — поскольку чем дальше, тем больше устами фраа Джада глаголет процианин! — Мгновение он наслаждался впечатлением, которое произвела эта фраза, затем продолжил: — Думаю, говоря о селективном усилении, фраа Джад хочет сказать, что усиливается не вся межкосмическая интерференция, а лишь её часть. Повторяя пример сууры Мойры, интерференция, затрагивающая элементарные

частицы в одиноком астероиде, не оказывает никакого действия.

— Никакого *особого* действия, — поправил его Пафлагон. — Непредсказуемого. Однако она затрагивает *всё* в астероиде: то, как он поглощает и отражает свет, как распадаются ядра неустойчивых элементов и так далее.

— Однако статистически это сглаживается и никаких отличий мы не наблюдаем? — спросил Лодогир.

— Да.

— Следовательно, сознанием усиливается лишь та интерференция, которая затрагивает нервную ткань.

— Или другую мыслящую систему, — вставил Пафлагон.

— Так что процесс *изначально* крайне избирательный: подавляющая часть интерференции, происходящей между нашими космосами и теми, с которыми она возможна, затрагивает камни и прочие объекты, недостаточно сложные, чтобы отзываться на неё сколько-нибудь интересным для нас образом.

— Да, — сказал Пафлагон.

— Давайте ограничимся рассмотрением той бесконечно малой доли интерференции, которая

приходится на нервную ткань. Как я только что сказал, это уже само по себе даёт избирательность. — Лодогир кивнул на доску. — Однако, намеренно или нет, фраа Джад приоткрыл щёлочку ещё для одной избирательной процедуры. Да, наш мозг ловит эти «сигналы». Но он не пассивное устройство. Не просто детекторный радиоприёмник! Он считает. Он мыслит. Выход этих размышлений практически нельзя предсказать по входу. Этот выход — наши мысли, решения, которые мы принимаем, наше взаимодействие с другими мыслящими существами и поведение обществ на протяжении эпох.

— Спасибо, фраа Лодогир. — Игнета Фораль ещё раз перечитала надпись на доске. — Возьмётся ли кто-нибудь за «положительную обратную связь»?

— Мы получаем её в качестве бесплатного приложения, — сказал Пафлагон.

— Как это?

— Она есть в модели, которую мы обсуждали. Ничего добавлять не надо. Мы уже видели, как слабые сигналы, усиленные особыми структурами нервной ткани и общества, состоящего из мыслящих существ, производят в повествовании — в конфигурации космоса — куда большие изме-

нения, чем конкретный сигнал. В ответ на слабые сигналы мировой путь изгибается, меняет курс, и по поведению мирового пути можно отличить космос, населённый мыслящими организмами, от того, в котором их нет. Однако вспомним, что сигналы проходят только между соседними космосами. Вот вам и положительная обратная связь! Интерференция направляет мировые пути космосов, в которых есть сознание: мировые пути, лежащие ближе друг к другу, интерферируют сильнее.

— Значит, положительная обратная связь притягивает мировые пути друг к другу? — спросила Игнета Фораль. — И здесь объяснение вопросу, почему Геометры похожи на нас?

— И не только этому, — вставила суура Асквина, — но и кноонам, ГТМ и всему остальному, если я не ошибаюсь.

— Я выступлю как типичный лорит, — сказала Мойра, — и предупрежу, что «обратная связь» — бытовой термин, охватывающий большой спектр явлений. Целые отрасли теорики изучают поведение систем, демонстрирующих то, что в быту называют обратной связью. Чаще всего системы с обратной связью идут к вырождению — такому, как рёв из громкоговорителя или полный

хаос. Очень немногие такие системы сохраняют стабильное поведение — вообще какое-либо поведение, на которое вы или я можем посмотреть и сказать: «Гляньте, она сейчас делает то и это».

— Этость! — воскликнул Ж'вэрн.

— С другой стороны, — продолжала Мойра, — системы, сохраняющие стабильность в мятущейся вселенной, как правило, *должны* иметь для этого какую-то обратную связь.

Игнета Фораль кивнула.

— Значит, если постулированная фраа Джадом обратная связь сближает космосы — наш и четырёх планет ПАКДа, — то это не абы какая обратная связь, а особая, исключительно тонко отрегулированная её разновидность.

— То, что устойчиво существует либо вновь и вновь возникает в сложной системе, зовётся аттрактором, — сказал Пафлагон.

— Тогда, если верно, что теорема Адрахонеса и некоторые другие теорические концепции у нас с ПАКДом общие, — сказал Лодогир, — то они не более чем аттракторы в той системе с положительной обратной связью, которую мы описываем.

— Или не менее, — сказал фраа Джад.

Мгновение все молчали из уважения к вели-

чию момента. Лодогир и Джад смотрели друг на друга через стол. Мы ждали, что произойдёт.

Процианин и халикаарниец готовы были согласиться между собой.

И тут Ж'вэрн всё испортил. То ли он не понимал, что происходит, то ли просто ГТМ не так уж его интересовал. Он хотел говорить только про миску Атаманта.

— Атамант, — объявил Ж'вэрн, — изменил свою миску.

— Простите? — спросила Игнета Фораль.

— Да. Тридцать лет на дне у миски была царапина. Это подтверждено фототипиями. Затем, в последний год размышлений, незадолго до смерти, Атамант заставил царапину исчезнуть.

Наступила полная тишина.

— Переведите на поликосмический язык, пожалуйста, — попросила суура Асквина.

— Он нашёл путь в космос, такой же, как тот, в котором жил сам, за одним исключением — там миску не поцарапали.

— Но есть же записи — фототипии, — что она была поцарапана.

— Да, — сказал Ж'вэрн, — значит, он попал в космос, содержащий непоследовательные записи. И в этом космосе мы сейчас.

— И как ему это удалось? — спросила Мойра таким тоном, словно уже угадала ответ.

— Либо он изменил записи, либо переместился в космос с другим будущим.

— Либо он был ритор, либо инкантер! — выпалил мальчишеский голос. Барб, как всегда, сказал то, чего не смели произнести остальные.

— Я спрашивала о другом, — сказала Мойра. — *Как именно он это сделал?*

— Он отказался раскрывать свой секрет, — ответил Ж'вэрн. — Полагаю, некоторым из присутствующих есть что сказать по этому поводу.

И он оглядел всех сидящих за столом, но особенно — Джада и Лодогира.

— Если и так, они скажут это завтра, — объявила Игнета Фораль. — Сегодняшний мессал окончен.

Она, яростно глядя на Ж'вэрна, встала из-за стола. Эмман вбежал из кухни и схватил её рюкзак. Госпожа секретарь поправила на груди бирку, словно кулон, и вышла в сопровождении сервента, кряхтящего под тяжестью двух рюкзаков.

У меня были грандиозные планы на время, освободившееся благодаря выигранному пари. Замыслов накопилось столько, что я не знал, с какого начать. Я пошёл в келью за своими запис-

ками, сел на лежанку, а когда открыл глаза, было уже утро.

Впрочем, ночь прошла не зря: я проснулся с идеями и намерениями, которых у меня не было вчера. В свете последних разговоров напрашивалась гипотеза, что, пока я лежал в забытьи, моё сознание усиленно шарило по соседним областям Гемнова пространства, исследуя альтернативные версии нашего мира.

Я разыскал Арсибальта. Он в отличие от меня не выспался и бурчал, пока я не поделился с ним частью того, что надумал, если «думать» — правильный глагол для описания процесса, происходившего помимо моей воли в сонном мозгу.

Позавтракал я хлебцем из муки грубого помола и сушёными фруктами, затем отправился к рощице позади здания капитула Первых булкианцев. Арсибальт уже ждал меня с лопатой, позаимствованной из сарайчика с садовым инвентарём. Он выкопал ямку размером не больше миски. Я выложил её полиплёнкой из мусорной кучи, какие миряне оставляют после себя на каждом углу, — в последние время спонтанные помойки стали появляться и в конценте.

— И ничего-то из этого не выйдет, — сказал я,

задирая стлу.

— Лучшие эксперименты — самые простые, — ответил Арсибальт.

На анализ данных потребовалось всего несколько минут. Остаток дня заняли различные приготовления. Из того, как мы с Арсибальтом втягивали в это дело остальных, и череды мелких приключений, выпавших на долю каждого, составился бы целый сборник забавных анекдотов, но я не стану их здесь приводить, настолько будничны они по сравнению с последовавшими событиями. Достаточно сказать, что мы завербовали Эммана, Трис, Барба, Карваллу, Лио и Самманна и убедили сууру Асквину закрыть глаза на некоторые временные переделки в её владении.

Четвёртый мессал о Множественности миров начался как обычно: прептам подали вино, затем суп. Вскоре после этого Орхана выдернули. Трис пошла за ним. Через минуту по моей верёвке прошла серия условных рывков: это значило, что в кухне всё идёт по плану. Неуклюжий Барб «случайно» перевернул кастрюлю Орхана. Трис и Эмман вовсю гремели сковородками и котлами, и Орхан, занятый мыслями, чем ему теперь кормить препта, не должен был заметить, что

репродуктор молчит.

Я кивнул Арсибальту.

— Простите, фраа Ж'вэрн, но вы забыли благословить пищу, — звонко объявил Арсибальт.

Разговор смолк. До сих пор мессалон был необычно тих, как будто все препты напряженно изыскивают способ возобновить беседу, не вступая на опасную территорию, куда их вчера затащил Ж'вэрн. Даже на самом шумном мессале непрошеная реплика сервента вызывает всеобщее негодование; Арсибальт же не просто заговорил, а сделал замечание препту. Покуда все ошалело смотрели на него, он продолжил:

— Я изучил верования и обряды матарритов. Они никогда не приступают к трапезе без молитвы, которая завершается определённым жестом. Вы не прочли молитву и не сделали жест.

— Ну и что с того? Я забыл, — сказал Ж'вэрн.

— Вы всегда забываете, — отвечал Арсибальт.

Игнета Фораль покосилась на Пафлагона, словно говоря: «Когда вы отправите своего сервента зубрить Книгу?» И впрямь, Пафлагон уже бросил салфетку и приготовился встать, но фраа Джад положил руку ему на локоть.

— Вы всегда забываете, — повторил Арсибальт, — и, если хотите, я могу перечислить ещё ряд

пунктов, по которым вы с Орханом неточно воспроизводите поведение матарритов. Это потому, что вы на самом деле не матарриты?

Скрытая капюшоном голова Ж'вэрна дёрнулась: он посмотрел на дверь. Не на ту, через которую вошёл он и другие препты, а на ту, через которую вышел Орхан.

— Ваш охранник нас не слышит, — сказал я. — Мой друг-ита перерезал проволоку микрофона. Звук больше на кухню не идёт.

Ж'вэрн по-прежнему не говорил и не шевелился. Я кивнул сууре Карвалле. Та отдёрнула со стены завесу, и все увидели блестящую сетку из металлической проволоки, которую мы натянули там раньше. Я подошёл к Ж'вэрну и приподнял носком ковёр, показывая такую же сетку на полу. Ж'вэрн обдумывал увиденное.

— Такая сетка используется в животноводстве для ограждений, — сказал я. — Продаётся в экстрамуросе рулонами. Она электропроводна... и заземлена.

— И что это означает? — спросила Игнета Фораль.

— Мы в корзине светителя Бакера! — воскликнула Мойра. В жизни очень старой, уже почти отошедшей от дел лоритки вряд ли случается

много неожиданностей, и для неё даже оказаться внутри птичьего загона тянуло на приключение. Более того, она, видимо, радовалась, что сервенты выполнили её наказ и сделали то, до чего не додумались препты. — Это заземлённая сетка, не пропускающая электромагнитное излучение. Мы информационно закрыты от остального Арба.

— В моём мире, — сказал Ж'вэрн, — мы называем её клеткой Фарадея.

Он встал, сдёрнул стлу с головы и бросил на пол. Я стоял у него за спиной и не видел лица, только изумление и трепет остальных — первых (возможно, после небесного эмиссара) жителей Арба, увидевших живого пришельца. Насколько можно было судить по затылку и торсу, он принадлежал к той же расе, что девушка в спускаемом аппарате. Под чем-то вроде майки был приклеен полилентой маленький прибор. Ж'вэрн сунул руку под майку, отлепил его и бросил на стол вместе с клубком проводов.

— Я — Жюль Верн Дюран с Латерр — планеты, которую вы знаете как Антаркт. Орхан — с планеты Урнуд, которую вы назвали Пангеей. Вам стоит поместить его в клетку Фарадея, пока...

— Уже сделано, — объявил бодрый голос; в мессалон вошёл раскрасневшийся Лио. — Мы

поместили его в отдельную корзину Бакера в буфетной.

И Лио показал ещё один беспроводной передатчик.

— Хорошо придумано, — сказал Жюль Верн Дюран, — но у вас лишь несколько минут. Тех, кто нас слушает, насторожит разрыв связи.

— Мы предупредили сууру Алу, что, возможно, придётся эвакуировать концент, — ответил Лио.

— Это хорошо, — сказал Жюль Верн Дюран, — потому что, с прискорбием должен сообщить, те, кто с Урнуда, представляют для вас опасность.

— И для тех, кто с Латерр, сдаётся, тоже! — Поскольку препты временно не находили слов, Арсибальт, у которого было время подготовиться, взялся поддерживать разговор.

— Верно, — ответил латерранец. — Сразу скажу, что те, кто с Урнуда и Тро — который вы зовёте Диаспом, — согласны между собой и враждебны тем, кто с Фтоса, который вы называете...

— Кватор, методом исключения, — вставил Лодогир.

Я перешёл на такое место, откуда мог видеть Жюля Верна Дюрана, и пережил то же, что остальные несколько секунд назад. Прежде всего в глаза бросались различия, затем сходство, затем

вновь различия между латеррской и арбской расами. Ближайшее сравнение, какое я могу придумать — такое чувство испытываешь, глядя на человека, чьи черты немного искажены врождённым дефектом, — но без того нарушения функциональности, которое подразумевает слово «дефект». И, конечно, ни с чем нельзя сравнить то, что мы чувствовали, понимая, что смотрим на пришельца из иного космоса.

— А что вы и ваши собратья-латерранцы? — спросил Лодогир.

— Расколоты между фтосцами и остальными.

— Вы, как я понимаю, на стороне оси Урнуд—Тро? — спросил Лодогир. — Иначе бы вас сюда не отправили.

— Меня отправили сюда, потому что я лучше всего говорю на орте. Я лингвист. Вообще-то младший лингвист. Мне поручили изучать орт в самом начале, когда он считался малозначительным языком. Мне не доверяли — и не без причин. Орхан, как вы правильно угадали, охранник. Он за мной следит. — Жюль Верн Дюран повернулся к Арсибальту. — Вы меня разоблачили. Я не слишком удивлён, но всё же хотел бы узнать — как?

Арсибальт взглянул на меня.

Я сказал:

— Вчера я попробовал вашу пищу. Она прошла через мой пищеварительный тракт, не изменившись.

— Конечно, ведь ваши ферменты на неё не действуют, — сказал Жюль Верн Дюран. — Примите моё восхищение.

Игнета Фораль настолько пришла в себя, что смогла наконец вступить в разговор:

— От имени верховного совета приветствую вас и приношу извинение за то, как обошлись с вами наши юные...

— Хватит. Это то, что вы называете прехнёй. Некогда, — сказал латерранец. — Миссия, порученная мне командованием военной разведки оси Урнуд—Тро — выяснить, правдивы ли легенды об инкантерах и риторах. Ось Урнуд—Тро, которую они, на своём языке, называют Основанием, очень этого боится; обдумывается возможность упреждающего удара. Отсюда мой вчерашний вопрос, невежливость которого я полностью осознаю.

— Как вы попали сюда? — спросил Пафлагон.

— Десантный рейд на концент матарритов. Мы умеем спускать маленькие капсулы, которые не засекаются вашими датчиками. В капсуле были солдаты и несколько гражданских специали-

стов вроде меня. Солдаты захватили концент. Настоящие матарриты там, они целы, но лишены связи.

— Это крайне агрессивная мера! — возмутилась Игнета Фораль.

— Так справедливо представляется вам, не привыкшим к встречам между разными версиями мира в разных космосах. Но Основание за сотни лет привыкло действовать силой. Когда наши исследователи узнали о матарритах, кто-то заметил, что их одеяния позволят нам замаскированными проникнуть на конвокс. Довольно скоро поступил приказ действовать.

— Как вы путешествуете между космосами? — спросил Пафлагон.

— Времени мало, — сказал Жюль Верн Дюран, — а я не теор. — Он повернулся к суре Мойре. — Вам, должно быть, известен некий способ думать о гравитации, вероятно, появившийся примерно во времена Предвестий и называемый у нас общей теорией относительности. Он исходит из посылки, что масса-энергия искривляет пространство...

— Геометродинамика! — сказала суура Мойра.

— Если решать уравнения геометродинамики для случая вращающейся вселенной, можно

показать, что космический корабль, летя достаточно быстро и достаточно далеко...

— Будет двигаться назад во времени, — закончил Пафлагон. — Да. Это решение нам известно. Впрочем, мы всегда считали его не более чем курьёзом.

— У нас на Латерр его получил наш светитель по имени Гёдель: друг светителя, открывшего геометродинамику. Они были, так сказать, фраа в одном матике. Для нас это решение тоже было скорее курьёзом, хотя бы потому, что сперва неизвестно было, вращается ли наш космос...

— А если не вращается, то решение бесполезно, — сказал Пафлагон.

— В том же институте придумали корабль на атомных бомбах, позволяющий проверить эту теорию.

— Ясно, — сказал Пафлагон. — Значит, Латерр построила такой корабль и...

— Нет, нет! Мы так его и не построили!

— Как и мы, хотя у нас были те же идеи, — вставил Лио.

— Но на Урнуде всё было иначе, — продолжал Жюль Верн Дюран. — У них была геометродинамика. Было решение для вращающейся вселенной. Были космографические свидетель-

ства, что их космос и впрямь вращается. И они придумали корабль на атомных бомбах. Но *они* и впрямь построили несколько таких кораблей. Их вынудила к этому разрушительная война между двумя блоками наций. Она перекинулась в космос; вся солнечная система стала театром военных действий. Последний и самый большой из кораблей звался «Дабан Урнуд», что значит «Второй Урнуд». Он должен был доставить колонистов в ближайшую звёздную систему всего в четверти светового года от Урнуда. Однако на борту произошёл мятеж. Власть захватили люди, понимавшие теорику, о которой я говорил. Они решили взять новый курс: тот, который приведёт их в прошлое Урнуда, где новое командование корабля надеялось изменить решения, положившие начало войне. Но оказались они не в прошлом Урнуда, а в другом космосе, на орбите планеты, очень напоминающей Урнуд...

— Тро, — сказал Арсибальт.

— Да. Так вселенная защищает себя — не позволяет нарушить причинные связи. Если вы пытаетесь сделать что-то, что даст вам возможность нарушить законы причины и следствия — вернуться в прошлое и убить своего дедушку...

— Вас просто выбрасывает в другую, отдельную

причинно-следственную область? Потрясающе! — воскликнул Лодогир.

Латерранец кивнул.

— Вы перескакиваете в совершенно иное повествование, — сказал он, косясь на фраа Джада, — и причинность сохраняется.

— И, сдаётся, сейчас у них это вошло в привычку! — заметил Лодогир.

Жюль Верн Дюран задумался.

— Вы сказали «сейчас», как будто это произошло быстро и легко, но на самом деле между Первым пришествием, когда урнудцы открыли Тро, и Четвёртым, в котором мы все с вами живём, — лежит целая историческая эпоха. Первое пришествие длилось полтора века и оставило Тро в руинах.

— О небо! — воскликнул Лодогир. — Урнудцы и впрямь так ужасны?

— Не совсем. Но это была их первая попытка. Ни урнудцы, ни троанцы не дошли до такого глубокого понимания поликосмизма, как вы. Всё изумляло и потому внушало страх. Урнудцы слишком поспешно ввязались в троанскую политику. Результаты были катастрофические — большей частью по вине самих троанцев. Со временем «Дабан Урнуд» перестроили, чтобы на

нём могли жить обе расы, и он отправился во второе межкосмическое путешествие. На Латерр он прибыл через пятьдесят лет после смерти Гёделя.

— Простите, но почему корабль пришлось так сильно перестраивать? — спросила Игнета Фораль.

— Отчасти по причине износа, — сказал Жюль Верн Дюран, — но главным образом — из-за еды. Каждая раса должна сама обеспечивать себя пищей — почему, ясно из опыта, поставленного фраа Эразмасом. — Он сделал паузу и оглядел мессал. — Теперь моя участь — умереть от голода среди изобилия, если ваши дипломаты не убедят командование «Дабан Урнуда» прислать еду, которую я могу переварить.

Трис (она вернулась в начале разговора) с возгласом: «Мы постараемся спасти оставшиеся латерранские припасы!» — выбежала на кухню.

Игнета Фораль сказала:

— Это будет первой темой любых наших дальнейших переговоров с Основанием.

— Спасибо, — ответил латерранец, — ибо для человека моего происхождения не может быть ничего унизительнее голодной смерти.

— Что случилось во Второе пришествие — на

Латерр? — спросила суура Мойра.

— Я опущу подробности. Всё было не так плохо, как на Тро. Но в каждом космосе, который они посещают, случаются социальные катаклизмы. Пришествие длится от двадцати до двухсот лет. С вашей помощью или без неё, «Дабан Урнуд» будет полностью перестроен. Ни ваше общественное устройство, ни ваша религия в нынешнем виде не устоят. Будут войны. Когда корабль полетит в новое повествование, часть ваших соотечественников отправится на нём.

— Так, если я правильно понимаю, вы и покинули Латерр? — спросил Лодогир.

— О нет, не я. Мой прадед, — ответил гость. — Моя семья пережила путешествие на Фтос и Третье пришествие. Я родился на Фтосе. Здесь, вероятно, произойдёт нечто похожее.

— Если только, — сказала Игнета Фораль, — против нас не используют Сжигатель планет.

Я ещё только учился читать мимику латерранца, но почти не сомневался, что лицо Жюля Верна Дюрана исказил ужас.

— Это чудовищное оружие изобрели на Урнуде в пору великой войны, хотя, должен сознаться, у нас были сходные планы.

— У нас тоже, — сказала Мойра.

— Понимаете, в сознании каждого урнудца глубоко укоренено подозрение, что с каждым пришествием они попадают в более идеальный мир — более близкий к тому, что вы называете Гилеиным теорическим миром. Некогда пересказывать детали, но мне самому часто думалось, что Урнуд и Тро — менее совершенная версия Латерр, а Фтос для нас то же самое, что мы для Тро. Теперь мы попали в следующий мир, и Основание страшится, что жители Арба обладают качествами и способностями для нас не просто недоступными, но и непостижимыми. Оно крайне чутко относится ко всему, что представляется такими качествами...

— Отсюда высадка десанта и смелая военная хитрость, чтобы разузнать про инкантеров, — сказал Лодогир.

— И риторов, — напомнил ему Пафлагон.

Мойра рассмеялась:

— Снова политика Третьего разорения! Только бесконечно более опасная.

— И ваша... наша беда, что их не разубедить никакими силами, — сказал Жюль Верн Дюран.

— Быстро: Атамант и медная чаша? — спросил Лодогир.

— Был такой латерранский философ Эдмунд

Гуссерль; он держал у себя на столе медную пепельницу, о которой упоминает в своём трактате, — сказал латерранец. Если я правильно прочёл выражение его лица, он немного смутился. — Я сильно приукрасил историю. Рассказ об исчезнувшей царапине, разумеется, придуман от начала до конца, чтобы вытянуть из вас, существуют ли на Арбе люди с такими же способностями.

— Как вы думаете, сработала ли уловка? — спросила Игнета Фораль.

— Ваша реакция ещё больше насторожила моё начальство. Мне приказали сегодня действовать более настойчиво.

— Но решение пока не принято.

— Я уверен, что они приняли его *сейчас*.

Пол у нас под ногами заходил ходуном, воздух наполнился пылью. В наступившей тишине прозвучала серия взрывов. Я успел насчитать двадцать. Это длилось примерно четверть минуты. Лио объявил:

— Не пугайтесь. Всё идёт по плану. Мы взорвали заряды под несколькими секциями внешней стены, чтобы все могли быстро покинуть концент, не создавая давку в дневных воротах. Эвакуация началась. Посмотрите на бирки.

Я вытащил свою из-под складок стлы. На бирке,

как на экране картаблы, горела цветная карта окрестностей. Мой путь эвакуации отмечала красная линия. Поверх было схематическое изображение рюкзака с мигающим вопросительным знаком.

Препты сделали решающий шаг — отодвинулись от стола. Они глядели на свои бирки и обменивались замечаниями. Лио запрыгнул на стол и громко топнул ногой. Все подняли глаза.

— Хватит разговаривать! — потребовал он.

— Но... — начал Лодогир.

— Ни слова. Вперёд!

Я никогда не слышал, чтобы Лио говорил таким голосом, но слышал нечто подобное на улицах Махща. Значит, Лио упражнял не только тело, но и голос: учился у долистов использовать его в качестве оружия. Препты вереницей потянулись к парадной двери, на ходу закидывая на спину рюкзаки. Я бочком протиснулся мимо них в коридор, поднял свой рюкзак и снова взглянул на бирку. Картинка с вопросительным знаком исчезла. Я вошёл в кухню. Трис и Лио помогали Жюлю Верну Дюрану укладывать остатки его еды в мешки и корзины.

Я вышел через заднюю дверь Аврахонова владения на улицу, где полным ходом шла эвакуация

древнего концента Тредегар.

Тысячами футов выше на кровли милленарского матика садились воздухолёты.

Вся эта система с бирками и рюкзаками казалась мне и многим из тех, с кем я говорил, оскорбительной, как будто концент — летний лагерь для пятилетних детей. Однако за пятнадцатиминутную пробежку по Тредегару я оценил её разумность. Всякий, даже самый элементарный план ведёт к грандиозной неразберихе, когда тысячи людей пытаются осуществить его одновременно. Темнота возводит количество неразберихи в квадрат, спешка — в куб. Люди, потерявшие бирки или рюкзаки, метались в большей или меньшей панике, но в основном они стягивались к грузовикам с репродукторами, из которых неслось: «Если вы потеряли бирку или рюкзак, идите сюда!» Кто-то подвернул ногу, кто-то задыхался, кому-то стало плохо с сердцем — к ним бежали военные медики. Прасуур и прафраа, не поспевавших за остальными, подхватывали на закорки фиды. Зачарованные своими бирками люди с грохотом сталкивались, падали, разбивали носы, ругались, кто виноват. Я раза два останавливался возле пострадавших, но медики работали на удивление чётко и довольно

грубо советовали мне не путаться под ногами. Во всём чувствовался Алин почерк. Убедившись, что эвакуация в целом идёт нормально, я прибавил темп и побежал через рощу страничных деревьев в густой кроне листьев, которые уже никто не соберёт, к пролому в древней стене. Пролом был завален щебнем. В свете направленных со стороны экстрамуроса прожекторов пыльный воздух светился белесовато-голубым заревом, по земле метались длинные тени инаков, перебиравшихся через груду щебня. Солдаты освещали фонариками опасные места и резкими голосами давали указания тем, кто спотыкался или замирал в нерешительности. Красная линия на моей бирке вела через брешь, и я направился туда, стараясь не думать, сколько веков простояли камни, по которым я ступаю, и не вспоминать про инаков, вытесавших их и пригнавших один к другому.

За стеной начиналась открытая полоса, служившая местным парком. Сегодня она превратилась в стоянку для военных грузотонов: обычных бортовых машин, на которые установили брезентовые тенты. Сперва я видел только ближайшие к пролому, потому что их окружал ореол света, однако бирка требовала идти дальше. Углубившись во тьму, я понял, что грузотоны разбросаны

на площади примерно в квадратную милю. Я слышал, как работают на холостом ходу их двигатели, видел холодное мерцание светоносов, сфер в руках у спешащих инаков, приборных панелей, отражённых в глазах водителей. В самих машинах все огни были потушены.

Что-то нагнало меня, разделилось и пронеслось дальше. Я скорее почувствовал его, чем услышал — взвод долистов в чёрных стлах, бесшумно пробежавший во тьме.

Несколько минут я бежал трусцой, часто петляя, потому что бирка направляла меня прямиком через стоящие грузовики. Я увидел справа ещё один пролом со своею горою света, потом, за поворотом стены, следующий. Оттуда по-прежнему лился поток инаков, поэтому у меня не было ощущения, что я последний. То тут, то там одинокий инак приближался к откинутому заднему борту грузотона, переводил взгляд с него на свою бирку, и на освещенном экраном лице крепла уверенность: «Да, мне сюда». Из темноты высовывались руки, помогая ему забраться в кузов, слышались приветственные возгласы. Все были странно веселы — в отличие от меня и немногих остальных инаки не знали, во что мы ввязываемся.

Красная линия вывела меня за последний из припаркованных грузотонов. Оставалась только одна машина, способная вместить ощутимых размеров ячейку: автобус, обклеенный яркими фототипиями ликующих игроков. Видимо, его реквизировали в казино. Я не мог поверить, что мне туда, но всякий раз, как я пытался обойти автобус, красная линия упрямо перестраивалась к нему. Так что я подошёл к боковой двери и заглянул внутрь. Там сидел водитель в военной форме, освещённый экраном своей жужулы.

— Эразмас из Эдхара? — сказал он, видимо, прочитав сигнал от моей бирки.

— Да.

— Приветствую тебя в ячейке триста семнадцать. — Водитель движением головы показал, чтобы я забирался внутрь. — Шестеро на месте, пятерых ждём, — пробормотал он, когда я проходил мимо него. — Рюкзак положишь на сиденье рядом с собой. Быстрей, быстрей.

В центральном проходе и на нижней стороне багажных полок была наклеена фосфоресцирующая лента, тускло освещавшая сиденья и людей на них. Первые два ряда занимали военные с жужулами, видимо офицеры. Через несколько пустых рядов я увидел знакомое лицо — Самман-

на, — освещённое, как всегда, его супержужулой. Однако вместо того, чтобы по обыкновению ухмыльнуться, он только стрельнул глазами назад.

В темноте за ним я разглядел несколько рядов кресел: рядом с каждым рюкзаком сосредоточенно склонилась бритая голова.

Я остановился так резко, что инерция рюкзака чуть не сбила меня с ног. В голове пронеслось: «Идиот, ты впёрся не в тот автобус!» — а ноги хотели сами повернуть к выходу, пока водитель не закрыл дверь и не тронулся.

Тут я вспомнил, что он приветствовал меня по имени и велел заходить внутрь.

Я взглянул на Самманна. Он принял тот мученический вид, который только ита умеют изобразить по-настоящему, и пожал плечами.

Я бросил рюкзак на свободный ряд и сел, но прежде оглядел долистов. Это были фраа Оза, пе-эр, суура Вай — та, что зашивала меня леской, суура Эзма, выплясывавшая на площади Махща перед снайпером, и фраа Грато, своим телом заслонивший меня от вожака гытосов и позже его обезоруживший.

Некоторое время я сидел неподвижно, гадая, как подготовиться к тому, что нам предстоит, и желая, чтобы оно просто началось без всякой

подготовки.

Следующим в автобус вошёл Джезри. Он увидел то же, что и я, и на его лице отразились сходные чувства, хоть и не такие сильные. Он уже пережил нечто подобное, когда его выбрали для полёта в космос, так что ему было не привыкать. Проходя мимо, он хлопнул меня по плечу.

— Рад, что мы вместе, мой фраа, — сказал он. — Лучшей компании, чтобы отправиться на тот свет, я бы и пожелать не мог.

Мне вспомнился наш разговор во время апперта.

— Ты получил, что хотел.

— Даже с избытком, — ответил он, плюхаясь на сиденье через проход от меня.

Через несколько минут к нам присоединился фраа Джад. Он сел один сразу за офицерами и кивнул мне. Я кивнул в ответ. Чуть позже долисты один за другим подошли к нему и засвидетельствовали своё почтение.

Вошли два ита — сперва девушка, потом парень. Они минут пять стояли рядом с Самманном, диктуя друг другу какие-то числа. Я уже думал, что у нас в ячейке будет три ита, но тут они вышли, и больше мы их не видели.

Фраа Арсибальт полминуты стоял в проходе

рядом с водителем и размышлял, не броситься ли ему наутёк. Затем глубоко вдохнул, как будто хотел вобрать весь воздух в автобусе, решительно прошёл вдоль кресел и сел рядом с Джезри.

— Кому в этой истории положен именной витраж, так это мне, — сказал он.

— Может быть, твоим именем назовут орден или концент, — предположил я.

— Да, если к окончанию Пришествия они ещё будут существовать.

— Брось, мы — Гилеин теорический мир этих пришельцев! — воскликнул я. — Как они могут нас уничтожить?

— Сделав так, чтобы мы себя сами уничтожили.

— Поздравляю, — сказал Джезри. — Ты, Арсибальт, только что назначил себя штатным идеологом ячейки номер триста семнадцать.

Джезри не понял некоторых наших с Арсибальтом фраз, и мы принялись объяснять, что произошло на мессале. В середине рассказа по ступеням поднялся Жюль Верн Дюран, обвешанный сумками, бутылями и корзинами. Его наверняка приписали к нашей ячейке в последний момент — такого Ала предусмотреть не могла. С минуту он затравленно озирался, потом — если я пра-

вильно прочёл выражение его лица — заметно повеселел.

— Человек, чьё имя я ношу, был бы невероятно горд! — Латерранец двинулся по проходу, представляясь Жюлем каждому члену ячейки триста семнадцать по очереди. — Я буду счастлив умереть от голода рядом с такими достойными людьми!

— Видать, этого пришельца назвали в честь кого-то и впрямь выдающегося, — пробормотал Джезри, когда Жюль отошёл на пару рядов.

— Друг мой, в предстоящих нам приключениях я расскажу вам про него всё! — воскликнул Жюль, расслышавший слова Джезри; судя по всему, латерранец обладал незаурядным слухом.

— Десять на месте, одного ждём, — крикнул водитель кому-то, очевидно, стоящему у ступеней.

— Отлично! — произнёс знакомый голос. — Трогаемся!

Лио запрыгнул в автобус, дверь с шипением закрылась, и мы тронулись. Лио, как перед ним Жюль, пошёл между рядами; он каким-то образом ухитрялся сохранять равновесие, несмотря на то, что автобус подпрыгивал на кочках. Незнакомым он пожимал руку, членов старой эдхарской команды обнял так, что хрустнули кости, долистам

поклонился. Однако я заметил, что даже фраа Оза склонился перед Лио ниже и официальнее, чем Лио перед ним. Это был первый намёк, что Лио — руководитель нашей ячейки.

Через двадцать минут мы были на аэродроме. Эскорт военных машин позволил нам домчаться туда без задержки. Нам не пришлось покупать билеты и проходить досмотр: автобус проехал через охраняемые ворота прямо на поле и остановился рядом с военным воздухолётом, способным перевозить практически что угодно, но сегодня приспособленном для пассажиров. Офицеры на передних сиденьях оказались его экипажем. Мы прошли десять шагов и по приставному эскалатору поднялись в салон. Я не радовался. Не горевал. А главное — нисколько не удивлялся. Я отчётливо видел Алину логику: как только она внутренне приняла своё «ужасное решение», остался один путь: довести его до конца. Собрать всех самых близких людей вместе. Для неё риск увеличивался — риск до конца жизни винить себя в нашей гибели. Однако для каждого из нас по отдельности риск уменьшался, потому что мы могли помогать друг другу. А если мы и погибнем, то в хорошей компании.

— Есть ли способ отправить сообщение сууре

Але? — спросил я Самманна после того, как все расселись и моторы взревели, заглушая интонации моего голоса. — Я хочу передать, что она была права.

— Запросто, — ответил Самманн. — Ещё что-нибудь — раз уж я всё равно буду открывать канал?

Я задумался. Хотелось — и даже нужно было — сказать очень многое.

— Канал приватный? — спросил я.

— Не глупи.

— Тогда больше ничего.

Самманн пожал плечами и повернулся к жужуле. Воздухолёт рванул вперёд. Я плюхнулся на сиденье, нащупал холодную пряжку и пристегнул ремень.

ЧАСТЬ 11. Пришествие

> ***Теглон**, исключительно сложная геометрическая задача, над которой бились многие поколения теоров в Орифене и позже по всему Арбу. Цель — замостить правильный десятиугольник набором из плиток семи различных форм в соответствии с определёнными правилами.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Не знаю, спал ли я, но если спал, то разбудил меня красный свет. Не холодный алый, как у аварийной сигнализации, а тёплый, розовато-оранжевый, рассеянный. Он проникал в иллюминаторы: редкие и маленькие. Я отстегнул ремень и на ватных ногах (они затекли от неудобной позы) проковылял к ближайшему. Мне предстал впечатляющий рассвет над заснеженной местностью, похожей на ту, которую я пересёк на санях.

В первый миг я спросонья вообразил, что мы возвращаемся на Экбу, но не сумел отыскать знакомые хребты и ледники. Я привычно взглянул

на Самманна, надеясь, что он сверится с картой. Однако Самманн был занят. Он сидел рядом с Жюлем Верном Дюраном; на обоих были наушники. Самманн просто слушал, Жюль то слушал, то говорил, но говорил больше. Иногда он что-то рисовал на Самманновой жужуле, и Самманн отправлял изображение.

Меня разобрала злость. Присутствие латерранца в ячейке номер 317 было чем-то вроде медали, которой нас наградили. С ним мы получили возможность узнать и сделать больше других. На что я не подписывался, так это на беспроводной доступ в авосеть, по которому любой бонза может выкачать из Жюля что пожелает. Так в нём ничего ценного не останется! Из-за гула моторов я не мог разобрать ни слова, но видел, что Жюль говорит уже давно, что он устал, подыскивает слова, возвращается к началу фразы, чтобы поправить согласование. Орт чудовищно труден; просто чудо, что Жюль так хорошо его освоил за каких-то два года (столько, по нашим прикидкам, Геометры получали сигналы с Арба). Либо латерранцы гораздо умнее нас, либо Жюль феноменально одарён.

Арсибальт не спал и расхаживал по проходу между креслами. Сейчас он подошёл ко мне.

Мы начали перекрикиваться и вскоре общими усилиями сообразили, что летим по более восточному меридиану, чем тот, на котором лежит Экба. Догадка подтвердилась, когда льды и тундру сменила более умеренная зона; лесов здесь было много, городов — мало.

Неудивительно, что многие не спешили просыпаться: мы пролетели больше шести часовых поясов. Я думал, будто проспал всю ночь, а на самом деле даже не вздремнул толком.

Лио сидел один на первом ряду и делал попытки сдружиться с армейского вида жужулой. Увидев, что он её отложил, я подошёл и сел рядом.

— Заглушили, — объяснил Лио.

Я обернулся на Самманна и Жюля. Они снимали наушники. Самманн, поймав мой взгляд, с досадой развёл руками. А вот Жюль, похоже, радовался, что их отрезало от авоськи; он тяжело осел в кресле, закрыл глаза и принялся массировать сперва лицо, затем голову.

Я снова повернулся к Лио.

— Можно было это предвидеть.

Однако Лио впал в очередной транс и не воспринимал слов. Я схватил жужулу, шлёпнул его ею по плечу, развёл руками и отбросил жужулу в сторону. Лио некоторое время озадаченно смот-

рел на меня, потом улыбнулся.

— Ита наверняка поддерживают авосеть по наземным каналам и всему такому, — сказал он. — Мы снова подключимся, как только сядем.

— Какие у тебя приказы? — спросил я.

— Залечь. Что мы сейчас и делаем. И остальные ячейки тоже.

— А что потом?

— Там, куда мы летим, установлено оборудование. Мы должны его освоить.

— Что за оборудование?

— Не знаю, но вот тебе намёк: за обучение отвечает Джезри.

Я глянул на Джезри, который захватил целый ряд и, соорудив вокруг себя что-то вроде амфитеатра из документов, напряжённо их штудировал. Я по опыту знал, что когда он в таком состоянии, его лучше не отвлекать.

— Мы отправляемся в космос, — заключил я.

— Ну, — сказал Лио, — вот тут-то и проблема.

Я решил воспользоваться гулом моторов и тем, что связь не работает.

— Есть ли новости о Всеобщих уничтожителях?

У Лио стало такое лицо, будто его укачало в воздухолёте.

— Наверное, я могу тебе объяснить, как они работают.

— Валяй.

Лио сделал движение, будто хочет ударить меня в скулу, но лишь слегка коснулся её кулаком, заставив меня отклонить голову.

— Почти во всех способах убийства главное — энергия и способ её доставки, — сказал он. — Кулаки, дубинки, мечи, пули, лучи смерти — цель их всех бросить в противника энергию.

— Как насчёт ядов? — спросил я.

— Я сказал «почти во всех». Не кефедокли. Лучше ответь: какой самый концентрированный источник энергии люди знали ко времени Ужасных событий?

— Ядерный распад.

Лио кивнул.

— И самый глупый способ его использовать, — сказал он, — расщепить кучу ядер над городом и всё сжечь. Метод работает, но при этом уничтожается много того, чего уничтожать не надо. Лучше убивать только людей.

— И как это сделать?

— Чтобы убить человека, довольно микроскопической порции радиоактивного вещества. Проблема в том, чтобы убивать тех, кого хочешь.

— Так это сценарий грязной бомбы?

— Нет, всё куда изящнее. Был создан реактор размером с булавочную головку. Крохотный механизм с движущимися частями и несколько видами радиоактивных материалов внутри. Выключенный он практически инертен. Можно есть эти реакторы ложками, и вреда от них будет не больше, чем от цельнозерновых булочек сууры Эфемулы. Включённый реактор излучает нейтроны во все стороны и убивает всё живое в радиусе до полумили. Радиус зависит от времени действия.

— И как его доставляют? — спросил я.

— Как угодно, — ответил Лио.

— А что его включает?

Лио пожал плечами.

— Температура человеческого тела. Пот. Звук голоса. Таймер. Некоторые генетические цепочки. Радиопередача. Отсутствие радиопередачи. Продолжать?

— Нет. Скажи лучше, какие способы доставки и включения рассматривает мирская власть *сейчас*?

— Не забывай, что вывести массу на орбиту — дело дорогостоящее. Легче запустить тысячу Всеобщих уничтожителей, чем одного чело-

века. Если подвести к «Дабан Урнуду» хотя бы несколько...

— Ага, теперь стратегия мне понятна. Напрашивается крайне неприятная мысль...

— Не нам ли поручат их доставить? Думаю, нет. Мы если и будем играть какую-то роль, то скорее отвлекающую.

— Мы отвлечём внимание Геометров, — перевёл я, — а тем временем мирская власть каким-то другим способом запустит на орбиту Всеобщие уничтожители.

Лио кивнул.

— Очень вдохновляюще, — сказал я.

— Я могу ошибаться, — заметил он.

Мне захотелось выйти и подышать свежим воздухом, но поскольку это было невозможно, я просто немножко погулял между креслами. Жюль Верн Дюран спал. Самманн сгорбился над жужулой. Но она же заглушена? Глянув ему через плечо, я понял, что он занят какими-то вычислениями.

Я посмотрел на Джезри. Он и впрямь разбирал инструкцию к скафандру. Мне пришлось вглядеться, но после второго взгляда сомнений не осталось. Суура Вай на соседнем ряду изучала очень похожие документы, время от времени ме-

няясь ими с Джезри. Остальные долисты спали. Фраа Джад бодрствовал и пел, хотя мой слух с трудом отличал его монотонное басовое гудение от рёва моторов. Я снова подошёл к иллюминатору.

Мы пролетали над старым, сглаженным горным хребтом. Дальше до самого горизонта простиралась бурая равнина — выжженная солнцем степь. Воздухолёт снижался. Внизу мелькнула река. Затем промышленная зона небольшого города. Мы приземлились на военной базе, которая, казалось, уходила в бесконечность: место было такое ровное и такое пустынное, что строители не видели резона ставить дома тесно.

Подъехал военный грузотон с брезентовым верхом. Окон не было, смотреть мы могли только назад через неплотно задёрнутый тент. В облаке пыли из-под колёс ветвились улочки древнего, довольно бедного городка. По дороге разгуливали домашние животные, люди тащили на себе тяжести, которые в другом месте доверили бы колёсному транспорту. Внезапно всё стало тесным и древним, из жёлтого кирпича под разноцветной черепицей. Над нами пронеслась тяжёлая тень, как от заходящего для обстрела воздухолёта. Но нет, мы всего лишь проехали под аркой в толстой стене. Трижды за нами закрывали и запирали

тяжёлые створки ворот. Наконец грузотон остановился на мощёной площади. Мы вылезли и увидели, что стоим во внутреннем дворе древнего четырёхэтажного здания. Цветущие лианы со стволами толщиной в мой торс взбирались по камням, кирпичу и кованым железным решёткам. В центре двора бил фонтан. Плодовые деревья в горшках — невысокие, с изогнутыми стволами — давали островки тени; если бы не они, во дворике было бы изнуряюще жарко.

— Добро пожаловать в караван-сарай Эльхазга, — произнёс кто-то на красивом, правильном орте. Мы повернулись и увидели в тени дерева старика, словно перенесшегося сюда из другого места: он принадлежал к этнической группе, которую мы привыкли ассоциировать с противоположной стороной Арба. — Я — здешний преемник. Меня зовут Магнат Фораль, и я буду рад оказать вам гостеприимство.

Затем Фораль вкратце рассказал нам историю Эльхазга. Я по первым же ключевым словам вспомнил, в общих чертах, что слышал об этом месте фидом. Эльхазг был одним из старейших картазианских матиков: его основали инаки, видевшие падение База и лично знавшие ма Картазию. Они пришли через леса и горы и вы-

строили матик практически в чистом поле, на берегу старицы в нескольких милях от пересечения реки и крупного торгового тракта. Таким образом инаки могли при необходимости обменивать плоды своих рук на чужие товары, но в прочее время оставались в стороне от суеты и опасностей большой дороги. Века спустя из-за бурной оттепели после суровой зимы (что-то связанное с ледяными заторами) река сменила русло и вновь потекла через бывшую старицу. К тому времени вокруг Эльхазга существовало относительно стабильное и процветающее мирское поселение. Там и возникла новая переправа.

Инаки определённого склада перебрались бы в менее людные места, например, в горы. Эльхазгские иерархи были не такие: они заметили, что караваны везут не только ткани, меха и пряности, но также книги и свитки. Они придумали компромисс, узнав о котором ма Картазия выпрыгнула бы из халцедонового саркофага и бросилась на них с разбитой бутылкой: выстроили рядом с матиком караван-сарай и пустили через реку паром. В качестве платы эльхазгские фраа и сууры требовали разрешения снять копию с каждой книги и свитка, переправляемых на другой берег. Эльхазгцы копировали даже те

книги, которых не понимали. Более того, вскоре они стали толковать условие расширительно: срисовывать также геометрические орнаменты с тканей, керамики и других товаров. Ибо эти фраа и сууры питали особый интерес к планиметрии и задачам о замощении. Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что Эльхазг в представлении теоров всего мира стал синонимом задач о замощении. Формы плиток и теоремы об их свойствах получали имена здешних светителей либо конкретных полов или стен в матическом комплексе.

Концента здесь больше не было. В эпоху Пробуждения книги из библиотеки рассеялись по всему свету, где с них сняли множество копий, а здания попали в частные руки. После Реконструкции новый матик на месте старого не возник. Магнат Фораль не сказал прямо, но легко было догадаться, что Эльхазг приобрела некая долгоживущая финансовая структура, вроде той, что владеет Экбой (если не та же самая).

Фраа Джад пропустил вступительную часть и ушёл в другой дворик. Эльхазг был обширен и богат, с бесчисленными дворами, и на карте плотности городского населения выглядел бы чёрной дырой: здесь жили только Магнат Фораль,

ещё один мужчина (его партнёр по отношениям), несколько захожих инаков (их всех вчера спешно выставили за дверь) и небольшой персонал уборщиков — по совместительству хранителей и сторожей. Ибо одна из проблем с такого рода произведениями искусства (то есть мозаикой из плиток на стене или на полу) в том, что их не погрузишь на тачку и не отвезёшь в музей.

Здесь мой мозг должен был бы отключиться: с эксперимента под кустом в Тредегаре прошли полтора суток, крайне насыщенных событиями, и за всё это время я практически не вздремнул. Однако красота Эльхазга била в глаза, даже если не знать, что каждая мозаика — не просто завораживающее произведение искусства, а ещё и глубокое теорическое утверждение на языке, которого я от усталости или по глупости не понимаю. Она действовала, как инъекция вытяжки из дурнопли или чего-то подобного, даря мне лишний час бодрствования за счёт здравости рассудка. Когда я закрывал глаза, давая им роздых от неумолимого великолепия, из тьмы выползали вопросы. То, что наш хозяин и госпожа секретарь носят одну фамилию, безусловно, занятно. Случайно ли ячейку номер 317 отправили именно сюда? Конечно, нет. Так почему мы здесь? Не-

известно. Биться ли над загадкой сейчас? Нет: это так же бесполезно, как пытаться вникнуть в значение узоров, которые покрывали все поверхности вокруг меня и как будто пытались через сомкнутые веки пролезть в мозг.

Один из дворов — разумеется! — имел форму десятиугольника. Туда и ушёл фраа Джад. Некий гениальный геометр древности (а может быть, синап) сложил теглон. Мы впервые видели полное решение и довольно долго его разглядывали. По краям двора стояли корзины с теглоновыми плитками разных цветов; фраа Джад вытащил их и теперь задумчиво двигал ногой. Мне подумалось, что я ни разу не видел его спящим. Может, у тысячелетников это происходит как-то иначе. Мы оставили фраа Джада наедине с теглоном. Остальных Магнат Фораль проводил в Старый клуатр, который не перестраивался пять тысяч лет: здесь не было ни электричества, ни даже канализации. Каждому из нас отвели по келье. В моей была лежанка и много плиток. Я закрыл невообразимо ветхие ставни, чтобы не смотреть на плитки (и соответственно о них не думать), бухнулся на колени и ощупью отыскал лежанку.

— Мне подумалось, — сказал Арсибальт, когда мы с ним оба проснулись и вышли из келий, — у

нас ведь такого нет.

— «Мы» в данном случае означает?..

— Современный, постреконструкционный матический мир.

— А «такое»?

Он развёл руками и огляделся, словно говоря: «Ты что, ослеп»?

Мы стояли у стола в нише на первом этаже: одной стороной она открывалась в клуатр. Пол клуатра покрывали тысячи одинаковых серпообразных плиток, с машинной точностью уложенных в неповторяющийся спиральный орнамент, при одном взгляде на который у меня закружилась голова. Я повернулся спиной к мозаике и взглянул на стол, где лежал каравай хлеба, такой тёплый, что от его края поднимался пар: Арсибальт, большой любитель горбушек, уже отломил с одного боку хрустящую корочку. Каравай состоял из нескольких жгутов теста, сплетённых в узор, который наверняка имел большое значение для теорики узлов и носил имя какого-нибудь эльхазгского светителя.

— У нас нет ничего настолько древнего. Это... это фантастика, — продолжал Арсибальт с набитым ртом.

— Наверное, есть разные способы остаться

нерушимыми, — сказал я, отламывая хлеб и садясь за стол (разумеется, невероятно древний и украшенный мозаикой из экзотических пород дерева). — Можно просто перестать быть матиком.

— И таким образом избежать разорений.

— Верно.

— Но какого рода общность может владеть чем-то на протяжении четырёх тысяч лет?

— Этот же вопрос я задавал себе на Экбе.

— Тогда ты думаешь над ним дольше меня, фраа Эразмас.

— Можно сказать и так.

— И что же ты надумал?

Я, оттягивая ответ, жевал хлеб — возможно, самый вкусный в моей жизни.

— Мне это безразлично, — сказал я наконец. — Меня не интересует устав, схема организации, финансовое состояние и нудная история Преемства.

Арсибальт ужаснулся.

— Но разве тебя это не изумляет?

— Изумляет, — признал я. — В том-то и беда. Я доизумлялся до того, что больше не могу. Мне надо выбрать максимум два повода для изумления.

— Могу предложить один, — сказал Самманн. Он вошёл в клуатр из прилегающего дворика

(где, видимо, был доступ в авосеть), сел рядом со мной и положил на стол жужулу. На экране были те самые вычисления, которые я заметил ещё в воздухолёте.

— Хронология, — сказал Самманн. — По словам Жюля, «Дабан Урнуд» отправился в первый межкосмический перелёт восемьсот восемьдесят пять с половиной лет назад.

— Чьих лет? — спросил Джезри, сбегая по ступеням своей кельи на аромат горячего хлеба. Он, как борец, схватился с караваем и оторвал кусок.

— В этом-то, разумеется, и вопрос, — улыбнулся Самманн.

Арсибальт заметил на буфете графин и принялся разливать воду в глиняные стаканчики, украшенные геометрическим орнаментом.

— Если урнудский год примерно соответствует нашему, то это большой срок, — сказал я. — Спасибо, фраа Арсибальт.

— Урнудцы, а позже троанцы подолгу странствовали между Пришествиями. Жюль говорит, возможно, именно это испортило их характер.

— Известен ли коэффициент пересчёта? — спросил Джезри, тоном показывая, что не даст увести разговор в сторону.

— Этим я и занимался. — Самманн благодарно

кивнул Арсибальту и отпил воды. Эльхазгский климат вытягивал из тела всю жидкость. — Беда в том, что Жюль — языковед и никогда не интересовался такими вопросами. Он помнит хронологию в урнудских годах, но не знает, как пересчитать их в арбские. Однако я смог вычислить коэффициент, опираясь на некоторые зацепки...

— Какие? — спросил Джезри.

— Покуда мы эвакуировались из Тредегара, отряд долистов захватил штаб-квартиру псевдоматарритов. Теперь у нас в руках документы и синапы, которые ребята с Урнуда и Тро не успели уничтожить. Мои собратья всё ещё виртуализируют синапы... не важно. Главное, что на некоторых документах стоят даты в урнудских годах, и эти даты можно сопоставить с недавними событиями на Арбе.

— Погоди! Разве мы можем прочитать документ на урнудском? — спросил Арсибальт, усаживаясь за стол и отрывая себе вторую горбушку.

— Не можем. Но криптоаналитик видит, что многие документы имеют один формат, и находит в них последовательность символов, которая по всем признакам обозначает дату. Имена собственные записаны фонетическим алфавитом: урнудцы вытаскивают его на свет при открытии

каждой новой планеты. Он тоже расшифровывается элементарно. И если мы видим в документе фонетическую запись «Джезри», а рядом имя его сокурсанта на пленарии...

— Мы можем заключить, что это отчёт о пленарии, на котором я выступал после возвращения из космоса, — сказал Джезри. — Его арбская дата нам известна. Отлично. Я согласен, что эти данные позволили тебе прикинуть коэффициент пересчёта из арбских лет в урнудские.

— Да, — сказал Самманн. — Остаётся погрешность, но я предполагаю, что в арбском летосчислении первое межкосмическое путешествие урнудцев началось девятьсот десять плюс-минус двадцать лет тому назад.

— То есть восемьсот девяносто — девятьсот тридцать лет назад, — перевёл я, но на этом мои способности делать арифметические вычисления в столь раннее время суток полностью исчерпались. Самманн пристально смотрел мне в глаза, словно говоря: «Да проснись же наконец и включи мозги!», но я всегда плохо считал в уме, а на людях — особенно.

— Между две тысячи семьсот шестидесятым и две тысячи восьмисотым годом от Реконструкции? — вступил в разговор новый голос. Я поднял

голову и увидел Лио; он шёл через клуатр вместе с Жюлем Верном Дюраном. Судя по их виду, оба встали уже давно — надо думать, Лио выкачивал из латерранца информацию.

— Да! — воскликнул Самманн. — Время Третьего разорения!

Подошёл один из служителей Эльхазга, неся таз с очищенными и нарезанными фруктами. Он принялся раскладывать их по мискам, которые мы тут же передавали по кругу.

Жюль отломил кусок хлеба и начал жевать. Я удивился, зная, что он не может усваивать нашу пищу, потом сообразил, что он хочет таким способом обмануть голод.

— Секундочку, — сказал Джезри. — Ты выдвигаешь теорию, что тут есть причинно-следственная связь? Что урнудцы отправились в путешествие *из-за* какого-то события на Арбе?

— Я просто говорю, что есть совпадение, о котором стоит поразмыслить, — ответил Самманн.

Мы ели и думали. Я начал есть раньше других, поэтому вкратце пересказал Джезри и Лио, а также тем, кто присоединялся к нам по ходу трапезы (в частности, трём долистам), суть наших бесед на мессале о Множественности миров. Я изложил концепцию фитиля, согласно которой Арб может

быть Гилеиным теорическим миром для других миров, таких как Урнуд. Пришлось объяснять новоприбывшим, о чём мы говорили раньше, так что разговор ветвился и через несколько минут перешёл в общий гвалт.

— Итак, согласно этому сценарию, информация *может* течь от Арба к Урнуду, — громко объявил Джезри, заставив всех прочих умолкнуть. — Но с какой бы стати Третье разорение подействовало на капитана урнудского звездолёта именно так?

— Фраа Джезри, Самманн не случайно упомянул о погрешности, — сказал Арсибальт. — Причиной могло стать что угодно, происшедшее в нашем космосе между две тысячи семьсот шестидесятым и две тысячи восьмисотым годом. Напомню тебе, что этот период включает...

— События, *приведшие* к Третьему разорению, — брякнул я.

Тишина. Неловкость. Все отвели глаза. И только Жюль Верн Дюран смотрел прямо на меня и кивал. Я вспомнил, как на мессале он бесстрашно затрагивал болезненные темы, и решил взять пример с него.

— Мне надоели экивоки, — сказал я. — Всё сходится. Фраа Клатранд из Эдхара — вершина айсберга. Другие — кто знает, сколько тысяч?

— разрабатывали тот же праксис. И проциане, и халикаарнийцы. Трудно сказать, каковы возможности этого праксиса. Кое-какое представление о них даёт незапланированный сбой — история с динозавром на парковке. Реакция мирян нам известна. Записи были уничтожены, тех, кто владел этим праксисом, перебили. Но остались Три нерушимых. Неизвестно, чем занимались с тех пор люди вроде фраа Джада. Наверняка они всего лишь сохраняли этот праксис...

— Поддерживали огонь, чтобы не погас, — вставил Лио.

— Да, — сказал я. — Но что-то, что они сделали примерно в две тысячи семьсот шестидесятом, в самый расцвет праксиса, стало сигналом, который каким-то образом приняли урнудские теоры.

— И они устремились на него, как на звук обеденного гонга? — подхватил Лио.

— Как мы — на аромат этого хлеба, — кивнул я.

— Может быть, фраа Эразмас, наших сотрапезников привлёк сюда не только запах хлеба, — сказал Арсибальт, — но и гул разговора. Полурасслышанные слова, непонятные с такого расстояния, но достаточно интригующие для

всякого разумного существа, которое их уловило.

— Ты хочешь сказать, — подхватил я, — что-то похожее произошло с урнудскими теорами на корабле, когда они уловили... не знаю... эманации, намёки, сигналы, идущие по фитилю с Арба.

— Именно так, — сказал Арсибальт.

Все повернулись к Жюлю. Заглушив голод пищей, которую не может переварить, он достал из сумки немножко латерранской еды и теперь подкреплял силы тем, что его организм способен усвоить. Заметив обращённые на себя взгляды, Жюль пожал плечами и проглотил то, что было во рту.

— Не ждите, что Основание вам всё объяснит. Да, девятьсот лет назад оно состояло из рационально мыслящих теоров. Но за долгие, тёмные века странствий они стали чем-то вроде жреческой касты. И чем ближе жрецы к своему божеству, тем больше они его страшатся.

— Может, им станет спокойнее, если показать, что не так-то они и близко? — заметил Джезри.

— О чём ты? — спросил Жюль.

— Фраа Джад — занятный старикан, но на божество, по-моему, не тянет, — сказал Джезри. — Уж не знаю, что он там делает, когда поёт или играет в теглон, но я не вижу в этом ничего боже-

ственного. Скорее всего он принимает сигналы, поступающие по фитилю.

К тому времени все уже поели, кроме фраа Джада. Мы разыскали его в том же дворе, где оставили вчера. Фраа Джад сидел в середине десятиугольника и перекусывал фруктами, которые принесли служители. Сам десятиугольник совершенно преобразился. Вчера он был замощён бурыми плитками в ладонь размером, с бороздкой — такими же, как в Орифене, только меньше. Бороздка шла сплошной линией от одного угла до противоположного; у меня не было времени проверять, но я полагал, что задача решена правильно. Для желающих попробовать свои силы вдоль стен поставили корзины с белыми фаянсовыми плитками; на них была не бороздка, а чёрная глазурованная линия. Сейчас корзины стояли пустыми, а фраа Джад завтракал на белом десятиугольнике, по которому змеилась чёрная кривая. За ночь он замостил весь двор. Когда мы это поняли, то разразились аплодисментами. Арсибальт и Джезри вопили, как на спортивном матче. Долисты подошли к фраа Джаду и очень низко поклонились.

Из чистого любопытства я отступил за край десятиугольника (он на несколько дюймов воз-

вышался над прилегающим двором), сел на корточки и поднял одну белую плитку. Как я и ожидал, она не совпадала с бурыми плитками внизу. Фраа Джад нашёл совершенно новое решение, а не скопировал старое.

— Это четвёртое, — произнёс мягкий голос. Я поднял глаза и увидел Магната Фораля. Он кивнул на плитку у меня в руке. Пристальнее вглядевшись в края десятиугольника, я увидел под бурым слоем зелёный, а под ним — терракотовый.

— Ну, — сказал я, — придётся вам делать новый набор.

Фораль кивнул.

— Полагаю, особой спешки нет, — невозмутимо ответил он.

Я положил белую плитку на место, выпрямился и прошёл несколько шагов по десятиугольнику. Двор был открытый. Я запрокинул голову и посмотрел прямо вверх.

— Думаете, они заметили? — спросил я.

Фораль взглянул с недоумением и ничего не ответил.

Ячейка номер 317 перешла во двор, которого мы вчера не видели. Он был круглый и венчался живой беседкой из цветущих лиан: эльхазгцы как-то

убедили их перекинуться через двор и сплестись ветвями в пятидесяти футах от земли. Сверху это должно было выглядеть зелёной полусферой в пёструю крапинку; внизу было прохладно и тенисто, но не темно. Вдоль стен стояли ящики с чем-то загадочным и явно дорогостоящим. Остаток утра мы вскрывали их, распаковывали и раскладывали содержимое — не требующая умственных усилий работа, в которой все так нуждались.

Не оставалось сомнений, что мы летим в космос — это было видно по тому, что мы распаковывали. Девяносто девять процентов веса составляла тара. В роскошном двадцатифунтовом ящике лежало снаряжение, лёгкое, как засушенные цветы. Мы сбросили стлы и облачились в почти невесомые серые комбинезоны.

— Оно и к лучшему, — заметил Джезри, глядя на меня. — В отсутствие силы тяжести стла не висит — и не только стла. Очень было бы неприглядное зрелище.

— Ты о себе? — спросил я. — Ладно, что ещё мне нужно знать?

— Если начнётся морская болезнь — а она начнётся, — худо будет первые три дня. Потом то ли она проходит, то ли ты привыкаешь, точно

не знаю.

— Думаешь, у нас будут три дня?

— Если нас посылают только для отвода глаз...

— В смысле, на верную смерть?

— Ага. То с тем же успехом могли бы отправить процианов.

Наш разговор начал привлекать слушателей, в том числе долистов, не привыкших к юмору Джезри. Тот прочистил горло и крикнул Лио:

— Что теперь, мой фраа?

Лио запрыгнул на прикрытый брезентом ящик, и все умолкли.

— Нам пока не сообщают, в чём наша миссия и какова её цель, — начал он. — Мы просто должны туда попасть.

— Куда? — спросил Джезри.

— На «Дабан Урнуд», — ответил Лио.

Не то чтобы до этих слов его слушали невнимательно, но уж тут мы действительно обратились в слух. Все как будто даже повеселели. Особенно Жюль.

— Жди меня, еда, я приду!

— Как мы попадём на тяжеловооружённый... — начал Арсибальт.

— Этого пока не сообщают, — ответил Лио. — И хорошо, потому что пока нам хватит и первой за-

дачи: оторваться от Арба. Мы не можем взлететь с космодрома. Думаю, Основание пригрозило их гвоздануть, если увидит приготовления к запуску. Следовательно, мы не можем лететь в космической ракете — они строятся для запуска с космодромов. А отсюда, в свою очередь, следует, что мы не можем лететь в стандартном аппарате: их выводят на орбиту всё те же космические ракеты. По счастью, есть альтернатива. Во время последней войны было создано семейство баллистических ракет. В них используется долгосохраняющееся топливо, а запуск происходит с гусеничных машин, которые свободно перемещаются по местности.

— Ничего не выйдет, — сказал Джезри. — Баллистические ракеты не выводят груз на орбиту, только забрасывают боеголовки на противоположную сторону Арбского шара.

— Но представь, что ты снял боеголовку и заменил её вот этим. — Лио спрыгнул с ящика и одним резким движением сорвал брезент. Мы увидели нечто размером с кухонный холодильник. «Беседка на сварном каркасе», — сказал бы Юл, будь он здесь. «Беседка» была очень маленькая, но, как показал Лио, один человек, лежа на спине с поджатыми коленями, там помещался. Крышка

представляла собой металлическую полусферу, покрытую чем-то плотным. Беседку подпирали четыре ажурные ноги, похожие на миниатюрные радиовышки.

Итак, у неё были колонны и потолок, но не было пола. Его заменяли три выступа, отходящие внутрь от основного кольца. Сейчас на них лежала фанера, на которой и свернулся Лио. Он вылез и убрал фанеру: под ней не оказалось ничего, кроме конструктивных деталей и баллонов: двух больших (надетый на сферу тор) и нескольких поменьше, тоже сферических, не крупнее того, что можно купить в спортивном магазине. Все это было густо опутано кабелями и трубками. Снизу, как жало насекомого, торчало какое-то уж совсем несолидно маленькое ракетное сопло.

— У настоящего на сопле будет ещё «юбка», — сообщил Лио, — размером со всю ступень.

— Ступень?! — переспросил Самманн. — Как в...

— Да! — ответил Лио. — Это я и пытаюсь объяснить. Простите, что получилось неясно. Перед вами верхняя ступень ракеты. Такая будет для каждого из нас.

Он взялся за стойку и накренил конструкцию, чтобы показать нам сопло.

— Ты шутишь! — Я тоже ухватился за стойку и плечом оттеснил Лио. Он разжал руку. Вся ступень весила гораздо меньше меня. Все по очереди сами в этом убедились.

— Где остальное? — спросил Джезри.

Неловкое молчание.

— Ничего больше и нет, — объявил Жюль Верн Дюран. Он догадался первым, хотя, как и мы, прежде ничего похожего не видел. — И это шарман!

— Коли уж ты так хорошо разбираешься в шарманах, — начал Джезри, — может, ты и объяснишь, как четыре ноги и крышка обеспечат герметичность?

— Это называется не шарман, — мягко вмешался Лио, — а... не важно.

— У нас так и так будут скафандры, я угадал? — спросил Жюль, глядя на Лио.

Тот кивнул.

— Жюль всё понял правильно. На каждом из нас будет скафандр с системами жизнеобеспечения, удаления отходов и так далее. Незачем отправлять в космос ещё и герметическую капсулу с теми же самыми системами.

Я думал, что Джезри выдвинет новые возражения, но тот внезапно переметнулся на сторону

Лио и поднял руки, призывая остальных помолчать.

— Я там был, — напомнил он, — и скажу, что не хотел бы снова оказаться в общей капсуле. Вы представить себе не можете, что чувствуешь, когда тебе в невесомости залепит в физиономию чьей-то свободно парящей блевотой. Даже не просите рассказывать, какие там туалеты. Как трудно смотреть в крохотные иллюминаторы. По-моему, идея великолепная: каждый бздит в свой собственный скафандр и одновременно любуется на космос через панорамный щиток шлема.

— Сколько можно прожить в скафандре? — спросил я.

— Тебе понравится, — объявил Джезри. Он взглянул на Лио и, когда тот кивнул, перешёл туда, где последний час с помощью фраа Грато собирал скафандры. Джезри похлопал смонтированный скафандр по зелёному металлическому баллону, вставленному в заплечный ранец.

— Жидкий кислород! Вот тут — на целых четыре часа.

— Если расходовать дисциплинированно, — вставила суура Вай.

— Жидкий?! В смысле сжиженный? — уточнил Самманн.

— Конечно.

— И долго он будет таким оставаться?

— В космосе? Не проблема. Он будет оставаться холодным, пока в топливном элементе есть топливо, чтобы питать систему охлаждения. — Джезри похлопал по красному баллону. — Жидкий водород. Легко снимается, легко вынимается. — Он вытащил баллон, показал нам какие-то сложные защёлки и вставил на место.

— Значит, мы будем конкурировать за кислород с топливным элементом? — спросил Арсибальт.

— Считай это не конкуренцией, а сотрудничеством.

— Как насчёт очистки воздуха? — спросил кто-то.

У Джезри ответ был наготове:

— Двуокись углерода отфильтровывается здесь. — Он вытащил и показал белый баллон. — Когда он заполнен, ставите новый. Старый — вот что здорово! — присоединяете к тендеру.

Джезри подошёл к отдельно стоящему аппарату, судя по виду — близкому родственнику скафандра. У аппарата были цветные гнёзда для баллонов; в одно из них Джезри вставил газоочиститель.

— Здесь отделяется CO2. Как только полоска

— вот этот индикатор — изменит цвет, баллон готов для повторного использования.

— Воздух и топливо тоже хранятся в тендере? — спросила суура Вай, глядя на зелёное и красное гнёзда.

— Если есть запас, то он там, — сказал Джезри. — Тендер подключается к ёмкости с водой и энергосистеме: обычно это солнечные батареи, здесь — ядерный мини-реактор. Тендер расщепляет воду на кислород и водород, сжижает их и заливает в баллоны. А также восстанавливает газоочистители. Сюда... — он указал на жёлтые трубки, — крепится заполненный каломочеприёмник, о котором мы поговорим позже.

— Ты хочешь сказать, мы будем испражняться в скафандр? — спросил Арсибальт.

— Спасибо, что выразил готовность продемонстрировать на себе это замечательное достижение праксиса! — воскликнул Джезри. — Лио и Раз, не закроете ли вы вашего фраа от посторонних глаз?

Мы с Лио подняли Арсибальтову стлу и растянули, как занавеску, чтобы Арсибальт за ней снял комбинезон. Джезри тем временем подтащил к нам скафандр размера XXL, подвешенный на конструкции, называемой «установка для наде-

вания». Большой жёсткий сегмент для головы и туловища назывался, естественно, ГТС. Верхняя задняя часть ГТС открывалась, как дверца холодильника. Руки и ноги состояли из коротких толстых сегментов вроде сосисок. Это совсем не походило на те скафандры, которые я видел в спилях или на небесном эмиссаре. Новый был больше, округлей и внушал доверие своей прочностью. Имелось и ещё одно заметное отличие, по крайней мере внешнее: все скафандры — и тот, которым занимался сейчас Джезри, и остальные — были матово-чёрные.

Арсибальт шагнул к установке, поднял руки к расположенной на стратегической высоте перекладине и подтянулся до ступеньки на пороге задней дверцы скафандра. То ли наш фраа вспомнил научно-фантастические спили, которые смотрел в детстве, то ли не хотел долго оставаться голым, но в его движениях появилось необычное проворство. С помощью Джезри он продел сперва одну, потом другую ногу, носком вперёд, в соответствующие отверстия ГТС, затем осел сам. Пока Арсибальт проталкивал ноги внутрь, сегменты двигались за счёт расположенных под углами герметичных подшипников. Каждая «сосиска» могла поворачиваться независимо, так что локти

и колени гнулись без всякого сложного шарнирного механизма. Теперь Арсибальт выглядел ещё более пухлым, чем обычно. Он согнул сперва одну ногу, потом другую, показывая, как работают сочленения.

— Обрати внимание на мешки, опоясывающие бедра и талию. — Джезри указал на что-то, с виду резиновое, болтающееся на внутренней стороне ГТС. — Через несколько минут они потрясут тебя до основания.

— Отметил, — сказал Арсибальт, просовывая руки в рукава, которые заканчивались ровными полушариями — культяшками без пальцев. Теперь мы видели только его спину и зад. Джезри милосердно избавил нас от этого зрелища, закрыв дверцу.

Теперь, когда на нашего фраа можно было смотреть без ущерба для чьей-либо стыдливости, мы с Лио бросили стлу и обошли Арсибальта. Изнутри чуть слышно доносился его голос. Джезри воткнул проводок в разъём на груди скафандра и включил усилитель. Из микрофона раздалось:

— Моим рукам много что предстоит тут изучить. Хотел бы я видеть, что делаю.

— Всё ещё будет, — рассеянно произнёс Джезри: он внимательно читал табло на передней панели

скафандра, убеждаясь, что его фраа не задохнётся внутри. Остальные смотрели Арсибальту на грудь и посмеивались. Мне стало интересно, что их насмешило. Я прошёл вперёд и посмотрел. Маленький плоскопанельный спиль-экран на груди скафандра показывал лицо Арсибальта, снимаемое спилекаптором в шлеме. Панорамный объектив с близкого расстояния сильно искажал, но всё равно смотреть на экран было веселее, чем на тонированный лицевой щиток.

— Скажи на милость, что тут за наконечники перед моим ртом? — спросил Арсибальт, скашивая глаза вниз.

— Левый — вода. Правый — пища и, если понадобится, лекарства. Большой посередине — шпигат.

— Зачем?

— Чтобы блевать. Не промахнись.

— Ясно... — Арсибальт поднял глаза, чтобы смотреть через щиток прямо перед собой, и подвёл одну культяшку туда, где мог её видеть. Открылся лючок. Мы все попятились, потому что из него выпрыгнуло нечто вроде механического паука с подвижными члениками. Со второго взгляда стало видно, что это скелетная кисть: кости, суставы, сухожилия были как у человека,

только из чёрного анодированного металла и без кожи, если не считать резиновых подушечек на кончиках пальцев. Кисть отходила от механического запястья на конце культи. Сперва она лишь судорожно дёргалась, но постепенно Арсибальт один за другим подчинял себе её суставы, и движения становились всё более человеческими. Он поднял вторую руку. Открылся лючок, выдвинулась вторая кисть, менее человекоподобная: она была усажена различными инструментами.

— Объясни, что ты делаешь руками, — попросил я.

— Там в конце довольно много места, — сказал Арсибальт, — и есть перчатка, в которую я могу всунуть руку. Она механически соединена с манипулятором, который вы все видите.

— Чисто механически? — спросил Самманн. — Без сервопривода?

— Чисто механически, — подтвердил Джезри. — Посмотри сам.

Мы все придвинулись ближе. Скелетную кисть приводили в движение металлические ленты и штыри, уходящую в культю, где они, очевидно, соединялись непосредственно с внутренней перчаткой.

— По-своему просто, — заключил фраа Оза, — и

в то же время очень сложно.

— Да. Всё, за исключением герметических сальников, мог бы сделать средневековый ремесленник, располагающий достаточным временем, — сказал Джезри. — Что хорошо, поскольку средневековых ремесленников в матическом мире как раз хватает. Хотите верьте, хотите нет, но сделать такую штуку легче, чем герметическую перчатку, в которой рука и впрямь будет хоть сколько-нибудь подвижна.

— В конце культи ещё много чего есть, — сообщил Арсибальт. — Я вынимаю руку из перчатки.

Скелекисть дёрнулась, затем безвольно повисла. Она втянулась в культю, лючок закрылся.

— Теперь, — продолжал Арсибальт, — я ощупываю внутреннюю поверхность культи. Там много кнопок и тумблеров.

— Осторожнее, — посоветовал Джезри. — Почти все функции скафандра включаются голосовыми командами, но есть и ручное управление, которое тебе лучше не трогать.

— Как мы будем различать все эти кнопочки-рычажки, если мы их не видим? — спросил Арсибальт. На экране его глаза бессмысленно двигались, пока рука ощупывала внутренности культи.

— Большая часть кнопок — клавиатура для ввода буквенноцифровых данных. Самманн освоит её сразу, остальным придётся первое время тыкать одним пальцем.

— Итак, твоё общее впечатление? — спросил я.

— На удивление удобно.

— Как ты заметил, скафандр соприкасается с тобой всего в нескольких местах, — сказал Джезри. — Это для удобства и для того, чтобы температуру поддерживала простая система кондиционирования. Система трубок, какая была на небесном эмиссаре, упразднена. Но уж если скафандр к тебе прижимается, то намертво. Скажи: «Начать ассенизационный цикл».

— Начать ассенизационный цикл, — дрожащим голосом повторил Арсибальт. На табло под спиль-экраном с его лицом зажглась надпись: «АССЕНИЗАЦИОННЫЙ ЦИКЛ НАЧАТ». Глаза у Арсибальта расширились.

— Боже! — выдохнул он.

Все рассмеялись.

— Рассказывай, что происходит, — попросил Джезри.

— Мешки, которые ты мне показывал... они раздулись. На поясе и в верхней части ног.

— Теперь тазовая область полностью изолиро-

вана от остального скафандра, — сказал Джезри.

— Ещё как!

— Можешь делать свои дела.

— Думаю, фраа Джезри, эту часть демонстрации можно пропустить.

— Как хочешь. Скажи: «Завершить ассенизационный цикл».

Арсибальт повторил, и мы снова засмеялись, глядя на его реакцию.

— Меня окатило тёплой водой. Спереди и сзади.

— Да. Скафандр не спрашивает, мальчик ты или девочка. Процедура для всех одинакова. — Джезри вытянул из установки для надевания толстый шланг и воткнул его в не самую приличную часть скафандра. — Здесь у нас нет космического вакуума для создания тяги, так что мы его сымитируем. — Он повернул тумблер. Шланг загудел, как пылесос. Лицо Арсибальта на экране продолжало нас веселить. Он сообщил, что его сушат струёй воздуха.

— Теперь всё. Мешки сдулись.

— На процедуру расходуется некоторое количество воздуха, так что не прибегайте к ней слишком часто, — предупредил Джезри. — Однако суть в том...

— Что пока тендер работает, мы можем жить в скафандрах долгое время, — закончил я.

— Да.

— Скафандр совсем не такой, как был на небесном эмиссаре, — заметил фраа Оза. — Сложнее.

— Мастерская работа! — сказал я, жалея, что Корд не может полюбоваться кольцевым подшипником на талии скафандра, сразу под чёрной дверцей, позволявшим Арсибальту двигать плечами и бёдрами независимо.

— Буквально невероятно, — был вердикт Арсибальта. — При всём моём уважении к фраа и суурам на конвоксе, я не в силах поверить, что они за столь короткий срок создали такое сложное устройство.

— Это не они, — сказал Джезри. — Скафандр был разработан, до последней мелочи, двадцать шесть столетий назад.

— Во время Большого кома? — спросил Самманн.

— Да. И тогдашний конвокс работал над ним несколько лет. Чертежи хранились в конценте светителя Реба; в Третье разорение их спасли фраа и сууры, всю жизнь носившие эти книги за плечами. В прошлом году, когда Геометры впервые появились на околоарбской орбите, прошла

череда воко, о которой мы в Эдхаре ничего не знали. Призывали инаков-умельцев, которые смогли возродить программу. На это... — Джезри похлопал Арсибальта по плечу, — и это... — он махнул в сторону шармана, — потрачены немыслимые деньги. Обратите внимание на крепёж. — Джезри развернул Арсибальта, чтобы мы увидели его спину, и указал на три паза, образующих такой же треугольник, как выступы на шармане. — Получается единая конструкция. Там что нам не потребуется мебель. Никаких амортизационных кресел. При запуске воздушные мешки скафандра раздуются — это и будет амортизационная подушка.

— Впечатляет, — заметил Самманн. — Одного мы в них не сможем — двигаться незаметно.

Все недоумевающе уставились на него. Самманн с улыбкой указал на грудь Арсибальта, расцвеченную спиль-изображением, буквенно-цифровыми табло и лампочками-индикаторами.

— Какая уж тут скрытность!

Грато шагнул вперёд, ухватился за едва заметный выступ ГТС на уровне ключиц и потянул. Оттуда выехала шторка и упёрлась в паз сразу над поясным подшипником, закрыв все индикаторы и табло. Арсибальт стал матово-чёрным с

головы до пят, словно глыба влажного угля.

— Замечательно, — проговорил Оза. — Особенно учитывая, что когда ты, фраа Джезри, отправлялся в космос с небесным эмиссаром, их ещё не было.

Джезри кивнул.

— Теперь их шестнадцать.

— Но нас здесь одиннадцать! — раздался из микрофона голос Арсибальта. Мы и забыли про него. Он скелекистью нащупал на груди крепление шторки и убрал её наверх. На экране были его выпученные от изумления глаза, комически увеличенные объективом.

— Верно, — сказал Джезри.

— Вывод очевиден, — вступил в разговор Лио, — но я всё-таки произнесу его вслух: нам нельзя провалить операцию. То же с пусковыми установками. Они секретные. Основанию, которое почти все сведения об Арбе черпает из перехватов массовой культуры, узнать про них неоткуда. Они замаскированы, так что сверху их разглядеть трудно. Но после первого же запуска разведка Геометров получит их тепловую сигнатуру, и маскировке конец. Значит, ракеты должны взлететь одновременно. Их около двух сотен. Все запустят в одно и то же десятиминутное стартовое окно,

до которого осталось три дня. Одиннадцать будут нести «шарманы» с членами нашей ячейки. Ещё несколько — снаряжение и припасы.

— А остальные? — спросил Самманн.

Лио промолчал, хоть и покосился на меня. Мы оба подумали про Всеобщие уничтожители.

— Помехи и ложные цели, — сказал наконец Лио.

— И что мы должны будем там делать?

— Собрать грузы на реактивную платформу — «пилотируемый аппарат» было бы слишком громким названием, — которая выведет нас на новую орбиту, — сказал Лио. — На этой орбите мы встретимся с «Дабан Урнудом».

— Мог бы и не объяснять, — сказал Джезри. — На самом деле фраа Арсибальт интересовался...

Фраа Оза выступил вперёд и взглядом спросил у Лио разрешения ответить. Предводитель долистов говорил редко, так что сейчас все повернулись к нему.

— Для таких, как вы, самым трудным будет не выполнение поставленной задачи, а унизительная неопределённость, проистекающая из того, что вы не знаете всего плана. Эти чувства могут негативно сказаться на ваших действиях. Сейчас вы должны решить: двигаться дальше, понимая,

что всего плана вам, возможно, не откроют, а если и откроют, в нем могут обнаружиться явные изъяны; либо уступить приготовленные для вас скафандры другим.

Оза шагнул назад. Минуту все молчали, принимая решение. Впрочем, я неточно выразился. То, что происходило у меня в голове, не было связано с вопросом «как поступить?». Выйти сейчас из ячейки было немыслимо. Ни о каком выборе речи не шло. Фраа Оза, посвятивший жизнь подготовке именно к таким ситуациям, без сомнения, отлично это знал. На самом деле он не предлагал нам ничего решать. Просто вежливо попросил нас заткнуться и перейти к непосредственным задачам.

Ими мы и занимались по восемнадцать часов в день, пока не приехал грузовик, чтобы везти нас на лётное поле. Правда, случайному наблюдателю показалось бы, что мы только половину времени работаем, а вторую половину играем в видеоигры. Три прилегающие к двору кельи оборудовали синапами, подключенными к большим панорамным спиль-экранам. В центре каждой панорамы стояло кресло с перчатками от скафандра. Мы по очереди садились в кресла, вставляли руки в перчатки и нащупывали па-

нель управления. На экранах показывалось то, что мы видели бы через лицевые щитки шлемов, будь мы сейчас на орбите, а также различные индикаторы и показатели, которые, как нам обещали, будет выдавать поверх изображения космоса синап скафандра. В перчатки будет встроено управление соплами шармана, так что, выйдя на орбиту, мы сможем перемещаться и решать некоторые задачи. Под левой ладонью находился шарик, свободно поворачивающийся в гнезде, под правой — грибообразная рукоятка, которую можно было двигать в четыре стороны, а также вдавливать и тянуть. Шарик управлял вращением шармана, и его все освоили быстро. Грибок отвечал за поступательное движение, и с ним пришлось помучиться. На орбите всё не так, как в привычной нам обстановке. Вот один пример: если я догоняю предмет на той же орбите, мой первый порыв — включить сопло, которое вытолкнет меня вперёд. Однако оно выведет меня на более *высокую орбиту*, а то, за чем я гонюсь, окажется *внизу*. Нам предстояло перестроиться целиком. И даже для тех, кто учил орбитальную механику у ног Ороло, был только один способ по-настоящему её прочувствовать: играть в эту игру.

— Обманчивая штука, — заметил Жюль. Мы с ним были вместе в игровой келье. Я довольно быстро освоил тренажёр, потому что знал соответствующую теорику, и мне поручили помогать остальным.

— Левая рука как будто оказывает сильное действие. — Жюль крутанул шарик. Я закрыл глаза и сглотнул. Изображение на экранах: Арб и различные предметы на нашей «орбите» резко пошли вбок. — Однако на самом деле, когда я поворачивают трекбол, шесть параметров почти не меняются.

Жюль имел в виду шесть чисел в нижней части экрана: те самые шесть чисел, о которых я говорил Барбу на кухне трапезной.

— Верно, — сказал я. — Ты можешь вращаться сколько угодно, и твои орбитальные параметры — которые как раз для нас и существенны! — не изменятся.

Шестипозиционный индикатор в нижнем правом углу заморгал, и я понял, что Жюль правой рукой двигает рукоятку, которую он называл жёстиком. Орбитальные параметры начали меняться. Один из зелёного стал жёлтым.

— Ага, — сказал я. — Ты сбил наклонение. Теперь ты в другой плоскости.

— Что чревато далекоидущими последствиями, — сказал Жюль, — но при том обманчиво, поскольку сейчас я больших перемен не вижу.

— Вот именно. Давай я прокручу быстрее, покажу, что будет дальше.

У меня была инструкторская панель, и я мог ускорить имитацию, сжав почти полчаса в десять секунд. Другие спутники удалялись так быстро, что скоро пропали с глаз.

— Как только ты отлетел настолько, что не видишь друзей или не можешь отличить их от ложных целей...

— Меня бесполезно шерше, — ровным тоном закончил Жюль. — Можешь вернуть назад?

— Конечно.

Я вернул имитацию к той секунде, когда Жюль только что сбил наклонение.

— Как это исправить? Может, так? — Он тронул жёстик. Наклонение съехало ещё чуть-чуть, а показатель эксцентриситета, минуя жёлтый цвет, прыгнул сразу на красный.

— Парблё, — сказал Жюль. — Теперь я сбил два из шести.

— Попробуй совершить те же действия в обратную сторону, — предложил я.

Жюль дал импульс из противоположного соп-

ла. Эксцентриситет немного выправился, но сбилась большая полуось.

— Интересная задачка, — заметил Жюль. — Лучше бы я вместо лингвистики изучал небесную механику. Лингвистика загнала меня в этот переплёт, и только физика может из него вытащить.

— Как там у вас наверху? — спросил я. Жюль явно разнервничался, и я подумал, что ему не помешает маленькая передышка.

— О, ты наверняка видел модели. Они довольно точно показывают внешнюю сторону, доступную вашим телескопам. Конечно, большая часть из сорока тысяч никогда её не видит. Только внутреннюю сторону Орбоймы, в которой живёт всю жизнь.

Он говорил о жилой сердцевине «Дабан Урнуда»: шестнадцати полых шарах, каждый чуть меньше мили в диаметре, расположенных вокруг центральной оси, вращение которой создаёт искусственную силу тяжести.

— Об этом я и спрашивал. Какая она, община из десяти тысяч латерранцев?

— Сейчас расколота между Основанием и Опорой.

Опорой звалась оппозиция, возглавляемая уроженцами Фтоса.

— А в обычное время?

— До того, как мы сюда попали и противостояние Опоры и Основания усилилось, это походило на милый провинциальный городок с университетом или научно-исследовательской лабораторией. Каждый орб наполовину заполнен водой. На воде — плавучие дома. На них мы выращиваем пищу... ах, я вспомнил о пище!

— У каждого народа по четыре орба, как я понимаю?

— Официально — да, но есть и смешанные сообщества. Когда корабль движется без ускорения, мы можем открывать двери в соседние орбы и свободно ходить из одного в другой. В одном из латерранских орбов расположена школа...

— У вас есть дети?

— Конечно, у нас есть дети! И мы очень, очень о них заботимся. Образование для нас — всё.

— Хотел бы я, чтобы так же было на Арбе! Я имею в виду экстрамурос.

Жюль задумался и пожал плечами.

— Пойми, я описываю не утопию. Мы учим детей не только из уважения к высоким идеалам. Мы хотим, чтобы они выжили и путешествие «Дабан Урнуда» продолжилось. И есть конкуренция между детьми Урнуда, Тро, Латерр и Фтоса за

места в командных структурах.

— Распространяется ли она на лингвистику? — спросил я.

— Да, конечно. Я — стратегическое достояние! Резондетр командования — новые космосы и новые Пришествия. А во время Пришествий лингвисты незаменимы.

— Разумеется, — сказал я. — Значит, в вашем милом городке с десятитысячным населением люди могут жениться, или как там у вас это происходит...

— Мы женимся, — подтвердил Жюль. — По крайней мере достаточно людей женится и заводит детей, чтобы поддерживать численность в десять тысяч.

— А ты? — спросил я. — Ты женат?

— Был, — ответил Жюль.

Значит, разводы у них тоже есть.

— Дети?

— Нет. Пока нет. И уже не будет.

— Мы доставим тебя домой, — пообещал я. — Может, ты ещё кого-нибудь встретишь.

— Такой уже не встречу. — Жюль криво улыбнулся и пожал плечами. — Когда мы с Лизой были вместе, я постоянно твердил что-нибудь в таком роде. Милые пустяки. «Ты такая одна на свете,

любовь моя». — Он шмыгнул носом и отвёл глаза. — Нет, я не обманывал...

— Конечно.

— Но её последние часы так... так ярко... так отчётливо показали, что это правда. Другой такой действительно нет и не было. А в десятитысячном городке, навсегда отрезанном от корней в родном космосе... ну, я знаю их всех, Раз. Всех женщин моего возраста. И я скажу тебе: в том космосе, где мы с тобой сейчас, никто даже отдалённо не сравнится с моей Лизой.

По щекам его катились слёзы.

— Прости, — сказал я. — Мне очень стыдно. Я не знал, что твоя жена умерла.

— Умерла, — подтвердил Жюль. — Знаешь, я ведь видел снимки её тела... её лица... по всему конвоксу.

— Боже! — выдохнул я. У меня нет привычки употреблять это слово в качестве эмоционального восклицания, но сейчас мне ничего сильнее в голову не пришло. — Девушка в Орифенской капсуле...

— Была моя Лиза, — кивнул Жюль Верн Дюран. — Моя жена. Самманну я уже сказал.

И он разрыдался.

Мы с Жюлем сидели одни в темнеющей келье,

не видя ничего, кроме смоделированного солнечного света, отражённого от смоделированного Арба и смоделированной луны. Смоделированные люди в скафандрах безмолвно проплывали вокруг. Жюль закрыл лицо руками и плакал.

Я вспомнил разговор в мессалоне, что даже если биологическое взаимодействие между нами и Геометрами невозможно, остаётся простой физический контакт. Я подошёл, обнял латерранца за плечи и стоял так, пока он не перестал плакать.

— Он мне сказал.

Самманн сразу понял, о ком я говорю, отвёл глаза и покачал головой.

— Как он?

— Лучше... он сказал одну хорошую вещь.

— Какую?

— Я прикасался к Ороло. Ороло прикасался к Лизе... отдал за неё жизнь. Когда я коснулся Жюля...

— Круг замкнулся.

— Да. Я рассказал ему, как мы готовили тело к отправке в Тредегар... с каким уважением. Кажется, ему было приятно это слышать.

— Он рассказал мне в воздухолёте. Просил никому больше не говорить.

— А у тебя кто-нибудь есть, Самманн? — спросил я. За всё время знакомства мы ни разу не

затронули эту тему.

Он хмыкнул и мотнул головой.

— Чтобы *так*? Нет. Чтобы *так*, никогда. Девушки были. В остальном — семья. Ита... ну как тебе сказать... больше ориентированы на семью.

Я чувствовал, что ему неловко — слишком очевиден был контраст с инаками.

— Ладно, на ту же тему, — сказал я. — Не поможешь мне замкнуть ещё один круг?

Он пожал плечами.

— С удовольствием. Что надо сделать?

— Третьего дня ты отправил сообщение для Алы. Перед самым взлётом. Я немножко... стеснялся.

— Потому что его прочтут посторонние. Да, я обратил внимание.

— Можешь отправить ещё одно?

— Конечно. Но его тоже прочтут.

Я смущённо хохотнул.

— С учётом всех обстоятельств это терпимо.

— Ладно. Так что ты хочешь передать Але?

— Что четвёртую жизнь, если она у меня будет, я хотел бы провести с ней.

— Ба! — Глаза у Самманна заблестели, как будто я влепил ему пощёчину. — Давай наберу, пока ты не передумал.

— Теперь у нас путь только вперёд, — сказал я. — Никаких передумываний.

****

> ***Гвозданут*** *(воен., жарг.), нанести удар по цели, расположенной, как правило, на поверхности планеты, сбросив на неё с орбиты стержень из плотного материала. Этот стержень, «гвоздь», не содержит движущихся частей или взрывчатых материалов; его разрушительное действие обусловлено исключительно очень высокой скоростью.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Всю дорогу к орбите я был уверен, что ракета сломалась, а то, что со мной происходит, и есть смерть. У конструкторов не хватило времени и средств на всякие роскошества вроде иллюминаторов или хотя бы спиль-передачи. Имелся только обтекатель — тонкий внешний чехол. У него было три функции: защищать шарман от воздушных потоков, закрывать свет, чтобы мы провели всё путешествие в полной тьме и неизвестности, и вибрировать. Две последние функции многократно усиливали ужас. Вообразите, что вас несёт в бочке по горной реке.

Удерживая в голове этот образ, представьте, что вас заколотили в ящик и сбросили с пешеходного моста на восьмирядную магистраль в час пик. Добавьте к этому, что вы одеты в стеганый костюм и долисты отрабатывают на вас палочные удары. Наконец, для полноты картины: к вашей голове приклеены исполинские мегафоны, которые закачивают в неё неразбавленный шум на громкости, в два раза превышающей порог необратимой утраты слуха. Теперь объедините всё и представьте, что это происходит в течение десяти минут.

Одно хорошее я могу сказать о полёте: он был в сто раз лучше предшествующих часов, когда я лежал на спине, скорчившись в три погибели, примотанный и обжатый со всех сторон, и ждал *смерти*. Неприятнее (и, как я понял задним числом, постыднее) всего были философские раздумья, которыми я коротал время: что смерть Ороло и Лизы подготовила меня к достойному принятию своей участи. Что Ала получила моё сообщение, и это очень хорошо. Что даже если я погибну в одном космосе, я, возможно, уцелею в других.

Кто-то, без спросу пробравшийся в ракету, шарахнул меня трубой по спине. Нет, секундочку,

это взорвался двигатель. Нет, на самом деле просто сработали пиропатроны. Система трещин расколола тьму на квадранты, затем расширилась, выпуская её наружу. Четыре лепестка обтекателя разошлись, и я увидел под собой Арб. Некоторые обертоны тряски (турбулентность) ослабли, другие (нестабильность камеры сгорания) усилились. Перегрузка, до сих пор вполне терпимая (по сравнению с тряской), на полминуты, пока дорабатывали движки, стала заметно больше. Мешала любоваться видами. Новый удар в спину сообщил, что отвалился ускоритель. Туда ему и дорога. Остались только я и шарман. Несколько секунд парения в невесомости оборвались, когда рулевые двигатели шармана заработали и выправили ориентацию ступени. Уверенная резкость манёвра успокаивала, хотя мои внутренние органы и поменялись местами. Затем ощущение веса вновь стало нарастать — двигатель шармана выдал длительный импульс. Небо было чёрным; казалось, я уже вне атмосферы и крыша беседки ничего полезного не делает, только закрывает вид. Однако по мере того, как двигатели шармана разгоняли меня до первой космической, по окружности крышки выросли языки плазмы, достаточно близко от моих ног и

плеч. Острое впечатление, должен вам сказать. Беседка с такой силой рассекала верхние слои атмосферы, что отрывала электроны от атомов.

На стартовой площадке, сразу после того, как я проглотил Большую таблетку (приёмопередатчик внутренней температуры) и влез в скафандр, инаки, составлявшие техперсонал установки, замотали меня тряпьём, затолкали в беседку, утрамбовали и обклеили упаковочной лентой. Затем они вооружились бесплатными линейками из соседнего мебельного мегамаркета, всего меня промерили и ещё немного утрамбовали. После окончательной обклейки получился тюк, как на схемах в их наскоро отпечатанных, снабжённых многочисленными рукописными пометками документах. Далее инаки схватили флаконы герметизирующей пены и накрепко меня зафиксировали, следя, чтобы пена попала между коленями и грудью, пятками и задом, руками и лицом. Когда она затвердела, кто-то отодрал слой, покрывавший лицевой щиток, похлопал меня по шлему и вложил в скелекисть канцелярский нож. Важность измерений стала понятна в первые минуты работы двигателей второй ступени, когда огненные языки заплясали в нескольких дюймах от моих ног.

Впрочем, как только мы окончательно вышли из атмосферы, языки исчезли. Встроенные пружины отбросили беседку, и она поплыла прочь. Теперь я торчал вверх, как эмблема на капоте моба. Очень хотелось избавиться от упаковочного материала, но я помнил график скорость-время наизусть и знал, что ещё не достиг первой космической. Наибольший прирост скорости должен был произойти на финальном этапе работы двигателя, когда шарман оставит позади больше трёх четвертей своей массы в виде струи отработанного топлива. Если приложить ту же силу к заметно полегчавшему грузу, получишь ускорение, которое Лио бодро назвал «близким к несовместимому с жизнью». «Но ничего страшного, — сказал он. — Ты потеряешь сознание раньше, чем тебя раздавит».

Я сделал попытку оглядеться. В последние три дня я воображал, что вид будет фантастический. Завораживающий. Я увижу остальные ракеты: двести штук, взмывающих по дуге вверх и к востоку на почти параллельных курсах. Но в скафандре имелось больше воздушных мешков, чем показал в первый раз Джезри, и все они были накачаны до предела (то есть я лежал на камнях), поддерживая голову и туловище в положении,

наименее чреватом смертью, параличом или повреждением органов. Моя селезёнка пребывала в покое, мои глаза видели только звёздное небо и голубой краешек Арба слева внизу. Затем всё расплылось от выступивших слёз; глазные яблоки сплющились под собственной тяжестью, как сфера под Арсибальтом...

Я падал. Я висел. Я был жив. Мой скафандр со мной разговаривал. Уже довольно давно. «Подайте голосовую команду «Дегерметизировать фиксаторы», чтобы убрать систему амортизации и перейти к следующему этапу», — снова и снова повторял голос на ортском. Какой-то сууре с хорошей дикцией поручили начитать инструкции на записывающее устройство. Хотел бы я с ней познакомиться!

— Дерметизировать фсатры! — рявкнул я, думая произвести на неё впечатление.

Скафандр перевёл дух, затем сказал: «Подайте голосовую команду: «Дегерметизировать фиксаторы», чтобы...»

— Дегреметизировать фикстры! — повторил я. Она начинала действовать мне на нервы. У меня даже пропало желание с ней знакомиться.

«Подайте голосовую команду...»

— Де. Герм. Этизировать. Фиг. Сатыры.

Мешки сдулись. «Добро пожаловать на низкую околоарбскую орбиту!» — произнёс голос совершенно другим тоном.

Теперь я мог двигать головой и плечами, однако ноги и руки были по-прежнему замурованы пеной и обклеены лентой. Я принялся работать канцелярским ножом — сперва медленно, но вскоре от шармана уже полетели куски пены и комья ленты. Они парили поблизости от меня. В конечном счёте из-за низкой массы и высокого лобового сопротивления им предстояло снова войти в атмосферу и сгореть. А до тех пор они создавали визуальную неразбериху для Геометров.

Кстати о визуальной неразберихе. Вокруг меня вспыхивали яркие точки. Они были двух типов: миллионы крохотных искорок (дипольные отражатели, доставленные другими ракетами) и десятки больших, равномерно горящих маяков. Некоторые были достаточно близко, чтобы мои глазные яблоки (постепенно обретавшие исходную форму) различали их как диски или полумесяцы. В зависимости от взаимного расположения меня, солнца и этих предметов, они выглядели как полная луна или как растущий месяц в разные фазы.

Полумесяц справа от меня медленно рос по

мере того, как сближались наши орбиты. Это был пятисотфутовый надувной шар из металлизированной полиплёнки, отправленный в космос тем же ракетным залпом, что и я. Измерив его видимый размер по сетке на лицевом щитке, я смог оценить расстояние: примерно две мили. Надо думать, к нему мне и следовало двинуться.

Я на ощупь отыскал в культях трекбол и жёстик. Они не действовали, пока я не отдал соответствующую голосовую команду и не подтвердил её щелчком тумблера. Теперь двигатели шармана перешли под моё управление; до того работала автоматическая система наведения. Если ближайший шар и впрямь был тот, к которому мне следовало направиться, она показала себя вполне прилично. Однако у неё не было ни глаз, ни мозга, чтобы сблизиться с шаром, а поскольку Геометры по-прежнему глушили наши навигационные спутники, получилась та точность, которая получилась. Отныне мои глаза должны были стать сенсорами, мозг — системой наведения. Я легонько крутанул трекбол, просто чтобы проверить, работает ли система. Сопла выбросили голубой свет и развернули меня на новый азимут. Я сориентировался по горизонту Арба внизу, сообразил, где юго-восток (направление

моего орбитального полёта), проделал в голове расчёт, для надёжности проверил его и двинул жёстиком в двух направлениях. Шарман отвесил мне двойной удар. Больше ничего плохого не произошло, а шар в поле моего зрения вёл себя так замечательно, что возник соблазн повторить. Однако я сдержался: в видеоигре мы часто всё портили, именно что переусердствовав в правильных действиях.

У меня был приёмопередатчик дальнего действия, только для аварийных случаев. Его я не включал. Приблизившись к шару настолько, чтобы заработала система ближнего действия, я сказал: «Поиск сетки». Через несколько секунд скафандр отозвался: «Подключение к сетке завершено». Конец фразы заглушил голос Самманна:

— Ну, как прогулка?

— Требую вернуть деньги! — ответил я, перебарывая дикую радость от того, что слышу человеческий голос. Глядя на табло под щитком (на самом деле оно проецировалось на мои глазные яблоки так, чтобы создавалось впечатление, будто оно расположено под щитком), я увидел значки с лицами: своим, Самманна и фраа Грато. Почти сразу рядом зажглись значки Эзмы и Жюля. Я повернулся и увидел два приближающихся

шармана. Они двигались невероятно близко один к другому. Вернее — Эзма буксировала второй шарман.

— Я зацепила Жюля. Он дрейфовал, — сказала Эзма. По счастью, я уже привык к обыкновению долистов преуменьшать свои подвиги. Я один-то еле сюда добрался. Эзма успела заметить дрейфующего товарища, приблизиться и оттранспортировать его на место.

— Жюль? Что с тобой? Это у вас на Латерр так шутят? — спросил Самманн.

— Я отключила его от сетки, — сказала Эзма. — Он бессвязно говорил о сыре.

— Двадцать минут до линии видимости, — объявил механический голос. Это значило, что через двадцать минут нас станет видно с «Дабан Урнуда». Шар теперь занимал почти всё поле моего зрения, и я видел, что Самманн и Грато висят на нём в своих шарманах на расстоянии примерно пятьдесят футов один от другого. Оба казались странно яркими и пушистыми, как игрушки для малышей. Шарманы и прочие грузы, отправленные с нами одновременно, окутались неровными облаками волокон, которые во время полёта были упрятаны в капсулы, а теперь, на орбите, расширились в десять раз. Мы походили

на парящие красные помпоны.

— Вы проверили по звёздам? — спросил я.

— Да, — ответил Грато, — но можешь убедиться сам.

Я при помощи трекбола развернулся так, чтобы увидеть неровное кольцо звёзд, составляющих Щит Гоплита, и сравнил его положение с положениями Арба и шара. Это был простейший способ удостовериться, что, когда мы войдём в поле зрения телескопов «Дабан Урнуда», нас будет загораживать шар.

К тому времени Геометры поймут, что затевается нечто грандиозное. Мы стартовали так, чтобы нас закрывал Арб, но скоро должны были показаться из-за его края. Мы были почти на круговой орбите; её эксцентриситет (показатель вытянутости) составлял всего 0,001. Она проходила над самой атмосферой, на высоте сотни миль. Таким образом, один виток вокруг Арба мы должны были совершать примерно за полтора часа. «Дабан Урнуд» двигался по более эллиптической орбите, высота которой менялась от четырнадцати до двадцати пяти *тысяч* миль. Время витка для него было в десять раз больше — около пятнадцати часов. Вообразите двух бегунов, которые бегают вокруг пруда — один так близко к воде, что уже

промочил ноги, другой — на расстоянии в полумилю. За то время, пока второй завершит круг, первый мелькнёт в поле его зрения раз десять. Всякий раз, как мы будем мелькать в поле зрения «Дабан Урнуда», тамошние наблюдатели смогут увидеть нас на фоне Арба. Правда, скоро мы вновь скроемся за планетой и будем вне видимости примерно по сорок пять минут из каждого часа. Запуск произошёл в один из таких интервалов, который теперь уже наполовину закончился.

Почему мы не вышли на более высокую орбиту? Потому что наша собранная на коленке система запуска не позволяла закачать столько энергии в груз.

Через двадцать минут, когда всё доставленное на орбиту двумя сотнями ракет окажется на линии видимости наблюдателей с «Дабан Урнуда», им предстанет несколько десятков шаров в туманности противорадарных дипольных отражателей — полосок металлизированной полиплёнки. Туманность эта, уже и сейчас в несколько миль шириной, будет увеличиваться по мере расхождения орбит. Из-за отражателей наблюдение в длинноволновом (радарном) диапазоне будет невозможно. Останется наблюдение в оптическом диапазоне, то есть Геометрам при-

дётся перебрать огромное количество фототипий, высматривая то, что не шар и не отражатель. Если мы всё сделали правильно, Геометры, даже отсняв достаточное число фототипий и проглядев их за разумное время, ничего не увидят, потому что мы и наше снаряжение будем за шаром.

Но это означало, что за двадцать минут надо многое успеть. Я так сосредоточился на предстоящей задаче, что едва не забыл предупреждение Джезри: «Не промахнись мимо шпигата». Впрочем, спазмы в горле вернули меня к реальности: я как раз успел нагнуть голову и закусить резиновый наконечник. Завтрак, пройдя сублимацию вакуумом, отправился в мешок для отходов, а я вернулся к делу. Большая таблетка, по счастью, не выскочила: она по-прежнему была где-то у меня внутри и посылала температурные и другие биометрические данные в процессоры скафандра.

Мне заметно полегчало, и целых десять секунд я не блевал.

Пристав к шару первым, Самманн назначил себя «хватом»: в его обязанности входило оставаться под шаром и закреплять поступающие грузы в одну, случайным образом соединённую массу. Грузом номер один был Жюль Верн Дюран. Эзма отбуксировала его к шару и затормозила.

Её шарман остановился, но шарман Жюля продолжал двигаться, как грузотон, который занесло на обледенелой дороге. Эзма вынуждена была дать задний ход, потому что шарман латерранца тащил её вперёд. Покуда Грато внимательно наблюдал, прикидывая, считать ли это коллизией, Самманн подлетел к Эзме и развернулся на месте. Из его шармана выскочила длинная тонкая кишка зонда, в мгновение ока растянулась на двадцать футов и нырнула в красную бахрому вокруг Жюля. «Держу!» Теперь Жюль был между Самманном и Эзмой. «Можешь отцепляться!»

— Отцепляюсь, — сообщила Эзма. — Попробую поискать другие грузы.

Она включила двигатели. Её зонд отделился от Жюлева кокона.

Так Самманн приступил к обязанностям хвата. Мы, остальные, были «подавалами»: нам предстояло маневрировать к грузам, цеплять их зондами и тащить хвату. Я повернулся, высматривая подходящий груз. Людей (их должно было быть одиннадцать) пометили красным цветом. Тендер и его ядерную установку — тоже (потому что без них мы бы долго не прожили). Кроме того, имелись пятьдесят грузовых шарманов с синими коконами. Поскольку мы не рассчитывали

собрать все пятьдесят, их сделали взаимозаменяемыми: каждый нёс немного воды, немного еды, немного топлива и так далее. Повернувшись, я увидел в непосредственной близости от себя неимоверное число синих и красных мохнатых коконов. Разум говорил, что собрать их невозможно. Что это катастрофа. Однако я мог по крайней мере подлететь к ближайшему красному кокону и удостовериться, что человек внутри жив и в сознании. Я только-только взял курс на него, как увидел выброс из сопл. На дисплее возник значок Джезри.

— У меня всё в порядке, — нетерпеливо объявил он. — Поищи себе более полезное дело.

За спиной у него двигался синий груз. Он был в нужной плоскости, но на слишком эксцентрической орбите, то есть терял высоту и мог через несколько минут войти в атмосферу и сгореть. Я развернулся «вперёд»: лицом туда, куда двигался по орбите вместе со всем остальным, потом принял «вертикальное» положение: такое, при котором мои ступни указывали на Арб, а горизонт планеты совпадал с определённой линией на щитке. Груз медленно «падал» в поле моего зрения. Я с помощью жёстика дал задний ход, замедлив свою скорость. Груз перестал «падать»

— я был на той же обречённой орбите, что и он. Ещё несколько манёвров, и я оказался в двадцати футах от него.

На мгновение меня отвлекла новая зрительная помеха: красный груз пронёсся через поле зрения слева направо и врезался в синий. Красный и синий слиплись. В первый миг я решил, что кто-то из нашей ячейки делает то же, что я. Но нет, он не выбросил захват, а просто держался за синий кокон скелекистью или чем-то ещё. Красный и синий грузы превратились в медленно вращающуюся двойную звезду. Я не видел реактивных струй от шармана — никаких признаков, что человек в сознании.

— Кажется, у кого-то неприятности — непреднамеренное столкновение, — доложил я.

— Я вижу то же, что ты, и сейчас разберусь, — сказал Арсибальт.

— Мне ближе, — заметил я, поворачивая голову и провожая его взглядом.

— Нет, — ответил он. — Ты занимайся своим грузом.

Итак, в бой. Но перед следующим шагом я не удержался и глянул на шар. В погоне за грузом я отлетел от него довольно далеко, но меня подбодрило число красных и синих коконов вблизи

шара. Суура Вай и фраа Оза сцепили несколько грузов в большую, лениво крутящуюся молекулу и тащили её, чтобы прицепить к комплексу за шаром.

Арсибальт доложил:

— Приближаюсь к фраа Джаду. Он сцеплен с синим грузом и, кажется, без сознания.

— Орбитальные параметры? — спросил Лио.

— Е опасно высокий, — сообщил Арсибальт, имея в виду эксцентриситет Джадовой орбиты. — Через несколько минут ему крышка.

— Тогда осторожней, чтобы самому не запутаться! — предупредил Лио.

— Включить камеру заднего захвата, — сказал я, и перед глазами возник виртуальный дисплей в рубиново-изумрудных лазерных тонах: зелёная сетка с красным перекрестьем посередине. Дисплей показывал то, что видел спилекаптор на задней стороне шармана. Я проверил свой угол тангажа и трекболом довёл его до ста восьмидесяти градусов. На дисплее возник груз: сейчас он был прямо за мной. «Первый захват, пуск!» — скомандовал я и почувствовал легкий тычок в копчик: это разорвалась оболочка цилиндрика со сжатым газом. Система захвата представляла собой длинную матерчатую трубку, собранную

в себя, как чулок. Теперь, наполнившись газом, она развернулась в тонкий и жёсткий баллон. На конце её располагалась головка, гладкая с внешней стороны, чтобы проходить через облако волокон вокруг груза, но с выдвижными шипами, которые она выпускала, отойдя на всю длину трубки и во что-нибудь уткнувшись.

Насколько я мог видеть через камеру заднего вида, всё получилось, однако был лишь один способ узнать наверняка. «Выключить камеру заднего захвата», — сказал я и рванул вперёд. Кажется, секунды две моё сердце вообще не билось. Затем я почувствовал рывок: крюк и вправду зацепился за кокон. Я позволил себе испустить ликующий вопль, затем вновь отыскал глазами шар.

Арсибальт докладывал:

— Джад спаян с грузом. Я не смогу их разделить.

Лио: Что значит «спаян»?

Арсибальт: Когда он наткнулся на груз, горячая сопловая юбка шармана расплавила синие пластиковые волокна, и они прилипли намертво. Я буду буксировать оба груза вместе.

Лио: Топлива хватит?

Арсибальт: Через минуту скажу.

Лио: Я к тебе. *Не трать всё топливо.* Мы даже не знаем, жив ли Джад.

«Семнадцать минут до линии видимости».

Времени ещё много. Я развернулся, как прежде, и, таща за собой груз, дал передний ход, чтобы выправить орбиту, которую сбил несколько секунд назад. Топлива теперь требовалось больше, поскольку масса удвоилась. Я немного нервничал, потому что длительный импульс, если выдан неправильно, даст большую ошибку. Показатель эксцентриситета в нижней части дисплея уменьшался и уже достиг 0,005, но мне надо было снизить его до 0,001, чтобы остаться на одной орбите с товарищами.

Через наушники я слышал, что другие проделывают сходные расчёты. Арсибальт, как я понял, сумел зацепить фраа Джада и спаянный с ним груз и теперь пытался сделать то же, что и я. Он сообщал показатели Лио, маневрировавшему, чтобы при необходимости прийти на выручку Арсибальту. Тем временем Джезри, слушая обоих, прикидывал, сколько потребуется топлива, и давал советы, тон которых со временем становился всё более приказным. Разговор сильно меня отвлекал, поэтому я нехотя отключил связь и сосредоточился на собственной ситуации.

Только снизив свой *e* до 0,001, я оторвал ладонь от жёстика и попытался отыскать взглядом шар. После нескольких мгновений неуправляемой паники, когда казалось, что шара нигде нет, я его обнаружил: он был справа «вверху» на расстоянии примерно в тысячу футов и медленно приближался. «Под» шаром усилиями других членов ячейки уже выросли гроздья синих коконов. Я огляделся, нет ли рядом ещё грузов, чтобы заодно подцепить их.

«Пятнадцать минут до линии видимости».

Значки Лио и Арсибальта не горели, но, как только я вошёл в радиус действия сетки, на дисплее возникло сразу несколько лиц. Я включил звук: с некоторым трепетом, потому что не знал, каких вестей ждать.

В уши ворвались крики — на всю мощь динамика. Я попытался вспомнить, где тут убавить громкость. Кричали не от ужаса, а как зрители на матче, когда на последних минутах после долгой равной борьбы одна сторона внезапно вырывается вперёд и заканчивает с разгромным счётом. На дисплее зажглось лицо Лио. «Спокойно! Спокойно!» — требовал он, возмущённый отсутствием дисциплины. Зажёгся значок Арсибальта. «Самманн, готовься зацепить фраа

Джада. Он не отвечает». Голос был преисполнен неестественного спокойствия, но я чувствовал, что если посмотреть Арсибальтову биометрию, она покажет уровень волнения, близкий к несовместимому с жизнью.

Шар быстро увеличивался. Однако я был слишком высоко — слишком далеко от Арба. Чтобы погасить часть скорости — перейти на более низкую орбиту, — я дёрнул к северо-западу. Я говорю «дёрнул к северо-западу», как будто это просто, но поскольку я буксировал на двадцатифутовом тросе груз, манёвр требовал более сложных действий: надо было сначала повернуть и зайти по другую сторону груза, и только потом выдать импульс. Это замедляло мое продвижение.

Самманн сказал:

— Держу. Он жив. Правда, биометрия какая-то чудная.

Все смотрели, как Арсибальт буксирует фраа Джада. И вдруг мой шлем наполнили крики: «Берегись!», «Тьфу ты!», «Близкого как!» и «Плохо дело! Он красный!»

Повернув голову, я увидел то, что стало причиной переполоха: красный груз пронёсся в нескольких ярдах от шара с большой относительной скоростью: так быстро, что пройди он

чуть «выше», не миновать бы столкновения. Всё произошло настолько стремительно, что никто не успел рвануть к грузу, заарканить его и остановить. Сейчас он летел между мною и шаром.

— Это реактор, — сообщил я, вглядевшись. Потом приказал скафандру: — Отсоединить захват.

«Захват отсоединён», — раздалось в наушниках.

Я выдал короткий импульс, чтобы оторваться от синего груза, и крикнул, что беру реактор на себя и чтобы кто-нибудь подобрал мой груз.

Реактор двигался так быстро, что я переключился на инстинкты, выработанные видеоигрой в Эльхазге. Я выдал боковой импульс, который, хоть и не решал задачу, замедлил скорость, с которой увеличивался разрыв между мною и красным грузом. Лица на дисплее гасли одно за другим, голоса доносились бессвязными обрывками. Я разобрал слова Арсибальта «...не та плоскость», подтвердившие мои собственные мысли: из-за небольшой погрешности при запуске реактор сейчас двигался по орбите с несколько иным углом наклонения.

Один голос, впрочем, слышался вполне отчётливо: «Тринадцать минут до линии видимости».

Я попробовал другой манёвр — неудачно — и с

чувством, близким к панике, увидел, как реактор пронёсся в поле моего зрения. Через мгновение подо мной возник Арб, и я понял, что вращаюсь — видимо, рука нечаянно задела трекбол. Несколько секунд ушло на то, чтобы остановить вращение, а затем снова повернуться (уже медленно) и отыскать глазами реактор. Покончив с этим, я обернулся на шар. Он был пугающе далеко.

Когда я снова взглянул на реактор, то не увидел его: он затерялся в блеске Экваториального моря. Я дал задний ход, сбрасывая высоту, и красный кокон снова показался над горизонтом.

Никого из наших рядом не было. Они услышали, как я пообещал догнать реактор, и рассудили, что я справлюсь.

«Спокойно», — сказал я себе. Действуя медленно и правильно, я скорее вернусь к друзьям, чем если совершу три судорожных неудачных попытки. Я стабилизировался, чтобы реактор был низко в поле моего зрения и прямо впереди, а затем принудил себя тридцать секунд не дёргаться, а только следить за ним, проверяя, насколько его траектория отличается от моей.

Определённо ошибка в наклонении орбитальной плоскости. Чтобы скомпенсировать разницу,

надо было включить движок, что я и сделал, но по ходу сбил большую полуось и ещё пару параметров так, что через десять минут сгорел бы в атмосфере. Следующие шестьдесят секунд ушли на то, чтобы их выправить.

Манёвры поворота плоскости наиболее энергоёмки.

Я не разрешал себе больше глядеть на шар. Отчасти боялся того, что увижу: моё убежище, мои друзья немыслимо далеко. А главное — это не имело значения. Без реактора, энергия которого нужна, чтобы расщеплять воду на водород и кислород, мы все через два часа задохнёмся. Если я струшу и вернусь к шару один, моё возвращение станет смертным приговором для всей ячейки.

Я приблизился к реактору, но в последнее мгновение меня занесло вбок. Я повернул, остановился («остановился» в данном случае означает, что мы с реактором не смещались друг относительно друга). «Три минуты до линии видимости», — объявил голос. Я совсем легонько тронул жёстик и увидел, что приближаюсь к реактору. Только бы получилось! Я заставил себя дышать медленнее.

Я не стал выбрасывать захват, а ещё несколько секунд маневрировал, чтобы ухватить волокна скелекистью. Когда мне это наконец удалось, я

повернулся туда, где, по моим прикидкам, должен был находиться шар... и не увидел ничего. Вернее, увидел слишком много. Наша стратегия ложных целей сработала против меня. Я не мог отличить истинного от ложного. Примерно на одном расстоянии от меня были три шара — каждый не ближе, чем в десяти милях. Даже правильно угадав нужный, я бы не долетел до него за три минуты. А в случае ошибки не смог бы её исправить, потому что растратил бы всё топливо на полёт к ложной цели.

Попробуем взглянуть по-другому. Мы с реактором на стабильной орбите. Я дважды проверил расчёт, потому что от его правильности зависела жизнь — моя и моих друзей. Форма и размеры орбиты были таковы, что нам с реактором не грозило сгореть в атмосфере по крайней мере в ближайшие сутки-двое.

Что, если просто оставаться на ней? Кислорода было часа на два, но я мог сэкономить его, если немного успокоюсь. Я точно знал, что проблема в наклонении: угле между плоскостью, в которой вращались мы с реактором, и плоскостью экватора. У нас этот угол был чуть больше, чем у моих товарищей. Соответственно моя траектория пересекалась с орбитой ячейки номер 317 лишь

раз в сорок пять минут, в двух точках по противоположные стороны Арба. Как те сломанные часы, которые дважды в сутки верно показывают время. Последний раз это произошло пятнадцать минут назад, когда реактор чуть не протаранил моих друзей и я устремился за ним вдогонку. С тех пор наши траектории расходились. Но довольно скоро они снова начнут сближаться. А через полчаса нас ждёт новое рандеву.

«Минута до линии видимости».

Главный вопрос: что думают мои друзья? Что они сейчас говорят в своей сетке? Я помнил фразу Арсибальта про неверную плоскость. Они, вероятно, с растущей тревогой наблюдали, как я уплываю прочь, и спорили, отряжать ли за мной спасателей.

Но не отрядили. Лио не отдал такого приказа. Более того, они преодолели соблазн включить дальнюю связь.

Будь это кто другой, я не мог бы читать их мысли, а они — мои. Однако моих друзей обучил и выпестовал Ороло. Они сообразили — наверняка быстрее, чем я, — что через сорок пять минут реактор появится с другой стороны Арба. Более того, они полагались на меня: верили, что я тоже это сообразил и буду действовать соответственно.

А что значит «соответственно»? Сохранять спокойствие и не менять орбиту. Пока я на ней, они знают где я. Если я начну дергаться, они не смогут предсказать моё местоположение.

Особых аварийных припасов у меня с собой не было, только одеяло из металлизированного полипластика (такое же, как выдали Ороло после анафема), прилепленное лентой к груди скафандра. Им предполагалось закрываться от солнца, чтобы чёрные скафандры не перегревались и системе охлаждения не приходилось работать на полную мощность, расходуя кислород. Я отлепил одеяло, развернул — довольно сложная работа, когда орудуешь скелекистями, — затем, как мог, накрыл реактор и поднырнул под краешек.

«Линия видимости установлена».

Теперь телескопы «Дабан Урнуда», если они смотрели в эту сторону, могли меня видеть, впрочем, только как соринку в туче отражателей, выброшенных двухсотракетным запуском.

Попробуем представить так: до «Дабан Урнуда» примерно четырнадцать тысяч миль. Из перигея вся планета для них — круглый пирог на расстоянии вытянутой руки. Из апогея — блюдце. Увидеть на таком удалении моё одеяло — всё равно что высмотреть одну обёртку от жвачки за

сотню миль. Хуже (для меня лучше) — всё равно что высмотреть одну обёртку из многих на целом замусоренном поле.

Однако Лио (прихвативший с собой на конвокс «Внеатмосферные вооружения эпохи Праксиса») советовал нам не расслабляться, и Жюль подтвердил его слова, сказав, что урнудцы, непревзойдённые мастера космических войн, подсоединили к мощным телескопам синапы, способные просеивать огромное количество снимков и обнаруживать аномалии. Ложные цели, например, отличить легко, потому что обычно это просто аэростаты, которые из-за большого размера и малого веса тормозятся сопротивлением сверхразреженной атмосферы сильнее настоящих грузов.

Поэтому у ложной цели орбита будет немножко не такая, как у истинной. Более того, как только урнудцы составят полный каталог всего, выведенного в космос двухсотракетным запуском, они смогут заметить, если что-нибудь исчезнет или перейдёт на другую орбиту. На это способны только объекты, снабжённые двигателем и системой наведения.

Так что в этом смысле мы уже провалили миссию. Оставалось надеяться, что внезапное

исчезновение моего одеяла из мусорного облака будет замечено не сразу, и Геометры не успеют принять меры.

Однако я забегаю вперёд. Чтобы одеяло внезапно исчезло, мне надо было встретиться с товарищами.

Что будет куда проще, если у меня останется кислород. Я закрыл глаза и постарался расслабиться, не думать про урнудцев, их мощные телескопы и синапы. Сейчас был тот редкий случай, когда тревога буквально может меня убить.

Как только пульс снизился до приемлемого уровня, я отыскал в культях клавиатуру и отстучал послания Але и Корд на случай, если я погибну, а мой скафандр найдут и скачают из него информацию.

В синапе скафандра имелся калькулятор орбитальной теорики. До сих пор пользоваться им не было времени, но сейчас я его включил и проверил свои прикидки, что надо будет делать, когда я сближусь с остальными. Однако сосредоточиться было неимоверно трудно. Мозги превратились в старую губку, которая впитала больше воды, чем может удержать.

В невесомости человек и скафандр почти не соприкасаются. Нужной температуры воздух цир-

кулировал вокруг моего нагого тела — я как будто купался в воздухе. За спиной работала небольшая химическая фабрика, но я ощущал её лишь как источник слабого белого шума. В остальном я слышал только биение своего сердца. В других обстоятельствах можно было бы прогнать апатию, просто открыв глаза и глянув через щиток: я в космосе! Однако сейчас, словно курица в фольге, я видел только изнанку мятого космического одеяла. Немудрено, что меня клонило в сон. И у разума, и у тела были все основания требовать отдыха: в Эльхазге мы из-за сбоя часовых поясов и плотных тренировок почти не спали, а в последние сутки и вовсе не сомкнули глаз. Предыдущие полчаса были наполнены событиями, после которых любому нормальному человеку захочется юркнуть под одеяло, выплакаться и уснуть.

Отрубиться прямо сейчас мне мешал только страх перед собственной сонливостью. После эльхазгских занятий я помнил симптомы отравления двуокисью углерода лучше, чем алфавит. Тошнота есть. Головокружение есть. Рвота есть. Головная боль есть. Но кто бы не испытывал этих симптомов после того, как его забросило на верхнюю площадку стомильной лестницы? Что ещё? Ах да, чуть не забыл. Сонливость и путаница

в мыслях.

Я проверил показания на дисплее. Перепроверил их. Закрыл глаза, выждал, пока зрение прояснится, перепроверил в третий раз. Всё было отлично. Индикатор кислорода в баллоне жёлтый (естественно, после того, как я столько времени учащённо дышал), но содержание во вдыхаемом воздухе нормальное, концентрация CO_2 — нулевая: газоочиститель исправно его вытягивает.

Но, может быть, из-за сонливости и путаницы в мыслях я неправильно читаю показания?

Я задрёмывал, но просыпался каждые несколько минут. После запуска прошло уже достаточно времени, чтобы попытаться заново всё осмыслить. Я так сосредоточился на грузе, который ловил, что не сразу рванул к Джаду, когда увидел его сцепленным с синим коконом. Это была ошибка. Вместо меня на выручку Джаду поспешил Арсибальт и, судя по тому, что кричал Джезри, чудом спас Джада и спасся сам.

План явно неудачный. Кто вообще его выдумал?

Я понимал логику. У Арба было двести баллистических ракет. Ни одной больше. Каждая могла вывести крошечный полезный груз на опасно

низкую короткоживущую орбиту. Из этого исходили создатели плана. В Эльхазге мы все его изучили, покивали, согласились.

Но то в Эльхазге. В космосе, под одеялом, когда грузы хаотически несутся вокруг, сталкиваясь и сцепляясь между собой, понимаешь, сколькими способами всё могло пойти наперекосяк.

И ещё может. Возможно, в эту самую минуту всё идёт наперекосяк.

Что, если бы я, поймав реактор, сгоряча сделал попытку вернуться с ним к шару? Мы бы все погибли.

Я снова тревожился. Хуже того. Бессмысленнее. Я тревожился не о будущем, которое можно изменить, а том, что могло произойти в прошлом и чего теперь всё равно было бы не исправить.

Лучше предоставить это инкантерам и риторам соответственно.

Где сейчас все тысячелетники? На стадионе, поют?

— Эй, Раз!

Я открыл глаза и, как иногда бывает, не сразу понял, где нахожусь, — не мог убедить себя, что запуск мне не приснился.

— Эй, Раз!

На дисплее горел один значок: фраа Джезри.

— Здесь.

— Рад слышать твой голос! — воскликнул он с неимоверным облегчением.

— Я очень тронут твоими словами, Джезри...

— Заткнись. Я лечу к тебе. Убери одеяло, чтобы видеть, что происходит.

— А стоит ли? Мы разве не на линии видимости?

— Были, *прошлый раз*. Сейчас нет.

— Прошлый раз?

— Первый раз мы тебя упустили. Траектории сблизились, но перепад высоты был слишком большой. Связь не доставала.

— Это *вторая* попытка? — Я глянул на время. Джезри был прав. Прошло не сорок пять минут, а девяносто! Индикатор кислорода стал красным. Я проспал первую встречу!

Я сдёрнул одеяло. Шар был в миле от меня и быстро приближался. Под ним в неряшливой паутине из раздутых захватных трубок парили десятки синих и красных коконов. Несколько фигурок на шарманах заняли позицию рядом; все они были развёрнуты в мою сторону. На дисплее разом загорелись их значки: я вошёл в радиус действия сетки. Однако говорил только Джезри. Он летел ко мне один.

— Если не получится, сохраняй спокойствие и жди, — сказал он. — У нас два уровня запасных планов.

— Но план номер один — отрядить за мной лучшего из членов команды? — Я легонько оттолкнулся от реактора и выпустил в него захват.

— Спасибо, но после того, что ты сделал, право гордиться собой — у тебя. — Джезри подплыл ко мне, развернулся и тоже выпустил захват.

— Гордиться будем в старости, — сказал я. — Что надо делать?

— Ориентация радиальная положительная, — ответил он. Это значило, что нам надо развернуться из теперешнего положения (лицом по направлению орбитального полёта) на девяносто градусов, спиной к Арбу. Я так и сделал, и легонько столкнулся с Джезри, выполнявшим тот же манёвр.

— Повернись на сорок пять градусов вниз и выдай пятнадцатисекундный импульс, — продолжал он.

Пятнадцать секунд — это очень много. Если Джезри ошибся, мы войдём на орбиту, вернуться с которой нам не хватит топлива. Однако я сделал что сказано. Без колебаний. Это был Джезри. Он хладнокровно смотрел, как я ринулся за реакто-

ром. Просчитал всю теорику в голове и трижды проверил на синапе. Я повернул и выдал импульс. При этом потерял шар из поля зрения.

— Ты летишь к нам, будто мы тянем тебя на леске, — объявил Самманн. Однако слова были даже излишни — мне хватило бы одного его тона.

— Ничего не делайте, — предупредил Лио. — Вы проходите под нами… сейчас мы вас зацепим.

Через мгновение два рывка и взрыв ликующих воплей сообщили мне, что мы зацеплены. Я убрал ладони с манипуляторов, чтобы дрожащими руками случайно не включить сопла, и позволил Озе с Лио подтянуть нас к себе.

— Мы тебя закрепили, Раз, — сказал Лио. — Самманн, проверься ещё разок по звёздам, пожалуйста.

— Мы по-прежнему закрыты шаром, — откликнулся Самманн.

— Отлично, — сказал Лио. — Думаю, все хотят поздравить фраа Эразмаса, но попрошу вас воздержаться и поберечь кислород. Ещё успеете. Арсибальт, ты знаешь, что делать дальше. Если надо одолжить у кого-нибудь кислород, скажи.

Все члены ячейки натянули поверх скафандров белые комбинезоны для защиты от микрометеороидов и солнечной радиации и стали похожи

на настоящих астронавтов. Мне передали такой же комбинезон, и я его надел, потом, как и остальные, пристегнулся к паутине захватов и попытался уснуть, пока Арсибальт и Лио запускают тендер. Для этого его надо было состыковать с реактором. К тендеру уже подсоединили гибкий резервуар с водой. В моё отсутствие остальные члены ячейки собрали воду из баллонов в синих грузах и закачали в резервуар, раздувшийся до размеров ванны.

Арсибальт подключился к панели управления реактора и долгое время пребывал без движения: видимо, читал инструкцию на визуальном дисплее в своём шлеме и выполнял пошаговую проверку. Затем распрямил длинные штыри с одной стороны тендера, так что тот ощетинился, как ёж. На штырях раскрылись лепестки, скрыв их наконечники. Арсибальт вернулся к пульту управления и некоторое время что-то там делал, потом объявил:

— Я включил реактор. К штырям не прикасайтесь. Они горячие.

— Горячие — в смысле радиоактивные? — спросил Джезри.

— Нет. Горячие — в смысле жгутся. Здесь система сбрасывает в вакуум избыток энергии.

— Затем, после паузы: — Но и радиоактивные тоже.

Все промолчали, но, думаю, не я один проверил у себя уровень кислорода. Теперь вода в тендере расщеплялась на водород и кислород. Через несколько часов мы сможем заменить израсходованные баллоны и поставить свежие газоочистители. До тех пор предстояло сохранять спокойствие и делиться кислородом с тем, кому он нужнее. Эзма, например, добывала воду из синих грузов и потратила большую часть своего кислородного запаса.

Лио сказал:

— Всем, кроме Самманна и Грато, пить, есть и спать. Если совсем не сможете уснуть, просмотрите заранее следующие задачи. Самманн и Грато, соединяйте нас.

Самманн и Грато выбрались из своих шарманов и углубились в путаницу грузов. Они отыскали какую-то волшебную коробочку и подвесили её так, чтобы получилась прямая линия видимости с Арбом. Через несколько минут Самманн объявил, что мы в авосети. Я догадался об этом ещё раньше: когда на периферии зрения начали загораться новые огоньки и жужульные дисплеи.

— Привет, фраа Эразмас, говорит ячейка номер

87, — произнёс голос у меня в ушах. — Ты меня слышишь?

— Да, Тулия, слышу тебя хорошо. Доброе утро или что там у вас сейчас.

— Вечер, — сказала она. — Мы в подсобке на ферме в тысяче миль к юго-западу от Тредегара. Почему так долго не выходили на связь?

— Мы валяли дурака и глазели по сторонам, — ответил я. — А вы? Чем занимается ячейка номер 87 в подсобке?

— Всем, что может облегчить тебе жизнь.

— Тулия, я и не знал, что ты можешь быть такой доброй и отзывчивой...

— Заткнись. Тебе пора опорожнить мочевой пузырь. За чем дело стало?

— Сейчас этим и займусь.

— Есть какая-нибудь причина для убыстрения пульса?

— Фу-ты, даже и не знаю. Дай подумать...

— Не трудись, — сказала она. — Вот картинка той каши, которую вы у себя устроили. Глянь на неё, пока писаешь.

В шлеме возникло трёхмерное изображение большой серебристой сферы с путаницей захватов и коконов.

— Вот где ты сейчас, — продолжала Тулия. За-

мигала жёлтая надпись с моим именем. — А вот где ты должен быть. — Замигал груз на противоположной стороне каши. — Мы разработали оптимальный путь.

От моего имени к грузу пролегла ломаная линия.

— С виду не такой уж оптимальный, — начал я.

Тулия меня оборвала:

— Ты многого не знаешь. Каждый в ячейке должен двигаться к своему грузу. Пути рассчитаны так, чтобы минимизировать столкновения.

— Беру свои слова обратно.

На середине моего будущего пути замигал красный квадратик.

— Что там красное? — спросил я.

Тулия посовещалась с кем-то в подсобке и ответила:

— У одного из грузов острый угол, на который тебе лучше не напарываться. Не беспокойся, мы поведём тебя шаг за шагом.

— Ну, спасибо...

Тулия пошуршала бумагами и объявила:

— Сейчас я буду пошагово тебе говорить, как отсоединиться от S2-35B.

— Мы тут называем их шарманами...

— На здоровье. Подведи правую руку к пряжке над левой ключицей...

Я опишу то, что мы сделали дальше, так, будто мы просто взяли и сделали. На самом деле, как в старом анекдоте, мы за каких-то двадцать четыре часа переделали работы на целый час.

У нас ушло бы двадцать четыре дня, если бы ячейки поддержки не следили за всеми нашими действиями и не находили способов их упростить. В перерывах — за соблюдением которых жёстко следили личные врачи — я узнал, что Арсибальтова ячейка поддержки базируется в спущенном плавательном бассейне келкской приходской сувины, а ячейка Лио — в грузотоне без опознавательных знаков, стоящем в ремонтной мастерской. Как постепенно стало ясно, каждую из них в свою очередь поддерживает целая сеть ячеек Рассредоточения.

Мы начали с того, что разобрали грузы, пойманные в первые лихорадочные двадцать минут. Суура Вай занималась Жюлем Верном Дюраном и фраа Джадом. Оба, как выяснилось, были живы-здоровы. Латерранец ослабел от недоедания и поэтому хуже остальных перенёс запуск; ему просто требовалось больше времени, чтобы очухаться. Менее ясно, что произошло с фраа

Джадом. Он не отзывался, хотя показатели жизнедеятельности были более или менее в норме и глаза оставались открытыми. Какое-то время спустя он попросил сууру Вай от него отстать, отключился от сетки и целый час ничего не делал. Затем принялся вместе со всеми сортировать грузы. Мне было очень интересно, кто в *его* группе поддержки.

Коконы мы стаскивали, комкали и убирали с дороги. Грузы склеивали полилентой, чтобы они не выплыли из-под шара и не выдали наше местоположение. К собранным вместе тюкам прикрепили шарманы и с их помощью сохраняли орбиту. Из-за малой массы и большого лобового сопротивления шар бы неизбежно отставал, оставляя нас без укрытия, если бы мы время от времени не притормаживали себя двигателями. Продолжайся это более двух суток, мы бы вместе с шаром в конце концов вошли в атмосферу, а дальше уже чисто теорический вопрос: сгорим мы раньше, чем нас раздавит перегрузка, или наоборот. Но мы не собирались задерживаться тут так надолго.

Арсибальт, Оза и я монтировали ложную цель, остальные — холодное чёрное зеркало.

Обманку мы сооружали на основании из семи

связанных шестиугольником шарманов. Как раньше суура Эзма собрала из синих грузов воду, так мы теперь собрали топливо и залили в баки обманки.

Таким образом, вопрос движущей силы был решён. На получившейся платформе мы закрепили нечто, похожее на комок мятого тряпья. Это была надувная структура, составлявшая отдельный груз. Сбоку у неё имелась застёжка-молния. Мы открыли её и затолкали внутрь всё ненужное: оболочки коконов, остатки упаковочных материалов, лишние детали остальных шарманов. Ещё были четыре манекена в комбинезонах. Мы застегнули молнию, чтобы мусор не уплывал, и время от времени открывали, когда кому-нибудь надо было что-нибудь выкинуть. Саму структуру мы пока не надули, потому что места под шаром было мало и становилось всё меньше по мере того, как холодное чёрное зеркало обретало форму.

По моему описанию может сложиться впечатление, что зеркало было тяжёлым, но, как почти всё здесь, оно имело почти нулевую массу, поскольку состояло из надувных распорок, проволоки с эффектом памяти формы, мембран и аэрогеля. Зеркало было квадратное, пятьдесят на пятьдесят футов. Верхняя сторона — совершенно

гладкая (мембрана, натянутая, как кожа на барабане) и идеально отражающая, причём не только видимый свет, но и микроволны (диапазон, в котором работали радары Геометров). Нам предстояло держать зеркало между собой и «Дабан Урнудом», но не ровно, а под углом, как скат крыши, чтобы радарные лучи отражались в других направлениях. При этом мы всё равно будем давать сильное эхо, однако оно не достигнет «Дабан Урнуда» и не отразится на тамошних экранах.

Если поддерживать нужную ориентацию зеркала, отражаться в нём будет всё тот же космос, а он везде примерно одинаковый: чёрный. Если Геометры посмотрят на нас в очень мощный телескоп, они могут обнаружить звёздочку-другую не на своём месте, но вероятность этого исчезающе мала.

Другое дело, когда мы будем проходить между «Дабан Урнудом» и освещённой поверхностью Арба. Однако мы надеялись, что на диске поперечником восемь тысяч миль клочок тьмы пятьдесят на пятьдесят футов останется незамеченным. Это всё равно что одна бактерия на тарелке.

Если дать зеркалу нагреться, то оно станет излучать инфракрасный свет, который Геометры могут заметить. Поэтому больше всего изобрета-

тельности конструкторы направили на систему охлаждения. Под мембраной находились твердотельные охладители, получавшие энергию от реактора. Сам реактор, как упомянул Джезри, производил уйму лишнего тепла. В инфракрасном диапазоне он светился бы, как казино. Однако если держать его под холодным чёрным зеркалом, радиаторами в сторону Арба, он никогда не окажется на линии видимости Геометров.

Подъёмную силу должны были создавать три шармана и (позже) моток бечёвки. Скафандрам отводилась роль жилых отсеков, коек, туалетов, трапезных, аптек и развлекательных центров.

Но не клуатров. Космическое путешествие богато интересными моментами, однако уединённых раздумий оно не предусматривает. Во время аперта и позже, когда нас призвали, самый сильный культурный шок у меня вызвали жужулы. Не упомнить, сколько раз я восклицал про себя: «Слава Картазии, что я не прикован к этому кошмарному устройству!» Теперь мы постоянно находились в жужулах: суперультрамегажужулах, чей экран занимает всё поле зрения, динамики вставлены в уши, микрофоны передают каждое слово, каждый вдох внимательному слушателю на другом конце линии. Часть

её была даже *внутри* меня: большой приёмопередатчик температуры.

Нам позволяли работать всего по два часа кряду, затем наступал обязательный перерыв. Телу для отдыха от физических усилий хватило бы одного перерыва из трёх. Как я постепенно догадывался, два других нам давали, чтоб душа отдохнула от неумолимого, ошеломляющего потока информации, закачиваемой в глаза и уши.

Как ни странно, в редкие минуты передышки мне хотелось одного: с кем-нибудь поговорить. По-человечески.

— Тулия? Ты здесь?

— Я возмущена, что ты ещё не уснул! — пошутила она. — Отстаёшь от расписания. Ну-ка, руки в ноги и спать!

Я не рассмеялся.

— Прости, — сказала она. — Что там?

— Ничего. Просто думаю.

— Ой-ой.

— Неужто на всём Арбе никто лучше нас не справился бы с этой миссией?

— Хм. Раз решение принято, значит, так и есть.

— Но как оно было принято? Погоди секундочку, я знаю: Ала пробила его через какой-то комитет.

— Может быть, ничего и не надо было *пробивать*, — сказала Тулия, и я улыбнулся брезгливости, с которой было произнесено последнее слово. — Но ты прав, без Алы тут не обошлось.

— Отлично. Она ничего не пробивала. Но вряд ли это были мягкие уговоры. Или рациональный диалог. С такими-то собеседниками.

— Ты даже не представляешь, насколько рациональны военные в критических ситуациях и насколько осмысленным становится диалог.

— Но военные должны были просто сказать: «Это дело для наших ребят. Десантников. Не для кучки инаков, беглого ита и голодного пришельца».

— Была... есть запасная команда, — призналась Тулия. — Кажется, сплошь из военных. Их готовили так же, как и вас.

— Так почему же всё-таки скафандры и шарманы достались нам?

— В какой-то мере из-за языка. Жюль Верн Дюран — бесценное достояние. Он говорит на орте, но не знает флукского. Значит, команда должна быть хотя бы отчасти ортоговорящей. Двуязычие чревато самыми разными накладками...

— Хм. То есть, вероятно, мы были запасными, пока на нас не свалился Жюль Верн Дюран...

— Он на вас не свалился, — напомнила Тулия. — Вы...

— Ладно, я о другом. Меня по-прежнему удивляет, как бонзы вообще стали рассматривать такую мысль, при том что у них есть астронавты и десантники. Настоящие профи, которые на этом деле собаку съели.

— Но, Раз, ты обучаем. Если «это дело» — управлять S3-35B и собирать холодное чёрное зеркало, ты в силах его освоить. Всю жизнь, с тех самых пор, как тебя собрали, ты тренировал мозги, чтобы стать обучаемым.

— Ну, может, тут и впрямь есть резон. — Я вспомнил немыслимое прежде зрелище: Арсибальта, включающего ядерный реактор.

— Но решающий довод — не знаю, конечно, как именно Ала его сформулировала, — что миссия в целом будет состоять не из одного полёта. Кто знает, что вам предстоит делать там, куда вы летите? И тут тебе придётся пустить в ход всё умение соображать, все знания, полученные с тех пор, как ты стал фидом.

— С тех пор, как я стал фидом... сейчас кажется, что это было давным-давно.

— Угу, — сказала она. — Я тоже недавно об этом думала. Как я прошла через лабиринт. Вышла

на солнце. Прасуура Тамура взяла меня за руку и налила мне миску супа. И я помню, как собрали вас.

— Ты водила меня по матику, — сказал я, — как будто жила там уже сто лет. Я думал, ты не иначе как тысячелетница.

На другом конце линии Тулия шмыгнула носом, и я на минуту закрыл глаза. Скафандр был рассчитан на все выделительные функции организма, кроме слёз.

Каким же я был болваном, когда мечтал об отношениях с Тулией! Уж если с Алой сложно, то каково было бы с ней?

— Ты с Алой говоришь? У вас есть контакт? — спросил я.

— Наверное, если потребуется, я могу с ней связаться, — ответила Тулия. — Но ни разу не пробовала.

— Ты была занята.

— Да. Когда вашу ячейку запустили в космос, Алина ответственность сразу выросла. Думаю, ей некогда отвлекаться.

— Ну... надеюсь, она там сейчас придумывает, что нам делать, когда мы окажемся на месте.

— Уж это точно, — сказала Тулия. — Ты и представить себе не можешь, насколько серьёзно Ала

воспринимает свою ответственность за... за то, что произошло.

— На самом деле, я примерно представляю. Знаю, она боится, что мы все погибнем. Но если бы она видела, как слаженно мы работаем, ей бы полегчало.

Мы снова зашли за Арб. Я уже потерял счёт, сколько раз мы оказывались на линии видимости «Дабан Урнуда» и вновь с неё пропадали. Остальные пристегивались к конструкции крепления двигателей под холодным чёрным зеркалом. Я был под обманкой: пошагово выполнял инструкцию из двухсот пунктов. Оставалось ещё семнадцать.

— Выдернуть шнур надува, — прочитал я вслух и выдернул. — Готово.

В вакууме я не мог слышать, как шипит выходящий газ, но чувствовал его рукой, сжимавшей раму обманки.

— Есть, — сказал Лио.

— Наблюдать за процессом надува, — зачитал я следующую строчку технопрехни. Вялый ком раскрашенной ткани, до последнего времени служивший нам мусорным мешком, начал распрямляться и обретать форму по мере того, как наполнялся газом внутренний каркас. Некоторое

время я боялся, что ничего не выйдет — газа не хватит или что-нибудь ещё произойдёт не так, — но через несколько секунд структура расправилась.

— Состояние? — спросил Лио. Он был под зеркалом и ничего не видел.

— Состояние такое... такое прекрасное, что мне хочется на неё влезть и отправиться в полёт.

— Есть, — сказал Лио.

— Начать визуальный осмотр. — Минуту я лазил по обманке, любуясь её картонными «двигателями ориентации», легчайшими «антеннами» из полиленты и проволоки с эффектом памяти формы, нарисованными от руки «подпалинами» и прочими чудесами бутафории, над которыми лабораториумы на конвоксе трудились не одну неделю. Я нашёл неразвернувшееся «сопло» и вытянул его скелекистью, потом подёргал замявшуюся распорку, чтобы она надулась. Убрал прилипший лоскут упаковочного тряпья.

— Всё отлично, — объявил я.

— Есть.

Теперь по инструкции предстояло открыть несколько клапанов и проверить давление в двигателях. Я понимал, что любая неисправность в системе меня убьёт, но выбора не было.

«Десять минут до линии видимости».

Последним пунктом значилось включить таймер и установить обратный отсчёт на пять минут. Финальное «Есть» Лио ещё звучало в ушах, когда я почувствовал сильный рывок — Оза потянул меня за страховочный фал. Через несколько секунд я был под зеркалом и остальные пристёгивали меня так торопливо, будто я — опасный буйнопомешанный, которого они сегодня с утра ловили. Разговор сводился к коротким строчкам инструкций и таким же лаконичным ответам.

«Восемь минут до линии видимости».

Воздушные мешки в скафандре раздулись. Блеснул свет: это заработали двигатели зеркала. Меня вдавило в спину скафандра. Как всегда, мы были развёрнуты лицом вверх и не видели, что происходит. Но на этот раз у нас была спиль-передача, так что мы могли наблюдать, как удаляются шар и обманка. К исходу пяти минут они были так далеко, что мы различили лишь один голубой пиксель включившихся двигателей.

Через несколько минут обманку увидят Геометры: к тому времени она вновь окажется на линии их видимости.

Наши двигатели выполнили свою роль: вывели нас на траекторию, на которой мы достигнем вы-

соты «Дабан Урнуда». Больше они не понадобятся. Мы снова были в свободном падении. Воздушные мешки в скафандрах сдулись.

Я расстегнул пару пряжек и повернулся, чтобы видеть обманку. Её двигатели работали ещё некоторое время, словно в смелой попытке вырваться с низкой орбиты и долететь до «Дабан Урнуда».

Потом она взорвалась.

В полном соответствии с планом. Мы не знали, как поступит с обманкой Основание и чем нам это грозит, поэтому, чтобы не рисковать, конструкторы заложили в программу ошибку. Не тот клапан открылся не в тот момент. И обманка рассыпалась. Огня как такового не было, грохота мы, разумеется, не слышали. Вся структура просто превратилась в быстро растущее облако ошмётков. Всего через несколько минут мы увидели в атмосфере под собой яркие чёрточки: это сгорали куски обманки. Урнудцы, как мы надеялись, должны были решить, что наш жалкий гамбит провалился из-за неисправности двигателя — ситуация более чем правдоподобная, — и направить свои сенсоры на съёмку фрагментов, чтобы собрать как можно больше информации, пока всё не сгорело в атмосфере. Холодного чёрного зеркала они не увидят.

Следующий этап путешествия занял несколько суток и разительно отличался от первых двадцати четырёх часов. У нас больше не было широкополосной связи с поверхностью. Поскольку и дел особых не было, то наступило затишье.

Сейчас мы были в положении птицы, летящей прямиком на воздухолёт. До «Дабан Урнуда» мы бы, безусловно, добрались, но, чтобы не остаться кляксами сублимированного мяса на его щебнистой поверхности, надо было затормозить.

В нормальном космическом полёте мы бы в последнюю минуту выдали короткий импульс и завершили его несколькими изящными манёврами при помощи сопл. Но поскольку мы хотели подобраться незаметно, такой метод не годился. Нам нужен был способ затормозить, не включающий стремительный выброс раскалённого газа.

Конвокс нашёл решение: электродинамический фал, то есть попросту проводящий шнур с грузиком на конце. Длина фала — тонкого, но прочного, примерно как наши хорды, — составляла пять миль. Чтобы он оставался натянутым, требовался груз. Эту роль мы отвели уже ненужным шарманам, спрятанным под уменьшенной и более простой версией холодного чёрного зеркала. Итак, нашей первой задачей, после того,

как мы выбрались из-под шара, было скрепить шарманы, соорудить над ними зеркало и привязать их к фалу. Мы выждали, пока Арб окажется между нами и «Дабан Урнудом», и приступили к самому авантюрному — на грани безумия — этапу операции: то есть закрутились и при помощи возникшей центробежной силы вытравили пять миль фала. Хуже — страшнее и неприятнее всего были первые несколько минут, пока груз не отошёл чуть дальше. Потом скорость нашего вращения вокруг общего центра тяжести замедлилась, так что Арб уже не мелькал в поле зрения с такой частотой. К тому времени, как фал развернулся полностью, вращение замедлилось настолько, что мы его почти не замечали. Теперь мы совершали полный оборот точно за один виток, то есть груз всегда был «под» нами, фал — вертикален, а холодное чёрное зеркало — «над» нами, где ему и следовало находиться. Медленное вращение создавало искусственную силу тяжести примерно в одну сотую арбской, то есть мы медленно «падали» бы вверх — прочь от планеты, если бы нас что-нибудь не удерживало. Этим чем-то были надутые трубки-распорки холодного чёрного зеркала. Нас прижимало к нему, как прижимает мусор к забору едва ощутимым

ветерком.

Вскоре по завершении этого манёвра мы прошли над теневой стороной Арба и прекрасно видели, как Основание разгвоздило все крупные стартовые комплексы в экваториальном поясе Арба. Планета была по большей части чёрной, с прожилками и пятнышками света в населённых частях суши. Летящий гвоздь прочерчивал на этом фоне яркую черту, как будто хтонические божества, заточённые под литосферой Арба, рвутся наружу, кромсая её газовыми резаками. Когда гвоздь ударял в землю, он на мгновение гас и тут же расцветал полусферой более тёплого, красноватого света: сравнимо с ядерным взрывом, но без радиоактивности. Мы пролетели над тем самым комплексом, с которого Джезри отправился в свой первый космический полёт, и видели, как снизу на нас выдвигается оранжевый кулак. Джезри в этот момент занимался фалом, но он прервал работу на несколько минут, чтобы полюбоваться зрелищем.

Раздался механический щелчок: Арсибальт воткнул провод в гнездо на передней панели моего скафандра. Так мы теперь разговаривали. Даже ближнюю радиосвязь сочли излишне рискованной, поэтому мы соединялись проводом,

скафандр со скафандром. Точно также у нас не было круглосуточной широкополосной связи с поверхностью. Вместо этого Самманн использовал устройство, проталкивающее информацию — медленно и спорадически — по узкому направленному лучу, который Геометрам не увидеть. Так что теперь если ячейка 87 что-нибудь хотела мне передать, сообщение возникало в виде текста на виртуальном экране шлема — но не сразу. Нам сказали ожидать задержек порядка двух часов. А если бы мы не подключались проводами к сетке, то вообще бы не могли ничего получить или передать.

— Танцы на проволоке, — заметил Арсибальт. Я по привычке глянул на его щиток, но увидел только искажённое отражение грибообразного облака. Поэтому я перевёл взгляд на экран посередине скафандра. Арсибальт посмотрел на Арб, затем поднял голову и встретился со мной глазами.

Мгновение я собирался с мыслями. Это был первый настоящий — то есть личный разговор за последние несколько дней. С тех самых пор, как я проглотил Большую таблетку и влез в скафандр, каждый мой вдох, каждый удар моего сердца, даже звук, с которым я пью воду, передавался

куда-то в реальном времени. Я привык думать, что каждое моё слово слушают бонзы, обсуждают в комитетах, сохраняют для вечности. Не лучшие условия для искреннего или интересного разговора. Однако я очень быстро привык, что не слышу восемьдесят седьмую ячейку. А теперь у нас с Арсибальтом появилась возможность поговорить. Никто к нам не подключился, мы были одни, как если бы гуляли в страничной роще Эдхара.

Говоря о проволоке, Арсибальт играл словами: он имел в виду не столько проводящий шнур, который мы сейчас размотали, сколько канатоходцев под куполом цирка. Без страховки.

— Да, — ответил я. — Когда мы вскрывали один груз за другим, я всё ждал, что там будет...

Я чуть не сказал «какая-нибудь система торможения для входа в плотные слои атмосферы», однако здесь космический жаргон был так же неуместен, как в страничной роще.

Арсибальт закончил за меня:

— Способ вернуться.

— Да. А теперь, когда мы всё распаковали и большую часть выбросили, ясно, что здесь ничего такого нет. И не было.

Я думал об этом, глядя, как очередной гриб под нами рассеивается и бледнеет, словно рассвет, в

холодных верхних слоях атмосферы.

Арсибальт подхватил оброненную мною нить разговора:

— И ты сказал себе, что посадочный аппарат за нами пришлют позже — запустят его, например, отсюда... или отсюда, — он указал сперва на гриб, над которым мы проплывали, затем на другой, вспухающий несколькими тысячами миль восточнее, — ...или оттуда, куда летит вот этот.

Арсибальт имел в виду гвоздь, только что пронесшийся в атмосфере под нами. Не знаю, куда он попал. Может быть, в ракетостроительный завод.

Разумеется, Арсибальт хотел сказать, что все мы теперь покойники — без малейшей надежды на спасение, — если не попадём на «Дабан Урнуд». Я самую малость разозлился, что он всё сообразил быстрее меня. И ещё я думал: «Ну вот, снова» — и мысленно приготовился, что следующие десять часов буду по проводку убалтывать Арсибальта, выводя его из полуистерического состояния и уговаривая глотнуть успокоительного, которое наверняка имелось в скафандре.

Ничего подобного. Арсибальт совершенно ясно увидел нашу ситуацию — яснее, чем я, — и не впал в отчаяние. Он был скорее озадачен.

— Когда нас призвали, — заметил я, — ты сказал, что есть версия, будто нас ведут в газовую камеру.

— Помню, — ответил он. — Но я представлял что-нибудь куда более простое... быстрое... экономичное.

Такую шутку мой смех бы только испортил. Я пожалел, что Джезри и Лио её не слышали. Впрочем, довольно скоро разговор заглох. Арсибальт отсоединился от меня и начал переходить от одного члена ячейки к другому, как в трапезной от стола к столу.

Он был подключён к Джезри, когда тот привёл в действие фал. Для этого всего-навсего надо было пустить по шнуру ток. Разумеется, чтобы получилась электрическая цепь, электроны должны как-то возвращаться назад в реактор. Обычно для этой цели служит второй проводок, как в ламповом шнуре. Однако здесь он бы сводил на нет всё действие первого. По счастью, мы находились в ионосфере: самом верхнем слое атмосферы, постоянно ионизируемом солнечной радиацией и потому электропроводном. Таким образом, второй проводок мы получили бесплатно. Ток по фалу шёл только в одну сторону и, взаимодействуя с магнитным полем Арба, давал тягу.

Не большую — не как ракетный двигатель. Но в отличие от ракетного двигателя мы могли его держать включённым сутками и, таким образом, выйти на желаемую орбиту — ту самую, на которой находился «Дабан Урнуд» с того часа, когда мы с Алой отметили череду вспышек на листе в президии.

Поскольку Арсибальт был подключён к Джезри, он взял на себя роль мима-глашатая: жестами привлёк наше внимание и показал, что надо за что-нибудь ухватиться. Потом начал обратный отсчёт пальцами. На счёт «пять» одна его рука стала излишней, и он взялся ею за скобу на панели управления реактора. На счёт «один» ухватился за скобу второй рукой. Джезри повернул тумблер. Результат был не впечатляющий, но вполне предсказуемый: фал слегка выгнулся, как натянутая бечёвка на ветру. При этом холодное чёрное зеркало самую малость отклонилось от прежнего положения. Вот и всё. Теперь мы были под тягой, как если бы Джезри включил ракетный двигатель. При этом импульс был настолько мал, что мы его не чувствовали; до того как его результаты станут заметны, должно было пройти ещё четверо суток.

Когда с этим покончили, я снова задумался о

словах Арсибальта. Даже учитывая медицинские проблемы Жюля и Джада, а также мою эскападу с реактором, взлёт, сборка холодного чёрного зеркала, запуск обманки и развёртывание фала прошли лучше, чем мы имели право надеяться. Никто не погиб, никто не пропал бесследно при невыясненных обстоятельствах. Ни одного несчастного случая — никого не вынесло с орбиты, — и мы отловили все необходимые грузы. Поскольку это, очевидно, была самая опасная часть пути, я впал в чрезмерную эйфорию. Однако десятисекундного раздумья хватило, чтобы прийти к выводу: всё равно мы здесь все смертники.

****

***Причинно-следственная область**, набор вещей, взаимно связанных паутиной причинно-следственных отношений.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Этикет эволюционировал. Казалось бы, остальным должно быть неприятно, когда двое или трое подключаются друг к другу для приватного разговора. Однако меня не раздражало, что Лио говорит с Озой или Самманн — с Жюлем Верном Дюраном. Вскоре стало ясно: всех в ячейке устраивает, что их товарищам иногда надо поговорить

наедине. Самманн протянул под зеркалом сетку проводов, к которым все могли подключаться для общих собраний; мы договорились проводить их каждые восемь часов. Остальное время было свободным. Каждый старался от часа до трёх из восьми уделить сну, но не очень-то получалось. Я думал, у меня одного бессонница, пока как-то ко мне не подключился Арсибальт.

— Ты спишь, Раз?

— Уже нет.

— А спал?

— Нет. Не совсем. А ты?

До сих пор разговор слово в слово повторял те, которые мы вели новособранными фидами, лежа ночью без сна в непривычных кельях. Однако сейчас он принял новый оборот.

— Трудно сказать, — ответил Арсибальт. — У меня нет ощущения нормального цикла сон-бодрствование. Если честно, я перестал отличать сны от яви.

— И что тебе снится?

— То, что могло произойти не так.

— Но не произошло?

— В точку.

— Я ещё не слышал целиком историю о том, как ты спас Джада.

— Я даже не уверен, что могу рассказать её связно, — вздохнул Арсибальт. — У меня в голове каша из мгновений, когда я что-то думал или делал: и каждый раз дело могло повернуться так, а могло — иначе. И *все* другие варианты были бы фатальными. Тут я совершенно уверен. Я прокручиваю всю историю снова и снова. И оказывается, что я в каждом случае поступил правильно.

— Ну, это своего рода антропный принцип в действии, верно? — заметил я. — Если бы что-нибудь произошло немного иначе, ты бы погиб. У тебя не было бы мозга, чтобы это вспоминать.

Арсибальт довольно долго молчал, потом вздохнул.

— Объяснение неудовлетворительное, как большая часть антропных доводов. Я предпочитаю другое.

— Какое же?

— Что я не только гениален, но ещё и хладнокровен в критических ситуациях.

Я решил оставить эту реплику без ответа.

— Мне снятся сны, — признал я, — в которых всё так же, только вас с Джадом нет, потому что ты допустил промах.

— Да, а в моих снах я отцепился от Джада, потому что не смог дотащить его назад, и видел, как

он сгорел в атмосфере. А в других снах, Раз, нет тебя. Мы поймали реактор, а ты просто исчез.

— А когда ты просыпаешься... — начал я.

— Я вижу тебя и Джада. Но граница между сном и явью настолько зыбка, что непонятно, проснулся я или заснул.

— Кажется, я понимаю, к чему ты ведёшь. Я могу быть мёртв. Ты можешь быть мёртв. Фраа Джад может быть мёртв.

— Мы сейчас — как бродячий десятитысячелетний матик фраа Ороло, — объявил Арсибальт. — Причинно-следственная область, отрезанная от остального космоса.

— Ну ты и загнул!

— Но есть побочный эффект, о котором Ороло не предупреждал. Мы проскальзываем. Мы не в одном состоянии и не в другом. Всё возможно, каждая история равновероятна, пока ворота не распахнутся и не наступит аперт.

— Либо так, — сказал я, — либо ты просто нервничаешь и не выспался.

— Это просто ещё одна из реальных возможностей, — ответил Арсибальт.

Когда мы не спали (по мнению большинства) или не скользили между одинаково реальными мировыми путями (по мнению Арсибальта), мы

изучали «Дабан Урнуд».

Несколько абзацев, надиктованных Жюлем Верном Дюраном и переданных в авосеть, позволили Рассредоточению создать трёхмерную модель инокосмического корабля — по словам латерранца, пугающе сходную с оригиналом.

Выдуйте стальной шар чуть меньше мили и до половины заполните водой. Разместите четыре таких шара в углах квадрата, близко, но так, чтобы они не совсем соприкасались.

Повторите туже операцию ещё с четырьмя шарами. Поставьте вторую четвёрку на первую, предварительно развернув её на сорок пять градусов, чтобы верхние шары попали в промежутки между нижними, как яблоки на прилавке овощного магазина.

Добавьте ещё две четвёрки шаров, не забывая каждый раз их поворачивать. Теперь у вас шестнадцать орбов в упаковке две с лишним мили высотой и две без малого в поперечнике. В середине — пустое пространство, труба примерно милю в диаметре. Затолкайте в неё всё стоящее: весь сложный, дорогой, хитро спроектированный праксис, который мы привыкли ассоциировать с космическими полётами. Большая его часть — просто каркас: стальные фермы, надёжно

удерживающие орбы, пока вся структура вращается для создания искусственной силы тяжести, маневрирует, чтобы избежать столкновения с неопознанными вражескими аппаратами, гасит возникшие колебания жидкости, ускоряется под действием атомной энергии или совершает всё перечисленное разом.

Убедившись, что конструкция выдержит, добавьте остальное: хранилище на десятки тысяч атомных зарядов. Реакторы, чтобы вырабатывать энергию, когда корабль далеко от солнца. Немыслимой сложности системы труб и проводов. Коридоры, по которым урнудцы, троанцы, латерранцы и фтосцы смогут перемещаться из орба в орб. Протяните пучки оптоволокна, чтобы направить солнечный свет с поверхности икосаэдра в орбы, на крыши домов, служащие садами и огородами.

Сами орбы относительно просты. Вода в них переливается свободно. При вращении её поверхность принимает такую форму, что «сила тяжести» на ней везде такая же, как на родной планете. Когда корабль идёт с ускорением, воду прижимает к кормовой стороне орба и поверхность становится ровной. Люди живут на воде в плавучих домах, связанных эластичными чала-

ми и разделённых туго надутыми воздушными камерами: когда форма водного зеркала меняется, столкновения неизбежны. Впрочем, на этот случай дома оборудованы, как настоящие корабли: шкафы запираются на задвижки, чтобы дверцы не хлопали, мебель привинчена к полу. Люди живут, как жили их предки на родной планете, сутками, а то и месяцами не вспоминая, что находятся в запечатанном шаре, который толкают вперёд атомные бомбы; точно так же, как их родичи на Урнуде, Тро, Латерр и Фтосе могут ни разу в жизни не задуматься, что живут на мокром каменном шарике, несущемся через вакуум.

Описанная конструкция — Орбойма — при всех своих достоинствах уязвима для космических лучей, шальных метеоритов, солнечного света и инопланетного оружия. Поэтому возведите вокруг неё стены из щебня и, раз уж этим занялись, повесьте их на каркас из исполинских амортизаторов. Орбойма подвижно закреплена в середине. Всё относящееся к остальной вселенной: радары, телескопы, системы вооружения, аппараты-разведчики — расположено снаружи и крепится к тридцати амортизаторам и двенадцати вершинам, в которых те сходятся. Три вершины по углам буферной плиты — голые механизмы, остальные,

сами по себе, — сложные космические аппараты. Некоторые представляют собой наполненные воздухом сферы, где парят в невесомости члены командования. В других проложены туннели, чтобы небольшие передвижные механизмы или люди в скафандрах могли перемещаться из икосаэдра в тот космос, где они сейчас находятся, и наоборот. Одну вершину занимает обсерватория — лучшая, чем любая обсерватория на Арбе, ведь ей не мешает атмосфера.

Всё это, в больших или меньших подробностях, смоделировали умы Рассредоточения за те дни, пока мы в Эльхазге играли в видеоигры и собирали скафандры. Теперь модель жила в наших шлемах. Её можно было двигать теми же манипуляторами (трекболом и жестиком), которые раньше служили для управления шарманами. Издали она казалась удивительно сложной, почти как живой организм, но когда я её приближал, например, чтобы исследовать ядро Орбоймы, всплывала полупрозрачная надпись на безупречном орте, уведомлявшая, что дальше, к сожалению, идут чистые домыслы.

Фраа Джад заполучил-таки вожделенный секстан. Нас снабдили прибором, состоящим из широкоугольных линз, как у Ока Клесфиры, и

синапа, способного распознавать некоторые созвездия. Таким образом, прибор знал наше положение относительно так называемых неподвижных звёзд. Вместе с замерами солнца, луны и Арба, а также точными встроенными часами и таблицами эфемерид это давало ему достаточно информации, чтобы вычислить наши орбитальные параметры. Как только о существовании прибора стало известно, фраа Джад прибрал его к рукам и немало часов потратил, изучая дополнительные возможности.

Теперь, когда стояло ясно, что мы либо попадём на «Дабан Урнуд», либо погибнем, Жюль перестал экономить провизию и ел вволю. К нему вернулась энергия, настроение улучшилось. Всё время, пока он не спал, другие члены ячейки, подключившись к нему, выспрашивали подробности, не отражённые на модели: например, как устроены двери, как действует запирающий механизм, как отличить фтосца от троанца. Я узнал, что Геометры очень боятся пожаров в той части корабля, где царит невесомость, поэтому там нельзя пройти ста шагов, не наткнувшись на ящик с респираторами, жаропрочными костюмами и огнетушителями.

Свободного времени всё равно оставалось

много. На третий день я подключился к Джезри и рассказал всё, что знаю о Всеобщих уничтожителях. Джезри слушал внимательно, как в калькории, и почти не перебивал. По его лицу на экране я видел, что он напряжённо думает: убеждает себя, что это правдоподобно. Он отлично понимал, что нам сказали не всё — иначе миссия была бы абсолютно бессмысленной. Я дал ему пищу для размышлений. Пока он всё не обмозгует — не додумается до чего-то неочевидного, — сказать ему будет нечего.

Текстовые сообщения от ячейки номер 87 просачивались по каналу и появлялись у меня на экране. Первые были рутинные. Потом — всё более обескураживающие.

Тулия: «Разреши наш спор... не могли бы вы пересчитаться по головам?»

Я выстучал: *«Ты спрашиваешь, сколько из нас живы?»* и отправил сообщение. Только поразмышляв над вопросом несколько минут, я сообразил, что не дал на него ответа. Но к тому времени мы уже потеряли контакт с поверхностью.

Я созвал совещание. Мы все подключились к общему проводу.

— Моя ячейка поддержки не знает, сколько из нас живы, — объявил я.

— Моя тоже, — тут же отозвался Джезри. — Утверждает, будто несколько часов назад я послал сообщение, подразумевающее, что мы потеряли двоих.

— А ты его посылал?

— Нет.

— Моя ячейка поддержки уже давно не шлёт мне сообщений, — сказала суура Эзма, — поскольку уверена, что я погибла при запуске.

— Может быть, что-то не так с Рассредоточением? — предположил я. — Ячейки должны общаться друг с другом по авосети, верно? Сопоставлять данные?

Мы поглядели на Самманна. Поскольку непосредственно лиц было не видно, у нас выработалась привычка поворачиваться к собеседнику, показывая, что его внимательно слушают. Итак, девять скафандров повернулись к Самманну. Фраа Джад, по всей видимости, утратил интерес к разговору. Он выдернул свой коннектор и переместился в другую часть подзеркального каркаса. Но поскольку он с самого взлёта произнёс от силы несколько слов, мы не обращали на него внимания. Я даже гадал, всё ли у него в порядке с головой.

— Что-то не так, — признал Самманн.

— Геометры нашли способ заглушить авосеть? — спросил Оза.

— Нет. Авоська — по крайней мере физически — исправна. Но есть низкоуровневый сбой в динамике репутонового пространства.

— Когда вы, ита, называется что-то «низкоуровневым», вы хотите сказать, что это нечто действительно существенное, верно?

— Да.

— Ты можешь подробнее объяснить, что это для нас означает? — попросил Лио.

— Вскоре после своего создания — тысячелетия назад — авосеть стала практически бесполезна из-за того, что её забила неточная, устаревшая или лживая информация.

— Ты как-то назвал это мусором, — сказал я.

— Да. Технический термин. Итак, большое значение приобрели фильтры от мусора. Возникли компании, зарабатывающие на таких фильтрах. Некоторые коммерсанты придумали ловкий способ увеличить свои доходы: они отравили колодец. Начали нарочно замусоривать авосеть, вынуждая людей покупать их программы. Создали системы, чьей единственной целью было запускать в авосеть мусор. Причём хороший мусор.

— Что значит «хороший мусор»? — спросил Арсибальт тоном вежливого недоумения.

— Ну, «плохой мусор» это, например, неформатированный документ из случайных букв. «Хороший мусор» — прекрасно отформатированный, грамотно написанный документ, содержащий сто правильных, проверяемых предложений и одно слегка неверное. Генерировать хороший мусор куда труднее. Сперва для этого нанимали людей. Они по большей части брали готовые документы и вносили ошибки: скажем, заменяли одно имя на другое. Но настоящий размах это дело приняло, лишь когда им заинтересовались военные.

— Ты хочешь сказать, как тактикой вброса дезинформации во вражеские сетки? — вставил Оза. — Я об этом знаю. Ты говоришь о программах искусственной бессмыслицы середины первого тысячелетия от РК.

— Верно! — ответил Самманн. — Для целей, о которых говорил Оза, были выстроены невероятно сложные и мощные генераторы искусственной бессмыслицы. Никто и глазом не успел моргнуть, как праксис просочился в коммерческий сектор и распространился по жизнестойким экосистемам бесхозных ботнетов. Не важно. Суть в том, что

наступили своего рода Тёмные века авосети, продолжавшиеся, пока мои предшественники-ита не нашли методы борьбы с этим явлением.

— Итак, в жизнестойких экосистемах бесхозных ботнетов по-прежнему действуют генераторы искусственной бессмыслицы? — спросил Арсибальт завороженным тоном.

— К началу второго тысячелетия ЖЭББ эволюционировали в нечто совсем иное, — пренебрежительно бросил Самманн.

— Во что? — спросил Джезри.

— Никто точно не знает, — ответил Самманн. — Мы можем лишь строить догадки, исходя из того, что происходит, когда они находят способ физически себя проявить, а это, по счастью, случается не очень часто. Однако мы отклонились от темы. Искусственная бессмыслица по-прежнему существует. Ита, выведшие авосеть из Тёмных веков, могли победить это явление только путём ассимиляции. Суть, если опустить подробности, в том, что на каждый законный документ, движущийся по авосети, приходятся сотни или тысячи искажённых версий, которые мы называем богонами.

— Можно быть уверенным в надёжности обороны, лишь если подвергаешься непрестанным

атакам, — сказал Оза. Любой идиот понял бы, что он цитирует старый долистский афоризм.

— Да, — сказал Самманн, — и система работает настолько хорошо, что большую часть времени пользователи авосети даже не знают о проблемах. Примерно как вы не знаете о миллионах бактерий и вирусов, круглые сутки безуспешно атакующих ваш организм. Однако последние события и нагрузка, связанная с Рассредоточением, видимо, вызвали низкоуровневый сбой, о котором я говорил.

— И практическом смысле для нас отсюда следует, что?.. — спросил Лио.

— Наши наземные ячейки не могут отличить законные сообщения от богонов. А сообщения на наших экранах тоже могут быть богонами.

— И всё потому, что в каком-то синапе изменены несколько битов, — сказал Джезри.

— Все несколько сложнее, чем получается по твоим словам, — возразил Самманн.

— Но Джезри ведёт к тому, — сказал я, — что некоторое количество логических элементов или ячеек памяти находится в неправильном, или, по крайней мере, неоднозначном состоянии, и это в конечном счёте приводит к неоднозначности получаемых нами сообщений.

— Наверное, можно сформулировать и так, — ответил Самманн. Я не мог видеть, но точно знал, что сейчас он пожимает плечами. — Главное, скоро всё выправится и мы начнём получать нормальные сообщения.

— Нет, — сказал фраа Грато.

— Почему? — спросил Лио.

— Смотрите. — Фраа Грато указал рукой. Мы повернулись в ту сторону и увидели, что фраа Джад методично долбит отвёрткой по металлической коробочке — нашей единственной связи с Арбом. Когда от коробочки отваливался кусок, фраа Джад ловил его скелекистью, чтобы он не вылетел из-под холодного чёрного зеркала и не создал радарного эха.

Покончив с коробочкой, он подплыл к нам и подключился. Лио был спокоен и ждал, что скажет Джад.

Тот сказал:

— Утечка толкает к выбору, что всякий раз оказывается не на пользу.

Отлично. Значит, мы, фигурально выражаясь, заперты в комнате с невменяемым чародеем. Ситуация несколько прояснилась. Мы какое-то время молчали, понимая, что бессмысленно требовать объяснений. По экрану Джезри я ви-

дел, что он смотрит на меня, и угадал его мысль: «Теперь мы знаем, как поступают инкантеры: вот так».

Тишину нарушил Самманн.

— Очень странно, — произнёс он неожиданно проникновенным голосом, — но я всё собирался с духом сам это сделать.

— Что? Сломать передатчик? — спросил Лио.

— Да. Несколько часов назад мне приснилось, что я его сломал. Мне сразу полегчало. Я был очень удивлён, когда проснулся и увидел, что он цел.

— А почему ты хотел его сломать? — спросил Арсибальт.

— Я изучал его привычки. На каждом витке он оказывается на линии видимости с наземной станцией и устанавливает с ней связь. Затем опорожняет буфер — очищает очередь.

Дальше Самманн разъяснил итовские термины на орте. Очередь — всё равно что стопка листьев с написанными сообщениями, которые при первой возможности передаются на Арб. Элементы пересылаются последовательно, как люди в магазине обслуживаются в порядке очереди.

— И элемент очереди, это, например, моё текстовое сообщение ячейке поддержки?

— Сколько ты их написал? — спросил Самманн.

— Может, пять.

— Лио?

— Ближе к десяти.

— Оза?

Самманн опросил всех. Никто не написал больше десятка сообщений.

— Число элементов в очереди сейчас больше четырнадцати тысяч, — объявил Самманн.

— Что в них? — спросил Лио. — Ты можешь прочесть?

— Нет. Они зашифрованы, и никто не счёл нужным снабдить меня ключом. По большей части элементы маленькие. Вероятно, текстовые сообщения, биомедицинские данные и сопутствующие богоны. Однако некоторые в тысячи раз больше. Поскольку я один тут в таком разбираюсь, скажу то, что было бы очевидно любому ита: большие элементы это скорее всего записанные аудио- либо видеофайлы.

Я мог придумать кучу объяснений, но Арсибальт с ходу назвал самое драматическое и, как я вынужден был признать, наиболее вероятное:

— Слежка!

— В свободные минуты, которых у меня предо-

статочно, я наблюдал за очередью. Большие файлы довольно интересно себя ведут. Например, у них приоритет перед маленькими. Как только такой файл создаётся, система перемещает его в начало очереди. И ещё: создание этих файлов совпадает с началом и завершением разговоров. Например, я видел, как некоторое время назад, между 1015 и 1030, Эразмас разговаривал с Джезри. В следующий раз, как Джезри подключился к сетке, то есть всего пятнадцать минут назад, в очереди появился большой файл и тут же передвинулся в начало. Время создания: 1017. Последнее изменение: 1030.

— Это происходит при *всех* разговорах? — спросил Лио. По тону я понял то, в чём и раньше нимало не сомневался: для него это такая же новость, как для меня.

— Нет. Только при некоторых.

— Предлагаю эксперимент, — сказал Джезри. — Самманн, система ещё работает?

— Да. Фраа Джад уничтожил только передатчик. Синап функционирует, будто ничего не произошло.

— А ты сейчас мониторишь очередь?

— Конечно.

Джезри отсоединил провод и знаком показал,

чтобы я сделал то же самое. Мы подключились друг к другу. Джезри начал старый-престарый диалог, который мы учили фидами: устное доказательство, что квадратный корень из двух — иррациональное число. Я, как мог, вставлял свои реплики. Закончив, мы приконнектились к сетке и выждали несколько секунд.

— Ничего, — сказал Самманн.

Мы снова отсоединились и продолжили разговор с глазу на глаз.

— Помнишь, как в Эдхаре, — начал я, — мы с другими инкантерами в послеобеденные часы мастерили Всеобщие уничтожители из соломы и обувных шнурков?

— Конечно, — отвечал Джезри, — отличные получались Всеобщие уничтожители. Самое лучшее оружие, чтобы убивать гнусных бонз.

— И они будут очень кстати, когда мы предадим Арб и переметнёмся к Основанию, — заметил я.

И в таком же духе ещё минуты две. Затем мы подключились к сетке.

— Появился новый файл в самом начале очереди, — объявил Самманн.

— Отлично, — сказал я. — Значит, бонзам страшно любопытно, что мы говорим на некоторые темы, например, о Всеобщих уничтожителях.

— Ха! — воскликнул Самманн. — Новый файл только что открылся... и растёт... по мере того... как я говорю.

Мы ещё не ознакомили группу в целом с темой Всеобщих уничтожителей, так что у многих возникли вопросы. Пока Лио на них отвечал, мы с Джезри продолжили эксперимент. В следующие полчаса мы раз двадцать разрывали и восстанавливали связь с сеткой. Каждый раз мы пробовали другие слова, чтобы проверить, на что реагирует записывающая система. Конечно, мы действовали методом тыка, но нам удалось найти ещё несколько кодовых слов: «атака», «нейтрон», «массовое уничтожение», «безумие», «подлость», «бесчеловечно», «неповиновение» и «мятеж».

Всякий раз, как мы подсоединялись, нам подсказывали новые потенциальные кодовые слова, поскольку разговор, естественно, принял такой оборот, при котором они все, и многие другие, возникали сами собой. Страсти кипели, и было даже хорошо, что мы с Джезри периодически замыкались друг на друга и могли заниматься этим как чисто теорическим исследованием. Но через некоторое время обсуждение достигло той стадии, когда мы решили больше не отключаться.

Арсибальт только что спросил долистов, на

чьей стороне те будут, если придётся выбирать.

Фраа Оза ответил:

— Со своими фраа и суурами из Звонкой долины я связан узами верности, которые невозможно разорвать именно потому, что это не что-то рассудочное, а связь вроде родства. И я не буду тратить кислород на обсуждение всех вложенных и пересекающихся групп, к которым я принадлежу: наша ячейка, матический мир, конвокс, народ Арба и общность, простирающаяся за пределы этого космоса и объединяющего нас с такими, как Жюль Верн Дюран.

— Сэжюст, — отвечал латерранец, что, как мы знали, на его языке выражало одобрение.

— В пылу коллизии невозможно проанализировать все связи и обязательства, поэтому остаются только реакции, воспитанные подготовкой.

Жюль не был знаком с идеей коллизии, поэтому Оза прочёл ему вводный курс коллизиологии, приведя в качестве примера дерево решений, которое должен пройти фехтовальщик, чтобы совершить правильное движение. Очевидно, что во время быстрого обмена выпадами невозможно рационально сравнить все варианты, а значит, фехтовальщик, переживший одну или две схватки, делает *что-то другое*. Инаки Звон-

кой долины целиком посвятили себя изучению и воспитанию *чего-то другого*. Жюль Верн Дюран сразу согласился.

— Ещё одна аналогия — сложные настольные игры. У нас на Латерр есть игры, похожие на ваши: в них тоже дерево возможных ходов и ответных действий ветвится так быстро, что мозг бессилен их перебрать. Ординатёры — вы называете их синапами — могут играть в эти игры методами перебора, но успешные игроки-люди, по-видимому, используют принципиально иной подход: они видят всю доску, замечают некоторые закономерности и действуют исходя из неких эмпирических правил.

— Теглон, — вставил фраа Джад. Ему не пришлось разъяснять свою мысль. Мы все видели чудо, которое он сотворил в Эльхазге, и понимали, что такое невозможно совершить методом проб и ошибок. И что теглон нельзя сложить, идя из одной точки. Фраа Джад должен был видеть всё решение целиком.

— Это опасно, — сказал Джезри, — поскольку ведёт к утверждению, что мы можем отказаться от граблей и вести себя как кучка фанатов. И всё будет отлично, потому что мы достигли холистического единства с поликосмом.

— Ты верно указал на проблему, — сказал Жюль, — но никто здесь не посмеет оспорить, что именно так выигрывают поединки и складывают теглон.

— Джезри утрирует, — сказал Арсибальт. — Он затронул вопрос возможного будущего. Положим, мы согласны двигаться в эту сторону и дойдём до точки, когда надо принять трудное решение: какие основания у нас будут для выбора, если от рассудочного анализа мы отказались?

— Способность принимать решения в такие моменты надо воспитывать годами дисциплинированных тренировок и размышлений, — сказал фраа Оза. — Никто не станет утверждать, будто новичок может сложить теглон, просто доверившись своим чувствам. Фраа Джад развивал эту способность много десятилетий.

— Веков, — поправил я, не видя причин больше это скрывать. В наушниках раздались удивлённые восклицания, но никто не стал подтверждать или опровергать мои слова.

Даже фраа Джад. Он сказал:

— Тот, кто дисциплинированно продумывает возможные исходы, устанавливает, таким образом, связи с другими космосами, где эти исходы — более чем возможность. Такое сознание изме-

римо, количественно отличается от сознания, не занимавшегося подобной работой, и потому — да, способно принимать правильные решения в ситуации, в которой обычный ум окажется бесполезен.

— Отлично, — сказал Джезри. — Но что это нам даёт? Что мы будем *делать*?

— Думаю, кое-что это уже нам дало, — сказал я. — Когда мы с тобой подключились к диалогу, страсти кипели и люди пытались обсуждать вопрос в терминах верности и принадлежности к тем или иным группам. Фраа Оза показал, что такой подход обречён, потому что каждый из нас принадлежит к нескольким группам с конфликтующими интересами. Теперь жар несколько остыл. Мы пришли к выводу, что невозможно просчитать все варианты заранее. Но, как ты сам указал, действовать исходя из наивных чувств — тоже обречённый подход.

— Значит, мы должны выработать ту способность к принятию решений, которую фраа Джад проявил, решая теглон, — сказал Джезри. — Но для этого нужны время и знания. У нас нет времени, да и знаний тоже.

— У нас есть два дня, — сказал Лио.

— И кое-какие знания можно вывести, — доба-

вил Арсибальт.

— Какие, например? — скептически осведомился Джезри.

— Что в наше снаряжение наверняка вмонтированы Всеобщие уничтожители. И наша цель — доставить их на «Дабан Урнуд», — сказал Арсибальт.

— Большая часть снаряжения не попадёт на «Дабан Урнуд», — заметил Лио и добавил с великолепной иронией: — Те, кто ознакомился с планом манёвра окончательной встречи, должны бы это знать.

— Остаёмся мы и наши скафандры, — сказал Джезри. — Это всё, что попадёт на корабль — если вообще попадёт. И они — те, кто всё спланировал, — не могли знать, что будет со скафандрами. Что, если урнудцы возьмут нас в плен? Скафандры могут выкинуть в космос или разобрать.

— Понятно, к чему ты ведёшь, — сказал фраа Оза. — Но договаривай.

— Хорошо. *Мы* — оружие. Всеобщие уничтожители у нас внутри. И мы знаем, как они туда попали.

— Огромные таблетки, — сказал Жюль.

— Вот именно: приёмопередатчики температуры, которые мы проглотили перед взлётом,

— сказал Джезри. — Кто-нибудь свою таблетку выкакал?

— Хм, а ведь и правда нет, — заметил Арсибальт. — Моя, видимо, так и сидит у меня в кишках.

— Ну вот, — сказал Джезри. — Пока их не удалят хирургически, мы все — ходячие, дышащие атомные бомбы.

— Все, — добавила суура Вай, — кроме фраа Джада и Жюля Верна Дюрана.

Мы не поняли, и она объяснила:

— Думаю, их приёмопередатчики температуры болтаются где-то в скафандрах.

— Моя вышла с рвотой, — объяснил Жюль.

— А я свою не проглотил, — сказал Джад.

— И ты, суура Вай, как врач ячейки это знала, поскольку их температурные показатели были явно неверны? — спросил Лио.

— Да. Из-за неверных показаний скафандры реагировали неадекватно, поэтому и Жюлю, и Джаду после взлёта потребовалась врачебная помощь.

— Почему ты не проглотил свою таблетку, фраа Джад? — спросил Арсибальт. — Ты знал, что это на самом деле?

— Я счёл за лучшее её не глотать, — вот и весь ответ, которым удостоил нас фраа Джад.

— Гипотеза, что нас превратили в ядерные бомбы, блестяща, — сказал я. — Но я не могу поверить, что Ала бы так поступила.

— Думаю, она не знала, — сказал Лио. — Наверняка изменения в план внесли без её ведома.

Фраа Оза сказал:

— Будь я стратегом, отвечающим за операцию, я бы пришёл к Але и попросил: «Собери команду, которая сможет попасть на «Дабан Урнуд»». И она бы ответила: «Я договорюсь с Геометрами, которые противостоят Основанию, и те впустят наших людей».

— Чудовищно, — сказал он.

— «Чудовищно» — возможно, ещё одно кодовое слово, — задумчиво проговорил Джезри. Мне захотелось его двинуть. Однако он был почти наверняка прав.

Двумя днями позже мы сняли белые комбинезоны и опустили выдвижные шторки, скрыв индикаторы и экраны на передней панели скафандров. Теперь все были сплошь матово-чёрные. Как скалолазы, мы обвязались плетёным тросом, служившим разом страховкой и линией связи. Джад, Джезри и я почти всю последнюю смену занимались секстаном и вычислениями. Это завершилось тем, что фраа Джад завис под реак-

тором, держа в руке нож и глядя вдоль фала, как вдоль ружейного дула, на движущиеся созвездия. Когда «прицел» совместился с определённой звездой, Джад резанул проволоку. Фал с грузом полетел в одну сторону, мы — в другую, получив, как мы надеялись, тот последний поправочный импульс, который синхронизирует нашу орбиту с орбитой «Дабан Урнуда».

Через полчаса мы все упёрлись ногами в нижнюю поверхность зеркала и по команде Лио оттолкнули её (или спрыгнули с неё, в зависимости от системы отсчёта). Зеркало уплыло вбок, и мы впервые увидели «Дабан Урнуд» прямо перед собой. Он был так близко, что всё поле зрения занимала одна треугольная грань икосаэдра.

Практически все следящие системы Геометров были рассчитаны на то, чтобы высматривать объекты на расстоянии в тысячи миль. Правда, у них имелись и радары ближнего действия (как выяснили Джезри и его товарищи по первому полёту, доставившему на икосаэдр небесного эмиссара), но не было повода их включать, поскольку Основание не ждало гостей. К тому же мы оставались под защитой холодного чёрного зеркала до тех пор, пока не подошли на расстояние, слишком близкое для надёжной работы радаров.

Это было отчасти везение. Будь наша траектория чуть менее точной, спрыгивать с зеркала пришлось бы раньше. Однако фраа Джад рассёк фал точно в нужный миг. Даже не сделай он больше ничего до конца миссии, его присутствие уже бы полностью оправдалось.

Теперь Геометры могли увидеть нас только буквально: если кто-нибудь из них случайно глянет в иллюминатор или, вероятнее, на спиль-экран и различит одиннадцать матово-чёрных гуманоидных фигур на фоне космической тьмы.

Поверхность икосаэдра напоминала галечный пляж: плоский, собранный из бесчисленных обломков астероидов четырёх разных космосов. Среди камней поблескивала проволочная сетка, удерживающая их на месте. Казалось, мы врежемся в амортизатор, рассекающий поле зрения, как горизонт. Однако мы пролетели в нескольких ярдах от него и оказались «над» следующей гранью, которая сейчас находилась в тени. У каждого из нас было пружинное ружьё; по сигналу Лио в щебнистое поле вонзились одиннадцать крюков с привязанными к ним тросами. Примерно половина зацепилась за сетку. Один за другим тросы натянулись и потащили тех, кто находился на противоположном конце. В результате со

связывающей нас верёвкой начали происходить разные сложные и непредсказуемые события; в течение нескольких минут мы все сталкивались между собой и взаимно запутывались. Мы летели вперёд и вниз к щебню, что пугало, но у четырёх долистов были микродвигатели на сжатом газе, которые они держали перед собой, как пистолеты, и палили туда, куда мы не хотели попасть. Это привело к новым, почти водевильным столкновениям и запутываниям, но в целом замедлило наше движение. Мы постарались выставить вперёд ноги и (или) руки в качестве амортизаторов. Я сумел «приземлиться» на правую ступню. Меня тут же крутануло, и я еле-еле успел садануть культёй четырёхсполовиной-миллиардолетний булыжник, пока он не вмазал мне по физиономии. Затем различные верёвки дёрнули меня по множественным векторам и немножко протащили по камням. Но вскоре все перестали подпрыгивать и зацепились за сетку скелепальцами. Ячейка номер триста семнадцать надёжно закрепилась на «Дабан Урнуде».

****

***Реквием**, актал, которым провожают усопшего инака.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Тьма была почти непроницаема. Арб находился с противоположной стороны корабля, и сюда не достигал его свет. Впрочем, над неровным горизонтом амортизатора всходил молодой месяц. В его свете мы кое-как распутались. Магнитные подошвы скафандров слегка липли к железоникелевой брусчатке. Самманн, двигаясь как человек, наступивший на жевательную резинку, обошёл всех и проверил наше соединение с проводом-страховкой.

— Эта грань будет в темноте ещё двадцать минут, — сообщил Джезри. — Потом надо будет перебираться на ту.

Наверное, он указал в сторону одного из трёх амортизаторов, составлявших локальный горизонт, но я этого не видел. По мере того как «Дабан Урнуд» вращался вокруг Арба, терминатор — линия раздела между освещённой и затенённой половинами икосаэдра — двигался. На каждой конкретной грани восход и заход происходили с внезапностью взрыва. Нельзя было допустить, чтобы «день» застиг нас на открытом месте, поскольку из комплексов-цитаделей на двенадцати вершинах все прилегающие грани были как на ладони.

— Мои приборы говорят, что нас не освещают радаром ближнего действия, — объявил фраа Грато.

— Их просто не включили, — сказал Лио. — Но рано или поздно Геометры заметят шарманы или зеркало и повысят бдительность. Так в какой стороне Сжигатель планет?

— За мной, — ответил фраа Оза и пошёл вперёд, если такой способ передвижения можно назвать ходьбой. Я бы написал, что мы шли как пьяные, но это значило бы оскорбить каждого хмельного фраа, который когда-либо, пошатываясь, брёл поздней ночью в свою келью. Большая часть двадцати минут ушла на то, чтобы преодолеть первые двести футов. После этого мы поняли, что надо делать или, по крайней мере, чего делать не надо, и добрались до ближайшего амортизатора с запасом в несколько минут.

Амортизатор походил на трубопровод, наполовину выступающий из щебня, но с рёбрами жёсткости, наподобие плавников, чтобы его не сломало нагрузкой. К концам он утолщался, как кость, и заканчивался массивной «мыщелкой». Пять таких «мыщелок», сходясь с пяти сторон, образовывали основание каждой вершины. Все вершины были разные, но по большей части

состояли из куполов, цилиндров, решётчатых платформ и антенн. «Сверху» торчали букеты серебристых параболических рогов, ждущих своей очереди оказаться на солнце и урвать себе часть нашего света.

Треугольное булыжное поле, по которому мы шли, не упиралось в трубопровод, поскольку в системе должен был оставаться люфт: амортизатор, по всей длине намертво вмурованный в жёсткую плиту, просто не выполнял бы своих функций. Поэтому плита заканчивалась футов за десять до амортизатора и была пришнурована к нему системой пропущенных через блоки тросов. Выглядело это чудно и напомнило мне скорее парусник, чем космический корабль. Впрочем, урнудцы строили такие корабли тысячелетиями, так что, надо думать, создали и впрямь работающую систему.

Из провала бил свет. Мы замедлили шаг, наклонились и заглянули в икосаэдр: в пространство объёмом около двадцати трёх кубических миль, озарённое солнечным светом, который пробивался в другие такие же щели и отражался от внутренних стен и шестнадцати орбов икосаэдра. Всё было так же, как на модели, но, конечно, увидеть воочию — совершенно другое дело. Почти

всё поле зрения занимал ближайший орб, вращающийся со скоростью секундной стрелки часов. На нём были нарисованы большие урнудские цифры; я их уже выучил и знал, что это число пять. В Пятом орбе размещались высокопоставленные троанцы.

Всё во мне противилось тому, чтобы прыгать через щель: я представил, что упаду и буду долго лететь, прежде чем разобьюсь о вращающийся орб. Но, разумеется, тут отсутствовало тяготение, не было никакого низа, и «упасть» мы не могли.

Оза прыгнул первым и встал на балку, придающую амортизатору жёсткость. Вай была привязана последней. Выбравшись на амортизатор, мы поползли, перехватывая руки, чтобы не выдать себя стуком магнитных подошв. Неприятный момент наступил, когда взглядам открылась новая грань, определяющая другую плоскость и другой горизонт. От смены представлений о верхе и низе закружилась голова. Однако постепенно мы привыкли и проплыли над второй щелью так же, как и над первой — один за другим, в том порядке, в каком были привязаны. Возможно, перемещение на десять футов в пространстве и не требовало таких предосторожностей, но, если бы мы прыгнули все разом и с большой силой,

нас могло бы вынести в космос.

Солнце осветило оставшуюся позади грань, как раз когда мы коснулись подошвами следующей, где могли рассчитывать ещё на несколько часов темноты. Столько времени нам было и не нужно. Или, честно говоря, таким временем мы просто не располагали: кислорода оставалось на час, а тендер мы отпустили вместе с зеркалом.

Двумя милями дальше — на противоположном углу грани — находилась ядерная бомба размером с шестиэтажное офисное здание. В целом она имела форму яйца, но, как попавший в паутину жук, была опутана фантастической сетью балок и труб, соединяющих её с вершиной-цитаделью. Видимо, вся вершина служила единственной цели: поддерживать Сжигатель планет. Его трудно было не заметить, и не только из-за размеров. Комплекс ярко освещали прожекторы.

Освещали для сотен людей в скафандрах, которые ползали по бомбе и вокруг неё.

— Думаете, его собираются запустить? — спросил Арсибальт.

— Вряд ли просто заново красят, — заметил Джезри.

— Хорошо, — сказал Лио. Я не знал, с кем он говорит и на что даёт разрешение. Судя по щелчку,

кто-то сейчас отсоединился от сетки.

Вид на Сжигатель планет заслонили четыре фигуры в скафандрах, резко вырвавшиеся вперёд. В темноте, при закрытых передних панелях, мы друг от друга не отличались, но что-то в движениях четвёрки явственно выдавало долистов. Они шли в шеренгу, один — надо думать, фраа Оза — чуть впереди. С каждым шагом шеренга расширялась.

— Лио, что случилось? — спросил я.

— Коллизия, — отвечал он.

Когда шеренга долистов растянулась на двадцать футов, фраа Оза выпустил скелекисти и, как степной наездник в потасовке, выхватил из кобур на боках два «пистолета» — двигатели на сжатом газе. Трое остальных сделали то же самое. Затем фраа Оза упал ничком. По крайней мере так это выглядело: он сдвинул ноги и дал инерции увлечь тело вперёд. Как только магнитные подошвы оторвались от брусчатки, ноги пошли вверх; в следующий миг Оза уже летел к Сжигателю планет над поверхностью икосаэдра. Руки он держал по бокам, направляя струи сжатого газа назад, вдоль тела, как низколетящий супергерой. Вай, Эзма и Грато неслись рядом. За ними глаз различал колыхание, как волны жара

над раскалённым асфальтом: это растворялись в вакууме струи чистого газа. Сперва долисты летели томительно медленно, но они с каждым мигом набирали скорость, иногда взмывая вверх и тут же выправляя курс спокойным движением запястья. Их траектории постепенно расходились веером из четырёх векторов, нацеленных на разные части бомбового комплекса. Была своя жуткая красота в безмолвном скольжении над поблескивающей лилово-синей щебнистой равниной. В первые мгновения мы ещё различали чёрные силуэты на фоне освещённого комплекса. Затем долисты стали так же невидимы для нас, как для одетых в скафандры Геометров, суетящихся вокруг бомбы.

Лио объявил:

— Возможно, у нас всего несколько минут, чтобы проникнуть внутрь и найти чем дышать, пока от нас не закрыли все люки «Дабан Урнуда».

— А что будет с долистами? — спросил Арсибальт.

— Думаю, разумнее всего счесть, что они, как и все работающие на Сжигателе планет, фактически покойники, — ответил Лио после секундного раздумья.

— Они нападут *сейчас*? — спросил я.

— Они *проникают туда* сейчас, — сказал Лио.

Технически говоря, он лишь напомнил мне то, что я и раньше знал. На самом деле мы такую возможность обсуждали: «Что, если мы увидим Сжигатель планет и поймём, что Геометры собираются его запустить?» — «Ну конечно, это изменит всё, придётся, не теряя ни секунды, переходить к другому варианту плана!» Само собой, я слышал, как разбирали такой случай, но мысленно отнёс его к категории «того, о чём можно спокойно забыть, потому что вероятность близка к нулю».

Однако Лио не забыл.

— Если долисты сумеют незаметно проникнуть на Сжигатель, они не станут предпринимать никаких действий, пока их кислород не окажется почти на исходе, и, таким образом, дадут нам время попасть внутрь. Но если Сжигатель запустят, или долистов обнаружат и поднимут тревогу...

— То плохо наше дело, — вставил Джезри.

— Значит, если у нас и есть запас времени, то совсем небольшой, — сказал я.

— Отсюда следует, что действовать надо так, будто его нет совсем, — ответил Лио. — Жюль? — (Латерранца уже давно не было слышно.) — Жюль?

— Прости, — ответил Жюль. — Я задумался о той панике, которую вызовут ваши друзья из Звонкой долины. Это невообразимый кошмар урнудцев, худшее, что произошло с ними за тысячу лет. Я разрываюсь на части, не понимаю, с кем я и за кого.

— Какой бы конфликт ни происходил в твоей душе, ты же не против того, чтобы Сжигатель планет уничтожили?

— Да, — тихо, но отчётливо ответил Жюль. — Здесь у меня сомнений нет. Жаль, конечно, если погибнут те, кто на нём трудится! Но работать на столь ужасном... — Он не закончил фразу, но я знал, что в скафандре он пожимает плечами.

— То есть ты главным образом не хочешь, чтобы Всеобщие уничтожители попали на «Дабан Урнуд», — сказал я.

— Это, безусловно, верно.

Лио вмешался:

— Никогда не думал, что я такое скажу, но: отведи нас к своему командиру.

— Прости?

— Укажи на нас урнудцам, и твоя работа закончена. Можешь отправляться домой и поесть вволю.

— Чего мы не можем сказать о себе, — заметил

Арсибальт.

— Да, — сказал Жюль, — вот ирония: для вас здесь еды нет!

— Итак, твоё решение? — спросил Лио.

Мы все разделяли его нетерпение, хотя бы потому, что у нас кончался кислород. Хотел бы я написать, что мыслил хладнокровно, применяя грабли ко всему, что происходило у меня в голове. Но, правду сказать, я был ошарашен, растерян и — при всей нелепости такого чувства — обижен тем, как внезапно Оза, Грато, Эзма и Вай нас покинули. Разумеется, я знал, что есть много запасных планов. Никогда не обманывался, будто мне сообщили их все. Однако я убедил себя, что долисты всё время будут рядом. Когда я впервые увидел их в автобусе, то испугался, что меня отправляют туда, где они нужны. Постепенно я свыкся с этой мыслью... начал гордиться, что участвую в такой миссии. И вдруг в самый критический её момент долисты внезапно исчезают, ничего не объяснив, не сказав даже: «Прощайте и удачи вам!» Логика их действий была неоспорима: что может быть важнее, чем вывести из строя Сжигатель планет? Но что теперь остаётся нам?

— Возможно ли, — услышал я свой голос, — что мы — отработавший механизм доставки? Вроде

тех ускорителей, которые вывели нас на орбиту и рухнули в океан?

— Вполне правдоподобно, — тут же отозвался Джезри. — Мы хорошо выполнили урок, поработали руками и головой, чтобы доставить сюда четырёх долистов. Наша работа закончена. Теперь мы здесь без кислорода, без еды, без связи и без способа вернуться на Арб.

— Вы переоцениваете значение Сжигателя планет, — объявил Джад. — Это блеф. Он вынуждает наших военных действовать так, как они бы иначе не поступили. С его разрушением Арб получит некоторую меру свободы. Однако неизвестно, как распорядится этой свободой мирская власть. Наши действия тоже могут оказать кое-какое влияние. Мы идём вперёд.

— Жюль, ну что? — спросил Лио.

— Есть искушение броситься в провал, да? — сказал Жюль, поскольку мы все непроизвольно повернулись спиной к Сжигателю планет, будто могли таким образом защитить себя от того, что там сейчас начнётся. Мы снова смотрели в щель. За вращающимися орбами Шесть и Семь можно было различить Стержень. — Но тогда мы окажемся на свету и нас сразу увидят. К тому же Орбойма вращается так быстро, что нам за ней

не угнаться. Надо идти через Стержень. А туда можно попасть только через вершину. — Он, переминаясь на месте, повернулся к вершине, которая была сейчас от нас слева. — Это обсерватория. Вы видели её на модели. — Всё также переминаясь, он повернулся вправо: — Там — военный командный пост.

— Есть ли в обсерватории шлюзовая камера? — спросил Арсибальт. Мы все смотрели влево. Теперь, когда с нами не было долистов, ни у кого не возникло желания штурмовать командный пост.

— Да, и ты на неё смотришь. — Жюль двинулся к обсерватории, мы — за ним.

— Вот как?

— Купол над телескопами — сам по себе огромная шлюзовая камера, — объяснил Жюль.

— Разумно, — заметил Джезри. — Чтобы подготовить телескопы к работе, под купол закачивают воздух. Перед началом наблюдений людей эвакуируют и колпак открывают.

В обычных условиях я бы обозлился, что Джезри растолковывает нам элементарные вещи, но сейчас мне было всё равно: насколько захватывала и ошеломляла мысль, которую я неделю себе не позволял: снять скафандр! Коснуться руками лица!

Арсибальт думал о том же:

— Наверное, задним числом, лет так через много, вспоминать мое теперешнее амбре будет даже забавно.

— Да, — сказал Лио. — Если запахи распространяются из космоса в космос, всё ниже нас по фитилю обречено на смерть.

— Спасибо за анонс, — заметил Джезри.

— Давайте не будем забегать вперёд, — предложил я.

Самманн спросил:

— В обсерватории кто-нибудь дежурит?

— Людей там может и не быть, — ответил Жюль. — Телескопы управляются дистанционно через нашу версию авосети. Но большой телескоп наверняка работает — изучает ваш очаровательный космос, где всё для нас внове.

Пока продолжался этот разговор, мы успели подойти к вершине. Она высилась, как гора: все инстинкты говорили мне, что впереди — выматывающий подъём. Однако, разумеется, тут не было тяжести, а значит, не могло быть и подъёма. Мы, не сговариваясь, выбрали самый большой и «высокий» купол, который, как и предсказывал Жюль, оказался открыт. Это были две полусферы, ездящие по рельсам, а под ними — зеркало

диаметром тридцать футов, разделённое на множество секторов. Мы прошли в щель между полусферами (в неё можно было бы забросить двухэтажный деревенский дом) и, перебирая руками, «спустились» на уровень креплений и шарниров в основании телескопа. Думаю, всех нас гнал примитивный инстинкт: забиться в нору, подальше от чудовищной пустой огромности, в которой мы столько пробыли. Жюль указал на люк, ведущий в герметизированную часть корабля, однако попасть туда можно было не раньше, чем купол закроют и накачают воздухом. Для этой цели имелась красная аварийная кнопка, но Жюль посоветовал её не трогать: иначе по всему «Дабан Урнуду» включится сигнал тревоги. Вместо этого он подтянулся на балке, держащей объектив в фокусе зеркала, отлепил от груди скафандра отражающее одеяло, накрыл линзу и вновь «спустился» к нам. Тем временем мы силились перебороть волнение и не дышать слишком часто. У Арсибальта, тратившего кислорода больше других, оставалось запаса на десять минут, у Самманна — на двадцать пять. Они поменялись баллонами. У меня было ещё на восемнадцать минут. Лио посоветовал всем по возможности подкрепить силы: если придётся расстаться со

скафандрами, из еды у нас останутся только энергетические батончики, которые можно прихватить с собой. Я втянул в себя очередную порцию жидкой кашицы из шланга и некоторое время перебарывал тошноту, чтобы не отправить все съеденное прямиком в шпигат.

— Привет! — крикнул Жюль, не столько здороваясь, сколько подавая голос. Только в следующее мгновение мы поняли, что он отвечает человеку, чьё лицо появилось в окошке люка: кто-то из астрономов пришёл проверить, из-за чего потемнел большой телескоп. Основываясь на рассказах Жюля, я по цвету глаз и форме ноздрей предположил, что это женщина с Фтоса. Я пока не умел понимать выражения фтосских лиц, но рассудил, что наблюдаю сейчас два из них: крайнее изумление, затем шок при виде матово-чёрных скафандров незнакомой конструкции прямо перед окошком. Жюль ухватился за рукоятки люка и припал лицевым щитком к стеклу. Тут нам всем пришлось уменьшить громкость динамиков, потому что он принялся орать во всю глотку, надо думать, на фтосском. Женщина поняла его замысел и прижалась к окошку ухом. Звук в вакууме не распространяется, но крики Жюля создавали вибрацию лицевого щитка, которая

через прямой контакт со стеклом передавалась в ухо женщины-астронома.

Жюль повторял что-то раз за разом. Каким-то образом у него получалось кричать бодрым голосом, а не отчаянным, мол, всё чудесно и замечательно. Губы женщины задвигались: она что-то кричала в ответ.

Купол осветился — видимо, женщина повернула выключатель, чтобы лучше нас видеть. Но нет: свет бил из промежутка между полусферами. Солнце встало? Нас предупреждали, что восход будет взрывной. Но уж слишком это напоминало самый буквальный взрыв: свет вспыхнул, померк, разгорелся ярче. Он колыхался и бурлил. Бесшумный толчок прокатился по корпусу икосаэдра. Лио подпрыгнул так, что чуть не совершил роковую ошибку: ещё немного, и его выбросило бы из купола в космическое пространство. Однако он схватился за коммуникационный провод, связывающий его с нами, описал дугу над зеркалом телескопа и погасил скорость об одну из полусфер. В его лицевом щитке отразился догорающий свет.

— Сжигатель планет! — крикнул Лио. — Наверное, они взорвали топливный бак.

Тут он с резким возгласом оттолкнулся от полу-

сферы и скользнул «вниз» к тому, что я про себя называл полом купола. Потому что исполинские полусферы пришли в движение и щель между ними определённо сокращалась. Включилось освещение, теперь уже настоящее.

Щель захлопнулась со щелчком, который мы почувствовали, но не услышали. К добру или к худу, теперь мы были заперты в куполе. Я неотрывно смотрел на большую красную кнопку. Кислорода оставалось на восемь минут.

Показатели на дисплее начали меняться: индикатор наружного давления — красный ноль с самого начала космического полёта — сдвинулся в жёлтую зону. Жюль видел на своём дисплее то же самое: он шагнул к зарешёченному отверстию рядом с люком и протянул руку. Её отбросило воздушной струёй.

— Слава Картазии! — воскликнул Арсибальт. — Мне всё равно, из какого космоса этот воздух. Я хочу им дышать!

— Пока мы ждём, вспомните процедуру выхода из скафандров, — сказал Лио. — И покажитесь.

Он потянул шторку, скрывавшую его наружную панель. Все сделали то же самое. Впервые за два часа мы увидели лица на спиль-экранах и смогли проверить чужие показатели. Шар-

ниры и балки под зеркалом заслоняли от меня некоторых членов команды, но я видел Джезри. У него оставалось две минуты. У меня — пять. Я поменялся с ним баллонами; давление в куполе росло слишком медленно.

Наконец индикатор из жёлтого стал зелёным: можно дышать. Как раз когда показатель уровня кислорода из красного (крайняя степень опасности) скакнул на чёрный (ты покойник). На последней порции арбского кислорода я приказал скафандру открыться и впустить окружающий воздух. Уши сразу заложило. В носу защипало, и я почувствовал странный запах: пахло чем-то кроме моего тела. Лио, пристально следивший за внешними индикаторами (из тех, кого я видел, у меня кислорода было меньше всего), шагнул мне за спину и распахнул заднюю дверцу. Я высвободил руки, ухватился за край ГТС и вылез, в чём мать родила, из ненавистного скафандра. Товарищи смотрели на меня с самым живым интересом. Из арбцев здешним воздухом дышал только небесный эмиссар, который после первого вдоха прожил совсем недолго. Я схватился руками за лицо, размял его, почесал нос, выковырял из уголков глаз то, что скопилось там за неделю, провёл пальцами по волосам. Можно было при-

думать что-нибудь более познавательное, но это был биологический императив.

Лио ощупал грудь своего скафандра, нашёл тумблер, повернул его.

— Ты меня слышишь?

— Да, слышу.

Остальные принялись лихорадочно нащупывать свои тумблеры.

— Не то чтобы это что-нибудь меняло — нам так и так всем вылезать, — но каковы твои ощущения, мой фраа?

— Сердце колотится, как сумасшедшее, — сказал я и умолк — столько усилий отняла короткая фраза. — Я думал, это от волнения, но... может быть, здешний воздух нам не годится. — Я говорил отрывисто, между судорожными вдохами: организм требовал дышать чаще. — Теперь понимаю, почему у небесного эмиссара лопнула аневризма.

— Эй, Раз?

Дышать, дышать.

— Да?

Дышать, дышать, дышать.

— Освободите меня от этой штуки! — потребовал Лио.

Джезри схватил его, развернул, рывком от-

крыл дверцу. Лио выскочил из скафандра, как ошпаренный, и поплыл ко мне. Глаза у него были безумные. Застарелые рефлексы требовали убраться с дороги, когда Лио приближается ко мне в таком настроении, но мышцы не слушались. Руки, от которых я за эти годы принял столько побоев, заключили меня в могучее объятие. Лио припал ухом к моей груди. Голова у него была колючая, как репей. Я чувствовал, как заходила его грудная клетка. Джезри, Арсибальт и Жюль выплыли из скафандров. Жюль шагнул к люку, повернул рычаг, распахнул крышку. Всё исчезло, но не во тьме, а в хлынувшем из люка ярком свете. Осталась сплошная жёлто-серая пелена...

Мы с фраа Джадом плыли по белому коридору. Я был голый, Джад — в сером комбинезоне из тех, что мы захватили с собой. Судя по тому, что я сейчас наблюдал, Джад разграбил стальной ящику стены. Рядом парили два тючка серебристой ткани. Джад вскрыл один — это оказалось нечто с рукавами и штанинами. Время от времени тысячелетник поглядывал на меня. Поймав мой взгляд, он кинул мне полипластовый пакет со сложенным серым комбинезоном.

— Надень его, — сказал он, — а сверху — серебристый костюм.

— Мы будем тушить пожар?

— В некотором смысле.

На то, чтобы разорвать пакет, ушла уйма сил. Сердце бешено колотилось. Натягивая комбинезон, я ещё глубже влез в кислородный долг. Когда удалось отдышаться настолько, чтобы выговорить несколько слов, я спросил:

— Где остальные?

— Есть повествование, не слишком отличное от того, которое воспринимаем мы, где они отправились исследовать корабль и намерены сдаться первому, кого встретят.

— А нас почему бросили?

— Выход из скафандра. Замкнутое пространство после безграничной шири. Воздух чужого космоса. Последствия долгого пребывания в невесомости. Стресс. Всё это вызывает синдром, сходный с шоковым. Он длится несколько минут. Его проявления — растерянность или даже обморок. Здоровый человек быстро приходит в себя, а вот небесный эмиссар, как я понимаю, не выдержал.

— Значит, — сказал я, — сняв скафандры, мы все на несколько минут лишились сознания или что-то вроде того. В твоей терминологии — потеряли нить повествования. Перестали его

отслеживать. То в сознании, что позволяет ему постоянно проделывать фокус с мухой, летучей мышью и червяком, — временно отключилось.

— Да. И остальные очнулись в повествовании, где мы с тобой мертвы.

— Мертвы.

— Об этом я тебе и говорю.

— Потому нас и бросили, — сказал я. — Вернее, не бросили. В их повествовании мы вообще сюда не попали.

— Да. Надень. — Он протянул мне респиратор с маской, закрывавшей всё лицо.

— А что женщина-астроном? Она не вызовет полицию или что-нибудь в таком роде?

— Она с Жюлем. Он её убеждает. У него к этому дар.

— Значит, Лио, Арсибальт, Джезри и Самманн просто бродят по кораблю *открыто*, ища, кому бы сдаться?

— Такой мировой путь существует.

— Нелепость какая-то!

— Отнюдь. На войне подобная неразбериха случается сплошь и рядом.

— А на нашем мировом пути? Что эти четверо делают в повествовании, где мы с тобой сейчас?

— Я в *нескольких*, — ответил фраа Джад, — и

такое состояние вещей нелегко поддерживать, а твои вопросы мешают мне сосредоточиться. Так что вот тебе простой ответ. Все остальные погибли.

— Я не хочу быть на мировом пути, где мои друзья погибли, — сказал я. — Перенеси меня обратно.

— Никого нельзя перенести и никакого «обратно» нет, — сказал Джад. — Можно только двигаться самому, и только вперёд.

— Я не хочу быть на мировом пути, где мои друзья погибли, — упрямо повторил я.

— Тогда у тебя есть два варианта: выброситься в шлюз или следовать за мной. — С этими словами фраа Джад натянул респиратор. Затем он взял огнетушитель, другой вручил мне и двинулся по коридору.

И тут мой рассудок выкинул странную шутку: вместо того, чтобы сосредоточиться на существенном, погрузился в изучение болтов и гаек «Дабан Урнуда», как будто живущий во мне Барб выступил вперёд, отпихнул душу с дороги и направил все мои способности и силы на то, что заинтересовало бы Барба: например, дверные запоры. Субсистемы, отвечающие за нерелевантное — например, скорбь о друзьях, страх смерти,

растерянность из-за путаницы мировых путей и желание задушить фраа Джада, — полностью отключились.

Дверей было много, все — закрыты, но не заперты. Со слов Жюля я знал, что это — обычное состояние дел. Части корабля, примыкающие к корпусу, разделены на герметичные отсеки, чтобы метеоритная пробоина в одном не оставила без воздуха соседние. Соответственно, при движении уйма времени уходит на открывание дверей — люков примерно три фута в диаметре с мощными запорами, как у банковских сейфов. Чтобы открыть люк, надо было ухватиться за две симметрично расположенные ручки и потянуть их в разные стороны, что как раз подходит для невесомости, где законы теорики не позволяют упереться в пол и налечь всем весом. Рывок требовал таких усилий, что потом я всякий раз долго восстанавливал дыхание. Фраа Джад двигался вперёд, не оглядываясь на меня. В списке вопросов, с которыми я собирался к нему пристать, первыми стояло: «Почему я? Разве ты не мог сделать, что задумал, один, а меня оставить в повествовании, где мои друзья живы?» Возможно, это и был ответ: Джад остановил выбор на мне по той же причине, по какой эдхарские

иерархи включили меня в команду звонарей: я крепкий. Сила есть, ума не надо. Могу открывать тяжёлые двери. Впрочем, это было лучше, чем не делать ничего, поэтому я перед каждым люком обгонял фраа Джада и брался за рукоятки. Всякий раз, открывая люк, я ждал, что увижу дула урнудских карабинов, однако первый же человек, на которого мы наткнулись (уже довольно далеко от обсерватории), только ахнул и посторонился, уступая дорогу — вернее, ахнула и посторонилась, потому что это была женщина. Затея вырядиться пожарными была так проста, так очевидна, что я думал, она не сработает. Однако она отлично сработала с первой встреченной нами женщиной, из чего, вероятно, следовало, что сработает и со следующей сотней человек.

Коридор вёл в сферическое помещение, которое, вероятно, служило вестибюлем для всей вершины — отсюда можно было попасть во внутренние части «Дабан Урнуда». Методом проб и ошибок мы отыскали вход в очень длинную цилиндрическую шахту. «Радиаль!» — объявил я, когда её обнаружил. Фраа Джад кивнул и через мгновение был уже в шахте.

До сих пор все мои впечатления от корабля ограничивались исполинским икосаэдром и

внушительной вершиной-цитаделью. Они так поражали своей огромностью и непривычностью, что, глядя на них, легко было забыть: всё самое сложное и живое не здесь, а во вращающейся Орбойме. До сей минуты мы с фраа Джадом были как варвары, распахивающие двери забытой караулки на дальней границе империи. Отсюда начиналась дорога к столице. Радиалей было всего двенадцать, по шесть с каждого конца Орбоймы, где они, как спицы в колесе, расходились от её могучих подшипников. Орбойму можно сравнить с обезьяной, которая, растопырив руки-ноги, держится за стенки ящика. Иногда рука должна толкать, иногда тянуть. Она сгибается, амортизируя толчки. Она живая: в ней есть кости для прочности, мышцы, чтобы сокращаться, сосуды — пути транспортировки материалов, нервы — связь и кожа, которая защищает всё это снаружи. Радиаль выполняла сходные функции и была устроена почти так же сложно. Мы с фраа Джадом видели только внутреннюю поверхность шахты диаметром десять футов, но со слов Жюля знали, что общий поперечник радиали в десять раз больше и вся она набита оборудованием, скрытым от наших глаз. Впрочем, на него намекали ошеломляюще

разнообразные люки, маховики, коммутаторы, спиль-экраны, приборные панели и мерцающие таблички, мимо которых мы пролетали. У нас не было подготовки, чтобы двигаться строго по оси шахты, поэтому мы шарахались от стены к стене. Всякий раз, заметив на расстоянии удара подходящий выступ, мы оскорбляли его действием и, набрав скорость, летели к следующему, хватая ртом воздух. Примерно на середине пути мы встретили группу из четырёх Геометров, которые при виде нас ухватились за выступы и прижались к стене. Вдогонку нам неслись крики, надо думать, вопросы. Но мы, разумеется, не ответили.

Шахта заканчивалась люком, который открывался в сводчатое помещение диаметром около тридцати футов — самое просторное из всех, какие мы до сих пор видели. Я знал, что это должна быть камера переднего подшипника. И впрямь: посреди пола зияло круглое отверстие футов двадцать в поперечнике, и всё по другую его сторону вращалось. Мы добрались до переднего края Стержня. Нас окружал невидимый подшипник, который через радиали соединял вращающуюся Орбойму с корпусом икосаэдра.

В камере царил хаос. В сводчатом помещении

было шесть порталов: входы в шесть радиалей. Из одного мы с фраа Джадом только что выплыли. В соседнем бурлила жизнь, примерно как в тех местах больших городов, где продают и покупают акции. Очевидно, эта радиаль вела к Сжигателю планет — или к тому, что осталось от комплекса после долистов. Люди влетали в портал и вылетали из него с частотой два в секунду — мы как будто смотрели на вход в осиное гнездо. Влетающие по большей части держали инструменты или оружие; среди вылетающих попадались раненые. Встречные потоки сталкивались в камере. Некоторые люди пробовали навести порядок, объясняли летящим в обе стороны, что те должны делать и куда двигаться, но никакого ощутимого результата, кроме перепалок, я не наблюдал. В этой сумятице нам с фраа Джадом было легко перемещаться незамеченными. И даже слишком легко. У меня было только одно затруднение: отличить тысячелетника от других людей в пожарных костюмах. В какой-то момент я испугался, что потерял его, но тут подходящих размеров пожарный глянул в мою сторону и указал на то, что я про себя называл полом камеры: плоскую поверхность с большим отверстием посередине.

Отверстие уменьшалось.

Как объяснил Жюль, если конструкторам «Дабан Урнуда» нужно было обеспечить сообщение между основными частями Стержня, они ставили шаровой клапан: то есть просто шар с высверленным посередине отверстием, заключённый в сферическую полость на границе помещений. Шар свободно вращается. В зависимости от того, как повёрнуто отверстие, получается либо вход, либо непреодолимая преграда. Такой же клапан был и в «полу» камеры, я просто не сразу его узнал из-за размеров. Теперь, когда он пришёл в движение, всё стало ясно. Шар поворачивался медленно, но к тому времени, как фраа Джад мне на него указал, уже наполовину закрылся, как смежаемый сном глаз.

Фраа Джад упёрся ногами в спину солдата и толкнул, отчего солдат полетел к потолку, а фраа Джад — к клапану. Я толкнулся от лестницы. Отверстие уже сократилось до трёх футов в самом широком месте: больше чем достаточно, чтобы протиснуться. Однако мы израсходовали весь импульс, чтобы сюда долететь, а прицелились плохо. Судорожными рывками мы всё-таки попали в отверстие и зависли. «Глаз» с другой стороны всё уменьшался. Если не выскочить до того, как

он сомкнётся, мы останемся внутри до тех пор, пока кто-нибудь вновь не откроет клапан.

Оттолкнуться было не от чего. Впрочем, у меня бы всё равно не хватило дыхалки. Я развернул огнетушитель назад и выпустил струю. Отдача отбросила его ко мне; я принял толчок руками и почувствовал, что заваливаюсь назад. Но я двигался. Меня ударило о противоположную стену, я нащупал край отверстия и вылез наружу. Через мгновение вслед за мной вылетел фраа Джад в снежном облаке огнезащитной пены. Я притормозил его, поймав за щиколотку. Мы, медленно кувыркаясь, плыли в огромной шахте. То был Стержень, идущий через всю Орбойму: две мили в длину, сто футов в поперечнике. Мы проникли в сердце «Дабан Урнуда». Если даже кого-нибудь в камере наше поведение насторожило, никто не успел последовать за нами через клапан. Вокруг него располагались люки поменьше — шлюзы, через которые мог пройти один человек за раз, — чтобы попадать из камеры в Стержень даже при закрытом клапане. Я с опаской поглядывал на них, почти ожидая, что оттуда появится космический полицейский и потребует у нас документы, потом рассудил, что такого не может быть. Мне вспомнились недавние слова Жюля. То, что сдела-

ли долисты, — что сделали *мы*, — худшее военное поражение урнудцев за тысячи лет. Комплекс Сжигателя планет ещё горит, катастрофа только началась. Долисты, возможно, живы и сражаются. Кто в такой ситуации обратит внимание на двух странно ведущих себя пожарных?

Панический рывок через клапан придал нам импульс, на котором мы долетели до стены Стержня, вращающейся с частотой секундной стрелки часов. Это значило, что стена двигалась мимо нас со скоростью быстрой ходьбы. Её покрывала сетка. Расстояние между прутьями было примерно в ладонь, как раз чтобы ухватиться, что мы и сделали. Итогом стало лёгкое ускорение, которое прижало наши ноги к сетке. Тело здесь весило меньше, чем у новорожденного младенца. Но поскольку мы начисто отвыкли от тяготения, нам потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться.

Минуты две мы висели, судорожно дыша и силясь не потерять сознание. Затем фраа Джад, как всегда, не посвятив меня в свои планы и намерения, оттолкнулся и поплыл к одному из четырёх нексусов, равномерно распределённых по длине Стержня. Двигаться при микротяготении было легче, чем в невесомости: мы медленно «пада-

ли» на стену, от которой могли оттолкнуться и придать себе новый импульс. Здесь имелась и быстрая система передвижения: конвейерная лента с перекладинами, ползущая в разные стороны по противоположным стенам Стержня. Почти все, кого мы видели — примерно сто человек с заметным преобладанием солдат и пожарных, — ехали на этой ленте. Перекладины были эластичные, чтобы не вырвать руку из сустава, когда за них схватишься. Несмотря на усталость, мне страшно хотелось опробовать систему, но я боялся выдать своё неумение. Фраа Джада она не заинтересовала. Мы двигались медленнее тех, кто на конвейере, что, впрочем, было и хорошо: некоторые, проезжая, выкрикивали нам вопросы, однако никто не проявил настойчивости и не спрыгнул с ленты, чтобы продолжить разговор.

Через несколько минут мы достигли той части Стержня, где сходились ближайшие к носу корабля орбы: Первый, Пятый, Девятый и Тринадцатый. За каждым располагались ещё три. Орбы с Первого по Четвёртый принадлежали урнудцам, с Пятого по Восьмой — троанцам, с Девятого по Двенадцатый — латерранцам, оставшиеся — фтосцам. По традиции в орбах с наименьшими номерами — тех, что соединялись здесь, — жили

самые высокопоставленные лица каждого из народов. Казалось бы, именно в этом нексусе удобнее всего встречаться большим чиновникам от разных рас. Однако мы видели лишь четыре огромных отверстия в стене: устья ведущих в орбы шахт. Правда, по словам Жюля, снаружи эту часть Стержня опоясывал тор, состоящий из кольцевых коридоров, конференц-залов и начальственных кабинетов. На его присутствие намекали люки в стене. Однако из-за противостояния Опоры и Основания командный тор разделился на неравные части. Люки задраили, переборки заварили, кабели перерезали, у дверей поставили часовых.

Всё это нас не касалось, поскольку мы находились в чём-то вроде служебного коридора или лифтовой шахты — то есть в таком месте, куда члены командования практически не заглядывают. Куда больший интерес представляли четыре отверстия в стене. Выбравшись в нексус, мы смогли в них заглянуть и увидели цилиндрические шахты, ведущие «вниз» примерно на четверть мили. Каждая заканчивалась очередным шаровым клапаном, сейчас закрытым. И за каждым клапаном лежал обитаемый орб в милю шириной.

Шахту, ведущую в Первый орб, определить было нетрудно: по номеру на стене рядом с ней. Цифра была урнудская, но любое разумное существо из любого космоса узнало бы в ней единицу, I, единственный экземпляр чего-либо. У меня, впрочем, не было времени размышлять над её глубоким смыслом, поскольку фраа Джад уже заметил на стене шахты лестницу и начал спуск.

Я последовал за ним. Тяготение постепенно росло. Трудно описать, до чего плохо на меня это действовало. Если я не потерял сознания, то лишь из страха, что выпущу перекладины и рухну на фраа Джада. Перед глазами уже плыло, и тут в мозг проникло гудение, от которого завибрировал череп, — то самое, что не давало мне спать в базском монастыре сразу после воко. Фраа Джад пел. Моё сознание уцепилось за его пение, как цеплялись руки за стальные перекладины лестницы — единственную ощутимую связь с вращающимся вокруг исполинским комплексом. И как перекладины удерживали меня от падения, так голос Джада не давал мне перенестись в неведомое место, куда я попал, когда в обсерватории лишился чувств и очнулся не в том повествовании.

Я продолжал спуск.

Я сидел на исполинском стальном шаре, зажав голову коленями, и силился не потерять сознание.

Фраа Джад нажимал кнопки на стенном пульте.

Шар подо мной начал поворачиваться.

— Откуда ты знаешь код? — спросил я.

— Я набрал случайные цифры, — ответил Джад.

Пульт пискнул только четыре раза. Всего-навсего одно четырехзначное число. Всего-навсего десять тысяч возможных комбинаций. Значит, есть десять тысяч Джадов на десяти тысячах разветвлений этого мирового пути... и если мне повезло оказаться с тем, у которого цифры сойдутся...

В отверстие клапана лился солнечный свет. Я лёг на живот и увидел воду, зелень и здания в полумиле внизу.

В этом клапане имелась лестница из металлических скоб. Мы спустились по ней ещё до того, как клапан раскрылся полностью, и попали на кольцевую металлическую площадку, висящую под сводом орба, вокруг отверстия — окулюса в сферическом куполе, маленьком небе над маленьким миром. К площадке вела лестница, и по

ней карабкались вооружённые люди, торопясь с нами познакомиться. Увидев их, фраа Джад снял респиратор: притворяться было уже незачем. Я сорвал свой.

На площадку, глядя в прицелы помповых ружей, выбежали два солдата. Один агрессивно надвигался на фраа Джада. Я машинально выступил вперёд, поднимая руки. Моё внимание привлёк серебристый предмет в руке у фраа Джада — невероятно, но это больше всего походило на жужулу! Тут второй солдат повернул ружьё и прикладом двинул меня в челюсть. Я перекувырнулся через перила и почувствовал, как старая подруга — невесомость — приняла меня в свои объятия. Я падал в орб. Что-то очень нехорошее происходило в моих кишках. Через мгновение раздался звук выстрела. Меня подстрелили? Маловероятно, учитывая, с какой скоростью я летел. Перед глазами всё вновь стало бело. Мои внутренности вспыхнули огнём и растаяли.

Солдаты застрелили фраа Джада. Всеобщие уничтожители сработали. Я превратился в ядерную бомбу, тёмное солнце, сеющее губительную радиацию на дома и возделанные террасы урнудского поселения внизу.

Мы выполнили свою миссию.

****

***Предвестие**, одно из трёх последовательных бедствий, охвативших почти весь Арб в последние десятилетия эпохи Праксиса и, по мнению более поздних исследователей, ставших прологом к Ужасным событиям. В чём именно они состояли, установить трудно, поскольку записи (по большей части хранившиеся в синтаксических устройствах, которые позже перестали работать) утрачены, однако практически общепринято, что Первым предвестием была всемирная волна насильственных революций, Вторым — мировая война, а Третьим — геноцид.*

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

— Мы здесь, — сказал человек в длинном облачении. — Мы откликнулись на ваш зов.

Он говорил на орте. Не так хорошо, как Жюль Верн Дюран, но довольно сносно; я заподозрил, что учился он столько же, сколько Жюль. Если мы не станем засыпать его редкими временами и сложно построенными фразами, он будет нас понимать. Я сказал «мы», хоть и не рассчитывал

говорить много.

— Зачем я здесь? — спросил я фраа Джада чуть раньше — когда мы подходили к дверям плавучего здания в центре Первого орба.

— Ты будешь скриптором, — ответил фраа Джад.

— Эти люди строят полностью самообеспеченные межкосмические корабли, но у них нет записывающих устройств?

— Скриптор — более чем записывающее устройство. Скриптор — мыслящая система, и то, что он наблюдает в этом космосе, воздействует на другие, как мы обсуждали во владении Аврахона.

— Ты тоже мыслящая система, и в поликосмические шахматы играешь лучше меня. Кто я в сравнении с тобой?

— За последнее время немало веток было обрезано. Меня нет во многих космосах, где есть ты.

— То есть ты умер, а я жив.

— «Нет» и «есть» более удачные термины, но если ты настаиваешь на своих, я не против.

— Фраа Джад?

— Да, фраа Эразмас?

— Что случается с человеком после смерти?

— Ты уже знаешь об этом столько же, сколько я.

Тут нам пришлось замолчать, поскольку нас ввели в комнату, где ждал человек в длинном облачении. Без знания урнудской культуры затруднительно было гадать, кто он. Комната тоже не давала никаких подсказок. Это была сфера с плоским полом, наподобие маленького планетария. Я догадывался, что она расположена близко к геометрическому центру орба. Внутренняя поверхность стен была матовая и мягко светилась поступающим снаружи солнечным светом. Круглый стол в середине комнаты опоясывала кольцевая скамья; на ней стояло несколько ёмкостей с жидкостью, над которой поднимался пар. В остальном помещение было совершенно пустое и голое. Я почувствовал себя как дома.

«Мы откликнулись на ваш зов».

Что скажет на это фраа Джад? У меня в голове возникли варианты: «Где вас так долго носило?» и «Я не понимаю, о чём вы». Однако фраа Джад ответил обтекаемо:

— Коли так, я здесь, чтобы вас приветствовать.

Урнудец указал на круглую скамью. Когда он отвёл руку, облачение развернулось и повисло, как стяг. Оно было по большей части белое, но богато украшенное. Хотел бы я назвать его парчовым или вышитым, но жизнь среди аскетов,

носящих простые стлы, сильно обеднила мой словарь в том, что касается декоративно-прикладных искусств. Скажу просто, что одеяние было роскошное.

— Прошу к столу, — сказал незнакомец. — Выпьем чаю. Жест чисто символический, поскольку ваш организм не воспримет наши напитки, но...

— Мы с удовольствием выпьем вашего чаю, — сказал фраа Джад.

Итак, мы сели на круглую скамью: фраа Джад и хозяин довольно близко, лицом друг к другу, я — чуть поодаль. Хозяин взял свою чашку и сделал ею некое движение — как я понял, церемониальный жест, который мы с фраа Джадом по мере возможности повторили. Затем все пригубили чай. На вкус он был не хуже и не лучше того, что ел на мессале «Ж'вэрн». Во всяком случае, желания привезти его домой, чтобы угощать знакомых, у меня не возникло.

Хозяин вытащил из складок одеяния какие-то записки и, периодически в них заглядывая, произнёс следующую речь:

— Меня зовут ган Одру. Я сорок третий ган в истории «Дабан Урнуда». Одру — моё имя, ган — звание. Ближе всего к нему будет ортское слово «адмирал», однако оно лишь приблизительно пе-

редаёт его значение. В нашей воинской системе одна категория офицеров отвечает за деревья, другая — за лес.

— Тактика и стратегия, — сказал фраа Джад.

— Совершенно верно. Ган — верховный стратег; он руководит целым флотом и подотчётен гражданской власти, если такая имеется. Командование отдельными кораблями ган делегирует офицерам-тактикам, носящим звание «праг», по-вашему — «капитан». Простите, если я вас утомил, но иначе невозможно будет объяснить действия «Дабан Урнуда» в отношении Арба.

— Вы ничуть нас не утомили, — ответил фраа Джад и глянул в мою сторону, проверяя, исполняю ли я свои обязанности, которые, насколько я понял, состояли в том, чтобы просто оставаться в сознании.

— Первому гану «Дабан Урнуда» было поручено основать колонию в другой звёздной системе, — продолжал ган Одру. — По мере удаления от Урнуда связь с планетой ослабевала, а полномочия гана росли, и со временем он сделался единовластным правителем. Однако у этого гана был только один корабль и только один праг в подчинении. От прага не требовалось тактических решений — война осталась позади.

Отношения между ганом и прагом утратили стабильность, а со временем эволюционировали. Проще сказать, что ган стал вроде ваших инаков, праг — вроде мирской власти. Система сложилась при жизни одного поколения, но оказалась на редкость устойчивой и с тех пор практически не претерпела изменений. Мой наряд почти в точности повторяет парадную форму адмиралов урнудского океанского флота многотысячелетней давности. Впрочем, на кораблях они, разумеется, ходили в других одеждах, потому что в церемониальных ризах не очень-то поплаваешь.

Меньше всего я ожидал услышать здесь шутку, поэтому гоготнул чересчур громко и чересчур поздно.

— Второй ган страдал от тяжёлой болезни и пробыл у власти всего шесть лет. Третьим ганом стал молодой протеже первого. Он пробыл на этом посту долгий срок; благодаря силе своей личности и редкостному уму он сумел вернуть себе часть захваченной прагами власти. Под конец жизни третий ган узнал про ваш зов и принял решение изменить траекторию «Дабан Урнуда», чтобы корабль (как рассчитывали) допал в прошлое. Ибо сигналы, которые услышал он (и другие), были истолкованы как голоса предков,

зовущие их на планету, чтобы вернуть развитие Урнуда на путь, с которого его столкнуло безумие правителей. Вы наверняка уже слышали о том, что было дальше, о Пришествиях на Тро, Землю и Фтос и последствиях этих событий. Моя цель — не пересказывать вам всю нашу историю, а объяснить наши действия на Арбе.

— Было бы полезно знать, что случилось с небесным эмиссаром, — сказал фраа Джад.

Ган Одру заговорил медленно (теперь он не читал по бумажке, а составлял фразы по ходу объяснения):

— Уже давно отношения между ганами и прагами были крайне враждебными. Праги утверждали, что третий ган просто ошибся. Что все странствия «Дабан Урнуда» — бессмысленные и бесконечные последствия давнего заблуждения. Исходя из этого, они видели свою единственную цель в самосохранении. Те, кто так думал, хотели только осесть где-нибудь и жить дальше. В каждое Пришествие кто-нибудь так и делал. Мы оставили часть урнудцев на Тро, часть троанцев на Земле и так далее. Они приспособились к жизни в чужом космосе. Таким образом, в каждое Пришествие немалая часть тех, кто считал наши странствия ошибкой, оставалась позади. И

в каждом Пришествии к нам присоединялись те, кто верил в нашу цель. Ганы вновь становились во главе корабля, праги выполняли их указания. Однако путешествие длится долго. Со сменой поколений вера слабела, и ганы теряли власть, а позиция прагов укреплялась. Мы называем эти две тенденции Основанием и Опорой. И вот я здесь, в церемониальном помещении, делаю то же, что мои предшественники, но не пользуюсь ни уважением, ни властью.

Итак, мы вышли к Арбу. Праг Эшвар, моя соперница, и её сподвижники видят в вашей планете очередную цивилизацию, у которой надо отнять ресурсы, чтобы восстановить корабль и продолжить путешествие. Однако Эшвар умна и читала наши хроники. Она отлично знает, что в Пришествие власть от Основания и прага переходит к Опоре и гану. И она выбрала тактику, чтобы этого не допустить.

Когда к нам прибыл небесный эмиссар, стало ясно, что он — глупец и шарлатан. Мы, разумеется, уже знали об этом из вашей массовой культуры. И праг решила провести параллель между мною и небесным эмиссаром. Чтобы его глупость, его фальшь стали укором мне.

Небесного эмиссара доставили сюда в ска-

фандре, который он всё время порывался снять. Мы советовали этого не делать. Вступив сюда, он счёл, что попал в святилище, и объявил, что готов пойти на риск. Что его бог будет ему защитой. Итак, скафандр сняли. Небесный эмиссар начал задыхаться. Наши врачи попытались вновь собрать на нём скафандр, но это не помогло: у небесного эмиссара лопнул крупный кровеносный сосуд. Врачи решили поместить его в холодную гипербарическую камеру — метод, который им часто приходится применять. Небесного эмиссара раздели и подготовили к процедуре. Однако медики опоздали — он умер. Возник спор, как быть с телом. Покуда мы препирались, излишне рьяные исследователи взяли образцы крови и тканей и начали вскрытие. Так что тело было, если хотите, осквернено. Праг Эшвар сочла, что любые извинения будут расценены как слабость, а сведения, которые мы сообщим, окажутся на пользу Арбу. А из внутриполитических соображений она хотела выказать пренебрежение к телу: ведь небесный эмиссар символизировал *меня*. Вот почему его вернули вам таким образом.

— Но тактика сработала против прага Эшвар? — спросил я.

— Да. Сторонники Опоры сочли, что эти дей-

ствия нас позорят, и составили план: обменять кровь на кровь. Как мы взяли образцы крови из тела небесного эмиссара, так и они решили доставить на Арб образцы нашей крови. Мы получил с вашей планеты сигнал, как стало потом известно, от фраа Ороло. Сигнал имел форму аналеммы. Жюль Верн Дюран — главный специалист по орту и матическому миру, тайный сторонник Опоры — прочёл в ней указание на Экбу и сказал, что будет очень символично, если доставить образцы крови туда. Он даже вызвался сам лететь в капсуле, но тут его отправили в рейд на концент матарритов. Вместо него отправилась Лиза, о чём Жюль, разумеется, не ведал. Лиза много узнала от него про инаков и даже выучила несколько ортских слов. Как вам известно, всё закончилось плохо: её застрелили при посадке в капсулу.

Мы немного помолчали.

— Затем события стали развиваться стремительно, — продолжил ган Одру после паузы. — Я бы сказал, что праг Эшвар повела себя, как всякий праг, то есть...

— Приняла тактическое решение без оглядки на стратегию, — закончил Джад.

— Да. Итог мы наблюдаем сейчас. Тридцать один человек убит вашими фраа и суурами — из

Звонкой долины, я полагаю?

Фраа Джад не ответил. Ган Одру взглянул на меня, и я кивнул. Он продолжал:

— Ещё восемьдесят семь сейчас в заложниках: ваши коллеги загнали их в отсек и намертво заварили двери.

— Ошибочное толкование, — сказал фраа Джад. — Такие люди не берут заложников. Значит, те восемьдесят семь человек помещены в отсек, чтоб не путались под ногами и не пострадали ненароком.

— Праг Эшвар, верно или ошибочно, истолковала происходящее как захват заложников и готовит ответ. В то же самое время она попросила меня побеседовать с вами. Она в панике. Почему — не знаю. Уничтоженная бомба была крайним средством; никто всерьёз не помышлял о том, чтобы её применить.

— Простите, ган Одру, но Основание готовило её к запуску, — не удержался я.

— В качестве угрозы, да. Чтобы оказать давление на ваше правительство. Однако ни на что другое она не годна. Я не понимаю, почему её уничтожение так подействовало на прага Эшвар.

— Подействовало не оно, — сказал фраа Джад. — Праг Эшвар почувствовала смертельную опас-

ность.

— Откуда вы знаете? — вежливо спросил ган Одру.

Фраа Джад оставил вопрос без ответа.

— Она может объяснить, что видела вещий сон. Или что её осенило, когда она принимала ванну. Или что шестое чувство подсказывает ей взять более мягкий курс.

— И это каким-то образом сделали вы?! — воскликнул ган Одру скорее изумлённо, чем вопросительно. Вновь не получив ответа от фраа Джада, он повернулся ко мне. Уж не знаю, что прочёл ган на моей физиономии. Наверное, смесь растерянности и ужаса. Потому что я совсем недавно видел обрывок альтернативного повествования, в котором мы уничтожили целый орб.

— Неужто вам, ган Одру, преемнику тысячелетней традиции, основанной на вере в то, что мои предшественники вас сюда позвали, так трудно допустить, что мы послали сигнал прагу Эшвар?

— Наверное, нет. Однако спустя столько времени так легко усомниться. Счесть эту веру религией, чей бог умер.

— Хорошо, что вы сомневаетесь, — сказал фраа Джад. — В конце концов, небесного эмиссара сгубила нерассуждающая вера. Но надо тщательно

выбирать объект для сомнений. Ваш третий ган уловил поток информации из другого космоса и ошибочно принял его за шифрованное послание предков. Ваши Праги не верят в обе половины истории. Вы отбросили лишь одну половину: что то был зов предков. Однако вы, возможно, по-прежнему верите, что сигнал есть, хотя третий ган и неправильно определил его источник. Поверьте, в таком случае, что информация — Гилеин поток — проходит из космоса в космос.

— Но позвольте спросить: научились ли вы модулировать этот сигнал, посылать с его помощью сообщения?

Я весь обратился в слух. Однако фраа Джад молчал. Ган Одру выждал несколько мгновений, потом сказал:

— Думаю, можно считать, что ответ уже получен. Вы каким-то образом проникли в сознание прага Эшвар.

— Что за сигнал получил третий ган девять столетий назад? — спросил я.

— Пророчество о страшных бедствиях. Убийство священников, сожжение церквей и книг.

— Почему он решил, что это события прошлого?

— Церкви были огромны. Книги написаны

незнакомым алфавитом. На некоторых горящих листах были доказательства незнакомых нам теорем — позже наши теоры их подтвердили. На Урнуде есть легенда об утраченном Золотом веке. Ган решил, что смог заглянуть в ту эпоху.

— Но на самом деле он видел Третье разорение, — сказал я.

— Да, по всей вероятности, — ответил ган Одру. — И мой вопрос: вы послали нам это видение или просто так случилось?

Мы здесь... Мы откликнулись на ваш зов. Кто он: последний жрец ложной религии? Ещё один небесный эмиссар?

— Ответ мне неизвестен, — сказал фраа Джад и повернулся ко мне. — Придётся вам выяснять это самим.

— А ты? — спросил я.

— Здесь мои дела закончены, — сказал фраа Джад.

ЧАСТЬ 12. Реквием

Что-то сильно толкало меня в спину, придавая мне ускорение. Так быть не должно.

Нет, просто сила тяжести (или правдоподобная её имитация) прижимала меня к чему-то плоскому и твёрдому. Мне было очень, очень холодно. Я затрясся.

— Пульс и дыхание приближаются к норме, — произнёс голос на ортском. — Содержание кислорода в крови растёт.

Жюль переводил эти слова на какой-то другой язык.

— Температура входит в интервал, совместимый с сознанием.

Кажется, говорили о моём сознании. Я открыл глаза. Приглушённый свет. Я был в маленькой, но вполне уютной комнатке. На краю моей койки сидел Жюль Верн Дюран, чистый и довольный. Это больше всего остального подтверждало впечатление, что прошло много времени. Я был подключён к множеству проводков и трубок. Одна из них вдувала мне в нос что-то прохладное, сухое и приятное. Врач — с Арба! — поглядывал то

на меня, то на жужулу. Женщина в белом халате — латерранка — управляла большим аппаратом, прогонявшим мне тёплую воду через... ну, если бы я сказал, через что, вы бы сперва не поверили, а потом пожалели, что я не оставил эту подробность при себе.

— У тебя вопросы, мой друг, — сказал Жюль, — но, возможно, тебе лучше подождать, пока...

— У него всё в порядке, — объявил арбец. На нём были стла и хорда, под носом — пристёгнутая ремешками трубка. Он перевёл взгляд на меня. — У тебя всё в порядке, насколько я могу судить. Как самочувствие?

— Ужасно холодно.

— Это скоро пройдёт. Ты помнишь своё имя?

— Фраа Эразмас из Эдхара.

— Ты знаешь, где находишься?

— Наверное, в одном из орбов «Дабан Урнуда». Но кое-чего я не понимаю.

— Я — фраа Сильданик из Рамбальфа, — сказал врач, — и мне надо заняться твоими товарищами. Жюль нужен мне, чтобы переводить, а доктор Го — чтобы наблюдать за процедурой согревания. Кстати, это мы заберём.

Доктор Го проиллюстрировала его слова самым драматичным из всех мыслимых способов:

сунула руку под одеяло и выдернула из меня обогреватель. Впервые за долгое время я помянул Бога.

— Извини, — сказал фраа Сильданик.

— Ничего, переживу. Итак...

— Итак, мы оставим твои вопросы без ответа, — закончил фраа Сильданик. — Но за дверью ждёт человек, который, думаю, охотно всё тебе растолкует.

Они вышли. В открытую дверь я успел увидеть воду и много зелени, но их почти сразу заслонила стремительно движущаяся фигурка. Через мгновение Ала уже лежала на мне ничком и рыдала.

Она рыдала, а я трясся. Следующие полчаса мы посвятили тому, чтобы поднять мою температуру и успокоить Алу. Получалось отлично: Ала была лучшим средством для поднятия моей температуры, а я в качестве матраса, видимо, идеально её успокаивал. Меня бил такой озноб, достигший пика примерно на шестнадцатой минуте, что я точно переломал бы себе все кости или по крайней мере свалился бы с койки, если бы Ала не цеплялась за меня, как за вибростенд на аттракционе в развлекательном парке. Всё это со временем привело к другим захватывающим биологическим феноменам, которые я не могу тут

описать, не превратив свою хронику в документ совершенно иного рода.

— Отлично, — сказала Ала наконец. — Я могу сообщить фраа Сильданику, что кровоток во всех твоих членах полностью восстановлен.

Это была первая связная фраза, которую я от неё услышал. Мы пробыли вместе полтора часа.

Я рассмеялся.

— Мне думалось, я на небесах. Но там не было бы этого. — Я легонько потянул за шипящую трубку под Алиным носом. — Кислород с Арба?

— Ясное дело.

— Как он... как ты сюда попала?

Она вздохнула, поняв, что я твёрдо намерен задавать нудные вопросы, оттолкнулась и села на меня верхом. Я поднял колени, чтобы ей было удобнее. Ала схватила подушку, подложила себе под спину, поправила трубку под носом. Потом глянула на меня. Гипотеза, что я на небесах, опять временно возобладала. Но нет, так не бывает. Небеса надо *заслужить*.

— После вашего запуска, — сказала она, — Основание разгвоздило всю нашу космическую инфраструктуру.

— Знаю.

— Ах да, забыла. Вы отлично всё видели. Итак,

нам прислали сообщение, что Геометры крайне недовольны. Однако они клюнули на обманку — надувную платформу, которую вы запустили. Даже отправили нам фототипии обломков. Они ликовали!

— Может, они только делали вид, будто клюнули.

— Мы рассматривали такую возможность. Однако вспомни — через несколько дней вы запросто вошли в их корабль.

— Ну, не совсем запросто! — Я хотел рассмеяться, но не смог, потому что Ала всем весом давила мне на живот.

— Понимаю, — тут же откликнулась она. — Я всего лишь хотела сказать...

— Что Основание не приняло чрезвычайных мер предосторожности, — согласился я. — Геометры ничего не ждали.

— Да. Они празднуют победу, и вдруг ни с того ни с сего Сжигатель планет взрывается. Есть погибшие. Одна из двенадцати вершин захвачена арбским десантом.

— Ух ты! Долисты захватили вершину?

— Они проникли на Сжигатель планет и поставили там три из четырёх кумулятивных зарядов. Потом направились к некоему окну...

— К окну?!

— Эта вершина — командный пост и станция обслуживания Сжигателя. Там есть конференц-зал с окном, из которого открывается вид на бомбу. Оза и остальные, видимо, заранее сговорились встретиться там. По пути их заметили и атаковали техники, работавшие снаружи в скафандрах. Однако у техников не было оружия как такового.

— У долистов тоже, — заметил я.

Ала взглянула на меня жалостливо. Может быть, даже с оттенком ласки.

— Ладно, — сказал я. — Долистам оружия не надо.

— Суура Вай погибла. Ей противостояли пятеро, и у одного был плазменный резак. Ужасная история. Тех пятерых она успела уложить. Но главным образом благодаря сууре Вай остальные долисты добрались до того окна.

Ала сделала паузу, давая мне время свыкнуться с услышанным. Я искренне ненавидел сууру Вай, когда после Махща она зашивала меня леской, но сейчас, вспомнив операцию на столе для пикника, чуть не расплакался.

Почтив молчанием память сууры Вай, Ала продолжила:

— Теперь представь себе это с точки зрения больших шишек в конференц-зале. Они видят, как на их глазах подчинённые превращаются в свободно парящие трупы. Поделать ничего не могут. Фраа Оза подлетает к окну и ставит прямо на стекло кумулятивный заряд. Что это такое, они не знают. Он делает движение рукой. Сжигатель планет взрывается в трёх местах: детонатор, система автономного наведения, баки с топливом. Взрыв баков вызывает мощную вторичную детонацию.

— Мы заметили.

— Фраа Грато убило обломком.

— Проклятие! — В глазах защипало. — Он закрыл меня от пуль...

— Знаю, — тихо проговорила Ала.

Вновь немного помолчав, она продолжила:

— Теперь боссы понимают, что закреплено на окне. Правильно истолковав намёк, они открывают шлюз. Эзма входит. Оза остаётся снаружи: он — приставленный к их виску пистолет. Эзма, в скафандре, загоняет всех увиденных Геометров в конференц-зал, запирает дверь и задраивает её порошком светителя Лоя. Оза присоединяется к ней, захватив кумулятивный заряд. Они запирают дверь, ведущую из вершины в остальной

«Дабан Урнуд», и задраивают её тоже. Взрывают четвёртый заряд так, чтобы почти весь воздух из вершины ушёл в вакуум. Теперь к ним можно приблизиться только в скафандрах. Они забираются в одно из немногих помещений, где воздух ещё есть. У них кончается кислород, они снимают скафандры, после чего испытывают обычные симптомы.

— Да, кстати, из-за чего это?

Ала передёрнула плечами.

— Гемоглобин — потрясная молекула. Очень точно настроена на свою задачу: забирать кислород из лёгких и доставлять каждой клетке тела. Если дать ей непривычный кислород, она по-прежнему справляется, но хуже. Итог как на большой высоте: одышка, головокружение, путаница в мыслях.

— Галлюцинации?

— Возможно. А что? У тебя были галлюцинации?

— Не важно... но погоди секундочку, Жюль прекрасно дышал арбским воздухом.

— Со временем человек акклиматизируется. Организм начинает вырабатывать больше красных кровяных телец. Через неделю-две ты дышишь свободно. Например, на «Дабан Урнуде»

некоторые почти никогда не выходят из своего орба. Им трудно дышать смешанным воздухом в общих частях корабля. Другие привыкают.

— Как фтосская женщина-астроном, которая впустила нас через обсерваторию.

— Да. Когда она увидела, как вы задыхаетесь и теряете сознание, она узнала симптомы и подняла тревогу.

— Это было так?

Ала вновь наградила меня тем же жалостливо-ласковым взглядом.

— Ты что, думал, будто вам удалось незаметно проникнуть на корабль?

— Я... э... думал, что именно так всё и было.

Она схватила мою руку и поцеловала.

— Казалось бы, твоё эго могло удовольствоваться тем, что вы на самом деле сделали и за что вас ещё долго будут прославлять.

— Ладно, — сказал я, торопясь перевести разговор с моего эго на что-нибудь другое. — Она подняла тревогу.

— Да. Разумеется, из-за того, что сделали долисты, сигналы тревоги звучали уже по всему кораблю. Тем не менее несколько врачей добрались до обсерватории, где увидели вас без сознания, но живых. На ваше счастье, здешним

медикам к такому не привыкать. Вам дали кислородные маски, что немного помогло. Однако они никогда прежде не лечили арбцев, поэтому боялись гипоксических повреждений мозга и для перестраховки заморозили вас в барокамере.

— Заморозили.

— Да. Буквально. Снизили вашу температуру до предела, который способен перенести мозг, одновременно насыщая кровь латерранским воздухом. Вы пролежали без сознания неделю.

— А что с Озой и Эзмой?

Ала долго молчала, прежде чем сказать:

— Ну, Раз, они погибли. Урнудцы вычислили их местоположение. Взорвали переборку. Воздух вышел наружу.

Минуту я лежал, не двигаясь и не говоря.

— Что ж, — сказал я наконец. — Думаю, они погибли как настоящие долисты.

— Да.

Я горько хохотнул.

— А я — как настоящий не-долист — остался жив.

— И я ужасно этому рада.

И тут она снова начала плакать. Не от горя, что погибли долисты, и не от радости, что остальные живы. Ала плакала от стыда и боли, что отпра-

вила нас туда, где мы легко могли погибнуть, что ответственность, лежавшая на её плечах, и логика ситуации не оставили альтернативы Ужасному решению. Теперь до конца жизни — я наделся, нашей жизни — ей предстояло просыпаться по ночам в поту. Однако эту боль Ала должна была держать в себе; почти любой, с кем бы она захотела поделиться, не выказал бы сочувствия. «Ты отправила туда друзей?! А сама осталась здесь, в безопасности?» Так что я знал: это всегда будет наша общая тайна. Я вылез из-под Алы и обнял её.

Когда я почувствовал, что можно продолжать разговор, то спросил:

— И сколько Оза с Эзмой продержались до того... до того, как это случилось?

— Двое суток.

— Двое суток?!

— Основание думало, что всё заминировано и что рядом, возможно, прячутся другие долисты. Однако надо было что-то делать, потому что у заложников кончался воздух. Надо было либо идти на штурм, либо смотреть на спиль-экранах, как умирают их люди.

— То есть командование было перепугано насмерть?

— Да, — сказала Ала. — Может быть, тут самое правильное слово — шок. Они думали, что мы все в Тредегаре, куда внедрены их люди. Тут вы с друзьями разоблачаете Жюля Верна Дюрана — глаза и уши Основания. И в тот же миг конвокс рассеивается вместе со всеми другими крупными концентами...

— Замечательная идея! Чья, кстати?

Ала зарделась и подавила улыбку, но она не хотела переключать внимание на себя, поэтому продолжила:

— Геометры по-настоящему боялись наших тысячелетников — инкантеров — и наверняка заметили, что все милленарские матики тоже опустели. Где тысячники? Что готовят? Затем двухсотракетный запуск. Крайне неприятно. Куча данных для обработки. Миллиарды неопознанных объектов, за которыми надо следить. Геометры думают, будто видят наш корабль. Он взрывается. Они вздыхают с облегчением. Через несколько дней, как гром с ясного неба, происходит сокрушительная атака на их главное стратегическое достояние. Следующие два дня они ни о чём больше думать не могут. У заложников кончается воздух. Долисты забаррикадировались в вершине. Хуже того, на корабль

проникли и другие ребята в чёрных скафандрах, и ничего сделать не успели только потому, что не смогли дышать здешним кислородом.

— Нас приняли за ещё один взвод долистов?

— А ты бы что подумал на месте Геометров? И наверняка больше всего их тревожила неизвестность: сколько вас. Быть может, на подходе ещё сотня, вооруженная. И в итоге...

— Они пошли на переговоры.

— Да. Созвали четырёхстороннюю встречу между Основанием, Опорой и двумя магистериями.

— Погоди, какое слово ты сказала последним?

— Магистериями.

— И что это?

— Они возникли после вашего запуска. Один магистерий — мирская власть. Второй — матический мир, теперь Рассредоточение. Вместе они... ну...

— Управляют планетой?

— Можно сказать и так. — Она пожала плечами. — Во всяком случае, до тех пор, пока мы не придумаем лучшую систему.

— А ты, Ала, сейчас в числе тех, кто управляет планетой?

— Я здесь, разве ты не видишь? — Она не оценила моего юмора.

— В составе делегации?

— Я — последняя спица в колесе. Референт. И вообще я здесь только потому, что нравлюсь военным. Они считают меня крутой.

Я хотел предложить более вероятное объяснение: что она отправила ячейку номер 317 в успешную миссию, но Ала угадала моё намерение и отвела взгляд. Она не желала об этом слышать.

— Нас пятьдесят человек, — сказала она торопливо. — Мы доставили врачей. Кислород.

— Еду?

— Конечно.

— Как вы сюда попали?

— Геометры отправили за нами капсулу. Попав на «Дабан Урнуд», мы, естественно, сразу пришли сюда.

— Хм-м, — протянул я задумчиво. — Зря мы заговорили про еду.

— Ты голодный? — спросила она так, будто тут есть чему удивляться.

— Само собой.

— Так почему ты не сказал? Мы доставили вам пять корзин отборной еды!

— Почему пять?

— По одной каждому. Не считая Жюля, конечно. Он набивал живот с тех самых пор, как сюда

попал.

— Хм-м. Просто чтобы убедиться, что у меня не повреждён мозг, не могла бы ты перечислить всех пятерых?

— Ты, Лио, Джезри, Арсибальт и Самманн.

— А как же Джад?

Она пришла в такой ужас, что моё воспитание взяло верх над рассудком.

— Прости, Ала, мне столько всего пришлось пережить, так что память немного путается.

— Нет, это ты меня прости, — сказала она. — Может, всё из-за травмы.

Она сморщилась, как будто сейчас заплачет, но взяла себя в руки.

— Что-что? Какой травмы?

— Ну, ты видел, как он уплывает. Понял, что с ним случилось.

— Когда я видел, что он уплывает?

— Ну, он так и не пришёл в сознание после запуска, — тихо сказала Ала. — Вы видели, как он зацепился за груз. Ты полетел к нему, чтобы помочь. Но это было сложно. Ты не попал захватом с первого раза. Время истекало. Арсибальт поспешил к тебе, но в вас чуть не врезался реактор. Джад вошёл в атмосферу и сгорел над Арбом.

— Ах да, — сказал я. — Как такое можно за-

быть?

Конечно, я говорил с иронией, но при этом внимательно изучал Алу. В силу недавних жизненных обстоятельств я был настроен на выражения её лица лучше, чем на что-либо ещё в пяти известных космосах. Ала верила — нет, она *знала*, — что всё, сказанное ею сейчас, правда.

И я не сомневался, что на Арбе полно записей, это подтверждающих.

****

> ***Ритор**, легендарная фигура, ассоциируемая в фольклоре с процианскими орденами. Р. якобы могли изменять прошлое, манипулируя воспоминаниями и другими материальными записями.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Я мог думать только об одном: как бы добраться до еды. Прежде всего требовалось перестать быть голым. Ала выскользнула, как будто для неё нормально видеть меня раздетым, а вот смотреть, как я одеваюсь, — нескромно. Арбская делегация доставила нам стлы, хорды и сферы. Инаки будоражили сознание четырёх рас Геометров, и население «Дабан Урнуда» могло бы неверно

истолковать наши попытки скрыть свою принадлежность.

Когда я завернулся и подвязался, как положено фраа, больничный персонал помог мне надеть рюкзак с баллоном арбского кислорода, соединённый с трубками у меня под носом. Затем я по пиктограммам выбрался на крышу больницы и здесь, на террасе, обнаружил Лио и Джезри, по локоть запустивших руки в корзины с едой. Тут же был и фраа Сильданик. Безнадёжным тоном он предупредил, чтобы я не ел слишком быстро, — совет, которым я, как и мои фраа, от всей души пренебрёг. Через несколько секунд мне удалось поднять глаза от корзины и оглядеть искусственный мир вокруг.

Четыре орба в конкретной Орбойме располагались почти впритирку и соединялись порталами, как вагоны в пассажирском поезде. Когда «Дабан Урнуд» маневрировал, порталы перекрывались наглухо, но сейчас они были открыты.

Латерранцы жили в орбах с Девятого по Двенадцатый. Больница располагалась в Десятом, недалеко от портала, соединяющего его с Одиннадцатым. Терраса, как и всё пространство вне зданий, была почти полностью засажена. Немного места освободили для столов и скамей, но

они были стеклянные, и под ними в лотках росли овощи. Над головой у нас была беседка, заплетённая лозами, с которых свисали гроздья зелёных плодов. Если смотреть только на то, что близко, возникало впечатление, будто находишься в арбском саду, но оно пропадало, стоило взглянуть вдаль. Больница состояла из полудюжины связанных плавучих домов. У каждого было три этажа под ватерлинией и три этажа над. Гибкие сходни соединяли их между собой и с другими плавучими домами, образующими на поверхности воды почти сплошной круглый ковёр. Но поскольку тяжесть здесь была искусственная, созданная вращением, «поверхность» — то, что наше внутреннее ухо или плотницкий уровень сочли бы «ровным», — изгибалась. Внутреннее ухо говорило нам, что мы находимся в нижней части жёлоба. Глядя на противоположную сторону, меньше чем за милю, наши глаза сообщали пугающую весть, что вода — выше нас. Однако если бы мы шли туда с завязанными глазами, мы бы чувствовали, что идём по ровному, — у ног не возникло бы ощущения подъёма.

Примерно половину внутренней поверхности орба покрывала вода, остальное составляло «небо» — синее небо, по которому двигалось

солнце. Что синева нарисованная, легко было забыть, если не смотреть на порталы Девятого и Одиннадцатого орбов, — они висели в небе, как очень странные астрономические тела, и соединялись канатными дорогами с плавучими зданиями внизу. Солнце представляло собой пучок оптоволокна, передающего отфильтрованный свет от параболических рогов на внешней поверхности икосаэдра. Волокно было закреплено на поверхности орба, но на разные его участки свет подавался в разное время, что порождало иллюзию суточного хода солнца. Ночью наступала темнота, хотя, как объяснил Жюль, в подводные огороды многих плавучих зданий были выведены световоды, так что овощи росли круглые сутки. Система была настолько эффективна, что Геометры могли поддерживать плотность населения, как в средней скученности городе, только за счёт того, что в самом этом городе и выращивалось.

Нам повезло, что вид с больничной террасы давал столько пищи для глаз и тем для разговора, потому что иначе мы бы не знали, как и о чём говорить. Лица у Джезри и Лио были напряжены. Да, при виде меня они расплылись в улыбках, и я тоже страшно им обрадовался. Мы обменялись этими чувствами мгновенно и без слов, после че-

го оба как будто окаменели. Это значило: «Держи рот на замке».

Впрочем, мы так налегали на еду, что говорить было особенно некогда. Фраа Сильданик и другие арбцы приходили и уходили. К тому же, хоть мне и не хотелось дурно думать о наших хозяевах-латерранцах, я не поручился бы, что на террасе не установлены подслушивающие устройства. Некоторые латерранцы поддерживали Основание, и даже сторонники Опоры могли не одобрять нашу роль в захвате «Дабан Урнуда». У кого-то из них долисты убили друзей или родственников. Решительно не стоило говорить о том, что тысячелетник взорвал их корабль, а потом исчез. Как только я немного заглушил голод, мне стало по-настоящему не по себе.

Когда появился Арсибальт и как землеройный снаряд двинулся к корзине, я выждал, чтобы он набил рот едой, поднял бокал и сказал:

— За фраа Джада. Вспоминая четырёх погибших долистов, не забудем и того, кто отдал жизнь в первые десять минут нашей миссии, даже не выйдя из атмосферы Арба.

— За покойного фраа Джада, — подхватил Джезри, так быстро и принуждённо, что я понял: он всё это время думал о том же самом.

— Я никогда не забуду, как он сгорел в атмосфере, — добавил Лио с такой стопроцентно фальшивой искренностью, что у меня чуть вино не брызнуло из ноздрей. Я пристально наблюдал за Арсибальтом, который перестал есть и вытаращился на нас, пытаясь понять, не шутим ли мы так странно и неуместно. Я дождался, когда он посмотрит на меня, и скосил глаза наверх, как в Эдхаре, где взгляд на окна инспектората означал: «заткнись и подыгрывай». Арсибальт кивнул, но лицо у него по-прежнему было ошарашенное. Я пожал плечами, давая понять, что он тут такой не один.

Появился Самманн в традиционном облачении ита и, демонстрируя феноменальное самообладание, обошёл всех, пожимая каждому руку и хлопая каждого по плечу. Лишь после этого он откинул крышку корзины, в которой лежало нечто куда более изысканное и заманчиво пахнущее, чем в наших. Мы дали ему спокойно утолить голод. Ел он с той же тихой задумчивостью, что когда-то перед Оком Клесфиры, где я столько раз видел его за завтраком. Он ничуть не удивился, что корзин и людей пять, а не какое-то другое число, и вообще был исключительно сдержан и бесстрастен. Вместе с официальным нарядом это

пробудило во мне целую кучу социальных рефлексов, которые я считал давно и благополучно забытыми.

— Мы только что подняли тост за покойного фраа Джада и других погибших, — сказал я, когда он сделал паузу в еде и потянулся к вину. Самманн коротко кивнул, поднял бокал и ответил:

— Хорошо. За ушедших товарищей.

Это значило: *Да, я тоже знаю.*

— Я один тут страдаю от странных неврологических осложнений? — спросил Арсибальт.

— Ты о гипоксическом повреждении мозга? — участливо подсказал Джезри.

— Зависит от того, временно это или навсегда.

— Некоторые мои воспоминания довольно обрывочны, — заметил Лио.

Самманн кашлянул и посмотрел на него.

— Но чем дольше я в сознании, тем больше мне удаётся их упорядочить, — закончил Лио. Самманн вернулся к еде.

Проходивший мимо Жюль Верн Дюран заметил нас, оглядел сцену и заулыбался.

— Ах! — воскликнул он. — Когда вы пятеро в обсерватории, без скафандров, хватали воздух, как рыба на берегу, я боялся никогда больше не увидеть такой радостной сцены!

Мы все, повернувшись в сторону Жюля, подняли бокалы и замахали руками, приглашая его подойти.

— Что с остальными — я хотел спросить, что сделали с четырьмя телами? — спросил Джезри. Пять пар арбских глаз устремились на латерранца, но если Жюль и заметил расхождение в числах, то не подал виду.

— Это стало темой переговоров, — сказал он. — Тела четырёх долистов заморожены. Как вы догадываетесь, Основание хотело подвергнуть их биологическому исследованию. — Тень прошла по его лицу, и он надолго замолчал. Мы все понимали, что он вспоминает свою жену Лизу, чьё тело препарировали на конвоксе. Справившись с собой, Жюль продолжил: — Арбские дипломаты в самых сильных выражениях заявили, что это недопустимо: что останки следует в неприкосновенности передать делегации, в которую вы теперь входите. Это произойдёт на церемонии открытия переговоров. Она состоится в Четвёртом орбе примерно через два часа.

Основание ничего не знает о Всеобщих уничтожителях в ваших телах, я не проболтался, но мне здорово не по себе.

Доставила ли делегация ещё Всеобщие уничто-

жители? Не рассеяны ли их по «Дабан Урнуду» сотни и тысячи? Кто в делегации может их взорвать? Я «помнил» (если можно так сказать о том, чего в этом космосе не было) серебристую коробочку в руках фраа Джада. Детонатор. У кого из пятидесяти арбцев такие же? Что важнее: кто нажмёт на кнопку? Людям определённого склада такая жертва могла показаться приемлемой: ценой пятидесяти арбских жизней «Дабан Урнуд» будет полностью стерилизован, а немногим уцелевшим останется только капитулировать без всяких условий. Куда экономичней, чем вести войну.

Мне сразу расхотелось есть, и не только потому, что я насытился.

Все остальные думали примерно о том же, поэтому разговор не блистал живостью. Точнее, никакого разговора не было. Тишина стала заметной. Я пытался вообразить, что подумал бы об этом слепой гость, потому что акустическая среда тут была отчётливо необычной. Воздух почти не двигался. Каждый орб согревался и охлаждался по своему суточному графику, так что воздух, сжимаясь и расширяясь, гулял между порталами, создавая лёгкий ветерок. Однако настоящего ветра, чтобы поднять волны или хотя бы сдуть лист

со стола, здесь не было. Звуки распространялись далеко и странно отражались от потолка. Мы слышали, как кто-то репетирует на смычковом инструменте трудный пассаж, как спорят между собой дети и смеются женщины, как работает какой-то пневматический инструмент. Воздух казался плотным, пространство — замкнутым, давящим. А может, мне правда не стоило так много и быстро есть.

— Четвёртый орб — урнудский, — заметил Лио, выводя нас из забытья.

— Да, — мрачно ответил Жюль, — и все вы будете там.

Ничего личного, но я бы хотел, чтобы ходячие бомбы как можно скорее убрались из моего орба...

— Это урнудский орб с самым большим номером, — проговорил Арсибальт, — следовательно, если я правильно понимаю, он ближе всего к корме, самый жилой и...

— Самый низкий в иерархии, да, — подсказал Жюль. — Самый старый, самый важный, самый начальственный — Первый.

Уж если взрывать, то его.

— А мы туда попадём? — спросил Лио. *Будет ли у нас возможность его взорвать?*

— Не думаю, — ответил Жюль. — Тамошние обитатели — очень своеобразная публика. Они почти ни с кем не общаются.

Мы переглянулись.

— Да, — сказал Жюль. — Они немного похожи на ваших тысячелетников.

— Сравнение оправдано, — заметил Арсибальт, — ведь их путешествие длилось тысячу лет.

— Тогда вдвойне горестно, что фраа Джад туда не попал, — сказал я. — В Первый орб он бы прямиком и направился — если бы в том повествовании, в котором он досюда добрался, кто-нибудь вроде меня открывал ему двери.

— И что, по-твоему, он бы там сделал? — живо поинтересовался Джезри.

— Зависит от того, как бы его там встретили, — ответил я. — Если бы всё пошло совсем плохо, мы бы погибли, и наши сознания больше не отслеживали бы это повествование.

Самманн снова оборвал нас покашливанием.

— И долго нам добираться до Четвёртого орба? — спросил Джезри. Он один сохранил дар речи; Лио и Арсибальт только ошалело хлопали глазами.

— Надо выходить, — ответил Жюль. — Первые представители Арба уже там.

Всеобщие уничтожители уже в Четвёртом орбе — с этим ничего не поделаешь.

Мы принялись собирать остатки еды в корзины.

— Много ли здесь переводчиков с ортского? — спросил Арсибальт. *Сможем ли мы ещё поболтать?*

— Моего уровня — только я, — ответил Жюль.

Я буду очень занят, это наша последняя возможность поговорить.

— Кто составляет Арбскую делегацию? — спросил Лио. *Чей палец лежит на кнопке Всеобщего уничтожителя?*

— Довольно забавный винегрет, если вас интересует моё мнение. Главы скиний. Деятели культуры. Промышленные воротилы. Филантропы вроде Магната Фораля. Инаки. Ита. Обычные граждане — в том числе парочка ваших хороших знакомых.

Последняя фраза была обращена ко мне.

— Ты шутишь! — воскликнул я, на время совершенно забыв про мрачный подтекст. — Корд и Юл?

Жюль кивнул.

— Благодаря спилю, который ты, Самманн, запустил в авосеть, множество людей видело их

действия во время Посещения Орифены. Юла и Корд отправили сюда как представителей народа.

Политики на них делают себе популярность.

— Ясно, — сказал Лио. — А кроме поп-идолов и шаманов, есть ли здесь реальные представители мирской власти?

— Четверо военных, мне они показались людьми приличными. (*Эти кнопку не нажмут.*) Десять человек от правительства, в том числе наша старая знакомая госпожа секретарь.

— Этим Форалям, как я посмотрю, на месте не сидится, — не сдержался я. Самманн предостерегающе поднял бровь. Жюль продолжал сыпать фамилиями и званиями представителей мирской власти, всячески подчёркивая, что некоторые из них — рядовые порученцы.

— ...и, наконец, наш старый знакомый Эмман Белдо, который, думается мне, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Кнопка у него.

Какой бы праксис ни использовался в детонаторе, это явно что-то совсем новое, возможно даже экспериментальное. Чтобы управляться с таким устройством, нужен грамотный специалист вроде Эммана Белдо. А право отдать приказ

наверняка у самого высокопоставленного бонзы в делегации. Не у Игнеты Фораль. Я ничуть не сомневался, что она тут по делам Преемства. Каковы бы ни были её официальное звание и функции, они с двоюродным братцем — или кем уж он там ей приходится — прибыли сюда не для того, чтобы выполнять капризы того из бонз, который на данный момент взял верх в нескончаемой мышиной возне у кормушки мирской власти.

Знает ли Фораль про фраа Джада? Не сообщали они действовали? Не составили ли они совместный план во время нашего пребывания в Эльхазге?

Вопросов было столько, что мой мозг отключился, и в следующие полчаса я только вбирал впечатления. Я превратился в спилекаптор мастера Флека: одно зрение и никакого разума. Мои глазалмаз, антидрожь и диназум тупо наблюдали и фиксировали наш исход из больницы. Бюрократическая писанина, по-видимому, была одним из протесовых аттракторов, общих и неизменных во всех космосах. Нас передали взводу из пяти троанцев с трубками в носу, экипированных так же, как те вояки, которые атаковали нас с фраа Джадом в моём сне, галлюцинации или альтер-

нативном поликосмическом воплощении. Лио пожирал глазами их вооружение, состоявшее из дубинок, аэрозольных баллончиков и электрических разрядников, — очевидно, в герметичной обстановке высокоэнергетичные метательные снаряды не одобрялись. Троанцы, в свою очередь, бесцеремонно разглядывали нас, особенно Лио, — они заранее выяснили, кто есть кто, и на него перешла часть мистического ореола долистов.

Двое военных и Жюль двинулись впереди, трое солдат замыкали шествие. Мы вошли в чей-то сад, и я, заглянув в открытое окно на расстоянии вытянутой руки, увидел латерранца, моющего посуду. Тот сделал вид, будто меня не заметил. Из сада мы попали на школьный двор. Дети бросили играть и смотрели, как мы идём. Некоторые здоровались. Мы улыбались, кивали, отвечали на приветствия. Пока всё шло гладко. Дальше наш путь лежал через крышу, на которой две женщины высаживали рассаду, и так далее. Город экономил место, улиц не было, дорожки пролегали по крышам и террасам плавучих домов. Все могли ходить везде, и этикет требовал друг друга не замечать. Тяжёлые грузы перевозили на узких, низко сидящих гондолах, маневрирующих по полоскам воды. С больничной крыши мы каналов

не видели, потому что над ними были перекинуты заплетённые лозами беседки, так что сверху они представали ветвящейся сетью тёмно-зелёных артерий и капилляров города на воде.

Через несколько минут мы дошли до лодки, от которой начиналась кресельная канатная дорога, и попарно взмыли к «небесам»: рядом с каждым арбцем садился троанец. Наконец все собрались у портала, соединяющего Десятый и Одиннадцатый орбы. Здесь дул сильный ветер; он резал глаза и хлопал нашими стлами.

Дожидаясь тех, кто ехал после меня, я стоял в портале и разглядывал театральную машинерию за голубым задником искусственного неба: пучки оптоволокна, по которым поступал свет. Солнце было яркое, но холодное — инфракрасная составляющая отфильтровывалась. Грело не солнце, а само небо, от которого шло слабое тепло, как от очень низкотемпературного отопительного котла. Здесь оно ощущалось сильнее, чем внизу, и если бы не ветер, мы бы запарились.

Другая канатная дорога доставила нас в плавучий город Одиннадцатого орба; пройдя через него, мы точно так же поднялись в Двенадцатый. Дальше хода не было: мы добрались до последнего вагона. Однако «наверх» вдоль стены шла

труба с перекладинами внутри, по которой мы поднялись к самой «высокой» точке неба — зениту. Здесь, ближе к Стержню, гравитация была заметно слабее. Мы задержались на кольцевой площадке под порталом, которая до последней заклёпки повторяла площадку в Первом орбе, где застрелили фраа Джада. Я огляделся, увидел детали, которые отчётливо «помнил» и даже, чтобы сопоставить ощущения, присел на поручень, очень похожий на тот, через который меня «тогда» перебросило.

Жюль назвал своё имя перед спиль-терминалом и сообщил цель нашего прихода на незнакомом мне языке. Я предположил, что это урнудский. Главный из троанцев добавил от себя несколько отрывистых хриплых фраз. Мы тем временем разглядывали шаровой клапан, который по ощущению находился прямо над нашими головами. Для меня в нём не было решительно ничего нового. Во всём узнавался громоздкий праксический стиль — назовём его «Тяжёлый урнудский межкосмический внеатмосферный бункер», — характерный для наружной стороны корабля и Стержня, но счастливо отсутствующий в орбах.

Сегодня исполинское стальное око для нас не открылось. Вместо него нам предстояло лезть

в круглый дистанционно управляемый люк, куда как раз мог протиснуться Арсибальт или троанский солдат в тяжелой экипировке. Люк распахнулся, и мы встали перед ним в очередь.

— Средство устрашения, — фыркнул Джезри, кивая на колоссальный шаровой клапан. Я знал этот тон: Джезри досадовал, что не с ходу разгадал простую загадку. Наверное, у меня стало удивлённое лицо, потому что он продолжил: — Ну, подумай. Зачем праксисту ставить здесь шаровой клапан, а не какой-нибудь другой?

— Шаровой клапан работает даже при большом перепаде давлений, так что командование может эвакуировать Стержень, разгерметизировать его, а потом открыть клапан и уничтожить целый орб. Ты об этом?

Джезри кивнул.

— Фраа Джезри, твоё объяснение необоснованно цинично, — заметил слушавший нас Арсибальт.

— О, я уверен, что есть и другие причины, — ответил Джезри, — и всё равно это средство устрашения.

Один за другим мы по лестнице преодолели шлюз: первый люк, короткую вертикальную трубу, затем второй люк — и собрались на следующей

кольцевой площадке внутри вертикальной шахты, уходящей на тысячу двести футов «вверх» к Стержню. Я поискал глазами кнопочную панель: она оказалась в точности там, где я её помнил.

Лио первым выбрался из шлюза и теперь надевал на глаза какую-то толстую повязку. Жюль выдавал такие же каждому поднимавшемуся на площадку.

— Зачем? — коротко спросил я.

— Чтобы тебя не затошнило от иллюзии Кориолиса, — сказал он. — А на случай, если всё-таки затошнит... — Он вручил мне пакет. — Памятуя, сколько ты съел, возьми-ка лучше два.

Прежде чем надеть повязку, я последний раз огляделся. Нам предстояло лезть по пугающе высокой лестнице. Однако я знал, что «гравитация» будет уменьшаться по мере подъёма, так что от нас не потребуется таких уж больших усилий. Тем не менее, приближаясь коси, мы будем испытывать дезориентирующие инерционные эффекты. Отсюда и забота, чтобы нас не укачало.

Я взялся за нижнюю перекладину.

— Не торопись, — предупредил Жюль. — После каждого шага останавливайся и жди, чтобы ощущения выправились, прежде чем делать следующий.

Лестница была заключена в цилиндрическую сетку, что ограничивало возможность падения. Я полез медленно, как советовал Жюль, прислушиваясь к движениям Лио впереди. С какого-то момента перекладины стали чисто символическими — едва оттолкнувшись пальцем, мы взмывали к следующей. Тем не менее троанский солдат, шедший первым, сохранял прежний неторопливый темп — он по горькому опыту знал, что тот, кто взбирается слишком быстро, скоро схватится за пакет.

Я думал о кодовом замке. Что, если бы фраа Джад набрал одну из 9999 *неправильных* комбинаций? Что, если бы он сделал это несколько раз подряд? Рано или поздно в каком-нибудь бункере охраны зажглась бы красная лампочка. Наблюдатели включили бы спилекаптор и увидели, что двое пожарных балуются с кнопками. Кого-нибудь отправили бы нас шугануть. Помповик бы ему скорее всего не выдали — только то оружие, которое было сейчас у наших сопровождающих.

Мне вспомнились слова Джезри про «средство устрашения». Он был прав. Открыть шаровой клапан значило приставить пистолет к голове целого орба. Немудрено, что солдаты просто ворвались и уложили нас на месте. В космосе, где

фраа Джад знал — или угадал — комбинацию, нас неизбежно должны были убить. Освободив меня для какого-то другого повествования.

Но что произошло бы в том бесконечно большем числе космосов, где он набрал бы *неверное* случайное число? Нас бы взяли в плен живыми. Что дальше? Нас бы задержали на какое-то время, а затем отвели для переговоров к гану Одру.

Слух сообщил мне, что я выбрался из шахты: рука, пытавшаяся нащупать следующую перекладину, хватала воздух. Кто-то из троанцев её поймал, вытащил меня наверх, дёрнул назад, чтобы погасить импульс, который он мне придал, и развернул к чему-то, за что можно ухватиться. Я сорвал повязку и увидел Стержень. Шаровой клапан, ведущий в кормовой отсек, был от меня на бросок камня. Расстояние до противоположной стены оценить было невозможно, но я знал, что оно составляет две с четвертью мили. Всё было, как я «помнил»: трубы на внутренней поверхности излучали фильтрованный солнечный свет, бесконечная лента транспортёра бежала, гудя и пощёлкивая отлично смазанным механизмом.

На этом узле в Стержень открывались ещё три шахты. Одна — прямо напротив нас, «наверху», — вела в Четвёртый орб; она казалась прямым

продолжением той, из которой мы только что выбрались. Все шахты соединялись между собой лестницами из скоб, закреплённых на стене Стержня, но при определённом навыке до них можно было просто допрыгнуть.

Здесь пришлось подождать. Во-первых, ещё не все наши закончили подъём. Во-вторых, на входе шахты, ведущей в Четвёртый орб, уже образовалась пробка. Солдат-троанец следил, чтобы народу на лестнице было не больше, чем позволяет техника безопасности. Сейчас спускалась какая-то другая делегация (для нас это выглядело так, будто люди поднимаются по лестнице вверх ногами). Нам предстояло ждать, пока они доберутся до низу.

Поэтому мы с Лио начали баловаться. Мы решили проверить, сможем ли оставаться неподвижными в центре Стержня. Цель состояла в том, чтобы зависнуть посреди исполинской трубы и погасить своё вращение так, чтобы весь корабль вращался вокруг тебя. Для этого надо было просто отпрыгнуть от стены, а уже в полёте выправить курс. Первые пять минут наши трепыханья были просто бестолково-неуклюжими, затем сделались опасными: отчаянно барахтаясь, я заехал Лио ногой в физиономию и разбил ему

нос. Троанские солдаты смотрели на нас с растущим весельем. Они не понимали ни слова, но отлично видели, чего мы добиваемся. После того как я лягнул Лио, они нас пожалели, а может, просто испугались, что мы всерьёз покалечимся, а им потом отвечать. Один поманил меня к себе, взял одной рукой за хорду, другой за шиворот и подтолкнул, одновременно легонько крутанув. Когда я наконец остановился, то был ближе к своей цели, чем во все прошлые попытки.

Заслышав флукскую речь, я оглядел Стержень. К нам приближались ещё человек двадцать. Они плыли по Стержню, а не ехали на конвейере, так что я узнал бы в них туристов, даже если б они не говорили по-флукски. Одна фигурка вырвалась вперёд, к негодованию солдата, что-то крикнувшего ей вслед.

Корд, перебирая руками, пробежала по стенке туннеля и устремилась ко мне с расстояния в сотню футов. Я был уверен, что она в меня врежется, но, по счастью, сопротивление воздуха замедлило её скорость, и мы столкнулись не сильнее, чем два зазевавшихся пешехода. Последовало долгое объятие в невесомости. Ещё один арбец ненамного отстал от Корд: молодой мирянин. Я его не узнал, но испытал очень странное чувство,

будто должен узнать. Он медленно вращался по всем трём осям, стремительно летя ко мне и моей сестре, и отчаянно размахивал руками и ногами, как будто это поможет. При этом одет и подстрижен он был весьма импозантно. Солдат из числа наших сопровождающих догнал молодого человека и наподдал ему под колено, от чего вращение прекратилось, а скорость с метеорной снизилась до более приемлемой. Молодой человек практически остановился относительно нас. Глядя на него поверх уха Корд, которое вжималось в мою щёку с такой силой, что из-под серёжки наверняка уже текла кровь, я увидел, что он нацеливает на нас спилекаптор.

— Холодное сердце инопланетного корабля, — начал молодой человек прекрасно поставленным баритоном, — согрела тёплая встреча брата и сестры. Корд, мирская половина героической родственной парочки, выказывает сильнейшую радость при...

Я тоже ощутил сильнейшее — хоть и не столь тёплое — чувство, но тут человека со спилекаптором, как по волшебству, сменил Юлассетар Крейд. Чудо сопровождалось звуковыми эффектами: глухим «чпок!» и лающим вскриком импозантного молодого человека. Юл просто на полной

скорости отодвинул его плечом и завис, передав всю свою энергию объекту столкновения.

— Сохранение импульса, — объявил он, — не просто отличная придумка, а закон!

Издалека донеслись глухой стук и вскрик, с которыми прилизанный молодой человек врезался в торец Стержня. Впрочем, их почти заглушили смех и, как я предполагал, одобрительные замечания наших сопровождающих-троанцев. Если сперва я удивился, узнав, что Юлассетара Крейда включили в — кто бы мог подумать! — дипломатическую делегацию, то теперь я видел всю гениальность этого решения.

Как только Корд успокоилась настолько, чтобы меня отпустить, я проплыл по воздуху и столкнулся (не так сильно) с Юлом. Мы обнялись. Из шахты Двенадцатого орба показался Самманн и весело приветствовал обоих. Конечно, я много чего хотел сказать Юлу и Корд, но человек со спилекаптором снова подобрался ближе (хоть и не так близко, как в первый раз) и начал снимать. «Ещё поговорим», — сказал я. Юл кивнул. Корд, наобнимавшись для первого раза, теперь просто смотрела на меня, её лицо — один сплошной вопрос. Я невольно гадал, что она видит. Наверное, я был бледный и осунувшийся. Она, наоборот,

для торжественного случая позаботилась о своей внешности: надела все титановые украшения, подстриглась и совершила набег на секцию дамского платья в универмаге. Однако ей хватило чутья не вырядиться совсем уж по-девчачьи, и в целом передо мной была знакомая Корд: босая и непосредственная. Туфли на каблуке, сцепленные ремешками, болтались у неё на поясе.

В Стержень вплыли новые арбцы. До неприличия смазливые мужчина и женщина, которых я не узнал. Несколько стариков. Форали, под ручку, как будто члены их семьи веками прогуливались в невесомости. Три инака, в одном из которых я узнал фраа Лодогира.

Я поплыл прямиком к нему. Увидев меня, он кивнул собеседникам, чтобы те продолжали путь без него, а сам остался ждать у скобы в стене туннеля. Мы не стали тратить времени на любезности.

— Вы знаете, что произошло с фраа Джадом? — спросил я.

Его лицо сказало больше, чем мог бы выразить голос, — а это кое-что да значит. Он знал. Он знал. Не ту официальную легенду, которую скормили остальным. Он знал то же, что и я, а значит, почти наверняка куда больше моего, и боялся, что

я чего-нибудь ляпну. Однако я придержал язык и движением глаз дал понять, что буду крайне осторожен.

— Да, — сказал Лодогир. — Что может вынести из этого обычный инак? Что означает участь фраа Джада и что она нам дала?

Какие уроки мы можем из неё извлечь, какие поправки должны внести в своё поведение?

— Да, па Лодогир, — покорно отвечал я. — Именно за ответами на эти вопросы я к вам и пришёл.

Я всей душой надеялся, что он уловит сарказм, но если фраа Лодогир что и понял, то не подал виду.

— В определённом смысле такой человек, как фраа Джад, всю жизнь готовится к подобному моменту. Все глубокие мысли, проходившие через его сознание, все умения, которые он в себе развивал, были направлены к кульминации. Мы же видим её лишь задним числом.

— Прекрасно, но давайте поговорим о том, что впереди. Повлияла ли участь фраа Джада на наше будущее, или мы будем и дальше жить так, будто ничего не произошло?

— Главное практическое следствие для меня — продолжающееся и даже более эффективное сотрудничество между тенденциями, которые

в массовом сознании воспринимаются как инкантеры и риторы. Процианe и халикаарнийцы работали вместе в недавнем прошлом и, как тебе известно, достигли результатов, глубоко поразивших тех немногих, кто о них знает. — Говоря, Лодогир смотрел мне прямо в глаза. Я понял, что он имеет в виду изменение мировых путей, которое, помимо всего прочего, поместило фраа Джада на «Дабан Урнуд» при том, что с Арба зафиксировали его гибель.

— Например, когда мы разоблачили шпиона Ж'вэрна, — сказал я, просто чтобы сбить с толку тех, кто нас, возможно, подслушивал.

— Да. — Говоря, Лодогир едва заметно мотнул головой. — А значит, сотрудничество должно продолжаться.

— Какова цель этого сотрудничества?

— Межкосмический мир и единство, — отвечал Лодогир таким елейным тоном, что мне захотелось расхохотаться. Однако я твёрдо решил не доставлять ему такого удовольствия.

— На каких условиях?

— Забавно, что ты спросил. Пока ты пребывал в бесчувственном состоянии, некоторые из нас обсуждали как раз этот вопрос. — И он с некоторым нетерпением поглядел на устье шахты в Четвёр-

тый орб, перед которой собрались все остальные.

— Считаете ли вы, что участь фраа Джада повлияла на результат переговоров?

— О да, — ответил фраа Лодогир. — Я даже сказать не могу, как сильно она на него повлияла.

Мне подумалось, что наш разговор может привлечь к себе ненужное внимание. Кроме того, ясно было, что больше ничего из Лодогира не вытянуть. Поэтому я повернулся и проводил его к устью шахты.

— Вижу, у нас тут почтеннейшие процианe, — заметил Джезри, кивая на Лодогира и двух его спутников.

— Ага, — ответил я и снова на них посмотрел. Только сейчас до меня дошло, что оба спутника Лодогира — милленарии.

— Они тут в своей стихии, — продолжал Джезри.

— Политика и дипломатия? Без сомнения.

— И очень пригодятся, если нам понадобится изменить прошлое.

— Ты хочешь сказать — больше, чем уже изменили? — сказал я, надеясь, что это проскочит как обычная издёвка над процианами. — А если серьёзно, фраа Лодогир тщательно обдумал историю фраа Джада и пришёл к различным

глубоким умозаключениям.

— Умираю от желания их услышать, — с каменной миной ответил Джезри. — У него и практические предложения есть?

— До этого как-то разговор не дошёл.

— Хм-м. Значит, тут надо думать нам?

— Боюсь, что да.

Спуск в Четвёртый орб занял довольно много времени из-за техники безопасности.

— Вот уж не ожидал, — донёсся сверху голос Арсибальта, — но это *уже* банально!

— Что именно? Наступать мне на физиономию?

(Арсибальт спускался чересчур быстро с риском отдавить мне руки.)

— Нет. Наше взаимодействие с Геометрами.

Я молча спустился на несколько перекладин, обдумывая услышанное. Возразить было нечего. Я мысленно составлял список того, что показалось мне здесь «банальным», если пользоваться выражением Арсибальта. Красная аварийная кнопка в обсерватории. Машина для согрева внутренностей. Бумажная волокита в больнице. Латерранец, мывший посуду. Захватанные жирными пальцами перекладины.

— Да, — сказал я. — Если забыть про то, что мы

не можем есть их пищу, экзотики тут не больше, чем на Арбе в какой-нибудь чужой стране.

— Даже меньше! — воскликнул Арсибальт. — Чужая страна на Арбе может быть допраксичной, с диковинной религией или национальными обычаями, а тут...

— А тут всё это выхолощено. Голая технократия.

— Да! И чем более технократичными они становятся, тем сильнее сближаются с нами.

— Верно.

— И когда же будет интересное?

— В каком смысле? Как в научно-фантастическом спиле, когда начинается такое, что все ахают?

— Хотелось бы, — ответил он.

Мы некоторое время спускались молча, потом Арсибальт добавил чуть тише:

— Просто... я хочу сказать: «Ладно-ладно, я понял! Гилеин поток определяет конвергенцию мыслящих систем на разных мировых путях!» Но ради чего? Не просто же большой корабль путешествует из космоса в космос, собирая образцы населения и заключая их в стальные капсулы.

— Возможно, Геометры разделяют твои чувства. Ты очнулся всего пару часов назад. Они стран-

ствуют тысячу лет. Представляешь, насколько им это всё обрыдло?

— Идея понятна, Раз, но я вижу, что им *не* обрыдло. Они превратили это в своего рода религию. И прибыли сюда с завышенными ожиданиями.

— Тсс! — зашипел Джезри (он был сразу подо мной) и продолжал голосом, который было слышно во всех двенадцати орбах: — Арсибальт, если ты не перестанешь молоть языком, фраа Лодогиру придётся стереть всем память!

— О чём? — отозвался Лио. — Я ничего не помню.

— Если так, причина не в колдовстве риторов, — крикнул фраа Лодогир, — а в том, что неостроумные шутки быстро забываются.

— О чём вы говорите? — спросил Юл. — Вы пугаете спилезвёзд.

— Мы говорим о том, что всё это значит, — ответил я. — Почему они такие же, как мы.

— Может, они более чудные, чем вам кажется, — предположил Юл.

— Пока нас не пустят в Первый орб, мы не узнаем.

— Так идём в Первый орб.

— Раз там уже побывал, — хохотнул Джезри.

Мы добрались до низу, спустились по шахте —

такой же, как все остальные, и увидели под собой плавучие дома Четвёртого орба. В середине был овальный пруд — роскошь, отсутствующая в латерранских орбах. Возможно, урнудцы добились от своих растений более высокой урожайности и могли оставить часть воды свободной просто для красоты. Пруд окружала набережная, на которой уже были расставлены столы.

— Здесь мы проводим важные встречи, — объяснил Жюль.

Мне сразу вспомнились Арсибальтовы слова про банальность.

У пришельцев есть конференц-центры!

Урнудцы приварили к небу лестницу и выкрасили её в голубой цвет. Мы спускались, с каждым шагом становясь всё тяжелее. Здешние плавучие дома по виду почти не отличались от латерранских. Не так уж много есть способов построить конструкцию с плоской крышей, способную держаться на воде. Декоративные изыски — возможно, индивидуальные у разных народов «Дабан Урнуда» — скрывались за водопадами плодоносящих лиан и ярусами фруктовых деревьев. Наш путь через плавучий комплекс был узкий, но прямой и чёткий: бульвар, ведущий к овальному пруду. Здесь не приходилось пе-

ребираться с террасы на террасу. Иногда нам попадались урнудские пешеходы. Глядя в их лица, я гнал от себя мысль, что они — лишь грубые подобия более совершенных существ выше по фитилю. При нашем приближении все они отводили глаза, уступали дорогу и терпеливо ждали, пока мы пройдём. Мне показалось, что позы их выражают покорность.

— Интересно, — поделился я своими раздумьями с шагающим рядом Лио, — в какой мере всё вокруг нас — исходная урнудская культура, а в какой — последствия тысячи лет жизни в военном корабле?

— Может быть, тут нечего противопоставлять, — сказал Лио, — потому что никто, кроме урнудцев, таких кораблей не строил.

Бульвар вывел нас к набережной конференц-пруда. Она, как мы заметили ещё сверху, делилась на четыре равных сектора и была окружена четырьмя стеклянными павильонами, изогнутыми как бровь.

— Обратите внимание на двери! Видите уплотнитель? — сказал Юл, указывая на вход в павильон. — Это аквариум!

Он был прав: через стекло мы видели фтосцев без носовых трубок. Они листали какие-то до-

кументы или разговаривали по местной версии жужул.

— Баллоны с трубками они оставляют при входе. — Корд кивнула на стойку сразу за уплотнённой дверью. Там висели десятки баллонов.

Джезри ткнул меня в бок.

— Переводчики! — воскликнул он, указывая на застеклённый мезонин над главной палубой «аквариума». Несколько фтосцев, мужчины и женщины, сидели за пультами, лицом к пруду, поправляя на голове наушники. И впрямь, к нам уже спешили урнудские стюарды с подносами «капель» — красных для орта, синих для флукского. Я затолкал в ухо красную и услышал знакомые интонации Жюля Верна Дюрана. Оглядевшись, я отыскал его в кабинке над латерранским павильоном. «Командование приветствует арбскую делегацию и просит гостей пройти к воде для церемонии открытия», — говорил он. По тону чувствовалось, что он повторяет это примерно в сотый раз.

Мы присоединились к той части арбской делегации, которая прибыла заранее, чтобы уладить всё, пока не набежали спилезвёзды, журналисты и космические десантники. В её составе была и Ала. Бонзы со своими секретарями тоже опереди-

ли нас и ждали на краю пруда в пузыре размером с жилой модуль чуть левее того места, где стояли сейчас мы. За пузырём размещалось оборудование, в том числе баллоны сжатого воздуха, надо думать, с Арба. Видимо, надувной дом изображал павильон, что символически уравнивало наших бонз с заправилами Геометров. Пузырь был из той же мутной полиплёнки, что на окнах моего карантинного вагончика в Тредегаре. Я смутно различал фигуры в тёмных костюмах за столом (их я про себя назвал прептами). Сервенты стояли у стен или бегали с документами.

Довольно долго я наблюдал, как Ала то входит в надувной дом, то выходит наружу. Иногда она, поглядывая на фальшивое небо, говорила в прикрепленный к наушникам микрофон, иногда — если беседовала с кем-то лицом к лицу — снимала гарнитуру и прикрывала микрофон рукой. Воспоминания о том, что было между нами утром, нахлынули и вытеснили всё остальное. Я думал о себе как о человеке, хромом на одну ногу, который выучился ходить и забыл о своём увечье. Однако пустившись в дальний путь, он обнаружил, что всё время возвращается в исходную точку, потому что из-за больной ноги ходит кругами. Но если он найдёт себе спутника, хрома-

ющего на другую ногу, и они отправятся вместе...

Корд шутливо меня толкнула, и я чуть не упал в пруд — ей пришлось ловить меня за стлу.

— Она красавица, — сказала Корд, пока я не начал возмущаться.

— Да. Спасибо. Что правда, то правда, — ответил я. — Она для меня всё.

— Ты ей это сказал?

— Ага. Вообще-то *сказат*ь ей — не проблема. Насчёт «сказать» смело можешь на меня положиться.

— Вот и отлично.

— Проблема во всех остальных обстоятельствах.

— Да, обстоятельства занятные!

— Прости, что я тебя в это втянул. Я не хотел.

— Мало ли кто чего хотел, — сказала она. — Знаешь, братец, даже если бы я погибла, то не зазря.

— Да как ты можешь так говорить, Корд...

Она помотала головой и приложила палец к моим губам.

— Нет. Хватит. Мы это не обсуждаем.

Я взял её руку в свои и задержал на мгновение.

— Ладно. Это твоя жизнь. Я молчу.

— Не просто молчи. Верь.

— Эй! — произнёс грубый голос. — Кто тут смеет

хватать за руки мою девушку?

— Привет, Юл, что поделывал после Экбы?

— Время промелькнуло мигом. — Юл подошёл и встал позади Корд, которая привычно на него откинулась. — Мы бесплатно катались на воздухолётах. Посмотрели мир. Отвечали на вопросы. На третий день я установил правило: сказал, что не отвечаю на вопросы, на которые уже ответил. Они сперва злились, потому что для этого им самим надо было разобраться. Но в итоге так вышло лучше для всех. Нас поселили в столичной гостинице.

— В настоящей гостинице, — уточнила Корд на случай, если до меня не дошло. — Не в казино.

— Иногда мы по несколько дней бывали никому не нужны, — продолжал Юл. — Потом нас вдруг спешно вызывали, и мы по три часа кряду силились вспомнить, были кнопки на пульте управления круглые или квадратные.

— Нас даже гипнотизировали, — добавила Корд.

— Потом кто-то продал нас журналюгам, — мрачно сообщил Юл, косясь на молодого человека со спилекаптором. — Даже и рассказывать не хочется.

— Затем нас дня на два переселили в какое-то

место неподалёку от Тредегара, — сказала Корд.

— А после того как взорвали стену, рассредоточили на старую ракетную базу в пустыню, — подхватил Юл. — Мне понравилось. Никаких репортёров. Гуляй, сколько влезет. — Он беспомощно вздохнул. — Теперь мы здесь. Тут не разгуляешься.

— Вам что-нибудь давали перед посадкой в космический аппарат?

— Вроде большой таблетки? — спросил Юл. — Вот такой?

Он протянул руку. На ладони лежал Всеобщий уничтожитель.

Я быстро накрыл её своей и сделал вид, будто мы обменялись рукопожатиями. Юл взглянул удивленно. Я убрал руку, но теперь Всеобщий уничтожитель был у меня в кулаке.

— Мою хочешь? — спросила Корд. — Нам сказали, это чтобы отслеживать перемещения. Для нашей безопасности. Но я не люблю, когда за мной следят, и...

— Если бы ты хотела безопасности, ты бы сюда не отправилась, — закончил я.

— Вот именно. — Она вручила мне свою таблетку, уже не так заметно, как Юл.

— Что это на самом деле? — спросил он. Я уже

придумывал какую-то ложь, но случайно поднял глаза и увидел взгляд Юла, явственно говоривший: «Только не смей врать».

— Бомба, — произнёс я одними губами. Юл кивнул и посмотрел в сторону. У Корд стало такое лицо, будто её сейчас стошнит. Я сунул таблетки в складку стлы и сказал, что отойду, потому что из надувного дома вышел Эмман Белдо в сопровождении ещё одного арбца — судя по характеру движений, нижестоящего. Я вытащил из уха каплю и отбросил в сторону. Эмман увидел, что я к нему иду, и велел спутнику проваливать. Мы встретились на краю пруда.

— Секундочку, — были первые слова Эммана. На шее у него висело какое-то электронное устройство. Эмман включил его, и устройство заговорило, выдавая произвольные слоги и фрагменты ортских слов. Впечатление было такое, будто речь Эммана и ещё нескольких человек записали, а потом пропустили через мясорубку.

— Что это такое? — спросил я, и ещё до конца фразы мой голос тоже включился в словесный фарш. — А, ясно, антиподслушиватель. Чтобы мы могли говорить свободно.

Эмман не подтвердил и не опроверг мои слова, только взглянул на меня с интересом.

— А ты изменился, — заметил он, стараясь говорить чётко, чтобы его речь выделялась в потоке галиматьи, которой обменивались Эмман-генератор с Эразмас-генератором.

Я отогнул складку стлы и показал то, что получил от Юла и Корд.

— В каком случае, — спросил я, — ты планируешь их включить?

— В том случае, если получу соответствующий приказ. — Эмман покосился на пузырь.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Это, безусловно, крайнее средство, — сказал Эмман. — Его пустят в ход, только если дипломатия не сработает и нас соберутся убить или взять в заложники.

— Мне просто интересно, насколько бонзы компетентны выносить такие суждения.

— Я знаю, ты не любитель следить за мирской политикой, — сказал Эмман, — но она заметно улучшилась с тех пор, как наши любезные хозяева выбросили небесного эмиссара в шлюз. А особенно после того, как Рассредоточение стало всерьёз на неё влиять.

— Ну, про это мне ничего не известно, — заметил я. — Последние две недели я был занят другим.

Эмман фыркнул.

— Да, верно! Кстати, вы молодцы.

— Спасибо. Когда-нибудь я расскажу тебе в красках. А пока в двух словах: каким образом Рассредоточение стало влиять на мирскую власть?

— Собственно, никого и не пришлось убеждать. Всё было и так очевидно.

— Что очевидно?

Эмман глубоко вдохнул и выдохнул.

— Подумай. Тридцать семь столетий назад инаков загнали в матики из-за страха перед их способностью изменять мир с помощью праксиса. — Он кивнул на складку стлы, под которой я спрятал Всеобщие уничтожители. — Из-за таких вот штучек, думаю. Праксис замер или по крайней мере замедлился до темпов, при которых перемены понятны, оценимы, контролируемы. Всех это устраивало, пока не появились они. — Эмман поднял голову и огляделся. — Выяснилось, что мы проиграли гонку вооружений космосам, не ставившим преград своим инакам. И что дальше? Когда Арб решил дать хоть какой-нибудь отпор, кто нанёс удар? Военные? Мирская власть? Нет. Ваш брат в стле и хорде. Так что Рассредоточение набрало порядочно очков просто тем, что мало говорило и много делало. Отсюда концеп-

ция двух магистериев, то есть...

— Я слышал.

Мы некоторое время молча смотрели через овальный пруд на другой берег, где процессии урнудских и троанских чиновников выходили из павильонов на берег. Говорилка у Эммана на шее, впрочем, не умолкала.

— Значит, таково наше теперешнее повествование? — спросил я.

Эмман глянул настороженно.

— Наверное, можно думать об этом в таких терминах.

— Ладно, — сказал я. — Если всё пойдёт наперекосяк и какой-то бонза прикажет тебе включить ВУ, ведь правда будет обидно, если окажется, что вы с бонзой спутали повествование?

— В каком смысле? — резко спросил Эмман.

— Да, тридцать семь веков назад нас загнали в матики. Но у нас осталась возможность заниматься новоматерией. В результате мы получили Первое разорение. Отлично. Никакой новоматерии, за редкими разрешёнными исключениями: заводами, где её производят под руководством призываемых по мере надобности инаков. Время идёт. Нам по-прежнему разрешены манипуляции с генетическими цепочками. Результаты

пугают. Второе разорение. Больше никакой цепочкописи, никаких синапов в концентах, за редкими разрешёнными исключениями: ита, часы, страничные деревья, библиотечный виноград и, возможно, лаборатории в экстрамуросе, где работают призванные инаки или обученные в концентах праксисты вроде тебя. Отлично. Теперь уже всё под контролем, верно? Без синапов, без инструментов, с одними граблями и тяпками, под надзором инквизиторов инаки уже ничего не сделают. Мирская власть окончательно с нами справилась. А через две с половиной тысячи лет выясняется, что умные люди, запертые на скале, где им нечем себя занять, кроме раздумий, могут создать праксис, не требующий инструментов и потому ещё более пугающий. Отсюда Третье разорение, самое страшное, самое жестокое из всех. Через семьдесят лет матический мир восстанавливается. И здесь можно задать себе очевидный вопрос...

— Что осталось? Какие разрешённые исключения? — закончил Эмман.

Некоторое время мы оба молчали, слушая вздор из говорилки. Каждый ждал, что другой закончит мысль. Я надеялся, что Эмман знает ответ и поделится им со мной, но, судя по его лицу,

надеялся я зря.

Итак, мне предстояло самому довести до конца логическую цепочку. По счастью, как раз в этот момент на берег вышли Игнета и Магнат Форали, поскольку очевидно было, что сейчас начнётся торжественная часть. Я поглядел на них. Эмман Белдо проследил мой взгляд.

— Они, — сказал он.

— Они, — подтвердил я.

— Преемство?

— Не совсем в точности Преемство, поскольку оно начинается со дней Метекоранеса. Скорее некая его мирская инкарнация, созданная примерно во время Третьего разорения. Связанная с матическим миром самыми разнообразными узами. Владеющая Экбой, Эльхазгом и не только ими.

— Может быть, так это представляется тебе, — сказал Эмман, — но уверяю, большая часть тех, кого ты называешь бонзами, слыхом не слыхивала об этой организации. Для них она ничто — не обладает ни малейшим влиянием. Магнат Фораль — если это имя вообще что-нибудь им говорит — для них старый аристократ-коллекционер.

— Но так и должно было случиться, — сказал я. — Организация возникла после Третьего

разорения. Минут десять она была известна и влиятельна, но после войн, революций и Тёмных веков её забыли. Она стала такой, как сейчас.

— И какая же она сейчас? — спросил Эмман.

— Я всё ещё пытаюсь понять. Но суть, кажется, в том...

— Что это выше нашего мирского разумения? — подсказал Эмман. — Говори. Я готов с этим согласиться.

— Но готов ли ты согласиться с практическими следствиями? — спросил я. — То есть...

— Если я получу приказ... — Он стрельнул глазами в сторону складки, под которой я спрятал Всеобщие уничтожители, — его не следует исполнять, потому что он отдан бестолковым мирянином, не понимающим, куда движется повествование?

— Именно, — сказал я и заметил, что Эмман пальцем гладит свою жужулу. В Тредегаре у него была другая. Странно. Корд немножко научила меня разбираться в таких вещах, и я видел, что жужула не отформована из полипласта и не склёпана из проката, а выточена из цельнометаллической заготовки. Очень дорогая вещица. Штучное производство.

Эмман перехватил мой взгляд.

— Красивая игрушка, да?

— Я такую уже видел, — сказал я.

— Где? — резко спросил он.

— У Джада такая была.

— Откуда ты знаешь? Её выдали ему перед самым запуском. Он сгорел раньше, чем ты успел с ним поговорить.

Я только смотрел на Эммана, не зная, с чего начать.

— Это тоже выше моего разумения? — спросил он.

— Отчасти да. Скажи, много их ещё?

— Здесь? По меньшей мере одна. — Он повернулся к надувному дому. Внешнюю дверь шлюзовой камеры только что расстегнули, и наружу потянулась череда женщин и мужчин в парадной одежде. Они потирали головы, привыкая к носовым трубкам. — Видишь третьего от начала — лысого? У него такая же.

Моя правая рука выбыла из разговора. Ею завладела Ала. Остальное тело еле-еле успело отреагировать — иначе не миновать бы вывиха.

— Наушник вставь, — сказала она. — Актал уже давно идёт!

Ала сунула мне в руку наушник-каплю, и я затолкал его себе в ухо. На противоположной

стороне овала заиграл оркестр. Я огляделся. Смешанный контингент из урнудских, троанских, латерранских и фтосских солдат нёс к воде четыре длинных ящика. Гробы.

Ала отвела меня за надувной дом, где по трём углам ещё одного гроба стояли Лио, Джезри и Арсибальт.

— В кои-то веки я не последний! — изумлённо проговорил Лио.

— Вот что значит побыть начальником, — сказал я, вставая в свой угол. Мы подняли гроб, в котором, как я догадался, лежали останки Лизы.

Всё это совершенно изменило направление моих мыслей. Мы вынесли гроб из-за пузыря на дорогу, ведущую к воде, и поставили в ожидании, пока солдаты на другом берегу подойдут к пруду. Музыка, конечно, звучала для нас непривычно, но не больше чем многое из того, что можно услышать на Арбе. Видимо, в этой области Гилеин поток особенно силён: композиторы в разных космосах слышат у себя в голове одно и то же. Сейчас играли похоронный марш. Очень медленный и скорбный. Трудно сказать, было это отражением урнудской культуры или напоминанием, что четверо, лежащие в гробах, убили много Геометров, и, чтя их память, не следует

забывать о других погибших.

Уловка почти сработала. Мне и впрямь стало совестно, что я помог долистам попасть на «Дабан Урнуд». Потом я взглянул на гроб у моих ног и задумался, кто из присутствующих здесь выстрелил Лизе в спину? Кто отдал приказ разгвоздить Экбу? Кто повинен в смерти Ороло? Здесь ли этот человек? Мысли для мирных переговоров самые неподходящие. Но если бы мы с Геометрами не убивали друг друга, не пришлось бы и подписывать мир.

Солдаты несли гробы Озы, Эзмы, Вай и Грато очень медленно, замирая на несколько мгновений после каждого шага. Как всегда во время длинных акталов, мои мысли уплыли в сторону. Я поймал себя на том, что вспоминаю свою первую встречу с долистами, в Махще, когда я был в ловушке и ещё не понимал, кто они. Сцены прокручивались в голове, как спиль: Оза одной ногой стоит на укрывшей меня сфере, другой отбивается от нападающих. Эзма в танце приближается по площади к снайперу, а Грато собой заслоняет меня от пуль. Вай зашивает мои раны. Так умело, так безжалостно... у меня потекло из носа и глаз.

Я плакал, пытаясь вообразить их последние

минуты. Особенно сууры Вай, когда та на поверхности икосаэдра противостояла нескольким перепуганным людям с резаками. Одна, в темноте, под голубым ликом Арба в тысячах миль отсюда, зная, что никогда больше не вдохнёт его воздуха, никогда не услышит ручьев Звонкой долины.

— Раз? — послышался голос Алы. Её рука снова легла мне на локоть, но теперь уже не резко, а ласково. Я вытер лицо стлой и успел на миг увидеть ясную картину, прежде чем её вновь затуманили слёзы. Почётный караул по другую сторону пруда опустил гробы и замер в ожидании.

— Пора, — сказала Ала.

Лио, Джезри и Арсибальт смотрели на меня. Мы присели, взялись за гроб и оторвали его от палубы.

— Спойте что-нибудь, — посоветовала Ала. Мы растерянно глядели на неё, пока она не назвала хорал, который в Эдхаре исполняли на актале реквиема. Арсибальт начал, чистым тенором задав нам тон, мы вступили следом. Нам пришлось импровизировать, но если кто и заметил, никому не было до этого дела. Когда мы проходили мимо латерранского павильона, голос Жюля Верна Дюрана в наушниках вдруг умолк. Я поднял глаза

к кабинке и увидел, что другие латерранцы бегут к нему. Мы запели громче.

— Вот и послушали перевод, — сказал Джезри, когда мы дошли до воды и поставили гроб. Однако произнесено это было очень просто и грустно, так что мне не захотелось его ударить.

— Всё хорошо, — ответил Лио. — Для того и актал. Слова не важны.

И он рассеянно положил руку на крышку гроба.

Солдаты на другом берегу поставили гробы долистов на барку. Можно было просто донести их в обход пруда, но, видимо, пересечению воды здесь придавался какой-то символический смысл.

— Я понял, — сказал Арсибальт. — Вода обозначает космос. Разделяющий нас пролив.

Снова заиграла музыка. Четыре женщины в длинных одеждах взялись за вёсла и медленно повели барку к нам. Музыка была не такая тягостная, как похоронный марш: разные инструменты с более мягким звучанием и соло латерранской женщины. Она стояла на берегу, и, казалось, от её голоса вибрировал весь орб. Мне подумалось, что под такую песню и надо возвращаться домой.

Когда барка добралась до середины пруда, Джезри, взглянув на женщин за вёслами, сказал:

— Они явно не собираются идти на рекорд, а?

— Да, — отозвался Лио. — Я тоже об этом подумал. Дайте нам лодку! Мы им покажем!

Шутка не блистала остроумием, но нас разобрал смех, и в следующие минуты мы изо всех сил старались не расхохотаться в голос и не создать дипломатический инцидент. Когда лодка подошла наконец к берегу, мы сняли с неё гробы долистов и поставили Лизин. Под музыкальное сопровождение неторопливые женщины по длинной дуге подвели барку к латерранскому берегу. Шестеро мужчин — наверное, друзья Жюля и Лизы — подняли гроб на плечи. Жюль стоял и смотрел. Его держали под руки. Мы в четыре ходки отнесли гробы долистов за надувной дом. Лизин гроб поставили в латерранском павильоне, чтобы Жюль немного побыл с нею один. Женщины подвели барку к урнудскому берегу. Фраа Лодогир и ган Одру, каждый со своего берега, произнесли по короткой речи в память о жертвах той короткой войны, которой мы сегодня должны были положить конец: на Арбе — погибших при атаке на Экбу и космические объекты, здесь — убитых долистами.

После минуты молчания в церемонии наступил перерыв. Стюарды разносили подносы с

едой и напитками. Видимо, потребность есть на похоронах так же универсальна, как теорема Адрахонеса. Женщины-гребцы внесли на барку стол, застланный синей скатертью, и положили на него стопки документов.

— Эй, Раз!

Я дожидался своей очереди взять что-нибудь с подноса, но обернулся и увидел в нескольких шагах Эммана. Он что-то мне бросил. Я рефлекторно поймал предмет в воздухе. Это оказалась ещё одна машинка для глушения разговоров.

— Я украл её у процианина, — объяснил Эмман.

— А как же теперь процианин? — спросил я, изображая на лице (по крайней мере, стараясь изобразить) притворную озабоченность.

— Обойдётся. Он сам лучше любой глушилки.

Машинка из помехи для разговора стала темой для обсуждения. Мои друзья собрались в кружок, посмотреть, как она работает, и посмеяться над звуками, которые она издаёт. Юл, выдав в микрофон череду ругательств, заставил её генерировать бессвязные непечатные фразы. Однако через некоторое время голос Жюля Верна Дюрана — осипший, но твёрдый — сообщил, что начинается следующая часть актала. Мы вновь

собрались у кромки воды и выслушали речи четырёх лидеров, которым предстояло поставить свою подпись под мирным договором. Первым выступил ган Одру. Затем — праг Эшвар, полная невысокая женщина, с виду — самая обычная бабулька, только что в военной форме. За ней — арбский министр иностранных дел и, наконец, один из тысячелетников, которых я видел с фраа Лодогиром. Закончив, каждый поднимался на барку. Когда наш тысячелетник взошёл на борт, женщины выгребли на середину пруда. Все четыре лидера взяли ручки и начали подписывать документы. Несколько мгновений мы смотрели в молчании. Однако подписание длилось долго, и постепенно люди начали переговариваться — сперва шёпотом, потом всё громче и громче, сбиваясь в кучки и переходя с место на место.

Это может показаться странным, но я зашёл за надувной дом и пересчитал гробы. Один два, три, четыре.

— Проверяешь?

Я обернулся и увидел у себя за спиной фраа Лодогира.

Я включил глушилку — она голосом Юла выдала длинное ругательство — и сказал:

— Для меня это единственный способ знать

наверняка, кто по-прежнему мёртв.

— Можешь больше не проверять, — ответил он. — Всё позади. Счёт уже не изменится.

— А вы можете возвращать людей так же, как заставляете их исчезнуть?

— Не отменив этого, — Лодогир кивнул на барку, где подписывали мирный договор, — нет.

— Ясно, — сказал я.

— Ты надеялся вернуть светителя Ороло? — мягко спросил Лодогир.

— Да.

Лодогир молчал, но я без слов понял, что он имел в виду.

— Если Ороло жив, значит, Лиза лежит под пеплом на Экбе. Мы не получили сведений, извлечённых из её останков, и этого, — я тоже взглянул на барку, — не происходит. Мирный договор согласуется только с тем, что Ороло и Лиза мертвы — и останутся мертвы.

— Мне очень жаль, — сказал Лодогир. — Некоторые мировые пути — некоторые состояния дел — требуют, чтобы некоторых людей... не было.

— Очень похожее слово употребил фраа Джад, — сказал я, — прежде чем его не стало.

Фраа Лодогир сделал такое лицо, будто готовится выслушать мой жалкий ученический лепет.

Я продолжил:

— А как насчёт фраа Джада? Есть ли шанс, что он снова *будет*?

— Его трагическая гибель подробно задокументирована, — ответил фраа Лодогир, — но я не возьму на себя смелость предполагать, что может и чего не может инкантер.

Он повернул голову и задержал взгляд (или мне так показалось) на Магнате Форале. В кои-то веки рядом с преемником Эльхазга не стояла госпожа секретарь (она исполняла свои официальные обязанности), и я двинулся прямиком к нему.

— Скажите, это вы — *это мы* их позвали? — спросил я. — Мы вызвали урнудцев? Или некий урнудец тысячу лет назад увидел во сне геометрический чертёж и превратил его в религию, истолковав как зов высшего мира?

Магнат Фораль выслушал и повернулся к воде, призывая меня посмотреть, как подписывают мир.

— Взгляни, — сказал он. — На этой барке два арбца, облечённые равной властью. Такого не было с золотых дней Эфрады. Стены Тредегара рухнули. Инаки вышли из резерваций. Ита работают бок о бок с ними. Если бы всё произошло из-за того, что мы призвали урнудцев, разве Пре-

емству не следовало бы гордиться? О, я был бы рад записать это достижение на наш счёт. Долго я и мои предшественники трудились ради такого исхода. Каких лавров заслуживало бы Преемство, будь твои слова истиной! Но всё происходило совсем не так просто и прямолинейно. Я не знаю ответа на твой вопрос, фраа Эразмас, и никто в нашем космосе его не узнает, пока мы не построим нечто подобное и не отправимся в следующий.

ЧАСТЬ 13. Реконструкция

> ***Снизарение**, внезапный, обычно нежданный миг чистого понимания.*
>
> *«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.*

Колышков всё время не хватало. Наши добровольцы мастерили их из чего угодно: выламывали арматуру из рухнувших зданий, выпиливали гнутые прутья из поваленных стартовых вышек, собирали щепки от развороченных древесных стволов. Связки колышков складывали перед моей палаткой, грозя забаррикадировать выход.

— Их надо отнести геодезистам, — сказал я. — Пойдёшь со мной?

Мастер Кин, шесть дней проведший в кузовиле с Барбом, радостно согласился. Мы приподняли сырой полог, вышли в белёсое пасмурное утро и, взвалив на плечи столько колышков, сколько могли унести, двинулись вверх по склону. Наши первые дороги размыло дождями, так что теперь новоприбывшие рубили террасы и прокладывали серпантин. Тяжёлая работа и хороший способ отделить тех, кто и впрямь намерен остаться в Ороло, от просто отдыхающих.

— Сперва будем строить из дерева и глины, — сказал я, когда мы проходили мимо смешанной команды инаков и мирян, вбивавшей в землю столбы. — К моей смерти примерно определится, что тут и как. Следующие поколения смогут выработать свой план и воплотить его в камне.

Кин в ужасе воззрился на меня, потом сообразил, что умирать я собрался не сейчас, а в преклонном возрасте.

— Где вы будете добывать камень? — спросил он. — Я вижу только грязь.

Я остановился и повернулся лицом к кратеру. Он, как только остыл, наполнился водой, и с той высоты, на которую мы поднялись, уже была отчетливо видна его общая форма: эллипс, вытянутый с северо-запада на юго-восток, как падал «гвоздь». Мы стояли на юго-восточном краю. В нескольких сотнях ярдов от берега над бурой водой возвышался щебнистый остров. Я указал Кину дальше — на еле заметную выщербинку противоположного берега.

— Река, наполнившая кратер, вытекает с той стороны, — сказал я. — Отсюда её почти не видно, но если пройти мили две вниз по течению, можно найти место, где при ударе сошёл оползень, обнажив известняковый обрыв. Нашим потомкам

хватит камня на всё, что они захотят построить.

Кин кивнул и двинулся дальше по дороге. Он довольно долго молчал, прежде чем спросить:

— А у вас будут потомки?

Я рассмеялся.

— Они уже появляются! В Рассредоточении были зачаты дети. Мы стали есть то же, что все, и наши мужчины больше не стерильны. Первый ребёнок у инаков родился неделю назад. Я прочёл об этом в авосети. Да, доступ у нас пока не ахти. Пока Самманн — наш экс-ита — занимается этим в одиночку. Но другие экс-ита прибывают каждый день. Их уже более двух десятков.

Последние мои слова Кина не заинтересовали. Он перебил:

— Так Барб может стать отцом.

— Да. Может. — До меня наконец-то дошло. — А ты — дедом.

Кин ускорил шаг — ему захотелось, чтобы Орола выстроили прямо сегодня. Еле поспевая за ним, я добавил:

— Конечно, возникает старый вопрос о том, не разделятся ли люди на два биологических вида. Но мы уже достаточно знаем, чтобы этого не допустить. Нашей обязанностью будет сделать так, чтобы здесь нашлось место для тех, кого мы

называли эксами.

— Как вы будете называть их — нас — теперь? — спросил Кин.

— Понятия не имею! Главное, что по условиям Второй реконструкции есть два равноправных магистерия. Слова придумаются позже.

Мы дошли до внешнего обрыва, уже заметно сглаженного эрозией — кое-где даже появились первые кустики растений.

По краю склона были вбиты колышки и протянуты цветные верёвки.

— Границы пройдут там, где мы их проведём. Вот одна. — Я потянул за красную бечёвку.

Кин ужаснулся.

— Как так можно? Просто взять и застолбить участок! Юристы вас с потрохами съедят.

— У нас есть небольшая армия процианн. Юристам их не переговорить.

— Значит, всё по эту сторону бечёвки — ваша собственность?

— Да, стена пойдёт параллельно, с внутреннего края.

— Так стены всё-таки будут.

— Да. С проёмами, но без ворот, — сказал я.

— А зачем тогда вообще их строить?

— В качестве символа, — сказал я. — Они будут

говорить: «Ты вступаешь в другой магистерий и кое-что должен оставить позади».

Однако я немного лукавил. Полумилей дальше несколько человек в стлах смотрели в теодолиты и вбивали колышки: Лио и его команда бывших инаков Звонкой долины. Я точно знал, что они обсуждают: если между магистериями начнётся война и мы закроем проёмы в стене воротами, всё пространство от бастиона до бастиона должно надёжно простреливаться, чтобы не подпустить осаждающих.

Я свистнул в два пальца и, когда Лио и его товарищи подняли головы, указал на колышки, которые мы с Кином сложили на землю. Двое долистов бегом припустили в нашу сторону. Мы с Кином двинулись обратно, но тут засвистел Лио. Я обернулся. Он указывал на обрыв. Я посмотрел туда и не увидел ничего примечательного: спёкшаяся земля, обугленная древесина, клочья изолирующих материалов и щебень. Чуть дальше, на ровном участке, стояли машины, на которых приехали Кин и другие паломники. Наконец я понял, что имел в виду Лио: по крутому склону взбирался жёлтый клинышек звездоцвета.

— Что это? — спросил Кин.

— Варварское вторжение, — ответил я. — Долгая история.

Я помахал Лио.

Мы с Кином начали спускаться в кратер. У нас ещё было время, чтобы сделать крюк и заглянуть на террасу, которую мы с моими фраа и суурами из Эдхара вырубили в первый же месяц. В отличие от других террас, где уже пробивались ростки будущих клустов, эта была утыкана старой арматурой — подпорками для библиотечного винограда. Несколько месяцев назад нас посетил фраа Халигастрем; он привёз черенки из старого виноградника Ороло. Мы посадили их на террасе и часто навещали, проверяя, не покончили ли саженцы с собой от обиды за недолжное обращение. Однако они вовсю пускали новые побеги. Мы располагались близко к экватору, но на большой высоте, так что света было много, а воздух — прохладный. Кто бы не пришёл к выводу, что ракеты и виноград предпочитают одни и те же места?

Когда мы возвращались по берегу озера, Кин, довольно долго молчавший, прочистил горло.

— Ты сказал, что, входя в новый магистерий, кое-что придётся оставить позади, — напомнил он. — Относится ли это к религии?

Я ничуть не смутился — ещё один знак, как

сильно всё изменилось.

— Хорошо, что ты затронул эту тему. Я видел, что с тобою приехал мастер Флек.

— Ему несладко, — сообщил Кин. — Жена ушла. С работой плохо. Он так и не оправился после истории с небесным эмиссаром. Ему просто необходимо было выбраться из города. А в итоге Барб всю дорогу его... э...

— Площил?

— Ага. Но вообще-то я хотел сказать, если его присутствие здесь нежелательно...

— У нас правило: богопоклонники могут приходить, если только они не убеждены в своей правоте, — сказал я. — Тем, кто уверен в своей правоте, у нас делать нечего.

— Флек теперь ни в чём не уверен, — заметил Кин и через минуту добавил: — А разве может быть скиния без убеждённости в своей правоте? Это ведь не клуб по интересам.

Я замедлил шаг и указал на каменный останец в борту кратера. На вершине останца стояла палатка, от её входа поднимался дымок. Мой фраа уже встал и сжёг свой завтрак.

— Флеку стоит подняться в Арсибальтово владение, — сказал я. — Такие вопросы будут обсуждать там.

— Кин грустно улыбнулся.

— Вряд ли Флек хочет их обсуждать.

— Он ждёт, что ему просто скажут?

— Да. По крайней мере, так для него привычнее. И спокойнее.

— У меня есть несколько друзей-латерранцев, — ответил я. — Позавчера один из них рассказал мне о философе по имени Эмерсон, у которого было полезное снизарение насчёт разницы между поэтами и мистиками. Думаю, оно точно так же применимо к нашему космосу.

— Я слушаю. Так в чём разница?

— Мистик накрепко привязывает символ к одному значению, которое в ту минуту правильно, но скоро становится ложным. Поэт, напротив, видит истину, когда она истинна, но понимает, что символы подвижны и значение их всё время меняется.

— Наверное, у нас тоже кто-нибудь такое говорил, — заметил Кин.

— О да! Для лоритов сейчас великое время. У нас их тут небольшая армия. Затевают грандиозный проект: вобрать все знания из четырёх космосов.

Я глянул на палаточный клуатр, в котором поселились Карвалла, Мойра, их сууры и фраа, но никто из лоритов ещё не вышел — наверное,

завязывали узлы на своих одеяниях.

— А вообще я хотел сказать вот что: у таких, как Флек — слабость, даже наркотическая привязанность к мистическому, в противоположность поэтическому, образу мыслей. Оптимист во мне говорит, что если такой человек избавится от этой зависимости, он научится думать как поэт и примет изменчивую природу символов и смыслов.

— Ясно. А что говорит пессимист?

— Что поэтическое мышление — свойство мозга, особый орган или способность. Это либо дано, либо не дано. И те, у кого оно есть, обречены вечно враждовать с теми, у кого его нет.

— Что ж, — заметил Кин, — сдаётся, ты будешь много времени проводить на той скале с Арсибальтом.

— Должен же кто-то составить бедолаге компанию.

— А для таких, как я и Флек, у вас занятие найдётся? Помимо забивания колышков?

— Вообще-то основательные сооружения мы тоже возводим, — сказал я. — По большей части на острове. Новому магистерию нужна штаб-квартира. Капитолий. Ты приехал как раз к закладке первого камня.

— Когда это будет?

Я снова замедлил шаг и отыскал светлое пятно на небе. Солнце уже готовилось прожечь тучи.

— Ровно в полдень.

— У вас есть часы?

— Мы над этим работаем.

— Почему именно сегодня? Это какой-то особенный день в вашем календаре?

— Будет особенным, — сказал я. — Нулевой день нулевого года.

По удачной случайности половина дамбы к острову у нас уже была: пусковая башня, рухнувшая, как высокое дерево на ветру. Она была поломана, искорёжена и наполовину расплавлена, но для людей и тачек её прочности хватало с избытком. На полпути к острову она уходила под воду. Мы продолжили её пенопластовым понтоном, закрепив его собранными по окрестностям цепями за подводную часть башни. Последние ярды надо было преодолевать на лодке. Юл предпочитал добираться вплавь.

— Мы хотим построить простейшую канатную дорогу, — сказал я Кину, работая вёслами, — но установить опору на острове, где грунт ещё не слежался — серьёзная праксическая задача. Думаю, здесь отец и сын могли бы потрудиться

вместе.

Мы с Кином и Барбом сидели в лодке втроём. Подозреваю, что Барб отправился с нами не ради нашего общества, а потому, что изменившийся ветер принёс с острова запахи готовки. Сидя на носу лодки, он уже издали разглядел ямы для барбекю и прочие интересные места, которые намеревался посетить в первую очередь.

— У вас и печка есть! — воскликнул он, указывая на дымящийся кирпичный купол, только что возникший на фоне неба.

— Это первое постоянное сооружение, которое мы воздвигли. Арсибальт начинал, Трис закончила. Дальше построим кухню, а вокруг — трапезную.

— А мессалоны будут? — спросил Барб.

— Может, построим парочку, — сказал я. — Для тех, кто совсем не может обходиться без сервентов.

— Так это будет концент светителя Ороло? — спросил Кин.

Я ответил не сразу — сначала убрал вёсла в лодку, чтобы не задеть Юла, который вошёл в воду, чтобы подтащить нас к берегу.

— *Что-то* светителя Ороло. Но нас смущает слово «концент». Надо искать новое. Эй, Барб!

Барб собрался прыгнуть в воду и прямиком устремиться к еде. Меня он не услышал, но Юл — он уже положил мокрую ручищу на борт лодки — взял Барба за плечо и развернул ко мне.

— Я не утону, — объявил тот, словно успокаивая капризного ребёнка. — У меня одежда из невпитывающего волокна.

— И есть ты тоже не будешь. Еда на потом.

— А когда это «потом»?

— Тебе придётся высидеть два актала, — сказал я. — Один в полдень. Другой сразу после. А дальше до конца дня будем есть.

— А сколько сейчас времени?

— Давай спросим у Джезри.

Джезри строил часы на вершине острова. Это был ещё один проект, который мы не рассчитывали завершить при жизни, но по крайней мере они уже тикали! Мысли Джезри «как построить правильные часы» были так сложны, что я не понимал и половины, но мы настояли, чтобы к сегодняшнему дню у него было хоть что-нибудь работающее. Месяца два они с Корд строили и ломали опытные образцы. Дело пошло быстрее после того, как у Корд появились кое-какие инструменты. Мы с Барбом и Кином поднялись на вершину, но Корд там не застали — её вызвали

для других приготовлений. Джезри, похожий на полубезумного старца-отшельника, через очки для сварки смотрел на пятнышко ослепительного света, ползущее по плите синтетического камня. «Зайчика» отбрасывало параболическое зеркало, которое мы все по очереди шлифовали.

— Хорошо, что солнце вышло, — сказал Джезри вместо приветствия.

— С ним это часто бывает в такое время суток, — заметил я.

— Ты готов?

— Да. Арсибальт будет с минуту на минуту, и я видел, как Тулия и Карвалла о чём-то сговариваются, так что...

— Я не о том. Готов ли ты к другому?

— А, к этому?

— *Да, к этому.*

— Конечно, — ответил я. — Конечно, готов.

— А ты, мой фраа, лжец.

— Сколько у нас ещё времени? — спросил я, чувствуя, что пора сменить тему.

Джезри снова надел очки и прикинул расстояние от пятнышка до беспомощно лежащей на его пути проволоки.

— Четверть часа, — объявил Джезри. — Встретимся здесь.

— Хорошо.

— Слушай, Раз, тут богопоклонники есть?

— Наверное. А что?

— Скажи им, пусть молятся, чтобы эта хреновина не рассыпалась в ближайшие пятнадцать минут.

— Ладно.

Мы по линии срабатывания часов прошли к месту актала. Ровных участков на острове было немного, но мы расчистили и утрамбовали пятачок для краеугольного камня. Здесь Юл установил собранную из металлолома треногу. Камень — фрагмент того самого «гвоздя», который Геометры сбросили с орбиты, — висел посредине на цепи. Инаки-каменщики (их у нас было уже человек десять) придали ему форму куба. На одной грани они выбили «...ПРОСВЕТИТЕЛЯ ОРОЛО» (пустое место предстояло заполнить, когда мы придумаем слово), на другой «0 ГОД ВТОРОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ». На верхней грани — которая при строительстве закроется — мы все нацарапали наши имена. Я предложил Барбу и Кину добавить свои.

Барб так увлёкся, что вряд ли слышал хоть слово или ноту из актала и пения, подготовленных Арсибальтом, Тулией и Карваллой. Я, правда,

тоже ничего не слышал, потому что голова у меня была занята совсем другим, к тому же я не успевал дивиться, сколько народа к нам приехало. Ганелиал Крейд. Ферман Беллер с двумя баскими монахами. Брат и две сестры Джезри. Эстемард с женой. Орифеняне. Фраа Пафлагон и Эмман Белдо. Геометры всех четырёх рас, с трубочками в носу.

Перед наступлением полудня мы запели версию анафема, выбранную Арсибальтом за то, что он назвал «временной растяжимостью»: если бы часы дали сбой, мы могли бы петь дольше. Однако в какой-то момент — представления не имею, насколько близко к астрономическому полдню, — Джезри выскочил из часовой будки, на ходу срывая очки, и припустил к нам. Проволока заметно натянулась. Я взглянул на Юла, стоявшего под треногой, и чиркнул пальцем по горлу. Юл сгрёб Барба в охапку и оттащил в сторону. Через мгновение механизм щёлкнул, и камень упал с грохотом, который все мы почувствовали ногами. Послышались аплодисменты и крики. Я не успел к ним присоединиться: Арсибальт, который стоял перед пюпитром и дирижировал анафемом, посмотрел мне в глаза и кивнул на палатку чуть ниже по склону.

— Ладно, — одними губами выговорил я и направился туда.

Юл вошёл в палатку почти сразу за мной. Он должен был помочь мне с роскошной тредегарской стлой, я ему — с парадным мирским костюмом. Оба мы оказались настолько несведущи в этом деле, что не уложились в отведённое время, — актал уже закончился, и люди по другую сторону тента недовольно гудели и отпускали грубые шуточки. Эмману Белдо пришлось отлипнуть от сууры Карваллы и прийти на выручку Юлу. Тем временем моё одеяние поправлял и заплетал не кто иной, как фраа Лодогир, приехавший, надо думать, с тем, чтобы Ороло не остался без влиятельной процианской фракции.

Мы с Юлом топтались на пороге, пропуская друг друга вперёд, пока порог не исчез: Лио и его долисты, утомившись ждать, обрезали растяжки и подняли тент у нас над головой, будто срывая покров с двух статуй.

И впрямь, мы оба застыли, как изваяния (чтобы не сказать «истуканы»), увидев Алу и Корд, потративших отведённое на одевание время с куда большим толком. Я думал, что моя невеста будет украшена звездоцветом и другими варварскими растениями, но теперь стало понятно, что кузо-

виль Кина был нагружен настоящими цветами, выращенными в далёких садах и теплицах.

Актал осложняло то, что я как родственник Юловой невесты должен был вести её к алтарю, но умные люди всё уже продумали. Юла и Корд сочетал браком магистр Сарк, сыгравший свою роль очень даже неплохо, особенно учитывая, что он с трёх утра был в диалоге с Арсибальтом за бутылкой вина. Магистр воспользовался случаем, чтобы выдать очередную блистательную, берущую за душу проповедь, исполненную мудрости, снизарений, человеческой правды и привязанную к космографической схеме, развенчанной четыре тысячелетия назад.

После того как Сарк закончил, я (при моральной поддержке Джезри) и Ала (в сопровождении Тулии) приблизились к фраа Пафлагону и под звуки радостных песен и раскаты далёкого грохота, с которым ма Картазия перевернулась в халцедоновом гробу, заключили перелифический союз.

По традиции председательствующие фраа или суура должны были произнести несколько слов. Наступил тот момент актала, когда все инаки замолкли, выжидательно глядя на Пафлагона. Трудно было избежать неловкости, поскольку все понимали, что его слова будут восприняты

не сами по себе, а как ответ магистру Сарку. Я обрадовался, что Пафлагон не стал юлить.

— Поскольку мы гордимся нашими диалогами, позвольте мне приветствовать магистра Сарка как уважаемого содискурсанта. В его словах я отчетливо слышу след, оставленный далёким предшественником, пережившим снизарение и выразившим его правильным для своего времени способом. Как когда стрелки часов сходятся, стержень падает в прорезь и происходит нечто особенное: ворота распахиваются, наступает маленький аперт и в открытые створки проглядывает новый космос. Возможно, в свете последних событий я должен сказать: «один из новых космосов».

И Пафлагон поочерёдно поглядел в глаза урнудцам, троанцам, латерранцам и фтосцам.

— Тот, кто присутствовал при аперте, знал, что снизарение истинно, записал его, включил в свою религию — иными словами, сделал всё, чтобы передать его тем, кого любит. Как-нибудь в другой раз мы можем поспорить, удалось ему это или нет; с сожалением вынужден сообщить, что в моём случае — не удалось.

Я невольно покосился на Ганелиала Крейда, но не увидел и следа того гнева, какой прежде

вызывало у него наше неуважение к религии. Что-то изменилось для него в Орифене.

— Мы собрались на месте, названном в честь фраа Ороло, который недолгое время был моим фидом. Когда он был чуть старше некоторых из вас, — Пафлагон посмотрел на меня и на Алу, потом на Джезри, Тулию и других, прибывших из Эдхара или с конвокса, — он как-то сказал мне, почему выбрал мой орден. Он мог бы покинуть матический мир в аперт и жить в секулюме; он мог остаться фраа и выбрать Новый круг. Ороло сказал, что чем больше он узнаёт о сложности сознания и космоса, с которым оно так неразрывно и загадочно связано, тем отчетливее видит в этом некое чудо: не совсем в том смысле, в каком употребляют это слово богопоклонники, ибо он считал его вполне природным. Скорее он хотел сказать, что эволюция нашего сознания из неодушевлённой материи прекраснее и удивительнее всех чудес во всех религиях мира. И потому он склонен не доверять всякой системе мышления, религиозной или теорической, которая претендует на объяснение этого чуда и, таким образом, пытается положить ему предел. Вот почему он избрал тот путь, который избрал. Благодаря появлению наших друзей с Урнуда, Тро, Земли и Фтоса

мы узнали о поликосме то, о чём раньше лишь строили догадки. Каждому из нас придётся пересмотреть в свете новых событий всё, что он знал и во что верил. Труд этот начинается здесь. Сегодняшнее великое и прекрасное начало включает в себя множество других, не столь масштабных, но от того не менее прекрасных — таких, как союз Алы и Эразмаса.

Я чуть было не прохлопал ушами главный момент, но почувствовал, как Ала повернулась ко мне. Мы шагнули друг к другу, здесь, на груде щебня, и взялись за руки. Вам может показаться странным, что такая история заканчивается поцелуем, как популярный спиль или театральная пьеса. Однако, давая начало новому, мы одновременно завершали многое из того, о чём шла речь на этих страницах, так что здесь я провожу на листе черту и заканчиваю рассказ.

СЛОВАРЬ

0 от РК, начало Арбского летосчисления, год, в который произошла Реконструкция; всем предшествующим годам присвоены отрицательные номера; если год выражен положительным числом или (что равнозначно) после него стоит «от РК», значит, он относится к периоду после Реконструкции.

Авосеть, сокращение от «Арбская ВсеОбщая сеть», самая большая сетка, объединяющая большую часть сеток мира.

Авоська, см. *авосеть*.

Адрахонеса, теорема, древняя теорема планиметрии, приписываемая Адрахонесу, основателю Орифенского храма. А.т. утверждает, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух других сторон. Эквивалент теоремы Пифагора на Земле.

Актал, ритуал, соблюдаемый в матическом мире. Самые важные и часто отмечаемые А. — провенер, элигер, регред и реквием. Менее часто отмечаемые включают анафем, воко и инбрас.

Аналемма, фигура, похожая на вытянутую

восьмёрку, наблюдаемая астрономами, которые отмечают, как видимое движение солнца по небосводу меняется день ото дня в течение года.

Анафем. 1. (протоорт.) Поэтический либо музыкальный гимн Нашей Матери Гилее, звучащий на актале провенера, либо **2.** Актал, при котором неисправимого фраа или сууру отлучают от матического мира.

Аперт, актал, в котором матик распахивает свои ворота на десять дней; в течение этого времени инаки могут выходить в экстрамурос, а миряне — заходить внутрь, осматривать матик и говорить с инаками. В зависимости от матика отмечается раз в год, десять, сто или тысячу лет.

Арб, название планеты, на которой происходит действие «Анафема».

Арботектор, тот, кто методами генной инженерии получает новые виды деревьев.

Атланические, см. *отношения атланические*.

Баз, древний город-государство, впоследствии столица всемирной империи.

Базская ортодоксия, государственная религия Базской империи, пережившая падение База и создавшая в последовавшие годы матическую систему, параллельную картазианской и независимую от неё. Сохранилась как одна из главных

религий Арба.

Барито, светительница. Знатная дама эпохи Праксиса, покровительница и вдохновительница булкианцев. Её имя носит один из концентов Большой тройки.

Блай, светитель, теор из концента св. Эдхара, который был отброшен и жил до конца дней дикарём на холме, впоследствии получившем название Блаева. Согласно легенде, почитался как божество местными пенами, которые затем убили его и съели его печень.

Богопоклонник, тот, кто предпочитает Деатино толкование полученного её отцом Кноусом видения и посему верит в Бога на небесах. Ср. физиолог.

Большая тройка, конценты св. Мункостера, св. Тредегара и св. Барито, все относительно старые, богатые, уважаемые и расположенные близко один от другого.

Бонза, уничижительный термин, используемый фраа Ороло по отношению к высокопоставленным чиновникам мирской власти.

Брендятина см. *прехня*.

Булкианцы, группа теоров эпохи Праксиса, собиравшаяся в доме леди Барито. Б. изучали следствия того очевидного факта, что мы воспри-

нимаем материальный мир не напрямую, а через посредство наших органов чувств.

Весы, см. *Гардана весы.*

Владение, в общем смысле любое имущество, накопленное и сохраняемое преемством в матическом мире. Почти всегда используется применительно к зданию и тому, что в нём находится.

Воко, редко отмечаемый актал, в котором мирская власть призывает (требует к себе) инака, чьи способности нужны секулюму. Как правило, призванный уже не возвращается в матический мир.

Всеобщий уничтожитель, крайне высокопраксичная система вооружения, применявшаяся, как полагают, во время Ужасных событий и повлекшая огромные разрушения. Широко распространено, но не доказано мнение, что причастность теоров к разработке этого праксиса привела к решению изолировать их от нетеорического общества: политике, которая после своего осуществления стала называться Реконструкцией.

Гардана весы, логический инструмент, гласящий, что при сравнении двух гипотез предпочтение должно отдаваться более простой. Также

может называться весами светителя Гардана или просто весами.

Гвоздануть (воен., жарг.), нанести удар по цели, расположенной, как правило, на поверхности планеты, сбросив на неё с орбиты стержень из плотного материала. Этот стержень, «гвоздь», не содержит движущихся частей или взрывчатых материалов; его разрушительное действие обусловлено исключительно очень высокой скоростью.

Гемново пространство, то, что на Земле зовётся конфигурационным или фазовым пространством.

Гилеин теорический мир, название, используемое самыми ярыми сторонниками протесизма для высшего плана бытия, где обитают совершенные геометрические формы, теоремы и другие чистые идеи (кнооны).

Гилея, одна из двух дочерей Кноуса, сестра Деаты. Истолковала видение отца в том смысле, что ему приоткрылся более высокий и совершенный мир (Гилеин теорический мир или ГТМ), населённый чистыми геометрическими формами, которые грубо копируют геометры этого мира.

Гипотрохийная трансквестиация, одна из множества риторических уловок, которые вдалб-

ливают фидам, особенно находящимся в обучении у процианн. Состоит в том, чтобы сменить тему, молчаливо подразумевая, что спорный вопрос уже так или иначе разрешён.

Грабли, см. *Диакса грабли*.

Грузотон, большое колёсное транспортное средство, используемое в экстрамуросе для перевозки тяжёлых грузов по дорогам.

ГТМ, см. *Гилеин теорический мир*.

Гытос, неофициальное, граничащее с оскорбительным название одной из этнических групп секулярного мира.

Датономия, подход к философии, восходящий к трудам булкианцев и основанный на пристальном изучении данных в буквальном значении слова, то есть того, что дают нашему разуму наши органы чувств.

Деата, одна из двух дочерей Кноуса, сестра Гилеи. Истолковала видение отца в том смысле, что ему приоткрылось небесное духовное царство, населённое ангелами и управляемое всевышним создателем.

Десятая ночь, традиционное завершение аперта, проводимое в десятую, последнюю ночь. В матике устраивают угощение для всех желающих из экстрамуроса. Так же служит для

официального заключения дел с мирской властью, в частности, передачи новособранных под юрисдикцию матика.

Десятилетник, разговорное название *децена́рия* (см.).

Дефендор, иерарх, на которого возложена защита матика или концента от проникновения мирян всеми средствами, включая насильственные. Обычно располагает штатом младших иерархов, обученных выполнению соответствующих функций.

Деценарий, инак, давший обет не выходить из матика и не иметь контактов с внешним миром до следующего десятилетнего аперта. Разг. «десятилетник».

Диакс, физиолог Орифенского храма, который прогнал фанатов, основал теорику и подвёл под неё строгий интеллектуальный фундамент.

Диакса грабли, афоризм, произнесённый Диаксом на ступенях Орифенского храма, когда светитель прогонял гадателей садовыми граблями. Его общий смысл: нельзя верить во что-то только потому, что хочется, чтобы так было. После этого события большинство физиологов признали грабли и, таким образом, стали, в терминологии Диакса, теорами. Оставшиеся по-

лучили название фанатов.

Диалог, словесное общение, как правило, формального характера, между теорами. «Быть в Д.» означает вести дискуссию непосредственно. Термин может также применяться к письменной записи исторического Д.: такие документы составляют фундамент матической литературной традиции; их изучают, разыгрывают и заучивают наизусть фиды. В классическом варианте Д. включает двух главных участников и некоторое количество слушателей, которые вступают спорадически. Ещё один распространённый вариант — трёхсторонний Д. с участием мудреца, обычного человека, стремящегося к познанию, и недоумка. Существуют бесчисленные другие классификации, напримерсувинический, периклинический и страннический Д.

Диалог периклинический, состязательный диалог, в котором каждый участник старается опровергнуть позицию другого (см. *уплощить*).

Диалог страннический, диалог, в котором два участника, примерно равные по знаниям и уму, развивают мысль, обсуждая её между собой, обычно во время прогулки.

Диалог, сувиничёский, диалог, в котором ментор наставляет фида, обычно задавая ему

вопросы, а не излагая материал.

Дикарь, грамотный и теорически мыслящий человек, живущий в секулюме и отрезанный от матического мира. Как правило, бывший инак, отрекшийся от клятв либо отброшенный, хотя термин формально применим также к самоучкам, никогда не бывшим инаками.

Долист, инак из Звонкой долины, то есть посвятивший свою жизнь боевым искусствам.

Дурнопля, повсеместно распространённое сорное растение. При жевании оказывает стимулирующее воздействие. В больших дозах психотропно. Входит в Одиннадцать.

Епитимья, скучная или неприятная работа, назначаемая инспектором инаку, нарушившему канон.

Жужула, повсеместно распространённое портативное электронное устройство, используемое мирянами и совмещающее функции мобильного телефона, фотоаппарата, сетевого браузера и так далее. В матическом мире запрещены.

Звездокруг, в земных терминах, обсерватория, особенное многочисленными телескопами.

Звонкая долина, горная долина, давшая своё название матику, созданному здесь в 17 г. от РК и специализирующемуся на боевых искусствах и

сопутствующих материях. См. *искводо*.

Иерарх, член специализированной касты инаков, в обязанности которой входит административное управление матиками и концентами, взаимодействие с секулярным миром и иерархами другим матиков, оборона матика от мирских угроз, надзор за соблюдением канона.

Иконография, чрезмерно упрощённая и, как правило, крайне неточная схема, используемая мирянами для понимания того немногого, что они знают о матическом мире. Часто принимает форму теории заговора либо аллюзии на персонажей и ситуаций из массовой развлекательной продукции.

Икосаэдр, шаровидное геометрическое тело с двадцатью равными гранями, каждая из которых представляет собой равносторонний треугольник.

Инак, лицо, давшее обет блюсти картазианский канон и посему живущее в матическом (в противопоставление секулярному) мире.

Инбрас, редко отмечаемый актал, при котором странников принимают назад в матический мир после путешествия по секулюму.

Инкантер, легендарная фигура, связанная в фольклоре с халикаарнийскими орденами; И.

якобы могли менять физическую реальность произнесением кодовых слов или фраз.

Инквизиция, глобальный орган, ответственный за поддержание единых стандартов канона по всем матикам и концентам и действующий обычно через инспекторов.

Инспектор, иерарх, на которого возложена забота о соблюдении канона в интрамуросе. И. наделён властью проводить расследования и осуществлять наказания. Формально подчиняется примасу, но фактически подотчётен только инквизиции; в исключительных обстоятельствах имеет право отстранить примаса.

Искводо, разговорное сокращение от *искусства долины* (см.).

Искусство долины, боевые искусства. Обычно ассоциируется со *Звонкой долиной* (см.).

Ита, каста, живущая в матическом мире, но строго отделённая от инаков. Отвечает за все функции, связанные с синтаксическими устройствами и авосетью.

Кальк, объяснение, определение либо урок, нужные для развития более общей темы, но вынесенные из основного текста диалога в примечание либо приложение.

Канон, см. *картазианский канон*.

Капитул, местная организационная ячейка иначеского ордена. Ордена, как правило, распространены по всему матическому миру и могут иметь местные капитулы в сколь угодно многих матиках и концентах. Обычно, как видно на примере Эдхара, матик включает несколько капитулов, принадлежащих к разным орденам.

Картабла, портативное навигационное устройство наподобие земных GPS-приёмников.

Картазианский канон, набор правил, составленный св. Картазией, которая после падения База создала матический мир. Инак — лицо, давшее обет соблюдать канон.

Картазия, св., образованная базская дама, которая после падения База создала первый матик и составила Канон, соблюдавшийся всю последовавшую матическую эпоху и, с некоторыми изменениями, в матическом мире после Реконструкции.

Кедепт, адепт келкской или треугольной веры.

Келкс. 1. Религиозное верование, возникшее в XVI или XVII веке от РК. Название происходит от ортского «Ганакелюкс», составленного из слов «место» и «треугольник», и отражает символическое значение треугольников в иконографии данного верования. **2.** Скиния келкской веры.

Кефедокл, излишне самоуверенный педантичный собеседник.

Кинаграммы, простой набор идеограмм, используемый мирянами вместо настоящего письменного языка.

Клуст, возделанный участок приблизительно шестиугольной формы с определённым набором в большей или меньшей степени генномодифицированных съедобных растений, полностью удовлетворяющий пищевые потребности одного инака. Симбиотические связи обеспечивают здоровье и урожайность растений, а также предотвращают истощение почвы. В концентах, где применяется система клустов, каждый инак обрабатывает один клуст, а урожай поступает в общее пользование. Поскольку матикам для соблюдения канона необходима автономность от мирской пищевой промышленности, технология клустов стала непременным условием Реконструкции.

Книга, сборник текстов со слегка нарушенной логикой, которые проштрафившиеся инаки вынуждены зубрить в качестве епитимьи. Делится на главы, сложность которых растёт экспоненциально.

Кнооны, согласно протесовой метатеорике,

чистые, вечные, неизменные сущности (такие как геометрические фигуры, теоремы, числа и т.п.), принадлежащие к иному уровню бытия (Гилеину теорическому миру) и неким образом воспринимаемые или открываемые (а не изобретаемые) работающими теорами.

Кноус, древний исторический персонаж, прославленный видением иного, высшего мира. Дочери К., Деата и Гилея, истолковали его видение разными, взаимоисключающими способами.

Конвокс, большое собрание инаков из матиков и концентов по всему миру. Обычно проводится на тысячелетний аперт или после разорения, но может быть созван в исключительных обстоятельствах по просьбе мирских властей.

Контрбазианизм, религия, основанная на тех же писаниях и чтящая тех же пророков, что базская ортодоксия, но категорически отвергающая власть и некоторые учения базско-ортодоксальной веры.

Концент, относительно большое поселение инаков, в котором рядом расположены не менее двух матиков. Как правило, центенарский и милленарский ордена бывают только в концентах, поскольку из практических соображений им трудно существовать в отдельно стоящих

матиках.

Космограф, в земных термах астроном, астрофизик, космолог.

Кузовиль, колёсное транспортное средство, используемое в экстрамуросе, обычно мастерами, для перевозки небольших грузов, инструментов и проч. Как правило, более вместительный и менее комфортабельный, чем моб.

Лабораториум, на конвоксе, дневная рабочая сессия, обычно утренняя, когда присутствующие разбиваются на группы, которым иерархи поручают отдельные задания.

Лесперовы координаты, также называемые координатами св. Леспера, соответствуют Декартовым координатам на Земле.

Логотипы, простая система письменности, используемая мирянами, но, ко времени действия «Анафема», вытесненная кинаграммами.

Лориты, орден, основанный св. Лорой, полагавшей, что все идеи, которые способен измыслить человеческий мозг, уже выдуманы. Лориты — историки мысли; они рассказывают инакам о тех, кто уже высказывал в прошлом нечто подобное, и, таким образом, помогают им не изобретать заново колесо.

Лукуб, на конвоксе неофициальная рабочая

группа, члены которой по собственной инициативе собираются по вечерам для обсуждения чего-либо их интересующего.

Ма, неофициальное уважительное обращение фида к старшей по возрасту сууре.

Магистр, церковнослужитель в келкской вере.

Матаррит, член ордена, основанного в центенарском матике концента св. Бидла между вторым и третьим вековыми апертами, одного из немногих выраженно религиозных иначеских орденов, замкнутого даже по мерками матического мира. Во время Третьего разорения бежали на остров в южной полярной области, где выработали своеобразные культурные традиции, в том числе стлы, полностью закрывающие тело, и крайне простую кухню, использующую ограниченное количество съедобных растений и животных, доступных в данной географической области.

Матик, относительно небольшое сообщество инаков (как правило, от одного до ста). Все члены конкретного матика отмечают аперт по одному расписанию, то есть все они либо унарии, либо деценарии, либо центенарии, либо милленарии. Ср. *концент*.

Мессал, в некоторых (особенно наиболее круп-

ных и древних) концентах вечерняя трапеза, за которой присутствуют не более семи старших инаков (препто́в) и равное число прислуживающих им младших инаков (сервентов).

Метатеорика, эквивалент метафизики на Земле. Раздел человеческой мысли, посвящённый вопросам столь фундаментальным, что без их решения невозможна продуктивная теорическая работа.

Метекоранес, древний теор, погребённый под вулканическим пеплом во время извержения, разрушившего Орифену. Согласно некоторым традициям основал (возможно, сам того не ведая) старое преемство. См. *преемство, старое*.

Милленарий, инак, давший обет не выходить из матика и не иметь контактов с внешним миром до следующего тысячелетнего аперта. Разг. «тысячелетник», «тысячник».

Мирская власть, то, что в данный момент управляет нематическим миром.

Миряне, население секулярного мира.

Мистагог, любитель мистики и намеренно замутнённой речи. В Древнюю матическую эпоху и до Пробуждения — практически всесильная клика. Затем — бранное слово.

Моб, колёсное пассажирское транспортное

средство, используемое в экстрамуросе.

Море морей, относительно небольшое, причудливо очерченное водное пространство, соединённое проливами с тремя океанами Арба; обычно считается колыбелью классической цивилизации.

Мункостер, св., теор конца эпохи Праксиса, сделавший решительный прорыв в том, что на Земле зовётся общей теорией относительности. Его именем зовётся один из концентов Большой Тройки.

Нак, инак. Уничижительный экстрамуросский термин. Ассоциируется с мирянами, придерживающимися иконографии, которая изображает инаков в исключительно чёрных красках.

Небесный эмиссар, в период, предшествующий действию «Анафема», популярный религиозный лидер, добившийся мирской власти лживыми утверждениями, будто воплощает в себе мудрость матического мира.

Нерушимые, три милленарских матика, выстоявшие в семь десятилетий Третьего разорения. Находятся в концентах св. Эдхара, св. Рамбальфа и св. Тредегара.

Новоматерия, форма материи, в которой атомные ядра синтезированы искусственно и которая

в силу этого обладает физическими свойствами, не наблюдаемыми в естественных простых веществах или их соединениях.

ОАГ, см. *ориентированный ациклический граф*.

Одиннадцать, список растений, запрещённых в интрамуросе, обычно из-за их нежелательных фармакологических свойств. Канон требует, чтобы всякое такое растение, обнаруженное в матике, незамедлительно вырвали и сожгли, а само событие занесли в хронику.

Однолетка, разговорное название *унария* (см.).

Ориентированный ациклический граф, совокупность вершин, связанных направленными рёбрами (представьте себе квадратики, соединённые стрелками), расположенными так, что по ним нельзя пройти по кругу.

Орифена, храм, основанный в древности Адрахонесом на острове Экба, затем — приют физиологов, стекавшихся сюда со всего древнего мира. Разрушен вулканическим извержением в –2621 году, раскопан начиная с 3000-х инаками, основавшими по периметру археологического участка новый концент.

Орт, классический язык, на котором говорили все сословия Базской империи, а в Древнюю матическую эпоху — обитатели картазианских

матиков и базско-ортодоксальных монастырей. Язык науки и просвещённого общения в эпоху Праксиса. В воссозданной и обновлённой форме — язык, применяемый инаками почти во всех случаях жизни. Тем же термином может обозначаться алфавит, которым он записывается.

Остолетиться, потерять рассудок, стать невменяемым, бесповоротно свернуть с пути теорики.

Отброс, бывший инак, подвергнутый анафему.

Отбросить, разговорное выражение, означающее подвергнуть инака акталу анафема.

Отношения, связь, как правило, сексуальная либо по крайней мере романтическая в матическом мире.

Отношения атланические, крайне редкий тип отношений, при которой одна сторона живет в десятилетнем матике, а другая — в экстрамуросе, и встречаться они могут только раз в десять лет.

Отношения перелифические, аналог мирского брака.

Отношения тивические, самый случайный и эфемерный тип отношений.

Отношения этреванические, примерный аналог того, что в секулюме называется «встречаться».

Па, неофициальное уважительное обращение

фида к старшему по возрасту фраа.

Пен, житель экстрамуроса без образования, особых навыков, устремлений или желания ими обзавестись. Воспринимается как представитель низшего общественного класса.

Перелифические отношения, см. *отношения перелифические*.

Периклиний, рыночная площадь в древнем городе-государстве Эфраде, где теоры Золотого века собирались и вели диалоги.

Пленарий, на конвоксе, общий сбор всех присутствующих в одно время и в одном месте для определённой цели.

Поликосм, две или более вселенных (космоса), особенно если они рассматриваются как система, включающая возможность взаимодействия между космосами.

Праксис, технология.

Праксиса эпоха, период в истории Арба, начавшийся в столетие, последовавшее за Пробуждением (то есть примерно с –500 г.) и закончившийся Ужасными событиями и Реконструкцией (нулевой год). Название связано с тем, что обитатели древней матической системы, рассеявшиеся после Пробуждения по секулярному миру, поставили теорику на службу изучению планеты и

созданию технологий.

Праксист, ученый-прикладник, инженер.

Прасуура, неофициальное уважительное обращение инака к очень пожилой сууре, особенно отметившей актал регреда.

Прафраа, неофициальное уважительное обращение инака к пожилому фраа, особенно отметившему актал регреда.

Предвестие, одно из трёх последовательных бедствий, охвативших почти весь Арб в последние десятилетия эпохи Праксиса и, по мнению более поздних исследователей, ставших прологом к Ужасным событиям. В чём именно они состояли, установить трудно, поскольку записи (по большей части хранившиеся в синтаксических устройствах, которые позже перестали работать) не сохранились, однако практически общепринято, что Первым предвестием была всемирная волна насильственных революций, Вторым — мировая война, а Третьим — геноцид.

Преемство, в общем случае хронологическая последовательность инаков, до Третьего разорения владевших собственностью помимо стлы, хорды и сферы и на смертном одре передававших её избранному наследнику. В таком смысле часто ассоциируется с *владениями* (см.). Иногда исполь-

зуется как сокращение от старого преемства (см. *преемство, старое*).

Преемство, старое, согласно некоторым историческим традициям, неразрывная цепь наставников и фидов, идущая от Метекоранеса до времени, в которое происходит действие «Анафема», сообщество теоров, независимое от матической системы, основанной св. Картазией, и много более древнее.

Президий, в матической архитектуре самое высокое строение концента, обычно часовая башня.

Препт, сокращённая форма слова «преподобный»; в концентах, где приняты мессалы, старший инак, имеющий привилегию сидеть за столом, в то время как сервент ему прислуживает.

Прехня, речь (обычно, но не обязательно, коммерческая либо политическая), в которой используются эвфемизмы, сознательная расплывчатость, отупляющие повторы и другие риторические уловки, создающие впечатление, будто что-то и впрямь сказано. Син.: *брендятина*.

Призвать, вызвать инака из концента во время актала воко.

Примас, верховный иерарх в матике или кон-

центе.

Причинно-следственная область, набор вещей, взаимно связанных паутиной причинно-следственных отношений.

Проблиты, религиозная секта, восходящая к св. Блаю, с центром на Блаевом холме, неподалёку от концента св. Эдхара.

Пробуждение, историческое событие, отделяющие Древнюю матическую эпоху от эпохи Праксиса. Обычно датируется примерно –500 годом, когда ворота матиков открылись и инаки рассеялись по секулярному миру. Характеризуется стремительным расцветом культуры, прогрессом в теорике и географическими открытиями.

Провенер, наиболее распространённый актал матического мира, обычно отмечаемый каждый день в полдень и связанный с заводкой часов.

Протес, ученик Фелена, величайший теор в истории Арба. На фундаменте, заложенном Гилеей и расширенном орифенянами, П. выстроил принцип, согласно которому предметы, воспринимаемые людьми, а также умственные понятия суть несовершенные проявления чистых идеальных форм, существующих на другом уровне бытия.

Протесизм, простой. Название, которое Утентина и Эразмас задним числом дали традиционной концепции протесизма (один Гилеин теорический мир оказывает причинное влияние на Арбский космос), дабы противопоставить её своей новой схеме, которую назвали сложным протесизмом. См. *протесизм, сложный*.

Протесизм, сложный. Относительно новая (XIV век от РК) интерпретация традиционного («простого») протесизма, утверждающая, что существует более двух (возможно, бесконечно много) причинно-следственных областей, составляющих ориентированный ациклический граф, или ОАГ, в наиболее общем случае называемый «фитилём». Предполагается, что информация о кноонах течёт по ОАГе от «более Гилеиных» к «менее Гилеиным» космосам.

Протесизм, философия Протеса. В более частной форме — представление, что теоры воспринимают чистые идеи из другого плана бытия, называемого Гилеиным теорическим миром.

Протесов, относящийся к древнему эфрадскому философу Протесу.

Проц, метатеорик поздней эпохи Праксиса, лидер теорического преемства, восходящего к сфеникам, и прародитель всех орденов, берущих

начало от синтаксической (в противоположность семантической) группе периода после Реконструкции. Противопоставляется Халикаарну.

Процианский, относящий к св. Процу либо к какому-либо из орденов, восходящих к синтаксической группе. Процианe часто рассматриваются как естественные противники халикаарнийцев.

Раданица, генетически модифицированное растение, вырабатывающее химическое вещество, известное под названием хороший. Запрещена инакам.

Разорение, нарушение условий Реконструкции, когда миряне громят матики и конценты. Обычно термин используется лишь для всеобщих разорений, при которых насилию подвергаются все или почти все матики и конценты одновременно.

Рамбальф, концент, один из Трёх Нерушимых.

Регред, актал, при котором престарелый инак отходит от активной деятельности и удаляется на покой.

Реквием, актал, которым провожают усопшего инака.

Реконструкция, система, созданная после Ужасных событий и состоящая в том, что почти все образованные люди сосредоточены в матиках

и концентах.

Ритор, легендарная фигура, ассоциируемая в фольклоре с процианскими орденами. Р. якобы могли изменять прошлое, манипулируя воспоминаниями и другими материальными записями.

Сарфяне, древний степной народ, конные лучники, сокрушившие и разграбившие Баз, что положило конец Базской империи и дало начало Древней матической эпохе.

Светитель, звание, присваиваемое великим мыслителям.

Секулюм, секулярный мир.

Секулярный, относящийся к нематическому миру. Син.: *мирской, светский.*

Семантическая группа, фракция внутри матического мира, возникшая в годы после Реконструкции. Семантики считали себя последователями Халикаарна. Название группы отражает убеждение, что символы могут и впрямь нести семантическое содержание. Идея восходит к Протесу и Гилее. Ср. *синтаксическая группа.*

Сервент, в концентах, где приняты мессалы, младший инак, назначенный прислуживать старшему (препту).

Сетка, два или более синтаксических аппаратов, способных обмениваться информацией.

Синап, сокращение от «синтаксический аппарат». Компьютер.

Синтаксическая группа, фракция внутри матического мира, возникшая в годы после Реконструкции и возводящая себя к Процу. Название происходит от убеждения синтактиков в том, что язык, теорика и проч. суть игры с символами, лишёнными семантического содержания. Представление восходит к древним сфеникам, часто споривщим с Феленом и Протесом на периклинии.

Синтаксический аппарат, в земных терминах, компьютер.

Скиния, эквивалент земных церкви, храма, синагоги и так далее.

Снизарение, внезапный, обычно нежданный миг чистого понимания.

Собор, во многих концентах, большое центральное здание, вмещающее часы и служащее для проведения акталов и других общих собраний всех обитателей.

Собрать, принять новичка в матик из экстрамуроса во время аперта. Обычно новичкам бывает чуть больше или чуть меньше десяти лет.

Сокурсант, разговорное сокращение от «содискурсант», то есть один из участников диалога.

Сто шестьдесят четыре, перечень растений, дозволенных к выращиванию в матиках версией канона, принятой во время «Анафема». Расширенный вариант списков, содержащихся в более ранних версиях канона, вплоть до первой, составленной св. Картазией. Растения, входящие в этот список, полностью удовлетворяют пищевые потребности инаков, а также другие нужды, в частности, в медикаментах, тени, противодействию эрозии почвы и пр. Ср. *одиннадцать*.

Столетник, разговорное название *центенария* (см.).

Странник. 1. Теор, переживший гибель Орифены и скитавшийся по древнему миру в одиночку или в обществе себе подобных. **2.** В современном языке, инак, в силу исключительных причин покинувший матик и путешествующий по секулярному миру, стараясь по возможности соблюдать дух, если не букву канона.

Страннический диалог, см. *диалог, страннический*.

Странствий, период, эпоха, начавшаяся после разрушения Орифенского храма в –2621 г. и закончившаяся несколькими десятилетиями позже с наступлением Золотого века Эфрады.

Сувина, школа.

Суура, инакиня.

Сфеники, представители теорической школы, процветавшей в древней Эфраде, где богатые семьи нанимали их учителями к своим детям. Во многих классических диалогах выступают оппонентами Фелена, Протеса и других мыслителей того же направления. Наиболее ярым С. был Уралоаб, которого в одноименном диалоге Фелен так уплощил, что тот покончил с собой. С. оспаривали взгляды Протеса и утверждали, что теорика происходит исключительно в голове, вне всякой связи с внешними реалиями, такими как протесовы формы. Предшественники св. Проца, синтаксической группы и процианн.

Теглон, исключительно сложная геометрическая задача, над которой бились многие поколения теоров в Орифене и позже по всему Арбу. Цель — замостить правильный десятиугольник набором из плиток семи различных форм в соответствии с определёнными правилами.

Теор, всякий, кто занимается *теорикой* (см.).

Теорик, почти то же, что теор, но со слегка иными коннотациями. Термин обычно употребляется в отношении лиц, занятых узкоспециальной технической работой, например, выполняющих сложные вычисления.

Теорика, приблизительный эквивалент математики, логики, естественных наук и философии на Земле. Термин может быть применён к любой интеллектуальной работе, проводимой строгим и упорядоченным образом; он придуман Диаксом для тех, кто соблюдает грабли, в отличие от тех, чьё мышление находится в плену собственных желаний или магических представлений.

Тредегар, один из концентов Большой Тройки, названный в честь лорда Тредегара, теора середины—конца эпохи Праксиса, основоположника термодинамики.

Треугольная скиния, альтернативное название келкской веры или её скинии.

Тысячелетник, тысячник, разговорное название *милленария* (см.).

Ужасные события, плохо задокументированная всемирная катастрофа, начавшаяся, как принято считать, в –5 году. У.с. положили конец эпохе Праксиса и завершились Реконструкцией.

Унарий, инак, давший обет не выходить из матика и не иметь контактов с внешним миром до следующего годового аперта. Разг. «однолетка».

Уплощить, полностью сокрушить в диалоге доводы оппонента.

Уралоаб, выдающийся сфеник Золотого века

Эфрады; согласно Протесу, покончил с собой после того, как был уплощен Феленом.

Утентина, суура концента св. Барито в XIV веке от РК, вместе с Эразмасом основавшая ветвь метатеорики, называемую сложным протесизмом.

Фааниты, раннее ответвление процианн.

Фанат, уничижительный термин для тех орифенских физиологов, которых Диакс прогнал за нежелание или неспособность к строгому мышлению.

Фелен, великий теор Золотого века Эфрады, участник многих диалогов, наставник Протеса. Казнён эфрадскими властями за атеистическое или по крайней мере неуважительное к религии учение.

Фид, юный инак; инак, еще не вступивший в орден. См. *элигер*.

Физиолог, в период от Кноуса до Диакса, мыслитель, следующий путём Гилеи, то есть принимающий Гилеину интерпретацию видения её отца. Предшественники теоров и основатели Орифенского храма. Ср. *богопоклонник*.

Фитиль, в сложном протесизме самый общий случай ориентированного ациклического графа, в котором большое (возможно, бесконечное) число космосов связано более или менее сложной

сетью причинно-следственных связей. Информация течёт из космосов, расположенных «выше по Ф.» в космосы, расположенные «ниже по Ф.», но никогда в обратном направлении.

Флукский, доминирующий глобальный язык секулярного мира. Восходит к древнему «варварскому» (то есть не-ортскому языку), но содержит многочисленные ортские заимствования в том, что касается абстрактных понятий, технической, медицинской и юридической терминологии. Когда культура экстрамуроса полностью либо функционально неграмотна (то есть большую часть времени), записывается при помощи короткоживущих систем вроде кинаграмм или логотипов, хотя возможна и запись ортским алфавитом.

Фраа, инак.

Халикаарнийский, относящийся к св. Халикаарну либо к какому-либо из орденов, восходящих к семантической группе. Халикаарнийцы воспринимаются как естественные противники процианов и фаанитов.

Халикаарн, светитель последних десятилетий эпохи Праксиса, вступивший в резкую полемику со своим современником Процем. Иногда называется св. Халикаарном Великим. В наиболее

широком смысле рассматривается как лидер теорической школы, созданной тысячелетиями раньше Протесом и Феленом и продолженной после смерти Х. его учеником Эвенедриком и семантической группой.

Хорошин, природное химическое соединение, которое при определённой концентрации в мозгу вызывает чувство, что всё в целом неплохо. Его уровень можно повысить искусственно, например, употреблением раданицы.

Хроника, летопись всех событий, больших и малых, происходящих в конценте либо матике. Тщательно ведётся и архивируется иерархами.

Хронобездна, в матической архитектуре пространство внутри часовой башни, где находится механизм часов и сопутствующего оборудования: циферблатов, боя и тому подобного.

Центенарий, инак, давший обет не выходить из матика и не иметь контактов с внешним миром до следующего столетнего аперта. Разг. «столетник».

Цепочка, генетический код живого организма. В различных контекстах может соответствовать понятиям «ген» либо «ДНК» на Земле.

Эвенедрик, ученик Халикаарна, продолживший его труды во время Реконструкции и участ-

вовавший в создании семантической группы.

Эвенедриканцы, ранее ответвление халика-арнийцев.

Эдхар, св., член эвенедриканского ордена, основавший в 297 г. орден, а затем и концент, в котором жил до самой смерти. И орден, и концент впоследствии получили его имя. Полное название последнего «концент св. Э.», но в разговорной речи чаще используется сокращённый вариант «Э.».

Экба, вулканический остров в Море морей, на котором до катастрофического извержения –2621 г. стоял Орифенский храм.

Экстрамурос, мир за стенами матика; секулярный мир.

Эксы, слегка презрительный термин, используемый инаками по отношению к мирянам.

Элигер, актал, при котором фид избирает конкретный капитул в своём матике, а также избирается этим капитулом и, таким образом, перестаёт быть фидом. Обычно отмечается незадолго до двадцатилетия.

Эразмас, фраа концента св. Барито в XIV веке от РК, вместе с Утентиной основавший ветвь метатеорики, называемую сложным протесизмом. Так же его тёзка, фраа концента св. Эдхара в

тридцать седьмом веке, рассказчик «Анафема».

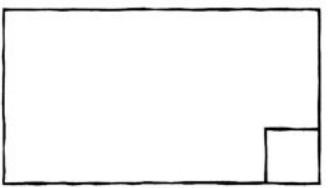
Этреванические, см. *отношения этреванические*.

Эфрада, относительно процветающий и могущественный город-государство древнего мира, который в период своего Золотого века (приблизительно с –2600 по 2300 год) был приютом многих теоров, в том числе Фелена и Протеса. Место действия многих знаменитых диалогов, которые изучают, разыгрывают и заучивают наизусть фиды.

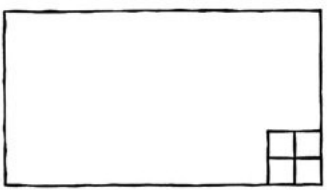
Кальк 1: Разрезание коврижки

Приложение к «Анафему» Нила Стивенсона

— Давай договоримся, что каждая порция будет квадратом со стороной, равной ширине лопаточки. Отрежь уголок коврижки. Дат отрезал вот так:



И разделил кусок на четыре порции того размера, о котором я говорил:



— Не могу поверить, что ты правда это делаешь, — пробормотал Арсибальт.

— У Фелена вышло... — буркнул я. — А теперь молчи и не мешай.

Я взглянул на Дата, ждущего указаний.

— Сколько порций у нас вышло?

— Четыре, — отвечал он, немного сбитый с толку элементарностью моего вопроса.

— Теперь: что, если ты отрежешь похожую фигуру, но со стороной в два раза больше? Чтобы каждая сторона была не в две единицы — две лопаточки — а...

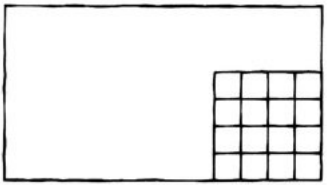
— В четыре?

— Да. У нас уже есть четыре порции. Если ты удвоишь сторону фигуры, то скольких людей мы сможем накормить?

— Ну, дважды четыре — восемь.

— Я согласен, что дважды четыре — восемь. Давай проверим, что у тебя получится, — сказал я.

Дат начал резать.



В середине процесса он понял свою ошибку и нахмурился, но я велел ему продолжать.

— Шестнадцать, — сказал Дат наконец. — У нас получилось шестнадцать порций. Не восемь.

— Подведём итог. Прямоугольная решётка со стороной в две единицы даёт нам сколько порций?

— Четыре.

— И ты только что мне сказал, что решётка со стороной в четыре единицы даёт нам шестнадцать. А если нам нужно всего восемь порций? Какой длины должна быть сторона квадрата?

— В три лопаточки? — осторожно спросил Дат. Затем он посмотрел на пирог и сосчитал. — Нет, так получится девять.

— Но мы уже ближе к цели. И вот существенный результат: ты не знаешь, как решить задачу, и осознаешь своё незнание.

У Дата брови поползли вверх.

— Это существенно?

— Для нас здесь — существенно.

Я забыл, каким был следующий шаг Фелена, когда тот объяснял эту задачку мальчику-рабу на Плоскости шесть тысячелетий назад, поэтому вынужден был обратиться за помощью к Ороло.

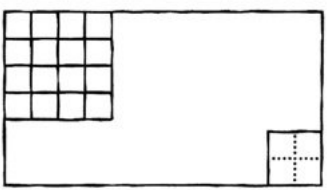
Затем я развернул коврижку нетронутым углом к Дату.

— Отрежь квадратный кусок на четыре порции. Отдельные порции можно не нарезать.

— А чертить на глазури можно? — спросил Дат.

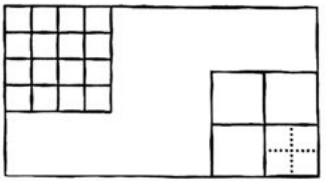
— Если тебе так проще — черти.

С помощью Корд Дат изобразил такой квадрат:



Отлично, — сказал я. — Я теперь добавь три таких же квадрата.

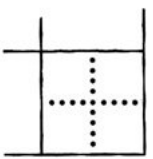
Продолжив уже проведённые линии и добавив новые, Дат получил следующую картину:



— Теперь напомни, сколько порций мы можем из этого сделать?

— Шестнадцать.

— Отлично. А теперь смотри на квадрат в правом нижнем углу.



— Можешь ли ты одним надрезом разделить его ровно пополам? Дат уже приготовился провести лопаточкой по пунктирной линии, но я покачал головой.

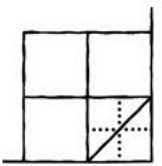
— Арсибальт очень трепетно относится к этой коврижке и хочет быть уверен, что никому не достанется кусок больше, чем у него.

— Спасибо тебе огромное, мудрый Фелен, — вставил Арсибальт.

Я сделал вид, будто не слышу.

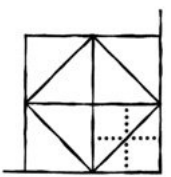
— Можешь ты сделать один надрез так, чтобы Арсибальт точно остался доволен? Кускам не обязательно быть квадратными. Годятся и другие фигуры — например, треугольники.

После моей подсказки Дат сделал такой разрез:



— Ну, теперь остальные так же, — сказал я.

Дат разрезал.



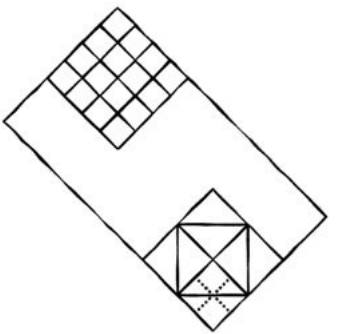
— Когда ты сделал первый диагональный разрез, ты разделил квадрат точно пополам, верно?

— Верно.

— И то же самое относится к трём другим диагональным разрезам и трём остальным квадратам?

— Конечно.

— Допустим, я повернул противень и ты посмотришь на него так:



Какую фигуру ты видишь в середине?

— Квадрат.

— И сколько кусков коврижки в этом квадрате?

— Четыре.

— Он составлен из четырёх треугольников, верно?

— Ага.

— Каждый из треугольников — половина квадрата, верно?

— Верно.

— Сколько порций в маленьком квадрате?

— Четыре.

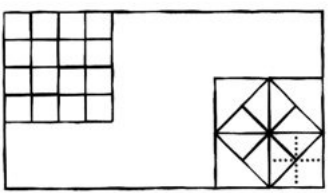
— Значит, в каждом треугольнике сколько порций?

— Две.

— А в квадрате, состоящем из четырёх таких треугольников?..

— Восемь порций. — Тут до него дошло: — Это та задача, которую мы пытались решить раньше!

— Мы всё время её решали, — поправил я. — Просто нам потребовалось несколько минут. А теперь отрежь нам, пожалуйста, восемь порций.



— Ну вот, — сказал я.

— А можно теперь есть?

— Конечно. Ты понял, что произошло?

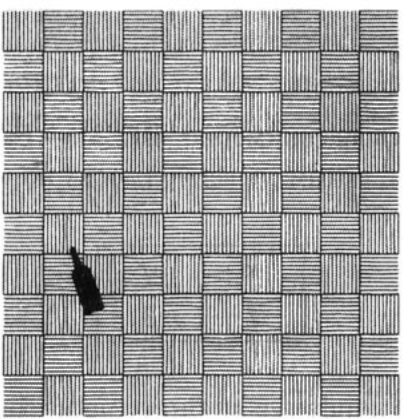
— М-мм... Я отрезал восемь одинаковых порций коврижки?

— Ты так говоришь, будто это просто... но на самом деле мы проделали сложный путь, — сказал я. — Вспомни, несколько минут назад ты знал, как отрезать четыре порции. Знал, как отрезать шестнадцать. Девять — запросто. Но ты не знал, как отрезать восемь. Задача казалась неразрешимой. Однако мы хорошенько подумали и нашли ответ. И не приблизительный, а совершенно точный.

Кальк 2. Гемново (конфигурационное) пространство

Приложение к «Анафему» Нила Стивенсона

Так получилось, что, пока мы расхаживали туда-сюда, кто-то из нас задел ногой пустую винную бутылку, и она осталась лежать на кухонном полу вот так:



Пол был из дощечек, собранных в квадраты,

что навело меня на мысль о координатной плоскости.

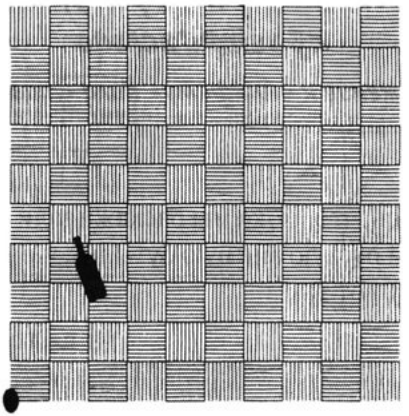
— Принеси доску и кусок мела, — сказал я Барбу.

Мне немножко стыдно было его так гонять, но я злился, что он мне не помог. Барб вроде бы не возражал и быстро выполнил просьбу, потому что доски и мел для записи рецептов и продуктов для готовки лежали по всей кухне.

— Теперь сделай мне одолжение: запиши на доске координаты бутылки.

— Координаты?

— Да. Считай рисунок пола лесперовой координатной сеткой. Давай договоримся, что сторона квадратика — единица. Я кладу картофелину сюда — это будет начало координат.



— Ну, тогда бутылка примерно на (2,3). — Барб некоторое время скрипел мелом, потом развернул доску ко мне.

x	y
2	3

Вот, это уже конфигурационное пространство — почти самое простое, какое можно вообразить, — сказал я. — Положение бутылки — (2,3) — точка в этом пространстве.

— Тогда это просто обычное двумерное пространство, — возмутился Барб. — Почему ты так не говоришь?

— Можешь добавить ещё колонку?

— Конечно.

x	y	
2	3	

— Обрати внимание, что бутылка лежит не прямо. Она повёрнута примерно на одну десятую пи — или, в единицах, к которым ты привык в экстрамуросе, примерно на двадцать градусов. Угол поворота будет третьей координатой конфигурационного пространства — третьей колонкой в твоей таблице.

Барб взял мел и написал:

x	y	∠
2	3	20

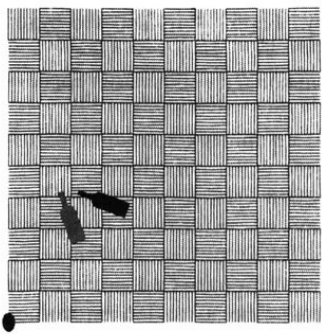
— Ладно, теперь это уже не просто скучное двумерное пространство, — признал он. — У него три измерения, и третье — необычное. Похоже на то, что нам объясняли в сувине...

— Полярные координаты? — спросил я, поражённый, что Барб про них знает. Видать, Кин потратил кучу денег, чтобы отправить его в хорошую сувину.

— Ага! Угол вместо расстояния.

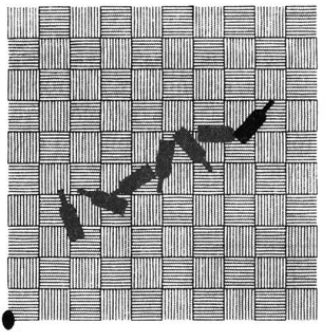
— Давай посмотрим, как это пространство себя ведёт. Я буду двигать бутылку, а ты — отмечать её координаты всякий раз, как я скажу.

Я подвинул бутылку и немножко её повернул.



x	y	∠
2	3	20
3	3,5	70

— Отмечай. Отмечай. Отмечай.



x	y	∠
2	3	20
3	3,5	70
4	4	120
5	4,5	170
6	5	220
7	5,5	270
8	6	320

Я сказал:

— Видишь, множество точек в конфигурационном пространстве такое же, как если бы я нечаянно пнул бутылку, и она покатилась по полу. Согласен?

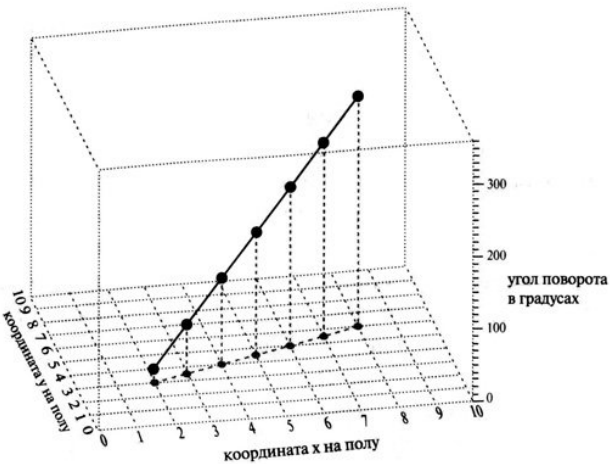
— Да. Я как раз сам так подумал!

— Но я двигал её медленно, чтобы тебе удобнее было записывать.

Барб не понял, как отвечать на мою убогую шутку. После неловкой паузы я продолжил:

— А можешь теперь составить график? Отметить эти точки на трёхмерном графике?

— Могу, — неуверенно протянул Барб. — Только это будет странно.



— Пунктир внизу показывает только *x* и *y*, — объяснил Барб. — Путь бутылки на полу.

— Хорошо, потому что пока ты не привык к конфигурационному пространству, остальное тебе будет непонятно, — сказал я. — Путь на плоскости *xy*, который ты показал пунктиром, вполне знаком нам по адрахонесову пространству — он просто показывает, как бутылка двигалась по полу. А вот третья координата — угол — совершенно другая история. Она показывает не буквальное расстояние в пространстве, а то, насколько по-

вернулась бутылка. Как только ты это понял, ты можешь считать её прямо с графика и сказать: «Ага, бутылка лежала под углом двадцать градусов, а пока катилась по полу, повернулась ещё на триста». Но если ты не знаешь тайного шифра, ты ничего не поймёшь.

— И зачем это нужно?

— Представь, что у тебя что-нибудь посложнее одной бутылки на полу. Например, бутылка и картофелина. Тогда тебе нужно десятимерное конфигурационное пространство, чтобы описать состояние системы бутылка-картофелина.

— Десяти?

— Пять для бутылки и пять для картофелины.

— Откуда пять? У нас всего три координаты для бутылки!

— Ну, мы сжульничали. Не учли ещё две вращательные степени свободы, — сказал я.

— То есть?

Я сел на корточки и положил руку на бутылку. Она лежала этикеткой к полу.

— Смотри, я поворачиваю её вокруг длинной оси, чтобы прочесть этикетку. Этот угол поворота — совершенно отдельное число, независимое от того, который ты отмечал на доске. Для него нам нужна ещё одна координатная ось. — Я взял

бутылку, поставил на донышко и наклонил, так что теперь её горлышко смотрело под углом к полу, как дуло артиллерийского орудия. — А то, что я делаю сейчас — ещё одно независимое вращение.

— Так что уже пять, — сказал Барб, — только для бутылки.

— Да. Чтобы взять самый общий случай, надо добавить шестую ось, чтобы отмечать вертикальные перемещения. — Я приподнял бутылку над полом. — Так что нам нужны шесть измерений нашего конфигурационного пространства только для положения и ориентации бутылки. — Я поставил её обратно. — Но если мы ограничимся полом, то хватит и пяти.

— Ладно, — сказал Барб. Он так говорил, только когда что-нибудь окончательно понимал.

— Я рад, что ты согласен. Думать в шести измерениях трудно.

— Я думаю просто о шести колонках на моей доске вместо трёх, — сказал он. — Но я не понимаю, зачем нужно ещё шесть измерений для картофелины. Почему не воспользоваться теми шестью, которые у нас уже есть для бутылки.

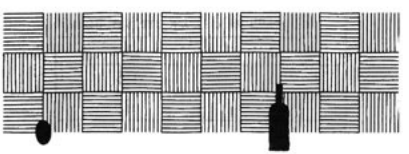
— Мы ими и пользуемся, — объяснил я, — но записываем числа в отдельные колонки. Тогда

каждая строка таблицы содержит в себе всё, что нам нужно знать о системе бутылка-картофелина в данный момент времени. Каждая строка — двенадцать чисел, дающих нам *x*, *y* и *z* бутылки, её угол отлетания от пинка, угол чтения этикетки, угол наклона и всё то же самое для картофелины, — точка в двенадцатимерном конфигурационном пространстве. И теорам это становится полезным, например, когда мы соединяем точки и получаем траектории в конфигурационном пространстве.

— Когда ты говоришь «траектория», мне представляется что-то, летящее по воздуху, — ответил Барб. — Я не понимаю, что ты имеешь в виду, когда речь о двенадцатимерном пространстве, которое вовсе и не пространство.

— Давай упростим до предела. Будем двигать бутылку с картофелиной только по оси *x* и забудем про вращение.

Я положил их так:



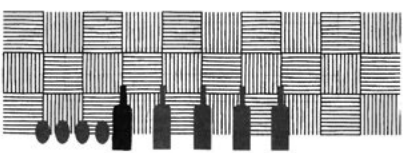
— Можешь отметить у себя на доске их координаты по оси x?

— Конечно. — И через несколько секунд Барб показал мне такую табличку:

x бутылки	x картофелины
7	1

— Сейчас я их столкну. Медленно, конечно. Постарайся записывать координаты, если успеешь.

Я начал двигать картофелину и бутылку, останавливаясь и говоря: «Отмечай» всякий раз, как хотел, чтобы он добавил новую строчку к таблице.



— Бутылка движется быстрее, — заметил Барб.

— В два раза быстрее. — Я закончил тем, что в точке с координатой 3 положил картофелину на бутылку.

x бутылки	x картофелины
7	1
6	1,5
5	2
4	2,5
3	3

— Они столкнулись, — сказал я, — и теперь начнутся разлетаться, но медленно, потому что картошка при ударе смялась и часть энергии потеряна.

С небольшими моими подсказками Барб добавил к табличке ещё несколько строк.

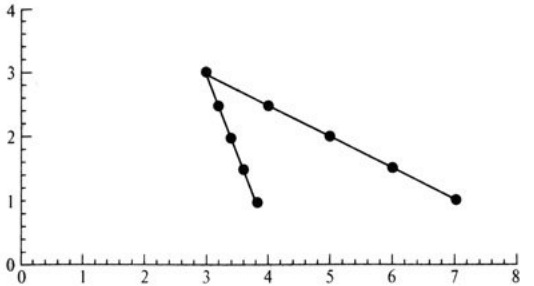
x бутылки	x картофелины
7	1
6	1,5
5	2
4	2,5
3	3
3,2	2,5
3,4	2
3,6	1,5
3,8	1

— Вот, — сказал я, отпуская соударившиеся тела и вставая с корточек. — Всё происходило на прямой, то есть ситуация одномерная, если по-прежнему думать в координатах светителя Леспера. Однако светитель Гемн сделал бы сейчас вещь, которая покажется тебе странной. Гемн считал бы, что каждая строка таблицы задаёт точку в *двумерном* конфигурационном пространстве.

— То есть каждая пара чисел — точка, — перевёл Барб. — Начиная с (7,1) и так далее.

— Верно. Можешь построить мне график?

— Нет ничего проще.



— Ух ты! Мрак! — воскликнул Барб. — Как будто светитель Гемн вывернул всё наизнанку.

— Дай-ка мне на минуту мел, я подпишу график, чтобы тебе легче было разобраться, — сказал я.

Через несколько минут у нас получилось вот что:

— Линия соударений, — сказал я, — это просто множество всех точек, в которых бутылка и картофелина оказываются в одном месте — в котором их координаты равны. Любой теор, глядя на твой график, сразу поймёт, что в этой линии есть что-то особенное, даже если ничего не знает про физическую ситуацию — бутылку, картофелину и пол. До линии состояние системы развивается упорядоченно и предсказуемо. Затем происходит нечто исключительное. Траектория круто поворачивает. Точки теперь расположены чаще, значит, тела движутся медленнее, а следовательно, система потеряла энергию. Я не жду,

что ты придёшь в бурный восторг, но, надеюсь, теперь тебе понятно, почему теоры, когда думают о физических системах, предпочитают конфигурационное пространство.

— Тут должно быть что-то ещё, — сказал Барб. — Мы могли бы изобразить то же самое куда проще.

— Этот способ и есть самый простой, — возразил я. — Он ближе к истине.

— Ты про Гилеин теорический мир? — спросил Барб полушёпотом и с таким сладким замиранием голоса, будто мы делаем что-то ужасно запретное.

— Я эдхарианец, что бы некоторые ни думали. И, естественно, мы стараемся выразить свои мысли самым простым, самым изящным способом. Во многих и даже почти во всех интересных для теоров случаях конфигурационное пространство светителя Гемна лучше, чем пространство светителя Леспера с координатами *x*, *y* и *z*, в котором ты до сих пор вынужден был работать.

Барб вдруг кое-что сообразил:

— У бутылки и картофелины по шесть чисел — шесть координат в Гемновом пространстве.

— Да, как правило, чтобы описать позицию, нужны шесть чисел.

— И спутнику на орбите тоже нужны шесть чисел!

— Да, параметры орбиты. Спутнику на орбите *всегда* нужно шестимерное Гемново пространство, какой бы координатной системой ты ни пользовался. Если ты берёшь лесперовы координаты, возникает проблема, на которую ты жаловался раньше...

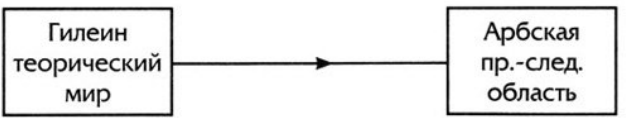
— Иксы, игреки и зеты ничего толком не говорят!

— Да. Но если ты перейдёшь в другое шестимерное пространство, с другими шестью числами, всё проясняется, как сценарий бутылка-картофелина прояснился, едва мы построили график в нужном пространстве. Для спутников эти шесть чисел — эксцентриситет, наклонение орбиты, аргумент перицентра и ещё три, которыми я не буду пока забивать тебе голову. Если взять только первые два, эксцентриситет показывает тебе, стабильна ли орбита. Наклонение — полярная она или экваториальная. И так далее.

Кальк 3. Сложный протесизм

Приложение к «Анафему» Нила Стивенсона

— Вот та схема с двумя квадратиками, которую мы все видели, — начал Крискан и нарисовал в пыли что-то примерно такое:



— Стрелка показывает, что объекты Гилеина теорического мира способны оказывать влияние на Арбскую причинно-следственную область, а она на них — нет. И если развернуть то, что люди подразумевают, рисуя эту схему, мы получим небольшой набор посылок, определяющий систему взглядов, которая зовётся протесизмом. Я знаю, что вам они прекрасно известны, но, с вашего позволения, кратко их перечислю, дабы убедиться, что мы начинаем с одного исходного места.

— Да, пожалуйста, — сказал я.

— Просим, — добавил Лио.

— Ладно. Первое допущение: сущности, которые изучает теорика, обладают бытием, независимым от человеческого восприятия, определений и умопостроений. Теоры не могут их создать. Только открыть. Второе допущение: человеческий разум способен воспринимать такие сущности, что и происходит, когда теоры их открывают.

— Пока мы согласны, — сказал я.

— Отлично. Теперь, если вы хотите пойти дальше простого повторения этих двух посылок, нужно представить отчёт о том, как человеческий разум получает знания о теорических сущностях, которые, согласно первой посылке, не являются пространственно-временными и не находятся в причинно-следственных отношениях с объектами известного нам космоса. На протяжении тысячелетий метатеорики, пытавшиеся дать такой отчёт, выдвигали различные аргументы. Например, Халикаарн вызвал яростные нападки протесистов утверждением, что у мозга есть для этого особый орган.

— Орган? Вроде железы? — спросил Лио.

— Некоторые толковали его слова в таком смысле, отсюда и нападки. Но это, вероятно, ошибка перевода. Халикаарн жил до Реконструкции,

поэтому писал не на орте, а на одном из языков своего времени. Переводчик на флукский оказал ему медвежью услугу, выбрав неправильное слово. Халикаарн не представлял себе чего-то вроде железы. Он думал о неотъемлемой способности мозга, не заключённой в каком-то специфическом комке живой ткани.

— Это уже легче принять всерьёз. Отлично, — сказал я, чувствуя, что Крискан готов пуститься в многословное оправдание Халикаарна. — И как эта способность вписывается в его объяснение того, что происходит на схеме?

— Есть данные особого рода, отличные от тех, что мы распознаем глазами, ушами и так далее. Они как-то попадают в Арбскую причинно-следственную область и воспринимаются халикаарновым органом.

— Это порождает больше вопросов, чем ответов, — заметил Лио.

— На вопросы оно вообще не отвечает, — объяснил Крискан. — Это не попытка ответить на вопросы, а способ расставить фигуры на доске, согласовать терминологию и так далее. Итак, теорические сущности ГТМ — треугольники, теоремы и другие чистые концепции — зовутся кноонами.

— Кнооны, есть! — сказал Лио.

— Между нами и ГТМ существует связь, какая — ещё предстоит выяснить. Халикаарн не дал ей названия, но она обозначается стрелкой, так что её стали называть Халикаарновой стрелкой.

— Халикаарнова стрелка, есть!

— Халикаарнова стрелка — односторонняя пропускная система данных о кноонах. Эти данные попадают в Арбскую причинно-следственную область в результате малопонятного процесса, называемого Гилеиным потоком, и действуют на Халикаарнов орган. Таким образом мы о них узнаём.

— Гилеин поток, есть!

Крискан пришёл к выводу, что Лио ему не очень по душе, но героически сохранял терпение. Я занял позицию содискурсанта, отпихнув Лио плечом. Тот картинно растянулся на дороге, как будто его сбил летящий на полной скорости кузовиль. Я, не обращая на него внимания, обратился к Крискану:

— Итак, терминологию мы утрясли. Что дальше?

— Дальше мы пропустим полтора тысячелетия, — сказал Крискан, — и поговорим о шаге, который сделали Эразмас и Утентина, когда

решили посмотреть, что будет, если рассматривать эту схему как один, простейший пример ориентированного ациклического графа, или ОАГа. «Ориентированный» означает, что по ребру можно двигаться только в одну сторону. «Ациклический» — что стрелки не могут замыкаться в круг, например, если у нас есть стрелка от А к Б, то не может одновременно быть стрелки от Б к А.

— А зачем это оговаривать?

— Ацикличность требуется, чтобы сохранить фундаментальную доктрину протесизма: кнооны неизменны. Если бы стрелки шли по кругу, то события в нашей вселенной могли изменить Гилеин теорический мир.

— Конечно, — сказал я. — Теперь, после твоих слов, мне это очевидно.

— Схема, — продолжал Крискан, указывая на чертёж с двумя квадратиками, — на взгляд метатеорика просто неверна.

— Что значит «просто неверна»? Как можно делать такие заявления?

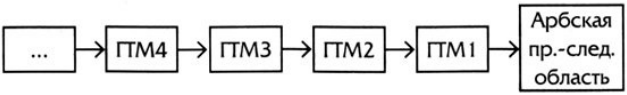
— В метатеорике это вполне законный шаг. Ты должен постоянно спрашивать себя: «почему всё так, а не иначе?» И проверив, таким образом, эту схему, ты тут же сталкиваешься с проблемой: почему миров два? Не один, не много, а два?

Можно нарисовать схему только с одним миром — Арбской причинно-следственной областью — и нулём стрелок. Это вызовет очень мало возражений у метатеориков (по крайней мере у не-протесистов). С другой стороны, можно допустить, что «миров много» и постараться доказать, почему такое возможно. Но доказать утверждение: «мира два — и только два!» не легче, чем утверждение: «миров ровно сто семьдесят три, а все, утверждающие, что их сто семьдесят два — сумасшедшие!»

— Ладно, если сформулировать так, я согласен, что это чудно. Как когда богопоклонники утверждают, что их писание состоит из тридцати семи книг, а всякий, кто назовёт другое число, должен умереть.

— Да, по этой самой причине протесизм действует некоторым на нервы. Поэтому шаг Эразмаса—Утентины состоит в том, чтобы сказать: «верное для одного ОАГа, должно быть верно для другого» и допустить существование других ОАГов с другим количеством миров.

Крискан снова взял палку и нарисовал вот такую схему:



— Этот ОАГ называется «товарный состав», — объявил Крискан. — В топологии товарного состава существует (возможно, бесконечное) множество Гилеиных теорических миров, находящихся в иерархической зависимости, каждый «более протесовый», чем следующий, и «менее протесовый», чем предыдущий. Так вводится понятие аналогового протесизма. В исходном протесизме протесовость — свойство бинарное, числовое.

— Мир либо протесов, либо нет, — перевёл я.

— Да. Здесь же градации протесовости допускаются.

— Не просто допускаются, — сказал я. — Они необходимы.

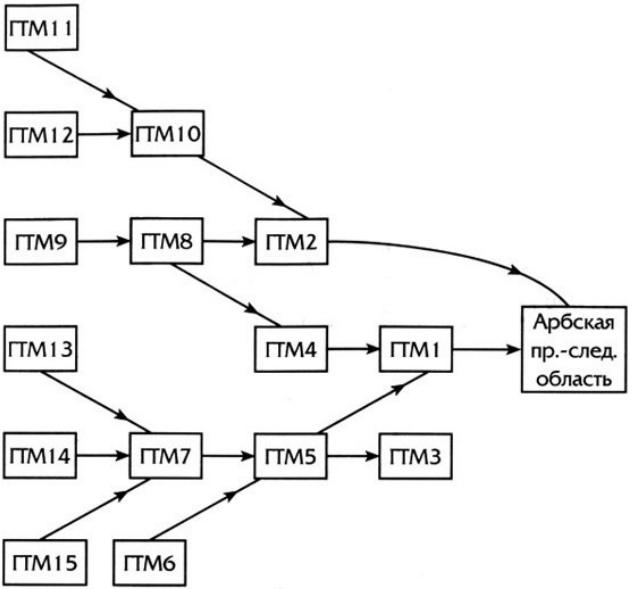
— Да, — проговорил Крискан рассеянно. Он рисовал следующую схему.

— Это «расстрельный взвод», — сказал он. — В топологии расстрельного взвода некое число Гилеиных теорических миров связано с Арбской причинно-следственной областью напрямик. Таким образом, вводится представление об отдельных протесовых мирах, никак не связанных друг с другом. В простом протесизме все возможные теорические сущности засунуты в один квадратик с надписью «Гилеин теорический мир», что как будто подразумевает причинно-следствен-

ные связи внутри квадратика. Но, возможно, это не так, и каждую математическую сущность надо поместить в свой изолированный мир.

Следующую схему Крискан рисовал довольно долго.

— «Обратная дельта», — сказал Крискан. — У неё та же топология, что у речной дельты, но стрелки направлены в противоположную сторону, отсюда и название. Обратную дельту легче всего описать, сказав, что она соединяет все свойства товарного состава и расстрельного взвода.



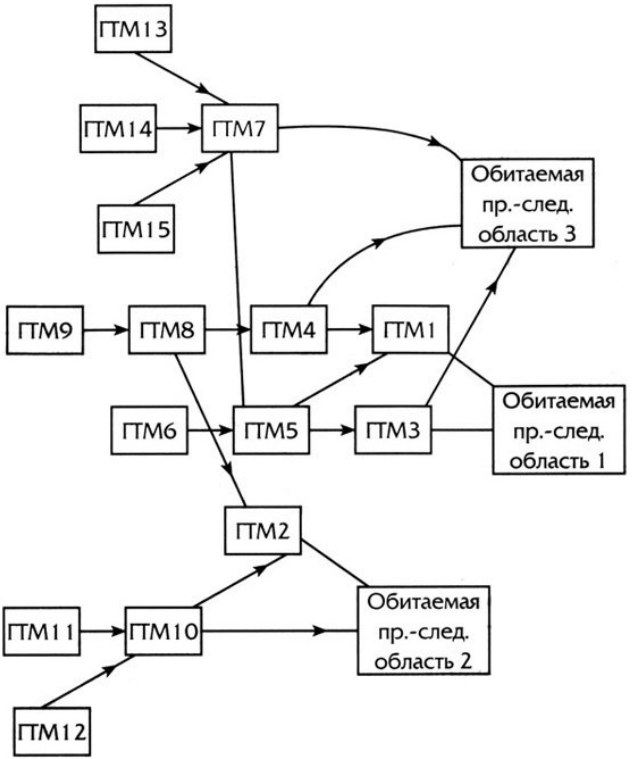
— Ясно, — проговорил я, немного подумав, поскольку чувствовал, что Крискан меня проверяет. — В ней есть аналоговый протесизм — градации протесовости, и есть идея, почёрпнутая из расстрельного взвода, что разные кнооны могут быть никак между собой не связаны. Что они могут происходить из совершенно разных теорических миров.

Крискан не ответил: он снова водил палкой по земле.

— Шагальщик, — объявил он.

— Шагальщик? — переспросил я. — И как он шагает?

— Название происходит от тропических деревьев, которые держатся за землю множественными корневыми системами. Как ты видишь, топология близка к обратной дельте. Разница в том, что обитаемый космос не один. Ты заметишь, что я изменил название.



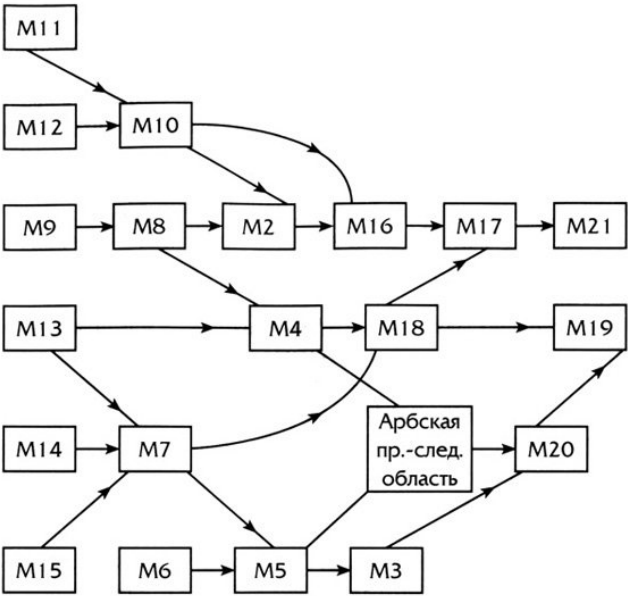
— Да. До сих пор всё заканчивалось стрелками, ведущими в Арбскую причинно-следственную область. Теперь ты допускаешь поликосмическую

схему — многочисленные обитаемые космосы, не связанные друг с другом причинно.

— Верно. Не связанные причинно, однако — и это важно — непричинно коррелирующие, так как обладают знаниями об одних и тех же кноонах. Обитатели других космосов получают Гилеин поток из тех же источников, что и мы. В итоге у них может быть, например, Адрахонесова теорема по тем же причинам, что у нас. И, наконец, фитиль.

— Фитиль — полностью обобщённый ОАГ, — сказал Крискан. — Гилеин поток течёт слева направо — от более протесовых к менее протесовым мирам. Однако здесь мы доводим аналоговый протесизм до логического завершения, убирая различие между типами миров.

— Я вижу наш здесь, — сказал я, указывая на квадрат, подписанный «Арбская пр.-след. область».



— Да, — сказал Крискан. — Я подписал его, просто чтобы отличать от других. Однако он ничем не отличается от других космосов на схеме: здесь все миры являются потенциально обитаемыми космосами и будут походить на тот, в котором живём мы.

— Итак, ты совершенно отбросил идею особенного ГТМ, населённого чистыми формами,

— сказал я.

Крискан пожал плечами.

— Может быть, что-то такое и есть *где-то*, далеко слева, но в целом ты прав. Это сеть космосов, подобных нашему. И есть одно, отсутствующее во всех предыдущих топологиях, а именно...

— Кажется, вижу. — Я коснулся ногой квадрата с надписью «Арбская пр.-след. область». — В фитиле мы служим источником Гилеина потока для другого мира.

— Совершенно верно, — сказал Крискан. — Фитиль вводит представление о том, что наш мир может быть Гилеиным теорическим миром для какого-то другого.

— Или может таким представляться, — поправил Лио, — если в том мире ещё никто не додумался до сложного протесизма.

— Да, — сказал Крискан немного удивлённо — он явно не ожидал такого дельного замечания от человека, которого записал в назойливые шуты.

— Невольно задумаешься о Двоюродных. — Я вспомнил вчерашнее дикое предположение Арсибальта, что Двоюродные прибыли не из другой солнечной системы, а из другого космоса.

— Да, — проговорил Крискан. — Невольно задумаешься о Двоюродных.

Благодарности

«Анафем» не мог бы появиться, если бы ему не предшествовали:

• проект Millennium Clock, созданный Дэнни Хиллзом и его соратниками по Long Now Foundation, в том числе Стюартом Брендом и Александром Роузом;

• философское преемство, идущее от Фалеса и Платона к Лейбницу, Канту, Гёделю и Гуссерлю;

• проект «Орион» в конце 50-х — начале 60-х годов.

Таким образом, автор обязан куда большему числу людей, чем можно перечислить на странице благодарностей. Место действия романа, а также тот простой факт, что это беллетристика, исключает сноски. Последнее не совсем удачно, поскольку многие читатели, возможно, захотят узнать, откуда на самом деле взялись идеи, обсуждаемые героями, и где о них можно прочесть больше. Соответственно подробные благодарности вместе со ссылками на другие источники можно найти по адресу:

http://www.nealstephenson.com/anathem/

acknow.htrn.

Из послесловия, размещённого автором в интернете

(полный русский перевод можно прочесть на сайте http://www.bakanov.org)

Часы, планетарии и т.д.

Многим читателям будет очевидно, что источником вдохновения для упомянутых в «Анафеме» миллениумных часов стал проект 10 000-летних часов, задуманный примерно в 1995 году Дэнни Хиллзом и осуществляемый теперь The Long Now Foundation. Весной 1999 года Дэнни попросил меня и ещё нескольких человек сделать наброски для сайта — не серьезные инженерные проекты, а просто свои представления о том, какими могут быть эти часы. Я нарисовал систему стен с отверстиями, которые механизм часов открывает в определённое время. В этих почеркушках угадываются и некоторые другие элементы мира, описанного в «Анафеме».

В конце 1999 года, когда газеты печатали сводки основных новостей за год, за десять лет, а иногда даже за век и за тысячелетие, я глубже задумался

о «монахах при часах» из моих набросков йотом, не выйдет ли из этого затравка для нового романа. Впрочем, тогда я только-только приступил к серьёзной работе над «Барочным циклом», поэтому отложил идею в долгий ящик и почти не думал о ней, пока не закончил последний из романов цикла.

Тогда я начал видеть возможные связи между ней и другими заинтересовавшими меня идеями, поэтому вытащил её из закромов и приступил к работе.

Философские и научные идеи

Будь «Анафем» нехудожественным произведением, фрагменты, касающиеся науки и философии, пестрели бы примечаниями с отсылками к земным мыслителям, у которых я почерпнул обсуждаемые идеи. Каждое примечание было бы снабжено многочисленными оговорками и выглядело примерно так:

«Я не мог бы написать этого, если бы X не высказал идею Y и не опубликовал ее в книге Z. Однако прошу учесть: (а) я не философ, не математик и не учёный; (б) это роман, а не обзор истории изучения вопроса, и мое изложение идеи Y, возможно, не выдерживает строгой критики. X, если он жив,

увидев свою фамилию в наукообразном примечании к этому тексту, возможно, захочет публично откреститься от меня и моей книги, а если нет, то перевернётся в гробу. Дорогой читатель, учти, пожалуйста, что этим примечанием я только отдаю долг X; если ты действительно хочешь понять идею Y, пожалуйста, купи и прочти книгу Z».

Со всеми приведенными оговорками, вот иксы, игреки и зеты.

Книга Джулиана Барбура «Открытие динамики» была одним из главных источников идей для моего более раннего проекта «Барочный цикл». Почти каждая страница «Анафема» несёт отпечаток его более поздней работы «Конец времени».

Метафизическая нить, связывающая «Анафем» и «Барочный цикл», начинается с «Монадологии» Готфрида Вильгельма Лейбница, доступной в переводе, в том числе и онлайн. На протяжении большей части восемнадцатого и девятнадцатого столетий эти идеи не пользовались популярностью, но в двадцатом веке послужили основой для «фоново-независимой» (бескоординатной) формулировки физики как в работах Барбура, так и в «Неприятностях с физикой» и «Трёх путях к квантовой гравитации» Ли Смолина. В его же книге «Жизнь космоса» доступно объясняется, с

какой невероятной точностью Вселенная приспособлена для поддержания жизни — тема, обсуждаемая на одном из мессалов. Впрочем, гипотеза Ли Смолина, почему так могло получиться, в «Анафеме» не затронута. Более того, он мог бы возразить против многих идей, выдвинутых на мессале, в особенности против утверждения фраа Джада, что время — иллюзия. Сделав эту оговорку, я хотел бы поблагодарить Ли Смолина за обсуждение части перечисленных здесь тем во время моей работы над книгой.

Дэвид Дойч, на мой взгляд, — самый красноречивый и убедительный защитник предложенной Хью Эвереттом многомировой интерпретации квантовой механики. Его (Дойча) книга «Структура реальности» долго лежала неоткрытой рядом с моим рабочим креслом, поскольку меня пугала сама концепция множественных миров, но когда я набрался мужества ее прочесть, я понял, что без неё не смог бы продвинуться с «Анафемом» (то, что Дойч называет «Мультивселенной», мои персонажи зовут поликосмом).

Труды Роджера Пенроуза важны для «Анафема» по крайней мере в пяти пунктах:

1. В «Новом уме короля» и «Тенях разума» Пенроуз утверждает, что работа мозга основана на

квантовых эффектах. Эта точка зрения настолько спорная, что, как я обнаружил, ни с одним образованным собеседником её невозможно обсудить спокойно: немедленно всплывает множество побочных парадоксов, один другого интереснее. Научно-фантастическая картина «Анафема» основана на относительно скромном допущении, что в процессе естественного отбора возник мозг, который, оставаясь мягким комком плоти, тем не менее способен производить квантовые вычисления.

2. Пенроуз предложил новый способ графической записи математических выражений, использующий тензоры (математические объекты, широко применяемые в теории относительности и других разделах современной физики). Смолин и Ровелли обобщили схемы Пенроуза в спиновые сети и спиновую пену, которые легли в основу бескоординатной формулировки физики.

3. Пенроуз — убеждённый математический платоник, много думающий и говорящий о своем платонизме. В «Пути к реальности» он даже изложил свои взгляды в художественной форме (книга обрамляется двумя рассказами). Я обнаружил их в начале работы над «Анафемом» и очень обрадовался, поняв, что я не совсем сумасшед-

ший, если хочу написать роман о платонизме. Я признателен Пенроузу за короткий, но (для меня) очень информативный разговор на эту тему в Сиэтле в январе 2007 года.

4. Ему принадлежат пионерские работы в области задач об апериодическом замощении. Задача о замощении десятиугольника, фигурирующая в «Анафеме», относится к этому классу. Впрочем, прошу учесть, что хотя описанная в романе задача вдохновлена работой Питера Дж. Лу и Пола Дж. Штейнгарта, исследовавших геометрические мозаики в центральноазиатских мечетях, детали ее полностью вымышлены.

5. В «Новом уме короля» Пенроуз очень ясно изложил концепцию фазового пространства.

Все остальные влияния, перечисленные в этом послесловии, связывает между собой фигура Курта Гёделя. Гёдель (как и Пенроуз) был математическим платоником до мозга костей; он отдавал много времени и усилий размышлениям о своём платонизме и старался подвести под него прочное метафизическое основание. Вторую половину жизни — всё время, проведённое в Институте перспективных исследований начиная с 1940 года, — он посвящал этому вопросу значительную часть рабочего времени. Общий

план состоял в том, чтобы выстроить строгую метафизику, основанную на монадологии Лейбница. Поскольку Кант выдвинул возражения против монадологии, Гёдель, уважавший Канта (хотя и не соглашавшийся с ним), должен был для начала опровергнуть возражения Канта. В конце сороковых Гёдель решил уравнения Эйнштейна и доказал, что во вращающейся вселенной физически возможно путешествие назад во времени. По-видимому, им двигал не только интерес к физике, но и желание опровергнуть взгляды Канта на пространство и время, почти как если бы решение для вращающейся вселенной было леммой, с которой надо разобраться, прежде чем перейти к остальной части проекта. Фримен Дайсон рассказывал, что Гёдель под конец жизни время от времени звонил ему и спрашивал: «Ну как, нашли?» — подразумевая «Нашли ли астрономы доказательства, что вселенная вращается?» Фримен Дайсон был одним из главных участников проекта «Орион». Если вселенная и впрямь вращается, то при наличии достаточно мощного космического корабля решение Гёделя позволяет отправиться в прошлое. В то время такой корабль можно было построить только с помощью технологий, подобных той, на которую опирался

проект «Орион». Поразительно, что Курт Гёдель, доказавший, что путешествия в прошлое физически возможны (если, конечно, вселенная и впрямь вращается), работал в одном институте с Фрименом Дайсоном — одним из тех, кто придумал корабль, необходимый для такого путешествия, — и что он иногда спрашивал Дайсона, найдены ли факты, подтверждающие вращение вселенной. Это стечение обстоятельств — одна из затравок, вокруг которых вырос «Анафем».

Гёделевы представления о математическом платонизме сводятся к следующей модели:

1. Сущности, которыми занимается математика, существуют независимо от человеческого восприятия, определений и построений.

2. Человеческий разум способен воспринимать эти сущности.

Пункт 1 многим представляется бесспорным. Его разделяют почти все математики и большинство тех, кто подходит к вопросу с точки зрения «здравого смысла». Например, всякий, кто верит, что тройка миллиард лет назад тоже была простым числом, по крайней мере частично согласен с пунктом 1.

Однако каждый, кто принимает пункт 1, должен объяснить, как человеческий разум способен

получать сведения о математических сущностях, которые, согласно этому пункту, не принадлежат пространству-времени и не находятся в обычных причинно-следственных отношениях с материальной вселенной.

Гёдель подходит к пункту 2 следующим образом:

2а. «Нечто помимо [материальных] ощущений даётся непосредственно». Гёдель называет эти данные «данными второго рода».

2б. «Впрочем, отсюда никак не следует, что данные второго рода, раз их нельзя связать с воздействием неких объектов на наши органы чувств, являются чисто субъективным. Скорее они могут представлять собой аспект объективной реальности, но, в противоположность ощущениям, связаны с иным типом отношений между нами и реальностью».

2в. «Я полагаю, что для обработки абстрактных впечатлений (в противоположность чувственным) требуется некий материальный орган... Этот орган восприятия может быть близко связан с нервным центром, отвечающим за речь».

В английском языке слово «орган» обычно подразумевает комок живой ткани, вроде поджелудочной железы; «Гёделев орган» может

смутить некоторых читателей, которые решат, что Гёдель думал о конкретной части мозга (на память сразу приходит пресловутое «шишковидное тело» Декарта), находящейся в иных отношениях с платоническим математическим миром, чем остальной мозг, и потому способной воспринимать данные второго рода. Однако стоит учесть, что английский язык не был для Гёделя родным, и он ещё в начале шестидесятых годов жаловался, что недостаточно им владеет. Заподозрив некую погрешность перевода, я обратился с этим вопросом к Верене Губер-Дайсон, которая встречалась с Гёделем в Принстоне (хотя и не говорила с ним конкретно на эту тему). Верена Губер-Дайсон — специалист по логике, немецкий язык для неё родной, и она подтвердила мои подозрения, что в немецком языке слово «орган» может означать способность или возможность. Таким образом, правильное истолкование пункта 2в, вероятно, состоит в том, что названной способностью обладает мозг как целое, а не какая-то отдельная его часть.

В периоде 1953 по 1959 год Гёдель усиленно работал над статьёй, в которой он «пытается доказать, что математика — не синтаксис языка, и ратует за некую форму платонизма», и что в 1959

году он приступил к изучению работ Э. Гуссерля (1859—1938), которым продолжал заниматься до конца жизни. Значение Гуссерля для метафизической программы Гёделя Хао Ван суммирует так: «Чтобы выполнить свою программу [найти точную теорию метафизики, построенную на Лейбницевой монадологии. — Н.С.], Гёдель должен был принять в расчёт Кантову критику Лейбница. В методе Гуссерля он видел путь к преодолению возражений Канта».

Гуссерль славится своей неудобочитаемостью (мне, во всяком случае, в жизни не доводилось читать ничего труднее), но через его тексты немного легче продраться, если считать процесс своего рода детективным расследованием, попыткой выяснить, что именно на этих страницах Гёдель счёл полезным для решения своих метафизических задач. Область поисков, по счастью, немного сужается словами Гёделя о том, что в трудах Гуссерля особенно важны «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» и «Картезианские размышления».

Даже в этой суженной области искать существенное в нашем контексте — занятие почти безнадёжное. Примечательно, впрочем, что в пятом и последнем из картезианских размышлений

Гуссерль заводит речь о монадах и вспоминает Лейбница. Как именно он к этому пришёл и что хочет сказать, не понять, если не погрузиться в Гуссерля с головой. Однако бритва Оккама подсказывает, что именно здесь таится ключ к упомянутой детективной загадке.

Гуссерль закончил «Картезианские размышления» примерно в 1933 году, а Гёдель опубликовал последнюю работу в 1974-м, за четыре года до смерти. Естественно, возникает вопрос: что происходило в этой области на протяжении следующих тридцати лет? Поскольку я писал роман, а не проводил серьёзное философское исследование, не стану утверждать, будто досконально проштудировал всю доступную литературу. Однако труды Эдварда Н. Залты из Стэнфордского университета и его соавторов представляют собой серьёзное метафизическое исследование, затрагивающее многие из упомянутых тем. Залта и его коллеги — практикующие философы и могут развивать и совершенствовать идеи, о которых я лишь читаю как об исторических памятниках. Статьи, автором и соавтором которых выступает Залта, посвящены в основном Платону, Лейбницевой теории концепций, феноменологии Гуссерля и математическому платонизму Гёделя,

так что когда Стивен Хорст указал мне на Залту, я, признаюсь, испытал безграничный восторг землепроходца, перед которым открылись новые горизонты. Это довольно большой корпус статей, и я не стану их пересказывать, а привлеку внимание читателя к двум важным вопросам.

Вычислительная метафизика. Залта твёрдо верит в формализацию философии, то есть в то, что философские утверждения можно перевести в символы формальной логики. Когда это сделано, можно сравнивать идеи разных философов, как физик сравнивает две разные теории, записывая их в виде уравнений и проверяя, противоречат ли они друг другу или сводятся к одному тому же. Залта использует для решения таких задач компьютерную программу — «систему автоматических рассуждений» PROVER9. Это очень напоминает Лейбницев замысел универсальной символической логики. Кстати, вычислительная метафизика подсказала идею музыки, упоминаемой в «Анафеме». В частности, живущие на деревьях, одетые в набедренники фраа, которые появляются на актале инбраса в Тредегаре, выполняют — хоть и очень медленно — вычисления в духе PROVER9. Они пытаются решить важную метафизическую проблему, что требует очень

долгого времени, поскольку у них нет компьютеров.

Дэвид Льюис и множественность миров. Залта много занимался формами утверждений, что заставило его обратиться к трудам покойного философа Дэвида Льюиса. Льюис написал книгу «О множественности миров» — название покажется знакомым читателям «Анафема», поскольку так же звался мессал, в котором участвовал фраа Эразмас. В ней Льюис закладывает основы модального реализма, метафизики, которая (если очень грубо её обобщить) утверждает, что все возможные миры существуют и не менее реальны, чем наш. Значение модального реализма для «Анафема» очевидно. Дэвид Дойч упоминает труды Льюиса в своих работах о многомировой интерпретации квантовой механики.

Стоит упомянуть, что на работы Дойча и Залты я наткнулся, занимаясь совершенно разными линиями исследования. К первому меня привёл интерес к физике, ко второму — интерес к преемству Платон-Лейбниц-Гуссерль-Гёдель. Когда обнаружилось, что оба они пишут об одном философе, Дэвиде Льюисе, у меня возникло чувство (быть может, ложное), что круг волшебным образом замкнулся.

* * *

«Анафем» может быть воспринят как последовательно — и даже яро — антирелигиозная книга. Я предлагаю менее однозначное толкование. Роман написан исключительно с точки зрения инаков, которые в целом плохо относятся к верующим, главным образом потому, что обращают внимание преимущественно на тех верующих, чьё поведение вызывает сильный страх или брезгливость: жуликов, шутов и шарлатанов, которых на Арбе не меньше, чем на Земле. В романе я пытался намекнуть, что есть и другие верующие, которых мало замечают и о которых редко говорят, потому что они не выставляют свою веру напоказ. Это тоже отражает положение дел на Земле. Если бы я задумывал «Анафем» как антирелигиозную филиппику, я не посвятил бы его своим родителям, которые всю жизнь посещают протестантские церкви в университетских городках, где большинство прихожан верит в эволюцию и вовсе не думает толковать писание буквально.